3 1761 06250958 3

Полное Собраніе сочиненій

И. С. Тургенева

VELUT ARBOR ÆVO

Presented to the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from

the estate of

MISHA ALLEN

Le Docteur J. Chapireau
de l' Université de Paris.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. С. ТУРГЕНЕВА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ за 1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1898.

Типографія А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., № 1.

LIBRARY
AUG 2 0 2003
UNIVERSITY OF TORONTO

ДВА ПРІЯТЕЛЯ.

(повѣсть.)

Весной 184... года, Борисъ Андреичъ Вязовнинъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-шести, пріѣхалъ въ свое родовое помѣстье, лежащее въ одной изъ губерній средней полосы Россіи. Онъ только-что вышелъ въ отставку—„по домашнимъ обстоятельствамъ"—и намѣревался заняться хозяйствомъ. Мысль благая, конечно! но возымѣлъ ее Борисъ Андреичъ, какъ оно, впрочемъ, большею частію бываетъ,—противъ воли. Доходы его уменьшались съ каждымъ годомъ, долги увеличивались: онъ убѣдился въ невозможности продолжать службу, жить въ столицѣ,—словомъ, жить, какъ жилъ до тѣхъ поръ, и рѣшился, скрѣпя сердце, посвятить нѣсколько лѣтъ на исправленіе тѣхъ „домашнихъ обстоятельствъ", по милости которыхъ онъ внезапно очутился въ деревенской глуши.

Вязовнинъ нашелъ свое имѣніе разстроеннымъ, усадьбу запущенной, домъ чуть не въ развалинахъ; смѣнилъ старосту, уменьшилъ оклады дворовыхъ; очистилъ себѣ двѣ-три комнаты и велѣлъ положить новыя тесинки тамъ, гдѣ протекала крыша; впрочемъ, не предпринялъ никакихъ рѣзкихъ мѣръ и не затѣялъ никакихъ усовершенствованій вслѣдствіе той, повидимому, простой мысли,

что должно, по крайней мѣрѣ, узнать сперва то, что желаешь усовершенствовать... Вотъ, онъ и принялся узнавать хозяйство, началъ, какъ говорится, входить въ сущность дѣла. Должно признаться, что входилъ онъ въ сущность дѣла безъ особеннаго рвенія и не торопясь. Съ непривычки онъ скучалъ въ деревнѣ сильно, и часто не могъ придумать, куда и на что употребить цѣлый длинный день. Сосѣдей у него было довольно много, но онъ не знался съ ними, — не потому, чтобы чуждался ихъ, а такъ, какъ-то не приходилось ему съ ними сталкиваться; наконецъ, уже осенью, довелось ему познакомиться съ однимъ изъ самыхъ близкихъ его сосѣдей. Его звали Петромъ Васильичемъ Крупицынымъ. Онъ когда-то служилъ въ кавалеріи и вышелъ въ отставку поручикомъ. Между его мужиками и Вязовнинскими, съ незапамятныхъ временъ, шелъ споръ о двухъ съ половиною десятинахъ сѣнокосной земли. Дѣло нерѣдко доходило до драки; копны сѣна таинственно переѣзжали съ мѣста на мѣсто; происходили разныя непріятности, и, вѣроятно, много еще лѣтъ продолжался бы этотъ споръ, если бъ Крупицынъ, узнавъ стороной о миролюбивыхъ свойствахъ Бориса Андреича, не поѣхалъ къ нему для личнаго объясненія. Объясненіе это имѣло послѣдствія очень пріятныя: во-первыхъ, дѣло прекратилось тотчасъ же и навсегда, къ обоюдному удовольствію владѣльцевъ; а во-вторыхъ, и сами они другъ другу понравились, стали часто видѣться, а къ зимѣ сошлись уже такъ, что почти не разставались.

И, между тѣмъ, общаго между ними было немного. Вязовнинъ, какъ человѣкъ хотя самъ не богатый, но происходившій отъ богатыхъ родителей, получилъ хорошее воспитаніе, учился въ университетѣ, зналъ разные языки, любилъ заниматься чтеніемъ книгъ и, вообще, могъ считаться человѣкомъ образованнымъ. Крупицынъ, напротивъ, говорилъ съ грѣхомъ пополамъ по-французски, безъ особенной нужды книги въ руки не бралъ и скорѣе принадлежалъ къ числу людей необразованныхъ. Наружностью пріятели тоже мало походили другъ на друга:

Вязовнинъ былъ довольно высокаго роста, худъ, бѣлокуръ и смахивалъ на англичанина, держалъ свою особу, особенно руки, въ большой чистотѣ, одѣвался изящно и щеголялъ галстуками... столичныя привычки! Крупицынъ, напротивъ, былъ роста небольшого, сутуловатъ, смуглъ, черноволосъ, и лѣто и зиму ходилъ въ какомъ-то пальто-сакѣ, съ оттопыренными карманами, изъ сукна бронзоваго цвѣта. „Мнѣ этотъ цвѣтъ за то нравится,—говаривалъ Петръ Васильичъ: — что онъ не марокъ". Цвѣтъ сукна дѣйствительно не былъ марокъ, но само сукно порядкомъ позапачкалось. Вязовнинъ любилъ хорошо покушать и охотно говорилъ о томъ, какъ пріятно хорошо кушать и что̀ значитъ имѣть вкусъ; Крупицынъ ѣлъ все, что̀ ни подавали ему, лишь бы только было надъ чѣмъ потрудиться. Попадались ли ему щи съ кашей—онъ съ удовольствіемъ хлебалъ щи и заѣдалъ ихъ кашей; представлялся ли ему нѣмецкій жидкій супъ—онъ съ той же готовностью налегалъ на супъ, а случалась тутъ каша—онъ и кашу туда же валилъ въ тарелку, — и ничего. — Квасъ любилъ онъ, по собственному выраженію, какъ отца родного, а вина французскія, особенно красныя, терпѣть не могъ и называлъ кислятиной. Вообще, Крупицынъ былъ очень далекъ отъ брезгливости, тогда какъ Вязовнинъ мѣнялъ въ день два носовыхъ платка. Словомъ, пріятели, какъ мы уже сказали выше, не походили другъ на друга. Одно въ нихъ было общее: оба они были, что̀ называется, добрые малые, простые ребята. Крупицынъ такимъ родился, а Вязовнинъ сталъ такимъ. Кромѣ того, они оба еще отличались тѣмъ, что ни тотъ, ни другой ничего особеннаго не любилъ, т.-е. не имѣлъ ни къ чему особенной страсти или привязанности. Крупицынъ шестью или восемью годами былъ старше Вязовнина.

Дни ихъ проходили довольно однообразно. Обыкновенно, утромъ, однако не слишкомъ рано, часовъ въ десять,—Борисъ Андреичъ еще сидѣлъ возлѣ окна, въ красивомъ шлафрокѣ нараспашку, причесанный, вымытый и въ бѣлой, какъ снѣгъ, рубашкѣ, съ книжкой и чашкой

чаю;—дверь отворялась, и входилъ Петръ Васильичъ съ обычнымъ своимъ небрежнымъ видомъ. Деревенька его находилась всего въ полуверстѣ отъ Вязовны (такъ называлось имѣніе Бориса Андреича). Притомъ, Петръ Васильичъ очень часто оставался на ночь у Бориса Андреича. „А, здравствуйте! — говорили они оба въ одно время. — Какъ почивали?“ И тутъ же Ѳедюшка (мальчикъ лѣтъ пятнадцати, одѣтый казачкомъ, у котораго даже волосы, стоявшіе дыбомъ, какъ у турухтана весной, на затылкѣ, имѣли видъ заспанный) приносилъ Петру Васильичу его шлафрокъ изъ бухарской матеріи, и Петръ Васильичъ, предварительно крякнувъ, облекался въ свой шлафрокъ и принимался за чай и за трубку. Тутъ начинались разговоры — разговоры неторопливые, съ промежутками и роздыхами: говорили о погодѣ, о вчерашнемъ днѣ, о полевыхъ работахъ и хлѣбныхъ цѣнахъ; говорили также о близлежащихъ помѣщикахъ и помѣщицахъ. Въ первые дни своего знакомства съ Борисомъ Андреичемъ, Петръ Васильичъ почиталъ за долгъ и даже радовался случаю разспрашивать сосѣда о столичной жизни, о наукѣ и образованности вообще — вообще о возвышенныхъ предметахъ; отвѣты Бориса Андреича занимали, часто удивляли его и возбуждали его вниманіе, но въ то же время причиняли ему нѣкоторую усталость, такъ что въ скорости всѣ подобные разговоры прекратились; да и самъ Борисъ Андреичъ, съ своей стороны, не обнаруживалъ излишняго желанія возобновлять ихъ. Случалось впослѣдствіи—и то изрѣдка—что Петръ Васильичъ спроситъ вдругъ Бориса Андреича, напримѣръ, о томъ, что, дескать, за вещь электрическій телеграфъ, и выслушавъ не совсѣмъ ясное толкованіе Бориса Андреича, помолчитъ, скажетъ: „да, это удивительно“, и уже долго потомъ не любопытствуетъ ни о какомъ ученомъ предметѣ. Большею частью разговоры между ними происходили въ родѣ слѣдующаго. Петръ Васильичъ, напримѣръ, наберется дыму изъ трубки и, выпуская его черезъ ноздри, спроситъ:

— А что это у васъ за новая дѣвушка? я на заднемъ крыльцѣ видѣлъ, Борисъ Андреичъ.

Борисъ Андреичъ, въ свою очередь, поднесетъ сигарку ко рту, пыхнетъ раза два и, отхлебнувъ глотокъ холоднаго чаю со сливками, промолвитъ:

— Какая новая дѣвушка?

Петръ Васильичъ нагнется нѣсколько въ бокъ и, глянувъ въ окно на дворъ, гдѣ собака только-что укусила босого мальчика за икру, возразитъ:

— Бѣлокурая такая... недурная.

— А! — воскликнетъ, немного погодя, Борисъ Андреичъ:—это у меня новая прачка.

— Откуда? — спроситъ Петръ Васильичъ, словно удивившись.

— Изъ Москвы. Въ ученьѣ была.

И оба помолчатъ.

— А сколько у васъ всѣхъ прачекъ, Борисъ Андреичъ?— спроситъ опять Петръ Васильичъ, внимательно глядя на вспыхивающій съ сухимъ трескомъ табакъ подъ нагорѣвшею золою въ трубкѣ.

— Три,—отвѣчаетъ Борисъ Андреичъ.

— Три! У меня только одна. И одной-то дѣлать почти нечего. Вѣдь у меня, вы сами знаете, какое мытье!

— Гм!—отвѣчаетъ Борисъ Андреичъ.

И разговоръ прекращается на время.

Въ такихъ занятіяхъ проходило утро и наступало время завтрака. Петръ Васильичъ особенно любилъ завтракъ и утверждалъ, что двѣнадцатый часъ — это есть самое то время, когда хочется человѣку ѣсть; и дѣйствительно: онъ въ этотъ часъ ѣлъ такъ весело, съ такимъ здоровымъ и пріятнымъ аппетитомъ, что, глядя на него, даже нѣмецъ бы порадовался: такъ славно завтракалъ Петръ Васильичъ! Борисъ Андреичъ кушалъ гораздо меньше: съ него достаточно было куриной котлетки, или двухъ яичекъ всмятку съ масломъ и какой-нибудь англійской приправы въ хитро устроенномъ и патентованномъ сосудѣ, за которую платилъ онъ большія деньги и которую втайнѣ находилъ отвратительною, хотя и увѣрялъ, что безъ нея ничего въ ротъ взять не можетъ. Послѣ завтрака и до обѣда, оба пріятеля, если погода была хорошая, ходили

по хозяйству, или такъ, просто, гуляли, смотрѣли, какъ объѣзжались молодыя лошади и т. д. Иногда добирались они до деревни Петра Васильича и изрѣдка заходили въ его домикъ.

Домикъ этотъ, небольшой и ветхій, скорѣе походилъ на простую дворовую лачужку, чѣмъ на жилище помѣщика. По соломенной крышѣ, кругомъ пробуравленной воробьиными и галочными гнѣздами, росъ зеленый мохъ; изъ двухъ осиновыхъ срубовъ, нѣкогда сплоченныхъ и прилаженныхъ, одинъ откинулся назадъ, другой покачнулся вбокъ и вросъ въ землю; словомъ, плохъ былъ домъ Петра Васильича снаружи, плохъ изнутри. Но Петръ Васильичъ не унывалъ: будучи человѣкомъ холостымъ и вообще невзыскательнымъ, онъ мало радѣлъ объ удобствахъ жизни и довольствовался уже тѣмъ, что имѣлъ мѣстечко, гдѣ могъ по нуждѣ укрыться отъ ненастья и холода. Хозяйствомъ его завѣдывала ключница Македонія, женщина среднихъ лѣтъ, очень усердная и даже честная, но съ несчастными руками: ничего у ней не спорилось, посуда билась, бѣлье рвалось, кушанье не доваривалось или пригорало. Петръ Васильичъ называлъ ее Калигулой.

Имѣя врожденную склонность къ хлѣбосольству, Петръ Васильичъ любилъ видѣть у себя гостей и угощать ихъ, несмотря на скудность средствъ своихъ. Особенно старался и хлопоталъ онъ, когда посѣщалъ его Борисъ Андреичъ; но, по милости Македоніи, которая, впрочемъ, чуть не летѣла съ ногъ долой на каждомъ шагу отъ усердія, угощенія бѣднаго Петра Васильича выходили всегда очень неудачны и бо̀льшей частью ограничивались кускомъ зачерствѣлаго балыка и рюмкой водки, о которой онъ отзывался совершенно справедливо, говоря, что она отлична *противъ* желудка. Послѣ прогулки оба пріятеля возвращались въ домъ Бориса Андреича и обѣдали не спѣша. Покушавши такъ, какъ будто завтрака и не было, Петръ Васильичъ отправлялся куда-нибудь въ уединенный уголъ и спалъ часика два-три; Борисъ Андреичъ въ это время читалъ заграничные журналы. Вечеромъ пріятели опять сходились: такая уже между ними завелась дружба! Иногда

они садились играть въ преферансъ, вдвоемъ, иногда просто разговаривали такимъ же образомъ, какъ поутру; случалось, что Петръ Васильичъ бралъ со стѣны гитару и пѣлъ довольно пріятнымъ теноромъ разные романсы. Петръ Васильичъ очень любилъ музыку, гораздо болѣе, чѣмъ Борисъ Андреичъ, который безъ восхищенія не могъ произнести имени Бетховена и все собирался выписать изъ Москвы фортепіано. Въ минуту грусти или унынія Петръ Васильичъ имѣлъ привычку пѣть романсъ, относившійся ко времени его службы въ полку... Съ особеннымъ чувствомъ и нѣсколько въ носъ произносилъ онъ слѣдующіе стихи:

„Кухню намъ французъ не правитъ,
А денщикъ варитъ обѣдъ...
Славный Роде не играетъ,
Каталани не поетъ...
Трубачъ зорю отхватаетъ,
Вахмистръ съ рапортомъ придетъ“.

Борисъ Андреичъ изрѣдка ему подтягивалъ, но голосъ у него былъ непріятный и невѣрный. Часу въ десятомъ, а иногда и раньше, пріятели расходились... и на другой день снова начиналось то же.

Вотъ, однажды, сидя, по обыкновенію, нѣсколько вкось и напротивъ Бориса Андреича, Петръ Васильичъ поглядѣлъ на него довольно пристально и промолвилъ задумчивымъ голосомъ:

— Одному я удивляюсь, Борисъ Андреичъ...

— Чему это?—спросилъ тотъ.

— Вотъ чему. Вы человѣкъ молодой, умный, образованный: что́ вамъ за охота жить въ деревнѣ?

Борисъ Андреичъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на своего сосѣда.

— Вы вѣдь знаете, Петръ Васильичъ, — проговорилъ онъ, наконецъ: — что если бъ не мои обстоятельства... Обстоятельства меня къ этому принуждаютъ, Петръ Васильичъ.

— Обстоятельства? обстоятельства ваши пока еще ничего... Съ вашимъ имѣньемъ можно жить. Опредѣлитесь на службу.

И, помолчавъ немного, Петръ Васильичъ прибавилъ:

— Я на вашемъ мѣстѣ поступилъ бы въ уланы.

— Въ уланы? Почему же именно въ уланы?

— Такъ, мнѣ кажется, вамъ приличнѣе быть въ уланахъ.

— Но позвольте: вы сами служили въ гусарахъ?

— Я? Конечно, въ гусарахъ,—съ живостью заговорилъ Петръ Васильичъ: — и въ какомъ полку! Такого другого полка въ цѣломъ свѣтѣ не найдешь! Золотой былъ полкъ! Начальники, товарищи—что̀ за люди были! Но вамъ... я не знаю... вамъ, по-моему, надо въ уланы. Вы бѣлокуры, талія у васъ тоненькая: все это идетъ.

— Но позвольте, Петръ Васильичъ: вы забываете, что, въ силу военныхъ узаконеній, я долженъ буду начать съ юнкерскаго чина. Въ мои годы это нѣсколько затруднительно. Кажется, даже оно запрещено.

— И то правда,—замѣтилъ Петръ Васильичъ и потупился.—Ну, въ такомъ случаѣ, женитесь,—произнесъ онъ вдругъ, подпявъ голову.

— Какой у васъ, однако, сегодня странный оборотъ мыслей, Петръ Васильичъ!—воскликнулъ Борисъ Андреичъ.

— Почему же странный? Что̀, въ самомъ дѣлѣ, жить такъ-то? Чего дождетесь? Только время упустите. Желаю я знать, какая вамъ оттого будетъ польза, что вы не женитесь?

— Да не въ пользѣ дѣло,—началъ-было Борисъ Андреичъ.

— Нѣтъ, позвольте, — перебилъ его Петръ Васильичъ, неожиданно войдя въ азартъ. — Это мнѣ удивительно, отчего въ нынѣшнее время молодые люди такъ боятся жениться! Я этого просто понять не могу. Вы, Борисъ Андреичъ, не смотрите на меня, что я не женатъ. Я, можетъ-быть, и хотѣлъ, и предлагалъ, да мнѣ вотъ что̀ показали.

И тутъ Петръ Васильичъ поднялъ кверху указательный палецъ правой руки, обративъ его наружной стороной къ Борису Андреичу.

— А съ вашимъ состояніемъ какъ не жениться!

Борисъ Андреичъ внимательно глядѣлъ на Петра Васильича.

— Весело, что ли, холостымъ-то жить? — продолжалъ Петръ Васильичъ.—Эка нѐвидаль! вотъ радость-то!.. Право, меня нынѣшніе молодые люди удивляютъ.

И Петръ Васильичъ съ досадой выколотилъ трубку о ручку креселъ и сильно дунулъ въ чубукъ.

— Да кто вамъ сказалъ, Петръ Васильичъ, что я не намѣренъ жениться?—медленно проговорилъ Борисъ Андреичъ.

Петръ Васильичъ какъ полѣзъ пальцами въ свой вышитый блестками, бархатный, массаковаго цвѣта кисетъ съ табакомъ, такъ и остался недвижимъ. Слова Бориса Андреича его изумили.

— Да,—продолжалъ Борисъ Андреичъ:—я готовъ жениться. Сыщите мнѣ невѣсту, и я женюсь.

— Право?

— Право.

— Нѣтъ, ей-Богу?

— Какой вы, Петръ Васильичъ; ей-Богу, я не шучу.

Петръ Васильичъ набилъ себѣ трубку.

— Ну, смотрите жъ, Борисъ Андреичъ. Невѣста вамъ будетъ.

— Хорошо,—возразилъ Борисъ Андреичъ:—но послушайте, въ сущности, для чего вы хотите женить меня?

— А для того, что вы, какъ посмотрю на васъ, не имѣете способности этакъ ничего не дѣлать.

Борисъ Андреичъ улыбнулся.

— Мнѣ, напротивъ, до сихъ поръ казалось, что я на это мастеръ.

— Вы меня не такъ поняли,—промолвилъ Петръ Васильичъ и перемѣнилъ разговоръ.

Дня два спустя, Петръ Васильичъ явился къ своему сосѣду не въ обыкновенномъ своемъ пальто-сакѣ, а въ сюртукѣ, цвѣта воронова крыла, съ высокой тальею, крошечными пуговицами и длинными рукавами. Усы Петра Васильича казались почти черными отъ фабры, а волосы, круто завитые спереди, въ видѣ двухъ продолговатыхъ колбасокъ, ярко лоснились помадой. Большой бархатный галстукъ, съ атласнымъ бантомъ, туго сжималъ шею Петра

Васильича и придавалъ торжественную неподвижность и праздничную осанку всей верхней части его туловища.

— Что̀ значитъ этотъ туалетъ?—спросилъ Борисъ Андреичъ.

— А то значитъ этотъ туалетъ,—отвѣтилъ Петръ Васильичъ, опускаясь на кресла не съ обычной своей развязностью:—что велите заложить коляску. Мы ѣдемъ.

— Куда это?

— Къ невѣстѣ.

— Къ какой невѣстѣ?

— А вы уже забыли, о чемъ мы четвертаго дня разговаривали съ вами?

Борисъ Андреичъ засмѣялся, а самъ смутился въ душѣ.

— Помилуйте, Петръ Васильичъ, да вѣдь это была одна шутка.

— Шутка? Какъ же вы божились тогда, что не шутите? Нѣтъ, ужъ извините, Борисъ Андреичъ, а вы должны сдержать свое слово. Я ужъ принялъ надлежащія мѣры.

Борисъ Андреичъ еще болѣе смутился.

— Какія, однако, то-есть, мѣры?—спросилъ онъ.

— О, не безпокойтесь... Что̀ вы думаете! Я только предварилъ одну нашу сосѣдку, прелюбезную особу, что мы съ вами сегодня намѣрены посѣтить ее.

— Кто эта сосѣдка?

— Узнаете — погодите. Вотъ, вы сперва одѣньтесь, да велите лошадей заложить.

Борисъ Андреичъ съ нерѣшительностью поглядѣлъ кругомъ.

— Право, Петръ Васильичъ, что вамъ за охота... посмотрите, какая погода.

— Ничего погода: она всегда такая бываетъ.

— И далеко ѣхать?

— Верстъ пятнадцать.

Борисъ Андреичъ молчалъ.

— Да хоть позавтракаемте сперва!

— Позавтракать — ничего, можно. Знаете что, Борисъ Андреичъ: подите, одѣньтесь теперь, а я безъ васъ рас-

поряжусь: водочки, икры кусокъ—это не долго, а у вдовушки насъ покормятъ—объ этомъ безпокоиться нечего.

— Развѣ она вдова?—спросилъ, обернувшись, Борисъ Андреичъ, который уже подходилъ къ дверямъ кабинета.

Петръ Васильичъ закачалъ головой.

— Вотъ увидите, увидите.

Борисъ Андреичъ ушелъ и заперъ за собою дверь, а Петръ Васильичъ, оставшись одинъ, распорядился и насчетъ коляски, и насчетъ завтрака.

Борисъ Андреичъ одѣвался довольно долго. Петръ Васильичъ выпивалъ уже, слегка наморщившись и принявъ грустный видъ, вторую рюмку водки, когда Борисъ Андреичъ предсталъ на порогѣ кабинета. Онъ позаботился о своемъ туалетѣ. На немъ былъ щегольски сшитый просторный черный сюртукъ, пріятно отдѣлявшійся своей матовой массой отъ томнаго блеска свѣтло-сѣрыхъ брюкъ, черный низенькій галстукъ и красивый темно-синій жилетъ; золотая цѣпочка, прицѣплепная крючкомъ къ послѣдней петелькѣ, скромно терялась въ боковомъ карманѣ; тонкіе сапоги благородно скрипѣли, и вмѣстѣ съ появленіемъ Бориса Андреича разлился въ воздухѣ запахъ ess'bouquet'a въ соединеніи съ запахомъ свѣжаго бѣлья. Петръ Васильичъ только и могъ произнести, что „а!“ и тотчасъ взялся за шапку.

Борисъ Андреичъ натянулъ на лѣвую руку лайковую сѣрую перчатку, предварительно подышавъ въ нее; потомъ тою же рукою нервически налилъ себѣ четверть рюмки водки и выпилъ; наконецъ, взялъ шляпу и вышелъ вмѣстѣ съ Петромъ Васильичемъ въ переднюю.

— Я это только для васъ дѣлаю, — сказалъ Борисъ Андреичъ, садясь въ коляску.

— Положимъ, что для меня, — сказалъ Петръ Васильичъ, на котораго, видимо, подѣйствовалъ изящный видъ Бориса Андреича:—а, можетъ-быть, вы сами будете меня благодарить.

И онъ сказалъ кучеру, какъ и куда ѣхать. Коляска покатилась.

— Мы ѣдемъ къ Софьѣ Кирилловнѣ Заднѣпров-

ской, — промолвилъ Петръ Васильичъ, послѣ довольно продолжительнаго промежутка, въ теченіе котораго оба пріятеля сидѣли неподвижно, словно каменные.—Слыхали ли вы про нее?

— Кажется, слыхалъ,—отвѣчалъ Борисъ Андреичъ.— Что же, вы ее-то мнѣ въ невѣсты прочите?

— А почему же бы и нѣтъ? Она женщина отличнаго ума, съ состояньемъ, съ манерами, можно сказать, столичными. Впрочемъ, поглядите... вѣдь это васъ ни къ чему не обязываетъ.

— Еще бы!—возразилъ Борисъ Андреичъ.—А сколько ей лѣтъ?

— Лѣтъ двадцать-пять, или двадцать-семь,—никакъ не болѣе. Въ самомъ, какъ говорится, соку!

До имѣнія госпожи Заднѣпровской было не пятнадцать, а добрыхъ двадцать-пять вертъ, такъ что Борисъ Андреичъ порядкомъ продрогъ подъ конецъ и все пряталъ свой покраснѣвшій носикъ въ бобровый воротникъ шинели. Петръ Васильичъ не боялся холода вообще—и, въ особенности, когда былъ одѣтъ по-праздничному. Тогда онъ скорѣе подвергался испаринѣ. Усадьба госпожи Заднѣпровской состояла изъ новенькаго бѣлаго домика, съ зеленой крышей, въ видѣ дачи, въ городскомъ вкусѣ, съ небольшимъ садикомъ и дворомъ. Подъ Москвою часто можно встрѣтить подобныя дачи; въ провинціи онѣ попадаются рѣже. Видно было, что госпожа Заднѣпровская поселилась тутъ недавно. Пріятели вышли изъ коляски. На крыльцѣ встрѣтилъ ихъ лакей, въ гороховыхъ панталонахъ и сѣромъ, кругломъ фракѣ, съ гербовыми пуговицами; въ передней, довольно опрятной, но съ коникомъ, встрѣтилъ ихъ другой, такой же лакей. Петръ Васильичъ велѣлъ доложить барынѣ о себѣ и о Борисѣ Андреичѣ. Лакей не пошелъ къ барынѣ, а отвѣчалъ, что приказано просить.

Гости отправились, и черезъ столовую, въ которой оглушительно трещала канарейка, вошли въ гостиную, съ модной мебелью изъ русскаго магазина, очень ухищренной и изогнутой, подъ предлогомъ доставленія удобства сидящимъ, а въ сущности очень неудобной. Не

прошло двухъ минутъ, какъ послышался въ сосѣдней комнатѣ шелестъ шелковаго платья; портьерка приподнялась, и проворными шагами вошла въ гостиную хозяйка. Петръ Васильичъ расшаркался и подвелъ къ ней Бориса Андреича.

— Очень рада съ вами познакомиться и давно этого желала,—развязно проговорила хозяйка, быстро окинувъ его взоромъ: — я очень благодарна Петру Васильичу за доставленіе такого пріятнаго знакомства. Прошу садиться.

И хозяйка сѣла, прошумѣвъ платьемъ, на низкій диванчикъ, прислонилась къ спинкѣ, протянула ноги, обутыя въ очень миленькія ботинки, и скрестила руки. Платье на ней было зеленое, съ бѣловатыми переливами, глассе, съ воланами въ нѣсколько рядовъ.

Борисъ Андреичъ сѣлъ на кресла противъ нея. Петръ Васильичъ—немного поодаль. Разговоръ начался. Борисъ Андреичъ внимательно разсматривалъ Софью Кирилловну. Это была женщина стройная, высокая, съ тонкой таліей, смуглая и довольно красивая. Выраженіе ея лица и особенно глазъ, большихъ и блестящихъ, съ приподнятыми углами, какъ у китайцевъ, являло странную смѣсь смѣлости и робости, и никакъ не могло назваться естественнымъ. Она то щурила свои глаза, то внезапно ихъ раскрывала; а на губахъ у ней постоянно играла улыбка, желавшая казаться равнодушной. Всѣ движенія Софьи Кирилловны были очень свободны, почти рѣзки. Впрочемъ, наружность ея понравилась Борису Андреичу; только непріятно подѣйствовалъ на него косой проборъ волосъ, придававшій ея чертамъ лихой и мальчишескій видъ; сверхъ того, она, по его мнѣнію, слишкомъ чисто и правильно выражалась по-русски... Борисъ Андреичъ раздѣлялъ мнѣніе Пушкина, что—

Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки

нельзя любить русской рѣчи. Словомъ, Софья Кирилловна принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыхъ любезники величаютъ ловкими дамами, мужья—боевыми особами, а старые холостяки—разбитными бабенками.

Сперва разговоръ зашелъ о томъ, что очень скучно жить въ деревнѣ.

— Здѣсь, просто, нѣтъ живой души, просто не съ кѣмъ словомъ перекинуться,—говорила Софья Кирилловна, особенно отчетливо произнося букву *с*.—Я не могу понять, что̀ за люди здѣсь живутъ. А тѣ, — прибавила она съ ужимкой:—съ которыми было бы пріятно познакомиться,— тѣ не ѣздятъ, оставляютъ насъ, бѣдныхъ, въ нашемъ невеселомъ одиночествѣ.

Борисъ Андреичъ слегка наклонился впередъ и пробормоталъ какое-то неловкое извиненіе, а Петръ Васильичъ только глянулъ на него, какъ бы желая сказать: „ну, что, я вамъ говорилъ? Кажется, эта за словомъ въ карманъ не полѣзетъ“.

— Вы курите?—спросила Софья Кирилловна.

— Курю... но...

— Сдѣлайте одолженіе... я сама курю.

И сказавъ эти слова, вдова взяла со столика довольно большую серебряную сигарочницу, достала изъ нея папироску и предложила гостямъ. Оба гостя взяли по папироскѣ. Софья Кирилловна позвонила и велѣла вошедшему мальчику, съ краснымъ жилетомъ во всю грудь, подать огня. Мальчикъ принесъ восковую свѣчу на хрустальномъ подносѣ. Папироски задымились.

— Вѣдь вотъ, напримѣръ, вы не повѣрите, — продолжала вдова, слегка закинувъ голову и пуская дымъ тонкой струею кверху:—здѣсь есть люди, которые находятъ, что дамамъ не слѣдуетъ курить. А ужъ верхомъ ѣздить— сохрани Боже! просто каменьями побьютъ.—Да,—прибавила она послѣ небольшого молчанія:—все, что выходитъ изъ-подъ общаго уровня, все, что нарушаетъ законы какого-то выдуманнаго приличія, подвергается здѣсь строжайшему осужденію.

— Особенно барыни на этотъ счетъ сердиты, — замѣтилъ Петръ Васильичъ.

— Да,—возразила вдова:—бѣда попасть къ нимъ на зубокъ! Впрочемъ, я съ ними не знаюсь вовсе: сплетни ихъ не проникаютъ въ мое пустынное убѣжище.

— И вамъ не скучно?—спросилъ Борисъ Андреичъ.

— Скучно? Нѣтъ. Я читаю... А когда книги мнѣ надоѣдаютъ, мечтаю; гадаю о будущемъ, задаю вопросы своей судьбѣ.

— Будто вы гадаете?—спросилъ Петръ Васильичъ.

Вдова снисходительно улыбнулась.

— Почему же и не гадать? Я уже довольно стара для этого.

— О, что́ вы-съ?—возразилъ Петръ Васильичъ.

Софья Кирилловна, прищурившись, посмотрѣла на него.

— Впрочемъ, бросимте этотъ разговоръ, — промолвила она и съ живостью обратилась къ Борису Андреичу:— послушайте, мсьё Вязовнинъ, я увѣрена, что вы интересуетесь русской литературой?

— Да... конечно, я...

Вязовнинъ любилъ читать, но собственно по-русски читалъ неохотно и мало. Особенно новѣйшая словесность была ему незнакома: онъ остановился на Пушкинѣ.

— Скажите, пожалуйста, отчего Марлинскій въ послѣднее время впалъ въ такую немилость? Это, по-моему, въ высшей степени несправедливо. Вы какого о немъ мнѣнія?

— Марлинскій—писатель съ достоинствами, конечно,— возразилъ Борисъ Андреичъ.

— Онъ поэтъ; онъ уноситъ воображеніе въ міръ... въ какой-то очаровательный, чудесный міръ; а въ нынѣшнее время стали описывать ежедневное. Ну, помилуйте, что хорошаго въ этой ежедневной жизни, здѣсь, на землѣ...

И Софья Кирилловна провела рукой вокругъ себя.

Борисъ Андреичъ значительно посмотрѣлъ на Софью Кирилловну.

— Я не согласенъ съ вами. Я нахожу много хорошаго и здѣсь,—сказалъ онъ, съ особеннымъ удареніемъ на послѣднемъ словѣ.

Софья Кирилловна внезапно засмѣялась какимъ-то рѣзкимъ смѣхомъ, а Петръ Васильичъ такъ же внезапно поднялъ голову, подумалъ и опять принялся курить. Разговоръ продолжался въ томъ же родѣ, какъ начался, до

самаго обѣда, безпрестанно переходя отъ одного предмета къ другому, чего не случается, когда разговоръ становится дѣйствительно занимательнымъ. Между прочимъ, рѣчь зашла о бракѣ, о его выгодахъ и невыгодахъ, и о положеніи женщинъ вообще. Софья Кирилловна сильно возставала противъ брака, пришла, наконецъ, въ волненіе и, почувствовавъ жаръ, выражалась очень краснорѣчиво, хотя собесѣдники ея ей почти не противорѣчили: она не даромъ любила Марлинскаго. Она также умѣла кстати прибѣгнуть къ украшеніямъ новѣйшаго слога. Слова: артистическій, художественность, обусловливать, такъ и сыпались изъ ея устъ.

— Что можетъ быть для женщины дороже свободы— свободы мыслей, чувствъ, поступковъ! — воскликнула она наконецъ.

— Да позвольте,—перебилъ ее Петръ Васильичъ, лицо котораго понемногу начинало принимать выраженіе недовольное: — на что женщинѣ свобода? что она съ нею сдѣлаетъ?

— Какъ, что? А мужчинѣ она, по-вашему, нужна? То-то и есть: вы, господа...

— Да и мужчинѣ она не нужна, — перебилъ ее опять Петръ Васильичъ.

— Какъ, не нужна?

— Да такъ же, не нужна. На что она, эта хваленая свобода, человѣку? Человѣкъ свободный—это дѣло извѣстное—либо скучаетъ, либо дурачится.

— Стало-быть, — замѣтила Софья Кирилловна съ иронической усмѣшкой:—вы скучаете, потому что, зная васъ за человѣка благоразумнаго, я не могу предполагать, чтобы вы дурачились, какъ вы говорите.

— Случается и то, и другое, — спокойно промолвилъ Петръ Васильичъ.

— Вотъ это мило! Впрочемъ, я должна быть благодарна вашей скукѣ за то, что имѣю удовольствіе видѣть васъ сегодня у себя...

И довольная ловкимъ оборотомъ своей фразы, хозяйка слегка закинулась назадъ и произнесла вполголоса:

— Вашъ пріятель, я вижу, любитъ парадоксы, mr. Вязовнинъ.

— Я этого не замѣтилъ,—возразилъ Борисъ Андреичъ.

— Что я люблю?—спросилъ Петръ Васильичъ.

— Парадоксы.

Петръ Васильичъ посмотрѣлъ въ глаза Софьѣ Кирилловнѣ и ничего не отвѣтилъ ей, а только подумалъ про себя: „Я такъ знаю, что ты любишь“...

Мальчикъ съ краснымъ жилетомъ вошелъ и доложилъ, что обѣдъ готовъ.

— Милости просимъ,—сказала хозяйка, поднимаясь съ дивана.

И всѣ перешли въ столовую.

Обѣдъ не понравился гостямъ. Петръ Васильичъ всталъ изъ-за стола голодный, хотя блюдъ было много; а Борисъ Андреичъ, какъ гастрономъ, остался недоволенъ, хоть кушанья приносились подъ жестяными колпаками и тарелки подавались грѣтыя. Вина тоже оказались плохими, несмотря на великолѣпные, золотомъ и серебромъ украшенные ярлыки на бутылкахъ. Софья Кирилловна не переставала разговаривать,—только по временамъ бросала выразительные взоры на подававшихъ людей, и винцо она попивала порядкомъ, при чемъ замѣчала, что въ Англіи всѣ дамы употребляютъ вино, а здѣсь и это считается неприличнымъ. Послѣ обѣда хозяйка пригласила Бориса Андреича и Петра Васильича обратно въ гостиную и спросила у нихъ, что они предпочитаютъ—кофе или желтый чай. Борисъ Андреичъ пожелалъ чаю и, выпивъ свою чашку, внутренно сожалѣлъ о томъ, что не попросилъ кофе; а Петръ Васильичъ пожелалъ кофе и, выпивъ свою чашку, спросилъ чаю, отвѣдалъ и поставилъ чашку обратно на подносъ. Хозяйка усѣлась, закурила папироску и, повидимому, не прочь была затѣять самую оживленную бесѣду: глаза у ней разгорѣлись и смуглыя щеки покраснѣли. Но гости отвѣчали вяло на ея бойкія рѣчи, занимались больше курепіемъ и, судя по взорамъ ихъ, внезапно устремленнымъ въ углы комнаты, думали объ отъѣздѣ. Впрочемъ, Борисъ Андреичъ, вѣроятно, согласился

бы остаться до вечера: онъ уже вступилъ-было въ преніе съ Софьей Кирилловной по поводу кокетливаго ея вопроса: не удивляется ли онъ тому, что она живетъ одна, безъ компаньонки? но Петръ Васильичъ явно торопился домой. Онъ всталъ, вышелъ въ переднюю и приказалъ заложить лошадей. Когда же, наконецъ, оба пріятеля стали прощаться, а хозяйка начала ихъ удерживать и любезно выговаривать имъ, что они такъ мало посидѣли у ней, то Борисъ Андреичъ нерѣшительнымъ наклоненіемъ своего стана и осклабленнымъ выраженіемъ лица показывалъ, по крайней мѣрѣ, что упреки ея на него дѣйствуютъ; но Петръ Васильичъ, напротивъ, то и дѣло бормоталъ: „никакъ нельзя-съ, пора ѣхать-съ, дѣла-съ, теперь мѣсячно“, и упорно пятился назадъ, къ двери. Софья Кирилловна взяла съ нихъ, однако, слово, что они на-дняхъ опять посѣтятъ ее, и сама протянула имъ руку для англійскаго shake-hands. Борисъ Андреичъ одинъ воспользовался ея предложеніемъ и довольно-таки крѣпко пожалъ ея пальцы. Она прищурилась и улыбнулась. Въ это мгновенье Петръ Васильичъ уже надѣвалъ въ передней шинель въ рукава.

Коляска не успѣла еще выѣхать изъ деревни, какъ онъ первый нарушилъ молчаніе, воскликнувъ:

— Не то, не то, нѣтъ, не годится, не то!

— Что́ вы хотите сказать? — спросилъ его Борисъ Андреичъ.

— Не то, не то,—повторялъ Петръ Васильичъ, глядя въ сторону и слегка отвернувшись.

— Если вы это говорите про Софью Кирилловну, то я съ вами не согласенъ: она очень милая дама,—съ претензіями, но милая.

— Еще бы! Конечно, если бъ только для того, чтобы, напримѣръ... Но вѣдь я съ какою цѣлью желалъ васъ съ нею познакомить?

Борисъ Андреичъ не отвѣчалъ.

— Ужъ я вамъ говорю, не то! Самъ вижу. Это мнѣ нравится:—говоритъ о себѣ: „я эпикурейка“. Да позвольте: вотъ, у меня на правой сторонѣ двухъ зубовъ недостаетъ—

развѣ я говорю объ этомъ? И безъ моихъ словъ всѣ увидятъ. И, притомъ, какая она хозяйка? чуть съ голоду не уморила. Нѣтъ, по-моему, будь развязная, будь начитанная, коли ужъ такъ тебя повернуло, будь съ бонъ-тономъ, но будь хозяйка прежде всего. Нѣтъ, не то, не то, не того вамъ надо. Этими красными жилетами да колпаками на блюдахъ васъ не удивишь.

— Да развѣ вамъ нужно, чтобъ меня удивили?—спросилъ Борисъ Андреичъ.

— Ужъ я знаю, что́ вамъ нужно,—теперь я знаю.

— Увѣряю васъ, что я благодаренъ вамъ за знакомство съ Софьей Кирилловной.

— Тѣмъ лучше; но она, я повторяю, не то.

Пріятели поздно вернулись домой. Уходя отъ Бориса Андреича, Петръ Васильичъ взялъ его за руку и промолвилъ:

— А я все-таки отъ васъ не отстану, слова я вашего вамъ не возвращаю.

— Помилуйте, я къ вашимъ услугамъ,—возразилъ Борисъ Андреичъ.

— Ну, и прекрасно!

И Петръ Васильичъ удалился.

Цѣлая недѣля прошла опять обыкновеннымъ порядкомъ съ тою, однако, особенностью, что Петръ Васильичъ отлучался куда-то на цѣлый день. Наконецъ, въ одно утро, явился онъ, опять одѣтый по-праздничному и опять предложилъ Борису Андреичу съѣздить съ нимъ въ гости. Борисъ Андреичъ, который, какъ видно, ожидалъ этого приглашенія съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, безпрекословно повиновался.

— Куда вы теперь меня везете?—спросилъ онъ Петра Васильича, сидя съ нимъ рядомъ уже въ саняхъ.

Со времени ихъ поѣздки къ Софьѣ Кирилловнѣ зима успѣла стать.

— Я везу васъ теперь, Борисъ Андреичъ, — отвѣчалъ Петръ Васильичъ съ разстановкой: — въ одинъ очень почтенный домъ — къ Тиходуевымъ. Это препочтенное семейство. Старикъ служилъ полковникомъ и прекрасный

человѣкъ. Жена его—прекрасная дама. У нихъ двѣ дочери, чрезвычайно любезныя особы, воспитаны отлично, и состояніе есть. Не знаю, какая вамъ больше понравится: одна, этакъ, будетъ поживѣе, другая—потише; другая-то, признаться, уже слишкомъ робка. Но обѣ могутъ за себя постоять. Вотъ, вы увидите.

— Хорошо, увижу, — возразилъ Борисъ Андреичъ, и подумалъ про себя: „словно семейство Лариныхъ изъ Онѣгина“.

И, по милости ли этого воспоминанія, по другой ли какой причинѣ, черты его лица приняли на нѣкоторое время видъ разочарованный и скучающій.

— Какъ зовутъ отца?—спросилъ онъ небрежно.

— Его зовутъ Калимонъ Иванычъ, — отвѣтилъ Петръ Васильичъ.

— Калимонъ! что за имя!.. А мать?

— А мать зовутъ Пелагеей Ивановной.

— А дочерей какъ зовутъ?

— Одну тоже Пелагеей, а другую—Эмеренціей.

— Эмеренціей? я такого имени отроду не слыхалъ... и еще Калимоновной.

— Да, имя точно, немножко странное... Но какая зато дѣвица! просто, можно сказать, вся составлена изъ какого-то добродѣтельнаго огня!

— Петръ Васильичъ, помилуйте, какъ вы поэтически выражаетесь! А какая изъ нихъ Эмеренція, — та, что потише?

— Нѣтъ, другая... Да вотъ, вы сами увидите.

— Эмеренція Калимоновна! — воскликнулъ еще разъ Вязовнинъ.

— Мать зоветъ ее Emérance, — вполголоса замѣтилъ Петръ Васильичъ.

— А мужа своего—Calimon?

— Этого не слыхалъ. Да вотъ, погодите.

— Подожду.

До Тиходуевыхъ было тоже верстъ около двадцати пяти, какъ до Софьи Кирилловны; но старинная усадьба ихъ нисколько не походила на щегольской домикъ развязной

вдовы. Это было неуклюжее строеніе, просторное и пространное, какая-то масса темнаго тесу, съ темными стеклами въ окнахъ. По бокамъ стояли въ два ряда высокія березы: изъ-за крыши виднѣлись бурыя вершины огромныхъ липъ — весь домъ словно оброс кругомъ; лѣтомъ растительность эта, вѣроятно, оживляла видъ усадьбы, зимой она придавала ей еще больше унынія. Впечатлѣніе, производимое внутренностью дома, тоже не могло назваться веселымъ: все въ немъ было мрачно и тускло, все казалось старѣе, чѣмъ оно было въ самомъ дѣлѣ. Пріятели велѣли доложить о себѣ; ихъ провели въ гостиную. Хозяева встали имъ навстрѣчу, но долгое время могли привѣтствовать ихъ только знаками и тѣлодвиженіями, на которые гости, съ своей стороны, отвѣчали одними улыбками и поклонами: такой ужасный лай подняли четыре бѣлыя шавки, соскочившія, при появленіи чужихъ лицъ, съ шитыхъ подушекъ, на которыхъ лежали. Кое-какъ, хлопаньемъ по воздуху носовыми платками и другими средствами, успокоили разъярившихся собаченокъ, а одну изъ нихъ, самую старую и самую злую, вошедшая дѣвка вынуждена была вытащить изъ-подъ скамейки и унести въ спальню, при чемъ потерпѣла укушеніе въ правую руку.

Петръ Васильичъ воспользовался возстановившеюся тишиной и представилъ Бориса Андреича хозяевамъ. Хозяева объявили въ одинъ голосъ, что очень рады новому знакомству; потомъ Калимонъ Иванычъ представилъ Борису Андреичу своихъ дочерей, называя ихъ Полинькой и Эминькой. Въ гостиной находились еще двѣ женскія личности, уже не молодыя: одна—въ чепцѣ, другая—въ темномъ платочкѣ; но Калимонъ Иванычъ не почелъ нужнымъ познакомить съ ними Бориса Андреича.

Калимонъ Иванычъ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти-пяти, высокій, плотный, сѣдой; лицо его не выражало ничего особеннаго: черты тяжелыя, простыя, съ отпечаткомъ равнодушія, доброты и лѣни. Жена его, маленькая, худая, съ изношеннымъ личикомъ, съ накладкой красноватыхъ волосъ подъ высокимъ чепцомъ, казалась въ

вѣчной тревогѣ; въ ней замѣчались слѣды давно прошедшаго жеманства. Изъ дочерей, одна, Пелагея, черноволосая и смуглая, глядѣла исподлобья и дичилась; другая, напротивъ, Эмеренція, бѣлокурая, полная, съ круглыми красными щеками, съ маленькимъ, съеженнымъ ротикомъ, вздернутымъ носикомъ и сладкими глазками, такъ и выдавалась впередъ; видно было, что обязанность занимать гостей лежала на ея отвѣтственности и нисколько ее не тяготила. На обѣихъ сестрахъ были бѣлыя платья, съ вздымавшимися отъ малѣйшаго движенія голубыми лентами. Голубое шло къ Эмеренціи, но не шло къ Полинькѣ... да врядъ что-нибудь могло идти къ ней, хотя ее нельзя было назвать некрасивой. Гости усѣлись; хозяева предложили имъ обычные вопросы, произносимые съ тѣмъ приторнымъ и натянутымъ выраженіемъ лица, которое является у самыхъ порядочныхъ людей въ первыя мгновенія разговора съ новымъ знакомымъ; гости возражали такимъ же образомъ. Все это производило довольно тягостное впечатлѣніе. Калимонъ Иванычъ, не будучи очень находчивъ отъ природы, спросилъ Бориса Андреича: „давно ли онъ поселился въ нашихъ краяхъ“; а Борисъ Андреичъ только-что успѣлъ отвѣтить Пелагеѣ Ивановнѣ на этотъ же самый вопросъ. Пелагея Ивановна очень нѣжнымъ голосомъ—голосомъ, который всегда употребляется при гостяхъ въ день ихъ перваго посѣщенія,—упрекнула своего мужа въ разсѣянности; Калимонъ Иванычъ немного смутился и громко высморкался въ клѣтчатый носовой платокъ. Звукъ этотъ взволновалъ одну шавку, и она залаяла; но Эмеренція тотчасъ нашлась и, приласкавъ ее, успокоила. Та же самая дѣвица сумѣла оказать другую услугу своимъ нѣсколько уже потерявшимся родителямъ: она оживила разговоръ, скромно, но съ твердостью подсѣвъ къ Борису Андреичу и предложивъ ему, въ свою очередь, съ самымъ умиленнымъ видомъ, вопросы, хотя незначительные, но пріятные и способные вызвать веселые отвѣты. Дѣло скоро пошло на ладъ; завязалось общее преніе, въ которомъ одна Полинька не принимала участія. Она съ упорствомъ гля-

дѣла на полъ, между тѣмъ какъ Эмеренція даже смѣялась, граціозно приподнявъ одну руку, и въ то же время такъ держалась, какъ будто хотѣла сказать: „смотрите, смотрите, какъ я благовоспитанна и любезна, и сколько во мнѣ милой игривости и расположенія ко всѣмъ людямъ!“ Казалось, она и пришепётывала оттого, что уже очень была добра. Она смѣялась, придавая смѣху своему сладостную растянутость, хотя Борисъ Андреичъ сначала не произносилъ ничего особенно смѣшного; она смѣялась потомъ еще болѣе, когда Борисъ Андреичъ, поощренный успѣхомъ словъ своихъ, началъ дѣйствительно острить и злословить... Петръ Васильичъ тоже смѣялся. Вязовнинъ замѣтилъ, между прочимъ, что онъ страстно любитъ музыку.

— А я какъ люблю музыку, такъ это просто ужасъ!— воскликнула Эмеренція.

— Вы не только ее любите — вы сами превосходная музыкантша,—замѣтилъ Петръ Васильичъ.

— Неужели?—спросилъ Борисъ Андреичъ.

— Да,—продолжалъ Петръ Васильичъ:—и Эмеренція Калимоновна, и Пелагея Калимоновна, обѣ поютъ и на фортепіано играютъ отлично, особенно Эмеренція Калимоновна.

Услышавъ свое имя, Полинька вспыхнула и чуть не вскочила съ мѣста, а Эмеренція скромно потупила глаза.

— Ахъ, mesdemoiselles,—заговорилъ Борисъ Андреичъ:— неужели вы не будете такъ добры... не сдѣлаете мнѣ удовольствія...

— Я право... не знаю... — прошептала Эмеренція — и, бросивъ украдкой взглядъ на Петра Васильича,—прибавила съ упрекомъ:—ахъ, какіе вы!

Но Петръ Васильичъ, какъ человѣкъ положительный, тотчасъ обратился къ самой хозяйкѣ.

— Пелагея Ивановна,—сказалъ онъ:—прикажите вашимъ дочерямъ сыграть намъ что-нибудь или спѣть.

— Я не знаю, въ голосѣ ли онѣ сегодня,—возразила Пелагея Ивановна:—но можно попробовать.

— Да, попробуйте, попробуйте,—промолвилъ отецъ.

— Ахъ, maman, да какъ можно...

— Эмерансъ, канъ-же-ву-ди...—проговорила вполголоса, но очень серьезно, Пелагея Ивановна.

У ней была привычка, общая многимъ матерямъ, отдавать приказы или дѣлать наставленія своимъ дѣтямъ при другихъ людяхъ на французскомъ діалектѣ, хотя бы тѣ люди и понимали по-французски. И это было тѣмъ болѣе странно, что сама она довольно плохо знала этотъ языкъ и произносила дурно.

Эмеренція встала.

— Что же мы будемъ пѣть, maman?—спросила она съ покорностью.

— Вашъ дуэтъ; онъ премиленькій. У моихъ дочерей,—продолжала Пелагея Ивановна, обращаясь къ Борису Андреичу,—разные голоса: у Эмеренціи дишкантъ...

— Сопрано, вы хотите сказать?

— Да, да, сомпрано. А у Полиньки контро-альтъ.

— А! контръ-альтъ! это очень пріятно.

— Я не могу сегодня пѣть,—промолвила Полинька съ усиліемъ:—я охрипла.

Голосъ ея, дѣйствительно, походилъ больше на басъ, чѣмъ на контръ-альтъ.

— А! ну, въ такомъ случаѣ, Эмерансъ, спой намъ свою арію, ты знаешь, итальянскую, фаворитную; а Полинька тебѣ будетъ аккомпанировать.

— Ту арію, гдѣ ты горошкомъ, горошкомъ,—подтвердилъ отецъ.

— Бравурную,—объяснила мать.

Обѣ дѣвицы подошли къ фортепіано. Полинька подняла крышку, положила тетрадку рукописныхъ нотъ на пюпитръ и сѣла, а Эмеренція стала подлѣ нея, едва замѣтно, но мило рисуясь подъ устремленными взорами Бориса Андреича и Петра Васильича, и по временамъ поднося платокъ къ губамъ. Наконецъ, она запѣла, какъ большею частью поютъ барышни — визгливо и не безъ завываній. Слова она произносила невнятно, но по инымъ носовымъ звукамъ можно было догадаться, что она поетъ по-итальянски. Подъ конецъ она дѣйствительно разсыпа-

лась горошкомъ, къ большому удовольствію Калимона Иваныча — онъ слегка приподнялся въ креслахъ и воскликнулъ: „хорошенько его!“ — но послѣднюю трель она пустила ранѣе, чѣмъ бы слѣдовало, такъ что сестра ея нѣсколько тактовъ сыграла уже одна. Это, однакоже, не помѣшало Борису Андреичу изъявить свое удовольствіе и сказать Эмеренціи комплиментъ; а Петръ Васильичъ, повторивъ раза два: „очень, очень хорошо“, прибавилъ: „нельзя ли теперь намъ чего-нибудь русскаго, Соловья, напримѣръ, или Сарафанчика, или какую-нибудь цыганскую пѣсенку? А то, эти иностранныя штуки, правду сказать, не для нашего брата писаны“.

— И я съ вами согласенъ, — промолвилъ Калимонъ Иванычъ.

— Шанте... ле „Сарафанъ“, — замѣтила вполголоса и съ прежней суровостью мать.

— Нѣтъ, не „Сарафанъ“,—подхватилъ Калимонъ Иванычъ: — а „Мы двѣ цыганки“, или „Скинь-ка шапку, да пониже поклонись“... знаешь?

— Папа, ужъ вы всегда такой! — возразила Эмеренція и спѣла „Скинь-ка шапку“, и довольно порядочно спѣла. Калимонъ Иванычъ подтягивалъ ей и подтопывалъ, а Петръ Васильичъ пришелъ въ совершенный восторгъ.

— Вотъ это другое дѣло! Вотъ это по нашенски! — твердилъ онъ. — Утѣшили, Эмеренція Калимоновна!.. Теперь я вижу, что вы имѣли право назвать себя охотницей и мастерицей! Согласенъ: охотница и мастерица!

— Ахъ, какой вы не скромный!—возразила Эмеренція и хотѣла возвратиться на свое мѣсто.

— Апрезанъ ле „Сарафанъ“,—проговорила мать

Эмеренція спѣла „Сарафанъ“ не съ такимъ успѣхомъ, какъ „Скинь-ка шапку“, но все-таки съ успѣхомъ.

— Теперь бы слѣдовало вамъ сыграть вашу сонату въ четыре руки,—замѣтила Пелагея Ивановна: — но ужъ это лучше до другого разу, а то, я боюсь, мы надоѣдимъ г-ну Вязовнину.

— Помилуйте...—началъ-было Борисъ Андреичъ.

Но Полинька тотчасъ захлопнула фортепіано, а Эме-

ренція объявила, что она устала. Борисъ Андреичъ почелъ за нужное повторить свой комплиментъ.

— Ахъ, m-r Вязовнинъ,—отвѣчала она:—вы, я думаю, слышали не такихъ пѣвицъ; я воображаю, послѣ нихъ, что̀ значитъ мое пѣнье... Конечно, Бомеріусъ, когда онъ проѣзжалъ здѣсь, говорилъ мнѣ... вѣдь вы, я думаю, слыхали про Бомеріуса?

— Нѣтъ; какой это Бомеріусъ?

— Ахъ, помилуйте! отличный скрипачъ, въ парижской консерваторіи воспитывался, удивительный музыкантъ... Онъ говорилъ мнѣ, что „mademoiselle, если бъ съ вашимъ голосомъ, да поучиться у хорошаго учителя, то это было бы просто удивительно“. Просто, всѣ пальчики мнѣ перецѣловалъ... Но гдѣ здѣсь учиться?

И Эмеренція вздохнула.

— Да, конечно...—вѣжливо возразилъ Борисъ Андреичъ: — но съ вашимъ талантомъ... — Онъ замялся и еще вѣжливѣе глянулъ въ сторону.

— Эмерансъ, деманде, пуркуа ке-ле-дине, — проговорила Пелагея Ивановна.

— Oui, maman,—возразила Эмеренція и вышла, пріятно подпрыгнувъ передъ дверью.

Она бы не подпрыгнула, если бъ не было гостей. А Борисъ Андреичъ направился къ Полинькѣ.

„Коли это семейство Лариныхъ,—подумалъ онъ:—такъ ужъ не Татьяна ли она?“

И онъ подошелъ къ Полинькѣ, которая не безъ ужаса слѣдила за его приближеніемъ.

— Вы прелестно аккомпанировали вашей сестрицѣ, — началъ онъ:—прелестно!

Полинька ничего не отвѣчала, только покраснѣла до самыхъ ушей.

— Мнѣ очень жаль, что мнѣ не удалось услышать вашъ дуэтъ... Изъ какой онъ оперы?

Глаза Полиньки безпокойно забѣгали.

Вязовнинъ подождалъ ея отвѣта; отвѣта не было.

— Какую вы больше музыку любите? — спросилъ онъ, погодя немного:—итальянскую или нѣмецкую?

Полинька потупилась.

— Пелажи, репонде-донкъ, — раздался взволнованный шопотъ Пелагеи Ивановны.

— Всякую,—торопливо произнесла Полинька.

— Однако, какъ же всякую? — возразилъ Борисъ Андреичъ. — Это трудно предположить. Напримѣръ, Бетховенъ—геній первой величины, и между тѣмъ, оцѣненъ не всѣми.

— Нѣтъ-съ,—отвѣчала Полинька.

— Искусство безконечно разнообразно, — продолжалъ неугомонный Борисъ Андреичъ.

— Да-съ,—отвѣчала Полинька.

Разговоръ между ними длился не долго.

„Нѣтъ, — думалъ Борисъ Андреичъ, отходя отъ нея:— какая это Татьяна! это просто олицетворенный трепетъ“...

А бѣдная Полинька въ тотъ день, ложась спать, со слезами жаловалась своей горничной, какъ къ ней сегодня гость присталъ съ музыкой, и какъ она не знала, что̀ отвѣчать ему, и какъ она несчастна бываетъ, когда пріѣзжаютъ гости: только маменька потомъ бранится—вотъ и все удовольствіе...

За обѣдомъ Борисъ Андреичъ сидѣлъ между Калимономъ Иванычемъ и Эмеренціей. Обѣдъ былъ русскій, безъ затѣй, но сытный, и Петру Васильичу гораздо болѣе пришелся по вкусу, чѣмъ ухищренныя яства вдовы. Подлѣ него сидѣла Полинька и, побѣдивъ наконецъ свою робость, по крайней мѣрѣ отвѣчала на его вопросы. Зато Эмеренція такъ усердно занимала своего сосѣда, что ему, наконецъ, пришлось не въ мочь. У ней была привычка гнуть голову направо, поднося ко рту кусокъ слѣва— словно она заигрывала съ нимъ; и эта привычка очень не нравилась Борису Андреичу. Не нравилось ему также и то, что она безпрестанно говорила о самой себѣ, съ чувствомъ довѣряя ему самыя мелкія подробности своей жизни;—но, какъ человѣкъ вѣжливый, онъ нисколько не обнаруживалъ ощущеній своихъ, такъ что наблюдавшій за нимъ черезъ столъ Петръ Васильичъ рѣшительно не

могъ отдать себѣ отчета, какого рода впечатлѣніе производила на него Эмеренція.

Послѣ обѣда Калимонъ Иванычъ внезапно погрузился въ задумчивость, или, говоря прямѣе, слегка осовѣлъ; онъ привыкъ спать въ это время, и хотя, замѣтивъ, что гости собираются уѣхать, нѣсколько разъ промолвилъ: „да зачѣмъ же, господа, почему? въ карточки бы?..“ однако, въ душѣ былъ доволенъ, когда увидалъ, наконецъ, что они уже шапки въ руки взяли. Пелагея Ивановна, напротивъ, тутъ-то и оживилась и съ особенной настойчивостью удерживала гостей. Эмеренція усердно помогала ей и всячески старалась уговаривать ихъ остаться; даже Полинька сказала имъ: mais, messieurs... Петръ Васильичъ не отвѣчалъ ни да, ни нѣтъ, и все поглядывалъ на своего товарища; зато Борисъ Андреичъ вѣжливо, но твердо настоялъ на необходимости возвратиться домой. Словомъ, дѣло вышло наоборотъ тому, какъ оно происходило при прощаньи съ Софьей Кирилловной. Давъ слово въ скорости повторить свое посѣщеніе, гости, наконецъ, удалились; привѣтливые взоры Эмеренціи сопровождали ихъ до самой столовой, а Калимонъ Иванычъ вышелъ даже въ переднюю и, посмотрѣвъ, какъ проворный слуга Бориса Андреича закуталъ господъ въ шубы, навязалъ имъ шарфы и натянулъ на ихъ ноги теплые сапоги, вернулся въ свой кабинетъ и немедленно заснулъ, между тѣмъ какъ Полинька, пристыженная своею матерью, ушла къ себѣ наверхъ, а двѣ безмолвныя женскія личности, одна въ чепцѣ, другая въ темномъ платочкѣ, поздравляли Эмеренцію съ новой побѣдой.

Пріятели ѣхали молча. Борисъ Андреичъ улыбался про себя, заслоненный отъ Петра Васильича приподнятымъ воротникомъ енотовой своей шубы, и ждалъ, что-то онъ скажетъ.

— Опять не то!—воскликнулъ Петръ Васильичъ.

Но на этотъ разъ въ голосѣ его замѣчалась какая-то нерѣшительность, и онъ, силясь взглянуть на Бориса Андреича черезъ воротникъ своей шубы, прибавилъ вопросительнымъ голосомъ:

— Вѣдь не правда ли, не то?

— Не то,—со смѣхомъ отвѣчалъ Борисъ Андреичъ.

— Я такъ и думалъ,—возразилъ Петръ Васильичъ и, помолчавъ немного, прибавилъ: — однако, въ сущности, почему же не то? Чего недостаетъ этой дѣвицѣ?

— Ей ничего не недостаетъ. Напротивъ, у ней всего слишкомъ...

— То-есть, какъ это слишкомъ?

— Да такъ!

— Позвольте, Борисъ Андреичъ, я васъ не понимаю. Если вы говорите насчетъ образованности, то развѣ это худо? А что́ касается до характера, до поведенія...

— Эхъ, Петръ Васильичъ, — возразилъ Борисъ Андреичъ:—я вамъ удивляюсь, какъ вы, съ вашимъ яснымъ взглядомъ на вещи, не видите насквозь эту сюсюкающую Эмеренцію! Эта притворная любезность, это постоянное самообожаніе, это скромное убѣжденіе въ собственныхъ достоинствахъ, эта снисходительность ангела, смотрящаго на васъ съ вышины небесъ... да что и говорить! ужъ если на то пошло, и въ случаѣ необходимости, я въ двадцать разъ охотнѣе женился бы на ея сестрѣ: та, по крайней мѣрѣ, умѣетъ молчать!

— Конечно, вы правы, — отвѣтилъ вполголоса бѣдный Петръ Васильичъ.

Внезапная выходка Бориса Андреича его озадачила.

„Нѣтъ,—сказалъ онъ самому себѣ, и сказалъ это въ первый разъ послѣ своего знакомства съ Вязовнинымъ:— этотъ мнѣ не пара... слишкомъ ученъ“.

А Вязовнинъ, съ своей стороны, думалъ, глядя на луну, стоявшую низко надъ бѣлой чертой небосклона: „И это словно изъ Онѣгина...

Кругла, красна лицомъ она...

—но хорошъ мой Ленскій, и хорошъ я, Онѣгинъ!“

— Пошелъ, пошелъ, Ларюшка!—прибавилъ онъ громко.

— Такъ не то? — шутливо спросилъ Борисъ Андреичъ Петра Васильича, вылѣзая, съ помощью лакея, изъ саней и взбираясь на крыльцо своего дома: — а, Петръ Васильичъ?

Но Петръ Васильичъ ничего не отвѣчалъ и отправился ночевать къ себѣ. А Эмеренція на другой день писала своей пріятельницѣ (она вела огромную и дѣятельную переписку): „Вчера у насъ былъ новый гость, сосѣдъ Вязовнинъ. Онъ очень милый и любезный человѣкъ, сейчасъ видно, что очень образованный, и — сказать тебѣ на ушко? — мнѣ сдается, я произвела на него довольно сильное впечатлѣніе. Но не безпокойся, mon amie: мое сердце не было затронуто, и Валентину опасаться нечего".

Этотъ Валентинъ былъ учитель въ губернской гимназіи. Въ городѣ пускался онъ во всѣ тяжкія, а въ деревнѣ вздыхалъ по Эмеренціи платонически и безнадежно.

А пріятели, по обыкновенію, сошлись снова на другое утро, и жизнь ихъ потекла прежнимъ порядкомъ.

Прошло двѣ недѣли. Борисъ Андреичъ ежедневно ожидалъ новаго приглашенія; но Петръ Васильичъ, казалось, совершенно отступился отъ своихъ намѣреній. Борисъ Андреичъ самъ начиналъ заговаривать о вдовѣ, о Тиходуевыхъ, намекалъ на то, что всякую вещь должно испытать до трехъ разъ; но Петръ Васильичъ и не показывалъ виду, что понимаетъ его намеки. Наконецъ, Борисъ Андреичъ въ одинъ день не выдержалъ и началъ такъ:

— Что̀ жъ это, Петръ Васильичъ? видно, теперь моя очередь напоминать вамъ ваши обѣщанія?

— Какія обѣщанія?

— А помните, вы хотѣли женить меня? Я жду.

Петръ Васильичъ повернулся на стулѣ.

— Да вѣдь, вишь, вы какіе разборчивые! Съ вами не сообразишь. Богъ васъ знаетъ! на вашъ вкусъ здѣсь у насъ, должно-быть, и невѣстъ-то нѣту.

— Это не хорошо, Петръ Васильичъ. Вы не должны такъ скоро отчаиваться. Съ первыхъ двухъ разъ не удалось—это еще не бѣда. Притомъ же, мнѣ вдова понравилась. Если вы отъ меня откажетесь, я къ ней поѣду.

— Что жъ поѣзжайте,—съ Богомъ.

— Петръ Васильичъ, увѣряю васъ, я не шутя желаю жениться. Повезите меня куда-нибудь еще.

— Да право же, нѣтъ больше никого въ цѣломъ околоткѣ.

— Этого быть не можетъ, Петръ Васильичъ. Будто здѣсь, по сосѣдству, нѣтъ ни одной хорошенькой?

— Какъ не быть? да не вамъ чета.

— Однако, назовите какую-нибудь.

Петръ Васильичъ стиснулъ зубами янтарь чубука.

— Да вотъ, хотя бы Вѣрочка Барсукова,—промолвилъ онъ, наконецъ:—чего лучше? Только не для васъ.

— Отчего?

— Слишкомъ проста.

— Тѣмъ лучше, Петръ Васильичъ, тѣмъ лучше!

— И отецъ такой чудакъ.

— И это не бѣда... Петръ Васильичъ, другъ мой, познакомьте меня съ этой... какъ вы, бишь, ее назвали?..

— Барсуковой.

— Съ Барсуковой... пожалуйста...

И Борисъ Андреичъ не далъ покоя Петру Васильичу, пока тотъ не обѣщалъ свезти его къ Барсуковымъ.

Дня два спустя, они поѣхали къ нимъ.

Семейство Барсуковыхъ состояло изъ двухъ лицъ: отца, лѣтъ пятидесяти, и дочери, девятнадцати лѣтъ. Петръ Васильичъ не даромъ назвалъ отца чудакомъ; онъ былъ, дѣйствительно, чудакъ первой руки. Окончивъ блестящимъ образомъ курсъ ученія въ казенномъ заведеніи, онъ вступилъ въ морскую службу и скоро обратилъ на себя вниманіе начальства, но внезапно вышелъ въ отставку, женился, поселился въ деревнѣ и понемногу такъ облѣнился и опустился, что, наконецъ, не только никуда не выѣзжалъ — не выходилъ даже изъ комнаты. Въ коротенькомъ заячьемъ тулупчикѣ и въ туфляхъ безъ задковъ, заложивъ руки въ карманы шароваровъ, ходилъ онъ по цѣлымъ днямъ изъ угла въ уголъ, то напѣвая, то насвистывая, и, что̀ бы ему ни говорили, съ улыбкой на все отвѣчалъ: „брау, брау!“ то-есть: браво, браво!

— Знаете ли что̀, Иванъ Петровичъ, — говорилъ ему, напримѣръ, заѣхавшій сосѣдъ,—а сосѣди охотно къ нему заѣзжали, потому что хлѣбосольнѣе и радушнѣе его не

было человѣка на свѣтѣ: — знаете ли, говорятъ, въ Бѣлевѣ цѣна на рожь дошла до тринадцати рублей ассигнаціями.

— Брау, брау,—спокойно отвѣчалъ Барсуковъ, который только что продалъ ее по семи съ полтиной.

— А слышали вы, сосѣдъ вашъ, Павелъ Ѳомичъ, двадцать тысячъ въ карты проигралъ?

— Брау, брау!—также спокойно отвѣчалъ Барсуковъ.

— Въ Шлыковѣ падежъ,—замѣчалъ тутъ же сидѣвшій другой сосѣдъ.

— Брау, брау!

— Лапина барышня съ управителемъ сбѣжала...

— Брау, брау, брау!

И такъ безъ конца. Докладывали ему, что лошадь у него захромала, что пріѣхалъ жидъ съ товаромъ, что стѣнные часы со стѣны пропали, что мальчикъ зашвырнулъ куда-то свои сапоги — только и слышали отъ него, что: „брау, брау!“ И между тѣмъ, въ домѣ его не было замѣтно слишкомъ большого безпорядка: мужики его благоденствовали, и долговъ онъ не дѣлалъ. Наружность Барсукова располагала въ его пользу: его круглое лицо, съ большими карими глазами, тонкимъ, правильнымъ носомъ и румяными губами, поражало своей почти юношеской свѣжестью. Свѣжесть эта казалась еще ярче отъ снѣжной бѣлизны его волосъ; легкая улыбка почти постоянно играла на его губахъ, и не столько на его губахъ, сколько въ ямочкахъ на щекахъ; онъ никогда не смѣялся, но иногда, весьма рѣдко, хохоталъ истерически и всякій разъ потомъ чувствовалъ себя нездоровымъ. Говорилъ онъ, кромѣ обычнаго своего восклицанія, очень мало, и то только самое необходимое, придерживаясь притомъ всевозможныхъ сокращеній.

Его дочь, Вѣрочка, очень на него походила, и лицомъ, и выраженіемъ темныхъ глазъ, казавшихся еще темнѣе отъ нѣжнаго цвѣта бѣлокурыхъ волосъ, и улыбкой. Она была небольшого роста, миловидно сложена: въ ней не было ничего особенно привлекательнаго, но стоило взглянуть на нее или услышать ея голосокъ, чтобы сказать

себѣ: „вотъ доброе существо“. Отецъ и дочь любили другъ друга. Все домашнее хозяйство находилось на ея рукахъ, и она охотно имъ занималась... другихъ занятій она не знала. Петръ Васильичъ не даромъ назвалъ ее простою.

Когда Петръ Васильичъ съ Борисомъ Андреичемъ пріѣхали къ Барсукову, онъ, по обыкновенію, ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету. Этотъ кабинетъ, который можно было назвать и гостиной, и столовой, потому что въ немъ принимались гости и накрывался столъ, занималъ около половины всего небольшого домика Степана Петровича. Мебель въ немъ была некрасивая, но покойная: во всю длину одной изъ стѣнъ стоялъ диванъ, чрезвычайно широкій, мягкій и съ великимъ множествомъ подушекъ,—диванъ, хорошо извѣстный всѣмъ окрестнымъ помѣщикамъ. Правду сказать, отлично лежалось на этомъ диванѣ. Въ остальныхъ комнатахъ стояли одни стулья, да кое-какіе столики, да шкапы; всѣ эти комнаты были проходныя и въ нихъ никто не жилъ. Маленькая спальня Вѣрочки выходила въ садъ, и, кромѣ чистенькой ея кровати, да умывальнаго столика съ зеркальцемъ, да одного кресла, въ ней тоже мебели не было; зато вездѣ по угламъ стояли бутылки съ наливками и банки съ вареньями, перемѣченныя рукой самой Вѣрочки.

Войдя въ переднюю, Петръ Васильичъ хотѣлъ-было велѣть доложить о себѣ и Борисѣ Андреичѣ, но случившійся тутъ мальчикъ въ долгополомъ сюртукѣ только взглянулъ на него и началъ стаскивать съ него шубу, примолвивъ: „пожалуйте-съ“. Пріятели вошли въ кабинетъ къ Степану Петровичу. Петръ Васильичъ представилъ ему Бориса Андреича.

Степанъ Петровичъ пожалъ ему руку, проговорилъ: — „Радъ... весьма. Озябли... Водки?“ И, указавъ головой на закуску, стоявшую на столикѣ, принялся снова ходить по комнатѣ.

Борисъ Андреичъ выпилъ рюмку водки, за нимъ Петръ Васильичъ, и оба сѣли на широкомъ диванѣ съ множествомъ подушекъ. Борису Андреичу тутъ же показалось, какъ будто онъ вѣкъ сидѣлъ на этомъ диванѣ и дав-

нымъ-давно знакомъ съ хозяиномъ дома. Точно такое ощущеніе испытывали всѣ, пріѣзжающіе къ Барсукову.

Онъ былъ въ тотъ день не одинъ; впрочемъ, его рѣдко можно было застать одного. У него сидѣла какая-то приказная строка, со старушечьимъ сморщеннымъ лицомъ, ястребинымъ носомъ и безпокойными глазами, совершенно истасканное существо, недавно служившее въ тепломъ мѣстечкѣ, а въ настоящее время находившееся подъ судомъ. Держась одной рукою за галстукъ, а другою — за переднюю часть фрака, этотъ господинъ слѣдилъ взоромъ за Степаномъ Петровичемъ и, подождавъ, пока усядутся гости, проговорилъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Эхъ, Степанъ Петровичъ, Степанъ Петровичъ! осуждать человѣка легко; но знаете ли вы поговорку: „грѣшенъ честный, грѣшенъ плутъ, всѣ грѣхомъ живутъ, яко же и мы?“

— Брау... — произнесъ-было Степанъ Петровичъ, но остановился и промолвилъ:—поговорка скверная.

— Кто говоритъ? конечно, скверная,—возразилъ истасканный господинъ: — но что прикажете дѣлать! Вѣдь нужда-то не свой братъ: вытравитъ изъ тебя честность-то. Вотъ, я готовъ на сихъ господъ-дворянъ сослаться, если только имъ угодно будетъ выслушать обстоятельства моего дѣла...

— Можно курить?—спросилъ Борисъ Андреичъ хозяина.

Хозяинъ кивнулъ головой.

— Конечно, — продолжалъ господинъ: — и я, можетъ-быть, не разъ досадовалъ и на себя, и на свѣтъ вообще, чувствовалъ, такъ-сказать, благородное негодованіе...

— Подлецами выдумано, — перебилъ его Степанъ Петровичъ.

Господинъ дрогнулъ.

— То-есть, какъ же это, Степанъ Петровичъ? Вы хотите сказать, что благородное негодованіе выдумано подлецами?

Степанъ Петровичъ опять головой кивнулъ.

Господинъ помолчалъ и вдругъ засмѣялся разбитымъ смѣхомъ, при чемъ обнаружилось, что у него ни одного зуба не оставалось, а говорилъ онъ довольно чисто.

— Хе, хе, Степанъ Петровичъ, вы всегда такое скажете. Нашъ стряпчій не даромъ говоритъ про васъ, что вы настоящій каламбуристъ.

— Брау, брау!—возразилъ Барсуковъ.

Въ это мгновеніе дверь отворилась и вошла Вѣрочка. Твердо и легко выступая, несла она на зеленомъ кругломъ подносѣ двѣ чашки кофе и сливочникъ. Темно-сѣрое платьице стройно обхватывало ея тонкій станъ. Борисъ Андреичъ и Петръ Васильичъ поднялись оба съ дивана; она присѣла имъ въ отвѣтъ, не выпуская изъ рукъ подноса и, подойдя къ столу, поставила на него свою ношу, промолвивъ:

— Вотъ вамъ кофе.

— Брау,—проговорилъ ея отецъ. — Еще двѣ, — прибавилъ онъ, указывая на гостей. — Борисъ Андреичъ, моя дочь.

Борисъ Андреичъ вторично ей поклонился.

— Хотите вы кофею?—спросила она, прямо и спокойно глядя ему въ глаза.—До обѣда часа полтора.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣтилъ Борисъ Андреичъ.

Вѣрочка обернулась къ Крупицыну.

— А вы, Петръ Васильичъ?

— И я выпью.

— Сейчасъ. А давно я васъ не видала, Петръ Васильичъ.

Сказавъ это, Вѣрочка вышла.

Борисъ Андреичъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и, нагнувшись къ своему пріятелю, шепнулъ ему на ухо:

— Да она очень мила... И какое свободное обхожденіе...

— Привычка, — возразилъ Петръ Васильичъ: — вѣдь у нихъ здѣсь почитай-что трактиръ. Одинъ изъ дверей, другой въ двери.

Какъ будто въ подтвержденіе словъ Петра Васильича, въ комнату вошелъ новый гость. Это былъ человѣкъ весьма обширный, или, говоря стариннымъ словомъ, уцѣлѣвшимъ въ нашихъ краяхъ, облый, съ большимъ лицомъ, съ большими глазами и губами, съ большими взъерошенными во-

лосами. Въ чертахъ его замѣчалось выраженіе постояннаго неудовольствія—кислое выраженіе. Одѣтъ онъ былъ въ очень просторное платье и на ходу переваливался всѣмъ тѣломъ. Онъ тяжко опустился на диванъ и только тогда сказалъ: „здравствуйте“, не обращаясь, впрочемъ, ни къ кому изъ присутствующихъ.

— Водки?—спросилъ его Степанъ Петровичъ.

— Нѣтъ! какое водки,—отвѣчалъ новый гость:—не до водки. Здравствуйте, Петръ Васильичъ,—прибавилъ онъ, оглянувшись.

— Здравствуйте, Михѣй Михѣичъ, — отвѣтилъ Петръ Васильичъ:—откуда Богъ несетъ?

— Откуда? разумѣется, изъ города. Вѣдь это вамъ только, счастливцамъ, незачѣмъ въ городъ ѣхать. А я, по милости опеки, да вотъ этихъ судариковъ,—прибавилъ онъ, ткнувъ пальцемъ въ направленіи господина, находившагося подъ судомъ:—всѣхъ лошадей загналъ, въ городъ таскавшись. Чтобъ ему пусто было!

— Михѣю Михѣичу наше нижайшее,—проговорилъ господинъ, столь безцеремонно названный сударикомъ.

Михѣй Михѣичъ посмотрѣлъ на него.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, одно, — началъ онъ, скрестивъ руки:—когда тебя, наконецъ, повѣсятъ?

Тотъ обидѣлся.

— А слѣдовало бы! Ей-ей, слѣдовало бы! Правительство къ вашему брату слишкомъ снисходительно — вотъ что! Вѣдь какая тебѣ отъ того печаль, что ты подъ судомъ? Ровно никакой! Одно только, чай, досадно: теперь ужъ нельзя — хабенъ зи гевезенъ, — и Михѣй Михѣичъ представилъ рукой, какъ будто поймалъ что-то въ воздухѣ, и сунулъ себѣ въ боковой карманъ.—Шалишь! Эхъ вы, народецъ, съ борку да съ сосенки!

— Вы все изволите шутить, — возразилъ отставленный приказный:—а того не хотите сообразить, что дающій воленъ давать, а принимающій — принимать. Притомъ же я дѣйствовалъ тутъ не по собственному наущенію, а больше одно лицо участвовало, какъ я и объяснилъ...

— Конечно,—иронически замѣтилъ Михѣй Михѣичъ.—

Лисичка подъ бороной отъ дождя хоронилася — все не каждая капля капнетъ. А сознайся, лихо тебя нашъ исправникъ допекъ? а? Вѣдь лихо?

Того передернуло.

— Человѣкъ ко укрощенію борзый,—сказалъ онъ, наконецъ, съ запинкой.

— То-то же!

— А со всѣмъ тѣмъ, и про нихъ можно-съ...

— Золотой человѣкъ, истинная находка,—перебилъ его Михѣй Михѣичъ, обращаясь къ Степану Петровичу.—На этихъ молодцовъ, да вотъ еще на пьяницъ — просто гигантъ!

— Брау, брау!—возразилъ Степанъ Петровичъ.

Вѣрочка вошла съ другими двумя чашками кофе на подносѣ.

Михѣй Михѣичъ ей поклонился.

— Еще одну,—проговорилъ отецъ.

— Что жъ это вы сами трудитесь?—сказалъ ей Борисъ Андреичъ, принимая отъ нея чашку.

— Какой же это трудъ!—отвѣтила Вѣрочка:—а буфетчику я поручить не хочу: мнѣ кажется, такъ будетъ вкуснѣй.

— Конечно, изъ вашихъ рукъ.

Но Вѣрочка не дослушала его любезности, ушла и тотчасъ вернулась съ кофеемъ для Михѣя Михѣича.

— А слышали вы, — заговорилъ Михѣй Михѣичъ, допивая чашку: — вѣдь Мавра Ильинична безъ языка лежитъ.

Степанъ Петровичъ остановился и приподнялъ голову.

— Какъ же, какъ же, — продолжалъ Михѣй Михѣичъ. — Параличъ. Вѣдь вы знаете, она любила-таки покушать. Вотъ, сидитъ она третьяго дня за столомъ, и гости у ней... Подаютъ ботвинью, а ужъ она двѣ тарелки скушала, проситъ третью... да вдругъ оглянулась и говоритъ, этакъ, не торопясь, знаете: „примите ботвинью, всѣ люди сидятъ зеленые“... да и хлопъ со стула. Бросились поднимать ее, спрашиваютъ, что̀ съ ней... Руками объясняется, а языкъ уже не дѣйствуетъ. Еще, говорятъ, уѣзд-

ный лѣкарь нашъ при этомъ случаѣ отличился... Вскочилъ, да кричитъ: „доктора! пошлите за докторомъ!“ Совсѣмъ потерялся. Ну, да и практика-то его какая! только и живъ, что мертвыми тѣлами.

— Брау, брау!—задумчиво произнесъ Барсуковъ.

— И у насъ сегодня будетъ ботвинья,— замѣтила Вѣрочка, присѣвши въ углу на кончикъ стула.

— Съ чѣмъ? съ осетриной?—проворно спросилъ Михѣй Михѣичъ.

— Съ осетриной и съ балыкомъ.

— Это дѣло хорошее. Вотъ, говорятъ, что ботвинья не годится зимой, потому что кушанье холодное. Это вздоръ... не правда ли, Петръ Васильичъ?

— Совершенный вздоръ,—отвѣтилъ Петръ Васильичъ:— вѣдь здѣсь въ комнатѣ тепло?

— Очень тепло.

— Такъ почему же въ теплой комнатѣ не ѣсть холоднаго кушанья? Я не понимаю.

— И я не понимаю.

Подобнымъ образомъ разговоръ продолжался довольно долго. Хозяинъ почти въ немъ не принималъ участія и то и дѣло похаживалъ по комнатѣ. За обѣдомъ всѣ накушались на славу: такъ было вкусно, хотя и просто приготовлено. Вѣрочка сидѣла на первомъ мѣстѣ, разливала ботвинью, разсылала блюда, слѣдила глазками, какъ кушали гости, и старалась предупреждать ихъ желанія. Вязовнинъ сидѣлъ подлѣ нея и глядѣлъ на нее пристально. Вѣрочка не могла говорить, не улыбаясь, какъ отецъ, и это очень шло къ ней. Вязовнинъ изрѣдка обращался къ ней съ вопросами,—не для того, чтобы получить отъ нея какой-нибудь отвѣтъ, но именно для того, чтобы видѣть эту улыбку.

Послѣ обѣда Михѣй Михѣичъ, Петръ Васильичъ и господинъ, находившійся подъ судомъ, котораго настоящее имя было Онуфрій Ильичъ, сѣли играть въ карты. Михѣй Михѣичъ уже не такъ жестоко о немъ отзывался, хоть и продолжалъ трунить надъ нимъ; можетъ-быть, это происходило отъ того, что Михѣй Михѣичъ за обѣдомъ вы-

пилъ лишнюю рюмку. Правда, онъ при всякой сдачѣ объявлялъ напередъ, что всѣ тузы и козыри будутъ у Онуфрія, что это крапивное сѣмя подтасовываетъ, что у него уже руки такія грабительскія; но зато, сдѣлавъ съ нимъ маленькій шлемъ, Михѣй Михѣичъ совершенно неожиданно похвалилъ его.

— А вѣдь, что ни говори, конечно, ты дрянь совершенная, — сказалъ онъ ему: — а я тебя люблю, ей-Богу; потому что, во-первыхъ, у меня такая натура, а во-вторыхъ, коли разсудить, еще хуже тебя бываютъ, и даже, можно сказать, что ты, въ своемъ родѣ, порядочный человѣкъ.

— Истину изволили сказать, Михѣй Михѣичъ,—возразилъ Онуфрій Ильичъ, сильно поощренный такими словами:—самую сущую истину; а только, конечно, гоненія...

— Ну, сдавай, сдавай,—перебилъ его Михѣй Михѣичъ:— что̀ гоненія? какія гоненія? Благодари Бога, что не сидишь въ Пугачевской башнѣ на цѣпи... Сдавай.

И Онуфрій Ильичъ принялся сдавать, проворно мигая глазами и еще проворнѣе мусля большой палецъ правой руки своимъ длиннымъ и тонкимъ языкомъ.

Между тѣмъ, Степанъ Петровичъ ходилъ по комнатѣ, а Борисъ Андреичъ все держался около Вѣры. Разговоръ шелъ между ними урывками (она безпрестанно выходила), и до того незначительный, что и передать его было трудно. Онъ спрашивалъ ее о томъ, кто у нихъ въ сосѣдствѣ живетъ, часто ли она выѣзжаетъ, любитъ ли она хозяйство. На вопросъ, что̀ она читаетъ, она отвѣчала: „я бы читала, да не́когда“. И между тѣмъ, когда, при наступленіи ночи, мальчикъ вошелъ въ кабинетъ съ докладомъ, что лошади готовы, ему жаль стало уѣзжать, жаль перестать видѣть эти добрые глаза, эту ясную улыбку. Если бъ Степанъ Петровичъ вздумалъ его удерживать, онъ навѣрно бы остался; но Степанъ Петровичъ этого не сдѣлалъ, — не потому, чтобы онъ не былъ радъ своему новому гостю, а потому, что у него такъ было заведено: кто хотѣлъ ночевать, самъ прямо приказывалъ, чтобъ ему приготовили постель. Такъ поступили Михѣй Михѣичъ и Онуфрій

Ильичъ; они даже легли въ одной комнатѣ и разговаривали долго за полночь; ихъ голоса глухо слышны были изъ кабинета; говорилъ больше Онуфрій Ильичъ, словно разсказывалъ что-то, или убѣждалъ въ чемъ, а собесѣдникъ его только изрѣдка произносилъ, то недоумѣвающимъ, то одобрительнымъ образомъ: „гм!“ На другое утро они уѣхали вмѣстѣ въ деревню Михѣя Михѣича, а оттуда въ городъ, тоже вмѣстѣ.

На возвратномъ пути и Петръ Васильичъ, и Борисъ Андреичъ долго безмолвствовали. Петръ Васильичъ даже заснулъ, убаюканный звяканьемъ колокольчика и ровнымъ движеніемъ саней.

— Петръ Васильичъ!—сказалъ, наконецъ, Борисъ Андреичъ.

— Что?—проговорилъ Петръ Васильичъ спросонья.

— Что же вы меня не спрашиваете?

— О чемъ васъ спрашивать?

— Да какъ въ тѣ разы—то ли?

— Насчетъ Вѣрочки-то?

— Да!

— Вотъ тебѣ на! Развѣ я вамъ ее прочилъ? Она для васъ не годится.

— Напрасно вы это думаете. Мнѣ она гораздо больше нравится, чѣмъ всѣ ваши Эмеренціи да Софьи Кирилловны.

— Что вы?

— Я вамъ говорю.

— Да помилуйте!—вѣдь она совсѣмъ простая дѣвушка. Хозяйкой она можетъ быть хорошей, — точно; да вѣдь развѣ вамъ это нужно?

— А почему же и нѣтъ? Можетъ-быть, я именно этого ищу

— Да что̀ вы, Борисъ Андреичъ! помилуйте! вѣдь она по-французски совсѣмъ не говоритъ!

— Такъ что жъ такое? Развѣ нельзя обойтись безъ французскаго языка?

Петръ Васильичъ помолчалъ.

— Я этого никакъ не предполагалъ... отъ васъ, то-есть... мнѣ кажется, вы шутите.

— Нѣтъ, не шучу.

— Богъ же васъ знаетъ послѣ того! А я думалъ, что она только нашему брату подъ-стать. Впрочемъ, она, точно, дѣвчонка хоть куда.

И Петръ Васильичъ поправилъ на себѣ шапку, уткнулся головою въ подушку и заснулъ. Борисъ Андреичъ продолжалъ думать о Вѣрочкѣ. Ему все мерещилась ея улыбка, веселая кротость ея глазъ. Ночь была свѣтлая и холодная, снѣгъ переливалъ голубоватыми огнями, словно алмазный; на небѣ вызвѣздило и стожары ярко мерцали, морозъ хрустѣлъ и скрипѣлъ подъ санями; покрытыя оледенѣлымъ инеемъ вѣтки деревьевъ слабо звенѣли, блистая на лунѣ, какъ стеклянныя. Въ такое время воображеніе охотно играетъ. Вязовнинъ испыталъ это на себѣ. Чего-чего онъ не передумалъ, пока сани не остановились, наконецъ, у крыльца; но образъ Вѣрочки не выходилъ у него изъ головы и тайно сопровождалъ его мечтанія.

Петръ Васильичъ, какъ уже сказано, удивился впечатлѣнію, произведенному Вѣрочкой на Бориса Андреича; но онъ удивился еще болѣе два дня спустя, когда тотъ же Борисъ Андреичъ объявилъ ему, что онъ непремѣнно желаетъ ѣхать къ Барсукову, и что поѣдетъ одинъ, если Петръ Васильичъ не расположенъ ему сопутствовать. Петръ Васильичъ, разумѣется, отвѣтилъ, что онъ радъ и готовъ, и пріятели опять поѣхали къ Барсукову, опять провели у него цѣлый день. Какъ въ первый разъ, застали они у него нѣсколько гостей, которыхъ Вѣрочка также потчивала кофеемъ, а послѣ обѣда вареньемъ; но Вязовнинъ разговаривалъ съ ней больше, чѣмъ въ первый разъ, то-есть, онъ больше говорилъ ей. Онъ разсказывалъ ей о своей прошедшей жизни, о Петербургѣ, о своихъ путешествіяхъ,—словомъ, обо всемъ, что̀ ему приходило въ голову. Она слушала его съ спокойнымъ любопытствомъ, то и дѣло улыбаясь и посматривая на него, но ни на мгновенье не забывала обязанностей хозяйки: тотчасъ вставала, какъ только замѣчала, что гостямъ что-нибудь нужно, и сама все имъ приносила. Когда она уда-

лялась, Вязовнинъ не оставлялъ своего мѣста и мирно поглядывалъ кругомъ; она возвращалась, садилась подлѣ него, брала свою работу, и онъ снова вступалъ съ нею въ разговоръ. Степанъ Петровичъ, прогуливаясь по комнатѣ, подходилъ къ нимъ, вслушивался въ рѣчи Вязовнина, бормоталъ: „брау, брау!“—и время такъ и бѣжало... Въ этотъ разъ Вязовнинъ съ Петромъ Васильичемъ остались ночевать и уѣхали только на другой день, поздно вечеромъ... Прощаясь, Вязовнинъ пожалъ Вѣрочкѣ руку. Она слегка покраснѣла. Ни одинъ мужчина не жалъ ея руки до того дня, но она подумала, что, видно, такъ въ Петербургѣ заведено.

Оба пріятеля часто стали ѣздить къ Степану Петровичу, особенно Борисъ Андреичъ совершенно освоился у него въ домѣ. Бывало, такъ и тянетъ его туда, такъ и подмываетъ. Нѣсколько разъ онъ даже одинъ ѣздилъ. Вѣрочка ему нравилась все болѣе и болѣе; уже между ними завелась дружба, уже онъ началъ находить, что она—слишкомъ холодный и разсудительный другъ. Петръ Васильичъ пересталъ говорить съ нимъ о Вѣрочкѣ... Но вотъ, однажды, утромъ, поглядѣвъ на него, по обыкновенію, нѣкоторое время въ безмолвіи, онъ значительно проговорилъ:

— Борисъ Андреичъ!

— Что? — возразилъ Борисъ Андреичъ, и слегка покраснѣлъ, самъ не зная чему.

— Что̀ я вамъ хотѣлъ сказать, Борисъ Андреичъ... Вы смотрите... того... вѣдь нехорошо будетъ, если, напримѣръ, что-нибудь...

— Что вы хотите сказать, — возразилъ Борисъ Андреичъ:—я васъ не понимаю.

— Да насчетъ Вѣрочки...

— Насчетъ Вѣрочки?

И Борисъ Андреичъ покраснѣлъ еще болѣе.

— Да. Смотрите, вѣдь бѣды недолго надѣлать... обидѣть, то-есть... Извините мою откровенность; но я полагаю, что мой долгъ, какъ пріятеля...

— Да съ чего вы это взяли, Петръ Васильичъ?—пере-

билъ его Борисъ Андреичъ.—Вѣрочка—дѣвушка съ самыми строгими правилами, да и наконецъ, между нами, кромѣ самой обыкновенной дружбы, нѣтъ ничего.

— Ну, полноте, Борисъ Андреичъ! — заговорилъ, въ свою очередь, Петръ Васильичъ:—съ какой стати у васъ, образованнаго человѣка, будетъ дружба съ деревенской дѣвушкой, которая, кромѣ своихъ четырехъ стѣнъ...

— Опять вы за то же!—вторично перебилъ его Борисъ Андреичъ.—Къ чему вы тутъ образованность приплетаете, я не понимаю.

Борисъ Андреичъ немножко разсердился.

— Ну, послушайте, однакожъ, Борисъ Андреичъ,—нетерпѣливо промолвилъ Петръ Васильичъ: — коли на то пошло, я долженъ вамъ сказать, скрываться отъ меня вы имѣете полное право, но уже обмануть меня, извините, не обманете. Вѣдь у меня глаза тоже есть. Вчерашній день (они оба были наканунѣ у Степана Петровича) мнѣ открылъ многое...

— А что̀ же именно онъ открылъ вамъ? — спросилъ Борисъ Андреичъ.

— А то онъ мнѣ открылъ, что вы ее любите и даже ревнуете къ ней.

Вязовнинъ посмотрѣлъ на Петра Васильича.

— Ну, а она меня любитъ?

— Этого я не могу сказать навѣрное, но странно было бы, если бъ она не полюбила васъ.

— Оттого, что я образованъ, хотите вы сказать?

— И отъ этого, и оттого, что у васъ состояніе хорошее. Ну, и наружность ваша тоже можетъ нравиться. А главное—состояніе.

Вязовнинъ всталъ и подошелъ къ окну.

— Почему же вы могли замѣтить, что я ревную? — спросилъ онъ, внезапно обернувшись къ Петру Васильичу.

— А потому, что вы вчера на себя похожи не были, пока этотъ шалопай Карантьевъ не уѣхалъ.

Вязовнинъ ничего не отвѣчалъ, но почувствовалъ въ душѣ, что пріятель его говорилъ правду. Карантьевъ этотъ былъ недоучившійся студентъ, веселый и неглупый

малый съ душою, но совершенно сбившійся съ толку и погибшій. Страсти смолоду истощили его силы; онъ слишкомъ рано остался безъ призора. У него было цыганское удалое лицо, и весь онъ походилъ на цыгана, пѣлъ и плясалъ какъ цыганъ. Онъ влюблялся во всѣхъ женщинъ. Вѣрочка ему очень нравилась. Борисъ Андреичъ познакомился съ нимъ у Барсукова и сначала весьма благоволилъ къ нему; но, замѣтивъ однажды особенное выраженіе лица, съ которымъ Вѣрочка слушала его пѣсенки, онъ сталъ о немъ думать иначе.

— Петръ Васильичъ, — сказалъ Борисъ Андреичъ, подойдя къ своему пріятелю и остановясь передъ нимъ: — я долженъ сознаться... мнѣ кажется, вы правы. Я это давно самъ чувствовалъ, но вы мнѣ окончательно открыли глаза. Я, точно, неравнодушенъ къ Вѣрочкѣ; но вѣдь послушайте, Петръ Васильичъ, что жъ изъ этого? И она, и я, мы оба не захотимъ ничего безчестнаго; притомъ же, я вамъ уже, кажется, говорилъ, что я съ ея стороны не вижу никакихъ особенныхъ знаковъ расположенія ко мнѣ.

— Все такъ, — возразилъ Петръ Васильичъ: — да лукавый силенъ.

Борисъ Андреичъ помолчалъ.

— Что же мнѣ дѣлать, Петръ Васильичъ?

— Что̀? Перестать ѣздить.

— Вы думаете?

— Конечно... Не жениться же вамъ на ней!

Вязовнинъ опять помолчалъ.

— А почему бы и не жениться? — воскликнулъ онъ, наконецъ.

— Да потому, Борисъ Андреичъ, ужъ я вамъ сказалъ: она вамъ не пара.

— Этого я не вижу.

— А не видите, дѣлайте какъ знаете. Я вамъ не опекунъ.

И Петръ Васильичъ началъ набивать трубку.

Борисъ Андреичъ сѣлъ къ окну и погрузился въ задумчивость.

Петръ Васильичъ не мѣшалъ ему и преспокойно выпускалъ маленькими облаками дымъ изо рта. Наконецъ, Борисъ Андреичъ всталъ и съ замѣтнымъ волненіемъ велѣлъ закладывать лошадей.

— Куда это?—спросилъ его Петръ Васильичъ.

— Къ Барсуковымъ, — отвѣтилъ Борисъ Андреичъ отрывисто.

Петръ Васильичъ пыхнулъ разъ пятокъ.

— Ѣхать мнѣ съ вами, что ли?

— Нѣтъ, Петръ Васильичъ; я бы желалъ сегодня ѣхать одинъ. Мнѣ хочется объясниться съ самой Вѣрочкой.

— Какъ знаете.

„Вотъ, — сказалъ онъ самому себѣ, проводивъ Бориса Андреича,—какъ, подумаешь, пошла шутка въ дѣло... А все съ жиру“,—прибавилъ онъ, укладываясь на диванѣ.

Вечеромъ того же дня, Петръ Васильичъ, не дождавшись возвращенія своего пріятеля, только-что собирался лечь въ постель у себя дома, какъ вдругъ въ комнату, весь запорошенный снѣгомъ, ворвался Борисъ Андреичъ и прямо бросился къ нему на шею.

— Другъ мой, Петръ Васильичъ, поздравь меня!—воскликнулъ онъ, въ первый разъ говоря ему *ты*:—она согласилась, и старикъ тоже согласился... Все уже кончено!

— Какъ... что такое?—пробормоталъ изумленный Петръ Васильичъ.

— Я женюсь!

— На Вѣрочкѣ?

— На ней... Все уже рѣшено и улажено.

— Не можетъ быть!

— Экой ты человѣкъ!.. говорятъ тебѣ, все кончено.

Петръ Васильичъ торопливо надѣлъ туфли на босу ногу, накинулъ халатъ, крикнулъ:

— Македонія, чаю!—и прибавилъ:—ну, коли все уже кончено, стало-быть, толковать нечего; дай Богъ вамъ ладъ да совѣтъ! Но разскажи мнѣ, пожалуйста, какимъ образомъ это случилось?

Замѣчательно, что съ того времени оба пріятеля начали

говорить другъ другу *ты*, какъ будто иначе никогда и не говорили.

— Изволь, съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ Вязовнинъ, и началъ разсказывать.

На самомъ дѣлѣ вотъ какъ это произошло.

Когда Борисъ Андреичъ пріѣхалъ къ Степану Петровичу, у него, противъ обыкновенія, не было ни одного гостя, и самъ онъ не прохаживался по комнатѣ, а сидѣлъ въ вольтеровскихъ креслахъ: ему нездоровилось. Онъ совсѣмъ переставалъ говорить, когда это съ нимъ случалось, и потому ласково кивнулъ головой вошедшему Вязовнину, показалъ ему сперва на столъ съ закуской, а потомъ на Вѣрочку, и закрылъ глаза. Вязовнину только того и нужно было; онъ подсѣлъ къ Вѣрочкѣ и вступилъ съ нею въ разговоръ вполголоса. Рѣчь зашла о здоровьѣ Степана Петровича.

— Мнѣ всегда страшно,—говорила шопотомъ Вѣрочка:— когда ему неможется. Вѣдь онъ такой: не пожалуется, не попроситъ ничего; слова отъ него не добьешься. Боленъ будетъ—не скажетъ.

— А вы его очень любите?—спросилъ ее Вязовнинъ.

— Кого? папеньку? Да больше всѣхъ на свѣтѣ. Сохрани Богъ, если что̀ съ нимъ случится! Я, кажется, умру.

— Стало-быть, вамъ бы невозможно было съ нимъ разстаться?

— Разстаться? Для чего же разстаться?

Борисъ Андреичъ поглядѣлъ ей въ лицо.

— Дѣвушкѣ нельзя вѣкъ жить въ родительскомъ домѣ.

— А! вотъ вы на какой счетъ говорите... Ну, въ этомъ случаѣ я покойна... Кто меня возьметъ?

„Я!“ чуть-было не сказалъ Борисъ Андреичъ, но удержался.

— Что̀ вы задумались? — спросила она, съ обычной своей улыбкой посмотрѣвъ на него.

— Я думаю, — возразилъ онъ: — я думаю... что...—И, вдругъ перемѣнивъ тонъ, онъ спросилъ ее, давно ли она знакома съ Карантьевымъ.

— А, право, не помню... Вѣдь ихъ такъ много къ па-

пенькѣ ѣздитъ. Кажется, онъ къ намъ въ прошломъ году въ первый разъ пріѣхалъ.

— Скажите: онъ вамъ нравится?

— Нѣтъ,—отвѣчала Вѣрочка, подумавъ.

— Отчего?

— Онъ такой неопрятный, — простодушно возразила она.—Впрочемъ, онъ долженъ быть хорошій человѣкъ, и поетъ такъ славно... сердце шевелится, когда онъ поетъ.

— А! — промолвилъ Вязовнинъ и, подождавъ немного, прибавилъ:—да кто жъ вамъ нравится?

— Многіе нравятся,—вы мнѣ нравитесь.

— Мы съ вами, извѣстное дѣло, друзья. Но неужели никто больше другихъ не нравится?

— Какіе вы любопытные!

— А вы очень холодны.

— Какъ это?—наивно спросила Вѣрочка.

— Послушайте...—началъ-было Вязовнинъ.

Но въ это мгновенье Степанъ Петровичъ повернулся въ креслахъ.

— Послушайте,—продолжалъ онъ чуть слышно, между тѣмъ какъ кровь у него такъ и стучала въ горлѣ:—мнѣ что-то нужно вамъ сказать, очень важное... только не здѣсь.

— Гдѣ же?

— Да хоть въ сосѣдней комнатѣ.

— Что̀ такое? — спросила Вѣрочка, приподнимаясь: — стало-быть, секретъ?

— Да, секретъ.

— Секретъ, — повторила Вѣрочка съ удивленіемъ и вышла въ сосѣднюю комнату.

Вязовнинъ послѣдовалъ за ней какъ въ лихорадкѣ.

— Ну, что̀ такое?—спросила она его съ любопытствомъ.

Борисъ Андреичъ хотѣлъ-было повести дѣло издалека; но, глянувъ въ это молодое лицо, оживленное той легкой улыбкой, которую онъ такъ любилъ, въ эти ясные глаза, глядѣвшіе такимъ мягкимъ взоромъ, онъ потерялся и совершенно неожиданно для самого себя, безъ всякихъ приготовленій, прямо спросилъ Вѣрочку:

— Вѣра Степановна, хотите быть моей женой?

— Какъ?—спросила Вѣрочка, вспыхнувъ вся и покраснѣвъ до ушей.

— Хотите ли вы быть моей женой?—машинально повторилъ Вязовнинъ.

— Я... я, право, не знаю, я не ожидала... это такъ...— прошептала Вѣра, протягивая руки къ оконницѣ, чтобы не упасть, — и вдругъ бросилась вонъ изъ комнаты, къ себѣ въ спальню.

Борисъ Андреичъ постоялъ немного на мѣстѣ и въ большомъ смущеніи вернулся въ кабинетъ. На столѣ лежалъ нумеръ „Московскихъ Вѣдомостей". Онъ взялъ этотъ нумеръ, сѣлъ и сталъ глядѣть на строки, не только не понимая, что̀ тамъ напечатано, но даже вообще не имѣя понятія о томъ, что̀ съ нимъ такое происходило. Съ четверть часа провелъ онъ въ такомъ положеніи; но вотъ, сзади его раздался легкій шелестъ, и онъ, не оглядываясь, почувствовалъ, что это вошла Вѣра.

Прошло еще нѣсколько мгновеній. Онъ глянулъ вскользь изъ-за листа „Вѣдомостей". Она сидѣла у окна, отвернувшись, и казалась блѣдной. Онъ, наконецъ, собрался съ духомъ, всталъ, подошелъ къ ней и опустился на стулъ, возлѣ нея...

Степанъ Петровичъ не шевелился, сидя съ закинутою головою въ креслахъ.

— Извините меня, Вѣра Степановна,—началъ Вязовнинъ съ нѣкоторымъ усиліемъ:—я виноватъ, я не долженъ былъ такъ внезапно... и притомъ... я, конечно, не имѣлъ повода...

Вѣрочка ничего не отвѣчала.

— Но если ужъ оно такъ случилось,—продолжалъ Борисъ Андреичъ:—то я бы желалъ знать, какой отвѣтъ...

Вѣрочка тихо потупилась; щеки ея опять вспыхнули.

— Вѣра Степановна, одно слово.

— Я, право, не знаю,—начала она:—Борисъ Андреичъ.. это зависитъ отъ папеньки...

— Нездорова?—раздался вдругъ голосъ Степана Петровича.

Вѣрочка вздрогнула и быстро подняла голову. Глаза Степана Петровича, устремленные на нее, выражали безпокойство. Она тотчасъ подошла къ нему.

— Вы меня спрашиваете, папенька?

— Нездорова?—повторилъ онъ.

— Кто? я? Нѣтъ... Почему вы думаете?

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Точно здорова?—спросилъ онъ еще разъ.

— Конечно; какъ *вы* себя чувствуете?

— Брау, брау, — тихо проговорилъ онъ и опять закрылъ глаза.

Вѣрочка направилась къ дверямъ, Борисъ Андреичъ остановилъ ее.

— Скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, позволите ли вы мнѣ поговорить съ вашимъ батюшкой?

— Какъ вамъ угодно,—прошептала она:—только, Борисъ Андреичъ, мнѣ кажется, я вамъ не пара.

Борисъ Андреичъ хотѣлъ-было взять ее за руку; но она уклонилась и вышла вонъ.

„Странное дѣло!—подумалъ онъ:—и она то же говоритъ, что̀ Крупицынъ".

Оставшись наединѣ съ Степаномъ Петровичемъ, Борисъ Андреичъ далъ себѣ слово объясниться съ нимъ потолковѣе и, по мѣрѣ возможности, приготовить его къ столь неожиданному предложенію; но на дѣлѣ оно оказалось еще труднѣе, чѣмъ съ Вѣрочкой. Степанъ Петровичъ чувствовалъ небольшой жаръ и не то задумывался, не то дремалъ, нехотя и не скоро отвѣчалъ на различные вопросы и замѣчанія, посредствомъ которыхъ Борисъ Андреичъ надѣялся постепенно перейти къ настоящему предмету разговора... Словомъ, Борисъ Андреичъ, видя, что всѣ его намеки пропадаютъ даромъ, рѣшился, поневолѣ, приступить къ дѣлу прямо.

Нѣсколько разъ забиралъ онъ въ себя духъ, какѣ бы готовясь говорить, останавливался и не произносилъ ни слова.

— Степанъ Петровичъ, — началъ онъ наконецъ: — я намѣренъ сдѣлать вамъ предложеніе, которое васъ очень удивитъ.

— Брау, брау, — спокойно проговорилъ Степанъ Петровичъ.

— Такое предложеніе, котораго вы никакъ не ожидаете.

Степанъ Петровичъ раскрылъ глаза.

— Только вы, пожалуйста, не разсердитесь на меня...

Глаза Степана Петровича расширились еще болѣе.

— Я... я намѣренъ просить у васъ руки вашей дочери, Вѣры Степановны.

Степанъ Петровичъ быстро поднялся съ вольтеровскихъ своихъ креселъ...

— Какъ? — спросилъ онъ точно такимъ же голосомъ и съ такимъ же выраженіемъ лица, какъ Вѣрочка.

Борисъ Андреичъ принужденъ былъ повторить свое предложеніе.

Степанъ Петровичъ уставился на Вязовнина и долго молча смотрѣлъ на него, такъ что ему стало, наконецъ, неловко.

— Вѣра знаетъ?—спросилъ Степанъ Петровичъ.

— Я объяснился съ Вѣрой Степановной, и она мнѣ позволила обратиться къ вамъ.

— Сейчасъ объяснились?

— Да, вотъ теперь.

— Подождите, — проговорилъ Степанъ Петровичъ и вышелъ.

Борисъ Андреичъ остался одинъ въ кабинетѣ чудака. Въ оцѣпенѣніи глядѣлъ онъ то на стѣны, то на полъ, какъ вдругъ раздался топотъ лошадей у крыльца, дверь передней застучала, густой голосъ спросилъ: „дома?“ послышались шаги, и въ кабинетъ ввалился уже знакомый намъ Михѣй Михѣичъ.

Борисъ Андреичъ такъ и обмеръ съ досады.

— Экая здѣсь теплынь!—воскликнулъ Михѣй Михѣичъ, опускаясь на диванъ. — А, здравствуйте! А гдѣ же Степанъ Петровичъ?

— Онъ вышелъ, сейчасъ придетъ.

— Ужасный холодъ сегодня, — замѣтилъ Михѣй Михѣичъ, наливая себѣ рюмку водки.

И, едва успѣвъ проглотить ее,—съ живостью проговорилъ:

— А вѣдь я опять изъ города.

— Изъ города? — возразилъ Вязовнинъ, съ трудомъ, скрывая свое волненіе.

— Изъ города, — повторилъ Михѣй Михѣичъ: — и все по милости этого разбойника, Онуфрія. Представьте вы себѣ, наговорилъ мнѣ чортову тьму, турусы на колесахъ такіе подпустилъ, что ай-люли ты, моя радость! аферу, говоритъ, такую для васъ сыскалъ, какой еще на свѣтѣ подобной не бывало, просто — сотнями загребай цѣлковенькіе; а окончилась вся афера тѣмъ, что у меня же двадцать пять рублевъ занялъ, да въ городъ я напрасно протаскался, лошадей совершенно заморилъ.

— Скажите!—пробормоталъ Вязовнинъ.

— Я вамъ говорю: разбойникъ, разбойникъ, какъ есть. Ему только съ кистенемъ по дорогамъ ходить. Я, право, не понимаю, чего полиція смотритъ. Вѣдь этакъ, наконецъ, по-міру отъ него пойдешь, ей-Богу!

Степанъ Петровичъ вошелъ въ комнату.

Михѣй Михѣичъ началъ ему разсказывать свои похожденія съ Онуфріемъ.

— И отчего это ему никто шеи не намнетъ! — воскликнулъ онъ.

— Шеи не намнетъ, — повторилъ Степанъ Петровичъ и вдругъ покатился со смѣху.

Михѣй Михѣичъ тоже засмѣялся, на него глядя, и повторилъ даже: „именно, слѣдовало бы ему шею намять“; но когда Степанъ Петровичъ упалъ, наконецъ, на диванъ въ судорогахъ истерическаго смѣха, Михѣй Михѣичъ обратился къ Борису Андреичу и промолвилъ, слегка разставивъ руки:

— Вотъ, онъ всегда такъ: засмѣется вдругъ, чему— Господь знаетъ. Такая ужъ у него фанаберика!

Вѣрочка вошла вся встревоженная, съ покраснѣвшими глазами.

— Папенька сегодня не совсѣмъ здоровъ, — замѣтила она вполголоса Михѣю Михѣичу.

Михѣй Михѣичъ кивнулъ головой и положилъ себѣ въ ротъ кусокъ сыра. Наконецъ, Степанъ Петровичъ

умолкъ, приподнялся, отдохнулъ и началъ ходить по комнатѣ. Борисъ Андреичъ избѣгалъ его взоровъ и сидѣлъ, какъ на иголкахъ. Михѣй Михѣичъ принялся опять бранить Онуфрія Ильича.

Сѣли за столъ; за столомъ тоже разговаривалъ одинъ Михѣй Михѣичъ. Наконецъ, уже передъ вечеромъ, Степанъ Петровичъ взялъ Бориса Андреича за руку и молча вывелъ въ другую комнату.

— Вы хорошій человѣкъ? — спросилъ онъ, глядя ему въ лицо.

— Я честный человѣкъ, Степанъ Петровичъ, — отвѣчалъ Борисъ Андреичъ: — за это я могу ручаться, — и люблю вашу дочь.

— Любите? точно?

— Люблю и постараюсь заслужить ея любовь.

— Не наскучитъ?—спросилъ опять Степанъ Петровичъ.

— Никогда!

Лицо Степана Петровича болѣзненно сжалось.

— Ну, смотрите же... Любите... я согласенъ.

Борисъ Андреичъ хотѣлъ-было обнять его, но онъ сказалъ:

— Послѣ... хорошо.

И, отвернувшись, подошелъ къ стѣнѣ. Борисъ Андреичъ могъ замѣтить, что онъ плакалъ.

Степанъ Петровичъ утеръ глаза, не оборачиваясь, потомъ пошелъ назадъ, въ кабинетъ, мимо Бориса Андреича и, не взглянувъ на него, — проговорилъ, съ своей обычной улыбкой:

— Пожалуйста, ужъ сегодня больше не надо... завтра... все... что нужно...

— Хорошо, хорошо, — поспѣшно возразилъ Борисъ Андреичъ, и, войдя вслѣдъ за нимъ въ кабинетъ, обмѣнялся взглядомъ съ Вѣрочкой.

На душѣ его было радостно, но и смутно въ то же время. Онъ не могъ остаться долго у Степана Петровича, въ обществѣ Михѣя Михѣича; ему непремѣнно нужно было уединиться,—притомъ, его тянуло къ Петру Васильичу. Онъ уѣхалъ, обѣщаясь на другой день вер-

нуться. Прощаясь съ Вѣрочкой въ передней, онъ поцѣловалъ ея руку; она посмотрѣла на него.

— До завтра,—сказалъ онъ ей.

— Прощайте,—тихо отвѣчала она.

— Вотъ, видишь ли, Петръ Васильичъ,—говорилъ Борисъ Андреичъ, окончивъ свой разсказъ и шагая взадъ и впередъ по его спальнѣ:—мнѣ что̀ пришло въ голову: молодой человѣкъ часто отчего не женится? оттого, что ему страшно кажется жизнь свою закабалить; онъ думаетъ: къ чему торопиться? еще успѣю, можетъ-быть, чего-нибудь лучшаго дождусь; а кончается, обыкновенно, исторія тѣмъ, что либо состарится бобылемъ, либо женится на первой встрѣчной; это все самолюбіе да гордость. Послалъ тебѣ Богъ милую и добрую дѣвушку, не упускай случая, будь счастливъ и не прихотничай слишкомъ. Лучше Вѣрочки не найду я себѣ жены; а если ей недостаетъ чего-нибудь со стороны воспитанія, то ужъ мое дѣло будетъ объ этомъ позаботиться. Нравъ у ней довольно флегматическій, но это не бѣда—напротивъ! Вотъ почему я такъ скоро и рѣшился. Ты же мнѣ совѣтовалъ жениться. А если я обманулся,—прибавилъ онъ, остановился и, подумавъ немного, продолжалъ:—бѣда не велика! изъ моей жизни и такъ ничего бы не вышло.

Петръ Васильичъ слушалъ своего пріятеля молча, изрѣдка попивая изъ надтреснувшаго стакана прескверный чай, приготовленный усердной Македоніей.

— Что жъ ты молчишь?—спросилъ его наконецъ Борисъ Андреичъ, остановившись передъ нимъ.—Вѣдь, не правда ли, я дѣло говорю? вѣдь ты со мной согласенъ?

— Предложеніе сдѣлано,—возразилъ Петръ Васильичъ съ разстановкой:—отецъ благословилъ, дочь не отказала, стало-быть, разсуждать ужъ болѣе нечего. Можетъ-быть, оно, точно, все къ лучшему. Теперь надо о свадьбѣ думать, а не разсуждать; по утро вечера мудренѣе... Завтра потолкуемъ, какъ слѣдуетъ. Эй! кто тамъ? проводите Бориса Андреича.

— Да хоть обними меня, поздравь,—возразилъ Борисъ Андреичъ:—какой ты, право!

— Обнять я тебя обниму, съ удовольствіемъ.

И Петръ Васильичъ обнялъ Бориса Андреича.

— Дай Богъ тебѣ всего хорошаго на сей землѣ!

Пріятели разошлись.

„Все оттого, — сказалъ самому себѣ вслухъ Петръ Васильичъ, полежавъ нѣкоторое время въ постели и переворачиваясь на другой бокъ,—все оттого, что въ военной службѣ не служилъ! Блажить привыкъ и порядковъ не знаетъ“.

Спустя мѣсяцъ, Вязовнинъ женился на Вѣрочкѣ. Онъ самъ настоятельно требовалъ, чтобы свадьбы не откладывали дольше. Петръ Васильичъ былъ у него шаферомъ. Въ теченіе всего этого мѣсяца Вязовнинъ каждый день ѣздилъ къ Степану Петровичу; но въ обращеніи его съ Вѣрочкой и Вѣрочки съ нимъ не замѣчалось перемѣны: она стала застѣнчивѣе съ нимъ — вотъ и все. Онъ привезъ ей „Юрія Милославскаго“ и самъ прочелъ ей нѣсколько главъ. Романъ Загоскина ей понравился; но, кончивъ его, она не попросила другого. Карантьевъ пріѣзжалъ разъ взглянуть на Вѣрочку, ставшую невѣстой другого, и, должно признаться, пріѣзжалъ хмельной, все смотрѣлъ на нее, какъ бы собираясь сказать ей что-то, но не сказалъ ничего; его попросили спѣть, онъ затянулъ какую-то заунывную пѣсню, потомъ грянулъ удалую, бросилъ гитару на диванъ, распростился со всѣми и, сѣвъ въ сани, повалился грудью на постланное сѣно, зарыдалъ— и черезъ четверть часа уже спалъ мертвымъ сномъ.

Наканунѣ свадьбы Вѣрочка была очень грустна, и Степанъ Петровичъ также упалъ духомъ. Онъ надѣялся, что Борисъ Андреичъ согласится переѣхать къ нимъ на жительство; но онъ ни слова не сказалъ объ этомъ и, напротивъ, предложилъ Степану Петровичу на время поселиться въ Вязовнѣ. Старикъ отказался: онъ привыкъ къ своему кабинету. Вѣрочка обѣщалась посѣщать его по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю. Какъ уныло отецъ отвѣтилъ ей: „брау, брау!“

Вотъ, и началъ жить Борисъ Андреичъ женатымъ че-

ловѣкомъ. Въ первое время все шло прекрасно. Вѣрочка, какъ отличная хозяйка, привела весь его домъ въ порядокъ. Онъ любовался ея нешумливой, но заботливой дѣятельностью, ея постоянно яснымъ и кроткимъ нравомъ, называлъ ее своей маленькой голландкой и безпрестанно повторялъ Петру Васильичу, что онъ теперь только узналъ счастье. Должно замѣтить, что Петръ Васильичъ, со дня свадьбы Бориса Андреича, уже не такъ часто къ нему ходилъ и не такъ долго у него засиживался, хотя Борисъ Андреичъ попрежнему очень радушно принималъ его, хотя Вѣрочка искренно его любила.

— Твоя жизнь теперь уже не та, — говаривалъ онъ Вязовнину, дружелюбно упрекавшему его въ томъ, что онъ охладѣлъ къ нему: — ты женатый человѣкъ, я холостой. Я могу мѣшать.

Вязовнинъ ему сперва не противорѣчилъ; но вотъ, онъ понемногу началъ замѣчать, что безъ Крупицына ему было скучно дома. Жена нисколько его не стѣсняла; напротивъ, онъ иногда о ней забывалъ вовсе и по цѣлымъ утрамъ не говорилъ съ ней ни слова, хотя всегда съ удовольствіемъ и нѣжностью глядѣлъ ей въ лицо; и всякій разъ, бывало, когда она своей легкой поступью проходила мимо его, ловилъ и цѣловалъ ея руку, что непремѣнно вызывало улыбку на ея губы. Улыбка эта была все та же, которую онъ такъ любилъ; но довольно ли одной улыбки?

Между ними было слишкомъ мало общаго, и онъ началъ догадываться объ этомъ.

„А вѣдь нечего сказать, у жены моей мало ресурсовъ“,—подумалъ Борисъ Андреичъ однажды, сидя, скрестивъ руки, на диванѣ.

Слова Вѣрочки, сказанныя ею въ день предложенія: „я вамъ не пара“, зазвучали у него въ душѣ.

„Если бъ я былъ какой нѣмецъ или ученый, — такъ продолжалъ онъ свои размышленія:—или если бъ у меня было постоянное занятіе, которое поглощало бы большую часть моего времени, подобная жена была бы находка; но такъ! Неужто я обманулся?..“ Эта послѣдняя мысль была для него мучительнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ.

Когда, въ то же утро, Петръ Васильичъ опять повторилъ ему, что онъ имъ не можетъ не мѣшать, онъ не въ состояніи былъ удержаться и воскликнулъ:

— Помилуй! ты нисколько не мѣшаешь намъ; напротивъ, при тебѣ намъ обоимъ гораздо веселѣе...—онъ чуть было не сказалъ: легче.—И это было дѣйствительно такъ.

Борисъ Андреичъ охотно бесѣдовалъ съ Петромъ Васильичемъ, точно такимъ же образомъ, какъ бесѣдовали они до свадьбы; и Вѣрочка умѣла говорить съ нимъ, а мужа своего она ужъ очень уважала и, при всей своей несомнѣнной привязанности къ нему, не знала, что́ ему сказать, чѣмъ занять его...

Кромѣ того, она видѣла, что присутствіе Петра Васильича его оживляло. Кончилось тѣмъ, что Петръ Васильичъ сталъ совершенно необходимымъ лицомъ въ домѣ Бориса Андреича. Вѣрочку онъ полюбилъ какъ дочь свою; да и нельзя было не любить такое доброе существо. Когда Борисъ Андреичъ, по слабости человѣческой, довѣрялъ ему, какъ другу, свои завѣтныя мысли и жалобы, Петръ Васильичъ сильно упрекалъ его въ неблагодарности, вычислялъ передъ нимъ всѣ достоинства Вѣрочки, и однажды, въ отвѣтъ на замѣчаніе Бориса Андреича, что вѣдь и онъ, Петръ Васильичъ, находилъ ихъ несозданными другъ для друга, съ сердцемъ отвѣтилъ ему, что онъ ея не сто́итъ.

— Я ничего не нашелъ въ ней,—пробормоталъ Борисъ Андреичъ.

— Какъ ничего не нашелъ? Да развѣ ты ожидалъ отъ нея чего-нибудь необыкновеннаго? Ты въ ней нашелъ прекрасную жену. Вотъ что́!

— Это правда,—торопливо возразилъ Вязовнинъ.

Въ домѣ Вязовнина все шло попрежнему—мирно и тихо, потому что съ Вѣрочкой не только не было возможности ссориться—даже недоразумѣній между нею и ея мужемъ существовать не могло; но внутренній разрывъ чувствовался во всемъ. Такъ въ цѣломъ существѣ человѣка замѣчается вліяніе невидимой внутренней раны. Вѣрочка не имѣла привычки жаловаться; притомъ, она даже мыс-

ленно ни въ чемъ не обвиняла Вязовнина, и ему ни разу въ голову не пришло, что ей не совсѣмъ легко жить съ нимъ. Два человѣка только ясно понимали ея положеніе: старикъ отецъ и Петръ Васильичъ. Степанъ Петровичъ съ какимъ-то особеннымъ соболѣзнованіемъ ласкалъ ее и заглядывалъ ей въ глаза, когда она къ нему пріѣзжала,— не разспрашивалъ ее ни о чемъ, но чаще вздыхалъ, расхаживая по комнатѣ, и его „брау, брау!“ не звучало, какъ прежде, невозмутимымъ спокойствіемъ души, удалившейся отъ всего земного. Разлученный съ дочерью, онъ какъ будто вдругъ поблѣднѣлъ и похудѣлъ. Отъ Петра Васильича тоже не скрылось, что̀ происходило у нея на душѣ. Вѣрочка не требовала вовсе, чтобъ мужъ занимался ею или даже разговаривалъ съ нею; но ее томила мысль, что она ему въ тягость. Петръ Васильичъ однажды засталъ ее неподвижно стоявшей лицомъ къ стѣнѣ. Какъ отецъ, на котораго она чрезвычайно походила, она не любила показывать слезъ своихъ и отворачивалась, когда плакала, даже если была одна въ комнатѣ... Петръ Васильичъ тихо прошелъ мимо нея, и ни малѣйшимъ намекомъ не подалъ ей потомъ повода думать, что онъ понялъ, зачѣмъ она стояла лицомъ къ стѣнѣ. За то онъ Вязовнину не давалъ покою; правда, онъ ни разу не произнесъ передъ нимъ тѣхъ обидно-раздражающихъ, ненужныхъ и самодовольныхъ словъ: „вѣдь я тебѣ это все напередъ предсказывалъ!“ — тѣхъ словъ, которыя, замѣтимъ кстати, самые лучшіе люди, въ мгновеніе самаго горячаго участія, не могутъ не выговорить; но онъ безпощадно нападалъ на Бориса Андреича за его равнодушіе и хандру, и разъ довелъ его до того, что онъ побѣжалъ къ Вѣрочкѣ и съ безпокойствомъ сталъ оглядывать и разспрашивать ее. Она такъ кротко посмотрѣла на него и такъ спокойно ему отвѣчала, что онъ ушелъ, внутренно взволнованный упреками Петра Васильича, но довольный тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, Вѣрочка ничего не подозрѣвала... Такъ прошла зима.

Подобныя отношенія долго длиться не могутъ: они либо кончаются разрывомъ, либо измѣняются, рѣдко къ лучшему...

Борисъ Андреичъ не сдѣлался раздражительнымъ и взыскательнымъ, какъ это часто случается съ людьми, чувствующими себя неправыми, не позволилъ также себѣ дешеваго и часто даже у умныхъ людей грубаго удовольствія глумленія и подсмѣиванія, не впалъ въ задумчивость; его, просто, начала занимать мысль: какъ бы уѣхать куда-нибудь,—разумѣется, на время.

„Путешествіе!“ твердилъ онъ, вставая по утру. „Путешествіе!“ шепталъ онъ, ложась въ постель: въ этомъ словѣ таилось обаятельное для него очарованіе. Онъ попытался было съѣздить, для развлеченія, къ Софьѣ Кирилловнѣ, но ея краснорѣчіе и развязность, ея улыбочки и ужимочки показались ему очень приторны. „Какое сравненіе съ Вѣрочкой!“ думалъ онъ, глядя на расфранченную вдову, и между тѣмъ, мысль уѣхать отъ этой самой Вѣрочки не покидала его...

Дыханіе наступившей весны,—той весны, что̀ тянетъ и манитъ самихъ птицъ изъ-за морей, развѣяло его послѣднія сомнѣнія, вскружило ему голову. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ, подъ предлогомъ какого-то важнаго и безотлагательнаго дѣла, о которомъ до того времени не было и помину... Разставаясь съ Вѣрочкой, онъ вдругъ почувствовалъ, что сердце его сжалось и облилось кровью: жаль ему стало тихой и доброй своей жены, слезы хлынули изъ его глазъ и оросили ея блѣдный лобъ, къ которому онъ только-что прикоснулся губами... „Я скоро, скоро вернусь и писать буду,—твердилъ онъ,—душа моя!“ и поручивъ ее вниманію и дружбѣ Петра Васильича, сѣлъ въ коляску, растроганный и грустный... Грусть его замерла мгновенно при видѣ первыхъ нѣжно-зеленыхъ ракитъ на большой дорогѣ, пролегавшей въ двухъ верстахъ отъ его деревни; непонятный, почти юношескій восторгъ заставилъ забиться его сердце; грудь его приподнялась, и онъ съ жадностью устремилъ глаза въ даль.

„Нѣтъ,—воскликнулъ онъ:—я вижу, что—

„Въ одну телѣгу впрячь не можно
Коня и трепетную лань...“

А какой онъ былъ *конь?*

Вѣра осталась одна; но, во-первыхъ, Петръ Васильичъ посѣщалъ ее часто, а главное — старикъ-отецъ рѣшился оторваться отъ своего любимаго обиталища и переѣхалъ на время въ домъ къ дочери. Славно зажили они втроемъ. Вкусы ихъ, привычки такъ согласовались! И между тѣмъ, Вязовнинъ не только былъ забытъ ими,—напротивъ, онъ служилъ имъ всѣмъ невидимой духовной связью: они безпрестанно толковали о немъ, о его умѣ, добротѣ, образованности и простотѣ въ обращеніи. Бориса Андреича въ отсутствіе его изъ дому какъ будто еще болѣе полюбили. Погода наступила прекрасная; дни не летѣли: нѣтъ, они проходили мирно и радостно, какъ высокія, свѣтлыя облака на голубомъ и свѣтломъ небѣ. Вязовнинъ писалъ изрѣдка; его письма читались и перечитывались съ великимъ удовольствіемъ. Онъ въ каждомъ изъ нихъ говорилъ о своемъ близкомъ возвращеніи... Наконецъ, въ одинъ день, Петръ Васильичъ получилъ отъ него слѣдующее письмо:

„Милый другъ, добрѣйшій мой Петръ Васильичъ! Я долго думалъ, какъ начать это письмо, но, видно лучше всего сказать тебѣ прямо, что я ѣду за границу. Это извѣстіе, я знаю, тебя удивитъ и даже разсердитъ: ты этого никакъ не могъ ожидать,—и ты будешь совершенно правъ, назвавъ меня легкомысленнымъ и безпутнымъ человѣкомъ; я и не намѣренъ вовсе оправдываться, и даже въ эту минуту самъ чувствую, что краснѣю. Но выслушай меня съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ. Во-первыхъ, я ѣду на весьма короткое время и въ такомъ обществѣ, и такъ выгодно, что ты представить не можешь; а во-вторыхъ, я твердо убѣжденъ въ томъ, что, подурачившись въ послѣдній разъ, удовлетворивъ въ послѣдній разъ страсти моей видѣть все и все испытать, я сдѣлаюсь отличнымъ мужемъ, семьяниномъ и домосѣдомъ, и докажу, что умѣю цѣнить ту незаслуженную милость ко мнѣ судьбы, даровавшей мнѣ такую жену, какова Вѣрочка. Пожалуйста, убѣди и ее въ этомъ, и покажи ей это письмо. Самъ я къ ней теперь не пишу: не имѣю на то духа,— но напишу непремѣнно изъ Штеттина, куда пароходъ

отправляется; а пока скажи ей, что я становлюсь передъ ней на колѣни и униженно прошу ее не сѣтовать на своего глупаго мужа. Зная ея ангельскій нравъ, я увѣренъ, она проститъ меня; а я клянусь всѣмъ на свѣтѣ, что черезъ три мѣсяца, никакъ не позже, вернусь въ Вязовну, и тогда меня силой оттуда не вытащишь до конца дней моихъ. Прощай, или лучше—до скораго свиданія; обнимаю тебя и цѣлую милыя ручки моей Вѣрочки. Я вамъ изъ Штеттина напишу, куда мнѣ адресовать письма. Въ случаѣ какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ дѣлъ и вообще насчетъ хозяйства, я надѣюсь на тебя, какъ на каменную стѣну.

„Твой—

„Борисъ Вязовнинъ.

P. S. Вели оклеить къ осени мой кабинетъ обоями... слышишь?.. непремѣнно“.

Увы! надеждамъ, высказаннымъ Борисомъ Андреичемъ въ этомъ письмѣ, не суждено было исполниться. Изъ Штеттина онъ, по множеству хлопотъ и новыхъ впечатлѣній, не успѣлъ написать Вѣрочкѣ; но изъ Гамбурга къ ней послалъ письмо, въ которомъ извѣщалъ ее о своемъ намѣреніи посѣтить—для осмотра нѣкоторыхъ промышленныхъ заведеній, а также для выслушанія нѣкоторыхъ нужныхъ лекцій—Парижъ, куда и просилъ адресовать впредь письма—poste restante. Вязовнинъ пріѣхалъ въ Парижъ утромъ и, избѣгавъ въ теченіе дня бульвары, Тюльерійскій садъ, площадь Согласія, Пале-Рояль, взобравшись даже на Вандомскую колонну, солидно и съ видомъ habitué пообѣдалъ у Вефура, а вечеромъ отправился въ Шатò-де-Флёръ—посмотрѣть, въ качествѣ наблюдателя, чтò такое, въ сущности, „канканъ“ и какъ парижане исполняютъ этотъ танецъ. Самый танецъ не понравился Вязовнину; но одна изъ парижанокъ, исполнявшихъ канканъ, живая, стройная брюнетка съ вздернутымъ носомъ и бойкими глазами — ему понравилась. Онъ сталъ все чаще и чаще возлѣ нея останавливаться, мѣнялся съ нею сперва взглядами, потомъ улыбками, потомъ словами... Полчаса спустя, она уже ходила съ нимъ

подъ руку, сказала ему—son petit nom: Julie,—и намекала на то, что она голодна и что ничего не можетъ быть лучше ужина à la Maison d'or, dans un petit cabinet particulier. Борисъ Андреичъ самъ вовсе не былъ голоденъ, да и ужинъ въ обществѣ мамзель Жюли не входилъ въ его соображенія... Однако, если уже такой здѣсь обычай,—подумалъ онъ,—то́, я полагаю, надо будетъ отправиться.—„Partons!"—проговорилъ онъ громко,—но въ то же мгновенье кто-то весьма больно наступилъ ему на ногу. Онъ вскрикнулъ, обернулся — и увидалъ передъ собою господина среднихъ лѣтъ, призёмистаго, плечистаго, въ тугомъ галстукѣ, въ статскомъ, до-верху застегнутомъ сюртукѣ и широкихъ панталонахъ военнаго покроя. Надвинувъ шляпу на самый носъ, изъ-подъ котораго двумя маленькими каскадами ниспадали крашеные усы, и оттопыривъ карманы панталонъ большими пальцами волосатыхъ рукъ, господинъ этотъ, по всѣмъ признакамъ пѣхотный офицеръ, въ упоръ уставился на Вязовнина. Выраженіе его желтыхъ глазъ, его жёсткихъ, плоскихъ щекъ, его синеватыхъ, выпуклыхъ скулъ, всего его лица, было дерзко и грубо.

— *Вы* наступили мнѣ на ногу? — проговорилъ Вязовнинъ.

— Oui, monsieur.

— Но въ такихъ случаяхъ... люди извиняются.

— А если я не хочу извиняться передъ вами, monsieur le Moscovite?

Парижане тотчасъ узнаютъ русскихъ.

— Вы, стало-быть, желали меня оскорбить?—спросилъ Вязовнинъ.

— Oui, monsieur; форма вашего носа мнѣ не нравится.

— Fi, le gros jaloux!—прошептала мамзель Жюли, для которой пѣхотный офицеръ, повидимому, не былъ чужимъ человѣкомъ.

— Но тогда... — началъ Вязовнинъ, какъ бы недоумѣвая...

— Вы хотите сказать, — подхватилъ офицеръ: — тогда надо драться. Конечно. Очень хорошо-съ. Вотъ моя карточка.

— А вотъ моя, — отвѣчалъ Вязовнинъ:—не переставая недоумѣвать и, словно во снѣ, съ смутнымъ біеніемъ сердца, выскребывая только-что купленнымъ для часовой брелоки золотымъ карандашикомъ на глянцовитой бумагѣ своей визитной карточки слова: Hôtel des Trois Monarques, № 46.

Офицеръ кивнулъ головой, объявилъ, что будетъ имѣть честь прислать своихъ секундантовъ къ m-r... m-r... (онъ поднесъ карточку Вязовнина къ своему правому глазу) M-r de Vazavononin — и повернулся спиной къ Борису Андреичу, который тутъ же покинулъ Шато-де-Флёръ. Мамзель Жюли попыталась удержать его,—но онъ очень холодно посмотрѣлъ на нее... Она медленно отъ него отвернулась и долго потомъ, присѣвъ въ сторонѣ, что-то объясняла сердитому офицеру, который попрежнему не вынималъ рукъ изъ панталонъ, водилъ усами и не улыбался...

Выйдя на улицу, Вязовнинъ подъ первымъ попавшимся газовымъ рожкомъ вторично и съ большимъ вниманіемъ прочелъ врученную ему карточку. На ней стояли слѣдующія слова: Alexandre Leboeuf, capitaine en second au 83-me de ligne.

„Неужели это можетъ имѣть какія-нибудь послѣдствія?“ думалъ онъ, возвратившись въ свою гостиницу. „Неужели я точно буду драться? и изъ-за чего? и на другой же день послѣ моего пріѣзда въ Парижъ! Какая глупость!“— Онъ началъ-было письмо къ Вѣрочкѣ, къ Петру Васильичу — и тотчасъ разорвалъ и бросилъ начатые листы. „Вздоръ! комедія!“ повторилъ онъ и легъ спать.—Но мысли его приняли другой оборотъ, когда на слѣдующее утро, за завтракомъ, явились къ нему двое господъ, весьма похожихъ на мосьё Лебёфа, только помоложе (всѣ французскіе пѣхотные офицеры на одно лицо) и, объявивъ свои имена (одного звали m-r Lecoq, другого m-r Pinochet — оба служили лейтенантами „au 83-me de ligne“), отрекомендовали себя Борису Андреичу въ качествѣ секундантовъ „de notre ami, m-r Leboeuf“, присланныхъ имъ для принятія нужныхъ мѣръ, такъ какъ ихъ пріятель, мосьё

Лебёфъ, никакихъ извиненій не допуститъ. Вязовнинъ вынужденъ былъ, съ своей стороны, объявить господамъ офицерамъ, пріятелямъ мосьё Лебёфа, что, будучи совершеннымъ новичкомъ въ Парижѣ, онъ еще не успѣлъ осмотрѣться и запастись секундантомъ... („Вѣдь одного достаточно?“ присовокупилъ онъ;—„совершенно достаточно“, отвѣтствовалъ мосьё Пиношэ), и потому онъ долженъ попросить г-дъ офицеровъ дать ему часа четыре сроку. Г-да офицеры переглянулись, пожали плечами, однако согласились и встали съ мѣстъ.

— Si monsieur le désire, — проговорилъ внезапно г-нъ Пиношэ, остановившись передъ дверью (изъ двухъ секундантовъ онъ былъ, очевидно, самый бойкій на языкъ и ему было поручено вести переговоры—мосьё Лекокъ только похрюкивалъ одобрительно).—Si monsieur le désire,—повторилъ онъ (тутъ Вязовнину вспомнился мосьё Галаси, его московскій куафёръ, который часто употреблялъ эту фразу): — мы можемъ отрекомендовать одного изъ офицеровъ нашего полка le lieutenant Barbichon, un garçon très dévoué, который навѣрное согласится оказать услугу „à un gentleman“ (г-нъ Пиношэ выговорилъ это слово на французскій ладъ: жантлеманъ)—вывести его изъ затрудненія и, ставъ вашимъ секундантомъ, приметъ ваши интересы къ сердцу—prendra à coeur vos intérêts.

Вязовнинъ сперва изумился подобному предложенію, но, сообразивъ, что у него въ Парижѣ нѣтъ знакомыхъ, поблагодарилъ г-на Пиношэ—и сказалъ, что будетъ ожидать г-на Барбишона.—И г-нъ Барбишонъ не замедлилъ явиться. Этотъ garçon très dévoué оказался чрезвычайно юркой и дѣятельной личностью. Объявивъ, что „cet animal de Leboeuf n'en fait jamais d'autres... c'est un Othello, monsieur, un véritable Othello — онъ спросилъ Вязовнина: „n'est-ce pas, vous désirez que l'affaire soit sérieuse?“ и, не дождавшись отвѣта, воскликнулъ: „c'est tout ce que je désirais savoir! Laissez-moi faire!“ — И точно: онъ такъ живо повелъ дѣло, такъ горячо принялъ къ сердцу интересы Вязовнина, что, часа четыре спустя, бѣдный Борисъ Андреичъ, отроду не умѣвшій

фехтовать, уже стоялъ на самой серединѣ зеленой полянки въ Венсенскомъ лѣсу, со шпагой въ рукѣ, съ засученными рукавами рубашки и безъ сюртука, въ двухъ шагахъ отъ своего также разоблачившагося противника. Яркое солнце освѣщало эту сцену. Вязовнинъ никакъ не могъ отдать себѣ яснаго отчета въ томъ, какъ онъ сюда попалъ; онъ продолжалъ твердить про себя: „какъ это глупо! какъ это глупо!“ и совѣстно ему становилось, словно онъ участвовалъ въ какой-то плоской шалости, — и неловкая, внутрь затаенная улыбка не сходила у него съ души, а глаза его не могли оторваться отъ низкаго лба, отъ остриженныхъ подъ гребенку черныхъ волосъ торчавшаго передъ нимъ француза.

— Tout est prêt,—раздался картавый голосъ:—allez!— пропищалъ драгой.

Лицо г-на Лебёфа приняло выраженіе не столько озлобленное, сколько хищное. Вязовнинъ замахалъ шпагой... (Пиношэ увѣрилъ его, что незнаніе фехтовальнаго искусства даетъ ему великія преимущества: de grands avantages!)... вдругъ произошло нѣчто необыкновенное. Что-то стукнуло, топнуло, сверкнуло — Вязовнинъ почувствовалъ въ груди, съ правой стороны, присутствіе какой-то холодной, длинной палки... Онъ хотѣлъ отпихнуть ее, сказать: „не надо!“, но онъ уже лежалъ на спинѣ и испытывалъ ощущеніе странное, почти смѣшное: точно ему изъ всего тѣла зубъ хотѣли вытащить... Потомъ земля тихонько поплыла подъ нимъ... Первый голосъ сказалъ: „Tout s'est passé dans les règles, n'est ce pas, messieurs?“ — второй отвѣчалъ: „Oh, parfaitement!“ — и бухъ! все кругомъ полетѣло и провалилось... Вѣрочка! едва успѣлъ тоскливо подумать Вязовнинъ...

Къ вечеру „преданный малый“ привезъ его въ гостиницу des Trois Monarques—а въ ночь его не стало. Вязовнинъ отправился въ тотъ край, откуда еще не возвращалось ни одного путешественника. Онъ не пришелъ въ себя до самой смерти, и только два раза пролепеталъ: „Я сейчасъ вернусь... это ничего... теперь въ деревню“... Русскій священникъ, за которымъ послалъ хозяинъ, далъ

обо всемъ знать въ наше посольство—и „несчастный случай съ пріѣзжимъ русскимъ“ черезъ два дня уже стоялъ во всѣхъ газетахъ.

Трудно и горько было Петру Васильичу сообщить Вѣрочкѣ письмо ея мужа; но когда дошло до него извѣстіе о гибели Вязовнина, онъ совсѣмъ потерялся. Первый прочелъ о ней въ газетахъ Михѣй Михѣичъ и тотчасъ же, вмѣстѣ съ Онуфріемъ Ильичемъ, съ которымъ опять успѣлъ сойтись, поскакалъ къ Петру Васильичу. Онъ, какъ водится, еще въ передней закричалъ: „вообразите, какое несчастье!“ и т. д. Петръ Васильичъ долго не хотѣлъ ему вѣрить; но когда уже не осталось возможности сомнѣваться, онъ, переждавъ цѣлый день, отправился къ Вѣрочкѣ. Одинъ видъ его, уничтоженный и убитый, до того испугалъ ее, что она чуть устояла на ногахъ. Онъ хотѣлъ-было приготовить ее къ роковой вѣсти, но силы ему измѣнили—онъ сѣлъ и сквозь слезы залепеталъ:

— Онъ умеръ, умеръ...

Прошелъ годъ. Отъ корней срубленнаго дерева идутъ новые отпрыски, самая глубокая рана зарастаетъ, жизнь такъ же смѣняетъ смерть, какъ и сама смѣняется ею,—и сердце Вѣрочки отдохнуло понемногу и зажило.

Притомъ же, ни Вязовнинъ не принадлежалъ къ числу людей незамѣнимыхъ (да и есть ли такіе люди?), ни Вѣрочка не была способна посвятить себя одному на вѣкъ чувству (да и есть ли такія чувства?). Она вышла за Вязовнина безъ принужденья и безъ восторга, была ему вѣрна и предана, но не отдалась ему вся, горевала о немъ искренно, но не безумно... чего же болѣе? Петръ Васильичъ не переставалъ къ ней ѣздить; онъ попрежнему былъ ея самымъ близкимъ другомъ, и потому нисколько не удивительно, что, оставшись однажды наединѣ съ нею, онъ глянулъ ей въ лицо и преспокойно предложилъ ей быть его женою... Она улыбнулась въ отвѣтъ и протянула ему руку. Жизнь ихъ послѣ свадьбы продолжалась точно такъ же, какъ и прежде: въ ней нечего было перемѣнить. Съ тѣхъ поръ уже прошло около де-

сяти лѣтъ. Старикъ Барсуковъ живетъ вмѣстѣ съ ними и, не разлучаясь ни на шагъ съ своими внуками—у него ихъ уже трое: двѣ дѣвочки и одинъ мальчикъ,—съ каждымъ годомъ молодѣетъ. Съ ними онъ даже разговариваетъ, особенно съ своимъ любимцемъ внукомъ, кудрявымъ и черноглазымъ мальчишкой, названнымъ, въ честь его, Степаномъ. Маленькій плутъ очень хорошо знаетъ, что дѣдушка въ немъ души не чаетъ, и, вслѣдствіе этого, позволяетъ себѣ передразнивать его, какъ онъ ходитъ по комнатѣ и восклицаетъ: „брау, брау!“ Эта шалость всегда возбуждаетъ большую веселость въ цѣломъ домѣ. Бѣдный Вязовнинъ до нынѣшняго дня не забытъ. Петръ Васильичъ чтитъ его. память, всегда съ особеннымъ чувствомъ отзывается о немъ и при каждомъ удобномъ случаѣ непремѣнно скажетъ, что вотъ это-то любилъ покойникъ, такую-то имѣлъ онъ привычку. Петръ Васильичъ, его жена, всѣ его домашніе проводятъ время очень однообразно — мирно и тихо; они наслаждаются счастіемъ... потому что на землѣ другого счастія нѣтъ.

1853 г.

ЗАТИШЬЕ.

(повѣсть.)

I.

Въ довольно большой, недавно выбѣленной комнатѣ господскаго флигеля, въ деревнѣ Сасовѣ, —го уѣзда, Т.... губерніи сидѣлъ за старымъ, покоробленнымъ столикомъ, на деревянномъ узкомъ стулѣ, молодой человѣкъ въ пальто и разсматривалъ счеты. Двѣ стеариновыя свѣчки, въ дорожныхъ серебряныхъ шандалахъ, горѣли передъ нимъ; въ одномъ углу на лавкѣ стоялъ открытый погребецъ, въ другомъ—слуга устанавливалъ желѣзную кровать. За низкой перегородкой ворчалъ и шипѣлъ самоваръ; собака ворочалась на только-что принесенномъ сѣнѣ. Въ дверяхъ стоялъ мужикъ въ новомъ армякѣ, подпоясанный краснымъ кушакомъ, съ большой бородой и умнымъ лицомъ, по всѣмъ признакамъ—староста; онъ внимательно глядѣлъ на сидѣвшаго молодого человѣка. У одной стѣны стояло очень ветхое крошечное фортепіано, возлѣ столь же древняго комода съ дырами вмѣсто замковъ; между окнами виднѣлось темное зеркальце; на перегородкѣ висѣлъ старый, почти весь облупившійся портретъ напудренной женщины, въ робронѣ и съ черной ленточкой на тонкой шеѣ.

Судя по замѣтной кривизнѣ потолка и покатости щелистаго пола, флигелекъ, въ который мы ввели читателя, существовалъ давнымъ-давно; въ немъ никто постоянно не жилъ, онъ служилъ для господскаго пріѣзда. Молодой человѣкъ, сидѣвшій за столомъ, былъ именно владѣлецъ деревни Сасовой. Онъ только наканунѣ прибылъ изъ главнаго своего имѣнія, отстоящаго верстъ за сто оттуда, и на другой же день собирался уѣхать, окончивши осмотръ хозяйства, выслушавши требованія крестьянъ и повѣривъ всѣ бумаги.

— Ну, однако, довольно,—промолвилъ онъ, приподнявъ голову: — усталъ. Ты теперь можешь идти, — прибавилъ онъ, обращаясь къ старостѣ: — а завтра приходи пораньше, да съ утра повѣсти мужиковъ, чтобы на сходку явились, слышишь?

— Слушаю.

— Да земскому вели мнѣ вѣдомость за послѣдній мѣсяцъ представить. Однако, ты хорошо сдѣлалъ,—продолжалъ баринъ, оглянувшись: — что стѣны выбѣлилъ. Все какъ-будто чище.

Староста молча тоже оглянулъ стѣны.

— Ну, теперь ступай.

Староста поклонился и вышелъ.

Баринъ потянулся.

— Эй!—крикнулъ онъ.—Дайте мнѣ чаю... Пора спать.

Слуга отправился за перегородку и скоро вернулся съ стаканомъ чаю, связкой городскихъ котелокъ и сливочникомъ на желѣзномъ подносѣ. Баринъ принялся пить чай, но не успѣлъ онъ отхлебнуть двухъ глотковъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ послышался стукъ вошедшихъ людей и чей-то пискливый голосъ спросилъ:

— Владиміръ Сергѣичъ Астаховъ дома? Можно ихъ видѣть?

Владиміръ Сергѣичъ (такъ именно звали молодого человѣка въ пальто) съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на своего человѣка и торопливымъ шопотомъ проговорилъ:

— Поди, узнай, кто это?

Человѣкъ вышелъ и прихлопнулъ за собой плохо затворявшуюся дверь.

— Доложи Владиміру Сергѣичу, — раздался тотъ же пискливый голосъ:—что сосѣдъ ихъ Ипатовъ желаетъ ихъ видѣть, буде не обезпокоитъ; да со мной еще пріѣхалъ другой сосѣдъ, Бодряковъ, Иванъ Ильичъ, тоже желаютъ почтеніе свое засвидѣтельствовать.

Невольное движеніе досады вырвалось у Владиміра Сергѣича. Однако, когда слуга его вошелъ въ комнату, онъ сказалъ ему:

— Проси.

И онъ всталъ въ ожиданіи гостей.

Дверь отворилась и появились гости. Одинъ изъ нихъ, плотный сѣдой старичокъ съ круглой головкой и свѣтлыми глазками, шелъ впереди; другой, высокій, худощавый мужчина, лѣтъ тридцати пяти, съ длиннымъ, смуглымъ лицомъ и безпорядочными волосами, выступалъ, переваливаясь, сзади. На старичкѣ былъ опрятный сѣрый сюртукъ, съ большими перламутровыми пуговицами; розовый галстучекъ, до половины скрытый отложнымъ воротничкомъ бѣлой рубашки, свободно обхватывалъ его шею; на ногахъ у него красовались штиблеты, пріятно пестрѣли клѣтки его шотландскихъ панталонъ, и вообще онъ весь производилъ впечатлѣніе пріятное. Его товарищъ, напротивъ, возбуждалъ въ зрителѣ чувство менѣе выгодное: на немъ былъ черный старый фракъ, застегнутый наглухо; штаны его, изъ толстаго зимняго трико, подходили подъ цвѣтъ его фрака; ни около шеи, ни у кистей рукъ не виднѣлось бѣлья. Старичокъ первый приблизился къ Владиміру Сергѣичу и, любезно поклонившись, заговорилъ тѣмъ же тоненькимъ голоскомъ:

— Честь имѣю рекомендоваться, — ближайшій вашъ сосѣдъ и даже родственникъ, Ипатовъ, Михайло Николаичъ. Давно желалъ имѣть удовольствіе съ вами познакомиться. Надѣюсь, что не обезпокоилъ.

Владиміръ Сергѣичъ отвѣчалъ, что онъ очень радъ и самъ желалъ... и что безпокойства никакого нѣтъ и не угодно ли сѣсть... чаю выкушать.

— А этотъ дворянинъ,—продолжалъ старичокъ, выслушавъ съ привѣтной улыбкой недомолвленныя рѣчи Вла-

диміра Сергѣича и протянувъ руку въ направленіи господина во фракѣ:—тоже вашъ сосѣдъ... и мой хорошій знакомый, Иванъ Ильичъ, сильно желалъ съ вами познакомиться.

Господинъ во фракѣ, по лицу котораго никто бы не предположилъ, чтобы онъ чего-нибудь могъ сильно пожелать въ своей жизни — до того разсѣянно и въ то же время сонливо было выраженіе этого лица,—господинъ во фракѣ поклонился неловко и вяло. Владиміръ Сергѣичъ поклонился ему въ отвѣтъ и вторично попросилъ гостей присѣсть.

Гости сѣли.

— Очень радъ,—началъ старичокъ, пріятно разставивъ руки, между тѣмъ какъ его товарищъ принялся, слегка раскрывъ ротъ, оглядывать потолокъ: — очень радъ, что имѣю, наконецъ, честь видѣть васъ лично. Хотя вы постояннымъ жительствомъ вашимъ и обрѣтаетесь въ довольно отдаленномъ отъ здѣшнихъ мѣстъ уѣздѣ, однако мы считаемъ васъ тоже своимъ кореннымъ, такъ-сказать, владѣльцемъ.

— Мнѣ это очень лестно, — возразилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Лестно ли, нѣтъ ли, а оно такъ. Вы, Владиміръ Сергѣичъ, извините, мы здѣсь, въ —омъ уѣздѣ, народъ прямой, по простотѣ живемъ: говоримъ, что̀ думаемъ, безъ обиняковъ. У насъ даже, скажу вамъ, на именины другъ къ другу ѣздятъ не иначе, какъ въ сюртукахъ. Право! Такъ ужъ у насъ заведено. Въ сосѣднихъ уѣздахъ насъ за это сюртучниками называютъ и даже упрекаютъ яко бы въ дурномъ тонѣ, но мы на это и вниманія не обращаемъ! Помилуйте, въ деревнѣ жить—да еще чиниться?

— Конечно, что̀ можетъ быть лучше... въ деревнѣ... этой натуральности въ обращеніи, — замѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— А между тѣмъ,—возразилъ старичокъ:—и у насъ въ уѣздѣ живутъ люди, можно сказать, умнѣйшіе, европейски образованные люди, хоть и фраковъ не носятъ. Вотъ хоть бы, напримѣръ, историкъ нашъ, Евсюковъ, Степанъ

Степанычъ: онъ россійской исторіей съ самыхъ древнѣйшихъ временъ занимается и въ Петербургѣ извѣстенъ, ученѣйшій человѣкъ! Въ городѣ нашемъ старинное шведское ядро, знаете... тамъ оно среди площади поставлено... вѣдь это онъ его открылъ. Какъ же! Центелеръ, Антонъ Карлычъ... тотъ естественную исторію изучилъ: впрочемъ, говорятъ, эта наука всѣмъ нѣмцамъ далась. Когда у насъ, лѣтъ десять тому назадъ, забѣжавшую гіену убили, такъ вѣдь это Антонъ Карлычъ открылъ, что она дѣйствительно была гіена, по причинѣ особеннаго устройства ея хвоста. Вотъ еще Кабурдинъ есть у насъ помѣщикъ: тотъ больше легкія статейки пишетъ; очень бойкое у него перо, въ Галатеѣ есть его статейки. Бодряковъ... не Иванъ Ильичъ, нѣтъ, Иванъ Ильичъ этимъ неглижируетъ, а другой Бодряковъ, Сергѣй... какъ бишь его по батюшкѣ-то, Иванъ Ильичъ... какъ бишь?

— Сергѣичъ,—подхватилъ Иванъ Ильичъ.

— Да, Сергѣй Сергѣичъ, — тотъ стихами занимается. Ну, конечно, не Пушкинъ, а иногда такъ отбреетъ, что хоть бы въ столицѣ. Вы его эпиграмму на Агея Ѳомича знаете?

— На какого Агея Ѳомича?

— Ахъ, извините; я все забываю, что вы все-таки не здѣшній житель. На нашего исправника. Очень смѣшная эпиграмма вышла. Иванъ Ильичъ, ты, кажется, ее помнишь?

— Агей Ѳомичъ,—равнодушно заговорилъ Бодряковъ—

. . . не даромъ славно
Дворянскимъ выборомъ почтенъ...

— Надо вамъ сказать, — перебилъ Ипатовъ: — что его выбрали почти-что одними бѣлыми шарами, ибо человѣкъ онъ наидостойнѣйшій.

— Агей Ѳомичъ,—повторилъ Бодряковъ:—

. . . не даромъ славно
Дворянскимъ выборомъ почтенъ:
Онъ пьетъ и кушаетъ исправно...
Такъ какъ же не исправникъ онъ?

Старичокъ засмѣялся.

— Хе-хе-хе! а вѣдь недурно? Съ тѣхъ поръ, повѣрите

ли вы, всякій изъ насъ скажетъ, напримѣръ, Агею Ѳомичу: здравствуйте—и ужъ непремѣнно прибавитъ: „такъ какъ же не исправникъ онъ?“ И Агей Ѳомичъ, вы думаете, сердится? Нисколько. Нѣтъ—у насъ этого и въ заведеніи нѣтъ. Вотъ, спросите хоть Ивана Ильича.

Иванъ Ильичъ только глазами повелъ.

— Сердиться за шутку, какъ это можно! Вотъ, хоть бы Иванъ Ильичъ: его у насъ прозываютъ Складная-Душа, потому что онъ весьма скоро на все соглашается. Что жъ? развѣ Иванъ Ильичъ за это обижается? Никогда!

Иванъ Ильичъ посмотрѣлъ, медленно мигая, сперва на старичка, потомъ на Владиміра Сергѣича.

Названіе „Складная-Душа“, дѣйствительно, очень шло къ Ивану Ильичу. Въ немъ и слѣда не было того, что̀ называется волей или характеромъ. Всякій, кто только хотѣлъ, могъ увезти его съ собой куда угодно; сто̀ило только сказать ему: Иванъ Ильичъ, поѣдемте,—онъ бралъ шапку и ѣхалъ; а подвернись тутъ другой и скажи ему: Иванъ Ильичъ, останьтесь,—онъ клалъ шапку и оставался. Нрава онъ былъ миролюбиваго и тихаго, весь свой вѣкъ прожилъ холостякомъ, въ карты не игралъ, но любилъ сидѣть возлѣ играющихъ и глядѣть имъ по очереди въ лица. Безъ общества онъ жить не могъ и уединенія не переносилъ; онъ тогда впадалъ въ уныніе; впрочемъ, это съ нимъ случалось очень рѣдко. За нимъ водилась еще одна особенность: вставъ рано поутру съ постели, онъ вполголоса напѣвалъ старинный романсъ:

Въ деревнѣ нѣкогда баронъ
Жилъ съ деревенской простотою...

Вслѣдствіе этой особенности Ивана Ильича, его прозывали также щуромъ; извѣстно, что щуръ въ клѣткѣ поетъ только разъ въ теченіе дня, рано поутру. Таковъ былъ Иванъ Ильичъ Бодряковъ.

Разговоръ между Ипатовымъ и Владиміромъ Сергѣичемъ продолжался довольно долго, но уже не въ прежнемъ, такъ-сказать, умозрительномъ направленіи. Старичокъ разспрашивалъ Владиміра Сергѣича объ его имѣніи, о состояніи его лѣсныхъ и другихъ дачъ, объ усовершен-

ствованіяхъ, которыя онъ уже ввелъ или только намѣревался ввести въ своемъ хозяйствѣ; сообщилъ ему нѣсколько своихъ собственныхъ наблюденій, посовѣтовалъ, между прочимъ, для истребленія луговыхъ кочекъ, обсыпать ихъ кругомъ овсомъ, что̀ будто бы побуждаетъ свиней срывать ихъ своими носами и т. п. Наконецъ, однако, замѣтивъ, что у Владиміра Сергѣича слипались глаза и въ самыхъ словахъ проявлялась нѣкоторая медлительность и безсвязность, старичокъ всталъ и, любезно поклонившись, объявилъ, что онъ не намѣренъ болѣе стѣснять своимъ присутствіемъ, но что надѣется имѣть удовольствіе видѣть у себя дорогого гостя не позже завтрашняго дня, къ обѣду.

— А въ мою деревню, — прибавилъ онъ: — не говоря уже малое дитя, первая встрѣчная, смѣю сказать, курица или баба вамъ дорогу укажетъ, сто̀итъ только спросить Ипатовку. Лошади сами добѣгутъ.

Владиміръ Сергѣичъ отвѣчалъ съ небольшой, впрочемъ свойственной ему запинкой, что постарается... что если ничего не воспрепятствуетъ...

— Нѣтъ, ужъ мы васъ будемъ ждать навѣрное,—перебилъ его ласково старичокъ, крѣпко пожалъ ему руку и проворно вышелъ, воскликнувъ у двери въ полуоборотъ:— безъ церемоніи!

Складная-Душа Бодряковъ поклонился молча и исчезъ вслѣдъ за своимъ товарищемъ, предварительно споткнувшись на порогѣ.

Проводивъ нежданыхъ гостей, Владиміръ Сергѣичъ тотчасъ раздѣлся, легъ въ постель и заснулъ.

Владиміръ Сергѣичъ Астаховъ принадлежалъ къ числу людей, которые, осторожно попытавши свои силы на двухъ, трехъ различныхъ поприщахъ, сами говорятъ о себѣ, что рѣшились наконецъ взглянуть на жизнь съ практической точки зрѣнія, и посвящаютъ досугъ умноженію своихъ доходовъ. Онъ былъ не глупъ, довольно скупъ и очень разсудителенъ, любилъ чтеніе, общество, музыку, но все въ мѣру... и держалъ себя очень прилично. Ему было всего двадцать-семь лѣтъ. Подобныхъ ему молодыхъ людей развелось въ послѣднее время много. Онъ былъ сред-

няго роста, хорошо сложенъ, черты лица имѣлъ пріятныя, но мелкія: выраженіе ихъ почти никогда не мѣнялось, глаза его глядѣли всегда однимъ и тѣмъ же сухимъ и свѣтлымъ взоромъ; лишь изрѣдка смягчался онъ легкимъ оттѣнкомъ не то грусти, не то скуки: учтивая улыбка почти не покидала его губъ. Волосы у него были прекрасные, бѣлокурые, шелковистые и въ длинныхъ завиткахъ. За Владиміромъ Сергѣичемъ считалось около шести-сотъ душъ хорошаго имѣнія, и онъ думалъ о бракѣ, бракѣ по наклонности, но въ то же время выгодномъ. Особенно хотѣлось ему сыскать жену со связями. Онъ находилъ, что у него недостаточно было связей. Словомъ, онъ заслуживалъ вошедшее недавно въ моду названіе джентльмена.

Вставши на другое утро, по обыкновенію, очень рано, джентльменъ нашъ занялся дѣлами и, должно отдать ему справедливость, занялся ими довольно дѣльно, что̀ не всегда можно сказать про молодыхъ практическихъ людей у насъ на Руси. Онъ терпѣливо выслушалъ сбивчивыя просьбы и жалобы мужиковъ, удовлетворилъ ихъ насколько могъ, разобралъ возникшіе споры и несогласія между родными, однихъ усовѣстилъ, на другихъ прикрикнулъ, провѣрилъ отчетъ земскаго, вывелъ на свѣжую воду двѣ-три плутни старосты, словомъ — распорядился такъ, что и самъ остался собою доволенъ, и крестьяне, возвращаясь со сходки ко дворамъ, отзывались о немъ хорошо. Несмотря на слово, данное наканунѣ Ипатову, Владиміръ Сергѣичъ рѣшился-было обѣдать дома, и даже заказалъ своему походному повару любимый рисовый супъ съ потрохами; но вдругъ, быть-можетъ, вслѣдствіе чувства довольства, наполнившаго его душу съ утра, остановился посреди комнаты, ударилъ себѣ рукою по лбу и не безъ нѣкоторой удали громко воскликнулъ: „А поѣду-ка я къ этому старому краснобаю!“ Сказано, сдѣлано; чрезъ полчаса онъ уже сидѣлъ въ своемъ новенькомъ тарантасѣ, запряженномъ четвернею добрыхъ крестьянскихъ лошадей, и ѣхалъ въ Ипатовку, до которой считалось не болѣе двѣнадцати верстъ отличной дороги.

II.

Усадьба Михаила Николаевича Ипатова состояла изъ двухъ отдѣльныхъ господскихъ домиковъ, построенныхъ другъ противъ друга по обѣимъ сторонамъ огромнаго проточнаго пруда. Длинная плотина, обсаженная серебристыми тополями, замыкала этотъ прудъ; почти въ уровень съ ней виднѣлась красная крыша небольшой мельницы-колотовки. Построенные одинаково, выкрашенные одной лиловой краской, домики, казалось, переглядывались черезъ широкую водную гладь блестящими стеклами своихъ маленькихъ, чистыхъ оконъ. Посрединѣ каждаго изъ домиковъ выдавалась круглая терраса и возвышался острый фронтонъ, подпертый четырьмя тѣсно поставленными бѣлыми колоннами. Вокругъ всего пруда шелъ старинный садъ: липы тянулись по немъ аллеями, стояли сплошными купами; заматерѣлыя сосны съ блѣдно-желтыми стволами, темные дубы, великолѣпные ясени высоко поднимали тамъ и сямъ свои одинокія верхушки; густая зелень разросшихся сиреней и акацій подступала вплоть до самыхъ боковъ обоихъ домиковъ, оставляя открытыми однѣ ихъ переднія стороны, отъ которыхъ бѣжали внизъ по скатамъ извилистыя, убитыя кирпичомъ дорожки. Пестрыя утки, бѣлые и сѣрые гуси плавали отдѣльными станицами по свѣтлой водѣ пруда: онъ никогда не зацвѣталъ, благодаря обильнымъ ключамъ, бившимъ въ его „головѣ“ со дна крутого и каменистаго оврага. Мѣстоположеніе усадьбы было хорошо: привѣтливо, уединенно и красиво.

Въ одномъ изъ двухъ маленькихъ домиковъ жилъ самъ Михаилъ Николаевичъ; въ другомъ жила его мать, дряхлая старуха лѣтъ семидесяти. Взъѣхавши на плотину, Владиміръ Сергѣичъ не зналъ, къ какому дому направиться. Онъ оглянулся—дворовый мальчикъ удилъ рыбу, стоя босикомъ на полусгнившей карягѣ. Владиміръ Сергѣичъ окликнулъ его.

— Да вамъ къ кому, къ старой барынѣ, аль къ барчуку?—возразилъ мальчикъ, не сводя глазъ съ поплавка.

— Къ какой барынѣ?—отвѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ:— я къ Михаилу Николаичу.

— А! къ барчуку? Ну, такъ ступайте направо.

И мальчикъ дернулъ удочкой и вытащилъ изъ неподвижной воды небольшого серебристаго карася. Владиміръ Сергѣичъ отправился направо.

Михаилъ Николаичъ игралъ въ шашки со Складной-Душою, когда ему доложили о пріѣздѣ Владиміра Сергѣича. Онъ очень обрадовался, вскочилъ съ креселъ, выбѣжалъ въ переднюю и въ передней трижды съ нимъ облобызался.

— Вы меня застаете съ моимъ неизмѣннымъ пріятелемъ, Владиміръ Сергѣичъ,—заговорилъ словоохотливый старичокъ:—съ Иваномъ Ильичемъ, который, скажу мимоходомъ, совершенно очарованъ вашей обходительностью. (Иванъ Ильичъ молча глянулъ въ уголъ.) Онъ былъ такъ добръ, остался со мной въ шашки играть, а мои всѣ пошли въ садъ гулять; но я сейчасъ за ними пошлю...

— Да зачѣмъ же безпокоить,—началъ-было Владиміръ Сергѣичъ...

— Какое безпокойство, помилосердуйте. Эй, Ванька, сбѣгай за барышнями скорѣй... скажи, гость, молъ, пожаловалъ. А каково вамъ здѣшняя мѣстность нравится, вѣдь недурна, не правда ли? Кабурдинъ стихи на нее сочинилъ. „Ипатовка, пріютъ любезный“, такъ начинается,—дальше тоже хорошо, только не все помню. Садъ великъ, вотъ бѣда: не по средствамъ. А эти два дома, столь между собой схожіе, какъ вы изволили, можетъ-быть, замѣтить, были построены двумя братьями, отцомъ моимъ Николаемъ и дядей Сергѣемъ; они же и садъ развели; друзья были примѣрные... Дамонъ и... вотъ тебѣ на! забылъ, какъ другого звали...

— Пифіонъ,—замѣтилъ Иванъ Ильичъ.

— Полно, такъ ли? Ну, все равно. (Дома старикъ говорилъ гораздо развязнѣе, чѣмъ въ гостяхъ.)—Вамъ, Владиміръ Сергѣичъ, вѣроятно, не безызвѣстно, что я вдовецъ, лишился жены; старшія дѣтки въ казенныхъ заведеніяхъ, а со мной только двѣ меньшенькихъ, да своя-

ченица живетъ, женина сестра, вотъ вы ее сейчасъ увидите. Да что жъ это, я васъ ничѣмъ не потчую? Иванъ Ильичъ, распорядись, братецъ, насчетъ закуски... какую вы водку предпочитать изволите?

— Я до обѣда ничего не пью.

— Помилуйте, какъ это можно! А, впрочемъ, какъ вамъ будетъ угодно. Гостю воля, гостю честь. Вѣдь здѣсь у насъ по простотѣ. Здѣсь у насъ, осмѣлюсь такъ выразиться, не то чтобы захолустье, а затишье, право затишье, уединенный уголокъ—вотъ что! Но что же вы не сядете?

Владиміръ Сергѣичъ сѣлъ, не выпуская изъ рукъ шляпы.

— Позвольте васъ облегчить, — проговорилъ Ипатовъ, и деликатно отнявъ у него шляпу, отнесъ ее въ уголъ, потомъ возвратился, съ ласковой улыбкой посмотрѣлъ гостю въ глаза и, не зная, что̀ бы такое сказать ему пріятное, спросилъ его самымъ радушнымъ образомъ, любитъ ли онъ играть въ шашки?

— Я плохо играю во всѣ игры,—отвѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— И это съ вашей стороны прекрасно,—возразилъ Ипатовъ:—но шашки, это не игра, а скорѣе забава, препровожденіе празднаго времени; не такъ ли, Иванъ Ильичъ?

Иванъ Ильичъ взглянулъ на Ипатова равнодушнымъ взглядомъ, словно думая про себя: „а чортъ ихъ знаетъ—игра ли онѣ или забава“, но, погодя немного, онъ промолвилъ:

— Да; шашки—ничего.

— Вотъ, говорятъ, шахматы другое дѣло, — продолжалъ Ипатовъ: — говорятъ, это игра претрудная. Но по-моему... а, да вотъ и мои идутъ! — перебилъ онъ самъ себя, взглянувъ въ полурастворенную стеклянную дверь, выходившую въ садъ.

Владиміръ Сергѣичъ всталъ, обернулся и увидалъ сперва двухъ дѣвочекъ лѣтъ около десяти, въ розовыхъ ситцевыхъ платьицахъ и большихъ шляпахъ, проворно взбѣгавшихъ по ступенямъ террасы; вскорѣ за ними появилась дѣвушка лѣтъ двадцати, высокаго роста, полная и

стройная, въ темномъ платьѣ. Всѣ онѣ вошли въ комнату, дѣвочки чинно присѣли передъ гостемъ.

— Вотъ-съ, рекомендую,—проговорилъ хозяинъ: — мои дочки-съ. Эту вотъ Катей зовутъ-съ, а эту Настей, а это вотъ моя свояченица, Марья Павловна, о которой я уже имѣлъ удовольствіе вамъ говорить. Прошу любить да жаловать.

Владиміръ Сергѣичъ поклонился Марьѣ Павловнѣ, она отвѣтила ему едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы.

Марья Павловна держала въ рукѣ большой раскрытый ножъ; ея густые русые волосы слегка растрепались, небольшой зеленый листокъ запутался въ нихъ, коса выбилась изъ-подъ гребня, смуглое лицо зарумянилось и красныя губы раскрылись; платье казалось измятымъ. Она дышала быстро; глаза ея блестѣли; видно было, что она работала въ саду. Она тотчасъ же вышла изъ комнаты; дѣвочки побѣжали за ней.

— Туалетъ-съ немножко въ порядокъ привести, — замѣтилъ старикъ, обращаясь къ Владиміру Сергѣичу: — безъ этого нельзя-съ.

Владиміръ Сергѣичъ осклабился ему въ отвѣтъ и слегка задумался. Марья Павловна его поразила. Давно не видывалъ онъ такой прямо-русской, степной красоты. Она скоро вернулась, сѣла на диванъ и осталась неподвижной. Волосы свои она убрала, но платья не перемѣнила, не надѣла даже манжетокъ. Черты ея лица выражали не то, чтобы гордость, а суровость, почти грубость; лобъ ея былъ широкъ и низокъ, носъ коротокъ и прямъ; лѣнивая и медленная усмѣшка изрѣдка кривила ея губы; презрительно хмурились ея прямыя брови. Она почти постоянно держала свои большіе, темные глаза опущенными. „Я знаю, казалось, говорило ея непривѣтное молодое лицо: я знаю, что вы всѣ на меня смотрите; ну, смотрите; надоѣли!“ Когда же она поднимала свои глаза, въ нихъ было что-то дикое, красивое и тупое, напоминавшее взоръ лани. Сложена она была великолѣпно. Классическій поэтъ сравнилъ бы ее съ Церерой или Юноной.

— Что вы дѣлали въ саду? — спросилъ ее Ипатовъ, желавшій вовлечь ее въ разговоръ.

— Сухіе сучья рѣзали и копали гряды,—отвѣчала она голосомъ нѣсколько низкимъ, но пріятнымъ и звучнымъ.

— И что жъ, вы устали?

— Дѣти устали; я нѣтъ.

— Я знаю, — возразилъ съ улыбкой старикъ: — ты у меня настоящая Бобелина! А у бабушки были?

— Были; она почиваетъ.

— Вы любите цвѣты? — спросилъ ее Владиміръ Сергѣичъ.

— Люблю.

— Отчего ты шляпы не надѣваешь, когда выходишь,— замѣтилъ ей Ипатовъ:—посмотри, какъ ты раскраснѣлась и загорѣла.

Она молча провела рукой по лицу. Руки у ней были невелики, но немного широки и довольно красны. Она не носила перчатокъ.

— И садоводство вы любите?—опять спросилъ ее Владиміръ Сергѣичъ.

— Да.

Владиміръ Сергѣичъ принялся разсказывать, какой у него въ сосѣдствѣ прекрасный садъ у богатаго помѣщика Н*.— Главный садовникъ, нѣмецъ, одного жалованья получаетъ двѣ тысячи рублей серебромъ,—сказалъ онъ между прочимъ.

— А какъ зовутъ этого садовника? — спросилъ вдругъ Иванъ Ильичъ.

— Не помню, кажется Мейеръ или Миллеръ. А вамъ на что?

— Такъ-съ,—отвѣтилъ Иванъ Ильичъ.—Фамилію узнать.

Владиміръ Сергѣичъ продолжалъ свой разсказъ. Дѣвочки, дочери Михаила Николаича, вошли, тихонько сѣли и тихонько стали слушать...

Слуга показался въ дверяхъ и доложилъ, что Егоръ Капитонычъ пріѣхалъ.

— А! проси, проси!—воскликнулъ Ипатовъ.

Вошелъ старичокъ низенькій и толстенькій, изъ породы людей, называемыхъ коротышками или карандашами, съ пухлымъ и въ то же время сморщеннымъ личикомъ, въ

родѣ печенаго яблока. На немъ была сѣрая венгерка съ черными шнурками и стоячимъ воротникомъ; его широкіе плисовые шаровары, кофейнаго цвѣта, оканчивались далеко выше щиколокъ.

— Здравствуйте, почтеннѣйшій Егоръ Капитонычъ, — воскликнулъ Ипатовъ, идя ему навстрѣчу: — давненько мы съ вами не видались.

— Да что, — возразилъ Егоръ Капитонычъ картавымъ и плаксивымъ голосомъ, раскланявшись предварительно со всѣми присутствовавшими: — вѣдь вы знаете, Михаилъ Николаичъ, свободный ли я человѣкъ?

— А чѣмъ же вы не свободный человѣкъ, Егоръ Капитонычъ?

— Да какъ же, Михаилъ Николаичъ; семейство, дѣла... А тутъ еще Матрена Марковна.

И онъ махнулъ рукой.

— А что жъ Матрена Марковна?

И Ипатовъ слегка подмигнулъ Владиміру Сергѣичу, какъ бы желая заранѣе возбудить его вниманіе.

— Да извѣстно, — возразилъ Егоръ Капитонычъ, садясь: — все мною недовольна, будто вы не знаете? Что я ни скажу, все не такъ, не деликатно, не прилично. А почему не прилично, Господь Богъ знаетъ. И барышни, дочери мои то-есть, туда же, съ матери примѣръ берутъ. Я не говорю: Матрена Марковна прекраснѣйшая женщина, да ужъ очень строга насчетъ манеръ.

— Да чѣмъ же ваши манеры дурны, Егоръ Капитонычъ, помилуйте?

— Я и самъ то же думаю, да видно, ей угодить мудрено. Вчера, напримѣръ, говорю я за столомъ: Матрена Марковна (и Егоръ Капитонычъ придалъ голосу своему самое вкрадчивое выраженіе): Матрена Марковна, говорю я, что это, какъ Алдошка лошадей не бережетъ, ѣздить не умѣетъ, говорю; вороного-то жеребца совсѣмъ закачало. И-ихъ, Матрена Марковна какъ вспыхнетъ, какъ примется стыдить меня: выражаться ты, дескать, прилично не умѣешь въ дамскомъ обществѣ; барышни тотчасъ изъ-за стола повскакали, а на другой день Бирюлевскимъ

барышнямъ, женинымъ племянницамъ, уже все извѣстно. А чѣмъ я дурно выразился? посудите сами. И что̀ бы я ни сказалъ, иногда неосторожно, точно, — съ кѣмъ этого не бываетъ, особенно дома, — Бирюлевскимъ барышнямъ на другой день уже все извѣстно. Просто не знаешь, какъ быть. Иногда сижу я этакъ, думаю съ своей манерой,— я—вы, можетъ, знаете — дышу тяжело, — Матрена Марковна опять меня стыдить примется: не сопи, говоритъ, кто нынче сопитъ! Что̀ ты бранишься, говорю я, Матрена Марковна, помилуй, надо соболѣзновать, а ты бранишься. Ужъ я теперь дома больше не думаю. Сижу и на низъ все такъ гляжу. Ей-Богу. А то еще на-дняхъ, спать мы ложились: Матрена Марковна, говорю я, что̀ ты это, матушка, своего казачка какъ избаловала, вѣдь онъ, говорю, поросенокъ этакой, хоть бы въ воскресенье лицо-то вымылъ. Что жъ? вѣдь, кажется, далеко, нѣжно сказалъ, а и тутъ не потрафилъ; опять начала меня Матрена Марковна стыдить: не умѣешь, говоритъ, въ дамскомъ обществѣ держать себя; а на другой день Бирюлевскимъ барышнямъ все извѣстно. Гдѣ ужъ тутъ о выѣздахъ думать, Михаилъ Николаичъ?

— Это для меня удивительно, что вы говорить изволите, — возразилъ Ипатовъ: — я этого не ожидалъ отъ Матрены Марковны; кажется, она...

— Прекраснѣйшая женщина, — подхватилъ Егоръ Капитонычъ: — примѣрная, можно сказать, супруга и мать, насчетъ манеръ только строга. Говоритъ, во всемъ нуженъ ансамбль, и будто у меня его нѣтъ. Я по-французски, вы знаете, не говорю, такъ только понимаю. Но какой же ансамбль, котораго у меня нѣтъ?

Ипатовъ, который самъ не больно былъ силенъ во французскомъ языкѣ, только плечами пожалъ.

— А что̀ ваши дѣтки, сыновья то-есть?—спросилъ онъ Егора Капитоныча, немного погодя.

Егоръ Капитонычъ посмотрѣлъ на него сбоку.

— Что̀ сыновья, ничего. Я ими доволенъ. Барышни, тѣ отъ рукъ отбились, а сыновьями я доволенъ. Лёля служитъ хорошо, начальство его одобряетъ; Лёля у меня

ловкій ребенокъ. Ну, Михецъ—тотъ не такъ: филантропъ какой-то вышелъ.

— Отчего филантропъ?

— Господь его знаетъ, ни съ кѣмъ не говоритъ, дичится. Матрена Марковна его больше конфузитъ. Что, говоритъ, съ отца примѣръ берешь-то? Ты его уважай, а въ манерахъ подражай матери. Выровняется, пойдетъ и онъ.

Владиміръ Сергѣичъ попросилъ Ипатова познакомить его съ Егоромъ Капитонычемъ. Между ними завязался разговоръ. Марья Павловна не принимала въ немъ участія; къ ней подсѣлъ Иванъ Ильичъ, да и тотъ сказалъ ей всего слова два; дѣвочки подошли къ нему и начали что-то шопотомъ разсказывать... Вошла ключница, худая старуха, повязанная темнымъ платкомъ, и объявила, что обѣдъ готовъ. Всѣ отправились въ столовую.

Обѣдъ продолжался довольно долго. Ипатовъ хорошаго держалъ повара, и вина онъ выписывалъ недурныя, хотя не изъ Москвы, а изъ губернскаго города. Ипатовъ жилъ, какъ говорится, въ свое удовольствіе. Душъ за нимъ числилось не болѣе трехсотъ, но онъ никому не былъ долженъ и имѣнье привелъ въ порядокъ. За столомъ разговаривалъ больше самъ хозяинъ; Егоръ Капитонычъ ему вторилъ, но въ то же время не забывалъ себя: кушалъ и пилъ на славу. Марья Павловна все молчала, лишь изрѣдка отвѣчая полуулыбками на торопливыя рѣчи двухъ дѣвочекъ, сидѣвшихъ по обоимъ ея бокамъ; онѣ, повидимому, очень ее любили; Владиміръ Сергѣичъ пытался нѣсколько разъ заговорить съ нею, однако безъ особеннаго успѣха. Складная-Душа Бодряковъ даже ѣлъ лѣниво и вяло. Послѣ обѣда всѣ пошли на террасу пить кофе. Погода была прекрасная; изъ сада несло сладкимъ запахомъ липъ, стоявшихъ тогда въ полномъ цвѣту: лѣтній воздухъ, слегка охлажденный густою тѣнью деревьевъ и влажностью близкаго пруда, дышалъ какой-то ласковой теплотой. Вдругъ изъ-за тополей плотины примчался конскій топотъ, и спустя мгновенье, показалась всадница въ длинной амазонкѣ и круглой сѣрой шляпѣ на гнѣдой

лошади; она ѣхала галопомъ; казачокъ скакалъ сзади ея на небольшомъ бѣломъ клепперѣ.

— А! — воскликнулъ Ипатовъ: — Надежда Алексѣевна ѣдетъ—вотъ пріятный сюрпризъ.

— Одна?—спросила Марья Павловна, стоявшая до того мгновенья неподвижно у дверей.

— Одна... видно, Петра Алексѣича что-нибудь задержало.

Марья Павловна глянула исподлобья, краска разлилась по ея лицу, она отворотилась.

Между тѣмъ, всадница въѣхала черезъ калитку въ садъ, подскакала къ террасѣ и легко спрыгнула на землю, не дождавшись ни своего казачка, ни Ипатова, который направился-было къ ней навстрѣчу. Проворно подобравъ подолъ своей амазонки, вбѣжала она по ступенямъ, и, вскочивъ на террасу, весело воскликнула:

— Вотъ и я!

— Милости просимъ! — промолвилъ Ипатовъ. — Вотъ неожиданно-то, вотъ мило! Позвольте поцѣловать вашу ручку...

— Извольте,—возразила гостья:—только стащите перчатку сами.—Я не могу. И, протянувъ ему руку, кивнула головой Марьѣ Павловнѣ.—Маша, вообрази, братъ не будетъ сегодня,—сказала она съ маленькимъ вздохомъ.

— Я и такъ вижу, что его нѣтъ,—вполголоса отвѣчала Марья Павловна.

— Онъ велѣлъ тебѣ сказать, что занятъ. Ты не сердись. Здравствуйте, Егоръ Капитонычъ; здравствуйте, Иванъ Ильичъ. Здравствуйте, дѣти... Вася, — прибавила гостья, обратившись къ своему казачку:—вели хорошенько проводить Красавчика, слышишь? Маша, дай мнѣ, пожалуйста, булавку, шлейфъ приколоть... Михаилъ Николаичъ, подите-ка сюда.

Ипатовъ подошелъ къ ней поближе.

— Кто это новое лицо? — спросила она его довольно громко.

— Это сосѣдъ, Астаховъ, Владиміръ Сергѣичъ, знаете, чье Сасово. Хотите, я васъ съ нимъ познакомлю?

— Хорошо... послѣ. Ахъ, какая прекрасная погода,— продолжала она.—Егоръ Капитонычъ, скажите, Матрена Марковна неужели даже въ такую погоду ворчитъ?

— Матрена Марковна не ворчитъ ни въ какую погоду, сударыня, а она только строга насчетъ манеръ...

— А что дѣлаютъ Бирюлевскія барышни? Неправда ли, на другой день уже все имъ извѣстно...

И она засмѣялась звонкимъ и серебристымъ смѣхомъ.

— Вы все изволите смѣяться, — возразилъ Егоръ Капитонычъ. — Впрочемъ, когда же и смѣяться, какъ не въ ваши года.

— Егоръ Капитонычъ, милый, не сердитесь! Ахъ, я устала, позвольте сѣсть...

Надежда Алексѣевна опустилась въ кресла и шаловливо надвинула шляпу на самые глаза.

Ипатовъ подвелъ къ ней Владиміра Сергѣича.

— Позвольте, Надежда Алексѣевна, представить вамъ сосѣда нашего, господина Астахова, о которомъ вы, вѣроятно, много слышали.

Владиміръ Сергѣичъ поклонился, а Надежда Алексѣевна посмотрѣла на него изъ-подъ околышка своей круглой шляпы.

— Надежда Алексѣевна Веретьева, наша сосѣдка,— продолжалъ Ипатовъ, обращаясь къ Владиміру Сергѣичу. — Живетъ здѣсь съ братцемъ своимъ, Петромъ Алексѣичемъ, отставнымъ гвардіи поручикомъ. Большая пріятельница моей свояченицѣ, и вообще къ нашему дому благоволитъ.

— Цѣлый формулярный списокъ, — промолвила съ усмѣшкой Надежда Алексѣевна, попрежнему поглядывая на Владиміра Сергѣича изъ-подъ шляпы.

А Владиміръ Сергѣичъ, между тѣмъ, думалъ про себя: „да вѣдь и эта прехорошенькая“. И точно, Надежда Алексѣевна была очень милая дѣвица. Тоненькая и стройная, она казалась гораздо моложе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Ей уже минулъ двадцать седьмой годъ. Лицо она имѣла круглое, головку небольшую, пушистые бѣлокурые волосы, острый, почти нахально вздернутый

носикъ и веселые, нѣсколько лукавые глазки. Насмѣшливость такъ и свѣтилась въ нихъ, такъ и зажигалась въ нихъ искрами. Черты лица ея, чрезвычайно оживленныя и подвижныя, принимали иногда выраженіе почти забавное; въ нихъ проглядывалъ юморъ. Изрѣдка, большей частью внезапно, тѣнь раздумья набѣгала на ея лицо,— тогда оно становилось кроткимъ и добродушнымъ, но долго предаваться раздумью она не могла. Она легко схватывала смѣшныя стороны людей и порядочно рисовала карикатуры. Съ самаго рожденія ее всѣ баловали, и это тотчасъ можно было замѣтить: люди, избалованные въ дѣтствѣ, сохраняютъ особый отпечатокъ до конца жизни. Братъ ее любилъ, хотя увѣрялъ, что она жалится не какъ пчела, а какъ оса, потому что пчела ужалитъ, да и умретъ, а осѣ ужалить ничего не значитъ. Это сравненіе ее сердило.

— Вы надолго сюда пріѣхали?—спросила она Владиміра Сергѣича, опустивъ глаза и вертя въ рукахъ хлыстикъ

— Нѣтъ, я располагаю завтра же выѣхать отсюда.

— Куда?

— Домой.

— Домой? Зачѣмъ, смѣю спросить?

— Какъ зачѣмъ? Помилуйте, дома у меня дѣла есть, не терпящія отлагательства.

Надежда Алексѣевна посмотрѣла на него.

— Развѣ вы такой... аккуратный человѣкъ?

— Я стараюсь быть аккуратнымъ человѣкомъ,—возразилъ Владиміръ Сергѣичъ.—Въ наше положительное время всякій порядочный человѣкъ *долженъ* быть положительнымъ и аккуратнымъ.

— Это совершенно справедливо,—замѣтилъ Ипатовъ.— Не правда ли, Иванъ Ильичъ?

Иванъ Ильичъ только глянулъ на Ипатова, а Егоръ Капитонычъ промолвилъ:

— Да, это такъ.

— Жаль, — сказала Надежда Алексѣевна: — а у насъ именно недостаетъ jeune premier. Вы вѣдь умѣетъ играть комедіи?

— Я никогда не испытывалъ силъ своихъ на этомъ поприщѣ.

— Я увѣрена, что вы хорошо бы сыграли. У васъ осанка такая... важная, это для нынѣшнихъ jeune premier необходимо. Мы съ братомъ собираемся завести здѣсь театръ. Впрочемъ, мы не однѣ комедіи будемъ играть, мы все будемъ играть—драмы, балеты и даже трагедіи. Чѣмъ Маша не Клеопатра или не Федра? Посмотрите-ка на нее!

Владиміръ Сергѣичъ обернулся... Прислонившись головою къ двери и скрестивъ руки, Марья Павловна задумчиво глядѣла вдаль... Въ это мгновенье ея стройныя черты дѣйствительно напоминали облики древнихъ изваяній. Послѣднихъ словъ Надежды Алексѣевны она не разслышала; но, замѣтивъ, что взгляды всѣхъ внезапно на нее устремились, она тотчасъ догадалась, въ чемъ было дѣло, покраснѣла и хотѣла уйти въ гостиную... Надежда Алексѣевна проворно схватила ее за руку и, съ кокетливой ласковостью котенка, притянула къ себѣ и поцѣловала эту почти мужскую руку. Марья Павловна вспыхнула еще ярче.

— Ты все шалишь, Надя,—промолвила она.

— Развѣ я неправду про тебя сказала? Я готова сослаться на всѣхъ... Ну полно, полно, не буду. А я опять-таки скажу,—продолжала Надежда Алексѣевна, обратившись къ Владиміру Сергѣичу: — жаль, что вы ѣдете. Правда, есть у насъ одинъ jeune premier, самъ навязывается, да ужъ очень плохъ.

— Кто такой? позвольте узнать.

— Бодряковъ, поэтъ. Гдѣ жъ поэту быть jeune premier! Во-первыхъ, онъ такъ одѣвается, что ужасъ; во-вторыхъ, эпиграммы онъ пишетъ, а передъ всякой женщиной, даже предо мной, представьте, робѣетъ. Пришепётываетъ, одна рука у него всегда выше головы и ужъ не знаю что. Скажите пожалуйста, мосьё Астаховъ, всѣ ли поэты таковы?

Владиміръ Сергѣичъ слегка выпрямился.

— Я ни одного изъ нихъ не зналъ лично, да и, признаться, не искалъ никогда ихъ знакомства.

— Да, вѣдь вы положительный человѣкъ. Придется взять Бодрякова, нечего дѣлать. Другіе jeune premier еще хуже. Этотъ, по крайней мѣрѣ, роль наизусть выучитъ. Маша у насъ, кромѣ трагическихъ ролей, будетъ исполнять должность примадонны... Вы, мосьё Астаховъ, не слыхали, какъ она поетъ?

— Нѣтъ,—возразилъ, осклабясь, Владиміръ Сергѣичъ:— я и не зналъ...

— Что съ тобою сегодня, Надя?—заговорила съ недовольнымъ видомъ Марья Павловна.

Надежда Алексѣевна вскочила.

— Ради Бога, Маша, спой намъ что-нибудь, пожалуйста... Я отъ тебя не отстану, пока ты не споешь намъ что-нибудь, Маша, душка. Я бы сама спѣла, чтобы занять гостя, да вѣдь ты знаешь, какой у меня нехорошій голосъ. Зато, посмотри, какъ я славно буду тебѣ аккомпанировать.

Марья Павловна помолчала.

— Отъ тебя не отдѣлаешься,—сказала она наконецъ.— Ты, какъ избалованное дитя, привыкла исполнять всѣ свои прихоти. Изволь, я буду пѣть.

— Браво, браво,—воскликнула Надежда Алексѣевна и захлопала въ ладоши. — Господа, пойдемте въ гостиную. А что касается до прихотей, — прибавила она, смѣясь:— это тебѣ припомнится. Можно ли при незнакомыхъ людяхъ выставлять мои слабости? Егоръ Капитонычъ, Матрена Марковна *такъ* васъ стыдитъ при чужихъ?

— Матрена Марковна, — пробормоталъ Егоръ Капитонычъ:—очень почтенная дама; только насчетъ манеръ...

— Ну, пойдемте, пойдемте, — перебила его Надежда Алексѣевна и вошла въ гостиную.

Всѣ отправились вслѣдъ за ней. Она сбросила съ себя шляпу и сѣла за фортепіано. Марья Павловна стала возлѣ стѣны, довольно далеко отъ Надежды Алексѣевны.

— Маша,—проговорила она, подумавъ немного:—спой намъ „Хлопецъ сѣе жито“.

Марья Павловна запѣла. Голосъ у ней былъ чистъ и силенъ, и пѣла она хорошо — просто и безъ вычуръ.

Всѣ слушали ее съ большимъ вниманіемъ, а Владиміръ Сергѣичъ не могъ скрыть свое изумленіе. Когда Марья Павловна кончила, онъ подошелъ къ ней и началъ ее увѣрять, что онъ никакъ не ожидалъ...

— Погодите, то ли еще будетъ! — перебила его Надежда Алексѣевна. — Маша, потѣшу я твою хохлацкую душу, спой намъ теперь „Гоминъ-гоминъ по дуброви...“

— Развѣ вы малоросска? — спросилъ ее Владиміръ Сергѣичъ.

— Я родомъ изъ Малороссіи,—отвѣчала она и принялась пѣть „Гоминъ-гоминъ...“

Сначала она выговаривала слова равнодушно, но заунывно-страстный, родной напѣвъ расшевелилъ понемногу ее самоё, щеки ея покраснѣли, взоръ заблисталъ, голосъ зазвучалъ горячо. Она кончила.

— Боже мой! какъ ты это хорошо спѣла,—проговорила Надежда Алексѣевна, склонясь надъ клавишами. — Какъ жаль, что брата здѣсь не было!

Марья Павловна тотчасъ опустила глаза и усмѣхнулась своей обычной, горькой усмѣшкой.

— А надо бы еще что-нибудь,—замѣтилъ Ипатовъ.

— Да, если бъ вы были такъ добры,—прибавилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Извините меня, я больше пѣть сегодня не буду,— промолвила Марья Павловна и вышла вонъ изъ комнаты.

Надежда Алексѣевна посмотрѣла ей вслѣдъ, сперва задумалась, потомъ улыбнулась, принялась наигрывать однимъ пальцемъ „Хлопецъ сѣе жито“, потомъ вдругъ заиграла блестящую польку, и, не кончивъ ея, взяла громкій аккордъ, захлопнула крышку фортепіано и встала.

— Жаль, что не съ кѣмъ потанцовать, — воскликнула она:—вотъ бы кстати!

Владиміръ Сергѣичъ подошелъ къ ней.

— Какой чудесный голосъ у Марьи Павловны,—замѣтилъ онъ:—и съ какимъ она чувствомъ поетъ!

— А вы любите музыку?

— Да... очень.

— Такой ученый человѣкъ и любите музыку!

— Да почему же вы думаете, что я ученый?

— Ахъ, да; извините, я все забываю, вы положительный человѣкъ. Куда же это ушла Маша? Постойте, я схожу за ней.

И Надежда Алексѣевна выпорхнула вонъ изъ гостиной.

— Вертушка, какъ изволите видѣть,—промолвилъ Ипатовъ, подходя къ Владиміру Сергѣичу: — но сердце добрѣйшее. И какое воспитаніе получила, вы не можете представить: на всѣхъ языкахъ объясняется. Ну, люди они съ состояніемъ, оно понятно.

— Да, — разсѣянно произнесъ Владиміръ Сергѣичъ: — очень любезная дѣвица. Но, позвольте спросить, супруга ваша тоже родомъ была изъ Малороссіи?

— Точно такъ-съ. Покойница жена моя была малороссіянка, такъ же, какъ и сестра ея, Марья Павловна. Жена моя, сказать по правдѣ, даже выговоръ не совсѣмъ имѣла чистый; хотя она россійскимъ языкомъ владѣла въ совершенствѣ, однако, все-таки не совсѣмъ правильно изъяснялась; знаете, тамъ *и* за *ы*, да *ха*, да *же*; ну, Марья Павловна, та еще въ малыхъ лѣтахъ изъ родины выѣхала. А вѣдь малороссійская кровь все видна, не правда ли?

— Удивительно поетъ Марья Павловна, — замѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Дѣйствительно, недурно. А впрочемъ, что же это намъ чаю не несутъ? И куда это барышни ушли? Пора чай пить.

Барышни возвратились не скоро. Между тѣмъ принесли самоваръ, накрыли столъ для чаю. Ипатовъ послалъ за ними. Онѣ пришли обѣ вмѣстѣ. Марья Павловна сѣла за столъ разливать чай, а Надежда Алексѣевна подошла къ двери террасы и стала глядѣть въ садъ. Послѣ свѣтлаго лѣтняго дня наступилъ ясный и тихій вечеръ: заря пылала; до половины облитый ея багрянцемъ, широкій прудъ стоялъ неподвижнымъ зеркаломъ, величаво отражая въ серебристой мглѣ своего глубокаго лона и всю воздушную бездну неба, и опрокинутыя, какъ бы почернѣвшія деревья, и домъ. Все замолкло кругомъ. Шума уже не было нигдѣ.

— Посмотрите, какъ хорошо, — сказала Надежда Алексѣевна подошедшему къ ней Владиміру Сергѣичу:—вонъ тамъ, внизу, въ прудѣ звѣзда зажглась, подлѣ огонька въ домѣ; онъ красный, она золотая. А вотъ и бабушка ѣдетъ,—прибавила она громко.

Изъ-за куста сирени показалась небольшая колясочка. Два человѣка везли ее. Въ ней сидѣла старуха, вся закутанная, вся сгорбленная, съ головой, склоненной на самую грудь. Бахрома ея бѣлаго чепца почти совсѣмъ закрывала ея изсохшее и съеженное личико. Колясочка остановилась передъ террасой. Ипатовъ вышелъ изъ гостиной, за нимъ выбѣжали его дочки. Онѣ, какъ мышата, въ теченіе всего вечера, то-и-дѣло шныряли изъ комнаты въ комнату.

— Добраго вечера желаю вамъ, матушка, — сказалъ Ипатовъ, подходя къ старухѣ и возвысивъ голосъ.—Какъ вы себя чувствуете?

— Пріѣхала посмотрѣть на васъ,—глухо и съ усиліемъ проговорила старушка. — Вишь, какой славный вечеръ. День-то я спала, а теперь ноги заломили. Охъ, мнѣ эти ноги! Не служатъ, а болятъ.

— Позвольте, матушка, представить вамъ нашего сосѣда, господина Астахова, Владиміра Сергѣича.

— Очень рада, — возразила старуха, окинувъ его своими большими и черными, но уже потускнѣвшими глазами.—Прошу полюбить моего сынка. Человѣкъ онъ хорошій; воспитаніе я ему дала, какое могла; извѣстно, дѣло женское. Малодушіе въ немъ еще есть, да Богъ дастъ поостепенится, а пора бы; пора мнѣ сдать ему дѣла. Это вы, Надя,—прибавила старуха, взглянувъ на Надежду Алексѣевну.

— Я, бабушка.

— А Маша чай разливаетъ?

— Да, бабушка, разливаетъ чай.

— А кто еще тамъ?

— Иванъ Ильичъ, да Егоръ Капитонычъ.

— Матрены Марковны мужъ?

— Онъ, бабушка.

Старуха пожевала губами.

— Ну, хорошо. Да что, Миша, я никакъ старосты не добьюсь; вели ему придти ко мнѣ завтра пораньше, у меня съ нимъ дѣла будетъ много. Безъ меня, у васъ, я вижу, все не такъ идетъ. Ну, довольно, устала я, везите меня, вы... Прощайте, батюшка, имени и отчества не помню,—прибавила она, обратившись къ Владиміру Сергѣичу:—извините старуху. А вы, внучки, не провожайте меня. Не надо. Вамъ бы только все бѣгать. Сидите, сидите, да уроки твердите, слышите. Маша васъ балуетъ. Ну, ступайте.

Съ трудомъ приподнятая голова старушки опять упала къ ней на грудь...

Колясочка тронулась и тихо укатилась.

— Сколько лѣтъ вашей матушкѣ?—спросилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Всего семьдесятъ-третій годъ пошелъ: да вотъ, ужъ двадцать-шесть лѣтъ, какъ ноги у ней отнялись; это съ ней случилось скоро послѣ кончины покойнаго батюшки. А была красавицей.

Всѣ помолчали.

Вдругъ Надежда Алексѣевна вздрогнула.

— Что это, летучая, кажется, мышь пролетѣла? Ай, какой ужасъ!

И она поспѣшно вернулась въ гостиную.

— Пора мнѣ домой ѣхать. Михаилъ Николаичъ, велите осѣдлать мою лошадь.

— И мнѣ пора,—замѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Куда же вы?—промолвилъ Ипатовъ.—Переночуйте здѣсь. Надеждѣ Алексѣевнѣ всего двѣ версты ѣхать, а вамъ цѣлыхъ двѣнадцать. Да и вы, Надежда Алексѣевна, куда спѣшите? Подождите мѣсяца, онъ теперь скоро взойдетъ. Еще свѣтлѣе будетъ ѣхать.

— Пожалуй,—сказала Надежда Алексѣевна:—я давно не ѣздила при лунѣ.

— А вы ночуете?—спросилъ Ипатовъ Владиміра Сергѣича.

— Я, право, не знаю... Впрочемъ, если я не стѣсню...

— Нисколько, помилуйте, я сейчасъ велю вамъ комнату приготовить.

— А вѣдь хорошо ѣхать верхомъ при лунѣ, — заговорила Надежда Алексѣевна, какъ только подали свѣчи, принесли чай, и Ипатовъ съ Егоромъ Капитонычемъ засѣли играть въ преферансъ вдвоемъ, а Складная-Душа безмолвно усѣлся возлѣ нихъ:—особенно по лѣсу, между кустами орѣшника. И жутко, и пріятно, и какая странная игра свѣта и тѣни—все кажется, какъ-будто кто-то крадется за вами или впереди...

Владиміръ Сергѣичъ снисходительно осклабился.

— А то вотъ еще, — продолжала она: — случалось ли вамъ сидѣть въ теплую, темную, тихую ночь возлѣ лѣса; мнѣ всегда кажется тогда, что сзади, близко, надъ самымъ ухомъ, какъ-будто двое горячо спорятъ чуть слышнымъ шопотомъ.

— Это кровь стучитъ,—проговорилъ Ипатовъ.

— Вы очень поэтически описываете,—замѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ.

Надежда Алексѣевна посмотрѣла на него.

— Вы думаете?.. Въ такомъ случаѣ, Машѣ мои описанія не понравились бы.

— Почему? развѣ Марья Павловна не любитъ поэзіи?

— Нѣтъ; она находитъ, что все это сочинено, все неправда; этого-то она и не любитъ.

— Странный упрекъ! — воскликнулъ Владиміръ Сергѣичъ. — Сочинено! да какъ же иначе? на что же послѣ этого сочинители?

— Ну, вотъ, подите; впрочемъ, вѣдь и вы не должны любить поэзіи.

— Напротивъ, я люблю хорошіе стихи, когда они дѣйствительно хороши и благозвучны и, какъ бы это сказать, представляютъ идеи, мысли...

Марья Павловна встала.

Надежда Алексѣевна быстро обернулась къ ней.

— Куда ты, Маша?

— Дѣтей уложить. Девять часовъ скоро.

— Да развѣ безъ тебя они не лягутъ?

Но Марья Павловна взяла дѣтей за руки и ушла съ ними.

— Она сегодня не въ духѣ,—замѣтила Надежда Алексѣевна: — и я знаю отчего, — прибавила она вполголоса.—Но это пройдетъ.

— Позвольте спросить,—началъ Владиміръ Сергѣичъ:— вы зиму гдѣ намѣрены провести?

— Можетъ-быть здѣсь, можетъ-быть — въ Петербургѣ. Мнѣ кажется, я въ Петербургѣ соскучусь.

— Въ Петербургѣ-то, помилуйте! Какъ это возможно?

И Владиміръ Сергѣичъ пустился описывать всѣ удобства, всѣ выгоды и прелести столичной жизни. Надежда Алексѣевна слушала его со вниманіемъ, не сводя съ него глазъ. Она словно изучала его черты и изрѣдка посмѣивалась про себя.

— Я вижу, вы очень краснорѣчивы,—сказала она наконецъ:—придется прожить зиму въ Петербургѣ.

— Вы не будете раскаиваться, — замѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Я никогда ни въ чемъ не раскаиваюсь: не стòитъ труда. Сдѣлалъ глупость, старайся поскорѣй забыть ее— вотъ и все.

— Позвольте спросить, — заговорилъ послѣ небольшого молчанія Владиміръ Сергѣичъ на французскомъ языкѣ:— вы давно знакомы съ Марьей Павловной?

— Позвольте спросить,—возразила съ быстрой усмѣшкой Надежда Алексѣевна: — почему вы именно этотъ вопросъ мнѣ по-французски сдѣлали?

— Такъ... безъ всякой особенной причины...

Надежда Алексѣевна опять усмѣхнулась.

— Нѣтъ, я не очень давно ее знаю. А не правда ли, она замѣчательная дѣвушка?

— Она очень оригинальна, — промолвилъ Владиміръ Сергѣичъ сквозь зубы.

— А чтò — это въ вашихъ устахъ, въ устахъ положительныхъ людей, похвала? не думаю. Можетъ-быть, и я вамъ кажусь оригинальной? Однако,—прибавила она, поднимаясь съ мѣста и взглянувъ въ раскрытое окно:—луна,

должно-быть, взошла, это ея отблескъ надъ тополями. Пора ѣхать... Пойду, прикажу осѣдлать Красавчика.

— Ужъ онъ осѣдланъ-съ, — проговорилъ казачокъ Надежды Алексѣевны, выступая изъ тѣни сада въ полосу свѣта, падавшую на террасу.

— А! ну, прекрасно! Маша, гдѣ же ты? приди проститься со мною.

Марья Павловна появилась изъ сосѣдней комнаты. Мужчины встали изъ-за карточнаго стола.

— Такъ вы ужъ и ѣдете?—спросилъ Ипатовъ.

— Ѣду, пора.

Она приблизилась къ двери сада.

— Какая ночь! — воскликнула она: — подойдите, подставьте ей лицо; чувствуете вы, она какъ-будто дышитъ? и какой запахъ! всѣ цвѣты теперь проснулись. Они проснулись — а мы спать собираемся... Да, кстати, Маша,— прибавила она:—я вѣдь сказала Владиміру Сергѣичу, что ты не любишь поэзіи. А теперь прощайте... вотъ, и лошадь мою ведутъ...

И она проворно сбѣжала по ступенямъ террасы, легко взобралась на сѣдло, сказала „до завтра!“ и, ударивъ лошадь хлыстикомъ по шеѣ, поскакала къ плотинѣ... казачокъ пустился рысью за ней.

Всѣ посмотрѣли ей вслѣдъ...

— До завтра! — раздался еще разъ ея голосъ изъ-за тополей.

Стукъ копытъ долго слышался въ тишинѣ лѣтней ночи. Наконецъ, Ипатовъ предложилъ вернуться въ домъ.

— Оно, точно, хорошо на воздухѣ, — сказалъ онъ: — а надо же партію нашу доиграть.

Всѣ послушались его. Владиміръ Сергѣичъ началъ разспрашивать Марью Павловну, почему она поэзіи не любитъ.

— Мнѣ стихи не нравятся, — возразила она какъ бы нехотя.

— Да вы, можетъ-быть, мало стиховъ читали?

— Я сама ихъ не читала, а мнѣ читали.

— И неужели ни одни вамъ не понравились?

— Ни одни.

— Даже Пушкина стихи?

— Даже Пушкина.

— Отчего?

Марья Павловна не отвѣчала, а Ипатовъ, оборотясь черезъ спинку стула, замѣтилъ съ добродушнымъ смѣхомъ, что она не только стиховъ, но и сахару не любитъ, и вообще ничего сладкаго терпѣть не можетъ.

— Да вѣдь есть стихи не сладкіе, — возразилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Напримѣръ?—спросила его Марья Павловна.

Владиміръ Сергѣичъ почесалъ у себя за ухомъ... Онъ самъ немного стиховъ зналъ на память, особенно не сладкихъ.

— Да вотъ, — воскликнулъ онъ наконецъ: — знаете вы „Анчаръ“ Пушкина? Нѣтъ? Ужъ это стихотвореніе никакъ не можетъ назваться сладкимъ.

— Прочтите, — проговорила Марья Павловна и потупилась.

Владиміръ Сергѣичъ сперва посмотрѣлъ въ потолокъ, нахмурился, помычалъ немного про себя и наконецъ прочелъ „Анчаръ“.

Послѣ первыхъ четырехъ стиховъ Марья Павловна медленно подняла глаза, а когда Владиміръ Сергѣичъ кончилъ, такъ же медленно сказала:

— Пожалуйста, прочтите опять.

— Стало-быть, эти стихи вамъ понравились?—спросилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Прочтите еще.

Владиміръ Сергѣичъ повторилъ „Анчаръ“. Марья Павловна встала, вышла въ другую комнату и вернулась съ листомъ бумаги, чернильницей и перомъ.

— Пожалуйста, напишите это для меня,—сказала она Владиміру Сергѣичу.

— Извольте, съ удовольствіемъ, — возразилъ онъ, принимаясь писать:—но, признаюсь, я удивляюсь, отчего эти стихи могли вамъ такъ понравиться. Я ихъ прочелъ собственно для того, чтобы показать вамъ, что не всѣ стихи бываютъ сладкіе.

— Признаюсь!—воскликнулъ Ипатовъ.—Что̀ ты думаешь объ этихъ стихахъ, Иванъ Ильичъ?

Иванъ Ильичъ, по своему обыкновенію, только взглянулъ на Ипатова, но не вымолвилъ ни слова.

— Вотъ-съ — готово,—произнесъ Владиміръ Сергѣичъ, поставивъ восклицательный знакъ въ концѣ послѣдняго стиха.

Марья Павловна поблагодарила его и унесла исписанный листокъ къ себѣ.

Черезъ полчаса подали ужинъ, а черезъ часъ всѣ гости разошлись по своимъ комнатамъ. Владиміръ Сергѣичъ неоднократно обращался къ Марьѣ Павловнѣ, но вести разговоръ съ ней было трудно, и разсказы его, казалось, не слишкомъ ее занимали. Ложась спать, онъ бы, вѣроятно, скоро заснулъ, если бъ не помѣшалъ ему сосѣдъ, Егоръ Капитонычъ. Мужъ Матрены Марковны, уже совершенно раздѣвшись и лежа въ постели, очень долго разговаривалъ съ своимъ слугою, все наставленія ему читалъ. Каждое слово его явственно доходило до слуха Владиміра Сергѣича: одна тонкая перегородка ихъ раздѣляла.

— Держи свѣчку передъ своею грудью, — говорилъ Егоръ Капитонычъ жалобнымъ голосомъ: — держи такъ, чтобы я лицо твое могъ видѣть. Состарѣлъ ты меня, состарѣлъ, безсовѣстный ты человѣкъ, состарѣлъ совершенно.

— Да чѣмъ, помилуйте, состарѣлъ я васъ, Егоръ Капитонычъ?—послышался глухой и заспанный голосъ слуги.

— Чѣмъ? я скажу чѣмъ. Сколько разъ я тебѣ говорилъ: Митька, говорилъ я тебѣ, когда ты со мной куда въ гости поѣдешь, всегда забирай по двѣ штуки каждаго платья, особенно... держи свѣчку передъ грудью... особенно нижняго. А сегодня что̀ ты со мной сдѣлалъ?

— Что-съ?

— Что-съ? завтрашній день что̀ я надѣну?

— Да то же, что и сегодня-съ.

— Состарѣлъ ты меня, злодѣй, состарѣлъ. Я ужъ и сегодня не зналъ, куда отъ жары дѣться. Держи свѣчку передъ грудью, говорятъ тебѣ, да не спи, когда баринъ съ тобой бесѣдуетъ.

— Да и Матрена Марковна сказала-съ, что довольно молъ, на что такую пропасть всегда съ собой забираете. Только трется даромъ.

— Матрена Марковна... Развѣ это женское дѣло, въ это входить. Состарѣли вы меня. Охъ, состарѣли!

— Да и Яхимъ тоже говорилъ-съ.

— Какъ ты сказалъ?

— Я говорю, Яхимъ тоже говорилъ-съ.

— Яхимъ! Яхимъ!—повторилъ съ укоризной Егоръ Капитонычъ:—эхъ, состарѣли вы меня, окаянные, говорить по-русски не умѣютъ путемъ. Яхимъ! что за Яхимъ? Ефимъ, ну, это куда еще ни шло, сказать можно; для того, что настоящее, греческое имя есть Евѳимій, понимаешь ты меня?.. держи свѣчку передъ грудью... такъ для скорости, пожалуй, можно сказать Ефимъ, но ужъ никакъ не Яхимъ. Яхимъ!—прибавилъ Егоръ Капитонычъ, напирая на букву *я*.—Состарѣли меня, злодѣи. Держи свѣчку передъ грудью!

И долго еще продолжалъ Егоръ Капитонычъ наставлять слугу своего уму-разуму, несмотря на вздохи, покашливанья и другіе знаки нетерпѣнія Владиміра Сергѣича...

Наконецъ, онъ отпустилъ своего Митьку и заснулъ; но и отъ этого Владиміру Сергѣичу не стало легче: Егоръ Капитонычъ такъ сильно и густо храпѣлъ, съ такими игривыми переходами отъ высокихъ тоновъ къ самымъ низкимъ, съ такими присвистываніями и даже прищелкиваніями, что, казалось, сама перегородка вздрагивала ему въ отвѣтъ; бѣдный Владиміръ Сергѣичъ чуть не плакалъ. Въ отведенной ему комнатѣ было очень душно, и перина, на которой онъ лежалъ, охватывала все его тѣло какимъ-то ползучимъ жаромъ.

Въ отчаяньи Владиміръ Сергѣичъ наконецъ всталъ, раскрылъ окно и съ жадностью сталъ вдыхать благовонную ночную свѣжесть. Окно выходило въ садъ; на небѣ было свѣтло, круглый ликъ полной луны то отражался ясно въ прудѣ, то вытягивался въ длинный золотой снопъ медленно переливавшихся блестокъ. На одной изъ дорожекъ сада Владиміръ Сергѣичъ увидалъ какую-то фигуру въ

женскомъ платьѣ; онъ приглядѣлся: это была Марья Павловна; въ лучахъ луны лицо ея казалось блѣднымъ. Она стояла неподвижно и вдругъ заговорила... Владиміръ Сергѣичъ вытянулъ осторожно голову...

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Апчару—властнымъ взглядомъ...

дошло до его слуха...

„Каково“, подумалъ онъ:— „стало-быть, подѣйствовали стишки“...

И онъ съ удвоеннымъ вниманіемъ сталъ вслушиваться... Но Марья Павловна скоро умолкла и поворотила лицо свое еще прямѣе къ нему; онъ могъ различить ея темные, большіе глаза, ея строгія брови и губы...

Вдругъ она вздрогнула, обернулась, вошла въ тѣнь, падавшую отъ сплошной стѣны высокихъ акацій, и исчезла. Владиміръ Сергѣичъ постоялъ довольно долго у окна, потомъ однакожъ легъ, но заснулъ не скоро.

„Странное существо,—думалъ онъ, переворачиваясь съ боку-на-бокъ:—а говорятъ, въ провинціи нѣтъ ничего особеннаго... Какъ бы не такъ! Странное существо! Спрошу ее завтра, что́ она дѣлала въ саду“.

А Егоръ Капитонычъ все храпѣлъ попрежнему.

III.

На другое утро Владиміръ Сергѣичъ проснулся довольно поздно, и тотчасъ, послѣ общаго чая и завтрака въ столовой, поѣхалъ къ себѣ домой оканчивать свои хозяйственныя распоряженія, какъ ни удерживалъ его старикъ Ипатовъ. Марья Павловна также присутствовала за чаемъ; однако, Владиміръ Сергѣичъ не счелъ за нужное разспрашивать ее объ ея вчерашней поздней прогулкѣ; онъ принадлежалъ къ числу людей, которымъ тяжело предаваться два дня сряду какимъ бы то ни было необычнымъ мыслямъ и предположеніямъ. Пришлось бы толковать о стихахъ, а такъ-называемое „поэтическое“ настроеніе весьма скоро его утомляло. Цѣлый день до обѣда онъ провелъ въ полѣ, покушалъ съ большимъ аппетитомъ, соснулъ, и, проснувшись, взялся-было за счеты земскаго, но, не

окончивши первой страницы, велѣлъ заложить тарантасъ и отправился въ Ипатовку. Видно, и положительные люди носятъ въ груди не каменное сердце, и скучать не любятъ они такъ же, какъ и остальные, простые смертные.

Въѣзжая на плотину, услыхалъ онъ голоса и звуки музыки. У Ипатовыхъ въ домѣ хоромъ пѣли русскія пѣсни. Онъ засталъ все общество, оставленное имъ поутру, на террасѣ; всѣ, и Надежда Алексѣевна между прочими, сидѣли въ кружкѣ около мужчины лѣтъ тридцати-двухъ, смуглаго, черноволосаго и черноглазаго, въ бархатной курткѣ, съ небрежно повязаннымъ краснымъ платкомъ на шеѣ и гитарою въ рукахъ. Это былъ Петръ Алексѣевичъ Веретьевъ, братъ Надежды Алексѣевны. Увидавши Владиміра Сергѣича, старикъ Ипатовъ съ радостнымъ восклицаніемъ пошелъ ему навстрѣчу, подвелъ его къ Веретьеву и представилъ ихъ другъ другу. Обмѣнявшись съ новымъ знакомымъ обычными привѣтствіями, Астаховъ почтительно поклонился его сестрѣ.

— А мы, Владиміръ Сергѣичъ, по-деревенски, пѣсни поемъ,—началъ Ипатовъ и, указывая на Веретьева, прибавилъ: — Петръ Алексѣичъ у насъ запѣвала — и какой! вы извольте послушать.

— Это очень пріятно,—возразилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Не угодно ли присоединиться къ хору? — спросила его Надежда Алексѣевна.

— Душевно бы радъ, да голосу нѣту.

— Это не бѣда! Посмотрите, и Егоръ Капитонычъ поетъ, и я пою. Тутъ только нужно подтягивать. Садитесь-ка; а ты, братъ, начинай.

— Какую бы теперь намъ пѣсню спѣть? — проговорилъ Веретьевъ, перебирая струны гитары и, остановившись вдругъ, глянулъ на Марью Павловну, сидѣвшую возлѣ него. — Теперь, кажется, очередь за вами, — сказалъ онъ ей.

— Нѣтъ, пойте вы,—возразила Марья Павловна

— Вотъ, есть пѣсня: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“,— промолвилъ съ важностью Владиміръ Сергѣичъ.

— Нѣтъ, это мы къ концу приберегаемъ, — отвѣчалъ

Веретьевъ и, ударивъ по струнамъ, протяжно затянулъ: „Солнце на закатѣ“.

Онъ пѣлъ славно, бойко и весело. Его мужественное лицо, и безъ того выразительное, еще болѣе оживлялось когда онъ пѣлъ: изрѣдка подергивалъ онъ плечами, внезапно прижималъ струны ладонью, поднималъ руку, встряхивалъ кудрями и соколомъ взглядывалъ кругомъ. Онъ въ Москвѣ не разъ видалъ знаменитаго Илью, и подражалъ ему. Хоръ дружно ему подтягивалъ. Звучной струей отдѣлялся голосъ Марьи Павловны отъ всѣхъ другихъ голосовъ; онъ словно велъ ихъ за собою; но одна она пѣть не хотѣла, запѣвалой до конца остался Веретьевъ.

Много другихъ еще пѣли пѣсенъ...

Между тѣмъ, вмѣстѣ съ вечеромъ, надвигалась гроза. Уже съ полудня парило и въ отдаленіи все погрохатывало; но вотъ широкая туча, давно лежавшая свинцовой пеленой на самой чертѣ небосклона, стала расти и показываться изъ-за вершинъ деревьевъ, явственнѣе началъ вздрагивать душный воздухъ, все сильнѣе и сильнѣе потрясаемый приближавшимся громомъ; вѣтеръ поднялся, прошумѣлъ порывисто въ листьяхъ, замолкъ, опять зашумѣлъ продолжительно, загудѣлъ; угрюмый сумракъ побѣжалъ надъ землею, быстро сгоняя послѣдній отблескъ зари; сплошныя облака, какъ бы сорвавшись, поплыли вдругъ, понеслись по небу; дождикъ закапалъ, молнія вспыхнула краснымъ огнемъ, и громъ грянулъ тяжко и сердито.

— Уйдемте,—промолвилъ старикъ Ипатовъ.—А то промочитъ, пожалуй.

Всѣ встали.

— Сейчасъ,—воскликнулъ Веретьевъ:—еще послѣднюю пѣсню. Слушайте:

Ахъ вы сѣни, мои сѣни,
Сѣни новыя мои...

запѣлъ онъ громкимъ голосомъ, проворно забивъ всей рукой по струнамъ гитары. „Сѣни новыя, кленовыя“ подхватилъ хоръ, какъ бы невольно увлеченный. Дождикъ почти въ то же мгновенье хлынулъ ручьями; но Веретьевъ

допѣлъ „Мои сѣни“ до конца. Изрѣдка заглушаемая ударами грома, удалая пѣсенка казалась еще удалѣе подъ шумную дробь и журчанье дождя. Наконецъ, раздался послѣдній взрывъ хора — и все общество съ хохотомъ вбѣжало въ гостиную. Особенно громко смѣялись дѣвочки, дочери Ипатова, стряхивая съ своихъ платьевъ дождевые брызги. Ипатовъ, однакоже, для предосторожности, закрылъ окно и заперъ дверь, и Егоръ Капитонычъ его похвалилъ, замѣтивъ, что Матрена Марковна также всегда, во время грозы, все приказываетъ запереть, для того, что электричество способнѣе дѣйствуетъ въ пустомъ промежуткѣ. Бодряковъ посмотрѣлъ ему въ лицо, посторонился и уронилъ стулъ. Подобныя маленькія несчастья случались съ нимъ безпрестанно.

Гроза прошла очень скоро. Двери и окна снова раскрылись, и комнаты наполнились влажнымъ благовоніемъ. Принесли чай. Послѣ чаю старички усѣлись опять за карты. Иванъ Ильичъ къ нимъ, по обыкновенію, присоединился. Владиміръ Сергѣичъ подошелъ-было къ Марьѣ Павловнѣ, сидѣвшей подъ окномъ съ Веретьевымъ; но Надежда Алексѣевна подозвала его къ себѣ и тотчасъ вступила съ нимъ въ жаркій разговоръ о Петербургѣ и петербургской жизни. Она нападала на нее; Владиміръ Сергѣеичъ началъ защищать ее. Надежда Алексѣевна, казалось, старалась удержать его близъ себя.

— О чемъ вы это спорите?—спросилъ Веретьевъ, вставая и приближаясь къ нимъ.

Онъ лѣниво переваливался на ходу; во всѣхъ его движеніяхъ замѣчалась не то небрежность, не то усталость.

— Все о Петербургѣ,—отвѣтила Надежда Алексѣевна.— Владиміръ Сергѣичъ не нахвалится имъ.

— Городъ хорошій,—замѣтилъ Веретьевъ:—а по-моему вездѣ хорошо. Ей-Богу. Были бы двѣ-три женщины, да, извините за откровенность, вино, и человѣку, право, ничего не остается желать.

— Это меня удивляетъ, — возразилъ Владиміръ Сергѣичъ: — неужели же вы дѣйствительно одного мнѣнія, что для образованнаго человѣка не существуетъ...

— Можетъ-быть... точно... я съ вами согласенъ, — перебилъ его Веретьевъ, за которымъ, при всей вѣжливости, водилась привычка не дослушивать возраженія: — но это не по моей части, я не философъ.

— Да и я не философъ, — отвѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ: — и нисколько не желаю быть имъ; но тутъ рѣчь идетъ совсѣмъ о другомъ.

Веретьевъ разсѣянно глянулъ на свою сестру, а она, слегка усмѣхнувшись, нагнулась къ нему и вполголоса прошептала:

— Петруша, душка, представь намъ Егора Капитоныча, сдѣлай одолженье.

Лицо Веретьева мгновенно измѣнилось и, Богъ вѣдаетъ какимъ чудомъ, стало необыкновенно похоже на лицо Егора Капитоныча, хотя между чертами того и другого рѣшительно не было ничего общаго, и самъ Веретьевъ едва только сморщилъ носъ и опустилъ углы губъ.

— Конечно, — началъ онъ шептать голосомъ, совершенно напоминавшимъ голосъ Егора Капитоныча:—Матрена Марковна дама строгая насчетъ манеръ; но супруга зато примѣрная. Правда, что̀ бы я ни сказалъ...

— Бирюлевскимъ барышнямъ все извѣстно, — подхватила Надежда Алексѣевна, едва удерживая хохотъ.

— Все на другой же день извѣстно, — отвѣтилъ Веретьевъ съ такой уморительной ужимкой, съ такимъ смущеннымъ, косвеннымъ взглядомъ, что даже Владиміръ Сергѣичъ разсмѣялся.

— У васъ, я вижу, большой талантъ къ подражанію,— замѣтилъ онъ.

Веретьевъ провелъ рукой по лицу, черты его приняли обычное выраженіе, а Надежда Алексѣевна воскликнула:

— О, да! онъ всѣхъ умѣетъ передразнить, кого только захочетъ... Онъ на это мастеръ.

— И меня бы, напримѣръ, сумѣли представить?—спросилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Еще бы! — возразила Надежда Алексѣевна: — разумѣется.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе, представьте меня, — про-

молвилъ Астаховъ, обращаясь къ Веретьеву. — Я прошу васъ безъ церемоній.

— А вы ей и повѣрили? — отвѣтилъ Веретьевъ, чуть-чуть прищуривъ одинъ глазъ и придавъ своему голосу звукъ Астаховскаго голоса, но такъ осторожно и легко, что одна Надежда Алексѣевна это замѣтила и прикусила губы. — Вы, пожалуйста, ей не вѣрьте, она вамъ еще не то наскажетъ про меня.

— И какой онъ актеръ, если бъ вы знали, — продолжала Надежда Алексѣевна:—всевозможныя роли играетъ. Такъ чудесно! Онъ нашъ режиссеръ и суфлеръ, и все, что̀ хотите. Жаль, что вы скоро ѣдете.

— Сестра, твое пристрастіе тебя ослѣпляетъ, — произнесъ важнымъ голосомъ, но все съ тѣмъ же оттѣнкомъ, Веретьевъ. — Что подумаетъ о тебѣ господинъ Астаховъ? Онъ сочтетъ тебя за провинціалку.

— Помилуйте,—началъ-было Владиміръ Сергѣичъ...

— Петруша, знаешь что̀, — подхватила Надежда Алексѣевна: — представь, пожалуйста, какъ пьяный человѣкъ никакъ не можетъ достать платокъ изъ кармана; или нѣтъ, лучше представь, какъ мальчикъ муху на окнѣ ловитъ, и она у него жужжитъ подъ пальцами.

— Ты совершенное дитя,—отвѣчалъ Веретьевъ.

Однако онъ всталъ и, подойдя къ окну, возлѣ котораго сидѣла Марья Павловна, началъ водить рукой по стеклу и представлять, какъ мальчикъ ловитъ муху. Вѣрность, съ которой онъ подражалъ ея жалобному писку, была точно изумительна. Казалось, дѣйствительная, живая муха билась у него подъ пальцами. Надежда Алексѣевна засмѣялась, и понемногу всѣ засмѣялись въ комнатѣ. У одной лишь Марьи Павловны лицо не измѣнилось, губы даже не дрогнули. Она сидѣла съ опущенными глазами, наконецъ подняла ихъ и, серьезно взглянувъ на Веретьева, промолвила сквозь зубы:

— Вотъ охота дѣлать изъ себя шута.

Веретьевъ тотчасъ отвернулся отъ окна и, постоявъ немного посреди комнаты, вышелъ на террасу, а оттуда въ садъ, уже совершенно потемнѣвшій.

— Забавникъ этотъ Петръ Алексѣичъ! — воскликнулъ Егоръ Капитонычъ, ударивъ съ размаху козырной семеркой по чужому тузу.—Право, забавникъ.

Надежда Алексѣевна встала и, торопливо подойдя къ Марьѣ Павловнѣ, спросила ее вполголоса:

— Что ты сказала брату?

— Ничего,—отвѣтила та.

— Какъ ничего, не можетъ быть.

И погодя немного, Надежда Алексѣевна промолвила: „пойдемъ!“—взяла Марью Павловну за руку и принудила ее встать и отправиться вмѣстѣ съ нею въ садъ.

Владиміръ Сергѣичъ поглядѣлъ обѣимъ дѣвицамъ вслѣдъ не безъ недоумѣнія. Впрочемъ, отсутствіе ихъ продолжалось недолго; черезъ четверть часа онѣ возвратились, и Петръ Алексѣичъ вошелъ вмѣстѣ съ ними.

— Какая прекрасная ночь! — воскликнула, входя, Надежда Алексѣевна.—Какъ хорошо въ саду!

— Ахъ, да, кстати,—промолвилъ Владиміръ Сергѣичъ:—позвольте узнать, Марья Павловна, васъ ли это я видѣлъ вчера въ саду ночью?

Марья Павловна быстро взглянула ему въ глаза.

— Еще вы, сколько я могъ разслышать, декламировали „Анчаръ“ Пушкина.

Веретьевъ слегка нахмурился и также принялся смотрѣть на Астахова.

— Это, точно, была я,—сказала Марья Павловна:—но только я ничего не декламировала, я никогда не декламирую.

— Можетъ-быть, мнѣ показалось, — началъ Владиміръ Сергѣичъ:—однако...

— Вамъ показалось,—холодно промолвила Марья Павловна.

— Что это за „Анчаръ“?—спросила Надежда Алексѣевна.

— А вы не знаете?—возразилъ Астаховъ: — Пушкина стихи: „На почвѣ чахлой и скупой“, будто вы не помните?

— Не помню что-то... Этотъ анчаръ—ядовитое дерево?

— Да.

— Какъ датуры... Помнишь, Маша, какъ хороши были

датуры у насъ на балконѣ, при лунѣ, съ своими длинными бѣлыми цвѣтами. Помнишь, какой изъ нихъ лился запахъ, сладкій, вкрадчивый и коварный.

— Коварный запахъ!—воскликнулъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Да, коварный. Чему вы удивляетесь? Онъ, говорятъ, опасенъ, а привлекаетъ. Отчего злое можетъ привлекать? Злое не должно быть красивымъ!

— Ого! какія умозрѣнія!—замѣтилъ Петръ Алексѣичъ:— куда мы удалились отъ стиховъ!

— Я эти стихи прочелъ вчера Марьѣ Павловнѣ, — подхватилъ Владиміръ Сергѣичъ:—и они ей чрезвычайно понравились.

— Ахъ, прочтите ихъ, пожалуйста,—сказала Надежда Алексѣевна.

— Извольте-съ.

И Астаховъ прочелъ „Анчаръ".

— Слишкомъ напыщенно,—произнесъ какъ бы нехотя Веретьевъ, какъ только Владиміръ Сергѣичъ кончилъ.

— Стихотвореніе слишкомъ напыщенно?

— Нѣтъ, не стихотвореніе... Извините меня, мнѣ кажется, вы не довольно просто читаете. Дѣло говоритъ само за себя; впрочемъ, я могу ошибаться.

— Нѣтъ, ты не ошибаешься, — сказала Надежда Алексѣевна съ разстановкой.

— О, да вѣдь это извѣстно! я въ твоихъ глазахъ геній, даровитѣйшій человѣкъ, который все знаетъ, все бы могъ сдѣлать, да только лѣнь, къ несчастью, его одолѣваетъ: не правда ли?

Надежда Алексѣевна только головой качнула.

— Я съ вами не спорю, вы это лучше должны знать,— замѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ, и немного надулся.—Это не по моей части.

— Я ошибся, извините,—поспѣшно произнесъ Веретьевъ.

Между тѣмъ, игра кончилась.

— Ахъ, кстати,—заговорилъ Ипатовъ, вставая:—Владиміръ Сергѣичъ, мнѣ поручилъ одинъ здѣшній помѣщикъ, сосѣдъ, прекраснѣйшій и почтеннѣйшій человѣкъ, Акилинъ, Гаврила Степанычъ, просить васъ, не сдѣлаете

ли вы ему честь, не пожалуете ли къ нему на балъ, т. е. я это такъ, для красоты слога, говорю: балъ, а просто на вечеринку съ танцами, безъ церемоній? Онъ бы самъ къ вамъ непремѣнно явился, да побоялся обезпокоить.

— Я очень благодаренъ господину помѣщику,—возразилъ Владиміръ Сергѣичъ: — но мнѣ непремѣнно нужно ѣхать домой...

— Да вѣдь что̀ вы думаете, когда балъ-то? Вѣдь завтра балъ. Гаврила Степанычъ завтра именинникъ. Одинъ день куда ни шелъ, а ужъ какъ вы его обрадуете! И всего отсюда десять верстъ. Если позволите, мы же васъ и довеземъ.

— Я, право, не знаю,—началъ Владиміръ Сергѣичъ.— А вы ѣдете?

— Всѣмъ семействомъ! И Надежда Алексѣевна, и Петръ Алексѣичъ, всѣ ѣдутъ!

— Вы можете, если хотите, теперь же меня пригласить на пятую кадриль, — замѣтила Надежда Алексѣевна. — Первыя четыре уже разобраны.

— Вы очень любезны; а на мазурку вы уже приглашены?

— Я? Дайте вспомнить... нѣтъ, кажется, не приглашена.

— Въ такомъ случаѣ, если вы будете такъ добры, я бы желалъ имѣть честь...

— Стало-быть, вы ѣдете? Прекрасно. Извольте.

— Браво!—воскликнулъ Ипатовъ.—Ну, Владиміръ Сергѣичъ, одолжили. Гаврило Степанычъ просто въ восторгъ придетъ. Не правда ли, Иванъ Ильичъ?

Иванъ Ильичъ хотѣлъ-было, по неизмѣнной привычкѣ своей, промолчать, однако почелъ за лучшее произнести одобрительный звукъ.

— Что тебѣ была за охота, — говорилъ, часъ спустя, Петръ Алексѣичъ своей сестрѣ, сидя съ ней въ легонькой таратайкѣ, которой правилъ самъ: — что тебѣ была за охота навязаться этому кисляю на мазурку?

— У меня на то свои планы, — возразила Надежда Алексѣевна.

— Какіе,—позвольте узнать?

— Это моя тайна.

— Ого!

И онъ слегка ударилъ бичомъ лошадь, которая начала-было прясть ушами, фыркать и упираться. Ее пугала тѣнь отъ большого ракитоваго куста, падавшая на дорогу, тускло озаренную мѣсяцемъ.

— А ты танцуешь съ Машей? — спросила Надежда Алексѣевна въ свою очередь брата.

— Да,—сказалъ онъ равнодушно.

— Да! да! — повторила Надежда Алексѣевна съ укоризной. — Вы, мужчины, — прибавила она, помолчавъ: — рѣшительно не стоите того, чтобы васъ любили порядочныя женщины.

— Ты думаешь? Ну, а этотъ петербургскій кисляй, этотъ стоитъ?

— Скорѣе, чѣмъ ты.

— Вотъ какъ!

И Петръ Алексѣичъ проговорилъ со вздохомъ:

Что за комиссія, Создатель,
Быть... братомъ выросшей сестры!

Надежда Алексѣевна засмѣялась.

— Много я тебѣ хлопотъ доставляю, нечего сказать. Мнѣ такъ вотъ комиссія съ тобою.

— Неужели?—я этого никакъ не подозрѣвалъ.

— Я не насчетъ Маши говорю.

— На какой же счетъ?

Лицо Надежды Алексѣевны слегка опечалилось

— Ты самъ знаешь,—проговорила она тихо.

— А, понимаю!—Что дѣлать-съ, Надежда Алексѣевна, люблю-съ выпить съ добрымъ пріятелемъ, грѣшный человѣкъ, люблю-съ.

— Полно, братъ, пожалуйста, не говори такъ!.. Этимъ не шутятъ.

— Трамъ-трамъ-тамъ-пумъ, — забормоталъ Петръ Алексѣичъ сквозь зубы.

— Это твоя погибель, а ты шутишь...

— „Хлопецъ сѣе жито, жинка каже макъ“, — громко запѣлъ Петръ Алексѣичъ, ударилъ вожжами лошадь, и она помчалась шибкой рысью.

IV.

Пріѣхавши домой, Веретьевъ не раздѣвался, и часа два спустя, заря только-что начинала заниматься въ небѣ, его уже не было въ домѣ.

На полдорогѣ между его имѣніемъ и Ипатовкой, надъ самой кручью широкаго оврага, находился небольшой березовый „заказъ". Молодыя деревья росли очень тѣсно, ничей топоръ еще не коснулся до ихъ стройныхъ стволовъ; негустая, но почти сплошная тѣнь ложилась отъ мелкихъ листьевъ на мягкую и тонкую траву, всю испещренную золотыми головками куриной слѣпоты, бѣлыми точками лѣсныхъ колокольчиковъ и малиновыми крестиками гвоздики. Недавно вставшее солнце затопляло всю рощу сильнымъ, хотя и не яркимъ свѣтомъ; вездѣ блестѣли росинки, кой-гдѣ внезапно загорались и рдѣли крупныя капли; все дышало свѣжестью, жизнью и той невинной торжественностью первыхъ мгновеній утра, когда все уже такъ свѣтло и такъ еще безмолвно. Только и слышались, что разсыпчатые голоса жаворонковъ надъ отдаленными полями, да въ самой рощѣ двѣ-три птички, не торопясь, выводили свои коротенькія колѣнца и словно прислушивались потомъ, какъ это у нихъ вышло. Отъ мокрой земли пахло здоровымъ, крѣпкимъ запахомъ, чистый, легкій воздухъ переливался прохладными струями. Утромъ, славнымъ лѣтнимъ утромъ вѣяло отъ всего, все глядѣло и улыбалось утромъ, точно румяное, только-что вымытое личико проснувшагося ребенка.

Невдалекѣ отъ оврага, посреди лужайки, сидѣлъ на раскинутомъ плащѣ Веретьевъ. Марья Павловна стояла подлѣ него, прислонясь къ березѣ и заложивъ назадъ руки.

Они оба молчали. Марья Павловна неподвижно глядѣла въ даль; бѣлый шарфъ скатился съ ея головы на плечи, набѣгавшій вѣтеръ шевелилъ и приподнималъ концы ея наскоро причесанныхъ волосъ. Веретьевъ сидѣлъ наклонившись и похлопывалъ вѣткой по травѣ.

— Что жъ,—началъ онъ наконецъ:—вы на меня сердитесь?

Марья Павловна не отвѣчала.

Веретьевъ взглянулъ на нее.

— Маша, вы сердитесь?—повторилъ онъ.

Марья Павловна окинула его быстрымъ взоромъ, слегка отвернулась и промолвила:

— Да.

— За что?—спросилъ Веретьевъ и отбросилъ вѣтку.

Марья Павловна опять не отвѣчала.

— Впрочемъ, вы, точно, имѣете право сердиться на меня,—началъ Веретьевъ послѣ небольшого молчанья.— Вы должны считать меня за человѣка не только легкомысленнаго, но даже...

— Вы меня не понимаете,—перебила Марья Павловна.— Я совсѣмъ не за себя сержусь на васъ.

— За кого же?

— За васъ самихъ.

Веретьевъ поднялъ голову и усмѣхнулся.

— А! понимаю!—заговорилъ онъ.—Опять! опять васъ начинаетъ тревожить мысль: отчего я ничего изъ себя не сдѣлаю? Знаете что, Маша: вы удивительное существо, ей-Богу. Вы такъ много заботитесь о другихъ и такъ мало о себѣ самой. Въ васъ эгоизма совсѣмъ нѣтъ, право. Другой такой дѣвушки, какъ вы, на свѣтѣ нѣтъ. Одно горе: я рѣшительно не стою вашей привязанности; это я говорю не шутя.

— Тѣмъ хуже для васъ. Чувствуете и ничего не дѣлаете.—Веретьевъ опять усмѣхнулся.

— Маша, выньте изъ-за спины, дайте мнѣ вашу руку,— проговорилъ онъ съ ласковой вкрадчивостью въ голосѣ.

Марья Павловна только плечомъ пожала.

— Дайте мнѣ вашу красивую, честную руку, мнѣ хочется облобызать ее почтительно и нѣжно. Такъ вѣтреный ученикъ лобызаетъ руку своего снисходительнаго наставника.

И Веретьевъ потянулся къ Марьѣ Павловнѣ.

— Полноте! — промолвила она. — Вы все смѣетесь да шутите, и прошутите такъ всю вашу жизнь.

— Гмъ! прошутить жизнь! Новое выраженіе! Вѣдь вы,

Марья Павловна, я надѣюсь, употребили глаголъ шутить— въ смыслѣ дѣйствительномъ?

Марья Павловна нахмурила брови.

— Полноте, Веретьевъ,—повторила она.

— Прошутить жизнь, — продолжалъ Веретьевъ и приподнялся:—а вы хуже моего распорядитесь: вы просерьезничаете всю вашу жизнь. Знаете, Маша, вы мнѣ напоминаете одну сцену изъ Пушкинскаго Донъ-Жуана. Вы не читали Пушкинскаго Донъ-Жуана?

— Нѣтъ.

— Да, я вѣдь и забылъ, вы стиховъ не читаете. Тамъ къ одной Лаурѣ приходятъ гости, она ихъ всѣхъ прогоняетъ и остается съ однимъ, Карлосомъ. Они оба выходятъ на балконъ, ночь удивительная. Лаура любуется, а Карлосъ вдругъ начинаетъ ей доказывать, что она со временемъ состарится. — Что жъ, отвѣчаетъ Лаура, теперь, можетъ-быть, въ Парижѣ холодъ и дождь, а здѣсь у насъ: „ночь лимономъ и лавромъ пахнетъ“. Что̀ загадывать о будущемъ? Оглянитесь, Маша, развѣ и здѣсь не прекрасно? Посмотрите, какъ все радуется жизни, какъ все молодо. И мы сами развѣ не молоды.

Веретьевъ приблизился къ Марьѣ Павловнѣ; она не отодвинулась отъ него, но не повернула къ нему головы.

— Улыбнитесь, Маша,—продолжалъ онъ:—только доброй вашей улыбкой, а не вашей обыкновенной усмѣшкой. Я люблю вашу добрую улыбку. Поднимите ваши гордые, строгіе глаза. — Что же вы? Вы отворачиваетесь. Протяните мнѣ хоть руку.

— Ахъ, Веретьевъ, — начала Маша:— вы знаете, я не умѣю говорить. Вы мнѣ разсказали объ этой Лаурѣ. Но вѣдь она женщина... Женщинѣ простительно не думать о будущемъ.

— Когда вы говорите, Маша,—возразилъ Веретьевъ:— вы безпрестанно краснѣете отъ самолюбія и стыдливости, кровь такъ и приливаетъ алымъ потокомъ въ ваши щеки, я ужасно это люблю въ васъ.

Марья Павловна взглянула прямо въ глаза Веретьеву.

— Прощайте,—промолвила она и накинула шарфъ себѣ на голову. Веретьевъ удержалъ ее.

— Полноте, полноте, подождите!—воскликнулъ онъ. — Ну, что вы хотите? Приказывайте! Хотите вы, чтобы я поступилъ на службу, сдѣлался агрономомъ? Хотите, чтобы я издалъ романсы съ аккомпаниментомъ гитары, напечаталъ бы собраніе стихотвореній, рисунковъ, занялся бы живописью, ваяньемъ, плясаньемъ на канатѣ? Все, все я сдѣлаю, все, что прикажете, лишь бы вы были мною довольны! Ну, право же, Маша, повѣрьте мнѣ.

Марья Павловна опять взглянула на него.

— Все это вы только на словахъ, не на дѣлѣ. Вы увѣряете, что слушаетесь меня...

— Конечно, слушаюсь.

— Слушаетесь, а вотъ, я сколько разъ васъ просила...

— О чемъ?

Марья Павловна запнулась.

— Не пить вина,—промолвила она, наконецъ.

Веретьевъ засмѣялся.

— Эхъ, Маша, Маша! И вы туда же! Сестра моя тоже объ этомъ убивается. Да, во-первыхъ, я вовсе не пьяница; а, во-вторыхъ, знаете ли вы, для чего я пью? Посмотрите-ка, вонъ, на эту ласточку... Видите, какъ она смѣло распоряжается своимъ маленькимъ тѣломъ, куда хочетъ, туда его и броситъ! Вонъ взвилась, вонъ ударилась книзу, даже взвизгнула отъ радости, слышите? Такъ вотъ я для чего пью, Маша, чтобы испытать тѣ самыя ощущенія, которыя испытываетъ эта ласточка... Швыряй себя, куда хочешь, несись, куда вздумается...

— Да къ чему же это?—перебила Маша.

— Какъ къ чему?—изъ чего же тогда жить?

— А развѣ безъ вина этого нельзя?

— Нельзя: всѣ мы попорчены, измяты. Вотъ, страсть... та такое же производитъ дѣйствіе. Оттого-то я васъ люблю.

— Какъ вино... покорно благодарю.

— Нѣтъ, Маша; я васъ люблю, не какъ вино. Постойте, я вамъ это докажу когда-нибудь, вотъ когда мы женимся и поѣдемъ съ вами за границу. Знаете ли, я уже

заранѣе думаю, какъ я приведу васъ передъ Милоскую Венеру. Вотъ кстати будетъ сказать:

Стоитъ ли съ важностью очей
Передъ Милоеской Кипридой—
Ихъ двѣ, и мраморъ передъ ней
Страдаетъ, кажется, обидой...

Что это я сегодня все говорю стихами? Это утро, должно-быть, на меня дѣйствуетъ. Что за воздухъ! точно вино пьешь.

— Опять вино,—замѣтила Марья Павловна.

— Что жъ такое! Этакое утро, да вы со мной, и не чувствовать себя опьяненнымъ! „Съ важностью очей"... Да,—продолжалъ Веретьевъ, глядя пристально на Марью Павловну:—это такъ... А вѣдь я помню, я видалъ, рѣдко, но видалъ эти темные великолѣпные глаза, я видалъ ихъ нѣжными! И какъ они прекрасны тогда! Ну, не отворачивайтесь, Маша, ну, по крайней мѣрѣ, засмѣйтесь... покажите мнѣ глаза ваши хотя веселыми, если уже они не хотятъ удостоить меня нѣжнымъ взглядомъ.

— Перестаньте, Веретьевъ, — проговорила Марья Павловна.—Пустите меня, мнѣ пора домой.

— А вѣдь я васъ разсмѣшу,—подхватилъ Веретьевъ:—ей-Богу, разсмѣшу. Э, кстати, посмотрите, вонъ заяцъ бѣжитъ...

— Гдѣ?—спросила Марья Павловна.

— Вонъ, за оврагомъ, по овсяному полю. Его должно-быть кто-нибудь вспугнулъ; они по утрамъ не бѣгаютъ. Хотите, я его остановлю сейчасъ?

И Веретьевъ громко свистнулъ. Заяцъ тотчасъ присѣлъ, повелъ ушами, поджалъ переднія лапки, выпрямился, пожевалъ, понюхалъ воздухъ и опять пожевалъ. Веретьевъ проворно сѣлъ на корточки, на подобіе зайца, и сталъ водить носомъ, нюхать и жевать какъ онъ. Заяцъ провелъ раза два лапками по мордочкѣ, встряхнулся,—онѣ, должно-быть, были мокры отъ росы,—уставилъ уши и покатилъ далѣе. Веретьевъ потеръ себя руками по щекамъ и также встряхнулся... Марья Павловна не выдержала и засмѣялась.

— Браво!—воскликнулъ Веретьевъ и вскочилъ:—браво! Вотъ, то-то и есть, вы не кокетка. Знаете ли, что если бы у какой-нибудь свѣтской барышни были такіе зубы, какъ у васъ, она бы вѣчно смѣялась! Но я за то и люблю васъ, Маша, что вы не свѣтская барышня, не смѣетесь безъ нужды, не носите перчатокъ на вашихъ рукахъ, которыя и цѣловать оттого такъ весело, что онѣ загорѣли и силу въ нихъ чувствуешь... Я люблю васъ за то, что вы не умничаете, что вы горды, молчаливы, книгъ не читаете, стиховъ не любите...

— А хотите, я вамъ прочту стихи? — перебила его Марья Павловна, съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Стихи?—спросилъ съ изумленіемъ Веретьевъ.

— Да, стихи, тѣ самые, которые вчера читалъ этотъ петербургскій господинъ.

— Опять Анчаръ?.. Такъ вы, точно, его декламировали въ саду, ночью? Онъ къ вамъ идетъ... Но развѣ онъ вамъ такъ понравился?

— Да понравился.

— Прочтите.

Марья Павловна застыдилась...

— Читайте, читайте,—повторилъ Веретьевъ.

Марья Павловна начала читать. Веретьевъ сталъ передъ ней, скрестилъ руки на груди и принялся слушать. При первомъ стихѣ Марья Павловна медленно подняла глаза къ небу: ей не хотѣлось встрѣчаться взорами съ Веретьевымъ. Она читала своимъ ровнымъ, мягкимъ голосомъ, напоминавшимъ звуки віолончели; но когда она дошла до стиховъ:

И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки...

ея голосъ задрожалъ, недвижныя, надменныя брови приподнялись наивно, какъ у дѣвочки, и глаза съ невольной преданностью остановились на Веретьевѣ...

Онъ вдругъ бросился къ ея ногамъ и обнялъ ея колѣни.

— Я твой рабъ,—воскликнулъ онъ:—я у ногъ твоихъ, ты мой владыка, моя богиня, моя волоокая Гера, моя Медея...

Марья Павловна хотѣла оттолкнуть его; но руки ея замерли на густыхъ его кудряхъ, и она, съ улыбкой замѣшательства, уронила голову на грудь...

V.

Гаврила Степанычъ Акилинъ, у котораго назначенъ былъ балъ, принадлежалъ къ числу помѣщиковъ, возбуждающихъ удивленіе сосѣдей искусствомъ жить хорошо и открыто при незначительныхъ средствахъ. Имѣя не болѣе четырехсотъ душъ крестьянъ, онъ принималъ всю губернію въ огромныхъ, имъ самимъ воздвигнутыхъ каменныхъ палатахъ съ колоннами, башней и флагомъ на башнѣ. Имѣніе это досталось ему отъ отца и никогда не отличалось благоустройствомъ; Гаврила Степанычъ долго находился въ отсутствіи, служилъ въ Петербургѣ; — наконецъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, вернулся онъ на родину въ чинѣ коллежскаго асессора, съ женою и тремя дочерьми, въ одно и то же время принялся за преобразованія и за постройки, немедленно завелъ оркестръ и началъ давать обѣды. Сначала всѣ пророчили ему скорое и неминуемое разореніе; не разъ носились слухи о продажѣ имѣнія Гаврилы Степаныча съ молотка; но годы шли, обѣды, балы, пирушки, концерты слѣдовали другъ за другомъ обычной чередой, новыя строенія какъ грибы вырастали изъ земли, а имѣніе Гаврилы Степаныча съ молотка все-таки не продавалось, и самъ онъ поживалъ попрежнему, даже потолстѣлъ въ послѣднее время. Тогда толки сосѣдей приняли другое направленіе; стали намекать на какія-то важныя, будто бы утаенныя суммы, заговорили о кладѣ... „И хотя бы хозяинъ онъ былъ хорошій“, — такъ разсуждали дворяне между собою: — „а то вѣдь нѣтъ! нисколько! Вотъ, вѣдь, что удивленія достойно и непонятно“. Какъ бы то ни было, но къ Гаврилѣ Степанычу всѣ ѣздили очень охотно: онъ принималъ гостей радушно и въ карты игралъ по какой угодно цѣнѣ. Это былъ маленькій, сѣденькій человѣчекъ съ вострой головкой, желтымъ лицомъ и желтыми глазами, всегда тщательно выбритый и надушенный одеколономъ;

онъ и въ будни, и въ праздники носилъ просторный синій фракъ, застегнутый до верху, большой галстукъ, въ который имѣлъ привычку прятать подбородокъ, и щеголялъ бѣльемъ; онъ жмурилъ глаза и вытягивалъ губы, когда нюхалъ табакъ, и говорилъ весьма привѣтливо и мягко, съ безпрестанными слово-ериками. Съ виду Гаврила Степанычъ не отличался бойкостью и вообще наружностью не бралъ и не глядѣлъ умницей, хотя по временамъ въ его глазахъ свѣтилось лукавство. Старшихъ двухъ дочерей онъ выгодно пристроилъ, младшая оставалась еще въ домѣ, невѣстой. Была у Гаврилы Степаныча и жена, существо незначительное и безсловесное.

Владиміръ Сергѣичъ, въ семь часовъ вечера, явился къ Ипатовымъ во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. Онъ засталъ уже всѣхъ совершенно одѣтыми; дѣвочки чинно сидѣли, боясь измять свои бѣленькія накрахмаленныя платьица; старикъ Ипатовъ, увидя Владиміра Сергѣича во фракѣ, ласково попенялъ ему и указалъ на свой сюртукъ; на Марьѣ Павловнѣ было темно-розовое кисейное платье, которое очень шло къ ней. Владиміръ Сергѣичъ сказалъ ей нѣсколько любезностей. Красота Марьи Павловны его привлекала, хотя она видимо его дичилась; Надежда Алексѣевна ему тоже нравилась, но непринужденность ея обращенія его нѣсколько смущала. Притомъ въ ея рѣчахъ, взглядахъ, самыхъ улыбкахъ часто высказывалась насмѣшливость, и это безпокоило его столичную и благовоспитанную душу. Онъ бы не прочь былъ подтрунить съ нею надъ другими, но ему непріятно было думать, что она въ состояніи, пожалуй, посмѣяться надъ нимъ самимъ.

Балъ уже начался; гостей собралось довольно много, и доморощенный оркестръ трещалъ, гудѣлъ и взвизгивалъ на хорахъ, когда семейство Ипатовыхъ вмѣстѣ съ Владиміромъ Сергѣичемъ вступило въ залу акилинскаго дома. Хозяинъ встрѣтилъ ихъ у самыхъ дверей, поблагодарилъ Владиміра Сергѣича за чувствительное доставленіе пріятнаго сюрприза,—такъ онъ выразился,—и, взявъ Ипатова подъ руку, повелъ его въ гостиную, къ карточнымъ столамъ. Гаврила Степанычъ воспитаніе получилъ плохое, и

все у него въ домѣ, и музыка, и мебель, и кушанья, и вина, не только не могло назваться первостепеннымъ, но даже и во вторую степень не годилось. Зато всего было въ волю, и самъ онъ не ломался, не кичился... дворяне больше ничего отъ него и не требовали и оставались совершенно довольны его угощеніемъ. За ужиномъ, напримѣръ, подавали икру, нарѣзанную въ кусочки и сильно посоленую; но никто не мѣшалъ брать ее пальцами и запить ее было чѣмъ: правда, дешевенькимъ, но все же виноградным виномъ, а не другимъ какимъ-либо напиткомъ. Пружины въ мебели Гаврилы Степаныча были, дѣйствительно, нѣсколько безпокойны по причинѣ ихъ неподатливости и тугости; но, не говоря уже о томъ, что во многихъ диванахъ и креслахъ пружинъ не было вовсе, всякъ могъ подложить подъ себя гарусную подушку, а подобныхъ подушекъ, вышитыхъ собственными руками супруги Гаврилы Степаныча, лежало вездѣ многое множество — и тогда уже ничего не оставалось желать.

Словомъ, домъ Гаврилы Степаныча пришелся какъ нельзя болѣе подъ ладъ общежительному и безцеремонному образу мыслей обитателей —го уѣзда, и единственно скромность г. Акилина была причиною тому, что на дворянскихъ съѣздахъ въ предводители избирался не онъ, а отставной майоръ Подпекинъ, человѣкъ весьма почтенный и достойный, хотя онъ и зачесывалъ себѣ волосы на правый високъ изъ-за лѣваго уха, красилъ усы въ лиловую краску и, страдая одышкой, въ послѣобѣденное время впадалъ въ меланхолію.

Итакъ, балъ уже начался. Танцовали кадриль въ десять паръ. Кавалерами были офицеры близъ-стоявшаго полка, юные, а иные и не совсѣмъ юные помѣщики, два-три чиновника изъ города. Все было какъ слѣдуетъ, все шло своимъ порядкомъ. Предводитель игралъ въ карты съ отставнымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и богатымъ бариномъ, владѣльцемъ трехъ тысячъ душъ. Дѣйствительный статскій совѣтникъ носилъ на указательномъ пальцѣ перстень съ алмазомъ, говорилъ очень тихо, не раздвигалъ соединенныхъ каблуковъ ногъ своихъ, поста-

вленныхъ въ положеніе, употребляемое танцорами прежнихъ временъ, и не поворачивалъ головы, до половины закрытой отличнѣйшимъ бархатнымъ воротникомъ; богатый баринъ, напротивъ, все чему-то смѣялся, поднималъ брови и сверкалъ бѣлками глазъ. Поэтъ Бодряковъ, человѣкъ вида неуклюжаго и дикаго, разговаривалъ въ углу съ ученымъ историкомъ Евсюковымъ: они оба держали другъ друга за пуговицы. Возлѣ нихъ одинъ дворянинъ, съ необыкновенно длинной таліей, излагалъ какія-то смѣлыя мнѣнія передъ другимъ дворяниномъ, съ робостью смотрѣвшимъ ему въ лобъ. Вдоль стѣнъ сидѣли маменьки въ пестрыхъ чепцахъ, у дверей жались господа простого покроя, молодые съ смущенными, пожилые съ смирными лицами; но всего не опишешь. Повторяемъ: все было, какъ слѣдуетъ.

Надежда Алексѣевна пріѣхала еще раньше Ипатовыхъ: Владиміръ Сергѣичъ увидалъ ее танцующею съ молодымъ человѣкомъ красивой наружности, въ щегольскомъ фракѣ, съ выразительными глазами, тонкими черными усиками и блестящими зубами; золотая цѣпочка висѣла полукругомъ у него на желудкѣ. На Надеждѣ Алексѣевнѣ было голубое платье съ бѣлыми цвѣтами; небольшой вѣнокъ изъ тѣхъ же цвѣтовъ обвивалъ ея кудрявую головку; она улыбалась, играла вѣеромъ, весело посматривала кругомъ, она чувствовала себя царицей бала. Владиміръ Сергѣичъ подошелъ къ ней, поклонился и, любезно заглянувъ ей въ лицо, спросилъ ее, помнитъ ли она вчерашнее обѣщаніе?

— Какое обѣщаніе?

— Вѣдь вы со мною танцуете мазурку?

— Да, конечно съ вами.

Молодой человѣкъ, стоявшій рядомъ съ Надеждой Алексѣевной, внезапно покраснѣлъ.

— Вы, mademoiselle, вѣроятно, забыли,—началъ онъ:— что вы уже прежде дали мнѣ слово на сегодняшнюю мазурку.

Надежда Алексѣевна смѣшалась.

— Ахъ, Боже мой, какъ же быть?—заговорила она:—

извините меня, пожалуйста, мосьё Стельчинскій, я такая разсѣянная: мнѣ, право, такъ совѣстно...

Мосьё Стельчинскій ничего не отвѣчалъ и только глаза опустилъ; Владиміръ Сергѣичъ слегка пріосанился.

— Будьте такъ добры, мосьё Стельчинскій, — продолжала Надежда Алексѣевна:—мы вѣдь съ вами старинные знакомые, а мосьё Астаховъ у насъ чужой: не ставьте меня въ затруднительное положеніе, позвольте мнѣ танцовать съ нимъ.

— Какъ вамъ угодно,—возразилъ молодой человѣкъ.— Однако, вамъ начинать.

— Благодарствуйте,—промолвила Надежда Алексѣевна и порхнула навстрѣчу своего визави.

Стельчинскій глянулъ ей вслѣдъ, потомъ посмотрѣлъ на Владиміра Сергѣича. Владиміръ Сергѣичъ въ свою очередь посмотрѣлъ на него и отошелъ въ сторону.

Кадриль скоро кончилась. Владиміръ Сергѣичъ походилъ немного по залѣ, потомъ направился въ гостиную и остановился у одного изъ карточныхъ столовъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то сзади прикоснулся къ его рукѣ; онъ обернулся—передъ нимъ стоялъ Стельчинскій.

— Мнѣ нужно съ вами въ сосѣднюю комнату на пару словъ, если вы позволите,—промолвилъ онъ по-французски очень вѣжливо и съ нерусскимъ выговоромъ.

Владиміръ Сергѣичъ послѣдовалъ за нимъ.

Стельчинскій остановился у окна.

— Въ присутствіи дамы, — началъ онъ на томъ же языкѣ:—я не могъ сказать ничего другого, какъ то, что я сказалъ; но вы, я надѣюсь, не думаете, что я дѣйствительно намѣренъ уступить вамъ мое право на мазурку съ m-lle Veretieff.

Владиміръ Сергѣичъ изумился.

— Какъ такъ?—спросилъ онъ.

— Да такъ же-съ, — спокойно отвѣчалъ Стельчинскій, положилъ руку за пазуху и раздулъ ноздри. — Не намѣренъ, да и только.

Владиміръ Сергѣичъ тоже положилъ руку за пазуху, но ноздрей не раздулъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, милостивый государь, — началъ онъ:—вы черезъ это можете вовлечь m-lle Veretieff въ непріятность, и я полагаю...

— Мнѣ самому это было бы крайне непріятно, но никто не мѣшаетъ вамъ отказаться, объявить себя больнымъ или уѣхать...

— Я этого не сдѣлаю. За кого вы меня принимаете?

— Въ такомъ случаѣ, я вынужденъ буду требовать отъ васъ удовлетворенія.

— То-есть въ какомъ это смыслѣ... удовлетворенія?

— Извѣстно, въ какомъ смыслѣ.

— Вы меня вызовете на дуэль?

— Точно такъ-съ, если вы не откажетесь отъ мазурки.

Стельчинскій постарался выговорить эти слова какъ можно равнодушнѣе. У Владиміра Сергѣича сердце ёкнуло. Онъ посмотрѣлъ своему недуманному-негаданному противнику въ лицо. „Фу, ты, Господи, какая глупость!“ подумалъ онъ.

— Вы не шутите?—произнесъ онъ громко.

— Я вообще не имѣю привычки шутить,—отвѣтилъ съ важностью Стельчинскій: — и въ особенности съ людьми, мнѣ незнакомыми. Вы не отказываетесь отъ мазурки?— прибавилъ онъ, помолчавъ немного.

— Не отказываюсь, — возразилъ Владиміръ Сергѣичъ, какъ бы размышляя.

— Прекрасно! Мы завтра деремся.

— Очень хорошо.

— Завтра поутру мой секундантъ будетъ у васъ.

И, учтиво поклонившись, Стельчинскій удалился, видимо довольный собою.

Владиміръ Сергѣичъ остался еще нѣсколько мгновеній у окна.

„Вотъ тебѣ на!—думалъ онъ:—вотъ тебѣ и новыя знакомства! Нужно было пріѣзжать! Хорошо! Славно!“

Однако онъ, наконецъ, оправился и вышелъ въ залу.

Въ залѣ уже танцовали польку. Передъ глазами Владиміра Сергѣича промелькнула Марья Павловна съ Петромъ Алексѣичемъ, котораго онъ до того мгновенія не

замѣтилъ; она казалась блѣдной и даже печальной; потомъ пронеслась Надежда Алексѣевна, вся свѣтлая и радостная, съ какимъ-то маленькимъ, кривоногимъ, но пламеннымъ артиллеристомъ; на второй туръ она пошла со Стельчинскимъ. Стельчинскій, танцуя, сильно встряхивалъ волосами.

— Что, батюшка,—раздался вдругъ за спиной Владиміра Сергѣича голосъ Ипатова:—только глядите, а сами не танцуете? А признайтесь-ка, даромъ, что у насъ, такъ-сказать, затишье, вѣдь недурно и у насъ, ась?

„Хорошо, къ чорту, затишье“, подумалъ Владиміръ Сергѣичъ и, пробормотавъ что-то въ отвѣтъ Ипатову, отошелъ въ другой уголъ залы.

„Надо будетъ секунданта сыскать,—продолжалъ онъ свои размышленія:—а гдѣ его, къ чорту, найти? Веретьева нельзя, другихъ я никого не знаю; чортъ знаетъ, что за нелѣпость такая!“

Владиміръ Сергѣичъ, когда сердился, любилъ поминать чорта.

Въ это мгновеніе, глаза Владиміра Сергѣича упали на Складную-Душу, Ивана Ильича, стоявшаго въ бездѣйствіи у окна.

„Ужъ не его ли?“ подумалъ онъ и, пожавъ плечами, прибавилъ почти вслухъ: „придется—его“.

Владиміръ Сергѣичъ подошелъ къ нему.

— Со мной очень странное происшествіе сейчасъ случилось,—началъ нашъ герой съ натянутой улыбкой:—вообразите, меня какой-то незнакомый молодой человѣкъ на дуэль вызвалъ; отказаться нѣтъ никакой возможности: мнѣ необходимо нуженъ секундантъ; не хотите ли вы?

Хотя Иванъ Ильичъ отличался, какъ извѣстно, невозмутимымъ равнодушіемъ, но такое необыкновенное предложеніе поразило и его. Полный недоумѣнія уставился онъ на Владиміра Сергѣича.

— Да,—повторилъ Владиміръ Сергѣичъ:—я бы очень вамъ былъ обязанъ: я здѣсь ни съ кѣмъ не знакомъ. Вы одни...

— Не могу,—промолвилъ Иванъ Ильичъ, словно просыпаясь:—совершенно не могу.

— Отчего же? Вы боитесь непріятностей: но, я надѣюсь, все это останется въ тайнѣ...

Говоря эти слова, Владиміръ Сергѣичъ чувствовалъ самъ, что краснѣлъ и смущался.

„Какъ глупо! какъ все это ужасно глупо!“ мысленно твердилъ онъ въ то же время.

— Извините меня, никакъ не могу,—повторилъ Иванъ Ильичъ, замоталъ головой и попятился, при чемъ опять повалилъ стулъ.

Въ первый разъ въ жизни ему приходилось отвѣчать на просьбу отказомъ; да вѣдь и просьба же была какова!

— По крайней мѣрѣ, — продолжалъ встревоженнымъ голосомъ Владиміръ Сергѣичъ, поймавъ его за руку:—вы ужъ сдѣлайте одолженіе, никому не говорите о томъ, что я вамъ сказалъ, я васъ покорнѣйше прошу объ этомъ.

— Это я могу, это я могу,—поспѣшно возразилъ Иванъ Ильичъ: — а то не могу, воля ваша, рѣшительно не въ состояніи.

— Ну, хорошо, хорошо, — промолвилъ Владиміръ Сергѣичъ:—но не забудьте, я надѣюсь на вашу скромность... Я объявлю завтра этому господину, — пробормоталъ онъ про себя съ досадой: — что я не могъ найти секунданта, пусть онъ самъ распорядится, какъ знаетъ, я здѣсь человѣкъ чужой. И чортъ меня дернулъ обратиться къ этому господину! Да что же было дѣлать?

Владиміру Сергѣичу было очень и очень не по себѣ.

Между тѣмъ, балъ продолжался. Владиміръ Сергѣичъ весьма бы желалъ уѣхать тотчасъ, но до конца мазурки нечего было думать объ отъѣздѣ. Какъ дать восторжествовать противнику? Къ несчастью Владиміра Сергѣича, танцами распоряжался одинъ молодой, развязный господинъ, съ длинными волосами и впалой грудью, по которой, въ видѣ маленькаго водопада, извивался черный атласный галстукъ, проколотый огромной золотой булавкой. Молодой этотъ господинъ слылъ по всей губерніи за человѣка, до тонкости изучившаго всѣ обычаи и уставы высшаго свѣта, хотя онъ въ Петербургѣ прожилъ всего шесть мѣсяцевъ и выше домовъ коллежскаго совѣтника

Сандараки и зятя его статскаго совѣтника Костандараки проникнуть не успѣлъ. На всѣхъ балахъ танцами распоряжался онъ, подавалъ музыкантамъ знакъ хлопаньемъ въ ладоши, посреди воя трубъ и визга скрипокъ кричалъ: „En avant deux!“ или „Grande chaine“ или: „A vous, mademoiselle!“ и то и дѣло леталъ, стремительно скользя и шаркая по залѣ, весь блѣдный и въ поту. Мазурку онъ никогда раньше полуночи не начиналъ. „И это милость,—говорилъ онъ:—я бы васъ въ Петербургѣ до двухъ часовъ проморилъ“. Длиненъ показался этотъ балъ Владиміру Сергѣичу. Онъ бродилъ, какъ тѣнь, изъ залы въ гостиную, изрѣдка обмѣниваясь холодными взглядами съ своимъ соперникомъ, не пропускавшимъ ни одного танца, попросилъ-было Марью Павловну на кадриль, но она уже была приглашена — и раза два перекинулся словами съ заботливымъ хозяиномъ, котораго, казалось, безпокоила скука, написанная на лицѣ новаго гостя. Наконецъ, загремѣла желанная мазурка. Владиміръ Сергѣичъ отыскалъ свою даму, принесъ два стула и сѣлъ съ ней въ послѣднихъ парахъ, почти напротивъ Стельчинскаго.

Въ первую пару сѣлъ, какъ оно и слѣдовало ожидать, молодой человѣкъ распорядитель. Съ какимъ лицомъ онъ началъ мазурку, какъ поволокъ за собою свою даму, какъ ударялъ при томъ ножкой въ полъ и вздергивалъ головой—описать все это едва ли не выше пера человѣческаго.

— А вы, мосьё Астаховъ, мнѣ кажется, скучаете?— начала Надежда Алексѣевна, внезапно обратясь къ Владиміру Сергѣичу.

— Я? Нисколько. Почему вамъ это кажется?

— Да такъ, по выраженію вашего лица... Вы, съ тѣхъ поръ какъ пріѣхали, ни разу не усмѣхнулись. Я этого отъ васъ не ожидала. Вамъ, господамъ положительнымъ людямъ, нейдетъ дичиться и хмуриться à la Byron. Предоставьте это сочинителямъ.

— Я замѣчаю, Надежда Алексѣевна, что вы часто называете меня положительнымъ человѣкомъ, какъ бы въ насмѣшку. Вы, должно-быть, считаете меня холоднѣйшимъ и благоразумнѣйшимъ существомъ, неспособнымъ

ни на что такое... А знаете ли, что́ я вамъ доложу: положительному человѣку часто бываетъ очень нелегко на сердцѣ, но онъ не считаетъ нужнымъ выказывать передъ другими, что̀ у него тамъ, внутри происходитъ; онъ предпочитаетъ молчать.

— Что̀ вы хотите сказать этимъ? — спросила Надежда Алексѣевна, окинувъ его взоромъ.

— Ничего-съ,—возразилъ съ притворнымъ равнодушіемъ Владиміръ Сергѣичъ и принялъ таинственный видъ.

— Однако?

— Право, ничего... Когда-нибудь узнаете, послѣ.

Надежда Алексѣевна хотѣла-было продолжать свои разспросы, но въ это мгновенье дѣвица, хозяйская дочь, подвела къ ней Стельчинскаго и другого кавалера въ синихъ очкахъ.

— Жизнь или смерть?—спросила она ее по-французски.

— Жизнь!—воскликнула Надежда Алексѣевна:—я не хочу еще смерти.

Стельчинскій наклонился; она пошла съ нимъ.

Кавалеръ въ синихъ очкахъ, назвавшійся смертью, пошелъ съ хозяйской дочерью. Оба имени были придуманы Стельчинскимъ.

— Скажите, пожалуйста, кто этотъ господинъ Стельчинскій? — спросилъ Владиміръ Сергѣичъ Надежду Алексѣевну, какъ только та возвратилась на свое мѣсто.

— Онъ у губернатора служитъ, очень любезный молодой человѣкъ. Онъ не здѣшній. Немножко фатъ, но это у нихъ всѣхъ въ крови. Я надѣюсь, вы никакихъ съ нимъ не имѣли объясненій по поводу мазурки?

— Никакихъ, помилуйте, — возразилъ съ маленькой запинкой Владиміръ Сергѣичъ.

— Я такая забывчивая! Вы не можете себѣ представить!

— Я долженъ радоваться вашей забывчивости: она доставила мнѣ удовольствіе танцовать сегодня съ вами.

Надежда Алексѣевна посмотрѣла на него, слегка прищурясь.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вамъ пріятно танцовать со мною?

Владиміръ Сергѣичъ отвѣчалъ ей комплиментомъ. По-

немногу онъ разговорился. Надежда Алексѣевна была очень мила всегда и особенно въ тотъ вечеръ; Владиміру Сергѣичу она показалась прелестной. Мысль о завтрашнемъ поединкѣ, раздражая его нервы, придавала блескъ и оживленіе его рѣчамъ; подъ вліяніемъ ея онъ позволилъ себѣ небольшія преувеличенія въ выраженіи чувствъ своихъ... „Куда ни шло!“ думалъ онъ. Во всѣхъ словахъ его, въ подавленныхъ вздохахъ, въ омрачавшихся внезапно взорахъ проступало что-то таинственное, невольно грустное, что-то изящно-безнадежное. Онъ, наконецъ, доболтался до того, что уже началъ разсуждать о любви, о женщинахъ, о своемъ будущемъ, о томъ, какъ онъ понимаетъ счастье и чего требуетъ отъ судьбы... Онъ изъяснялся иносказательно, намеками. Наканунѣ возможной смерти, Владиміръ Сергѣичъ кокетничалъ съ Надеждой Алексѣевной.

Она слушала его внимательно, посмѣивалась, качала головой, то спорила съ нимъ, то притворялась недовѣрчивой... Разговоръ, часто прерываемый подходившими кавалерами и дамами, принялъ подъ конецъ направленіе нѣсколько странное... Владиміръ Сергѣичъ сталъ уже разспрашивать Надежду Алексѣевну о ней самой, объ ея характерѣ, объ ея симпатіяхъ... Она сперва отшучивалась, потомъ вдругъ, совершенно неожиданно для Владиміра Сергѣича, спросила его, когда онъ ѣдетъ?

— Куда,—проговорилъ онъ съ изумленіемъ.

— Къ себѣ домой.

— Въ Сасово?

— Нѣтъ, домой, въ вашу деревню, за сто верстъ отсюда.

Владиміръ Сергѣичъ опустилъ глаза.

— Хотѣлось бы поскорѣй,—промолвилъ онъ съ озабоченнымъ лицомъ. — Думаю завтра... если только живъ буду. Вѣдь у меня дѣла! Но почему вамъ вдругъ вздумалось спросить меня объ этомъ?

— Такъ!—возразила Надежда Алексѣевна.

— Однако, какая причина?

— Такъ!—повторила она.—Меня удивляетъ любопытство человѣка, который ѣдетъ завтра, а сегодня желаетъ узнать мой характеръ...

— Но позвольте...—началъ-было Владиміръ Сергѣичъ...

— Ахъ, вотъ, кстати... прочтите, — со смѣхомъ перебила его Надежда Алексѣевна, протягивая ему билетъ съ конфетки, которую она только-что взяла съ сосѣдняго столика, а сама поднялась навстрѣчу Марьѣ Павловнѣ, остановившейся передъ ней вмѣстѣ съ другой дамой.

Марья Павловна танцовала съ Петромъ Алексѣичемъ. Лицо ея покрылось румянцемъ, разгорѣлось, но не повеселѣло.

Владиміръ Сергѣичъ взглянулъ на билетъ — на немъ плохими французскими буквами было напечатано:

Qui me néglige, me perd.

Онъ поднялъ глаза и встрѣтилъ взоръ Стельчинскаго, устремленный прямо на него. Владиміръ Сергѣичъ усмѣхнулся принужденно, облокотился на спинку стула и положилъ ногу на ногу.

— Вотъ, молъ, тебѣ!

Пламенный артиллеристъ примчалъ Надежду Алексѣевну къ ея стулу, тихо повертѣлся съ ней предъ нимъ, поклонился, звякнулъ шпорами и ушелъ. Она сѣла.

— Позвольте узнать,—началъ съ разстановкой Владиміръ Сергѣичъ:—какъ мнѣ понять этотъ билетъ...

— А что бишь на немъ стояло,—проговорила Надежда Алексѣевна.—Ахъ, да! Qui me néglige, me perd. Что жъ! это прекрасное житейское правило, которое на каждомъ шагу можетъ пригодиться. Для того, чтобъ успѣть въ чемъ бы то ни было, не нужно ничѣмъ пренебрегать... Должно добиваться всего: можетъ-быть, хоть что-нибудь достанется. Но мнѣ смѣшно: я... я вамъ, практическому человѣку, толкую о житейскихъ правилахъ...

Надежда Алексѣевна засмѣялась, и уже напрасно, до самаго конца мазурки, старался Владиміръ Сергѣичъ возобновить прежній разговоръ. Надежда Алексѣевна уклонялась отъ него съ своенравіемъ прихотливаго ребенка. Владиміръ Сергѣичъ толковалъ ей о своихъ чувствахъ, а она либо не отвѣчала ему вовсе, либо обращала его вниманіе на платья дамъ, на смѣшныя лица иныхъ мужчинъ,

на ловкость, съ которой танцовалъ ея братъ, на красоту Марьи Павловны, заговаривала о музыкѣ, о вчерашнемъ днѣ, о Егорѣ Капитонычѣ и супругѣ его Матренѣ Марковнѣ... и только при самомъ концѣ мазурки, когда Владиміръ Сергѣичъ началъ съ ней раскланиваться, съ иронической улыбкой на губахъ и во взорѣ проговорила:

— Итакъ, вы рѣшительно завтра ѣдете?

— Да; и, можетъ-быть, очень далеко,—значительно промолвилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Желаю вамъ счастливаго пути.

И Надежда Алексѣевна быстро приблизилась къ своему брату, весело шепнула ему что-то на ухо, потомъ спросила громко:

— Благодаренъ мнѣ? да? не правда ли? а то бы онъ *ее* пригласилъ на мазурку.

Онъ пожалъ плечами и промолвилъ:

— Все-таки ничего изъ этого не выйдетъ...

Она увела его въ гостиную.

„Кокетка!“ — подумалъ Владиміръ Сергѣичъ, и взявъ шляпу въ руку, выскользнулъ незамѣтно изъ залы, сыскалъ своего лакея, которому онъ заранѣе приказалъ быть наготовѣ, и уже надѣвалъ пальто, какъ вдругъ, къ крайнему его изумленію, лакей доложилъ ему, что ѣхать нельзя, что кучеръ неизвѣстно какимъ образомъ напился пьянъ и что разбудить его нѣтъ никакой возможности. Выбранивъ кучера необыкновенно кратко, но чрезвычайно сильно (дѣло происходило въ передней, посторонніе свидѣтели присутствовали) и объявивъ лакею, что если завтра чуть свѣтъ кучеръ не будетъ въ исправности, то никто въ мірѣ не въ состояніи себѣ представить, что́ изъ этого можетъ выйти, Владиміръ Сергѣичъ вернулся въ залу и попросилъ дворецкаго отвести ему комнатку, не дожидаясь ужина, уже приготовляемаго въ гостиной. Хозяинъ дома вдругъ словно выросъ изъ-подъ полу возлѣ самаго локтя Владиміра Сергѣича (Гаврила Степанычъ носилъ сапоги безъ каблуковъ и потому двигался безо всякаго шума) и началъ его удерживать, увѣряя, что за ужиномъ будетъ икра первый сортъ; но Владиміръ Сер-

гѣичъ отговорился головной болью. Полчаса спустя, онъ уже лежалъ на небольшой кроваткѣ, подъ короткимъ одѣяломъ, и силился заснуть.

Но ему не спалось. Какъ ни ворочался съ-боку-на-бокъ, какъ ни старался онъ думать о чемъ-нибудь другомъ, фигура Стельчинскаго неотвязно торчала предъ нимъ... Вотъ онъ цѣлится... вотъ онъ выстрѣлилъ... „Убитъ Астаховъ", говоритъ кто-то. Владиміръ Сергѣичъ не могъ назваться храбрецомъ, да и трусомъ онъ не былъ; но даже мысль о поединкѣ, съ кѣмъ бы то ни было, никогда ему въ голову не приходила... Драться! съ его благоразуміемъ, мирными наклонностями, уваженіемъ приличій, мечтами о будущемъ благосостояніи и о выгодной партіи. Если бы дѣло шло не о собственной особѣ, онъ бы расхохотался, до того нелѣпа и смѣшна казалась ему вся эта исторія. Драться! съ кѣмъ, и за что?!

— Тьфу ты, чортъ! что за вздоръ!—восклицалъ онъ невольно вслухъ. — Ну, а если онъ точно убьетъ меня, — продолжалъ онъ свои размышленія: — надо, однако, принять свои мѣры, распорядиться... Кто-то пожалѣетъ обо мнѣ?

И онъ съ досадой закрывалъ свои широко раскрытые глаза, натягивалъ одѣяло на шею... но все-таки заснуть не могъ...

Заря уже брезжила на небѣ и, утомленный лихорадкой безсонницы, Владиміръ Сергѣичъ начиналъ впадать въ дремоту, какъ вдругъ почувствовалъ какую-то тяжесть на ногахъ. Онъ открылъ глаза... На его постели сидѣлъ Веретьевъ.

Владиміръ Сергѣичъ изумился чрезвычайно, особенно когда замѣтилъ, что на Веретьевѣ не было сюртука, что у него изъ-подъ разстегнутой рубашки выказывалась обнаженная грудь, волосы падали на лобъ и само лицо казалось измѣненнымъ. Владиміръ Сергѣичъ приподнялся съ постели...

— Позвольте спросить...—началъ онъ, разставивъ руки...

— Я къ вамъ пришелъ, — заговорилъ Веретьевъ сиплымъ голосомъ: — извините меня въ такомъ видѣ... Мы тамъ немного выпили... Я желалъ васъ успокоить. Я ска-

залъ себѣ: тамъ лежитъ джентльменъ, которому, вѣроятно, не спится.—Поможемъ ему. — Внемлите: вы не деретесь завтра и можете спать...

Владиміръ Сергѣичъ изумился еще болѣе.

— Что вы такое сказали?—пробормоталъ онъ.

— Да; все это улажено, — продолжалъ Веретьевъ: — этотъ господинъ съ береговъ Вислы... Стельчинскій... извиняется передъ вами... завтра вы получите письмо... Повторяю вамъ:—все кончено... Храните!

И сказавши эти слова, Веретьевъ всталъ и направился невѣрными шагами къ двери.

— Но позвольте, позвольте,—началъ Владиміръ Сергѣичъ.—Какъ вы могли узнать, и почему я могу повѣрить...

— Ахъ! вы думаете, что я... того...—(и онъ слегка качнулся впередъ)... — Говорятъ вамъ... онъ къ вамъ завтра письмо пришлетъ... Вы не возбуждаете во мнѣ особенной симпатіи, но великодушіе—моя слабая сторона. Да и что̀ тутъ толковать... Вѣдь это все такіе пустяки... А признайтесь,—прибавилъ онъ, подмигнувъ глазомъ:—вы-таки струхнули, а?

Владиміръ Сергѣичъ разсердился.

— Позвольте, наконецъ, милостивый государь, — промолвилъ онъ...

— Ну, хорошо, хорошо, — перебилъ его Веретьевъ съ добродушной улыбкой.—Не горячитесь. Вѣдь вы не знаете, у насъ безъ этого ни одного бала не бываетъ... Это ужъ такъ заведено. Послѣдствій это никогда никакихъ не имѣетъ. Кому охота подставлять свой лобъ? Ну, а почему же не покуражиться, а? надъ пріѣзжимъ, напримѣръ? In vino veritas. А впрочемъ, ни вы, ни я, мы не знаемъ полатыни. Однако, я вижу по вашей фигурѣ, что вы хотите спать. Спокойной ночи желаю вамъ, господинъ положительный человѣкъ, благонамѣренный смертный. Примите это пожеланіе отъ другого смертнаго, который самъ гроша мѣднаго не сто̀итъ. Addio, mio caro!

И Веретьевъ вышелъ вонъ.

— Это чортъ знаетъ, что такое!—воскликнулъ, немного погодя, Владиміръ Сергѣичъ и ударилъ кулакомъ въ по-

душку:—это просто ни на что не похоже!.. Это надо будетъ объяснить! Я этого не потерплю!

Со всѣмъ тѣмъ, пять минутъ спустя, онъ уже спалъ кроткимъ и крѣпкимъ сномъ. Ему на сердцѣ стало легче... Минувшая опасность наполняетъ сладостью и смягчаетъ духъ человѣка.

Вотъ что̀ происходило передъ неожиданнымъ ночнымъ свиданьемъ Веретьева и Владиміра Сергѣича:

У Гаврилы Степаныча жилъ въ домѣ троюродный его племянникъ и занималъ въ нижнемъ этажѣ дома холостую квартиру. Когда случались балы, молодые люди, въ промежуткахъ танцевъ, забѣгали къ нему покурить наскоро Жукова, а послѣ ужина собирались у него же для дружеской попойки. Въ ту ночь къ нему нашло довольно много гостей. Стельчинскій и Веретьевъ были въ числѣ ихъ; Иванъ Ильичъ Складная-Душа тоже приплелся туда вслѣдъ за другими. Сдѣлали жжёнку. Хотя Иванъ Ильичъ обѣщалъ Астахову не говорить никому о предстоявшемъ поединкѣ, однако, когда Веретьевъ случайно спросилъ его, о чемъ онъ разсуждалъ съ этимъ кисляемъ (Веретьевъ иначе не называлъ Астахова), Складная-Душа не вытерпѣлъ и повторилъ весь свой разговоръ съ Владиміромъ Сергѣичемъ отъ слова до слова.

Веретьевъ засмѣялся, потомъ задумался.

— Да съ кѣмъ онъ дерется?—спросилъ онъ.

— А этого я сказать не могу,—возразилъ Иванъ Ильичъ.

— По крайней мѣрѣ, съ кѣмъ онъ разговаривалъ?

— Съ разными лицами... Съ Егоромъ Капитонычемъ. Ужъ не съ нимъ ли онъ дерется?

Веретьевъ отошелъ отъ Ивана Ильича.

Итакъ, сдѣлали жжёнку, начали пить. Веретьевъ сидѣлъ на самомъ видномъ мѣстѣ; веселый и разгульный, онъ первенствовалъ въ собраньяхъ молодежи. Онъ сбросилъ сюртукъ и галстукъ. Его попросили пѣть, онъ взялъ гитару и спѣлъ нѣсколько пѣсенъ. Головы понемногу разгорячились; молодежь принялась провозглашать тосты. Стельчинскій вскочилъ вдругъ, весь красный, на столъ и, высоко поднявъ надъ головою стаканъ, воскликнулъ громко:

— За здоровье... ужъ я знаю кого, — подхватилъ онъ торопливо, выпилъ вино, разбилъ стаканъ о полъ и прибавилъ: — пускай же завтра точно такъ же разлетится вдребезги мой врагъ!

Веретьевъ, который ужъ давно наблюдалъ за нимъ, быстро поднялъ голову...

— Стельчинскій,—промолвилъ онъ:—во-первыхъ, сойди со стола: это неприлично, да у тебя же и сапоги прескверные, а во-вторыхъ, поди-ка сюда, я тебѣ что-то сообщу.

Онъ отвелъ его въ сторону.

— Послушай, братъ, ты, я знаю, дерешься завтра съ этимъ джентльменомъ изъ Петербурга?

Стельчинскій дрогнулъ.

— Какъ... кто тебѣ сказалъ?

— Я тебѣ говорю. И мнѣ также извѣстно, за кого ты дерешься.

— А именно? Это любопытно знать?

— Ахъ, ты, Талейранъ этакой! Да, разумѣется, за мою сестру. Ну, ну, не притворяйся удивленнымъ. Это придаетъ тебѣ гусиное выраженіе. Не могу представить, какъ это у васъ тамъ вышло, но только это вѣрно. Полно, братъ,—продолжалъ Веретьевъ:—къ чему тутъ прикидываться? Вѣдь я знаю, ты за ней давно ухаживаешь.

— Да все-таки это не доказываетъ...

— Перестань, пожалуйста. Но послушай-ка, что̀ я теперь тебѣ скажу. Я этого поединка ни подъ какимъ видомъ не допущу. Понимаешь? Вся эта глупость обрушится на сестру. Извини: пока я живъ... этому не бывать. Мы съ тобой пропадемъ—туда и дорога, а ей еще долго надо жить и жить счастливо. Да, клянусь,—прибавилъ онъ съ внезапнымъ жаромъ:—всѣхъ другихъ выдамъ, даже тѣхъ, которые были бы готовы всѣмъ пожертвовать для меня, а у ней волоска никому тронуть не позволю.

Стельчинскій принужденно захохоталъ.

— Ты пьянъ, любезный, и бредишь... вотъ и все.

— А ты, небось, нѣтъ? Но пьянъ ли я, нѣтъ ли, это совершенно все равно. А говорю я дѣло. Не будешь ты

драться съ этимъ бариномъ, за это я ручаюсь. И охота была тебѣ съ нимъ связываться! Приревновалъ, что ли? Вотъ, правду говорятъ, что влюбленные люди глупы! Да она и танцовала-то съ нимъ для того только, чтобъ онъ не вздумалъ пригласить... Ну, да не объ этомъ дѣло. А дуэли этой не бывать.

— Гм! желалъ бы я посмотрѣть, какъ ты мнѣ помѣшаешь?

— А такъ же вотъ, что если ты сейчасъ не дашь мнѣ слова отказаться отъ этой дуэли, я самъ съ тобой драться буду.

— Будто?

— Милый мой, не сомнѣвайся въ этомъ. Оскорблю тебя, дружище, сейчасъ же, при всѣхъ, самымъ фантастическимъ образомъ, и потомъ хоть черезъ платокъ. А я думаю, это тебѣ будетъ непріятно по многимъ причинамъ, ась?

Стельчинскій вспыхнулъ, началъ говорить, что это *интимидація*, что онъ никому не позволитъ вмѣшиваться въ его дѣла, что онъ не посмотритъ ни на что... и кончилъ тѣмъ, что покорился и отказался отъ всякихъ покушеній на жизнь Владиміра Сергѣича. Веретьевъ его обнялъ, и не прошло еще полчаса, какъ уже оба они въ десятый разъ пили Brüderschaft, т.-е. пили, запустивъ руку за руку... Юноша-распорядитель также выпилъ Brüderschaft съ ними и сперва не отставалъ отъ нихъ, но заснулъ, наконецъ, самымъ невиннымъ образомъ, и долго лежалъ на спинѣ въ состояніи совершеннаго безчувствія... Выраженіе его маленькаго, поблѣднѣвшаго личика было и забавно, и жалко... Боже! что̀ сказали бы свѣтскія дамы, его знакомыя, если бъ увидѣли его въ такомъ уничиженіи! Но, къ его счастью, онъ не зналъ ни одной свѣтской дамы.

Иванъ Ильичъ также отличился въ ту ночь. Сперва онъ удивилъ гостей, внезапно затянувъ: „Въ деревнѣ нѣкогда баронъ“.

— Щуръ! щуръ запѣлъ! — закричали всѣ: — когда это бываетъ, чтобы щуръ пѣлъ по ночамъ!

— Да будто я одну только пѣсню знаю, — возразилъ разгоряченный виномъ Иванъ Ильичъ:—я умѣю и другія.

— Ну, ну, ну, покажи намъ свое искусство.

Иванъ Ильичъ помолчалъ и вдругъ началъ басомъ: „Крамбамбули, отцовъ наслѣдье“, но такъ нескладно и странно, что общій взрывъ хохота тотчасъ заглушилъ его голосъ, и онъ умолкъ.

Когда всѣ разошлись, Веретьевъ отправился къ Владиміру Сергѣичу, и между ними произошелъ непродолжительный, уже упомянутый разговоръ.

На другой день Владиміръ Сергѣичъ уѣхалъ очень рано къ себѣ въ Сасово. Цѣлое утро провелъ онъ въ волненіи, чуть-было не принялъ пріѣзжаго купца за секунданта, и отдохнулъ только тогда, когда лакей принесъ ему письмо отъ Стельчинскаго. Владиміръ Сергѣичъ нѣсколько разъ прочелъ это письмо — оно очень было ловко написано... Стельчинскій начиналъ со словъ: la nuit porte conseil, Monsieur—ни въ чемъ не извинялся, потому что, по его мнѣнію, онъ своего противника ничѣмъ не оскорбилъ; впрочемъ, сознавался, что наканунѣ излишне погорячился, и кончилъ объявленіемъ, что состоитъ въ полномъ распоряженіи господина Астахова (de M-r Astakhof), но самъ уже удовлетворенія болѣе не желаетъ. Сочинивъ и отправивъ отвѣтъ, исполненный въ одно и то же время вѣжливости, доходившей до игривости, и чувства достоинства, въ которомъ, однако, не замѣчалось ничего хвастливаго, Владиміръ Сергѣичъ сѣлъ за обѣдъ, потирая руки, съ великимъ удовольствіемъ покушалъ и тотчасъ же послѣ стола отправился во-свояси, не выславъ даже подставы впередъ. Дорога, по которой онъ ѣхалъ, проходила верстахъ въ четырехъ отъ усадьбы Ипатова... Владиміръ Сергѣичъ посмотрѣлъ на нее...

— Прощай, затишье!—молвилъ онъ съ усмѣшкой.

Образы Надежды Алексѣевны и Марьи Павловны предстали на мгновеніе его воображенью; онъ махнулъ рукой, отворотился и задремалъ.

VI.

Прошло три мѣсяца слишкомъ. Осень уже давно наступила; пожелтѣвшіе лѣса обнажались, синицы прилетѣли и, вѣрный признакъ близости зимы, вѣтеръ начиналъ завывать и ныть. Но дождей большихъ еще не бывало, и грязь на дорогахъ не успѣла растворіться. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Владиміръ Сергѣичъ отправился для окончанія нѣкоторыхъ дѣлъ въ губернскій городъ. Утро онъ провелъ въ разъѣздахъ, а вечеромъ поѣхалъ въ клубъ. Въ огромной, мрачной залѣ клуба встрѣтилъ онъ нѣсколько знакомыхъ и, между прочими, стараго отставного ротмистра, Флича, всѣмъ извѣстнаго дѣльца, остряка, картежника и сплетника. Владиміръ Сергѣичъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Ахъ, кстати, — воскликнулъ вдругъ отставной ротмистръ:—на-дняхъ здѣсь проѣзжала одна ваша знакомая, кланяться вамъ велѣла.

— Какая это знакомая?

— Стельчинская.

— Я ни съ одной Стельчинской не знакомъ.

— Вы ее въ дѣвушкахъ знавали... Она урожденная Веретьева... Надежда Алексѣевна. Мужъ ея у нашего губернатора служилъ. Вы его тоже, должно-быть, видали... Живчикъ такой, съ усиками... Славную штучку подцѣпилъ, и съ состояньемъ.

— Вотъ какъ, — проговорилъ Владиміръ Сергѣичъ. — Такъ она за него вышла... Гм! А куда жъ это они уѣхали?

— Въ Петербургъ. Она еще вамъ напомнить велѣла про какой-то билетикъ съ конфетки... Что̀ это былъ за билетикъ, позвольте полюбопытствовать?

И старый сплетникъ такъ и выставилъ впередъ свой острый носъ.

— Не помню, право, шутка какая-нибудь, — возразилъ Владиміръ Сергѣичъ.—А позвольте узнать, гдѣ теперь ея братъ?

— Петръ? Ну, тому плохо.

Господинъ Фличъ возвелъ кверху свои маленькіе, лисьи глазки и вздохнулъ.

— А что?—спросилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Загулялъ! Пропалъ человѣкъ.

— Да гдѣ онъ теперь?

— Совершенно неизвѣстно, гдѣ. Уѣхалъ куда-нибудь за цыганками, это вѣрнѣе всего. Въ губерніи его нѣтъ, за это я ручаюсь.

— А Ипатовъ старикъ, все тамъ же живетъ?

— Михаилъ Николаичъ? Чудачокъ-то? Все тамъ же.

— И все у него въ домѣ... попрежнему?

— Какъ же, какъ же. Вотъ, что̀ бы вамъ жениться на его свояченицѣ? Вѣдь это не женщина, это просто монументъ, право. Хе, хе. У насъ ужъ и поговаривали... что-молъ дескать...

— Вотъ какъ-съ,—промолвилъ, прищуривъ глаза, Владиміръ Сергѣичъ.

Въ это мгновенье Фличу предложили партію, и разговоръ прекратился.

Владиміръ Сергѣичъ располагалъ возвратиться домой скоро, но вдругъ получилъ съ нарочнымъ донесеніе отъ старосты, что въ Сасовѣ сгорѣло шесть дворовъ, и рѣшился самъ туда съѣздить. Отъ губернскаго города до Сасова считалось верстъ шестьдесятъ. Владиміръ Сергѣичъ прибылъ въ знакомый уже читателю флигелекъ къ вечеру, тотчасъ же велѣлъ призвать старосту и земскаго, побранилъ ихъ какъ слѣдуетъ, осмотрѣлъ утромъ мѣсто пожара, принялъ надлежащія мѣры, и послѣ обѣда, поколебавшись немного, отправился въ гости къ Ипатову. Владиміръ Сергѣичъ остался бы дома, если бъ не услыхалъ отъ Флича объ отъѣздѣ Надежды Алексѣевны; ему не хотѣлось съ ней встрѣчаться; но онъ былъ не прочь взглянуть еще разъ на Марью Павловну.

Владиміръ Сергѣичъ засталъ, какъ и въ первое свое посѣщеніе, Ипатова за шашками съ Складною-Душою. Старикъ ему обрадовался; Владиміру Сергѣичу показалось, однако, лицо его озабоченнымъ и рѣчь его не лилась свободно и охотно, какъ прежде.

Съ Иваномъ Ильичемъ Владиміръ Сергѣичъ переглянулся молча. Обоихъ ихъ немножко покоробило; впрочемъ, они скоро успокоились.

— Всѣ ваши здоровы?—спросилъ Владиміръ Сергѣичъ, усаживаясь.

— Всѣ, слава Богу, покорнѣйше благодарю,—отвѣтилъ Ипатовъ.—Одна Марья Павловна не совсѣмъ... того, все больше въ своей комнатѣ находится.

— Простудилась?

— Нѣтъ... такъ. Къ чаю явится.

— А Егоръ Капитонычъ? что онъ подѣлываетъ?

— Ахъ! Егоръ Капитонычъ убитый человѣкъ. У него жена умерла.

— Не можетъ быть.

— Въ сутки умерла отъ холеры. Вы бы не узнали его теперь, просто на себя не похожъ сталъ. „Безъ Матрены Марковны, говоритъ, жизнь мнѣ въ тягость. Умру, говоритъ, и слава Богу, говоритъ; не желаю, говоритъ, жить". Да, пропалъ бѣднякъ.

— Ахъ, Боже мой, какъ это непріятно!—воскликнулъ Владиміръ Сергѣичъ.—Бѣдный Егоръ Капитонычъ!

Всѣ помолчали.

— Ваша сосѣдка, я слышалъ, замужъ вышла,—заговорилъ Владиміръ Сергѣичъ, слегка покраснѣвъ.

— Надежда Алексѣевна? Да, вышла.

Ипатовъ косвенно посмотрѣлъ на Владиміра Сергѣича.

— Какъ же... какъ же, вышла и ужъ уѣхала.

— Въ Петербургъ?

— Въ Санктпетербургъ.

— Марья Павловна, я думаю, скучаетъ по ней? Кажется, она очень съ ней была дружна.

— Конечно, скучаетъ. Безъ этого нельзя. А, впрочемъ, что до дружества касается, скажу вамъ, дѣвичья дружба еще хуже мужской Пока на глазахъ, хорошо, а то и поминай какъ звали.

— Вы думаете?

— Да, ей-Богу такъ. Вотъ, хоть бы Надежда Алексѣевна. Какъ уѣхала, ни одного письма къ намъ не на-

писала, а вѣдь какъ обѣщалась, божилась даже. Правда, ей теперь не до того.

— А давно она уѣхала?

— Да, ужъ недѣль шесть будетъ. На другой же день послѣ свадьбы ускакала, по-иностранному.

— Говорятъ, и брата ея тоже здѣсь нѣтъ? — проговорилъ Владиміръ Сергѣичъ, немного погодя.

— Да, тоже. Вѣдь они люди столичные; станутъ они долго въ деревнѣ жить!

— И неизвѣстно, куда онъ уѣхалъ?

— Неизвѣстно.

— Пощебелилъ, да и за щеку,—замѣтилъ Иванъ Ильичъ.

— Пощебелилъ, да и за щеку,—повторилъ Ипатовъ.— Ну, а вы, Владиміръ Сергѣичъ, что подѣлывали хорошенькаго?—прибавилъ онъ, оборотясь на стулѣ.

Владиміръ Сергѣичъ началъ разсказывать о себѣ, Ипатовъ его слушалъ, слушалъ и воскликнулъ наконецъ:

— Да что жъ это Маша нейдетъ? Иванъ Ильичъ, ты бы сходилъ за ней.

Иванъ Ильичъ отправился вонъ изъ комнаты и, вернувшись, объявилъ, что Марья Павловна сейчасъ придетъ.

— Что, у ней голова болитъ? — спросилъ Ипатовъ вполголоса.

— Болитъ,—отвѣтилъ Иванъ Ильичъ.

Дверь раскрылась и вошла Марья Павловна. Владиміръ Сергѣичъ всталъ, поклонился и отъ изумленія не могъ произнесть слова: такъ измѣнилась Марья Павловна съ тѣхъ поръ, какъ онъ ее видѣлъ въ послѣдній разъ! Румянецъ исчезъ съ ея похудѣвшихъ щекъ; широкая черная кайма окружила ея глаза; горько сжались губы; все лицо ея, неподвижное и темное, казалось окаменѣлымъ.

Она подняла глаза, и въ нихъ не было блеску.

— Какъ ты себя чувствуешь?—спросилъ ее Ипатовъ.

— Я здорова,—отвѣчала она и сѣла къ столу, на которомъ уже кипѣлъ самоваръ.

Владиміръ Сергѣичъ порядкомъ-таки поскучалъ въ тотъ вечеръ. Да и всѣ были не въ духѣ. Разговоръ принималъ все такой невеселый оборотъ.

— Вѣдь вишь, — сказалъ между прочимъ Ипатовъ, прислушиваясь къ завываньямъ вѣтра:— какія ноты выводитъ! Лѣто-то ужъ давно прошло; вотъ и осень проходитъ, вотъ и зима на носу. Опять завалитъ кругомъ сугробами. Хоть бы поскорѣе снѣгъ выпалъ. А то въ садъ выйдешь, тоска нападетъ... Словно развалина какая-то. Деревья вѣтками стучатъ... Да, прошли красные дни!

— Прошли,—повторилъ Иванъ Ильичъ.

Марья Павловна молча посмотрѣла въ окно.

— Богъ дастъ, вернутся,—замѣтилъ Ипатовъ.

Никто не отозвался ему.

— А помните, какъ здѣсь тогда хорошо пѣсни пѣли!— сказалъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Мало ли чего!—вздохнувъ, отвѣтилъ старикъ.

— Но вы бы могли,—продолжалъ Владиміръ Сергѣичъ, обращаясь къ Марьѣ Павловнѣ: — у васъ такой прекрасный голосъ.

Она не отвѣтила ему.

— А что ваша матушка? — спросилъ Владиміръ Сергѣичъ Ипатова, не зная уже, о чемъ вести разговоръ.

— Слава Богу, перебивается помаленьку при своихъ недугахъ. Еще сегодня въ колясочкѣ каталась. Она, доложу вамъ, какъ надломленное дерево, скрипъ да скрипъ, и глядишь, иное молодое, крѣпкое повалится, а она все стоитъ да стоитъ. Эхъ, хе, хе!

Марья Павловна уронила руки на колѣни и наклонила голову.

— А все же, плохое ея житье, — заговорилъ опять Ипатовъ:—справедливо сказано: „старость не радость“.

— А молодость не въ радость, — промолвила Марья Павловна, словно про себя.

Владиміръ Сергѣичъ хотѣлъ-было вернуться на ночь домой, но такая сдѣлалась на дворѣ темнота, что онъ не рѣшился ѣхать. Ему отвели ту же комнату на верху, въ которой онъ, три мѣсяца тому назадъ, провелъ безпокойную ночь, по милости Егора Капитоныча...

„Храпитъ ли онъ теперь?“ подумалъ Владиміръ Сер-

гѣичъ, и вспомнилъ его наставленія слугѣ, вспомнилъ внезапное появленіе Марьи Павловны въ саду...

Владиміръ Сергѣичъ подошелъ къ окну и приложился лбомъ къ холодному стеклу. Его собственное лицо тускло глянуло на него съ надворья, словно въ черную завѣсу уперлись его глаза, и только спустя немного времени могъ онъ различить на беззвѣздномъ небѣ вѣтки деревьевъ, порывисто крутившіяся среди мрака. Ихъ тормошилъ неугомонный вѣтеръ.

Вдругъ, Владиміру Сергѣичу показалось, будто что-то бѣлое промелькнуло по землѣ... Онъ всмотрѣлся, усмѣхнулся, пожалъ плечами и, воскликнувъ вполголоса: „что значитъ воображенье!“ легъ въ постель.

Онъ заснулъ очень скоро, но и въ этотъ разъ не было ему суждено провести спокойную ночь. Его разбудила бѣготня, поднявшаяся въ домѣ... Онъ отдѣлилъ отъ подушки голову... Слышались смятенные голоса, восклицанія, торопливые шаги, двери хлопали; вотъ, раздался женскій плачъ, крики поднялись въ саду, другіе крики отозвались дальше... Тревога въ домѣ росла, становилась шумнѣе съ каждымъ мгновеніемъ... „Пожаръ!“ мелькнуло въ умѣ Владиміра Сергѣича. Онъ трухнулъ, вскочилъ съ кровати и бросился къ окну; но зарева не было; только въ саду проворно двигались по дорожкамъ, мимо деревьевъ, красныя огненныя точки — тò бѣгали люди съ фонарями. Владиміръ Сергѣичъ подошелъ быстро къ двери, отворилъ ее и наткнулся прямо на Ивана Ильича. Блѣдный, растрепанный, полураздѣтый, онъ мчался, самъ не зная куда.

— Что такое? что случилось?—спросилъ съ волненіемъ Владиміръ Сергѣичъ, сильно схвативъ его за руку.

— Пропала, утопла, въ воду бросилась, — отвѣтилъ Иванъ Ильичъ задыхавшимся голосомъ.

— Кто въ воду бросился, кто пропалъ?

— Марья Павловна! Кому жъ, какъ не Марьѣ Павловнѣ? Погубилъ онъ ее, сердешную! Помогите! Батюшки, побѣжимте скорѣе! Голубчики, скорѣе!

И Иванъ Ильичъ ринулся внизъ по лѣстницѣ.

Владиміръ Сергѣичъ кое-какъ надѣлъ сапоги, накинулъ шинель на плечи и пустился вслѣдъ за нимъ.

Въ домѣ онъ уже никого не встрѣтилъ, всѣ выскочили въ садъ; однѣ только дѣвочки, дочери Ипатова, попались ему въ коридорѣ, возлѣ передней; помертвѣвъ отъ испуга, стояли онѣ въ своихъ бѣлыхъ юбочкахъ, съ сжатыми руками и голыми ножками, возлѣ ночника, поставленнаго на полу. Черезъ гостиную, мимо опрокинутаго стола, выбѣжалъ Владиміръ Сергѣичъ на террасу. Сквозь чащу, по направленію къ плотинѣ, мелькали огни, тѣни...

— За баграми! скорѣе за баграми! — слышался голосъ Ипатова.

— Неводъ, неводъ, лодку!—кричали другіе голоса.

Владиміръ Сергѣичъ побѣжалъ на крикъ. Онъ нашелъ Ипатова на берегу пруда; фонарь, повѣшенный на суку, ярко освѣщалъ сѣдую голову старика. Онъ ломалъ руки и шатался какъ пьяный; возлѣ него женщина, лежа на травѣ, билась и рыдала; кругомъ суетились люди. Иванъ Ильичъ уже вошелъ по колѣни въ воду и щупалъ дно шестомъ; кучеръ раздѣвался, дрожа всѣмъ тѣломъ; два человѣка тащили вдоль берега лодку; слышался рѣзкій топотъ копытъ по улицѣ деревни... Вѣтеръ несся съ визгомъ, какъ бы силясь задуть фонари, а прудъ плескалъ и шумѣлъ, чернѣя грозно.

— Что̀ я слышалъ,—воскликнулъ Владиміръ Сергѣичъ, подбѣгая къ Ипатову:—возможно ли?

— Багры, давайте багры!—простоналъ старикъ ему въ отвѣтъ...

— Да вы, можетъ-быть, ошибаетесь, помилуйте, Михаилъ Николаичъ...

— Нѣтъ! какое ошибается!—заговорила слезливымъ голосомъ женщина, лежавшая на травѣ, горничная Марьи Павловны: — сама я, окаянная, слышала, какъ она, голубушка моя, въ воду бросилась, какъ билась въ водѣ, какъ закричала: спасите, а тамъ еще разочекъ: спасите!

— Какъ же ты не помѣшала ей, помилуй!

— Да какъ, батюшка, сударикъ мой, помѣшать? вѣдь я, когда ея хватилась, то ужъ ея въ комнатѣ не было,

а мое сердечко, знать, чуяло: послѣдніе-то денечки она все такъ тосковала и не говорила ничего; да ужъ я знала, я прямо такъ въ садъ и побѣжала, словно надоумилъ меня кто; слышу, вдругъ бултыхъ что-то въ воду: спасите, слышу, кричитъ... спасите... Охъ, голубчики мои! Охъ, свѣтики мои!

— Да тебѣ, можетъ-быть, такъ почудилось?

— Какое почудилось! Да и гдѣ она? куда дѣвалась?

„Такъ вотъ что̀ мнѣ показалось бѣлое въ темнотѣ“, подумалъ Владиміръ Сергѣичъ...

Между тѣмъ, прибѣжали люди съ баграми, притащили неводъ, стали разстилать его по травѣ, народу набралось пропасть, суета поднялась, толкотня... кучеръ схватилъ багоръ, староста другой, оба вскочили въ лодку, отчалили и принялись искать баграми въ водѣ; съ берега свѣтили имъ. Странны и страшны казались движенія ихъ и ихъ тѣней во мглѣ, надъ взволнованнымъ прудомъ, при невѣрномъ и смутномъ блескѣ фонарей.

— Во... вотъ зацѣпилъ,—закричалъ вдругъ кучеръ.

Всѣ такъ и замерли на мѣстѣ.

Кучеръ потянулъ къ себѣ багоръ, нагнулся... Что-то рогатое, черное, медленно всплыло...

— Коряга,—проговорилъ кучеръ и отдернулъ багоръ.

— Да вернись, вернись,—закричали съ берега:—баграми ничего не сдѣлаешь, надо неводомъ.

— Да, да, неводомъ,—подхватили другіе.

— Стойте,—промолвилъ староста:—и я зацѣпилъ... что̀-то, кажись, мягкое,—прибавилъ онъ, погодя немного.

Бѣлое пятно показалось возлѣ лодки...

— Барышня!—вдругъ крикнулъ староста.—Она!

Онъ не ошибся... Багоръ зацѣпилъ Марью Павловну за рукавъ ея платья. Кучеръ ее тотчасъ подхватилъ, вытащили изъ воды... въ два сильныхъ толчка лодка очутилась у берега... Ипатовъ, Иванъ Ильичъ, Владиміръ Сергѣичъ, всѣ бросились къ Марьѣ Павловнѣ, подняли ее, понесли на рукахъ домой, тотчасъ раздѣли ее, начали ее откачивать, согрѣвать... Но всѣ ихъ усилія, ихъ старанія остались тщетными... Марья Павловна не пришла въ себя... Жизнь уже ее покинула.

Владиміръ Сергѣичъ, на другой день рано, оставилъ Ипатовку; передъ отъѣздомъ онъ пошелъ проститься съ покойницей. Она лежала на столѣ въ гостиной, въ бѣломъ платьѣ... Густые ея волосы еще не совсѣмъ высохли, какое-то скорбное недоумѣніе выражалось на ея блѣдномъ лицѣ, не успѣвшемъ исказиться; раскрытыя губы, казалось, силились заговорить и спросить что-то... стиснутыя крестъ-накрестъ руки, какъ бы съ тоской, прижимались къ груди... Но съ какой бы горестною мыслью ни погибла бѣдная утопленница, смерть наложила на нее печать своего вѣчнаго безмолвія и смиренія... и кто пойметъ, что̀ выражаетъ мертвое лицо въ тѣ немногія мгновенія, когда оно въ послѣдній разъ встрѣчаетъ взглядъ живыхъ передъ тѣмъ, чтобы навсегда исчезнуть и разрушиться въ могилѣ?

Владиміръ Сергѣичъ постоялъ, съ приличной задумчивостью, передъ тѣломъ Марьи Павловны, перекрестился три раза и вышелъ, не замѣтивъ Ивана Ильича, тихо плакавшаго въ уголкѣ... И не одинъ онъ плакалъ въ тотъ день, вся прислуга въ домѣ плакала горько: Марья Павловна оставила по себѣ добрую память.

Черезъ недѣлю, вотъ что̀ писалъ старикъ Ипатовъ въ отвѣтъ на пришедшее, наконецъ, письмо отъ Надежды Алексѣевны:

„За недѣлю передъ симъ, милостивая государыня Надежда Алексѣевна, несчастная свояченица моя, ваша знакомая, Марья Павловна, самовольно кончила жизнь свою, бросившись ночью въ прудъ, и мы уже предали землѣ ея тѣло. Она рѣшилась на сей горестный и ужасный поступокъ, не простившись со мною, не оставивъ даже письма или хотя бы записочки, для изъявленія своей послѣдней воли... Но вамъ лучше всѣхъ извѣстно, Надежда Алексѣевна, на чью душу долженъ пасть этотъ великій и смертный грѣхъ! Суди Господь Богъ вашего братца, а моя свояченица не могла ни разлюбить, ни пережить разлуку“...

Надежда Алексѣевна получила это письмо уже въ Италіи, куда она уѣхала съ своимъ мужемъ, графомъ де-

Стельчинскимъ, какъ его величали во всѣхъ гостиницахъ. Впрочемъ, онъ посѣщалъ не однѣ гостиницы: его часто видали въ игорныхъ домахъ, въ курзалахъ на водахъ... Онъ сперва проигрывалъ много денегъ, потомъ пересталъ проигрывать, и лицо его приняло особое выраженіе, не то подозрительное, не то дерзкое, какое бываетъ у человѣка, съ которымъ совершенно неожиданнымъ образомъ случаются исторіи... Съ женой онъ видался рѣдко. Впрочемъ, Надежда Алексѣевна не скучала въ его отсутствіи. Въ ней проявилась страсть къ искусствамъ и художествамъ. Она все больше зналась съ артистами и любила разсуждать о прекрасномъ съ молодыми людьми. Письмо Ипатова огорчило ее чрезвычайно, но не помѣшало ей, въ тотъ же день, поѣхать въ „Собачью Пещеру“ посмотрѣть, какъ задыхаются бѣдныя животныя, погруженныя въ сѣрные пары.

Она поѣхала не одна. Ее сопровождали разные кавалеры. Въ числѣ ихъ самымъ любезнымъ считался нѣкто г. Попеленъ, неудавшійся живописецъ изъ французовъ, съ бородкой и въ клѣтчатой курткѣ. Онъ пѣлъ жиденькимъ теноромъ новѣйшіе романсы, острилъ весьма развязно, и хотя сложенья былъ худощаваго, однако кушалъ весьма много.

VII.

Былъ солнечный, морозный январскій день; на Невскомъ гуляло множество народа. Часы на башнѣ Думы показывали три часа. По широкимъ плитамъ, усѣяннымъ желтымъ песочкомъ, шелъ, между прочими, старинный нашъ знакомый, Владиміръ Сергѣичъ Астаховъ. Онъ очень возмужалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ нимъ, обложился бакенбардами и пополнѣлъ во всемъ корпусѣ, но не постарѣлъ. Онъ подвигался за толпой, не торопясь и изрѣдка посматривая кругомъ: онъ ожидалъ жену свою; она вмѣстѣ съ своею матерью хотѣла подъѣхать въ каретѣ. Владиміръ Сергѣичъ уже лѣтъ пять какъ женился, именно такъ, какъ всегда желалъ: жена его была богата и съ самыми лучшими связями. Привѣтливо приподнимая

превосходно вычищенную шляпу при встрѣчѣ съ многочисленными знакомыми, Владиміръ Сергѣичъ продолжалъ выступать свободною поступью довольнаго судьбою человѣка, какъ вдругъ, около самаго Пассажа, на него чуть не наткнулся какой-то господинъ, въ испанскомъ плащѣ и фуражкѣ, съ лицомъ уже порядкомъ изношеннымъ, крашеными усами и большими, слегка заплывшими глазами. Владиміръ Сергѣичъ съ достоинствомъ посторонился, но господинъ въ фуражкѣ посмотрѣлъ на него и вдругъ воскликнулъ:

— А! г. Астаховъ, здравствуйте!

Владиміръ Сергѣичъ ничего не отвѣчалъ и остановился въ изумленіи. Онъ не могъ понять, какимъ образомъ господинъ, рѣшившійся идти по Невскому въ фуражкѣ, зналъ его фамилію.

— Вы меня не узнаете? — продолжалъ господинъ въ фуражкѣ: — я видѣлъ васъ лѣтъ восемь тому назадъ, въ деревнѣ, въ Т—ской губерніи, у Ипатовыхъ. Меня зовутъ Веретьевымъ.

— Ахъ! Боже мой! извините меня!—воскликнулъ Владиміръ Сергѣичъ:—но какъ вы измѣнились съ тѣхъ поръ...

— Да, я постарѣлъ, — возразилъ Петръ Алексѣичъ и провелъ по лицу рукою, на которой не было перчатки:— а вотъ вы не измѣнились.

Веретьевъ не столько постарѣлъ, сколько осунулся и опустился. Мелкія, тонкія морщины покрыли его лицо, и когда онъ говорилъ, его губы и щеки слегка подергивало. По всему замѣтно было, что сильно пожилъ человѣкъ.

— Гдѣ вы все это время пропадали, что васъ не было видно?—спросилъ его Владиміръ Сергѣичъ.

— Скитался кой-гдѣ. А вы все въ Петербургѣ находились?

— Бо̀льшей частью въ Петербургѣ.

— Женаты?

— Женатъ.

И Владиміръ Сергѣичъ принялъ нѣсколько строгій видъ, какъ бы желая сказать Веретьеву: „ты, братецъ, не вздумай просить меня, чтобы я представилъ тебя моей женѣ“.

Веретьевъ, казалось, понялъ его. Равнодушная усмѣшка чуть тронула его губы.

— А что ваша сестрица? — спросилъ Владиміръ Сергѣичъ.—Гдѣ она?

— Не могу вамъ сказать навѣрное. Должно-быть, въ Москвѣ. Я давно отъ нея писемъ не получалъ.

— Супругъ ея живъ?

— Живъ.

— А самъ г. Ипатовъ?

— Не знаю; вѣроятно, тоже живъ; а можетъ и умеръ.

— А тотъ господинъ, какъ бишь его, Бодряковъ, что ли?

— Тотъ-то, кого вы въ секунданты себѣ просили, помните, когда вы такъ струсили? А чортъ его знаетъ!

Владиміръ Сергѣичъ помолчалъ съ важностью на лицѣ.

— Я всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ тѣ вечера,— продолжалъ онъ:—когда я имѣлъ случай (онъ чуть-было не сказалъ—честь) познакомиться съ вашей сестрицей и съ вами. Она очень любезная особа. Что̀, вы все такъ же пріятно поете?

— Нѣтъ, голосъ пропалъ... Да, хорошее тогда было время!

— Я еще разъ посѣтилъ потомъ Ипатовку,—прибавилъ Владиміръ Сергѣичъ, приподнявъ печально брови:—вѣдь такъ, кажется, звали ту деревню,—въ самый день одного страшнаго событія...

— Да, да, это ужасно, это ужасно,—торопливо перебилъ его Веретьевъ. — Да, да. А помните, какъ вы чуть-было не подрались съ моимъ теперешнимъ зятемъ?

— Гм! помню! — возразилъ съ разстановкой Владиміръ Сергѣичъ.—Впрочемъ, я долженъ вамъ признаться, столько времени съ тѣхъ поръ прошло, мнѣ иногда все это представляется какъ сонъ какой-то...

— Какъ сонъ, — повторилъ Веретьевъ, и его блѣдныя щеки покраснѣли:—какъ сонъ... нѣтъ, это не былъ сонъ, по крайней мѣрѣ для меня. Это было время молодости, веселости и счастья, время безконечныхъ надеждъ и силъ неодолимыхъ, и если это былъ сонъ, такъ сонъ прекрасный. А вотъ, что мы теперь съ вами постарѣли, поглупѣли, да

усы красимъ, да шляемся по Невскому, да ни на что не стали годны, какъ разбитыя клячи, повыдохлись, повытерлись, не то важничаемъ и ломаемся, не то бьемъ баклуши, да, чего добраго, горе виномъ запиваемъ, — вотъ это скорѣе сонъ, и сонъ самый безобразный. Жизнь прожита, и даромъ, нелѣпо, пóшло прожита—вотъ чтò горько! Вотъ это бы стряхнуть какъ сонъ, вотъ отъ этого бы очнуться... И потомъ — вездѣ, всюду одно ужасное воспоминаніе, одинъ призракъ... А впрочемъ, прощайте.

Веретьевъ быстро удалился, но, поровнявшись съ дверьми одной изъ главныхъ кондитерскихъ Невскаго проспекта, остановился, вошелъ въ нее и, выпивъ у буфета рюмку померанцевой водки, отправился черезъ бильярдную, всю туманную и тусклую отъ табачнаго дыма, въ заднюю комнату. Тамъ онъ нашелъ нѣсколько знакомыхъ, прежнихъ товарищей: Петю Лазурина, Костю Ковровскаго, князя Сердюкова и еще двухъ господъ, которыхъ звали просто Васюкомъ и Филатомъ. Всѣ они были люди уже не молодые, хотя и холостые; у иныхъ волосы повылѣзли, а у другихъ сѣдина пробилась, лица ихъ покрылись морщинами, подбородки сдвоились, словомъ—господа эти всѣ уже давно, какъ говорится, перешли періодъ растенія. Всѣ они, однако, продолжали считать Веретьева человѣкомъ необыкновеннымъ, предназначеннымъ удивить вселенную, и онъ только потому и былъ умнѣе ихъ, что самъ очень хорошо сознавалъ свою совершенную и коренную безполезность. И внѣ его кружка находились люди, которые думали о немъ, что, не погуби онъ себя, изъ него чортъ знаетъ чтò бы вышло... Эти люди ошибались: изъ Веретьевыхъ никогда ничего не выходитъ.

Пріятели Петра Алексѣича встрѣтили его съ обычными привѣтствіями. Онъ сначала озадачилъ ихъ своимъ мрачнымъ видомъ и жёлчными рѣчами, но вскорѣ успокоился, развеселился, и дѣло пошло своимъ обычнымъ порядкомъ.

А Владиміръ Сергѣичъ, какъ только ушелъ отъ него Веретьевъ, нахмурился и выпрямилъ станъ. Неожиданная выходка Петра Алексѣича чрезвычайно озадачила, даже оскорбила его.

„Поглупѣли, вино пьемъ, усы красимъ... parlez pour vous, mon cher“, сказалъ онъ, наконецъ, почти вслухъ и, фыркнувъ раза два отъ прилива невольнаго негодованія, собрался-было продолжать свою прогулку.

— Кто это съ вами говорилъ?—раздался громкій и самоувѣренный голосъ за его спиною.

Владиміръ Сергѣичъ обернулся и увидѣлъ одного изъ своихъ хорошихъ знакомыхъ, нѣкоего г. Помпонскаго. Этотъ г. Помпонскій, человѣкъ высокаго роста и толстый, занималъ довольно важное мѣсто, и ни разу, съ самой ранней юности, не усомнился въ себѣ.

— Такъ, чудакъ какой-то, — проговорилъ Владиміръ Сергѣичъ, взявши г. Помпонскаго подъ-руку.

— Помилуйте, Владиміръ Сергѣичъ, развѣ позволительно порядочному человѣку разговаривать на улицѣ съ индивидуемъ, у котораго на головѣ фуражка? Это неприлично! Я удивляюсь! Гдѣ вы могли познакомиться съ такимъ субъектомъ?

— Въ деревнѣ.

— Въ деревнѣ... Съ деревенскими сосѣдями въ городѣ не кланяются... ce n'est pas comme il faut. Джентльменъ долженъ всегда держать себя джентльменомъ, если хочетъ, чтобы...

— Вотъ моя жена, — поспѣшилъ перебить его Владиміръ Сергѣичъ.—Пойдемте къ ней.

И оба джентльмена направились къ низенькой щегольской кареткѣ, изъ окна которой выглядывало блѣдное, усталое и раздражительно-надменное личико женщины еще молодой, но ужъ отцвѣтшей.

Изъ-за нея виднѣлась другая дама, тоже словно разсерженная, ея мать. Владиміръ Сергѣичъ отворилъ дверцы кареты, предложилъ женѣ руку. Помпонскій пошелъ съ его тещей, и обѣ четы отправились по Невскому въ сопровожденіи невысокаго, черноволосаго лакея въ гороховыхъ штиблетахъ и съ большой кокардой на шляпѣ.

1854 г.

ПЕРЕПИСКА.

(РАЗСКАЗЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ.)

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ я въ Дрезденѣ. Я остановился въ гостиницѣ. Съ ранняго утра до поздняго вечера скитаясь по городу, я не почелъ за нужное познакомиться съ моими сосѣдями; наконецъ, случайнымъ образомъ дошло до моего свѣдѣнія, что въ домѣ находится русскій—больной. Я отправился къ нему и нашелъ человѣка въ жесточайшей чахоткѣ. Дрезденъ начиналъ мнѣ надоѣдать; я поселился у моего новаго знакомца. Съ больнымъ сидѣть скучно, но даже скука иногда пріятна; притомъ, мой больной не унывалъ и разговаривалъ охотно. Мы всячески старались убивать время: играли вдвоемъ въ дурачки, трунили надъ докторомъ. Мой землякъ разсказывалъ этому весьма лысому нѣмцу разныя небылицы на свой счетъ, которыя докторъ всегда „давно предугадывалъ"; передразнивалъ его, когда онъ удивлялся какому-нибудь необыкновенному, небывалому припадку, кидалъ его лѣкарства за окно и т. д. Я, впрочемъ, неоднократно замѣчалъ моему пріятелю, что не худо бы послать за хорошимъ врачемъ, пока время не ушло, что съ его болѣзнью шутить нельзя, и т. д. Но Алексѣй (моего зна-

комаго звали Алексѣемъ Петровичемъ С...) всякій разъ отдѣлывался остротами насчетъ всѣхъ докторовъ вообще и своего въ особенности, и, наконецъ, въ одинъ ненастный осенній вечеръ, на мои неотступныя просьбы, отвѣчалъ такимъ унылымъ взглядомъ, такъ печально покачалъ головой и такъ странно улыбнулся, что я почувствовалъ нѣкоторое недоумѣнье. Въ ту же ночь Алексѣю сдѣлалось хуже, и на другой день онъ скончался. Передъ самой смертью обычная веселость ему измѣнила: онъ съ безпокойствомъ заметался на постели, вздыхалъ, тоскливо озирался... схватилъ меня за руку, съ усиліемъ прошепталъ: „а вѣдь тяжело умирать"... уронилъ голову на подушку и залился слезами. Я не зналъ, что̀ сказать ему, и молча сидѣлъ передъ его постелью. Алексѣй, однакожъ скоро восторжествовалъ надъ этимъ послѣднимъ, позднимъ сожалѣньемъ... „Послушайте",—сказалъ онъ мнѣ:—„нашъ докторъ сегодня придетъ и найдетъ меня мертвымъ... Во, ображаю себѣ его рожу"... И умирающій постарался его передразнить... Онъ попросилъ меня отослать всѣ его вещи въ Россію, къ родственникамъ, исключая небольшой связки, которую онъ подарилъ мнѣ на память.

Въ этой связкѣ находились письма—письма одной дѣвушки къ Алексѣю и копіи съ его писемъ къ ней. Всѣхъ ихъ было пятнадцать. Алексѣй Петровичъ С.... зналъ Марью Александровну Б.... давно, кажется, съ дѣтства. У Алексѣя Петровича былъ двоюродный братъ, у Марьи Александровны была сестра. Въ прежніе годы они всѣ жили вмѣстѣ, потомъ разъѣхались и долго не видались; потомъ случайно съѣхались всѣ опять въ деревнѣ, лѣтомъ, и влюбились—братъ Алексѣя въ Марью Александровну, самъ Алексѣй въ сестру ея. Лѣто прошло, наступила осень; они разъѣхались. Алексѣй, какъ человѣкъ разсудительный, скоро убѣдился въ томъ, что онъ вовсе не влюбленъ, и разстался съ своей красавицей весьма благополучно; братъ его еще годика два переписывался съ Марьей Александровной... но и онъ догадался, наконецъ, что безсовѣстнымъ образомъ обманываетъ и ее, и себя, и тоже умолкъ.

Я бы могъ вамъ разсказать кое-что о Марьѣ Александровнѣ, любезный читатель, но вы ее узнаете сами изъ ея писемъ. Алексѣй написалъ свое первое письмо къ ней вскорѣ послѣ ея окончательной размолвки съ его братомъ. Онъ находился тогда въ Петербургѣ, внезапно уѣхалъ за границу, занемогъ и въ Дрезденѣ умеръ. Я рѣшился напечатать его переписку съ Марьей Александровной, и надѣюсь на нѣкоторое снисхожденіе со стороны читателей уже потому, что эти письма не любовныя—сохрани Богъ! Любовныя письма читаются обыкновенно только двумя особами (зато тысячу разъ сряду), но ужъ третьей особѣ они несносны, если не смѣшны.

I.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Санктпетербургъ, 1840 г., марта 7-го.

Любезная Марья Александровна!

Кажется, я еще ни разу не писалъ къ вамъ, и вотъ, пишу теперь... Не правда ли, странное я выбралъ время? Вотъ что̀ меня къ этому побудило. Mon cousin Théodore сегодня былъ у меня и, какъ бы это сказать... и сообщилъ мнѣ подъ величайшей тайной (онъ иначе ничего не сообщаетъ), что онъ влюбленъ въ дочь какого-то здѣшняго барина и на этотъ разъ непремѣнно намѣренъ жениться, и что ужъ онъ сдѣлалъ первый шагъ — объяснился! Я, разумѣется, поспѣшилъ поздравить его съ такимъ пріятнымъ для него событіемъ; онъ давно нуждался въ объясненіи... но внутренно, признаюсь, я нѣсколько изумился. Хотя я зналъ, что между вами все было кончено, однако, мнѣ казалось... Словомъ, я изумился. Я собирался-было выѣхать сегодня въ гости, но остался дома и намѣренъ поболтать немного съ вами. Если вамъ не угодно меня слушать, бросьте письмо тотчасъ же въ огонь. Объявляю вамъ, что я хочу быть откровеннымъ, хотя и чувствую, что вы имѣете полное право принять меня за довольно навязчиваго человѣка. Замѣтьте, однако, что я бы не взялъ пера въ руки, если бъ не зналъ, что вашей сестрицы нѣтъ съ вами: она, какъ мнѣ сказалъ Théodore,

будетъ все лѣто гостить у вашей тетки, г-жи Б.... Дай ей Богъ всего хорошаго!

Итакъ, вотъ чѣмъ все разыгралось... Но я не стану предлагать вамъ мою дружбу и т. д.; я вообще чуждаюсь торжественныхъ рѣчей и „задушевныхъ“ изліяній. Начавъ писать это письмо, я просто слѣдовалъ какому-то мгновенному влеченію; если во мнѣ таится другое чувство, пусть оно и останется пока подъ спудомъ.

Васъ я также утѣшать не стану. Утѣшая другихъ, люди, большею частью, желаютъ поскорѣй отдѣлаться отъ непріятнаго чувства невольнаго, себялюбиваго сожалѣнья... Я понимаю искреннее, теплое участіе... но подобное участіе не отъ всякаго принимаешь... Пожалуйста, разсердитесь на меня... Разсердившись, вы, вѣроятно, прочтете мое посланіе до конца.

Но какое право имѣю я писать къ вамъ, говорить о моей дружбѣ, о моихъ чувствахъ, объ утѣшеніи?— никакого, рѣшительно никакого, я въ этомъ долженъ сознаться, и надѣюсь только на вашу доброту.

Знаете ли вы, на что́ похоже вступленіе моего письма? Вотъ на что: какой-нибудь господинъ N. N. вошелъ въ гостиную дамы, которая его совсѣмъ не ожидала, которая, можетъ-быть, ожидала другого... Онъ догадывается, что пришелъ не во-время, но дѣлать нечего... Садится, начинаетъ говорить... Богъ знаетъ о чемъ: о поэзіи, о красотахъ природы, о выгодахъ хорошаго воспитанія... словомъ, несетъ ужаснѣйшую дичь... Но, между тѣмъ, первыя пять минутъ прошли, онъ усѣлся; дама покорилась судьбѣ, и вотъ, г. N. N. оправляется, отдыхаетъ и начинаетъ разговаривать—какъ умѣетъ.

Однако, несмотря на всѣ эти разглагольствованія, мнѣ все-таки не совсѣмъ ловко. Я такъ и вижу передъ собою ваше недоумѣвающее, нѣсколько даже гнѣвное лицо: я чувствую, что вамъ почти невозможно не предположить во мнѣ какихъ-нибудь скрытныхъ намѣреній, и потому я, какъ римлянинъ, сдѣлавшій глупость, величественно закутываюсь въ свою тогу и безмолвно ожидаю вашего окончательнаго приговора...

А именно: позволите ли вы мнѣ продолжать писать къ вамъ?

Остаюсь искренно и душевно преданный вамъ —

Алексѣй С...

II.

Отъ Марьи Александровны къ Алексѣю Петровичу.

Село ....но, марта 22-го 1840.

Милостивый государь!

Алексѣй Петровичъ!

Я получила ваше письмо и, право, не знаю, что вамъ сказать. Я бы даже вовсе не отвѣчала вамъ, если бъ мнѣ не показалось, что подъ вашими шутками дѣйствительно скрывается чувство довольно дружелюбное. Ваше письмо произвело на меня впечатлѣніе непріятное. Въ отвѣтъ на ваши „разглагольствованія", какъ вы говорите, позвольте мнѣ тоже предложить вамъ одинъ вопросъ: *къ чему?* Что̀ вамъ до меня, что̀ мнѣ до васъ? Я не предполагаю въ васъ никакихъ дурныхъ намѣреній... напротивъ, я благодарна вамъ за ваше участіе... но мы другъ другу чужды, и я, теперь, по крайней мѣрѣ, не чувствую ни малѣйшаго желанія сблизиться съ кѣмъ бы то ни было.

Съ истиннымъ уваженіемъ остаюсь и т. д.

Марья Б...

III.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Санктпетербургъ, марта 30.

Благодарю васъ, Марья Александровна, благодарю васъ за вашу записку, какъ она ни суха. Все это время я находился въ большомъ волненіи; я двадцать разъ на день думалъ о васъ и о моемъ письмѣ. Вы не можете себѣ представить, какъ язвительно я насмѣхался надъ самимъ собою; но теперь я въ отличномъ расположеніи духа и глажу себя по головкѣ. Марья Александровна, я вступаю въ переписку съ вами! Признайтесь, вы этого никакъ не могли ожидать послѣ вашего отвѣта; я самъ удивляюсь моей смѣлости... была не была! Но успокойтесь: я хочу говорить

съ вами не о васъ, а о себѣ. Вотъ видите ли: мнѣ непремѣнно нужно, говоря стариннымъ слогомъ, высказаться передъ кѣмъ-нибудь. Я не имѣю никакого права избрать васъ въ свои повѣренные — согласенъ; но послушайте: я не требую отъ васъ отвѣта на мои посланія; я даже не хочу знать, станете ли вы читать мои „разглагольствованія", но не возвращайте мнѣ моихъ писемъ, ради всего святого!

Послушайте, я совершенно одинокъ на землѣ. Въ молодости я велъ жизнь уединенную, хотя, помнится, никогда не прикидывался Байрономъ; но, во-первыхъ, обстоятельства, во-вторыхъ, способность фантазировать и любовь къ фантазіи, довольно холодная кровь, гордость, лѣнь — словомъ, множество разныхъ причинъ отдалило меня отъ общества людей. Переходъ отъ жизни мечтательной къ дѣйствительной совершился во мнѣ поздно... можетъ-быть, слишкомъ поздно, можетъ-быть, до сихъ поръ не вполнѣ. Пока меня тѣшили собственныя мои мысли и чувства, пока я былъ способенъ предаваться безпричиннымъ, молчаливымъ восторгамъ, и т. д., я не жаловался на свое одиночество. У меня не было товарищей — были такъ-называемые друзья. Иногда я нуждался въ ихъ присутствіи, какъ электрическая машина нуждается въ разрядникѣ—и только. Любовь... объ этомъ предметѣ мы пока помолчимъ. Но теперь, признаюсь, теперь одиночество тяготитъ меня, а между тѣмъ, я не вижу никакого выхода изъ моего положенія. Я не виню судьбы; я одинъ виноватъ, и подѣломъ наказанъ. Въ молодости меня занимало одно: мое милое *я*; я принималъ свое добродушное самолюбіе за стыдливость; я чуждался общества — и вотъ, теперь я самъ себѣ надоѣлъ страшно. Куда дѣться? Я никого не люблю; всѣ мои сближенія съ другими людьми какъ-то натянуты и ложны; да и воспоминаній у меня нѣтъ, потому-что во всей моей прошедшей жизни я ничего не нахожу, кромѣ собственной моей особы. Спасите меня: вамъ я не клялся восторженно въ любви; васъ я не оглушалъ потокомъ болтливыхъ рѣчей; я довольно холодно прошелъ мимо васъ, и оттого именно рѣшаюсь теперь прибѣгнуть къ вамъ. (Я и прежде объ этомъ поду-

мывалъ, да вы тогда не были свободны...). Среди всѣхъ моихъ самодѣльныхъ ощущеній, радостей и страданій, единственно истиннымъ чувствомъ было то небольшое, но невольное влеченіе къ вамъ, которое завяло тогда, какъ одинокій колосъ среди негодныхъ травъ... Дайте мнѣ хоть разъ посмотрѣть въ лицо другое, въ другую душу, — мое собственное лицо мнѣ опротивѣло; я похожъ на человѣка, который былъ бы осужденъ весь свой вѣкъ жить въ комнатѣ съ зеркальными стѣнами... Я не требую отъ васъ никакихъ признаній—о, Боже, нѣтъ! Подарите меня безмолвнымъ участіемъ сестры, или хоть простымъ любопытствомъ читателя—я васъ займу, право, займу.

А впрочемъ честь имѣю пребыть вашимъ искреннимъ другомъ.

А. С.

IV.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Петербургъ, 7-го апрѣля.

Пишу опять къ вамъ, хотя и предвижу, что безъ вашего одобренія скоро замолчу. Я долженъ сознаться, что вы не можете не чувствовать нѣкоторой недовѣрчивости ко мнѣ. Что жъ? вы, можетъ-быть, и правы. Прежде я торжественно объявилъ бы вамъ (и самъ, пожалуй, себѣ бы на слово повѣрилъ), что, со времени нашей разлуки, я „развился“, ушелъ впередъ; съ снисходительнымъ, почти ласковымъ презрѣніемъ отозвался бы я о своемъ прошедшемъ, съ трогательной хвастливостью посвятилъ бы васъ въ тайны своей настоящей, дѣйствительной жизни... но теперь, увѣряю васъ, Марья Александровна, мнѣ даже совѣстно и гадко вспоминать о томъ, какъ нѣкогда разыгрывалось и тѣшилось мое дрянное самолюбіе. Не бойтесь: я не стану вамъ навязывать никакихъ великихъ истинъ, никакихъ глубокихъ взглядовъ; у меня нѣтъ ихъ—этихъ истинъ и взглядовъ. Я сталъ добрымъ малымъ—право. Мнѣ скучно, Марья Александровна, мнѣ просто мочи нѣтъ какъ скучно. Вотъ отчего я къ вамъ пишу... Мнѣ, право, кажется, что мы можемъ сойтись...

Однако, я рѣшительно не въ состояніи говорить съ вами, пока вы мнѣ не протянете вашей руки, пока я не получу отъ васъ записки съ однимъ словомъ „да“. — Марья Александровна, хотите ли вы меня выслушать? — вотъ въ чемъ вопросъ.

Преданный вамъ А. С.

V.

Отъ Марьи Александровны къ Алексѣю Петровичу.

Село ...но, 14 апрѣля.

Какой вы странный человѣкъ! Ну—да.

Марья Б.

VI.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Петербургъ, 2 мая 1840.

Ура! Спасибо, Марья Александровна, спасибо! Вы очень доброе и снисходительное созданіе.

Начинаю, по обѣщанію, говорить о самомъ себѣ, и буду говорить съ удовольствіемъ, доходящимъ до аппетита... Именно такъ. Обо всемъ на свѣтѣ можно говорить съ жаромъ, съ восторгомъ, съ увлеченіемъ, но съ аппетитомъ говоришь только о самомъ себѣ.

Послушайте, со мной на-дняхъ случилось престранное происшествіе: я въ первый разъ оглянулся на свое прошедшее. Вы поймите меня: каждый изъ насъ часто вспоминаетъ о бываломъ — съ сожалѣніемъ или съ досадой, или просто такъ, отъ нечего дѣлать; но бросить холодный, ясный взглядъ на всю свою прошедшую жизнь — вотъ, какъ прохожій, оборачиваясь, глядитъ съ высокой горы на пройденное имъ поле — можно только въ извѣстныя лѣта... и тайный холодъ охватитъ сердце человѣка, когда это съ нимъ случается въ первый разъ. По крайней мѣрѣ, у меня оно болѣзненно сжалось. Пока мы молоды — *такого* рода оглядки невозможны. Но молодость моя миновала — и, какъ тому прохожему на горѣ, мнѣ все ясно стало видно...

Да, прошла моя молодость, прошла невозвратно!.. Вотъ она лежитъ передо мной, вся, какъ на ладони...

Невеселое зрѣлище! Признаюсь вамъ, Марья Александровна, мнѣ очень жаль самого себя. Боже мой! Боже мой! Возможно ли, чтобъ я самъ до такой степени испортилъ собственную жизнь, такъ безжалостно путалъ и мучилъ себя... Теперь я образумился, но ужъ поздно. Случалось ли вамъ спасти муху отъ паука? Случалось? Помните, вы посадили ее на солнцѣ; крылья, ножки у ней слѣплены, склеены... Какъ она неловко движется, какъ неловко старается обчиститься!.. Послѣ долгихъ усилій, она кое-какъ оправляется, ползетъ, пытается расправить крылья... но не гулять ужъ ей попрежнему, не жужжать беззаботно на солнцѣ, то влетая черезъ раскрытое окно въ прохладную комнату, то опять свободно выносясь на горячій воздухъ... Она, по крайней мѣрѣ, не по своей волѣ попала въ грозныя сѣти... а я!

Я былъ собственнымъ своимъ паукомъ!

И, между тѣмъ, я не могу слишкомъ винить себя. Да и кто, скажите на милость, кто бываетъ когда-нибудь въ чемъ-нибудь виноватъ—одинъ? Или, лучше сказать, всѣ мы виноваты, да винить-то насъ все-таки нельзя. Обстоятельства насъ опредѣляютъ; они наталкиваютъ насъ на ту или другую дорогу и потомъ они же насъ казнятъ. У каждаго человѣка есть своя судьба... Постойте, постойте! Мнѣ на этотъ счетъ приходитъ въ голову хитро сплетенное, но справедливое сравненіе. Какъ облака сперва слагаются изъ паровъ земли, возстаютъ изъ нѣдръ ея, потомъ отдѣляются, отчуждаются отъ нея и несутъ ей наконецъ благодать или гибель; такъ около каждаго изъ насъ и изъ насъ же самихъ образуется... какъ бы это сказать? образуется родъ стихіи, которая потомъ разрушительно или спасительно дѣйствуетъ на насъ же. Эту-то стихію я называю судьбой... Другими словами и говоря просто: каждый дѣлаетъ свою судьбу, и каждаго она дѣлаетъ...

Каждый дѣлаетъ свою судьбу — да!.. но нашъ братъ слишкомъ много ее дѣлаетъ — вотъ въ чемъ наша бѣда! Слишкомъ рано пробуждается въ насъ сознательность; слишкомъ рано начинаемъ мы наблюдать за самими со-

бою... У насъ, русскихъ, нѣтъ другой жизненной задачи, какъ опять-таки разработка нашей личности, и вотъ, мы, едва возмужалыя дѣти, уже принимаемся разрабатывать ее, эту нашу несчастную личность! Не получивъ извнѣ никакого опредѣленнаго направленія, ничего дѣйствительно не уважая, ничему крѣпко не вѣря, мы вольны дѣлать изъ себя, что̀ хотимъ... нельзя же требовать отъ каждаго, чтобъ онъ тотчасъ понялъ безплодность ума, „кипящаго въ дѣйствіи пустомъ“... и вотъ, опять на свѣтѣ однимъ уродомъ больше, больше однимъ изъ тѣхъ ничтожныхъ существъ, въ которыхъ привычки себялюбія искажаютъ самое стремленіе къ истинѣ, смѣшное простодушіе живетъ рядомъ съ жалкимъ лукавствомъ... однимъ изъ тѣхъ существъ, обезсиленной, безпокойной мысли которыхъ незнакомо вовѣкъ ни удовлетвореніе естественной дѣятельности, ни искреннее страданіе, ни искреннее торжество убѣжденія... Совмѣщая въ себѣ недостатки всѣхъ возрастовъ, мы лишаемъ каждый недостатокъ его хорошей, выкупающей стороны... Мы глупы какъ дѣти, но мы не искренни какъ они; мы холодны какъ старики, но старческаго благоразумія нѣтъ въ насъ... Зато мы психологи. О, да, мы большіе психологи! Но наша психологія сбивается на патологію; наша психологія—это хитростное изученіе законовъ больного состоянія и больного развитія, до которыхъ здоровымъ людямъ нѣтъ никакого дѣла... А главное, мы не молоды, въ самой молодости не молоды!

И между тѣмъ—зачѣмъ клеветать на себя? Будто ужъ и мы никогда не были молоды, будто въ насъ никогда не играли, не кипѣли, не дрожали силы жизни? И мы бывали въ Аркадіи, и мы скитались по свѣтлымъ ея полямъ!.. Случалось ли вамъ, гуляя по кустарнику, натыкаться на тѣхъ темныхъ кузнечиковъ, которые, прыгнувъ изъ-подъ самыхъ ногъ, съ трескомъ раскрываютъ вдругъ ярко-красныя крылья, перелетятъ нѣсколько шаговъ и тутъ же падаютъ опять въ траву? Точно такъ же и наша темная молодость иногда распускала на нѣсколько мгновеній и не на долгій полетъ свои пестрыя крылышки... Помните ли вы наши безмолвныя вечернія прогулки вчетве-

ромъ вдоль ограды вашего сада, послѣ какого-нибудь долгаго, теплаго, живого разговора? Помните ли вы тѣ благодатныя мгновенія? Природа ласково и величаво принимала насъ въ свое лоно. Мы входили, замирая, въ какія-то блаженныя волны. Кругомъ вечерняя заря разгоралась внезапнымъ и нѣжнымъ багрянцемъ; отъ заалѣвшагося неба, отъ просвѣтленной земли, отовсюду, казалось, вѣяло огнистымъ и свѣжимъ дыханьемъ молодости, радостнымъ торжествомъ какого-то безсмертнаго счастья; заря пылала; подобно ей, тихо и страстно пылали восторженныя наши сердца, и мелкіе листья молодыхъ деревьевъ чутко и смутно дрожали надъ нами, какъ будто отвѣчая внутреннему трепету неясныхъ чувствъ и ожиданій въ насъ. Помните вы эту чистоту, эту доброту и довѣрчивость помысловъ, это умиленіе благородныхъ надеждъ, это молчаніе полноты? Неужели мы и тогда не стоили чего-нибудь лучшаго, чѣмъ то, къ чему насъ довела жизнь? Отчего намъ было суждено только изрѣдка завидѣть желанный берегъ и никогда не стать на него твердой ногой, не коснуться его —

Не плакать сладостно, какъ первый іудей
На рубежѣ страны обѣтованной?

Эти два стиха Фета напомнили мнѣ другіе, его же... Помните, какъ мы, однажды, стоя на дорогѣ, увидѣли вдали облачко розовой пыли, поднятой легкимъ вѣтромъ противъ заходящаго солнца? „Облакомъ волнистымъ“, начали вы, и мы всѣ тотчасъ притихли и стали слушать:

Облакомъ волнистымъ
Пыль встаетъ въ дали...
Конный или пѣшій—
Не видать въ пыли.
Вижу, кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ...
Другъ мой, другъ далекій—
Вспомни обо мнѣ!

Вы замолкли... Мы такъ и вздрогнули всѣ, какъ будто дуновеніе любви промчалось по нашимъ сердцамъ, и каждаго изъ насъ—я въ томъ увѣренъ—неотразимо потянуло въ даль, въ ту неизвѣстную даль, гдѣ призракъ блажен-

ства встаетъ и манитъ среди тумана. И, между тѣмъ, замѣтьте странность: зачѣмъ, казалось, намъ было стремиться въ даль? Развѣ мы не были влюблены другъ въ друга? Развѣ счастіе не было „такъ близко, такъ возможно“? А я еще сейчасъ васъ спрашивалъ: отчего мы не коснулись желаннаго берега? Оттого, что ложь ходила рука-объ-руку съ нами; оттого, что она отравляла лучшія наши чувства; оттого, что все въ насъ было искусственно и натянуто, что мы вовсе не любили другъ друга, а только силились любить, воображали, что любимъ...

Но полно, полно! Къ чему растравлять свои раны? Притомъ же, все это прошло невозвратно. Что̀ было хорошаго въ нашемъ прошедшемъ—меня растрогало, и на этомъ хорошемъ я пока прощаюсь съ вами. Пора же и кончить это длинное письмо. Пойду подышать здѣшнимъ майскимъ воздухомъ, въ которомъ сквозь зимнюю сухую крѣпость весна пробивается какой-то влажной и острой теплотой. Прощайте.

Вашъ А. С.

VII.

Отъ Марьи Александровны къ Алексѣю Петровичу.

Село ...но, 20-го мая 1840.

Я получила ваше письмо, Алексѣй Петровичъ, и знаете ли, какое чувство оно во мнѣ возбудило? — негодованіе... да, негодованіе... и я вамъ сейчасъ объясню, почему именно это чувство оно во мнѣ возбудило. Одна бѣда: я не владѣю перомъ, рѣдко писала, не умѣю точно и въ немногихъ словахъ выражать свои мысли; но вы, я надѣюсь, придете мнѣ на помощь. Вы сами постараетесь понять меня: хотя бы для того, чтобъ узнать, почему я на васъ негодую.

Скажите мнѣ — вы умный человѣкъ — спросили ли вы себя когда-нибудь, что̀ такое русская женщина? какая ея судьба, ея положеніе въ свѣтѣ — словомъ, что̀ такое ея жизнь? Я не знаю, имѣли ли вы время задать себѣ этотъ вопросъ, не могу себѣ представить, какъ бы вы на него отвѣтили... Я, можетъ-быть, въ разговорѣ была бы

въ состояніи сообщить вамъ мои мысли на этотъ счетъ, но на бумагѣ едва ли сумѣю. Впрочемъ, все равно. Вотъ въ чемъ дѣло: вы со мной навѣрно согласитесь, что мы, женщины, по крайней мѣрѣ тѣ изъ насъ, которыя не удовлетворяются обыкновенными заботами домашней жизни, получаемъ свое окончательное образованіе все-таки отъ васъ—мужчинъ: вы на насъ имѣете сильное и большое вліяніе. Теперь посмотрите, что̀ вы дѣлаете съ нами. Станемъ говорить о молодыхъ дѣвушкахъ, особенно о тѣхъ, которыя, какъ я, живутъ въ глуши, а такихъ очень много въ Россіи. Притомъ же, я другихъ не знаю и не могу судить о нихъ. Представьте себѣ такую дѣвушку. Вотъ, ея воспитаніе кончено; она начинаетъ жить, веселиться, но одного веселья ей мало. Она многаго требуетъ отъ жизни, она читаетъ, мечтаетъ... о любви.—Все объ одной любви! скажете вы... Положимъ: но для нея это слово много значитъ. Я опять-таки скажу, что говорю не о такой дѣвушкѣ, которой тягостно и скучно мыслить... Она оглядывается, ждетъ, когда же придетъ тотъ, о комъ ея душа тоскуетъ... Наконецъ онъ является: она увлечена; она въ рукахъ его какъ мягкій воскъ. Все — и счастье, и любовь, и мысль—все вмѣстѣ съ нимъ нахлынуло разомъ; всѣ ея тревоги успокоены, всѣ сомнѣнія разрѣшены имъ; устами его, кажется, говоритъ сама истина; она благоговѣетъ передъ нимъ, стыдится своего счастья, учится, любитъ. Велика его власть въ это время надъ нею!.. Если бъ онъ былъ героемъ, онъ бы воспламенилъ ее, онъ бы научилъ ее жертвовать собою, и легки были бы ей всѣ жертвы! Но героевъ въ наше время нѣтъ... Все же онъ направляетъ ее, куда ему угодно; она предается тому, что̀ его занимаетъ, каждое слово его западаетъ ей въ душу: она еще не знаетъ тогда, какъ ничтожно, и пусто, и ложно можетъ быть слово, какъ мало сто̀итъ оно тому, кто его произноситъ, и какъ мало заслуживаетъ вѣры! За этими первыми мгновеніями блаженства и надеждъ обыкновенно слѣдуетъ — по обстоятельствамъ (обстоятельства всегда виновны) — слѣдуетъ разлука. Говорятъ, бывали примѣры, что двѣ родныя

души, узнавъ другъ друга, тотчасъ соединялись неразрывно; слышала я также, что отъ этого имъ не всегда становилось легко... Но чего я не видала сама, о томъ не говорю—а что расчетъ самый мелкій, осторожность самая жалкая могутъ жить въ молодомъ сердцѣ рядомъ съ самой страстной восторженностью — это я, къ сожалѣнію, испытала на опытѣ. Итакъ, наступаетъ разлука... Счастлива та дѣвушка, которая узнаетъ тотчасъ, что всему конецъ, которая не тѣшитъ себя ожиданіемъ! Но вы, храбрые, справедливые мужчины, большею частью не имѣете ни духа, ни даже желанія сказать намъ истину... вамъ спокойнѣе обмануть насъ... Впрочемъ, я готова вѣрить, что вы сами себя обманываете вмѣстѣ съ нами... Разлука! Разлуку переносить и трудно, и легко. Была бы цѣла и неприкосновенна вѣра въ того, кого любишь— тоску разлуки побѣдитъ душа... Скажу болѣе: только тогда, оставшись одною, узнаетъ она сладость уединенія, не безплоднаго, но исполненнаго воспоминаній и думъ; только тогда она себя узнаетъ, придетъ въ себя, окрѣпнетъ... въ письмахъ далекаго друга найдетъ она себѣ опору; въ своихъ она, можетъ-быть, въ первый разъ выскажется вполнѣ... Но какъ два человѣка, отправившіеся отъ источника рѣки по разнымъ ея берегамъ, сперва могутъ подать другъ другу руку, потомъ только сообщаются голосомъ, наконецъ уже теряютъ другъ друга изъ виду: такъ и два существа разъединяются наконецъ разлукой. Такъ что-жъ? скажете вы: видно, имъ не было суждено идти вмѣстѣ... Но тутъ-то и является различіе между мужчиной и женщиной. Мужчинѣ ничего не значитъ начать новую жизнь, стряхнуть съ себя долой все прошедшее; женщина этого не можетъ. Нѣтъ, не можетъ она сбросить свое прошедшее, не можетъ оторваться отъ своего корня—нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! И вотъ, наступаетъ жалкое и смѣшное зрѣлище... Постепенно теряя надежду и вѣру въ себя—а какъ это тяжело, вы и представить не можете!—она гаснетъ и вянетъ одна, упорно придерживаясь своихъ воспоминаній и отворачиваясь отъ всего, что окружающая жизнь ей представляетъ... А

онъ?.. Ищите его! гдѣ онъ? И стòитъ ли ему останавливаться? когда ему оглядываться? Вѣдь это все для него дѣло прошлое. А то вотъ еще чтò бываетъ: бываетъ, что онъ вдругъ пожелаетъ встрѣтиться съ прежнимъ своимъ предметомъ, даже нарочно съѣздитъ къ нему... Но, Боже мой! изъ какого мелкаго тщеславія онъ это дѣлаетъ! Въ его учтивомъ состраданіи, въ его будто дружескихъ совѣтахъ, въ его снисходительномъ объясненіи прошедшаго слышится тáкое сознаніе своего превосходства! Такъ ему пріятно и весело давать самому себѣ чувствовать каждую минуту — какой онъ умница и какъ онъ добръ! И какъ мало понимаетъ онъ, что онъ сдѣлаетъ! Какъ онъ умѣетъ даже не догадываться о томъ, что происходитъ въ сердцѣ женщины, и какъ онъ обидно сожалѣетъ о ней, если и догадывается!..

Скажите, пожалуйста, откуда взять ей силу переносить все это? Вспомните еще вотъ что: большею частью дѣвушка, у которой, на ея бѣду, мысль зашевелилась въ головѣ, эта дѣвушка, начавъ любить, подпавъ подъ вліяніе мужчины, невольно отдѣляется отъ своей семьи, отъ знакомыхъ. Она и прежде не удовлетворялась ихъ жизнью, однако шла рядомъ съ ними, сохраняя въ душѣ всѣ свои завѣтныя тайны... Но разрывъ скоро дѣлается видимымъ... Они перестаютъ ее понимать, готовы заподозрить каждое ея движеніе... Сперва ей до этого дѣла нѣтъ, но потомъ, потомъ... когда она остается одна, когда то, къ чему она стремилась и для чего она пожертвовала всѣмъ, когда ей небо не далось, а все близкое, все возможное удалилось — чтò ее поддержитъ? Насмѣшки, намеки, пошлое торжество грубаго здраваго разсудка она еще какъ-нибудь перенесетъ... но чтó ей дѣлать, къ чему прибѣгнуть, когда внутренній голосъ начнетъ шептать ей самой, что тѣ всѣ были правы, а она ошибалась; что жизнь, какая бы она ни была, лучше мечтаній, какъ здоровье лучше болѣзни... когда любимыя занятія, любимыя книги ей опротивятъ, книги, изъ которыхъ не вычитаешь себѣ счастья — чтó, скажите, чтò ее поддержитъ? Какъ не изнемочь въ такой борьбѣ? какъ жить и продолжать жить въ такой

пустынѣ? Сознавать себя побѣжденной и нищенски протягивать руку къ людямъ равнодушнымъ: не подарятъ ли хоть они тѣмъ участіемъ, безъ котораго гордое сердце когда-то воображало, что можетъ обойтись — это все еще ничего! но чувствовать себя смѣшною въ то самое мгновеніе, когда проливаешь горькія, горькія слезы... ахъ! не дай Богъ испытать это...

Руки мои дрожатъ, и я вся въ лихорадкѣ... Лицо горитъ. Пора перестать... Поскорѣй отправлю это письмо, пока мнѣ не стало стыдно своей слабости. Но ради Бога, въ вашемъ отвѣтѣ ни слова — слышите, ни слова сожалѣнья, а то я никогда къ вамъ писать не буду. Поймите меня: я бы не хотѣла, чтобъ вы приняли это письмо за изліяніе непонятой души, которая жалуется... Ахъ! мнѣ все равно! Прощайте.

М..

VIII.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Санктпетербургъ, 28-го мая 1840.

Марья Александровна, вы прекрасное существо... вы... ваше письмо открыло мнѣ наконецъ истину! Господи, Боже мой! что за мученіе! Человѣкъ то-и-дѣло думаетъ, что вотъ теперь-то ужъ онъ добился простоты, не рисуется болѣе, не ломается, не лжетъ... а какъ всмотришься въ него пристальнѣе—чуть ли не хуже онъ прежняго сталъ. И вотъ что еще должно замѣтить: человѣкъ самъ, одинъ то-есть, никогда не дойдетъ до этого сознанья, какъ онъ ни хлопочи; глазъ его не видитъ собственныхъ недостатковъ, какъ притупѣвшій глазъ наборщика не видитъ опечатокъ: тутъ нуженъ другой, свѣжій глазъ. Спасибо вамъ, Марья Александровна... Вы видите, я говорю вамъ о себѣ; о васъ я говорить не смѣю... Ахъ, какъ смѣшно мнѣ кажется теперь мое послѣднее письмо, столь краснорѣчивое и чувствительное! Продолжайте, прошу васъ убѣдительно, вашу исповѣдь; мнѣ сдается, что и вамъ отъ этого будетъ легче, и мнѣ оно принесетъ пользу. Пословица не даромъ гласитъ: „женскій умъ лучше многихъ

думъ", а женское сердце и подавно — ей-Богу! Если бъ женщины знали, насколько онѣ добрѣе, великодушнѣе и умнѣе мужчинъ—именно умнѣе—онѣ бы возгордились и испортились бы; но онѣ, къ счастью, этого не знаютъ, не знаютъ потому, что ихъ мысль не привыкла безпрестанно возвращаться къ самой себѣ, какъ у нашего брата. Онѣ о себѣ мало думаютъ — это и слабость ихъ, и сила; въ этомъ заключается вся тайна — не скажу нашего превосходства, а нашего могущества. Онѣ расточаютъ свою душу, какъ щедрый наслѣдникъ отцовское золото, а мы съ каждаго вздора беремъ проценты... Гдѣ жъ имъ тягаться съ нами?.. Это все не комплименты, а простая, опытомъ доказанная истина. Вторично прошу васъ, Марья Александровна, продолжать писать ко мнѣ... Если бъ вы знали все, что̀ мнѣ приходитъ въ голову!.. Но мнѣ теперь не хочется говорить, мнѣ хочется васъ слушать... Моя рѣчь будетъ впереди. Пишите, пишите.

Преданный вамъ А. С.

IX.

От Марьи Александровны къ Алексѣю Петровичу.

Село ....но, 12-го іюня 1840.

Я не успѣла отправить къ вамъ мое послѣднее письмо, Алексѣй Петровичъ, какъ уже раскаялась; но дѣлать было нечего. Одно меня нѣсколько успокоиваетъ: я увѣрена, что вы поняли, подъ вліяніемъ какихъ давно подавленныхъ чувствъ оно было написано, и извинили меня. Я даже не перечла тогда, что̀ я вамъ такое написала; помню, сердце мое стучало такъ сильно, что перо дрожало въ рукѣ. Впрочемъ, хотя я, вѣроятно, иначе бы выразилась, если бъ дала себѣ время подумать, я все-таки не намѣрена отказаться ни отъ словъ своихъ, ни отъ чувствъ, которыя передала вамъ, какъ умѣла. Сегодня я гораздо хладнокровнѣе и гораздо болѣе владѣю собою...

Помнится, я въ концѣ письма говорила о тяжеломъ положеніи дѣвушки, которая сознаетъ себя одинокою даже между своими... Я не стану больше распространяться объ

этомъ, а лучше сообщу вамъ кой-какія подробности; мнѣ кажется, этакъ я вамъ меньше надоѣмъ.

Во-первыхъ, знайте, что меня во всемъ околоткѣ иначе не называютъ, какъ философкой; особенно дамы меня величаютъ этимъ именемъ. Иныя утверждаютъ, что я сплю съ латинской книгой въ рукахъ и въ очкахъ; другія— что я умѣю извлекать какіе-то кубическіе корни: ни одна изъ нихъ не сомнѣвается въ томъ, что я исподтишка ношу мужскую одежду и вмѣсто „здравствуйте", отрывисто говорю „Жоржъ-Зандъ!" — и негодованіе на философку возрастаетъ. У насъ есть сосѣдъ, человѣкъ лѣтъ сорока пяти, большой острякъ... по крайней мѣрѣ, онъ слыветъ большимъ острякомъ... для него моя бѣдная особа — неистощимый предметъ насмѣшекъ. Онъ разсказывалъ обо мнѣ, что какъ только луна взойдетъ на небо, такъ ужъ я и не могу глазъ отъ нея отвести, и самъ представляетъ, какъ я гляжу; что я даже кофе пью не со сливками, а съ луной, то-есть подставляю чашку подъ ея лучи. Онъ божится, что я употребляю фразы въ родѣ слѣдующей: „это легко, потому-что трудно, хотя съ другой стороны, оно трудно, потому-что легко..." Онъ увѣряетъ, что я все ищу какого-то слова, все стремлюсь „туда", и съ комическою яростью спрашиваетъ: „куда — туда? куда?" Онъ также распространилъ обо мнѣ слухъ, будто я по ночамъ ѣзжу верхомъ взадъ и впередъ по рѣкѣ вбродъ и пою при этомъ серенаду Шуберта, или просто стонаю: „Бетховенъ, Бетховенъ!" Такая она, дескать, пылкая старушка! и т. д., и т. д. Разумѣется, все это тотчасъ до меня доходитъ. Васъ это, можетъ-быть, удивляетъ; но не забудьте, что со времени вашего пребыванія въ здѣшнихъ краяхъ прошло четыре года. Помните, какъ всѣ тогда на насъ косились... Теперь пришла ихъ очередь. И это еще все ничего. Мнѣ приходится слышать слова, гораздо больнѣе проникающія въ сердце. Не говорю уже о томъ, что моя бѣдная, добрая матушка никакъ не можетъ мнѣ простить равнодушіе вашего брата; но вся жизнь моя по огню бѣжитъ, какъ выражается моя няня. „Конечно,—слышу я то и дѣло:—куда намъ за тобой! мы люди простые, руко-

водствуемся однимъ здравымъ смысломъ; а впрочемъ, какъ подумаешь, всѣ эти умствованія, да книги, да знакомства съ учеными, къ чему тебя привели?“ Вы, можетъ-быть, помните мою сестру—не ту, къ которой вы нѣкогда были неравнодушны, а другую, старшую, которая замужемъ. Мужъ ея, вы помните, такой простой, довольно смѣшной человѣкъ; вы надъ нимъ тогда часто подтрунивали. А вѣдь она счастлива: мать семейства, любитъ мужа, мужъ въ ней души не чаетъ... „Я какъ всѣ, — говоритъ она мнѣ иногда:—а ты?“ И она права: я ей завидую...

А между тѣмъ, я чувствую, все-таки я бы не желала помѣняться съ нею. Пусть зовутъ меня философкой, чудачкой, чѣмъ угодно—я останусь до конца вѣрна... чему?—идеалу, что ли? Да, идеалу. Да, я останусь до конца вѣрна тому, отъ чего въ первый разъ забилось мое сердце—тому, что̀ я признала и признаю правдою, добромъ... Лишь бы силы мнѣ не измѣнили, лишь бы кумиръ мой не оказался бездушнымъ и нѣмымъ идоломъ...

Если вы точно чувствуете ко мнѣ дружбу, если вы точно меня не забыли, вы должны помочь мнѣ, вы должны разсѣять мои сомнѣнья, подкрѣпить мои вѣрованія...

А впрочемъ, какую помощь можете вы подать мнѣ? „Все это пустяки, турусы на колесахъ — говорилъ мнѣ вчера мой дядя—вы его, кажется, не знаете—отставной морякъ, очень не глупый человѣкъ:—мужъ, дѣти, горшокъ щей; за мужемъ и дѣтьми ухаживать, а за горшкомъ наблюдать—вотъ что нужно женщинѣ...“ Скажите, вѣдь онъ правъ?

Если онъ точно правъ, я еще могу исправить прошедшее, я еще могу попасть въ общую колею. Чего мнѣ еще ждать? на что̀ надѣяться? Въ одномъ вашемъ письмѣ вы говорили о крыльяхъ молодости. Какъ часто, какъ долго они бываютъ связаны! А потомъ приходитъ время, когда они отпадаютъ, и подняться надъ землею, полетѣть къ небу уже нельзя. Пишите мнѣ.

Ваша М.

X.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Санктпетербургъ, 16-го іюня 1840 года.

Спѣшу отвѣчать на ваше письмо, милая Марья Александровна. Признаюсь вамъ, что если бъ... не скажу дѣла́ — ихъ у меня нѣтъ — если бъ не глупая привычка къ здѣшнему мѣсту, я бы уѣхалъ опять къ вамъ и наговорился бы до-сыта, а на бумагѣ все это выходитъ холодно и мертво...

Марья Александровна, повторяю вамъ: женщины лучше мужчинъ, и вы должны доказать это на дѣлѣ. Пускай нашъ братъ либо бросаетъ свои убѣжденія, какъ износившуюся одежду, либо мѣняетъ ихъ изъ-за куска хлѣба, либо, наконецъ, даетъ имъ заснуть безпробуднымъ сномъ, и ставитъ надъ ними, какъ надъ мертвецомъ, нѣкогда милымъ, надгробный камень, къ которому лишь изрѣдка ходитъ молиться — пускай нашъ братъ все это дѣлаетъ; но вы, женщины, не измѣняйте себѣ, не измѣняйте своему идеалу... Это слово стало смѣшно... Смѣшного бояться— правды не любить. Случается, точно, что нелѣпый хохотъ глупца заставляетъ даже хорошихъ людей отказываться отъ многаго... хоть бы, напримѣръ, отъ защиты отсутствующаго друга... самъ я въ этомъ грѣшенъ. Но, повторяю, вы, женщины, лучше насъ... Въ мелочахъ вы скорѣе насъ сдадитесь; но чорту въ глаза посмотрѣть вы умѣете лучше насъ. Не совѣтъ и не помощь я вамъ хочу подать — гдѣ мнѣ, да вамъ и не того нужно; но я вамъ протягиваю руку, я говорю вамъ: терпите, боритесь до конца, и знайте, что, какъ чувство, сознанье честно выдержанной борьбы едва ли не выше торжества побѣды... Побѣда зависитъ не отъ насъ.

Конечно, вашъ дядя съ извѣстной точки зрѣнія правъ: семейная жизнь — все для женщины, для нея другой жизни нѣтъ.

Но что жъ это доказываетъ? Одни іезуиты утверждаютъ, что всякое средство хорошо, лишь бы достигнуть цѣли. Неправда! неправда! Съ ногами, оскверненными грязью

дороги, недостойно войти въ чистый храмъ. Въ концѣ вашего письма есть фраза, которая мнѣ не нравится: вы хотите попасть въ общую колею: смотрите, не оступитесь! Притомъ — не забудьте: прошедшаго изгладить нельзя; и какъ ни старайтесь, какъ ни принуждайте себя, сестрою вашей вы не сдѣлаетесь. Вы стали выше ея; но душа ваша надломлена, ея—цѣла. Ниспуститься до нея, нагнуться къ ней вы можете, но природа правъ своихъ не уступитъ, и надломленное мѣсто не зарастетъ...

Вы боитесь — будемте говорить безъ обиняковъ — вы боитесь остаться старой дѣвушкой. Вамъ, я знаю, ужъ двадцать шесть лѣтъ. Дѣйствительно, положеніе старыхъ дѣвушекъ незавидно: всѣ такъ охотно смѣются надъ ними; всѣ съ такой невеликодушной радостью подмѣчаютъ ихъ странности и слабости; но если поглядѣть попристальнѣе на любого ужъ старѣющаго холостяка—и на него стоитъ уставиться пальцемъ: найдется и въ немъ, надъ чѣмъ нахохотаться вдоволь. Что дѣлать? Съ бою счастья не возьмешь. Но не должно забывать, что не счастье, а достоинство человѣческое—главная цѣль въ жизни.

Вы описываете ваше положеніе съ большимъ юморомъ. Я хорошо понимаю всю горечь его; ваше положеніе можно, пожалуй, назвать трагическимъ. Но знайте, не вы однѣ въ немъ находитесь: почти нѣтъ современнаго человѣка, который бы не находился въ немъ. Вы скажете, что отъ этого вамъ не легче; а я такъ думаю, что страдать вмѣстѣ съ тысячами совсѣмъ другое дѣло, чѣмъ страдать одному. Тутъ не въ эгоизмѣ дѣло, а въ чувствѣ общей необходимости.

Все это прекрасно, положимъ, скажете вы... но въ дѣйствительности непримѣнимо. Почему же непримѣнимо? Я до сихъ поръ думаю и, надѣюсь, никогда не перестану думать, что въ Божьемъ мірѣ все честное, доброе, истинное примѣнимо и рано или поздно исполнится, и не только исполнится, но ужъ теперь исполняется; держись только каждый крѣпко на своемъ мѣстѣ, не теряй терпѣнія, не желай невозможнаго, но дѣлай, насколько хватаетъ силъ. Впрочемъ, я, кажется, ужъ слишкомъ вдался

въ отвлеченности. Отложу продолженіе моихъ разсужденій до другого письма; но не хочу положить пера, не пожавъ вамъ крѣпко, крѣпко руки и не пожелавъ вамъ отъ души всего хорошаго на землѣ.

Вашъ А. С.

P. S. Кстати: вы говорите, что вамъ нечего ждать, не на что надѣяться; почему вы это знаете, позвольте спросить?

XI.

Отъ Марьи Александровны къ Алексѣю Петровичу.

Село ...но, 30-го іюня 1840 года.

Какъ я благодарна вамъ за ваше письмо, Алексѣй Петровичъ! Какъ много пользы оно принесло мнѣ! Я вижу, вы, точно, добрый и надежный человѣкъ, и потому не буду скрытничать передъ вами. Я вамъ вѣрю. Я знаю, вы не употребите во зло моей откровенности и подадите мнѣ дружескій совѣтъ. Вотъ въ чемъ дѣло.

Вы замѣтили въ концѣ моего письма фразу, которая вамъ не совсѣмъ понравилась. Вотъ къ чему она относилась. Здѣсь есть сосѣдъ... при васъ онъ тутъ не былъ, и вы его не видали. Онъ... Я бы могла выйти за него замужъ, если бъ захотѣла; онъ человѣкъ еще молодой, образованный, съ состояніемъ. Препятствій со стороны моихъ родныхъ нѣтъ; напротивъ, они — я это навѣрное знаю — желаютъ этого брака; онъ человѣкъ хорошій и, кажется, меня любитъ... но онъ такъ вялъ и мелокъ, всѣ желанія его такъ ограничены, что я не могу не сознавать моего превосходства надъ нимъ; онъ это чувствуетъ, и какъ будто радуется этому, а именно это-то и отталкиваетъ меня отъ него; я его уважать не могу, хотя и сердце у него прекрасное. Что мнѣ дѣлать, скажите? Подумайте за меня и напишите мнѣ искренно ваше мнѣніе.

Но какъ я вамъ благодарна за ваше письмо!.. Знаете ли, меня иногда посѣщали такія горькія мысли... Знаете ли, я доходила до того, что почти стыдилась всякаго — не скажу ужъ восторженнаго,—всякаго довѣрчиваго чувства, съ досадой закрывала книгу, когда въ ней говори-

лось о надеждѣ и счастіи, отворачивалась отъ безоблачнаго неба, отъ свѣжей зелени деревьевъ, отъ всего, что улыбалось и радовалось. Какое это было тяжелое состояніе! Я говорю: было... какъ-будто оно прошло!

Не знаю, прошло ли оно: знаю, что если оно не возвратится, я вамъ этимъ буду обязана. Видите ли, Алексѣй Петровичъ, какъ много вы надѣлали добра, можетъ-быть, сами того не подозрѣвая! Кстати, знаете ли, что мнѣ очень васъ жаль? Теперь самый разгаръ лѣта, дни стоятъ чудные, небо синее, яркое... Въ Италіи оно не можетъ быть прекраснѣй, а вы сидите въ душномъ и пыльномъ городѣ, ходите по жгучей мостовой. Что вамъ за охота? Хотя бы на дачу вы куда-нибудь переселились. Говорятъ, за Петергофомъ, на берегу моря есть прелестныя мѣста.

Хотѣла бы еще писать къ вамъ, но невозможно: изъ сада повѣяло такимъ сладкимъ запахомъ, что нельзя оставаться въ комнатѣ. Надѣваю шляпу и иду гулять... До другого раза, добрый Алексѣй Петровичъ.

Преданная вамъ М. Б.

P. S. Я забыла вамъ сказать... вообразите вы себѣ, тотъ острякъ, о которомъ я вамъ писала на-дняхъ—представьте, объяснился мнѣ въ любви, и въ самыхъ пламенныхъ выраженіяхъ. Я сперва думала, что онъ смѣется надо мной, но онъ кончилъ формальнымъ предложеніемъ,—каковъ, послѣ всѣхъ его клеветъ? Но онъ рѣшительно слишкомъ старъ. Вчера ночью я, ему въ пику, сѣла за фортепіано передъ раскрытымъ окномъ, при свѣтѣ луны, и играла Бетховена. Мнѣ было такъ весело чувствовать ея холодный свѣтъ на моемъ лицѣ, такъ отрадно оглашать душистый ночной воздухъ благородными звуками музыки, сквозь которые, по временамъ, слышалось пѣніе соловья! Я давно не была такъ счастлива. А вы, однако, напишите мнѣ, о чемъ я васъ просила въ началѣ письма: это очень важно.

XII.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Санктпетербургъ, 8-го іюля 1840 года.

Милая Марья Александровна, вотъ мое мнѣніе въ двухъ

словахъ: и стараго холостяка, и молодого вздыхателя — обоихъ за бортъ! Объ этомъ и разсуждать нечего. Ни тотъ, ни другой васъ не стòятъ—это ясно, какъ дважды два — четыре. Молодой сосѣдъ, можетъ-быть, и добрый человѣкъ, да Богъ съ нимъ! Я увѣренъ, что между нимъ и вами нѣтъ ничего общаго, и можете себѣ вы представить, какъ вамъ весело будетъ жить вдвоемъ! Да и къ чему спѣшить? Сбыточное ли дѣло, чтобъ женщина, подобная вамъ—я не хочу говорить комплиментовъ и потому не распространяюсь болѣе — чтобъ такая женщина не встрѣтила никого, кто сумѣлъ бы оцѣнить ее? Нѣтъ, Марья Александровна, послушайтесь меня, коли вы точно думаете, что я вашъ другъ и мои совѣты полезны. А сознайтесь, пріятно вамъ было увидѣть у ногъ своихъ стараго клеветника?.. Я, на вашемъ мѣстѣ, заставилъ бы его цѣлую ночь напролетъ пѣть Аделаиду Бетховена, глядя на луну.

Впрочемъ, Богъ съ ними, съ вашими обожателями! Не о нихъ мнѣ хочется говорить сегодня съ вами. Я нахожусь сегодня въ какомъ-то странномъ, полураздраженномъ, полувзволнованномъ расположеніи, вслѣдствіе письма, полученнаго мною вчера. Посылаю вамъ съ него копію. Письмо это написано однимъ моимъ давнишнимъ пріятелемъ и сослуживцемъ, добрымъ, но довольно ограниченнымъ человѣкомъ. Онъ, года два тому назадъ, уѣхалъ за границу и до сихъ поръ мнѣ ни разу не писалъ. Вотъ его письмо. NB. Онъ очень недуренъ собой.

„Cher Alexis!

„Я въ Неаполѣ, сижу въ своей комнатѣ, на Chiaja, передъ окномъ. Погода удивительная. Я сперва долго глядѣлъ на море, потомъ меня взяло нетерпѣнье, и вдругъ мнѣ пришла въ голову блестящая мысль написать къ тебѣ письмо. Я, дружище, всегда чувствовалъ къ тебѣ влеченіе—ей-Богу. Вотъ и захотѣлось теперь излиться въ твое лоно... такъ вѣдь это, кажется, говорится на вашемъ возвышенномъ языкѣ. А нетерпѣніе меня взяло вотъ отчего: Я жду одну женщину; мы вмѣстѣ съ нею ѣдемъ въ Баію ѣсть устрицы и апельсины, смотрѣть, какъ темнобурые

пастухи, въ красныхъ колпакахъ, пляшутъ тарантеллу, жариться на солнцѣ не хуже ящерицъ — словомъ, наслаждаться жизнью вполнѣ. Милый другъ мой, я такъ счастливъ, что сказать невозможно. Если бъ я владѣлъ твоимъ перомъ—о! какую картину я нарисовалъ бы передъ твоими глазами! Но, къ сожалѣнію, ты знаешь, я человѣкъ безграмотный. Эта женщина, которую я жду и которая заставляетъ меня вотъ ужъ болѣе часа постоянно вздрагивать и оглядываться на дверь, меня любитъ, а ужъ какъ я ее люблю—этого, мнѣ кажется, даже и ты своимъ краснорѣчивымъ перомъ описать бы не могъ.

„Надобно тебѣ сказать, что я ужъ три мѣсяца какъ съ ней познакомился, и съ самаго перваго дня нашего знакомства моя любовь идетъ все crescendo, въ видѣ хроматической гаммы, все выше и выше, и въ настоящую минуту зашла ужъ за седьмое небо. Я шучу, но въ самомъ дѣлѣ, моя привязанность къ этой женщинѣ — это что-то необыкновенное, сверхъестественное. Представь себѣ: я вѣдь почти не говорю съ ней, все такъ гляжу на нее и смѣюсь, какъ дуракъ. Сяду къ ея ногамъ, чувствую, что глупъ ужасно, и счастливъ, просто непозволительно счастливъ. Иногда случается, что она мнѣ руку на голову положитъ... Ну, тутъ, я тебѣ скажу... Да, впрочемъ, ты этого понять не можешь; ты вѣдь философъ, и весь свой вѣкъ былъ философомъ. Зовутъ ее Ниной, Нинеттой—какъ хочешь; она дочь одного здѣшняго богатаго купца. Хороша, что̀ твои всѣ Рафаэли; жива, какъ порохъ, весела, умна такъ, что даже удивительно, какъ она меня дурака полюбила; поетъ какъ птичка, а глаза—

„Извини, пожалуйста, это невольное тире... Мнѣ показалось, что дверь скрипнула... Нѣтъ, не идетъ еще злодѣйка! Ты меня спросишь, чѣмъ же все это кончится и что̀ я намѣренъ съ собою дѣлать, и долго ли я здѣсь останусь? Я этого ничего, братъ, не знаю, да и знать не хочу. Будетъ, что̀ будетъ... Вѣдь если этакъ безпрестанно останавливаться да разсуждать...

„Она!.. Бѣжитъ по лѣстницѣ и поетъ... Пришла. — Ну, братъ, прощай... Не до тебя. Извини—это она все письмо

забрызгала: ударила мокрымъ букетомъ по бумагѣ. Сперва она думала, что я писалъ къ женщинѣ; а какъ узнала, что къ другу — велѣла тебѣ кланяться и спросить, есть ли у васъ цвѣты и пахнутъ ли? Ну, прощай... Если бъ ты слышалъ, какъ она смѣется... Серебро такъ не звенитъ; и что за доброта въ каждомъ звукѣ — такъ и хочется ножки у ней расцѣловать. Ѣдемъ, ѣдемъ. Не сердись на безалаберное маранье и позавидуй твоему—

М...“

Письмо, дѣйствительно, было все забрызгано и пахло померанцевымъ цвѣтомъ... два бѣлые лепестка прилипли къ бумагѣ. Это письмо меня взволновало... Я вспомнилъ свое пребываніе въ Неаполѣ... Погода и тогда стояла великолѣпная, май только-что начинался; мнѣ недавно минуло двадцать два года; но я не зналъ никакой Нинетты. Я скитался одинъ, сгорая жаждой блаженства, и томительной, и сладостной, до того сладостной, что она сама какъ будто походила на блаженство... Что̀ значитъ молодость!.. Помню, разъ я ночью поѣхалъ кататься по заливу. Насъ было двое: лодочникъ и я... а вы что̀ думали? Что̀ это была за ночь, и что̀ за небо, что̀ за звѣзды, какъ онѣ дрожали и дробились на волнахъ! какимъ жидкимъ пламенемъ переливалась и вспыхивала вода подъ веслами, какимъ благовоніемъ вѣяло по всему морю — не мнѣ это описать, какъ ни „краснорѣчиво“ мое перо. На рейдѣ стоялъ французскій линейный корабль. Онъ весь смутно рдѣлъ огнями; длинныя полосы краснаго цвѣта, отраженье озаренныхъ оконъ, тянулись по темному морю. Капитанъ корабля давалъ балъ. Веселая музыка долетала до меня рѣдкими приливами; особенно помню я трель маленькой флейты среди глухихъ возгласовъ трубъ; она, казалось, порхала, какъ бабочка, вокругъ моей лодки. Я велѣлъ грести къ кораблю; два раза объѣхалъ его кругомъ. Женскія очертанія мелькали въ окнахъ, рѣзко проносимыя вихремъ вальса... Я велѣлъ лодочнику пуститься прочь, вдаль, прямо въ темноту... Помню, звуки долго и неотвязно гнались за мною... Наконецъ, они замерли. Я всталъ въ лодкѣ и съ нѣмою тоской желанья простеръ мои объятія

надъ моремъ... О! какъ сердце мое ныло тогда! Какъ тяжело мнѣ было мое одиночество! Съ какою радостью отдался бы я весь тогда, весь... весь, если бъ было кому отдаться! Съ какимъ горькимъ чувствомъ на душѣ я бросился ницъ на дно лодки и, какъ Репетиловъ, попросилъ, чтобъ везли меня куда-нибудь!

А вотъ мой другъ ничего подобнаго не испыталъ. Да и съ какой стати? Онъ гораздно умнѣе меня распорядился. Онъ живетъ... а я... Не даромъ онъ меня назвалъ философомъ... Странно! васъ также зовутъ философкой... Отчего бы это надъ нами такая бѣда стряслась?..

Я не живу... Да кто же въ этомъ виноватъ? зачѣмъ я сижу здѣсь, въ Петербургѣ? что̀ я здѣсь дѣлаю? къ чему убиваю день за днемъ? отчего мнѣ не поѣхать въ деревню? Чѣмъ не хороши наши степи? или въ нихъ дышать не привольно? или тѣсно въ нихъ? Охота гоняться за мечтами, когда, быть-можетъ, счастье подъ рукой! Рѣшено! я ѣду, ѣду завтра же, если можно; ѣду къ себѣ домой, то-есть къ вамъ — это все равно: мы вѣдь въ двадцати верстахъ другъ отъ друга. Что̀, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь киснуть! И какъ эта мысль раньше ко мнѣ не пришла? Милая Марья Александровна, мы скоро увидимся. Это, однако, необыкновенно, что мнѣ эта мысль до сихъ поръ въ голову не приходила! Давнымъ-давно слѣдовало бы уѣхать. До свиданья, Марья Александровна.

9-го іюля.

Я нарочно далъ себѣ двадцать четыре часа на размышленіе, и теперь убѣдился окончательно, что мнѣ здѣсь оставаться не зачѣмъ. Пыль на улицахъ такая ѣдкая, что глазамъ больно. Сегодня же начинаю укладываться, послѣзавтра, вѣроятно, отсюда выѣду, и дней черезъ десять буду имѣть удовольствіе васъ видѣть. Надѣюсь, вы меня примете попрежнему. Кстати, сестра ваша все еще у тетушки гоститъ—не правда ли?

Марья Александровна, позвольте вамъ крѣпко пожать руку и отъ души сказать: до скораго свиданья. Я ужъ и такъ собирался ѣхать, но письмо это ускорило мое намѣреніе. Положимъ, это письмо ничего не доказываетъ, по-

ложимъ даже, Нинетта другому, мнѣ, напримѣръ, не понравилась бы, а все-таки я ѣду; ужъ это несомнѣнно. До свиданья.

Вашъ А. С.

XIII.

Отъ Марьи Александровны къ Алексѣю Петровичу.

Село ...но, 16-го іюля 1840.

Вы ѣдете сюда, Алексѣй Петровичъ, вы скоро у насъ будете—точно ли? Не скрою вамъ, что это извѣстіе меня и радуетъ, и волнуетъ... Какъ мы увидимся? Поддержится ли та духовная связь, которая, сколько мнѣ кажется, ужъ начиналась между нами? Не перервется ли она при свиданіи? Не знаю, мнѣ отчего-то жутко. Не отвѣчаю вамъ на ваше послѣднее письмо, хотя сказать могла бы многое; отлагаю все это до нашего свиданья. Матушка очень радуется вашему пріѣзду... Она знала, что мы переписываемся съ вами. Погода прелестная; мы много будемъ гулять, я покажу вамъ новыя, открытыя мною, мѣста... особенно хороша одна узкая, длинная долина; она лежитъ между холмами, покрытыми лѣсомъ... Она какъ будто прячется въ ихъ изгибахъ. Небольшой ручеекъ течетъ по ней и едва можетъ пробраться сквозь густые травы и цвѣты... Вы увидите. Пріѣзжайте: можетъ-быть, вамъ не будетъ скучно.

М. Б.

P.S. Сестры моей вы, я думаю, не увидите: она продолжаетъ гостить у тетки. Кажется (но это между нами), она выходитъ замужъ за очень любезнаго молодого человѣка—за офицера. Зачѣмъ вы мнѣ прислали это письмо изъ Неаполя? Здѣшняя жизнь поневолѣ покажется тусклой и бѣдной противъ той роскоши и того блеска. Но mademoiselle Ninette не права: цвѣты растутъ и пахнутъ—и у насъ.

XIV.

Отъ Марьи Александровны къ Алексѣю Петровичу.

Село ....но, января 1841.

Я вамъ писала нѣсколько разъ, Алексѣй Петровичъ... Вы мнѣ не отвѣчали. Живы ли вы? Или, можетъ-быть,

вамъ ужъ наскучила наша переписка: можетъ-быть, вы нашли себѣ развлеченіе болѣе пріятное, чѣмъ то, которое могутъ доставить вамъ письма уѣздной барышни? Вы, видно, и вспомнили-то обо мнѣ отъ нечего дѣлать. Если такъ, желаю вамъ счастья. Если вы мнѣ не отвѣтите и теперь, я не буду больше васъ безпокоить; мнѣ останется только сожалѣть о моей неосторожности, о томъ, что я напрасно позволила расшевелить себя, протянула другому руку и вышла, хотя на минуту, изъ моего уединеннаго уголка. Я должна въ немъ остаться навсегда, запереться на ключъ — это мой удѣлъ, удѣлъ всѣхъ старыхъ дѣвушекъ. Я должна привыкнуть къ этой мысли. Не зачѣмъ выходить на свѣтъ Божій, нечего желать свѣжаго воздуха, когда грудь не выноситъ его. Кстати жъ, мы теперь занесены кругомъ мертвыми сугробами снѣга. Впередъ буду умнѣй... Отъ скуки не умираютъ, а съ тоски, пожалуй, пропасть можно. Если я ошибаюсь — докажите это мнѣ. Но мнѣ кажется, я не ошибаюсь. Во всякомъ случаѣ, прощайте; желаю вамъ счастья.

М. Б.

XV.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Дрезденъ.—Сентябрь, 1842.

Пишу къ вамъ, любезная Марья Александровна, и пишу только потому, что мнѣ не хочется умереть, не простившись съ вами, не напомнивъ вамъ о себѣ. Я осужденъ докторами... да я и самъ чувствую, что жизнь моя на исходѣ. На столѣ моемъ стоитъ розанъ; онъ не успѣетъ отцвѣсти, какъ ужъ меня не станетъ. Впрочемъ, это сравненіе не совсѣмъ удачно. Розанъ гораздо интереснѣе меня.

Я, какъ видите, за границей. Вотъ ужъ мѣсяцевъ шесть, какъ я въ Дрезденѣ. Я получилъ ваши послѣднія письма — совѣстно признаться: болѣе года тому назадъ, нѣкоторыя изъ нихъ затерялъ и не отвѣчалъ вамъ... Сейчасъ скажу — почему. Но, видно, вы мнѣ всегда были дороги: мнѣ, кромѣ васъ, ни съ кѣмъ не хочется проститься, а можетъ-быть, мнѣ и не съ кѣмъ прощаться.

Скоро послѣ моего послѣдняго письма къ вамъ (я совсѣмъ собрался-было ѣхать въ ваши края, и ужъ заранѣе строилъ различные планы), со мной случилось происшествіе, имѣвшее, ужъ точно можно сказать, сильное вліяніе на мою судьбу, до того сильное, что я, вотъ, умираю по милости этого происшествія. А именно: я отправился въ театръ, смотрѣть балетъ. Я балетовъ никогда не любилъ и ко всѣмъ возможнымъ актрисамъ, пѣвицамъ, танцоркамъ чувствовалъ всегда тайное отвращеніе... Но, видно, ни судьбы своей перемѣнить нельзя, ни самого себя никто не знаетъ, да и будущее тоже предвидѣть невозможно. По-настоящему, въ жизни случается одно только неожиданное, и мы цѣлый вѣкъ только и дѣлаемъ, что приноравливаемся съ событіямъ... Но я, кажется, опять пустился въ философію. Старая привычка! Словомъ, я влюбился въ одну танцовщицу.

Это было тѣмъ болѣе странно, что и красавицей ее нельзя назвать. Правда, у ней были удивительные, золотисто-пепельные волосы и большіе свѣтлые глаза, съ задумчивымъ и въ то же время дерзкимъ взоромъ... Мнѣ ли не знать выраженія этого взора? Я цѣлый годъ замиралъ и гасъ въ его лучахъ! Сложена она была прекрасно, и когда она плясала свой народный танецъ, зрители, бывало, топали и кричали отъ восторга... Но, кажется, кромѣ меня, никто въ нее не влюблялся — по крайней мѣрѣ, никто такъ не влюбился, какъ я. Съ той самой минуты, какъ я увидѣлъ ее въ первый разъ — (повѣрите ли, мнѣ даже и теперь стоитъ только закрыть глаза, и тотчасъ передо мною театръ, почти пустая сцена, изображающая внутренность лѣса, и она выбѣгаетъ изъ-за кулисъ направо, съ виноградным вѣнкомъ на головѣ и тигровой кожей по плечамъ)—съ той роковой минуты я принадлежалъ ей весь, вотъ, какъ собака принадлежитъ своему хозяину; и если я и теперь, умирая, не принадлежу ей, такъ это только потому, что она меня бросила.

Говоря правду, она никогда особенно и не заботилась обо мнѣ. Она едва замѣчала меня, хотя весьма добродушно пользовалась моими деньгами. Я былъ для нея,

какъ она выражалась на своемъ ломаномъ французскомъ нарѣчіи, „oun Rousso boun enfan“—и больше ничего. Но я... я уже не могъ жить нигдѣ, гдѣ она не жила; я оторвался разомъ отъ всего мнѣ дорогого, отъ самой родины, и пустился вслѣдъ за этой женщиной.

Вы, можетъ-быть, думаете, что она была умна? — нисколько! Стòило взглянуть на ея низкій лобъ, стòило хоть разъ подмѣтить ея лѣнивую и безпечную усмѣшку, чтобы тотчасъ убѣдиться въ скудости ея умственныхъ способностей. И я никогда не воображалъ ее необыкновенной женщиной. Я, вообще, ни одного мгновенья не ошибался на ея счетъ; но это ничему не помогало. Чтò бъ я ни думалъ о ней въ ея отсутствіи—при ней я ощущалъ одно подобострастное обожаніе... Въ нѣмецкихъ сказкахъ рыцари впадаютъ часто въ подобное оцѣпенѣніе. Я не могъ отвести взора отъ чертъ ея лица, не могъ наслушаться ея рѣчей, налюбоваться каждымъ ея движеньемъ; я, право, и дышалъ-то вслѣдъ за ней. Впрочемъ, она была добра, непринужденна, даже слишкомъ непринужденна, не ломалась, какъ бòльшею частью ломаются артисты. Въ ней было много жизни, то-есть много крови, той южной, славной крови, въ которую тамошнее солнце, должно-быть, заронило часть своихъ лучей. Она спала девять часовъ въ сутки, любила покушать, никогда не читала ни одной печатной строчки, кромѣ, развѣ, журнальныхъ статей, гдѣ о ней говорили, и едва ли не единственнымъ нѣжнымъ чувствомъ въ ея жизни была привязанность ея къ il signore Carlino, маленькому и жадненькому итальянцу, служившему у ней секретаремъ, за котораго она потомъ и вышла замужъ. И въ такую женщину я, въ столь различныхъ умственныхъ ухищреніяхъ искусившійся, ужъ устарѣвшій человѣкъ, могъ влюбиться! Кто бъ это могъ ожидать? Я, по крайней мѣрѣ, никакъ не ожидалъ этого. Я не ожидалъ, какую роль мнѣ придется разыгрывать. Я не ожидалъ, что буду таскаться по репетиціямъ, мерзнуть и скучать за кулисами, дышать копотью театральной, знакомиться съ разными, совершенно неблаговидными личностями... чтò я говорю, знакомиться—кланяться имъ; я не ожидалъ, что

буду носить шаль танцовщицы; покупать ей новыя перчатки, чистить бѣлымъ хлѣбомъ старыя (я и это дѣлалъ, ей-ей!), отвозить домой ея букеты, бѣгать по переднимъ журналистовъ и директоровъ, тратиться, давать серенады, простужаться, занемогать... Я не ожидалъ, что получу, наконецъ, въ одномъ нѣмецкомъ городишкѣ затѣйливое прозванье: der Kunst-barbar... И все это даромъ, въ самомъ полномъ смыслѣ слова—даромъ! Вотъ, то-то вотъ и есть... Помните, какъ мы съ вами словесно и письменно разсуждали о любви, въ какія тонкости вдавались; а на повѣрку выходитъ, что настоящая любовь—чувство, вовсе не похожее на то, какъ мы ее себѣ представляли. Любовь даже вовсе не чувство; она—болѣзнь, извѣстное состояніе души и тѣла; она не развивается постепенно; въ ней нельзя сомнѣваться, съ ней нельзя хитрить, хотя она проявляется не всегда одинаково: обыкновенно она овладѣваетъ человѣкомъ безъ спроса, внезапно, противъ его воли—ни дать, ни взять холера или лихорадка... Подцѣпитъ его, голубчика, какъ коршунъ цыпленка; и понесетъ его куда угодно, какъ онъ тамъ ни бейся и ни упирайся... Въ любви нѣтъ равенства, нѣтъ такъ-называемаго свободнаго соединенія душъ и прочихъ идеальностей, придуманныхъ на досугѣ нѣмецкими профессорами... Нѣтъ, въ любви одно лицо—рабъ, а другое — властелинъ, и не даромъ толкуютъ поэты о цѣпяхъ, налагаемыхъ любовью. Да, любовь — цѣпь, и самая тяжелая. По крайней мѣрѣ, я дошелъ до этого убѣжденія, и дошелъ до него путемъ опыта, купилъ это убѣжденіе цѣною жизни, потому что умираю рабомъ.

Экая, какъ подумаешь, моя судьба-то! Въ первой молодости я непремѣнно хотѣлъ завоевать себѣ небо... потомъ я пустился мечтать о благѣ всего человѣчества, о благѣ родины; потомъ и это прошло: я думалъ только, какъ бы устроить себѣ домашнюю, семейную жизнь... да споткнулся о муравейникъ—и бухъ ò-земь; да въ могилу... Ужъ какіе мы, русскіе, мастерà кончать такимъ манеромъ.

А впрочемъ, пора отвернуться отъ всего этого, давно пора! Пусть эта ноша вмѣстѣ съ жизнью свалится съ

моей души! Хочу въ послѣдній разъ, хотя на мгновенье, насладиться тѣмъ добрымъ, кроткимъ чувствомъ, которое разливается во мнѣ тихимъ свѣтомъ, какъ только вспомню о васъ. Вашъ образъ теперь вдвойнѣ для меня дорогъ... Вмѣстѣ съ нимъ возникаетъ передо мною образъ моей родины, и я шлю и ей, и вамъ, прощальный привѣтъ. Живите, живите долго и счастливо, и помните одно: останетесь ли вы въ той степной глуши, гдѣ вамъ иногда такъ тяжело бываетъ, но гдѣ бы мнѣ такъ хотѣлось провести мой послѣдній день,—вступите ли вы на другое поприще—помните: жизнь только того не обманетъ, кто не размышляетъ о ней и, ничего отъ нея не требуя, принимаетъ спокойно ея немногіе дары и спокойно пользуется ими. Идите впередъ, пока можете: а подкосятся ноги,—сядьте близъ дороги, да глядите на прохожихъ безъ досады и зависти: вѣдь и они недалеко уйдутъ! Я прежде вамъ не то говорилъ, да смерть хоть кого научитъ; впрочемъ, кто скажетъ, что̀ такое жизнь, что̀ такое истина? Вспомните, *кто* не далъ на этотъ вопросъ отвѣта... Прощайте, Марья Александровна, прощайте въ послѣдній разъ, и не поминайте лихомъ бѣднаго—

Алексѣя.

1855 г.

ЯКОВЪ ПАСЫНКОВЪ.

(РАЗСКАЗЪ.)

I.

Дѣло было въ Петербургѣ, зимой, въ первый день масленицы. Меня пригласилъ къ себѣ обѣдать одинъ мой пансіонскій товарищъ, слывшій въ молодости за красную дѣвицу и оказавшійся впослѣдствіи человѣкомъ вовсе не застѣнчивымъ. Онъ уже теперь умеръ, какъ большая часть моихъ товарищей. Кромѣ меня, обѣщали придти къ обѣду Константинъ Александровичъ Асановъ, да еще одна тогдашняя литературная знаменитость. Литературная знаменитость заставила себя подождать и прислала, наконецъ, записку, что не будетъ, а на мѣсто ея явился маленькій, бѣлокурый господинъ, одинъ изъ тѣхъ вѣчныхъ незваныхъ гостей, которыми Петербургъ изобилуетъ.

Обѣдъ продолжался долго; хозяинъ не жалѣлъ винъ, и наши головы понемногу разгорячились. Все, что каждый изъ насъ таилъ у себя на душѣ — а кто̀ не таитъ чего-нибудь на душѣ?—выступило наружу. Лицо хозяина внезапно потеряло свое стыдливое и сдержанное выраженіе; глаза его нагло заблистали, и пошлая усмѣшка скри-

вила его губы; бѣлокурый господинъ смѣялся какъ-то дрянно, съ глупымъ визгомъ; но Асановъ больше всѣхъ удивилъ меня. Этотъ человѣкъ всегда отличался чувствомъ приличія, а тутъ началъ вдругъ проводить рукою по лбу, ломаться, хвастаться своими связями, безпрестанно упоминать о какомъ-то дядюшкѣ своемъ, очень важномъ человѣкѣ... Я рѣшительно не узнавалъ его; онъ явно подтрунивалъ надъ нами... онъ чуть не брезгалъ нашимъ обществомъ. Нахальство Асанова меня разсердило.

— Послушайте, — сказалъ я ему: — если мы такъ ничтожны въ вашихъ глазахъ, ступайте къ вашему знатному дядюшкѣ. Но, можетъ-быть, онъ васъ не пускаетъ къ себѣ?

Асановъ ничего мнѣ не отвѣтилъ и продолжалъ проводить рукою по лбу.

— И что это за люди!—говорилъ онъ опять:—вѣдь ни въ одномъ порядочномъ обществѣ не бываютъ, ни съ одной порядочной женщиной не знакомы, а у меня тутъ (воскликнулъ онъ, проворно вытащивъ изъ бокового кармана бумажникъ и стуча по немъ рукой) — цѣлый пукъ писемъ отъ такой дѣвушки, какой въ цѣломъ мірѣ не найдешь подобной!

Хозяинъ и бѣлокурый господинъ не обратили вниманія на послѣднія слова Асанова; они оба держали другъ друга за пуговицу, и оба что-то разсказывали, но я навострилъ уши.

— Вотъ вы и схвастнули, г. племянникъ знатнаго лица! — сказалъ я, придвинувшись къ Асанову: — писемъ у васъ никакихъ нѣтъ.

— Вы думаете?—возразилъ онъ, свысока поглядѣвъ на меня:—а это что?—Онъ раскрылъ бумажникъ и показалъ мнѣ около десяти писемъ, адресованныхъ на его имя... „Знакомый почеркъ!“ подумалъ я...

Я чувствую, что румянецъ стыда выступаетъ на мои щеки... мое самолюбіе страдаетъ сильно... Кому охота сознаться въ неблагородномъ поступкѣ?.. Но дѣлать нечего: начавъ свой разсказъ, я зналъ напередъ, что мнѣ придется покраснѣть до ушей. Итакъ, скрѣпя сердце, я долженъ сознаться, что...

Вотъ въ чемъ дѣло: я воспользовался нетрезвостью Асанова, небрежно кинувшаго письма на залитую шампанскимъ скатерть (у меня у самого въ головѣ порядкомъ шумѣло) и быстро пробѣжалъ одно изъ этихъ писемъ...

Сердце во мнѣ сжалось... Увы! я самъ былъ влюбленъ въ дѣвушку, которая писала къ Асанову, и теперь ужъ я не могъ сомнѣваться въ томъ, что она его любитъ. Все письмо, написанное по-французски, дышало нѣжностью и преданностью...

„Mon cher ami Constantin!“ такъ начиналось оно... а кончалось словами: „будьте осторожны попрежнему, а я буду ничья, или ваша“.

Оглушенный, какъ громомъ, я нѣсколько мгновеній просидѣлъ неподвижно, однако, наконецъ, опомнился, вскочилъ и бросился вонъ изъ комнаты...

Черезъ четверть часа я уже былъ на своей квартирѣ.

Семейство Злотницкихъ было одно изъ первыхъ, съ которымъ я познакомился послѣ переѣзда моего въ Петербургъ изъ Москвы. Оно состояло изъ отца, матери, двухъ дочерей и сына. Отецъ, уже сѣдой, но еще свѣжій мужчина, бывшій военный, занималъ довольно важное мѣсто, утромъ находился на службѣ, послѣ обѣда спалъ, а вечеромъ игралъ въ карты въ клубѣ... Дома онъ бывалъ рѣдко, разговаривалъ мало и неохотно, посматривалъ исподлобья не то угрюмо, не то равнодушно, и кромѣ путешествій и географій, не читалъ ничего, а когда занемогалъ, раскрашивалъ картинки, запершись въ своемъ кабинетѣ, или дразнилъ стараго сѣраго попугая Попку. Жена его, больная и чахоточная женщина, съ черными впалыми глазами и острымъ носомъ, по цѣлымъ днямъ не сходила съ дивана и все вышивала подушки по канвѣ; она, сколько я могъ замѣтить, побаивалась мужа, точно она въ чемъ передъ нимъ когда-то провинилась. Старшая дочь, Варвара, полная, румяная и русая дѣвушка, лѣтъ восемнадцати, все сидѣла у окна и разглядывала прохожихъ. Сынокъ воспитывался въ казенномъ заведеніи, являлся домой только по воскресеньямъ, и тоже не любилъ пона-

прасну тратить слова; даже младшая дочь, Софья, именно та дѣвица, въ которую я влюбился, была свойства молчаливаго. Въ домѣ Злотницкихъ постоянно царствовала тишина; одни пронзительные крики Попки прерывали ее, но гости скоро привыкали къ нимъ и снова ощущали на себѣ тяжесть и гнетъ этой вѣчной тишины. Впрочемъ, гости рѣдко заглядывали къ Злотницкимъ: скучно было у нихъ. Самая мебель, красные съ желтоватыми разводами обои въ гостиной, множество плетеныхъ стульевъ въ столовой, гарусныя полинялыя подушки съ изображеніемъ дѣвицъ и собакъ по диванамъ, рогатыя лампы и сумрачные портреты на стѣнахъ — все внушало невольную тоску, отъ всего вѣяло чѣмъ-то холоднымъ и кислымъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я почелъ долгомъ явиться къ Злотницкимъ: они доводились сродни моей матушкѣ. Я съ трудомъ высидѣлъ часъ и долго не возвращался; но понемногу сталъ ходить все чаще и чаще. Меня привлекала Софья, которая сперва мнѣ не понравилась, и въ которую я, наконецъ, влюбился.

Это была дѣвушка небольшого роста, стройная, почти худая, съ блѣднымъ лицомъ, густыми, черными волосами, и большими, карими, всегда полузакрытыми глазами. Ея черты, строгія и рѣзкія, особенно ея сжатыя губы выражали твердость и силу воли. Въ домѣ знали ее за дѣвушку съ характеромъ... „По старшей сестрѣ пошла, по Катеринѣ“,—сказала однажды Злотницкая, сидя со мной наединѣ (при мужѣ она не смѣла упомянуть объ этой Катеринѣ).—„Вы ея не знаете: она на Кавказѣ, замужемъ. Тринадцати лѣтъ, представьте, влюбилась въ своего теперешняго мужа, и тогда же намъ объявила, что за другого не пойдетъ. Ужъ мы что́ ни дѣлали—ничего не помогло! До двадцати-трехъ лѣтъ ждала, отца прогнѣвила, и пошла-таки за своего идола. Долго ли до грѣха и съ Сонечкой! Сохрани ее Господь отъ такого упрямства! А боюсь я за нее; вѣдь ей только шестнадцать лѣтъ минуло, а ужъ ее не переломишь“...

Вошелъ г. Злотницкій; жена его тотчасъ замолкла.

Собственно мнѣ Софья полюбилась не за силу воли —

нѣтъ; но въ ней, при всей ея сухости, при недостаткѣ живости и воображенія, была своего рода прелесть, прелесть прямодушія, честной искренности и чистоты душевной. Я столько же уважалъ ее, сколько любилъ... Мнѣ казалось, что и она ко мнѣ благоволила; разочароваться въ ея привязанности, убѣдиться въ ея любви къ другому было мнѣ больно.

Неожиданное открытіе, сдѣланное мною, тѣмъ болѣе удивило меня, что г. Асановъ посѣщалъ домъ Злотницкихъ не часто, гораздо рѣже меня, и никакого особаго предпочтенія Сонечкѣ не оказывалъ. Это былъ красивый брюнетъ съ выразительными, хотя нѣсколько тяжелыми, чертами лица, съ блестящими глазами навыкатѣ, съ большимъ бѣлымъ лбомъ и пухлыми, красными губками подъ тонкими усами. Онъ держалъ себя весьма скромно, но строго, говорилъ и судилъ самоувѣренно, молчалъ съ достоинствомъ. Видно было, что онъ много о себѣ думалъ. Асановъ смѣялся рѣдко, и то сквозь зубы, и никогда не танцовалъ. Сложенъ онъ былъ довольно мѣшковато. Онъ когда-то служилъ въ ....мъ полку и слылъ за дѣльнаго офицера.

„Странное дѣло! — размышлялъ я, лежа на диванѣ: — какъ же это я ничего не замѣтилъ?“... „Будьте осторожны попрежнему“: эти слова Софьина письма вдругъ пришли мнѣ на память. „А! — подумалъ я: — вотъ что! Вишь, хитрая дѣвчонка! А я считалъ ее откровенной и искренной... Ну, такъ постойте же, я покажу вамъ“...

Ну тутъ я, сколько мнѣ помнится, заплакалъ горько и до утра не могъ заснуть.

Но другой день, часу во второмъ, отправился я къ Злотницкимъ. Старика не было дома, и жена его не сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ: у ней, послѣ блиновъ, разболѣлась голова, и она пошла полежать къ себѣ въ спальню. Варвара стояла, прислонившись плечомъ къ окну, и глядѣла на улицу; Софья ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, скрестивъ на груди руки; Попка кричалъ.

— А! здравствуйте!—лѣниво проговорила Варвара, какъ

только я вошелъ въ комнату, и тотчасъ прибавила вполголоса: — а вонъ мужикъ идетъ съ лоткомъ на головѣ... (У ней была привычка произносить изрѣдка, и словно про себя, замѣчанія о прохожихъ.)

— Здравствуйте,—отвѣтилъ я: — здравствуйте, Софья Николаевна. А гдѣ Татьяна Васильевна?

— Пошла отдохнуть, — возразила Софья, продолжая расхаживать по комнатѣ.

— У насъ блины были,—замѣтила Варвара, не оборачиваясь.—Что вы не пришли?.. Куда этотъ писарь идетъ?

— Да некогда было.—(„На кра-улъ!“ рѣзко закричалъ попугай.)—Какъ вашъ Попка сегодня кричитъ!

— Онъ всегда такъ кричитъ,—промолвила Софья.

Всѣ мы помолчали.

— Зашелъ въ ворота,—проговорила Варвара, и вдругъ встала на оконницу и отворила форточку.

— Что ты?—спросила Софья.

— Нищій, — отвѣтила Варвара, нагнулась, достала съ окна мѣдный пятакъ, на которомъ еще возвышался сѣренькой кучкой пепелъ курительной свѣчки, бросила пятакъ на улицу, захлопнула форточку и тяжело спрыгнула на полъ...

— А я вчера очень пріятно время провелъ, — началъ я, садясь въ кресла:—я обѣдалъ у одного пріятеля; тамъ былъ Константинъ Александрычъ... (Я посмотрѣлъ на Софью, у ней даже бровь не поморщилась.)—И, надобно сознаться,—продолжалъ я:—мы-таки покутили: вчетверомъ бутылокъ восемь выпили.

— Вотъ какъ!—спокойно произнесла Софья и покачала головой.

— Да,—продолжалъ я, слегка раздраженный ея равнодушіемъ: — и знаете ли что, Софья Николаевна? вѣдь точно, не даромъ гласитъ пословица, что истина въ винѣ.

— А что?

— Константинъ Александрычъ насъ разсмѣшилъ. Представьте себѣ: вдругъ принялся этакъ рукою по лбу проводить и приговаривать: „какой я молодецъ! у меня дядя знатный человѣкъ!“...

— Ха-ха!—раздался короткій, отрывистый смѣхъ Варвары... „Попка! попка! попка!“ забарабанилъ ей въ отвѣтъ попугай.

Софья остановилась передо мной и посмотрѣла мнѣ въ лицо.

— А вы что̀ говорили,—спросила она:—не помните?

Я невольно покраснѣлъ.

— Не помню! должно-быть, и я хорошъ былъ. Дѣйствительно,—прибавилъ я съ значительной разстановкой:—пить вино опасно: какъ-разъ проболтаешься, и то скажешь, что̀ бы никому не слѣдовало знать. Будешь раскаиваться послѣ, да ужъ поздно.

— А вы развѣ проболтались?—спросила Софья.

— Я не о себѣ говорю.

Софья отвернулась и снова принялась ходить по комнатѣ. Я глядѣлъ на нее и внутренно бѣсился. „Вѣдь вишь,—думалъ я,—ребенокъ, дитя, а какъ собой владѣетъ! Каменная, просто. Да вотъ, постой“...

— Софья Николаевна...—проговорилъ я громко.

Софья остановилась.

— Что̀ вамъ?

— Не сыграете ли вы что-нибудь на фортепіано? Кстати, мнѣ вамъ нужно что-то сказать,—прибавилъ я, понизивъ голосъ.

Софья, ни слова не говоря, пошла въ залу; я отправился вслѣдъ за ней. Она остановилась у рояля.

— Что̀ же мнѣ вамъ сыграть?—спросила она.

— Что̀ хотите... ноктюрнъ Шопена.

Софья начала ноктюрнъ. Она играла довольно плохо, но съ чувствомъ. Сестра ея играла одни только польки и вальсы, и то рѣдко. Подойдетъ, бывало, своей лѣнивой походкой къ роялю, сядетъ, спуститъ бурнусъ съ плечъ на локти (я не видалъ ея безъ бурнуса), заиграетъ громко одну польку, не кончитъ, начнетъ другую, потомъ вдругъ вздохнетъ, встанетъ и отправится опять къ окну. Странное существо была эта Варвара!

Я сѣлъ подлѣ Софьи.

— Софья Николаевна, — началъ я, пристально посма-

тривая на нее сбоку: — я долженъ вамъ сообщить одну непріятную для меня новость.

— Новость? какую?

— А вотъ какую... Я до сихъ поръ въ васъ ошибался, совершенно ошибался...

— Какимъ это образомъ? — возразила она, продолжая играть и устремивъ глаза на свои пальцы.

— Я думалъ, что вы откровенны; я думалъ, что вы не умѣете хитрить, скрывать свои чувства, лукавить...

Софья приблизила лицо свое къ нотамъ.

— Я васъ не понимаю.

— А главное,—продолжалъ я:—я никакъ не могъ вообразить, что вы, въ ваши годы, уже умѣете такъ мастерски разыгрывать роль...

Руки Софьи слегка задрожали надъ клавишами.

— Что̀ вы это говорите? — проговорила она, все не глядя на меня:—я разыгрываю роль!

— Да̀, вы. (Она усмѣхнулась... Злость меня взяла...) Вы притворяетесь равнодушной къ одному человѣку и... и пишете къ нему письма,—прибавилъ я шопотомъ.

Щеки Софьи поблѣднѣли, но она не обернулась ко мнѣ, доиграла ноктюрнъ до конца, встала и закрыла крышу рояля.

— Куда же вы? — спросилъ я ее не безъ смущенія. — Вы мнѣ не отвѣчаете?

— Что̀ мнѣ вамъ отвѣчать? Я не знаю, о чемъ вы говорите... А притворяться я не умѣю.

Она начала укладывать ноты...

Кровь мнѣ бросилась въ голову.

— Нѣтъ, вы знаете, о чемъ я говорю,—промолвилъ я, также вставая: — и хотите ли, я вамъ сейчасъ напомню нѣкоторыя ваши выраженія въ одномъ письмѣ: — „будьте осторожны попрежнему“...

Софья слегка вздрогнула.

— Я этого никакъ отъ васъ не ожидала, —проговорила она наконецъ.

— И я никакъ не ожидалъ,—подхватилъ я: — что вы, вы, Софья Николаевна, удостоили вашимъ вниманіемъ человѣка, который...

офья быстро ко мнѣ обернулась; я невольно отступилъ отъ нея: глаза ея, всегда полузакрытые, расширились до того, что казались огромными и гнѣвно сверкали изъ-подъ бровей.

— А! коли такъ! — проговорила она: — знайте же, что я люблю этого человѣка, и что мнѣ совершенно все равно, какого вы мнѣнія о немъ и о моей любви къ нему. И съ чего вы взяли?.. Какое вы имѣете право это говорить? А если я на что рѣшилась...

Она умолкла и проворно вышла вонъ изъ залы.

Я остался. Мнѣ вдругъ стало такъ неловко и такъ совѣстно, что я закрылъ лицо руками. Я понялъ все неприличіе, всю низость своего поведенія и, задыхаясь отъ стыда и раскаянія, стоялъ какъ опозоренный. „Боже мой!“ думалъ я: „что̀ я надѣлалъ!“

— Антонъ Никитичъ, — послышался голосъ горничной въ передней: — пожалуйте скорѣй стаканъ воды для Софьи Николаевны.

— А что? — отвѣтилъ буфетчикъ.

— Кажись, плачутъ-съ...

Я содрогнулся и пошелъ въ гостиную за своей шляпой.

— О чемъ вы толковали съ Сонечкой? — равнодушно спросила меня Варвара и, помолчавъ немного, прибавила вполголоса: — опять этотъ писарь идетъ.

Я началъ раскланиваться.

— Куда же вы? Погодите: маменька сейчасъ выйдетъ.

— Нѣтъ, ужъ мнѣ нельзя, — проговорилъ я: — я ужъ лучше въ другой разъ.

Въ это мгновеніе, къ ужасу моему, именно къ ужасу, Софья твердыми шагами вошла въ гостиную. Лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго, и вѣки чуть-чуть покраснѣли. На меня она и не взглянула.

— Посмотри, Соня, — промолвила Варвара: — какой-то писарь все около нашего дома ходитъ.

— Шпіонъ какой-нибудь... — холодно и презрительно замѣтила Софья.

Это ужъ было слишкомъ! Я ушелъ и, право, не помню, какъ дотащился домой.

Мнѣ было очень тяжело, такъ тяжело и горько, что и описать невозможно. Въ однѣ сутки два такіе жестокіе удара! Я узналъ, что Софья любитъ другого, и навсегда лишился ея уваженія. Я чувствовалъ себя до того уничтоженнымъ и пристыженнымъ, что даже негодовать на себя не могъ. Лежа на диванѣ и повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, я съ какимъ-то жгучимъ наслажденіемъ предавался первымъ порывамъ отчаянной тоски, какъ вдругъ услыхалъ шаги въ комнатѣ. Я поднялъ голову и увидѣлъ одного изъ самыхъ короткихъ моихъ друзей—Якова Пасынкова.

Я готовъ былъ разсердиться на каждаго человѣка, который вошелъ бы ко мнѣ въ комнату въ этотъ день, но на Пасынкова сердиться не могъ никогда; напротивъ, несмотря на пожиравшее меня горе, я внутренно обрадовался его приходу и кивнулъ ему головой. Онъ, по обыкновенію, прошелъ раза два по комнатѣ, кряхтя и вытягивая свои длинные члены, молча постоялъ передо мною и молча сѣлъ въ уголъ.

Я зналъ Пасынкова очень давно, почти съ дѣтства. Онъ воспитывался въ томъ же частномъ пансіонѣ нѣмца Винтеркеллера, въ которомъ и я прожилъ три года. Отецъ Якова, бѣдный отставной майоръ, человѣкъ весьма честный, но нѣсколько поврежденный въ умѣ, привезъ его, семилѣтняго мальчика, къ этому нѣмцу, заплатилъ за него за годъ впередъ, уѣхалъ изъ Москвы, да и пропалъ безъ вѣсти... Изрѣдка ходили о немъ темные, странные слухи. Только лѣтъ черезъ восемь узнали съ достовѣрностью, что онъ утонулъ въ половодьѣ, переправляясь черезъ Иртышъ. Что̀ его занесло въ Сибирь — Господь вѣдаетъ. У Якова другихъ родныхъ не было; мать его давнымъ-давно умерла. Онъ такъ и остался на рукахъ Винтеркеллера. Правда, была у Якова отдаленная родственница, тетка, но до того бѣдная, что сначала боялась ходить къ своему племяннику, какъ бы не навязали его ей на шею. Страхъ ея оказался напраснымъ: добродушный нѣмецъ оставилъ у себя Якова, позволилъ ему учиться вмѣстѣ съ другими воспитанниками, кормилъ его (за столомъ его, однако, обносили десертомъ по буднямъ) и

платье ему перешивалъ изъ поношенныхъ камлотовыхъ капотовъ (бо̀льшей частью табачнаго цвѣта) своей матери, престарѣлой, но еще очень бойкой и распорядительной лифляндки. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ и вообще вслѣдствіе подчиненнаго положенія Якова въ пансіонѣ, товарищи обращались съ нимъ небрежно, глядѣли на него свысока и называли его то бабьимъ капотомъ, то племянникомъ чепца (тетка его постоянно носила весьма странный чепецъ съ торчавшимъ кверху пучкомъ желтыхъ лентъ въ видѣ артишока), то сыномъ Ермака (такъ какъ отецъ его утонулъ въ Иртышѣ). Но, несмотря на эти прозвища, несмотря на смѣшныя его платья, на его крайнюю бѣдность, всѣ его очень любили, да и невозможно было его не любить: болѣе доброй, благородной души, я думаю, и на свѣтѣ не было. Учился онъ также очень хорошо.

Когда я увидѣлъ его въ первый разъ, ему было лѣтъ шестнадцать, а мнѣ только-что минулъ тринадцатый годъ. Я былъ очень самолюбивый и избалованный мальчикъ, выросъ въ довольно богатомъ домѣ и потому, поступивъ въ пансіонъ, поспѣшилъ сблизиться съ однимъ князькомъ, предметомъ особенныхъ попеченій Винтеркеллера, да еще съ двумя-тремя маленькими аристократами, а со всѣми другими важничалъ. Пасынкова я не удостоилъ даже вниманія. Этотъ длинный и неловкій малый, въ безобразной курткѣ и короткихъ панталонахъ, изъ-подъ которыхъ выглядывали толстые нитяные чулки, казался мнѣ чѣмъ-то въ родѣ казачка изъ дворовыхъ, или мѣщанскаго сына. Пасынковъ былъ очень вѣжливъ и кротокъ со всѣми, хотя ни въ комъ никогда не заискивалъ; если его отталкивали — онъ не унижался и не дулся, а держался въ сторонѣ, какъ бы сожалѣя и выжидая. Такъ онъ поступилъ и со мной. Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Однажды, въ лѣтній ясный день, проходя, послѣ шумной игры въ лапту, со двора въ садъ, увидѣлъ я Пасынкова, сидѣвшаго на скамейкѣ, подъ высокимъ кустомъ сирени. Онъ читалъ книгу. Я взглянулъ мимоходомъ на переплетъ и прочиталъ на спинкѣ имя Шиллера: „Schiller's Werke“. Я остановился.

— Развѣ вы знаете по-нѣмецки?—спросилъ я Пасынкова.

Мнѣ до сихъ поръ становится совѣстно, когда я вспомню, сколько пренебреженія было въ самомъ звукѣ моего голоса... Пасынковъ тихо поднялъ на меня свои небольшіе, но выразительные глаза, и отвѣтилъ:

— Да, знаю; а вы?

— Еще бы!—возразилъ я, ужъ обиженный, и хотѣлъ-было идти дальше, да что-то удержало меня.

— А что́ именно читаете вы изъ Шиллера?—спросилъ я съ прежней надменностью.

— Теперь я читаю „Resignation“: прекрасное стихотвореніе. Хотите, я вамъ его прочту? Сядьте вотъ здѣсь подлѣ меня, на скамейкѣ.

Я немного поколебался, однако сѣлъ. Пасынковъ началъ читать. По-нѣмецки онъ зналъ гораздо лучше меня: ему пришлось толковать мнѣ смыслъ нѣкоторыхъ стиховъ; но я ужъ не стыдился ни своего незнанія, ни его превосходства передо мною. Съ того дня, съ самаго того чтенія вдвоемъ въ саду, въ тѣни сирени, я всей душой полюбилъ Пасынкова, сблизился съ нимъ и подчинился ему вполнѣ.

Живо помню его тогдашнюю наружность. Впрочемъ, онъ и послѣ мало измѣнился. Онъ былъ высокаго роста, худъ, долговязъ и довольно неуклюжъ. Узкія плечи и впалая грудь придавали ему болѣзненный видъ, хотя онъ не могъ пожаловаться на свое здоровье. Его большая, кверху закругленная голова слегка склонялась набокъ, мягкіе русые волосы висѣли жидкими косицами вокругъ тонкой шеи. Лицо его не было красиво, и даже могло показаться смѣшнымъ, благодаря длинному, пухлому и красноватому носу, какъ бы нависшему надъ широкими и прямыми губами; но открытый лобъ его былъ прекрасенъ, и когда онъ улыбался, его маленькіе сѣрые глазки свѣтились такимъ кроткимъ и ласковымъ добродушіемъ, что при взглядѣ на него, у всякаго становилось тепло и весело на сердцѣ. Помню я также его голосъ, тихій и ровный, съ какою-то особенно пріятной сипотой. Онъ говорилъ вообще мало и съ замѣтнымъ затрудненіемъ; но

когда одушевлялся, рѣчь его лилась свободно и—странное дѣло! —голосъ его становился еще тише, взоръ его какъ будто уходилъ внутрь и погасалъ, а все лицо слабо разгоралось. Въ устахъ его слова: „добро“, „истина“, „жизнь“, „наука“, „любовь“, какъ бы восторженно они ни произносились, никогда не звучали ложнымъ звукомъ. Безъ напряженія, безъ усилія вступалъ онъ въ область идеала; его цѣломудренная душа во всякое время была готова предстать передъ „святыню красоты“; она ждала только привѣта, прикосновенія другой души... Пасынковъ былъ романтикъ, одинъ изъ послѣднихъ романтиковъ, съ которыми мнѣ случалось встрѣтиться. Романтики теперь, какъ ужъ извѣстно, почти вывелись; по крайней мѣрѣ, между нынѣшними молодыми людьми ихъ нѣтъ. Тѣмъ хуже для нынѣшнихъ молодыхъ людей!

Около трехъ лѣтъ провелъ я съ Пасынковымъ, какъ говорится, душа въ душу. Я былъ повѣреннымъ его первой любви. Съ какимъ благодарнымъ вниманіемъ и участіемъ выслушивалъ я его признанья! Предметомъ его страсти была племянница Винтеркеллера, бѣлокурая, миленькая нѣмочка, съ пухленькимъ, почти дѣтскимъ личикомъ и довѣрчиво-нѣжными голубыми глазками. Она была очень добра и чувствительна, любила Маттисона, Уланда и Шиллера и весьма пріятно произносила стихи ихъ своимъ робкимъ и звонкимъ голосомъ. Любовь Пасынкова была самая платоническая; онъ видѣлъ свою возлюбленную только по воскресеньямъ (она пріѣзжала играть въ фанты съ Винтеркеллеровыми дѣтьми) и мало съ ней разговаривалъ; зато однажды, когда она ему сказала „mein lieber, lieber Herr Jacob!“ онъ всю ночь не могъ заснуть отъ избытка благополучія. Ему и въ голову не пришло тогда. что она всѣмъ его товарищамъ говорила: „mein lieber“, Помню я также скорбь его и уныніе, когда вдругъ распространилось извѣстіе, что фрейлейнъ Фридерике (такъ ее звали) выходитъ замужъ за герра Книфтуса, владѣльца богатой мясной лавки, очень красиваго и даже образованнаго мужчину, и выходитъ не изъ одного повиновенія родительской волѣ, но и по любви. Очень тяжело было

тогда Пасынкову, и особенно страдалъ онъ въ день перваго посѣщенія молодыхъ. Бывшая фрейлейнъ, теперь уже фрау Фридерике, представила его, опять подъ именемъ lieber Herr Jacob, своему мужу, у котораго все блестѣло: и глаза, и завитые въ кокъ черные волосы, и лобъ, и зубы, и пуговицы на фракѣ, и цѣпочка на жилетѣ, и самые сапоги на довольно, впрочемъ, большихъ, носками врозь поставленныхъ ногахъ. Пасынковъ пожалъ господину Книфтусу руку и пожелалъ ему (и искренно пожелалъ—я въ этомъ увѣренъ) полнаго и продолжительнаго счастья. Это происходило при мнѣ. Помню я, съ какимъ удивленіемъ и сочувствіемъ глядѣлъ я тогда на Якова. Онъ казался мнѣ героемъ!.. И потомъ, какія грустныя происходили между нами бесѣды! — „Ищи утѣшенія въ искусствѣ“, говорилъ я ему.—„Да“, отвѣчалъ онъ мнѣ:— „и въ поэзіи“.—„И въ дружбѣ“, прибавлялъ я.—„И въ дружбѣ“, повторялъ онъ. О, счастливые дни!..

Горестно было мнѣ разстаться съ Пасынковымъ! Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ онъ, послѣ долгихъ хлопотъ и заботъ, послѣ переписки, часто забавной, досталъ, наконецъ, свои бумаги и поступилъ въ университетъ. Онъ продолжалъ состоять на иждивеніи Винтеркеллера, но, вмѣсто камлотовыхъ куртокъ и брюкъ, получалъ уже обыкновенную одежду, въ воздаяніе за уроки по разнымъ предметамъ, которые преподавалъ младшимъ воспитанникамъ. Пасынковъ не перемѣнилъ своего обращенія со мной до самаго конца моего пребыванія въ пансіонѣ, хотя разница въ годахъ между нами уже начинала сказываться, и я, помнится, принимался ревновать его къ нѣкоторымъ изъ его новыхъ товарищей-студентовъ. Вліяніе его на меня было самое благотворное. Къ сожалѣнію, оно не было продолжительно. Приведу одинъ только примѣръ. Въ дѣтствѣ я привыкъ лгать... Передъ Яковомъ у меня языкъ не поворачивался на ложь. Но особенно отрадно было мнѣ гулять съ нимъ вдвоемъ или ходить возлѣ него взадъ и впередъ по комнатѣ и слушать, какъ онъ, не глядя на меня, читалъ стихи своимъ тихимъ и сосредоточеннымъ голосомъ. Право, мнѣ тогда казалось, что мы

съ нимъ медленно, понемногу отдѣлялись отъ земли и неслись куда-то, въ какой-то лучезарный, таинственно-прекрасный край... Помню я одну ночь. Мы сидѣли съ нимъ подъ тѣмъ же кустомъ сирени: мы полюбили это мѣсто. Всѣ наши товарищи уже спали; но мы тихонько встали, ощупью одѣлись впотьмахъ и украдкой вышли „помечтать". На дворѣ было довольно тепло, но свѣжій вѣтерокъ дулъ по временамъ и заставлялъ насъ еще ближе прижиматься другъ къ дружкѣ. Мы говорили, мы говорили много и съ жаромъ, такъ что даже перебивали другъ друга, хотя и не спорили. На небѣ сіяли безчисленныя звѣзды. Яковъ поднялъ глаза и, стиснувъ мнѣ руку, тихо воскликнулъ:

Надъ нами
Небо съ вѣчными звѣздами...
А надъ звѣздами ихъ Творецъ...

Благоговѣйный трепетъ пробѣжалъ по мнѣ; я весь похолодѣлъ и припалъ къ его плечу... Сердце переполнилось...

Гдѣ тѣ восторги? Увы! тамъ же, гдѣ и молодость.

Въ Петербургѣ я встрѣтилъ Якова лѣтъ восемь спустя. Я только-что опредѣлился на службу, и ему кто-то доставилъ мѣстечко въ какомъ-то департаментѣ. Встрѣча наша была самая радостная. Никогда мнѣ не забыть того мгновенья, когда я, сидя однажды у себя дома, услыхалъ внезапно въ передней его голосъ... Какъ я вздрогнулъ, съ какимъ біеніемъ сердца вскочилъ и бросился ему на шею, не давъ ему времени снять съ себя шубу и раскутать шарфъ! Какъ жадно глядѣлъ я на него сквозь невольныя, свѣтлыя слезы умиленія! Онъ немного постарѣлъ въ послѣднія семь лѣтъ; морщины, тонкія, какъ слѣдъ иглы, кой-гдѣ пробороздили лобъ его, щеки слегка впали и волосы порѣдѣли, но бороды почти не прибавилось, и улыбка его осталась та же, и смѣхъ его, милый, внутренній, словно задыхающійся смѣхъ, остался тотъ же...

Боже мой! чего мы не переговорили въ тотъ день... Сколько любимыхъ стиховъ прочли мы другъ другу! Я

началъ его упрашивать переѣхать ко мнѣ на житье, но онъ не согласился, зато обѣщалъ заходить ко мнѣ ежедневно, и сдержалъ свое обѣщаніе.

И душою Пасынковъ не измѣнился. Онъ предсталъ передо мною тѣмъ же романтикомъ, какимъ я зналъ его. Какъ ни охватывалъ его жизненный холодъ, горькій холодъ опыта,—нѣжный цвѣтокъ, рано расцвѣтшій въ сердцѣ моего друга, уцѣлѣлъ во всей своей нетронутой красѣ. Даже грусти, даже задумчивости не проявлялось въ немъ: онъ попрежнему былъ тихъ, но вѣчно веселъ душою.

Въ Петербургѣ жилъ онъ какъ бы въ пустынѣ, не размышляя о будущемъ и не знаясь почти ни съ кѣмъ. Я его свелъ съ Злотницкими. Онъ къ нимъ ходилъ довольно часто. Не будучи самолюбивъ, онъ не былъ застѣнчивъ: но и у нихъ, какъ и вездѣ, говорилъ мало, однако, полюбился имъ. Тяжелый старикъ, мужъ Татьяны Васильевны, и тотъ обходился съ нимъ ласково, и обѣ молчаливыя дѣвушки скоро къ нему привыкли.

Бывало, онъ придетъ, принесетъ съ собою, въ заднемъ карманѣ сюртука, какое-нибудь вновь вышедшее сочиненіе и долго не рѣшается читать, все вытягиваетъ шею на бокъ, какъ птица, да высматриваетъ: можно ли? наконецъ, умѣстится въ уголку (онъ вообще любилъ сидѣть по угламъ), достанетъ книжку и примется читать, сперва шопотомъ, потомъ громче и громче, изрѣдка прерывая самого себя короткими сужденіями или восклицаніями. Я замѣчалъ, что Варвара охотнѣе сестры къ нему подсаживалась и слушала его, хотя, конечно, мало его понимала: литература не занимала ее. Сидитъ, бывало, передъ Пасынковымъ, опершись на руки подбородкомъ, глядитъ ему — не въ глаза, а такъ, во все лицо, и словечка не промолвитъ, только шумно вздохнетъ вдругъ.— По вечерамъ мы играли въ фанты, особенно въ воскресенья и въ праздники. Къ намъ тогда присоединялись двѣ барышни, сестры, отдаленныя родственницы Злотницкихъ, маленькія, кругленькія, хохотуньи страшныя, да нѣсколько кадетовъ и юнкеровъ, очень добрыхъ и тихихъ мальчиковъ. Пасынковъ всегда садился подлѣ Татьяны

Васильевны, и вмѣстѣ съ ней придумывалъ, что дѣлать тому, чей фантъ вынется.

Софья не любила нѣжностей и поцѣлуевъ, которыми обыкновенно выкупаются фанты, а Варвара досадовала, когда ей приходилось что-нибудь отыскивать или отгадывать. Барышни знай-себѣ хохотали—откуда у нихъ смѣхъ брался, — меня иногда досада разбирала на нихъ глядя, а Пасынковъ только улыбался и головой покачивалъ. Старикъ Злотницкій въ наши игры не вмѣшивался, и даже не совсѣмъ ласково посматривалъ на насъ изъ-за дверей своего кабинета. Разъ только, совершенно неожиданно, вышелъ онъ къ намъ и предложилъ, чтобы та особа, чей фантъ вынется, провальсировала вмѣстѣ съ нимъ; мы, разумѣется, согласились. Вышелъ фантъ Татьяны Васильевны: она вся покраснѣла, смѣшалась и застыдилась, какъ пятнадцати-лѣтняя дѣвочка — но мужъ ея тотчасъ приказалъ Софьѣ сѣсть за фортепіано, подошелъ къ женѣ и сдѣлалъ съ ней два тура, по-старинному, въ три тэмпа. Помню я, какъ его желчное и темное лицо, съ неулыбавшимися глазами, то показывалось, то скрывалось, медленно оборачиваясь и не мѣняя своего строгаго выраженія. Вальсируя, онъ широко шагалъ и подпрыгивалъ, а жена его быстро сѣменила ногами и прижималась, какъ бы отъ страха, лицомъ къ его груди. Онъ довелъ ее до ея мѣста, поклонился ей, ушелъ къ себѣ и заперся. Софья хотѣла-было встать. Но Варвара попросила ее продолжать вальсъ, подошла къ Пасынкову и, протянувъ руку, съ неловкой усмѣшкой сказала: хотите? Пасынковъ удивился, однако, вскочилъ—онъ всегда отличался утонченной вѣжливостью — взялъ Варвару за талью, но съ перваго же шагу поскользнулся и, быстро отдѣлившись отъ своей дамы, покатился прямо подъ тумбочку, на которой стояла клѣтка попугая... Клѣтка упала, попугай испугался и закричалъ: на кра-улъ! Поднялся общій хохотъ... Злотницкій показался на порогѣ кабинета, поглядѣлъ сурово и захлопнулъ дверь. Съ тѣхъ поръ стоило только вспомнить при Варварѣ объ этомъ происшествіи, и она тотчасъ начинала смѣяться и съ такимъ выраженіемъ поглядывала

на Пасынкова, какъ будто умнѣе того, что онъ тогда сдѣлалъ, невозможно было ничего придумать.

Пасынковъ очень любилъ музыку. Онъ часто просилъ Софью сыграть ему что-нибудь, садился въ сторонкѣ и слушалъ, изрѣдка подтягивая тонкимъ голосомъ на чувствительныхъ ноткахъ. Особенно любилъ онъ „Созвѣздія“ Шуберта. Онъ увѣрялъ, что когда при немъ играли „Созвѣздія“, ему всегда казалось, что вмѣстѣ съ звуками, какіе-то голубые длинные лучи лились съ вышины ему прямо въ грудь. Я еще до сихъ поръ, при видѣ безоблачнаго ночного неба съ тихо шевелящимися звѣздами, всегда вспоминаю мелодію Шуберта и Пасынкова... Приходитъ мнѣ еще на умъ одна загородная прогулка. Мы поѣхали цѣлымъ обществомъ, въ двухъ ямскихъ четверомѣстныхъ каретахъ, въ Парголово. Помнится, кареты взяли съ Владимірской; онѣ были очень стары, голубого цвѣта, на круглыхъ рессорахъ, съ широкими козлами и клочками сѣна внутри; бурыя разбитыя лошади везли насъ тяжелой рысью, хромая каждая на разную ногу. Мы долго гуляли по сосновымъ рощамъ вокругъ Парголова, пили молоко изъ глиняныхъ кувшинчиковъ и ѣли землянику съ сахаромъ. Погода была чудесная. Варвара не любила много ходить: она скоро утомлялась: но на этотъ разъ она отъ насъ не отставала. Она сняла шляпу, волосы ея развились, тяжелыя черты оживились и щеки покраснѣли. Встрѣтивши въ лѣсу двухъ крестьянскихъ дѣвушекъ, она вдругъ сѣла на землю, подозвала и не приласкала, а усадила ихъ возлѣ себя. Софья посмотрѣла на нихъ издали съ холодной улыбкой и не подошла къ нимъ. Она гуляла съ Асановымъ, а Злотницкій замѣтилъ, что Варвара настоящая насѣдка. Варвара встала и пошла прочь. Въ теченіе прогулки она нѣсколько разъ подходила къ Пасынкову и говорила ему: „Яковъ Иванычъ, я вамъ что-то хочу сказать“, но что она хотѣла ему сказать—осталось неизвѣстнымъ.

Впрочемъ, пора мнѣ возвратиться къ моему разсказу.

Я обрадовался приходу Пасынкова; но когда вспомнилъ

о томъ, что сдѣлалъ наканунѣ, мнѣ стало невыразимо совѣстно, и я поспѣшно отвернулся опять къ стѣнѣ. Погодя немного, Яковъ спросилъ меня, здоровъ ли я.

— Здоровъ,—отвѣчалъ я сквозь зубы: — только голова болитъ.

Яковъ ничего не отвѣтилъ и взялъ книгу. Прошло болѣе часу; я ужъ собирался во всемъ сознаться Якову... вдругъ въ передней прозвенѣлъ колокольчикъ.

Дверь на лѣстницу растворилась... я прислушался... Асановъ спрашивалъ моего человѣка, дома ли я.

Пасынковъ всталъ; онъ не любилъ Асанова, и, сказавъ мнѣ шопотомъ, что пойдетъ полежать на моей постели, отправился ко мнѣ въ спальню.

Минуту спустя, вошелъ Асановъ.

По одному покраснѣвшему лицу его, по короткому и сухому поклону, я догадался, что онъ пріѣхалъ ко мнѣ не спроста. „Что-то будетъ?“ подумалъ я.

— Милостивый государь, — началъ онъ, быстро садясь въ кресло: — я явился къ вамъ для того, чтобъ вы разрѣшили мнѣ одно сомнѣніе.

— А именно?

— А именно: я желаю знать, честный ли вы человѣкъ!

Я вспыхнулъ.

— Это что значитъ?—спросилъ я.

— А вотъ что это значитъ... — возразилъ онъ, словно отчеканивая каждое слово: — вчера я вамъ показывалъ бумажникъ съ письмами одной особы ко мнѣ... Сегодня вы съ упрекомъ—замѣтьте, съ упрекомъ— пересказывали этой особѣ нѣсколько выраженій изъ этихъ писемъ, не имѣя на то ни малѣйшаго права. Я желаю знать, какъ вы это объясните?

— А я желаю знать, какое *вы* имѣете право меня разспрашивать?— отвѣтилъ я, весь дрожа отъ бѣшенства и внутренняго стыда.—Вольно вамъ было щеголять вашимъ дядюшкой, вашей перепиской; я-то тутъ что? Вѣдь всѣ ваши письма цѣлы?

— Письма-то цѣлы; но я былъ вчера въ такомъ состояніи, что вы легко могли...

— Однимъ словомъ, милостивый государь,—заговорилъ я, нарочно какъ можно громче:—я прошу васъ оставить меня въ покоѣ, слышите ли? Я ничего знать не хочу и объяснять вамъ ничего не стану. Ступайте къ той особѣ за объясненіями! (Я чувствовалъ, что у меня голова начинала кружиться.)

Асановъ устремилъ на меня взглядъ, которому видимо старался придать выраженіе насмѣшливой проницательности, пощипалъ свои усики и всталъ не спѣша.

— Я теперь знаю, что̀ мнѣ думать,—промолвилъ онъ:—ваше лицо—лучшая вамъ улика. Но я долженъ вамъ замѣтить, что благородные люди такъ не поступаютъ... Прочесть украдкой письмо и потомъ идти къ благородной дѣвушкѣ безпокоить ее...

— Убирайтесь вы къ чорту! — закричалъ я, затопавъ ногами:—и присылайте мнѣ секунданта; съ вами я не намѣренъ разговаривать.

— Прошу не учить меня, — холодно возразилъ Асановъ:—а секунданта я и самъ хотѣлъ къ вамъ прислать.

Онъ ушелъ. Я упалъ на диванъ и закрылъ лицо руками. Кто-то тронулъ меня за плечо; я принялъ руки — передо мной стоялъ Пасынковъ.

— Что это? правда?.. — спросилъ онъ меня: — ты прочелъ чужое письмо?

Я не имѣлъ силъ отвѣтить ему, но качнулъ утвердительно головой.

Пасынковъ подошелъ къ окну и, стоя ко мнѣ спиною, медленно проговорилъ: — Ты прочелъ письмо одной дѣвушки къ Асанову: Кто же была эта дѣвушка?

— Софья Злотницкая, — отвѣчалъ я, какъ подсудимый отвѣчаетъ судьѣ.

Пасынковъ долго не вымолвилъ ни слова.

— Одна страсть можетъ до нѣкоторой степени извинить тебя,— началъ онъ наконецъ. — Развѣ ты влюбленъ въ Злотницкую?

— Да.

Пасынковъ опять помолчалъ.

— Я это думалъ. И ты сегодня пошелъ къ ней и началъ упрекать ее...

— Да, да, да... — проговорилъ я съ отчаяньемъ. — Ты теперь можешь меня презирать...

Пасынковъ прошелся раза два по комнатѣ.

— А она его любитъ?—спросилъ онъ.

— Любитъ...

Пасынковъ потупился и долго смотрѣлъ неподвижно на полъ.

— Ну, этому надо помочь, — началъ онъ, поднявъ голову:—этого нельзя такъ оставить.

И онъ взялся за шляпу.

— Куда же ты?

— Къ Асанову.

Я вскочилъ съ дивана.

— Да я тебѣ не позволю. Помилуй! какъ можно! что̀ онъ подумаетъ?

Пасынковъ поглядѣлъ на меня.

— А по-твоему, развѣ лучше дать этой глупости ходъ, себя погубить, дѣвушку опозорить?

— Да что̀ ты скажешь Асанову?

— Я постараюсь вразумить его, скажу, что ты просишь у него извиненія...

— Да я не хочу извиняться передъ нимъ?

— Не хочешь? Развѣ ты не виноватъ?

Я посмотрѣлъ на Пасынкова: спокойное и строгое, хотя грустное выраженіе лица его меня поразило; оно было ново для меня. Я ничего не отвѣчалъ и сѣлъ на диванъ.

— Пасынковъ вышелъ.

Съ какимъ мучительнымъ томленіемъ ожидалъ я его возвращенія! Съ какой жестокой медленностью проходило время! Наконецъ, онъ вернулся—поздно.

— Ну, что—спросилъ я робкимъ голосомъ.

— Слава Богу!—отвѣчалъ онъ:—все улажено.

— Ты былъ у Асанова?

— Былъ.

— Что онъ? чай, ломался? — промолвилъ я съ усиліемъ.

— Нѣтъ, не скажу. Я ожидалъ больше... Онъ... онъ не такой пошлый человѣкъ, какъ я почиталъ его.

— Ну, а кромѣ его, ты ни у кого не былъ?—спросилъ я, погодя немного.

— Я былъ у Злотницкихъ.

— А!.. (Сердце у меня забилось. Я не смѣлъ взглянуть Пасынкову въ глаза.)—Что жъ она?

— Софья Николаевна — дѣвушка благоразумная, добрая... Да, она добрая дѣвушка. Ей сначала было неловко, но потомъ она успокоилась. Впрочемъ, весь нашъ разговоръ продолжался не болѣе пяти минутъ.

— И ты... ей все сказалъ... обо мнѣ... все?

— Я сказалъ, что̀ было нужно.

— Мнѣ ужъ теперь нельзя будетъ больше ходить къ нимъ!—проговорилъ я уныло...

— Отчего же? Нѣтъ, изрѣдка можно. Напротивъ, ты долженъ къ нимъ непремѣнно пойти, чтобъ не подумали чего-нибудь...

— Ахъ, Яковъ, ты меня теперь презирать будешь! — воскликнулъ я, чуть сдерживая слезы.

— Я? презирать тебя?.. (Его ласковые глаза затеплились любовью.) Тебя презирать... глупый человѣкъ! Развѣ тебѣ легко было? Развѣ ты не страдаешь?

Онъ протянулъ мнѣ руку; я бросился къ нему на шею и зарыдалъ.

Спустя нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ я могъ замѣтить, что Пасынковъ былъ очень не въ духѣ, я рѣшился, наконецъ, пойти къ Злотницкимъ. Что̀ я чувствовалъ, вступая къ нимъ въ гостиную, это словами передать трудно; помню, что я едва различалъ лица, и голосъ прерывался въ груди. И Софьѣ было не легче: она видимо принуждала себя заговаривать со мною, но глаза ея такъ же избѣгали моихъ, какъ мои — ея, и въ каждомъ ея движеніи, во всемъ существѣ проглядывало принужденіе, смѣшанное... что̀ таить правду? съ тайнымъ отвращеніемъ. Я постарался какъ можно скорѣе избавить и ее, и себя отъ такихъ тягостныхъ ощущеній. Это свиданіе было, къ счастью, послѣднимъ... передъ ея бракомъ. Внезапная перемѣна въ судьбѣ моей увлекла меня въ

другой конецъ Россіи, и я надолго простился съ Петербургомъ, съ семействомъ Злотницкихъ и, что мнѣ было всего больнѣе, съ добрымъ Яковомъ Пасынковымъ.

II.

Прошло лѣтъ семь. Не считаю нужнымъ разсказывать что именно происходило со мной въ теченіе всего этого времени. Помаялся я-таки по Россіи, заѣзжалъ въ глушь и въ даль, и слава Богу! Глушь и даль не такъ страшны, какъ думаютъ иные, и въ самыхъ потаенныхъ мѣстахъ дремучаго лѣса, подъ валежникомъ и дромомъ, растутъ душистые цвѣты.

Однажды, весной, проѣзжая по дѣламъ службы черезъ небольшой уѣздный городокъ одной изъ отдаленныхъ губерній восточной Россіи, я, сквозь тусклое стеклышко тарантаса, увидѣлъ на площади, передъ лавкой, человѣка, лицо котораго мнѣ показалось чрезвычайно знакомымъ. Я вглядѣлся въ этого человѣка и, къ немалой своей радости, узналъ въ немъ Елисея, слугу Пасынкова.

Я тотчасъ велѣлъ ямщику остановиться, выскочилъ зъ тарантаса и подошелъ къ Елисею.

— Здравствуй, братъ! — проговорилъ я, съ трудомъ скрывая волненье:—ты здѣсь съ своимъ бариномъ?

— Съ бариномъ, — возразилъ онъ медленно и вдругъ воскликнулъ:—Ахъ, батюшка, это вы? Я и не узналъ васъ!

— Ты здѣсь съ Яковомъ Иванычемъ?

— Съ нимъ, батюшка, съ нимъ... А то съ кѣмъ же?

— Веди меня скорѣй къ нему.

— Извольте, извольте! Сюда пожалуйте, сюда... Мы здѣсь, въ трактирѣ стоимъ.

И Елисей повелъ меня черезъ площадь, безпрестанно приговаривая: „Ну, какъ же Яковъ Иванычъ обрадуется!“

Этотъ Елисей, калмыкъ по происхожденію, человѣкъ на видъ крайне безобразный и даже дикій, но добрѣйшей души и неглупый, страстно любилъ Пасынкова и служилъ ему лѣтъ десять.

— Какъ здоровье Якова Иваныча?—спросилъ я его.

Елисей обернулъ ко мнѣ свое темно-желтое личико.

— Ахъ, батюшка, плохо... плохо, батюшка! Вы ихъ не узнаете... Недолго имъ, кажется, остается на свѣтѣ пожить. Оттого-то мы здѣсь и засѣли, а то мы вѣдь въ Одессу ѣхали лѣчиться.

— Откуда же вы ѣдете?

— Изъ Сибири, батюшка.

— Изъ Сибири?

— Точно такъ-съ. Яковъ Иванычъ тамъ на службѣ состояли-съ. Тамъ они и рану получили-съ.

— Развѣ онъ въ военную службу поступилъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Въ статской служили-съ.

„Что за чудеса!“ подумалъ я. Между тѣмъ, мы подошли къ трактиру, и Елисей побѣжалъ впередъ, доложить обо мнѣ. Въ первые годы нашей разлуки мы съ Пасынковымъ переписывались довольно часто, но послѣднее письмо его я получилъ года четыре назадъ, и съ тѣхъ поръ ничего не зналъ о немъ.

— Пожалуйте-съ, пожалуйте-съ!—кричалъ мнѣ Елисей съ лѣстницы: — Яковъ Иванычъ очень желаютъ васъ видѣть-съ.

Я поспѣшно вбѣжалъ по шаткимъ ступенямъ, вошелъ въ темную, маленькую комнату — и сердце во мнѣ перевернулось... На узкой постели, подъ шинелью, блѣдный какъ мертвецъ, лежалъ Пасынковъ и протягивалъ мнѣ обнаженную, исхудалую руку. Я бросился къ нему и судорожно его обнялъ.

— Яша!—воскликнулъ я наконецъ:—что съ тобой?

— Ничего, — отвѣтилъ онъ слабымъ голосомъ: — прихворнулъ немного. Ты какимъ случаемъ сюда попалъ?

Я сѣлъ на стулъ подлѣ постели Пасынкова и, не выпуская его руки изъ своихъ рукъ, началъ глядѣть ему въ лицо. Я узналъ дорогія мнѣ черты: выраженіе его глазъ, его улыбка не измѣнились; но что съ нимъ сдѣлала болѣзнь!

Онъ замѣтилъ впечатлѣніе, которое произвелъ на меня.

— Я дня три не брился,—промолвилъ онъ.—ну, да и не причесанъ, а то я... еще ничего.

— Скажи, пожалуйста, Яша,—началъ я:—что̀ это мнѣ сказалъ Елисей... Ты раненъ?

— А! да, это цѣлая исторія, — возразилъ онъ. — Я тебѣ послѣ разскажу. Точно, я раненъ, и вообрази, чѣмъ? стрѣлой.

— Стрѣлой?

— Да, стрѣлой, только не миѳологической, не стрѣлою амура, а настоящей стрѣлой изъ какого-то прегибкаго дерева, съ искуснымъ остріемъ на концѣ... Очень непріятное ощущеніе производитъ такая стрѣла, особенно когда попадаетъ въ легкія.

— Да какимъ это образомъ? помилуй...

— А вотъ какимъ. Ты знаешь, въ моей судьбѣ было всегда много смѣшного. Помнишь мою комическую переписку по дѣлу вытребованія бумагъ? Вотъ, я и раненъ смѣшно. И въ самомъ дѣлѣ, какой порядочный человѣкъ, въ наше просвѣщенное столѣтіе, позволитъ себя ранить стрѣлой? И не случайно — замѣть, не во время какихъ-нибудь игрищъ, а на сраженіи.

— Да ты все мнѣ не говоришь...

— А вотъ, постой, — перебилъ онъ. — Ты знаешь, что меня скоро послѣ твоего отъѣзда изъ Петербурга перевели въ Новгородъ. Въ Новгородѣ я провелъ довольно много времени и, признаться, скучалъ, хотя я и тамъ встрѣтился съ однимъ существомъ... (Онъ вздохнулъ)... Но теперь не до того; а года два назадъ вышло мнѣ прекрасное мѣстечко, правда, далеко немножко, въ Иркутской губерніи, да что за бѣда! Видно, намъ съ отцомъ на роду было написано посѣтить Сибирь. Славный край Сибирь! Богатый, привольный—это тебѣ всякій скажетъ. Очень мнѣ тамъ понравилось. Инородцы у меня подъ началомъ состояли; народъ смирный; да на мою бѣду, вздумалось имъ, человѣкамъ десяти, не больше, контрабанду провезти. Меня послали ихъ перехватить. Перехватить-то я ихъ перехватилъ, да одинъ изъ нихъ, сдуру, должно-быть, захотѣлъ защищаться, да и попотчивалъ меня этой стрѣлой... Я-было чуть не умеръ, однако оправился. Теперь, вотъ, ѣду окончательно вылѣчиться... Начальство, дай Богъ имъ всѣмъ здоровья, денегъ дало.

Пасынковъ въ изнеможеніи опустилъ голову на подушку

и умолкъ. Слабый румянецъ разлился по его щекамъ. Онъ закрылъ глаза.

— Много говорить не могутъ,—проговорилъ вполголоса Елисей, не выходившій изъ комнаты.

Наступило молчаніе; только и слышалось, что тяжелое дыханіе больного.

— Да вотъ,—продолжалъ онъ, опять открывъ глаза:— вторую недѣлю сижу въ этомъ городишкѣ... простудился, должно-быть. Меня лѣчитъ здѣшній уѣздный врачъ—ты его увидишь; онъ, кажется, дѣло свое знаетъ. Впрочемъ, я очень этому случаю радъ, а то какъ бы я съ тобою встрѣтился? (И онъ взялъ меня за руку. Его рука, еще недавно холодная какъ ледъ, теперь пылала.)—Разскажи ты мнѣ что-нибудь о себѣ,—заговорилъ онъ опять, откидывая отъ груди шинель:—вѣдь мы съ тобой Богъ знаетъ когда видѣлись.

Я поспѣшилъ исполнить желаніе его, лишь бы не дать ему говорить, и принялся разсказывать. Онъ сперва слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ, потомъ попросилъ пить, а тамъ опять началъ закрывать глаза и метаться головой по подушкѣ. Я посовѣтовалъ ему соснуть немного, прибавивъ, что не поѣду дальше, пока онъ не поправится, и помѣщусь въ комнатѣ съ нимъ рядомъ.— Здѣсь очень скверно... началъ-было Пасынковъ; но я зажалъ ему ротъ и тихо вышелъ. Елисей тоже вышелъ вслѣдъ за мной.

— Что же это, Елисей? вѣдь онъ умираетъ?—спросилъ я вѣрнаго слугу.

Елисей только махнулъ рукой и отвернулся.

Отпустивъ ямщика и наскоро перебравшись въ смежную комнату, я отправился посмотрѣть, не заснулъ ли Пасынковъ. У двери его я столкнулся съ человѣкомъ высокаго роста, очень толстымъ и грузнымъ. Лицо его, рябое и пухлое, выражало лѣнь—и больше ничего; крохотные глазки такъ и слипались, и губы лоснились, какъ послѣ сна.

— Позвольте узнать,—спросилъ я его:—вы не докторъ ли?

Толстый человѣкъ посмотрѣлъ на меня, усиленно приподнявъ бровями свой нависшій лобъ.

— Точно такъ-съ,—промолвилъ онъ наконецъ.

— Сдѣлайте одолженіе, г. докторъ, не угодно ли вамъ пожаловать сюда, ко мнѣ въ комнату? Яковъ Иванычъ, кажется, теперь спитъ, я его пріятель и желалъ бы поговорить съ вами объ его болѣзни, которая меня очень безпокоитъ.

— Очень хорошо-съ, — отвѣчалъ докторъ съ такимъ выраженіемъ, какъ-будто желая сказать: „Охота тебѣ такъ много говорить; я бы и такъ пошелъ", и направился вслѣдъ за мной.

— Скажите, пожалуйста,—началъ я, какъ только онъ опустился на стулъ: — состояніе моего пріятеля опасно? какъ вы находите?

— Да,—спокойно отвѣчалъ толстякъ.

— И... очень оно опасно?

— Да, опасно.

— Такъ что онъ даже... умереть можетъ?

— Можетъ.

Признаюсь, я почти съ ненавистью посмотрѣлъ на моего собесѣдника.

— Такъ помилуйте,—началъ я:—надобно прибѣгнуть къ какимъ-нибудь мѣрамъ, консиліумъ созвать, что ли... Вѣдь нельзя же такъ... Помилуйте!

— Консиліумъ? — можно. Отчего жъ? Можно. Ивана Ефремыча позвать...

Докторъ говорилъ съ трудомъ и безпрестанно вздыхалъ. Желудокъ его замѣтно приподнимался, когда онъ говорилъ, какъ бы выпирая каждое слово.

— Кто такой Иванъ Ефремычъ?

— Городской врачъ.

— Не послать ли въ губернскій городъ—какъ вы думаете? Тамъ навѣрное есть хорошіе доктора.

— Что жъ? можно.

— А кто тамъ лучшимъ врачемъ почитается?

— Лучшимъ? Былъ тамъ Кольрабусъ докторъ... только его чуть ли не перевели куда-то. Впрочемъ, признаться, оно и не нужно посылать-то.

— Почему же?

— Вашему пріятелю и губернскій докторъ не поможетъ.

— Развѣ онъ такъ плохъ?

— Да-таки, наткнулся.

— Чѣмъ же онъ собственно боленъ?

— Рану получилъ... Легкія, значитъ, пострадали... ну, тутъ еще простудился, сдѣлался жаръ... ну, и прочее. А запасной экономіи нѣтъ: безъ запасной экономіи, вы сами знаете, человѣку невозможно.

Мы оба помолчали.

— Развѣ гомеопатіей попробовать...—проговорилъ толстякъ, искоса взглянувъ на меня.

— Какъ гомеопатіей? Вѣдь вы аллопатъ?

— Такъ что жъ что аллопатъ! Вы думаете, что я гомеопатію не знаю? Не хуже другого. Здѣсь, у насъ, аптекарь гомеопатіей лѣчитъ, а онъ и ученой степени никакой не имѣетъ.

„Ну", подумалъ я: „плохо дѣло!.."—Нѣтъ, г. докторъ,—промолвилъ я:—вы ужъ лучше лѣчите по вашей обыкновенной методѣ.

— Какъ угодно-съ.

Толстякъ всталъ и вздохнулъ.

— Вы идете къ нему?—спросилъ я.

— Да, надо посмотрѣть.

И онъ вышелъ.

Я не пошелъ за нимъ: видѣть его у постели моего бѣднаго больного друга было свыше силъ моихъ. Я кликнулъ своего человѣка и приказалъ ему тотчасъ же ѣхать въ губернскій городъ, спросить тамъ лучшаго врача и привезти его непремѣнно. Что-то застучало въ коридорѣ; я быстро отворилъ дверь.

Докторъ уже выходилъ отъ Пасынкова.

— Ну, что?—спросилъ я его шопотомъ.

— Ничего, микстуру прописалъ.

— Я, г. докторъ, рѣшился послать въ губернскій городъ. Не сомнѣваюсь въ вашемъ искусствѣ, но вы знаете сами: умъ хорошо, а два лучше.

— Ну что жъ, это похвально! — возразилъ толстякъ и началъ спускаться по лѣстницѣ. Я ему видимо надоѣдалъ.

Я вошелъ къ Пасынкову.

— Видѣлъ ты здѣшняго эскулапа?—спросилъ онъ меня.

— Видѣлъ,—отвѣчалъ я.

— Мнѣ что̀ нравится въ немъ, — заговорилъ Пасынковъ: — это его удивительное спокойствіе. Доктору слѣдуетъ быть флегматикомъ, не правда ли? Это очень ободрительно для больного.

Я, разумѣется, не сталъ разувѣрять его.

Къ вечеру Пасынкову, противъ ожиданія моего, сдѣлалось легче. Онъ попросилъ Елисея поставить самоваръ, объявилъ мнѣ, что будетъ угощать меня чаемъ и самъ выпьетъ чашечку, и замѣтно повеселѣлъ. Я, однако, всетаки старался не давать ему разговаривать, и видя, что онъ никакъ не хочетъ угомониться, спросилъ его, не желаетъ ли онъ, чтобъ я ему прочелъ что-нибудь?

— Какъ у Винтеркеллера—помнишь?—отвѣтилъ онъ:— изволь, съ удовольствіемъ. Что же мы будемъ читать? Посмотри-ка, тамъ у меня на окнѣ книги...

Я подошелъ къ окну и взялъ первую книгу, попавшуюся мнѣ подъ руку...

— Что это?—спросилъ онъ.

— Лермонтовъ.

— А, Лермонтовъ! Прекрасно! Пушкинъ выше, конечно... Помнишь: „Снова тучи надо мною собралися въ тишинѣ“... или: „Въ послѣдній разъ твой образъ милый дерзаю мысленно ласкать“. Ахъ, чудо! чудо! Но и Лермонтовъ хорошъ. Ну, знаешь что, братъ: возьми, раскрой на удачу и читай!

Я раскрылъ книгу и смутился: мнѣ попалось „Завѣщаніе“. Я хотѣлъ-было перевернуть страницу, но Пасынковъ замѣтилъ мое движеніе и торопливо проговорилъ: „нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, читай то, что̀ вскрылось.

Дѣлать было нечего: я прочелъ „Завѣщаніе“.

— Славная вещь!—проговорилъ Пасынковъ, какъ только я произнесъ послѣдній стихъ. — Славная вещь! А странно, — прибавилъ онъ, помолчавъ немного: — странно, что тебѣ именно „Завѣщаніе“ попалось... Странно!

Я началъ читать другое стихотвореніе, но Пасынковъ

не слушалъ меня, глядѣлъ куда-то въ сторону, и раза два еще повторилъ: „странно!“

Я опустилъ книгу на колѣни.

— „Сосѣдка есть у нихъ одна“, — прошепталъ онъ, и вдругъ, обратившись ко мнѣ, спросилъ:—А что, помнишь ты Софью Злотницкую?

Я покраснѣлъ.

— Какъ не помнить!

— Вѣдь она замужъ вышла?

— За Асанова, давнымъ-давно. Я тебѣ писалъ объ этомъ.

— Точно, точно, писалъ. Отецъ ее простилъ наконецъ?

— Простилъ, но Асанова не принялъ.

— Упрямый старикъ! Ну, а какъ слышно, счастливо они живутъ?

— Не знаю, право... кажется, счастливо. Они въ деревнѣ живутъ, въ ***ой губерніи; я ихъ не видалъ, но проѣзжалъ мимо.

— И дѣти есть у нихъ?

— Кажется, есть... Кстати, Пасынковъ?—спросилъ я.

Онъ взглянулъ на меня.

— Признайся, ты, помнится, тогда не хотѣлъ отвѣчать на мой вопросъ: вѣдь ты сказалъ ей, что я ее любилъ?

— Я все ей сказалъ, всю правду... Я ей всегда правду говорилъ. Скрытничать передъ ней—это былъ бы грѣхъ!

Пасынковъ помолчалъ.

— Ну, а скажи мнѣ,—началъ онъ опять: — скоро ты разлюбилъ ее, или нѣтъ?

— Не скоро, но разлюбилъ. Что пользы вздыхать понапрасну?

Пасынковъ перевернулся ко мнѣ лицомъ.

— А я, братъ,—началъ онъ—и губы его задрожали:— не тебѣ чета: я до сихъ поръ не разлюбилъ ее.

— Какъ! — воскликнулъ я съ невыразимымъ изумленіемъ:—развѣ ты любилъ ее?

— Любилъ, — медленно проговорилъ Пасынковъ, и занесъ обѣ руки за голову. — Какъ я ее любилъ, это извѣстно одному Богу. Никому я не говорилъ объ этомъ, никому въ мірѣ, и не хотѣлъ никому говорить... да ужъ

такъ! „На свѣтѣ мало, говорятъ, мнѣ остается жить“... Куда ни шло!

Неожиданное признаніе Пасынкова до того меня удивило, что я рѣшительно не могъ ничего сказать, и только думалъ: „возможно ли? какъ же я этого не подозрѣвалъ?“

— Да, — продолжалъ онъ, какъ бы говоря съ самимъ собою: — я ее любилъ. Я не пересталъ ее любить даже тогда, когда узналъ, что сердце ея принадлежитъ Асанову. Но тяжело мнѣ было узнать это! Если бъ она тебя полюбила, я бы, по крайней мѣрѣ, за тебя порадовался: но Асановъ... Чѣмъ онъ могъ ей понравиться? Его счастье! А измѣнить своему чувству, разлюбить она ужъ не могла. Честная душа не мѣняется...

Я вспомнилъ посѣщеніе Асанова послѣ рокового обѣда, вмѣшательство Пасынкова, и невольно всплеснулъ руками.

— Ты отъ меня все это узналъ, бѣднякъ!—воскликнулъ я:—и ты же взялся пойти къ ней тогда!

— Да,—заговорилъ опять Пасынковъ:—это объясненіе съ ней... я его никогда не забуду. Вотъ когда я узналъ, вотъ когда я понялъ, что̀ значитъ давно мною избранное слово: Resignation. Но все же она осталась моей постоянной мечтой, моимъ идеаломъ... А жалокъ тотъ, кто живетъ безъ идеала!

Я глядѣлъ на Пасынкова: глаза его, словно устремленные въ даль, блестѣли лихорадочнымъ блескомъ.

— Я любилъ ее,—продолжалъ онъ:—я любилъ ее, ее, спокойную, честную, недоступную, неподкупную; когда она уѣхала, я чуть не помѣшался съ горя... Съ тѣхъ поръ я ужъ никого не любилъ...

И вдругъ, отвернувшись, онъ прижалъ лицо къ подушкѣ и тихо заплакалъ.

Я вскочилъ, нагнулся къ нему и началъ утѣшать его...

— Ничего, — промолвилъ онъ, приподнявъ голову и встряхнувъ волосами:—это такъ; немножко горько стало, немножко жалко... себя, то-есть... Но все это ничего. Все стихи виноваты. Прочти-ка мнѣ другіе, повеселѣе.

Я взялъ Лермонтова, сталъ быстро переворачивать страницы; но мнѣ, какъ нарочно, все попадались стихотворенія,

которыя могли опять взволновать Пасынкова. Наконецъ, я прочелъ ему „Дары Терека“.

— Трескотня риторическая!—проговорилъ мой бѣдный другъ тономъ наставника:—а есть хорошія мѣста. Я, братъ, безъ тебя самъ попытался въ поэзію пуститься и началъ одно стихотвореніе: „Кубокъ жизни“—ничего не вышло! Наше дѣло, братъ, сочувствовать, не творить... Однако, я что-то усталъ; сосну-ка я маленько—какъ ты полагаешь? Экая славная вещь сонъ, подумаешь! Вся жизнь наша сонъ, и лучшее въ ней опять-таки сонъ.

— А поэзія?—спросилъ я.

— И поэзія сонъ, только райскій.

Пасынковъ закрылъ глаза.

Я постоялъ немного у его постели. Не думалъ я, чтобъ онъ могъ скоро уснуть, однако дыханіе его становилось ровнѣе и продолжительнѣе. Я на цыпочкахъ вышелъ вонъ, вернулся въ свою комнату и легъ на диванъ. Долго думалъ я о томъ, что мнѣ сказалъ Пасынковъ, припоминалъ многое, дивился, наконецъ заснулъ самъ...

Кто-то толкнулъ меня; я очнулся: передо мной стоялъ Елисей.

— Пожалуйте къ барину,—сказалъ онъ.

Я тотчасъ всталъ.

— Что съ нимъ?

— Бредитъ.

— Бредитъ? А прежде съ нимъ этого не бывало?

— Нѣтъ, и въ прошедшую ночь бредилъ, только сегодня что-то страшно.

Я вошелъ въ комнату Пасынкова. Онъ не лежалъ, а сидѣлъ на своей постели, наклонясь всѣмъ туловищемъ впередъ, тихо разводилъ руками, улыбался и говорилъ, все говорилъ голосомъ беззвучнымъ и слабымъ, какъ шелестъ тростника. Глаза его блуждали. Печальный свѣтъ ночника, поставленнаго на полу и загороженнаго книгою, лежалъ недвижнымъ пятномъ на потолкѣ; лицо Пасынкова казалось еще блѣднѣе въ полумракѣ.

Я подошелъ къ нему, окликнулъ его—онъ не отозвался. Я сталъ прислушиваться къ его лепету: онъ бредилъ

о Сибири, о ея лѣсахъ. По временамъ былъ смыслъ въ его бредѣ.

„Какія деревья!—шепталъ онъ:—до самаго неба. Сколько на нихъ инею! Серебро... Сугробы... А вотъ слѣды маленькіе... то зайка скакалъ, то бѣлъ горностай... Нѣтъ, это отецъ пробѣжалъ съ моими бумагами. Вонъ онъ... Вонъ онъ! Надо идти; луна свѣтитъ. Надо идти, сыскать бумаги... А! Цвѣтокъ, алый цвѣтокъ—тамъ Софья... Вотъ, колокольчики звенятъ, то морозъ звенитъ... Ахъ, нѣтъ; это глупые снѣгири по кустамъ прыгаютъ, свистятъ... Вишь, краснозобые! Холодно... А! вотъ Асановъ... Ахъ да, вѣдь онъ пушка—мѣдная пушка, и лафетъ у него зеленый. Вотъ отчего онъ нравится. Звѣзда покатилась? Нѣтъ, это стрѣла летитъ... Ахъ, какъ скоро, и прямо мнѣ въ сердце!.. Кто это выстрѣлилъ? Ты, Сонечка?“

Онъ нагнулъ голову и началъ шептать безсвязныя слова. Я взглянулъ на Елисея: онъ стоялъ, заложивъ руки за спину, и жалостно глядѣлъ на своего господина.

— А что, братъ, ты сдѣлался практическимъ человѣкомъ? — спросилъ онъ вдругъ, устремивъ на меня такой ясный, такой сознательный взглядъ, что я невольно вздрогнулъ и хотѣлъ-было отвѣтить, но онъ тотчасъ же продолжалъ. — А я, братъ, не сдѣлался практическимъ человѣкомъ, не сдѣлался, что̀ ты будешь дѣлать! Мечтателемъ родился, мечтателемъ! Мечта, мечта... Что такое мечта? Мужикъ Собакевича—вотъ мечта. Охъ!..

Почти до самаго утра бредилъ Пасынковъ; наконецъ, онъ понемногу утихъ, опустился на подушку и задремалъ. Я вернулся къ себѣ въ комнату. Измученный жестокою ночью, я заснулъ крѣпко.

Елисей опять меня разбудилъ.

— Ахъ, батюшка! — заговорилъ онъ трепетнымъ голосомъ:—мнѣ сдается, Яковъ Иванычъ помираетъ...

Я побѣжалъ къ Пасынкову. Онъ лежалъ неподвижно. При свѣтѣ начинавшаго дня онъ ужъ казался мертвецомъ. Онъ узналъ меня.

— Прощай,—прошепталъ онъ:—поклонись ей, умираю...

— Яша!—воскликнулъ я:—полно! ты будешь жить...

— Нѣтъ, куда! Умираю... Вотъ, возьми себѣ на память... (Онъ указалъ рукой на грудь)...

— Что это? — заговорилъ онъ вдругъ: — посмотри-ка: море... все золотое, и по немъ голубые острова, мраморные храмы, пальмы, ѳиміамъ...

Онъ умолкъ... потянулся...

Черезъ полчаса его не стало. Елисей съ плачемъ припалъ къ его ногамъ. Я закрылъ ему глаза.

На шеѣ у него была небольшая шелковая ладонка на черномъ шнуркѣ. Я взялъ ее къ себѣ.

На третій день его похоронили... Благороднѣйшее сердце скрылось навсегда въ могилѣ! Я самъ бросилъ на него первую горсть земли.

III.

Прошло еще полтора года. Дѣла заставили меня заѣхать въ Москву. Я поселился въ одной изъ хорошихъ тамошнихъ гостиницъ. Однажды, проходя по коридору, взглянулъ я на черную доску съ именами проѣзжихъ, и чуть не вскрикнулъ отъ изумленія: противъ 12-го нумера стояло, четко написанное мѣломъ, имя Софьи Николаевны Асановой. Въ послѣднее время я случайно услышалъ много нехорошаго о ея мужѣ; узналъ, что онъ пристрастился къ вину, къ картамъ, разорился, и вообще дурно ведетъ себя. О его женѣ отзывались съ уваженіемъ... Не безъ волненія вернулся я къ себѣ въ комнату. Давнымъ-давно застывшая страсть какъ-будто шевельнулась въ сердцѣ, и оно забилось. Я рѣшился сходить къ Софьѣ Николаевнѣ. „Сколько времени протекло со дня нашей разлуки“, думалъ я: „она, вѣроятно, забыла все, что было тогда между нами“.

Я послалъ къ ней Елисея, котораго послѣ смерти Пасынкова взялъ къ себѣ въ услуженіе, съ моей визитной карточкой, и велѣлъ спросить, дома ли она, и могу ли я ее видѣть. Елисей скоро вернулся и объявилъ, что Софья Николаевна дома и принимаетъ.

Я отправился къ Софьѣ Николаевнѣ. Когда я вошелъ къ ней, она стояла посреди комнаты и прощалась съ ка-

кимъ-то высокимъ и плотнымъ господиномъ. „Какъ вы хотите, — говорилъ онъ густымъ и зычнымъ голосомъ: — онъ не безвредный человѣкъ, онъ безполезный человѣкъ; а всякій безполезный человѣкъ въ благоустроенномъ обществѣ вреденъ, вреденъ, вреденъ!“

Съ этими словами высокій господинъ вышелъ. Софья Николаевна обратилась ко мнѣ.

— Какъ давно мы не видались! — проговорила она. — Сядьте, прошу васъ...

Мы сѣли. Я посмотрѣлъ на нее... Увидѣть, послѣ долгой разлуки, черты лица, нѣкогда дорогого, быть-можетъ любимаго, узнавать ихъ и не узнавать, какъ-будто сквозь прежній, все еще не забытый обликъ—выступилъ другой, хотя похожій, но чуждый; мгновенно, почти невольно замѣтить слѣды, наложенные временемъ—все это довольно грустно. „И я, должно-быть, также измѣнился“, думаетъ каждый про себя...

Впрочемъ, Софья Николаевна не очень постарѣла; но когда я видѣлъ ее въ послѣдній разъ—ей минулъ 16-й годъ, а съ тѣхъ поръ прошло девять лѣтъ. Черты лица ея стали еще правильнѣе и строже; онѣ попрежнему выражали искренность чувствъ и твердость, но вмѣсто прежняго спокойствія, въ нихъ высказывалась какая-то затаенная боль и тревога. Глаза ея углубились и потемнѣли. Она стала походить на свою мать...

Софья Николаевна первая начала разговоръ.

— Перемѣнились мы оба,—начала она.—Гдѣ вы были все это время?

— Скитался кой-гдѣ,—отвѣтилъ я.—А вы все въ деревнѣ жили?

— Большею частью въ деревнѣ. Я и теперь здѣсь только проѣздомъ.

— Что ваши родители?

— Матушка моя скончалась, а батюшка все въ Петербургѣ; братъ на службѣ; Варя съ ними живетъ.

— А вашъ супругъ?

— Мой мужъ?—заговорила она нѣсколько торопливымъ голосомъ:—онъ теперь въ южной Россіи, на ярмаркахъ.

Онъ, вы знаете, всегда любилъ лошадей, и конскій заводъ у себя завелъ... такъ вотъ, для этого... онъ лошадей теперь покупаетъ.

Въ это мгновенье вошла въ комнату дѣвочка лѣтъ восьми, причесанная по-китайски, съ очень острымъ и живымъ личикомъ, съ большими темно-сѣрыми глазами. Увидѣвъ меня, она тотчасъ отставила свою маленькую ножку, проворно присѣла и подошла къ Софьѣ Николаевнѣ.

— Вотъ, рекомендую вамъ, моя дочка,—сказала Софья Николаевна, тронувъ дѣвочку пальцемъ подъ кругленькій подбородокъ:—никакъ не хотѣла дома остаться—упросила меня взять ее съ собой.

Дѣвочка окинула меня своими быстрыми глазами и чуть-чуть прищурилась.

— Она у меня молодецъ, — продолжала Софья Николаевна: — ничего не боится. И учится хорошо; за это я должна ее похвалить.

— Comment se nomme monsieur?—спросила вполголоса дѣвочка, нагнувшись къ матери.

Софья Николаевна назвала меня. Дѣвочка опять на меня взглянула.

— Васъ какъ зовутъ?—спросилъ я ее.

— Меня зовутъ Лидіей,—отвѣтила дѣвочка, смѣло глядя мнѣ въ глаза.

— Васъ, должно-быть, балуютъ,—замѣтилъ я.

— Кто меня балуетъ?

— Какъ кто? да я думаю всѣ, начиная съ вашихъ родителей. (Дѣвочка молча посмотрѣла на свою мать.) Я воображаю, Константинъ Александрычъ,—продолжалъ я...

— Да, да,—подхватила Софья Николаевна, между тѣмъ какъ дочка ея не спускала съ нея внимательнаго взора:—мужъ мой, конечно... онъ очень любитъ дѣтей...

Странное выраженіе промелькнуло въ умномъ личикѣ Лидіи. Ея губки слегка надулись; она потупилась.

— Скажите,—поспѣшно прибавила Софья Николаевна:—вѣдь вы здѣсь по дѣламъ?

— По дѣламъ... И вы также?

— И я... Въ отсутствіе мужа, вы понимаете, поневолѣ займешься дѣлами.

— Maman!—начала-было Лидія.

— Quoi, mon enfant?

— Non—rien... Je te dirai après.

Софья Николаевна усмѣхнулась и пожала плечомъ.

Мы оба помолчали, а Лидія съ важностью скрестила руки на груди.

— Скажите, пожалуйста, — начала опять Софья Николаевна:—помнится, у васъ былъ пріятель... какъ его бишь звали? такое доброе у него было лицо... онъ все стихи читалъ; такой восторженный...

— Не Пасынковъ ли?

— Да, да, Пасынковъ... гдѣ онъ теперь?

— Онъ умеръ.

— Умеръ?—повторила Софья Николаевна:—какъ жаль!..

— Я его видала? — спросила торопливымъ шопотомъ дѣвочка.

— Нѣтъ, Лидія, не видала. Какъ жаль! — повторила Софья Николаевна.

— Вы жалѣете о немъ...—началъ я:—что жъ, если бъ вы его знали, какъ я зналъ его?.. Но позвольте спросить: почему вы заговорили именно о немъ?

— Такъ, не знаю, право... — (Софья Николаевна опустила глаза.)—Лидія,—прибавила она: — ступай къ своей нянѣ.

— Ты меня позовешь, когда можно будетъ?—спросила дѣвочка.

— Позову.

Дѣвочка вышла. Софья Николаевна обратилась ко мнѣ.

— Разскажите мнѣ, пожалуйста, все, что̀ вы знаете о Пасынковѣ.

Я началъ разсказывать. Я очертилъ, въ краткихъ словахъ, всю жизнь моего друга, постарался, насколько сумѣлъ, изобразить душу его, описалъ его послѣднюю встрѣчу со мною, его кончину.

— И вотъ какой человѣкъ,—воскликнулъ я, оканчивая свой разсказъ: — отошелъ отъ насъ, незамѣченный, почти

не оцѣненный! И это бы еще не бѣда. Что̀ значитъ людская оцѣнка? Но мнѣ больно, мнѣ обидно то, что такой человѣкъ, съ такимъ любящимъ и преданнымъ сердцемъ, умеръ, не испытавъ ни разу блаженства взаимной любви, не возбудивъ участія ни въ одномъ женскомъ сердцѣ, его достойномъ!.. Пускай нашъ братъ не извѣдаетъ этого блаженства: онъ его и не сто̀итъ; но Пасынковъ!.. И притомъ, развѣ не встрѣчалъ я на своемъ вѣку тысячу людей, которые ни въ какомъ отношеніи не могли съ нимъ сравниться, и которыхъ любили? Неужели же должно думать, что нѣкоторые недостатки въ человѣкѣ — самоувѣренность, напримѣръ, или легкомысліе—необходимы для того, чтобъ женщина къ нему привязалась? Или любовь боится совершенства, возможнаго на землѣ совершенства, какъ чего-то чуждаго и страшнаго для нея?

Софья Николаевна выслушала меня до конца, не спуская съ меня своихъ строгихъ и проницательныхъ глазъ и не разжимая губъ; только брови ея изрѣдка морщились.

— Почему вы полагаете, — промолвила она, помолчавъ немного:—что вашего друга ни одна женщина не полюбила?

— Потому, что я это знаю, знаю навѣрное.

Софья Николаевна хотѣла-было что-то сказать и остановилась. Она, казалось, боролась сама съ собой.

— Вы ошибаетесь,—заговорила она наконецъ:—я знаю женщину, которая горячо полюбила вашего покойнаго друга; она любитъ и помнитъ его до сихъ поръ... и вѣсть о его кончинѣ поразитъ ее глубоко.

— Кто эта женщина?—позвольте узнать.

— Моя сестра, Варя.

— Варвара Николаевна!—воскликнулъ я съ изумленіемъ.

— Да.

— Какъ? Варвара Николаевна?—повторилъ я:—эта...

— Я договорю вашу мысль, — продолжала Софья Николаевна:—эта холодная, равнодушная, вялая, по-вашему, дѣвушка любила вашего друга: оттого она не вышла замужъ и не выйдетъ. До нынѣшняго дня я одна про это знала: Варя умерла бы скорѣе, чѣмъ выдать свою тайну. Въ нашей семьѣ мы умѣемъ молчать и терпѣть.

Я долго и пристально посмотрѣлъ на Софью Николаевну, невольно размышляя о горькомъ значеніи ея послѣднихъ словъ.

— Вы меня удивили, — промолвилъ я наконецъ. — Но знаете ли, Софья Николаевна, если бъ я не боялся возбудить въ васъ непріятныхъ воспоминаній, я тоже, въ свою очередь, могъ бы удивить васъ...

— Я васъ не понимаю,—возразила она медленно и съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Вы, точно, меня не понимаете,—сказалъ я, поспѣшно вставая:—и потому позвольте мнѣ, вмѣсто словеснаго объясненія, прислать вамъ одну вещь...

— Но что такое?—спросила она.

— Не безпокойтесь, Софья Николаевна, рѣчь идетъ не обо мнѣ.

Я поклонился и вернулся къ себѣ въ комнату, досталъ ладонку, снятую мною съ Пасынкова, и послалъ ее къ Софьѣ Николаевнѣ съ слѣдующей запиской:

„Ладонку эту покойный мой другъ носилъ постоянно на груди и скончался съ нею. Въ ней находится одна ваша записка къ нему, совершенно незначительная по содержанію; вы можете прочесть ее. Онъ носилъ ее потому, что любилъ васъ страстно, въ чемъ онъ признался мнѣ только наканунѣ своей смерти. Теперь, когда онъ умеръ, почему вамъ не узнать, что и его сердце вамъ принадлежало?“

Елисей скоро вернулся и принесъ мнѣ обратно ладонку.

— Что?—спросилъ я: — она ничего не велѣла сказать мнѣ?

— Ничего-съ.

Я промолчалъ.

— Прочла она мою записку?

— Должно-быть, прочитали-съ; ихняя дѣвушка къ нимъ носила.

„Недоступная“, подумалъ я, вспомнивъ послѣднія слова Пасынкова.—Ну, ступай,—промолвилъ я громко.

Елисей улыбнулся какъ-то странно и не вышелъ.

— Къ вамъ-съ...—началъ онъ:—пришла одна дѣвушка.

— Какая дѣвушка?

Елисей помолчалъ.

— Вамъ покойный баринъ ничего не говорили-съ?

— Нѣтъ... Что̀ такое?

— Они, какъ въ Новгородѣ были, — продолжалъ онъ, трогая рукой притолку:—съ одной, примѣрно сказать, дѣвушкой знакомство свели. Такъ вотъ, эта дѣвушка васъ видѣть желаютъ-съ. Я ее намедни на улицѣ встрѣтилъ. Я ей сказалъ: „приходи; коли баринъ прикажетъ, я пущу“.

— Проси, проси ее, разумѣется. Да что... какая она?

— Простая-съ... изъ мѣщанокъ-съ... русская.

— Покойный Яковъ Иванычъ любилъ ее?

— Ничего... любили-съ. Ну, она... какъ узнала, что баринъ скончался, оченно убивалась. Дѣвушка, ничего, хорошая-съ.

— Проси ее, проси.

Елисей вышелъ и тотчасъ же возвратился. За нимъ шла дѣвушка въ ситцевомъ, пестромъ платьѣ и съ темнымъ платкомъ на головѣ, до половины закрывавшимъ ея лицо. Увидѣвъ меня, она застыдилась и отвернулась.

— Чего ты?—сказалъ ей Елисей:—ступай, не бойся.

Я подошелъ къ ней и взялъ ее за руку.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ я ее.

— Машей,—отвѣчала она тихимъ голосомъ, украдкой взглянувъ на меня.

На видъ она казалась лѣтъ 22-хъ или 23-хъ; лицо имѣла круглое, довольно простое, но пріятное, нѣжныя щеки, кроткіе голубые глаза и маленькія, очень красивыя и чистыя руки. Одѣта она была опрятно.

— Вы знали Якова Иваныча?—продолжалъ я.

— Знавала-съ,—проговорила она, подергивая кончики платка, и слезы выступили на ея вѣки.

Я попросилъ ее сѣсть.

Она тотчасъ сѣла на край стула, не чинясь и не жеманясь. Елисей вышелъ.

— Вы съ нимъ въ Новгородѣ познакомились?

— Въ Новгородѣ-съ,—отвѣчала она, заложивъ обѣ руки подъ платокъ. — Я только третьяго дня отъ Елисея Ти-

моѳеича узнала о ихъ кончинѣ-съ. Яковъ Иванычъ, какъ въ Сибирь отъѣхали, писать обѣщались, и два раза писали, а больше не писали-съ. Я бы за ними въ Сибирь поѣхала, да они не хотѣли-съ.

— У васъ въ Новгородѣ есть родственники?

— Есть.

— Вы съ ними жили?

— Я жила съ матушкой и съ сестрой съ замужней; а послѣ матушка на меня прогнѣвалась; да и сестрѣ тѣсно стало: у нихъ дѣтей много; я и переѣхала. Я всегда надѣялась на Якова Иваныча и ничего не желала, какъ только его видѣть, а они со мной завсегда были ласковы— спросите хоть Елисея Тимоѳеича.

Маша помолчала.

— У меня письма ихъ есть,—продолжала она. — Вотъ посмотрите-съ.

Она достала изъ кармана нѣсколько писемъ и подала мнѣ.—Прочтите-съ,—прибавила она.

Я развернулъ одно письмо и узналъ руку Пасынкова.

„Милая Маша! (писалъ онъ крупнымъ, разборчивымъ почеркомъ) ты вчера прислонилась своей головкой къ моей головѣ, и когда я спросилъ: зачѣмъ ты это дѣлаешь? ты мнѣ сказала: хочу послушать, о чемъ вы думаете. Я тебѣ скажу о чемъ я думалъ: я думалъ, какъ хорошо бы выучиться Машѣ грамотѣ! Она бы вотъ это письмо разобрала“...

Маша заглянула въ письмо.

— Это они мнѣ еще въ Новѣгородѣ писали-съ, — проговорила она:—когда они меня грамотѣ учить собирались. Посмотрите другія-съ. Тамъ есть одно изъ Сибири-съ. Вотъ то̀ прочтите-съ.

Я прочелъ письма. Всѣ они были очень ласковы, даже нѣжны. Въ одномъ изъ нихъ, именно въ первомъ письмѣ изъ Сибири, Пасынковъ называлъ Машу своимъ лучшимъ другомъ, обѣщался выслать ей деньги на поѣздку въ Сибирь, и кончилъ слѣдующими словами: „Цѣлую твои хорошенькія ручки; у здѣшнихъ дѣвушекъ такихъ ручекъ нѣту; да и головы ихъ не чета твоей, и сердца̀ тоже...

Читай книжки, которыя я тебѣ подарилъ, и помни меня, а я тебя не забуду. Ты одна, одна меня любила: такъ и я-жъ тебѣ одной принадлежать хочу“...

— Я вижу, онъ къ вамъ очень былъ привязанъ,—сказалъ я, возвращая ей письма.

— Они меня очень любили,—возразила Маша, тщательно укладывая письма въ карманъ, и слезы тихонько потекли по ея щекамъ. — Я всегда на нихъ надѣялась; если бъ Господь продлилъ имъ вѣку, они бы не оставили меня. Дай Богъ имъ царство небесное!..

Она утерла глаза кончикомъ платка.

— Гдѣ же вы теперь живете?—спросилъ я.

— Теперь я здѣсь, въ Москвѣ; пріѣхала съ барыней: а теперь безъ мѣста. Къ Яковъ-Иванычевой тетенькѣ ходила, да онѣ сами очень бѣдны. Мнѣ Яковъ Иванычъ часто о васъ говаривали-съ? — прибавила она вставая и кланяясь:—они очень васъ всегда любили и помнили. Я вотъ Елисея Тимоѳеича третьяго-дня встрѣтила и подумала: не захотите ли вы помочь мнѣ, такъ-какъ я безъ мѣста теперь стала...

— Съ большимъ удовольствіемъ, Марья... позвольте спросить, какъ васъ по отчеству?

— Петрова,—отвѣтила Маша и потупилась.

— Все сдѣлаю для васъ, что могу, Марья Петровна,— продолжалъ я:—мнѣ жаль только, что я здѣсь проѣздомъ, мало знаю домовъ хорошихъ.

Маша вздохнула.

— Мнѣ хоть бы какое-нибудь мѣсто-съ... Кроить я не умѣю, а сшить, такъ все сошью... ну, за дѣтьми ходить тоже могу.

„Денегъ ей дать“, подумалъ я: „но какъ это сдѣлать?“

— Послушайте, Марья Петровна, — началъ я не безъ замѣшательства:—вы, пожалуйста, извините меня, но вы изъ словъ Пасынкова знаете, какъ я былъ съ нимъ друженъ... Не позволите ли вы мнѣ предложить вамъ... на первый случай небольшую сумму?..

Маша взглянула на меня.

— Чего-съ?—спросила она.

— Не нужно ли вамъ денегъ!—проговорилъ я.

Маша покраснѣла вся и наклонила голову.

— На что мнѣ деньги?—прошептала она:—лучше мнѣ мѣсто достаньте-съ.

— Мѣсто я вамъ постараюсь достать, но навѣрное отвѣчать не могу; а вамъ грѣшно совѣститься, право... Вѣдь я для васъ не чужой какой-нибудь... Примите это отъ меня, на память о нашемъ другѣ...

Я отвернулся, поспѣшно досталъ изъ бумажника нѣсколько ассигнацій и подалъ ей.

Маша стояла неподвижно, еще ниже потупивъ голову...

— Возьмите же,—твердилъ я.

Она тихо возвела на меня свои глаза, посмотрѣла мнѣ въ лицо печальнымъ взоромъ, тихо высвободила блѣдную руку изъ-подъ платка и протянула ее мнѣ.

Я положилъ ассигнаціи на ея холодные пальцы. Она молча спрятала руку опять подъ платокъ и опустила глаза

— Вы и впередъ, Марья Петровна,—продолжалъ я:—если вамъ что-нибудь будетъ нужно, пожалуйста, обращайтесь прямо ко мнѣ.—Я вамъ доставлю мой адресъ.

— Покорно благодарствуйте-съ, — проговорила она и, помолчавъ немного, прибавила:

— Они съ вами обо мнѣ не говорили-съ?

— Я съ нимъ встрѣтился наканунѣ его смерти, Марья Петровна. Впрочемъ, не помню... кажется, говорилъ.

Маша провела рукой по волосамъ, слегка подперла щеку, подумала и, сказавъ: „Прощайте-съ“, пошла вонъ изъ комнаты.

Я сѣлъ у стола и принялся думать горькую думу. Эта Маша, ея сношенія съ Пасынковымъ, его письма, скрытая любовь къ нему сестры Софьи Николаевны... „Бѣднякъ! бѣднякъ!“ шепталъ я, тяжело вздыхая. Я вспомнилъ всю жизнь Пасынкова, его дѣтство, его молодость, фрейлейнъ Фридерику... „Вотъ“, думалъ я: „много дала тебѣ судьба! многимъ тебя порадовала!“

На другой день я опять пошелъ къ Софьѣ Николаевнѣ. Меня заставили подождать въ передней, и когда я вошелъ, Лидія уже сидѣла рядомъ съ своею матерью. Я

понялъ, что Софья Николаевна не желала возобновлять вчерашняго разговора.

Мы начали толковать—право, не помню о чемъ, о городскихъ слухахъ, о дѣлахъ... Лидія часто ввертывала свое словечко и лукаво на меня посматривала. Забавная важность проявлялась вдругъ на ея подвижномъ личикѣ... Умная дѣвочка, должно-быть, догадывалась, что мать нарочно посадила ее подлѣ себя.

Я всталъ и началъ прощаться. Софья Николаевна проводила меня до двери.

— Я вамъ ничего не отвѣчала вчера, — сказала она, остановясь на порогѣ: — да и что̀ было отвѣчать? Наша жизнь не отъ насъ зависитъ; но у насъ у всѣхъ есть одинъ якорь, съ котораго, если самъ не захочешь, никогда не сорвешься: чувство долга.

Я безмолвно наклонилъ голову въ знакъ согласія, и простился съ молодой пуританкой.

Весь этотъ вечеръ остался я дома, но я не думалъ о ней: я думалъ, все думалъ о моемъ миломъ, незабвенномъ Пасынковѣ — объ этомъ послѣднемъ изъ романтиковъ, и чувства, то грустныя, то нѣжныя, проникали съ сладостной болью въ грудь мою, звучали въ струнахъ еще не совсѣмъ устарѣвшаго сердца... Миръ праху твоему, непрактическій человѣкъ, добродушный идеалистъ! и дай Богъ всѣмъ практическимъ господамъ, которымъ ты всегда былъ чуждъ, и которые, можетъ-быть, даже посмѣются теперь надъ твоею тѣнью, дай имъ Богъ извѣдать хотя сотую долю тѣхъ чистыхъ наслажденій, которыми, наперекоръ судьбѣ и людямъ, украсилась твоя бѣдная и смиренная жизнь!

1855 г.

ФАУСТЪ.

(РАЗСКАЗЪ ВЪ ДЕВЯТИ ПИСЬМАХЪ.)

Entbehren sollst du, sollst entbehren.
Фаустъ (Часть 1-я).

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Отъ Павла Александровича Б.... къ Семену Николаевичу В....

Сельцо М....ское, 6 іюня 1850.

Четвертаго дня прибылъ я сюда, любезный другъ, и, по обѣщанію, берусь за перо и пишу къ тебѣ. Мелкій дождь сѣетъ съ утра: выйти невозможно; да и мнѣ же хочется поболтать съ тобой. Вотъ, я опять въ своемъ старомъ гнѣздѣ, въ которомъ не былъ — страшно вымолвить—цѣлыхъ девять лѣтъ. Право, какъ подумаешь, я точно другой человѣкъ сталъ. Да и въ самомъ дѣлѣ другой: помнишь ты въ гостиной маленькое, темненькое зеркальце моей прабабушки, съ такими странными завитушками по угламъ,— ты все, бывало, раздумывалъ о томъ, что̀ оно видѣло сто лѣтъ тому назадъ, — я, какъ только пріѣхалъ, подошелъ къ нему, и невольно смутился. Я вдругъ увидѣлъ, какъ я постарѣлъ и перемѣнился въ послѣднее время. Впрочемъ, не я одинъ постарѣлъ. Домишко мой, уже давно ветхій,

теперь чуть держится, покривился, вросъ въ землю. Добрая моя Васильевна, ключница (ты ее, навѣрно, не забылъ: она тебя такимъ славнымъ вареньемъ потчивала), совсѣмъ высохла и сгорбилась; увидавъ меня, она вскрикнуть не могла и не заплакала, а только заохала и раскашлялась, сѣла въ изнеможеніи на стулъ и замахала рукою. Старикъ Терентій еще бодрится, попрежнему держится прямо и па ходу выворачиваетъ ноги, вдѣтыя въ тѣ же самые желтые нанковые панталошки и обутыя въ тѣ же самые скрипучіе козловые башмаки, съ высокимъ подъемомъ и бантиками, отъ которыхъ ты не однажды приходилъ въ умиленіе... но, Боже мой! — какъ болтаются теперь эти панталошки на его худенькихъ ногахъ! какъ волосы у него побѣлѣли! и лицо совсѣмъ съежилось въ кулачокъ; а когда онъ заговорилъ со мной, когда онъ началъ распоряжаться и отдавать приказанія въ сосѣдней комнатѣ, мнѣ и смѣшно, и жалко его стало. Всѣ зубы у него пропали, и онъ шамкаетъ съ присвистомъ и шипѣньемъ Зато садъ удивительно похорошѣлъ: скромные кустики сирени, акаціи, жимолости (помнишь, мы ихъ съ тобой сажали) разрослись въ великолѣпные, сплошные кусты; березы, клены—все это вытянулось и раскинулось; липовыя аллеи особенно хороши стали. Люблю я эти аллеи, люблю сѣро-зеленый нѣжный цвѣтъ и тонкій запахъ воздуха подъ ихъ сводами; люблю пестрѣющую сѣтку свѣтлыхъ кружковъ по темной землѣ — песку у меня, ты знаешь, нѣту. Мой любимый дубокъ сталъ уже молодымъ дубомъ. Вчера, среди дня, я болѣе часа сидѣлъ въ его тѣни на скамейкѣ. Мнѣ очень хорошо было. Кругомъ трава такъ весело цвѣла; на всемъ лежалъ золотой свѣтъ, сильный и мягкій; даже въ тѣнь проникалъ онъ... а что слышалось птицъ! Ты, я надѣюсь, не забылъ, что птицы—моя страсть. Горлинки немолчно ворковали, изрѣдка свистала иволга, зябликъ выдѣлывалъ свое милое колѣнце, дрозды сердились и трещали, кукушка отзывалась вдали; вдругъ, какъ сумасшедшій, пронзительно кричалъ дятелъ. Я слушалъ, слушалъ весь этотъ мягкій, слитный гулъ, и пошевельнуться не хотѣлось, а на сердцѣ не то лѣнь, не то уми-

леніе. И не одинъ садъ выросъ: мнѣ на глаза безпрестанно попадаются плотные, дюжіе ребята, въ которыхъ я никакъ не могу признать прежнихъ знакомыхъ мальчишекъ. А твой фаворитъ, Тимоша, сталъ теперь такимъ Тимоѳеемъ, что ты себѣ представить не можешь. Ты тогда боялся за его здоровье и предсказывалъ ему чахотку; а посмотрѣлъ бы ты теперь на его огромныя, красныя руки, какъ онѣ торчатъ изъ узенькихъ рукавовъ нанковаго сюртука, и какія у него повсюду выпираются круглыя и толстыя мышцы! Затылокъ какъ у быка, и голова вся въ крутыхъ, бѣлокурыхъ завиткахъ—совершенный Геркулесъ Фарнезскій! Впрочемъ, лицо его измѣнилось меньше, чѣмъ у другихъ, даже не очень увеличилось въ объемѣ, и веселая, какъ ты говорилъ, „зѣвающая" улыбка осталась та же. Я его взялъ къ себѣ въ камердинеры; своего петербургскаго я бросилъ въ Москвѣ: очень ужъ онъ любилъ стыдить меня и давать чувствовать свое превосходство въ столичномъ обращеніи. Собакъ моихъ я не нашелъ ни одной; всѣ перевелись. Одна Нефка дольше всѣхъ жила—и та не дождалась меня, какъ Аргосъ дождался Улисса; не пришлось ей увидѣть бывшаго хозяина и товарища по охотѣ своими потускнѣвшими глазами. А Шавка цѣла и такъ же лаетъ сипло, и одно ухо такъ же прорвано, и репейники въ хвостѣ, какъ быть слѣдуетъ. Я поселился въ бывшей твоей комнаткѣ. Правда, солнце въ нее ударяетъ, и мухъ въ ней много; зато меньше пахнетъ старымъ домомъ, чѣмъ въ остальныхъ комнатахъ. Странное дѣло! этотъ затхлый, немного кислый и вялый запахъ сильно дѣйствуетъ на мое воображеніе: не скажу, чтобъ онъ былъ мнѣ непріятенъ, напротивъ; но онъ возбуждаетъ во мнѣ грусть, а наконецъ унылость. Я, такъ же какъ и ты, очень люблю старые пузатые комоды съ мѣдными бляхами, бѣлыя кресла съ овальными спинками и кривыми ножками, засиженныя мухами, стеклянныя люстры, съ большимъ яйцомъ изъ лиловой фольги посерединѣ, — словомъ всякую дѣдовскую мебель; но постоянно видѣть все это не могу: какая-то тревожная скука (именно такъ!) овладѣетъ мною. Въ комнатѣ,

гдѣ я поселился, мебель самая обыкновенная, домодѣльщина; однако, я оставилъ въ углу узкій и длинный шкапъ съ полочками, на которыхъ сквозь пыль едва виднѣется разная старозавѣтная дутая посуда изъ зеленаго и синяго стекла; а на стѣнѣ я приказалъ повѣсить, помнишь, тотъ женскій портретъ, въ черной рамѣ, который ты называлъ портретомъ Манонъ Леско. Онъ немного потемнѣлъ въ эти девять лѣтъ; но глаза глядятъ такъ же задумчиво, лукаво и нѣжно, губы такъ же легкомысленно и грустно смѣются, и полу-ощипанная роза такъ же тихо валится изъ тонкихъ пальцевъ. Очень забавляютъ меня шторы въ моей комнатѣ. Онѣ когда-то были зеленыя, но пожелтѣли отъ солнца: по нимъ черными красками написаны сцены изъ д'Арленкуровскаго „Пустынника". На одной шторѣ этотъ пустынникъ, съ огромнѣйшей бородой, глазами навыкатѣ и въ сандаліяхъ, увлекаетъ въ горы какую-то растрепанную барышню; на другой—происходитъ ожесточенная драка между четырьмя витязями въ беретахъ и съ буфами на плечахъ; одинъ лежитъ, en raccourci, убитый—словомъ, все ужасы представлены, а кругомъ такое невозмутимое спокойствіе, и отъ самыхъ шторъ ложатся такіе кроткіе отблески на потолокъ... Какая-то душевная тишь нашла на меня съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь поселился; ничего не хочется дѣлать, никого не хочется видѣть, мечтать не о чемъ, лѣнь мыслить; но думать не лѣнь: это двѣ вещи разныя, какъ ты самъ хорошо знаешь. Воспоминанія дѣтства сперва нахлынули на меня... куда я ни шелъ, на что̀ ни взглядывалъ, они возникали отовсюду, ясныя, до малѣйшихъ подробностей ясныя, и ка́къ бы неподвижныя въ своей отчетливой опредѣленности... Потомъ эти воспоминанія смѣнились другими, потомъ... потомъ я тихонько отвернулся отъ прошедшаго, и только осталось у меня въ груди какое-то дремотное бремя. Вообрази! сидя на плотинѣ, подъ ракитой, я вдругъ неожиданно заплакалъ, и долго бы проплакалъ, несмотря на свои уже преклонныя лѣта, если бы не устыдился проходившей бабы, которая съ любопытствомъ посмотрѣла на меня, потомъ, не обращая ко мнѣ лица, прямо и низко

поклонилась и прошла мимо. Я бы очень желалъ остаться въ такомъ настроеніи (плакать, разумѣется, я уже больше не буду) до самаго моего отъѣзда отсюда, т.-е. до сентября мѣсяца, и очень былъ бы огорченъ, если бъ кто-нибудь изъ сосѣдей вздумалъ посѣтить меня. Впрочемъ, опасаться этого, кажется, нечего; у меня же и нѣтъ близкихъ сосѣдей. Ты, я увѣренъ, поймешь меня; ты знаешь самъ по опыту, какъ часто бываетъ благотворно уединеніе... Оно мнѣ нужно теперь, послѣ всяческихъ странствованій.

А скучать я не буду. Я привезъ съ собой нѣсколько книгъ, и здѣсь у меня библіотека порядочная. Вчера я раскрылъ всѣ шкапы и долго рылся въ заплѣснѣвшихъ книгахъ. Я нашелъ много любопытныхъ, прежде мною не замѣченныхъ, вещей: „Кандида“ въ рукописномъ переводѣ 70-хъ годовъ; вѣдомости и журналы того же времени; „Торжествующаго Хамелеона“ (то-есть: Мирабо); le Paysan perverti и т. д. Попались мнѣ дѣтскія книжки, и мои собственныя, и моего отца, и моей бабки, и даже, представь себѣ, моей прабабки: на одной ветхой-ветхой французской грамматикѣ, въ пестромъ переплетѣ, написано крупными буквами: Ce livre appartient à m-lle Eudoxie de Lavrine, и выставленъ годъ—1741. Я увидалъ книги, привезенныя мною когда-то изъ-за границы, между прочими гётевскаго „Фауста“. Тебѣ, можетъ-быть, неизвѣстно, что, было время, я зналъ „Фауста“ наизусть (первую часть, разумѣется) отъ слова до слова; я не могъ начитаться имъ... Но другіе дни—другіе сны, и въ теченіе послѣднихъ девяти лѣтъ мнѣ едва ли пришлось взять Гёте въ руки. Съ какимъ неизъяснимымъ чувствомъ увидалъ я маленькую, слишкомъ мнѣ знакомую книжку (дурного изданія 1828 года). Я унесъ ее съ собою, легъ на постель и началъ читать. Какъ подѣйствовала на меня вся великолѣпная первая сцена! Появленіе Духа Земли, его слова, помнишь: „на жизненныхъ волнахъ, въ вихрѣ творенія“, возбудили во мнѣ давно неизвѣданный трепетъ и холодъ восторга. Я вспомнилъ все: и Берлинъ, и студенческое время, и фрейлейнъ Клару Штихъ, и Зейдельмана въ роли Мефистофеля, и музыку Радзивилла, и все

и вся... Долго не могъ я заснуть: моя молодость пришла и стала передо мною, какъ призракъ; огнемъ, отравой побѣжала она по жиламъ, сердце расширилось и не хотѣло сжаться, что-то рвануло по его струнамъ, и закипѣли желанія...

Вотъ какимъ грёзамъ предавался твой почти сорокалѣтній другъ, сидя, одинокій, въ своемъ одинокомъ домишкѣ! Что́, если бы кто подсмотрѣлъ меня? Ну, такъ что жъ? Я бы нисколько не устыдился. Стыдиться — это тоже признакъ молодости; а я, знаешь ли почему сталъ замѣчать, что старѣюсь? Вотъ почему. Я теперь стараюсь преувеличивать передъ самимъ собою свои веселыя ощущенія и укрощать грустныя, а въ дни молодости я поступалъ совершенно наоборотъ. Бывало, носишься съ своей грустью, какъ съ кладомъ, и совѣстишься веселаго порыва...

А все-таки мнѣ кажется, что, несмотря на весь мой жизненный опытъ, есть еще что-то такое на свѣтѣ, другъ Горацію, чего я не испыталъ, и это „что-то“ — чуть ли не самое важное.

Эхъ, до чего я дописался! Прощай! До другого раза. Что ты дѣлаешь въ Петербургѣ? Кстати: Савелій, мой деревенскій поваръ, велитъ тебѣ кланяться. Онъ тоже постарѣлъ, но не слишкомъ, потолстѣлъ и обрюзгъ немного Такъ же хорошо дѣлаетъ куриные супы съ разварными луковицами, вотрушки съ узорчатой каймой и пигусъ, — знаменитое степное блюдо пигусъ, отъ котораго у тебя языкъ побѣлѣлъ и стоялъ коломъ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. За то жареное онъ, попрежнему, засушиваетъ такъ, что хоть стучи имъ по тарелкѣ — настоящій картонъ. Однако, прощай!

Твой П. Б.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Отъ того же—къ тому же.

Сельцо М.....ое, 12 іюня 1850.

Имѣю сообщить тебѣ довольно важную новость, любезный другъ.—Слушай! Вчера, передъ обѣдомъ, захотѣлось

мнѣ погулять — только не въ саду; я пошелъ по дорогѣ въ городъ. Идти безъ всякой цѣли быстрыми шагами по длинной, прямой дорогѣ—очень пріятно. Точно дѣло дѣлаешь, спѣшишь куда-то.—Смотрю: ѣдетъ навстрѣчу коляска. Не ко мнѣ ли? подумалъ я съ тайнымъ страхомъ... Однако, нѣтъ: въ коляскѣ сидитъ господинъ съ усами, мнѣ незнакомый. Я успокоился. Но вдругъ этотъ господинъ, поровнявшись со мною, велитъ кучеру остановить лошадей, учтиво приподнимаетъ фуражку и еще учтивѣе спрашиваетъ меня: не я ли такой-то?—называя меня по имени. Я, въ свою очередь, останавливаюсь и съ бодростью подсудимаго, котораго ведутъ къ допросу, отвѣчаю: „я такой-то“, а самъ гляжу, какъ баранъ, на господина съ усами и думаю про себя: „а вѣдь я его видалъ гдѣ-то!“

— Вы меня не узнаёте?—произноситъ онъ, вылѣзая, между тѣмъ, изъ коляски.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А я такъ узналъ васъ тотчасъ.

Слово за слово: оказывается, что это былъ Пріимковъ, помнишь? бывшій нашъ университетскій товарищъ. „Что же это за важная новость?“ думаешь ты въ это мгновеніе, любезный Семенъ Николаичъ.—„Пріимковъ, сколько мнѣ помнится, малый былъ довольно пустой, хотя не злой и не глупый“.—Все такъ, дружище; но слушай продолженіе разговора.

— Я, говоритъ, очень обрадовался, когда услыхалъ, что вы пріѣхали въ свою деревню, къ намъ въ сосѣдство. Впрочемъ, не я одинъ обрадовался.

— Позвольте узнать,—спросилъ я:—кто же еще былъ такъ любезенъ...

— Моя жена.

— Ваша жена?

— Да, моя жена: она ваша старая знакомая.

— А позвольте узнать, какъ зовутъ вашу супругу?

— Ее зовутъ Вѣрой Николаевной; она Ельцова урожденная...

— Вѣра Николаевна!—восклицаю я невольно...

Вотъ, это-то и есть самая та важная новость, о которой я говорилъ тебѣ въ началѣ письма.

Но, можетъ-быть, ты и въ этомъ ничего не находишь важнаго... Придется мнѣ разсказать тебѣ кое-что изъ моей прошедшей... давно прошедшей жизни.

Когда мы вмѣстѣ съ тобой вышли изъ университета, въ 183... году, мнѣ было двадцать-три года. Ты поступилъ на службу; я, какъ тебѣ извѣстно, рѣшился отправиться въ Берлинъ. Но въ Берлинѣ раньше октября нечего было дѣлать. Мнѣ захотѣлось провести лѣто въ Россіи, въ деревнѣ, полѣниться хорошенько въ послѣдній разъ; а тамъ уже приняться за работу не шутя. Насколько сбылось это послѣднее предположеніе, объ этомъ теперь распространяться нечего... „Но гдѣ мнѣ провести лѣто?“ спрашивалъ я себя. Въ свою деревню мнѣ ѣхать не хотѣлось: отецъ мой недавно скончался, близкихъ родныхъ у меня не было, я боялся одиночества, скуки... А потому я съ радостью принялъ предложеніе одного моего родственника, двоюроднаго дяди, погостить у него въ имѣніи, въ Т***ой губерніи. Онъ былъ человѣкъ зажиточный, добрый и простой, жилъ бариномъ и палаты имѣлъ барскія. Я поселился у него. Семейство у дяди было большое: два сына и пять дочерей. Кромѣ того, въ домѣ у него проживало прòпасть народу. Гости безпрестанно наѣзжали, — а все-таки весело не было. Дни протекали шумно, уединиться не было возможности. Все дѣлалось сообща, всѣ старались чѣмъ-нибудь разсѣяться, что-нибудь придумать, и къ концу дня всѣ уставали страшно. Пошлымъ чѣмъ-то отзывалась эта жизнь. Я уже начиналъ мечтать объ отъѣздѣ и ждалъ только, чтобы пришли дядины именины, но въ самый день этихъ именинъ на балѣ я увидѣлъ Вѣру Николаевну Ельцову—и остался.

Ей было тогда шестнадцать лѣтъ. Она жила съ своею матерью въ маленькомъ имѣньицѣ, верстахъ въ пяти отъ моего дяди. Отецъ ея—человѣкъ, говорятъ, замѣчательный—быстро достигъ полковничьяго чина и пошелъ бы еще далѣе, но погибъ въ молодыхъ лѣтахъ, нечаянно застрѣленный на охотѣ товарищемъ. Вѣра Николаевна

осталась послѣ него ребенкомъ. Мать ея была тоже женщина необыкновенная: она говорила на нѣсколькихъ языкахъ, много знала. Она была семью или восемью годами старше своего мужа, за котораго вышла по любви; онъ тайно увезъ ее изъ родительскаго дома. Она едва перенесла его потерю и до самой смерти (по словамъ Пріимкова, она умерла скоро послѣ свадьбы дочери) носила одни черныя платья. Я живо помню ея лицо: выразительное, темное, съ густыми, посѣдѣлыми волосами, большими, строгими, какъ бы потухшими глазами и прямымъ, тонкимъ носомъ. Ея отецъ—фамилія его была Ладановъ—лѣтъ пятнадцать прожилъ въ Италіи. Мать Вѣры Николаевны родилась отъ простой крестьянки изъ Албано, которую, на другой день послѣ ея родовъ, убилъ транстеверинецъ, ея женихъ, у котораго Ладановъ ее похитилъ... Эта исторія въ свое время надѣлала много шуму. Вернувшись въ Россію, Ладановъ не только изъ дома, изъ кабинета своего не выходилъ, занимался химіей, анатоміей, кабалистикой, хотѣлъ продлить жизнь человѣческую, воображалъ, что можно вступать въ сношенія съ духами, вызывать умершихъ... Сосѣди считали его за колдуна. Онъ чрезвычайно любилъ дочь свою, самъ училъ ее всему, но не простилъ ей ея побѣга съ Ельцовымъ, не пустилъ къ себѣ на глаза ни ее, ни ея мужа, предсказалъ имъ обоимъ жизнь печальную и умеръ одинъ. Оставшись вдовою, г-жа Ельцова посвятила весь свой досугъ на воспитаніе дочери и почти никого не принимала. Когда я познакомился съ Вѣрой Николаевной, она, представь себѣ, ни въ одномъ городѣ не бывала отроду, даже въ своемъ уѣздномъ.

Вѣра Николаевна не походила на обыкновенныхъ русскихъ барышень: на ней лежалъ какой-то особый отпечатокъ. Меня съ перваго раза поразило въ ней удивительное спокойствіе всѣхъ ея движеній и рѣчей. Она, казалось, ни о чемъ не хлопотала, не тревожилась, отвѣчала просто и умно, слушала внимательно. Выраженіе ея лица было искреннее и правдивое какъ у ребенка, но нѣсколько холодно и однообразно, хотя и не задумчиво.

Веселою она бывала рѣдко и не такъ, какъ другія: ясность невинной души, отраднѣе веселости, свѣтилась во всемъ ея существѣ. Она была небольшого роста, очень хорошо сложена, немного тонка, черты имѣла правильныя и нѣжныя, прекрасный ровный лобъ, золотисто-русые волосы, носъ прямой, какъ у матери, довольно полныя губы; сѣрые съ чернотой глаза глядѣли какъ-то слишкомъ прямо изъ-подъ пушистыхъ, кверху загнутыхъ рѣсницъ. Руки у ней были невелики, но не очень красивы: у людей съ талантами такихъ рукъ не бываетъ... и дѣйствительно, за Вѣрой Николаевной никакихъ особенныхъ талантовъ не водилось. Голосъ у ней звенѣлъ, какъ у семилѣтней дѣвочки. Я на балѣ у дяди былъ представленъ ея матери и, нѣсколько дней спустя, въ первый разъ поѣхалъ къ нимъ.

Г-жа Ельцова была женщина очень странная, съ характеромъ, настойчивая и сосредоточенная. На меня она имѣла вліяніе сильное: я и уважалъ ее, и побаивался ея. Все у ней дѣлалось по системѣ, и дочь свою она воспитала по системѣ, но не стѣсняла ея свободы. Дочь любила ее и вѣрила ей слѣпо. Стоило г-жѣ Ельцовой дать ей книжку и сказать: вотъ этой страницы не читай— она скорѣе предыдущую страницу пропуститъ, а ужъ не заглянетъ въ запрещенную. Но и у г-жи Ельцовой были свои idées fixes, свои коньки. Она, напримѣръ, какъ огня боялась всего, что можетъ дѣйствовать на воображенье; а потому ея дочь до семнадцати-лѣтняго возраста не прочла ни одной повѣсти, ни одного стихотворенія, въ географіи, исторіи и даже въ естественной исторіи частенько ставила втупикъ меня, кандидата, и кандидата не изъ послѣднихъ, какъ ты, можетъ-быть, помнишь. Я-было разъ попытался потолковать съ г-жей Ельцовой объ ея конькѣ, хотя трудно было вовлечь ее въ разговоръ: она очень была молчалива. Она только головой покачала.

— Вы говорите, — сказала она наконецъ: — читать поэтическія произведенія *и* полезно, *и* пріятно... Я думаю, надо заранѣе выбрать въ жизни: *или* полезное, *или* пріят-

ное, и такъ уже рѣшиться, разъ навсегда. И я когда-то хотѣла соединить и то, и другое... Это невозможно и ведетъ къ гибели или къ пошлости.

Да, удивительное существо была эта женщина, существо честное, гордое, не безъ фанатизма и суевѣрія своего рода. „Я боюсь жизни",—сказала она мнѣ однажды.— И точно, она ея боялась, боялась тѣхъ тайныхъ силъ, на которыхъ построена жизнь, и которыя изрѣдка, но внезапно пробиваются наружу. Горе тому, надъ кѣмъ онѣ разыграются! Страшно сказались эти силы Ельцовой: вспомни смерть ея матери, ея мужа, ея отца... Это хотя бы кого запугало. Я не видалъ, чтобъ она когда-нибудь улыбнулась. Она какъ будто заперлась на замокъ и ключъ бросила въ воду. Она, должно-быть, много горя перенесла на своемъ вѣку, и никогда, ни съ кѣмъ не подѣлилась имъ: въ себѣ затаила. Она до того пріучила себя не давать воли своимъ чувствамъ, что даже стыдилась выказывать страстную любовь свою къ дочери; она ни разу не поцѣловала ее при мнѣ, никогда не называла ее уменьшительнымъ именемъ, всегда: Вѣра. Помню одно ея слово: я какъ-то сказалъ ей, что всѣ мы, современные люди, надломленные... — „Надламывать себя не для чего,—промолвила она: — надо всего себя переломить, или ужъ не трогать"...

Весьма немногіе ѣздили къ Ельцовой: но я посѣщалъ ее часто. Я втайнѣ сознавалъ, что она ко мнѣ благоволила; а Вѣра Николаевна мнѣ очень нравилась. Мы съ ней разговаривали, гуляли... Мать не мѣшала намъ; сама дочь не любила быть безъ матери, и я, съ своей стороны, тоже не чувствовалъ потребности уединенной бесѣды... У Вѣры Николаевны была странная привычка думать вслухъ; по ночамъ она во снѣ громко и явственно говорила о томъ, что̀ ее поразило въ теченіе дня. — Однажды, поглядѣвъ на меня внимательно и, по обыкновенію своему, тихонько подпершись рукою, она сказала: „Мнѣ сдается, что Б. хорошій человѣкъ; но положиться на него нельзя". Отношенія между нами были самыя дружелюбныя и ровныя; только однажды мнѣ показалось, что я подмѣтилъ тамъ,

гдѣ-то далеко, въ самой глубинѣ ея свѣтлыхъ глазъ, что-то странное, какую-то нѣгу и нѣжность... Но, можетъ-быть, я ошибся.

Между тѣмъ, время шло, и мнѣ уже пора было собираться въ отъѣздъ. Но я все медлилъ. Бывало, какъ подумаю, какъ вспомню, что скоро я не увижу этой милой дѣвушки, къ которой я такъ привязался — жутко мнѣ станетъ... Берлинъ начиналъ терять свою притягательную силу. Я не смѣлъ самому себѣ сознаться въ томъ, что̀ во мнѣ происходило, да я и не понималъ, что̀ происходило во мнѣ,—точно туманъ бродилъ въ душѣ. Наконецъ, въ одно утро, мнѣ вдругъ все стало ясно. „Чего еще искать", подумалъ я, „куда стремиться? Вѣдь истина все-таки въ руки не дается. Не остаться ли лучше здѣсь, не жениться ли?" И, вообрази себѣ, эта мысль о женитьбѣ нисколько не испугала меня тогда. Напротивъ, я обрадовался ей. Мало того: въ тотъ же день я объявилъ о своемъ намѣреніи, только не Вѣрѣ Николаевнѣ, какъ бы слѣдовало ожидать, а самой Ельцовой. Старуха посмотрѣла на меня.

— Нѣтъ,—сказала она:—мой милый, поѣзжайте въ Берлинъ, надломитесь-ка еще. Вы добры; но не такой мужъ нуженъ для Вѣры.

Я потупился, покраснѣлъ и, что тебя вѣроятно удивитъ еще болѣе, тотчасъ же внутренно согласился съ Ельцовой. Черезъ недѣлю я уѣхалъ и съ тѣхъ поръ уже не видалъ ни ея, ни Вѣры Николаевны.

Я описалъ тебѣ мои похожденія вкратцѣ, потому что знаю, ты не любишь ничего „пространственнаго". Пріѣхавъ въ Берлинъ, я очень скоро забылъ Вѣру Николаевну... Но, признаюсь, неожиданное извѣстіе о ней меня взволновало. Меня поразила мысль, что она такъ близко, что она моя сосѣдка, что я ее на-дняхъ увижу. Прошедшее, словно изъ земли, внезапно выросло передо мною, такъ и надвинулось на меня. Пріимковъ объявилъ мнѣ, что посѣтилъ меня именно съ цѣлью возобновить наше старинное знакомство, и что онъ надѣется въ самомъ скоромъ времени увидать меня у себя. Онъ мнѣ

сообщилъ, что служилъ въ кавалеріи, вышелъ въ отставку поручикомъ, купилъ имѣніе въ восьми верстахъ отъ меня и намѣренъ заниматься хозяйствомъ, что у него было трое дѣтей, но что двое умерли, осталась пятилѣтняя дочь.

— И жена ваша меня помнитъ?—спросилъ я.

— Да, помнитъ, — отвѣчалъ онъ съ небольшой запинкой.—Конечно, она тогда была еще, можно сказать: ребенокъ, но ея матушка васъ всегда очень хвалила, а вы знаете, какъ она дорожитъ каждымъ словомъ покойницы.

Пришли мнѣ на память слова Ельцовой, что я не гожусь для ея Вѣры... „Стало-быть, ты годился“, подумалъ я, съ-избока посматривая на Пріимкова. Онъ у меня пробылъ нѣсколько часовъ. Онъ очень хорошій, милый малый, такъ скромно говоритъ, такъ добродушно смотритъ; его нельзя не полюбить... но умственныя способности его не развились съ тѣхъ поръ, какъ мы его знали. Я непремѣнно къ нему поѣду, можетъ-быть, завтра же. Чрезвычайно любопытно мнѣ посмотрѣть, что̀ такое вышло изъ Вѣры Николаевны?

Ты, злодѣй, вѣроятно, смѣешься теперь надо мною, сидя за своимъ директорскимъ столомъ: а я все-таки тебѣ напишу, какое впечатлѣніе она произведетъ на меня. Прощай! До слѣдующаго письма.

Твой П. Б.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Отъ того же къ тому же.

Сельцо М....е, 16-го іюня 1850.

Ну, братъ, былъ я у ней, видѣлъ ее. Прежде всего долженъ сообщить удивительное обстоятельство: вѣрь мнѣ или не вѣрь, какъ хочешь, но она почти ничего не измѣнилась ни въ лицѣ, ни въ станѣ. Когда она вышла мнѣ навстрѣчу, я чуть не ахнулъ: семнадцатилѣтняя дѣвочка, да и полно! Только глаза не какъ у дѣвочки; впрочемъ, у ней и въ молодости глаза были не дѣтскіе, слишкомъ свѣтлы. Но то же спокойствіе, та же ясность, голосъ тотъ же, ни одной морщинки на лбу, точно она всѣ эти годы пролежала гдѣ-нибудь въ снѣгу. А ей теперь двадцать

восемь лѣтъ, и трое дѣтей у ней было... Непонятно! Ты, пожалуйста, не думай, что я изъ предубѣжденья преувеличиваю; напротивъ, мнѣ эта „неизмѣнность“ въ ней вовсе не понравилась.

Женщина въ 28 лѣтъ, жена и мать, не должна походить на дѣвочку: не даромъ же она жила. Она очень привѣтливо меня встрѣтила; но Пріимкова мой пріѣздъ просто обрадовалъ: этотъ добрякъ такъ и смотритъ, какъ бы къ кому привязаться. Домъ у нихъ очень уютный и чистый. Вѣра Николаевна и одѣта была дѣвочкой: вся въ бѣломъ, съ голубымъ поясомъ и тоненькой золотой цѣпочкой на шеѣ. Ея дочка очень мила и на нее нисколько не похожа: она напоминаетъ свою бабку. Въ гостиной, надъ диваномъ, виситъ портретъ этой странной женщины, поразительно схожій. Онъ мнѣ бросился въ глаза, какъ только я вошелъ. Казалось, она строго и внимательно смотрѣла на меня. Мы усѣлись, вспомнили про старину и понемногу разговорились. Я, поневолѣ, то и дѣло, взглядывалъ на сумрачный портретъ Ельцовой. Вѣра Николаевна сидѣла прямо подъ нимъ: это ея любимое мѣсто. Представь мое изумленіе: Вѣра Николаевна до сихъ поръ не прочла ни одного романа, ни одного стихотворенія—словомъ, ни одного, какъ она выражается, выдуманнаго сочиненія! Это непостижимое равнодушіе къ возвышеннѣйшимъ удовольствіямъ ума меня разсердило. Въ женщинѣ умной и, сколько я могу судить, тонко чувствующей, это просто непростительно.

— Что же,—спросилъ я:—вы положили себѣ за правило никогда такихъ книгъ не читать?

— Не пришлось,—отвѣчала она:—некогда было.

— Некогда! Я удивляюсь! Хоть бы вы,—продолжалъ я, обратившись къ Пріимкову:—пріохотили вашу жену.

— Я съ удовольствіемъ...—началъ-было Пріимковъ; но Вѣра Николаевна его перебила.

— Не притворяйся: ты самъ небольшой охотникъ до стиховъ.

— До стиховъ, точно,—началъ онъ:—я не очень; но романы, напримѣръ...

— Да что же вы дѣлаете, чѣмъ вы занимаетесь по вечерамъ?—спросилъ я:—въ карты играете?

— Иногда играемъ,—отвѣчала она:—да мало ли есть, чѣмъ заняться? Мы тоже читаемъ: есть хорошія сочиненія кромѣ стиховъ.

— Что вы на стихи такъ нападаете?

— Я на нихъ не нападаю: я съ дѣтства привыкла не читать этихъ выдуманныхъ сочиненій; матушкѣ такъ было угодно, а я чѣмъ больше живу, тѣмъ больше убѣждаюсь въ томъ, что все, что̀ матушка ни дѣлала, все, что̀ она ни говорила, была правда, святая правда.

— Ну, какъ вы хотите, а я съ вами согласиться не могу: я убѣжденъ, что вы напрасно лишаете себя самаго чистаго, самаго законнаго наслажденія. Вѣдь вы не отвергаете музыки, живописи: отчего же вы отвергаете поэзію?

— Я ее не отвергаю: я до сихъ поръ съ ней не познакомилась—вотъ и все.

— Такъ я возьмусь за это! Вѣдь ваша матушка не на всю жизнь запретила вамъ знакомство съ произведеніями изящной словесности?

— Нѣтъ; какъ я вышла замужъ, матушка сняла съ меня всякое запрещеніе; мнѣ самой въ мысли не приходило читать... какъ вы это сказали?.. ну, словомъ, читать романы.

Я съ недоумѣніемъ слушалъ Вѣру Николаевну: я этого не ожидалъ.

Она смотрѣла на меня своимъ спокойнымъ взоромъ. Птицы такъ смотрятъ, когда не боятся.

— Я вамъ принесу книгу!—воскликнулъ я. (У меня въ головѣ мелькнулъ недавно мной прочтенный „Фаустъ“).

Вѣра Николаевна тихонько вздохнула.

— Это... это не будетъ Жоржъ-Сандъ?—спросила она не безъ робости.

— А! значитъ, вы слыхали о ней? Ну, хоть бы она, что же за бѣда?.. Нѣтъ, я вамъ принесу другого автора. Вѣдь вы по-нѣмецки не забыли?

— Нѣтъ, не забыла.

— Она говоритъ какъ нѣмка,—подхватилъ Пріимковъ.

— Ну, и прекрасно! я вамъ принесу... да вотъ, вы увидите, какую я вамъ удивительную вещь принесу.

— Ну, хорошо, увижу. А теперь пойдемте въ садъ, а то Наташѣ на мѣстѣ не сидится.

Она надѣла круглую соломенную шляпу, дѣтскую шляпу, точно такую же, какую надѣла ея дочь, только побольше немного, и мы отправились въ садъ. Я шелъ съ ней рядомъ. На свѣжемъ воздухѣ, въ тѣни высокихъ липъ, ея лицо мнѣ показалось еще милѣе, особенно, когда она слегка поворачивалась и закидывала голову, чтобъ посмотрѣть на меня изъ-подъ края шляпки. Если бы не шедшій за нами Пріимковъ, если бы не прыгавшая передъ нами дѣвочка, я бы, право, могъ подумать, что мнѣ не 35 лѣтъ, а 23 года; что я только собираюсь еще въ Берлинъ, тѣмъ болѣе, что и садъ, въ которомъ мы находились, весьма походилъ на садъ въ имѣніи Ельцовой. Я не удержался и передалъ мое впечатлѣніе Вѣрѣ Николаевнѣ.

— Мнѣ всѣ говорятъ, что я наружно мало измѣнилась, — отвѣчала она: — впрочемъ, я и внутренно осталась та же.

Мы подошли къ небольшому китайскому домику.

— Вотъ, такого домика у насъ въ Осиповкѣ не было,— сказала она:—но вы не смотрите, что онъ такъ обвалился и полинялъ: внутри очень хорошо и прохладно.

Мы вошли въ домикъ. Я оглянулся.

— Знаете ли что, Вѣра Николаевна,—промолвилъ я:— велите къ моему пріѣзду принести сюда столъ и нѣсколько стульевъ. Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, чудесно. Я вамъ здѣсь прочту... Гётева „Фауста“... вотъ какую вещь я вамъ прочту.

— Да, здѣсь мухъ нѣтъ,—замѣтила она простодушно:— а когда вы пріѣдете?

— Послѣ-завтра.

— Хорошо,—возразила она: —прикажу.

Наташа, которая вмѣстѣ съ нами вошла въ домикъ, вдругъ вскрикнула и отскочила, вся блѣдная.

— Что такое?—спросила Вѣра Николаевна.

— Ахъ, мама,—проговорила дѣвочка, указывая въ уголъ пальцемъ:—посмотри, какой страшный паукъ!..

Вѣра Николаевна взглянула въ уголъ: большой пестрый паукъ тихо всползалъ по стѣнѣ.

— Чего же тутъ бояться?—сказала она:—онъ не кусается, посмотри.

И, прежде чѣмъ я успѣлъ остановить ее, она взяла безобразное насѣкомое въ руку, дала ему побѣгать по ладони и выбросила его вонъ.

— Ну, какая же вы храбрая!—воскликнулъ я.

— Въ чемъ же тутъ храбрость? Этотъ паукъ не изъ ядовитыхъ.

— Видно, вы попрежнему сильны въ естественной исторіи; а я бы его въ руки не взялъ.

— Его нечего бояться,—повторила Вѣра Николаевна.

Наташа молча посмотрѣла на насъ обоихъ и усмѣхнулась.

— Какъ она похожа на вашу матушку!—замѣтилъ я.

— Да, — возразила Вѣра Николаевна съ улыбкой удовольствія:—это меня очень радуетъ. Дай Богъ, чтобы она не однимъ лицомъ на нее походила!

Насъ позвали обѣдать, и послѣ обѣда я уѣхалъ. NB. Обѣдъ былъ очень хорошъ и вкусенъ—это я въ скобкахъ замѣчаю для тебя, объѣдало! Завтра я къ нимъ свезу „Фауста“. Боюсь я, какъ бы мы со старикомъ Гёте не провалились. Опишу тебѣ все подробно.

Ну, а теперь, что ты думаешь обо всѣхъ „сихъ происшествіяхъ“? Небось,—что она произвела на меня сильное впечатлѣніе, что я готовъ влюбиться и т. д.? Пустяки, братъ! Пора и честь знать. Довольно подурачился; полно! Не въ мои годы начинать жизнь сызнова. Притомъ же, мнѣ и прежде не такія женщины нравились... Впрочемъ, какія женщины мнѣ нравились!!

Я содрогаюсь—сердцу больно—
Мнѣ стыдно вдоловъ моихъ.

Во всякомъ случаѣ, я очень радъ этому сосѣдству, радъ возможности видѣться съ умнымъ, простымъ, свѣтлымъ существомъ; а что̀ будетъ дальше, узнаешь въ свое время.

Твой П. Б.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Отъ того же къ тому же.

Сельцо М....е, 20-го іюня 1850 г.

Чтеніе произошло вчера, милый другъ, и какъ именно, о томъ слѣдуютъ пункты. Прежде всего, спѣшу сказать: успѣхъ неожиданный... то-есть „успѣхъ“ — не то слово... Ну, слушай. Я пріѣхалъ къ обѣду. За столомъ насъ было шестеро: она, Пріимковъ, дочка, гувернантка (незначительная бѣлая фигурка), я и какой-то старый нѣмецъ, въ коротенькомъ коричневомъ фракѣ, чистый, выбритый, потертый, съ самымъ смирнымъ и честнымъ лицомъ, съ беззубой улыбкой, съ запахомъ цикорнаго кофе... всѣ старые нѣмцы такъ пахнутъ. Меня съ нимъ познакомили: это былъ нѣкто Шиммель, учитель нѣмецкаго языка у сосѣдей Пріимкова, князей Х....хъ. Вѣра Николаевна, кажется, благоволитъ къ нему, и пригласила его присутствовать на чтеніи. Мы обѣдали поздно, и долго не выходили изъ-за стола, потомъ гуляли. Погода была чудесная. Утромъ шелъ дождь и вѣтеръ шумѣлъ, а къ вечеру все утихло. Мы вмѣстѣ съ нею вышли на открытую поляну. Прямо надъ поляной легко и высоко стояло большое розовое облако; какъ дымъ, тянулись по немъ сѣрыя полосы; на самомъ краю его, то показываясь, то исчезая, дрожала звѣздочка, а немного подалѣе виднѣлся бѣлый серпъ мѣсяца на слегка поалѣвшей лазури. Я указалъ Вѣрѣ Николаевнѣ на это облако.

— Да,—сказала она:—это прекрасно; но посмотрите-ка сюда. Я оглянулся. Закрывая собою заходившее солнце, вздымалась огромная, темно-синяя туча; видомъ своимъ она представляла подобіе огнедышащей горы; ея верхъ широкимъ снопомъ раскидывался по небу; яркой каймой окружалъ ее зловѣщій багрянецъ, и въ одномъ мѣстѣ, по самой серединѣ, пробивалъ насквозь ея тяжелую громаду, какъ бы вырываясь изъ раскаленнаго жерла...

— Быть грозѣ,—замѣтилъ Пріимковъ.

Но я отдаляюсь отъ главнаго. Я въ послѣднемъ письмѣ забылъ тебѣ сказать, что, пріѣхавъ домой отъ Пріимко-

выхъ, я раскаивался, что назвалъ именно „Фауста“; для перваго раза Шиллеръ гораздо бы лучше годился, ужъ коли дѣло шло на нѣмцевъ. Особенно пугали меня первыя сцены, до знакомства съ Гретхенъ; насчетъ Мефистофеля я тоже не былъ покоенъ. Но я находился подъ вліяніемъ „Фауста“ и ничего другого не могъ бы прочесть съ охотой. Когда уже совсѣмъ стемнѣло, мы отправились въ китайскій домикъ; его наканунѣ привели въ порядокъ. Прямо противъ двери, передъ диванчикомъ, стоялъ круглый столъ, покрытый ковромъ; кругомъ разставлены были кресла и стулья; на столѣ горѣла лампа. Я сѣлъ на диванчикъ, досталъ книжку. Вѣра Николаевна помѣстилась на креслахъ, нѣсколько поодаль, недалеко отъ двери. За дверью, среди тьмы, выставлялась, слегка качаясь, зеленая вѣтка акаціи, освѣщенная лампой; изрѣдка вливалась въ комнату струя ночного воздуха. Пріимковъ сѣлъ близъ меня у стола, нѣмецъ возлѣ него. Гувернантка осталась съ Наташей въ домѣ. Я произнесъ небольшую вступительную рѣчь: упомянулъ о старинной легендѣ доктора Фауста, о значеніи Мефистофеля, о самомъ Гёте и попросилъ остановить меня, если что̀ покажется непонятнымъ. Потомъ я откашлянулся... Пріимковъ спросилъ меня, не нужно ли мнѣ воды съ сахаромъ и, по всему можно было замѣтить, остался очень собой доволенъ, что сдѣлалъ мнѣ этотъ вопросъ. Я отказался. Глубокое молчаніе воцарилось. Я началъ читать, не поднимая глазъ; мнѣ было неловко, сердце билось и голосъ дрожалъ. Первое восклицаніе сочувствія вырвалось у нѣмца, и въ продолженіе чтенія онъ одинъ нарушалъ тишину... „Удивительно! возвышенно!“ — твердилъ онъ, изрѣдка прибавляя: „а вотъ это глубоко“. Пріимковъ, какъ я могъ замѣтить, скучалъ: по-нѣмецки понималъ онъ довольно плохо, и самъ сознавался, что стиховъ не любитъ!.. Вольно жъ было ему!— Я за столомъ хотѣлъ-было намекнуть, что чтеніе можетъ обойтись безъ него, да посовѣстился. Вѣра Николаевна не шевелилась; раза два я украдкой взглянулъ на нее: глаза ея внимательно и прямо были устремлены на меня; ея лицо мнѣ показалось блѣднымъ. Послѣ первой встрѣчи

Фауста съ Гретхенъ она отдѣлилась отъ спинки креселъ, сложила руки и въ такомъ положеніи осталась неподвижной до конца. Я чувствовалъ, что Пріимкову тошно приходилось, и это меня сперва охлаждало, но понемногу я забылъ о немъ, разгорячился и читалъ съ жаромъ, съ увлеченіемъ... Я читалъ для одной Вѣры Николаевны: внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что „Фаустъ“ на нее дѣйствуетъ. Когда я кончилъ (интермеццо я пропустилъ: эта штука по манерѣ принадлежитъ уже ко второй части; да изъ „Ночи на Брокенѣ“ я кое-что выкинулъ)... когда я кончилъ, когда прозвучало это послѣднее „Генрихъ!“— нѣмецъ съ умиленіемъ произнесъ: „Боже! какъ прекрасно!“ Пріимковъ, словно обрадованный (бѣднякъ!), вскочилъ, вздохнулъ и началъ благодарить меня за доставленное удовольствіе... Но я не отвѣчалъ ему: я глядѣлъ на Вѣру Николаевну... Я хотѣлъ услыхать, что̀ она скажетъ. Она встала, подошла нерѣшительными шагами къ двери, постояла на порогѣ и тихонько вышла въ садъ. Я бросился за ней вслѣдъ. Она успѣла уже отойти нѣсколько шаговъ; платье ея чуть бѣлѣло въ густой тѣни.

— Что же?—крикнулъ я:—вамъ не понравилось?

Она остановилась.

— Можете вы оставить мнѣ эту книгу? — раздался ея голосъ.

— Я вамъ ее подарю, Вѣра Николаевна, если вы желаете имѣть ее.

— Благодарствуйте!—отвѣчала она и скрылась.

Пріимковъ и нѣмецъ подошли ко мнѣ.

— Какъ удивительно тепло! — замѣтилъ Пріимковъ: — даже душно. Но куда жена пошла?

— Кажется, домой,—отвѣчалъ я.

— Я думаю, скоро пора ужинать, — возразилъ онъ. — Вы превосходно читаете,—прибавилъ онъ, погодя немного.

— Вѣрѣ Николаевнѣ, кажется, понравился „Фаустъ“,— проговорилъ я.

— Безъ сомнѣнія!—воскликнулъ Пріимковъ.

— О, конечно!—подхватилъ Шиммель.

Мы пришли въ домъ.

— Гдѣ барыня? — спросилъ Пріимковъ у попавшейся намъ навстрѣчу горничной.

— Въ спальню пойти изволили.

Пріимковъ отправился въ спальню.

Я вышелъ на террасу вмѣстѣ съ Шиммелемъ. Старикъ поднялъ глаза къ небу.

— Сколько звѣздъ!—медленно проговорилъ онъ, понюхавъ табаку:—и это все міры,—прибавилъ онъ и понюхалъ въ другой разъ.

Я не почелъ за нужное отвѣчать ему, и только молча посмотрѣлъ вверхъ. Тайное недоумѣніе тяготило мою душу... Звѣзды, мнѣ казалось, серьезно глядѣли на насъ. Минутъ черезъ пять явился Пріимковъ и позвалъ насъ въ столовую. Скоро пришла и Вѣра Николаевна. Мы сѣли.

— Посмотрите-ка на Вѣрочку,—сказалъ мнѣ Пріимковъ.

Я взглянулъ на нее.

— Что? ничего не замѣчаете?

Я дѣйствительно замѣтилъ перемѣну въ ея лицѣ, но не знаю почему, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, ничего.

— Глаза у ней красны,—продолжалъ Пріимковъ.

Я промолчалъ.

— Вообразите, я пришелъ къ ней наверхъ и застаю ее: она плачетъ. Этого съ ней давно не случалось. Я вамъ могу сказать, когда она въ послѣдній разъ плакала: когда Саша у насъ скончалась. Вотъ, что̀ вы надѣлали съ вашимъ „Фаустомъ“!—прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Стало-быть, Вѣра Николаевна,—началъ я:—вы теперь видите, что я былъ правъ, когда...

— Я этого не ожидала,—перебила она меня:—но Богъ еще знаетъ, правы ли вы. Можетъ-быть, оттого матушка и запрещала мнѣ читать подобныя книги, что она знала...

Вѣра Николаевна остановилась.

— Что̀ знала?—повторилъ я.—Говорите.

— Къ чему? Мнѣ и такъ совѣстно: о чемъ это я плакала? Впрочемъ, мы еще съ вами потолкуемъ. Я многое не совсѣмъ поняла.

— Отчего же вы меня не остановили?

— Слова-то я всѣ поняла, и смыслъ ихъ, но...

Она не докончила рѣчи и задумалась. Въ это мгновеніе изъ саду пронесся шумъ листьевъ, внезапно поколебленныхъ налетѣвшимъ вѣтромъ. Вѣра Николаевна вздрогнула и повернулась лицомъ къ раскрытому окну.

— Я вамъ говорилъ, что будетъ гроза! — воскликнулъ Пріимковъ.—А ты, Вѣрочка, чего это такъ вздрагиваешь?

Она взглянула на него молча. Слабо и далеко сверкнувшая молнія таинственно отразилась на ея недвижномъ лицѣ.

— Все по милости „Фауста",—продолжалъ Пріимковъ.— Послѣ ужина надо будетъ сейчасъ на боковую... не правда ли, г. Шиммель?

— Послѣ нравственнаго удовольствія физическій отдыхъ столь же благодѣтеленъ, сколь полезенъ,—возразилъ добрый нѣмецъ и выпилъ рюмочку водки.

Послѣ ужина мы тотчасъ разошлись. Прощаясь съ Вѣрой Николаевной, я пожалъ ей руку: рука у ней была холодна. Я пришелъ въ отведенную мнѣ комнату и долго стоялъ передъ окномъ, прежде чѣмъ раздѣлся и легъ въ постель. Предсказаніе Пріимкова сбылось: гроза надвинулась и разразилась. Я слушалъ шумъ вѣтра, стукъ и хлопанье дождя, глядѣлъ, какъ при каждой вспышкѣ молніи церковь, вблизи построенная надъ озеромъ, то вдругъ являлась черною на бѣломъ фонѣ, то бѣлою на черномъ, то опять поглощалась мракомъ... Но мысли мои были далеко. Я думалъ о Вѣрѣ Николаевнѣ, думалъ о томъ, что̀ она мнѣ скажетъ, когда прочтетъ сама „Фауста", думалъ о ея слезахъ, вспоминалъ, какъ она слушала.

Гроза уже давно прошла—звѣзды засіяли, все замолкло кругомъ. Какая-то неизвѣстная мнѣ птица пѣла на разные голоса, нѣсколько разъ сряду повторяя одно и то же колѣно. Ея звонкій, одинокій голосъ странно звучалъ среди глубокой тишины; а я все еще не ложился...

На другое утро я раньше всѣхъ сошелъ въ гостиную и остановился передъ портретомъ Ельцовой. „Что̀ взяла,— подумалъ я съ тайнымъ чувствомъ насмѣшливаго торжества,—вѣдь вотъ же, прочелъ твоей дочери запрещенную книгу!" Вдругъ мнѣ почудилось... ты, вѣроятно, замѣтилъ,

что глаза en face всегда кажутся устремленными прямо на зрителя... но на этотъ разъ мнѣ, право, почудилось, что старуха съ укоризной обратила ихъ на меня.

Я отвернулся, подошелъ къ окну и увидѣлъ Вѣру Николаевну. Съ зонтикомъ на плечѣ, съ легкой бѣлой косынкой на головѣ, шла она по саду. Я тотчасъ вышелъ изъ дому и поздоровался съ нею.

— Я всю ночь не спала, — сказала она мнѣ: — у меня голова болитъ; я вышла на воздухъ — авось пройдетъ.

— Неужели это отъ вчерашняго чтенія?—спросилъ я.

— Конечно: я къ этому не привыкла. Въ этой вашей книгѣ есть вещи, отъ которыхъ я никакъ отдѣлаться не могу; мнѣ кажется, это онѣ мнѣ такъ жгутъ голову, — прибавила она, приложивъ руку ко лбу.

— И прекрасно, — промолвилъ я: — но вотъ что̀ дурно: боюсь я, какъ бы эта безсонница и головная боль не отбили у васъ охоты читать такія вещи.

— Вы думаете?—возразила она и сорвала мимоходомъ вѣтку дикаго жасмина.—Богъ знаетъ! Мнѣ кажется, кто разъ ступитъ на эту дорогу, тотъ уже назадъ не вернется.

Она вдругъ бросила вѣтку въ сторону.

— Пойдемте, сядемте въ эту бесѣдку, — продолжала она:—и, пожалуйста, до тѣхъ поръ, пока я не заговорю съ вами сама, не упоминайте мнѣ... объ этой книгѣ. (Она какъ будто боялась произнести имя „Фауста“.)

Мы вошли въ бесѣдку, сѣли.

— Я не буду говорить вамъ о „Фаустѣ“,—началъ я:— но вы позволите мнѣ поздравить васъ и сказать вамъ, что я вамъ завидую.

— Вы мнѣ завидуете?

— Да; вамъ, какъ я теперь васъ знаю, съ вашей душою, сколько предстоитъ наслажденій! Есть великіе поэты, кромѣ Гёте: Шекспиръ, Шиллеръ... да и нашъ Пушкинъ... и съ нимъ надо вамъ познакомиться.

Она молчала и чертила зонтикомъ по песку.

О, другъ мой, Семенъ Николаичъ! если бъ ты могъ видѣть, какъ она была мила въ это мгновеніе: блѣдная почти до прозрачности, слегка наклоненная, усталая, вну-

тренно разстроенная — и все-таки ясная какъ небо! Я говорилъ, говорилъ долго, потомъ умолкъ—и такъ сидѣлъ молча, да глядѣлъ на нее...

Она не поднимала глазъ и продолжала то чертить зонтикомъ, то стирать начерченное. Вдругъ раздались проворные дѣтскіе шаги: Наташа вбѣжала въ бесѣдку. Вѣра Николаевна выпрямилась, встала и, къ удивленію моему, съ какой-то порывистой нѣжностью обняла свою дочь... Это не въ ея привычкахъ. Потомъ явился Пріимковъ. Сѣдовласый, но аккуратный младенецъ Шиммель уѣхалъ до свѣта, чтобъ не пропустить урока. Мы пошли пить чай.

Однако, я усталъ; пора кончить это письмо. Оно должно показаться тебѣ нелѣпымъ, смутнымъ. Я самъ чувствую себя смутнымъ. Мнѣ не по себѣ. Я не знаю, что̀ со мною. Мнѣ то и дѣло мерещится маленькая комната съ голыми стѣнами, лампа, раскрытая дверь, запахъ и свѣжесть ночи, а тамъ, возлѣ двери, внимательное молодое лицо, легкія бѣлыя одежды... Я понимаю теперь, почему я хотѣлъ на ней жениться: я, видно, не такъ былъ глупъ передъ поѣздкой въ Берлинъ, какъ я до сихъ поръ думалъ. Да, Семенъ Николаичъ, въ странномъ состояніи духа находится вашъ другъ. Все это, я знаю, пройдетъ... а если не пройдетъ—ну, что жъ? не пройдетъ. Но я, все-таки, собой доволенъ: во-первыхъ, я удивительный провелъ вечеръ; а во-вторыхъ, если я разбудилъ эту душу, кто можетъ меня обвинить? Старуха Ельцова пригвождена къ стѣнѣ и должна молчать. Старуха!.. подробности ея жизни не всѣ мнѣ извѣстны; но я знаю, что она убѣжала изъ отцовскаго дома: видно, не даромъ она родилась отъ итальянки. Ей хотѣлось застраховать свою дочь... Посмотримъ.

Бросаю перо. Ты, насмѣшливый человѣкъ, пожалуйста, думай обо мнѣ, что̀ хочешь, но не глумись надо мною письменно. Мы съ тобой старые пріятели и должны щадить другъ друга. Прощай!

Твой П. Б.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Отъ того же къ тому же.

Село М...ое, 26-го іюля 1850 г.

Я давно къ тебѣ не писалъ, милый Семенъ Николаичъ; кажется, больше мѣсяца. Писать было о чемъ, да лѣнь одолѣла. Говоря правду, я почти не вспомнилъ о тебѣ все это время. Но изъ послѣдняго твоего письма ко мнѣ я могу заключить, что ты дѣлаешь предположенія на мой счетъ, которыя несправедливы, то-есть, не совсѣмъ справедливы. Ты думаешь, что я увлеченъ Вѣрой (мнѣ какъ-то неловко называть ее Вѣрой Николаевной); ты ошибаешься. Конечно, я вижусь съ ней часто, она мнѣ нравится чрезвычайно... да кому бы она не понравилась? хотѣлъ бы я тебя посмотрѣть на моемъ мѣстѣ. Удивительное созданіе! Проницательность мгновенная рядомъ съ неопытностью ребенка, ясный, здравый смыслъ и врожденное чувство красоты, постоянное стремленіе къ правдѣ, къ высокому, и пониманіе всего, даже порочнаго, даже смѣшного—и надо всѣмъ этимъ, какъ бы бѣлыя крылья ангела, тихая женская прелесть... Да что и говорить! Мы много читали, много толковали съ ней въ теченіе этого мѣсяца. Читать съ ней — наслажденіе, какого я еще не испытывалъ. Точно новыя страны открываешь. Въ восторгъ она ни отъ чего не приходитъ: все шумное ей чуждо; она тихо свѣтится вся, когда ей что нравится, и лицо принимаетъ такое благородное и доброе... именно, доброе выраженіе. Съ самаго ранняго дѣтства Вѣра не знала, что̀ такое ложь: она привыкла къ правдѣ, она дышитъ ею, а потому и въ поэзіи одна правда кажется ей естественной; она тотчасъ, безъ труда и напряженія, узнаетъ ее, какъ знакомое лицо... великое преимущество и счастіе! Нельзя за это не помянуть добромъ ея матери. Сколько разъ думалъ я, глядя на Вѣру: да, правъ Гёте:—„добрый человѣкъ въ неясномъ своемъ стремленіи всегда чувствуетъ, гдѣ настоящая дорога“ *). Одно досадно: мужъ все тутъ вертится. (Пожалуйста, не смѣйся глупымъ смѣхомъ, не

*) „Фаустъ“, прологъ 1-й части.

оскверняй даже мыслью нашей чистой дружбы.) Онъ столь же способенъ понимать поэзію, какъ я расположенъ играть на флейтѣ, а не хочетъ отстать отъ жены, просвѣтиться тоже желаетъ. Иногда она сама меня выводитъ изъ терпѣнья; вдругъ найдетъ на нее стихъ какой-то: ни читать не хочетъ, ни разговаривать, шьетъ въ пяльцахъ, возится съ Наташей, съ ключницей, въ кухню вдругъ сбѣгаетъ, или просто сидитъ, поджавъ руки, и посматриваетъ въ окошко, а не то примется играть съ няней въ дурачки... Я замѣтилъ: въ этихъ случаяхъ къ ней приставать не должно, а лучше подождать, пока она подойдетъ, заговоритъ или возьмется за книжку. Самоятельности въ ней много, и я очень этому радъ. Бывало, помнишь, въ дни нашей юности, какая-нибудь дѣвочка повторяетъ тебѣ, какъ умѣетъ, твои же слова, а ты восхищаешься этимъ эхомъ и, пожалуй, поклоняешься ему, пока не раскусишь, въ чемъ дѣло; а эта... нѣтъ: эта сама по себѣ. На вѣру она ничего не приметъ; авторитетомъ ее не запугаешь; спорить она не станетъ; но и не поддастся. О „Фаустѣ“ мы съ ней разсуждали не однажды: но—странное дѣло!—о Гретхенъ она ничего сама не говоритъ, а только слушаетъ, что я ей скажу. Мефистофель ее пугаетъ не какъ чортъ, а какъ „что-то такое, что въ каждомъ человѣкѣ можетъ быть“... Это ея собственныя слова. Я началъ-было толковать ей, что это „что-то“ мы называемъ рефлексіей; но она не поняла слова рефлексія въ нѣмецкомъ смыслѣ: она только знаетъ одну французскую „réflexion“ и привыкла почитать ее полезной. Удивительныя наши отношенія! Съ нѣкоторой точки зрѣнія я могу сказать, что имѣю на нее вліяніе большое и какъ бы воспитываю ее; но и она, сама того не замѣчая, во многомъ меня передѣлываетъ къ лучшему. Я, напримѣръ, только по ея милости недавно открылъ, какая бездна условнаго, риторическаго во многихъ прекрасныхъ, извѣстныхъ поэтическихъ произведеніяхъ. Къ чему она остается холодною, то уже въ моихъ глазахъ заподозрѣно. Да, я сталъ лучше, яснѣе. Быть къ ней близкимъ, видаться съ нею и остаться прежнимъ человѣкомъ—невозможно.

Что же изъ этого всего выйдетъ? спросишь ты. Да, право, я думаю — ничего. Я весьма пріятно проведу время до сентября, а тамъ уѣду. Темна и скучна покажется мнѣ жизнь въ первые мѣсяцы... Привыкну. Я знаю, какъ опасна какая бы то ни было связь между мужчиной и молодой женщиной, какъ незамѣтно одно чувство смѣняется другимъ... Я бы сумѣлъ оторваться, если бъ я не сознавалъ, что мы оба совершенно покойны. Правда, однажды между нами произошло что-то странное. Не знаю, какъ и вслѣдствіе чего—помнится, мы читали „Онѣгина"—я у ней поцѣловалъ руку. Она слегка отодвинулась, устремила на меня взглядъ (я, кромѣ ея, ни у кого не видалъ такого взгляда: въ немъ и задумчивость, и вниманіе, и какая-то строгость)... вдругъ покраснѣла, встала и ушла. Въ тотъ день мнѣ ужъ не удалось быть съ ней наединѣ. Она избѣгала меня и битыхъ четыре часа играла съ мужемъ, няней и гувернанткой въ свои-козыри! На другое утро она предложила мнѣ идти въ садъ. Мы прошли его весь, до самаго озера. Она вдругъ, не оборачиваясь ко мнѣ, тихо прошептала: „Пожалуйста, впередъ не дѣлайте этого!" и тотчасъ начала мнѣ что-то разсказывать... Я былъ очень пристыженъ.

Я долженъ сознаться, что образъ ея не выходитъ у меня изъ головы, и я едва ли не съ тѣмъ намѣреніемъ сталъ писать къ тебѣ письмо, чтобы имѣть возможность думать и говорить о ней. Я слышу фырканье и топотъ лошадей: это мнѣ подаютъ коляску. Ѣду къ нимъ. Кучеръ мой уже не спрашиваетъ меня теперь, куда ѣхать, когда я сажусь въ экипажъ,—прямо везетъ къ Пріимковымъ. За двѣ версты до ихъ села, на крутомъ поворотѣ дороги, усадьба ихъ внезапно выглядываетъ изъ-за березовой рощи... У меня всякій разъ радостно станетъ на сердцѣ, какъ только блеснутъ вдали ея окна. Шиммель (безвредный этотъ старикъ изрѣдка къ нимъ пріѣзжаетъ; князей Х...хъ они, слава Богу, видѣли всего разъ)... Шиммель не даромъ говоритъ, со свойственною ему скромною торжественностью, указывая на домъ, гдѣ живетъ Вѣра: „это обитель мира!" Въ этомъ домѣ поселился мирный ангелъ...

Крыломъ своимъ меня одѣнь,
Волненье сердца утиши,—
И благодатна будетъ тѣнь
Для очарованной души...

Ну, однако, довольно; а то ты Богъ знаетъ что̀ подумаешь. До слѣдующаго раза... Что-то напишу я въ слѣдующій разъ? — Прощай! — Кстати, она никогда не скажетъ: прощайте, а всегда: ну, прощайте.—Мнѣ это ужасно нравится.

Твой П. Б.

P. S. Я не помню, сказывалъ ли я тебѣ, что она знаетъ, что я за нее сватался.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Отъ того же къ тому же.

Сельцо М...ое, 10 августа 1850 г.

Сознайся, ты ожидаешь отъ меня письма либо отчаяннаго, либо восторженнаго... Не тутъ-то было. Письмо мое будетъ, какъ всѣ письма. Новаго ничего не произошло, да, кажется, и произойти не можетъ. На-дняхъ мы катались въ лодкѣ по озеру. Опишу тебѣ это катанье. Насъ было трое: она, Шиммель и я. Не понимаю, что̀ ей за охота такъ часто приглашать этого старика. Х...іе дуются на него, говорятъ, что онъ сталъ пренебрегать своими уроками. Впрочемъ, на этотъ разъ онъ былъ забавенъ. Пріимковъ не поѣхалъ съ нами: у него болѣла голова. Погода была славная, веселая: большія, точно разодранныя, бѣлыя тучи по синему небу, вездѣ блескъ, шумъ въ деревьяхъ, плесканье и шлёпанье воды у берега, на волнахъ бѣглыя, золотыя змѣйки, свѣжесть и солнце! — Сперва мы съ нѣмцемъ гребли; потомъ мы подняли парусъ и помчались. Носъ лодки такъ и занырялъ, а за кормою слѣдъ шипѣлъ и пѣнился. Она сѣла у руля и стала править; на голову она повязала платокъ: шляпу бы снесло; кудри вырывались изъ-подъ него и мягко бились по воздуху. Она твердо держала руль своей загорѣлой ручкой и улыбалась брызгамъ, изрѣдка летѣвшимъ ей въ лицо. Я прикорнулъ на днѣ лодки, недалеко отъ ея ногъ, нѣмецъ досталъ трубку, закурилъ свой кнастеръ и—вообрази—за-

пѣлъ довольно пріятнымъ басомъ. Сперва онъ спѣлъ старинную пѣсенку: „Freut' euch des Lebens“, потомъ арію изъ „Волшебной флейты“, потомъ романсъ подъ названіемъ: „Азбука любви“ — „Das A-B-C der Liebe“. Въ этомъ романсѣ проходится — съ приличными прибауками, разумѣется — вся азбука, начиная съ А, Бе, Це, Де, — Венъ ихъ дихъ зе! и кончая: У, Фау, Ве, Иксъ,—Махъ эйненъ книксъ! — Онъ пропѣлъ всѣ куплеты съ чувствительнымъ выраженіемъ; но надо было видѣть, какъ плутовски онъ прищурилъ лѣвый глазъ на слогѣ: книксъ:— Вѣра засмѣялась и погрозила ему пальцемъ. Я замѣтилъ, что, сколько мнѣ кажется, г. Шиммель, въ свое время, былъ малый не промахъ. „О, да, и я могъ постоять за себя!“ возразилъ онъ съ важностью, выколотилъ пепелъ изъ трубки себѣ на ладонь и, полѣзая пальцами въ кисетъ, ухарски, сбоку закусилъ мундштукъ чубука. „Когда я былъ студентомъ“,—прибавилъ онъ: — „о-хо-хо!“ Больше онъ ничего не сказалъ. Но что это было за о-хо-хо!— Вѣра попросила его спѣть какую-нибудь студенческую пѣсню, и онъ спѣлъ ей: „Knaster, den gelben“, но на послѣдней нотѣ сфальшилъ. Очень ужъ онъ раскутился. Между тѣмъ, вѣтеръ усилился, волны покатились довольно большія, лодку слегка накренило; ласточки зашныряли низко вокругъ насъ. Мы переставили парусъ, начали лавировать. Вѣтеръ вдругъ перескочилъ, мы не успѣли справиться—волна шлёпнула черезъ бортъ, лодка сильно зачерпнула. И тутъ нѣмецъ показалъ себя молодцомъ; вырвалъ у меня веревку и поставилъ парусъ какъ слѣдовало, промолвивъ при томъ: „Вотъ какъ это дѣлается въ Куксгафенѣ!“—„So macht man's in Kuxhafen!“

Вѣра, вѣроятно, испугалась, потому-что поблѣднѣла, но, по своему обыкновенію, не произнесла ни слова, подобрала платье и поставила носки на перекладину лодки. Мнѣ вдругъ пришло въ голову стихотвореніе Гёте (я съ нѣкоторыхъ поръ весь зараженъ имъ)... помнишь: „На волнахъ сверкаютъ тысячи колеблющихся звѣздъ“, и прочелъ его громко. Когда я дошелъ до стиха: „Глаза мои, зачѣмъ вы опускаетесь?“ она слегка приподняла свои

глаза (я сидѣлъ ниже ея: взоръ ея падалъ на меня сверху) и долго смотрѣла вдаль, щурясь отъ вѣтра... Легкій дождь налетѣлъ мгновенно и запрыгалъ пузырями по водѣ. Я предложилъ ей свое пальто: она накинула его себѣ на плечи. Мы пристали къ берегу — не у пристани — и до дому дошли пѣшкомъ. Я велъ ее подъ руку. Мнѣ все какъ будто хотѣлось сказать ей что-то; но я молчалъ. Однако, я, помнится, спросилъ ее, зачѣмъ она, когда бываетъ дома, всегда сидитъ подъ портретомъ г-жи Ельцовой, словно птенчикъ подъ крыломъ матери? — „Ваше сравненіе очень вѣрно",—возразила она:—„я бы никогда не желала выйти изъ-подъ ея крыла". — Не желали бы выйти на волю? — спросилъ я опять. Она ничего не отвѣчала.

Я не знаю, зачѣмъ я разсказалъ тебѣ эту прогулку,— потому развѣ, что она осталась въ моей памяти, какъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ событій прошедшихъ дней, хотя, въ сущности, какое же это событіе? Мнѣ было такъ отрадно и безмолвно-весело, и слезы, слезы легкія и счастливыя, такъ и просились изъ глазъ.

Да! вообрази: на другой день, проходя въ саду мимо бесѣдки, слышу я вдругъ чей-то пріятный, звучный женскій голосъ поетъ: „Freut' euch des Lebens"... Я взглянулъ въ бесѣдку:—это была Вѣра. „Браво!"—воскликнулъ я:—„я и не зналъ, что у васъ такой славный голосъ!"— Она застыдилась и умолкла. Кромѣ шутокъ, у ней отличный, сильный сопрано. А она, я думаю, и не подозрѣвала, что у ней хорошій голосъ. Сколько нетронутыхъ богатствъ еще таится въ ней! Она сама себя не знаетъ. Но не правда ли, что такая женщина въ наше время рѣдкость?

12 августа.

Престранный разговоръ былъ у насъ вчера. Рѣчь зашла сперва о привидѣніяхъ. Вообрази: она въ нихъ вѣритъ и говоритъ, что имѣетъ на то свои причины. Пріимковъ, который тутъ же сидѣлъ, опустилъ глаза и покачалъ головою, какъ бы подтверждая ея слова. Я сталъ было ее разспрашивать, но скоро замѣтилъ, что этотъ

разговоръ былъ ей непріятенъ. Мы начали говорить о воображеніи, о силѣ воображенія. Я разсказалъ, что въ молодости я, много мечтая о счастіи (обыкновенное занятіе людей, которымъ въ жизни не повезло или не везетъ), между прочимъ, мечталъ о томъ, какое было бы блаженство провести вмѣстѣ съ любимой женщиной нѣсколько недѣль въ Венеціи. Я такъ часто думалъ объ этомъ, особенно по ночамъ, что у меня понемногу сложилась въ головѣ цѣлая картина, которую я могъ, по желанію, вызвать передъ собою: стоило только закрыть глаза. Вотъ что̀ мнѣ представлялось: ночь, луна, свѣтъ отъ луны бѣлый и нѣжный, запахъ... ты думаешь, лимона? нѣтъ, ванили, запахъ кактуса, широкая водная гладь, плоскій островъ, заросшій оливами; на островѣ, у самаго берега, небольшой мраморный домъ, съ раскрытыми окнами; слышится музыка, Богъ знаетъ откуда; въ домѣ деревья съ темными листьями, и свѣтъ полузавѣшенной лампы; изъ одного окна перекинулась тяжелая бархатная мантія съ золотой бахромой и лежитъ однимъ концомъ на водѣ; а облокотясь на мантію, рядомъ сидятъ *онъ* и *она*, и глядятъ вдаль, туда, гдѣ виднѣется Венеція. Все это такъ ясно мнѣ представлялось, какъ будто я все это видѣлъ собственными глазами. Она выслушала мои бредни и сказала, что и она тоже часто мечтаетъ, но что ея мечтанія другого рода: она либо воображаетъ себя въ степяхъ Африки, съ какимъ-нибудь путешественникомъ, либо отыскиваетъ слѣды Франклина на Ледовитомъ океанѣ; живо представляетъ себѣ всѣ лишенія, которымъ должна подвергаться, всѣ трудности, съ которыми приходится бороться...

— Ты начиталась путешествій,—замѣтилъ ея мужъ.

— Можетъ-быть,— возразила она: — но коли ужъ мечтать, что за охота мечтать о несбыточномъ?

— А почему же нѣтъ?—подхватилъ я.— Чѣмъ бѣдное несбыточное виновато?

— Я не такъ выразилась,—промолвила она:—я хотѣла сказать, что за охота мечтать о самой себѣ, о своемъ счастіи? О немъ думать нечего; оно не приходитъ — что

за нимъ гоняться! Оно—какъ здоровье: когда его не замѣчаешь, значитъ, оно есть.

Эти слова меня удивили. Въ этой женщинѣ великая душа, повѣрь мнѣ... Отъ Венеціи разговоръ перешелъ къ Италіи, къ итальянцамъ. Пріимковъ вышелъ, мы съ Вѣрой остались одни.

— И въ вашихъ жилахъ течетъ итальянская кровь,— замѣтилъ я.

— Да,— возразила она: — хотите, я покажу вамъ портретъ моей бабушки?

— Сдѣлайте одолженіе.

Она пошла въ свой кабинетъ и принесла оттуда довольно большой золотой медальонъ. Раскрывъ этотъ медальонъ, я увидѣлъ превосходно написанные миніатюрные портреты отца Ельцовой и его жены — этой крестьянки изъ Альбано. Дѣдъ Вѣры поразилъ меня сходствомъ съ своей дочерью. Только черты у него, окаймленныя бѣлымъ облакомъ пудры, казались еще строже, заостреннѣе и рѣзче, а въ маленькихъ желтыхъ глазахъ просвѣчивало какое-то угрюмое упрямство. Но что за лицо было у итальянки! сладострастное, раскрытое, какъ расцвѣтшая роза, съ большими влажными глазами навыкатѣ и самодовольно улыбавшимися, румяными губами! Тонкія чувственныя ноздри, казалось, дрожали и расширялись, какъ послѣ недавнихъ поцѣлуевъ; отъ смуглыхъ щекъ такъ и вѣяло зноемъ и здоровьемъ, роскошью молодости и женской силы... Этотъ лобъ не мыслилъ никогда, да и слава Богу! Она нарисована въ своемъ альбанскомъ нарядѣ; живописецъ (мастеръ!) помѣстилъ виноградную вѣтку въ ея волосахъ, черныхъ, какъ смоль, съ ярко-сѣрыми отблесками: это вакхическое украшеніе идетъ какъ нельзя болѣе къ выраженію ея лица. И знаешь ли, кого мнѣ напоминало это лицо? Мою Манонъ Леско въ черной рамкѣ. И что̀ всего удивительнѣе: глядя на этотъ портретъ, я вспомнилъ, что у Вѣры, несмотря на совершенное несходство очертаній, мелькаетъ иногда что-то похожее на эту улыбку, на этотъ взглядъ...

Да, повторяю: ни она сама, ни другой кто на свѣтѣ не знаетъ еще всего, что̀ таится въ ней...

Кстати! Ельцова, передъ свадьбой своей дочери, разсказала ей всю свою жизнь, смерть своей матери и т. д., вѣроятно, съ поучительною цѣлью. На Вѣру особенно подѣйствовало то, что она услыхала о дѣдѣ, объ этомъ таинственномъ Ладановѣ. Не отъ этого ли она вѣритъ въ привидѣнія? Странно! сама она такая чистая и свѣтлая, а боится всего мрачнаго, подземнаго, и вѣритъ въ него...

Но довольно. Къ чему писать все это? Впрочемъ, такъ какъ оно уже написалось, то пусть и отправляется къ тебѣ.

Твой П. Б.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Отъ того же къ тому же.

Сельцо М....ое, 22-го августа.

Берусь за перо спустя десять дней послѣ послѣдняго письма... О, мой другъ, я не могу скрываться болѣе... Какъ мнѣ тяжело! какъ я ее люблю! Ты можешь себѣ представить, съ какимъ горькимъ содроганьемъ пишу я это роковое слово. Я не мальчикъ, даже не юноша; я уже не въ той порѣ, когда обмануть другого почти невозможно, а самого себя обмануть ничего не стоитъ. Я все знаю и вижу ясно. Я знаю, что мнѣ подъ сорокъ лѣтъ, что она жена другого, что она любитъ своего мужа; я очень хорошо знаю, что отъ несчастнаго чувства, которое мною овладѣло, мнѣ, кромѣ тайныхъ терзаній и окончательной растраты жизненныхъ силъ, ожидать нечего, — я все это знаю, я ни на что не надѣюсь и ничего не хочу; но отъ этого мнѣ не легче. Уже съ мѣсяцъ тому назадъ, началъ я замѣчать, что влеченіе мое къ ней становилось все сильнѣй и сильнѣй. Это меня отчасти смущало, отчасти даже радовало... Но могъ ли я ожидать, что со мною повторится все то, чему, казалось, такъ же, какъ и молодости, нѣтъ возврата? Да что я говорю! Такъ я никогда не любилъ, нѣтъ, никогда! Манонъ Леско, Фретильоны— вотъ были мои кумиры. Такіе кумиры разбить легко; а теперь... я только теперь узналъ, что значитъ полюбить женщину. Стыдно мнѣ даже говорить объ этомъ; но оно такъ. Стыдно мнѣ... Любовь все-таки эгоизмъ; а въ мои

годы эгоистомъ быть непозволительно: нельзя въ тридцать-семь лѣтъ жить для себя; должно жить съ пользой, съ цѣлью на землѣ исполнять свой долгъ, свое дѣло. И я принялся-было за работу... Вотъ, опять все развѣяно, какъ вихремъ! Теперь я понимаю, о чемъ я писалъ тебѣ въ первомъ моемъ письмѣ; я понимаю, какого испытанія мнѣ недоставало. Какъ внезапно обрушился этотъ ударъ на мою голову! Стою и безсмысленно гляжу впередъ: черная завѣса виситъ передъ самыми глазами; на душѣ тяжело и страшно! Я могу себя сдерживать, я наружно спокоенъ не только при другихъ, даже наединѣ; не бѣсноваться же мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, какъ мальчику! Но червь вползъ въ мое сердце и сосетъ его днемъ и ночью. Чѣмъ это кончится? До сихъ поръ я въ ея отсутствіи тосковалъ и волновался и при ней утихалъ тотчасъ... Теперь я при ней непокоенъ — вотъ что меня пугаетъ. О, другъ мой какъ тяжело стыдиться слезъ своихъ, скрывать ихъ!.. Одной молодости позволительно плакать; слезы идутъ къ ней одной...

Я не могу перечесть это письмо; оно у меня вырвалось невольно, какъ стонъ. Я не могу ничего прибавить, ничего разсказать... Дай срокъ: я приду въ себя, овладѣю своею душою, я буду говорить съ тобою какъ мужчина, а теперь мнѣ бы хотѣлось прислонить мою голову къ твоей груди и...

О, Мефистофель! и ты мнѣ не помогаешь. Я остановился съ намѣреніемъ, съ намѣреніемъ раздражалъ въ себѣ ироническую жилу, напоминалъ самому себѣ, какъ смѣшны и приторны покажутся мнѣ черезъ годъ, черезъ полгода, эти жалобы, эти изліянія... Нѣтъ, Мефистофель безсиленъ, и зубъ его притупѣлъ... Прощай.

Твой П. Б.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ.

Отъ того же къ тому же.

Сельцо М....ое, 8 сентября 1850.

Любезный другъ мой, Семенъ Николаичъ!

Ты слишкомъ къ сердцу принялъ мое послѣднее письмо.

Ты знаешь, какъ я всегда былъ склоненъ къ преувеличиванію моихъ ощущеній. Это у меня какъ-то невольно дѣлается: бабья натура! Съ годами это, конечно, пройдетъ; но, признаюсь со вздохомъ, до сихъ поръ, я все еще не исправился. А потому успокойся. Не буду отрицать впечатлѣнія, произведеннаго на меня Вѣрой, но опять-таки скажу: во всемъ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Пріѣзжать тебѣ сюда, какъ ты пишешь, совсѣмъ не слѣдуетъ. Скакать за тысячу верстъ, Богъ знаетъ изъ-за чего—да это было бы безуміе! Но я очень благодаренъ тебѣ за это новое доказательство твоей дружбы и, повѣрь мнѣ, никогда его не забуду. Твое путешествіе сюда потому еще неумѣстно, что я самъ скоро намѣренъ выѣхать въ Петербургъ. Сидя на твоемъ диванѣ, я разскажу тебѣ много, а теперь, право, не хочется: чего добраго, опять разболтаюсь и напутаю. Передъ выѣздомъ я тебѣ еще напишу. Итакъ, до скораго свиданія. Будь здоровъ и веселъ, и не сокрушайся слишкомъ объ участи—преданнаго тебѣ П. Б.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

Отъ того же къ тому же.

Село П...ое, 10 марта 1853.

Я долго не отвѣчалъ на твое письмо; я всѣ эти дни думалъ о немъ. Я чувствовалъ, что оно внушено тебѣ не празднымъ любопытствомъ, а истиннымъ дружескимъ участіемъ, но я все-таки колебался: послѣдовать ли мнѣ твоему совѣту, исполнить ли твое желаніе? Наконецъ я рѣшился; я все разскажу тебѣ. Облегчитъ ли меня моя исповѣдь, какъ ты полагаешь, не знаю; но мнѣ кажется, что я не въ правѣ скрыть отъ тебя то, что навсегда измѣнило жизнь мою; мнѣ кажется, что я даже остался бы виновнымъ... увы! еще болѣе виновнымъ передъ той незабвенной, милой тѣнью, если бъ я не повѣрилъ печальной нашей тайны единственному сердцу, которымъ я еще дорожу. Ты одинъ, можетъ-быть, на землѣ помнишь о Вѣрѣ, и ты судишь о ней легкомысленно и ложно; этого я допустить не могу. Узнай же все! Увы! это все можно

передать двумя словами. То, что̀ было между нами, промелькнуло мгновенно, какъ молнія, и какъ молнія принесло смерть и гибель...

Съ тѣхъ поръ, какъ ея не стало, съ тѣхъ поръ, какъ я поселился въ эту глушь, которой уже не покину до конца дней моихъ, прошло слишкомъ два года, и все такъ ясно въ моей памяти, такъ еще живы мои раны, такъ горько мое горе...

Я не стану жаловаться. Жалобы, раздражая, утоляютъ печаль, но не мою. Стану разсказывать.

Помнишь ты мое послѣднее письмо—то письмо, въ которомъ я вздумалъ-было разсѣять твои опасенія и отсовѣтовалъ тебѣ выѣзжать изъ Петербурга? Ты заподозрилъ его принужденную развязность, ты не повѣрилъ нашему скорому свиданію: ты былъ правъ. Наканунѣ того дня, когда я написалъ къ тебѣ, я узналъ, что я любимъ.

Начертавъ эти слова, я понялъ, какъ трудно мнѣ будетъ продолжать мой разсказъ до конца. Неотступная мысль объ ея смерти будетъ терзать меня съ удвоенной силой, меня будутъ жечь эти воспоминанія... Но я постараюсь совладать съ собою, и либо брошу писать, либо не скажу ненужнаго слова.

Вотъ какъ я узналъ, что Вѣра меня любитъ. Прежде всего, я долженъ тебѣ сказать (и ты мнѣ повѣришь), что до того дня я рѣшительно ничего не подозрѣвалъ. Правда, она иногда стала задумываться, чего съ ней прежде не бывало; но я не понималъ, отчего это съ ней дѣлалось. Наконецъ, въ одинъ день, 7 сентября, — памятный для меня день—вотъ что̀ случилось. Ты знаешь, какъ я любилъ ее и какъ мнѣ было тяжело. Я бродилъ, какъ тѣнь, мѣста не могъ найти. Я хотѣлъ-было остаться дома, но не вытерпѣлъ и отправился къ ней. Я засталъ ее одну въ кабинетѣ. Пріимкова не было дома: онъ уѣхалъ на охоту. Когда я вошелъ къ Вѣрѣ, она пристально посмотрѣла на меня и не отвѣтила на мой поклонъ. Она сидѣла у окна; на колѣняхъ у ней лежала книга, которую я узналъ тотчасъ: это былъ мой „Фаустъ“. Лицо ея выражало усталость. Я сѣлъ противъ нея. Она попросила

меня прочесть вслухъ ту сцену Фауста съ Гретхенъ, гдѣ она спрашиваетъ его, вѣритъ ли онъ въ Бога. Я взялъ книгу и началъ читать. Когда я кончилъ, я взглянулъ на нее. Прислонивъ голову къ спинкѣ креселъ и скрестивъ на груди руки, она все такъ же пристально смотрѣла па меня.

Не знаю, отчего у меня сердце вдругъ забилось.

— Что̀ вы со мной сдѣлали?—проговорила она медленнымъ голосомъ.

— Какъ?—произнесъ я съ смущеніемъ.

— Да, что̀ вы со мной сдѣлали?—повторила она.

— Вы хотите сказать,—началъ я:—зачѣмъ я убѣдилъ васъ читать такія книги?

Она встала молча и пошла вонъ изъ комнаты. Я глядѣлъ за нею вслѣдъ.

На порогѣ двери она остановилась и обернулась ко мнѣ.

— Я васъ люблю,—сказала она:—вотъ что̀ вы со мной сдѣлали.

Кровь мнѣ бросилась въ голову...

— Я васъ люблю, я въ васъ влюблена, — повторила Вѣра.

Она ушла и заперла за собою дверь. Не стану тебѣ описывать, что̀ произошло тогда со мной. Помню, я вышелъ въ садъ, забрался въ глушь, прислонился къ дереву, и сколько я тамъ простоялъ, сказать не могу. Я словно замеръ; чувство блаженства по временамъ волной пробѣгало по сердцу... Нѣтъ, не стану говорить объ этомъ. Голосъ Пріимкова вызвалъ меня изъ оцѣпенѣнья; ему послали сказать, что я пріѣхалъ: онъ вернулся съ охоты и искалъ меня. Онъ изумился, найдя меня въ саду одного, безъ шляпы, и повелъ меня въ домъ. „Жена въ гостиной,—промолвилъ онъ:—пойдемте къ ней“. Ты можешь себѣ представить, съ какими чувствами переступилъ я порогъ гостиной. Вѣра сидѣла въ углу, за пяльцами; я взглянулъ на нее украдкой и долго потомъ не поднималъ глазъ. Къ удивленію моему, она казалась спокойной; въ томъ, что она говорила, въ звукѣ ея голоса не слышалось тревоги. Я, наконецъ, рѣшился посмотрѣть на нее. Взоры

наши встрѣтились... Она чуть-чуть покраснѣла и наклонилась надъ канвой. Я сталъ наблюдать за нею. Она какъ-будто недоумѣвала; невеселая усмѣшка изрѣдка трогала ея губы.

Пріимковъ вышелъ. Она вдругъ подняла голову и довольно громко спросила меня:

— Что вы теперь намѣрены сдѣлать?

Я смутился и торопливо, глухимъ голосомъ, отвѣчалъ, что намѣренъ исполнить долгъ честнаго человѣка—удалиться, „потому что,—прибавилъ я:—я васъ люблю, Вѣра Николаевна, вы, вѣроятно, давно это замѣтили". Она опять наклонилась къ канвѣ и задумалась.

— Я должна переговорить съ вами,—промолвила она:—приходите сегодня вечеромъ, послѣ чаю, въ нашъ домикъ... знаете, гдѣ вы читали „Фауста".

Она сказала это такъ внятно, что я и теперь не постигаю, какимъ образомъ Пріимковъ, который въ это самое мгновенье входилъ въ комнату, не слыхалъ ничего. Тихо, томительно тихо прошелъ этотъ день. Вѣра иногда озиралась съ такимъ выраженіемъ, какъ-будто спрашивала себя: не во снѣ ли она? И въ то же время на лицѣ ея была написана рѣшимость. А я... я не могъ придти въ себя. Вѣра меня любитъ! Эти слова безпрестанно вращались въ моемъ умѣ; но я не понималъ ихъ,—ни себя не понималъ я, ни ее. Я не вѣрилъ такому неожиданному, такому потрясающему счастію; съ усиліемъ припоминалъ прошедшее, и тоже глядѣлъ, говорилъ, какъ во снѣ...

Послѣ чаю, когда я уже начиналъ думать о томъ, какъ бы незамѣтно выскользнуть изъ дома, она сама вдругъ объявила, что хочетъ идти гулять, и предложила мнѣ проводить ее. Я всталъ, взялъ шляпу и побрелъ за ней. Я не смѣлъ заговорить, я едва дышалъ, я ждалъ ея перваго слова, ждалъ объясненій; но она молчала. Молча дошли мы до китайскаго домика, молча вошли въ него, и тутъ—я до сихъ поръ не знаю, не могу понять, какъ это сдѣлалось — мы внезапно очутились въ объятіяхъ другъ друга. Какая-то невидимая сила бросила меня къ

ней, ее—ко мнѣ. При потухающемъ свѣтѣ дня, ея лицо, съ закинутыми назадъ кудрями, мгновенно озарилось улыбкой самозабвенія и нѣги, и наши губы слились въ поцѣлуй...

Этотъ поцѣлуй былъ первымъ и послѣднимъ.

Вѣра вдругъ вырвалась изъ рукъ моихъ и съ выраженіемъ ужаса въ расширенныхъ глазахъ, отшатнулась назадъ.

— Оглянитесь, — сказала она мнѣ дрожащимъ голосомъ:—вы ничего не видите?

Я быстро обернулся.

— Ничего. А вы развѣ что-нибудь видите?

— Теперь не вижу, а видѣла.

Она глубоко и рѣдко дышала.

— Кого? что̀?

— Мою мать, — медленно проговорила она и затрепетала вся.

Я тоже вздрогнулъ, словно холодомъ меня обдало. Мнѣ вдругъ стало жутко, какъ преступнику. Да развѣ я не былъ преступникомъ въ это мгновенье?

— Полноте! — началъ я: — что вы это? Скажите мнѣ лучше...

— Нѣтъ, ради Бога нѣтъ! — перебила она и схватила себя за голову. — Это сумасшествіе... Я съ ума схожу... Этимъ шутить нельзя—это смерть... Прощайте...

Я протянулъ къ ней руки.

— Остановитесь, ради Бога, на мгновеніе, — воскликнулъ я съ невольнымъ порывомъ. Я не зналъ, что̀ говорилъ и едва держался на ногахъ.—Ради Бога... вѣдь это жестоко!

Она взглянула на меня.

— Завтра, завтра вечеромъ,—проговорила она:—не сегодня, прошу васъ... уѣзжайте сегодня... завтра вечеромъ приходите къ калиткѣ сада, возлѣ озера. Я тамъ буду, я приду... я клянусь тебѣ, что приду, — прибавила она съ увлеченіемъ, и глаза ея блеснули:—кто бы ни останавливалъ меня, клянусь! Я все скажу тебѣ, только пусти меня сегодня.

И прежде, чѣмъ я могъ промолвить слово, она исчезла.

Потрясенный до основанія, я остался на мѣстѣ. Голова моя кружилась. Сквозь безумную радость, наполнявшую все мое существо, прокрадывалось тоскливое чувство... Я оглянулся. Страшна мнѣ показалась глухая, сырая комната, въ которой я стоялъ, съ ея низкимъ сводомъ и темными стѣнами.

Я вышелъ вонъ и направился тяжелыми шагами къ дому. Вѣра дожидалась меня на террасѣ; она вошла въ домъ, какъ только я приблизился, и тотчасъ же удалилась къ себѣ въ спальню.

Я уѣхалъ.

Какъ я провелъ ночь и слѣдующій день до вечера — этого передать нельзя. Помню только, что я лежалъ ничкомъ, спрятавъ лицо въ руки, вспоминалъ ея улыбку передъ поцѣлуемъ, шепталъ: „вотъ она, наконецъ...“

Вспоминалъ я также слова Ельцовой, переданныя мнѣ Вѣрой. Она ей сказала однажды: — „ты какъ ледъ: пока не растаешь—крѣпка, какъ камень, а растаешь—и слѣда отъ тебя не останется“.

Еще вотъ что мнѣ приходило на память: мы какъ-то толковали съ Вѣрой о томъ, что значитъ умѣнье, талантъ.

— Я умѣю только одно, — сказала она: — молчать до послѣдней минуты.

Я тогда ничего не понималъ.

„Но что значитъ ея испугъ?“ спрашивалъ я себя... „Неужели она точно видѣла Ельцову? Воображеніе!“ думалъ я, и снова предавался ощущеніямъ ожиданія.

Въ тотъ же день я написалъ тебѣ—съ какими мыслями, жутко вспомнить—то лукавое письмо.

Вечеромъ — солнце еще не садилось — я уже стоялъ шагахъ въ пятидесяти отъ калитки сада, въ высокомъ и густомъ лозникѣ, на берегу озера. Я изъ дому пришелъ пѣшкомъ. Сознаюсь, къ стыду моему: страхъ, страхъ самый малодушный наполнялъ мою грудь, я безпрестанно вздрагивалъ... но я не чувствовалъ раскаянія. Спрятавшись между вѣтвями, я неотступно глядѣлъ на калитку. Она не растворялась. Вотъ сѣло солнце, вотъ завечерѣло;

вотъ уже звѣзды выступили, и небо почернѣло. Никто не показывался. Лихорадка меня била. Наступила ночь. Я не могъ терпѣть долѣе, осторожно вышелъ изъ лозника и подкрался къ калиткѣ. Все было тихо въ саду. Я кликнулъ шопотомъ Вѣру, кликнулъ въ другой разъ, въ третій... Ничей голосъ не отозвался. Прошло еще полчаса, прошелъ часъ; совсѣмъ темно стало. Ожиданіе меня истомило; я потянулъ къ себѣ калитку, разомъ отворилъ ее и на цыпочкахъ, словно воръ, направился къ дому. Я остановился въ тѣни липъ.

Въ домѣ почти всѣ окна были освѣщены: люди ходили взадъ и впередъ по комнатамъ. Это удивило меня: часы мои, сколько я могъ различить при тускломъ свѣтѣ звѣздъ, показывали половину двѣнадцатаго. Вдругъ раздался стукъ за домомъ: экипажъ съѣзжалъ со двора.

„Видно, гости", подумалъ я. Потерявъ всякую надежду видѣть Вѣру, я выбрался изъ сада и проворными шагами пошелъ домой. Ночь была темная, сентябрьская, но теплая и безъ вѣтра. Чувство не столько досады, сколько печали, которое овладѣло-было мною, разсѣялось понемногу, и я пришелъ къ себѣ домой, немного усталый отъ быстрой ходьбы, но успокоенный тишиною ночи, счастливый и почти веселый. Я вошелъ въ спальню, отослалъ Тимоѳея, не раздѣваясь бросился въ постель и погрузился въ думу.

Сперва мечты мои были отрадны; но скоро я замѣтилъ въ себѣ странную перемѣну. Я началъ ощущать какую-то тайную, грызущую тоску, какое-то глубокое, внутреннее безпокойство. Я не могъ понять, отчего оно происходило; но мнѣ становилось жутко и томно, точно близкое несчастіе мнѣ грозило, точно кто-то милый страдалъ въ это мгновенье и звалъ меня на помощь. На столѣ восковая свѣчка горѣла небольшимъ, неподвижнымъ пламенемъ, маятникъ стучалъ тяжело и мѣрно. Я оперъ голову на руку и принялся глядѣть въ пустой полумракъ моей одинокой комнаты. Я подумалъ о Вѣрѣ, и душа во мнѣ заныла: все, чему я такъ радовался, показалось мнѣ, какъ оно и слѣдовало, несчастіемъ, безвыходной пагубой.

Чувство тоски во мнѣ росло и росло; я не могъ лежать долѣе; мнѣ вдругъ опять почудилось, что кто-то зоветъ меня умоляющимъ голосомъ... Я приподнялъ голову и вздрогнулъ: точно, я не обманывался: жалобный крикъ примчался издалека и прильнулъ, слабо дребезжа, къ чернымъ стекламъ оконъ. Мнѣ стало страшно: я вскочилъ съ постели, раскрылъ окно. Явственный стонъ ворвался въ комнату и словно закружился надо мной. Весь похолодѣвъ отъ ужаса, внималъ я его послѣднимъ, замиравшимъ переливамъ. Казалось, кого-то рѣзали въ отдаленьи, и несчастный напрасно молилъ о пощадѣ. Сова ли это закричала въ рощѣ, другое ли какое существо издало этотъ стонъ, я не далъ себѣ тогда отчета, но, какъ Мазепа Кочубею, отвѣчалъ крикомъ на зловѣщій звукъ.

— Вѣра, Вѣра! — воскликнулъ я: — ты ли это зовешь меня? — Тимоѳей, заспанный и изумленный, явился предо мною.

Я опомнился, выпилъ стаканъ воды, перешелъ въ другую комнату; но сонъ не посѣтилъ меня. Сердце во мнѣ билось болѣзненно, хоть и не часто. Я уже не могъ предаваться мечтамъ о счастіи; я уже не смѣлъ вѣрить ему.

На другой день, передъ обѣдомъ, я отправился къ Пріимкову. Онъ встрѣтилъ меня съ озабоченнымъ лицомъ.

— Жена у меня больна,—началъ онъ:—въ постели лежитъ; я посылалъ за докторомъ.

— Что съ ней?

— Не понимаю. Вчера ввечеру пошла-было въ садъ и вдругъ вернулась, внѣ себя, перепуганная. Горничная за мной прибѣжала. Я прихожу, спрашиваю жену: что̀ съ тобой? Она ничего не отвѣчаетъ, и тутъ же слегла; ночью открылся бредъ. Въ бреду Богъ знаетъ что̀ говорила, васъ поминала. Горничная мнѣ сказала удивительную вещь: будто бы Вѣрочкѣ въ саду ея мать-покойница привидѣлась, будто бы ей показалось, что она идетъ къ ней навстрѣчу, съ раскрытыми руками.

Ты можешь себѣ представить, что̀ я почувствовалъ при этихъ словахъ.

— Конечно, это вздоръ, — продолжалъ Пріимковъ: —

однако, я долженъ сознаться, что съ моей женой въ этомъ родѣ случались необыкновенныя вещи.

— И, скажите, Вѣра Николаевна очень нездорова?

— Да, нездорова: ночью плохо было; теперь она въ забытьи.

— Что же сказалъ докторъ?

— Докторъ сказалъ, что болѣзнь еще не опредѣлилась...

12 марта.

Я не могу продолжать такъ, какъ началъ, любезный другъ: это стóитъ мнѣ слишкомъ большихъ усилій и слишкомъ растравляетъ мои раны. Болѣзнь, говоря словами доктора, опредѣлилась, и Вѣра умерла отъ этой болѣзни. Она двухъ недѣль не прожила послѣ рокового дня нашего мгновеннаго свиданія. Я ее видѣлъ еще разъ передъ ея кончиной. У меня нѣтъ воспоминанія болѣе жестокаго. Я уже зналъ отъ доктора, что надежды нѣтъ. Поздно вечеромъ, когда уже всѣ улеглись въ домѣ, я подкрался къ дверямъ ея спальни и заглянулъ въ нее. Вѣра лежала на постели, съ закрытыми глазами, худая, маленькая, съ лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ. Какъ окаменѣлый, смотрѣлъ я на нее. Вдругъ она раскрыла глаза, устремила ихъ на меня, вглядѣлась и, протянувъ исхудалую руку —

Что хочетъ онъ на освященномъ мѣстѣ,
Этотъ... вотъ этотъ... *)

произнесла она голосомъ до того страшнымъ, что я бросился бѣжать. Она почти все время своей болѣзни бредила „Фаустомъ“ и матерью своей, которую называла то Мартой, то матерью Гретхенъ.

Вѣра умерла. Я былъ на ея похоронахъ. Съ тѣхъ поръ я покинулъ все и поселился здѣсь навсегда.

Подумай теперь о томъ, чтò я разсказалъ тебѣ; подумай о ней, объ этомъ существѣ, такъ скоро погибшемъ. Какъ это случилось, какъ растолковать это непонятное

---

*) Was will er an dem heiligen Ort,
Der da... der dort...
„Фаустъ“, 1 часть. Послѣдняя сцена.

вмѣшательство мертваго въ дѣла живыхъ, я не знаю и никогда знать не буду; но ты согласись, что не припадокъ прохотливой хандры, какъ ты выражаешься, заставилъ меня удалиться отъ общества. Я сталъ не тотъ, какимъ ты зналъ меня: я многому вѣрю теперь, чему не вѣрилъ прежде. Я все это время столько думалъ объ этой несчастной женщинѣ (я чуть не сказалъ: дѣвушкѣ), объ ея происхожденіи, о тайной игрѣ судьбы, которую мы, слѣпые, величаемъ слѣпымъ случаемъ. Кто знаетъ, сколько каждый, живущій на землѣ, оставляетъ сѣмянъ, которымъ суждено взойти только послѣ его смерти? Кто скажетъ, какой таинственной цѣпью связана судьба человѣка съ судьбой его дѣтей, его потомства, и какъ отражаются на нихъ его стремленія, какъ взыскиваются съ нихъ его ошибки? Мы всѣ должны смириться и преклонить головы передъ Невѣдомымъ.

Да, Вѣра погибла, а я уцѣлѣлъ. Помню, когда я былъ еще ребенокъ, у насъ въ домѣ была красивая ваза изъ прозрачнаго алебастра. Ни одно пятнышко не позорило ея дѣвственной бѣлизны. Однажды, оставшись наединѣ, я началъ качать цоколь, на которомъ она стояла... ваза вдругъ упала и разбилась вдребезги. Я обмеръ отъ испуга и стоялъ неподвижно передъ осколками. Отецъ мой вошелъ, увидалъ меня и сказалъ: „вотъ, посмотри, что̀ ты сдѣлалъ: уже не будетъ у насъ нашей прекрасной вазы; теперь ужъ ничѣмъ ее поправить нельзя“. Я зарыдалъ. Мнѣ показалось, что я совершилъ преступленіе.

Я возмужалъ — и легкомысленно разбилъ сосудъ, въ тысячу разъ драгоцѣннѣйшій...

Напрасно говорю я себѣ, что я не могъ ожидать такой мгновенной развязки, что она меня самого поразила своей внезапностью, что я не подозрѣвалъ, какое существо была Вѣра. Она, точно, умѣла молчать до послѣдней минуты. Мнѣ слѣдовало бѣжать, какъ только я почувствовалъ, что люблю ее, люблю замужнюю женщину; но я остался,— и вдребезги разбилось прекрасное созданіе, и съ нѣмымъ отчаяніемъ гляжу я на дѣло рукъ своихъ.

Да, Ельцова ревниво оберегала свою дочь. Она сбе-

регла ее до конца и, при первомъ неосторожномъ шагѣ, унесла ее съ собой въ могилу.

Пора кончить... Я тебѣ и сотой доли не сказалъ того, что бы слѣдовало: но съ меня и этого было довольно. Пускай же опять упадетъ на дно души все, что̀ всплыло... Кончая, скажу тебѣ: одно убѣжденіе вынесъ я изъ опыта послѣднихъ годовъ: жизнь не шутка и не забава; жизнь даже не наслажденіе... жизнь — тяжелый трудъ. Отреченіе, отреченіе постоянное — вотъ ея тайный смыслъ, ея разгадка: не исполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній какъ бы онѣ возвышенны ни были, — исполненіе долга вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку; не наложивъ на себя цѣпей, желѣзныхъ цѣпей долга, не можетъ онъ дойти, не падая, до конца своего поприща; а въ молодости мы думаемъ: чѣмъ свободнѣе, тѣмъ лучше; тѣмъ дальше уйдешь. Молодости позволительно такъ думать; но стыдно тѣшиться обманомъ, когда суровое лицо истины глянуло, наконецъ, тебѣ въ глаза.

Прощай! Прежде я прибавилъ бы: будь счастливъ; теперь скажу тебѣ: старайся жить, оно не такъ легко, какъ кажется. Вспоминай обо мнѣ, не въ часы печали—въ часы раздумья, и сохраняй въ душѣ твоей образъ Вѣры во всей его чистой непорочности... Еще разъ, прощай!

Твой П. Б.

1855 г.

ПОѢЗДКА ВЪ ПОЛѢСЬЕ.

(РАЗСКАЗЪ.)

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

Видъ огромнаго, весь небосклонъ обнимающаго бора, видъ „Полѣсья“ напоминаетъ видъ моря. И впечатлѣнія имъ возбуждаются тѣ же; та же первобытная, нетронутая сила разстилается широко и державно передъ лицомъ зрителя. Изъ нѣдра вѣковыхъ лѣсовъ, съ безсмертнаго лона водъ поднимается тотъ же голосъ: „Мнѣ нѣтъ до тебя дѣла,—говоритъ природа человѣку:—я царствую, а ты хлопочи о томъ, какъ бы не умереть“. Но лѣсъ однообразнѣе и печальнѣе моря, особенно сосновый лѣсъ, постоянно одинаковый и почти безшумный. Море грозитъ и ласкаетъ, оно играетъ всѣми красками, говоритъ всѣми голосами; оно отражаетъ небо, отъ котораго тоже вѣетъ вѣчностью, но вѣчностью какъ будто намъ печуждой... Неизмѣнный, мрачный боръ угрюмо молчитъ или воетъ глухо—и при видѣ его еще глубже и неотразимѣе проникаетъ въ сердце людское сознаніе нашей ничтожности. Трудно человѣку, существу единаго дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему вы-

носить холодный, безучастно устремленный на него взглядъ вѣчной Изиды; не однѣ дерзостныя надежды и мечтанья молодости смиряются и гаснутъ въ немъ, охваченныя ледянымъ дыханіемъ стихіи; нѣтъ — вся душа его никнетъ и замираетъ; и чувствуетъ, что послѣдній изъ его братій можетъ исчезнуть съ лица земли—и ни одна игла не дрогнетъ на этихъ вѣтвяхъ; онъ чувствуетъ свое одиночество, свою слабость, свою случайность—и съ торопливымъ, тайнымъ испугомъ обращается онъ къ мелкимъ заботамъ и трудамъ жизни; ему легче въ этомъ мірѣ, имъ самимъ созданномъ, здѣсь онъ дома, здѣсь онъ смѣетъ еще вѣрить въ свое значенье и въ свою силу.

Вотъ какія мысли приходили мнѣ на умъ нѣсколько лѣтъ томъ назадъ, когда, стоя на крыльцѣ постоялаго дворика, построеннаго на берегу болотистой рѣчки Ресеты, увидалъ я впервые Полѣсье. Длинными, сплошными уступами разбѣгались передо мною синѣющія громады хвойнаго лѣса; кой-гдѣ лишь пестрѣли зелеными пятнами небольшія березовыя рощи; весь кругозоръ былъ охваченъ боромъ; нигдѣ не бѣлѣла церковь, не свѣтлѣли поля — все деревья да деревья, все зубчатыя верхушки и тонкій, тусклый туманъ, вѣчный туманъ Полѣсья висѣлъ вдали надъ ними. Не лѣнью, этой неподвижностью жизни, нѣтъ— отсутствіемъ жизни, чѣмъ-то мертвымъ, хотя и величавымъ, вѣяло мнѣ со всѣхъ краевъ небосклона; помню, большія бѣлыя тучи плыли мимо, тихо и высоко, и жаркій лѣтній день лежалъ недвижно на безмолвной землѣ. Красноватая вода рѣчки скользила безъ плеска между густыми тростниками; на днѣ ея смутно виднѣлись круглые бугры иглистаго моха, а берега то исчезали въ болотной тинѣ, то рѣзко бѣлѣли разсыпчатымъ и мелкимъ пескомъ. Мимо самаго дворика шла уѣздная, торная дорога.

На этой дорогѣ, прямо противъ крыльца, стояла телѣга, нагруженная коробами и ящиками. Владѣлецъ ея, худощавый мѣщанинъ съ ястребинымъ носомъ и мышиными глазками, сгорбленный и хромой, впрягалъ въ нее свою, тоже хромую, лошаденку; это былъ пряничникъ, который пробирался въ Карачевскую ярмарку. Вдругъ показалось

на дорогѣ нѣсколько людей; за ними потянулись другіе... наконецъ, повалила цѣлая гурьба; у всѣхъ были палки въ рукахъ и котомки за плечами. По ихъ походкѣ, усталой и развалистой, по загорѣлымъ лицамъ видно было, что они шли издалека: это юхновцы, копачи, возвращались съ заработковъ. Старикъ лѣтъ семидесяти, весь бѣлый, казалось, предводительствовалъ ими; онъ изрѣдка оборачивался и спокойнымъ голосомъ понукалъ отсталыхъ. „Но, но, но, ребятушки, — говорилъ онъ:—но-о". Всѣ они шли молча, въ какой-то важной тишинѣ. Одинъ лишь только, низкаго роста и на видъ сердитый, въ тулупѣ нараспашку, въ бараньей шапкѣ, надвинутой на самые глаза, поровнявшись съ пряничникомъ, вдругъ спросилъ его:

— Почемъ пряникъ, шутъ?

— Каковъ будетъ пряникъ, любезный человѣкъ,—возразилъ тонкимъ голоскомъ озадаченный торговецъ.—Есть и въ копейку, а то и грошъ дать надо. А есть ли грошъ въ мошнѣ-то?

— Да отъ него, чай, въ брюхѣ просолодитъ,—возразилъ тулупъ и отошелъ отъ телѣги.

— Поспѣшите, ребятушки, поспѣшите! — послышался голосъ старика:—до ночлега далеко.

— Необразованный народъ,—проговорилъ, искоса взглянувъ на меня, пряничникъ, какъ только вся толпа провалила мимо:—развѣ это кушанье про нихъ?

И наскоро снарядивши свою лошадку, спустился онъ къ рѣчкѣ, на которой виднѣлся маленькій бревенчатый паромъ. Мужикъ, въ бѣломъ войлочномъ „шлыкѣ" (обыкновенной полѣсской шапкѣ), вышелъ изъ низкой землянки ему навстрѣчу и переправилъ его на противоположный берегъ. Телѣжка поползла по изрытой и выбитой дорогѣ, изрѣдка взвизгивая однимъ колесомъ.

Я покормилъ лошадей — и тоже переправился. Протащившись версты съ двѣ болотистымъ лугомъ, взобрался я, наконецъ, по узкой гати въ просѣку лѣса. Тарантасъ неровно запрыгалъ по круглымъ бревешкамъ; я вылѣзъ и пошелъ пѣшкомъ. Лошади выступали дружнымъ шагомъ, фыркая и отмахиваясь головами отъ комаровъ и мошекъ.

Полѣсье приняло насъ въ свои нѣдра. Съ окраины, ближе къ лугу, росли березы, осины, липы, клены и дубы; потомъ они стали рѣже попадаться, сплошной стѣной надвинулся густой ельникъ; далѣе закраснѣли голые стволы сосенника, а тамъ опять потянулся смѣшанный лѣсъ, заросшій снизу кустами орѣшника, черемухи, рябины и крупными, сочными травами. Солнечные лучи ярко освѣщали верхушки деревьевъ и, разсыпаясь по вѣтвямъ, лишь кое-гдѣ достигали до земли поблѣднѣвшими полосами и пятнами. Птицъ почти не было слышно—онѣ не любятъ большихъ лѣсовъ; только по временамъ раздавался заунывный, троекратный возгласъ удода, да сердитый крикъ орѣховки или сойки; молчаливый, всегда одинокій сиворонокъ перелеталъ черезъ просѣку, сверкая золотистою лазурью своихъ красивыхъ перьевъ. Иногда деревья рѣдѣли, разступались, впереди свѣтлѣло, тарантасъ выѣзжалъ на расчищенную, песчаную поляну; жидкая рожь росла на ней грядами, безшумно качая свои блѣдные колосики; въ сторонѣ темнѣла ветхая часовенка съ покривившимся крестомъ надъ колодцемъ; невидимый ручеекъ мирно болталъ переливчатыми и гулкими звуками, какъ будто втекая въ пустую бутылку; а тамъ вдругъ дорогу перегораживала недавно обрушившаяся береза, и лѣсъ стоялъ кругомъ, до того старый, высокій и дремучій, что даже воздухъ казался спертымъ. Мѣстами просѣка была вся залита водой; по обѣимъ сторонамъ разстилалось лѣсное болото, все зеленое и темное, все покрытое тростниками и мелкимъ ольшаникомъ; утки взлетывали попарно — и странно было видѣть этихъ водяныхъ птицъ, быстро мелькающихъ между соснами. — „Га, га, га, га“, неожиданно поднимался протяжный крикъ; то пастухъ гналъ стадо черезъ мелколѣсье; бурая корова съ острыми, короткими рогами шумно продиралась сквозь кусты и останавливалась, какъ вкопанная, на краю просѣки, уставивъ свои большіе темные глаза на бѣжавшую передо мной собаку; вѣтерокъ приносилъ тонкій и крѣпкій запахъ жженаго дерева; бѣлый дымокъ расползался вдали круглыми струйками по блѣдно-синему лѣсному воздуху: знать, мужичокъ промышлялъ уголь на

стеклянный заводъ или на фабрику. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ глуше и тише становилось вокругъ. Въ бору всегда тихо, только идетъ — тамъ, высоко надъ головою, какой-то долгій ропотъ и сдержанный гулъ по верхушкамъ... Ѣдешь-ѣдешь, не перестаетъ эта вѣчная лѣсная молвь, и начинаетъ сердце ныть понемногу, и хочется человѣку выйти поскорѣй на просторъ, на свѣтъ, хочется ему вздохнуть полной грудью—и давитъ его эта пахучая сырость и гниль...

Верстъ пятнадцать ѣхали мы шагомъ, изрѣдка рысцой. Мнѣ хотѣлось засвѣтло попасть въ село Святое, лежащее въ самой серединѣ лѣса. Раза два встрѣтились мнѣ мужички съ надраннымъ лыкомъ или съ длинными бревнами на телѣгахъ.

— Далеко ли до Святого?—спросилъ я одного изъ нихъ.

— Нѣтъ, недалеко?

— А сколько?

— Да версты три будетъ.

Прошло часа полтора. Мы все ѣхали да ѣхали. Вотъ опять заскрипѣла нагруженная телѣга. Мужикъ шелъ сбоку.

— Сколько, братъ, осталось до Святого?

— Чего?

— Сколько до Святого?

— Восемь верстъ.

Солнце уже садилось, когда я, наконецъ, выбрался изъ лѣса и увидѣлъ передъ собою небольшое село. Дворовъ двадцать лѣпилось вокругъ старой, деревянной, одноглавой церкви съ зеленымъ куполомъ и крошечными окнами, ярко рдѣвшими на вечерней зарѣ. Это было Святое. Я въѣхалъ въ околицу. Возвращавшееся стадо нагнало мой тарантасъ и съ мычаньемъ, хрюканьемъ и блеяньемъ пробѣжало мимо. Молодыя дѣвки, хлопотливыя бабы встрѣчали своихъ животныхъ; бѣлоголовые мальчишки гнались съ веселыми криками за непокорными поросятами; пыль мчалась вдоль улицы легкими клубами и, поднимаясь выше, алѣла.

Я остановился у старосты, хитраго и умнаго „полѣхи“, изъ тѣхъ полѣхъ, про которыхъ говорятъ, что они на два

аршина подъ землю видятъ. На другой день рано отправился я въ телѣжкѣ, запряженной парой толстопузыхъ крестьянскихъ лошадей, съ старостинымъ сыномъ и другимъ крестьяниномъ, по имени Егоромъ, на охоту за глухарями и рябчиками. Лѣсъ синѣлъ сплошнымъ кольцомъ по всему краю неба — десятинъ двѣсти, не больше, считалось распаханнаго поля вокругъ Святого; но до хорошихъ мѣстъ приходилось ѣхать верстъ семь. Старостина сына звали Кондратомъ. Это былъ малый молодой, русый и краснощекій, съ добрымъ и смирнымъ выраженіемъ лица, услужливый и болтливый. Онъ правилъ лошадьми. Егоръ сидѣлъ со мною рядомъ. Мнѣ хочется сказать о немъ слова два.

Онъ считался лучшимъ охотникомъ во всемъ уѣздѣ. Всѣ мѣста, верстъ на пятьдесятъ кругомъ, онъ исходилъ вдоль и поперекъ. Онъ рѣдко выстрѣливалъ по птицѣ, за скудостью пороха и дроби; но съ него уже того было довольно, что онъ рябчика подманилъ, подмѣтилъ точёкъ дупелиный. Егоръ слылъ за человѣка правдиваго и за „молчальника". Онъ не любилъ говорить и никогда не преувеличивалъ числа найденной имъ дичи—черта, рѣдкая въ охотникѣ. Роста онъ былъ средняго, сухощавъ, лицо имѣлъ вытянутое и блѣдное, большіе, честные глаза. Всѣ черты его, особенно губы, правильныя и постоянно неподвижныя, дышали спокойствіемъ невозмутимымъ. Онъ улыбался слегка и какъ-то внутрь, когда произносилъ слова—очень мила была эта тихая улыбка. Онъ не пилъ вина и работалъ прилежно, но ему не везло: жена его все хворала, дѣти умирали; онъ „забѣднялъ" и никакъ не могъ справиться. И то сказать, страсть къ охотѣ не мужицкое дѣло, и кто „съ ружьемъ балуетъ" — хозяинъ плохой. Отъ постояннаго ли пребыванія въ лѣсу, лицомъ къ лицу съ печальной и строгой природой того нелюдимаго края, вслѣдствіе ли особеннаго склада и строя души, но только во всѣхъ движеніяхъ Егора замѣчалась какая-то скромная важность, именно важность, а не задумчивость — важность статнаго оленя. Онъ на своемъ вѣку убилъ семь медвѣдей, подкарауливъ ихъ на „овсахъ". Въ

послѣдняго онъ только на четвертую ночь рѣшился выстрѣлить: медвѣдь все не становился къ нему бокомъ, а пуля у него была одна. Егоръ убилъ его наканунѣ моего пріѣзда. Когда Кондратъ привелъ меня къ нему, я засталъ его на задворкѣ; присѣвши на корточки передъ громаднымъ звѣремъ, онъ вырѣзывалъ изъ него сало короткимъ и тупымъ ножомъ.

— Какого же ты молодца повалилъ!—замѣтилъ я.

Егоръ поднялъ голову и посмотрѣлъ сперва на меня, а потомъ на пришедшую со мной собаку.

— Коли охотиться пріѣхали, въ Мошномъ глухари есть—три выводка, да рябцовъ пять,—промолвилъ онъ и снова принялся за свою работу.

Съ этимъ-то Егоромъ да съ Кондратомъ я и поѣхалъ, на другой день, на охоту. Живо перекатили мы поляну, окружавшую Святое, а выѣхавши въ лѣсъ, опять потащились шагомъ.

— Вонъ, витютень сидитъ,—заговорилъ вдругъ, обратившись ко мнѣ Кондратъ:—хорошо бы сшибить!

Егоръ посмотрѣлъ въ сторону, куда Кондратъ указывалъ, и ничего не сказалъ. До витютня шаговъ было сто слишкомъ, а его и на сорокъ шаговъ не убьешь: такова у него крѣпость въ перьяхъ.

Еще нѣсколько замѣчаній сдѣлалъ словоохотливый Кондратъ; но лѣсная тишь не даромъ охватила и его: онъ умолкъ. Лишь изрѣдка перекидываясь словами, да поглядывая впередъ, да прислушиваясь къ пыхтѣнью и храпу лошадей, добрались мы, наконецъ, до „Мошного“. Этимъ именемъ назывался крупный сосновый лѣсъ, изрѣдка поросшій ельникомъ. Мы слѣзли; Кондратъ вдвинулъ телѣгу въ кустъ, чтобы комары лошадей не кусали. Егоръ осмотрѣлъ курокъ ружья и перекрестился: онъ ничего безъ креста не начиналъ.

Лѣсъ, въ который мы вступили, былъ чрезвычайно старъ. Не знаю, бродили ли по немъ татары, но русскіе воры или литовскіе люди смутнаго времени уже навѣрное могли скрываться въ его захолустьяхъ. Въ почтительномъ разстояніи другъ отъ друга поднимались могу-

чія сосны громадными, слегка искривленными столбами блѣдно-желтаго цвѣта; между ними стояли, вытянувшись въ струнку, другія, помоложе. Зеленоватый мохъ, весь усѣянный мертвыми иглами, покрывалъ землю; голубица росла сплошными кустами; крѣпкій запахъ ея ягодъ, подобный запаху выхухоли, стѣснялъ дыханіе. Солнце не могло пробиться сквозь высокій наметъ сосновыхъ вѣтвей; но въ лѣсу было все-таки душно и не темно; какъ крупныя капли пота, выступала и тихо ползла внизъ тяжелая, прозрачная смола по грубой корѣ деревьевъ. Неподвижный воздухъ, безъ тѣни и безъ свѣта, жёгъ лицо. Все молчало; даже шаговъ нашихъ не было слышно; мы шли по мху, какъ по ковру; особенно Егоръ двигался безшумно, словно тѣнь; подъ его ногами даже хворостинка не трещала. Онъ шелъ не торопясь и изрѣдка посвистывая въ пищикъ; рябчикъ скоро отозвался и въ моихъ глазахъ нырнулъ въ густую елку; но напрасно указывалъ мнѣ его Егоръ: какъ я ни напрягалъ свое зрѣніе, а разсмотрѣть его никакъ не могъ; пришлось Егору по немъ выстрѣлить. Мы нашли также два выводка глухарей; осторожныя птицы поднимались далеко, съ тяжелымъ и рѣзкимъ стукомъ; намъ, однако, удалось убить трехъ молодыхъ.

У одного *майдана* *) Егоръ вдругъ остановился и подозвалъ меня.

— Медвѣдь воды хотѣлъ достать, — промолвилъ онъ, указывая на широкую, свѣжую царапину на самой серединѣ ямы, затянутой мелкимъ мхомъ.

— Это слѣдъ его лапы?—спросилъ я.

— Его; да вода-то пересохла. На той соснѣ тоже его слѣдъ: за медомъ лазилъ. Какъ ножомъ прорубилъ когтями-то.

Мы продолжали забираться въ самую глушь лѣса. Егоръ только изрѣдка посматривалъ вверхъ и шелъ впередъ спокойно и самоувѣренно. Я увидалъ круглый, высокій валъ, обнесенный полу-засыпаннымъ рвомъ.

— Что это, майданъ тоже?—спросилъ я.

---

*) „Майданомъ“ называется мѣсто, гдѣ гнали деготь.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Егоръ:—здѣсь воровской городокъ стоялъ.

— Давно.

— Давно; дѣдамъ нашимъ за память. Тутъ и кладъ зарытъ. Да зарокъ положенъ крѣпко: на человѣчью кровь.

Мы прошли еще версты съ двѣ; мнѣ захотѣлось пить.

— Посидите маленько, — сказалъ Егоръ: — я схожу за водой, тутъ колодецъ недалеко.

Онъ ушелъ; я остался одинъ.

Я присѣлъ на срубленный пень, оперся локтемъ на колѣни и, послѣ долгаго безмолвія, медленно поднялъ голову и оглянулся. О, какъ все кругомъ было тихо и суровопечально—нѣтъ, даже не печально, а нѣмо, холодно и грозно въ то же время! Сердце во мнѣ сжалось. Въ это мгновеніе, на этомъ мѣстѣ, я почуялъ вѣяніе смерти, я ощутилъ, я почти осязалъ ея непрестанную близость. Хотя бы одинъ звукъ задрожалъ, хотя бы мгновенный шорохъ поднялся въ неподвижномъ зѣвѣ обступившаго меня бора! Я снова, почти со страхомъ, опустилъ голову; точно я заглянулъ куда-то, куда не слѣдуетъ заглядывать человѣку... Я закрылъ глаза рукою—и вдругъ, какъ бы повинуясь таинственному повелѣнію, я началъ припоминать всю мою жизнь...

Вотъ, мелькнуло передо мной мое дѣтство, шумливое и тихое, задорное и доброе, съ торопливыми радостями и быстрыми печалями; потомъ возникла молодость, смутная, странная, самолюбивая, со всѣми ея ошибками и начинаніями, съ безпорядочнымъ трудомъ и взволнованнымъ бездѣйствіемъ... Пришли на память и они, товарищи первыхъ стремленій... потомъ, какъ молнія въ ночи, сверкнуло нѣсколько свѣтлыхъ воспоминаній... потомъ начали нарастать и надвигаться тѣни, темнѣе и темнѣе стало кругомъ, глуше и тише побѣжали однообразные годы—и камнемъ на сердце опустилась грусть. Я сидѣлъ неподвижно и глядѣлъ, глядѣлъ съ изумленіемъ и усиліемъ, точно всю жизнь свою я передъ собою видѣлъ, точно свитокъ развивался у меня передъ глазами. О, что я сдѣлалъ! невольно шептали горькимъ шопотомъ мои губы. О, жизнь,

жизнь, куда, какъ ушла ты такъ безслѣдно? Какъ выскользнула ты изъ крѣпко-стиснутыхъ рукъ? Ты ли меня обманула, я ли не успѣлъ воспользоваться твоими дарами? Возможно ли? эта малость, эта бѣдная горсть пыльнаго пепла — вотъ все, что осталось отъ тебя? Это холодное, неподвижное, ненужное нѣчто — это я, тотъ прежній я? Какъ? Душа жаждала счастья такого полнаго, она съ такимъ презрѣніемъ отвергала все мелкое, все недостаточное; она ждала: вотъ-вотъ, нахлынетъ счастье потокомъ— и ни одна капля не смочила алкавшихъ губъ? О, золотыя мои струны, вы, такъ чутко, такъ сладостно дрожавшія когда-то, я такъ и не услышалъ вашего пѣнья... вы и звучали только—когда рвались. Или, можетъ-быть, счастье, прямое счастье всей жизни проходило близко, мимо, улыбалось лучезарною улыбкой—да я не умѣлъ признать его божественнаго лица? Или оно, точно, посѣщало меня и сидѣло у моего изголовья, да позабылось мною, какъ сонъ? Какъ сонъ, повторялъ я уныло. Неуловимые образы бродили по душѣ, возбуждая въ ней не то жалость, не то недоумѣнье... А вы, думалъ я, милыя, знакомыя, погибшія лица, вы, обступившія меня въ этомъ мертвомъ уединеніи, отчего вы такъ глубоко и грустно безмолвны? Изъ какой бездны возникли вы? Какъ мнѣ понять ваши загадочные взоры? Прощаетесь ли вы со мною, привѣтствуете ли вы меня? О, неужели нѣтъ надежды, нѣтъ возврата? Зачѣмъ полились вы изъ глазъ, скупыя, позднія капли? О, сердце, къ чему, зачѣмъ еще жалѣть, старайся забыть, если хочешь покоя, пріучайся къ смиренью послѣдней разлуки, къ горькимъ словамъ: „прости“ и „навсегда“. Не оглядывайся назадъ, не вспоминай, не стремись туда, гдѣ свѣтло, гдѣ смѣется молодость, гдѣ надежда вѣнчается цвѣтами весны, гдѣ голубка-радость бьетъ лазурными крылами, гдѣ любовь, какъ роса на зарѣ, сіяетъ слезами восторга; не смотри туда, гдѣ блаженство, и вѣра, и сила—тамъ не наше мѣсто!

— Вотъ вамъ вода,—раздался за мною звучный голосъ Егора:—пейте съ Богомъ.

Я невольно вздрогнулъ: живая эта рѣчь поразила меня,

радостно потрясла все мое существованіе. Точно я падалъ въ неизвѣданную, темную глубь, гдѣ уже все стихало кругомъ и слышался только тихій и непрестанный стонъ какой-то вѣчной скорби... я замиралъ, но противиться не могъ, и вдругъ дружескій зовъ долетѣлъ до меня, чья-то могучая рука однимъ взмахомъ вынесла меня на свѣтъ Божій. Я оглянулся и съ несказанной отрадой увидалъ честное и спокойное лицо моего провожатаго. Онъ стоялъ передо мной легко и стройно, съ обычной своей улыбкой, протягивая мнѣ мокрую бутылочку, всю наполненную свѣтлой влагой... Я всталъ.

— Пойдемъ, веди меня,—сказалъ я съ увлеченіемъ.

Мы отправились и бродили долго, до вечера. Какъ только жара „свалила", въ лѣсу стало такъ быстро холодать и темнѣть, что оставаться въ немъ уже не хотѣлось. „Ступайте вонъ, безпокойные живые", казалось, шепталъ онъ намъ угрюмо изъ-за каждой сосны. Мы вышли, но не скоро нашли Кондрата. Мы кричали, кликали его, онъ не отзывался. Вдругъ, среди чрезвычайной тишины въ воздухѣ, слышимъ мы, ясно раздается его: „тпру, тпру", въ близкомъ отъ насъ оврагѣ... Онъ не слышалъ нашихъ криковъ отъ вѣтра, который внезапно разыгрался и такъ же внезапно упалъ совершенно. Только на отдѣльно стоявшихъ деревьяхъ виднѣлись слѣды его порывовъ: многіе листья были поставлены имъ наизнанку, и такъ и остались, придавая пестроту неподвижной листвѣ. Мы взобрались въ телѣгу и покатили домой. Я сидѣлъ, покачиваясь и тихо вдыхая сырой, немного рѣзкій воздухъ, и всѣ мои недавнія мечтанья и сожалѣнья потонули въ одномъ ощущеніи дремоты и усталости, въ одномъ желаніи поскорѣе вернуться подъ крышу теплаго дома, напиться чаю съ густыми сливками, зарыться въ мягкое и рыхлое сѣно и заснуть, заснуть, заснуть...

ДЕНЬ ВТОРОЙ.

На слѣдующее утро мы опять втроемъ отправились на „Гарь". Лѣтъ десять тому назадъ, нѣсколько тысячъ десятинъ выгорѣло въ Полѣсьѣ и до сихъ поръ не заросло;

кой-гдѣ пробиваются молодыя елки и сосенки, а то все мохъ, да перележалая зола. На этой „Гари“, до которой отъ Святого считается верстъ двѣнадцать, растутъ всякія ягоды въ великомъ множествѣ и водятся тетерева, большіе охотники до земляники и брусники.

Мы ѣхали молча, какъ вдругъ Кондратъ поднялъ голову.

— Э!—воскликнулъ онъ:—да это никакъ Ефремъ стоитъ. Здорово, Александрычъ, — прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ и приподнявъ шапку.

Небольшого роста мужикъ въ черномъ, короткомъ армякѣ, подпоясанномъ веревкой, вышелъ изъ-за дерева и приблизился къ телѣгѣ.

— Аль отпустили?—спросилъ Кондратъ.

— А то небось нѣтъ!—возразилъ мужичокъ и оскалилъ зубы.—Нашего брата держать не приходится.

— И Петръ Филиппычъ ничего?

— Филипповъ-то? Знамо дѣло, ничего.

— Вишь ты! А я, Александрычъ, думалъ: ну, братъ, думалъ я, теперь ложись гусь на сковороду!

— Отъ Петра Филиппова-то? Вона! Видали мы такихъ. Суется въ волки, а хвостъ собачій. На охоту, что ль, ѣдешь, баринъ? — спросилъ вдругъ мужичокъ, быстро вскинувъ на меня свои прищуренные глазки, и тотчасъ опустилъ ихъ снова.

— На охоту.

— А куда, примѣрно?

— На Гарь,—сказалъ Кондратъ.

— Ѣдете на Гарь, не наѣхать бы на пожаръ.

— А что?

— Видалъ я глухарей много,—продолжалъ мужичокъ, все какъ бы посмѣиваясь и не отвѣчая Кондрату: — да вамъ туда не попасть; прямикомъ верстъ двадцать будетъ. Вотъ и Егоръ—что говорить! въ бору, какъ у себя на двору, а и тотъ не продерется. Здорово, Егоръ, Божія душа въ полтора гроша,—гаркнулъ онъ вдругъ.

— Здорово, Ефремъ,—медленно возразилъ Егоръ.

Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на этого Ефрема. Такого страннаго лица я давно не видывалъ. Носъ имѣлъ

онъ длинный и острый, крупныя губы и жидкую бородку. Его голубые глазки такъ и бѣгали, какъ живчики. Стоялъ онъ развязно, легонько подпершись руками въ бока и не ломая шапки.

— На побывку домой, что ли?—спросилъ его Кондратъ.

— Экъ-ста, на побывку! Теперь, братъ, погода не та: разгулялось. Широко, братъ, стало, вò-какъ. Хоть до зимы на печи лежи, никакà собака не чукнетъ. Мнѣ въ городѣ говорилъ этотъ-та производитель: брось, молъ, насъ, Лександрычъ, выѣзжай изъ уѣзда вонъ, пачпортъ дадимъ первый сортъ... да жаль мнѣ васъ, святовскихъ-то: такого вамъ вора другого не нажить.

Кондратъ засмѣялся.

— Шутникъ ты, дядюшка, право шутникъ, — проговорилъ онъ и тряхнулъ вожжами. Лошади тронулись.

— Тпру, — промолвилъ Ефремъ. Лошади остановились. Кондрату не понравилась эта выходка.

— Полно озорничать, Александрычъ, — замѣтилъ онъ вполголоса.—Вишь, съ бариномъ ѣдемъ. Осерчаетъ, гляди.

— Эхъ ты, морской селезень! Съ чего ему серчать-то? Баринъ онъ добрый. Вотъ, посмотри, онъ мнѣ на водку дастъ. Эхъ, баринъ, дай проходимцу на косушку! Ужъ раздавлю жъ я ее, — подхватилъ онъ, поднявъ плечо къ уху и скрипнувъ зубами.

Я невольно улыбнулся, далъ ему гривенникъ и велѣлъ Кондрату ѣхать.

— Много довольны, ваше благородіе, — крикнулъ по-солдатски намъ вслѣдъ Ефремъ. — А ты, Кондратъ, напредки знай, у кого учиться; оробѣлъ—пропалъ, смѣлъ—съѣлъ. Какъ вернешься, у меня побывай, слышь, у меня три дня попойка стоять будетъ, сшибемъ горла два; жена у меня баба хлёцкая, дворъ на полозу... Гей, сорока-бѣлобока, гуляй, пока хвостъ цѣлъ!

И засвиставъ рѣзкимъ свистомъ, Ефремъ юркнулъ въ кусты.

— Что за человѣкъ?—спросилъ я Кондрата, который, сидя на облучкѣ, все потряхивалъ головой, какъ бы разсуждая самъ съ собою.

— Тотъ-то?—возразилъ Кондратъ и потупился.—Тотъ-то?—повторилъ онъ.

— Да. Онъ вашъ?

— Нашъ, святовскій. Это такой человѣкъ... Такого на сто верстъ другого не сыщешь. Воръ и плутъ такой — и Боже ты мой! На чужое добро у него глазъ такъ и коробится. Отъ него и въ землю не зароешься, а что деньги, напримѣръ, изъ-подъ самого хребта у тебя вытащитъ, ты не замѣтишь.

— Какой онъ смѣлый!

— Смѣлый? Да онъ никого не боится. Да вы посмотрите на него: по финазоміи бестіянъ, съ носу виденъ. (Кондратъ часто ѣзживалъ съ господами и въ губернскомъ городѣ бывалъ, а потому любилъ, при случаѣ, показать себя.) Ему и сдѣлать-то ничего нельзя. Сколько разъ его и въ городъ возили, и въ острогъ сажали,—только убытки одни. Его станутъ вязать, — а онъ говоритъ: „что жъ, молъ, вы ту ногу не путаете? путайте и ту, да покрѣпче, я, пока, посплю; а домой я раньше вашихъ провожатыхъ поспѣю“. Глядишь: точно, опять вернулся, опять тутъ, ахъ ты, Боже ты мой! Ужъ на что мы всѣ, здѣшніе, лѣсъ знаемъ, пріобыкли сызмала, а съ нимъ поровняться немочно. Прошлымъ лѣтомъ, ночью, напрямки изъ Алтухина въ Святое пришелъ, а тутъ никто и не хаживалъ отродясь, верстъ сорокъ будетъ. Вотъ, и медъ красть, на это онъ первый человѣкъ; и пчела его не жалитъ. Всѣ пасѣки разорилъ.

— Я думаю, онъ и бортамъ спуска не даетъ.

— Ну, нѣтъ, что напраслину на него взводить? Такого грѣха за нимъ не замѣчали. Бортъ у насъ—святое дѣло. Пасѣка огорожòна; тутъ караулъ; коли утащилъ — твое счастье; а бортовая пчела — дѣло Божіе, не береженое; одинъ медвѣдь ее трогаетъ.

— Зато онъ и медвѣдь,—замѣтилъ Егоръ.

— Онъ женатъ?

— Какъ же. И сынъ есть. Да и воръ же будетъ сынъ-то! Въ отца вышелъ весь. Ужъ онъ его и теперь учитъ. Намеднись горшокъ съ старыми пятаками притащилъ, укралъ

гдѣ-нибудь, значитъ; пошелъ, да зарылъ его на полянкѣ въ лѣсу, а самъ вернулся домой, да и послалъ сына на полянку. Пока, говоритъ, горшка не отыщешь, ѣсть тебѣ не дамъ и на дворъ не пущу. Сынъ-то день цѣлый просидѣлъ въ лѣсу, и ночевалъ въ лѣсу, а нашелъ-таки горшокъ. Да, мудреный этотъ Ефремъ. Пока дома—любезный человѣкъ, всѣхъ потчуетъ: пей, ѣшь, сколько хочешь, пляска тутъ у него поднимется, балагурство всякое; а что коли на сходкѣ — такая у насъ сходка на селѣ бываетъ — ужъ лучше его никто не разсудитъ; подойдетъ сзади, послушаетъ, скажетъ слово, какъ отрубитъ, и прочь; да ужъ и слово-то вѣское. А какъ вотъ уйдетъ въ лѣсъ, ну, такъ бѣда! Жди разоренія. А и то сказать: онъ своихъ не трогаетъ, развѣ самому тѣсно придется. Коли встрѣтитъ кого святовскаго—„обходи, братъ, мимо,—кричитъ издали:—на меня лѣсной духъ нашелъ: убью!"—Бѣда!

— Чего же вы смотрите? Цѣлая вотчина съ однимъ человѣкомъ справиться не можетъ?

— Да уже пожалуй, что такъ.

— Колдунъ онъ, что ли?

— Кто его знаетъ! Вотъ, намеднись онъ къ сосѣднему дьячку на пасѣку забрался ночью, а дьячокъ-то караулилъ самъ. Ну, поймалъ его, да впотемкахъ и приколотилъ. Какъ кончилъ, Ефремъ-то и говоритъ ему: а знаешь ты, кого билъ? Дьячокъ, какъ узналъ его по голосу, такъ и обомлѣлъ. Ну, братъ, говоритъ Ефремъ, это тебѣ даромъ не пройдетъ. Дьячокъ ему въ ноги: возьми, молъ, что̀ хочешь. Нѣтъ, говоритъ, я съ тебя въ свое время возьму, да и чѣмъ захочу. Что жъ вы думаете? Вѣдь съ самаго того дня дьячокъ-то, словно ошпаренный, какъ тѣнь бродитъ! Сердце, говоритъ, во мнѣ изныло; слово больно крѣпкое, знать, залѣпилъ мнѣ разбойникъ. Вотъ что̀ съ нимъ сталось, съ дьячкомъ-то.

— Дьячокъ этотъ, должно-быть, глупъ,—замѣтилъ я.

— Глупъ? А вотъ это какъ вы разсудите? Вышелъ разъ приказъ изловить эттаго самаго Ефрема. Становой такой у насъ завелся вострый. Вотъ, и пошло человѣкъ десять въ лѣсъ, ловить Ефрема. Смотрятъ, а онъ имъ

навстрѣчу идетъ... Одинъ-то изъ нихъ и закричи: вотъ онъ, держите его, вяжите! А Ефремъ вошелъ въ лѣсъ, да вырѣзалъ себѣ древо, этакъ перста въ два, да какъ выскочитъ опять на дорогу, безобразный такой, страшный, какъ скомандуетъ, словно енаралъ на разводѣ: „на колѣнки!“ — всѣ такъ и попадали. „А кто, говоритъ, тутъ кричалъ: держите, вяжите? Ты, Серёга?“ Тотъ-то какъ вскочитъ, да бѣжать... А Ефремъ за нимъ, да древомъ-то его по пяткамъ... Съ версту его гладилъ. И потомъ все еще жалѣлъ: „Эхъ, молъ, досадно: заговѣться ему не помѣшалъ“. Дѣло-то было передъ самыми Филипповками. Ну, а станового въ скоромъ времени смѣстили, — тѣмъ все и покончилось.

— Зачѣмъ же они ему всѣ покорились?

— Зачѣмъ! то-то и есть...

— Онъ васъ всѣхъ запугалъ, да и дѣлаетъ теперь съ вами, что̀ хочетъ.

— Запугалъ... Да онъ кого хочешь запугаетъ. И ужъ гораздъ же онъ на выдумки, Боже ты мой! — Я разъ въ лѣсу на него наткнулся, дождь такой шелъ здоровый, я-было въ сторону... А онъ поглядѣлъ на меня, да этакъ меня ручкою и подозвалъ. „Подойди, молъ, Кондратъ, не бойся. Поучись у меня, какъ въ лѣсу жить, на дождю сухимъ быть“. Я подошелъ, а онъ подъ елкой сидитъ и огонекъ развелъ изъ сырыхъ вѣтокъ: дымъ-то набрался въ елку и не даетъ дождю капать. Подивился я тутъ ему. А то, вотъ онъ разъ что̀ выдумалъ (и Кондратъ засмѣялся); вотъ ужъ потѣшилъ. Овесъ у насъ молотили на току, да не кончили; послѣдній ворохъ сгрести не успѣли; ну, и посадили на ночь двухъ караульщиковъ, а ребята-то были не изъ бойкихъ. Вотъ, сидятъ они да гуторятъ, а Ефремъ возьми, да рукава рубахи соломой набей, концы завяжи, да на голову себѣ рубаху и надѣнь. Вотъ, подкрался онъ въ этакомъ-то видѣ къ овину, да и ну изъ-за угла показываться, помаленьку рогито свои выставлять. Одинъ-то малый и говоритъ другому: видишь?—Вижу, говоритъ другой, да какъ ахнулъ вдругъ... только плетни затрещали. А Ефремъ нагребъ

овса въ мѣшокъ, да и стащилъ къ себѣ домой. Самъ потомъ все разсказалъ. Ужъ стыдилъ же онъ, стыдилъ ребятъ-то... Право!

Кондратъ засмѣялся опять. И Егоръ улыбнулся. „Такъ только плетни затрещали?“ промолвилъ онъ.

— Только ихъ и видно было,—подхватилъ Кондратъ.— Такъ и пошли сигать!

Мы опять всѣ притихли. Вдругъ Кондратъ всполохнулся и выпрямился.

— Э, батюшки, — воскликнулъ онъ: — да это никакъ пожаръ!

— Гдѣ, гдѣ?—спросили мы.

— Вонъ, смотрите, впереди, куда мы ѣдемъ... Пожаръ и есть! Ефремъ-то, Ефремъ—вѣдь напророчилъ! Ужъ не его ли это работа, окаянная онъ душа...

Я взглянулъ по направленію, куда указывалъ Кондратъ. Дѣйствительно, верстахъ въ двухъ или трехъ впереди насъ, за зеленой полосой низкаго ельника, толстый столбъ сизаго дыма медленно поднимался отъ земли, постепенно выгибаясь и расползаясь шапкой; отъ него вправо и влѣво виднѣлись другіе, поменьше и побѣлѣй.

Мужикъ, весь красный, въ поту, въ одной рубашкѣ, съ растрепанными волосами надъ испуганнымъ лицомъ, наскакалъ прямо на насъ и съ трудомъ остановилъ свою поспѣшно взнузданную лошаденку.

— Братцы,—спросилъ онъ задыхающимся голосомъ:— полѣсовщиковъ не видали?

— Нѣтъ, не видали. Что это, лѣсъ горитъ?

— Лѣсъ. Народъ согнать надо, а то, коли къ Тросному кинется...

Мужикъ задергалъ локтями, заколотилъ пятками по бокамъ лошади... Она поскакала.

Кондратъ также погналъ свою пару. Мы ѣхали прямо на дымъ, который разстилался все шире и шире; мѣстами онъ внезапно чернѣлъ и высоко взвивался. Чѣмъ ближе мы подвигались, тѣмъ неяснѣе становились его очертанія; скоро воздухъ весь потускнѣлъ, сильно запахло горѣлымъ, и вотъ, между деревьями, странно и жутко

шевелясь на солнцѣ, мелькнули первые, блѣдно-красные языки пламени.

— Ну, слава Богу, — замѣтилъ Кондратъ: — кажется пожаръ-то позёмный.

— Какой?

— Позёмный; такой, что по землѣ бѣжитъ. Вотъ, съ подземнымъ мудрено ладить. Что тутъ сдѣлаешь, когда земля на цѣлый аршинъ горитъ? Одно спасеніе: копай канавы—да это развѣ легко? А позёмный—ничего. Только траву сбрѣетъ, да сухой листъ сожжетъ! Еще лучше лѣсу отъ него бываетъ. Ухъ, однако, гляди, батюшки, какъ шибануло!

Мы подъѣхали почти къ самой чертѣ пожара. Я слѣзъ и пошелъ ему навстрѣчу. Это не было ни опасно, ни затруднительно. Огонь бѣжалъ по рѣдкому сосновому лѣсу *противъ* вѣтра; онъ подвигался неровной чертой или, говоря точнѣе, сплошной зубчатой стѣнкой загнутыхъ назадъ языковъ. Дымъ относило вѣтромъ. Кондратъ сказалъ правду: это, дѣйствительно, былъ позёмный пожаръ, который только брилъ траву и, не разыгрываясь, шелъ дальше, оставляя за собою черный и дымящійся, но даже не тлѣющій слѣдъ. Правда, иногда, тамъ, гдѣ огню попадалась яма, наполненная дромомъ и сухими сучьями, онъ вдругъ, и съ какимъ-то особеннымъ, довольно зловѣщимъ ревомъ, воздымался длинными, волнующимися косицами, но скоро опадалъ и бѣжалъ впередъ попрежнему, слегка потрескивая и шипя. Я даже не разъ замѣтилъ, какъ кругомъ охваченный дубовый кустъ съ сухими, висячими листами, оставался нетронутымъ, только снизу его слегка подпаливало. Признаюсь, я не могъ понять, отчего сухіе листья не загорались. Кондратъ объяснялъ мнѣ, что это происходило отъ того, что пожаръ позёмный, „значитъ, не сердитый“. Да вѣдь огонь тотъ же, возражалъ я. Позёмный пожаръ, повторилъ Кондратъ. Однако, хоть и позёмный, а пожаръ все-таки производилъ свое дѣйствіе: зайцы какъ-то безпорядочно бѣгали взадъ и впередъ, безо всякой нужды возвращаясь въ сосѣдство огня; птицы попали въ дымъ и кружились, лошади огля-

дывались и фыркали, самый лѣсъ какъ бы гудѣлъ,—да и человѣку становилось неловко отъ внезапно бьющаго ему въ лицо жара...

— Чего смотрѣть!—сказалъ вдругъ Егоръ за моей спиной.—Поѣдемте.

— Да гдѣ проѣхать?—спросилъ Кондратъ.

— Возьми влѣво, по сухоболотью,—проѣдемъ.

Мы взяли влѣво и проѣхали, хоть иногда трудненько приходилось и лошадямъ, и телѣгѣ.

Цѣлый день протаскались мы по Гари. Передъ вечеромъ (заря еще не закраснѣлась на небѣ, но тѣни отъ деревьевъ уже легли неподвижныя и длинныя, и чувствовался въ травѣ холодокъ, который предшествуетъ росѣ) я прилегъ на дорогу вблизи телѣги, въ которую Кондратъ, не спѣша, впрягалъ наѣвшихся лошадей, и вспомнилъ свои вчерашнія, невеселыя мечтанья. Кругомъ все было такъ же тихо, какъ и наканунѣ, но не было давящаго и тѣснящаго душу бора; на высохшемъ мхѣ, на лиловомъ бурьянѣ, на мягкой пыли дороги, на тонкихъ стволахъ и чистыхъ листочкахъ молодыхъ березъ, лежалъ ясный и кроткій свѣтъ уже беззнойнаго, невысокаго солнца. Все отдыхало, погруженное въ успокоительную прохладу; ничего еще не заснуло, но уже все готовилось къ цѣлебнымъ усыпленьямъ вечера и ночи. Все, казалось, говорило человѣку: „отдохни, братъ нашъ: дыши легко и не горюй и ты передъ близкимъ сномъ“. Я поднялъ голову и увидалъ на самомъ концѣ тонкой вѣтки одну изъ тѣхъ большихъ мухъ съ изумрудной головкой, длиннымъ тѣломъ и четырьмя прозрачными крыльями, которыхъ кокетливые французы величаютъ „дѣвицами“, а нашъ безхитростный народъ прозвалъ „коромыслами“. Долго, болѣе часа не отводилъ я отъ нея глазъ. Насквозь пропеченная солнцемъ, она не шевелилась, только изрѣдка поворачивала головку со стороны на сторону и трепетала приподнятыми крылышками... вотъ и все. Глядя на нее, мнѣ вдругъ показалось, что я понялъ жизнь природы, понялъ ея несомнѣнный и явный, хотя для многихъ еще таинственный смыслъ. Тихое и медленное одушевленіе, неторопливость и сдержанность

ощущеній и силъ, равновѣсіе здоровья въ каждомъ отдѣльномъ существѣ — вотъ самая ея основа, ея неизмѣнный законъ, вотъ на чемъ она стоитъ и держится. Все, что выходитъ изъ-подъ этого уровня, кверху ли, книзу ли, все равно—выбрасывается ею вонъ, какъ негодное. Многія насѣкомыя умираютъ, какъ только узнаютъ нарушающія равновѣсіе радости любви; больной звѣрь забивается въ чащу и угасаетъ тамъ одинъ: онъ какъ бы чувствуетъ, что уже не имѣетъ права ни видѣть всѣмъ общаго солнца, ни дышать вольнымъ воздухомъ; онъ не имѣетъ права жить;— а человѣкъ, которому, отъ своей ли вины, отъ вины ли другихъ, пришлось худо на свѣтѣ—долженъ, по крайней мѣрѣ, умѣть молчать.

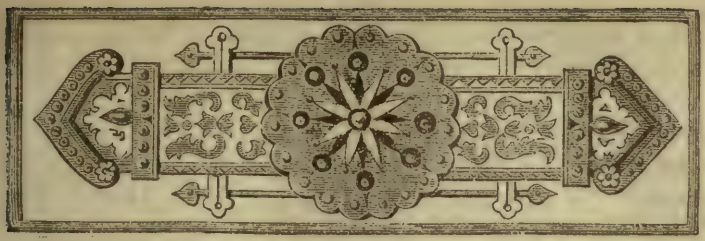
— Ну, что-жъ ты, Егоръ, — воскликнулъ вдругъ Кондратъ, который уже успѣлъ помѣститься на облучкѣ телѣги и поигрывалъ и перебиралъ вожжами:—иди, садись. Чего задумался? Аль о коровѣ все?

— О коровѣ? О какой коровѣ?—повторилъ я и взглянулъ на Егора: спокойный и важный, какъ всегда, онъ, дѣйствительно, казалось, задумался и глядѣлъ куда-то вдаль, въ поля, уже начинавшія темнѣть.

— А вы не знаете? — подхватилъ Кондратъ: — у него сегодня ночью послѣдняя корова околѣла. Не везетъ ему— что̀ ты будешь дѣлать?..

Егоръ сѣлъ молча на облучокъ, и мы поѣхали. „Этотъ умѣетъ не жаловаться“, подумалъ я.

1857 г.



АСЯ.

(РАЗСКАЗЪ.)

I.

Мнѣ было тогда лѣтъ двадцать пять, началъ Н. Н.:— дѣла давно минувшихъ дней, какъ видите. Я только-что вырвался на волю и уѣхалъ за границу, не для того, чтобы „кончить мое воспитаніе", какъ говаривалось тогда, а просто, мнѣ захотѣлось посмотрѣть на міръ Божій. Я былъ здоровъ, молодъ, веселъ, деньги у меня не переводились, заботы еще не успѣли завестись—я жилъ безъ оглядки, дѣлалъ, что̀ хотѣлъ, процвѣталъ, однимъ словомъ. Мнѣ тогда и въ голову не приходило, что человѣкъ не растеніе, и процвѣтать ему долго нельзя. Молодость ѣстъ пряники золоченые, да и думаетъ, что это-то и ѣсть хлѣбъ насущный; а придетъ время,—и хлѣбца напросишься. Но толковать объ этомъ не для чего.

Я путешествовалъ безъ всякой цѣли, безъ плана; останавливался вездѣ, гдѣ мнѣ нравилось, и отправлялся тотчасъ далѣе, какъ только чувствовалъ желаніе видѣть новыя лица—именно лица. Меня занимали исключительно одни люди; я ненавидѣлъ любопытные памятники, замѣчательныя собранія, одинъ видъ лонъ-лакея возбуждалъ

во мнѣ ощущеніе тоски и злобы; я чуть съ ума не сошелъ въ дрезденскомъ „Грюне-Гевёлбе“. Природа дѣйствовала на меня чрезвычайно, но я не любилъ такъ-называемыхъ ея красотъ, необыкновенныхъ горъ, утесовъ, водопадовъ; я не любилъ, чтобы она навязывалась мнѣ, чтобы она мнѣ мѣшала. За то лица, живыя, человѣческія лица — рѣчи людей, ихъ движенія, смѣхъ—вотъ безъ чего я обойтись не могъ. Въ толпѣ мнѣ было всегда особенно легко и отрадно; мнѣ было весело идти, куда шли другіе, кричать, когда другіе кричали, и въ то же время я любилъ смотрѣть, какъ эти другіе кричатъ. Меня забавляло наблюдать людей... да я даже не наблюдалъ ихъ — я ихъ разсматривалъ съ какимъ-то радостнымъ и ненасытнымъ любопытствомъ. Но я опять сбиваюсь въ сторону.

Итакъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, я проживалъ въ нѣмецкомъ небольшомъ городкѣ З., на лѣвомъ берегу Рейна. Я искалъ уединенія: я только-что былъ пораженъ въ сердце одной молодой вдовой, съ которой познакомился на водахъ. Она была очень хороша собой и умна, кокетничала со всѣми — и со мною грѣшнымъ, — сперва даже поощряла меня, а потомъ жестоко меня уязвила, пожертвовавъ мною одному краснощекому баварскому лейтенанту. Признаться сказать, рана моего сердца не очень была глубока; но я почелъ долгомъ предаться на нѣкоторое время печали и одиночеству — чѣмъ молодость не тѣшится!—и поселился въ З.

Городокъ этотъ мнѣ понравился своимъ мѣстоположеніемъ у подошвы двухъ высокихъ холмовъ, своими дряхлыми стѣнами и башнями, вѣковыми липами, крутымъ мостомъ надъ свѣтлой рѣчкой, впадавшей въ Рейнъ — а главное, своимъ хорошимъ виномъ. По его узкимъ улицамъ гуляли вечеромъ, тотчасъ послѣ захожденія солнца (дѣло было въ іюнѣ), прехорошенькія бѣлокурыя нѣмочки и, встрѣтясь съ иностранцемъ, произносили пріятнымъ голоскомъ: „Guten Abend!“—а нѣкоторыя изъ нихъ не уходили даже и тогда, когда луна поднималась изъ-за острыхъ крышъ старенькихъ домовъ, и мелкіе каменья мостовой четко рисовались въ ея неподвижныхъ лучахъ. Я любилъ

бродить тогда по городу; луна, казалось, пристально глядѣла на него съ чистаго неба; и городъ чувствовалъ этотъ взглядъ и стоялъ чутко и мирно, весь облитый ея свѣтомъ, этимъ безмятежнымъ и въ то же время тихо душу волнующимъ свѣтомъ. Пѣтухъ на высокой готической колокольнѣ блестѣлъ блѣднымъ золотомъ; такимъ же золотомъ переливались струйки по черному глянцу рѣчки; тоненькія свѣчки (нѣмецъ бережливъ!) скромно теплились въ узкихъ окнахъ подъ грифельными кровлями; виноградныя лозы таинственно высовывали свои завитые усики изъ-за каменныхъ оградъ; что-то пробѣгало въ тѣни около стариннаго колодца на трехугольной площади; внезапно раздавался сонливый свистокъ ночного сторожа, добродушная собака ворчала вполголоса, а воздухъ такъ и ластился къ лицу, и липы пахли такъ сладко, что грудь, поневолѣ, все глубже и глубже дышала, и слово: „Гретхенъ“—не то восклицаніе, не то вопросъ — такъ и просилось на уста.

Городокъ З. лежитъ въ двухъ верстахъ отъ Рейна. Я часто ходилъ смотрѣть на величавую рѣку и, не безъ нѣкотораго напряженія мечтая о коварной вдовѣ, просиживалъ долгіе часы на каменной скамьѣ, подъ одинокимъ огромнымъ ясенемъ. Маленькая статуя Мадонны съ почти дѣтскимъ лицомъ и краснымъ сердцемъ на груди, пронзеннымъ мечами, печально выглядывала изъ его вѣтвей. На противоположномъ берегу находился городокъ Л., немного побольше того, въ которомъ я поселился. Однажды, вечеромъ, сидѣлъ я на своей любимой скамьѣ и глядѣлъ то на рѣку, то на небо, то на виноградники. Передо мною бѣлоголовые мальчишки карабкались по бокамъ лодки, вытащенной на берегъ и опрокинутой насмоленнымъ брюхомъ кверху. Кораблики тихо бѣжали на слабо надувшихся парусахъ; зеленоватыя волны скользили мимо, чуть-чуть вспухая и урча. Вдругъ донеслись до меня звуки музыки: я прислушался. Въ городѣ Л. играли вальсъ; контрбасъ гудѣлъ отрывисто, скрипка неясно заливалась, флейта свистала бойко.

— Что это? — спросилъ я у подошедшаго ко мнѣ ста-

рика въ плисовомъ жилетѣ, синихъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками.

— Это, — отвѣчалъ онъ мнѣ, предварительно передвинувъ мундштукъ своей трубки изъ одного угла губъ въ другой:—студенты пріѣхали изъ Б. на коммершъ.

„А посмотрю-ка я на этотъ коммершъ,—подумалъ я:—кстати же я въ Л. не бывалъ". Я отыскалъ перевозчика и отправился на другую сторону.

II.

Можетъ-быть, не всякій знаетъ, что такое коммершъ. Это особеннаго рода торжественный пиръ, на который сходятся студенты одной земли или братства (Landsmannschaft). Почти всѣ участники въ коммершѣ носятъ издавна установленный костюмъ нѣмецкихъ студентовъ: венгерки, большіе сапоги и маленькія шапочки съ околышами извѣстныхъ цвѣтовъ. Собираются студенты обыкновенно къ обѣду подъ предсѣдательствомъ сеніора, т. е. старшины, и пируютъ до утра, пьютъ, поютъ пѣсни Landesvater, Gaudeamus, курятъ, бранятъ филистеровъ; иногда они нанимаютъ оркестръ.

Такой точно коммершъ происходилъ въ г. Л. передъ небольшой гостиницей подъ вывѣской Солнца, въ саду, выходившемъ на улицу. Надъ самой гостиницей и надъ садомъ вѣяли флаги; студенты сидѣли за столами подъ обстриженными липками; огромный бульдогъ лежалъ подъ однимъ изъ столовъ; въ сторонѣ, въ бесѣдкѣ изъ плюща, помѣщались музыканты и усердно играли, то и дѣло подкрѣпляя себя пивомъ. На улицѣ, передъ низкой оградой сада, собралось довольно много народа: добрые граждане городка Л. не хотѣли пропустить случая поглазѣть на заѣзжихъ гостей. Я тоже вмѣшался въ толпу зрителей. Мнѣ было весело смотрѣть на лица студентовъ; ихъ объятія, восклицанія, невинное кокетничанье молодости, горящіе взгляды, смѣхъ безъ причины — лучшій смѣхъ на свѣтѣ, — все это радостное кипѣніе жизни юной, свѣжей, этотъ порывъ впередъ—куда бы то ни было, лишь бы впередъ, — это добродушное раздолье меня трогало

и поджигало. Ужъ не пойти ли къ нимъ? спрашивалъ я себя...

— Ася, довольно тебѣ? — вдругъ произнесъ за мною мужской голосъ по-русски.

— Подождемъ еще,—отвѣчалъ другой, женскій голосъ на томъ же языкѣ.

Я быстро обернулся... Взоръ мой упалъ на красиваго молодого человѣка въ фуражкѣ и широкой курткѣ; онъ держалъ подъ руку дѣвушку невысокаго роста, въ соломенной шляпѣ, закрывавшей всю верхнюю часть ея лица.

— Вы русскіе? — сорвалось у меня невольно съ языка.

Молодой человѣкъ улыбнулся и промолвилъ:

— Да, русскіе.

— Я никакъ не ожидалъ... въ такомъ захолустьѣ,— началъ-было я.

— И мы не ожидали,—перебилъ онъ меня:—что жъ? тѣмъ лучше. Позвольте рекомендоваться: меня зовутъ Гагинымъ, а вотъ это моя...—онъ запнулся на мгновенье:— моя сестра. А ваше имя позвольте узнать?

Я назвалъ себя, и мы разговорились. Я узналъ, что Гагинъ, путешествуя, такъ же какъ я, для своего удовольствія, недѣлю тому назадъ заѣхалъ въ городокъ Л., да и застрялъ въ немъ. Правду сказать, я неохотно знакомился съ русскими за границей. Я ихъ узнавалъ даже издали по ихъ походкѣ, покрою платья, а главное, по выраженію ихъ лица. Самодовольное и презрительное, часто повелительное, оно вдругъ смѣнялось выраженіемъ осторожности и робости... Человѣкъ внезапно настораживался весь, глазъ безпокойно бѣгалъ... „Батюшки мои! не совралъ ли я, не смѣются ли надо мною?“ казалось, говорилъ этотъ уторопленный взглядъ... Проходило мгновенье,— и снова возстановлялось величіе физіономіи, изрѣдка чередуясь съ тупымъ недоумѣніемъ. Да, я избѣгалъ русскихъ; но Гагинъ мнѣ понравился тотчасъ. Есть на свѣтѣ такія счастливыя лица: глядѣть на нихъ всякому любо, точно они грѣютъ васъ или гладятъ. У Гагина было именно такое лицо, милое, ласковое, съ большими, мягкими глазами и мягкими курчавыми волосами. Говорилъ онъ такъ,

что, даже не видя его лица, вы, по одному звуку его голоса, чувствовали, что онъ улыбается!

Дѣвушка, которую онъ назвалъ своей сестрою, съ перваго взгляда показалась мнѣ очень миловидной. Было что-то свое, особенное, въ складѣ ея смугловатаго, круглаго лица, съ небольшимъ тонкимъ носомъ, почти дѣтскими щечками и черными, свѣтлыми глазами. Она была грацiозно сложена, но какъ-будто не вполнѣ еще развита. Она нисколько не походила на своего брата.

— Хотите вы зайти къ намъ? — сказалъ мнѣ Гагинъ: — кажется, довольно мы насмотрѣлись на нѣмцевъ. Наши бы, правда, стекла разбили и поломали стулья, но эти ужъ больно скромны. Какъ ты думаешь, Ася, пойти намъ домой?

Дѣвушка утвердительно качнула головой.

— Мы живемъ за городомъ,—продолжалъ Гагинъ:—въ виноградникѣ, въ одинокомъ домишкѣ, высоко. У насъ славно, посмотрите. Хозяйка обѣщала приготовить намъ кислаго молока. Теперь же скоро стемнѣетъ, и вамъ лучше будетъ переѣзжать Рейнъ при лунѣ.

Мы отправились. Черезъ низкія ворота города (старинная стѣна изъ булыжника окружала его со всѣхъ сторонъ, даже бойницы не всѣ еще обрушились) мы вышли въ поле и, пройдя шаговъ сто вдоль каменной ограды, остановились передъ узенькой калиткой. Гагинъ отворилъ ее и повелъ насъ въ гору по крутой тропинкѣ. Съ обѣихъ сторонъ, на уступахъ, росъ виноградъ; солнце только-что сѣло, и алый тонкій свѣтъ лежалъ на зеленыхъ лозахъ, на высокихъ тычинкахъ, на сухой землѣ, усѣянной сплошь крупнымъ и мелкимъ плитнякомъ, и на бѣлой стѣнѣ небольшого домика, съ косыми черными перекладинами и четырьмя свѣтлыми окошками, стоявшаго на самомъ верху горы, по которой мы взбирались.

— Вотъ и наше жилище!—воскликнулъ Гагинъ, какъ только мы стали приближаться къ домику:—а вотъ и хозяйка несетъ молоко. Guten Abend, Madame!.. Мы сейчасъ примемся за ѣду; но прежде, — прибавилъ онъ: — оглянитесь... каковъ видъ?

Видъ былъ, точно, чудесный. Рейнъ лежалъ передъ нами, весь серебряный, между зелеными берегами; въ одномъ мѣстѣ онъ горѣлъ багрянымъ золотомъ заката. Пріютившійся къ берегу городокъ показывалъ всѣ свои дома и улицы; широко разбѣгались холмы и поля. Внизу было хорошо, но наверху еще лучше: меня особенно поразила чистота и глубина неба, сіяющая прозрачность воздуха. Свѣжій и легкій, онъ тихо колыхался и перекатывался волнами, словно и ему было раздольнѣе на высотѣ.

— Отличную вы выбрали квартиру,—промолвилъ я.

— Это Ася ее нашла,—отвѣчалъ Гагинъ:—ну-ка, Ася,—продолжалъ онъ:—распоряжайся. Вели все сюда подать. Мы станемъ ужинать на воздухѣ. Тутъ музыка слышнѣе. Замѣтили ли вы,—прибавилъ онъ, обратясь ко мнѣ:—вблизи иной вальсъ никуда не годится—пошлые, грубые звуки—а въ отдаленьи, чудо! такъ и шевелитъ въ васъ всѣ романтическія струны.

Ася (собственное имя ея было Анна, но Гагинъ называлъ ее Асей, и ужъ вы позвольте мнѣ ее такъ называть)—Ася отправилась въ домъ и скоро вернулась вмѣстѣ съ хозяйкой. Онѣ вдвоемъ несли большой подносъ съ горшкомъ молока, тарелками, ложками, сахаромъ, ягодами, хлѣбомъ. Мы усѣлись и принялись за ужинъ. Ася сняла шляпу; ея черные волосы, остриженные и причесанные, какъ у мальчика, падали крупными завитками на шею и уши. Сначала она дичилась меня; но Гагинъ сказалъ ей:

— Ася, полно ёжиться! онъ не кусается.

Она улыбнулась и, немного спустя, уже сама заговаривала со мной. Я не видалъ существа, болѣе подвижного. Ни одно мгновенье она не сидѣла смирно; вставала, убѣгала въ домъ и прибѣгала снова, напѣвала вполголоса, часто смѣялась, и престраннымъ образомъ: казалось, она смѣялась не тому, что̀ слышала, а разнымъ мыслямъ, приходившимъ ей въ голову. Ея большіе глаза глядѣли прямо, свѣтло, смѣло, но иногда вѣки ея слегка щурились, и тогда взоръ ея внезапно становился глубокъ и нѣженъ.

Мы проболтали часа два. День давно погасъ, и вечеръ,

сперва весь огнистый, потомъ ясный и алый, потомъ блѣдный и смутный, тихо таялъ и переливался въ ночь, а бесѣда наша все продолжалась, мирная и кроткая, какъ воздухъ, окружавшій насъ. Гагинъ велѣлъ принести бутылку рейнвейна; мы ее роспили, не спѣша. Музыка, попрежнему, долетала до насъ, звуки ея казались слаще и нѣжнѣе; огни зажглись въ городѣ и надъ рѣкою. Ася вдругъ опустила голову, такъ что кудри ей на глаза упали, замолкла и вздохнула, а потомъ сказала намъ, что хочетъ спать, и ушла въ домъ; я, однако, видѣлъ, какъ она, не зажигая свѣчи, долго стояла за нераскрытымъ окномъ. Наконецъ, луна встала и заиграла по Рейну; все освѣтилось, потемнѣло, измѣнилось, даже вино въ нашихъ граненыхъ стаканахъ заблестѣло таинственнымъ блескомъ. Вѣтеръ упалъ, точно крылья сложилъ, и замеръ; ночнымъ, душистымъ тепломъ повѣяло отъ земли.

— Пора!—воскликнулъ я:—а то, пожалуй, перевозчика не сыщешь.

— Пора,—повторилъ Гагинъ.

Мы пошли внизъ по тропинкѣ. Камни вдругъ посыпались за нами: это Ася насъ догоняла.

— Ты развѣ не спишь?—спросилъ ее братъ, но она, не отвѣтивъ ему ни слова, пробѣжала мимо. Послѣднія умиравшія плошки, зажженныя студентами въ саду гостиницы, освѣщали внизу листья деревьевъ, что̀ придавало имъ праздничный и фантастическій видъ. Мы нашли Асю у берега: она разговаривала съ перевозчикомъ. Я прыгнулъ въ лодку и простился съ новыми моими друзьями. Гагинъ обѣщалъ навѣстить меня на слѣдующій день; я пожалъ его руку и протянулъ свою Асѣ; но она только посмотрѣла на меня и покачала головой. Лодка отчалила и понеслась по быстрой рѣкѣ. Перевозчикъ, бодрый старикъ, съ напряженіемъ погружалъ весла въ темную воду.

— Вы въ лунный столбъ въѣхали, вы его разбили,—закричала мнѣ Ася.

Я опустилъ глаза; вокругъ лодки, чернѣя, колыхались волны.

— Прощайте!—раздался опять ея голосъ.

— До завтра,—проговорилъ за нею Гагинъ.

Лодка причалила. Я вышелъ и оглянулся. Никого ужъ не было видно на противоположномъ берегу. Лунный столбъ опять тянулся золотымъ мостомъ черезъ всю рѣку. Словно на прощаніе примчались звуки стариннаго ланнеровскаго вальса. Гагинъ былъ правъ: я почувствовалъ, что всѣ струны сердца моего задрожали въ отвѣтъ на тѣ заискивающіе напѣвы. Я отправился домой черезъ потемнѣвшія поля, медленно вдыхая пахучій воздухъ, и пришелъ въ свою комнатку весь разнѣженный сладостнымъ томленіемъ безпредметныхъ и безконечныхъ ожиданій. Я чувствовалъ себя счастливымъ... Но отчего я былъ счастливъ? Я ничего не желалъ, я ни о чемъ не думалъ... Я былъ счастливъ.

Чуть не смѣясь отъ избытка пріятныхъ и игривыхъ чувствъ, я нырнулъ въ постель и уже закрылъ-было глаза, какъ вдругъ мнѣ пришло на умъ, что въ теченіе вечера я ни разу не вспомнилъ о моей жестокой красавицѣ... „Что же это значитъ? — спросилъ я самого себя: — развѣ я не влюбленъ?“ Но, задавъ себѣ этотъ вопросъ, я, кажется, немедленно заснулъ, какъ дитя въ колыбели.

III.

На другое утро (я уже проснулся, но еще не вставалъ) стукъ палки раздался у меня подъ окномъ, и голосъ, который я тотчасъ призналъ за голосъ Гагина, запѣлъ:

„Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу“...

Я поспѣшилъ ему отворить дверь.

— Здравствуйте,—сказалъ Гагинъ, входя:—я васъ раненько потревожилъ, но посмотрите, какое утро. Свѣжесть, роса, жаворонки поютъ...

Съ своими курчавыми, блестящими волосами, открытой шеей и розовыми щеками, онъ самъ былъ свѣжъ, какъ утро.

Я одѣлся; мы вышли въ садикъ, сѣли на лавочку, велѣли подать себѣ кофе и принялись бесѣдовать. Гагинъ сообщилъ мнѣ свои планы на будущее: владѣя порядоч-

нымъ состояніемъ и ни отъ кого не завися, онъ хотѣлъ посвятить себя живописи, и только сожалѣлъ о томъ, что поздно хватился за умъ и много времени потратилъ попустому; я также упомянулъ о моихъ предположеніяхъ, да, кстати, повѣрилъ ему тайну моей несчастной любви. Онъ выслушалъ меня съ снисхожденіемъ, но, сколько я могъ замѣтить, сильнаго сочувствія къ моей страсти я въ немъ не возбудилъ. Вздохнувши вслѣдъ за мной раза два, изъ вѣжливости, Гагинъ предложилъ мнѣ пойти къ нему, посмотрѣть его этюды. Я тотчасъ согласился.

Мы не застали Асю. Она, по словамъ хозяйки, отправилась на „развалину". Верстахъ въ двухъ отъ города Л. находились остатки феодальнаго замка. Гагинъ раскрылъ мнѣ всѣ свои картоны. Въ его этюдахъ было много жизни и правды, что-то свободное и широкое; но ни одинъ изъ нихъ не былъ оконченъ и рисунокъ показался мнѣ небреженъ и невѣренъ. Я откровенно высказалъ ему мое мнѣніе.

— Да, да,—подхватилъ онъ со вздохомъ: — вы правы; все это очень плохо и незрѣло, что̀ дѣлать! Не учился я, какъ слѣдуетъ, да и проклятая славянская распущенность беретъ свое. Пока мечтаешь о работѣ, такъ и парѝшь орломъ: землю, кажется, сдвинулъ бы съ мѣста — а въ исполненіи тотчасъ ослабѣешь и устаешь.

Я началъ-было ободрять его, но онъ махнулъ рукой и, собравши картоны въ охапку, бросилъ ихъ на диванъ.

— Коли хватитъ терпѣнья, изъ меня выйдетъ что-нибудь, — промолвилъ онъ сквозь зубы: — не хватитъ, останусь недорослемъ изъ дворянъ. Пойдемте-ка, лучше, Асю отыскивать.

Мы пошли.

IV.

Дорога къ развалинѣ вилась по скату узкой, лѣсистой долины; на днѣ ея бѣжалъ ручей и шумно прядалъ черезъ камни, какъ бы торопясь слиться съ великой рѣкой, спокойно сіявшей за темной гранью круто разсѣченныхъ горныхъ гребней. Гагинъ обратилъ мое вниманіе на нѣ-

которыя счастливо освѣщенныя мѣста; въ словахъ его слышался, если не живописецъ, то ужъ навѣрное художникъ. Скоро показалась развалина. На самой вершинѣ голой скалы возвышалась четырехугольная башня, вся черная, еще крѣпкая, но словно разрубленная продольной трещиной. Мшистыя стѣны примыкали къ башнѣ; кой-гдѣ лѣпился плющъ; искривленныя деревца свѣшивались съ сѣдыхъ бойницъ и рухнувшихъ сводовъ. Каменистая тропинка вела къ уцѣлѣвшимъ воротамъ. Мы уже подходили къ нимъ, какъ вдругъ впереди насъ мелькнула женская фигура, быстро перебѣжала по грудѣ обломковъ и помѣстилась на уступѣ стѣны, прямо надъ пропастью.

— А вѣдь это Ася!—воскликнулъ Гагинъ:—экая сумасшедшая!

Мы вошли въ ворота и очутились на небольшомъ дворикѣ, до половины заросшемъ дикими яблонями и крапивой. На уступѣ сидѣла, точно, Ася. Она повернулась къ намъ лицомъ и засмѣялась, но не тронулась съ мѣста. Гагинъ погрозилъ ей пальцемъ, а я громко упрекнулъ ее въ неосторожности.

— Полноте,—сказалъ мнѣ шопотомъ Гагинъ:—не дразните ее; вы ея не знаете: она, пожалуй, еще на башню взберется. А вотъ, вы лучше подивитесь смышлености здѣшнихъ жителей.

Я оглянулся. Въ уголкѣ, пріютившись въ крошечномъ и деревянномъ балаганчикѣ, старушка вязала чулокъ и косилась на насъ чрезъ очки. Она продавала туристамъ пиво, пряники и зельтерскую воду. Мы умѣстились на лавочкѣ и принялись пить изъ тяжелыхъ оловянныхъ кружекъ довольно холодное пиво. Ася продолжала сидѣть неподвижно, подобравъ подъ себя ноги и закутавъ голову кисейнымъ шарфомъ; стройный обликъ ея отчетливо и красиво рисовался на ясномъ небѣ; но я съ непріязненнымъ чувствомъ посматривалъ на нее. Уже наканунѣ замѣтилъ я въ ней что-то напряженное, не совсѣмъ естественное... „Она хочетъ удивить насъ“, думалъ я:—„къ чему это? Что за дѣтская выходка?“ Словно угадавши мои мысли, она вдругъ бросила на меня бы-

стрый и пронзительный взглядъ, засмѣялась опять, въ два прыжка соскочила со стѣны, и, подойдя къ старушкѣ, попросила у ней стаканъ воды.

— Ты думаешь, я хочу пить?—промолвила она, обратившись къ брату: — нѣтъ; тутъ есть цвѣты на стѣнахъ, которые непремѣнно полить надо.

Гагинъ ничего не отвѣчалъ ей; а она, съ стаканомъ въ рукѣ, пустилась карабкаться по развалинамъ, изрѣдка останавливаясь, наклоняясь и съ забавной важностью роняя нѣсколько капель воды, ярко блестѣвшихъ на солнцѣ. Ея движенья были очень милы, но мнѣ, попрежнему, было досадно на нее, хотя я невольно любовался ея легкостью и ловкостью. На одномъ опасномъ мѣстѣ она нарочно вскрикнула и потомъ захохотала... Мнѣ стало еще досаднѣе.

— Да она какъ коза лазитъ,—пробормотала себѣ подъ носъ старушка, оторвавшись на мгновенье отъ своего чулка.

Наконецъ, Ася опорожнила весь свой стаканъ и, шаловливо покачиваясь, возвратилась къ намъ. Странная усмѣшка слегка подергивала ея брови, ноздри и губы; полу-дерзко, полу-весело щурились темные глаза.

„Вы находите мое поведеніе неприличнымъ,—казалось, говорило ея лицо: — все равно: я знаю, вы мной любуетесь“.

— Искусно, Ася, искусно, — промолвилъ Гагинъ вполголоса.

Она вдругъ какъ будто застыдилась, опустила свои длинныя рѣсницы и скромно подсѣла къ намъ, какъ виноватая. Я тутъ въ первый разъ хорошенько разсмотрѣлъ ея лицо, самое измѣнчивое лицо, какое я только видѣлъ. Нѣсколько мгновеній спустя, оно уже поблѣднѣло и приняло сосредоточенное, почти печальное выраженіе; самыя черты ея мнѣ показались больше, строже, проще. Она вся затихла. Мы обошли развалину кругомъ (Ася шла за нами слѣдомъ) и полюбовались видами. Между тѣмъ, часъ обѣда приближался. Расплачиваясь со старушкой, Гагинъ спросилъ еще кружку пива и, обернувшись ко мнѣ, воскликнулъ съ лукавой ужимкой:

— За здоровье дамы вашего сердца!

— А развѣ у него,—развѣ у васъ есть такая дама?— спросила вдругъ Ася.

— Да у кого же ея нѣтъ?—возразилъ Гагинъ.

Ася задумалась на мгновенье; ея лицо опять измѣнилось, опять появилась на немъ вызывающая, почти дерзкая усмѣшка.

На возвратномъ пути она пуще хохотала и шалила. Она сломала длинную вѣтку, положила ее къ себѣ на плечо, какъ ружье, повязала себѣ голову шарфомъ. Помнится, намъ встрѣтилась многочисленная семья бѣлокурыхъ и чопорныхъ англичанъ; всѣ они, словно по командѣ, съ холоднымъ изумленіемъ проводили Асю своими стеклянными глазами, а она, какъ бы имъ на зло, громко запѣла. Воротясь домой, она тотчасъ ушла къ себѣ въ комнату и появилась только къ самому обѣду, одѣтая въ лучшее свое платье, тщательно причесанная, перетянутая и въ перчаткахъ. За столомъ она держалась очень чинно, почти чопорно, едва отвѣдывала кушанья и пила воду изъ рюмки. Ей явно хотѣлось разыграть передо мною новую роль, — роль приличной и благовоспитанной барышни. Гагинъ не мѣшалъ ей: замѣтно было, что онъ привыкъ потакать ей во всемъ. Онъ только по временамъ добродушно взглядывалъ на меня и слегка пожималъ плечомъ, какъ бы желая сказать: „Она ребенокъ; будьте снисходительны“. Какъ только кончился обѣдъ, Ася встала, сдѣлала намъ книксенъ и, надѣвая шляпу, спросила Гагина: можно ли ей пойти къ фрау Луизе?

— Давно ли ты стала спрашиваться? — отвѣчалъ онъ съ своей неизмѣнной, на этотъ разъ нѣсколько смущенной улыбкой:—развѣ тебѣ скучно съ нами?

— Нѣтъ, но я вчера еще обѣщала фрау Луизе побывать у ней; притомъ же, я думала, вамъ будетъ лучше вдвоемъ: г. П. (она указала на меня) что-нибудь еще тебѣ разскажетъ.

Она ушла.

— Фрау Луизе, — началъ Гагинъ, стараясь избѣгать моего взора:—вдова бывшаго здѣшняго бургомистра, доб-

рая, впрочемъ, пустая старушка. Она очень полюбила Асю. У Аси страсть знакомиться съ людьми круга низшаго; я замѣтилъ: причиною этому всегда бываетъ гордость. Она у меня порядкомъ избалована, какъ видите,— прибавилъ онъ, помолчавъ немного: — да что̀ прикажете дѣлать? Взыскивать я ни съ кого не умѣю, а съ нея и подавно. Я *обязанъ* быть снисходительнымъ съ нею.

Я промолчалъ. Гагинъ перемѣнилъ разговоръ. Чѣмъ больше я узнавалъ его, тѣмъ сильнѣе я къ нему привязывался. Я скоро его понялъ. Это была прямо русская душа, правдивая, честная, простая, но, къ сожалѣнію, немного вялая, безъ цѣпкости и внутренняго жара. Молодость не кипѣла въ немъ ключомъ: она свѣтилась тихимъ свѣтомъ. Онъ былъ очень милъ и уменъ, но я не могъ себѣ представить, что̀ съ нимъ станется, какъ только онъ возмужаетъ. Быть художникомъ... Безъ горькаго, постояннаго труда не бываетъ художниковъ... а трудиться, думалъ я, глядя на его мягкія черты, слушая его неспѣшную рѣчь, — нѣтъ! трудиться ты не будешь, сжаться ты не сумѣешь. Но не полюбить его не было возможности: сердце такъ и влеклось къ нему. Часа четыре провели мы вдвоемъ, то сидя на диванѣ, то медленно расхаживая передъ домомъ, и въ эти четыре часа сошлись окончательно.

Солнце сѣло, и мнѣ уже пора было идти домой. Ася все еще не возвращалась.

— Экая она у меня вольница!—промолвилъ Гагинъ.— Хотите, я пойду провожать васъ? Мы, по пути, завернемъ къ фрау Луизе; я спрошу, тамъ ли она? Крюкъ не великъ.

Мы спустились въ городъ и, свернувши въ узкій, кривой переулочекъ, остановились передъ домомъ въ два окна шириною и вышиною въ четыре этажа. Второй этажъ выступалъ на улицу больше перваго, третій и четвертый еще больше второго; весь домъ, съ своей ветхой рѣзьбой, двумя толстыми столбами внизу, острой черепичной кровлей и протянутымъ въ видѣ клюва воротомъ на чердакѣ, казался огромной, сгорбленной птицей.

— Ася!—крикнулъ Гагинъ:—ты здѣсь?

Освѣщенное окошко въ третьемъ этажѣ стукнуло и отворилось, и мы увидали темную головку Аси. Изъ-за нея выглядывало беззубое и подслѣповатое лицо старой нѣмки.

— Я здѣсь, — проговорила Ася, кокетливо опершись локтями на оконницу:—мнѣ здѣсь хорошо. На тебѣ, возьми, — прибавила она, бросая Гагину вѣтку гераніума: — вообрази, что я дама твоего сердца.

Фрау Луизе засмѣялась.

— Н. уходитъ, — возразилъ Гагинъ: — онъ хочетъ съ тобой проститься.

— Будто? — промолвила Ася: — въ такомъ случаѣ, дай ему мою вѣтку, а я сейчасъ вернусь.

Она захлопнула окно, и, кажется, поцѣловала фрау Луизе. Гагинъ протянулъ мнѣ молча вѣтку. Я молча положилъ ее въ карманъ, дошелъ до перевоза и перебрался на другую сторону.

Помнится я шелъ домой, ни о чемъ не размышляя, но съ странной тяжестью на сердцѣ, какъ вдругъ меня поразилъ сильный, знакомый, но въ Германіи рѣдкій запахъ. Я остановился и увидалъ возлѣ дороги небольшую грядку конопли. Ея степной запахъ мгновенно напомнилъ мнѣ родину и возбудилъ въ душѣ страстную тоску по ней. Мнѣ захотѣлось дышать русскимъ воздухомъ, ходить по русской землѣ. „Что я здѣсь дѣлаю, зачѣмъ таскаюсь я въ чужой сторонѣ, между чужими?“ воскликнулъ я, мертвенная тяжесть, которую я ощущалъ на сердцѣ, разрѣшилась внезапно въ горькое и жгучее волненіе. Я пришелъ домой совсѣмъ въ другомъ настроеніи духа, чѣмъ наканунѣ. Я чувствовалъ себя почти разсерженнымъ и долго не могъ успокоиться. Непонятная мнѣ самому досада меня разбирала. Наконецъ, я сѣлъ и, вспомнивъ о своей коварной вдовѣ (офиціальнымъ воспоминаніемъ объ этой дамѣ заключался каждый мой день), досталъ одну изъ ея записокъ. Но я даже не раскрылъ ея; мысли мои тотчасъ приняли иное направленіе. Я началъ думать... думать объ Асѣ. Мнѣ пришло въ голову, что Гагинъ, въ теченіе разговора, намекнулъ мнѣ

на какія-то затрудненія, препятствующія его возвращенію въ Россію... „Полно, сестра ли она его?“ произнесъ я громко.

Я раздѣлся, легъ и старался заснуть; но часъ спустя я опять сидѣлъ въ постели, облокотившись локтемъ на подушку, и снова думалъ объ этой „капризной дѣвочкѣ съ натянутымъ смѣхомъ“... „Она сложена какъ маленькая рафаэлевская Галатея въ Фарнезинѣ“,—шепталъ я:—„да; и она ему не сестра“...

А записка вдовы преспокойно лежала на полу, бѣлѣя въ лучахъ луны.

V.

На слѣдующее утро я опять пошелъ въ Л. Я увѣрялъ себя, что мнѣ хочется повидаться съ Гагинымъ, но втайнѣ меня тянуло посмотрѣть, что̀ станетъ дѣлать Ася, такъ же ли она будетъ „чудить“, какъ наканунѣ. Я засталъ обоихъ въ гостиной, и, странное дѣло!—оттого ли, что я ночью и утромъ много размышлялъ о Россіи—Ася показалась мнѣ совершенно русской дѣвушкой, да простою дѣвушкой, чуть не горничной. На ней было старенькое платьице, волосы она зачесала за уши и сидѣла, не шевелясь, у окна, да шила въ пяльцахъ, скромно, тихо, точно она вѣкъ свой ничѣмъ другимъ не занималась. Она почти ничего не говорила, спокойно посматривала на свою работу, и черты ея приняли такое незначительное, будничное выраженіе, что мнѣ невольно вспомнились наши доморощенныя Кати и Маши. Для довершенія сходства, она принялась напѣвать вполголоса „Матушку голубушку“. Я глядѣлъ на ея желтоватое, угасшее личико, вспоминалъ о вчерашнихъ мечтаніяхъ, и жаль мнѣ было чего-то. Погода была чудесная. Гагинъ объявилъ намъ, что пойдетъ сегодня рисовать этюдъ съ натуры; я спросилъ его, позволитъ ли онъ мнѣ провожать его, не помѣшаю ли ему?

— Напротивъ,—возразилъ онъ:—вы мнѣ можете хорошій совѣтъ дать.

Онъ надѣлъ круглую шляпу à la Van Dyck, блузу,

взялъ картонъ подъ мышку и отправился; я поплелся вслѣдъ за нимъ. Ася осталась дома. Гагинъ, уходя, попросилъ ее позаботиться о томъ, чтобы супъ былъ не слишкомъ жидокъ; Ася обѣщалась побывать на кухнѣ. Гагинъ добрался до знакомой уже мнѣ долины, присѣлъ на камень, и началъ срисовывать старый дуплистый дубъ съ раскидистыми сучьями. Я легъ на траву и досталъ книжку; но я двухъ страницъ не прочелъ, а онъ только бумагу измаралъ: мы все больше разсуждали и, сколько я могу судить, довольно умно и тонко разсуждали о томъ, какъ именно должно работать, чего слѣдуетъ избѣгать; чего придерживаться, и какое собственно значеніе художника въ нашъ вѣкъ. Гагинъ, наконецъ, рѣшилъ, что онъ „сегодня не въ ударѣ", легъ рядомъ со мною, и ужъ тутъ свободно потекли молодыя наши рѣчи, то горячія, то задумчивыя, то восторженныя, но почти всегда неясныя рѣчи, въ которыхъ такъ охотно разливается русскій человѣкъ. Наболтавшись до-сыта и наполнившись чувствомъ удовлетворенія, словно мы что-то сдѣлали, успѣли въ чемъ-то, вернулись мы домой. Я нашелъ Асю точно такою же, какою я ее оставилъ; какъ я ни старался наблюдать за нею — ни тѣни кокетства, ни признака намѣренно-принятой роли я въ ней не замѣтилъ; на этотъ разъ не было возможности упрекнуть ее въ неестественности.

— А-га!—говорилъ Гагинъ:—постъ и покаяніе на себя наложила.

Къ вечеру она нѣсколько разъ непритворно зѣвнула и рано ушла къ себѣ. Я самъ скоро простился съ Гагинымъ и, возвратившись домой, не мечталъ уже ни о чемъ: этотъ день прошелъ въ трезвыхъ ощущеніяхъ. Помнится, однако, ложась спать, я невольно промолвилъ вслухъ:

— Что за хамелеонъ эта дѣвушка! — и, подумавъ немного, прибавилъ:—а все-таки, она ему не сестра.

VI.

Прошли цѣлыя двѣ недѣли. Я каждый день посѣщалъ Гагиныхъ. Ася словно избѣгала меня, но уже не позво-

ляла себѣ ни одной изъ тѣхъ шалостей, которыя такъ удивили меня въ первые два дня нашего знакомства. Она казалась втайнѣ огорченной или смущенной; она и смѣялась меньше. Я съ любопытствомъ наблюдалъ за ней.

Она довольно хорошо говорила по-французски и по-нѣмецки; но по всему было замѣтно, что она съ дѣтства не была въ женскихъ рукахъ и воспитаніе получила странное, необычное, не имѣвшее ничего общаго съ воспитаніемъ самого Гагина. Отъ него, несмотря на его шляпу à la Van Dyck и блузу, такъ и вѣяло мягкимъ, полуизнѣженнымъ великорусскимъ дворяниномъ, а она не походила на барышню; во всѣхъ ея движеніяхъ было что-то неспокойное: этотъ дичокъ недавно былъ привитъ, это вино еще бродило. По природѣ стыдливая и робкая, она досадовала на свою застѣнчивость и, съ досады, насильственно старалась быть развязной и смѣлой, что ей не всегда удавалось. Я нѣсколько разъ заговаривалъ съ ней объ ея жизни въ Россіи, объ ея прошедшемъ: она неохотно отвѣчала на мои разспросы; я узналъ, однако, что до отъѣзда за границу она долго жила въ деревнѣ. Я засталъ ее разъ за книгой, одну. Опершись головой на обѣ руки и запустивъ пальцы глубоко въ волосы, она пожирала глазами строки.

— Браво!—сказалъ я, подойдя къ ней:—какъ вы прилежны!

Она приподняла голову, важно и строго посмотрѣла на меня.

— Вы думаете, я только смѣяться умѣю,—промолвила она, и хотѣла удалиться...

Я взглянулъ на заглавіе книги: это былъ какой-то французскій романъ.

— Однако, я вашъ выборъ похвалить не могу,—замѣтилъ я.

— Что же читать!—воскликнула она, и, бросивъ книгу на столъ, прибавила:—такъ лучше пойду дурачиться,—и побѣжала въ садъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, я читалъ Гагину „Германа и Доротею“. Ася сперва все только шныряла мимо насъ,

потомъ вдругъ остановилась, приникла ухомъ, тихонько подсѣла ко мнѣ и прослушала чтеніе до конца. На слѣдующій день я опять не узналъ ея, пока не догадался, что ей вдругъ вошло въ голову: быть домовитой и степенной, какъ Доротея. Словомъ, она являлась мнѣ полузагадочнымъ существомъ. Самолюбивая до крайности, она привлекала меня, даже когда я сердился на нее. Въ одномъ только я болѣе и болѣе убѣждался, а именно въ томъ, что она не сестра Гагина. Онъ обходился съ нею не по-братски: слишкомъ ласково, слишкомъ снисходительно и въ то же время нѣсколько принужденно.

Странный случай, повидимому, подтвердилъ мои подозрѣнія.

Однажды вечеромъ, подходя къ винограднику, гдѣ жили Гагины, я нашелъ калитку запертою. Не долго думавши, добрался я до одного обрушеннаго мѣста въ оградѣ, уже прежде замѣченнаго мною, и перескочилъ черезъ нее. Недалеко отъ этого мѣста, въ сторонѣ отъ дорожки, находилась большая бесѣдка изъ акацій; я поровнялся съ нею и уже прошелъ-было мимо... вдругъ меня поразилъ голосъ Аси, съ жаромъ и сквозь слезы произносившей слѣдующія слова:

— Нѣтъ, я никого не хочу любить, кромѣ тебя, нѣтъ нѣтъ, одного тебя я хочу любить—и навсегда.

— Полно, Ася, успокойся, — говорилъ Гагинъ: — ты знаешь, я тебѣ вѣрю.

Голоса ихъ раздавались въ бесѣдкѣ. Я увидалъ ихъ обоихъ сквозь негустой переплетъ вѣтвей. Они меня не замѣтили.

— Тебя, тебя одного, — повторила она, бросилась ему на шею и съ судорожными рыданіями начала цѣловать его и прижиматься къ его груди.

— Полно, полно,—твердилъ онъ, слегка проводя рукой по ея волосамъ.

Нѣсколько мгновеній остался я неподвижнымъ... Вдругъ я встрепенулся.—Подойти къ нимъ?.. Ни за что!—сверкнуло у меня въ головѣ. Быстрыми шагами вернулся я къ оградѣ, перескочилъ черезъ нее на дорогу, и чуть не бѣ-

томъ пустился домой. Я улыбался, потиралъ руки, удивлялся случаю, внезапно подтвердившему мои догадки (я ни на одно мгновенье не усомнился въ ихъ справедливости), а между тѣмъ, на сердцѣ у меня было очень горько. Однако, думалъ я, умѣютъ же они притворяться! Но къ чему? Что за охота меня морочить? Не ожидалъ я этого отъ него... И что за чувствительное объясненіе?

VII.

Я спалъ дурно, и на другое утро всталъ рано, привязалъ походную котомочку за спину и, объявивъ своей хозяйкѣ, чтобы она не ждала меня къ ночи, отправился пѣшкомъ въ горы, вверхъ по теченію рѣки, на которой лежитъ городокъ З. Эти горы, отрасли хребта, называемаго Собачьей-спиной (Hundsrück), очень любопытны въ геологическомъ отношеніи; въ особенности замѣчательны онѣ правильностью и чистотой базальтовыхъ слоевъ; но мнѣ было не до геологическихъ наблюденій. Я не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что̀ во мнѣ происходило; одно чувство было мнѣ ясно: нежеланіе видѣться съ Гагинымъ. Я увѣрялъ себя, что единственной причиной моего внезапнаго нерасположенія къ нимъ была досада на ихъ лукавство. Кто ихъ принуждалъ выдавать себя за родственниковъ? Впрочемъ, я старался о нихъ не думать; бродилъ, не спѣша, по горамъ и долинамъ, засиживался въ деревенскихъ харчевняхъ, мирно бесѣдуя съ хозяевами и гостями, или ложился на плоскій, согрѣтый камень и смотрѣлъ, какъ плыли облака, благо, погода стояла удивительная. Въ такихъ занятіяхъ я провелъ три дня, и не безъ удовольствія, — хотя на сердцѣ у меня щемило по временамъ. Настроеніе моихъ мыслей приходилось какъ разъ подъ-стать спокойной природѣ того края.

Я отдалъ себя всего тихой игрѣ случайности, набѣгавшимъ впечатлѣніямъ: неторопливо смѣняясь, протекали они по душѣ и оставили въ ней наконецъ одно общее чувство, въ которомъ слилось все, что̀ я видѣлъ, ощутилъ, слышалъ въ эти три дня — все: тонкій запахъ смолы по лѣсамъ, крикъ и стукъ дятловъ, немолчная болтовня свѣт-

лыхъ ручейковъ съ пестрыми форелями на песчаномъ днѣ, не слишкомъ смѣлыя очертанія горъ, хмурыя скалы, чистенькія деревеньки съ почтенными старыми церквами и деревьями, аисты въ лугахъ, уютныя мельницы съ проворно-вертящимися колесами, радушныя лица поселянъ, ихъ синіе камзолы и сѣрые чулки, скрипучіе, медлительные возы, запряженные жирными лошадьми, а иногда коровами, молодые, длинноволосые странники по чистымъ дорогамъ, обсаженнымъ яблонями и грушами...

Даже и теперь мнѣ пріятно вспоминать мои тогдашнія впечатлѣнія. Привѣтъ тебѣ, скромный уголокъ германской земли, съ твоимъ незатѣйливымъ довольствомъ, съ повсемѣстными слѣдами прилежныхъ рукъ, терпѣливой, хотя неспѣшной работы... Привѣтъ тебѣ и миръ!

Я пришелъ домой къ самому концу третьяго дня. Я забылъ сказать, что съ досады на Гагиныхъ, я попытался воскресить въ себѣ образъ жестокосердой вдовы;—но мои усилія остались тщетны. Помнится, когда я принялся мечтать о ней, я увидѣлъ передъ собою крестьянскую дѣвочку, лѣтъ пяти, съ круглымъ личикомъ, съ невинно выпученными глазенками. Она такъ дѣтски-простодушно смотрѣла на меня... Мнѣ стало стыдно ея чистаго взора, я не хотѣлъ лгать въ ея присутствіи, и тотчасъ же окончательно и навсегда раскланялся съ моимъ прежнимъ предметомъ.

Дома я нашелъ записку отъ Гагина. Онъ удивлялся неожиданности моего рѣшенія, пенялъ мнѣ, зачѣмъ я не взялъ его съ собою, и просилъ придти къ нимъ, какъ только я вернусь. Я съ неудовольствіемъ прочелъ эту записку, но на другой же день отправился въ Л.

VIII.

Гагинъ встрѣтилъ меня по-пріятельски, осыпалъ меня ласковыми упреками; но Ася, точно нарочно, какъ только увидала меня, расхохоталась безъ всякаго повода и, по своей привычкѣ, тотчасъ убѣжала. Гагинъ смутился, пробормоталъ ей вслѣдъ, что она сумасшедшая, попросилъ меня извинить ее. Признаюсь, мнѣ стало очень досадно

на Асю: ужъ и безъ того мнѣ было не по себѣ, а тутъ опять этотъ неестественный смѣхъ, эти странныя ужимки. Я, однако, показалъ видъ, будто ничего не замѣтилъ, и сообщилъ Гагину подробности моего небольшого путешествія. Онъ разсказалъ мнѣ, что дѣлалъ въ мое отсутствіе. Но рѣчи наши не клеились; Ася входила въ комнатку и убѣгала снова; я объявилъ, наконецъ, что у меня есть спѣшная работа, и что мнѣ пора вернуться домой. Гагинъ сперва меня удерживалъ, потомъ, посмотрѣвъ на меня пристально, вызвался провожать меня. Въ передней Ася вдругъ подошла ко мнѣ и протянула мнѣ руку; я слегка пожалъ ея пальцы и едва поклонился ей. Мы вмѣстѣ съ Гагинымъ переправились черезъ Рейнъ и, проходя мимо любимаго моего ясеня съ статуйкой Мадонны, присѣли на скамью, чтобы полюбоваться видомъ. Замѣчательный разговоръ произошелъ тутъ между нами.

Сперва мы перекинулись немногими словами, потомъ замолкли, глядя на свѣтлую рѣку.

— Скажите, — началъ вдругъ Гагинъ, съ своей обычной улыбкой:—какого вы мнѣнія объ Асѣ? Неправда ли, она должна казаться вамъ немного странной?

— Да,—отвѣтилъ я не безъ нѣкотораго недоумѣнія. Я не ожидалъ, что онъ заговоритъ о ней.

— Ее надо хорошенько узнать, чтобы о ней судить,— промолвилъ онъ:— у ней сердце очень доброе, но голова бѣдовая. Трудно съ нею ладить. Впрочемъ, ее нельзя винить, если бъ вы знали ея исторію...

— Ея исторію?—перебилъ я...—развѣ она не ваша...

Гагинъ взглянулъ на меня.

— Ужъ не думаете ли вы, что она не сестра мнѣ?.. Нѣтъ, — продолжалъ онъ, не обращая вниманія на мое замѣшательство: — она точно мнѣ сестра, она дочь моего отца. Выслушайте меня. Я чувствую къ вамъ довѣріе и разскажу вамъ все.

— Отецъ мой былъ человѣкъ весьма добрый, умный, образованный—и несчастливый. Судьба обошлась съ нимъ не хуже, чѣмъ со многими другими; но онъ и перваго удара ея не вынесъ. Онъ женился рано, по любви; жена его,

моя мать, умерла очень скоро; я остался послѣ нея шести мѣсяцевъ. Отецъ увезъ меня въ деревню и цѣлыя двѣнадцать лѣтъ не выѣзжалъ никуда. Онъ самъ занимался моимъ воспитаніемъ и никогда бы со мной не разстался, если бъ братъ его, мой родной дядя, не заѣхалъ къ намъ въ деревню. Дядя этотъ жилъ постоянно въ Петербургѣ и занималъ довольно важное мѣсто. Онъ уговорилъ отца отдать меня къ нему на руки, такъ какъ отецъ ни за что не соглашался покинуть деревню. Дядя представилъ ему, что мальчику моихъ лѣтъ вредно жить въ совершенномъ уединеніи, что съ такимъ вѣчно унылымъ и молчаливымъ наставникомъ, каковъ былъ мой отецъ, я непремѣнно отстану отъ моихъ сверстниковъ, да и самый нравъ мой легко можетъ испортиться. Отецъ долго противился увѣщаніямъ своего брата, однако, уступилъ наконецъ. Я плакалъ, разставаясь съ отцомъ; я любилъ его, хотя никогда не видалъ улыбки на лицѣ его... но, попавши въ Петербургъ, скоро позабылъ наше темное и невеселое гнѣздо. Я поступилъ въ юнкерскую школу, а изъ школы перешелъ въ гвардейскій полкъ. Каждый годъ пріѣзжалъ я въ деревню на нѣсколько недѣль и съ каждымъ годомъ находилъ отца моего все болѣе и болѣе грустнымъ, въ себя углубленнымъ, задумчивымъ до робости. Онъ каждый день ходилъ въ церковь и почти разучился говорить. Въ одно изъ моихъ посѣщеній (мнѣ уже было лѣтъ двадцать слишкомъ), я въ первый разъ увидалъ у насъ въ домѣ худенькую, черноглазую дѣвочку лѣтъ десяти— Асю. Отецъ сказалъ, что она сирота, и взята имъ на прокормленіе — онъ именно такъ выразился. Я не обратилъ особеннаго вниманія на нее; она была дика, проворна и молчалива какъ звѣрёкъ, и какъ только я входилъ въ любимую комнату моего отца, огромную и мрачную комнату, гдѣ скончалась моя мать и гдѣ даже днемъ зажигались свѣчки, она тотчасъ пряталась за волтеровское кресло его или за шкапъ съ книгами. Случилось такъ, что въ послѣдовавшіе за тѣмъ три, четыре года обязанности службы помѣшали мнѣ побывать въ деревнѣ. Я получалъ отъ отца ежемѣсячно по короткому письму; объ

Асѣ онъ упоминалъ рѣдко, и то вскользь. Ему было уже за пятьдесятъ лѣтъ, но онъ казался еще молодымъ человѣкомъ. Представьте же мой ужасъ: вдругъ я, ничего не подозрѣвавшій, получаю отъ приказчика письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня о смертельной болѣзни моего отца и умоляетъ пріѣхать какъ можно скорѣе, если хочу проститься съ нимъ. Я поскакалъ, сломя голову, и засталъ отца въ живыхъ, но уже при послѣднемъ издыханіи. Онъ обрадовался мнѣ чрезвычайно, обнялъ меня своими исхудалыми руками, долго поглядѣлъ мнѣ въ глаза какимъ-то, не то испытующимъ, не то умоляющимъ взоромъ, и, взявъ съ меня слово, что я исполню его послѣднюю просьбу, велѣлъ своему старому камердинеру привести Асю. Старикъ привелъ ее: она едва держалась на ногахъ и дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Вотъ,—сказалъ мнѣ съ усиліемъ отецъ:—завѣщаю тебѣ мою дочь—твою сестру. Ты все узнаешь отъ Якова,—прибавилъ онъ, указавъ на камердинера.

Ася зарыдала и упала лицомъ на кровать... Полчаса спустя, мой отецъ скончался.

Вотъ что я узналъ. Ася была дочь моего отца и бывшей горничной моей матери, Татьяны. Живо помню я эту Татьяну, помню ея высокую, стройную фигуру, ея благообразное, строгое, умное лицо, съ большими, темными глазами. Она слыла дѣвушкой гордой и неприступной. Сколько я могъ понять изъ почтительныхъ недомолвокъ Якова, отецъ мой сошелся съ нею нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти матушки. Татьяна уже не жила тогда въ господскомъ домѣ, а въ избѣ у замужней сестры своей, скотницы. Отецъ мой сильно къ ней привязался и послѣ моего отъѣзда изъ деревни хотѣлъ даже жениться на ней, но она сама не согласилась быть его женой, несмотря на его просьбы.

— Покойница Татьяна Васильевна,—такъ докладывалъ мнѣ Яковъ, стоя у двери съ закинутыми назадъ руками:—во всемъ были разсудительны и не захотѣли батюшку вашего обидѣть. Что, молъ, я вамъ за жена? какая я барыня? такъ онѣ говорить изволили, при мнѣ гово-

рили-съ.—Татьяна даже не хотѣла переселиться къ намъ въ домъ и продолжала жить у своей сестры, вмѣстѣ съ Асей. Въ дѣтствѣ я видывалъ Татьяну только по праздникамъ, въ церкви. Повязанная темнымъ платкомъ, съ желтою шалью на плечахъ, она становилась въ толпѣ, возлѣ окна,—ея строгій профиль четко вырѣзывался на прозрачномъ стеклѣ, — и смиренно и важно молилась, кланяясь низко, по-старинному. Когда дядя увезъ меня, Асѣ было всего два года, а на девятомъ году она лишилась матери.

Какъ только Татьяна умерла, отецъ взялъ Асю къ себѣ въ домъ. Онъ и прежде изъявилъ желаніе имѣть ее при себѣ, но Татьяна ему и въ этомъ отказала. Представьте же себѣ, что должно было произойти въ Асѣ, когда ее взяли къ барину. Она до сихъ поръ не можетъ забыть ту минуту, когда ей въ первый разъ надѣли шелковое платье и поцѣловали у ней ручку. Мать, пока была жива, держала ее очень строго, у отца она пользовалась совершенной свободой. Онъ былъ ея учителемъ; кромѣ его, она никого не видала. Онъ не баловалъ ее, то-есть, не няньчился съ нею; но онъ любилъ ее страстно и никогда ничего ей не запрещалъ: онъ въ душѣ считалъ себя передъ ней виноватымъ. Ася скоро поняла, что она главное лицо въ домѣ; она знала, что баринъ—ея отецъ; но она такъ же скоро поняла свое ложное положеніе; самолюбіе развилось въ ней сильно, недовѣрчивость тоже; дурныя привычки укоренялись, простота исчезла. Она хотѣла (она сама мнѣ разъ призналась въ этомъ) заставить *цѣлый міръ* забыть ея происхожденіе; она и стыдилась своей матери, и стыдилась своего стыда, и гордилась ею. Вы видите, что она многое знала и знаетъ, чего не должно бы знать въ ея годы... Но развѣ она виновата? Молодыя силы разыгрывались въ ней, кровь кипѣла, а вблизи ни одной руки, которая бы ее направила. Полная независимость во всемъ! да развѣ легко ее вынести? Она хотѣла быть не хуже другихъ барышень; она бросилась на книги. Что̀ тутъ могло выйти путнаго? Неправильно начатая жизнь слагалась неправильно, но сердце въ ней не испортилось, умъ уцѣлѣлъ.

И вотъ, я, двадцатилѣтній малый, очутился съ тринадцатилѣтней дѣвочкой на рукахъ! Въ первые дни послѣ смерти отца, при одномъ звукѣ моего голоса, ее била лихорадка, ласки мои повергали ее въ тоску, и только понемногу, исподволь, привыкла она ко мнѣ. Правда, потомъ, когда она убѣдилась, что я точно признаю ее за сестру и полюбилъ ее, какъ сестру, она страстно ко мнѣ привязалась; у ней ни одно чувство не бываетъ вполовину.

Я привезъ ее въ Петербургъ. Какъ мнѣ ни больно было съ ней разстаться, — жить съ ней вмѣстѣ я никакъ не могъ; я помѣстилъ ее въ одинъ изъ лучшихъ пансіоновъ. Ася поняла необходимость нашей разлуки, но начала съ того, что заболѣла и чуть не умерла. Потомъ она обтерпѣлась и выжила въ пансіонѣ четыре года; но, противъ моихъ ожиданій, осталась почти такою же, какою была прежде. Начальница пансіона часто жаловалась мнѣ на нее: „И наказать ее нельзя,—говаривала она мнѣ:—и на ласку она не подается“. Ася была чрезвычайно понятлива, училась прекрасно, лучше всѣхъ; но никакъ не хотѣла подойти подъ общій уровень, упрямилась, глядѣла букой... Я не могъ слишкомъ винить ее: въ ея положеніи, ей надо было либо прислуживаться, либо дичиться. Изъ всѣхъ своихъ подругъ она сошлась только съ одной, некрасивой, загнанной и бѣдной дѣвушкой. Остальныя барышни, съ которыми она воспитывалась, большею частью изъ хорошихъ фамилій, не любили ея, язвили ее и кололи, какъ только могли; Ася имъ на волосъ не уступала. Однажды, на урокѣ изъ закона Божія, преподаватель заговорилъ о порокахъ. „Лесть и трусость самые дурные пороки“, громко промолвила Ася. Словомъ, она продолжала идти своей дорогой; только манеры ея стали лучше: хотя и въ этомъ отношеніи она, кажется, не много успѣла.

Наконецъ, ей минуло семнадцать лѣтъ; оставаться ей долѣе въ пансіонѣ было невозможно. Я находился въ довольно большомъ затрудненіи. Вдругъ мнѣ пришла благая мысль: выйти въ отставку, поѣхать за границу на годъ или на два, и взять Асю съ собою. Задумано—сдѣлано; и вотъ, мы съ ней на берегахъ Рейна, гдѣ я стараюсь

заниматься живописью, а она... шалитъ и чудитъ попрежнему. Но теперь я надѣюсь, что вы не станете судить ее слишкомъ строго; а она, хоть и притворяется, что ей все нипочемъ,—мнѣніемъ каждаго дорожитъ, вашимъ же въ особенности.

И Гагинъ опять улыбнулся своей тихой улыбкой. Я крѣпко стиснулъ ему руку.

— Все такъ, — заговорилъ опять Гагинъ: — но съ нею мнѣ бѣда. Порохъ она настоящій. До сихъ поръ ей никто не нравился, но бѣда, если она кого полюбитъ! Я иногда не знаю, какъ съ ней быть. На-дняхъ она что̀ вздумала: начала вдругъ увѣрять меня, что я къ ней сталъ холоднѣе прежняго, что она одного меня любитъ и вѣкъ будетъ меня одного любить... И при этомъ такъ расплакалась...

— Такъ вотъ что...—промолвилъ-было я, и прикусилъ языкъ.

— А скажите-ка мнѣ, — спросилъ я Гагина: — дѣло между нами пошло на откровенность, — неужели, въ самомъ дѣлѣ, ей до сихъ поръ никто не нравился? въ Петербургѣ видала же она молодыхъ людей?

— Они-то ей и не нравились вовсе. Нѣтъ, Асѣ нуженъ герой, необыкновенный человѣкъ — или живописный пастухъ въ горномъ ущельѣ. А впрочемъ, я заболтался съ вами, задержалъ васъ,—прибавилъ онъ, вставая.

— Послушайте, — началъ я: — пойдемте къ вамъ, мнѣ домой не хочется.

— А работа ваша?

Я ничего не отвѣчалъ; Гагинъ добродушно усмѣхнулся, и мы вернулись въ Л. Увидѣвъ знакомый виноградникъ и бѣлый домикъ наверху горы, я почувствовалъ какую-то сладость—именно, сладость на сердцѣ: точно мнѣ втихомолку меду туда налили. Мнѣ стало легко послѣ Гагинскаго разсказа.

IX.

Ася встрѣтила насъ на самомъ порогѣ дома; я снова ожидалъ смѣха; но она вышла къ намъ вся блѣдная, молчаливая, съ потупленными глазами.

— Вотъ онъ опять, — заговорилъ Гагинъ: — и, замѣть, самъ захотѣлъ вернуться.

Ася вопросительно посмотрѣла на меня. Я, въ свою очередь, протянулъ ей руку и на этотъ разъ крѣпко пожалъ ея холодные пальчики. Мнѣ стало очень жаль ея; теперь я многое понималъ въ ней, что̀ прежде сбивало меня съ толку: ея внутреннее безпокойство, неумѣнье держать себя, желаніе порисоваться,—все мнѣ стало ясно. Я взглянулъ въ эту душу: тайный гнётъ давилъ ее постоянно, тревожно путалось и билось неопытное самолюбіе, но все существо ея стремилось къ правдѣ. Я понялъ, почему эта странная дѣвочка меня привлекала; не одной только полудикой прелестью, разлитой по всему ея тонкому тѣлу, привлекала она меня: ея душа мнѣ нравилась.

Гагинъ началъ копаться въ своихъ рисункахъ; я предложилъ Асѣ погулять со мною по винограднику. Она тотчасъ согласилась, съ веселой и почти покорной готовностью. Мы спустились до половины горы и присѣли на широкую плиту.

— И вамъ не скучно было безъ насъ?—начала Ася.

— А вамъ безъ меня было скучно?—спросилъ я.

Ася взглянула на меня сбоку.

— Да,—отвѣчала она.—Хорошо въ горахъ? — продолжала она тотчасъ:—онѣ высоки? Выше облаковъ? Разскажите мнѣ, что̀ вы видѣли. Вы разсказывали брату, но я ничего не слыхала.

— Вольно жъ вамъ было уходить,—замѣтилъ я.

— Я уходила... потому что... Я теперь вотъ не уйду,— прибавила она съ довѣрчивой лаской въ голосѣ: — вы сегодня были сердиты.

— Я?

— Вы.

— Отчего же, помилуйте...

— Не знаю, но вы были сердиты и ушли сердитыми. Мнѣ было очень досадно, что вы такъ ушли, и я такъ рада, что вы вернулись

— И я радъ, что вернулся,—промолвилъ я.

Ася повела плечами, какъ это часто дѣлаютъ дѣти, когда имъ хорошо.

— О, я умѣю отгадывать,—продолжала она: — бывало, я по одному папашиному кашлю изъ другой комнаты узнавала, доволенъ ли онъ мной или нѣтъ.

До того дня Ася ни разу не говорила мнѣ о своемъ отцѣ. Меня это поразило.

— Вы любили вашего батюшку? — проговорилъ я, и вдругъ, къ великой моей досадѣ, почувствовалъ, что краснѣю.

Она ничего не отвѣчала и покраснѣла тоже. Мы оба замолкли. Вдали по Рейну бѣжалъ и дымился пароходъ. Мы принялись глядѣть на него.

— Что же вы не разсказываете?—прошептала Ася.

— Отчего вы сегодня разсмѣялись, какъ только увидѣли меня?—спросилъ я.

— Сама не знаю. Иногда мнѣ хочется плакать, а я смѣюсь... Вы не должны судить меня... по тому, что я дѣлаю. Ахъ, кстати, что это за сказка о Лорелеѣ! Вѣдь это ея скала виднѣется? Говорятъ, она прежде всѣхъ топила, а какъ полюбила, сама бросилась въ воду. Мнѣ нравится эта сказка. Фрау Луизе мнѣ всякія сказки сказываетъ. У фрау Луизе есть черный котъ съ желтыми глазами...

Ася подняла голову и встряхнула кудрями.

— Ахъ, мнѣ хорошо,—проговорила она.

Въ это мгновенье долетѣли до насъ отрывочные, однообразные звуки. Сотни голосовъ разомъ и съ мѣрными разстановками повторяли молитвенный напѣвъ: толпа богомольцевъ тянулась внизу, по дорогѣ, съ крестами и хоругвями...

— Вотъ бы пойти съ ними, — сказала Ася, прислушиваясь къ постепенно ослабѣвавшимъ взрывамъ голосовъ.

— Развѣ вы такъ набожны?

— Пойти куда-нибудь далеко, на молитву, на трудный подвигъ, — продолжала она. — А то дни уходятъ, жизнь уйдетъ, а что мы сдѣлали?

— Вы честолюбивы,—замѣтилъ я:—вы хотите прожить не даромъ, слѣдъ за собой оставить...

— А развѣ это невозможно?

„Невозможно“, чуть-было не повторилъ я... Но я взглянулъ въ ея свѣтлые глаза и только промолвилъ:

— Попытайтесь.

— Скажите,—заговорила Ася, послѣ небольшого молчанія, въ теченіе котораго какія-то тѣни пробѣжали у ней по лицу, уже успѣвшему поблѣднѣть: — вамъ очень нравилась та дама... Вы помните, братъ пилъ ея здоровье въ развалинѣ, на второй день нашего знакомства?

Я засмѣялся.

— Вашъ братъ шутилъ; мнѣ ни одна дама не нравилась; по крайней мѣрѣ, теперь ни одна не нравится.

— А что́ вамъ нравится въ женщинахъ? — спросила Ася, закинувъ голову съ невиннымъ любопытствомъ.

— Какой странный вопросъ!—воскликнулъ я.

Ася слегка смутилась.

— Я не должна была сдѣлать вамъ такой вопросъ, не правда ли? Извините меня, я привыкла болтать все, что мнѣ въ голову входитъ. Оттого-то я и боюсь говорить.

— Говорите, ради Бога, не бойтесь,—подхватилъ я:— я такъ радъ, что вы, наконецъ, перестаете дичиться.

Ася потупилась и засмѣялась тихимъ и легкимъ смѣхомъ; я не зналъ за ней такого смѣха.

— Ну, разсказывайте же,—продолжала она, разглаживая полы своего платья и укладывая ихъ себѣ на ноги, точно она усаживалась надолго:—разсказывайте, или прочтите что-нибудь, какъ, помните, вы намъ читали изъ „Онѣгина“...

Она вдругъ задумалась...

„Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
„Надъ бѣдной матерью моей!“

—проговорила она вполголоса.

— У Пушкина не такъ,—замѣтилъ я.

— А я хотѣла бы быть Татьяной, — продолжала она все такъ же задумчиво.—Разсказывайте,—подхватила она съ живостью.

Но мнѣ было не до разсказовъ. Я глядѣлъ на нее, всю облитую яснымъ солнечнымъ лучомъ, всю успокоенную и кроткую. Все радостно сіяло вокругъ насъ. внизу, надъ

нами—небо, земля и воды; самый воздухъ, казалось, былъ насыщенъ блескомъ.

— Посмотрите, какъ хорошо!—сказалъ я, невольно понизивъ голосъ.

— Да, хорошо!—такъ же тихо отвѣчала она, не смотря на меня.—Если бъ мы съ вами были птицы—какъ бы мы взвились, какъ бы полетѣли... Такъ бы и утонули въ этой синевѣ... Но мы не птицы.

— А крылья могутъ у насъ вырасти,—возразилъ я.

— Какъ такъ?

— Поживите — узнаете. Есть чувства, которыя поднимаютъ насъ отъ земли. Не безпокойтесь, у васъ будутъ крылья.

— А у васъ были?

— Какъ вамъ сказать... Кажется, до сихъ поръ я еще не леталъ.

Ася опять задумалась. Я слегка наклонился къ ней.

— Умѣете вы вальсировать?—спросила она вдругъ.

— Умѣю,—отвѣчалъ я, нѣсколько озадаченный.

— Такъ пойдемте, пойдемте... Я попрошу брата сыграть намъ вальсъ... Мы вообразимъ, что мы летаемъ, что у насъ выросли крылья.

Она побѣжала къ дому. Я побѣжалъ вслѣдъ за нею—и, нѣсколько мгновеній спустя, мы кружились въ тѣсной комнатѣ, подъ сладкіе звуки Лаппера. Ася вальсировала прекрасно, съ увлеченіемъ. Что-то мягкое, женское проступило вдругъ сквозь ея дѣвически-строгій обликъ. Долго потомъ рука моя чувствовала прикосновеніе ея нѣжнаго стана, долго слышалось мнѣ ея ускоренное, близкое дыханье, долго мерещились мнѣ темные, неподвижные, почти закрытые глаза на блѣдномъ, но оживленномъ лицѣ, рѣзво обвѣянномъ кудрями.

X.

Весь этотъ день прошелъ, какъ нельзя лучше. Мы веселились, какъ дѣти. Ася была очень мила и проста. Гагинъ радовался, глядя на нее. Я ушелъ поздно. Въѣхавши на средину Рейна, я попросилъ перевозчика пустить лодку

внизъ по теченію. Старикъ поднялъ весла — и царственная рѣка понесла насъ. Глядя кругомъ, слушая, вспоминая, я вдругъ почувствовалъ тайное безпокойство на сердцѣ... поднялъ глаза къ небу—но и въ небѣ не было покоя: испещренное звѣздами, оно все шевелилось, двигалось, содрогалось; я склонился къ рѣкѣ... но и тамъ, и въ этой темной, холодной глубинѣ, тоже колыхались, дрожали звѣзды; тревожное оживленіе мнѣ чудилось повсюду — и тревога росла во мнѣ самомъ. Я облокотился на край лодки... Шопотъ вѣтра въ моихъ ушахъ, тихое журчанье воды за кормою меня раздражали, и свѣжее дыханье волны не охлаждало меня: соловей запѣлъ на берегу, и заразилъ меня сладкимъ ядомъ своихъ звуковъ. Слезы закапали у меня на глазахъ, но то не были слезы безпредметнаго восторга. Что̀ я чувствовалъ, было не то смутное, еще недавно испытанное ощущеніе всеобъемлющихъ желаній, когда душа ширится, звучитъ, когда ей кажется, что она все понимаетъ и все любитъ... Нѣтъ! во мнѣ зажглась жажда счастья. Я еще не смѣлъ назвать его по имени,—но счастья, счастья до пресыщенія—вотъ чего хотѣлъ я, вотъ о чемъ томился... А лодка все неслась, и старикъ-перевозчикъ сидѣлъ и дремалъ, наклонясь надъ веслами.

XI.

Отправляясь на слѣдующій день къ Гагинымъ, я не спрашивалъ себя, влюбленъ ли я въ Асю, но я много размышлялъ о ней, ея судьба меня занимала, я радовался неожиданному нашему сближенію. Я чувствовалъ, что только съ вчерашняго дня я узналъ ее; до тѣхъ поръ она отворачивалась отъ меня. И вотъ, когда она раскрылась, наконецъ, передо мною, какимъ плѣнительнымъ свѣтомъ озарился ея образъ, какъ онъ былъ новъ для меня, какія тайныя обаянія стыдливо въ немъ сквозили...

Бодро шелъ я по знакомой дорогѣ, безпрестанно посматривая на издали бѣлѣвшій домикъ; я не только о будущемъ — я о завтрашнемъ днѣ не думалъ; мнѣ было очень хорошо.

Ася покраснѣла, когда я вошелъ въ комнату; я замѣтилъ, что она опять принарядилась, но выраженіе ея лица не шло къ ея наряду: оно было печально. А я пришелъ такимъ веселымъ! Мнѣ показалось даже, что она, по обыкновенію своему, собралась-было бѣжать, но сдѣлала усиліе надъ собою — и осталась. Гагинъ находился въ томъ особенномъ состояніи художническаго жара и ярости, которое, въ видѣ припадка, внезапно овладѣваетъ дилетантами, когда они вообразятъ, что имъ удалось, какъ они выражаются, „поймать природу за хвостъ". Онъ стоялъ, весь взъерошенный и выпачканный красками, передъ натянутымъ холстомъ и, широко размахивая по немъ кистью, почти свирѣпо кивнулъ мнѣ головой, отодвинулся, прищурилъ глаза и снова накинулся па свою картину. Я не сталъ мѣшать ему и подсѣлъ къ Асѣ. Медленно обратились ко мнѣ ея темные глаза.

— Вы сегодня не такая, какъ вчера,—замѣтилъ я, послѣ тщетныхъ усилій вызвать улыбку на ея губы.

— Нѣтъ, не такая, — возразила она неторопливымъ и глухимъ голосомъ. — Но это ничего. Я не хорошо спала, всю ночь думала.

— О чемъ?

— Ахъ, я о многомъ думала. Это у меня привычка съ дѣтства: еще съ того времени, когда я жила съ матушкой...

Она съ усиліемъ выговорила это слово, и потомъ еще разъ повторила:

— Когда я жила съ матушкой... я думала, отчего это никто не можетъ знать, что̀ съ нимъ будетъ; а иногда и видишь бѣду—да спастись нельзя; и отчего никогда нельзя сказать всей правды?.. Потомъ я думала, что я ничего не знаю, что мнѣ надобно учиться. Меня перевоспитать надо, я очень дурно воспитана. Я не умѣю играть на фортепіано, не умѣю рисовать, я даже шью плохо. У меня нѣтъ никакихъ способностей, со мной, должно-быть, очень скучно.

— Вы несправедливы къ себѣ,—возразилъ я.—Вы много читали, вы образованы, и съ вашимъ умомъ...

— А я умна? — спросила она съ такой наивной любознательностью, что я невольно засмѣялся; но она даже не улыбнулась.—Братъ, я умна?—спросила она Гагина.

Онъ ничего не отвѣчалъ ей и продолжалъ трудиться, безпрестанно мѣняя кисти и высоко поднимая руку.

— Я сама не знаю иногда, что́ у меня въ головѣ, — продолжала Ася съ тѣмъ же задумчивымъ видомъ. — Я иногда самой себя боюсь, ей-Богу. Ахъ, я хотѣла бы... Правда ли, что женщинамъ не слѣдуетъ читать много?

— Много не нужно, но...

— Скажите мнѣ, что̀ я должна читать? скажите, что̀ я должна дѣлать? Я все буду дѣлать, что̀ вы мнѣ скажете,—прибавила она, съ невинной довѣрчивостью обратясь ко мнѣ.

Я не тотчасъ нашелся, что̀ сказать ей.

— Вѣдь вамъ не будетъ скучно со мной?

— Помилуйте,—началъ я...

— Ну, спасибо!—возразила Ася:—а я думала, что вамъ скучно будетъ.

И ея маленькая горячая ручка крѣпко стиснула мою.

— Н..!—вскрикнулъ въ это мгновенье Гагинъ:—не теменъ этотъ фонъ?

Я подошелъ къ нему. Ася встала и удалилась.

XII.

Она вернулась черезъ часъ, остановилась въ дверяхъ и подозвала меня рукою.

— Послушайте,—сказала она:—если бъ я умерла, вамъ было бы жаль меня?

— Что̀ у васъ за мысли сегодня!—воскликнулъ я.

— Я воображаю, что я скоро умру; мнѣ иногда кажется, что все вокругъ меня со мною прощается. Умереть лучше, чѣмъ жить такъ... Ахъ! не глядите такъ на меня; я, право, не притворяюсь. А то я васъ опять бояться буду.

— Развѣ вы меня боялись?

— Если я такая странная, я, право, не виновата,—возразила она.—Видите, я ужъ и смѣяться не могу...

Она осталась печальной и озабоченной до самаго вечера. Что-то происходило въ ней, чего я не понималъ. Ея взоръ часто останавливался на мнѣ; сердце мое тихо сжималось подъ этимъ загадочнымъ взоромъ. Она казалась спокойною—а мнѣ, глядя на нее, все хотѣлось сказать ей, чтобы она не волновалась. — Я любовался ею, находилъ трогательную прелесть въ ея поблѣднѣвшихъ чертахъ, въ ея нерѣшительныхъ, замедленныхъ движеніяхъ—а ей почему-то воображалось, что я не въ духѣ.

— Послушайте, — сказала она мнѣ незадолго до прощанья:—меня мучитъ мысль, что вы меня считаете легкомысленной... Вы впередъ всегда вѣрьте тому, что̀ я вамъ говорить буду, только и вы будьте со мной откровенны: а я вамъ всегда буду говорить правду, даю вамъ честное слово...

Это „честное слово“ опять заставило меня засмѣяться.

— Ахъ, не смѣйтесь,—проговорила она съ живостью:— а то̀ я вамъ скажу сегодня то, что̀ вы мнѣ сказали вчера:— „зачѣмъ вы смѣетесь?“—и помолчавъ немного, она прибавила:—Помните, вы вчера говорили о крыльяхъ?.. Крылья у меня выросли—да летѣть некуда.

— Помилуйте,—промолвилъ я:—передъ вами всѣ пути открыты...

Ася посмотрѣла мнѣ прямо и пристально въ глаза.

— Вы сегодня дурного мнѣнія обо мнѣ,—сказала она, нахмуривъ брови.

— Я? дурного мнѣнія? о васъ!..

— Что̀ это вы точно въ воду опущенные, — перебилъ меня Гагинъ: — хотите, я, по-вчерашнему, сыграю вамъ вальсъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразила Ася и стиснула руки:—сегодня ни за что!

— Я тебя не принуждаю, успокойся...

— Ни за что,—повторила она, блѣднѣя.

. . . . . .

„Неужели она меня любитъ?“ думалъ я, подходя къ Рейну, быстро катившему темныя волны.

XIII.

„Неужели она меня любитъ?“ спрашивалъ я себя на другой день, только-что проснувшись. — Я не хотѣлъ заглядывать въ самого себя. Я чувствовалъ, что ея образъ, образъ „дѣвушки съ натянутымъ смѣхомъ“, втѣснился мнѣ въ душу и что мнѣ отъ него не скоро отдѣлаться.—Я пошелъ въ Л. и остался тамъ цѣлый день, но Асю видѣлъ только мелькомъ. Ей нездоровилось: у ней голова болѣла. Она сошла внизъ, на минутку, съ повязаннымъ лбомъ, блѣдная, худенькая, съ почти-закрытыми глазами; слабо улыбнулась, сказала:—это пройдетъ, это ничего, все пройдетъ, не правда ли?—и ушла.—Мнѣ стало скучно и какъ-то грустно-пусто; я, однако, долго не хотѣлъ уходить и вернулся поздно, не увидавъ ея болѣе.

Слѣдующее утро прошло въ какомъ-то полуснѣ сознанія. Я хотѣлъ приняться за работу—не могъ; хотѣлъ ничего не дѣлать и не думать... и это не удалось. Я бродилъ по городу; возвращался домой, выходилъ снова.

— Вы ли г-нъ Н.?—раздался вдругъ за мною дѣтскій голосъ. Я оглянулся; передо мной стоялъ мальчикъ.—Это вамъ отъ фрейлейнъ Annette, — прибавилъ онъ, подавая мнѣ записку.

Я развернулъ ее—и узналъ неправильный и быстрый почеркъ Аси.—„Я непремѣнно должна васъ видѣть,—писала мнѣ она: — приходите сегодня, въ четыре часа, къ каменной часовнѣ, на дорогѣ, возлѣ развалины. Я сдѣлала сегодня большую неосторожность... Придите, ради Бога, вы все узнаете... Скажите посланному: да“.

— Будетъ отвѣтъ?—спросилъ меня мальчикъ.

— Скажи, что: да,—отвѣчалъ я. Мальчикъ убѣжалъ.

XIV.

Я пришелъ къ себѣ въ комнату, сѣлъ и задумался. Сердце во мнѣ сильно билось. Нѣсколько разъ перечелъ я записку Аси. Я посмотрѣлъ на часы: и двѣнадцати еще не было.

Дверь отворилась—вошелъ Гагинъ.

Лицо его было пасмурно. Онъ схватилъ меня за руку и крѣпко пожалъ ее. Онъ казался очень взволнованнымъ.

— Что съ вами?—спросилъ я.

Гагинъ взялъ стулъ и сѣлъ противъ меня.—Четвертаго дня, — началъ онъ съ принужденной улыбкой и запинаясь:—я удивилъ васъ своимъ разсказомъ; сегодня удивлю еще болѣе. — Съ другимъ я, вѣроятно, не рѣшился бы... такъ прямо... Но вы благородный человѣкъ, вы мнѣ другъ, не такъ ли?—Послушайте: моя сестра, Ася, въ васъ влюблена.

Я весь вздрогнулъ и приподнялся...

— Ваша сестра, говорите вы...

— Да, да, — перебилъ меня Гагинъ. — Я вамъ говорю, она сумасшедшая и мена съ ума сведетъ. Но, къ счастью, она не умѣетъ лгать—и довѣряетъ мнѣ.—Ахъ, что̀ за душа у этой дѣвочки... но она себя погубитъ, непремѣнно.

— Да вы ошибаетесь,—началъ я.

— Нѣтъ, не ошибаюсь. Вчера, вы знаете, она почти цѣлый день пролежала, ничего не ѣла, впрочемъ, не жаловалась... Она никогда не жалуется.—Я не безпокоился, хотя къ вечеру у ней сдѣлался небольшой жаръ. Сегодня, въ два часа ночи, меня разбудила наша хозяйка: ступайте, говоритъ, къ вашей сестрѣ: съ ней что-то худо.—Я побѣжалъ къ Асѣ и нашелъ ее нераздѣтою, въ лихорадкѣ, въ слезахъ; голова у ней горѣла, зубы стучали. „Что съ тобой?—спросилъ я:—ты больна?“ — Она бросилась мнѣ на шею и начала умолять меня увезти ее какъ можно скорѣе, если я хочу, чтобы она осталась въ живыхъ... Я ничего не понимаю, стараюсь успокоить... Рыданія ея усиливаются... и вдругъ, сквозь эти рыданія услышалъ я... Ну, словомъ, я услышалъ, что она васъ любитъ.—Увѣряю васъ, мы съ вами, благоразумные люди, и представить себѣ не можемъ, какъ она глубоко чувствуетъ и съ какой невѣроятной силой высказываются въ ней эти чувства; это находитъ на нее такъ же неожиданно и такъ же неотразимо, какъ гроза.—Вы очень милый человѣкъ, — продолжалъ Гагинъ; — но почему она васъ такъ полюбила — этого я, признаюсь, не понимаю.

Она говоритъ, что привязалась къ вамъ съ перваго взгляда. Оттого она и плакала на-дняхъ, когда увѣряла меня, что кромѣ меня никого любить не хочетъ. — Она воображаетъ, что вы ее презираете, что вы, вѣроятно, знаете, кто она; она спрашивала меня, не разсказалъ ли я вамъ ея исторію—я, разумѣется, сказалъ, что нѣтъ; но чуткость ея — просто страшна. Она желаетъ одного: уѣхать, уѣхать тотчасъ. — Я просидѣлъ съ ней до утра; она взяла съ меня слово, что насъ завтра же здѣсь не будетъ — и тогда только она заснула. — Я подумалъ, подумалъ, и рѣшился—поговорить съ вами. По-моему, Ася права: самое лучшее — уѣхать намъ обоимъ отсюда. И я сегодня же бы увезъ ее, если бъ не пришла мнѣ въ голову мысль, которая меня остановила. Можетъ-быть... какъ знать?— вамъ сестра моя нравится? Если такъ, съ какой стати я увезу ее?—Я вотъ и рѣшился, отбросивъ въ сторону всякій стыдъ... Притомъ же, я самъ кое-что замѣтилъ... Я рѣшился... узнать отъ васъ... — Бѣдный Гагинъ смутился.—Извините меня, пожалуйста,—прибавилъ онъ:— я не привыкъ къ такимъ передрягамъ.

Я взялъ его за руку.

— Вы хотите знать, — произнесъ я твердымъ голосомъ: — нравится ли мнѣ ваша сестра? — Да, она мнѣ нравится...

Гагинъ взглянулъ на меня. — Но, — проговорилъ онъ, запинаясь:—вѣдь вы не женитесь на ней?

— Какъ вы хотите, чтобы я отвѣчалъ на такой вопросъ? Посудите сами, могу ли я теперь...

— Знаю, знаю,—перебилъ меня Гагинъ. — Я не имѣю никакого права требовать отъ васъ отвѣта, и вопросъ мой — верхъ неприличія... Но что̀ прикажете дѣлать? Съ огнемъ шутить нельзя. Вы не знаете Асю; она въ состояніи занемочь, убѣжать, свиданье вамъ назначить... Другая умѣла бы все скрыть и выждать—но не она. Съ нею это въ первый разъ, — вотъ что̀ бѣда! Если бъ вы видѣли, какъ она сегодня рыдала у ногъ моихъ, вы бы поняли мои опасенія.

Я задумался. Слова Гагина: „свиданье вамъ назна-

чить“, кольнули меня въ сердце. Мнѣ показалось постыднымъ не отвѣчать откровенностью на его честную откровенность.

— Да,—сказалъ я наконецъ:—вы правы. Часъ тому назадъ, я получилъ отъ вашей сестры записку. Вотъ она.

Гагинъ взялъ записку, быстро пробѣжалъ ее и уронилъ руки на колѣни. Выраженіе изумленія на его лицѣ было очень забавно, но мнѣ было не до смѣху.

— Вы, повторяю, благородный человѣкъ,—проговорилъ онъ:—но что̀ же теперь дѣлать? Какъ? она сама хочетъ уѣхать, и пишетъ къ вамъ, и упрекаетъ себя въ неосторожности... и когда это она успѣла написать? Чего жъ она хочетъ отъ васъ?

Я успокоилъ его, и мы принялись толковать хладнокровно, по мѣрѣ возможности, о томъ, что̀ намъ слѣдовало предпринять.

Вотъ на чемъ мы остановились, наконецъ: во избѣжаніе бѣды, я долженъ былъ идти на свиданье и честно объясниться съ Асей; Гагинъ обязался сидѣть дома и не подать вида, что ему извѣстна ея записка; а вечеромъ мы положили сойтись опять.

— Я твердо надѣюсь на васъ,—сказалъ Гагинъ и стиснулъ мнѣ руку: — пощадите и ее, и меня. А уѣзжаемъ мы, все-таки, завтра, — прибавилъ онъ, вставая: — потому что вѣдь вы на Асѣ не женитесь.

— Дайте мнѣ сроку до вечера,—возразилъ я.

— Пожалуй, но вы не женитесь.

Онъ ушелъ, а я бросился на диванъ и закрылъ глаза. Голова у меня ходила кругомъ: слишкомъ много впечатлѣній въ нее нахлынуло разомъ. Я досадовалъ на откровенность Гагина, я досадовалъ на Асю, ея любовь меня и радовала, и смущала. Я не могъ понять, что̀ заставило ее все высказать брату; неизбѣжность скораго, почти мгновеннаго, рѣшенія терзала меня...

„Жениться на семнадцатилѣтней дѣвочкѣ, съ ея нравомъ, какъ это можно!“—сказалъ я, вставая.

XV.

Въ условленный часъ переправился я черезъ Рейнъ, и первое лицо, встрѣтившее меня на противоположномъ берегу, былъ самый тотъ мальчикъ, который приходилъ ко мнѣ поутру. Онъ, повидимому, ждалъ меня.

— Отъ фрейлейнъ Annette, — сказалъ онъ шопотомъ и подалъ мнѣ другую записку.

Ася извѣщала меня о перемѣнѣ мѣста нашего свиданія. Я долженъ былъ придти черезъ полтора часа не къ часовнѣ, а въ домъ фрау Луизе, постучаться внизу и войти въ третій этажъ.

— Опять: да?—спросилъ меня мальчикъ.

— Да,—повторилъ я, и пошелъ по берегу Рейна. Вернуться домой было некогда, я не хотѣлъ бродить по улицамъ. За городской стѣною находился маленькій садъ съ навѣсомъ для кеглей и столами для любителей пива. Я вошелъ туда. Нѣсколько уже пожилыхъ нѣмцевъ играли въ кегли; со стукомъ катились деревянные шары, изрѣдка раздавались одобрительныя восклицанія. Хорошенькая служанка съ заплаканными глазами принесла мнѣ кружку пива; я взглянулъ въ ея лицо. Она быстро отворотилась и отошла прочь.

— Да, да, — промолвилъ тутъ же сидѣвшій толстый и краснощекій гражданинъ: — Ганхенъ наша сегодня очень огорчена:—женихъ ея пошелъ въ солдаты.—Я посмотрѣлъ на нее: она прижалась въ уголокъ и подперла рукою щеку; слезы капали одна за другою по ея пальцамъ. Кто-то спросилъ пива; она принесла ему кружку и опять вернулась на свое мѣсто. Ея горе подѣйствовало на меня; я началъ думать объ ожидавшемъ меня свиданіи, но мои думы были заботливыя, невеселыя думы. Не съ легкимъ сердцемъ шелъ я на это свиданіе, не предаваться радостямъ взаимной любви предстояло мнѣ; мнѣ предстояло сдержать данное слово, исполнить трудную обязанность. „Съ ней шутить нельзя“—эти слова Гагина, какъ стрѣлы, впились въ мою душу. А еще четвертаго дня въ этой лодкѣ, уносимой волнами, не томился ли я жаждой сча-

стія? Оно стало возможнымъ--и я колебался, я отталкивалъ, я долженъ былъ оттолкнуть его прочь... Его внезапность меня смущала. Сама Ася, съ ея огненной головой, съ ея прошедшимъ, съ ея воспитаніемъ, это привлекательное, но странное существо — признаюсь, она меня пугала. Долго боролись во мнѣ чувства. Назначенный срокъ приближался.—„Я не могу на ней жениться", рѣшилъ я наконецъ: — „она не узнаетъ, что и я полюбилъ ее".

Я всталъ,—и, положивъ талеръ въ руку бѣдной Ганхенъ (она даже не поблагодарила меня), направился къ дому фрау Луизе. Вечернія тѣни уже разливались въ воздухѣ, и узкая полоса неба, надъ темной улицей, алѣла отблескомъ зари. Я слабо стукнулъ въ дверь; она тотчасъ отворилась. Я переступилъ порогъ и очутился въ совершенной темнотѣ.

— Сюда,—послышался старушечій голосъ.—Васъ ждутъ.

Я шагнулъ раза два ощупью, чья-то костлявая рука взяла мою руку.

— Вы это, фрау Луизе?—спросилъ я.

— Я, — отвѣчалъ мнѣ тотъ же голосъ: — я, мой прекрасный молодой человѣкъ.—Старуха повела меня опять вверхъ, по крутой лѣстницѣ, и остановилась на площадкѣ третьяго этажа. При слабомъ свѣтѣ, падавшемъ изъ крошечнаго окошка, я увидалъ морщинистое лицо вдовы бургомистра. Приторно-лукавая улыбка растягивала ея ввалившіяся губы, ёжила тусклые глазки. Она указала мнѣ на маленькую дверь. Судорожнымъ движеніемъ руки отворилъ я ее и захлопнулъ за собою.

XVI.

Въ небольшой комнаткѣ, куда я вошелъ, было довольно темно, и я не тотчасъ увидѣлъ Асю. Закутанная въ длинную шаль, она сидѣла на стулѣ, возлѣ окна, отвернувъ и почти спрятавъ голову, какъ испуганная птичка. Она дышала быстро и вся дрожала. Мнѣ стало несказанно жалко ее. Я подошелъ къ ней. Она еще больше отвернула голову...

— Анна Николаевна,—сказалъ я.

Она вдругъ вся выпрямилась, хотѣла взглянуть на меня— и не могла. Я схватилъ ея руку, она была холодна и лежала какъ мертвая на моей ладони.

— Я желала... — начала Ася, стараясь улыбнуться, но ея блѣдныя губы не слушались ея:—я хотѣла... Нѣтъ, не могу,—проговорила она и умолкла. Дѣйствительно, голосъ ея прерывался на каждомъ словѣ.

Я сѣлъ подлѣ нея.

— Анна Николаевна, — повторилъ я, и тоже не могъ ничего прибавить.

Настало молчаніе. Я продолжалъ держать ея руку и глядѣлъ на нее. Она, попрежнему, вся сжималась, дышала съ трудомъ и тихонько покусывала нижнюю губу, чтобы не заплакать, чтобы удержать накипавшія слезы... Я глядѣлъ на нее: было что-то трогательно-безпомощное въ ея робкой неподвижности: точно она отъ усталости едва добралась до стула и такъ и упала на него. Сердце во мнѣ растаяло.

— Ася,—сказалъ я, едва слышно...

Она медленно подняла на меня свои глаза... О, взглядъ женщины, которая полюбила, — кто тебя опишетъ? Они молили, эти глаза, они довѣрялись, вопрошали, отдавались... Я не могъ противиться ихъ обаянію. Тонкій огонь пробѣжалъ по мнѣ жгучими иглами; я нагнулся и приникъ къ ея рукѣ...

Послышался трепетный звукъ, похожій на прерывистый вздохъ, и я почувствовалъ на моихъ волосахъ прикосновеніе слабой, какъ листъ дрожавшей руки. Я поднялъ голову и увидалъ ея лицо. Какъ оно вдругъ преобразилось! Выраженіе страха исчезло съ него, взоръ ушелъ куда-то далеко и увлекалъ меня за собою, губы слегка раскрылись, лобъ поблѣднѣлъ какъ мраморъ и кудри отодвинулись назадъ, какъ-будто вѣтеръ ихъ откинулъ. Я забылъ все, я потянулъ ее къ себѣ — покорно повиновалась ея рука, все ея тѣло повлеклось вслѣдъ за рукою, шаль покатилась съ плечъ и голова ея тихо легла на мою грудь, легла подъ мои загорѣвшіяся губы...

— Ваша...—прошептала она, едва слышно.

Уже руки мои скользили вокругъ ея стана... Но вдругъ воспоминаніе о Гагинѣ, какъ молнія, меня озарило.—Что̀ мы дѣлаемъ! — воскликнулъ я и судорожно отодвинулся назадъ... — Вашъ братъ... вѣдь онъ все знаетъ... Онъ знаетъ, что я вижусь съ вами.

Ася опустилась на стулъ.

— Да, — продолжалъ я, вставая и отходя на другой уголъ комнаты. — Вашъ братъ все знаетъ... Я долженъ былъ ему все сказать...

— Должны? — проговорила она невнятно. Она, видимо, не могла еще придти въ себя и плохо меня понимала.

— Да, да,—повторилъ я съ какимъ-то ожесточеніемъ:— и въ этомъ вы однѣ виноваты, вы однѣ. — Зачѣмъ вы сами выдали вашу тайну? Кто заставлялъ васъ все высказать вашему брату? Онъ сегодня былъ самъ у меня и передалъ мнѣ вашъ разговоръ съ нимъ. — Я старался не глядѣть на Асю и ходилъ большими шагами по комнатѣ.— Теперь все пропало, все, все.

Ася поднялась-было со стула.

— Останьтесь, — воскликнулъ я: — останьтесь, прошу васъ. Вы имѣете дѣло съ честнымъ человѣкомъ — да, съ честнымъ человѣкомъ. — Но, ради Бога, что̀ взволновало васъ? Развѣ вы замѣтили во мнѣ какую перемѣну? А я не могъ скрываться передъ вашимъ братомъ, когда онъ пришелъ сегодня ко мнѣ.

„Что̀ я такое говорю?“ думалъ я про себя, и мысль, что я безнравственный обманщикъ, что Гагинъ знаетъ о нашемъ свиданіи, что все искажено, обнаружено, — такъ и звенѣла у меня въ головѣ.

— Я не звала брата,—послышался испуганный шопотъ Аси:—онъ пришелъ самъ.

— Посмотрите же, что̀ вы надѣлали,—продолжалъ я.— Теперь вы хотите уѣхать...

— Да, я должна уѣхать, — такъ же тихо проговорила она:—я и попросила васъ сюда для того только, чтобы проститься съ вами.

— И вы думаете,—возразилъ я:—мнѣ будетъ легко съ вами разстаться?

— Но зачѣмъ же вы сказали брату?—съ недоумѣніемъ повторила Ася.

— Я вамъ говорю—я не могъ поступить иначе. Если бъ вы сами не выдали себя...

— Я заперлась въ моей комнатѣ,—возразила она простодушно:—я не знала, что у моей хозяйки былъ другой ключъ...

Это невинное извиненіе, въ ея устахъ, въ такую минуту—меня тогда чуть не разсердило... а теперь я безъ умиленія не могу его вспомнить. Бѣдное, честное, искреннее дитя!

— И вотъ, теперь все кончено!—началъ я снова.—Все. Теперь намъ должно разстаться.—Я украдкой взглянулъ на Асю... лицо ея быстро краснѣло. Ей, я это чувствовалъ, и стыдно становилось, и страшно. Я самъ ходилъ и говорилъ какъ въ лихорадкѣ. — Вы не дали развиться чувству, которое начинало созрѣвать, вы сами разорвали нашу связь, вы не имѣли ко мнѣ довѣрія, вы усомнились во мнѣ...

Пока я говорилъ, Ася все больше и больше наклонялась впередъ—и вдругъ упала на колѣни, уронила голову на руки и зарыдала. Я подбѣжалъ къ ней, пытался поднять ее, но она мнѣ не давалась. Я не выношу женскихъ слезъ: при видѣ ихъ я теряюсь тотчасъ.

— Анна Николаевна, Ася,—твердилъ я: — пожалуйста, умоляю васъ, ради Бога, перестаньте... — Я снова взялъ ее за руку...

Но, къ величайшему моему изумленію, она вдругъ вскочила,—съ быстротою молніи бросилась къ двери и исчезла...

Когда, нѣсколько минутъ спустя, фрау Луизе вошла въ комнату — я все еще стоялъ по самой серединѣ ея, ужъ точно какъ громомъ пораженный. Я не понималъ, какъ могло это свиданіе такъ быстро, такъ глупо кончиться—кончиться, когда я и сотой доли не сказалъ того, что̀ хотѣлъ, что долженъ былъ сказать, когда я еще самъ не зналъ, чѣмъ оно могло разрѣшиться...

— Фрейлейнъ ушла?—спросила меня фрау Луизе, приподнявъ свои желтыя брови до самой накладки.

Я посмотрѣлъ на нее какъ дуракъ—и вышелъ вонъ.

XVII.

Я выбрался изъ города и пустился прямо въ поле. Досада, досада бѣшеная, меня грызла... Я осыпалъ себя укоризнами. Какъ я могъ не понять причину, заставившую Асю перемѣнить мѣсто нашего свиданія, какъ не оцѣнить, чего ей стоило придти къ этой старухѣ, какъ я не удержалъ ея! Наединѣ съ ней, въ той глухой, едва освѣщенной комнатѣ, у меня достало силы, достало духа — оттолкнуть ее отъ себя, даже упрекать ее... А теперь ея образъ меня преслѣдовалъ, я просилъ у ней прощенія; воспоминанія объ этомъ блѣдномъ лицѣ, объ этихъ влажныхъ и робкихъ глазахъ, о развитыхъ волосахъ на наклоненной шеѣ, о легкомъ прикосновеніи ея головы къ моей груди — жгли меня. „Ваша“... слышался мнѣ ея шопотъ. „Я поступилъ по совѣсти“ — увѣрялъ я себя... Неправда! Развѣ я точно хотѣлъ такой развязки? Развѣ я въ состояніи съ ней разстаться? Развѣ я могу лишиться ея? „Безумецъ! безумецъ!“ повторялъ я съ озлобленіемъ...

Между тѣмъ, ночь наступала. Большими шагами направился я къ дому, гдѣ жила Ася.

XVIII.

Гагинъ вышелъ ко мнѣ навстрѣчу.

— Видѣли вы сестру?—закричалъ онъ мнѣ еще издали.

— Развѣ ея нѣтъ дома?—спросилъ я.

— Нѣтъ.

— Она не возвращалась?

— Нѣтъ. Я, виноватъ,—продолжалъ Гагинъ:—не могъ утерпѣть: противъ нашего уговора, ходилъ къ часовнѣ; тамъ ея не было; стало-быть, она не приходила?

— Она не была у часовни.

— И вы ея не видѣли?

Я долженъ былъ сознаться, что я ее видѣлъ.

— Гдѣ?

— У фрау Луизе.—Я разстался съ ней часъ тому назадъ, — прибавилъ я: — я былъ увѣренъ, что она домой вернулась.

— Подождемъ,—сказалъ Гагинъ.

Мы пошли въ домъ и сѣли другъ подлѣ друга. Мы молчали. Намъ очень неловко было обоимъ. Мы безпрестанно оглядывались, посматривали на дверь, прислушивались. Наконецъ, Гагинъ всталъ.

— Это ни на что не похоже! — воскликнулъ онъ: — у меня сердце не на мѣстѣ. Она меня уморитъ, ей-Богу... пойдемте искать ее.

Мы вышли. На дворѣ уже совсѣмъ стемнѣло.

— О чемъ же вы съ ней говорили? — спросилъ меня Гагинъ, надвигая шляпу на глаза.

— Я видѣлся съ ней всего минутъ пять, — отвѣчалъ я:—я говорилъ съ ней, какъ было условлено.

— Знаете ли что?—возразилъ онъ:—лучше намъ разойтись; этакъ мы скорѣе на нее наткнуться можемъ. — Во всякомъ случаѣ, приходите сюда черезъ часъ.

XIX.

Я проворно спустился съ виноградника и бросился въ городъ. Быстро обошелъ я всѣ улицы, заглянулъ всюду, даже въ окно фрау Луизе, вернулся къ Рейну и побѣжалъ по берегу... Изрѣдка попадались мнѣ женскія фигуры, но Аси нигдѣ не было видно. Уже не досада меня грызла,—тайный страхъ терзалъ меня, и не одинъ страхъ я чувствовалъ... нѣтъ, я чувствовалъ раскаяніе, сожалѣніе самое жгучее, любовь — да! самую нѣжную любовь. Я ломалъ руки, я звалъ Асю посреди надвигавшейся ночной тьмы, сперва вполголоса, потомъ все громче и громче; я повторялъ сто разъ, что я ее люблю, я клялся никогда съ ней не разставаться; я бы далъ все на свѣтѣ, чтобы опять держать ея холодную руку, опять слышать ея тихій голосъ, опять видѣть ее передъ собою... Она была такъ близка, она пришла ко мнѣ съ полной рѣшимостью, въ полной невинности сердца и чувствъ, она при-

несла мнѣ свою нетронутую молодость... и я не прижалъ ее къ своей груди, я лишилъ себя блаженства увидать, какъ ея милое лицо расцвѣло бы радостью и тишиною восторга... Эта мысль меня съ ума сводила.

„Куда могла она пойти, что̀ она съ собою сдѣлала?“ восклицалъ я въ тоскѣ безсильнаго отчаянія... Что-то бѣлое мелькнуло вдругъ на самомъ берегу рѣки.—Я зналъ это мѣсто; тамъ, надъ могилой человѣка, утонувшаго лѣтъ семьдесятъ тому назадъ, стоялъ до половины вросшій въ землю каменный крестъ съ старинной надписью.—Сердце во мнѣ замерло... Я подбѣжалъ къ кресту: бѣлая фигура исчезла. Я крикнулъ: „Ася!“ Дикій голосъ испугалъ меня самого—но никто не отозвался...

Я рѣшился пойти узнать, не нашелъ ли ее Гагинъ.

XX.

Быстро взбираясь по тропинкѣ виноградника, я увидѣлъ свѣтъ въ комнатѣ Аси... Это меня нѣсколько успокоило.

Я подошелъ къ дому; дверь внизу была заперта; я постучался. Неосвѣщенное окошко въ нижнемъ этажѣ осторожно отворилось, и показалась голова Гагина.

— Нашли?—спросилъ я его.

— Она вернулась,—отвѣчалъ онъ мнѣ шопотомъ:—она въ своей комнатѣ и раздѣвается. Все въ порядкѣ.

— Слава Богу! — воскликнулъ я съ несказаннымъ порывомъ радости: — слава Богу! теперь все прекрасно. Но вы знаете, мы должны еще переговорить.

— Въ другое время, — возразилъ онъ, тихо потянувъ къ себѣ раму:—въ другое время, а теперь прощайте.

— До завтра, — промолвилъ я: — завтра все будетъ рѣшено.

— Прощайте,—повторилъ Гагинъ. Окно затворилось.

Я чуть-было не постучалъ въ окно. Я хотѣлъ тогда же сказать Гагину, что я прошу руки его сестры. Но такое сватанье въ такую пору... „До завтра, — подумалъ я:—завтра я буду счастливъ...“

Завтра я буду счастливъ! У счастья нѣтъ завтрашняго дня; у него нѣтъ и вчерашняго; оно не помнитъ про-

шедшаго, не думаетъ о будущемъ; у него есть настоящее,—и то не день—а мгновенье.

Я не помню, какъ дошелъ я до З. Не ноги меня несли, не лодка меня везла: меня поднимали какія-то широкія, сильныя крылья. Я прошелъ мимо куста, гдѣ пѣлъ соловей, я остановился и долго слушалъ: мнѣ казалось, онъ пѣлъ мою любовь и мое счастье.

XXI.

Когда, на другой день утромъ, я сталъ подходить къ знакомому домику, меня поразило одно обстоятельство: всѣ окна въ немъ были растворены, и дверь тоже была раскрыта; какія-то бумажки валялись передъ порогомъ; служанка съ метлой показалась за дверью.

Я приблизился къ ней...

— Уѣхали! — брякнула она, прежде чѣмъ я успѣлъ спросить ее: дома ли Гагинъ?

— Уѣхали?..—повторилъ я...—Какъ уѣхали? Куда?

— Уѣхали сегодня утромъ, въ шесть часовъ, и не сказали куда. Постойте, вѣдь вы, кажется, г-нъ Н?

— Я г-нъ Н.

— Къ вамъ есть письмо у хозяйки.—Служанка пошла наверхъ и вернулась съ письмомъ.—Вотъ-съ, извольте.

— Да не можетъ-быть... Какъ же это такъ?..—началъ-было я. Служанка тупо посмотрѣла на меня и принялась мести.

Я развернулъ письмо. Ко мнѣ писалъ Гагинъ; отъ Аси не было ни строчки. Онъ началъ съ того, что просилъ не сердиться на него за внезапный отъѣздъ; онъ былъ увѣренъ, что, по зрѣломъ соображеніи, я одобрю его рѣшеніе. Онъ не находилъ другого выхода изъ положенія, которое могло сдѣлаться затруднительнымъ и опаснымъ.— „Вчера вечеромъ, — писалъ онъ: — пока мы оба молча ожидали Асю, я убѣдился окончательно въ необходимости разлуки. Есть предразсудки, которые я уважаю; я понимаю, что вамъ нельзя жениться на Асѣ. Она мнѣ все сказала; для ея спокойствія я долженъ былъ уступить ея повтореннымъ, усиленнымъ просьбамъ“.—Въ концѣ

письма онъ изъявлялъ сожалѣніе о томъ, что наше знакомство такъ скоро прекратилось, желалъ мнѣ счастья, дружески жалъ мнѣ руку и умолялъ меня не стараться ихъ отыскивать.

„Какіе предразсудки? — вскричалъ я, какъ будто онъ могъ меня слышать:—что за вздоръ! Кто далъ право похитить ее у меня“... Я схватилъ себя за голову...

Служанка начала громко кликать хозяйку: ея испугъ заставилъ меня придти въ себя. Одна мысль во мнѣ загорѣлась: сыскать ихъ, сыскать, во что бы то ни стало. Принять этотъ ударъ, примириться съ такою развязкой было невозможно. Я узналъ отъ хозяйки, что они въ шесть часовъ утра сѣли на пароходъ и поплыли внизъ по Рейну. Я отправился въ контору: тамъ мнѣ сказали, что они взяли билеты до Кёльна. Я пошелъ домой съ тѣмъ, чтобы тотчасъ уложиться и поплыть вслѣдъ за ними. Мнѣ пришлось идти мимо дома фрау Луизе... Вдругъ я слышу: меня кличетъ кто-то. Я подпялъ голову и увидалъ въ окнѣ той самой комнаты, гдѣ я наканунѣ видѣлся съ Асей, вдову бургомистра. Она улыбалась своей противной улыбкой и звала меня. Я отвернулся и прошелъ-было мимо; но она мнѣ крикнула вслѣдъ, что у ней есть что-то для меня. Эти слова меня остановили, и я вошелъ въ ея домъ. Какъ передать мои чувства, когда я увидалъ опять эту комнатку...

— По-настоящему, — начала старуха, показывая мнѣ маленькую записку: — я бы должна была дать вамъ это только въ случаѣ, если бъ вы зашли ко мнѣ сами, но вы такой прекрасный молодой человѣкъ. Возьмите.

Я взялъ записку.

На крошечномъ клочкѣ бумаги стояли слѣдующія слова, торопливо начерченныя карандашомъ:

„Прощайте, мы не увидимся болѣе. Не изъ гордости я уѣзжаю — нѣтъ, мнѣ нельзя иначе. Вчера, когда я плакала передъ вами, если бъ вы мнѣ сказали одно слово, одно только слово — я бы осталась. Вы его не сказали. Видно, такъ лучше... Прощайте навсегда!“

Одно слово... О, я безумецъ! Это слово... я со слезами

повторялъ его наканунѣ, я расточалъ его на вѣтеръ, я твердилъ его среди пустыхъ полей... но я не сказалъ его ей, я не сказалъ ей, что я люблю ее... Да я и не могъ произнести тогда это слово. Когда я встрѣтился съ ней въ той роковой комнатѣ, во мнѣ еще не было яснаго сознанія моей любви; оно не проснулось даже тогда, когда я сидѣлъ съ ея братомъ въ безсмысленномъ и тягостномъ молчаніи... оно вспыхнуло съ неудержимой силой лишь нѣсколько мгновеній спустя, когда, испуганный возможностью несчастья, я сталъ искать и звать ее... но ужъ тогда было поздно. „Да это невозможно!“ скажутъ мнѣ; не знаю, возможно ли это — знаю, что это правда. Ася бы не уѣхала, если бъ въ ней была хоть тѣнь кокетства, и если бъ ея положеніе не было ложно. Она не могла вынести того, что̀ всякая другая снесла бы: я этого не понялъ. Недобрый мой геній остановилъ признаніе на устахъ моихъ при послѣднемъ свиданіи съ Гагинымъ передъ потемнѣвшимъ окномъ, и послѣдняя нить, за которую я еще могъ ухватиться — выскользнула изъ рукъ моихъ.

Въ тотъ же день вернулся я, съ уложеннымъ чемоданомъ, въ городъ Л. и поплылъ въ Кёльнъ. Помню, пароходъ уже отчаливалъ, и я мысленно прощался съ этими улицами, со всѣми этими мѣстами, которыя я уже никогда не долженъ былъ позабыть,—я увидѣлъ Ганхенъ. Она сидѣла возлѣ берега, на скамьѣ. Лицо ея было блѣдно, но не грустно; молодой, красивый парень стоялъ съ ней рядомъ и, смѣясь, разсказывалъ ей что-то; а на другой сторонѣ Рейна, маленькая моя Мадонна все такъ же печально выглядывала изъ темной зелени стараго ясеня.

XXII.

Въ Кёльнѣ я напалъ на слѣдъ Гагиныхъ: я узналъ, что они поѣхали въ Лондонъ, я пустился вслѣдъ за ними; но въ Лондонѣ всѣ мои розыски остались тщетными. Я долго не хотѣлъ смириться, долго упорствовалъ, но я долженъ былъ отказаться, наконецъ, отъ надежды настигнуть ихъ

И я не увидѣлъ ихъ болѣе—я не увидѣлъ Аси. Темные слухи доходили до меня о немъ, но она навсегда для меня исчезла. Я даже не знаю, жива ли она. Однажды, нѣсколько лѣтъ спустя, я мелькомъ увидалъ за границей, въ вагонѣ желѣзной дороги, женщину, лицо которой живо напомнило мнѣ незабвенныя черты... но я, вѣроятно, былъ обманутъ случайнымъ сходствомъ. Ася осталась въ моей памяти той самой дѣвочкой, какою я знавалъ ее въ лучшую пору моей жизни, какою я ее видѣлъ въ послѣдній разъ, наклоненной на спинку низкаго деревяннаго стула.

Впрочемъ, я долженъ сознаться, что я не слишкомъ долго грустилъ по ней: я даже нашелъ, что судьба хорошо распорядилась, не соединивъ меня съ Асей; я утѣшался мыслію, что я, вѣроятно, не былъ бы счастливъ съ такой женой. Я былъ тогда молодъ — и будущее, это короткое, быстрое будущее, казалось мнѣ безпредѣльнымъ. Развѣ не можетъ повториться то, что́ было, думалъ я, и еще лучше, еще прекраснѣе?.. Я знавалъ другихъ женщинъ, — но чувство, возбужденное во мнѣ Асей, то жгучее, нѣжное, глубокое чувство, уже не повторилось. Нѣтъ! ни одни глаза не замѣнили мнѣ тѣхъ, когда-то съ любовію устремленныхъ на меня глазъ, ни на чье сердце, припавшее къ моей груди, не отвѣчало мое сердце такимъ радостнымъ и сладкимъ замираніемъ! Осужденный на одиночество безсемейнаго бобыля, доживаю я скучные годы, но я храню, какъ святыню, ея записочки и высохшій цвѣтокъ гераніума, тотъ самый цвѣтокъ, который она нѣкогда бросила мнѣ изъ окна. Онъ до сихъ поръ издаетъ слабый запахъ, а рука, мнѣ давшая его, та рука, которую мнѣ только разъ пришлось прижать къ губамъ моимъ, быть-можетъ, давно уже тлѣетъ въ могилѣ... И я самъ— что̀ сталось со мною? Что̀ осталось отъ меня, отъ тѣхъ блаженныхъ и тревожныхъ дней, отъ тѣхъ крылатыхъ надеждъ и стремленій? Такое легкое испареніе ничтожной травки переживаетъ всѣ радости и всѣ горести человѣка— переживаетъ самого человѣка.

1857 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА:

	стр
Два пріятеля. Повѣсть	3
Затишье. Повѣсть	69
Переписка. Разсказъ въ письмахъ	149
Яковъ Пасынковъ. Разсказъ	182
Фаустъ. Разсказъ въ девяти письмахъ	226
Поѣздка въ Полѣсье. Разсказъ	271
Ася. Разсказъ	291

Le Docteur J. Chapireau
de l' Université de Paris.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. С. ТУРГЕНЕВА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" за 1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1898.

Типографія А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., № 1.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

(РАЗСКАЗЪ.)

Посвящено П. В. Анненкову.

Гости давно разъѣхались. Часы пробили половину перваго. Въ комнатѣ остались только хозяинъ, да Сергѣй Николаевичъ, да Владиміръ Петровичъ.

Хозяинъ позвонилъ и велѣлъ принять остатки ужина.

— Итакъ, это дѣло рѣшенное,—промолвилъ онъ, глубже усаживаясь въ кресло и закуривъ сигару: — каждый изъ насъ обязанъ разсказать исторію своей первой любви. За вами очередь, Сергѣй Николаевичъ.

Сергѣй Николаевичъ, кругленькій человѣкъ съ пухленькимъ бѣлокурымъ лицомъ, посмотрѣлъ сперва на хозяина, потомъ поднялъ глаза къ потолку.—У меня не было первой любви,—сказалъ онъ наконецъ:—я прямо началъ со второй.

— Это какимъ образомъ?

— Очень просто. Мнѣ было восемнадцать лѣтъ, когда я въ первый разъ приволокнулся за одной весьма миленькой барышней; но я ухаживалъ за ней такъ, какъ-будто дѣло это было мнѣ не вновѣ: точно такъ, какъ я ухажи-

валъ потомъ за другими. Собственно говоря, въ первый и послѣдній разъ я влюбился, лѣтъ шести, въ свою няню,— но этому очень давно. Подробности нашихъ отношеній изгладились изъ моей памяти, да если бъ я ихъ и помнилъ, кого это можетъ интересовать?

— Такъ какъ же быть? — началъ хозяинъ. — Въ моей первой любви тоже не много занимательнаго: я ни въ кого не влюблялся до знакомства съ Анной Ивановной, моей теперешней женой—и все у насъ шло какъ по маслу: отцы насъ сосватали, мы очень скоро полюбились другъ другу и вступили въ бракъ, не мѣшкая. Моя сказка двумя словами сказывается. Я, господа, признаюсь, поднимая вопросъ о первой любви—надѣялся на васъ, не скажу старыхъ, но и не молодыхъ холостяковъ. Развѣ вы насъ чѣмъ-нибудь потѣшите, Владиміръ Петровичъ?

— Моя первая любовь принадлежитъ, дѣйствительно, къ числу не совсѣмъ обыкновенныхъ,—отвѣтилъ, съ небольшой запинкой, Владиміръ Петровичъ, человѣкъ лѣтъ сорока, черноволосый, съ просѣдью.

— А!—промолвили хозяинъ и Сергѣй Николаевичъ въ одинъ голосъ.—Тѣмъ лучше...—Разсказывайте.

— Извольте... или нѣтъ: разсказывать я не стану; я не мастеръ разсказывать: выходитъ сухо и коротко, или пространно и фальшиво; а если позволите, я запишу все, что̀ вспомню, въ тетрадку—и прочту вамъ.

Пріятели сперва не согласились, но Владиміръ Петровичъ настоялъ на своемъ. Черезъ двѣ недѣли они опять сошлись, и Владиміръ Петровичъ сдержалъ свое обѣщаніе.

Вотъ что̀ стояло въ его тетрадкѣ:

I.

Мнѣ было тогда шестнадцать лѣтъ. Дѣло происходило лѣтомъ 1833 года.

Я жилъ въ Москвѣ, у моихъ родителей. Они нанимали дачу около Калужской заставы, противъ Нескучнаго. — Я готовился въ университетъ, но работалъ очень мало и не торопясь.

Никто не стѣснялъ моей свободы. Я дѣлалъ, что хотѣлъ,

особенно съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ послѣднимъ моимъ гувернеромъ-французомъ, который никакъ не могъ привыкнуть къ мысли, что онъ упалъ, „какъ бомба“ (comme une bombe), въ Россію, и съ ожесточеннымъ выраженіемъ на лицѣ, по цѣлымъ днямъ валялся на постели. Отецъ обходился со мной равнодушно-ласково; матушка почти не обращала на меня вниманія, хотя у ней, кромѣ меня, не было дѣтей: другія заботы ее поглощали. Мой отецъ, человѣкъ еще молодой и очень красивый, женился на ней по расчету; она была старше его десятью годами. Матушка моя вела печальную жизнь: безпрестанно волновалась, ревновала, сердилась — но не въ присутствіи отца, она очень его боялась, а онъ держался строго, холодно; отдаленно... Я не видалъ человѣка болѣе изысканно спокойнаго, самоувѣреннаго и самовластнаго.

Я никогда не забуду первыхъ недѣль, проведенныхъ мною на дачѣ. Погода стояла чудесная; мы переѣхали изъ города 9 мая, въ самый Николинъ день. Я гулялъ — то въ саду нашей дачи, то по Нескучному, то за заставой; бралъ съ собою какую-нибудь книгу — курсъ Кайданова, напримѣръ,—но рѣдко ее развертывалъ, а больше вслухъ читалъ стихи, которыхъ зналъ очень много на память; кровь бродила во мнѣ и сердце ныло — такъ сладко и смѣшно: я все ждалъ, робѣлъ чего-то, и всему дивился, и весь былъ наготовѣ; фантазія играла и носилась быстро вокругъ однихъ и тѣхъ же представленій, какъ на зарѣ стрижи вокругъ колокольни; я задумывался, грустилъ и даже плакалъ; но и сквозь слезы, и сквозь грусть, навѣянную то пѣвучимъ стихомъ, то красотою вечера, проступало, какъ весенняя травка, радостное чувство молодой, закипающей жизни.

У меня была верховая лошадка, я самъ ее сѣдлалъ и уѣзжалъ одинъ куда-нибудь подальше, пускался вскачь и воображалъ себя рыцаремъ на турнирѣ—какъ весело дулъ мнѣ въ уши вѣтеръ!—или, обративъ лицо къ небу, принималъ его сіяющій свѣтъ и лазурь въ разверстую душу.

Помнится, въ то время, образъ женщины, призракъ женской любви, почти никогда не возникалъ опредѣлен-

ными очертаніями въ умѣ; но во всемъ, что я думалъ, во всемъ, что я ощущалъ, таилось полусознанное, стыдливое предчувствіе чего-то новаго, несказанно-сладкаго, женскаго...

Это предчувствіе, это ожиданіе проникло весь мой составъ: я дышалъ имъ, оно катилось по моимъ жиламъ въ каждой каплѣ крови... ему было суждено скоро сбыться.

Дача наша состояла изъ деревяннаго барскаго дома съ колоннами и двухъ низенькихъ флигельковъ; во флигелѣ налѣво помѣщалась крохотная фабрика дешевыхъ обоевъ... Я не разъ хаживалъ туда смотрѣть, какъ десятокъ худыхъ и взъерошенныхъ мальчишекъ въ засаленныхъ халатахъ и съ испитыми лицами то и дѣло вскакивали на деревянные рычаги, нажимавшіе четырехугольные обрубки пресса, и такимъ образомъ, тяжестью своихъ тщедушныхъ тѣлъ, вытискивали пестрые узоры обоевъ. Флигелекъ направо стоялъ пустой и отдавался внаймы. Въ одинъ день — недѣли три спустя послѣ 9 мая—ставни въ окнахъ этого флигелька открылись, показались въ нихъ женскія лица— какое-то семейство въ немъ поселилось. Помнится, въ тотъ же день, за обѣдомъ, матушка освѣдомилась у дворецкаго о томъ, кто были наши новые сосѣди и, услыхавъ фамилію княгини Засѣкиной, сперва промолвила не безъ нѣкотораго уваженія: —А! княгиня... а потомъ прибавила:—Должно-быть, бѣдная какая-нибудь.

— На трехъ извозчикахъ пріѣхали-съ,—замѣтилъ, почтительно подавая блюдо, дворецкій:—своего экипажа не имѣютъ-съ, и мебель самая пустая.

— Да,—возразила матушка:—а все-таки лучше.

Отецъ холодно взглянулъ на нее: она умолкла.

Дѣйствительно, княгиня Засѣкина не могла быть богатой женщиной: нанятый ею флигелекъ былъ такъ ветхъ и малъ, и низокъ, что люди, хотя нѣсколько зажиточные, не согласились бы поселиться въ немъ. — Впрочемъ, я тогда пропустилъ это все мимо ушей. Княжескій титулъ на меня мало дѣйствовалъ: я недавно прочелъ „Разбойниковъ“ Шиллера.

II.

У меня была привычка бродить каждый вечеръ съ ружьемъ по нашему саду и караулить воронъ.—Къ этимъ осторожнымъ, хищнымъ и лукавымъ птицамъ я издавна чувствовалъ ненависть. Въ день, о которомъ зашла рѣчь, я также отправился въ садъ — и, напрасно исходивъ всѣ аллеи (вороны меня признали и только издали отрывисто каркали), случайно приблизился къ низкому забору, отдѣлявшему собственно *наши* владѣнія отъ узенькой полосы сада, простиравшейся за флигелькомъ направо и принадлежавшей къ нему. Я шелъ, потупя голову. Вдругъ мнѣ послышались голоса; я взглянулъ черезъ заборъ—и окаменѣлъ... Мнѣ представилось странное зрѣлище.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня—на полянѣ, между кустами зеленой малины, стояла высокая, стройная дѣвушка въ полосатомъ, розовомъ платьѣ и съ бѣлымъ платочкомъ на головѣ; вокругъ нея тѣснились четыре молодые человѣка, и она поочередно хлопала ихъ по лбу тѣми небольшими сѣрыми цвѣтками, которыхъ имени я не знаю, но которые хорошо знакомы дѣтямъ: эти цвѣтки образуютъ небольшіе мѣшечки и разрываются съ трескомъ, когда хлопнешь ими по чему-нибудь твердому. Молодые люди такъ охотно подставляли свои лбы, а въ движеніяхъ дѣвушки (я ее видѣлъ сбоку) было что-то такое очаровательное, повелительное, ласкающее, насмѣшливое и милое, что я чуть не вскрикнулъ отъ удивленія и удовольствія и, кажется, тутъ же бы отдалъ все на свѣтѣ, чтобы только и меня эти прелестные пальчики хлопнули по лбу. Ружье мое соскользнуло на траву, я все забылъ, я пожиралъ взоромъ этотъ стройный станъ, и шейку, и красивыя руки, и слегка растрепанные бѣлокурые волосы подъ бѣлымъ платочкомъ, и этотъ полузакрытый, умный глазъ, и эти рѣсницы, и нѣжную щеку подъ ними...

— Молодой человѣкъ, а молодой человѣкъ, — проговорилъ вдругъ подлѣ меня чей-то голосъ:—развѣ позволительно глядѣть такъ на чужихъ барышень?

Я вздрогнулъ весь, я обомлѣлъ... Возлѣ меня, за забо-

ромъ, стоялъ какой-то человѣкъ съ коротко остриженными черными волосами и иронически посматривалъ на меня. Въ это самое мгновеніе и дѣвушка обернулась ко мнѣ... Я увидалъ огромные сѣрые глаза на подвижномъ, оживленномъ лицѣ — и все это лицо вдругъ задрожало, засмѣялось, бѣлые зубы сверкнули на немъ, брови какъ-то забавно поднялись... Я вспыхнулъ, схватилъ съ земли ружье и, преслѣдуемый звонкимъ, но не злымъ хохотаньемъ, убѣжалъ къ себѣ въ комнату, бросился на постель и закрылъ лицо руками. Сердце во мнѣ такъ и прыгало; мнѣ было очень стыдно и весело: я чувствовалъ небывалое волненіе.

Отдохнувъ, я причесался, почистился и сошелъ внизъ къ чаю. Образъ молодой дѣвушки носился передо мною, сердце перестало прыгать, но какъ-то пріятно сжималось.

— Что съ тобой? — внезапно спросилъ меня отецъ: — убилъ ворону?

Я хотѣлъ-было все разсказать ему, но удержался и только улыбнулся про себя. Ложась спать, я, самъ не знаю зачѣмъ, раза три повернулся на одной ногѣ, напомадился, легъ и всю ночь спалъ какъ убитый. Передъ утромъ я проснулся на мгновенье, приподнялъ голову, посмотрѣлъ вокругъ себя съ восторгомъ—и опять заснулъ.

III.

„Какъ бы съ ними познакомиться?“ было первою моею мыслью, какъ только я проснулся поутру. Я передъ чаемъ отправился въ садъ, но не подходилъ слишкомъ близко къ забору и никого не видѣлъ. Послѣ чаю я прошелся нѣсколько разъ по улицѣ передъ дачей—и издали заглядывалъ въ окна... Мнѣ почудилось за занавѣской *ея* лицо, и я съ испугомъ поскорѣе удалился. „Однако, надо же познакомиться“,—думалъ я, безпорядочно расхаживая по песчаной равнинѣ, разстилавшейся передъ Нескучнымъ.— „Но какъ? вотъ въ чемъ вопросъ“. Я припоминалъ малѣйшія подробности вчерашней встрѣчи: мнѣ почему-то особенно ясно представлялось, какъ это она посмѣялась

надо мною... Но, пока я волновался и строилъ различные планы, судьба уже порадѣла обо мнѣ.

Въ мое отсутствіе матушка получила отъ новой своей сосѣдки письмо на сѣрой бумагѣ, запечатанной бурымъ сургучомъ, какой употребляется только на почтовыхъ повѣсткахъ, да на пробкахъ дешеваго вина. Въ этомъ письмѣ, написанномъ безграмотнымъ языкомъ и неопрятнымъ почеркомъ, княгиня просила матушку оказать ей покровительство: матушка моя, по словамъ княгини, была хорошо знакома съ значительными людьми, отъ которыхъ зависѣла ея участь и участь ея дѣтей, такъ какъ у ней были очень важные процессы: „Я квамъ обращаюсь, — писала она, — какъ благородная дама хблагородной даме, и притомъ мне преятно воспользоватца симъ случаемъ". Кончая, она просила у матушки позволенія явиться къ ней. Я засталъ матушку въ непріятномъ расположеніи духа: отца не было дома, и ей не съ кѣмъ было посовѣтываться. Не отвѣчать „благородной дамѣ", да еще княгинѣ, было невозможно, а какъ отвѣчать — матушка недоумѣвала. Написать записку по-французски казалось ей неумѣстнымъ, а въ русской орѳографіи сама матушка не была сильна—и знала это — и не хотѣла компрометироваться. Она обрадовалась моему приходу, и тотчасъ приказала мнѣ сходить къ княгинѣ и на словахъ объяснить ей, что матушка, молъ, моя всегда готова оказать ея сіятельству, по мѣрѣ силъ, услугу, и проситъ ее пожаловать къ ней часу въ первомъ. Неожиданно-быстрое исполненіе моихъ тайныхъ желаній меня и обрадовало, и испугало; однако, я не выказалъ овладѣвшаго мною смущенія—и предварительно отправился къ себѣ въ комнату, чтобы надѣть новенькій галстукъ и сюртучокъ: дома я еще ходилъ въ курткѣ и въ отложныхъ воротничкахъ, хотя очень ими тяготился.

IV.

Въ тѣсной и неопрятной передней флигелька, куда я вступилъ съ невольной дрожью во всемъ тѣлѣ, встрѣтилъ меня старый и сѣдой слуга съ темнымъ, мѣднаго цвѣта,

лицомъ, свиными, угрюмыми глазками и такими глубокими морщинами на лбу и на вискахъ, какихъ я въ жизни не видывалъ. Онъ несъ на тарелкѣ обглоданный хребетъ селедки и, притворяя ногою дверь, ведущую въ другую комнату, отрывисто проговорилъ:—Чего вамъ?

— Княгиня Засѣкина дома?—спросилъ я.

— Вонифатій! — закричалъ изъ-за двери дребезжащій женскій голосъ.

Слуга молча повернулся ко мнѣ спиною, при чемъ обнаружилась сильно истертая спинка его ливреи, съ одинокой, порыжѣлой гербовой пуговицей, и ушелъ, поставивъ тарелку на полъ.

— Въ кварталъ ходилъ?—повторилъ тотъ же женскій голосъ. Слуга пробормоталъ что-то. — А?.. Пришелъ кто-то? — послышалось опять. — Барчукъ сосѣдній? — Ну, проси.

— Пожалуйте-съ въ гостиную,—проговорилъ слуга, появившись снова передо мною и поднимая тарелку съ полу. Я отправился и вошелъ въ „гостиную“.

Я очутился въ небольшой и не совсѣмъ опрятной комнатѣ съ бѣдной, словно на-скоро разставленной, мебелью. У окна, на креслѣ съ отломанной ручкой, сидѣла женщина лѣтъ пятидесяти, простоволосая и некрасивая, въ зеленомъ старомъ платьѣ и съ пестрой, гарусной косынкой вокругъ шеи. Ея небольшіе черные глазки такъ и впились въ меня.

Я подошелъ къ ней и раскланялся.

— Я имѣю честь говорить съ княгиней Засѣкиной?

— Я княгиня Засѣкина; а вы сынъ г-на В.?

— Точно такъ-съ. Я пришелъ къ вамъ съ порученіемъ отъ матушки.

— Садитесь, пожалуйста. Вонифатій! гдѣ мои ключи, не видалъ?

Я сообщилъ г-жѣ Засѣкиной отвѣтъ моей матушки на ея записку. Она выслушала меня, постукивая толстыми красными пальцами по оконницѣ, а когда я кончилъ, еще разъ уставилась на меня.

— Очень хорошо; непремѣнно буду, — промолвила она

наконецъ.—А какъ вы еще молоды! Сколько вамъ лѣтъ, позвольте спросить?

— Шестнадцать лѣтъ, — отвѣчалъ я съ невольной запинкой.

Княгиня достала изъ кармана какія-то исписанныя, засаленныя бумаги, поднесла ихъ къ самому носу и принялась перебирать ихъ.

— Годы хорошіе,—произнесла она внезапно, поворачиваясь и ёрзая на стулѣ.—А вы, пожалуйста, будьте безъ церемоніи. У меня просто.

„Слишкомъ просто", подумалъ я, съ невольной гадливостью окидывая взоромъ всю ея неблагообразную фигуру.

Въ это мгновенье другая дверь гостиной быстро распахнулась, и на порогѣ появилась дѣвушка, которую я видѣлъ наканунѣ въ саду. Она подняла руку, и на лицѣ ея мелькнула усмѣшка.

— А вотъ и дочь моя,—промолвила княгиня, указавъ на нее локтемъ.—Зиночка, сынъ нашего сосѣда, г-на В. Какъ васъ зовутъ, позвольте узнать?

— Владиміромъ,—отвѣчалъ я, вставая и пришепётывая отъ волненія.

— А по батюшкѣ?

— Петровичемъ.

— Да! У меня былъ полицеймейстеръ знакомый, тоже Владиміромъ Петровичемъ звали. Вонифатій! не ищи ключей; ключи у меня въ карманѣ.

Молодая дѣвушка продолжала глядѣть на меня съ прежней усмѣшкой, слегка щурясь и склонивъ головку немного на бокъ.

— Я уже видѣла мсьё Вольдемара, — начала она. (Серебристый звукъ ея голоса пробѣжалъ по мнѣ какимъ-то сладкимъ холодкомъ.)—Вы мнѣ позволите такъ называть васъ?

— Помилуйте-съ,—пролепеталъ я.

— Гдѣ это?—спросила княгиня.

Княжна не отвѣчала своей матери.

— Вы теперь заняты? — промолвила она, не спуская съ меня глазъ.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Хотите вы мнѣ помочь шерсть распутать? Подите сюда, ко мнѣ.

Она кивнула мнѣ головой и пошла вонъ изъ гостиной. Я отправился вслѣдъ за ней.

Въ комнатѣ, куда мы вошли, мебель была немного получше и разставлена съ бо̀льшимъ вкусомъ. Впрочемъ, въ это мгновенье я почти ничего замѣтить не могъ: я двигался какъ во снѣ и ощущалъ во всемъ составѣ своемъ какое-то до глупости напряженное благополучіе.

Княжна сѣла, достала связку красной шерсти, и, указавъ мнѣ на стулъ противъ нея, старательно развязала связку и положила мнѣ ее на руки. Все это она дѣлала молча, съ какой-то забавной медлительностью и съ той же свѣтлой и лукавой усмѣшкой на чуть-чуть раскрытыхъ губахъ. Она начала наматывать шерсть на перегнутую карту и вдругъ озарила меня такимъ яснымъ и быстрымъ взглядомъ, что я невольно потупился. Когда ея глаза, бо̀льшею частію полуприщуренные, открывались во всю величину свою — ея лицо измѣнялось совершенно: точно свѣтъ проливался по немъ.

— Что̀ вы подумали обо мнѣ вчера, мсьё Вольдемаръ?— спросила она, погодя немного.—Вы, навѣрно, осудили меня?

— Я... княжна... я ничего не думалъ... какъ я могу...— отвѣчалъ я съ смущеніемъ.

— Послушайте, — возразила она. — Вы меня еще не знаете: я престранная; я хочу, чтобъ мнѣ всегда правду говорили. Вамъ, я слышала, шестнадцать лѣтъ, а мнѣ двадцать одинъ: вы видите, я гораздо старше васъ, и потому вы всегда должны мнѣ говорить правду... и слушаться меня,—прибавила она.—Глядите на меня: отчего вы на меня не глядите?

Я смутился еще болѣе; однако, поднялъ на нее глаза. Она улыбнулась, только не прежней, а другой одобрительной улыбкой. — Глядите на меня, — промолвила она, ласково понижая голосъ: — мнѣ это не непріятно... Мнѣ ваше лицо нравится; я предчувствую, что мы будемъ друзьями. А я вамъ нравлюсь?—прибавила она лукаво.

— Княжна...—началъ-было я...

— Во-первыхъ, называйте меня Зинаидой Александровной; а во-вторыхъ — что это за привычка у дѣтей—(она поправилась:)—у молодыхъ людей—не говорить прямо то, что̀ они чувствуютъ? Это хорошо для взрослыхъ. Вѣдь я вамъ нравлюсь?

Хотя мнѣ очень было пріятно, что она такъ откровенно со мной говорила, однако, я немного обидѣлся. Я хотѣлъ показать ей, что она имѣетъ дѣло не съ мальчикомъ и, принявъ по возможности развязный и серьезный видъ, промолвилъ: — Конечно, вы очень мнѣ нравитесь, Зинаида Александровна; я не хочу это скрывать.

Она съ разстановкой покачала головой. — У васъ есть гувернеръ?—спросила она вдругъ.

— Нѣтъ, у меня уже давно нѣтъ гувернера.

Я лгалъ: еще мѣсяца не прошло съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ моимъ французомъ.

— О! да я вижу—вы совсѣмъ большой.

Она легонько ударила меня по пальцамъ. — Держите прямо руки! — И она прилежно занялась наматываніемъ клубка.

Я воспользовался тѣмъ, что она не поднимала глазъ и принялся ее разсматривать, сперва украдкой, потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе. Лицо ея показалось мнѣ еще прелестнѣе, чѣмъ наканунѣ: такъ все въ немъ было тонко, умно и мило. Она сидѣла спиной къ окну, завѣшенному бѣлой сторой; солнечный лучъ, пробиваясь сквозь эту стору, обливалъ мягкимъ свѣтомъ ея пушистые, золотистые волосы, ея невинную шею, покатыя плечи и нѣжную, спокойную грудь.—Я глядѣлъ на нее—и какъ дорога́ и близка становилась она мнѣ! Мнѣ сдавалось, что и давно-то я ее знаю, и ничего не зналъ и не жилъ до нея... На ней было темненькое, уже поношенное платье съ передникомъ; я, кажется, охотно поласкалъ бы каждую складку этого платья и этого передника. Кончики ея ботинокъ выглядывали изъ-подъ ея платья: я бы съ обожаніемъ преклонился къ этимъ ботинкамъ... И вотъ, я сижу передъ ней,— подумалъ я: — я съ ней познакомился... какое счастье,

Боже мой! Я чуть не соскочилъ со стула отъ восторга, но только ногами немного поболталъ, какъ ребенокъ, который лакомится.

Мнѣ было хорошо, какъ рыбѣ въ водѣ, и я бы вѣкъ не ушелъ изъ этой комнаты, не покинулъ бы этого мѣста.

Ея вѣки тихо поднялись, и опять ласково засіяли передо мною ея свѣтлые глаза, и опять она усмѣхнулась.

— Какъ вы на меня смотрите,—медленно проговорила она и погрозила мнѣ пальцемъ.

Я покраснѣлъ... „Она все понимаетъ, она все видитъ", мелькнуло у меня въ головѣ. „И какъ ей всего не понимать и не видѣть!"

Вдругъ что-то застучало въ сосѣдней комнатѣ — зазвенѣла сабля.

— Зина!—закричала въ гостиной княгиня: — Бѣловзоровъ принесъ тебѣ котенка.

— Котенка! — воскликнула Зинаида и, стремительно поднявшись со стула, бросила клубокъ мнѣ на колѣни и выбѣжала вонъ.

Я тоже всталъ и, положивъ связку шерсти и клубокъ на оконницу, вышелъ въ гостиную и остановился въ недоумѣніи. Посрединѣ комнаты лежалъ, растопыря лапки, полосатый котенокъ; Зинаида стояла передъ нимъ на колѣняхъ и осторожно поднимала ему мордочку. Возлѣ княгини, заслонивъ почти весь простѣнокъ между окнами, виднѣлся бѣлокурый и курчавый молодецъ, гусаръ, съ румянымъ лицомъ и глазами навыкатѣ.

— Какой смѣшной!—твердила Зинаида:—и глаза у него не сѣрые, а зеленые, и уши какія большія! Спасибо вамъ, Викторъ Егорычъ! Вы очень милы!

Гусаръ, въ которомъ я узналъ одного изъ видѣнныхъ мною наканунѣ молодыхъ людей, улыбнулся и поклонился, при чемъ щелкнулъ шпорами и брякнулъ колечками сабли.

— Вамъ угодно было вчера сказать, что вы желаете имѣть полосатаго котенка съ большими ушами... вотъ, я досталъ-съ. Слово—законъ.—И онъ опять поклонился.

Котенокъ слабо пискнулъ и началъ нюхать полъ.

— Онъ голоденъ!—воскликнула Зинаида.—Вонифатій, Соня! принесите молока.

Горничная въ старомъ желтомъ платьѣ и съ полинялымъ платочкомъ на шеѣ, вошла съ блюдечкомъ молока въ рукѣ и поставила его передъ котенкомъ. Котенокъ дрогнулъ, зажмурился и принялся лакать.

— Какой у него розовый язычокъ,—замѣтила Зинаида, пригнувъ голову почти къ полу и заглядывая ему сбоку подъ самый носъ.

Котенокъ насытился и замурлыкалъ, жеманно перебирая лапками. Зинаида встала и, обернувшись къ горничной, равнодушно промолвила:—унеси его.

— За котенка—ручку,—проговорилъ гусаръ, осклабясь и передернувъ всѣмъ своимъ могучимъ тѣломъ, туго затянутымъ въ новый мундиръ.

— Обѣ, — возразила Зинаида, и протянула къ нему руки. Пока онъ цѣловалъ ихъ, она смотрѣла на меня черезъ плечо.

Я стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ и не зналъ—засмѣяться ли мнѣ, сказать ли что-нибудь или такъ промолчать. Вдругъ, сквозь раскрытую дверь передней, мнѣ бросилась въ глаза фигура нашего лакея Ѳедора. Онъ дѣлалъ мнѣ знаки. Я машинально вышелъ къ нему.

— Что ты?—спросилъ я.

— Маменька прислали за вами,—проговорилъ онъ шопотомъ. — Онѣ гнѣваются, что вы съ отвѣтомъ не ворочаетесь.

— Да развѣ я давно здѣсь?

— Часъ слишкомъ.

— Часъ слишкомъ!—повторилъ я невольно и, вернувшись въ гостиную, началъ раскланиваться и шаркать ногами.

— Куда вы?—спросила меня княжна, взглянувъ изъ-за гусара.

— Мнѣ нужно домой-съ. Такъ я скажу,—прибавилъ я, обращаясь къ старухѣ: — что вы пожалуете къ намъ во второмъ часу.

— Такъ и скажите, батюшка.

Княгиня торопливо достала табакерку и такъ шумно понюхала, что я даже вздрогнулъ. — Такъ и скажите,— повторила она, слезливо моргая и кряхтя.

Я еще разъ поклонился, повернулся и вышелъ изъ комнаты съ тѣмъ чувствомъ неловкости въ спинѣ, которое ощущаетъ очень молодой человѣкъ, когда онъ знаетъ, что ему глядятъ вслѣдъ.

— Смотрите же, мсьё Вольдемаръ, заходите къ намъ,— крикнула Зинаида и опять разсмѣялась.

Что̀ это она все смѣется? думалъ я, возвращаясь домой въ сопровожденіи Ѳедора, который ничего мнѣ не говорилъ, но двигался за мной неодобрительно. Матушка меня побранила и удивилась: что̀ я могъ такъ долго дѣлать у этой княгини? Я ничего не отвѣчалъ ей и отправился къ себѣ въ комнату. Мнѣ вдругъ стало очень грустно... Я силился не плакать... Я ревновалъ къ гусару.

V.

Княгиня, по обѣщанію, навѣстила матушку, и не понравилась ей. Я не присутствовалъ при ихъ свиданіи, но за столомъ матушка разсказывала отцу, что эта княгиня Засѣкина ей кажется femme très vulgaire, что она очень надоѣла ей со своими просьбами ходатайствовать за нее у князя Сергія, что у ней все какія-то тяжбы и дѣла—de vilaines affaires d'argent—и что она должна быть великая кляузница. Матушка однакоже прибавила, что она позвала ее съ дочерью на завтрашній день обѣдать (услыхавъ слово: „съ дочерью", я уткнулъ носъ въ тарелку),— потому что она, все-таки, сосѣдка, и съ именемъ. На это отецъ объявилъ матушкѣ, что онъ теперь припоминаетъ, какая это госпожа; что онъ въ молодости зналъ покойнаго князя Засѣкина, отлично воспитаннаго, но пустого и вздорнаго человѣка; что его въ обществѣ звали „le Parisien", по причинѣ его долгаго житья въ Парижѣ; что онъ былъ очень богатъ, но проигралъ все свое состояніе— и неизвѣстно почему, чуть ли не изъ-за денегъ, — впрочемъ, онъ бы могъ лучше выбрать, — прибавилъ отецъ и холодно улыбнулся, — женился на дочери какого-то при-

казнаго, а женившись, пустился въ спекуляціи и разорился окончательно.

— Какъ бы она денегъ взаймы не попросила, — замѣтила матушка.

— Это весьма возможно,—спокойно промолвилъ отецъ.— Говоритъ она по-французски?

— Очень плохо.

— Гмъ. Впрочемъ, это все равно. Ты мнѣ, кажется, сказала, что ты и дочь ея позвала; меня кто-то увѣрялъ, что она очень милая и образованная дѣвушка.

— А! Стало-быть, она не въ мать.

— И не въ отца,—возразилъ отецъ.—Тотъ былъ тоже образованъ, да глупъ.

Матушка вздохнула и задумалась. Отецъ умолкъ. Мнѣ было очень неловко въ теченіе этого разговора.

Послѣ обѣда я отправился въ садъ, но безъ ружья. Я далъ-было себѣ слово не подходить къ „Засѣкинскому саду", но неотразимая сила влекла меня туда—и не даромъ. Не успѣлъ я приблизиться къ забору, какъ увидѣлъ Зинаиду. На этотъ разъ она была одна. Она держала въ рукахъ книжку и медленно шла по дорожкѣ. Она меня не замѣчала.

Я чуть-чуть не пропустилъ ее; но вдругъ спохватился и кашлянулъ.

Она обернулась, но не остановилась, отвела рукою широкую, голубую ленту своей круглой, соломенной шляпы, посмотрѣла на меня, тихонько улыбнулась и опять устремила глаза въ книжку.

Я снялъ фуражку и, помявшись немного на мѣстѣ, пошелъ прочь съ тяжелымъ сердцемъ. — „Que suis-je pour elle?" подумалъ я (Богъ знаетъ почему) по-французски.

Знакомые шаги раздались за мною: я оглянулся — ко мнѣ, своей быстрой и легкой походкой, шелъ отецъ.

— Это княжна?—спросилъ онъ меня.

— Княжна.

— Развѣ ты ее знаешь?

— Я ее видѣлъ сегодня утромъ у княгини.

Отецъ остановился и, круто повернувшись на каблу-

кахъ, пошелъ назадъ. Поровнявшись съ Зинаидой, онъ вѣжливо ей поклонился. Она также ему поклонилась, не безъ нѣкотораго изумленія на лицѣ, и опустила книгу. Я видѣлъ, какъ она провожала его глазами. Мой отецъ всегда одѣвался очень изящно, своеобразно и просто; но никогда его фигура не показалась мнѣ болѣе стройной, никогда его сѣрая шляпа не сидѣла красивѣе на его, едва порѣдѣвшихъ, кудряхъ.

Я направился-было къ Зинаидѣ, но она даже не взглянула на меня, снова приподняла книгу и удалилась.

VI.

Цѣлый вечеръ и слѣдующее утро я провелъ въ какомъ-то уныломъ онѣмѣніи. Помнится, я попытался работать и взялся за Кайданова — но напрасно мелькали передо мною разгонистыя строчки и страницы знаменитаго учебника. Десять разъ сряду прочелъ я слова: „Юлій Цезарь отличался воинской отвагой“ — не понялъ ничего и бросилъ книгу. Передъ обѣдомъ я опять напомадился и опять надѣлъ сюртучокъ и галстукъ.

— Это зачѣмъ? — спросила матушка.—Ты еще не студентъ, и Богъ знаетъ, выдержишь ли ты экзаменъ. Да и давно ли тебѣ сшили куртку? Не бросать же ее!

— Гости будутъ,—прошепталъ я почти съ отчаяніемъ.

— Вотъ вздоръ! какіе это гости!

Надо было покориться. Я замѣнилъ сюртучокъ курткой, но галстука не снялъ. Княгиня съ дочерью явилась за полчаса до обѣда; старуха, сверхъ зеленаго, уже знакомаго мнѣ платья, накинула желтую шаль и надѣла старомодный чепецъ съ лентами огненнаго цвѣта. Она тотчасъ заговорила о своихъ векселяхъ, вздыхала, жаловалась на свою бѣдность, „канючила“, но нисколько не чинилась: такъ же шумно нюхала табакъ, такъ же свободно поворачивалась и ёрзала на стулѣ. Ей какъ будто и въ голову не входило, что она княгиня. Зато Зинаида держала себя очень строго, почти надменно, настоящей княжной. На лицѣ ея появилась холодная неподвижность и важность—и я не узнавалъ ея, не узнавалъ ея взгля-

довъ, ея улыбки, хотя и въ этомъ новомъ видѣ она мнѣ казалась прекрасной. На ней было легкое барежевое платье съ блѣдно-синими разводами; волосы ея падали длинными локонами вдоль щекъ, на англійскій манеръ; эта прическа шла къ холодному выраженію ея лица.—Отецъ мой сидѣлъ возлѣ нея во время обѣда и со свойственной ему изящной и спокойной вѣжливостью занималъ свою сосѣдку. Онъ изрѣдка взглядывалъ на нее—и она изрѣдка на него взглядывала, да такъ странно, почти враждебно. Разговоръ у нихъ шелъ по-французски;—меня, помнится, удивила чистота Зинаидина произношенія. Княгиня, во время стола, попрежнему, ничѣмъ не стѣснялась, много ѣла и хвалила кушанья. Матушка видимо ею тяготилась и отвѣчала ей съ какимъ-то грустнымъ пренебреженіемъ; отецъ изрѣдка чуть-чуть морщилъ брови. Зинаида также не понравилась матушкѣ. — Это какая-то гордячка, — говорила она на слѣдующій день. — И подумаешь — чего гордиться—avec sa mine de grisette!

— Ты, видно, не видала гризетокъ,—замѣтилъ ей отецъ.

— И слава Богу!

— Разумѣется, слава Богу... только какъ же ты можешь судить о нихъ?

На меня Зинаида не обращала рѣшительно никакого вниманія. Скоро послѣ обѣда княгиня стала прощаться.

— Буду надѣяться на ваше покровительство, Марья Николаевна и Петръ Васильичъ,—сказала она нараспѣвъ матушкѣ и отцу.—Что дѣлать! Были времена, да прошли. Вотъ и я — сіятельная — прибавила она съ непріятнымъ смѣхомъ: — да что за честь, коли нечего ѣсть! — Отецъ почтительно ей поклонился и проводилъ ее до двери передней. Я стоялъ тутъ же въ своей куцой курткѣ, и глядѣлъ на полъ, словно къ смерти приговоренный. Обращеніе Зинаиды со мной меня окончательно убило. Каково же было мое удивленіе, когда, проходя мимо меня, она скороговоркой и съ прежнимъ ласковымъ выраженіемъ въ глазахъ, шепнула мнѣ: —приходите къ намъ въ восемь часовъ, слышите, непремѣнно...—Я только раз-

велъ руками—но она уже удалилась, накинувъ на голову бѣлый шарфъ.

VII.

Ровно въ восемь часовъ, я, въ сюртукѣ и съ приподнятымъ на головѣ кокомъ, входилъ въ переднюю флигелька, гдѣ жила княгиня. Старикъ-слуга угрюмо посмотрѣлъ на меня и неохотно поднялся съ лавки. Въ гостиной раздавались веселые голоса. Я отворилъ дверь и отступилъ въ изумленіи. Посреди комнаты, на стулѣ, стояла княжна и держала передъ собой мужскую шляпу; вокругъ стула толпилось пятеро мужчинъ. Они старались запустить руки въ шляпу, а она поднимала ее кверху и сильно встряхивала ею. Увидѣвши меня, она вскрикнула:—постойте, постойте! новый гость, надо и ему дать билетъ—и, легко соскочивъ со стула, взяла меня за обшлагъ сюртука. — Пойдемте же,—сказала она:—что вы стоите? Messieurs, позвольте васъ познакомить: это мсьё Вольдемаръ, сынъ нашего сосѣда. А это—прибавила она, обращаясь ко мнѣ и указывая поочередно на гостей:—графъ Малевскій, докторъ Лушинъ, поэтъ Майдановъ, отставной капитанъ Нирмацкій и Бѣловзоровъ, гусаръ, котораго вы уже видѣли. Прошу любить да жаловать.

Я до того сконфузился, что даже не поклонился никому; въ докторѣ Лушинѣ я узналъ того самаго черномазаго господина, который такъ безжалостно меня пристыдилъ въ саду; остальные были мнѣ незнакомы.

— Графъ!—продолжала Зинаида:—напишите мсьё Вольдемару билетъ.

— Это несправедливо, — возразилъ съ легкимъ польскимъ акцентомъ графъ, очень красивый и щегольски одѣтый брюнетъ, съ выразительными карими глазами, узкимъ бѣлымъ носикомъ и тонкими усиками надъ крошечнымъ ртомъ.—Они не играли съ нами въ фанты.

— Несправедливо, — повторили Бѣловзоровъ и господинъ, названный отставнымъ капитаномъ, человѣкъ лѣтъ сорока, рябой до безобразія, курчавый какъ арабъ, суту-

ловатый, кривоногій и одѣтый въ военный сюртукъ безъ эполетъ, на распашку.

— Пишите билетъ, говорятъ вамъ, — повторила княжна. — Это что за бунтъ? Мсьё Вольдемаръ съ нами въ первый разъ, и сегодня для него законъ не писанъ. Нечего ворчать, пишите, я такъ хочу.

Графъ пожалъ плечами, но, наклонивъ покорно голову, взялъ перо въ бѣлую, перстнями украшенную руку, оторвалъ клочокъ бумаги и сталъ писать на немъ.

— По крайней мѣрѣ, позвольте объяснить г-ну Вольдемару, въ чемъ дѣло, — началъ насмѣшливымъ голосомъ Лушинъ: — а то онъ совсѣмъ растерялся. Видите ли, молодой человѣкъ: мы играемъ въ фанты; княжна подверглась штрафу, и тотъ, кому выпется счастливый билетъ, будетъ имѣть право поцѣловать у ней ручку. Поняли ли вы, что я вамъ сказалъ?

Я только взглянулъ на него и продолжалъ стоять какъ отуманенный, а княжна снова вскочила на стулъ и снова принялась встряхивать шляпой. Всѣ къ ней потянулись— и я за другими.

— Майдановъ, — сказала княжна высокому молодому человѣку съ худощавымъ лицомъ, маленькими слѣпыми глазками и чрезвычайно длинными, черными волосами:— вы, какъ поэтъ, должны быть великодушны и уступить вашъ билетъ мсьё Вольдемару, такъ, чтобы у него было два шанса, вмѣсто одного.

Но Майдановъ отрицательно покачалъ головой и взмахнулъ волосами. Я послѣ всѣхъ опустилъ руку въ шляпу, взялъ и развернулъ билетъ... Господи! что̀ сталось со мною, когда я увидалъ на немъ слово: поцѣлуй!

— Поцѣлуй!—вскрикнулъ я невольно.

— Браво! онъ выигралъ,—подхватила княжна. — Какъ я рада! — Она сошла со стула и такъ ясно и сладко заглянула мнѣ въ глаза, что у меня сердце покатилось. — А вы рады?—спросила она меня.

— Я?..—пролепеталъ я.

— Продайте мнѣ свой билетъ,—брякнулъ вдругъ надъ самымъ моимъ ухомъ Бѣловзоровъ.—Я вамъ сто рублей дамъ.

Я отвѣчалъ гусару такимъ негодующимъ взоромъ, что Зинаида захлопала въ ладоши, а Лушинъ воскликнулъ: молодецъ!

— Но,—продолжалъ онъ:—я, какъ церемоніймейстеръ, обязанъ наблюдать за исполненіемъ всѣхъ правилъ. Мсьё Вольдемаръ, опуститесь на одно колѣно. Такъ у насъ заведено.

Зинаида стала передо мной, наклонила немногу голову на бокъ, какъ бы для того, чтобы лучше разсмотрѣть меня, и съ важностью протянула мнѣ руку. У меня помутилось въ глазахъ; я хотѣлъ-было опуститься на одно колѣно, упалъ на оба, и такъ неловко прикоснулся губами къ пальцамъ Зинаиды, что слегка оцарапалъ себѣ конецъ носа ея ногтемъ.

— Добре!—закричалъ Лушинъ и помогъ мнѣ встать.

Игра въ фанты продолжалась. Зинаида посадила меня возлѣ себя. Какихъ ни придумывала она штрафовъ! Ей пришлось, между прочимъ, представлять „статую"—и она въ пьедесталъ себѣ выбрала безобразнаго Нирмацкаго, велѣла ему лечь ничкомъ, да еще уткнуть лицо въ грудь. Хохотъ не умолкалъ ни на мгновеніе. Мнѣ, уединенно и трезво воспитанному мальчику, выросшему въ барскомъ, степенномъ домѣ, весь этотъ шумъ и гамъ, эта безцеремонная, почти буйная веселость, эти небывалыя сношенія съ незнакомыми людьми такъ и бросились въ голову. Я просто опьянѣлъ, какъ отъ вина. Я сталъ хохотать и болтать громче другихъ, такъ что даже старая княгиня, сидѣвшая въ сосѣдней комнатѣ съ какимъ-то приказнымъ отъ Иверскихъ воротъ, позваннымъ для совѣщанія, вышла посмотрѣть на меня. Но я чувствовалъ себя до такой степени счастливымъ, что, какъ говорится, въ усъ не дулъ и въ грошъ не ставилъ ничьихъ насмѣшекъ и ничьихъ косыхъ взглядовъ. Зинаида продолжала оказывать мнѣ предпочтеніе и не отпускала меня отъ себя. Въ одномъ штрафѣ мнѣ довелось сидѣть съ ней рядомъ, накрывшись однимъ и тѣмъ же шелковымъ платкомъ: я долженъ былъ сказать ей *свой секретъ*. Помню я, какъ наши обѣ головы вдругъ очутились въ душной, полупрозрачной, пахучей

мглѣ, какъ въ этой мглѣ близко и мягко свѣтились ея глаза и горячо дышали раскрытыя губы, и зубы виднѣлись, и концы ея волосъ меня щекотали и жгли. Я молчалъ. Она улыбалась таинственно и лукаво и наконецъ шепнула мнѣ: ну, что же? а я только краснѣлъ и смѣялся, и отворачивался, и едва переводилъ духъ. Фанты наскучили намъ, — мы стали играть въ веревочку. Боже мой! какой я почувствовалъ восторгъ, когда, зазѣвавшись, получилъ отъ ней сильный и рѣзкій ударъ по пальцамъ, и какъ потомъ я нарочно старался показывать видъ, что зазѣвываюсь, а она дразнила меня и не трогала подставляемыхъ рукъ!

Да то ли мы еще продѣлывали въ теченіе этого вечера! Мы и на фортепіано играли, и пѣли, и танцовали, и представляли цыганскій таборъ. Нирмацкаго одѣли медвѣдемъ и напоили водою съ солью. Графъ Малевскій показывалъ намъ разные карточные фокусы и кончилъ тѣмъ, что, перетасовавши карты, сдалъ себѣ въ вистъ всѣ козыри, съ чѣмъ Лушинъ „имѣлъ честь его поздравить“. Майдановъ декламировалъ намъ отрывки изъ поэмы своей „Убійца“ (дѣло происходило въ самомъ разгарѣ романтизма), которую онъ намѣревался издать въ черной оберткѣ, съ заглавными буквами кроваваго цвѣта; у приказнаго отъ Иверскихъ воротъ украли съ колѣнъ шапку и заставили его, въ видѣ выкупа, проплясать казачка; старика Вонифатія нарядили въ чепецъ,—а княжна надѣла мужскую шляпу... Всего не перечислишь. Одинъ Бѣловзоровъ все больше держался въ углу, нахмуренный и сердитый... Иногда глаза его наливались кровью, онъ весь краснѣлъ и, казалось, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ ринется на всѣхъ насъ и расшвыряетъ насъ, какъ щепки, во всѣ стороны; но княжна взглядывала на него, грозила ему пальцемъ, и онъ снова забивался въ свой уголъ.

Мы, наконецъ, выбились изъ силъ. Княгиня ужъ на что была, какъ сама выражалась, ходка — никакіе крики ее не смущали—однако, и она почувствовала усталость и пожелала отдохнуть. Въ двѣнадцатомъ часу ночи подали ужинъ, состоявшій изъ куска стараго, сухого сыру и

какихъ-то холодныхъ пирожковъ съ рубленой ветчиной, которые мнѣ показались вкуснѣе всякихъ паштетовъ; вина была всего одна бутылка, и та какая-то странная: темная, съ раздутымъ горлышкомъ, и вино въ ней отдавало розовой краской: впрочемъ, его никто не пилъ. Усталый и счастливый до изнеможенія, я вышелъ изъ флигеля: на прощанье Зинаида мнѣ крѣпко пожала руку и опять загадочно улыбнулась.

Ночь тяжело и сыро пахнула мнѣ въ разгоряченное лицо; казалось готовилась гроза; черныя тучи росли и ползли по небу, видимо мѣняя свои дымныя очертанія. Вѣтерокъ безпокойно содрогался въ темныхъ деревьяхъ, и гдѣ-то, далеко за небосклономъ, словно про себя, ворчалъ громъ сердито и глухо.

Черезъ заднее крыльцо пробрался я въ свою комнату. Дядька мой спалъ на полу и мнѣ пришлось перешагнуть черезъ него; онъ проснулся, увидалъ меня и доложилъ, что матушка опять на меня разсердилась и опять хотѣла послать за мною, но что отецъ ее удержалъ. (Я никогда не ложился спать, не простившись съ матушкой и не испросивши ея благословенія.) Нечего было дѣлать!

Я сказалъ дядькѣ, что раздѣнусь и лягу самъ — и погасилъ свѣчку. Но я не раздѣлся и не легъ.

Я присѣлъ на стулъ и долго сидѣлъ, какъ очарованный. То, что̀ я ощущалъ, было такъ ново и такъ сладко... Я сидѣлъ, чуть-чуть озираясь и не шевелясь, медленно дышалъ и только по временамъ то молча смѣялся, вспоминая, то внутренно холодѣлъ при мысли, что я влюбленъ, что вотъ она, вотъ эта любовь. Лицо Зинаиды тихо плыло передо мною во мракѣ—плыло и не проплывало; губы ея все такъ же загадочно улыбались, глаза глядѣли на меня немного сбоку, вопросительно, задумчиво и нѣжно... какъ въ то мгновеніе, когда я разстался съ ней. Наконецъ, я всталъ, на цыпочкахъ подошелъ къ своей постели и осторожно, не раздѣваясь, положилъ голову на подушку, какъ бы страшась рѣзкимъ движеніемъ потревожить то, чѣмъ я былъ переполненъ...

Я легъ, но даже глазъ не закрылъ. Скоро я замѣтилъ,

что ко мнѣ въ комнату безпрестанно западали какіе-то слабые отсвѣты... Я приподнялся и глянулъ въ окно. Переплетъ его четко отдѣлялся отъ таинственно и смутно бѣлѣвшихъ стеколъ. Гроза,—подумалъ я;—и точно была гроза, но она проходила очень далеко, такъ что и грома не было слышно; только на небѣ непрерывно вспыхивали неяркія, длинныя, словно развѣтвленныя, молніи: онѣ не столько вспыхивали, сколько трепетали и подергивались, какъ крыло умирающей птицы. Я всталъ, подошелъ къ окну и простоялъ тамъ до утра... Молніи не прекращались ни на мгновеніе; была, что называется въ народѣ, *воробьиная* ночь. Я глядѣлъ на нѣмое песчаное поле, на темную массу Нескучнаго сада, на желтоватые фасады далекихъ зданій, тоже какъ будто вздрагивавшихъ при каждой слабой вспышкѣ... Я глядѣлъ — и не могъ оторваться: эти нѣмыя молніи, эти сдержанныя блистанія, казалось, отвѣчали тѣмъ нѣмымъ и тайнымъ порывамъ, которые вспыхивали также во мнѣ. Утро стало заниматься; алыми пятнами выступила заря. Съ приближеніемъ солнца все блѣднѣли и сокращались молніи: онѣ вздрагивали все рѣже и рѣже, и исчезли, наконецъ, затопленныя отрезвляющимъ и несомнительнымъ свѣтомъ возникавшаго дня...

И во мнѣ исчезли мои молніи. Я почувствовалъ большую усталость и тишину... но образъ Зинаиды продолжалъ носиться, торжествуя, надъ моей душой. Только онъ самъ, этотъ образъ, казался успокоеннымъ: какъ полетѣвшій лебедь — отъ болотныхъ травъ, отдѣлился онъ отъ окружавшихъ его другихъ неблаговидныхъ фигуръ, и я, засыпая, въ послѣдній разъ припалъ къ нему съ прощальнымъ и довѣрчивымъ обожаніемъ...

О, кроткія чувства, мягкіе звуки, доброта и утиханіе тронутой души, тающая радость первыхъ умиленій любви,— гдѣ вы, гдѣ вы?

VIII

На слѣдующее утро, когда я сошелъ къ чаю, матушка побранила меня — меньше, однако, чѣмъ я ожидалъ, — и

заставила меня разсказать, какъ я провелъ накапунѣ вечеръ. Я отвѣчалъ ей въ немногихъ словахъ, выпуская многія подробности и стараясь придать всему видъ самый невинный.

— Все-таки, они люди не comme il faut, — замѣтила матушка: — и тебѣ нечего къ нимъ таскаться, вмѣсто того, чтобъ готовиться къ экзамену, да заниматься.

Такъ какъ я зналъ, что заботы матушки о моихъ занятіяхъ ограничатся этими немногими словами, то я и не почелъ нужнымъ возражать ей; но послѣ чаю отецъ меня взялъ подъ руку и, отправившись вмѣстѣ со мною въ садъ, заставилъ меня разсказать все, что̀ я видѣлъ у Засѣкиныхъ.

Странное вліяніе имѣлъ на меня отецъ — и странныя были наши отношенія. Онъ почти не занимался моимъ воспитаніемъ, но никогда не оскорблялъ меня; онъ уважалъ мою свободу — онъ даже былъ, если можно такъ выразиться, вѣжливъ со мною... только онъ не допускалъ меня до себя. Я любилъ его, я любовался имъ, онъ казался мнѣ образцомъ мужчины—и, Боже мой, какъ бы я страстно къ нему привязался, если бъ я постоянно не чувствовалъ его отклоняющей руки! Зато, когда онъ хотѣлъ, онъ умѣлъ почти мгновенно, однимъ словомъ, однимъ движеніемъ возбудить во мнѣ неограниченное довѣріе къ себѣ. Душа моя раскрывалась — я болталъ съ нимъ, какъ съ разумнымъ другомъ, какъ съ снисходительнымъ наставникомъ... потомъ онъ такъ же внезапно покидалъ меня — и рука его опять отклоняла меня — ласково и мягко, но отклоняла.

На него находила иногда веселость, и тогда онъ готовъ былъ рѣзвиться и шалить со мной, какъ мальчикъ (онъ любилъ всякое сильное тѣлесное движеніе); разъ — всего только разъ!—онъ приласкалъ меня съ такою нѣжностью, что я чуть не заплакалъ... Но и веселость его, и нѣжность исчезали безъ слѣда—и то, что происходило между нами, не давало мнѣ никакихъ надеждъ на будущее— точно я все это во снѣ видѣлъ. Бывало, стану я разсматривать его умное, красивое, свѣтлое лицо... сердце мое

задрожитъ, и все существо мое устремится къ нему... онъ словно почувствуетъ, что̀ во мнѣ происходитъ, мимоходомъ потреплетъ меня по щекѣ — и либо уйдетъ, либо займется чѣмъ-нибудь, либо вдругъ весь застынетъ, какъ онъ одинъ умѣлъ застывать, и я тотчасъ же сожмусь и тоже похолодѣю. Рѣдкіе припадки его расположенія ко мнѣ никогда не были вызваны моими безмолвными, но понятными мольбами: они приходили всегда неожиданно. Размышляя впослѣдствіи о характерѣ моего отца, я пришелъ къ тому заключенію, что ему было не до меня и не до семейной жизни; онъ любилъ другое и насладился этимъ другимъ вполнѣ. „Самъ бери, что̀ можешь, а въ руки не давайся; самому себѣ принадлежать — въ этомъ вся штука жизни“,—сказалъ онъ мнѣ однажды. Въ другой разъ, я, въ качествѣ молодого демократа, пустился въ его присутствіи разсуждать о свободѣ (онъ въ тотъ день былъ, какъ я это называлъ, „добрый“; тогда съ нимъ можно было говорить о чемъ угодно). — Свобода,— повторилъ онъ: — а знаешь ли ты, что̀ можетъ человѣку дать свободу?

— Что?

— Воля, собственная воля, и власть она дастъ, которая лучше свободы. Умѣй хотѣть—и будешь свободнымъ, и командовать будешь.

Отецъ мой прежде всего и больше всего хотѣлъ жить— и жилъ... Быть-можетъ, онъ предчувствовалъ, что ему не придется долго пользоваться „штукой“ жизни: онъ умеръ сорока двухъ лѣтъ.

Я подробно разсказалъ отцу мое посѣщеніе у Засѣкиныхъ. Онъ полувнимательно, полуразсѣянно слушалъ меня, сидя на скамьѣ и рисуя концомъ хлыстика на пескѣ. Онъ изрѣдка посмѣивался, какъ-то свѣтло и забавно поглядывалъ на меня и подзадоривалъ меня короткими вопросами и возраженіями. Я сперва не рѣшался даже выговорить имя Зинаиды, но не удержался и началъ превозносить ее. Отецъ все продолжалъ посмѣиваться. Потомъ онъ задумался, потянулся и всталъ.

Я вспомнилъ, что, выходя изъ дома, онъ велѣлъ осѣд-

лать себѣ лошадь. Онъ былъ отличный ѣздокъ — и умѣлъ, гораздо раньше г. Рери, укрощать самыхъ дикихъ лошадей.

— Я съ тобой поѣду, папаша?—спросилъ я его.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, и лицо его приняло обычное, равнодушно-ласковое выраженіе. — Ступай одинъ, коли хочешь; а кучеру скажи, что я не поѣду.

Онъ повернулся ко мнѣ спиной и быстро удалился. Я слѣдилъ за нимъ глазами — онъ скрылся за воротами. Я видѣлъ, какъ его шляпа двигалась вдоль забора: онъ вошелъ къ Засѣкинымъ.

Онъ остался у нихъ не болѣе часа, но тотчасъ же отправился въ городъ и вернулся домой только къ вечеру.

Послѣ обѣда я самъ пошелъ къ Засѣкинымъ. Въ гостиной я засталъ одну старуху-княгиню. Увидѣвъ меня, она почесала себѣ въ головѣ подъ чепцомъ концомъ спицы и вдругъ спросила меня: могу ли я переписать ей одну просьбу.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ я, и присѣлъ на кончикъ стула.

— Только смотрите, покрупнѣе буквы ставьте, — промолвила княгиня, подавая мнѣ измаранный листъ: — да нельзя ли сегодня, батюшка?

— Сегодня же перепишу-съ.

Дверь изъ сосѣдней комнаты чуть-чуть отворилась — и въ отверстіи показалось лицо Зинаиды — блѣдное, задумчивое, съ небрежно откинутыми назадъ волосами: она посмотрѣла на меня большими холодными глазами и тихо закрыла дверь.

— Зина,—а Зина!—проговорила старуха. Зинаида не откликнулась. Я унесъ просьбу старухи и цѣлый вечеръ просидѣлъ надъ ней.

IX.

Моя „страсть“ началась съ того дня. Я помнится, почувствовалъ тогда нѣчто подобное тому, что долженъ почувствовать человѣкъ, поступившій на службу: я уже пересталъ быть просто молодымъ мальчикомъ; я былъ

влюбленный. Я сказалъ, что съ того дня началась моя страсть; я бы могъ прибавить, что и страданія мои начались съ того же самаго дня. Я изнывалъ въ отсутствіи Зинаиды: ничего мнѣ на умъ не шло, все изъ рукъ валилось, я по цѣлымъ днямъ напряженно думалъ о ней... Я изнывалъ... но въ ея присутствіи мнѣ становилось не легче. Я ревновалъ, я сознавалъ свое ничтожество, я глупо дулся и глупо раболѣпствовалъ—и, все-таки, непреодолимая сила влекла меня къ ней—и я всякій разъ съ невольной дрожью счастья переступалъ порогъ ея комнаты. Зинаида тотчасъ же догадалась, что я въ нее влюбился, да я и не думалъ скрываться; она потѣшалась моей страстью, дурачила, баловала и мучила меня. Сладко быть единственнымъ источникомъ, самовластной и безотвѣтной причиной величайшихъ радостей и глубочайшаго горя для другого—а я въ рукахъ Зинаиды былъ какъ мягкій воскъ. Впрочемъ, не я одинъ влюбился въ нее; всѣ мужчины, посѣщавшіе ея домъ, были отъ нея безъ ума—и она ихъ всѣхъ держала на привязи—у своихъ ногъ. Ее забавляло возбуждать въ нихъ то надежды, то опасенія, вертѣть ими по своей прихоти (это она называла: стукать людей другъ о друга)—а они и не думали сопротивляться и охотно покорялись ей. Во всемъ ея существѣ, живучемъ и красивомъ, была какая-то особенно обаятельная смѣсь хитрости и безпечности, искусственности и простоты, тишины и рѣзвости; надъ всѣмъ, что она дѣлала, говорила, надъ каждымъ ея движеніемъ носилась тонкая, легкая прелесть, во всемъ сказывалась своеобразная, играющая сила. И лицо ея безпрестанно мѣнялось, играло тоже: оно выражало, почти въ одно и то же время,—насмѣшливость, задумчивость и страстность. Разнообразнѣйшія чувства, легкія, быстрыя, какъ тѣни облаковъ въ солнечный вѣтреный день, перебѣгали то-и-дѣло по ея глазамъ и губамъ.

Каждый изъ ея поклонниковъ былъ ей нуженъ. Бѣловзоровъ, котораго она иногда называла „мой звѣрь“, а иногда просто „мой“ — охотно кинулся бы за нее въ огонь; не надѣясь на свои умственныя способности и

прочія достоинства, онъ все предлагалъ ей жениться на ней, намекая на то, что другіе только болтаютъ. Майдановъ отвѣчалъ поэтическимъ струнамъ ея души: человѣкъ довольно холодный, какъ почти всѣ сочинители, онъ напряженно увѣрялъ ее, а можетъ-быть и себя, что онъ ее обожаетъ, воспѣвалъ ее въ нескончаемыхъ стихахъ и читалъ ихъ ей съ какимъ-то и неестественнымъ, и искреннимъ восторгомъ. Она и сочувствовала ему, и чуть-чуть трунила надъ нимъ; она плохо ему вѣрила и, наслушавшись его изліяній, заставляла его читать Пушкина, чтобы, какъ она говорила, очистить воздухъ. Лушинъ, насмѣшливый, циническій на словахъ докторъ, зналъ ее лучше всѣхъ—и любилъ ее больше всѣхъ, хотя бранилъ ее за глаза и въ глаза. Она его уважала, но не спускала ему — и подчасъ, съ особеннымъ, злораднымъ удовольствіемъ давала ему чувствовать, что и онъ у ней въ рукахъ. „Я кокетка, я безъ сердца, я актерская натура,— сказала она ему однажды въ моемъ присутствіи: — а, хорошо! такъ подайте-жъ вашу руку, я воткну въ нее булавку, вамъ будетъ стыдно этого молодого человѣка, вамъ будетъ больно, а все-таки вы, г-нъ правдивый человѣкъ, извольте смѣяться“. Лушинъ покраснѣлъ, отворотился, закусилъ губы, но кончилъ тѣмъ, что подставилъ руку. Она его уколола, и онъ точно началъ смѣяться... и она смѣялась, запуская довольно глубоко булавку и заглядывая ему въ глаза, которыми онъ напрасно бѣгалъ по сторонамъ...

Хуже всего я понималъ отношенія, существовавшія между Зинаидой и графомъ Малевскимъ. Онъ былъ хорошъ собою, ловокъ и уменъ, но что-то сомнительное, что-то фальшивое чудилось въ немъ даже мнѣ, шестнадцатилѣтнему мальчику, и я дивился тому, что Зинаида этого не замѣчаетъ. А можетъ-быть, она и замѣчала эту фальшь и не гнушалась ею. Неправильное воспитаніе, странныя знакомства и привычки, постоянное присутствіе матери, бѣдность и безпорядокъ въ домѣ, все, начиная съ самой свободы, которою пользовалась молодая дѣвушка, съ сознанія ея превосходства надъ окружавшими ее людьми, раз-

вило въ ней какую-то полупрезрительную небрежность и невзыскательность. Бывало, что̀ ни случится—придетъ ли Вонифатій доложить что сахару нѣтъ, выйдетъ ли наружу какая-нибудь дрянная сплетня, поссорятся ли гости—она только кудрями встряхнетъ, скажетъ: пустяки! — и горя ей мало.

Зато у меня, бывало, вся кровь загоралась, когда Малевскій подойдетъ къ ней, хитро покачиваясь, какъ лиса, изящно обопрется на спинку ея стула и начнетъ шептать ей на ухо съ самодовольной и заискивающей улыбочкой,— а она скреститъ руки на груди, внимательно глядитъ на него, и сама улыбается, и качаетъ головой.

— Что вамъ за охота принимать г. Малевскаго?—спросилъ я ее однажды.

— А у него такіе прекрасные усики,—отвѣчала она.— Да это не по вашей части.

— Вы не думаете ли, что я его люблю,—сказала она мнѣ въ другой разъ.—Нѣтъ; я такихъ любить не могу, на которыхъ мнѣ приходится глядѣть сверху внизъ. Мнѣ надобно такого, который самъ бы меня сломилъ... Да я на такого не наткнусь, Богъ милостивъ! Не попадусь никому въ лапы, ни-ни!

— Стало-быть, вы никогда не полюбите?

— А васъ-то? Развѣ я васъ не люблю?—сказала она, и ударила меня по носу концомъ перчатки.

Да, Зинаида очень потѣшалась надо мною. Въ теченіе трехъ недѣль я ее видѣлъ каждый день — и чего, чего она со мной не выдѣлывала! Къ намъ она ходила рѣдко, и я объ этомъ не сожалѣлъ: въ нашемъ домѣ она превращалась въ барышню, въ княжну,—и я ея дичился. Я боялся выдать себя передъ матушкой; она очень не благоволила къ Зинаидѣ, и непріязненно наблюдала за нами. Отца я не такъ боялся: онъ словно не замѣчалъ меня, а съ ней говорилъ мало, но какъ-то особенно умно и значительно. Я пересталъ работать, читать — я даже пересталъ гулять по окрестностямъ, ѣздить верхомъ. Какъ привязанный за ножку жукъ, я кружился постоянно вокругъ любимаго флигелька: казалось, остался бы тамъ

навсегда... но это было невозможно, матушка ворчала на меня, иногда сама Зинаида меня прогоняла. Тогда я запирался у себя въ комнатѣ или уходилъ на самый конецъ сада, взбирался на уцѣлѣвшую развалину высокой каменной оранжереи и, свѣсивъ ноги со стѣны, выходившей на дорогу, сидѣлъ по часамъ и глядѣлъ, глядѣлъ, ничего не видя. Возлѣ меня, по запыленной крапивѣ, лѣниво перепархивали бѣлыя бабочки; бойкій воробей садился недалеко на полусломанномъ, красномъ кирпичѣ и раздражительно чирикалъ, безпрестанно поворачиваясь всѣмъ тѣломъ и распустивъ хвостикъ; все еще недовѣрчивыя вороны изрѣдка каркали, сидя высоко, высоко на обнаженной макушкѣ березы; солнце и вѣтеръ тихо играли въ ея жидкихъ вѣткахъ; звонъ колоколовъ Донского монастыря прилеталъ по временамъ спокойный и унылый,— а я сидѣлъ, глядѣлъ, слушалъ—и наполнялся весь какимъ-то безыменнымъ ощущеніемъ, въ которомъ было все: и грусть, и радость, и предчувствіе будущаго, и желаніе, и страхъ жизни. Но я тогда ничего этого не понималъ и ничего бы не сумѣлъ назвать изъ всего того, что̀ во мнѣ бродило,—или бы назвалъ это все однимъ именемъ—именемъ Зинаиды.

А Зинаида все играла со мной, какъ кошка съ мышью. Она то кокетничала со мной—и я волновался и таялъ—то она вдругъ меня отталкивала—и я не смѣлъ приблизиться къ ней, не смѣлъ взглянуть на нее.

Помнится, она нѣсколько дней сряду была очень холодна со мною, я совсѣмъ заробѣлъ и, трусливо забѣгая къ нимъ во флигель, старался держаться около старухи княгини, несмотря на то, что она очень бранилась и кричала именно въ это время: ея вексельныя дѣла шли плохо, и она уже имѣла два объясненія съ квартальнымъ.

Однажды я проходилъ въ саду мимо извѣстнаго забора—и увидѣлъ Зинаиду: подпершись обѣими руками, она сидѣла на травѣ и не шевелилась. Я хотѣлъ-было осторожно удалиться, но она внезапно подняла голову и сдѣлала мнѣ повелительный знакъ. Я замеръ на мѣстѣ: я не

понялъ ея съ перваго раза. Она повторила свой знакъ. Я немедленно перескочилъ черезъ заборъ и радостно подбѣжалъ къ ней; но она остановила меня взглядомъ и указала мнѣ на дорожку въ двухъ шагахъ отъ нея. Въ смущеніи, не зная, что дѣлать, я сталъ на колѣни на краю дорожки. Она до того была блѣдна, такая горькая печаль, такая глубокая усталость сказывалась въ каждой ея чертѣ, что сердце у меня сжалось и я невольно пробормоталъ: что съ вами?

Зинаида протянула руку, сорвала какую-то травку, укусила ее и бросила ее прочь, подальше.

— Вы меня очень любите? — спросила она наконецъ.—Да?

Я ничего не отвѣчалъ, — да и зачѣмъ мнѣ было отвѣчать?

— Да,—повторила она, попрежнему глядя на меня.— Это такъ. Такіе же глаза,—прибавила она, задумалась и закрыла лицо руками.—Все мнѣ опротивѣло,—прошептала она:—ушла бы я на край свѣта, не могу я это вынести, не могу сладить... И что ждетъ меня впереди!.. Ахъ, мнѣ тяжело... Боже мой, какъ тяжело!

— Отчего?—спросилъ я робко.

Зинаида мнѣ не отвѣчала и только пожала плечами. Я продолжалъ стоять на колѣняхъ и съ глубокимъ уныніемъ глядѣлъ на нее. Каждое ея слово такъ и врѣзалось мнѣ въ сердце. Въ это мгновенье я, кажется, охотно бы отдалъ жизнь свою, лишь бы она не горевала. Я глядѣлъ на нее— и, все-таки, не понимая, отчего ей было тяжело, живо воображалъ себѣ, какъ она вдругъ, въ припадкѣ неудержимой печали, ушла въ садъ—и упала на землю, какъ подкошенная.—Кругомъ было и свѣтло, и зелено; вѣтеръ шелестилъ въ листьяхъ деревьевъ, изрѣдка качая длинную вѣтку малины надъ головой Зинаиды. Гдѣ-то ворковали голуби—и пчелы жужжали, низко перелетывая по рѣдкой травѣ. Сверху ласково синѣло небо—а мнѣ было такъ грустно...

— Прочтите мнѣ какіе-нибудь стихи, — промолвила вполголоса Зинаида и оперлась на локоть. — Я люблю,

когда вы стихи читаете. Вы поете, но это ничего, это молодо. Прочтите мнѣ: „На холмахъ Грузіи“. — Только сядьте сперва.

Я сѣлъ и прочелъ: „На холмахъ Грузіи“.

— „Что не любить оно не можетъ“, — повторила Зинаида. — Вотъ, чѣмъ поэзія хороша: она говоритъ намъ то, чего нѣтъ, и что не только лучше того, что есть, но даже больше похоже на правду... Что не любить оно не можетъ — и хотѣло бы, да не можетъ! — Она опять умолкла и вдругъ встрепенулась и встала. — Пойдемте. У мамаши сидитъ Майдановъ; онъ мнѣ принесъ свою поэму, а я его оставила. Онъ также огорченъ теперь... что дѣлать! вы когда-нибудь узнаете... только не сердитесь на меня!

Зинаида торопливо пожала мнѣ руку, и побѣжала впередъ. Мы вернулись во флигель. Майдановъ принялся читать намъ своего только-что отпечатаннаго „Убійцу“, но я не слушалъ его. Онъ выкрикивалъ нараспѣвъ свои четырехъ-стопные ямбы, риѳмы чередовались и звенѣли какъ бубенчики, пусто и громко, а я все глядѣлъ на Зинаиду и все старался понять значеніе ея послѣднихъ словъ.

„Иль, можетъ-быть, соперникъ тайный
Тебя нежданно покорилъ?“

воскликнулъ вдругъ въ носъ Майдановъ—и мои глаза и глаза Зинаиды встрѣтились. Она опустила ихъ и слегка покраснѣла. Я увидалъ, что она покраснѣла, и похолодѣлъ отъ испуга. Я уже прежде ревновалъ къ ней, но только въ это мгновеніе мысль о томъ, что она полюбила, сверкнула у меня въ головѣ. „Боже мой! она полюбила!“

X.

Настоящія мои терзанія начались съ того мгновенія. Я ломалъ себѣ голову, раздумывалъ, передумывалъ,—и неотступно, хотя по мѣрѣ возможности скрытно, наблюдалъ за Зинаидой. Въ ней произошла перемѣна—это было очевидно. Она уходила гулять одна и гуляла долго. Иногда она гостямъ не показывалась; по цѣлымъ часамъ сидѣла

у себя въ комнатѣ. Прежде этого за ней не водилось. Я вдругъ сдѣлался,—или мнѣ показалось, что я сдѣлался—чрезвычайно проницателенъ. „Не онъ ли? или ужъ не онъ ли?“ спрашивалъ я самого себя, тревожно перебѣгая мыслью отъ одного ея поклонника къ другому. Графъ Малевскій (хоть я и стыдился за Зинаиду въ этомъ сознаться) втайнѣ казался мнѣ опаснѣе другихъ.

Моя наблюдательность не видала дальше своего носа, и моя скрытность, вѣроятно, никого не обманула; по крайней мѣрѣ, докторъ Лушинъ скоро меня раскусилъ. Впрочемъ, и онъ измѣнился въ послѣднее время: онъ похудѣлъ, смѣялся такъ же часто, но какъ-то глуше, злѣе и короче—невольная, нервическая раздражительность смѣнила въ немъ прежнюю легкую иронію и напущенный цинизмъ.

— Что вы это безпрестанно таскаетесь сюда, молодой человѣкъ,—сказалъ онъ мнѣ однажды, оставшись со мною въ гостиной Засѣкиныхъ. (Княжна еще не возвращалась съ прогулки, а крикливый голосъ княгини раздавался въ мезонинѣ: она бранилась съ своей горничной.)—Вамъ бы надобно учиться, работать — пока вы молоды—а вы что̀ дѣлаете?

— Вы не можете знать, работаю ли я дома, — возразилъ я ему не безъ надменности, но и не безъ замѣшательства.

— Какая ужъ тутъ работа! у васъ не то на умѣ. Ну, я не спорю... въ ваши годы это въ порядкѣ вещей. Да выборъ-то вашъ больно не удаченъ. Развѣ вы не видите, что это за домъ?

— Я васъ не понимаю,—замѣтилъ я.

— Не понимаете? тѣмъ хуже для васъ. Я считаю долгомъ предостеречь васъ. Нашему брату, старому холостяку, можно сюда ходить: что̀ намъ дѣлается? мы народъ прокаленный, насъ ничѣмъ не проберешь, а у васъ кожица еще нѣжная; здѣсь для васъ воздухъ вредный — повѣрьте мнѣ, заразиться можете.

— Какъ такъ?

— Да такъ же. Развѣ вы здоровы теперь? Развѣ вы

въ нормальномъ положеніи? Развѣ то, что̀ вы чувствуете—полезно вамъ, хорошо?

— Да что̀ же я чувствую?—сказалъ я, а самъ въ душѣ сознавалъ, что докторъ правъ.

— Эхъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ, — продолжалъ докторъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто въ этихъ двухъ словахъ заключалось что-то для меня весьма обидное: — гдѣ вамъ хитрить, вѣдь у васъ еще, слава Богу, что̀ на душѣ, то и на лицѣ. А впрочемъ, что толковать? Я бы и самъ сюда не ходилъ, если бъ... (докторъ стиснулъ зубы)... если бъ я не былъ такой же чудакъ. Только вотъ чему я удивляюсь: какъ вы, съ вашимъ умомъ, не видите, что̀ дѣлается вокругъ васъ?

— А что̀ же такое дѣлается? — подхватилъ я, и весь насторожился.

Докторъ посмотрѣлъ на меня съ какимъ-то насмѣшливымъ сожалѣніемъ.

— Хорошъ же и я, — промолвилъ онъ, словно про себя:—очень нужно это ему говорить. Однимъ словомъ, - прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ:—повторяю вамъ: здѣшняя атмосфера вамъ не годится. Вамъ здѣсь пріятно, да мало чего нѣтъ! и въ оранжереѣ тоже пріятно пахнетъ—да жить въ ней нельзя. Эй! послушайтесь, возьмитесь опять за Кайданова.

Княгиня вошла и начала жаловаться доктору на зубную боль. Потомъ явилась Зинаида.

— Вотъ,—прибавила княгиня: — г. докторъ, побраните-ка ее. Цѣлый день пьетъ воду со льдомъ; развѣ ей это здорово, при ея слабой груди?

— Зачѣмъ вы это дѣлаете?—спросилъ Лушинъ.

— А что изъ этого можетъ выйти?

— Что? вы можете простудиться и умереть.

— Въ самомъ дѣлѣ? Неужели? Ну, что̀ жъ — туда и дорога!

— Вотъ какъ!—проворчалъ докторъ. Княгиня ушла.

— Вотъ какъ,—повторила Зинаида.—Развѣ жить такъ весело? оглянитесь-ка кругомъ... Что̀ — хорошо? Или вы думаете, что я этого не понимаю, не чувствую? Мнѣ до-

ставляетъ удовольствіе—пить воду со льдомъ, и вы серьезно можете увѣрять меня, что такая жизнь стòитъ того, чтобъ не рискнуть ею за мигъ удовольствія — я уже о счастіи не говорю.

— Ну, да,—замѣтилъ Лушинъ: — капризъ и независимость... Эти два слова васъ исчерпываютъ: вся ваша натура въ этихъ двухъ словахъ.

Зинаида нервически засмѣялась.

— Опоздали почтой, любезный докторъ. Наблюдаете плохо; отстаете.—Надѣньте очки.—Не до капризовъ мнѣ теперь; васъ дурачить, себя дурачить... куда какъ весело!—а что до независимости... Мсьё Вольдемаръ,—прибавила вдругъ Зинаида и топнула ножкой:—не дѣлайте меланхолической физіономіи. Я терпѣть не могу, когда обо мнѣ сожалѣютъ.—Она быстро удалилась.

— Вредна, вредна вамъ здѣшняя атмосфера, молодой человѣкъ,—еще разъ сказалъ мнѣ Лушинъ.

XI.

Вечеромъ того же дня собрались у Засѣкиныхъ обычные гости; я былъ въ ихъ числѣ.

Разговоръ зашелъ о поэмѣ Майданова; Зинаида чистосердечно ее хвалила. — Но знаете ли что? — сказала она ему:—если бъ я была поэтомъ—я бы другіе брала сюжеты. Можетъ-быть, все это вздоръ, — но мнѣ иногда приходятъ въ голову странныя мысли, особенно когда я не сплю, передъ утромъ, когда небо начинаетъ становиться и розовымъ, и сѣрымъ. — Я бы, напримѣръ... Вы не будете надо мной смѣяться?

— Нѣтъ! нѣтъ!—воскликнули мы всѣ въ одинъ голосъ.

— Я бы представила,—продолжала она, скрестивъ руки на груди и устремивъ глаза въ сторону: — цѣлое общество молодыхъ дѣвушекъ, ночью, въ большой лодкѣ—на тихой рѣкѣ. Луна свѣтитъ, а онѣ всѣ въ бѣломъ и въ вѣнкахъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ, и поютъ, знаете, что-нибудь въ родѣ гимна.

— Понимаю, понимаю, продолжайте, — значительно и мечтательно промолвилъ Майдановъ.

— Вдругъ—шумъ, хохотъ, факелы, бубны на берегу... Это толпа вакханокъ бѣжитъ, съ пѣснями, съ крикомъ. Ужъ тутъ ваше дѣло нарисовать картину, господинъ поэтъ... только я бы хотѣла, чтобы факелы были красны и очень бы дымились и чтобъ глаза у вакханокъ блестѣли подъ вѣнками, а вѣнки должны быть темные. Не забудьте также тигровыхъ кожъ и чашъ—и золота, много золота.

— Гдѣ же должно быть золото?—спросилъ Майдановъ, откидывая назадъ свои плоскіе волосы и расширяя ноздри.

— Гдѣ? на плечахъ, на рукахъ, на ногахъ, вездѣ. Говорятъ, въ древности женщины золотыя кольца носили на щиколоткахъ. Вакханки зовутъ къ себѣ дѣвушекъ въ лодкѣ. Дѣвушки перестали пѣть свой гимнъ—онѣ не могутъ его продолжать—но онѣ не шевелятся: рѣка подноситъ ихъ къ берегу. И вотъ, вдругъ одна изъ нихъ тихо поднимается... Это надо хорошо описать: какъ она тихо встаетъ при лунномъ свѣтѣ, и какъ ея подруги пугаются... Она перешагнула край лодки, вакханки ее окружили, умчали въ ночь, въ темноту... Представьте тутъ дымъ клубами, и все смѣшалось. Только слышится ихъ визгъ, да вѣнокъ ея остался на берегу.

Зинаида умолкла. (О! она полюбила!—подумалъ я опять.)

— И только?—спросилъ Майдановъ.

— Только,—отвѣчала она.

— Это не можетъ быть сюжетомъ для цѣлой поэмы,—важно замѣтилъ онъ:—но для лирическаго стихотворенія я вашей мыслію воспользуюсь.

— Въ романтическомъ родѣ?—спросилъ Малевскій.

— Конечно, въ романтическомъ родѣ, Байроновскомъ.

— А по-моему, Гюго лучше Байрона,—небрежно промолвилъ молодой графъ:—интереснѣе.

— Гюго писатель первоклассный, — возразилъ Майдановъ:—и мой пріятель Тонкошеевъ, въ своемъ испанскомъ романѣ Эль-Тровадоръ...

— Ахъ, это та книга съ опрокинутыми вопросительными знаками?—перебила Зинаида.

— Да. Это такъ принято у испанцевъ. Я хотѣлъ сказать, что Тонкошеевъ...

— Ну! вы опять заспорите о классицизмѣ и романтизмѣ,—вторично перебила его Зинаида.—Давайте лучше играть...

— Въ фанты?—подхватилъ Лушинъ.

— Нѣтъ, въ фанты скучно; а въ сравненья. (Эту игру придумала сама Зинаида: назывался какой-нибудь предметъ, всякій старался сравнить его съ чѣмъ-нибудь, и тотъ, кто подбиралъ лучшее сравненіе, получалъ призъ.) Она подошла къ окну. Солнце только-что сѣло; на небѣ высоко стояли длинныя, красныя облака.

— На что похожи эти облака? — спросила Зинаида и, не дожидаясь нашего отвѣта, сказала: — я нахожу, что они похожи на тѣ пурпуровые паруса, которые были на золотомъ кораблѣ у Клеопатры, когда она ѣхала навстрѣчу Антонію. Помните, Майдановъ, вы недавно мнѣ объ этомъ разсказывали?

Всѣ мы, какъ Полоній въ „Гамлетѣ", рѣшили, что облака напоминали именно эти паруса, и что лучшаго сравненія никто изъ насъ не пріищетъ.

— А сколько лѣтъ было тогда Антонію? — спросила Зинаида.

— Ужъ навѣрное былъ молодой человѣкъ,— замѣтилъ Малевскій.

— Да, молодой, — увѣрительно подтвердилъ Майдановъ.

— Извините,—воскликнулъ Лушинъ:—ему было за сорокъ лѣтъ.

— За сорокъ лѣтъ,—повторила Зинаида, взглянувъ на него быстрымъ взглядомъ.

Я скоро ушелъ домой. — „Она полюбила", невольно шептали мои губы... „Но кого?"

XII.

Дни проходили. Зинаида становилась все страннѣй, все непонятнѣй. Однажды я вошелъ къ ней и увидѣлъ ее сидящей на соломенномъ стулѣ, съ головой, прижатой къ острому краю стола. Она выпрямилась... все лицо ея было облито слезами.

— А! вы! — сказала она съ жестокой усмѣшкой. — Подите-ка сюда.

Я подошелъ къ ней: она положила мнѣ руку на голову и, внезапно ухвативъ меня за волосы, начала крутить ихъ.

— Больно...—проговорилъ я наконецъ.

— А! больно! а мнѣ не больно? не больно? — повторила она.

— Ай!—вскрикнула она вдругъ, увидавъ, что выдернула у меня маленькую прядь волосъ. — Что это я сдѣлала? Бѣдный мсьё Вольдемаръ!

Она осторожно расправила вырванные волосы, обмотала ихъ вокругъ пальца и свернула ихъ въ колечко.

— Я ваши волосы къ себѣ въ медальонъ положу и носить ихъ буду,—сказала она, а у самой на глазахъ все блестѣли слезы. — Это васъ, быть-можетъ, утѣшитъ немного... а теперь прощайте.

Я вернулся домой и засталъ тамъ непріятность. У матушки происходило объясненіе съ отцомъ: она въ чемъ-то упрекала его, а онъ, по своему обыкновенію, холодно и вѣжливо отмалчивался—и скоро уѣхалъ. Я не могъ слышать, о чемъ говорила матушка, да и мнѣ было не до того; помню только, что, по окончаніи объясненія, она велѣла позвать меня къ себѣ въ кабинетъ и съ большимъ неудовольствіемъ отозвалась о моихъ частыхъ посѣщеніяхъ у княгини, которая, по ея словамъ, была une femme capable de tout. Я подошелъ къ ней къ ручкѣ (это я дѣлалъ всегда, когда хотѣлъ прекратить разговоръ) и ушелъ къ себѣ. Слезы Зинаиды меня совершенно сбили съ толку: я рѣшительно не зналъ, на какой мысли остановиться, и самъ готовъ былъ плакать: я все-таки былъ ребенкомъ, несмотря на мои шестнадцать лѣтъ. Уже я не думалъ болѣе о Малевскомъ, хотя Бѣловзоровъ съ каждымъ днемъ становился все грознѣе и грознѣе и глядѣлъ на увертливаго графа, какъ волкъ на барана; да я ни о чемъ и ни о комъ не думалъ. Я терялся въ соображеніяхъ и все искалъ уединенныхъ мѣстъ. Особенно полюбилъ я развалины оранжереи. Взберусь, бывало, на

высокую стѣну, сяду, и сижу тамъ такимъ несчастнымъ, одинокимъ и грустнымъ юношей, что мнѣ самому становится себя жалко—и такъ мнѣ были отрадны эти горестныя ощущенія, такъ упивался я ими!..

Вотъ, однажды, сижу я на стѣнѣ, гляжу вдаль и слушаю колокольный звонъ... вдругъ что-то пробѣжало по мнѣ—вѣтерокъ не вѣтерокъ и не дрожь, а словно дуновеніе, словно ощущеніе чьей-то близости... Я опустилъ глаза. Внизу, по дорогѣ, въ легкомъ сѣренькомъ платьѣ, съ розовымъ зонтикомъ на плечѣ, поспѣшно шла Зинаида. Она увидѣла меня, остановилась и, откинувъ край соломенной шляпы, подняла на меня свои бархатные глаза.

— Что это вы дѣлаете тамъ, на такой вышинѣ?—спросила она меня съ какой-то странной улыбкой. — Вотъ, — продолжала она:—вы все увѣряете, что вы меня любите— спрыгните ко мнѣ на дорогу, если вы дѣйствительно любите меня.

Не успѣла Зинаида произнести эти слова, какъ я уже летѣлъ внизъ, точно кто подтолкнулъ меня сзади. Въ стѣнѣ было около двухъ саженъ вышины. Я пришелся о землю ногами, но толчокъ былъ такъ силенъ, что я не могъ удержаться: я упалъ и на мгновенье лишился сознанья. Когда я пришелъ въ себя, я, не раскрывая глазъ, почувствовалъ возлѣ себя Зинаиду. — „Милый мой мальчикъ,—говорила она, наклонясь надо мною—и въ голосѣ ея звучала встревоженная нѣжность: — какъ могъ ты это сдѣлать, какъ могъ ты послушаться... вѣдь я люблю тебя... встань“.

Ея грудь дышала возлѣ моей, ея руки касались моей головы, и вдругъ — что̀ сталось со мной тогда! — ея мягкія, свѣжія губы начали покрывать все мое лицо поцѣлуями... онѣ коснулись моихъ губъ... Но тутъ Зинаида, вѣроятно, догадалась, по выраженію моего лица, что я уже пришелъ въ себя, хотя я все глазъ не раскрывалъ, и, быстро приподнявшись, промолвила: — „Ну, вставайте, шалунъ, безумный; что это вы лежите въ пыли?“ — Я поднялся.—Подайте мнѣ мой зонтикъ,—сказала Зинаида:— вишь, я его куда бросила; да не смотрите на меня такъ...

что за глупости? вы не ушиблись? чай, обожглись въ крапивѣ? Говорятъ вамъ, не смотрите на меня... Да онъ ничего не понимаетъ, не отвѣчаетъ,—прибавила она, словно про себя.—Ступайте домой, мсьё Вольдемаръ, почиститесь, да не смѣйте идти за мной, а то я разсержусь, и уже больше никогда...

Она не договорила своей рѣчи и проворно удалилась, а я присѣлъ на дорогу... ноги меня не держали. Крапива обожгла мнѣ руки, спина ныла и голова кружилась; но чувство блаженства, которое я испыталъ тогда, уже не повторилось въ моей жизни. Оно стояло сладкой болью во всѣхъ моихъ членахъ и разрѣшилось, наконецъ, восторженными прыжками и восклицаніями. Точно: я былъ еще ребенокъ.

XIII.

Я такъ былъ веселъ и гордъ весь этотъ день, я такъ живо сохранялъ на моемъ лицѣ ощущеніе Зинаидиныхъ поцѣлуевъ, я съ такимъ содроганіемъ восторга вспоминалъ каждое ея слово, я такъ лелѣялъ свое неожиданное счастіе, что мнѣ становилось даже страшно, не хотѣлось даже увидѣть ее, виновницу этихъ новыхъ ощущеній. Мнѣ казалось, что уже больше ничего нельзя требовать отъ судьбы, что теперь бы слѣдовало „взять, вздохнуть хорошенько въ послѣдній разъ, да и умереть“. Зато, на слѣдующій день, отправляясь во флигель, я чувствовалъ большое смущеніе, которое напрасно старался скрыть подъ личиною скромной развязности, приличной человѣку, желающему дать знать, что онъ умѣетъ сохранить тайну. Зинаида приняла меня очень просто, безъ всякаго волненія, только погрозила мнѣ пальцемъ и спросила: нѣтъ ли у меня синихъ пятенъ? Вся моя скромная развязность и таинственность исчезли мгновенно, а вмѣстѣ съ ними и смущеніе мое. Конечно, я ничего не ожидалъ особеннаго, но спокойствіе Зинаиды меня точно холодной водой окатило. Я понялъ, что я дитя въ ея глазахъ—и мнѣ стало очень тяжело! Зинаида ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, всякій разъ быстро улыбалась, какъ только взгля-

дывала на меня; но мысли ея были далеко, я это ясно видѣлъ... „Заговорить самому о вчерашнемъ дѣлѣ, — подумалъ я: — спросить ее, куда она такъ спѣшила, чтобы узнать окончательно...“ но я только махнулъ рукой и присѣлъ въ уголокъ.

Бѣловзоровъ вошелъ; я ему обрадовался.

— Не нашелъ я вамъ верховой лошади, смирной,—заговорилъ онъ суровымъ голосомъ:—Фрейтагъ мнѣ ручается за одну, да я не увѣренъ. Боюсь.

— Чего же вы боитесь,—спросила Зинаида:—позвольте спросить?

— Чего? Вѣдь вы не умѣете ѣздить. Сохрани Богъ, что случится! И что за фантазія пришла вамъ вдругъ въ голову?

— Ну, это мое дѣло, мсьё мой звѣрь. Въ такомъ случаѣ, я попрошу Петра Васильевича... (Моего отца звали Петромъ Васильевичемъ. Я удивился тому, что она такъ легко и свободно упомянула его имя, точно она была увѣрена въ его готовности услужить ей.)

— Вотъ какъ, — возразилъ Бѣловзоровъ. — Вы это съ нимъ хотите ѣздить?

— Съ нимъ или съ другимъ—это для васъ все равно. Только не съ вами.

— Не со мной,—повторилъ Бѣловзоровъ.—Какъ хотите. Что жъ? Я вамъ лошадь доставлю.

— Да только смотрите, не корову какую-нибудь. Я васъ предувѣдомляю, что я хочу скакать.

— Скачите, пожалуй... Съ кѣмъ же это, съ Малевскимъ, что ли, вы поѣдете?

— А почему бы и не съ нимъ, воинъ? Ну, успокойтесь,—прибавила она:—и не сверкайте глазами. Я и васъ возьму. Вы знаете, что для меня теперь Малевскій—фи!— Она тряхнула головой.

— Вы это говорите, чтобы меня утѣшить,—проворчалъ Бѣловзоровъ.

Зинаида прищурилась.—Это васъ утѣшаетъ? О... о... о... воинъ!—сказала она наконецъ, какъ бы не найдя другого слова.—А вы, мсьё Вольдемаръ, поѣхали ли бы вы съ нами?

— Я не люблю... въ большомъ обществѣ...—пробормоталъ я, не поднимая глазъ.

— Вы предпочитаете tête-à-tête?.. Ну, вольному воля, спасенному... рай,—промолвила она вздохнувши.—Ступайте же, Бѣловзоровъ, хлопочите. Мнѣ лошадь нужна къ завтрашнему дню.

— Да; а деньги откуда взять?—вмѣшалась княгиня.

Зинаида наморщила брови.

— Я у васъ ихъ не прошу; Бѣловзоровъ мнѣ повѣритъ.

— Повѣритъ, повѣритъ...—проворчала княгиня, и вдругъ во все горло закричала:—Дуняшка!

— Maman, я вамъ подарила колокольчикъ,—замѣтила княжна.

— Дуняшка!—повторила старуха.

Бѣловзоровъ откланялся; я ушелъ вмѣстѣ съ нимъ. Зинаида меня не удерживала.

XIV.

На слѣдующее утро я всталъ рано, вырѣзалъ себѣ палку и отправился за заставу. Пойду, молъ, размыкаю свое горе. День былъ прекрасный, свѣтлый и не слишкомъ жаркій; веселый, свѣжій вѣтеръ гулялъ надъ землею и въ мѣру шумѣлъ и игралъ, все шевеля и ничего не тревожа. Я долго бродилъ по горамъ, по лѣсамъ; я не чувствовалъ себя счастливымъ, я вышелъ изъ дому съ намѣреніемъ предаться унынію, — но молодость, прекрасная погода, свѣжій воздухъ, потѣха быстрой ходьбы, нѣга уединеннаго лежанія на густой травѣ—взяли свое: воспоминаніе о тѣхъ незабвенныхъ словахъ, о тѣхъ поцѣлуяхъ, опять втѣснилось мнѣ въ душу. Мнѣ пріятно было думать, что Зинаида не можетъ, однако, не отдать справедливости моей рѣшимости, моему героизму... „Другіе для нея лучше меня,—думалъ я,—пускай! Зато, другіе только скажутъ, что сдѣлаютъ, а я сдѣлалъ! И то ли я въ состояніи еще сдѣлать для нея?“—Воображеніе мое заиграло. Я началъ представлять себѣ, какъ я буду спасать ее изъ рукъ непріятелей, какъ я, весь облитый кровью, исторгну ее изъ темницы, какъ умру у ея ногъ. Я вспомнилъ картину,

висѣвшую у насъ въ гостиной: Малекъ-Аделя, уносящаго Матильду — и тутъ же занялся появленіемъ большого пестраго дятла, который хлопотливо поднимался по тонкому стволу березы и съ безпокойствомъ выглядывалъ изъ-за нея, то направо, то налѣво, точно музыкантъ изъ-за шейки контрабаса.

Потомъ я запѣлъ: „Не бѣлы снѣги", и свелъ на извѣстный въ то время романсъ: „Я жду тебя, когда зефиръ игривый"; потомъ я началъ громко читать обращеніе Ермака къ звѣздамъ изъ трагедіи Хомякова; попытался-было сочинить что-нибудь въ чувствительномъ родѣ, придумалъ даже строчку, которой должно было заканчиваться все стихотвореніе: „о, Зинаида! Зинаида!" но ничего не вышло. Между тѣмъ, наступало время обѣда. Я спустился въ долину; узкая песчаная дорожка вилась по ней и вела въ городъ. Я пошелъ по этой дорожкѣ... Глухой стукъ лошадиныхъ копытъ раздался за мною. Я оглянулся, невольно остановился и снялъ фуражку: я увидѣлъ моего отца и Зинаиду. Они ѣхали рядомъ. Отецъ говорилъ ей что-то, перегнувшись къ ней всѣмъ станомъ и опершись рукою на шею лошади; онъ улыбался. Зинаида слушала его молча, строго опустивъ глаза и сжавши губы. Я сперва увидалъ ихъ однихъ; только черезъ нѣсколько мгновеній, изъ-за поворота долины, показался Бѣловзоровъ, въ гусарскомъ мундирѣ съ ментикомъ, на опѣненномъ вороном конѣ. Добрый конь моталъ головою, фыркалъ и плясалъ: всадникъ и сдерживалъ его, и шпорилъ. Я посторонился. Отецъ подобралъ поводья, отклонился отъ Зинаиды, она медленно подняла на него глаза — и оба поскакали... Бѣловзоровъ промчался вслѣдъ за ними, гремя саблей. „Онъ красенъ, какъ ракъ, — подумалъ я, — а она... Отчего она такая блѣдная? ѣздила верхомъ цѣлое утро — и блѣдная?"

Я удвоилъ шаги и поспѣлъ домой передъ самымъ обѣдомъ. Отецъ уже сидѣлъ, переодѣтый, вымытый и свѣжій, возлѣ матушкинаго кресла и читалъ ей своимъ ровнымъ и звучнымъ голосомъ фельетонъ „Journal des Débats"; но матушка слушала его безъ вниманія и, уви-

давши меня, спросила, гдѣ я пропадалъ цѣлый день, и прибавила, что не любитъ, когда таскаются Богъ знаетъ гдѣ и Богъ знаетъ съ кѣмъ. Да я гулялъ одинъ, хотѣлъ-было я отвѣтить, но посмотрѣлъ на отца и почему-то промолчалъ.

XV.

Въ теченіе слѣдующихъ пяти, шести дней я почти не видѣлъ Зинаиды: она сказывалась больною, что̀ не мѣшало, однако, обычнымъ посѣтителямъ флигеля являться—какъ они выражались—на свое дежурство—всѣмъ, кромѣ Майданова, который тотчасъ падалъ духомъ и скучалъ, какъ только не имѣлъ случая восторгаться. Бѣловзоровъ сидѣлъ угрюмо въ углу, весь застегнутый и красный; на тонкомъ лицѣ графа Малевскаго постоянно бродила какая-то недобрая улыбка; онъ, дѣйствительно, впалъ въ немилость у Зинаиды и съ особеннымъ стараньемъ подслуживался старой княгинѣ, ѣздилъ съ ней въ ямской каретѣ къ генералъ-губернатору. Впрочемъ, эта поѣздка оказалась неудачной, и Малевскому вышла даже непріятность: ему напомнили какую-то исторію съ какими-то путейскими офицерами—и онъ долженъ былъ, въ объясненіяхъ своихъ, сказать, что былъ тогда неопытенъ. Лушинъ пріѣзжалъ раза по два въ день, но оставался недолго; я немножко боялся его послѣ нашего послѣдняго объясненія и, въ то же время, чувствовалъ къ нему искреннее влеченіе. Онъ однажды пошелъ гулять со мною по Нескучному саду, былъ очень добродушенъ и любезенъ, сообщалъ мнѣ названія и свойства разныхъ травъ и цвѣтовъ, и вдругъ, какъ говорится — ни къ селу, ни къ городу—воскликнулъ, ударивъ себя по лбу: „а я, дуракъ, думалъ, что она кокетка! Видно, жертвовать собою сладко—для иныхъ“.

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ я.

— Вамъ я ничего не хочу сказать,—отрывисто возразилъ Лушинъ.

Меня Зинаида избѣгала: мое появленіе — я не могъ этого не замѣтить — производило на нее впечатлѣніе не-

пріятное. Она невольно отворачивалась отъ меня... невольно; вотъ что̀ было горько, вотъ что̀ меня сокрушало! Но дѣлать было нечего—и я старался не попадаться ей на глаза, и лишь издали ее подкарауливалъ, что̀ не всегда мнѣ удавалось. Съ ней, попрежнему, происходило что-то непонятное; ея лицо стало другое, вся она другая стала. Особенно поразила меня происшедшая въ ней перемѣна—въ одинъ теплый, тихій вечеръ. Я сидѣлъ на низенькой скамеечкѣ, подъ широкимъ кустомъ бузины; я любилъ это мѣстечко: оттуда было видно окно Зинаидиной комнаты. Я сидѣлъ; надъ моей головой, въ потемнѣвшей листвѣ, хлопотливо ворошилась маленькая птичка; сѣрая кошка, вытянувъ спину, осторожно кралась въ садъ, и первые жуки тяжело гудѣли въ воздухѣ, еще прозрачномъ, хотя уже не свѣтломъ. Я сидѣлъ, и смотрѣлъ на окно, и ждалъ, не отворится ли оно: точно—оно отворилось, и въ немъ появилась Зинаида. На ней было бѣлое платье—и сама она, ея лицо, плечи, руки — были блѣдны до бѣлизны. Она долго оставалась неподвижной и долго глядѣла неподвижно и прямо изъ-подъ сдвинутыхъ бровей. Я и не зналъ за ней такого взгляда. Потомъ она стиснула руки, крѣпко-крѣпко, поднесла ихъ къ губамъ, ко лбу—и вдругъ, раздернувъ пальцы, откинула волосы отъ ушей, встряхнула ими и, съ какой-то рѣшительностью кивнувъ сверху внизъ головою, захлопнула окно.

Дня три спустя, она встрѣтила меня въ саду. Я хотѣлъ уклониться въ сторону, но она сама меня остановила.

— Дайте мнѣ руку, — сказала она мнѣ съ прежней лаской:—мы давно съ вами не болтали.

Я взглянулъ на нее: глаза ея тихо свѣтились, и лицо улыбалось, точно сквозь дымку.

— Вы все еще нездоровы?—спросилъ я ее.

— Нѣтъ, теперь все прошло,—отвѣчала она и сорвала небольшую красную розу.—Я немножко устала, но и это пройдетъ.

— И вы опять будете такая же, какъ прежде?—спросилъ я.

Зинаида поднесла розу къ лицу — и мнѣ показалось, какъ будто отблескъ яркихъ лепестковъ упалъ ей на щеки. — Развѣ я измѣнилась? — спросила она меня.

— Да, измѣнились,—отвѣтилъ я вполголоса.

— Я съ вами была холодна — я знаю, — начала Зинаида: — но вы не должны были обращать на это вниманія... Я не могла иначе... Ну, да что́ объ этомъ говорить!

— Вы не хотите, чтобъ я любилъ васъ — вотъ что! — воскликнулъ я мрачно, съ невольнымъ порывомъ.

— Нѣтъ, любите меня, но не такъ, какъ прежде.

— Какъ же?

— Будемте друзьями—вотъ какъ!—Зинаида дала мнѣ понюхать розу. — Послушайте, вѣдь я гораздо старше васъ — я могла бы быть вашей тетушкой, право; ну, не тетушкой, старшей сестрой. А вы...

— Я для васъ ребенокъ,—перебилъ я ее.

— Ну, да, ребенокъ, но милый, хорошій, умный, котораго я очень люблю. Знаете ли, что? Я васъ съ нынѣшняго же дня жалую къ себѣ въ пажи; а вы не забывайте, что пажи не должны отлучаться отъ своихъ госпожъ. Вотъ вамъ знакъ вашего новаго достоинства, — прибавила она, вдѣвая розу въ петлю моей курточки: — знакъ нашей къ вамъ милости.

— Я отъ васъ прежде получалъ другія милости,—пробормоталъ я.

— А! — промолвила Зинаида и сбоку посмотрѣла на меня. — Какая у него память! Что жъ? я и теперь готова...

И, склонившись ко мнѣ, она напечатлѣла мнѣ на лобъ чистый, спокойный поцѣлуй.

Я только посмотрѣлъ на нее, а она отвернулась и, сказавши:—„ступайте за мной, мой пажъ“,—пошла къ флигелю. Я отправился вслѣдъ за нею—и все недоумѣвалъ. „Неужели,—думалъ я,—эта кроткая, разсудительная дѣвушка—та самая Зинаида, которую я зналъ?“ И походка ея мнѣ казалась тише—вся ея фигура величественнѣе и стройнѣй...

И, Боже мой! съ какой новой силой разгоралась во мнѣ любовь!

XVI.

Послѣ обѣда опять собрались во флигелѣ гости — и княжна вышла къ нимъ. Все общество было налицо, въ полномъ составѣ, какъ въ тотъ первый, незабвенный для меня вечеръ: даже Нирмацкій притащился; Майдановъ пришелъ въ этотъ разъ раньше всѣхъ—онъ принесъ новые стихи. Начались опять игры въ фанты, но уже безъ прежнихъ странныхъ выходокъ, безъ дурачествъ и шума—цыганскій элементъ исчезъ. Зинаида дала новое настроеніе нашей сходкѣ. Я сидѣлъ подлѣ нея, по праву пажа. Между прочимъ, она предложила, чтобы тотъ, чей фантъ вынется, разсказывалъ свой сонъ, но это не удалось. Сны выходили либо неинтересные (Бѣловзоровъ видѣлъ во снѣ, что накормилъ свою лошадь карасями, и что у ней была деревянная голова), либо неестественные, сочиненные. Майдановъ угостилъ насъ цѣлою повѣстью: тутъ были и могильные склепы, и ангелы съ лирами, и говорящіе цвѣты, и несущіеся издалека звуки. Зинаида не дала ему докончить. „Коли ужъ дѣло пошло на сочиненія,—сказала она:—такъ пускай каждый разскажетъ что-нибудь, непремѣнно выдуманное“. — Первому досталось говорить тому же Бѣловзорову.

Молодой гусаръ смутился. — Я ничего выдумать не могу! — воскликнулъ онъ.

— Какіе пустяки!—подхватила Зинаида.—Ну, вообразите себѣ, напримѣръ, что вы женаты, и разскажите намъ, какъ бы вы проводили время съ вашей женой. Вы бы ее заперли?

— Я бы ее заперъ.

— И сами бы сидѣли съ ней?

— И самъ непремѣнно сидѣлъ бы съ ней.

— Прекрасно. Ну, а если бы ей это надоѣло, и она бы измѣнила вамъ?

— Я бы ее убилъ.

— А если бъ она убѣжала?

— Я бы догналъ ее, и все-таки бы убилъ.

— Такъ. Ну, а положимъ, я была бы вашей женой, что̀ бы вы тогда сдѣлали?

Бѣловзоровъ помолчалъ.—Я бы себя убилъ...

Зинаида засмѣялась.—Я вижу, у васъ недолга пѣсня.

Второй фантъ вышелъ Зинаидинъ. Она подняла глаза къ потолку и задумалась. — Вотъ, послушайте, — начала она наконецъ:—что̀ я выдумала... Представьте себѣ великолѣпный чертогъ, лѣтнюю ночь и удивительный балъ. Балъ этотъ даетъ молодая королева. Вездѣ золото, мраморъ, хрусталь, шелкъ, огни, алмазы, цвѣты, куренья, всѣ прихоти роскоши.

— Вы любите роскошь?—перебилъ ее Лушинъ.

— Роскошь красива, — возразила она: — я люблю все красивое.

— Больше прекраснаго?—спросилъ онъ.

— Это что-то хитро, не понимаю. Не мѣшайте мнѣ. Итакъ, балъ великолѣпный. Гостей множество, всѣ они молоды, прекрасны, храбры, всѣ безъ памяти влюблены въ королеву.

— Женщинъ нѣтъ въ числѣ гостей?—спросилъ Малевскій.

— Нѣтъ—или погодите—есть.

— Все некрасивыя?

— Прелестныя. Но мужчины всѣ влюблены въ королеву. Она высока и стройна; у ней маленькая золотая діадема на черныхъ волосахъ.

Я посмотрѣлъ на Зинаиду — и въ это мгновенье она мнѣ показалась настолько выше всѣхъ насъ, отъ ея бѣлаго лба, отъ ея недвижныхъ бровей вѣяло такимъ свѣтлымъ умомъ и такою властію, что я подумалъ: „ты сама эта королева!“

— Всѣ толпятся вокругъ нея,—продолжала Зинаида:— всѣ расточаютъ передъ ней самыя льстивыя рѣчи.

— А она любитъ лесть?—спросилъ Лушинъ.

— Какой несносный! все перебиваетъ... Кто жъ не любитъ лести?

— Еще одинъ, послѣдній вопросъ, — замѣтилъ Малевскій:—у королевы есть мужъ?

— Я объ этомъ и не подумала. Нѣтъ, зачѣмъ мужъ?

— Конечно,—подхватилъ Малевскій:—зачѣмъ мужъ?

— Silence!—воскликнулъ Майдановъ, который по-французски говорилъ плохо.

— Merci, — сказала ему Зинаида. — Итакъ, королева слушаетъ эти рѣчи, слушаетъ музыку, но не глядитъ ни на кого изъ гостей. Шесть оконъ раскрыты сверху до низу, отъ потолка до полу, а за ними темное небо съ большими звѣздами, да темный садъ съ большими деревьями. Королева глядитъ въ садъ. Тамъ, около деревьевъ, фонтанъ: онъ бѣлѣетъ во мракѣ — длинный, длинный, какъ привидѣніе. Королева слышитъ, сквозь говоръ и музыку, тихій плескъ воды. Она смотритъ и думаетъ: вы всѣ, господа, благородны, умны, богаты, вы окружили меня, вы дорожите каждымъ моимъ словомъ, вы всѣ готовы умереть у моихъ ногъ, я владѣю вами... а тамъ, возлѣ фонтана, возлѣ этой плещущей воды, стоитъ и ждетъ меня тотъ, кого я люблю, кто мною владѣетъ. На немъ нѣтъ ни богатаго платья, ни драгоцѣнныхъ камней, никто его не знаетъ, но онъ ждетъ меня и увѣренъ, что я приду—и я приду, и нѣтъ такой власти, которая бы остановила меня, когда я захочу пойти къ нему, и остаться съ нимъ, и потеряться съ нимъ тамъ, въ темнотѣ сада, подъ шорохъ деревьевъ, подъ плескъ фонтана...

Зинаида умолкла.

— Это выдумка?—хитро спросилъ Малевскій.

Зинаида даже не посмотрѣла на него.

— А что̀ бы мы сдѣлали, господа,—вдругъ заговорилъ Лушинъ: — если бы мы были въ числѣ гостей и знали про этого счастливца у фонтана?

— Постойте, постойте, — перебила Зинаида: — я сама скажу вамъ, что̀ бы каждый изъ васъ сдѣлалъ. Вы, Бѣловзоровъ, вызвали бы его на дуэль; вы, Майдановъ, написали бы на него эпиграмму... Впрочемъ, нѣтъ — вы не умѣете писать эпиграммъ: вы сочинили бы на него длинный ямбъ, въ родѣ Барбье, и помѣстили бы ваше произведеніе въ „Телеграфѣ“. Вы, Нирмацкій, заняли бы у него... нѣтъ, вы бы дали ему взаймы денегъ за проценты;

вы, докторъ...—Она остановилась...—Вотъ, я про васъ не знаю, что бы вы сдѣлали.

— По званію лейбъ-медика,—отвѣчалъ Лушинъ:—я бы присовѣтовалъ королевѣ не давать баловъ, когда ей не до гостей...

— Можетъ-быть, вы были бы правы. А вы, графъ?..

— А я? — повторилъ со своей недоброй улыбкой Малевскій...

— А вы бы поднесли ему отравленную конфетку.

Лицо Малевскаго слегка перекосилось и приняло на мигъ жидовское выраженіе, но онъ тотчасъ же захохоталъ.

— Что же касается до васъ, Вольдемаръ... — продолжала Зинаида: — впрочемъ, довольно; давайте играть въ другую игру.

— Мсьё Вольдемаръ, въ качествѣ пажа королевы, держалъ бы ей шлейфъ, когда бы она побѣжала въ садъ,— ядовито замѣтилъ Малевскій.

Я вспыхнулъ, но Зинаида проворно положила мнѣ на плечо руку и, приподнявшись, промолвила слегка дрожащимъ голосомъ:—Я никогда не давала вашему сіятельству права быть дерзкимъ, и потому прошу васъ удалиться.— Она указала ему на дверь.

— Помилуйте, княжна, — пробормоталъ Малевскій и весь поблѣднѣлъ.

— Княжна права, — воскликнулъ Бѣловзоровъ и тоже поднялся.

— Я, ей-Богу, никакъ не ожидалъ, — продолжалъ Малевскій: — въ моихъ словахъ, кажется, ничего не было такого... у меня и въ мысляхъ не было оскорбить васъ... Простите меня.

Зинаида окинула его холоднымъ взглядомъ и холодно усмѣхнулась. — Пожалуй, останьтесь,—промолвила она съ небрежнымъ движеніемъ руки.—Мы съ мсьё Вольдемаромъ напрасно разсердились. Вамъ весело жалиться... на здоровье.

— Простите меня, — еще разъ повторилъ Малевскій; а я, вспоминая движеніе Зинаиды, подумалъ опять, что настоящая королева не могла бы съ большимъ достоинствомъ указать дерзновенному на дверь.

Игра въ фанты продолжалась недолго послѣ этой небольшой сцены; всѣмъ немного стало неловко, не столько отъ самой этой сцены, сколько отъ другого, не совсѣмъ опредѣленнаго, но тяжелаго чувства. Никто о немъ не говорилъ, но всякій сознавалъ его и въ себѣ, и въ своемъ сосѣдѣ. Майдановъ прочелъ намъ свои стихи—и Малевскій съ преувеличеннымъ жаромъ расхвалилъ ихъ.—Какъ ему теперь хочется показаться добрымъ, — шепнулъ мнѣ Лушинъ. Мы скоро разошлись. На Зинаиду внезапно напало раздумье; княгиня выслала сказать, что у ней голова болитъ; Нирмацкій сталъ жаловаться на свои ревматизмы...

Я долго не могъ заснуть, меня поразилъ разсказъ Зинаиды.—Неужели въ немъ заключался намекъ?—спрашивалъ я самого себя:—и на кого, на что она намекала? И если точно есть на что намекнуть... какъ же рѣшиться? Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть, — шепталъ я, переворачиваясь съ одной горячей щеки на другую... Но я вспоминалъ выраженіе лица Зинаиды во время ея разсказа... я вспоминалъ восклицаніе, вырвавшееся у Лушина въ Нескучномъ, внезапныя перемѣны въ ея обращеніи со мною — и терялся въ догадкахъ. „Кто онъ?“ Эти два слова точно стояли передъ моими глазами, начертанныя во мракѣ; — точно низкое, зловѣщее облако повисло надо мною — и я чувствовалъ его давленіе — и ждалъ, что вотъ-вотъ оно разразится. Ко многому я привыкъ въ послѣднее время, на многое насмотрѣлся у Засѣкиныхъ; ихъ безпорядочность, сальные огарки, сломанные ножи и вилки, мрачный Вонифатій, обтёрханныя горничныя, манеры самой княгини — вся эта странная жизнь уже не поражала меня болѣе... Но къ тому, что́ мнѣ смутно чудилось теперь въ Зинаидѣ, — я привыкнуть не могъ... Авантюрьерка, — сказала про нее однажды моя мать. Авантюрьерка — она, мой идолъ, мое божество! Это названіе жгло меня, я старался уйти отъ него въ подушку, я негодовалъ — и въ то же время, на что̀ бы я не согласился, чего бы я не далъ, чтобы только быть тѣмъ счастливцемъ у фонтана!..

Кровь во мнѣ загорѣлась и расходилась. „Садъ... фонтанъ...“ — подумалъ я... — „Пойду-ка я въ садъ“. Я проворно одѣлся и выскользнулъ изъ дому. Ночь была темна, деревья чуть шептали; съ неба падалъ тихій холодокъ, отъ огорода тянуло запахомъ укропа. Я обошелъ всѣ аллеи; легкій звукъ моихъ шаговъ меня и смущалъ, и бодрилъ; я останавливался, ждалъ и слушалъ, какъ стукало мое сердце — крупно и скоро. Наконецъ, я приблизился къ забору и оперся на тонкую жердь. Вдругъ—или это мнѣ почудилось?—въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня промелькнула женская фигура... Я усиленно устремилъ взоръ въ темноту—я притаилъ дыханіе. Что это? Шаги ли мнѣ слышатся—или это опять стучитъ мое сердце?—Кто здѣсь? — пролепеталъ я едва внятно. Что это опять? подавленный ли смѣхъ?.. или шорохъ въ листьяхъ... или вздохъ надъ самымъ ухомъ? Мнѣ стало страшно... — Кто здѣсь?—повторилъ я еще тише.

Воздухъ заструился на мгновеніе; по небу сверкнула огненная полоска: звѣзда покатилась.—Зинаида?—хотѣлъ спросить я, но звукъ замеръ у меня на губахъ. И вдругъ все стало глубоко безмолвно кругомъ, какъ это часто бываетъ въ срединѣ ночи... Даже кузнечики перестали трещать въ деревьяхъ — только окошко гдѣ-то звякнуло. Я постоялъ, постоялъ и вернулся въ свою комнату, къ своей простывшей постели. Я чувствовалъ странное волненіе: точно я ходилъ на свиданіе — и остался одинокимъ и прошелъ мимо чужого счастія.

XVII.

На слѣдующій день я видѣлъ Зинаиду только мелькомъ: она ѣздила куда-то съ княгинею на извозчикѣ. Зато я видѣлъ Лушина, который, впрочемъ, едва удостоилъ меня привѣта, и Малевскаго. Молодой графъ осклабился и дружелюбно заговорилъ со мною. Изъ всѣхъ посѣтителей флигелька онъ одинъ умѣлъ втереться къ намъ въ домъ и полюбился матушкѣ. Отецъ его не жаловалъ и обращался съ нимъ до оскорбительности вѣжливо.

— Ah, monsieur le page, — началъ Малевскій: — очень

радъ васъ встрѣтить. Что̀ дѣлаетъ ваша прекрасная королева?

Его свѣжее, красивое лицо такъ мнѣ было противно въ эту минуту — и онъ глядѣлъ на меня такъ презрительно-игриво, что я не отвѣчалъ ему вовсе.

— Вы все сердитесь? — продолжалъ онъ. — Напрасно. Вѣдь не я васъ назвалъ пажемъ, а пажи бываютъ преимущественно у королевъ. Но позвольте вамъ замѣтить, что вы худо исполняете свою обязанность.

— Какъ такъ?

— Пажи должны быть неотлучны при своихъ владычицахъ; пажи должны все знать, что̀ онѣ дѣлаютъ, они должны даже наблюдать за ними,—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ:—днемъ и ночью.

— Что вы хотите сказать?

— Что̀ я хочу сказать? Я, кажется, ясно выражаюсь. Днемъ—и ночью. Днемъ еще такъ и сякъ; днемъ свѣтло и людно; но ночью—тутъ какъ разъ жди бѣды. Совѣтую вамъ не спать по ночамъ и наблюдать, наблюдать изъ всѣхъ силъ. Помните—въ саду, ночью, у фонтана—вотъ гдѣ надо караулить. Вы мнѣ спасибо скажете.

Малевскій засмѣялся и повернулся ко мнѣ спиной. Онъ, вѣроятно, не придавалъ особеннаго значенья тому, что̀ сказалъ мнѣ; онъ имѣлъ репутацію отличнаго мистификатора и славился своимъ умѣніемъ дурачить людей на маскарадахъ, чему весьма способствовала та, почти безсознательная лживость, которою было проникнуто все его существо... Онъ хотѣлъ только подразнить меня; но каждое его слово протекло ядомъ по всѣмъ моимъ жиламъ. Кровь бросилась мнѣ въ голову. „А! вотъ что!—сказалъ я самому себѣ:—добро! Стало-быть, меня не даромъ тянуло въ садъ! Такъ не бывать же этому!“—воскликнулъ я громко и ударилъ кулакомъ себя въ грудь, хотя я собственно и не зналъ—чему не бывать. — „Самъ ли Малевскій пожалуетъ въ садъ, — думалъ я (онъ, можетъ-быть, проболтался: на эти дерзости у него станетъ)—другой ли кто—(ограда нашего сада была очень низка и никакого труда не стоило перелѣзть черезъ нее)—но только не сдобро-

вать тому, кто мнѣ попадется! Никому не совѣтую встрѣчаться со мною! Я докажу всему свѣту и ей, измѣнницѣ, (я такъ-таки и назвалъ ее измѣнницей) — что я умѣю мстить!"

Я вернулся къ себѣ въ комнату, досталъ изъ письменнаго стола недавно купленный англійскій ножикъ, пощупалъ остріе лезвія и, нахмуривъ брови, съ холодной и сосредоточенной рѣшительностью сунулъ его себѣ въ карманъ, точно мнѣ такія дѣла дѣлать было не въ диво и не впервòй. Сердце во мнѣ злобно приподнялось и окаменѣло; я до самой ночи не раздвинулъ бровей и не разжалъ губъ, и то и дѣло похаживалъ взадъ и впередъ, стискивая рукою въ карманѣ разогрѣвшійся ножъ и заранѣе приготовляясь къ чему-то страшному. Эти новыя, небывалыя ощущенія до того занимали и даже веселили меня, что собственно о Зинаидѣ я мало думалъ. Мнѣ все мерещились: — Алеко, молодой цыганъ—„куда, красавецъ молодой?—Лежи...", а потомъ: „ты весь обрызганъ кровью!.. О, чтò ты сдѣлалъ?.. Ничего!" Съ какой жестокой улыбкой я повторилъ это: ничего! Отца не было дома; но матушка, которая съ нѣкотораго времени находилась въ состояніи почти постояннаго глухого раздраженія, обратила вниманіе на мой фатальный видъ и сказала мнѣ за ужиномъ: — чего ты дуешься, какъ мышь на крупу?— Я только снисходительно усмѣхнулся ей въ отвѣтъ и подумалъ: „если бъ они знали!" Пробило 11 часовъ; я ушелъ къ себѣ, но не раздѣвался; я выжидалъ полночи; наконецъ, пробила и она. „Пора!" шепнулъ я сквозь зубы и, застегнувшись доверху, засучивъ даже рукава, отправился въ садъ.

Я уже заранѣе выбралъ себѣ мѣсто, гдѣ караулить. На концѣ сада, тамъ, гдѣ заборъ, раздѣлявшій наши и Засѣкинскія владѣнія, упирался въ общую стѣну, росла одинокая ель. Стоя подъ ея низкими, густыми вѣтвями, я могъ хорошо видѣть, насколько позволяла ночная темнота, чтò происходило вокругъ; тутъ же вилась дорожка, которая мнѣ всегда казалась таинственной: она змѣей проползала подъ заборомъ, носившимъ въ этомъ мѣстѣ слѣды

перелѣзавшихъ ногъ, и вела къ круглой бесѣдкѣ изъ сплошныхъ акацій. Я добрался до ели, прислонился къ ея стволу и началъ караулить.

Ночь стояла такая же тихая, какъ и наканунѣ; но на небѣ было меньше тучъ—и очертанья кустовъ, даже высокихъ цвѣтовъ, яснѣе виднѣлись. Первыя мгновенья ожиданія были томительны, почти страшны. Я на все рѣшился, я только соображалъ: какъ мнѣ поступить? Загремѣть ли: „Куда идешь? Стой! сознайся—или смерть!“—или просто поразить... Каждый звукъ, каждый шорохъ и шелестъ казался мнѣ значительнымъ, необычайнымъ... Я готовился... Я наклонился впередъ... Но прошло полчаса, прошелъ часъ: кровь моя утихала, холодѣла; сознаніе, что я напрасно все это дѣлаю, что я даже нѣсколько смѣшонъ, что Малевскій подшутилъ надо мною—начало прокрадываться мнѣ въ душу. Я покинулъ мою засаду и обошелъ весь садъ. Какъ нарочно, нигдѣ не было слышно малѣйшаго шума; все покоилось; даже собака наша спала, свернувшись въ клубочекъ у калитки. Я взобрался на развалину оранжереи, увидѣлъ предъ собою далекое поле, вспомнилъ встрѣчу съ Зинаидой и задумался...

Я вздрогнулъ... Мнѣ почудился скрипъ отворявшейся двери, потомъ легкій трескъ переломаннаго сучка. Я въ два прыжка спустился съ развалины—и замеръ на мѣстѣ. Быстрые, легкіе, но осторожные шаги явственно раздавались въ саду. Они приближались ко мнѣ. „Вотъ онъ... Вотъ онъ, наконецъ!“ промчалось у меня по сердцу. Я судорожно выдернулъ ножъ изъ кармана, судорожно раскрылъ его—какія-то красныя искры закрутились у меня въ глазахъ, отъ страха и злости на головѣ зашевелились волосы... Шаги направлялись прямо на меня—я сгибался, я тянулся имъ навстрѣчу... Показался человѣкъ... Боже мой! это былъ мой отецъ!

Я тотчасъ узналъ его, хотя онъ весь закутался въ темный плащъ, и шляпу надвинулъ на лицо. На цыпочкахъ прошелъ онъ мимо. Онъ не замѣтилъ меня, хотя меня ничто не скрывало, но я такъ скорчился и съежился, что,

кажется, сравнялся съ самою землею. Ревнивый, готовый на убійство Отелло внезапно превратился въ школьника... Я до того испугался неожиданнаго появленія отца, что даже, на первыхъ порахъ, не замѣтилъ, откуда онъ шелъ и куда исчезъ. Я только тогда выпрямился и подумалъ: „зачѣмъ это отецъ ходитъ ночью по саду",—когда опять все утихло вокругъ. Со страху, я уронилъ ножъ въ траву, но даже искать его не сталъ: мнѣ было очень стыдно. Я разомъ отрезвился. Возвращаясь домой, я, однако, подошелъ къ моей скамеечкѣ подъ кустомъ бузины и взглянулъ на окошко Зинаидиной спальни. Небольшія, немного выгнутыя стекла окошка тускло синѣли при слабомъ свѣтѣ, падавшемъ съ ночного неба. Вдругъ—цвѣтъ ихъ сталъ измѣняться... За ними — я это видѣлъ, видѣлъ явственно—осторожно и тихо спускалась бѣловатая штора, спустилась до оконницы—и такъ и осталась неподвижной.

— Что-жъ это такое? — проговорилъ я вслухъ, почти невольно, когда снова очутился въ своей комнатѣ.—Сонъ, случайность, или... Предположенія, которыя внезапно вошли мнѣ въ голову, такъ были новы и странны, что я не смѣлъ даже предаться имъ.

XVIII.

Я всталъ поутру съ головною болью. Вчерашнее волненіе исчезло. Оно замѣнилось тяжелымъ недоумѣніемъ и какою-то, еще небывалою, грустью—точно во мнѣ что-то умирало.

— Что это вы смотрите кроликомъ, у котораго вынули половину мозга? — сказалъ мнѣ, встрѣтившись со мною, Лушинъ. За завтракомъ я украдкой взглядывалъ то на отца, то на мать: онъ былъ спокоенъ, по обыкновенію; она, по обыкновенію, тайно раздражалась. Я ждалъ, не заговоритъ ли отецъ со мною дружелюбно, какъ это иногда съ нимъ случалось... Но онъ даже не поласкалъ меня своею вседневною, холодною лаской. „Разсказать все Зинаидѣ?" подумалъ я... „Вѣдь ужъ все равно—все кончено между нами". Я отправился къ ней, но не только

ничего не разсказалъ ей—даже побесѣдовать съ ней мнѣ не удалось, какъ бы хотѣлось. Къ княгинѣ на вакацію пріѣхалъ изъ Петербурга родной ея сынъ, кадетъ, лѣтъ двѣнадцати; Зинаида тотчасъ поручила мнѣ своего брата.— Вотъ вамъ, — сказала она: — мой милый Володя (она въ первый разъ такъ меня называла), товарищъ. Его тоже зовутъ Володей. Пожалуйста, полюбите его; онъ еще дичокъ, но у него сердце доброе. Покажите ему Нескучное, гуляйте съ нимъ, возьмите его подъ свое покровительство. Не правда ли, вы это сдѣлаете? вы тоже такой добрый!— Она ласково положила мнѣ обѣ руки на плечи—а я совсѣмъ потерялся. Прибытіе этого мальчика превращало меня самого въ мальчика. Я глядѣлъ молча на кадета, который такъ же безмолвно уставился на меня. Зинаида расхохоталась и толкнула насъ другъ на друга.—Да обнимитесь же, дѣти!—Мы обнялись.—Хотите, я васъ поведу въ садъ?—спросилъ я кадета.

— Извольте-съ,—отвѣчалъ онъ сиплымъ, прямо кадетскимъ голосомъ. Зинаида опять разсмѣялась... Я успѣлъ замѣтить, что никогда еще не было у ней на лицѣ такихъ прелестныхъ красокъ. Мы съ кадетомъ отправились. У насъ въ саду стояли старенькія качели. Я его посадилъ на тоненькую дощечку и началъ его качать. Онъ сидѣлъ неподвижно, въ новомъ своемъ мундирчикѣ изъ толстаго сукна, съ широкими золотыми позументами, и крѣпко держался за веревки. — Да вы разстегните свой воротникъ, — сказалъ я ему. — Ничего-съ, мы привыкли-съ, — проговорилъ онъ и откашлялся. Онъ походилъ на свою сестру: особенно глаза ее напоминали. Мнѣ было и пріятно ему услуживать, и въ то же время та же ноющая грусть тихо грызла мнѣ сердце. „Теперь ужъ я точно ребенокъ“, думалъ я: „а вчера...“ Я вспомнилъ, гдѣ я наканунѣ уронилъ ножикъ, и отыскалъ его. Кадетъ выпросилъ его у меня, сорвалъ толстый стебель зори, вырѣзалъ изъ него дудку и принялся свистать. Отелло посвисталъ тоже.

Но зато вечеромъ, какъ онъ плакалъ, этотъ самый Отелло, на рукахъ Зинаиды, когда, отыскавъ его въ угол-

ку сада, она спросила его, отчего онъ такъ печаленъ? Слезы мои хлынули съ такой силой, что она испугалась.— Что съ вами? что съ вами, Володя? — твердила она, и, видя, что я не отвѣчаю ей и не перестаю плакать, вздумала-было поцѣловать мою мокрую щеку. Но я отвернулся отъ нея и прошепталъ сквозь рыданія: — я все знаю: зачѣмъ же вы играли мною?.. На что вамъ нужна была моя любовь?

— Я виновата передъ вами, Володя... — промолвила Зинаида. — Ахъ, я очень виновата... — промолвила она и стиснула руки.—Сколько во мнѣ дурного, темнаго, грѣшнаго... Но я теперь не играю вами, я васъ люблю—вы и не подозрѣваете, почему и какъ... Однако, что̀ же вы знаете?

Что могъ я сказать ей? Она стояла передо мною и глядѣла на меня, а я принадлежалъ ей весь, съ головы до ногъ, какъ-только она на меня глядѣла... Четверть часа спустя, я уже бѣгалъ съ кадетомъ и съ Зинаидой взапуски: я не плакалъ, я смѣялся, хотя напухшія вѣки отъ смѣха роняли слезы; у меня на шеѣ, вмѣсто галстучка, была повязана лента Зинаиды, и я закричалъ отъ радости, когда мнѣ удалось поймать ее за талію. Она дѣлала со мной все, что̀ хотѣла.

XIX.

Я пришелъ бы въ большое затрудненіе, если бы меня заставили разсказать подробно, что̀ происходило со мною въ теченіе недѣли, послѣ моей неудачной ночной экспедиціи. Это было странное, лихорадочное время, хаосъ какой-то, въ которомъ самыя противоположныя чувства, мысли, подозрѣнья, надежды, радости и страданья кружились вихремъ; я страшился заглянуть въ себя, если только шестнадцатилѣтній мальчикъ можетъ въ себя заглянуть, страшился отдать себѣ отчетъ въ чемъ бы то ни было; я, просто, спѣшилъ прожить день до вечера; зато ночью я спалъ... дѣтское легкомысліе мнѣ помогало. Я не хотѣлъ знать, любятъ ли меня, и не хотѣлъ сознаться самому себѣ, что меня не любятъ; отца я избѣгалъ—но Зинаиды

избѣгать я не могъ... Меня жгло какъ огнемъ въ ея присутствіи... но къ чему мнѣ было знать, что̀ это былъ за огонь, на которомъ я горѣлъ и таялъ—благо, мнѣ было сладко таять и горѣть. Я отдавался всѣмъ своимъ впечатлѣніямъ, и самъ съ собой лукавилъ, отворачивался отъ воспоминаній, и закрывалъ глаза передъ тѣмъ, что̀ предчувствовалъ впереди... Это томленіе, вѣроятно, долго бы не продолжилось... громовой ударъ разомъ все прекратилъ и перебросилъ меня въ новую колею.

Вернувшись однажды къ обѣду съ довольно продолжительной прогулки, я съ удивленьемъ узналъ, что буду обѣдать одинъ, что отецъ уѣхалъ, а матушка нездорова, не желаетъ кушать и заперлась у себя въ спальнѣ. По лицамъ лакеевъ я догадывался, что произошло нѣчто необыкновенное... Разспрашивать ихъ я не смѣлъ, но у меня былъ пріятель, молодой буфетчикъ, Филиппъ, страстный охотникъ до стиховъ и артистъ на гитарѣ — я къ нему обратился. Отъ него я узналъ, что между отцомъ и матушкой произошла страшная сцена (а въ дѣвичьей все было слышно до единаго слова; многое было сказано по-французски—да горничная Маша пять лѣтъ жила у швеи изъ Парижа и все понимала); что матушка моя упрекала отца въ невѣрности, въ знакомствѣ съ сосѣдней барышней, что отецъ сперва оправдывался, потомъ вспыхнулъ и въ свою очередь сказалъ какое-то жестокое слово, „яко бы объ ихнихъ лѣтахъ“, отъ чего матушка заплакала; что матушка также упомянула о векселѣ, будто бы данномъ старой княгинѣ, и очень о ней дурно отзывалась, и о барышнѣ также, и что тутъ отецъ ей пригрозилъ.—А произошла вся бѣда,—продолжалъ Филиппъ: — отъ безымяннаго письма; а кто его написалъ—неизвѣстно; а то бы, какъ этимъ дѣламъ наружу выйти, причины никакой нѣтъ.

— Да развѣ что-нибудь было,—съ трудомъ проговорилъ я, между тѣмъ какъ руки и ноги у меня холодѣли, и что-то задрожало въ самой глубинѣ груди.

Филиппъ знаменательно мигнулъ.—Было. Этихъ дѣловъ не скроешь; ужъ на что батюшка вашъ въ этомъ разѣ

остороженъ—да вѣдь надобно жъ, примѣрно, карету нанять или тамъ что... безъ людей не обойдешься, тоже.

Я услалъ Филиппа—и повалился на постель. Я не зарыдалъ, не предался отчаянію; я не спрашивалъ себя, когда и какъ все это случилось; не удивлялся, какъ я прежде, какъ я давно не догадался—я даже не ропталъ на отца... То, что̀ я узналъ, было мнѣ не подъ силу: это внезапное откровеніе раздавило меня... Все было кончено. Всѣ цвѣты мои были вырваны разомъ и лежали вокругъ меня, разбросанные и истоптанные.

XX.

Матушка на слѣдующій день объявила, что переѣзжаетъ въ городъ. Утромъ отецъ вошелъ къ ней въ спальню и долго сидѣлъ съ нею наединѣ. Никто не слышалъ, что̀ онъ сказалъ ей, но матушка уже не плакала больше; она успокоилась, и кушать потребовала — однако, не показалась и рѣшенія своего не перемѣнила. Помнится, я пробродилъ цѣлый день, но въ садъ не заходилъ, и ни разу не взглянулъ на флигель—а вечеромъ я былъ свидѣтелемъ удивительнаго происшествія: отецъ мой вывелъ графа Малевскаго подъ руку черезъ залу въ переднюю и, въ присутствіи лакея, холодно сказалъ ему: „Нѣсколько дней тому назадъ вашему сіятельству въ одномъ домѣ указали на дверь; а теперь я не буду входить съ вами въ объясненія, но имѣю честь вамъ доложить, что если вы еще разъ пожалуете ко мнѣ, то я васъ выброшу въ окошко. Мнѣ вашъ почеркъ не нравится“. Графъ наклонился, стиснулъ зубы, съежился и исчезъ.

Начались сборы къ переселенію въ городъ, на Арбатъ, гдѣ у насъ былъ домъ. Отцу, вѣроятно, самому уже не хотѣлось болѣе оставаться на дачѣ; но, видно, онъ успѣлъ упросить матушку не затѣвать исторіи. Все дѣлалось тихо, не спѣша, матушка велѣла даже поклониться княгинѣ и изъявить ей сожалѣніе, что, по нездоровью, не увидится съ ней до отъѣзда. Я бродилъ, какъ шальной—и одного только желалъ, какъ бы поскорѣе все это кончилось. Одна мысль не выходила у меня изъ головы: какъ могла

она, молодая дѣвушка—ну, и все-таки княжна, рѣшиться на такой поступокъ, зная, что мой отецъ человѣкъ несвободный и имѣя возможность выйти замужъ, хоть, напримѣръ, за Бѣловзорова? На что же она надѣялась? Какъ не побоялась погубить всю свою будущность? Да, думалъ я, вотъ это—любовь, это—страсть, это — преданность... и вспоминались мнѣ слова Лушина: жертвовать собою сладко для иныхъ. Какъ-то пришлось мнѣ увидѣть въ одномъ изъ оконъ флигеля блѣдное пятно... „неужели это лицо Зинаиды?“ подумалъ я... точно, это было ея лицо. Я не вытерпѣлъ. Я не могъ разстаться съ нею, не сказавъ ей послѣдняго прости. Я улучилъ удобное мгновеніе и отправился во флигель.

Въ гостиной княгиня встрѣтила меня своимъ обычнымъ, неопрятно-небрежнымъ привѣтомъ.

— Что̀ это, батюшка, ваши такъ рано всполошились?— промолвила она, забивая табакъ въ обѣ ноздри. Я посмотрѣлъ на нее, и у меня отлегло отъ сердца. Слово: вексель, сказанное Филиппомъ, мучило меня. Она ничего не подозрѣвала... по крайней мѣрѣ, мнѣ тогда такъ показалось. Зинаида появилась изъ сосѣдней комнаты, въ черномъ платьѣ, блѣдная, съ развитыми волосами: она молча взяла меня за руку и увела съ собой.

— Я услышала вашъ голосъ,—начала она:—и тотчасъ вышла. И вамъ такъ легко было насъ покинуть, злой мальчикъ?

— Я пришелъ съ вами проститься, княжна,—отвѣчалъ я:—вѣроятно, навсегда. Вы, можетъ-быть, слышали—мы уѣзжаемъ.

Зинаида пристально посмотрѣла на меня.

— Да, я слышала. Спасибо, что пришли. Я уже думала, что не увижу васъ. Не поминайте меня лихомъ. Я иногда мучила васъ; но все-таки, я не такая, какою вы меня воображаете.

Она отвернулась и прислонилась къ окну.

— Право, я не такая. Я знаю, вы обо мнѣ дурного мнѣнія.

— Я?

— Да, вы... вы.

— Я?—повторилъ я горестно, и сердце у меня задрожало попрежнему, подъ вліяніемъ неотразимаго, невыразимаго обаянія. — Я? Повѣрьте, Зинаида Александровна, что̀ бы вы ни сдѣлали, какъ бы вы ни мучили меня, я буду любить и обожать васъ до конца дней моихъ.

Она быстро обернулась ко мнѣ и, раскрывъ широко руки, обняла мою голову, и крѣпко и горячо поцѣловала меня. Богъ знаетъ, кого искалъ этотъ долгій, прощальный поцѣлуй, но я жадно вкусилъ его сладость. Я зналъ, что онъ уже никогда не повторится. Прощайте, прощайте, твердилъ я...

Она вырвалась и ушла. И я удалился. Я не въ состояніи передать чувство, съ которымъ я удалился. Я бы не желалъ, чтобы оно когда-нибудь повторилось; но я почелъ бы себя несчастливымъ, если бъ я никогда его не испыталъ.

Мы переѣхали въ городъ. Не скоро я отдѣлался отъ прошедшаго, не скоро принялся за работу. Рана моя медленно заживала; но собственно противъ отца у меня не было никакого дурного чувства. Напротивъ: онъ, какъ будто, еще выросъ въ моихъ глазахъ... пускай психологи объяснятъ это противорѣчіе, какъ знаютъ. Однажды я шелъ по бульвару и, къ неописанной моей радости, столкнулся съ Лушинымъ. Я его любилъ за его прямой и нелицемѣрный нравъ, да притомъ, онъ былъ мнѣ дорогъ по воспоминаніямъ, которыя онъ во мнѣ возбуждалъ. Я бросился къ нему.

— Ага! — промолвилъ онъ и нахмурилъ брови. — Это вы, молодой человѣкъ! Покажите-ка себя. Вы все еще желты, а все-таки, въ глазахъ нѣтъ прежней дряни. Человѣкомъ смотрите, не комнатной собачкой. Это хорошо. Ну, что же вы? работаете?

Я вздохнулъ. Лгать мнѣ не хотѣлось, а правду сказать я стыдился.

— Ну, ничего, — продолжалъ Лушинъ: — не робѣйте. Главное дѣло: жить нормально и не поддаваться увлеченіямъ. А то, что̀ пользы? Куда бы волна ни понесла —

все худо; человѣкъ хоть на камнѣ стой, да на своихъ ногахъ. Я, вотъ, кашляю... а Бѣловзоровъ—слыхали вы?

— Что такое? нѣтъ.

— Безъ вѣсти пропалъ; говорятъ, на Кавказъ уѣхалъ. Урокъ вамъ, молодой человѣкъ. А вся штука оттого, что не умѣютъ во-время разстаться, разорвать сѣти. Вотъ, вы, кажется, выскочили благополучно. Смотрите же, не попадитесь опять. Прощайте.

„Не попадусь", думалъ я... „не увижу ея больше"; но мнѣ было суждено еще разъ увидѣть Зинаиду.

XXI.

Отецъ мой каждый день выѣзжалъ верхомъ; у него была славная рыже-чалая англійская лошадь, съ длинной, тонкой шеей и длинными ногами, неутомимая и злая. Ее звали Электрикъ. Кромѣ отца на ней никто ѣздить не могъ. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ въ добромъ расположеніи духа, чего съ нимъ давно не бывало: онъ собирался выѣхать и уже надѣлъ шпоры. Я сталъ просить его взять меня съ собою.

— Давай лучше играть въ чехарду, — отвѣчалъ мнѣ отецъ:—а то ты на своемъ клеперѣ за мной не поспѣешь.

— Поспѣю; я тоже шпоры надѣну.

— Ну, пожалуй.

Мы отправились. У меня былъ вороненькій, косматый конекъ, крѣпкій на ноги и довольно рѣзвый; правда, ему приходилось скакать во всѣ лопатки, когда Электрикъ шелъ полной рысью, но я, все-таки, не отставалъ. Я не видывалъ всадника, подобнаго отцу; онъ сидѣлъ такъ красиво и небрежно-ловко, что, казалось, сама лошадь подъ нимъ это чувствовала и щеголяла имъ. Мы проѣхали по всѣмъ бульварамъ, побывали на Дѣвичьемъ-полѣ, перепрыгнули черезъ нѣсколько заборовъ (сперва я боялся прыгать, но отецъ презиралъ робкихъ людей,—и я пересталъ бояться), переѣхали дважды чрезъ Москву-рѣку— и я уже думалъ, что мы возвращаемся домой, тѣмъ болѣе, что самъ отецъ замѣтилъ, что лошадь моя устала, какъ вдругъ онъ повернулъ отъ меня въ сторону отъ

Крымскаго броду и поскакалъ вдоль берега.—Я пустился вслѣдъ за нимъ. Поровнявшись съ высокой грудой сложенныхъ старыхъ бревенъ, онъ проворно соскочилъ съ Электрика, велѣлъ мнѣ слѣзть и, отдавъ мнѣ поводья своего коня, сказалъ, чтобы я подождалъ его тутъ же, у бревенъ, а самъ повернулъ въ небольшой переулокъ и исчезъ. Я принялся расхаживать взадъ и впередъ вдоль берега, ведя за собой лошадей и бранясь съ Электрикомъ, который на ходу то и дѣло дергалъ головой, встряхивался, фыркалъ, ржалъ; а когда я останавливался, попеременно рылъ копытомъ землю, съ визгомъ кусалъ моего клепера въ шею, словомъ, велъ себя какъ избалованный pur sang. Отецъ не возвращался. Отъ рѣки несло непріятной сыростью; мелкій дождикъ тихонько набѣжалъ и испестрилъ крошечными темными пятнами сильно надоѣвшія мнѣ глупыя, сѣрыя бревна, около которыхъ я скитался. Тоска меня брала, а отца все не было. Какой-то будочникъ изъ чухонцевъ, тоже весь сѣрый, съ огромнымъ старымъ киверомъ, въ видѣ горшка, на головѣ и съ алебардой (зачѣмъ, кажется, было будочнику находиться на берегу Москвы-рѣки!) приблизился ко мнѣ и, обративъ ко мнѣ свое старушечье, сморщенное лицо, промолвилъ:

— Что вы здѣсь дѣлаете съ лошадьми, барчукъ? Дайте-ка, я подержу.

Я не отвѣчалъ ему; онъ попросилъ у меня табаку. Чтобы отвязаться отъ него (къ тому же, нетерпѣніе меня мучило), я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ тому направленію, куда удалился отецъ; потомъ прошелъ переулочекъ до конца, повернулъ за уголъ и остановился. На улицѣ, въ сорока шагахъ отъ меня, предъ раскрытымъ окномъ деревяннаго домика, спиной ко мнѣ, стоялъ мой отецъ; онъ опирался грудью на оконницу, а въ домикѣ, до половины скрытая занавѣской, сидѣла женщина въ темномъ платьѣ и разговаривала съ отцомъ; эта женщина была Зинаида.

Я остолбенѣлъ. Этого я, признаюсь, никакъ не ожидалъ. Первымъ движеніемъ моимъ было убѣжать. „Отецъ оглянется“, подумалъ я, „и я пропалъ“... но странное

чувство, чувство сильнѣе любопытства, сильнѣе даже ревности, сильнѣе страха — остановило меня. Я сталъ глядѣть, я силился прислушаться. Казалось, отецъ настаивалъ на чемъ-то. Зинаида не соглашалась. Я какъ теперь вижу ея лицо — печальное, серьезное, красивое и съ непередаваемымъ отпечаткомъ преданности, грусти, любви и какого-то отчаянія—я другого слова подобрать не могу. Она произносила односложныя слова, не поднимала глазъ и только улыбалась — покорно и упрямо. По одной этой улыбкѣ я узналъ мою прежнюю Зинаиду. Отецъ повелъ плечами и поправилъ шляпу на головѣ—что у него всегда служило признакомъ нетерпѣнія... Потомъ послышались слова: Vous devez vous séparer de cette... Зинаида выпрямилась и протянула руку... Вдругъ въ глазахъ моихъ совершилось невѣроятное дѣло: отецъ внезапно поднялъ хлыстъ, которымъ сбивалъ пыль съ полы своего сюртука— и послышался рѣзкій ударъ по этой обнаженной до локтя рукѣ. Я едва удержался, чтобы не вскрикнуть, а Зинаида вздрогнула, молча посмотрѣла на моего отца и, медленно поднеся свою руку къ губамъ, поцѣловала заалѣвшійся на ней рубецъ. Отецъ швырнулъ въ сторону хлыстъ и, торопливо взбѣжавъ на ступеньки крылечка, ворвался въ домъ... Зинаида обернулась—и, протянувъ руки, закинувъ голову, тоже отошла отъ окна.

Съ замираніемъ испуга, съ какимъ-то ужасомъ недоумѣнія на сердцѣ, бросился я назадъ и, пробѣжавъ переулокъ, чуть не упустивъ Электрика, вернулся на берегъ рѣки. Я не могъ ничего сообразить. Я зналъ, что на моего холоднаго и сдержаннаго отца находили иногда порывы бѣшенства — и, все-таки, я никакъ не могъ понять, что̀ я такое видѣлъ... Но я тутъ же почувствовалъ, что сколько бы я ни жилъ, забыть это движеніе, взглядъ, улыбку Зинаиды было для меня навсегда невозможно, что образъ ея, этотъ новый, внезапно представшій передо мною образъ, навсегда запечатлѣлся въ моей памяти. Я глядѣлъ безсмысленно на рѣку и не замѣчалъ, что у меня слезы лились. Ее бьютъ, думалъ я... бьютъ... бьютъ...

— Ну, что же ты — давай мнѣ лошадь! — раздался за мной голосъ отца.

Я машинально подалъ ему поводья. Онъ вскочилъ на Электрика... прозябшій конь взвился на дыбы и прыгнулъ впередъ на полторы сажени... но скоро отецъ укротилъ его; онъ вонзилъ ему шпоры въ бока и ударилъ его кулакомъ по шеѣ... Эхъ, хлыста нѣту, пробормоталъ онъ.

Я вспомнилъ недавній свистъ и ударъ этого самаго хлыста, и содрогнулся.

— Куда жъ ты дѣлъ его? — спросилъ я отца, погодя немного.

Отецъ не отвѣчалъ мнѣ и поскакалъ впередъ. Я нагналъ его. Мнѣ непремѣнно хотѣлось видѣть его лицо.

— Ты соскучился безъ меня?—проговорилъ онъ сквозь зубы.

— Немножко. Гдѣ же ты уронилъ свой хлыстъ?—спросилъ я его опять.

Отецъ быстро глянулъ на меня.—Я его не уронилъ,—промолвилъ онъ:—я его бросилъ.—Онъ задумался и опустилъ голову... и тутъ-то я въ первый и едва ли не въ послѣдній разъ увидѣлъ, сколько нѣжности и сожалѣнія могли выразить его строгія черты.

Онъ опять поскакалъ, и ужъ я не могъ его догнать; я пріѣхалъ домой четверть часа послѣ него.

„Вотъ это любовь“, говорилъ я себѣ снова сидя ночью передъ своимъ письменнымъ столомъ, на которомъ уже начали появляться тетради и книги:—„это страсть!.. Какъ, кажется, не возмутиться, какъ снести ударъ отъ какой бы то ни было... отъ самой милой руки! А видно, можно, если любишь... А я-то... я-то воображалъ“...

Послѣдній мѣсяцъ меня очень состарилъ—и моя любовь, со всѣми своими волненіями и страданіями, показалась мнѣ самому чѣмъ-то такимъ маленькимъ, и дѣтскимъ, и мизернымъ передъ тѣмъ другимъ, неизвѣстнымъ чѣмъ-то, о которомъ я едва могъ догадываться и которое меня пугало, какъ незнакомое, красивое, но грозное лицо, которое напрасно силишься разглядѣть въ полумракѣ...

Странный и страшный сонъ мнѣ приснился въ эту са-

мую ночь. Мнѣ чудилось, что я вхожу въ низкую, темную комнату... Отецъ стоитъ съ хлыстомъ въ рукѣ и топаетъ ногами; въ углу прижалась Зинаида и не на рукѣ, а на лбу у ней красная черта... а сзади ихъ обоихъ поднимается весь окровавленный Бѣловзоровъ, раскрываетъ блѣдныя губы и гнѣвно грозитъ отцу.

Два мѣсяца спустя, я поступилъ въ университетъ, а черезъ полгода отецъ мой скончался (отъ удара) въ Петербургѣ, куда только-что переселился съ моей матерью и со мною. За нѣсколько дней до своей смерти онъ получилъ письмо изъ Москвы, которое его чрезвычайно взволновало... Онъ ходилъ просить о чемъ-то матушку и, говорятъ, даже заплакалъ, онъ, мой отецъ! Въ самое утро того дня, когда съ нимъ сдѣлался ударъ, онъ началъ-было письмо ко мнѣ на французскомъ языкѣ: „Сынъ мой, — писалъ онъ мнѣ, — бойся женской любви, бойся этого счастья, этой отравы“... Матушка, послѣ его кончины, послала довольно значительную сумму денегъ въ Москву.

XXII.

Прошло года четыре. Я только-что вышелъ изъ университета и не зналъ еще хорошенько, что̀ мнѣ начать съ собою, въ какую дверь стучаться; шлялся пока, безъ дѣла. Въ одинъ прекрасный вечеръ я въ театрѣ встрѣтилъ Майданова. Онъ успѣлъ жениться и поступить на службу; но я не нашелъ въ немъ перемѣны. Онъ такъ же ненужно восторгался и такъ же внезапно падалъ духомъ.

— Вы знаете, — сказалъ онъ мнѣ, между прочимъ: — госпожа Дольская здѣсь.

— Какая госпожа Дольская?

— Вы развѣ забыли? бывшая княжна Засѣкина, въ которую мы всѣ были влюблены, да и вы тоже. Помните, на дачѣ, возлѣ Нескучнаго?

— Она замужемъ за Дольскимъ?

— Да.

— И она здѣсь, въ театрѣ?

— Нѣтъ, въ Петербургѣ, она на-дняхъ сюда пріѣхала; собирается за границу.

— Что за человѣкъ ея мужъ?—спросилъ я.

— Прекрасный малый, съ состояніемъ. Сослуживецъ мой, московскій. Вы понимаете—послѣ той исторіи... вамъ это все должно быть хорошо извѣстно... (Майдановъ значительно улыбнулся) ей не легко было составить себѣ партію; были послѣдствія... но съ ея умомъ все возможно. Ступайте къ ней: она вамъ будетъ очень рада. Она еще похорошѣла.

Майдановъ далъ мнѣ адресъ Зинаиды. Она остановилась въ гостиницѣ Демутъ. Старыя воспоминанія во мнѣ расшевелились... я далъ себѣ слово на другой же день посѣтить бывшую мою „пассію". Но встрѣтились какія-то дѣла: прошла недѣля, другая, и когда я, наконецъ, отправился въ гостиницу Демутъ и спросилъ госпожу Дольскую—я узналъ, что она четыре дня тому назадъ умерла, почти внезапно, отъ родовъ.

Меня какъ будто что-то въ сердце толкнуло. Мысль, что я могъ ее увидѣть, и не увидѣлъ, и не увижу ея никогда—эта горькая мысль впилась въ меня со всею силою неотразимаго упрека. Умерла! — повторилъ я, тупо глядя на швейцара, тихо выбрался на улицу и пошелъ, не зная самъ, куда. Все прошедшее разомъ всплыло и встало передо мною. И вотъ, чѣмъ разрѣшилась, вотъ къ чему, спѣша и волнуясь, стремилась эта молодая, горячая, блистательная жизнь? Я это думалъ, я воображалъ себѣ эти дорогія черты, эти глаза, эти кудри — въ тѣсномъ ящикѣ, въ сырой подземной тьмѣ — тутъ же, недалеко отъ меня, пока еще живого, и, можетъ-быть, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моего отца... Я все это думалъ, я напрягалъ свое воображеніе, а между тѣмъ:

„Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть
„И равнодушно ей внималъ я"—

звучало у меня въ душѣ. О, молодость! молодость! тебѣ нѣтъ ни до чего дѣла, ты какъ будто бы обладаешь всѣми сокровищами вселенной, даже грусть тебя тѣшитъ, даже

печаль тебѣ къ лицу, ты самоувѣренна и дерзка, ты говоришь: я одна живу — смотрите! а у самой дни бѣгутъ и исчезаютъ безъ слѣда и безъ счета, и все въ тебѣ исчезаетъ, какъ воскъ на солнцѣ, какъ снѣгъ... И, можетъ-быть, вся тайна твоей прелести состоитъ не въ возможности все сдѣлать—а въ возможности думать, что ты все сдѣлаешь—состоитъ именно въ томъ, что ты пускаешь по вѣтру силы, которыя ни на что другое употребить бы не умѣла,—въ томъ, что каждый изъ насъ не шутя считаетъ себя расточителемъ, не шутя полагаетъ, что онъ въ правѣ сказать: О, что бы я сдѣлалъ, если бъ я не потерялъ времени даромъ!

Вотъ, и я... на что я надѣялся, чего я ожидалъ, какую богатую будущность предвидѣлъ, когда едва проводилъ однимъ вздохомъ, однимъ унылымъ ощущеніемъ на мигъ возникшій призракъ моей первой любви?

А что̀ сбылось изъ всего того, на что я надѣялся? И теперь, когда уже на жизнь мою начинаютъ набѣгать вечернія тѣни, что̀ у меня осталось болѣе свѣжаго, болѣе дорогого, чѣмъ воспоминанія о той быстро пролетѣвшей, утренней, весенней грозѣ?

Но я напрасно клевещу на себя. И тогда, въ то легкомысленное, молодое время, я не остался глухъ на печальный голосъ, воззвавшій ко мнѣ, на торжественный звукъ, долетѣвшій до меня изъ-за могилы. Помнится, нѣсколько дней спустя послѣ того дня, когда я узналъ о смерти Зинаиды, я самъ, по собственному неотразимому влеченію, присутствовалъ при смерти одной бѣдной старушки, жившей въ одномъ съ нами домѣ. Покрытая лохмотьями, на жёсткихъ доскахъ, съ мѣшкомъ подъ головою, она трудно и тяжело кончалась. Вся жизнь ея прошла въ горькой борьбѣ съ ежедневной нуждою; не видѣла она радости, не вкушала отъ меду счастія—казалось, какъ бы ей не обрадоваться смерти, ея свободѣ, ея покою? А между тѣмъ, пока ея ветхое тѣло еще упорствовало, пока грудь еще мучительно вздымалась подъ налегшей на нее леденящей рукою, пока ее не покинули послѣднія силы, — старушка все крестилась и все шептала:—Господи, отпу-

сти мнѣ грѣхи мои, — и только съ послѣдней искрой сознанія исчезло въ ея глазахъ выраженіе страха и ужаса кончины. И помню я, что тутъ, у одра этой бѣдной старушки, мнѣ стало страшно за Зинаиду, и захотѣлось мнѣ помолиться за нее, за отца—и за себя.

1860 г.

ПРИЗРАКИ.

(ФАНТАЗІЯ.)

Мигъ одинъ... и нѣтъ волшебной сказки—
И душа опять полна возможнымъ...
А. Фетъ.

I.

Я долго не могъ заснуть и безпрестанно переворачивался съ-боку-на-бокъ. „Чортъ бы побралъ эти глупости съ вертящимися столами!—подумалъ я:—только нервы разстраивать“... Дремота начала, наконецъ, одолѣвать меня...

Вдругъ мнѣ почудилось, какъ-будто въ комнатѣ слабо и жалобно прозвенѣла струна.

Я приподнялъ голову. Луна стояла низко на небѣ и прямо глянула мнѣ въ глаза. Бѣлый, какъ мѣлъ, лежалъ ея свѣтъ на полу... Явственно повторился странный звукъ...

Я оперся на локоть. Легкій страхъ щипнулъ меня за сердце.—Прошла минута, другая... Гдѣ-то далеко прокричалъ пѣтухъ; еще дальше отозвался другой.

Я опустилъ голову на подушку. „Вотъ, до чего можно довести себя, — подумалъ я опять: — въ ушахъ звенѣть станетъ“.

Спустя немного, я заснулъ — или мнѣ казалось, что я заснулъ. Мнѣ привидѣлся необыкновенный сонъ. Мнѣ чудилось, что я лежу въ моей спальнѣ, на моей постели— и не сплю, и даже глазъ не могу закрыть. Вотъ, опять раздается звукъ... Я оборачиваюсь... Слѣдъ луны на полу начинаетъ тихонько приподниматься, выпрямляется, слегка округляется сверху... Передо мной, сквозя, какъ туманъ, неподвижно стоитъ бѣлая женщина.

— Кто ты?—спрашиваю я съ усиліемъ.

Голосъ отвѣчаетъ, подобный шелесту листьевъ. — Это я... я... я... Я пришла за тобой.

— За мной? Да кто ты?

— Приходи ночью на уголъ лѣса, гдѣ старый дубъ. Я тамъ буду.

Я хочу вглядѣться въ черты таинственной женщины— и вдругъ невольно вздрагиваю: на меня пахнуло холодомъ. И вотъ, я уже не лежу, а сижу въ своей постели— и тамъ, гдѣ, казалось, стоялъ призракъ, свѣтъ луны бѣлѣется длинной чертою по полу.

II.

День прошелъ кое-какъ. Я, помнится, принимался читать, работать... ничего не клеилось. Настала ночь. Сердце билось во мнѣ, какъ-будто ждало чего-то. Я легъ и повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

— Отчего же ты не пришелъ? — раздался въ комнатѣ явственный шопотъ.

Я быстро оглянулся.

Опять она... опять таинственный призракъ. Неподвижны глаза на неподвижномъ лицѣ—и взоръ исполненъ печали.

— Приходи!—слышится снова шопотъ.

— Приду, — отвѣчаю я съ невольнымъ ужасомъ. Призракъ тихо качнулся впередъ, смѣшался весь, легко волнуясь, какъ дымъ,—и луна опять мирно забѣлѣла на гладкомъ полу.

III.

Я провелъ день въ волненіи. За ужиномъ я выпилъ

почти цѣлую бутылку вина, вышелъ-было на крыльцо, но вернулся и бросился въ постель. Кровь тяжело колыхалась во мнѣ.

Опять послышался звукъ... Я вздрогнулъ, но не оглянулся. Вдругъ я почувствовалъ, что кто-то тѣсно обнялъ меня сзади и въ самое ухо мнѣ лепечетъ: „Приди, приди, приди...“ Затрепетавъ отъ испуга, я простоналъ:

— Приду!—и выпрямился.

Женщина стояла, наклонясь, возлѣ самаго моего изголовья. Она слабо улыбнулась и исчезла. Я, однако, успѣлъ разглядѣть ея лицо. Мнѣ показалось, что я видѣлъ ее прежде;—но гдѣ, когда? Я всталъ поздно и цѣлый день бродилъ по полямъ, подходилъ къ старому дубу на окраинѣ лѣса и внимательно осматривался кругомъ.

Передъ вечеромъ я сѣлъ у раскрытаго окна въ своемъ кабинетѣ. Старуха-ключница поставила передо мною чашку чаю — но я не прикасался къ ней... Я все недоумѣвалъ и спрашивалъ себя: „не съ ума ли я схожу?“ Солнце только-что закатилось — и не одно небо зардѣлось—весь воздухъ внезапно наполнился какимъ-то почти неестественнымъ багрянцемъ: листья и травы, словно покрытые свѣжимъ лакомъ, не шевелились; въ ихъ окаменѣлой неподвижности, въ рѣзкой яркости ихъ очертаній, въ этомъ сочетаніи сильнаго блеска и мертвой тишины было что-то странное, загадочное. Довольно большая сѣрая птица вдругъ, безо всякаго шума, прилетѣла и сѣла на самый край окна... Я посмотрѣлъ на нее — и она посмотрѣла на меня сбоку своимъ круглымъ, темнымъ глазомъ.—„Ужъ не прислали ли тебя, чтобы напомнить?“— подумалъ я.

Птица тотчасъ взмахнула своими мягкими крыльями и улетѣла попрежнему безъ шума. Я долго еще сидѣлъ у окна—но я уже не предавался недоумѣнью: я какъ-будто попалъ въ заколдованный кругъ—и неодолимая, хотя тихая сила увлекала меня, подобно тому, какъ еще задолго до водопада, стремленіе потока увлекаетъ лодку. Я встрепенулся наконецъ. Багрянецъ воздуха давно исчезъ, краски потемнѣли и прекратилась заколдованная тишина.

Вѣтерокъ запорхалъ, луна все ярче выступала на посинѣвшемъ небѣ,—и скоро листья деревьевъ заиграли серебромъ и чернью въ ея холодныхъ лучахъ. Моя старуха вошла въ кабинетъ съ зажженной свѣчкой, но изъ окна дохнуло на нее и пламя погасло. Я не могъ выдержать болѣе, вскочилъ, нахлобучилъ шапку и отправился на уголъ лѣса, къ старому дубу.

IV.

Въ этотъ дубъ, много лѣтъ тому назадъ, ударила молнія; верхушка переломилась и засохла, но жизни еще сохранилось въ немъ на нѣсколько столѣтій. Когда я сталъ подходить къ нему, на луну набѣжала тучка: было очень темно подъ его широкими вѣтвями. Сперва я не замѣтилъ ничего особеннаго; но взглянулъ въ сторону—и сердце во мнѣ такъ и упало: бѣлая фигура стояла неподвижно возлѣ высокаго куста, между дубомъ и лѣсомъ. Волосы слегка зашевелились у меня на головѣ; но я собрался съ духомъ—и пошелъ къ лѣсу.

Да, это была она, моя ночная гостья. Когда я приблизился къ ней, мѣсяцъ засіялъ снова. Она казалась вся какъ бы соткана изъ полупрозрачнаго, молочнаго тумана—сквозь ея лицо мнѣ виднѣлась вѣтка, тихо колеблемая вѣтромъ—только волосы да глаза чуть-чуть чернѣли, да на одномъ изъ пальцевъ сложенныхъ рукъ блистало блѣднымъ золотомъ узкое кольцо. Я остановился передъ нею и хотѣлъ заговорить; но голосъ замеръ у меня въ груди, хотя собственно страха я уже не ощущалъ. Ея глаза обратились на меня: взглядъ ихъ выражалъ не скорбь и не радость, а какое-то безжизненное вниманіе. Я ждалъ, не произнесетъ ли она слова, но она оставалась неподвижной и безмолвной, и все глядѣла на меня своимъ мертвенно-пристальнымъ взглядомъ. Мнѣ опять стало жутко.

— Я пришелъ!—воскликнулъ я, наконецъ, съ усиліемъ.

Глухо и чудно раздался мой голосъ.

— Я тебя люблю,—послышался шопотъ.

— Ты меня любишь!—повторилъ я съ изумленіемъ.

— Отдайся мнѣ,—снова прошелестило мнѣ въ отвѣтъ.

— Отдаться тебѣ! Но ты призракъ — у тебя и тѣла нѣтъ. — Странное одушевленіе овладѣло мною. — Что ты такое, дымъ, воздухъ, паръ? Отдаться тебѣ! Отвѣчай мнѣ сперва, кто ты? Жила ли ты на землѣ? Откуда ты явилась?

— Отдайся мнѣ. Я тебѣ зла не сдѣлаю. Скажи только два слова: возьми меня.

Я посмотрѣлъ на нее.—„Что это она говоритъ?“ подумалъ я. — „Что это все значитъ? И какъ же она возьметъ меня? Или попытаться?“

— Ну, хорошо, — произнесъ я вслухъ и неожиданно громко, словно кто сзади меня подтолкнулъ.—Возьми меня!

Не успѣлъ я произнести эти слова, какъ таинственная фигура съ какимъ-то внутреннимъ смѣхомъ, отъ котораго на мигъ задрожало ея лицо, покачнулась впередъ, руки ея отдѣлились и протянулись... Я хотѣлъ-было отскочить; но я уже былъ въ ея власти. Она обхватила меня, тѣло мое поднялось на полъ-аршина отъ земли—и мы оба понеслись, плавно и не слишкомъ быстро, надъ неподвижной, мокрой травой.

V.

Сперва у меня голова закружилась — и я невольно закрылъ глаза... Минуту спустя, я открылъ ихъ снова. Мы неслись попрежнему. Но уже лѣса не было видно: подъ нами разстилалась равнина, усѣянная темными пятнами. Я съ ужасомъ убѣдился, что мы поднялись на страшную высоту.

„Я пропалъ, я во власти сатаны“, сверкнуло во мнѣ, какъ молнія. До того мгновенья мысль о наважденьѣ нечистой силы, о возможности погибели, мнѣ въ голову не приходила. Мы все мчались и, казалось, забирали все выше и выше.

— Куда ты несешь меня?—простоналъ я наконецъ.

— Куда хочешь, — отвѣчала моя спутница. Она вся прильнула ко мнѣ; лицо ея почти прислонилось къ моему лицу. Впрочемъ, я едва ощущалъ ея прикосновеніе.

— Отпусти меня на землю; мнѣ дурно на этой высотѣ.

— Хорошо; только закрой глаза и не дыши.

Я послушался—и тотчасъ же почувствовалъ, что падаю, какъ брошенный камень... воздухъ засвисталъ въ моихъ волосахъ. Когда я опомнился, мы опять плавно неслись надъ самой землей, такъ что цѣплялись за верхушки высокихъ травъ.

— Поставь меня на ноги,—началъ я.—Что за удовольствіе летать! Я не птица.

— Я думала, что тебѣ пріятно будетъ. У насъ другого занятія нѣтъ.

— У васъ? Да кто вы такія?

Отвѣта не было.

— Ты не смѣешь мнѣ это сказать?

Жалобный звукъ, подобный тому, который разбудилъ меня въ первую ночь, задрожалъ въ моихъ ушахъ. Между тѣмъ, мы продолжали чуть замѣтно двигаться по влажному ночному воздуху.

— Пусти же меня!—промолвилъ я. Спутница моя тихо отклонилась—и я очутился на ногахъ. Она остановилась передо мной и снова сложила руки. Я успокоился и посмотрѣлъ ей въ лицо: попрежнему, оно выражало покорную грусть.

— Гдѣ мы? — спросилъ я. Я не узнавалъ окрестныхъ мѣстъ.

— Далеко отъ твоего дома, но ты можешь быть тамъ въ одно мгновенье.

— Какимъ это образомъ? опять довѣриться тебѣ?

— Я не сдѣлала тебѣ зла и не сдѣлаю. Полетаемъ съ тобой до зари, вотъ и все. Я могу тебя отнести, куда только ты вздумаешь—во всѣ края земли. Отдайся мнѣ! Скажи опять: возьми меня!

— Ну... возьми меня!

Она опять припала ко мнѣ, ноги мои опять отдѣлились отъ земли—и мы полетѣли.

VI.

— Куда?—спросила она меня.

— Прямо, все прямо.

— Но тутъ лѣсъ.

— Поднимись надъ лѣсомъ—только тише.

Мы взмыли кверху, какъ вальдшнепъ, налетѣвшій на березу,—и опять понеслись въ прямомъ направленіи. Вмѣсто травы, вершины деревьевъ мелькали у насъ подъ ногами. Чудно было видѣть лѣсъ сверху, его щетинистую спину, освѣщенную луной. Онъ казался какимъ-то огромнымъ, заснувшимъ звѣремъ и сопровождалъ насъ широкимъ, непрестаннымъ шорохомъ, похожимъ на невнятное ворчанье. Кое-гдѣ попадалась небольшая поляна; красиво чернѣла съ одной ея стороны зубчатая полоса тѣни... Заяцъ изрѣдка жалобно кричалъ внизу; вверху сова свистала, тоже жалобно; въ воздухѣ пахло грибами, почками, зорей-травою; лунный свѣтъ такъ и разливался во всѣ стороны — холодно и строго; „стожары“ блистали надъ самой головой. Вотъ, и лѣсъ остался назади; въ полѣ протянулась полоса тумана: это рѣка текла. Мы понеслись вдоль одного изъ ея береговъ, надъ кустами, отяжелѣвшими и неподвижными отъ сырости. Волны на рѣкѣ то лоснились синимъ лоскомъ, то катились темныя и словно злыя. Мѣстами странно двигался надъ ними тонкій паръ— и чашки водяныхъ лилій дѣвственно и пышно бѣлѣли всѣми своими распустившимися лепестками, точно знали, что до нихъ добраться невозможно. Мнѣ вздумалось сорвать одну изъ нихъ — и вотъ, я уже очутился надъ самой гладью рѣки... Сырость непріязненно ударила мнѣ въ лицо, какъ только я перервалъ тугой стебель крупнаго цвѣтка. Мы начали перелетывать съ берега на берегъ, какъ кулички-песочники, которыхъ мы то и дѣло будили и за которыми гнались. Намъ не разъ случалось налетать на семейку дикихъ утокъ, расположенныхъ кружкомъ на чистомъ мѣстечкѣ между тростниками—но онѣ не шевелились: развѣ одна изъ нихъ торопливо вынетъ шею изъ-подъ крыла, посмотритъ, и хлопотливо засунетъ опять носъ въ пушистыя перья, а другая слабо крякнетъ, причемъ все ея тѣло немножко дрогнетъ. Мы вспугнули одну цаплю: она поднялась изъ ракитоваго куста, болтая ногами и съ неуклюжимъ усиліемъ махая крыльями: тутъ она мнѣ показалась дѣйствительно похожей на нѣмца.

Рыба нигдѣ не плескалась—спала тоже. Я начиналъ привыкать къ ощущенію полета, и даже находилъ въ немъ пріятность: меня пойметъ всякій, кому случалось летать во снѣ. Я принялся съ бо̀льшимъ вниманіемъ разсматривать странное существо, по милости котораго со мной совершались такія неправдоподобныя событія.

VII.

Это была женщина съ маленькимъ, нерусскимъ лицомъ. Изсѣра-бѣловатое, полупрозрачное, съ едва означенными тѣнями, оно напоминало фигуры на алебастровой, изнутри освѣщенной вазѣ—и опять показалось мнѣ знакомымъ.

— Можно съ тобой говорить?—спросилъ я.

— Говори.

— Я вижу у тебя кольцо на пальцѣ; ты, стало-быть, жила на землѣ—ты была замужемъ?

Я остановился... Отвѣта не было.

— Какъ тебя зовутъ—или звали, по крайней мѣрѣ?

— Зови меня Эллисъ.

— Эллисъ! Это англійское имя! Ты англичанка? Ты знала меня прежде?

— Нѣтъ.

— Отчего же ты именно ко мнѣ явилась?

— Я тебя люблю.

— И ты довольна?

— Да; мы носимся, мы кружимся съ тобою по чистому воздуху.

— Эллисъ!—сказалъ я вдругъ:—ты, можетъ-быть, преступная, осужденная душа?

Голова моей спутницы наклонилась.—Я тебя не понимаю,—шепнула она.

— Заклинаю тебя именемъ Бога...—началъ-было я.

— Что ты говоришь? — промолвила она съ недоумѣніемъ.—Я не понимаю.—Мнѣ показалось, что рука, лежавшая холодноватымъ поясомъ вокругъ моего стана, тихо шевельнулась...

— Не бойся, — промолвила Эллисъ: — не бойся, мой милый! — Ея лицо обернулось и придвинулось къ моему

лицу... Я почувствовалъ на губахъ моихъ какое-то странное ощущеніе, какъ бы прикосновеніе тонкаго и мягкаго жала... Незлыя піявки такъ берутся.

VIII.

Я взглянулъ внизъ. Мы уже опять успѣли подняться на довольно значительную вышину. Мы пролетали надъ неизвѣстнымъ мнѣ уѣзднымъ городомъ, расположеннымъ па скатѣ широкаго холма. Церкви высились среди темной массы деревянныхъ крышъ, фруктовыхъ садовъ; длинный мостъ чернѣлъ на изгибѣ рѣки; все молчало, отягченное сномъ. Самые куполы и кресты, казалось, блестѣли безмолвнымъ блескомъ; безмолвно торчали высокіе шесты колодцевъ возлѣ круглыхъ шапокъ ракитъ; бѣлесоватое шоссе узкой стрѣлой безмолвно впивалось въ одинъ конецъ города—и безмолвно выбѣгало изъ противоположнаго конца на сумрачный просторъ однообразныхъ полей.

— Что это за городъ?—спросилъ я.

— ....совъ.

— ....совъ въ ....ой губерніи?

— Да.

— Далеко же я отъ дому!

— Для насъ отдаленности нѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — Внезапная удаль вспыхнула во мнѣ.—Такъ неси же меня въ Южную Америку!

— Въ Америку не могу. Тамъ теперь день.

— А мы съ тобой ночныя птицы. Ну, куда-нибудь, куда можно, только подальше.

— Закрой глаза и не дыши,—отвѣчала Эллисъ, и мы помчались съ быстротою вихря. Съ потрясающимъ шумомъ врывался воздухъ въ мои уши.

Мы остановились, но шумъ не прекращался. Напротивъ: онъ превратился въ какой-то грозный ревъ, въ громовой гулъ...

— Теперь можешь открыть глаза,—сказала Эллисъ.

IX.

Я повиновался... Боже мой, гдѣ я?

Надъ головой тяжелыя, дымныя тучи; онѣ тѣснятся,

онѣ бѣгутъ, какъ стадо злобныхъ чудовищъ... а тамъ, внизу, другое чудовище: разъяренное, именно разъяренное море... Бѣлая пѣна судорожно сверкаетъ и кипитъ въ немъ буграми — и, вздымая косматыя волны, съ грубымъ грохотомъ бьетъ оно въ громадный, какъ смоль черный, утесъ. Завываніе бури, леденящее дыханіе расколыхавшейся бездны, тяжкій плескъ прибоя, въ которомъ по временамъ чудится что-то похожее на вопли, на далекіе пушечные выстрѣлы, на колокольный звонъ—раздирающій визгъ и скрежетъ прибрежныхъ голышей, внезапный крикъ невидимой чайки, на мутномъ небосклонѣ шаткій остовъ корабля—всюду смерть, смерть и ужасъ... Голова у меня закружилась — и я снова съ замираніемъ закрылъ глаза...

— Что это? гдѣ мы?

— На южномъ берегу острова Уайтъ, передъ утесомъ Блакгантъ, гдѣ такъ часто разбиваются корабли, — промолвила Эллисъ, на этотъ разъ особенно отчетливо и, какъ мнѣ показалось, не безъ злорадства...

— Неси меня прочь, прочь отсюда... домой! домой!

Я сжался весь, стиснулъ лицо руками... Я чувствовалъ, что мы понеслись еще быстрѣе прежняго; вѣтеръ уже не вылъ и не свисталъ — онъ визжалъ въ моихъ волосахъ, въ моемъ платьѣ... духъ захватывало...

— Стань же на ноги,—раздался голосъ Эллисъ.

Я силился овладѣть собою, своимъ сознаніемъ... Я ощущалъ подъ подошвами землю и не слышалъ ничего, точно все замерло кругомъ... только въ виски неровно стучала кровь и съ слабымъ внутреннимъ звономъ все еще кружилась голова. Я выпрямился и открылъ глаза.

X.

Мы находились на плотинѣ моего пруда. Прямо передо мною, сквозь острые листья ракитъ, виднѣлась его широкая гладь съ кое-гдѣ приставшими волокнами пушистаго тумана. Направо тускло лоснилось ржаное поле; налѣво вздымались деревья сада, длинныя, неподвижныя и какъ-будто сырыя... Утро уже дохнуло на нихъ. По чистому

сѣрому небу тянулись, словно полосы дыма, двѣ-три косыя тучки; онѣ казались желтоватыми — первый слабый отблескъ зари падалъ на нихъ, Богъ вѣсть откуда: глазъ еще не могъ различить на побѣлѣвшемъ небосклонѣ то мѣсто, гдѣ она должна была заняться. Звѣзды исчезали; ничего еще не шевелилось, хотя все уже просыпалось въ очарованной тишинѣ ранняго полусвѣта.

— Утро! вотъ утро!—воскликнула надъ самымъ моимъ ухомъ Эллисъ.—Прощай! До завтра!

Я обернулся... Легко отдѣляясь отъ земли, она плыла мимо — и вдругъ подняла обѣ руки надъ головою. Эта голова, и руки, и плечи мгновенно вспыхнули тѣлеснымъ, теплымъ цвѣтомъ; въ темныхъ глазахъ дрогнули живыя искры; усмѣшка тайной нѣги шевельнула покраснѣвшія губы... Прелестная женщина внезапно возникла передо мною... Но, какъ бы падая въ обморокъ, она тотчасъ опрокинулась назадъ и растаяла, какъ паръ.

Я остался недвижимъ.

Когда я опомнился и оглянулся, мнѣ показалось, что тѣлесная, блѣдно-розовая краска, пробѣжавшая по фигурѣ моего призрака, все еще не исчезла и, разлитая въ воздухѣ, обдавала меня кругомъ... Это заря загоралась. Я вдругъ почувствовалъ крайнюю усталость и отправился домой. Проходя мимо птичьяго двора, я услыхалъ первое утреннее лепетанье гусенятъ (раньше ихъ ни одна птица не просыпается); вдоль крыши, на концѣ каждой притужины сидѣло по галкѣ — и всѣ онѣ хлопотливо и молча очищались, четко рисуясь на молочномъ небѣ. Изрѣдка онѣ разомъ всѣ поднимались—и, полетавъ немного, садились опять рядкомъ, безъ крика... Изъ недальняго лѣса два раза принеслось сипло-свѣжее чуфыканье черныша-тетерева, только-что слетѣвшаго въ росистую, ягодами заросшую траву... Съ легкой дрожью въ тѣлѣ я добрался до постели и скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ.

XI.

На слѣдующую ночь, когда я сталъ подходить къ старому дубу, Эллисъ понеслась мнѣ навстрѣчу, какъ къ

знакомому. Я не боялся ея по-вчерашнему, я почти обрадовался ей; я даже не старался понять, что̀ со мной происходило: мнѣ только хотѣлось полетать подальше, по любопытнымъ мѣстамъ.

Рука Эллисъ опять обвилась вокругъ меня—и мы опять помчались.

— Отправимся въ Италію,—шепнулъ я ей на ухо.

— Куда хочешь, мой милый,—отвѣчала она торжественно и тихо — и тихо и торжественно повернула ко мнѣ свое лицо. Оно показалось мнѣ не столь прозрачнымъ, какъ наканунѣ; болѣе женственное и болѣе важное, оно напомнило мнѣ то прекрасное созданіе, которое мелькнуло передо мной на утренней зарѣ передъ разлукой.

— Нынѣшняя ночь — великая ночь, — продолжала Эллисъ.—Она наступаетъ рѣдко—когда семь разъ тринадцать...

Тутъ я не дослушалъ нѣсколько словъ.

— Теперь можно видѣть, что̀ бываетъ закрыто въ другое время.

— Эллисъ!—взмолился я:—да кто же ты? скажи мнѣ наконецъ!

Она молча подняла свою длинную бѣлую руку.

На темномъ небѣ, тамъ, куда указалъ ея палецъ, среди мелкихъ звѣздъ, красноватой чертой сіяла комета.

— Какъ мнѣ понять тебя?—началъ я.—Или ты, какъ эта комета носится между планетами и солнцемъ, носишься между людьми... и чѣмъ?

Но рука Эллисъ внезапно надвинулась на мои глаза... Словно бѣлый туманъ изъ сырой долины обдалъ меня...

— Въ Италію! въ Италію!—послышался ея шопотъ.—Эта ночь—великая ночь!

XII.

Туманъ передъ моими глазами разсѣялся, и я увидалъ подъ собою безконечную равнину. Но уже по одному прикосновенію теплаго и мягкаго воздуха къ моимъ щекамъ, я могъ понять, что я не въ Россіи; да и равнина та не походила на наши русскія равнины. Это было огромное,

тусклое пространство, повидимому, не поросшее травой и пустое; тамъ и сямъ, по всему его протяженію, подобно небольшимъ обломкамъ зеркала, блистали стоячія воды; вдали смутно виднѣлось неслышное, недвижное море. Крупныя звѣзды сіяли въ промежуткахъ большихъ, красивыхъ облаковъ; тысячеголосная, немолчная и все-таки негромкая трель поднималась отовсюду — и чуденъ былъ этотъ пронзительный и дремотный гулъ, этотъ ночной голосъ пустыни...

— Понтійскія болота,—промолвила Эллисъ.—Слышишь лягушекъ? чувствуешь запахъ сѣры?

— Понтійскія болота... — повторилъ я, и ощущеніе величавой унылости охватило меня. — Но зачѣмъ принесла ты меня сюда, въ этотъ печальный, заброшенный край? Полетимъ лучше къ Риму.

— Римъ близокъ,—отвѣчала Эллисъ.—Приготовься!

Мы спустились и помчались вдоль старинной латинской дороги. Буйволъ медленно поднялъ изъ вязкой тины свою косматую, чудовищную голову съ короткими вихрами щетины между криво назадъ загнутыми рогами. Онъ косо повелъ бѣлками безсмысленно-злобныхъ глазъ и тяжело фыркнулъ мокрыми ноздрями, словно почуялъ насъ.

— Римъ, Римъ близокъ... — шептала Эллисъ. — Гляди, гляди впередъ...

Я поднялъ глаза.

Что это чернѣетъ на окраинѣ ночного неба? Высокія ли арки громаднаго моста? Надъ какой рѣкой онъ перекинутъ? Зачѣмъ онъ порванъ мѣстами? Нѣтъ, это не мостъ, это древній водопроводъ. Кругомъ священная земля Кампаніи, а тамъ, вдали, Албанскія горы—и вершины ихъ, и сѣдая спина стараго водопровода слабо блестятъ въ лучахъ только-что взошедшей луны...

Мы внезапно взвились и повисли на воздухѣ передъ уединенной развалиной. Никто бы не могъ сказать, чѣмъ она была прежде: гробницей, чертогомъ, башней... Черный плющъ обвивалъ ее всю своей мертвенной силой, а внизу раскрывался, какъ зѣвъ, полуобрушенный сводъ. Тяжелымъ запахомъ погреба вѣяло мнѣ въ лицо отъ этой груды

мелкихъ, тѣсно сплоченныхъ камней, съ которыхъ давно свалилась гранитная оболочка стѣны.

— Здѣсь, — произнесла Эллисъ и подняла руку: — Здѣсь! Проговори громко, три раза сряду, имя великаго римлянина.

— Что же будетъ?

— Ты увидишь.

Я задумался.—Divus Cajus Julius Cæsar!—воскликнулъ я вдругъ;—divus Cajus Julius Cæsar!—повторилъ я протяжно;—Cæsar!

XIII.

Послѣднія отзвучія моего голоса не успѣли еще замереть, какъ мнѣ послышалось...

Мнѣ трудно сказать, что̀ именно. Сперва мнѣ послышался смутный, ухомъ едва уловимый, но безконечно повторявшійся взрывъ трубныхъ звуковъ и рукоплесканій. Казалось, гдѣ-то, страшно далеко, въ какой-то бездонной глубинѣ, внезапно зашевелилась несмѣтная толпа—и поднималась, поднималась, волнуясь и перекликаясь чуть слышно, какъ бы сквозь сонъ, сквозь подавляющій, многовѣковый сонъ. Потомъ воздухъ заструился и потемнѣлъ надъ развалиной... Мнѣ начали мерещиться тѣни, миріады тѣней, милліоны очертаній, то округленныхъ, какъ шлемы, то протянутыхъ, какъ копья; лучи луны дробились мгновенными синеватыми искорками на этихъ копьяхъ и шлемахъ—и вся эта армія, эта толпа надвигалась ближе и ближе, росла, колыхалась усиленно... Несказанное напряженіе, напряженіе, достаточное для того, чтобы приподнять цѣлый міръ, чувствовалось въ ней; но ни одинъ образъ не выдавался ясно... И вдругъ мнѣ почудилось, какъ будто трепетъ пробѣжалъ кругомъ, какъ будто отхлынули и разступились какія-то громадныя волны... „Cæsar, Cæsar venit!“ зашумѣли голоса, подобно листьямъ лѣса, на который внезапно налетѣла буря... прокатился глухой ударъ—и голова блѣдная, строгая, въ лавровомъ вѣнкѣ, съ опущенными вѣками, голова императора стала медленно выдвигаться изъ-за развалины...

На языкѣ человѣческомъ нѣтъ словъ для выраженія ужаса, который сжалъ мое сердце. Мнѣ казалось, что раскрой эта голова свои глаза, разверзи свои губы — и я тотчасъ же умру.—Эллисъ!—простоналъ я:—я не хочу, я не могу, не надо мнѣ Рима, грубаго, грознаго Рима... Прочь, прочь отсюда!

— Малодушный! — шепнула она — и мы умчались. Я успѣлъ еще услыхать за собою желѣзный, громовый на этотъ разъ, крикъ легіоновъ... потомъ все потемнѣло.

XIV.

— Оглянись,—сказала мнѣ Эллисъ:—и успокойся.

Я послушался—и, помню, первое мое впечатлѣніе было до того сладостно, что я могъ только вздохнуть. Какой-то дымчато-голубой, серебристо-мягкій — не то свѣтъ, не то туманъ — обливалъ меня со всѣхъ сторонъ. Сперва я не различалъ ничего: меня слѣпилъ этотъ лазоревый блескъ— но вотъ, понемногу начали выступать очертанія прекрасныхъ горъ, лѣсовъ; озеро раскинулось подо мною, съ дрожавшими въ глубинѣ звѣздами, съ ласковымъ ропотомъ прибоя. Запахъ померанцевъ обдалъ меня волной—и вмѣстѣ съ нимъ, и тоже какъ будто волною, принеслись сильные, чистые звуки молодого женскаго голоса. Этотъ запахъ, эти звуки такъ и потянули меня внизъ — и я началъ спускаться... спускаться къ роскошному мраморному дворцу, привѣтно бѣлѣвшему среди кипарисной рощи. Звуки лились изъ его настежь раскрытыхъ оконъ; волны озера, усѣяннаго пылью цвѣтовъ, плескались въ его стѣны—и прямо напротивъ, весь одѣтый темной зеленью померанцевъ и лавровъ, весь облитый лучезарнымъ паромъ, весь усѣянный статуями, стройными колоннами, портиками храмовъ, поднимался изъ лона водъ высокій, круглый островъ...

— Isola Bella! — проговорила Эллисъ. — Lago Maggiore...

Я промолвилъ только: а! и продолжалъ спускаться. Женскій голосъ все громче, все ярче раздавался во дворцѣ; меня влекло къ нему неотразимо... я хотѣлъ взглянуть

въ лицо пѣвицѣ, оглашавшей такими звуками такую ночь. Мы остановились передъ окномъ.

Посреди комнаты, убранной въ помпейяновскомъ вкусѣ и болѣе похожей на древнюю храмину, чѣмъ на новѣйшую залу, окруженная греческими изваяніями, этрусскими вазами, рѣдкими растеніями, дорогими тканями, освѣщенная сверху мягкими лучами двухъ лампъ, заключенныхъ въ хрустальные шары, сидѣла за фортепіанами молодая женщина. Слегка закинувъ голову и до половины закрывъ глаза, она пѣла итальянскую арію; она пѣла и улыбалась, и въ то же время черты ея выражали важность, даже строгость... признакъ полнаго наслажденія! Она улыбалась... и Праксителевъ Фавнъ, лѣнивый, молодой какъ она, изнѣженный, сладострастный, тоже, казалось, улыбался ей изъ-за угла, изъ-за вѣтвей олеандра, сквозь тонкій дымъ, поднимавшійся съ бронзовой курильницы на древнемъ треножникѣ. Красавица была одна. Очарованный звуками, красотою, блескомъ и благовоніемъ ночи, потрясенный до глубины сердца зрѣлищемъ этого молодого, спокойнаго, свѣтлаго счастія, я позабылъ совершенно о моей спутницѣ, забылъ о томъ, какимъ страннымъ образомъ я сталъ свидѣтелемъ этой столь отдаленной, столь чуждой мнѣ жизни — и я хотѣлъ уже ступить на окно, хотѣлъ заговорить...

Все мое тѣло вздрогнуло отъ сильнаго толчка — точно я коснулся лейденской банки. Я оглянулся... Лицо Эллисъ было — при всей своей прозрачности — мрачно и грозно; въ ея внезапно раскрывшихся глазахъ тускло горѣла злоба...

— Прочь! — бѣшено шепнула она, и снова вихрь и мракъ, и головокруженіе... Только на этотъ разъ не крикъ легіоновъ, а голосъ пѣвицы, оборванный на высокой нотѣ, остался у меня въ ушахъ...

Мы остановились. Высокая нота, та же нота, все звенѣла и не переставала звенѣть, хотя я чувствовалъ совсѣмъ другой воздухъ, другой запахъ... Не меня вѣяло крѣпительной свѣжестью, какъ отъ большой рѣки, и пахло сѣномъ, дымомъ, коноплей. За долго-протянутой нотой

послѣдовала другая, потомъ третья, но съ такимъ несомнѣннымъ оттѣнкомъ, съ такимъ знакомымъ, роднымъ переливомъ, что я тотчасъ же сказалъ себѣ: „это русскій человѣкъ поетъ русскую пѣсню“ — и въ то же мгновенье мнѣ все кругомъ стало ясно.

XV.

Мы находились надъ плоскимъ берегомъ. Налѣво тянулись, терялись въ безконечность скошенные луга, уставленные громадными скирдами; направо, въ такую же безконечность уходила ровная гладь великой, многоводной рѣки. Недалеко отъ берега большія, темныя барки тихонько переваливались на якоряхъ, слегка двигая остріями своихъ мачтъ, какъ указательными перстами. Съ одной изъ этихъ барокъ долетали до меня звуки разливистаго голоса, и на ней же горѣлъ огонекъ, дрожа и покачиваясь въ водѣ своимъ длиннымъ, краснымъ отраженьемъ. Кое-гдѣ, и на рѣкѣ, и въ поляхъ, непонятно для глаза: близко ли, далеко ли — мигали другіе огоньки; они то жмурились, то вдругъ выдвигались лучистыми, крупными точками; безчисленные кузнечики немолчно стрекотали, не хуже лягушекъ понтійскихъ болотъ—и подъ безоблачнымъ, но низко нависшимъ, темнымъ небомъ изрѣдка кричали невѣдомыя птицы.

— Мы въ Россіи?—спросилъ я Эллисъ.

— Это Волга,—отвѣтила она.

Мы понеслись вдоль берега.—Отчего ты меня вырвала оттуда, изъ того прекраснаго края?—началъ я.—Завидно тебѣ стало, что ли? Ужъ не ревность ли въ тебѣ пробудилась?

Губы Эллисъ чуть-чуть дрогнули, и въ глазахъ опять мелькнула угроза... Но все лицо тотчасъ же вновь оцѣпенѣло.

— Я хочу домой,—проговорилъ я.

— Погоди, погоди, — отвѣчала Эллисъ. — Теперешняя ночь—великая ночь. Она не скоро вернется. Ты можешь быть свидѣтелемъ... Погоди.

И мы вдругъ полетѣли черезъ Волгу, въ косвенномъ направленіи, надъ самой водой, низко и порывисто, какъ

ласточки передъ бурей. Широкія волны тяжко журчали подъ нами, рѣзкій рѣчной вѣтеръ билъ насъ своимъ холоднымъ, сильнымъ крыломъ... высокій правый берегъ скоро началъ воздыматься передъ нами въ полумракѣ. Показались крутыя горы съ большими разсѣлинами. Мы приблизились къ нимъ.

— Крикни: Сарынь на кичку!—шепнула мнѣ Эллисъ.

Я вспомнилъ ужасъ, испытанный мною при появленіи римскихъ призраковъ, я чувствовалъ усталость и какую-то странную тоску, словно сердце во мнѣ таяло — я не хотѣлъ произнести роковыя слова, я зналъ заранѣе, что въ отвѣтъ на нихъ появится, какъ въ Волчьей-Долинѣ Фрейшюца, что-то чудовищное,—но губы мои раскрылись противъ воли, и я закричалъ, тоже противъ воли, слабымъ, напряженнымъ голосомъ: „Сарынь на кичку!“

XVI.

Сперва все осталось безмолвнымъ, какъ и передъ римской развалиной,—но вдругъ возлѣ самаго моего уха раздался грубый бурлацкій смѣхъ—и что-то со стономъ упало въ воду и стало захлебываться... Я оглянулся: никого нигдѣ не было видно, — но съ берега отпрянуло эхо — и разомъ и отовсюду поднялся оглушительный гамъ. Чего только не было въ этомъ хаосѣ звуковъ: крики и визги, яростная ругань и хохотъ, хохотъ пуще всего, удары веселъ и топоровъ, трескъ какъ отъ взлома дверей и сундуковъ, скрипъ снастей и колесъ, и лошадиное скаканье, звонъ набата и лязгъ цѣпей, гулъ и ревъ пожара, пьяныя пѣсни и скрежещущая скороговорка, неутѣшный плачъ, моленіе жалобное, отчаянное, — и повелительныя восклицанья, предсмертное хрипѣнье и удалой посвистъ, гарканье и топотъ пляски... „Бей! вѣшай! топи! рѣжь! любо! любо! такъ! не жалѣй!“ — слышалось явственно,— слышалось даже прерывистое дыханіе запыхавшихся людей,—а между тѣмъ кругомъ, насколько глазъ доставалъ, ничего не показывалось, ничего не измѣнялось: рѣка катилась мимо, таинственно, почти угрюмо; самый берегъ казался пустыннѣй и одичалѣй—и только.

Я обратился къ Эллисъ, но она положила палецъ на губы...

— Степанъ Тимоѳеичъ! Степанъ Тимоѳеичъ идетъ!— зашумѣло вокругъ:—идетъ нашъ батюшка, атаманъ нашъ, нашъ кормилецъ! — Я попрежнему ничего не видѣлъ, но мнѣ внезапно почудилось, какъ-будто громадное тѣло надвигается прямо на меня...—Фролка! гдѣ ты, песъ?—загремѣлъ страшный голосъ.—Зажигай со всѣхъ концовъ— да въ топоры ихъ, бѣлоручекъ!

На меня пахнуло жаромъ близкаго пламени, горькой гарью дыма—и въ то же мгновенье что-то теплое, словно кровь, брызнуло мнѣ въ лицо и на руки... Дикій хохотъ грянулъ кругомъ.

Я лишился чувствъ—и когда опомнился, мы съ Эллисъ тихо скользили вдоль знакомой опушки моего лѣса, прямо къ старому дубу...

— Видишь ту дорожку?—сказала мнѣ Эллисъ: — тамъ, гдѣ мѣсяцъ тускло свѣтитъ и свѣсились двѣ березки?... Хочешь туда?

Но я чувствовалъ себя до того разбитымъ и истощеннымъ, что я могъ только проговорить въ отвѣтъ: — домой... домой...

— Ты дома,—отвѣчала Эллисъ.

Я дѣйствительно стоялъ передъ самой дверью моего дома—одинъ. Эллисъ исчезла. Дворовая собака подошла-было, подозрительно оглянула меня — и съ воемъ бросилась прочь.

Я съ трудомъ дотащился до постели и заснулъ, не раздѣваясь.

XVII.

Все слѣдующее утро у меня голова болѣла, и я едва передвигалъ ноги; но я не обращалъ вниманія на тѣлесное мое разстройство, раскаяніе меня грызло, досада душила.

Я былъ до крайности недоволенъ собою. — „Малодушный!—твердилъ я безпрестанно:—да—Эллисъ права. Чего я испугался? какъ было не воспользоваться случаемъ?..

Я могъ увидѣть самого Цезаря — и я замеръ отъ страха, я запищалъ, я отвернулся, какъ ребенокъ отъ розги. Ну, Разинъ—это дѣло другое. Въ качествѣ дворянина и землевладѣльца... Впрочемъ, и тутъ, чего же я собственно испугался? Малодушный, малодушный!"...

— Да ужъ не во снѣ ли я все это вижу?—спросилъ я себя наконецъ. Я позвалъ ключницу.

— Марѳа, въ которомъ часу я легъ вчера въ постель— не помнишь?

— Да кто-жъ тебя знаетъ, кормилецъ... Чай, поздно. Въ сумеречки ты изъ дому вышелъ; а въ спальнѣ-то ты каблучищами-то за полночь стукалъ. Подъ самое подъ утро—да. Вотъ и третьяго дня то-жъ. Знать, забота у тебя завелась какая.

„Эге-ге!—подумалъ я.—Летанье-то, значитъ, не подлежитъ сомнѣнію". — Ну, а съ лица я сегодня каковъ? — прибавилъ я громко.

— Съ лица-то? Дай, погляжу. Осунулся маленько. Да и блѣденъ же ты, кормилецъ: вотъ, какъ есть, ни кровинки въ лицѣ.

Меня слегка покоробило... Я отпустилъ Марѳу.

„Вѣдь этакъ умрешь, пожалуй, или сойдешь съ ума",— разсуждалъ я, сидя въ раздумьѣ подъ окномъ.—„Надо это все бросить. Это опасно. Вонъ, и сердце какъ странно бьется. А когда я летаю, мнѣ все кажется, что его кто-то сосетъ, или какъ-будто изъ него что-то сочится — вотъ, какъ весной сокъ изъ березы, если воткнуть въ нее топоръ. А все-таки жалко. Да и Эллисъ... Она играетъ со мной, какъ кошка съ мышью... а впрочемъ, едва ли она желаетъ мнѣ зла. Отдамся ей въ послѣдній разъ—нагляжусь—а тамъ... Но если она пьетъ мою кровь? Это ужасно. Притомъ, такое быстрое передвиженіе не можетъ не быть вреднымъ; говорятъ, и въ Англіи, на желѣзныхъ дорогахъ, запрещено ѣхать болѣе 120 верстъ въ часъ..."

Такъ я размышлялъ съ самимъ собою—но въ десятомъ часу вечера я уже стоялъ передъ старымъ дубомъ.

XVIII.

Ночь была холодная, тусклая, сѣрая; въ воздухѣ пахло дождемъ. Къ удивленію моему, я никого не нашелъ подъ дубомъ; я прошелся нѣсколько разъ вокругъ, доходилъ до опушки лѣса, возвращался, тщательно вглядывался въ темноту... Все было пусто. Я подождалъ немного, потомъ нѣсколько разъ сряду произнесъ имя Эллисъ, все громче и громче... но она не появлялась. Мнѣ стало грустно, почти больно; прежнія мои опасенія исчезли: я не могъ примириться съ мыслью, что моя спутница уже не вернется ко мнѣ.

— Эллисъ! Эллисъ! приди же! Неужели ты не придешь? закричалъ я въ послѣдній разъ.

Воронъ, котораго мой голосъ разбудилъ, внезапно завозился на вершинѣ сосѣдняго дерева и, путаясь въ вѣтвяхъ, захлопалъ крыльями... Но Эллисъ не появлялась.

Понуривъ голову, я отправился домой. Впереди уже чернѣли ракиты по плотинѣ пруда, и свѣтъ въ окнѣ моей комнаты мелькнулъ между яблонями сада, мелькнулъ и скрылся, словно глазъ человѣка, который бы меня караулилъ—какъ вдругъ сзади меня послышался тонкій свистъ быстро разсѣкаемаго воздуха, и что-то разомъ обняло и подхватило меня снизу вверхъ: кобчикъ такъ подхватываетъ когтемъ, „чокаетъ“ перепела... Это Эллисъ на меня налетѣла. Я почувствовалъ ея щеку на моей щекѣ, кольцо ея руки вокругъ моего тѣла—и какъ острый холодокъ вонзился мнѣ въ ухо ея шопотъ: „вотъ и я“. Я и испугался, и обрадовался въ одно и то же время... Мы неслись невысоко надъ землей.

— Ты не хотѣла придти сегодня?—промолвилъ я.

— А ты соскучился по мнѣ? Ты меня любишь? О, ты мой!...

Послѣднія слова Эллисъ меня смутили... Я не зналъ, что̀ сказать.

— Меня задержали, — продолжала она: — меня караулили.

— Кто могъ тебя задержать?

— Куда ты хочешь? — спросила Эллисъ, по обыкновенію не отвѣчая на мой вопросъ.

— Понеси меня въ Италію, къ тому озеру—помнишь?

Эллисъ слегка отклонилась и отрицательно покачала головой. Тутъ я въ первый разъ замѣтилъ, что она перестала быть прозрачной. И лицо ея какъ-будто окрасилось; по туманной его бѣлизнѣ разливался алый оттѣнокъ. Я взглянулъ въ ея глаза... и мнѣ стало жутко: въ этихъ глазахъ что-то двигалось—медленнымъ, безостановочнымъ и зловѣщимъ движеніемъ свернувшейся и застывшей змѣи, которую начинаетъ отогрѣвать солнце.

— Эллисъ!—воскликнулъ я:—кто ты? Скажи же мнѣ, кто ты?

Эллисъ только плечомъ пожала.

Мнѣ стало досадно... мнѣ захотѣлось отомстить ей,— и вдругъ мнѣ пришло на умъ велѣть ей перенестись со мной въ Парижъ.—„Вотъ ужъ гдѣ придется тебѣ ревновать“, подумалъ я.—Эллисъ!—промолвилъ я вслухъ:—ты не боишься большихъ городовъ, Парижа, напримѣръ?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? Даже тѣхъ мѣстъ, гдѣ такъ свѣтло, какъ на бульварахъ?

— Это не дневной свѣтъ.

— Прекрасно; такъ неси же меня сейчасъ на Итальянскій бульваръ.

Эллисъ накинула мнѣ на голову конецъ своего длиннаго висячаго рукава. Меня тотчасъ охватила какая-то бѣлая мгла, съ снотворнымъ запахомъ мака. Все исчезло разомъ: всякій свѣтъ, всякій звукъ — и самое почти сознаніе. Одно ощущеніе жизни осталось — и это не было непріятно.

Внезапно мгла исчезла; Эллисъ сняла рукавъ съ моей головы, и я увидѣлъ подъ собою громаду столпившихся зданій, полную блеска, движенія, грохота... Я увидѣлъ Парижъ...

XIX.

Я прежде бывалъ въ Парижѣ, и потому тотчасъ узналъ

мѣсто, къ которому направлялась Эллисъ. Это былъ Тюльерійскій садъ, съ его старыми каштановыми деревьями, желѣзными рѣшётками, крѣпостнымъ рвомъ и звѣроподобными зуавами на часахъ. Минуя дворецъ, минуя церковь св. Роха, на ступеняхъ которой первый Наполеонъ въ первый разъ пролилъ французскую кровь, мы остановились высоко надъ Итальянскимъ бульваромъ, гдѣ третій Наполеонъ сдѣлалъ то же самое, и съ тѣмъ же успѣхомъ. Толпы народа, молодые и старые щеголи, блузники, женщины въ пышныхъ платьяхъ, тѣснились по панелямъ: раззолоченные рестораны и кофейныя горѣли огнями; омнибусы, кареты всѣхъ родовъ и видовъ сновали вдоль бульвара; все такъ и кипѣло, такъ и сіяло, все, куда ни падалъ взоръ... Но, странное дѣло, мнѣ не захотѣлось покинуть мою чистую, темную, воздушную высь, не захотѣлось приблизиться къ этому человѣческому муравейнику. Казалось, горячій, тяжелый, рдяный паръ поднимался оттуда, не то пахучій, не то смрадный: ужъ очень много жизней сбилось тамъ въ одну кучу. Я колебался... Но вотъ рѣзкій, какъ лязгъ желѣзныхъ полосъ, голосъ уличной лоретки внезапно долетѣлъ до меня; какъ наглый языкъ, высунулся онъ наружу, этотъ голосъ; онъ кольнулъ меня, какъ жало гадины. Я тотчасъ представилъ себѣ каменное, скулистое, жадное, плоское парижское лицо, ростовщичьи глаза, бѣлила, румяна, взбитые волосы и букетъ яркихъ поддѣльныхъ цвѣтовъ подъ остроконечной шляпой, выскребленные ногти въ родѣ когтей, безобразный кринолинъ... Я представилъ себѣ также и нашего брата степняка, бѣгущаго дрянной припрыжкой за продажной куклой... Я представилъ себѣ, какъ онъ, конфузясь до грубости и насильственно картавя, старается подражать въ манерахъ гарсонамъ Вефура, пищитъ, подслуживается, юлитъ—и чувство омерзѣнія охватило меня... „Нѣтъ“, подумалъ я, „здѣсь Эллисъ ревновать не придется“...

Между тѣмъ, я замѣтилъ, что мы понемногу начали понижаться... Парижъ вздымался къ намъ навстрѣчу со всѣмъ своимъ гамомъ и чадомъ...

— Остановись! — обратился я къ Эллисъ. — Неужели тебѣ не душно здѣсь, не тяжело?

— Ты самъ просилъ меня перенести тебя сюда.

— Я виноватъ, я беру назадъ свое слово. Неси меня прочь, Эллисъ, прошу тебя. Такъ и есть: вотъ и князь Кульмаметовъ ковыляетъ по бульвару; и другъ его, Сержъ Вараксинъ, машетъ ему ручкой и кричитъ: „Иванъ Степанычъ, аллонъ супэ, скорѣй, же ангаже самое Ригольбошъ!“ Неси меня прочь отъ этихъ мабилей и мезонъ-доре, отъ ганденовъ и бишей, отъ жокей-клуба и Фигаро, отъ выбритыхъ солдатскихъ лбовъ и вылощенныхъ казармъ, отъ сержандевилей съ эспаньолками и стакановъ мутнаго абсенту, отъ игроковъ въ домино по кофейнымъ и игроковъ на биржѣ, отъ красныхъ ленточекъ въ петлицѣ сюртука и въ петлицѣ пальто, отъ господина де-Фуа, изобрѣтателя „специальности браковъ“, и даровыхъ консультацій д-ра Шарля Альбера, отъ либеральныхъ лекцій и правительственныхъ брошюръ, отъ парижскихъ комедій и парижскихъ оперъ, отъ парижскихъ остротъ и парижскаго невѣжества... Прочь! прочь! прочь!

— Взгляни внизъ,—отвѣчала мнѣ Эллисъ:—ты уже не надъ Парижемъ.

Я опустилъ глаза... Точно. Темная равнина, кой-гдѣ пересѣченная бѣловатыми чертами дорогъ, быстро бѣжала подъ нами, и только назади, на небосклонѣ, какъ зарево огромнаго пожара, било кверху широкое отраженіе безчисленныхъ огней міровой столицы.

XX.

Опять упала пелена на глаза мои... Опять я забылся. Она разсѣялась, наконецъ.

Что это тамъ внизу? Какой это паркъ съ аллеями стриженыхъ липъ, съ отдѣльными елками въ видѣ зонтиковъ, съ портиками и храмами во вкусѣ помпадуръ, съ изваяніями сатировъ и нимфъ Бернініевской школы, съ тритонами рококо на срединѣ изогнутыхъ прудовъ, окаймленныхъ низкими перилами изъ почернѣвшаго мрамора? Не Версаль ли это? Нѣтъ, это не Версаль. Небольшой дво-

рецъ, тоже рококо, выглядываетъ изъ-за купы кудрявыхъ дубовъ. Луна неясно свѣтитъ, окутанная паромъ, и по землѣ какъ будто разостлался тончайшій дымъ. Глазъ не можетъ разобрать, что это такое: лунный свѣтъ или туманъ? Вонъ, на одномъ изъ прудовъ спитъ лебедь: его длинная спина бѣлѣетъ, какъ снѣгъ степей, прохваченныхъ морозомъ, а вонъ свѣтляки горятъ алмазами въ голубоватой тѣни, у подножья статуй.

— Мы возлѣ Мангейма, — промолвила Эллисъ: — это Швецингенскій садъ.

— Такъ мы въ Германіи,—подумалъ я, и началъ прислушиваться. Все было безмолвно; только гдѣ-то уединенно и незримо плескалась и болтала струйка падавшей воды. Казалось, она твердила все одни и тѣ же слова: „Да, да, да, всегда, да“. И вдругъ мнѣ почудилось, какъ будто по самой срединѣ одной изъ аллей, между стѣнами стриженой зелени, жеманно подавая руку дамѣ въ напудренной прическѣ и пестромъ робронѣ, выступалъ на красныхъ каблукахъ кавалеръ, въ золоченомъ кафтанѣ и кружевныхъ манжеткахъ, съ легкой стальной шпагой на бедрѣ... Странныя, блѣдныя лица... Я хочу вглядѣться въ нихъ... Но уже все исчезло, и только попрежнему болтаетъ вода...

— Это сны бродятъ,—шепнула Эллисъ:—вчера можно было увидѣть много... много. Сегодня и сны бѣгутъ человѣческаго глаза. Впередъ! Впередъ!

Мы поднялись кверху и полетѣли дальше. Такъ плавенъ и ровенъ былъ нашъ полетъ, что, казалось, не мы двигались, а все, напротивъ, къ намъ двигалось навстрѣчу. Появились горы, темныя, волнистыя, покрытыя лѣсомъ; онѣ выросли и поплыли на насъ... Вотъ, уже онѣ протекаютъ подъ нами, со всѣми своими извилинами, ложбинами, узкими лугами, съ огненными точками въ заснувшихъ деревушкахъ у быстрыхъ ручьевъ на днѣ долинъ; а впереди опять вырастаютъ и плывутъ другія горы... Мы въ нѣдрахъ Шварцвальда.

Горы, все горы... и лѣсъ, прекрасный, старый, могучій лѣсъ. Ночное небо ясно: я могу признать каждую породу

деревьевъ; особенно великолѣпны пихты съ ихъ бѣлыми, прямыми стволами. Кое-гдѣ, на опушкахъ, виднѣются дикія козы; стройно и чутко стоятъ онѣ на своихъ тонкихъ ножкахъ и прислушиваются, красиво повернувъ головы и насторожив большія, трубчатыя уши. Развалина башни печально и слѣпо выставляетъ съ вершины голаго утеса свои полуобрушенные зубцы; надъ старыми, забытыми камнями мирно теплится золотая звѣздочка. Изъ небольшого, почти чернаго озера поднимается, какъ таинственная жалоба, стенящее уканіе маленькихъ жабъ. Мнѣ чудятся другіе звуки, длинные, томные, подобные звукамъ эоловой арфы... Вотъ она, страна легендъ! Тотъ же самый тонкій лунный дымъ, который поразилъ меня въ Швецингенѣ, разлитъ здѣсь повсюду, и чѣмъ дальше расходятся горы, тѣмъ гуще этотъ дымъ. Я насчитываю пять, шесть, десять различныхъ тоновъ различныхъ пластовъ тѣни по уступамъ горъ, и надъ всѣмъ этимъ безмолвнымъ разнообразіемъ задумчиво царитъ луна. Воздухъ струится мягко и легко. Мнѣ самому легко и какъ-то возвышенно спокойно и грустно...

— Эллисъ, ты должна любить этотъ край!

— Я ничего не люблю.

— Какъ же это? А меня?

— Да... тебя!—отвѣчаетъ она равнодушно.

Мнѣ сдается, что ея рука тѣснѣе прежняго обвиваетъ мой станъ.

— Впередъ! Впередъ!—говоритъ Эллисъ съ какимъ-то холоднымъ увлеченьемъ.

— Впередъ!—повторяю я.

XXI.

Сильный, переливчатый, звонкій крикъ раздался внезапно надъ нами и тотчасъ же повторился уже немного впереди.

— Это запоздалые журавли летятъ къ вамъ, на сѣверъ,—сказала Эллисъ:—хочешь къ нимъ присоединиться?

— Да, да! подними меня къ нимъ.

Мы взвились и въ одинъ мигъ очутились рядомъ съ пролетавшей станицей.

Крупныя, красивыя птицы (ихъ всего было тринадцать) летѣли треугольникомъ, рѣзко и рѣдко махая выпуклыми крыльями. Туго вытянувъ голову и ноги, круто выставивъ грудь, онѣ стремились неудержимо и до того быстро, что воздухъ свисталъ вокругъ. Чудно было видѣть на такой вышинѣ, въ такомъ удаленіи отъ всего живого такую горячую, сильную жизнь, такую неуклонную волю. Не переставая побѣдоносно разсѣкать пространство, журавли изрѣдка перекликались съ передовымъ товарищемъ, съ вожакомъ, и было что-то гордое, важное, что-то несокрушимо-самоувѣренное въ этихъ громкихъ возгласахъ, въ этомъ подоблачномъ разговорѣ. „Мы долетимъ, небось, хоть и трудно", казалось, говорили они, ободряя другъ друга. И тутъ мнѣ пришло въ голову, что такихъ людей, каковы были эти птицы—въ Россіи — гдѣ въ Россіи! въ цѣломъ свѣтѣ немного.

— Мы теперь летимъ въ Россію,—промолвила Эллисъ. Я уже не въ первый разъ могъ замѣтить, что она почти всегда знала, о чемъ я думаю.—Хочешь вернуться?

— Вернемся... или нѣтъ? Я былъ въ Парижѣ; неси меня въ Петербургъ.

— Теперь?

— Сейчасъ... Только закрой мнѣ голову твоей пеленой, а то мнѣ дурно дѣлается.

Эллисъ подняла руку... но прежде чѣмъ туманъ охватилъ меня, я успѣлъ почувствовать на губахъ моихъ прикосновеніе того мягкаго, тупого жала...

XXII.

„Слуша-а-а-а-ай!" раздался въ ушахъ моихъ протяжный крикъ. „Слуша-а-а-а-ай!" словно съ отчаяніемъ отозвалось въ отдаленіи. „Слуша-а-а-а-ай!" замерло гдѣ-то на концѣ свѣта. Я встрепенулся. Высокій золотой шпиль бросился мнѣ въ глаза: я узналъ Петропавловскую крѣпость.

Сѣверная, блѣдная ночь! Да и ночь ли это? Не блѣдный, не больной ли это день? Я никогда не любилъ петербургскихъ ночей; но на этотъ разъ мнѣ даже страшно

стало: обликъ Эллисъ исчезалъ совершенно, таялъ, какъ утренній туманъ на іюльскомъ солнцѣ, и я ясно видѣлъ все свое тѣло, какъ оно грузно и одиноко висѣло въ уровень Александровской колонны. Такъ вотъ Петербургъ! Да, это онъ, точно. Эти пустыя, широкія, сѣрыя улицы; эти сѣро-бѣловатые, желто-сѣрые, сѣро-лиловые, оштукатуренные и облупленные дома, съ ихъ впалыми окнами, яркими вывѣсками, желѣзными навѣсами надъ крыльцами и дрянными овощными лавчонками; эти фронтоны, надписи, будки, колоды; золотая шапка Исаакія; ненужная, пестрая биржа; гранитныя стѣны крѣпости и взломанная деревянная мостовая; эти барки съ сѣномъ и дровами; этотъ запахъ пыли, капусты, рогожи и конюшни, эти окаменѣлые дворники въ тулупахъ у воротъ, эти скорченные мертвеннымъ сномъ извозчики на продавленныхъ дрожкахъ,—да, это она, наша Сѣверная Пальмира. Все видно кругомъ; все ясно, до жуткости четко и ясно, и все печально спитъ, странно громоздясь и рисуясь въ тусклопрозрачномъ воздухѣ. Румянецъ вечерней зари—чахоточный румянецъ—не сошелъ еще, и не сойдетъ до утра съ бѣлаго, беззвѣзднаго неба, онъ ложится по шелковистой глади Невы, а она чуть журчитъ и чуть колышется, торопя впередъ свои холодныя, синія воды...

— Улетимъ,—взмолилась Эллисъ.

И, не дожидаясь моего отвѣта, она понесла меня черезъ Неву, черезъ Дворцовую площадь, къ Литейной. Шаги и голоса послышались внизу: по улицѣ шла кучка молодыхъ людей съ испитыми лицами и толковала о танцклассахъ. „Подпоручикъ Столпаковъ седьмой!“ крикнулъ вдругъ спросонку солдатъ, стоявшій на часахъ у пирамидки ржавыхъ ядеръ, а нѣсколько подальше, у раскрытаго окна высокаго дома, я увидѣлъ дѣвицу въ измятомъ шелковомъ платьѣ, безъ рукавчиковъ, съ жемчужной сѣткой на волосахъ и съ папироской во рту. Она благоговѣйно читала книгу: это былъ томъ сочиненій одного изъ новѣйшихъ Ювеналовъ.

— Улетимъ!—сказалъ я Эллисъ.

Минута, и уже мелькали передъ нами гнилые еловые

лѣсишки и моховыя болота, окружающія Петербургъ. Мы направлялись прямо къ югу: небо и земля, все становилось понемногу темнѣй и темнѣй. Больная ночь, больной день, больной городъ — все осталось назади.

XXIII.

Мы летѣли тише обыкновеннаго, и я имѣлъ возможность услѣдить глазами, какъ постепенно развертывалось передо мною, подобно свитку нескончаемой панорамы, обширное пространство родной земли. Лѣса, кусты, поля, овраги, рѣки—изрѣдка деревни, церкви—и опять поля и лѣса, и кусты, и овраги... Грустно стало мнѣ, и какъ-то равнодушно скучно. И не потому стало мнѣ грустно и скучно, что пролеталъ я именно надъ Россіей. Нѣтъ! Сама земля, эта плоская поверхность, которая разстилалась подо мною; весь земной шаръ съ его населеніемъ, мгновеннымъ, немощнымъ, подавленнымъ нуждою, горемъ, болѣзнями, прикованнымъ къ глыбѣ презрѣннаго праха; эта хрупкая, шероховатая кора, этотъ наростъ на огненной песчинкѣ нашей планеты, по которому проступила плѣсень, величаемая нами органическимъ, растительнымъ царствомъ; эти люди-мухи, въ тысячу разъ ничтожнѣе мухъ; ихъ слѣпленныя изъ грязи жилища, крохотные слѣды ихъ мелкой, однообразной возни, ихъ забавной борьбы съ неизмѣняемымъ и неизбѣжнымъ,—какъ это мнѣ вдругъ все опротивѣло! Сердце во мнѣ медленно перевернулось, и не захотѣлось мнѣ болѣе глазѣть на эти незначительныя картины, на эту пошлую выставку... Да, мнѣ стало скучно— хуже чѣмъ скучно. Даже жалости я не ощущалъ къ своимъ собратьямъ: всѣ чувства во мнѣ потонули въ одномъ, которое я назвать едва дерзаю: въ чувствѣ отвращенія, и сильнѣе всего, и болѣе всего во мнѣ было отвращеніе — къ самому себѣ.

— Перестань,—шепнула Эллисъ:—перестань, а то я тебя не снесу. Ты тяжелъ становишься.

— Ступай домой,—отвѣчалъ я ей тѣмъ же голосомъ, какимъ я говаривалъ эти слова моему кучеру, выходя въ четвертомъ часу ночи отъ московскихъ пріятелей, съ ко-

торыми съ самаго обѣда толковалъ о будущности Россіи и значеніи общины.—Ступай домой,—повторилъ я и закрылъ глаза.

XXIV.

Но я скоро раскрылъ ихъ. Эллисъ какъ-то странно ко мнѣ прижималась; она почти толкала меня. Я посмотрѣлъ на нее и кровь во мнѣ застыла. Кому случалось увидать на лицѣ другого внезапное выраженіе глубокаго ужаса, причину котораго онъ не подозрѣваетъ,—тотъ меня пойметъ. Ужасъ, томительный ужасъ кривилъ, искажалъ блѣдныя, почти стертыя черты Эллисъ. Я не видалъ ничего подобнаго даже на живомъ человѣческомъ лицѣ. Безжизненный, туманный призракъ, тѣнь... и этотъ замирающій страхъ...

— Эллисъ, что съ тобой?—проговорилъ я наконецъ.

— Она... она...—отвѣчала она съ усиліемъ:—она!

— Она? кто она?

— Не называй ее, не называй,—торопливо пролепетала Эллисъ.—Надо спасаться, а то всему конецъ—и навсегда... Посмотри: вонъ тамъ!

Я обернулъ голову въ сторону, куда указывала мнѣ трепещущая рука, и увидалъ нѣчто... нѣчто дѣйствительно страшное.

Это нѣчто было тѣмъ страшнѣе, что не имѣло опредѣленнаго образа. Что-то тяжелое, мрачное, изжелта-черное, пестрое, какъ брюхо ящерицы—не туча и не дымъ, медленно, змѣинымъ движеніемъ, двигалось надъ землей. Мѣрное, широкое колебаніе сверху внизъ и снизу вверхъ, колебаніе, напоминающее зловѣщій размахъ крыльевъ хищной птицы, когда она ищетъ свою добычу; по временамъ неизъяснимо противное приниканіе къ землѣ,—паукъ такъ приникаетъ къ пойманной мухѣ... Кто ты, что ты, грозная масса? Подъ ея вліяніемъ—я это видѣлъ, я это чувствовалъ—все уничтожалось, все нѣмѣло... Гнилымъ, тлетворнымъ холодкомъ несло отъ нея—отъ этого холодка тошнило на сердцѣ и въ глазахъ темнѣло, и волосы вставали дыбомъ. Это сила шла; та сила, которой

нѣтъ сопротивленія, которой все подвластно, которая безъ зрѣнія, безъ образа, безъ смысла—все видитъ, все знаетъ, и какъ хищная птица выбираетъ свои жертвы, какъ змѣя ихъ давитъ и лижетъ своимъ мерзлымъ жаломъ...

— Эллисъ! Эллисъ!—закричалъ я какъ изступленный.— Это смерть! сама смерть!

Жалобный звукъ, уже прежде слышанный мною, вырвался изъ устъ Эллисъ — на этотъ разъ онъ скорѣе походилъ на человѣческій, отчаянный вопль — и мы понеслись. Но нашъ полетъ былъ странно и страшно неровенъ; Эллисъ кувыркалась на воздухѣ, падала, бросалась изъ стороны въ сторону, какъ куропатка, смертельно раненая или желающая отвлечь собаку отъ своихъ дѣтей. А между тѣмъ, вслѣдъ за нами, отдѣлившись отъ неизъяснимо-ужасной массы, покатились какіе-то длинные, волнистые отпрыски, словно протянутыя руки, словно когти... Громадный образъ закутанной фигуры на блѣдномъ конѣ мгновенно всталъ и взвился подъ самое небо... Еще тревожнѣе, еще отчаяннѣе заметалась Эллисъ. „Она увидала! Все кончено! Я пропала!..“ слышался ея прерывистый шопотъ. „О, я несчастная! Я могла бы воспользоваться, набраться жизни... а теперь... Ничтожество, ничтожество!“

Это было слишкомъ невыносимо... Я лишился чувствъ.

XXV.

Когда я опомнился—я лежалъ навзничь въ травѣ и чувствовалъ во всемъ тѣлѣ глухую боль, какъ отъ сильнаго ушиба. На небѣ брезжило утро: я могъ ясно различать предметы. Невдалекѣ, вдоль березовой рощицы, шла дорога, усаженная ракитами: мѣста мнѣ казались знакомыя. Я началъ припоминать, что́ произошло со мною, и содрогнулся весь, какъ только пришло мнѣ на умъ то послѣднее безобразное видѣніе...

„Но чего же испугалось Эллисъ?“ подумалъ я. „Ужели и она подлежитъ *ея* власти? Развѣ она не безсмертна? Развѣ и она обречена ничтожеству, разрушенію? какъ это возможно!“

Тихій стонъ раздался вблизи. Я повернулъ голову. Въ двухъ шагахъ отъ меня недвижно лежала распростертая молодая женщина въ бѣломъ платьѣ, съ разбросанными густыми волосами, съ обнаженнымъ плечомъ. Одна рука закинулась на голову, другая упала на грудь. Глаза были закрыты, и на стиснутыхъ губахъ выступила легкая алая пѣна. Неужели это Эллисъ? Но Эллисъ — призракъ, а я видѣлъ передъ собою живую женщину. Я подползъ къ ней, наклонился...

— Эллисъ! ты ли это? — воскликнулъ я. Вдругъ, медленно затрепетавъ, приподнялись широкія вѣки; темные, пронзительные глаза впились въ меня—и въ то же мгновенье въ меня впились и губы, теплыя, влажныя, съ кровянымъ запахомъ... мягкія руки крѣпко обвились вокругъ моей шеи, горячая, полная грудь судорожно прижалась къ моей. — Прощай! прощай на вѣкъ! — явственно произнесъ замиравшій голосъ — и все исчезло.

Я приподнялся, шатаясь на ногахъ, словно пьяный, и, проведя нѣсколько разъ руками по лицу, оглядѣлся внимательно. Я находился возлѣ большой ....ой дороги, въ двухъ верстахъ отъ своей усадьбы. Солнце уже встало, когда я добрался домой.

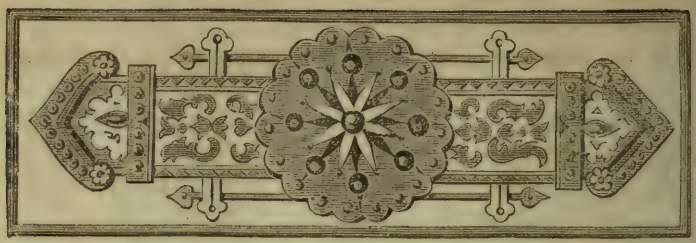
Всѣ слѣдующія ночи я ждалъ — и, признаюсь, не безъ страха — появленія моего призрака; но онъ не посѣщалъ меня болѣе. Я даже отправился однажды, въ сумерки, къ старому дубу, но и тамъ не произошло ничего необыкновеннаго. Впрочемъ, я не слишкомъ жалѣлъ о прекращеніи такого страннаго знакомства. Я много и долго размышлялъ объ этомъ непонятномъ, почти безтолковомъ казусѣ—и я убѣдился, что не только наука его не объясняетъ, но что даже въ сказкахъ, въ легендахъ не встрѣчается ничего подобнаго. Что такое Эллисъ, въ самомъ дѣлѣ? Привидѣніе, скитающаяся душа, злой духъ, сильфида, вампиръ, наконецъ? Иногда мнѣ опять казалось, что Эллисъ—женщина, которую я когда-то зналъ, и я дѣлалъ страшныя усилія, чтобы припомнить, гдѣ я ее видѣлъ... Вотъ, вотъ, казалось иногда—сейчасъ, сію минуту вспомню... Куда! все

опять расплывалось, какъ сонъ. Да, я думалъ много и, какъ водится, ни до чего не додумался. Спросить совѣта или мнѣнія другихъ людей я не рѣшался, боясь прослыть за сумасшедшаго. Я, наконецъ, бросилъ всѣ свои размышленія: правду сказать, мнѣ было не до того. Съ одной стороны, подвернулась эманципація съ разверстаніемъ угодій и пр., и пр.; а съ другой, собственное здоровье разстроилось: грудь заболѣла, безсонница, кашель. Все тѣло сохнетъ. Лицо желтое, какъ у мертвеца. Докторъ увѣряетъ, что у меня крови мало, называетъ мою болѣзнь греческимъ именемъ „анеміей“ и посылаетъ меня въ Гастейнъ. А посредникъ божится, что безъ меня съ крестьянами „не сообразишь...“

Вотъ тутъ и соображай!

Но что значатъ тѣ пронзительно-чистые и острые звуки, звуки гармоники, которые я слышу, какъ только заговорятъ при мнѣ о чьей-нибудь смерти? Они становятся все громче, все пронзительнѣй... И зачѣмъ я такъ мучительно содрогаюсь при одной мысли о ничтожествѣ?

1863 г.



ДОВОЛЬНО.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ УМЕРШАГО ХУДОЖНИКА.)

I.

. . . . . .

II.

. . . . . .

III.

Довольно,—говорилъ я самому себѣ, между тѣмъ какъ ноги мои, нехотя переступая по крутому скату горы, несли меня внизъ, къ тихой рѣчкѣ; „довольно“,— повторялъ я, вдыхая смолистый запахъ сосновой рощи, которому свѣжесть наступавшаго вечера придавала особенную крѣпость и остроту; „довольно“, — сказалъ я еще разъ, усѣвшись на моховомъ бугрѣ надъ самой рѣчкой и глядя на ея темныя и небыстрыя волны, надъ которыми толстый тростникъ поднималъ свои блѣдно-зеленые стебли... „Довольно!“ — Полно метаться, полно тянуться, сжаться пора: пора взять голову въ обѣ руки и велѣть сердцу молчать. Полно нѣжиться сладкой нѣгой неопредѣленныхъ, но плѣнительныхъ ощущеній, полно бѣжать за каждымъ новымъ образомъ красоты, полно ловить каждое трепетаніе ея тонкихъ и сильныхъ крылъ. — Все извѣ-

дано—все перечувствовано много разъ... усталъ я.—Что̀ мнѣ въ томъ, что въ это самое мгновенье заря все шире, все ярче разливается по небу, словно распаленная какою-то всепобѣдною страстію? Что̀ въ томъ, что въ двухъ шагахъ отъ меня, среди тишины и нѣги и блеска вечера, въ росистой глубинѣ неподвижнаго куста, соловей вдругъ сказался такими волшебными звуками, точно до него на свѣтѣ не водилось соловьевъ, и онъ первый запѣлъ первую пѣснь о первой любви? Все это было, было, повторялось, повторяется тысячу разъ — и какъ вспомнишь, что все это будетъ продолжаться такъ цѣлую вѣчность—словно по указу, по закону—даже досадно станетъ! Да... досадно!

IV.

Эхъ, состарѣлся я! Прежде—подобныя мысли и въ голову бы мнѣ не пришли—прежде, въ тѣ счастливые дни, когда я самъ разгорался, какъ заря, и пѣлъ, какъ соловей. — Надо признаться: все потускнѣло вокругъ, вся жизнь поблекла. Свѣтъ, который даетъ ея краскамъ и значеніе, и силу, — тотъ свѣтъ, который исходитъ изъ сердца человѣка, — погасъ во мнѣ... Нѣтъ, онъ еще не погасъ, но едва тлѣетъ, безъ лучей и безъ теплоты. Помнится, однажды, поздней ночью, въ Москвѣ, я подошелъ къ рѣшетчатому окну старенькой церкви и прислонился къ неровному стеклу. Было темно подъ низкими сводами—позабытая лампадка едва теплилась краснымъ огонькомъ передъ древнимъ образомъ — и смутно виднѣлись однѣ только губы святого лика — строгія, скорбныя; угрюмый мракъ надвигался кругомъ и, казалось, готовился подавить своею глухою тяжестью слабый лучъ ненужнаго свѣта... И въ сердцѣ моемъ — теперь такой же свѣтъ и такой же мракъ.

V.

И это я пишу тебѣ—тебѣ, мой единственный и незабвенный другъ, тебѣ, дорогая моя подруга, которую я покинулъ навсегда, но которую не перестану любить до конца моей жизни... Увы! ты знаешь, что̀ насъ разлу-

чило. Но я не хочу теперь упоминать объ этомъ. Я тебя покинулъ... но и здѣсь, въ этой глуши, въ этой дали, въ этомъ изгнаніи—я весь проникнутъ тобою, я попрежнему въ твоей власти, попрежнему чувствую сладостное тяготѣніе твоей руки на моей склоненной головѣ! — Въ послѣдній разъ приподнимаясь изъ нѣмой могилы, въ которой я теперь лежу, я пробѣгаю кроткимъ и умиленнымъ взоромъ все мое прошедшее, все наше прошедшее... Надежды нѣтъ, и нѣтъ возврата—но и горечи нѣтъ во мнѣ, и нѣтъ сожалѣнья—и яснѣе небесной лазури, чище перваго снѣга на горныхъ высотахъ, возстаютъ, какъ образы умершихъ боговъ, прекрасныя воспоминанья... Они не тѣснятся толпами, они проходятъ тихой чередою, какъ тѣ закутанныя фигуры аѳинскихъ ѳеорій, которыми — помнишь?—мы такъ любовались на древнихъ барельефахъ Ватикана...

VI

Я сейчасъ упомянулъ о свѣтѣ, который исходитъ изъ сердца человѣческаго и озаряетъ все, что его окружаетъ... Мнѣ хочется поговорить съ тобою о томъ времени, когда и въ моемъ сердцѣ горѣлъ этотъ благодатный свѣтъ. — Слушай... а я воображу, что ты сидишь передо мною и глядишь на меня твоими ласковыми и въ то же время почти до строгости внимательными глазами. О, незабвенные глаза! На кого, куда устремлены вы теперь? Кто принимаетъ въ свою душу вашъ взглядъ—этотъ взглядъ, который какъ-будто вытекаетъ изъ невѣдомой глубины, подобно тѣмъ таинственнымъ ключамъ, какъ вы, и свѣтлымъ и темнымъ, которые бьютъ на самомъ днѣ тѣсныхъ долинъ, подъ навѣсами скалъ?.. Слушай.—

VII.

Это было въ концѣ марта, передъ Благовѣщеніемъ, вскорѣ послѣ того, какъ я въ первый разъ тебя увидѣлъ— и, еще не подозрѣвая, чѣмъ ты станешь для меня—уже носилъ тебя въ сердцѣ—безмолвно и тайно.—Мнѣ пришлось переѣзжать одну изъ главныхъ рѣкъ Россіи. Ледъ еще не тронулся на ней—но какъ-будто вспухъ и по-

темнѣлъ; четвертый день стояла оттепель. Снѣгъ таялъ кругомъ—дружно, но тихо; вездѣ сочилась вода; въ рыхломъ воздухѣ бродилъ беззвучный вѣтеръ. Одинъ и тотъ же, ровный, молочный цвѣтъ обливалъ землю и небо: тумана не было—но не было и свѣта; ни одинъ предметъ не выдѣлялся на общей бѣлизнѣ; все казалось и близкимъ, и неяснымъ. Оставивъ свою кибитку далеко назади, я быстро шелъ по льду рѣчному—и, кромѣ глухого стука собственныхъ шаговъ, не слышалъ ничего; я шелъ, со всѣхъ сторонъ охваченный первымъ млѣніемъ и вѣяніемъ ранней весны... и понемногу, прибавляясь съ каждымъ шагомъ, съ каждымъ движеніемъ впередъ, поднималась и росла во мнѣ какая-то радостная, непонятная тревога... Она увлекала, она торопила меня—и такъ сильны были ея порывы, что я остановился, наконецъ, въ изумленіи и вопросительно посмотрѣлъ вокругъ, какъ бы желая отъискать внѣшнюю причину моего восторженнаго состоянія... Все было тихо, бѣло, сонно; но я поднялъ глаза: высоко на небѣ неслись станицей прилетныя птицы... „Весна! здравствуй, весна!“ — закричалъ я громкимъ голосомъ:— „здравствуй, жизнь и любовь, и счастье!“ — и въ то же мгновенье, съ сладостно потрясающею силой, подобно цвѣту кактуса, внезапно вспыхнулъ во мнѣ твой образъ— вспыхнулъ и сталъ, очаровательно яркій и прекрасный— и я понялъ, что я люблю тебя, тебя одну, что я весь полонъ тобою...

VIII.

Я думаю о тебѣ... и много другихъ воспоминаній, другихъ картинъ встаетъ передо мною—и повсюду ты, на всѣхъ путяхъ моей жизни встрѣчаю я тебя.—То является мнѣ старый русскій садъ на скатѣ холма, освѣщенный послѣдними лучами лѣтняго солнца. Изъ-за серебристыхъ тополей выглядываетъ тесовая крыша господскаго дома съ тонкимъ завиткомъ алаго дыма надъ бѣлой трубой—а въ заборѣ калитка чуть раскрылась, словно кто потянулъ ее нерѣшительной рукою—и я стою, и жду, и гляжу на эту калитку и на песокъ садовой дорожки—я дивлюсь и уми-

ляюсь, все, что я вижу, мнѣ кажется необыкновеннымъ и новымъ, все обвѣяно какой-то свѣтлой, ласковой таинственностью—и уже чудится мнѣ быстрый шелестъ шаговъ—и стою я, весь напряженный и легкій, какъ птица, только-что сложившая крылья и готовая взвиться вновь—и сердце горитъ и трепещетъ веселымъ страхомъ передъ близкимъ, передъ налетающимъ счастьемъ...

IX.

То вижу я древній соборъ въ далекой, прекрасной странѣ. Рядами тѣснится колѣнопреклоненный народъ; молитвеннымъ холодомъ, чѣмъ-то важнымъ и унылымъ вѣетъ отъ высокаго, нагого свода, отъ громадныхъ, кверху развѣтвленныхъ столбовъ. — Ты стоишь возлѣ меня безгласно и безучастно, точно ты мнѣ чужая; каждая складка твоего темнаго плаща виситъ неподвижно, какъ изваянная; неподвижно лежатъ пестрыя отраженья цвѣтныхъ оконъ у ногъ твоихъ, на потертыхъ плитахъ.—И вотъ, сильно потрясая тусклый отъ ладана воздухъ, внутренно насъ потрясая, тяжелой волной прокатились звуки органа—и ты поблѣднѣла и выпрямилась—твой взоръ коснулся меня, скользнулъ выше и поднялся къ небу,—а мнѣ показалось, что только безсмертная душа можетъ такъ глядѣть и такими глазами...

X.

То является мнѣ другая картина.—Не старинный храмъ подавляетъ насъ своимъ суровымъ великолѣпіемъ; низкія стѣны небольшой уютной комнатки отдѣляютъ насъ отъ цѣлаго міра. — Что я говорю! мы одни, одни въ цѣломъ мірѣ; кромѣ насъ двоихъ нѣтъ ничего живого; за этими дружелюбными стѣнами мракъ и смерть, и пустота. То не вѣтеръ воетъ, то не дождикъ струится ручьями: то жалуется и стонетъ Хаосъ; то плачутъ его слѣпыя очи. А у насъ тихо и свѣтло, и тепло, и привѣтно; что-то забавное, что-то дѣтски-невинное, бабочкой—не правда ли?—порхаетъ вокругъ; мы пріютились другъ къ дружкѣ, мы прислонились другъ къ дружкѣ головами, и оба читаемъ хорошую книгу; я чувствую, какъ бьется тонкая жилка

въ твоемъ нѣжномъ вискѣ, я слышу, какъ ты живешь, ты слышишь, какъ я живу, твоя улыбка рождается у меня на лицѣ прежде, чѣмъ у тебя, ты отвѣчаешь безмолвно на мой безмолвный вопросъ, твои мысли, мои мысли—какъ оба крыла одной и той же въ лазури потонувшей птицы...—послѣднія преграды пали—и такъ успокоилась, такъ углубилась наша любовь, такъ безслѣдно исчезло всякое разъединеніе, что намъ даже не хочется мѣняться словомъ, взглядомъ... Только дышать, дышать вмѣстѣ хочется намъ, жить вмѣстѣ, быть вмѣстѣ... и даже не сознавать того, что мы вмѣстѣ...

XI.

Или, наконецъ, мнѣ представляется то ясное, сентябрьское утро, когда мы гуляли съ тобою по пустынному, еще не отцвѣтшему саду заброшеннаго дворца, на берегу великой не русской рѣчки, при кроткомъ сіяніи безоблачнаго неба. О, какъ передать тѣ ощущенія! — Эта безконечно текущая рѣка, эта безлюдность и спокойствіе, и радость, и какая-то упоительная грусть, и колыханіе счастья, незнакомый, однообразный городъ, осенніе крики галокъ въ высокихъ, свѣтлыхъ деревьяхъ—и эти ласковыя рѣчи и улыбки, и взгляды, долгіе, мягкіе, до дна доходящіе, и красота, красота въ самихъ насъ, кругомъ, повсюду—это выше словъ. О, скамейка, на которой мы сидѣли молча, съ поникшими отъ избытка чувствъ головами—не забыть мнѣ тебя до смертнаго моего часа!—Что за прелесть были эти рѣдкіе прохожіе съ ихъ короткимъ привѣтомъ и добрыми лицами, и плывшія мимо, большія, тихія лодки—(на одной изъ нихъ—помнишь?—стояла лошадь и задумчиво глядѣла на скользившую у ней подъ носомъ воду) — ребяческій лепетъ мелкихъ прибрежныхъ волнъ и самый лай далекихъ собакъ надъ гладью рѣки, самое покрикиваніе дороднаго унтеръ-офицера на учившихся тутъ же въ сторонѣ краснощекихъ рекрутовъ съ ихъ оттопыренными локтями и вынесенными впередъ, на журавливый ладъ, ногами!.. Мы чувствовали оба, что лучше этихъ мгновеній ничего въ мірѣ не бывало и не будетъ

для насъ—что все остальное... Да и какія тутъ сравненія! Довольно... довольно... Увы! да: довольно.

XII.

Въ послѣдній разъ отдался я тѣмъ воспоминаніямъ и прощаюсь съ ними безвозвратно. — Такъ скупой, въ послѣдній разъ налюбовавшись своимъ кладомъ, своимъ золотомъ, своимъ свѣтлымъ сокровищемъ — засыпаетъ его сѣрой, сырой землею; такъ свѣтильня истощенной лампады, вспыхнувъ послѣднимъ, яркимъ пламенемъ, покрывается холоднымъ пепломъ. Взглянулъ звѣрекъ въ послѣдній разъ изъ своей норки на бархатную травку, на солнышко, на голубыя, ласковыя воды—да и забился въ самую глубь, свернулся калачикомъ—и заснулъ. Будутъ ли ему хотя во снѣ мерещиться и солнышко, и травка, и голубыя, ласковыя воды?

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

XIII.

Строго и безучастно ведетъ каждаго изъ насъ судьба—и только на первыхъ порахъ, мы, занятые всякими случайностями, вздоромъ, самими собою—не чувствуемъ ея черствой руки.—Пока можно обманываться и не стыдно лгать—можно жить, и не стыдно надѣяться. Истина—не полная истина—о той и помину быть не можетъ,—но даже та малость, которая намъ доступна—замыкаетъ тотчасъ намъ уста, связываетъ намъ руки, сводитъ насъ „на нѣтъ“.—Тогда одно остается человѣку, чтобы устоять на ногахъ и не разрушиться въ прахъ, не погрязнуть въ тинѣ самозабвенія... самопрезрѣнія: спокойно отвернуться ото всего, сказать: довольно! — и, скрестивъ на пустой груди ненужныя руки, сохранить послѣднее, единственно доступное ему достоинство, достоинство сознанія собственнаго ничтожества; то достоинство, на которое намекаетъ Паскаль, когда онъ, называя человѣка мыслящимъ тростникомъ, говоритъ, что если бы цѣлая вселенная его раздавила — онъ, этотъ тростникъ, былъ бы все-таки выше

вселенной, потому что онъ бы зналъ, что она его давитъ,—а она бы этого не знала. Слабое достоинство! Печальное утѣшеніе! Какъ ты ни старайся проникнуться имъ, повѣрить ему—о, ты, кто бы ни былъ, мой бѣдный собратъ,—не отразить тебѣ тѣхъ грозныхъ словъ поэта „Наша жизнь—одна бродячая тѣнь; жалкій актеръ, который рисуется и кичится какой-нибудь часъ на сценѣ—а тамъ пропадаетъ безъ вѣсти; сказка, разсказанная безумцемъ, полная звуковъ и ярости—и не имѣющая никакого смысла“ *). Я привелъ стихи изъ Макбета, и пришли мнѣ на память тѣ вѣдьмы, призраки, привидѣнія... Увы! не привидѣнія, не фантастическія, подземныя силы страшны; не страшна Гофманщина, подъ какимъ бы видомъ она ни являлась... Страшно то, что нѣтъ ничего страшнаго, что самая суть жизни мелка, неинтересна — и нищенски плоска. Проникнувшись *этимъ* сознаньемъ, отвѣдавъ *этой* полыни, никакой ужъ медъ не покажется сладкимъ — и даже то высшее, то сладчайшее счастье, счастье любви, полнаго сближенія, безвозвратной преданности — даже оно теряетъ все свое обаяніе; все его достоинство уничтожается его собственной малостью, его краткостью. Ну, да: человѣкъ полюбилъ, загорѣлся, залепеталъ о вѣчномъ блаженствѣ, о безсмертныхъ наслажденіяхъ—смотришь: давнымъ-давно уже нѣтъ слѣда самаго того червя, который выѣлъ послѣдній остатокъ его изсохшаго языка. Такъ, поздней осенью, въ морозный день, когда все безжизненно и нѣмо въ посѣдѣлой травѣ, на окраинѣ обнаженнаго лѣса — стоитъ солнцу выйти на мигъ, изъ тумана, пристально взглянуть на застывшую землю—тотчасъ отовсюду поднимутся мошки: онѣ играютъ въ тепломъ его лучѣ, хлопочутъ, толкутся вверхъ, внизъ, вьются другъ около друга... Солнце скроется—мошки валятся слабымъ дождемъ—и конецъ ихъ мгновенной жизни.

XIV.

Но развѣ нѣтъ великихъ представленій, великихъ утѣшительныхъ словъ: „Народность, право, свобода, человѣ-

*) *Макбетъ*: актъ V-й, сцена 5-я.

чество, искусство?“ Да; эти слова существуютъ, и много людей живетъ ими и для нихъ. Но все-таки мнѣ сдается, что если бы вновь народился Шекспиръ, ему не изъ чего было бы отказаться отъ своего Гамлета, отъ своего Лира. Его проницательный взоръ не открылъ бы ничего новаго въ человѣческомъ быту: все та же пестрая и въ сущности несложная картина развернулась бы передъ нимъ въ своемъ тревожномъ однообразіи. То же легковѣріе и та же жестокость, та же потребность крови, золота, грязи, тѣ же пошлыя удовольствія, тѣ же безсмысленныя страданья во имя... ну, хоть во имя того же вздора, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ осмѣяннаго Аристофаномъ, тѣ же самыя грубыя приманки, на которыя такъ же легко попадается многоголовый звѣрь — людская толпа, тѣ же ухватки власти, тѣ же привычки рабства, та же естественность неправды — словомъ, то же хлопотливое прыганье бѣлки въ томъ же старомъ, даже не подновленномъ колесѣ... Шекспиръ опять заставилъ бы Лира повторить свое жестокое: „нѣтъ виноватыхъ“ — что̀ другими словами значитъ: „нѣтъ и правыхъ“ — и тоже бы промолвилъ: довольно! и тоже бы отвернулся. — Одно развѣ только: быть-можетъ, въ противоположность мрачному, трагическому тирану — Ричарду — ироническій геній великаго поэта захотѣлъ бы нарисовать другой, болѣе современный типъ тирана, который почти готовъ повѣрить въ собственную добродѣтель и спокойно почиваетъ по ночамъ или жалуется на черезчуръ изысканный обѣдъ въ то самое время, когда его полураздавленныя жертвы стараются хоть тѣмъ себя утѣшить, что воображаютъ его, какъ Ричарда III-го, окруженнымъ призраками погубленныхъ имъ людей...

Но къ чему?

Къ чему доказывать — да еще подбирая и взвѣшивая слова, округляя и сглаживая рѣчь — къ чему доказывать мошкамъ, что онѣ точно мошки?

XV.

Но искусство?.. красота?.. Да, это сильныя слова; они,

пожалуй, сильнѣе другихъ, мною выше упомянутыхъ словъ. Венера Милосская, пожалуй, несомнѣннѣе римскаго права или принциповъ 89-го года. Мнѣ могутъ возразить — и сколько разъ уже слышались эти возраженія! — что и сама красота дѣло условное, что китайцу она представляется совсѣмъ иначе, чѣмъ европейцу... Но не условность искусства меня смущаетъ; его бренность, опять-таки его бренность, его тлѣнъ и прахъ—вотъ, что́ лишаетъ меня бодрости и вѣры. Искусство, въ данный мигъ, пожалуй, сильнѣе самой природы, потому что въ ней нѣтъ ни симфоніи Бетховена, ни картины Рюисдаля, ни поэмы Гёте — и одни лишь тупые педанты или недобросовѣстные болтуны могутъ еще толковать объ искусствѣ, какъ о подражаніи природѣ; но, въ концѣ-концовъ, природа неотразима; ей спѣшить нечего, и рано или поздно она возьметъ свое. Безсознательно и неуклонно покорная законамъ, она не знаетъ искусства, какъ не знаетъ свободы, какъ не знаетъ добра; отъ вѣка движущаяся, отъ вѣка преходящая, она не терпитъ ничего безсмертнаго, ничего неизмѣннаго... Человѣкъ — ея дитя; но человѣческое—искусственное—ей враждебно, именно потому, что оно силится быть неизмѣннымъ и безсмертнымъ. Человѣкъ — дитя природы; но она всеобщая мать, и у ней нѣтъ предпочтеній: все, что̀ существуетъ въ ея лонѣ, возникло только насчетъ другого и должно въ свое время уступить мѣсто другому — она создаетъ, разрушая, и ей все равно: что̀ она создаетъ, что̀ она разрушаетъ— лишь бы не переводилась жизнь, лишь бы смерть не теряла правъ своихъ... А потому она такъ же спокойно покрываетъ плѣсенью божественный ликъ Фидіасовскаго Юпитера, какъ и простой голышъ, и отдаетъ на съѣденіе презрѣнной моли драгоцѣннѣйшія строки Софокла. Люди, правда, ревностно помогаютъ ей въ ея истребительной работѣ; но развѣ не та же стихійная сила, не сила природы сказалась въ палицѣ варвара, безсмысленно дробившаго лучезарное чело Аполлона, въ звѣриныхъ вопляхъ, съ которыми онъ бросалъ въ огонь картину Апеллеса? Гдѣ же намъ, бѣднымъ людямъ, бѣднымъ ху-

дожникамъ, сладить съ этой глухонѣмой, слѣпорожденной силой, которая даже не торжествуетъ своихъ побѣдъ, а идетъ, идетъ впередъ, все пожирая? Какъ устоять противъ этихъ тяжелыхъ, грубыхъ, безконечно и безустанно надвигающихся волнъ, какъ повѣрить, наконецъ, въ значеніе и достоинство тѣхъ бренныхъ образовъ, которые мы, въ темнотѣ, на краю бездны, лѣпимъ изъ праха и на мигъ?

XVI.

Все такъ... но одно преходящее прекрасно, сказалъ Шиллеръ; и сама природа, въ непрерывной игрѣ своихъ возникающихъ, исчезающихъ формъ, не чуждается красоты. Не она ли старательно убираетъ самыя мгновенныя изъ своихъ дѣтищъ — лепестки цвѣтовъ, крылья бабочекъ—такими прелестными красками, не она ли придаетъ имъ такія изящныя очертанья? Красотѣ не нужно безконечно жить, чтобы быть вѣчной — ей довольно одного мгновенья. Такъ; это, пожалуй, справедливо — но только тамъ, гдѣ нѣтъ личности, нѣтъ человѣка, нѣтъ свободы: поблекшее крыло бабочки возникаетъ вновь и черезъ тысячу лѣтъ тѣмъ же самымъ крыломъ той же самой бабочки; тутъ строго и правильно, и безлично совершаетъ свой кругъ необходимость... но человѣкъ не повторяется какъ бабочка, и дѣло его рукъ, его искусства, его свободное твореніе, однажды разрушенное,—погибаетъ навсегда... Ему одному дано „творить"... но странно и страшно вымолвить: мы творцы... на часъ, — какъ былъ, говорятъ, калифъ на часъ. — Въ этомъ наше преимущество—и наше проклятіе: каждый изъ этихъ „творцовъ" самъ по себѣ, именно онъ, не кто другой, именно это я, словно созданъ съ преднамѣреніемъ, съ предначертаніемъ; каждый болѣе или менѣе смутно понимаетъ свое значеніе, чувствуетъ, что они сродни чему-то высшему, вѣчному— и живетъ, долженъ жить въ мгновеньи для мгновенья*).

*) Какъ не вспомнить тутъ словъ Мефистофеля къ Фаусту:
„Er—(Gott) findet sich in einem ew'gen Glanze,
„Uns hat er in die Finsterniss gebracht—
„Und euch taugt einzig Tag und Nacht".

Сиди въ грязи, любезный, и тянись къ небу! — Величайшіе изъ насъ — именно тѣ, которые глубже всѣхъ другихъ сознаютъ это коренное противорѣчіе; но, въ такомъ случаѣ — спрашивается, — умѣстны ли слова: величайшій, великій.

XVII.

Что же сказать о тѣхъ, къ которымъ, при всемъ желаніи, нельзя примѣнить эти имена, даже въ томъ значеніи, которое придаетъ имъ слабый человѣческій языкъ?— Что сказать объ обыкновенныхъ, дюжинныхъ, второстепенныхъ, третьестепенныхъ труженикахъ — кто бы они ни были — государственные люди, ученые, художники— особенно художники? Чѣмъ заставить ихъ стряхнуть свою нѣмую лѣнь, свое унылое недоумѣніе, чѣмъ привлечь ихъ опять на поле битвы—если только мысль о тщетѣ всего человѣческаго, всякой дѣятельности, ставящей себѣ болѣе высокую задачу, чѣмъ добываніе насущнаго хлѣба, закралась имъ въ голову? Какими вѣнками прельстятся они—они, для которыхъ и лавры, и тернья стали равно незначительны? Изъ чего они станутъ снова подвергаться смѣху „толпы холодной“ или „суду глупца“ — стараго глупца, который не можетъ простить имъ, что они отвернулись отъ прежнихъ кумировъ, — молодого глупца, который требуетъ, чтобы они тотчасъ вмѣстѣ съ нимъ стали на колѣни, легли плашмя передъ новыми, только-что открытыми идолами? Зачѣмъ пойдутъ они опять на этотъ толкучій рынокъ призраковъ, на это торжище, гдѣ и продавецъ, и покупатель равно обманываютъ другъ друга, гдѣ все такъ шумно, громко—и все такъ бѣдно и дрянно? Зачѣмъ, „съ изнеможеніемъ въ кости“, поплетутся они вновь въ этотъ міръ, гдѣ народы, какъ крестьянскіе мальчишки въ праздничный день, барахтаются въ грязи изъ-за горсти пустыхъ орѣховъ, или дивятся, разинувъ рты, на лубочныя картины, раскрашенныя сусальнымъ золотомъ,— въ этотъ міръ, гдѣ живуче только то, что не имѣетъ права на жизнь, — и, оглушая самого себя собственнымъ крикомъ, каждый судорожно спѣшитъ къ неизвѣстной и

непонятной ему цѣли? Нѣтъ... нѣтъ... Довольно... довольно... довольно!

XVIII.

. . . The rest is silence . . . . . .

. . . . . .

1864 г.

СОБАКА.

(РАЗСКАЗЪ.)

— Но если допустить возможность сверхъестественнаго, возможность его вмѣшательства въ дѣйствительную жизнь,—то позвольте спросить, какую роль, послѣ этого, долженъ играть здравый разсудокъ? — провозгласилъ Антонъ Степанычъ и скрестилъ руки на желудкѣ.

Антонъ Степанычъ состоялъ въ чинѣ статскаго совѣтника, служилъ въ какомъ-то мудреномъ департаментѣ и, говоря съ разстановкой, туго и басомъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Ему, незадолго передъ тѣмъ, по выраженію его завистниковъ, „влѣпили станислашку".

— Это совершенно справедливо,—замѣтилъ Скворевичъ.

— Объ этомъ и спорить никто не станетъ,—прибавилъ Кинаревичъ.

— И я согласенъ,—поддакнулъ фистулой изъ угла хозяинъ дома, г. Финоплентовъ.

— А я, признаюсь, согласиться не могу, потому что со мной самимъ произошло нѣчто сверхъестественное,—проговорилъ мужчина средняго роста и среднихъ лѣтъ, съ брюшкомъ и лысиной, безмолвно до тѣхъ поръ сидѣвшій

за печкой. Взоры всѣхъ находившихся въ комнатѣ съ любопытствомъ и недоумѣньемъ обратились на него—и воцарилось молчанье.

Этотъ мужчина былъ небогатый калужскій помѣщикъ, недавно пріѣхавшій въ Петербургъ. Онъ нѣкогда служилъ въ гусарахъ, проигрался, вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ. Новѣйшія хозяйственныя перемѣны сократили его доходы, и онъ отправился въ столицу поискать удобнаго мѣстечка. Онъ не обладалъ никакими способностями и не имѣлъ никакихъ связей; но онъ крѣпко надѣялся на дружбу одного стариннаго сослуживца, который вдругъ, ни съ того, ни съ сего, выскочилъ въ люди, и которому онъ однажды помогъ приколотить шулера. Сверхъ того, онъ разсчитывалъ на свое счастье — и оно ему не измѣнило: нѣсколько дней спустя, онъ получилъ мѣсто надзирателя надъ казенными магазинами, мѣсто выгодное, даже почетное, и не требовавшее отмѣнныхъ талантовъ: самые магазины существовали только въ предположеніи, и даже не было съ точностью извѣстно, чѣмъ ихъ наполнятъ, — а придумали ихъ въ видахъ государственной экономіи.

Антонъ Степанычъ первый прервалъ общее оцѣпенѣніе.

— Какъ, милостивый государь мой? — началъ онъ: — вы не шутя утверждаете, что съ вами произошло нѣчто сверхъестественное — я хочу сказать: нѣчто несообразное съ законами натуры?

— Утверждаю,—возразилъ „Милостивый государь мой", настоящее имя котораго было Порфирій Капитонычъ.

— Несообразное съ законами натуры! — повторилъ съ ердцемъ Антонъ Степанычъ, которому видимо понравилась эта фраза.

— Именно... да; вотъ именно такое, какъ вы изволите говорить.

— Это удивительно! Какъ вы полагаете, господа?— Антонъ Степанычъ потщился придать чертамъ своимъ выраженіе ироническое, но ничего не вышло,—или, говоря правильнѣе, вышло только то, что вотъ-молъ, господинъ статскій совѣтникъ дурной запахъ почуялъ.—Не потруди-

тесь ли вы, милостивый государь,—продолжалъ онъ обращаясь къ калужскому помѣщику:—передать намъ подробности такого любопытнаго событія?

— Отчего же? Можно!—отвѣчалъ помѣщикъ, и развязно пододвинувшись къ серединѣ комнаты, заговорилъ такъ:

— У меня, господа, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно—а можетъ-быть и неизвѣстно—небольшое имѣнье въ Козельскомъ уѣздѣ. Прежде я извлекалъ изъ него нѣкоторую пользу,—но теперь, разумѣется, ничего, кромѣ непріятностей, предвидѣть нельзя. Однако, пò-боку политику! Ну-съ, въ этомъ самомъ имѣньи у меня усадьба „махенькая“: огородъ, какъ водится, прудишко съ карасишками, строенія кой-какія,—ну, и флигелекъ для собственнаго грѣшнаго тѣла... Дѣло холостое. Вотъ-съ, однажды — годовъ этакъ шесть тому назадъ—вернулся я къ себѣ домой довольно поздно: у сосѣда въ картишки перекинулъ — но притомъ, прошу замѣтить, ни въ одномъ, какъ говорится, глазѣ; раздѣлся, легъ, задулъ свѣчку. И представьте вы себѣ, господа: только-что я задулъ свѣчку, завозилось у меня подъ кроватью! Думаю: крыса? Нѣтъ, не крыса: скребетъ, возится, чешется... Наконецъ, ушами захлопало!

Понятное дѣло: собака. Но откуда собакѣ взяться? Самъ я не держу; развѣ, думаю, забѣжала какая-нибудь *„заболтущая“?* Я кликнулъ своего слугу; Филькой онъ у меня прозывается. Вошелъ слуга со свѣчкой.—Чтò это,—я говорю,—братецъ Филька, какіе у тебя безпорядки! Ко мнѣ собака подъ кровать затесалась. — Какая, — говоритъ, — собака?—А я почемъ знаю?—говорю я;—это твое дѣло—барина до безпокойства не допущать. — Нагнулся мой Филька, сталъ свѣчкой подъ кроватью водить.—Да тутъ,—говоритъ,—никакой собаки нѣту. — Нагнулся и я: точно, нѣтъ собаки. — Что за притча!— Вскинулъ я глазами на Фильку: а онъ улыбается.—Дуракъ,—говорю я ему:—что ты зубы-то скалишь? Собака-то, вѣроятно, какъ ты сталъ отворять дверь, взяла да и шмыгнула въ переднюю. А ты, ротозѣй, ничего не замѣтилъ, потому что ты вѣчно спишь. Ужъ не воображаешь ли ты, что я пьянъ?—Онъ захотѣлъ

было возражать, но я его прогналъ, свернулся калачикомъ и въ ту ночь уже ничего не слыхалъ.

Но на слѣдующую ночь—вообразите!—то же самое повторилось. Какъ только я свѣчку задулъ, опять скребетъ, ушами хлопаетъ. Опять я позвалъ Фильку, опять онъ поглядѣлъ подъ кроватью—опять ничего! Услалъ я его, задулъ свѣчку—тьфу ты, чортъ! собака тутъ какъ тутъ. И какъ есть собака: такъ вотъ и слышно, какъ она дышитъ, какъ зубами по шерсти перебираетъ, блохъ ищетъ... Явственно таково!—Филька!—говорю я:—войди-ка сюда безъ свѣчки! Тотъ вошелъ.—Ну, что̀, говорю, слышишь?—Слышу,—говоритъ. Самого-то мнѣ его не видать, но чувствую я, что струхнулъ малый.—Какъ,—говорю,—ты это понимаешь?—А какъ мнѣ это понимать прикажете, Порфирій Капитонычъ? — Навожденіе! — Ты, я говорю, безпутый человѣкъ, молчи съ навожденіемъ-то съ своимъ... А у обоихъ-то у насъ голоса̀ словно птичьи, и дрожимъ-то мы какъ въ лихорадкѣ — въ темнотѣ-то. Зажегъ я свѣчку: ни собаки нѣтъ, ни шума никакого—а только мы оба съ Филькой—бѣлые, какъ глина. Такъ свѣчка у меня до утра и горѣла. И доложу я вамъ, господа—вѣрьте вы мнѣ или нѣтъ—а только съ самой той ночи, въ теченіе шести недѣль, та же исторія со мной повторялась. Подъ конецъ я даже привыкъ и свѣчку гасить сталъ, потому, мнѣ при свѣтѣ не спится. Пусть, молъ, возится! Вѣдь зла она мнѣ не дѣлаетъ.

— Однако—я вижу—вы не трусливаго десятка,—съ полупрезрительнымъ, полуснисходительнымъ смѣхомъ перебилъ Антонъ Степанычъ.—Сейчасъ видно гусара!

— Васъ-то я бы ни въ какомъ случаѣ не испугался,—промолвилъ Порфирій Капитонычъ, и на мгновенье дѣйствительно посмотрѣлъ гусаромъ. — Но слушайте далѣе. Пріѣзжаетъ ко мнѣ одинъ сосѣдъ, тотъ самый, съ которымъ я въ картишки перекидывалъ. Пообѣдалъ онъ у меня, чѣмъ Богъ послалъ, спустилъ мнѣ рубликовъ пятьдесятъ за визитъ; ночь на дворѣ—убираться пора. А у меня свои соображенія:—останься, говорю, ночевать у меня, Василій Васильичъ; завтра отыграешься, дастъ Богъ. По-

думалъ, подумалъ мой Василій Васильичъ, — остался. Я ему кровать у себя же въ спальнѣ поставить приказалъ... Ну-съ, легли мы; покурили, покалякали — все больше о женскомъ полѣ, какъ оно и приличествуетъ въ холостой компаніи, посмѣялись, разумѣется; смотрю: погасилъ Василій Васильичъ свою свѣчку и спиной ко мнѣ повернулся; значитъ: „шлафензиволь". Я подождалъ маленько и тоже погасилъ свѣчку. И представьте: не успѣлъ я подумать, что̀, молъ, теперь, какой карамболь произойдетъ? какъ уже завозилась моя голубушка. Да мало что завозилась: изъ-подъ кровати вылѣзла, черезъ комнату пошла, когтями по полу стучитъ, ушами мотаетъ, да вдругъ какъ толкнетъ самый стулъ, что возлѣ Василія-Васильевичевой кровати! — Порфирій Капитонычъ,—говоритъ тотъ, и такимъ, знаете, равнодушнымъ голосомъ:—а я и не зналъ, что ты собаку пріобрѣлъ. Какая она, легавая, что ли?— У меня, говорю, собаки никакой нѣтъ и не бывало никогда!—Какъ нѣтъ? а это что̀?—Что̀ *это?*—говорю я:—а вотъ, зажги свѣчку, такъ самъ узнаешь.—Это не собака?— Нѣтъ.—Повернулся Василій Васильичъ на постели.—Да ты шутишь, чортъ?—Нѣтъ, не шучу.—Слышу я: онъ чёркъ, чёркъ спичкой, а та-то, та-то все не унимается, бокъ себѣ чешетъ. Загорѣлся огонекъ... и баста! Слѣдъ простылъ! Глядитъ на меня Василій Васильичъ—и я на него гляжу.—Это,—говоритъ,—что за фокусъ?—А это,—говорю я:—такой фокусъ, что посади ты съ одной стороны самого Сократа, а съ другой Фридриха Великаго, такъ и тѣ ничего не разберутъ. — И тутъ же я ему все въ подробности разсказалъ. Какъ вскочитъ мой Василій Васильичъ! Словно обожженный! Въ сапоги-то никакъ не попадетъ.—Лошадей!—кричитъ—лошадей! Сталъ я его уговаривать, такъ куда! Такъ и взахался.—Не останусь, кричитъ, ни минуты! — Ты, значитъ, послѣ этого, оглашенный человѣкъ! — Лошадей!.. Однако, я его уломалъ. Только кровать его перетащили въ другую комнату — и ночники вездѣ запалили. Поутру, за чаемъ, онъ остепенился; сталъ совѣты мнѣ давать. — Ты бы,—говоритъ,— Порфирій Капитонычъ, попробовалъ на нѣсколько дней

изъ дому отлучиться: можетъ, эта пакость отъ тебя бы отстала. — А надо вамъ сказать: человѣкъ онъ — сосѣдъ мой—былъ ума обширнаго! Тещу свою, между прочимъ, такъ обработалъ чудесно: вексель ей подсунулъ; значитъ, выбралъ же самый чувствительный часъ! Шёлковая стала: довѣренность дала на управленіе всѣмъ имѣніемъ — чего больше? А вѣдь это какое дѣло — тещу-то скрутить — а? Сами изволите посудить. Однако, уѣхалъ онъ отъ меня въ нѣкоторомъ неудовольствіи; я-таки его опять рубликовъ на сотню наказалъ. Даже ругалъ меня: говорилъ, что ты-де неблагодаренъ, не чувствуешь; а я чѣмъ же тутъ виноватъ? Ну, это само собою—а совѣтъ я его къ свѣдѣнію принялъ: въ тотъ же день укатилъ въ городъ, да и поселился на постояломъ дворѣ, у знакомаго старичка изъ раскольниковъ. Почтенный былъ старичокъ, хотя и суровъ маленько, по причинѣ одиночества: вся семья у него перемерла. Только ужъ очень табаку не жаловалъ и къ собакамъ чувствовалъ омерзѣніе великое; кажется, чѣмъ, напримѣръ, ему собаку въ комнату впустить согласиться— скорѣй бы самъ себя пополамъ перервалъ! Потому, говоритъ, какъ же возможно! Тутъ у меня въ свѣтлицѣ, на стѣнѣ, сама Владычица пребывать изволитъ, и тутъ же песъ поганый рыло свое нечестивое уставитъ. Извѣстно— необразованіе! А впрочемъ, я такого мнѣнія: кому какая премудрость далась, тотъ той и придерживайся!

— Да вы, я вижу, великій философъ,—вторично и съ тою же усмѣшкой перебилъ Антонъ Степанычъ.

Порфирій Капитонычъ на этотъ разъ даже нахмурился.

— Какой я философъ — это еще неизвѣстно,—промолвилъ онъ съ угрюмымъ подергиваньемъ усовъ:—но васъ бы я охотно взялъ въ науку.

Мы всѣ такъ и впились въ Антона Степаныча: всякій изъ насъ ожидалъ горделиваго отвѣта или хотя молніеноснаго взгляда... Но господинъ статскій совѣтникъ перевелъ свою усмѣшку изъ презрительной въ равнодушную, потомъ зѣвнулъ, поболталъ ножкой—и только!

— Вотъ, у этого-то старичка я и поселился, — продолжалъ Порфирій Капитонычъ.—Комнатку онъ мнѣ от-

велъ, по знакомству, не изъ лучшихъ; самъ онъ помѣщался тутъ же, за перегородкой — а мнѣ только этого и нужно. Однако, принялъ я въ тѣ поры муки! Комнатка небольшая, жара этта, духота, мухи, да какія-то клейкія; въ углу кіотище необыкновенный, съ древнѣйшими образами; ризы на нихъ тусклыя, да дутыя; масломъ такъ и разитъ, да еще какою-то специей; на кровати два пуховика; подушку пошевелишь, а изъ-подъ нея тараканъ бѣжитъ... я ужъ, со скуки, чаю до невѣроятности напился—просто бѣда! Легъ я; спать нѣтъ возможности—а за перегородкой хозяинъ вздыхаетъ, кряхтитъ, молитвы читаетъ. Ну, однако, угомонился наконецъ. Слышу: похрапывать сталъ—да такъ полегоньку, по-старомодному, вѣжливенько. Свѣчку-то я давно загасилъ — только лампадка передъ образами горитъ... Помѣха, значитъ! Вотъ, я возьми, да встань тихохонько, на босу ногу: подмостился къ лампадкѣ, да и дунулъ на нее... Ничего. — Эге! думаю: знать, у чужихъ-то не беретъ... Да только-что опустился на постель — опять пошла тревога! И скребетъ, и чешетъ, и ушами хлопаетъ... ну, какъ быть слѣдуетъ! Хорошо. Я лежу, жду, что̀ будетъ? Слышу: просыпается старикъ. Баринъ,— говоритъ:—а баринъ?—Что̀ молъ?—Это ты лампадку погасилъ? — Да отвѣта моего не дождавшись, какъ залопочетъ вдругъ—что̀ это? что̀ это? собака? собака! Ахъ, ты, никоніанецъ окаянный!—Погоди,—говорю,—старикъ, браниться — а ты лучше приди-ка самъ сюда. Тутъ, — я говорю,—дѣла совершаются удивленія достойныя. — Повозился старикъ за перегородкой и вошелъ ко мнѣ со свѣчкой, тоненькой-претоненькой, изъ желтаго воску; и удивился же я, на него глядючи! Самъ весь шершавый, уши мохнатыя, глаза злобные, какъ у хорька, на головѣ шапонька бѣлая войлочная, борода по̀-поясъ, тоже бѣлая, и жилетъ съ мѣдными пуговицами на рубахѣ, а на ногахъ мѣховые сапоги — и пахнетъ отъ него можжевельникомъ. Подошелъ онъ въ этакомъ видѣ къ образамъ, перекрестился три раза крестомъ двуперстнымъ, лампадку засвѣтилъ, опять перекрестился—и, обернувшись ко мнѣ, только хрюкнулъ: объясняй-молъ! И тутъ я ему, нимало

не медля, все обстоятельно сообщилъ. Выслушалъ всѣ мои объясненія старина, и хоть бы словечко проронилъ: только, знай, головой потряхиваетъ. Присѣлъ онъ потомъ, этта, ко мнѣ на кроватку—и все молчитъ. Чешетъ себѣ грудь, затылокъ и прочее—и молчитъ.—Что жъ,—говорю я: — Ѳедулъ Иванычъ, какъ ты полагаешь: навожденіе это какое, что ли? —Старикъ посмотрѣлъ на меня.—Что̀ выдумалъ! навожденіе! Добро бы у тебя, табашника, — а то здѣсь! Ты только то сообрази: что̀ тутъ святости! Навожденія захотѣлъ! — А коли это не навожденіе — такъ что̀ же? — Старикъ опять помолчалъ, опять почесался, и говоритъ, наконецъ,—да глухо такъ, потому, усы въ ротъ лѣзутъ: — Ступай ты въ градъ Бѣлевъ. Окромя одного человѣка, тебѣ помочь некому. И живетъ сей человѣкъ въ Бѣлевѣ: изъ нашихъ. Захочетъ онъ тебѣ поспособствовать—твое счастье; не захочетъ—такъ тому и быть.— А какъ мнѣ его найти, человѣка сего?—говорю я. — Это мы тебя направить можемъ,—говоритъ;—а только, какое это навожденіе? Это есть явленіе, а либо знаменіе; да ты этого не постигнешь: не твоего полета. Ложись-ка теперь спать, съ батюшкой со Христомъ; я ладанкомъ покурю; а на *утріе* мы побесѣдуемъ. Утро, знаешь, вечера мудренѣе.

Ну-съ, и побесѣдовали мы на *утріе* — а только, отъ этого отъ самаго ладану я чуть не задохнулся. И далъ мнѣ старикъ наставленіе такого свойства: что, пріѣхавши въ Бѣлевъ, пойти мнѣ на площадь и во второй лавкѣ направо спросить нѣкоего Прохорыча; а отыскавши Прохорыча, вручить ему грамотку. И вся-то грамотка заключалась въ клочкѣ бумаги, на которой стояло слѣдующее: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Сергію Прохоровичу Первушину. Сему вѣрь. Ѳеодулій Ивановичъ“. А внизу: „Капустки пришли, Бога для“.

Поблагодарилъ я старика—да безъ дальнѣйшихъ разсужденій велѣлъ заложить тарантасъ и отправился въ Бѣлевъ. Потому, я такъ соображалъ: хотя, положимъ, отъ моего ночного посѣтителя мнѣ большой печали нѣтъ, однако, все-таки, оно жутко, да и, наконецъ, не совсѣмъ прилично дворянину и офицеру—какъ вы полагаете?

— И неужели вы поѣхали въ Бѣлевъ? — прошепталъ г. Финоплентовъ.

— Прямо въ Бѣлевъ. Пошелъ я на площадь, спросилъ во второй лавкѣ направо Прохорыча. Есть-молъ, говорю, такой человѣкъ? — Есть, говорятъ. — А гдѣ живетъ? — На Окѣ, за огородами. — Въ чьемъ домѣ? — Въ своемъ. — Отправился я на Оку, отыскалъ его домъ, т. е. въ сущности не домъ, а простую лачугу. Вижу: человѣкъ въ синей свиткѣ съ заплатами и въ рваномъ картузѣ, такъ... мѣщанинишко по наружности, стоитъ ко мнѣ спиной, копается въ капустникѣ. Я подошелъ къ нему. — Вы, молъ, такой-то? — Онъ обернулся — и доложу вамъ поистинѣ: этакихъ проницательныхъ глазъ я отроду не видывалъ. А впрочемъ, все лицо съ кулачокъ, бородка клиномъ, и губы ввалились: старый человѣкъ. — Я такой-то, — говоритъ: — что вамъ *надобно?* — А вотъ-молъ, что̀ мнѣ *надобно*, — да и грамоту ему въ руку. Онъ посмотрѣлъ на меня пристально таково, да и говоритъ: — Пожалуйте въ комнату; я безъ очковъ читать не могу. Ну-съ, пошли мы съ нимъ въ его хибарку — и ужъ точно хибарка: бѣдно, голо, криво; какъ только держится. На стѣнѣ образъ стараго письма, какъ уголь черный: одни бѣлки на ликахъ такъ и горятъ. Досталъ онъ изъ столика желѣзные круглые очки, надѣлъ себѣ на носъ, прочелъ грамотку, да черезъ очки опять на меня посмотрѣлъ. — Вамъ до меня нужда имѣется? — Имѣется, — говорю, — точно. — Ну, говоритъ, коли имѣется, такъ докладывайте, а мы послушаемъ. — И представьте вы себѣ: самъ сѣлъ, и платокъ клѣтчатый изъ кармана досталъ, и у себя на колѣняхъ разложилъ — и платокъ-то дырявый — да такъ важно на меня взираетъ, хоть бы сенатору или министру какому, и не сажаетъ меня. И что еще удивительнѣе: чувствую я вдругъ, что робѣю, такъ робѣю... просто, душа въ пятки уходитъ. Нижетъ онъ меня глазами насквозь, да и полно! Однако, я поправился, да и разсказалъ ему всю мою исторію. Онъ помолчалъ, поежился, пожевалъ губами, да и ну спрашивать меня, опять-таки какъ сенаторъ, величественно такъ, не торопясь. Имя, молъ, ваше какъ?

Лѣта? Кто были родные? Въ холостомъ ли званіи, или женаты? — Потомъ онъ опять губами пожевалъ, нахмурился, палецъ уставилъ, да и говоритъ: — Иконѣ святой поклонитесь, честнымъ преподобнымъ соловецкимъ святителямъ Зосимѣ и Савватію. — Я поклонился въ землю, и такъ ужъ и не поднимаюсь; такой въ себѣ страхъ къ тому человѣку ощущаю и такую покорность, что, кажется, что бы онъ ни прикажи, исполню тотчасъ же!.. Вы вотъ, я вижу, господа, ухмыляетесь, а мнѣ не до смѣху было тогда, ей-ей. — Встаньте, господинъ, — проговорилъ онъ наконецъ.—Вамъ помочь можно. Это вамъ не въ наказаніе наслано, а въ предостереженіе; это, значитъ, попеченіе о васъ имѣется; добрѣ, знать, кто за васъ молится. Ступайте вы теперь на базаръ и купите вы себѣ собакущенка, котораго вы при себѣ держите неотлучно — день и ночь. Ваши видѣнья прекратятся, да и кромѣ того, будетъ вамъ та собака на потребу.

Меня вдругъ точно свѣтомъ озарило: ужъ какъ же мнѣ эти слова полюбились! Поклонился я Прохорычу и хотѣлъ-было уйти, да вспомнилъ, что нельзя же мнѣ его не поблагодарить: досталъ изъ кошелька трехрублевую бумажку. Только онъ мою руку отвелъ отъ себя прочь и говоритъ мнѣ: — отдайте, говоритъ, въ часовенку нашу, али бѣднымъ, а услуга та неоплатная. Я опять ему поклонился—чуть не въ поясъ—и тотчасъ маршъ на базаръ! И вообразите: только-что сталъ я подходить къ лавкамъ— глядь, ползетъ ко мнѣ навстрѣчу фризовая шинель и подъ мышкой несетъ легаваго щенка, двухмѣсячнаго, коричневой шерсти, бѣлогубаго, съ бѣлыми передними лапками. Стой!—говорю я шинели:—за сколько продаешь?—А за два цѣлковыхъ.—Возьми три!—Тотъ удивился, думаетъ, съ ума баринъ спятилъ — а я ему ассигнацію въ зубы, щенка въ охапку, да въ тарантасъ! Кучеръ живо запрягъ лошадей, и въ тотъ же вечеръ я былъ дома. Щенокъ всю дорогу у меня за пазухой сидѣлъ — и хоть бы пикнулъ: а я ему все: Трезорушко! Трезорушко! Тотчасъ его накормилъ, напоилъ, велѣлъ соломы принести, уложилъ его, и самъ шмыгъ въ постель! Дунулъ на свѣчку: сдѣ-

лалась темнота. Ну, говорю, начинай! Молчитъ. Начинай же, говорю, такая-сякая! Ни гу-гу, хоть бы на смѣхъ. Я куражиться сталъ. Да начинай, ну же, растакая, сякая и этакая! Анъ не тутъ-то было—шабашъ! Только и слышно, какъ щенокъ пыхтитъ. — Филька! кричу, Филька! Поди сюда, глупый человѣкъ! — Тотъ вошелъ. — Слышишь ты собаку? — Нѣтъ, говоритъ, баринъ, ничего не слышу — а самъ смѣется.—И не услышишь, говорю, уже больше никогда! Полтинникъ тебѣ на водку! — Пожалуйте ручку, говоритъ дуракъ, и въ потьмахъ-то лѣзетъ на меня... Радость, доложу вамъ, была большая.

— И такъ все и кончилось?—спросилъ Антонъ Степанычъ, уже безъ ироніи.

— Видѣнія кончились, точно—и уже безпокойствъ никакихъ не было — но погодите, всей штукѣ еще не конецъ. Сталъ мой Трезорушко расти — вышелъ изъ него гусь лапчатый. Толстохвостый, тяжелый, вислоухій, брылястый — настоящій „пиль-аванцъ". И притомъ, ко мнѣ привязался чрезвычайно. Охота въ нашихъ краяхъ плохая — ну, а все-таки, какъ завелъ собаку — пришлось и ружьишкомъ запастись. Сталъ я со своимъ Трезоромъ таскаться по окрестностямъ: иногда зайца подшибешь (ужъ и гонялся же онъ за этими зайцами, Боже мой!), а иногда и перепелку или уточку. Но только главное: Трезоръ отъ меня ни на шагъ. Куда я—туда и онъ; даже и въ баню его съ собой водилъ—право! Одна наша барыня меня за самаго за этого Трезора изъ гостиной приказала-было вывести, да я такую штурму поднялъ: что одныхъ стеколъ у ней перебилъ! Вотъ-съ, однажды, дѣло было лѣтомъ... И, скажу вамъ, засуха стояла тогда такая, что никто и не запомнитъ; въ воздухѣ не то дымъ, не то туманъ, пахнетъ гарью, мгла, солнце, какъ ядро раскаленное, а что пыли — не прочихнешь! Люди такъ разинувши рты и ходятъ, не хуже воронъ. Соскучилось мнѣ этакъ дома все сидѣть, въ полнѣйшемъ дезабилье, за закрытыми ставнями; кстати же жара начинала сваливать... И пошелъ я, государи мои, къ одной своей сосѣдкѣ. Жила же оная сосѣдка отъ меня въ верстѣ — и

ужъ точно благодѣтельная была дама. Въ молодыхъ еще, цвѣтущихъ лѣтахъ, и наружности самой располагающей; только нравъ имѣла непостоянный. Да это въ женскомъ полѣ не бѣда; даже удовольствіе доставляетъ... Вотъ, добрался я до ея крылечка — и солоно же мнѣ показалось это путешествіе! Ну, думаю, ублаготворитъ меня теперь Нимфодора Семеновна брусничной водой, ну, и другими прохладами—и уже за ручку двери взялся, какъ вдругъ за угломъ дворовой избы поднялся топотъ, визгъ, крикъ мальчишекъ... Я оглядываюсь. Господи, Боже мой! прямо на меня несется огромный, рыжій звѣрь, котораго я съ перваго взгляда и за собаку-то не призналъ: раскрытая пасть, кровавые глаза, шерсть дыбомъ... Не успѣлъ я дыханіе перевести, какъ ужъ это чудовище вскочило на крыльцо, поднялось на заднія лапы и прямо ко мнѣ на грудь — каково положеніе? Я замеръ отъ ужаса, и руки не могу поднять, одурѣлъ вовсе... вижу только страшные бѣлые клыки передъ самымъ носомъ, красный языкъ, весь въ пѣнѣ. Но въ то же мгновенье другое, темное тѣло взвилось передо мною, какъ мячикъ — это мой голубчикъ Трезоръ заступился за меня; да какъ піявка, тому-то, звѣрю-то, въ горло! Тотъ захрипѣлъ, заскрежеталъ, отшатнулся... Я разомъ рванулъ дверь и очутился въ передней. Стою, самъ не свой, всѣмъ тѣломъ на замокъ налегъ, а на крыльцѣ, слышу, происходитъ баталья отчаянная. Я сталъ кричать, звать на помощь; всѣ въ домѣ всполошились. Нимфодора Семеновна прибѣжала съ распущенной косой; на дворѣ загомонили голоса — и вдругъ послышалось: „держи, держи, запри ворота!“ Я отворилъ дверь— такъ, чуточку,—гляжу: чудовища уже нѣтъ на крыльцѣ, люди въ безпорядкѣ мечутся по двору, махаютъ руками, поднимаютъ съ земли полѣнья—какъ есть очумѣли. „На деревню! на деревню убѣгла!“ визжитъ какая-то баба въ кичкѣ необыкновенныхъ размѣровъ, высунувшись въ слуховое окно. Я вышелъ изъ дома.—Гдѣ, молъ, Трезоръ?— и тутъ же увидалъ моего спасителя. Онъ шелъ отъ воротъ, хромой, весь искусанный, въ крови...— Да что такое, наконецъ?—спрашиваю у людей, а они кружатся по двору,

какъ угорѣлые. — Бѣшеная собака! — отвѣчаютъ мнѣ:— графская; со вчерашняго дня здѣсь мотается.

У насъ былъ сосѣдъ, графъ; тотъ заморскихъ собакъ навезъ, престрашенныхъ. Поджилки у меня затряслись; бросился къ зеркалу, посмотрѣть, не укушенъ ли я? Нѣтъ, слава Богу, ничего не видать; только рожа, натурально, вся зеленая; а Нимфодора Семеновна лежитъ на диванѣ и клохчетъ курицей. Да оно и понятно: во-первыхъ, нервы, во-вторыхъ, чувствительность. Ну, однако, пришла въ себя и спрашиваетъ меня, томно такъ: живъ ли я? Я говорю, живъ, и Трезоръ мой избавитель.—Ахъ, говоритъ, какое благородство! И, стало-быть, бѣшеная собака его задушила?—Нѣтъ,—говорю,—не задушила, а ранила сильно.— Ахъ,—говоритъ,—въ такомъ случаѣ его надо сію минуту пристрѣлить!— Ну, нѣтъ, — говорю, — я на это не согласенъ; я попробую его вылѣчить... Тѣмъ временемъ Трезоръ сталъ скрестись въ дверь: я-было пошелъ ему отворять.—Ахъ,—говоритъ,—что вы это? Да онъ насъ всѣхъ перекусаетъ!—Помилуйте! — говорю, — ядъ не такъ скоро дѣйствуетъ. — Ахъ, — говоритъ, — какъ это возможно! Да вы съ ума сошли! — Нимфочка, — говорю, — успокойся, прими резонъ... А она, какъ крикнетъ вдругъ: уйдите, уйдите сейчасъ съ вашей противной собакой!—И уйду,— говорю.—Сейчасъ,—говоритъ, — сію секунду! Удались,— говоритъ,—разбойникъ, и на глаза мнѣ не смѣй никогда показываться. Ты самъ можешь взбѣситься! — Очень хорошо-съ,—говорю я;—только дайте мнѣ экипажъ, потому что я теперь пѣшкомъ идти домой опасаюсь.—Она уставилась на меня.—Дать, дать ему коляску, карету, дрожки, что хочетъ, лишь бы провалился поскорѣе. Ахъ, какіе глаза! ахъ, какіе у него глаза! — Да съ этими словами изъ комнаты вонъ, да встрѣшную дѣвку по щекѣ— и, слышу, съ ней опять припадокъ. — И повѣрите ли вы мнѣ, господа, или нѣтъ, а только съ самаго того дня я съ Нимфодорой Семеновной всякое знакомство прекратилъ; а по зрѣломъ соображеніи всѣхъ вещей, не могу не прибавить, что и за это обстоятельство я обязанъ моему другу Трезору благодарностью по самую гробовую доску.

— Ну-съ, велѣлъ я заложить коляску, усадилъ въ нее Трезора и поѣхалъ къ себѣ домой. Дома я его осмотрѣлъ, обмылъ его раны—да и думаю: повезу я его завтра, чуть свѣтъ, къ бабкѣ, въ Ефремовскій уѣздъ. А бабка эта—старый мужикъ, удивительный: пошепчетъ на воду—а другіе толкуютъ, что онъ въ нее змѣиную слюну пущаетъ—дастъ выпить — какъ рукою сниметъ. Кстати, думаю, въ Ефремовѣ себѣ кровь брошу: оно противъ испуга хорошо бываетъ; только, разумѣется, не изъ руки, а изъ соколка.

— А гдѣ это мѣсто—соколо̀къ?—съ застѣнчивымъ любопытствомъ спросилъ г. Финоплентовъ.

— А вы не знаете? Самое вотъ это мѣсто, на кулакѣ, подлѣ большого пальца, куда изъ рожка табакъ насыпаютъ — вотъ тутъ! Для кровопусканія первый пунктъ; потому, сами посудите: изъ руки пойдетъ кровь жильная, а тутъ она — наигранная. Доктора этого не знаютъ, и не умѣютъ; гдѣ имъ, дармоѣдамъ, нѣмчурѣ! Больше кузнецы упражняются. И какіе есть ловкіе! Наставитъ долото, молоткомъ тюкнетъ—и готово!.. Ну-съ, пока я этакимъ образомъ размышлялъ, на дворѣ совсѣмъ стемнѣло, пора на боковую. Легъ я въ постель — и Трезоръ, разумѣется, тутъ же. Но отъ испуга ли, отъ духоты ли, отъ блохъ или отъ мыслей—только не могу заснуть, хоть ты что! Тоска такая напала, что и описать невозможно; и воду-то я пилъ, и окошко отворялъ, и на гитарѣ „камаринскаго“ съ итальянскими варіаціями разыгралъ... нѣтъ! Претъ меня вонъ изъ комнаты—да и полно! Я рѣшился наконецъ: взялъ подушку, одѣяло, простыню, да и отправился черезъ садъ въ сѣнной сарай; ну, и расположился тамъ. И такъ мнѣ стало, господа, пріятно: ночь тихая, претихая, только изрѣдка вѣтерокъ словно женской ручкой по щекѣ тебѣ проведетъ, свѣжо таково; сѣно пахнетъ, что твой чай, на яблоняхъ кузнечики потрюкиваютъ: тамъ вдругъ перепелъ грянетъ—и чувствуешь ты, что и ему, канашкѣ, хорошо, въ росѣ-то съ подружкой сидючи... А на небѣ такое благолѣпіе: звѣздочки теплются, а то тучка наплыветъ, бѣлая, какъ вата—да и та еле движется...

На этомъ мѣстѣ разсказа Скворевичъ чихнулъ; чихнулъ

и Кинареичъ, никогда и ни въ чемъ не отстававшій отъ своего товарища. Антонъ Степанычъ посмотрѣлъ одобрительно на обоихъ.

— Ну-съ, — продолжалъ Порфирій Капитонычъ: — вотъ такъ-то лежу я, и опять-таки заснуть не могу. Размышленіе нашло на меня; а размышлялъ я больше о премудрости: что вотъ, какъ молъ это Прохорычъ мнѣ справедливо объяснилъ насчетъ предостереженья — и почему это именно надо мной такія чудеса совершаются?.. Я удивляюсь — собственно потому, что ничего не понимаю — а Трезорушко повизгиваетъ, свернувшись въ сѣнѣ: больно ему отъ ранъ-то. И еще я вамъ скажу, что̀ мнѣ спать мѣшало—вы не повѣрите: мѣсяцъ! Стоитъ онъ прямо передо мной, этакой круглый, большой, желтый, плоскій, и сдается мнѣ, что уставился онъ на меня, ей-Богу; да такъ нагло, назойливо... Я ему даже языкъ наконецъ высунулъ, право. Ну, чего, думаю, любопытствуешь? Отвернусь я отъ него—а онъ мнѣ въ ухо лѣзетъ, затылокъ мнѣ озаряетъ, такъ вотъ и обдаетъ, словно дождемъ; открою глаза—что̀ же? Былинку каждую, каждый дрянной сучокъ въ сѣнѣ, паутинку самую ничтожную—такъ и чеканитъ, такъ и чеканитъ! На́, молъ, смотри! Нечего дѣлать: оперъ я голову на руку, сталъ смотрѣть. Да и нельзя: повѣрите ли, глаза у меня, какъ у зайца, такъ и пучатся, такъ и раскрываются—словно имъ и неизвѣстно, что̀ за сонъ бываетъ за такой. Такъ, кажется, и съѣлъ бы все этими самыми глазами. Ворота сарая открыты настежь; верстъ на пять въ полѣ видно: и явственно, и нѣтъ, какъ оно всегда бываетъ въ лунную ночь. Вотъ, гляжу я, гляжу—и не смигну даже... И вдругъ мнѣ показалось, какъ будто что-то мотанулось — далеко, далеко... такъ, словно что померещилось. Прошло нѣсколько времени: опять тѣнь проскочила — уже немножко ближе; потомъ опять, еще поближе. Что, думаю, это такое? заяцъ, что ли? Нѣтъ, думаю, это будетъ покрупнѣе зайца—да и побѣжка не та. Гляжу: опять тѣнь показалась, и движется она уже по выгону (а выгонъ-то отъ луны бѣлесоватый) этакимъ крупнымъ пятномъ; понятное дѣло: звѣрь, лисица или

волкъ. Сердце во мнѣ екнуло... а, чего, кажись, я испугался? Мало ли всякаго звѣрья ночью по полю бѣгаетъ? Но любопытство-то еще пуще страха; приподнялся я, глаза вытаращилъ, а самъ вдругъ похолодѣлъ весь, такъ-таки застылъ, точно меня въ ледъ по уши зарыли, а отчего? Господь вѣдаетъ! И вижу я: тѣнь все растетъ, растетъ, значитъ, прямо на сарай катитъ... И вотъ, ужъ мнѣ понятно становится, что это — точно звѣрь, большой, головастый... Мчится онъ вихремъ, пулей... Батюшки! что это? Онъ разомъ остановился, словно почуялъ что... Да это... это сегодняшняя бѣшеная собака! Она... она! Господи! А я-то пошевельнуться не могу, крикнуть не могу... Она подскочила къ воротамъ, сверкнула глазами, взвыла — и по сѣну прямо на меня!

А изъ сѣна-то, какъ левъ, мой Трезоръ — и вотъ онъ! Пасть съ пастью такъ и вцѣпились оба — да клубомъ о земь! Что ужъ тутъ происходило — не помню; помню только, что я, какъ былъ, кубаремъ черезъ нихъ, да въ садъ, да домой, къ себѣ въ спальню!.. Чуть подъ кровать не забился—что грѣха таить. А какіе скачки, какіе ланцады по саду задавалъ! Кажется, самая первая танцорка, что у императора Наполеона въ день его ангела пляшетъ— и та за мной бы не угналась. Однако, опомнившись немного, я тотчасъ же весь домъ на ноги поднялъ; велѣлъ всѣмъ вооружиться, самъ взялъ саблю и револьверъ. (Я, признаться, этотъ револьверъ вскорѣ послѣ эманципаціи купилъ, знаете, на всякій случай—только такой попался бестія разносчикъ; изъ трехъ выстрѣловъ непремѣнно двѣ осѣчки.) Ну-съ, взялъ я все это, и такимъ манеромъ мы цѣлой оравой, съ дрекольями, съ фонарями и отправились въ сарай. Подходимъ, окликаемъ — не слыхать ничего; входимъ, наконецъ, въ сарай... И что же мы видимъ? Лежитъ мой бѣдный Трезорушко мертвый, съ перерваннымъ горломъ—а той-то, проклятой, и слѣдъ простылъ!

И тутъ я, господа, взвылъ какъ теленокъ и, не стыдясь, скажу: припалъ я къ моему двукратному, такъ сказать, избавителю, и долго лобзалъ его въ голову. И пробылъ я въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока въ чувство

меня не привела моя старая ключница Прасковья (она тоже прибѣжала на гвалтъ).—Что это вы, Порфирій Капитонычъ,—промолвила она:—такъ обо псѣ убиваетесь? Да и простудитесь еще, Боже сохрани! (Очень ужъ я былъ налегкѣ.) А коли песъ этотъ, васъ спасаючи, жизни *рѣшился*, такъ для него это за великую милость почесть можно!

Я хотя съ Прасковьей не согласился, однако, пошелъ домой. А бѣшеную собаку на слѣдующій день гарнизонный солдатъ изъ ружья застрѣлилъ. И, стало-быть, ужъ ей такой былъ предѣлъ положонъ: въ первой разъ отродясь солдатъ-то изъ ружья выпалилъ, хоть и медаль имѣлъ за двѣнадцатый годъ. Такъ вотъ, какое со мной произошло сверхъестественное событіе.

Разсказчикъ умолкъ и сталъ набивать себѣ трубку. А мы все переглянулись въ недоумѣніи. — Да вы, можетъ-быть, очень праведной жизни,—началъ-было г. Финоплентовъ:—такъ въ возмездіе...—Но на этомъ словѣ онъ запнулся, ибо увидалъ, что у Порфирія Капитоныча щеки надулись и покраснѣли, и глаза съежились—вотъ, сейчасъ прыснетъ человѣкъ...

— Но если допустить возможность сверхъестественнаго, возможность его вмѣшательства въ ежедневную, такъ-сказать, жизнь, — началъ снова Антонъ Степанычъ: — то какую же роль, послѣ этого, долженъ играть здравый разсудокъ?

Никто изъ насъ ничего не нашелся отвѣтить — и мы, попрежнему, пребывали въ недоумѣніи.

1866 г.

ИСТОРІЯ
ЛЕЙТЕНАНТА ЕРГУНОВА.

(РАЗСКАЗЪ.)

I.

Въ тотъ вечеръ Кузьма Васильевичъ Ергуновъ разсказалъ намъ опять свою исторію. Онъ повторялъ ее аккуратно разъ въ мѣсяцъ, и мы слушали ее каждый разъ съ новымъ удовольствіемъ, хотя знали ее чуть не наизусть, со всѣми ея подробностями. Подробности эти обросли, если можно такъ выразиться, первоначальный стволъ самой исторіи, какъ опёнки обрастаютъ срубленный пень. Слишкомъ хорошо зная характеръ нашего собесѣдника, мы не затруднялись пополнять его недомолвки и пропуски. Но съ тѣхъ поръ Кузьма Васильевичъ умеръ, и уже разсказывать его исторію будетъ некому, а потому мы и рѣшаемся довести ее до общаго свѣдѣнія.

II.

Случилась она лѣтъ сорокъ тому назадъ, во время молодости Кузьмы Васильевича. Самъ онъ говорилъ про

себя, что былъ онъ тогда франтъ и красавецъ, кровь съ молокомъ, губы имѣлъ румяныя, волосы кудрявые и очи соколиныя. Мы вѣрили ему на слово, хотя ничего подобнаго въ немъ не находили: на наши глаза Кузьма Васильевичъ представлялся человѣкомъ наружности весьма обыкновенной, съ простымъ и какъ бы заспаннымъ лицомъ, грузнымъ и нескладнымъ тѣломъ. Но и то сказать: годы хоть какую красоту исказятъ! Слѣды франтовства болѣе ясно сохранились въ Кузьмѣ Васильевичѣ. Онъ до старости носилъ узкіе панталоны со штрипками, перетягивалъ свой дебелый станъ, на затылкѣ стригъ, на лбу завивалъ свои волосы, и усы красилъ персидскою фаброй, которая, впрочемъ, отливала больше багрянцемъ и даже зеленью, чѣмъ чернотой. Со всѣмъ тѣмъ Кузьма Васильевичъ былъ весьма достойный дворянинъ, хотя за преферансомъ любилъ „запускать *глазенапа*“ къ сосѣдямъ, то-есть заглядывать имъ въ карты; но это онъ дѣлалъ не столько изъ жадности, сколько изъ бережливости, ибо не любилъ попусту тратить деньги. Однако, въ сторону прибаутки: приступимъ къ самому дѣлу.

III.

Дѣло это происходило весной, въ тогда еще новомъ городѣ Николаевѣ, куда Кузьма Васильевичъ былъ откомандированъ по казенному порученію. (Онъ служилъ лейтенантомъ во флотѣ.) Начальство ввѣрило ему, какъ надежному и благоразумному офицеру, надзоръ за какими-то морскими постройками, и отъ времени до времени выдавало въ его распоряженіе довольно значительныя суммы, которыя онъ, для большей безопасности, постоянно носилъ въ кожаномъ поясѣ на тѣлѣ. Кузьма Васильевичъ, дѣйствительно, отличался благоразуміемъ и, несмотря на свои молодые годы, велъ себя примѣрно; всякихъ неприличныхъ поступковъ избѣгалъ тщательно, не прикасался картъ, вина не пилъ и даже общества чуждался, такъ что товарищи его, смирные—прозывали его красною дѣвицей, а буйные—мямлей и рохлей. За Кузьмой Васильевичемъ водился одинъ только грѣшокъ: онъ питалъ сер-

дечную склонность къ прекрасному полу; однако и тутъ умѣлъ сдерживать свои порывы, и никакого „малодушества“ себѣ не позволялъ. Онъ вставалъ и ложился спать рано, добросовѣстно исполнялъ свою обязанность, и единственное его развлеченіе состояло въ вечернихъ, довольно продолжительныхъ прогулкахъ по загороднымъ улицамъ Николаева. Книгъ онъ не читалъ, ибо боялся приливовъ въ головѣ; каждую весну онъ пилъ особый декоктъ противъ полнокровія. Надѣвъ мундиръ и старательно обчистившись вѣничкомъ, Кузьма Васильевичъ отправлялся степеннымъ шагомъ вдоль заборовъ фруктовыхъ садовъ, часто останавливался, любовался красотами природы, срывалъ цвѣтокъ на память и чувствовалъ нѣкоторое удовольствіе; но особенное наслажденіе испытывалъ онъ только тогда, когда ему случалось встрѣтить „купидончика“, то-есть хорошенькую мѣщаночку, спѣшившую домой въ накинутой на плечи душегрѣйкѣ, съ узелкомъ въ голенькой ручкѣ и съ пестрымъ платочкомъ на головѣ. Будучи, какъ онъ самъ выражался, комплекціи чувствительной, но скромной, Кузьма Васильевичъ не заговаривалъ съ „купидончикомъ“, зато привѣтливо улыбался ему, долго и внимательно глядѣлъ ему вслѣдъ... Потомъ вздыхалъ глубоко, отправлялся тѣмъ же степеннымъ шагомъ домой, садился у окошка и мечталъ съ полчасика, бережно покуривая крѣпкій вагштафъ изъ большой пѣнковой трубки, подаренной ему крестнымъ отцомъ, квартальнымъ надзирателемъ изъ нѣмцевъ. Такъ проходили дни, ни весело, ни скучно.

IV.

Вотъ, однажды, возвращаясь передъ сумерками пустымъ переулкомъ къ себѣ на квартиру, Кузьма Васильевичъ услышалъ за собой торопливые шаги и прерывистыя слова, смѣшанныя съ рыданьями. Онъ оглянулся и увидѣлъ дѣвушку лѣтъ двадцати, съ чрезвычайно пріятнымъ, но совершенно разстроеннымъ и заплаканнымъ лицомъ. Казалось, ее постигло большое и неожиданное горе: она бѣжала и спотыкалась на бѣгу, говорила сама съ собой,

охала, махала руками; ея бѣлокурые волосы растрепались, а косынка (тогда еще не знали ни бурнусовъ, ни мантилій) соскользнула съ плечъ и держалась на одной булавкѣ. Одѣта была дѣвушка какъ барышня, не какъ мѣщанка.

Кузьма Васильевичъ посторонился; чувство состраданія побѣдило въ немъ опасеніе смалодушничать, и когда она съ нимъ поравнялась, онъ вѣжливо прикоснулся къ козырьку своего кивера и спросилъ ее о причинѣ ея слезъ.

— Потому,—прибавилъ онъ, и положилъ руку на кортикъ:—я, какъ военный человѣкъ, могу помочь.

Дѣвушка остановилась и, повидимому, въ первое мгновенье не совсѣмъ ясно поняла, чего онъ хотѣлъ отъ нея; но тотчасъ же, какъ бы обрадовавшись случаю высказаться, заговорила на несовсѣмъ чистомъ русскомъ языкѣ.

— Помилуйте, господинъ офицеръ, — начала она, и слезы посыпались дождемъ по ея миловиднымъ щекамъ:— что же это такое! Это ужасти, это Богъ знаетъ что! Насъ совсѣмъ ограбили, помилуйте! Кухарка все, все унесла, все, сервизъ, щикатулку и платье... да... и платье даже, и чулки, и бѣлье... да... и тётенькинъ ридикюль, тамъ еще была двадцати-пяти-рублевая бумажка въ такой маленькій футляръ, и двѣ ложки анплике... и еще салопъ, и все... И это я все говорю господину квартальному поручику, а господинъ квартальный поручикъ говоритъ: „Подите вонъ, не вѣрю, не вѣрю... Слышать, слышать не хочу, вы сами такія же!“ Я говорю: „Помилуйте, салопъ...“ а онъ: „Слышать, слышать не хочу!“ Такъ обидно, господинъ офицеръ! Подите, говоритъ, вонъ... вонъ!.. Да куда же я пойду?

Дѣвушка судорожно, почти съ воплемъ зарыдала и, совершенно растерявшись, приклонилась къ рукаву Кузьмы Васильевича... Онъ смутился въ свою очередь, и замеръ на мѣстѣ, только изрѣдка повторяя: „Полноте, полноте!“ а самъ все глядѣлъ на тонкій, безпрестанно вздрагивавшій затылокъ огорченной дѣвушки.

— Позвольте, я провожу васъ,—сказалъ онъ наконецъ, слегка касаясь указательнымъ пальцемъ ея плеча:—а то

тутъ, на улицѣ, вы понимаете, никакъ невозможно. Вы объясните мнѣ ваше неудовольствіе, и конечно, я приложу все стараніе... какъ офицеръ.

Дѣвушка приподняла голову и, казалось, въ первый разъ хорошенько разглядѣла молодого человѣка, который, можно сказать, держалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Она застыдилась, отвернулась, и все еще всхлипывая, отошла немного въ сторону. Кузьма Васильевичъ возобновилъ свое предложеніе. Дѣвушка посмотрѣла на него искоса, сквозь мокрые отъ слезъ волосы, падавшіе ей на лицо (Кузьма Васильевичъ на этомъ мѣстѣ разсказа всякій разъ увѣрялъ насъ, что этотъ взгладъ пронзилъ его „словно шиломъ", а однажды даже попытался представить намъ этотъ удивительный взглядъ), и положивъ свою руку на подставленную калачикомъ руку услужливаго лейтенанта, отправилась вмѣстѣ съ нимъ на свою квартиру.

V.

Кузьма Васильевичъ въ жизни своей имѣлъ мало обращенія съ дамами, и потому затруднялся, съ чего бы начать бесѣду, но спутница его сама залепетала весьма рѣчисто, безпрестанно утирая безпрестанно накоплявшіяся слезы. Нѣсколько мгновеній спустя, Кузьма Васильевичъ уже зналъ, что ее звали Эмиліей Карловной, что она была родомъ изъ Риги, а въ Николаевъ пріѣхала погостить къ своей тетенькѣ, которая тоже была изъ Риги, что ея папенька также служилъ въ военной службѣ, но умеръ „отъ груди", что у тетеньки была кухарка изъ русскихъ, очень хорошая и дешевая, только безъ паспорта, и что самая та кухарка въ самый тотъ день ихъ обокрала и сбѣжала неизвѣстно куда. Надо было идти въ полицію — in die Polizei... Но тутъ воспоминанія о квартальномъ, о нанесенной обидѣ нахлынули снова... и снова разразились рыданья. Кузьма Васильевичъ опять затруднился, что бы сказать такое утѣшительное... Но дѣвушка, у которой, повидимому, всѣ впечатлѣнія и приходили и уходили очень скоро, внезапно остановилась и, протянувъ руку, спокойно промолвила:

— А вотъ наша квартира!

VI.

Квартира эта состояла изъ плохенькаго, словно въ землю вросшаго домика, съ четырьмя крошечными окошками на улицу. Темная зелень гераніума застилала ихъ изнутри, въ одномъ изъ нихъ теплилась свѣчка: ночь уже надвигалась. Отъ самаго домика и почти въ уровень съ нимъ тянулся бревенчатый заборъ съ едва замѣтною калиткой. Дѣвушка подошла къ ней и, найдя ее запертою, нетерпѣливо заколотила желѣзнымъ кольцомъ заржавѣлаго замка. Послышались за заборомъ тяжелые шаги, словно кто шелъ, небрежно шаркая, въ стоптанныхъ туфляхъ, и хриплый женскій голосъ спросилъ что-то по-нѣмецки, чего Кузьма Васильевичъ не понялъ: онъ, какъ истый морякъ, не зналъ ни одного языка, кромѣ русскаго. Дѣвушка отвѣчала тоже по-нѣмецки; калитка чуть-чуть отворилась и, впустивъ дѣвушку, тотчасъ захлопнулась передъ самымъ носомъ Кузьмы Васильевича, который, однако, успѣлъ разглядѣть, среди полумрака лѣтнихъ сумерекъ, обликъ толстой старухи въ красномъ платьѣ, съ тусклымъ фонаремъ въ рукѣ. Пораженный изумленьемъ, Кузьма Васильевичъ остался нѣкоторое время неподвиженъ на улицѣ; но при мысли, что съ нимъ, военнымъ офицеромъ, такъ невѣжливо поступаютъ (Кузьма Васильевичъ весьма дорожилъ своимъ званіемъ), онъ почувствовалъ приливъ негодованія, круто повернулъ налѣво кругомъ и направился домой. Онъ еще десяти шаговъ не отошелъ, какъ калитка опять отворилась, и дѣвушка, уже успѣвшая пошептаться со старухой, показалась на порогѣ и громко воскликнула:

— Куда же вы, господинъ офицеръ! Пожалуйте къ намъ!

Кузьма Васильевичъ поколебался немного, однако, вернулся.

VII.

Его новая знакомая, которую мы отнынѣ будемъ звать Эмиліей, ввела его чрезъ темный и сырой чуланчикъ въ

довольно большую, но низкую и неопрятную комнату, съ громаднымъ шкапомъ у задней стѣны, клеенчатымъ диваномъ, облупившимися портретами двухъ архіереевъ въ клобукахъ и одного турка въ чалмѣ надъ дверями и между оконъ, картонами и коробками по угламъ, разрозненными стульями и кривоногимъ ломбернымъ столомъ, на которомъ лежала мужская фуражка возлѣ недопитаго стакана съ квасомъ. Вслѣдъ за Кузьмой Васильевичемъ вошла въ комнату и замѣченная имъ у калитки старуха въ красномъ платьѣ, которая оказалась весьма неблагообразною жидовкой, съ угрюмыми свиными глазками и сѣдыми усами на одутловатой верхней губѣ. Эмилія указала на нее Кузьмѣ Васильевичу и промолвила:

— А вотъ моя тетенька, мадамъ Фритче.

Кузьма Васильевичъ нѣсколько удивился, однако, почелъ долгомъ отрекомендоваться. Мадамъ Фритче посмотрѣла на него исподлобья, ничего ему не отвѣтила и спросила свою племянницу по-русски: не хочетъ ли она чаю?

— Ахъ да, чаю!—подхватила Эмилія: — не правда ли, господинъ офицеръ, вы будете кушать чай? Да, тантушка, дайте чаю!.. Но что же вы стойте, господинъ офицеръ? Садитесь! Ахъ, какой вы церемонный! Позвольте, я сниму косынку.

Когда Эмилія говорила, она безпрестанно поворачивала голову изъ стороны въ сторону и подергивала плечиками; птицы такъ дѣлаютъ, когда сидятъ на высокой голой вѣткѣ и со всѣхъ сторонъ освѣщены солнцемъ.

Кузьма Васильевичъ опустился на стулъ и, придавъ осанкѣ своей надлежащую важность, а именно, подпершись кортикомъ и устремивъ глаза на полъ, навелъ рѣчь на покражу. Но Эмилія тотчасъ перебила его.

— Не безпокойтесь, это ничего; тетенька мнѣ сейчасъ сказала, что главныя вещи сысканы. (Мадамъ Фритче проворчала что-то себѣ подъ носъ и вышла вонъ.) И совсѣмъ не надо было ходить въ Polizei; но я никакъ не могу утерпѣть, потому я такая... Вы не понимаете по-нѣмецки?.. такая быстрая, immer so rasch! Но я уже не думаю объ этомъ... aber auch gar nicht!

Кузьма Васильевичъ посмотрѣлъ на Эмилію. Дѣйствительно, лицо ея приняло выраженіе самое беззаботное. Все въ немъ улыбалось, въ этомъ хорошенькомъ личикѣ: и опушенные почти бѣлыми рѣсницами глаза, и губы, и щеки, и подбородокъ, и ямочка на подбородкѣ, и самый даже кончикъ вздернутаго носа. Она подошла къ маленькому зеркальцу возлѣ шкапа и, попѣвая сквозь зубы и щурясь, стала поправлять волосы. Кузьма Васильевичъ пристально слѣдилъ за ея движеніями... Очень она ему нравилась.

VIII.

— Вы меня извините, — заговорила она снова, слегка повертываясь передъ зеркаломъ:—что я васъ такъ... привела къ себѣ. Можетъ-быть, вамъ непріятно?

— О, помилуйте!

— Я вамъ уже сказала: я такая быстрая. Сперва сдѣлаю, потомъ подумаю. А иногда даже и не подумаю... Какъ васъ зовутъ, господинъ офицеръ? Можно спросить?— прибавила она, подойдя къ нему и скрестивъ руки.

— Меня зовутъ Ергуновъ, Кузьма Васильевъ.

— Ергу... Ахъ, это имя не хорошо! То-есть, трудно для меня. Я буду васъ звать господинъ Флорестанъ. У насъ въ Ригѣ былъ одинъ господинъ Флорестанъ. Онъ продавалъ отличный гроденапль въ магазинѣ и былъ красавецъ. Не хуже васъ. Но какой вы широкоплечій! Настоящій русскій молодецъ. Я люблю русскихъ... я сама русская... мой паненька былъ офицеръ. А руки у меня бѣлѣе вашихъ!— Она подняла ихъ надъ головой, помахала ими нѣсколько разъ по воздуху, для того, чтобы кровь отъ нихъ оттекла, и тотчасъ ихъ опустила.— Видите? Я ихъ мою греческимъ мыломъ... съ духами... Понюхайте... Ахъ! да не цѣлуйте... Я не затѣмъ... Гдѣ вы служите?

— Я служу въ 19-мъ черноморскомъ экипажѣ, во флотѣ.

— А! Вы морякъ! А что же, у васъ большое жалованье?

— Нѣтъ... не очень-съ.

— Вы, должно-быть, очень храбры. Это сейчасъ видно по вашимъ глазамъ. Какія у васъ густыя брови! Гово-

рятъ, ихъ надо на ночь саломъ мазать, чтобы росли. Но отчего у васъ усовъ нѣтъ?

— По формѣ не полагается.

— Ахъ! это не хорошо! Что это у васъ, кинжалъ?

— Это кортикъ; кортикъ, такъ сказать, принадлежность моряковъ.

— А! кортикъ! Что, онъ острый! Можно посмотрѣть?— Она съ усиліемъ, закусивъ губы и щурясь, вытащила лезвіе изъ ноженъ и приложилась къ нему носомъ. — О, какой тупой! Этакъ я васъ сейчасъ убить могу.

Она замахнулась на Кузьму Васильевича. Онъ притворился, что испугался, и засмѣялся. И она засмѣялась.

— Ihr habt pardon, вы помилованы,—промолвила она, принявъ величественную позу. — На, возьмите ваше оружіе! А сколько вамъ лѣтъ?—спросила она вдругъ.

— Двадцать-пять.

— А мнѣ девятнадцать! Какъ это смѣшно! Ахъ!

И Эмилія залилась такимъ звонкимъ хохотомъ, что даже назадъ немного опрокинулась. Кузьма Васильевичъ не поднимался со стула и еще пристальнѣе прежняго глядѣлъ на ея розовое, трепетавшее отъ смѣха лицо, и нравилась она ему все больше и больше.

Эмилія вдругъ умолкла, и напѣвая сквозь зубы—такая у ней была привычка—снова подошла къ зеркалу.

— Вы умѣете пѣть, господинъ Флóрестанъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. Не выученъ-съ.

— А играть на гитарѣ? Тоже нѣтъ? А я умѣю. У меня есть гитара съ перленмуттеръ, только струны порваны. Надо будетъ купить. Вы мнѣ дадите денегъ, господинъ офицеръ? Я вамъ спою прекрасный нѣмецкій романсъ. — Она вздохнула и закрыла глаза. — Ахъ, такой прекрасный! Но танцовать вы умѣете? И это нѣтъ? Unmöglich! Я васъ выучу. Лекосезъ и вальсъ-казакъ. Тра-ла-ла, тра-ла-ла, тра-ла-ла... — Эмилія подпрыгнула раза два. — Посмотрите, какія у меня ботинки! „З'Варшавы". О! мы будемъ танцовать съ вами, господинъ Флóрестанъ! Но какъ вы называть меня будете?

Кузьма Васильевичъ осклабился и покраснѣлъ до ушей.

— Я буду васъ звать: прекраснѣйшая Эмилія!

— Нѣтъ! нѣтъ! Вы должны звать меня: Mein Schätzchen, mein Zuckerpüppchen! Повторяйте за мною.

— Съ величайшимъ моимъ удовольствіемъ, но я боюсь, для меня будетъ затруднительно...

— Все равно, все равно. Скажите: Mein...

— Мэ... инъ...

— Zucker...

— Цук... керъ...

— Püppchen! Püppchen! Püppchen!

— Пю... Пю... Этого я не могу-съ. Не хорошо что-то выходитъ.

— Нѣтъ! Вы должны... Вы должны! А вы знаете, что это значитъ? Это по-нѣмецки самое пріятное для барышень слово. Я вамъ это растолкую послѣ. А теперь вотъ тетенька намъ самоваръ несетъ. Браво! браво! Тетенька, я буду пить чай со сливками... Есть сливки?

— So schweige doch!—отвѣчала тетенька.

IX.

Кузьма Васильевичъ просидѣлъ у мадамъ Фритче до полуночи. Съ самаго своего пріѣзда въ Николаевъ онъ еще не проводилъ такого пріятнаго вечера. Правда, ему не разъ приходило въ голову, что офицеру или дворянину не слѣдовало бы знаться съ особами въ родѣ рижской уроженки и ея „тантушки“, но Эмилія такая была хорошенькая, такъ забавно болтала, такъ ласково на него поглядывала, что онъ махнулъ рукой на свое происхожденіе, званіе, и рѣшился на этотъ разъ пожить въ „собственное удовольствіе“. Одно только обстоятельство его смутило и оставило въ немъ впечатлѣніе не совсѣмъ пріятное. Въ самомъ разгарѣ разговора между имъ, Эмиліей и мадамъ Фритче, дверь изъ передней комнаты чуть-чуть растворилась, и мужская рука въ темномъ обшлагѣ съ тремя крошечными серебряными пуговками тихонько высунулась и тихонько положила на стулъ возлѣ двери довольно большой узелъ. Обѣ дамы тотчасъ бросились къ стулу и начали разсматривать принесенное. „Да это не

тѣ ложки!“ воскликнула Эмилія, но тетка толкнула ее локтемъ и унесла узелъ, не завязавъ концовъ. Кузьмѣ Васильевичу показалось, какъ будто одинъ изъ нихъ былъ запачканъ чѣмъ-то краснымъ, словно кровью...

— Что́ это? — спросилъ онъ Эмилію. — Вамъ еще нѣсколько краденыхъ вещей возвратили.

— Да,—отвѣчала Эмилія, какъ бы нехотя:—еще.

— Это слуга вашъ ихъ отыскалъ?

Эмилія нахмурилась.

— Какой слуга? У насъ нѣтъ никакого слуги.

— Такъ другой какой мужчина?

— Къ намъ мужчины не ходятъ.

— Однако, позвольте, позвольте... Я видѣлъ обшлагъ мужского сюртука или венгерки. И, наконецъ, эта фуражка...

— Къ намъ никогда, никогда мужчины не ходятъ, — настойчиво повторила Эмилія.—Что̀ вы видѣли... Ничего вы не видѣли! А фуражка эта моя.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Случится въ маскарадъ... Ну да, моя, und Punctum!

— А кто жъ вамъ узелъ-то принесъ!

Эмилія ничего не отвѣчала и, надувъ губы, вышла изъ комнаты вслѣдъ за мадамъ Фритче. Спустя минутъ десять, она вернулась одна, безъ тетки, и когда Кузьма Васильевичъ снова принялся ее разспрашивать, она посмотрѣла ему въ лобъ, сказала, что стыдно быть кавалеру любопытнымъ (при этихъ словахъ лицо ея немного измѣнилось, словно потемнѣло) и, доставъ изъ ломбернаго стола колоду старыхъ картъ, попросила его погадать на ея счастье и на червоннаго короля.

Кузьма Васильевичъ засмѣялся, взялъ карты, и всякія нехорошія мысли тотчасъ выскочили у него изъ головы.

Но онѣ еще разъ вернулись къ нему въ тотъ же день. А именно: онъ уже вышелъ изъ калитки на улицу, уже простился съ Эмиліей, въ послѣдній разъ крикнувъ ей: „Adieu Zuckerpüppchen!“ какъ вдругъ мимо его прошмыгнулъ человѣкъ невысокаго роста и, обернувшись на мигъ

въ его сторону (ночь давно наступила, но луна свѣтила довольно ярко), выставилъ цыганское худощавое лицо съ черными густыми бровями и усами, черными глазами и крючковатымъ носомъ. Человѣкъ этотъ тотчасъ бросился за уголъ, а Кузьмѣ Васильевичу показалось, что онъ узналъ не лицо его,—онъ никогда не видалъ его прежде,—а обшлагъ его рукава: три серебряныя пуговки явственно сверкнули на лунѣ. Тревожное недоумѣніе зашевелилось въ душѣ осторожнаго лейтенанта; вернувшись домой, онъ не закурилъ, по обыкновенію, своей пѣнковой трубки. Впрочемъ, неожиданное знакомство съ любезною Эмиліей и пріятные часы, проведенные въ ея обществѣ, способствовали взволнованному настроенію его чувствъ.

X.

Какія бы ни были опасенія Кузьмы Васильевича, они разсѣялись скоро и не оставили слѣда. Онъ сталъ частенько навѣдываться къ обѣимъ дамамъ изъ Риги. Влюбчивый лейтенантъ сблизился съ Эмиліей. Сперва онъ стыдился этой близости, скрывалъ свои посѣщенія, потомъ пересталъ стыдиться и скрываться; кончилось тѣмъ, что онъ охотнѣе сидѣлъ у своихъ новыхъ знакомыхъ, чѣмъ у кого бы то ни было, не говоря уже о собственныхъ, не слишкомъ веселыхъ четырехъ стѣнахъ. Сама мадамъ Фритче уже не возбуждала въ немъ непріятныхъ ощущеній, хотя обращалась съ нимъ непривѣтливо и угрюмо попрежнему. Особы мало зажиточныя, подобныя госпожѣ Фритче, въ гостяхъ своихъ преимущественно цѣнятъ щедрость; а Кузьма Васильевичъ былъ скупенекъ и дарилъ больше изюмомъ, грецкими орѣхами, пряниками... Только разъ онъ, по собственному выраженію, „разорился“, поднесъ Эмиліи легонькую розовую косынку настоящей французской матеріи; а она въ тотъ же день прожгла на свѣчкѣ его подарокъ. Онъ сталъ ей выговаривать: она нацѣпила косынку на хвостъ кошкѣ; онъ разсердился: она разсмѣялась ему въ носъ. Кузьма Васильевичъ долженъ былъ, наконецъ, самому себѣ сознаться, что онъ не только не пользовался уваженіемъ дамъ изъ Риги, но даже до-

вѣрія ихъ не заслужилъ: его никогда не впускали разомъ, безъ предварительнаго осмотра: иногда заставляли дожидаться, иногда отсылали прочь безъ всякой церемоніи и, желая что-нибудь скрыть отъ него, бесѣдовали при немъ по-нѣмецки. Эмилія не отдавала ему никакого отчета въ своихъ поступкахъ и на его вопросы отвѣчала какъ-то вскользь, словно не разслышавъ его словъ; а главное: нѣкоторыя комнаты въ домѣ мадамъ Фритче, который былъ довольно обширенъ, хотя съ улицы казался лачужкой, оставались для него постоянно закрытыми. За всѣмъ тѣмъ, Кузьма Васильевичъ не прекращалъ своихъ посѣщеній, а, напротивъ, учащалъ ихъ: онъ все-таки живыхъ людей видѣлъ. Самолюбіе его удовлетворялось также и тѣмъ, что Эмилія продолжала называть его Флòрестаномъ, находила его красавцемъ необыкновеннымъ и увѣряла, что у него глаза какъ у райской птицы, „wie die Augen eines Paradiesvogels!“

XI.

Однажды, въ самый развалъ лѣта, въ полдень, Кузьма Васильевичъ, провозившись цѣлое утро на солнцѣ съ подрядчиками и работниками, притащился измученный, разбитый, къ калиткѣ слишкомъ извѣстнаго ему домика. Онъ постучался; его впустили. Онъ ввалился въ такъ-называемую гостиную и тотчасъ же прикорнулъ на диванѣ. Эмилія подошла къ нему и отерла платкомъ его взмокшій лобъ.

— Какъ онъ усталъ, мой крошка! Какъ ему жарко!— проговорила она съ соболѣзнованіемъ.—Боже мой! хоть бы воротникъ разстегнулъ. Господи! Такъ душка и прыгаетъ.

— Умаялся я, дружокъ,—простоналъ Кузьма Васильевичъ. — Съ утра на ногахъ, да на самомъ все припекѣ. Бѣда! Домой хотѣлъ идти. Тамъ опять эти аспиды, подрядчики! А у васъ тутъ прохлада... кажется, соснулъ бы.

— Ну что̀ же? Почивай, мой цыпленочекъ; здѣсь никто не мѣшаетъ...

— Да совѣстно какъ будто...

— В-вотъ! что за совѣсть. Почивай. А я тебя буду...

какъ это по-вашему?.. байбайкать. „Schlaf, mein Kindchen, schlafe!“—запѣла она.

— Водицы бы сперва испить...

— Вотъ тебѣ стаканъ воды. Свѣжая! Какъ кристаллъ! Постой, я подушечку подъ голову положу... А вотъ это отъ мухъ.

Она закрыла ему лицо платкомъ.

— Спасибо, купидончикъ... Я только такъ... вздремну маленько...

Кузьма Васильевичъ закрылъ глаза и заснулъ немедленно.

— „Schlaf, mein Kindchen, schlafe!“—напѣвала Эмилія, покачиваясь изъ стороны въ сторону и сама тихонько подсмѣиваясь и пѣсенкѣ своей, и своимъ движеніямъ.

„Какое у меня большое дитя!“ думала она. „Мальчикъ!“

XII.

Часа черезъ полтора лейтенантъ проснулся. Ему чудилось сквозь сонъ, какъ будто кто-то его трогаетъ, наклоняется, дышитъ надъ нимъ. Онъ ощупался, сдернулъ платокъ. Эмилія стояла на колѣняхъ, близехонько возлѣ него; выраженіе ея лица показалось ему страннымъ. Она тотчасъ же вскочила, отошла къ окошку и спрятала что-то въ карманъ.

Кузьма Васильевичъ потянулся.

— Однакожъ я-таки всхрапнулъ лихо! — промолвилъ онъ, зѣвая.—Поди-ка сюда, мэйне зюссе фрейлейнъ!

Эмилія подошла къ нему. Онъ проворно приподнялся, сунулъ руку въ ея карманъ и досталъ небольшія ножницы.

— Ach, Herr Je!—невольно воскликнула Эмилія.

— Это... это ножницы? — пробормоталъ Кузьма Васильевичъ.

— Ну да, конечно. А ты что̀ думалъ... пистолетъ? Ахъ, какое у тебя смѣшное лицо! Измято какъ подушка, и волосы на затылкѣ всѣ кверху... И не смѣется... Ахъ, ахъ! И глаза опухли... Ахъ!

Эмилія захохотала.

— Ну, будетъ, — проворчалъ Кузьма Васильевичъ и

всталъ съ дивана. — Будетъ зубы-то безъ толку скалить. Коли ничего умнѣе придумать не можешь, я вѣдь уйду... Я уйду,—повторилъ онъ, видя, что она не унимается.

Эмилія умолкла.

— Ну, полно, оставайся; я не стану... Только волосы поправить надо...

— Нѣтъ, что жъ... Оставь! Я лучше уйду, — сказалъ Кузьма Васильевичъ и взялся за фуражку.

Эмилія надулась.

— Фуй, какой злой! Настоящій русскій! Всѣ русскіе злые! Вотъ онъ уходитъ. Фуй! Вчера мнѣ пять рублей обѣщалъ, а сегодня ничего не даетъ и уходитъ.

— У меня съ собой денегъ нѣтъ, — буркнулъ Кузьма Васильевичъ уже въ дверяхъ.—Прощай!

Эмилія посмотрѣла ему вслѣдъ и погрозилась пальцемъ.

— Денегъ нѣтъ! Слышите, слышите, что̀ говоритъ! Охъ, какіе обманщики эти русскіе! Но погодите, мопсъ вы этакой... Тантушка, пожалуйте-ка сюда, я вамъ что̀ скажу.

Вечеромъ того же дня, Кузьма Васильевичъ, ложась спать и раздѣваясь, замѣтилъ, что въ верхнемъ краѣ его кожанаго пояса вершка на полтора распоролся шовъ. Какъ человѣкъ аккуратный, онъ тотчасъ досталъ иголку и нитку, навощилъ ее и самъ зашилъ прорѣху, а впрочемъ не обратилъ никакого вниманія на это, повидимому, ничтожное обстоятельство.

XIII.

Весь слѣдующій день Кузьма Васильевичъ посвятилъ служебнымъ обязанностямъ; онъ не выходилъ изъ дому даже послѣ обѣда — и вплоть до ночи, въ потѣ лица, строчилъ и переписывалъ на-бѣло рапортъ къ начальству, немилосердно путая буквы *ѣ* и *е*, всякій разъ ставя послѣ „но“ восклицательный знакъ, а послѣ „впрочемъ“— точку съ запятой. На другое утро босоногій жиденокъ, въ изорванномъ халатѣ, принесъ ему письмо отъ Эмиліи— первое письмо, полученное отъ нея Кузьмой Васильевичемъ: „Mein aller liebster Florestan,—писала она ему,—

неушта ты такъ разсердился на твою Zuckerpüppchen, што не пришелъ вчирась? Пожалуста, не сердись, если ты не хочешь, штопъ твоя веселая Эмилія очень много плакала, и приходи непременно сиводни въ 5 часовъ вечера". (Цифра 5 была окружена двумя вѣнками). „Я очень, очень буду рада. Твоя любезная Эмилія." Кузьма Васильевичъ внутренно подивился учености своей любезной, далъ жиденку грошъ и велѣлъ сказать, что хорошо, молъ, приду.

XIV

Кузьма Васильевичъ сдержалъ слово: пяти часовъ еще не пробило, какъ ужъ онъ стоялъ передъ калиткой госпожи Фритче. Но, къ удивленію своему, онъ не засталъ Эмиліи дома; его встрѣтила сама хозяйка и, сдѣлавъ предварительно — о, чудо! — книксенъ, сообщила ему, что по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ Эмилія принуждена была отлучиться, но что она скоро вернется и проситъ его подождать ее. На госпожѣ Фритче былъ опрятный бѣлый чепецъ; она улыбалась, говорила вкрадчивымъ голосомъ и, очевидно, старалась придать привѣтливое выраженіе своему угрюмому лицу, которое, впрочемъ, нисколько отъ этого не выигрывало, а, напротивъ, принимало какой-то зловѣщій оттѣнокъ.

— Вы, господинъ, присядьте, присядьте, — твердила она, подвигая кресло: — а мы васъ, если позволите, попотчуемъ!

Мадамъ Фритче еще разъ сдѣлала книксенъ, вышла изъ комнаты и скоро вернулась съ чашкой шоколада на маленькомъ желѣзномъ подносѣ. Шоколадъ оказался качества сомнительнаго, однако Кузьма Васильевичъ выпилъ всю чашку съ удовольствіемъ, хотя рѣшительно не могъ понять, откуда бралась такая прыть у мадамъ Фритче, и что все это значило? Со всѣмъ тѣмъ, Эмилія не приходила, и онъ начиналъ терять терпѣніе и скучать, какъ вдругъ ему послышались за стѣной звуки гитары. Сперва раздался одинъ аккордъ, потомъ другой, третій, четвертый,—все громче, громче и полнѣй. Кузьма Васильевичъ

изумился: у Эмиліи точно, была гитара, но съ тремя струнами: онъ все еще не собрался купить ей остальныя; притомъ же Эмиліи дома не было. Кто жъ это могъ быть? Опять раздался аккордъ, и такъ звонко, словно въ самой комнатѣ... Кузьма Васильевичъ обернулся и чуть не вскрикнулъ отъ испуга. Передъ нимъ, на порогѣ низенькой двери, которой онъ до тѣхъ поръ не замѣтилъ,— тяжелый шкапъ ее задвигалъ,—стояло неизвѣстное существо: дитя не дитя, и не взрослая дѣвушка. Одѣта она была въ бѣлое платьице съ пестрыми разводами и красные башмаки съ каблучками; прихваченные сверху золотымъ ободкомъ, густые черные волосы падали въ видѣ плаща съ небольшой головки на худенькое тѣло. Изъ-подъ мягкой ихъ громады блестѣли темнымъ блескомъ огромные глаза; голыя, смуглыя ручки, обремененныя запястьями и кольцами, неподвижно держали гитару. Лица почти не было видно: такъ оно казалось мало и темно, только губы алѣли, да обозначался узкій прямой носъ. Кузьма Васильевичъ долго стоялъ какъ вкопанный и пристально, не смигнувъ ни разу, глядѣлъ на это странное существо; и оно на него глядѣло, и тоже не мигало и не шевелилось. Наконецъ онъ очнулся и маленькими шажками подошелъ къ нему.

Темное личико начало понемногу улыбаться, бѣлые зубки сверкнули вдругъ, головка приподнялась и, чуть-чуть встряхнувъ кудрями, показалась во всей своей рѣзкой и тонкой красотѣ. „Это что за бѣсенокъ?“ подумалъ Кузьма Васильевичъ и, нагнувшись еще поближе, промолвилъ вполголоса:

— Фигурка! Эй, фигурка! Кто вы такая?

— Сюда, сюда, — промолвила немного сиплымъ голоскомъ, не русскимъ, медлительнымъ говоромъ и съ невѣрными удареніями „фигурка“ и подалась назадъ шага на два.

Кузьма Васильевичъ вслѣдъ за ней переступилъ порогъ и очутился въ крохотной комнаткѣ безъ оконъ, обитой по стѣнамъ и по полу толстыми коврами изъ верблюжьей шерсти. Сильный запахъ мускуса такъ и обдалъ его. Двѣ

желтыя восковыя свѣчи горѣли на кругломъ столикѣ передъ низкимъ турецкимъ диванчикомъ. Въ углу стояла кроватка подъ кисейнымъ пологомъ съ шелковыми полосками, и длинныя янтарныя четки, съ красною кистью на концѣ, висѣли близъ изголовья.

— Да позвольте, наконецъ, кто вы такая?—повторилъ Кузьма Васильевичъ.

— Сѐстра... сѐстра Эмиліи.

— Вы ея сестра? И здѣсь живете?

— Да... да...

Кузьма Васильевичъ захотѣлъ прикоснуться къ „фигуркѣ". Она отшатнулась.

— Какъ же это она никогда мнѣ о васъ не говорила?

— А нѐльзя... нѐльзя...

— Вы, стало-быть, скрываетесь... прячетесь?

— Да...

— Есть такая причина?

— Есте... есте.

— Гм!—Кузьма Васильевичъ опять захотѣлъ прикоснуться къ „фигуркѣ", она опять отшатнулась.—То-то я васъ никогда не замѣтилъ. Я, признаюсь, и существованія вашего не подозрѣвалъ. И мадамъ Фритче, старуха эта, вамъ тоже доводится теткой?

— Да... тóтка.

— Гм! Вы какъ-будто по-русски плохо понимаете. Какъ васъ зовутъ, позвольте узнать?

— Кòлибри.

— Какъ?

— Кòлибри.

— Кòлибри? Вотъ необыкновенное имя! Это, помнится, въ Африкѣ бываютъ такія насѣкомыя?

XV.

Колибри засмѣялась короткимъ, страннымъ смѣхомъ... точно у ней въ горлѣ стеклышки столкнулись. Она покачала головой, повела кругомъ глазами, положила гитару на столъ и, проворно подойдя къ двери, разомъ ее притворила. Она двигалась живо и ловко съ едва слышнымъ, бы-

стрымъ шумомъ, какъ ящерица; сзади ея волосы спускались ниже колѣнъ.

— А зачѣмъ вы дверь-то заперли? — спросилъ Кузьма Васильевичъ. Колибри приложила палецъ къ губамъ:

— Эмилія... Не надо... ея не надо.

Кузьма Васильевичъ ухмыльнулся.

— Ужъ не ревнуете ли вы?

Колибри приподняла брови.

— Цо?

— Ревнуете... сердитесь,—объяснилъ Кузьма Васильевичъ.

— О, да!

— Вотъ какъ! Много чести!.. Послушайте, сколько вамъ лѣтъ?

— Семинадцать.

— Семнадцать, вы хотите сказать?

— Да.

Кузьма Васильевичъ окинулъ внимательнымъ взоромъ свою фантастическую собесѣдницу.

— Какая же вы красоточка, — проговорилъ онъ внушительно. — Чудо! просто чудо! что за волосы! Глаза! А брови-то, брови!.. У!

Колибри опять засмѣялась и опять повела своими великолѣпными глазами.

— Да, я красавица! Садитесь, и я сяду... подлѣ.

— Извольте, извольте... Но, воля ваша, какая же вы сестра Эмиліи? Вы на нее нисколько не похожи.

— Нѣтъ... я сестра... куджина. Вотъ... возьмите... свѣтòкъ. Хорошій свѣтòкъ. Пахнетъ. — Она вынула изъ-за пояса вѣтку бѣлой сирени, понюхала, откусила лепестокъ и подала ему всю вѣтку.—Хотите варенья? Хорошее... изъ Константинополи... шербетъ.—Колибри достала изъ небольшого комода обернутую въ кусокъ алой шелковой матеріи, со стальными блестками, раззолоченную баночку, серебряную ложечку, хрустальный граненый графинчикъ съ водой и такой же стаканчикъ. — Кушайте шербетъ, господинъ, онъ очень прекрасный. Я вамъ буду пѣть... Хотите? — Она схватила гитару.

— А вы поете? — спросилъ Кузьма Васильевичъ, кладя себѣ въ ротъ ложку дѣйствительно превосходнаго шербету.

— О, да!—Она откинула назадъ свою косу, наклонила голову на-бокъ и взяла нѣсколько аккордовъ, старательно глядя на концы своихъ пальцевъ и на ручку гитары... потомъ вдругъ запѣла не по росту сильнымъ и пріятнымъ, но гортаннымъ и для уха Кузьмы Васильевича нѣсколько дикимъ голосомъ. „Ахъ ты, моя кошечка!“ подумалъ онъ. Пѣла она пѣсню заунывную, нисколько не русскую и на языкѣ совершенно Кузьмѣ Васильевичу незнакомомъ. По его увѣренію, звуки: „кха, гха“—то и дѣло слышались въ пѣніи, а подъ конецъ она протяжно повторила: „синтамаръ“ или „синцимаръ“, что-то въ этомъ вкусѣ, подперлась рукой, вздохнула и опустила гитару на колѣни.—Хорошо?—спросила она.—Еще хотите?

— Съ моимъ удовольствіемъ, — отвѣчалъ Кузьма Васильевичъ.—Только зачѣмъ это у васъ такое лицо, словно все печальное? Вы бы шербету откушали.

— Нѣтъ... вы сами. А я еще... Эта будетъ весѐлѣй.— Она спѣла другую пѣсенку, въ родѣ плясовой, на томъ же непонятномъ языкѣ. Опять послышались Кузьмѣ Васильевичу прежніе гортанные звуки. Ея смуглые пальчики такъ и бѣгали по струнамъ, „какъ паучки“. И кончила она этотъ разъ тѣмъ, что бойко крикнула: „Ганда!“ или „Гасса!“ и застучала кулачкомъ по столу, сверкая глазами...

XVI.

Кузьма Васильевичъ сидѣлъ какъ отуманенный. Голова у него кружилась. Такъ это все было неожиданно... Да и запахъ этотъ, пѣніе... свѣчи днемъ... шербетъ съ ванилью... А тутъ Колибри все ближе къ нему подвигается, волосы ея блестятъ и шуршатъ, и пышетъ отъ нея жаромъ, и это печальное лицо... „Русалка!“ подумалъ Кузьма Васильевичъ. Неловко ему что-то становилось.

— Душечка моя,—промолвилъ онъ:—признайтесь, что̀ вамъ вздумалось меня сегодня къ себѣ позвать?

— Вы молодой, хорошёнькій... Я такихъ люблю.

— А, вотъ что! Но что скажетъ Эмилія? Она мнѣ письмо написала: она должна сейчасъ придти.

— Вы не говорите ей... ничего! Бѣда! Убьетъ!

Кузьма Васильевичъ засмѣялся.

— Будто она такая злая?

Колибри нѣсколько разъ съ важностью качнула головой.

— И мадамъ Фритче тоже ничего. Ни! ни! ни! — Она тихонько постучала себѣ по лбу. — Понимаешь, офицеръ?

Кузьма Васильевичъ нахмурилъ брови.

— Тайна, значитъ?

— Да... да.

— Ну, пожалуй... словечка не пророню. Только за это ты поцѣловать меня должна.

— Нѣтъ, послѣ... когда уйдешь.

— Вотъ еще что выдумала! — Кузьма Васильевичъ нагнулся-было къ ней, но она медленно отклонилась и выпрямилась, какъ ужъ, на котораго набрели въ лѣсной травѣ. Кузьма Васильевичъ уставился на нее. — Вишь ты! — промолвилъ онъ наконецъ: — злюка какая! Ну, Господь съ тобою!

Колибри задумалась и обернулась къ лейтенанту... Вдругъ три мѣрныхъ, глухихъ удара раздались гдѣ-то въ домѣ. Колибри усмѣхнулась, почти фыркнула.

— Сегодня — нѣтъ, завтра — да. Завтра приходи.

— Въ которомъ часу?

— Въ семь... вечеромъ.

— А какъ быть съ Эмиліей?

— Эмилія... нѣтъ; не будетъ.

— Ты думаешь? Ну, хорошо. А только ты завтра скажешь мнѣ...

— Цо? (лицо Колибри, всякій разъ, когда она что спрашивала, принимало дѣтское выраженіе).

— Зачѣмъ ты отъ меня такъ долго пряталась?

— Да... да; завтра все будетъ, конецъ будетъ.

— Смотри же, а я тебѣ подарочекъ принесу...

— Нѣтъ... не надо.

— Отчего же? Ты вотъ, я вижу, наряжаться любишь.

— Не надо. Это... это... это...—и она указала пальцемъ на свое платье, на свои кольца, запястья, на все, что ее окружало:—это все мое. Не подарокъ. Я не беру.

— Какъ знаешь! А теперь уйти надо?

— О, да!

Кузьма Васильевичъ приподнялся. Колибри тоже встала.

— Прощай, игрушечка! А когда жъ поцѣлуй-то?

Колибри вдругъ легко подпрыгнула и, проворно вскинувъ обѣ руки вокругъ шеи молодого лейтенанта, не поцѣловала, а словно клюнула его въ губы. Онъ хотѣлъ поцѣловать ее въ свою очередь, но она мгновенно отскочила прочь и стала за диванчикъ.

— Такъ завтра, въ семь часовъ?—промолвилъ онъ не безъ смущенія.

Она кивнула ему головой и, взявъ за конецъ двумя пальцами длинную прядь собственныхъ волосъ, прикусила ее своими острыми зубками.

Кузьма Васильевичъ сдѣлалъ ей ручкой, вышелъ и потянулъ за собою дверь. Онъ слышалъ, какъ Колибри тотчасъ къ ней подбѣжала... Ключъ звонко щелкнулъ въ замкѣ.

XVII.

Въ гостиной госпожи Фритче никого не было. Кузьма Васильевичъ немедленно отправился въ переднюю. Ему не хотѣлось столкнуться съ Эмиліей. Хозяйка встрѣтила его на крыльцѣ.

— А! Вы уходите, господинъ лейтенантъ,—промолвила она съ тою же притворною и зловѣщею ужимкой.—Эмиліи ждать не будете?

Кузьма Васильевичъ надѣлъ фуражку.

— Мнѣ, доложу вамъ, сударыня, некогда больше ждать. Я и завтра, можетъ-быть, не приду. Такъ вы ей и скажите.

— Хорошо, скажу. Но вѣдь вы не соскучились, господинъ лейтенантъ?

— Нѣтъ-съ; я не соскучился.

— То-то же. Прощенія просимъ-съ.

— Прощайте-съ.

Кузьма Васильевичъ пришелъ домой и, растянувшись на постели, погрузился въ размышленія. Онъ недоумѣвалъ несказанно. „Что̀ за притча во языцѣхъ!“ воскликнулъ онъ не однажды. И зачѣмъ Эмилія ему писала? Назначила свиданіе и не пришла?.. Онъ досталъ ея записку, повертѣлъ ее въ рукахъ, понюхалъ: пахло отъ нея табакомъ, и въ одномъ мѣстѣ онъ замѣтилъ поправку; стояло: „плакала“, а сперва было написано: „плакалъ“. Но что же можно извлечь изъ этого? И возможно ли, чтобы хозяйка ничего не знала? И *она*... Кто она? Да, кто она? Очаровательная Колибри, эта „игрушечка“, эта „фигурка“ не выходила у него изъ головы, и онъ съ нетерпѣніемъ дожидался завтрашняго вечера, хотя втайнѣ чуть не побаивался самой этой „игрушечки“ и „фигурки“.

XVIII.

На слѣдующій день Кузьма Васильевичъ отправился передъ обѣдомъ въ ряды и, настойчиво поторговавшись, купилъ крошечный золотой крестикъ на бархатной ленточкѣ. „Хотя она и увѣряетъ“, такъ размышлялъ онъ, „что ей никакого подарка не требуется, но намъ хорошо извѣстно, что̀ подобныя слова обозначаютъ; а, наконецъ, если точно нравъ у нея такой безкорыстный—Эмилія не побрезгаетъ“. Такъ размышлялъ николаевскій Донъ-Жуанъ, вѣроятно, даже не подозрѣвавшій въ то время, чѣмъ былъ и чѣмъ остался въ памяти людской настоящій Донъ-Жуанъ. Въ шестомъ часу вечера Кузьма Васильевичъ выбрился тщательно и, пославъ за знакомымъ цырюльникомъ, велѣлъ хорошенько напомадить и завить себѣ хохолъ, что̀ тотъ и исполнилъ съ особеннымъ рвеніемъ, не жалѣя казенной бумаги на папильотки; потомъ Кузьма Васильевичъ надѣлъ новый, съ иголочки, мундиръ, взялъ въ правую руку пару новыхъ замшевыхъ перчатокъ и, побрызгавъ на себя лоделаваномъ, вышелъ изъ дому. Кузьма Васильевичъ въ этотъ разъ гораздо больше хлопоталъ о своей наружности, чѣмъ когда шелъ на свиданіе съ „Zuckerpüppchen“, не

потому, что Колибри ему больше нравилась, чѣмъ Эмилія, но въ „игрушечкѣ“ было нѣчто загадочное, нѣчто такое, что̀ невольно возбуждало даже то лѣнивое воображеніе, какимъ обладалъ молодой лейтенантъ.

XIX.

Мадамъ Фритче встрѣтила его по-вчерашнему и, какъ бы стакнувшись съ нимъ въ условной лжи, снова объявила ему, что Эмилія отлучилась на короткое время и проситъ его подождать. Кузьма Васильевичъ наклонилъ голову въ знакъ согласія и присѣлъ на стулъ. Мадамъ Фритче опять улыбнулась, то-есть показала свои желтые клыки, и удалилась, не предложивъ ему шоколаду.

Кузьма Васильевичъ тотчасъ вперилъ взоры въ таинственную дверь. Она оставалась закрытою. Онъ громко кашлянулъ раза два, какъ бы давая знать о своемъ присутствіи... Дверь не шелохнулась. Онъ затаилъ дыханье, приникъ ухомъ... Хоть бы малѣйшій шумъ или шорохъ ему послышался; точно все вымерло кругомъ. Кузьма Васильевичъ всталъ, на цыпочкахъ приблизился къ двери— и, напрасно пошаривъ пальцами, нажалъ на нее колѣномъ... Не тутъ-то было. Тогда онъ нагнулся и раза два произнесъ усиленнымъ шопотомъ: „Колибри, Колибри... Игрушечка!“ Никто не отозвался. Кузьма Васильевичъ выпрямился, одернулъ мундиръ—и, постоявъ немного на мѣстѣ, уже болѣе твердыми шагами подошелъ къ окну и забарабанилъ по стекламъ. Онъ начиналъ чувствовать досаду, негодованіе; офицерскій гоноръ заговорилъ въ немъ: „Что̀ за вздоръ! — подумалъ онъ наконецъ, — за кого меня принимаютъ? Коли такъ, вѣдь я кулаками застучу. Принуждена она будетъ откликнуться! Старуха услышитъ... Ну, что жъ? Не я виноватъ!“ Онъ быстро повернулся на каблукахъ... Дверь стояла раскрытою наполовину.

XX.

Кузьма Васильевичъ немедленно и снова на цыпочкахъ устремился въ потаенную комнатку. На диванѣ, въ бѣломъ платьѣ, съ широкимъ краснымъ поясомъ, лежала Колибри

и, закрывъ нижнюю часть лица платкомъ, смѣялась безъ шума, но отъ души. Волосы свои она убрала на этотъ разъ, заплела ихъ въ двѣ тугія длинныя косы и перевила красными лентами; вчерашніе башмачки красовались на ея крошечныхъ, крестъ-на-крестъ положенныхъ ножкахъ; но самыя эти ножки были голы: глядя на нихъ, можно было подумать, что она надѣла темные шелковые чулки. Диванъ стоялъ иначе, чѣмъ наканунѣ: ближе къ стѣнѣ; а на столѣ, на китайскомъ подносѣ, виднѣлся толстобрюхій пестрый кофейникъ, рядомъ съ граненою сахарницей и двумя голубенькими фарфоровыми чашечками. Тутъ же лежала гитара, и сизый дымокъ бѣжалъ тонкою струйкой съ верхушки крупной курительной свѣчки.

Кузьма Васильевичъ подошелъ къ дивану и наклонился къ Колибри, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ промолвить слово, она протянула руку и, не переставая смѣяться въ платокъ, запустила свои небольшіе жесткіе пальцы въ его волосы и мгновенно растрепала его благоустроенный кокъ.

— Это что еще? — воскликнулъ Кузьма Васильевичъ, не вполнѣ довольный подобною нецеремонностью въ обращеніи.—Ахъ, ты, шалунья!

Колибри приняла платокъ отъ лица.

— Не хорошо такъ; этакъ лучше. — Она отодвинулась къ одному концу дивана и подобрала ноги. — Садитесь... тамъ.

Кузьма Васильевичъ сѣлъ, куда она ему указывала.

— Зачѣмъ же ты удаляешься?—промолвилъ онъ послѣ небольшого молчанья.—Или ты меня боишься?

Колибри свернулась въ клубочекъ и посмотрѣла на него сбоку.

— Я не боюсь... Нѣтъ.

— Ты не должна меня дичиться, — продолжалъ наставительнымъ тономъ Кузьма Васильевичъ. — Ты вѣдь помнишь свое вчерашнее обѣщаніе поцѣловать меня?

Колибри обхватила свои колѣни обѣими руками, положила на нихъ голову и опять посмотрѣла на него.

— Помню.

— То-то же. И ты должна сдержать свое слово.

— Да... должна.

— Въ такомъ случаѣ... — началъ Кузьма Васильевичъ и пододвинулся-было къ ней.

Колибри высвободила свои косы, которыя она захватила вмѣстѣ съ колѣнями, и одною изъ нихъ ударила его по рукѣ.

— Потише, господинъ!

Кузьма Васильевичъ сконфузился.

— Какіе у нея глаза, у разбойницы, — пробормоталъ онъ какъ бы про себя. — Однако, — прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ: — зачѣмъ же ты звала меня... въ такомъ случаѣ?

Колибри вытянула шею, какъ птица... Она прислушивалась. Кузьма Васильевичъ перетревожился.

— Эмилія?—произнесъ онъ вопросительно.

— Нѣтъ.

— Кто-нибудь другой?

Колибри пожала плечомъ.

— Да ты что-нибудь слышишь?

— Ничего.—Колибри отвела назадъ, и тоже птичьимъ движеніемъ, свою небольшую, яйцевидную головку, съ красивымъ проборомъ и короткими вихрами курчавыхъ завитушекъ на затылкѣ, тамъ, гдѣ начинались косы, и опять въ клубочекъ свернулась.—Ничего.

— Ничего! Такъ я теперь...—Кузьма Васильевичъ потянулся къ Колибри, но тотчасъ же отдернулъ руку. На пальцѣ у него показалась капля крови.—Что за глупости такія!—воскликнулъ онъ, встряхивая пальцемъ.—Вѣчныя эти ваши булавки! Да и какая это къ чорту булавка, — прибавилъ онъ, взглянувъ на длинную золотую шпильку, которую Колибри медленно втыкала себѣ въ поясъ.—Это цѣлый кинжалъ, это жало... Да, да, это твое жало, и ты оса, вотъ ты кто, оса, понимаешь?

Колибри, повидимому, очень понравилось сравненье Кузьмы Васильевича: она залилась тонкимъ хохотомъ и нѣсколько разъ сряду повторила:

— Да, я ужалю... я ужалю.

Кузьма Васильевичъ глядѣлъ на нее и думалъ: „Вѣдь вотъ, смѣется, а лицо все печальное“...

— Посмотри-ка, что я тебѣ покажу,—промолвилъ онъ громко.

— Цо?

— Зачѣмъ ты говоришь: цо? Развѣ ты полька?

— Ни.

— Теперь вотъ: „ни!“ Ну, да все равно!—Кузьма Васильевичъ досталъ свой подарочекъ и повертѣлъ имъ на воздухѣ.—Глянь-ка сюда... Хороша штучка?

Колибри равнодушно вскинула глазами.

— А! Крестъ! Мы не носимо.

— Какъ? Креста не носите? Да ты жидовка, что ли?

— Не носимо, — повторила Колибри и, вдругъ встрепенувшись, глянула назадъ черезъ плечо.—Хотите? я пѣть буду...—торопливо спросила она.

Кузьма Васильевичъ сунулъ крестикъ въ карманъ мундира и оглянулся тоже. Ему почудился легкій трескъ за стѣной...

— Что такое?—пробормоталъ онъ.

— Мышь... мышь,—поспѣшно проговорила Колибри, и вдругъ, совершенно неожиданно для Кузьмы Васильевича, обняла его голову своими гибкими, гладкими руками, и быстрый поцѣлуй обжёгъ его щеку... точно уголекъ къ ней приложился.

Онъ стиснулъ Колибри въ своихъ объятіяхъ, но она выскользнула какъ змѣя—ея станъ былъ немного толще змѣинаго туловища—и вскочила на ноги:

— Постой,—шепнула она:—прежде надо кофе пить...

— Полно! Что за кофе! Послѣ.

— Нѣтъ, теперь. Теперь горячій, послѣ холодный.—Она ухватила кофейникъ за ручку и, высоко приподнявъ его, стала лить въ обѣ чашки. Кофе падалъ тонкою, какъ бы перекрученною струей; Колибри положила голову на плечо и смотрѣла, какъ онъ лился.—Вотъ, клади сахару... пей... и я буду!

Кузьма Васильевичъ бросилъ въ чашку кусокъ сахару и выпилъ ее разомъ. Кофе ему показался очень крѣпкимъ

и горькимъ. Колибри глядѣла на него улыбаясь и чуть-чуть расширяя ноздри надъ краемъ своей чашки. Она тихонько опустила ее на столъ.

— Что же ты не пьешь?—спросилъ Кузьма Васильевичъ.

— Я... понемножку...—отвѣчала она.

Кузьма Васильевичъ пришелъ въ азартъ.

— Да сядь же, наконецъ, возлѣ меня!

— Сейчасъ. — Она нагнула голову и, все не спуская глазъ съ Кузьмы Васильевича, взялась за гитару.—Только прежде я пѣть буду.

— Да, да, только сядь.

— И танцовать буду. Хочешь?

— Ты танцуешь? Ну, это бы я посмотрѣлъ. Но нельзя ли послѣ?

— Нѣтъ, теперь... А я тебя очень люблю.

— Ты меня любишь! Смотри же... а впрочемъ, танцуй, чудачка ты этакая!

XXI.

Колибри стала по ту сторону стола и, пробѣжавъ нѣсколько разъ пальцами по струнамъ гитары, затянула, къ удивленію Кузьмы Васильевича, который ожидалъ веселаго, живого напѣва,—затянула какой-то медлительный, однообразный речитативъ, сопровождая каждый отдѣльный, какъ бы съ усиліемъ выталкиваемый звукъ, мѣрнымъ раскачиваніемъ всего тѣла направо и налѣво. Она не улыбалась, и даже брови свои сдвинула, свои высокія, круглыя, тонкія брови, между которыми рѣзко выступалъ синій знакъ, похожій на восточную букву, вѣроятно, вытравленный порохомъ. Глаза она почти закрыла, но зрачки ея тускло свѣтились изъ-подъ нависшихъ рѣсницъ, попрежнему упорно вперяясь въ Кузьму Васильевича. И онъ также не могъ отвести взора отъ этихъ чудныхъ, грозныхъ глазъ, отъ этого смуглаго постепенно разгоравшагося лица, отъ полураскрытыхъ и неподвижныхъ губъ, отъ двухъ черныхъ змѣй, мѣрно колебавшихся по обѣимъ сторонамъ стройной головы. Колибри продолжала раскачиваться, не сходя съ мѣста, и только ноги ея пришли въ движеніе:

она слегка ихъ передвигала, приподнимая то носокъ, то каблукъ. Разъ она вдругъ быстро перевернулась и пронзительно вскрикнула, высоко встряхнувъ па воздухѣ гитарой... Потомъ опять началась прежняя однообразная пляска, сопровождаемая тѣмъ же однообразнымъ пѣніемъ. Кузьма Васильевичъ сидѣлъ между тѣмъ преспокойно на диванѣ и продолжалъ глядѣть на Колибри. Онъ ощущалъ въ себѣ нѣчто странное, необычайное: ему было очень легко и свободно, даже слишкомъ легко; онъ какъ-будто тѣла своего не чувствовалъ, какъ-будто плавалъ, и въ то же время мурашки по немъ ползали, какое-то пріятное безсиліе распространялось по ногамъ, и дремота щекотала ему вѣки и губы. Онъ уже ничего не желалъ, не думалъ ни о чемъ, а только ему было очень хорошо, словно кто его баюкалъ, „байбайкалъ", какъ выразилась Эмилія, и шепталъ онъ про себя: „игрушечка!" По временамъ лицо „игрушечки" заволакивалось... „Отчего бы это?" спрашивалъ себя Кузьма Васильевичъ. „Отъ курева", успокоивалъ онъ себя... „Такой есть тутъ синій дымокъ". И опять его кто-то баюкалъ и даже разсказывалъ ему на ухо что-то такое хорошее... Только почему-то все не договаривалъ. Но вотъ вдругъ на лицѣ „игрушечки" глаза открылись огромные, величины небывалой, настоящія мостовыя арки... Гитара покатилась и, ударившись о полъ, прозвенѣла гдѣ-то за тридевятью землями... Какой-то очень близкій и короткій пріятель Кузьмы Васильевича нѣжно и плотно обнялъ его сзади и галстукъ ему поправилъ. Кузьма Васильевичъ увидалъ передъ самымъ лицомъ своимъ крючковатый носъ, густые усы и пронзительные глаза незнакомца съ обшлагомъ о трехъ пуговкахъ... и хотя глаза находились на мѣстѣ усовъ, и усы на мѣстѣ глазъ, и самый носъ являлся опрокинутымъ, однако Кузьма Васильевичъ не удивился нисколько, а, напротивъ, нашелъ, что такъ оно и слѣдовало; онъ собрался даже сказать этому носу: „здорово, братъ, Григорій", но отмѣнилъ свое намѣреніе и предпочелъ... предпочелъ немедленно отправиться съ Колибри въ Царьградъ для предстоящаго бракосочетанія, такъ какъ она была тур-

чанка, а государь его пожаловалъ въ дѣйствительные турки.

XXII.

Кстати жъ, передъ нимъ очутилась лодочка: онъ занесъ въ нее ногу, и хотя по неловкости споткнулся и ушибся довольно сильно, такъ что нѣкоторое время не зналъ, гдѣ что̀ находится, однако справился и, сѣвъ на лавочку, поплылъ по той самой большой рѣкѣ, которая въ видѣ Рѣки Временъ протекаетъ на картѣ на стѣнѣ Николаевской гимназіи, въ Царьградъ. Съ великимъ удовольствіемъ плылъ онъ по той рѣкѣ и наблюдалъ за множествомъ красныхъ гагаръ, безпрестанно ему попадавшихся; онѣ, однако, не подпускали его и, пыряя, превращались въ круглыя розовыя пятна. И Колибри съ нимъ ѣхала; но, желая предохранить себя отъ зноя, помѣстилась подъ лодкой и изрѣдка стучала въ дно... Вотъ, наконецъ, и Царьградъ. Дома̀, какъ слѣдуетъ быть домамъ, въ видѣ тирольскихъ шляпъ; и у турокъ все такія крупныя, степенныя лица; только не годится долго на нихъ глядѣть: они начинаютъ корчиться, рожи строить, а послѣ и совсѣмъ распадаются, какъ талый снѣгъ. Вотъ и дворецъ, въ которомъ онъ будетъ жить съ Колибри... И такъ все въ немъ отлично устроено! Стѣны съ генеральскимъ шитьемъ, вездѣ эполеты, по угламъ люди трубятъ, и на лодкѣ можно въѣхать въ гостиную. Ну, разумѣется, портретъ Магомета... Только Колибри бѣжитъ все впередъ по комнатамъ, и косы ея волочатся за нею по полу, и никакъ она не хочетъ обернуться, и все меньше она становится, все меньше... Ужъ это не Колибри, а мальчикъ въ курточкѣ, и онъ его гувернеръ, и онъ долженъ влѣзать за этимъ мальчикомъ въ подзорную трубку, и труба та все ўже, ўже, вотъ ужъ и двинуться нельзя... ни впередъ, ни назадъ, и дышать невозможно, и что-то обрушилось на спину... и земля въ ротъ...

XXIII.

Кузьма Васильевичъ открылъ глаза. Свѣтло кругомъ, тихо... пахнетъ уксусомъ, мятой. Надъ нимъ и по бокамъ

что-то бѣлое; онъ вглядывается: пологъ постельный. Онъ хочетъ голову приподнять... нельзя; руку... нельзя тоже. Что такое значитъ? Онъ опускаетъ глаза... Какое-то длинное тѣло протянуто передъ нимъ, и на томъ тѣлѣ шерстяное одѣяло, желтое съ коричневою каймой. Тѣло оказывается его, Кузьмы Васильевича. Онъ пытается крикнуть... ничего не выходитъ. Онъ пытается опять, напрягаетъ всѣ свои силы... дряхлый стонъ раздается и дрожитъ подъ его носомъ. Слышатся тяжелые шаги, жилистая рука раздвигаетъ пологъ. Сѣдой инвалидъ въ военной заплатанной шинели стоитъ передъ нимъ и глядитъ на него... И онъ глядитъ на инвалида. Большая оловянная кружка придвигается къ губамъ Кузьмы Васильевича. Кузьма Васильевичъ жадно пьетъ холодную воду. Языкъ его развязывается.—Гдѣ я?—Инвалидъ еще разъ взглядываетъ на него, уходитъ и возвращается съ другимъ человѣкомъ, въ темномъ мундирѣ.—Гдѣ я?—повторяетъ Кузьма Васильевичъ.—Ну, теперь будетъ живъ,—говоритъ человѣкъ въ мундирѣ.—Вы въ госпиталѣ,—прибавляетъ онъ громко:—но извольте почивать. Вамъ вредно разговаривать.—Кузьма Васильевичъ готовъ удивиться, но снова впадаетъ въ забытье...

На другое утро явился докторъ. Кузьма Васильевичъ пришелъ въ себя. Докторъ поздравилъ его съ выздоровленіемъ и велѣлъ перевязать ему голову.

— Какъ? голову? Да развѣ у меня...

— Вы не должны говорить, не должны безпокоиться,—перебилъ его докторъ.—А теперь лежите смирно и благодарите Всевышняго Создателя. Гдѣ компрессы, Поплевкинъ?

— Да гдѣ же деньги... казенныя...

— Ну! опять сталъ бредить... Побольше льду, Поплевкинъ!

XXIV.

Прошла еще недѣля. Кузьма Васильевичъ настолько оправился, что доктора нашли возможнымъ сообщить ему случившееся съ нимъ происшествіе. Вотъ что онъ узналъ.

16-го іюня, въ семь часовъ вечера, посѣтилъ онъ въ послѣдній разъ домъ госпожи Фритче, а 17-го іюня, къ обѣду, т.-е. почти черезъ сутки, пастухъ нашелъ его въ оврагѣ возлѣ большой Херсонской дороги, въ двухъ верстахъ отъ Николаева, безчувственнаго, съ разрубленною головой, съ багровыми пятнами на шеѣ. Мундиръ и жилетка на немъ были разстегнуты, всѣ карманы выворочены, фуражки и кортика не оказалось, кожанаго пояса съ деньгами—тоже. По измятой травѣ, по широкому слѣду въ пескѣ и глинѣ можно было заключить, что несчастнаго лейтенанта волокомъ волокли на дно оврага и только тамъ нанесли ему ударъ въ голову, не топоромъ, а саблей,—вѣроятно, его же кортикомъ: вдоль всего слѣда, отъ самой дороги, не замѣчалось ни капли крови, а вокругъ головы стояла цѣлая лужа. Не оставалось сомнѣнія въ томъ, что убійцы его сперва опоили, потомъ пытались придушить и, отвезя ночью за городъ, стащили въ оврагъ и тамъ окончательно прихлопнули. Кузьма Васильевичъ не умеръ, благодаря лишь своему, поистинѣ желѣзному сложенію. Пришелъ онъ въ себя 22-го іюля, то-есть цѣлыхъ пять недѣль спустя.

XXV.

Кузьма Васильевичъ немедленно довелъ до свѣдѣнія начальства постигшее его несчастье, изложилъ всѣ обстоятельства дѣла изустно и на бумагѣ, сообщилъ адресъ мадамъ Фритче. Полиція бросилась въ указанный домъ, но никого въ немъ не нашла; птички уже вылетѣли изъ гнѣзда. Схватились за хозяина дома; но отъ этого хозяина, престарѣлаго и глухого мѣщанина, большого толку не добились. Самъ онъ проживалъ въ другомъ кварталѣ и зналъ одно: четыре мѣсяца тому назадъ, отдалъ онъ свой домъ внаймы одной еврейкѣ съ паспортомъ, по имени Шмуль или Шмульке, которую онъ тогда же и прописалъ въ части. — „Пріѣзжала къ ней другая жинка, — такъ показывалъ онъ:—тоже съ пачпортомъ,—но какимъ рукомесломъ онѣ обѣ занимались, и то ему неизвѣстно; и были ли у нихъ другіе постояльцы—тоже не слыхалъ

и не знаетъ; а какой паренекъ у него въ томъ домѣ жилъ дворникомъ или караульщикомъ, и тотъ сошелъ не то въ Одесть, не то въ Питеръ; а новый дворникъ поступилъ недавно, съ перваго числа іюля".—Навели справки въ полиціи и по околотку: оказалось, что Шмульке, вмѣстѣ съ товаркой, настоящее имя которой было Фридерика Бенгель, выѣхала изъ Николаева около 20-го іюня, а куда—неизвѣстно. Таинственнаго человѣка съ цыганскимъ лицомъ и тремя пуговками на обшлагѣ, а равно и черномазой дѣвки-иностранки съ огромною косой никто и не видывалъ. Кузьма Васильевичъ, какъ только выписался изъ госпиталя, самъ посѣтилъ роковой для него домъ. Въ маленькой комнаткѣ, гдѣ онъ бесѣдовалъ съ Колибри, и гдѣ все еще пахло мускусомъ, находилась другая, тоже скрытая дверь; къ ней-то, во второе его посѣщеніе, былъ придвинутъ диванъ, и черезъ нее вошелъ, вѣроятно, убійца и обхватилъ его сзади. Кузьма Васильевичъ подалъ жалобу по формѣ; началось дѣло. Нѣсколько занумерованныхъ отношеній и предписаній полетѣло въ разныя стороны; поступили въ свое время надлежащія отписки и справки... но тѣмъ все и кончилось. Подозрительныя личности такъ и канули въ воду,—а вмѣстѣ съ ними исчезли и похищенныя казенныя деньги, тысяча девятьсотъ семнадцать рублей съ копейками, ассигнаціями и золотомъ. Сумма немаловажная въ ту эпоху! Цѣлыхъ десять лѣтъ потомъ ихъ выплачивалъ Кузьма Васильевичъ, пока не попалъ подъ всемилостивѣйшій манифестъ.

XXVI.

Самъ онъ на первыхъ порахъ былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что виной всей бѣды, начальницей заговора, была Эмилія, его коварная „Zuckerpüppchen". Онъ вспомнилъ, какъ въ самый день послѣдняго свиданія съ нею, онъ неосторожно задремалъ на диванѣ, какъ, проснувшись, увидѣлъ ее возлѣ себя на колѣнкахъ, и какъ она смѣшалась, и какъ, наконецъ, онъ въ тотъ же вечеръ открылъ прорѣху въ своемъ поясѣ, прорѣху, очевидно, продѣланную ея ножницами. „Она увидѣла", думалъ Кузьма

Васильевичъ: „она сказала старой чертовкѣ и тѣмъ двумъ діаволамъ, она залучила меня, написавъ ко мнѣ письмо... меня и обработали. Но кто бы могъ это отъ нея ожидать!“ Онъ представлялъ себѣ хорошенькое, добренькое лицо Эмиліи, ея свѣтлые глазки... „Женщины! женщины!“ твердилъ онъ, скрежеща зубами: „крокодилово исчадіе!“ Но переѣхавъ окончательно изъ госпиталя къ себѣ домой, онъ узналъ одно обстоятельство, которое привело его въ недоумѣніе, поставило его втупикъ. Въ самый тотъ день, когда его, полумертваго, привезли въ городъ, дѣвушка, по всѣмъ примѣтамъ какъ двѣ капли воды похожая на Эмилію, прибѣжала, вся въ слезахъ, съ растрепанными волосами, къ нему на квартиру и, освѣдомившись о немъ у денщика, бросилась, какъ сумасшедшая, въ госпиталь. Въ госпиталѣ ей сказали, что Кузьма Васильевичъ непремѣнно долженъ умереть, и она тотчасъ скрылась, ломая руки, съ выраженіемъ отчаянія на лицѣ. Явно было, что она не предвидѣла, не ожидала убійства. Или, можетъ-быть, ее самоё обманули—не выдали ей обѣщанной части? Раскаяніе ею вдругъ овладѣло? Но однакожъ она потомъ выѣхала изъ Николаева вмѣстѣ съ тою отвратительною старухой, которая навѣрное все знала... Кузьма Васильевичъ терялся въ догадкахъ и порядкомъ-таки наскучилъ своему денщику, безпрестанно заставляя его сызнова описывать наружность прибѣжавшей дѣвушки и повторять ея слова.

XXVII.

Цѣлые полтора года спустя, Кузьма Васильевичъ получилъ отъ Эмиліи — alias Фридерики Бенгель — письмо на нѣмецкомъ языкѣ, которое онъ немедленно велѣлъ себѣ перевести и впослѣдствіи неоднократно намъ показывалъ. Оно было испещрено орѳографическими ошибками и восклицательными знаками; на кувертѣ стоялъ штемпель: „Бреславль“. Вотъ по возможности вѣрный переводъ этого письма:

„Мой дорогой, незабвенный и несравненный Флорестанъ! Господинъ лейтенантъ Ергенгофъ!

„Сколько разъ я порывалась къ вамъ писать! И всегда, къ сожалѣнію, откладывала, хотя мысль, что вы меня можете считать участницей въ томъ ужасномъ злодѣяніи, была всегда для меня самая убійственная мысль! О, мой милый господинъ лейтенантъ! Повѣрьте мнѣ, день, когда я узнала, что вы остались живы и здоровы, былъ самый счастливый день въ моей жизни! Но я не намѣрена вполнѣ себя оправдывать! Я не буду лгать! Я, точно, первая открыла вашу привычку носить деньги на вашемъ желудкѣ! (впрочемъ, въ нашихъ краяхъ всѣ мясники и торговцы мясомъ такъ поступаютъ!) И имѣла неосторожность немножко сказать объ этомъ! Я даже въ шутку тогда сказала, что вотъ было бы хорошо взять у васъ немножко этихъ денегъ! Но старая злодѣйка (господинъ Флòрестанъ! она *не была* моею теткой) вступила въ заговоръ съ этимъ безбожнымъ извергомъ Луиджи и его сообщницей! Клянусь вамъ гробомъ моей матери, я до сихъ поръ не знаю, кто были эти люди! Знаю только, что имя его было Луиджи, и что они оба пріѣхали изъ Бухарешта и были, навѣрное, большіе преступники, и прятались отъ полиціи, и имѣли деньги и драгоцѣнныя вещи! Луиджи былъ ужасный субъектъ (ein schröckliches Subject), убить себѣ подобнаго (einen Mitmenschen) для него ничего не значило! Онъ говорилъ на всѣхъ языкахъ—и это *онъ* тогда возвратилъ вещи отъ нашей кухарки! Не спрашивайте, какъ! Онъ все, все могъ сдѣлать, онъ былъ ужасный человѣкъ! Онъ увѣрялъ старуху, что только опоитъ васъ немного и потомъ вывезетъ и броситъ, и будетъ говорить, что ничего не знаетъ и что вы сами виноваты—гдѣ-нибудь много вкусили вина! Но злодѣй уже тогда имѣлъ въ умѣ, что лучше васъ совсѣмъ убить, дабы ни одинъ пѣтухъ о томъ не прокричалъ! Письмо отъ моего имени онъ къ вамъ написалъ, а меня старуха удалила лукавствомъ! Я ничего не подозрѣвала, и я ужасно боялась Луиджи! Онъ говорилъ мнѣ: „Я зарѣжу, зарѣжу тебя какъ цыпленка!“ И такъ при этомъ страшно шевелилъ усами! Притомъ меня увезли въ одну компанію... Мнѣ очень стыдно, господинъ лейтенантъ! И я даже

теперь плачу горькими слезами при этихъ мысляхъ!.. Мнѣ кажется... ахъ! я не была рождена для такихъ занятій... Но этому помочь нельзя; и вотъ какъ все случилось! Потомъ я ужасно испугалась, и поневолѣ уѣхала, потому что если бы полиція насъ открыла—что́ бы было со мной тогда? Проклятый Луиджи тотчасъ бѣжалъ, какъ только узналъ, что вы остались живы. Но я въ скорости съ ними со всѣми разсталась и хотя я теперь безъ куска хлѣба часто сижу, однако душа моя покойна! Вы меня, можетъ-быть, спросите, зачѣмъ я пріѣзжала въ Николаевъ? Но я не могу ничего отвѣчать! Я клялась! Кончаю просьбой очень, очень для меня важною: пожалуйста, когда вы будете вспоминать о вашей маленькой пріятельницѣ Эмиліи, не думайте о ней, какъ о черной преступницѣ! Вѣчный Богъ видитъ мое сердце. Я имѣю дурную нравственность (Ich habe eine schlechte Moralität) и я вѣтрена, но я не злодѣйка. И я всегда буду васъ любить и помнить, мой несравненный Флорестанъ, и всегда буду вамъ желать всего хорошаго на земномъ шарѣ (auf diesem Erdenrund)! Не знаю, дойдетъ ли до васъ мое письмо, но если дойдетъ, то напишите мнѣ нѣсколько строкъ, чтобъ я видѣла, что вы получили мое письмо! Этимъ вы очень осчастливите вашу вамъ неизмѣнно преданную Эмилію.

„P. S. Пишите подъ буквами F. E. poste restante, въ Бреславль, въ Силезію.

„P. S. S. Я писала вамъ по-нѣмецки; я иначе не могла выразить свои чувства; но вы мнѣ пишите по-русски“.

XXVIII.

— Ну, и что же? Отвѣчали вы ей? — спрашивали мы Кузьму Васильевича.

— Собирался, много разъ собирался. Да какъ написать? По-нѣмецки я не умѣю, а по-русски... Кто бы перевелъ ей? Такъ и не написалъ.

И всякій разъ, окончивъ свой разсказъ, Кузьма Васильевичъ вздыхалъ, качалъ головою, говорилъ: „Вотъ что значитъ молодость!“ И если въ числѣ слушателей нахо-

дился новичокъ, въ первый разъ ознакомившійся съ знаменитою исторіей, онъ бралъ его руку, клалъ себѣ на черепъ и заставлялъ щупать шрамъ отъ раны... Рана дѣйствительно была страшная, и шрамъ шелъ отъ одного до другого уха.

1867 г.

БРИГАДИРЪ.

(повѣсть.)

I.

Читатель, знакомы ли тебѣ тѣ небольшія дворянскія усадьбы, которыми, двадцать-пять, тридцать лѣтъ тому назадъ, изобиловала наша великорусская Украйна? Теперь онѣ попадаются рѣдко, а лѣтъ черезъ десять и послѣднія изъ нихъ, пожалуй, исчезнутъ безслѣдно. Проточный прудъ, заросшій лозникомъ и камышами, приволье хлопотливыхъ утокъ, къ которымъ изрѣдка присосѣживается осторожный „чирокъ"; за прудомъ садъ съ аллеями липъ, этой красы и чести нашихъ черноземныхъ равнинъ, съ заглохшими грядами „шпанской" земляники, со сплошной чащей крыжовника, смородины, малины, посреди которой, въ томный часъ неподвижнаго полуденнаго зноя, ужъ непремѣнно мелькнетъ пестрый платочекъ дворовой дѣвушки и зазвенитъ ея пронзительный голосокъ; тутъ же амбарчикъ на курьихъ ножкахъ, оранжерейка, плохенькій огородъ, со стаей воробьевъ на тычинкахъ и прикорнувшей кошкой близъ провалившагося колодца; дальше—кудрявыя яблони надъ высокой, снизу зеленой, кверху

сѣдой травой, жидкія вишни, груши, на которыхъ никогда не бываетъ плода; потомъ клумбы съ цвѣтами — макомъ, піонами, анютиными-глазками, крыжантами, „дѣвицей въ зелени“, кусты татарской жимолости, дикаго жасмину, сирени и акаціи, съ непрестаннымъ пчелинымъ, шмелинымъ жужжаніемъ въ густыхъ, пахучихъ, липкихъ вѣткахъ; наконецъ, господскій домъ, одноэтажный, на кирпичномъ фундаментѣ, съ зеленоватыми стеклами въ узкихъ рамахъ, съ покатой, нѣкогда крашеной крышей, съ балкончикомъ, изъ котораго повыпадали кувшино-образныя перила, съ кривымъ мезониномъ, съ безголосой старой собакой въ ямѣ подъ крыльцомъ; за домомъ широкій дворъ съ крапивой, полынью и лопухами по угламъ, службы съ захватанными дверями, съ голубями и галками на пробуравленныхъ соломенныхъ крышахъ, погребокъ съ заржавѣлымъ флюгеромъ, двѣ-три березы съ грачиными гнѣздами на голыхъ верхнихъ сучьяхъ—а тамъ уже дорога съ подушечками мягкой пыли по колеямъ — и поле, и длинные плетни коноплянниковъ, и сѣренькія избушки деревни, и крики гусей съ отдаленныхъ заливныхъ луговъ... Знакомо ли тебѣ все это, читатель? Въ самомъ домѣ все немножко на-бокъ, немножко расшаталось — а ничего! Стоитъ крѣпко и держитъ тепло: печи, что твои слоны, мебель сбродная, домодѣльщина; бѣловатыя протоптанныя дорожки бѣгутъ отъ дверей по крашенымъ поламъ; въ передней чижи и жаворонки въ крошечныхъ клѣткахъ; въ углу столовой громадные англійскіе часы въ видѣ башни, съ надписью: „Strike,—silent“; въ гостиной портреты хозяевъ, написанные масляными красками, съ выраженіемъ суроваго испуга на кирпичнаго цвѣта лицахъ, а иногда и старая покоробленная картина, представляющая либо цвѣты и фрукты, либо миѳологическій сюжетъ; вездѣ пахнетъ кваскомъ, яблокомъ, олифой, кожей; мухи гудятъ и звенятъ подъ потолкомъ и на окнахъ, бойкій прусакъ внезапно заиграетъ усиками изъ-за зеркальной рамы... Ничего! жить можно — и даже очень недурно можно жить.

II.

Вотъ такую-то усадьбу пришлось мнѣ посѣтить лѣтъ тридцать тому назадъ... дѣла давно-минувшихъ дней — какъ изволите видѣть. Небольшое имѣньице, въ которомъ находилась та усадьба, принадлежало одному моему университетскому товарищу: оно недавно къ нему поступило послѣ смерти троюроднаго дяди, холостяка, и самъ онъ въ немъ не жилъ... Но въ недальнемъ разстояніи оттуда зачинались пространныя степныя болота, въ которыхъ, во время лѣтняго прилета, водилось много дупелей; мой товарищъ и я—мы оба были страстные охотники, а потому и сговорились съѣхаться — онъ изъ Москвы, я изъ своей деревеньки—къ Петрову дню въ его домикъ. Пріятель мой замѣшкался въ Москвѣ и опоздалъ двумя днями; я безъ него не хотѣлъ начать охоты. — Меня принялъ старый слуга, по имени Наркизъ Семеновъ: его предувѣдомили о моемъ пріѣздѣ. Этотъ старый слуга нисколько не походилъ на „Савельича“ или на „Калеба“; мой товарищъ звалъ его въ шутку „Маркизомъ“. Въ немъ было что-то самоувѣренное, даже утонченное, не безъ достоинства онъ смотрѣлъ на насъ, молодыхъ людей, свысока, но и къ другимъ помѣщикамъ не питалъ особеннаго уваженія; о прежнемъ баринѣ отзывался небрежно, а свою братью просто презиралъ—за невѣжество. Самъ онъ умѣлъ читать и писать, выражался правильно и вразумительно— и водки не пилъ. Въ церковь ходилъ рѣдко—такъ что его раскольникомъ считали. Изъ себя онъ былъ худощавъ и высокъ, лицо имѣлъ длинное и благообразное, острый носъ и нависшія брови, которыя онъ безпрестанно то надвигалъ, то поднималъ; носилъ просторный, опрятный сюртукъ и сапоги до колѣнъ съ вырѣзанными въ видѣ сердца голенищами.

III.

Въ самый день моего прибытія, Наркизъ, подавъ мнѣ позавтракать и убравъ со стола, остановился въ дверяхъ, пристально посмотрѣлъ на меня и, поигравъ бровями, промолвилъ:

— Что же вы, сударь, теперь дѣлать будете?

— А я, право, не знаю. Если бы Николай Петровичъ слово свое сдержалъ, пріѣхалъ—мы бы на охоту вмѣстѣ отправились.

— А вы, стало, сударь, надѣялись, что они такъ въ самый разъ и пріѣдутъ, какъ обѣщались?

— Конечно, надѣялся.

— Гмъ.—Наркизъ опять посмотрѣлъ на меня, и какъ бы съ сожалѣньемъ покачалъ головою. — Коли чтеніемъ позабавиться желательно,—продолжалъ онъ:—отъ стараго барина остались книжки; я ихъ, буде угодно, принесу; только вы ихъ читать не станете, такъ полагать надо.

— Почему?

— Книжки-то пустыя; не для теперешнихъ господъ писаны.

— Ты ихъ читалъ?

— Не читалъ, не сталъ бы говорить. Сонникъ, напримѣръ... это что жъ за книга? Ну, есть другія... только вы ихъ тоже не станете читать.

— А что?

— Божественныя.

Я помолчалъ... Наркизъ помолчалъ тоже.

— Главное-то мнѣ досадно, — началъ я: — въ этакую погоду—дома сидѣть.

— Въ саду прогуляйтесь; а не то въ рощу сходите. Тутъ у насъ роща за гумномъ. Не охочи ли вы рыбу ловить?

— А у васъ есть рыба?

— Есть, въ прудѣ. Гольцы, пескари, окуни попадаются. Теперь, конечно, настоящая пора прошла: іюль на дворѣ. Ну... а все-таки попытаться можно... Прикажете удочку снарядить?

— Сдѣлай одолженіе.

— Я съ вами мальчика пошлю... червей насаживать. А то развѣ самому пойти?—Наркизъ очевидно сомнѣвался въ томъ, сумѣю ли я одинъ справиться.

— Пойдемъ, пожалуйста, пойдемъ.

Наркизъ улыбнулся молча, но во весь ротъ, потомъ вдругъ надвинулъ брови... и вышелъ изъ комнаты.

IV.

Полчаса спустя, мы отправились ловить рыбу. Наркизъ надѣлъ какой-то необыкновенный, ушастый картузъ, и сталъ еще величественнѣе. Онъ выступалъ впереди, степеннымъ, ровнымъ шагомъ; двѣ удочки мѣрно колыхались на его плечѣ; босоногій мальчишка несъ за нимъ лейку и горшокъ съ червями.

— Тутъ, возлѣ плотины, на плоту лавочка устроена для удобства,—началъ пояснять мнѣ Наркизъ, заглянулъ впередъ и вдругъ воскликнулъ:—Эге! да наши убогіе ужъ тутъ... Повадились!

Я вытянулъ изъ-за него голову и увидалъ на плоту, на той самой лавочкѣ, о которой онъ говорилъ, двухъ, сидѣвшихъ къ намъ спиною, людей: они преспокойно удили рыбу.

— Кто это?—спросилъ я.

— Сосѣди,—отвѣчалъ съ неудовольствіемъ Наркизъ.— Дома-то ѣсть имъ нечего, такъ вотъ они къ намъ и жалуютъ.

— А имъ позволяется?

— Прежній баринъ позволялъ... развѣ вотъ Николай Петровичъ не разрѣшитъ... Длинный-то—дьячокъ изъ заштатныхъ: совсѣмъ пустой человѣкъ; ну а тотъ, что потолще—бригадиръ.

— Какъ, бригадиръ? — повторилъ я съ изумленіемъ. Одежда на этомъ „бригадирѣ“ была чуть ли не хуже дьячковской.

— Я же вамъ докладываю: бригадиръ. И состояніе у нихъ было хорошее. А теперь вотъ изъ милости уголъ отведенъ, и живутъ... такъ, чѣмъ Господь пошлетъ. Однако, между прочимъ, какъ же быть? Заняли они лучшее мѣсто... Надо будетъ дорогихъ гостей потревожить.

— Нѣтъ, Наркизъ, пожалуйста, не тревожь ихъ. Мы тутъ же присядемъ въ сторонѣ: они намъ не мѣшаютъ. Мнѣ съ бригадиромъ хочется познакомиться.

— Какъ угодно-съ. А только, что если насчетъ знакомства... много удовольствія вы, сударь, получить не на-

дѣйтесь; слабы они очень понятіемъ стали, и въ „разговоркѣ“ тупы... что малый ребенокъ. И то сказать: восьмой десятокъ доживаютъ.

— Какъ его зовутъ?

— Васильемъ Ѳомичемъ. По фамиліи—Гуськовъ.

— А дьячка какъ?

— Дьячка-то?... прозвище ему—Огурецъ. Его здѣсь всѣ такъ величаютъ, а какое его настоящее имя — Господь вѣдаетъ! Пустой человѣкъ! Какъ есть проходимецъ.

— Они живутъ вмѣстѣ?

— Нѣтъ, не вмѣстѣ; да чортъ ихъ... знаете... веревочкой связалъ.

V.

Мы подошли къ плоту. Бригадиръ вскинулъ на насъ глазами... и тотчасъ устремилъ ихъ на поплавокъ; Огурецъ вскочилъ, выдернулъ удочку, снялъ свою истасканную поповскую шляпу, провелъ трепетной рукой по жесткимъ, желтымъ волосамъ, поклонился на-отмашь и засмѣялся дряблымъ смѣхомъ. Его припухлое лицо изобличало горькаго пьяницу; съёженные глазки униженно моргали. Онъ толкнулъ своего сосѣда въ бокъ, какъ бы давая ему знать, что надо-молъ убираться... Бригадиръ зашевелился па лавочкѣ.

— Сидите, прошу васъ, не безпокойтесь, — поспѣшно заговорилъ я.—Вы намъ нисколько не мѣшаете. Мы тутъ помѣстимся; сидите.

Огурецъ запахнулъ свой дырявый балахонъ, передернулъ плечами, губами, бородкой... Наше присутствіе видимо его стѣсняло... и онъ бы охотно улизнулъ, но бригадиръ снова погрузился въ созерцаніе своего поплавка... „Проходимецъ“ кашлянулъ раза два, присѣлъ на самый край лавочки, положилъ шляпу на колѣни и, подобравъ подъ себя свои голыя ноги, скромно закинувъ удочку.

— Клюетъ?—съ важностью спросилъ Наркизъ, медлительно разматывая лесу.

— Штучекъ пять гольцовъ залучили, — отвѣчалъ Огу-

рецъ разбитымъ и сиплымъ голосомъ: — да вотъ они порядочнаго окунька поймали.

— Да, окунька,—пискливо повторилъ бригадиръ.

VI.

Я принялся пристально разсматривать—не его, а опрокинутое его отраженіе въ прудѣ. Оно мнѣ представлялось ясно, какъ въ зеркалѣ, немного темнѣй, немного серебристѣй. Широкій прудъ дышалъ на насъ прохладой; прохладой вѣяло и отъ сырого обрывистаго берега; и тѣмъ слаще была она, что тамъ, надъ головою, въ золотистой и темной лазури, надъ купами деревьевъ, ощутительнымъ бременемъ нависъ неподвижный зной. Вода не колыхалась около плота; въ тѣни, падавшей на нее съ раскидистыхъ прибрежныхъ кустовъ, блестѣли, какъ крохотныя свѣтлыя пуговки, водяные паучки, описывавшіе свои вѣчные круги; лишь изрѣдка чуть замѣтная рябь шла отъ поплавковъ, когда рыба „шалила“ съ червякомъ. Бралась она очень плохо: въ теченіе цѣлаго часа мы вытащили двухъ гольцовъ и пескаря. Я бы не сумѣлъ сказать, почему бригадиръ возбуждалъ мое любопытство: чинъ его не могъ на меня дѣйствовать: разоренные дворяне и въ то время не считались рѣдкостью — и самая его наружность не представляла ничего замѣчательнаго. Изъ-подъ теплаго картуза, закрывавшаго всю верхнюю часть головы его до бровей и до ушей, виднѣлось красное, гладкое, выбритое, круглое лицо, съ маленькимъ носомъ, маленькими губками и свѣтло-сѣрыми небольшими глазами. Простоту и слабость душевную и какую-то давнишнюю, безпомощную грусть выражало это смиренное, почти дѣтское лицо; въ пухлыхъ бѣлыхъ ручкахъ съ короткими пальцами было тоже что-то безпомощное, неумѣлое... Я никакъ не былъ въ состояніи себѣ представить, какимъ образомъ этотъ убогій старичокъ могъ когда-то быть военнымъ человѣкомъ, командовать, распоряжаться — да еще въ екатерининскія, суровыя времена! Я глядѣлъ на него: иногда онъ надувалъ щеки и слабо пыхтѣлъ, какъ ребенокъ, иногда онъ щурился болѣзненно, съ усиліемъ, какъ всѣ

дряхлые люди. Разъ онъ широко раскрылъ и поднялъ глаза... Они уставились на меня изъ водной глубины—и странно трогательнымъ и даже значительнымъ показался мнѣ ихъ унылый взоръ.

VII.

Я старался заговорить съ бригадиромъ... но Наркизъ не обманулъ меня: бѣдный старикъ дѣйствительно очень слабъ понятіемъ сталъ. Онъ освѣдомился о моей фамиліи, и переспросивъ меня раза два, подумалъ, подумалъ и промолвилъ наконецъ: „Да у насъ, кажись, былъ такой судья. Огурецъ, былъ у насъ такой судья—ась?"—„Былъ, былъ, батюшка, Василій Ѳомичъ, ваше благородіе",—отвѣчалъ ему Огурецъ, который вообще обходился съ нимъ, какъ съ ребенкомъ.—„Былъ, точно. А удочку вашу мнѣ пожалуйте: у васъ червячокъ, должно, съѣденъ... Съѣденъ и есть".

— Съ Ломовскимъ семействомъ изволили быть знакомы?—внезапно, напряженнымъ голосомъ спросилъ меня бригадиръ.

— Какое такое Ломовское семейство?

— Какое?—Ну, Ѳедоръ Иванычъ, Евстигнѣй Иванычъ, Алексѣй Иванычъ жидъ, ну, Ѳеодулія Ивановна грабительница... а тамъ еще...

Бригадиръ вдругъ умолкъ и потупился.

— Самые имъ близкіе были люди,—наклонясь ко мнѣ, шепнулъ Наркизъ:—чрезъ нихъ, чрезъ самого этого Алексѣя Иваныча, что жидомъ они обозвали, да еще черезъ одну Алексѣй-Иванычину сестрицу, Аграфену Ивановну—они, можно сказать, всего состоянія лишились.

— Что ты тамъ объ Аграфенѣ Ивановнѣ толкуешь?—воскликнулъ вдругъ бригадиръ, и голова его поднялась, бѣлыя брови нахмурились...—Ты смотри у меня! И какая она тебѣ Аграфена? Агриппина Ивановна—вотъ какъ надо... ее называть.

— Ну-ну-ну-ну, батюшка,—залепеталъ-было Огурецъ.

— Ты развѣ не знаешь, что про нее Милоновъ стихотворецъ сочинилъ?—продолжалъ старикъ, внезапно войдя

въ совершенно мною неожиданный азартъ.—„Не брачныя свѣщи возженны“—началъ онъ нараспѣвъ, произнося всѣ гласныя въ носъ, а слоги: „ан“ и „ен“ — какъ французскіе: *an*, *en*,—и странно было слышать изъ устъ его эту связную рѣчь:—„не факелы...“ Нѣтъ, это не то, а вотъ:

Не бреннымъ тлѣнія кумиромъ,
Не амаранфомъ, не порфиромъ,
Столь услаждаются они...
Одно лишь въ нихъ...

— Это про насъ.—Слышишь?

Одно лишь въ нихъ непреткновенно,
Пріятно, томно, вожделѣнно:
Взаимный жаръ питать въ крови!

А ты—Аграфена!

Наркизъ усмѣхнулся полу-презрительно, полу-равнодушно. — Эхъ-ма, каженникъ! *) — проговорилъ онъ про себя. Но бригадиръ уже опять потупился — удочка вывалилась изъ его руки и соскользнула въ воду.

VIII.

— А что, какъ я погляжу, дѣло-то наше — дрянь,— промолвилъ Огурецъ: — рыба — вишь — не клюетъ вовсе. Ужъ жарко больно стало, а нашего барина „мехлюдія“ **) постигла. Видно—домой пойти; лучше будетъ.—Онъ осторожно досталъ изъ кармана жестяную фляжку съ деревянной пробочкой, откупорилъ ее, насыпалъ себѣ на соколокъ табаку — да и дернулъ по обѣимъ ноздрямъ разомъ... — Эхъ, табачокъ! — простоналъ онъ, приходя въ чувство:—ажно тоска по зубамъ заиграла!—Ну, голубчикъ Василій Ѳомичъ, извольте подниматься—пора!

Бригадиръ всталъ съ лавочки.

— Далеко вы отсюда живете?—спросилъ я Огурца.

— Да они-то вотъ недалеко... и версты не будетъ.

— Позволите вы мнѣ проводить васъ! — обратился я къ бригадиру. Мнѣ не захотѣлось отстать отъ него.

Онъ посмотрѣлъ на меня и, улыбнувшись той особен-

---

*) Каженникъ—идіотъ, чудакъ.

**) Мехлюдія—меланхолія.

ной, важной, вѣжливой и нѣсколько жеманной улыбкой, которая, не знаю какъ другимъ, а мнѣ всякій разъ напоминаетъ пудру, французскіе кафтаны съ стразовыми пуговицами — вообще восемнадцатый вѣкъ — проговорилъ съ старомодной разстановкой, что „о-чен-но будетъ радъ“... и тотчасъ опять опустился. Екатерининскій кавалеръ мелькнулъ въ немъ на мгновеніе—и исчезъ.

Наркизъ удивился моему намѣренію; но я не обратилъ вниманія на неодобрительное покачиваніе его ушастаго картуза, и вышелъ изъ сада вмѣстѣ съ бригадиромъ, котораго поддерживалъ Огурецъ. — Старикъ двигался довольно быстро, какъ на деревяжкахъ.

IX.

Мы шли чуть-чуть проторенной тропинкой, по травянистой долинѣ, между двумя березовыми рощами. Солнце пекло; иволги перекликались въ зеленой чащѣ, коростели трещали возлѣ самой тропинки, голубенькія бабочки перелетывали стайками по бѣлымъ и краснымъ цвѣтамъ низкаго клевера; пчелы, словно сонныя, путались и вяло жужжали въ недвижной травѣ. Огурецъ встряхнулся, оживился; Наркиза онъ боялся — онъ жилъ у него подъ глазами; я былъ ему чужой, заѣзжій — со мною онъ скоро освоился.—„Вотъ,—зачастилъ онъ:—нашъ баринъ—постникъ, что толковать! а однимъ окунькомъ — какъ тутъ сыту быть? Развѣ вы, ваше благородіе, что пожертвуете? Тутъ сейчасъ за поверткомъ, въ кабачкѣ—отличные калачики-ситнички. А коли милость будетъ, такъ и азъ многогрѣшный при этомъ случаѣ за ваше здравіе — долголѣтіе-долгоденствіе, шкальчикъ выкушаю“.— Я далъ ему двугривенный и едва успѣлъ отвернуть руку, которую онъ бросился лобызать. Онъ узналъ, что я охотникъ, и пустился толковать о томъ, что у него есть хорошій знакомый офицеръ, у котораго шведское мин-динденгер-ровское ружье съ мѣднымъ стволомъ — что̀ твоя пушка! выпалишь — такъ словно забытье найдетъ: послѣ французовъ осталось!.. и собака — просто игра природы! что онъ самъ всегда бо̀льшую страсть къ охотѣ имѣлъ,

и попъ бы ничего — вмѣстѣ съ нимъ перепеловъ лавливалъ—да благочинный до безконечности его затиранилъ; а что до Наркиза Семеныча, — промолвилъ онъ на-распѣвъ: — такъ ежели я по ихнему понятію необстоятельный человѣкъ на семъ свѣтѣ есть — и я на то доложу: отрастили они себѣ брови не хуже тетерева, да и полагаютъ, что чрезъ то всѣ науки произошли. — Тѣмъ временемъ мы подошли къ кабачку — одинокой ветхой избушкѣ безъ задворка и клѣти; отощалая собака лежала свернувшись подъ окошкомъ; курица копалась въ пыли передъ самымъ ея носомъ. Огурецъ усадилъ бригадира на завалинкѣ и мгновенно шмыгнулъ въ избушку. Пока онъ покупалъ калачики, да подносилъ себѣ шкаликъ—я глазъ не сводилъ съ бригадира, который, Богъ вѣдаетъ почему, мнѣ представлялся загадкой. Въ жизни этого человѣка—думалось мнѣ—навѣрное произошло что-нибудь необыкновенное. А онъ, казалось, и не замѣчалъ меня вовсе; сидѣлъ, сгорбившись, на завалинкѣ и перебиралъ въ пальцахъ нѣсколько гвоздикъ, сорванныхъ имъ въ саду моего пріятеля. Огурецъ появился, наконецъ, со связкой калачиковъ въ рукѣ; появился весь красный и потный, съ выраженіемъ радостнаго удивленія на лицѣ, какъ будто онъ только-что увидалъ нѣчто чрезвычайно пріятное и для него неожиданное. Онъ тотчасъ предложилъ бригадиру откушать калачика — и тотъ откушалъ. Мы отправились далѣе.

X.

Въ силу выпитой водки, Огурца совершенно, какъ говорится, „разлимонило“. Онъ принялся утѣшать бригадира, который продолжалъ спѣшить впередъ, пошатываясь, какъ на деревяжкахъ.—Что вы, батюшка, баринъ, невеселы, носъ повѣсили? Позвольте, я вамъ пѣсенку спою. Сейчасъ всякое удовольствіе получите... Вы не извольте сумлѣваться, — обратился онъ ко мнѣ; — баринъ у насъ пресмѣшливый, и Боже ты мой! Вчерась я гляжу: баба на плоту портки моетъ—да толстая же и попалась баба— а они сзаду стоятъ, да отъ смѣху такъ и киснутъ, ей-

Богу!.. Вотъ, позвольте сейчасъ: про зайца пѣсню знаете? Вы не глядите на меня, что я невзраченъ есть; у насъ тутъ въ городѣ цыганка живетъ: рыло-рыломъ, а запоетъ: гробъ! ложись да помирай. — Онъ широко раскрылъ свои мокрыя, красныя губы и запѣлъ, загнувъ голову на-бокъ, закрывъ глаза и потряхивая бородкой:

Лежитъ заяцъ подъ кустомъ;
Ѣздятъ охотнички по пустомъ...
Лежитъ заяцъ, еле дышитъ —
Между тѣмъ онъ ухомъ слышитъ —
Смерти ждетъ!
Чѣмъ вамъ, охотнички, я досадилъ?
Иль какую бѣдушку учинилъ?
Я въ капустахъ хоть бываю,
По одномъ листу съѣдаю —
И то не у васъ!
Да-съ!

Огурецъ все болѣе задавалъ форсу:

Скакнулъ заяцъ въ темный лѣсъ —
И охотничкамъ фостъ поднесъ.
Вы, охотнички, простите,
На мой фостикъ поглядите —
Я не вашъ!

Огурецъ уже не пѣлъ... Онъ оралъ.

Ѣздили охотнички до су-такъ...
Разбирали заячій на-сту-пакъ...
Межъ собой все толковали
И другъ дружку обругали:
Заяцъ-то не нашъ!
Косой обманулъ!!

Первые два стиха каждаго куплета Огурецъ пѣлъ протяжнымъ голосомъ, остальные три, напротивъ, очень живо, при чемъ щеголевато подрыгивалъ и переступалъ ногами; по окончаніи же куплета откалывалъ „колѣно“, т. е. ударялъ самого себя пятками. Воскликнувъ во все горло: „Косой обманулъ!“ онъ перекувырнулся... Ожиданія его оправдались. Бригадиръ вдругъ залился тонкимъ слезливымъ хохотомъ, да такъ усердно, что дальше итти не могъ, и слегка присѣлъ, безсильно похлопывая руками по колѣнкамъ. Я глядѣлъ на его побагровѣвшее, судорожно-

искривленное лицо, и очень мнѣ жаль его стало—именно въ это мгновенье. Воодушевленный успѣхомъ, Огурецъ пустился въ присядку, безпрестанно приговаривая: „шилды-будылды да начики-чикалды!“... Онъ ткнулся, наконецъ, носомъ въ пыль... Бригадиръ внезапно пересталъ хохотать и заковылялъ дальше.

XI.

Мы прошли еще съ четверть версты. Показалась маленькая деревушка на краю неглубокаго оврага; въ сторонѣ виднѣлся „флигелекъ“ съ полуразметанной крышей и одинокой трубой; въ одной изъ двухъ комнатъ этого флигелька помѣщался бригадиръ. Владѣтельница деревушки, постоянная обитательница Петербурга, статская совѣтница Ломова, отвела—какъ я узналъ впослѣдствіи—этотъ уголокъ бригадиру. Она велѣла выдавать ему мѣсячину, а также приставить къ нему для услуженія проживавшую въ той же деревнѣ дурочку изъ дворовыхъ, которая хотя и плохо понимала человѣческую рѣчь, однако могла, по мнѣнію совѣтницы, и полъ подмести, и щи сварить. На порогѣ флигелька бригадиръ снова обратился ко мнѣ съ прежней екатерининской улыбкой: не угодно ли, молъ, мнѣ пожаловать въ его апартаментъ? Вошли мы въ этотъ „апартаментъ“. Все въ немъ было до крайности грязно и бѣдно, такъ грязно и такъ бѣдно, что бригадиръ, вѣроятно, замѣтивъ, по выраженію моего лица, какое впечатлѣніе произвело на меня его жилище, промолвилъ, пожавъ плечами и прищурившись: „се-не-па... öль-де-пердри“... Что́ собственно хотѣлъ онъ этимъ сказать — осталось мнѣ не совсѣмъ яснымъ... Заговоривъ съ нимъ по-французски, я не получилъ отвѣта на этомъ языкѣ. Два предмета особенно поразили меня въ жилищѣ бригадира: во-первыхъ, большой офицерскій георгіевскій крестъ въ черной рамѣ, подъ стекломъ, съ надписью стариннымъ почеркомъ: „полученъ полковникомъ Черниговскаго Дерфельдена полка Василіемъ Гуськовымъ за штурмъ Праги въ 1794 году“; а во-вторыхъ — поясной масляный портретъ красивой черноглазой женщины съ

продолговатымъ и смуглымъ лицомъ, высоко взбитыми и напудренными волосами, съ мушками на вискахъ и подбородкѣ, въ пестромъ вырѣзномъ робъ-ронѣ, съ голубыми оборками, эпохи восьмидесятыхъ годовъ. Портретъ былъ плохо написанъ, но навѣрное очень схожъ: чѣмъ-то слишкомъ жизненнымъ и несомнѣннымъ вѣяло отъ этого лица. Оно не глядѣло на зрителя, какъ бы отворачивалось отъ него, и не улыбалось; въ горбинѣ узкаго носа, въ правильныхъ, но плоскихъ губахъ, въ почти прямой чертѣ густыхъ, сдвинутыхъ бровей, сказывался повелительный, надменный, вспыльчивый нравъ. Не нужно было особаго усилія, чтобы представить себѣ, какъ это лицо могло внезапно загораться страстію или гнѣвомъ. Подъ самымъ портретомъ, на небольшой тумбочкѣ, стоялъ полузавядшій букетъ простыхъ полевыхъ цвѣтовъ въ толстой стеклянной банкѣ. Бригадиръ приблизился къ тумбочкѣ, воткнулъ въ банку принесенныя имъ гвоздики и, обернувшись ко мнѣ и поднявъ руку въ направленіи портрета, промолвилъ: „Агриппина Ивановна Телѣгина, Ломова урожденная“. Слова Наркиза пришли мнѣ на память: я съ удвоеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на выразительное и недоброе лицо женщины, изъ-за которой бригадиръ всего состоянія лишился.

— Вы, я вижу, присутствовали при штурмѣ Праги, господинъ бригадиръ,—началъ я, указывая на георгіевскій крестъ,—и удостоились получить знакъ отличія, во всякое время рѣдкій, а тогда подавно; вы, стало-быть, помните Суворова?

— Александра Васильича-то? — отвѣчалъ бригадиръ, помолчавъ немного и какъ бы собираясь съ мыслями:— какъ же, помню, маленькій былъ, живой старичокъ. Ты стоишь, не чукнешь, а онъ туды-сюды (бригадиръ захохоталъ). Въ Варшаву-то на казачьей лошади въѣхалъ; самъ весь въ брильянтахъ, а полякамъ говоритъ: „нѣту у меня часовъ, въ Питерѣ забылъ, нѣту, нѣту!“ а они-то: „виватъ! виватъ!“ Чудаки! Эй! Огурецъ! малый!—прибавилъ онъ вдругъ, перемѣнивъ и возвысивъ голосъ (балагуръ-дьячокъ оставался за дверью):—гдѣ жъ калачики-то? Да Грунькѣ скажи... какъ бы кваску!

— Сейчасъ, батюшка баринъ, — послышался голосъ Огурца.

Онъ вручилъ бригадиру связку ситничковъ—и, выйдя изъ флигелька, подошелъ къ какому-то взъерошенному существу въ лохмотьяхъ—должно-быть, самой той дурочкѣ Грунькѣ—и, сколько я могъ разобрать сквозь запыленное окошко, началъ требовать отъ нея „кваску", ибо нѣсколько разъ сряду приставлялъ одну руку воронкой ко рту, а другою махалъ въ нашу сторону.

XII.

Я снова попытался вступить въ бесѣду съ бригадиромъ; но онъ видимо усталъ, опустился, кряхтя, на лежанку и, простонавъ: „ой, ой, косточки, косточки", развязалъ свои подвязки. Помнится, меня тогда удивило, какъ это у мужчины могли быть подвязки? Я не сообразилъ, что въ прежнее время всѣ ихъ носили. Бригадиръ принялся зѣвать продолжительно и откровенно, не спуская съ меня отупѣлыхъ глазъ, такъ зѣваютъ очень маленькія дѣти. Бѣдный старикъ, казалось, не совсѣмъ даже понималъ мои вопросы... И онъ бралъ Прагу! Онъ, со шпагой наголо̀, въ дыму, въ пыли, въ челѣ суворовскихъ солдатъ, простреленное знамя надъ головой, обезображенные трупы подъ ногами... Онъ... онъ?! Не удивительно ли? Но мнѣ все-таки сдавалось, что въ жизни бригадира происходили событія еще болѣе необыкновенныя. Огурецъ принесъ бѣлаго квасу въ желѣзномъ ковшикѣ; бригадиръ напился съ жадностью—руки его тряслись. Огурецъ поддерживалъ дно ковшика. Старикъ старательно отеръ свой беззубый ротъ обѣими ладонями и снова, уставившись на меня, зажевалъ и зачмокалъ губами. Я понялъ въ чемъ дѣло, раскланялся и вышелъ изъ комнаты.

— Теперь почивать будутъ, — замѣтилъ Огурецъ, выступая за мною. — Очень ужъ уморились сегодня — на могилку съ утра ходили.

— На чью могилку?

— А къ Аграфенѣ Ивановнѣ на поклоненіе... Онѣ тутъ у насъ въ приходскомъ кладбищѣ похоронены; веретъ

отсюда пять будетъ. Василій Ѳомичъ каждую недѣлю безпремѣнно къ нимъ ходятъ. Да онъ же ихъ и похоронилъ, и ограду поставилъ на свой коштъ.

— А давно она скончалась?

— Да лѣтъ, почитай, съ двадцать.

— Она ему пріятельницей была, что ли?

— Всю жисть, какъ есть, съ ними провели... помилуйте. Самъ я барыни той, признаться, не знавалъ, а, говорятъ, промежъ ихъ дѣла были... н-н-ну! — Господинъ,—поспѣшно прибавилъ дьячокъ, видя, что я отвернулся: — не соблаговолите ли, не пожалуете ли „ощѣ" на шкаликъ, а то мнѣ пора въ пуньку *), да подъ шептуху **).

Я не почелъ за нужное разспрашивать Огурца, далъ ему еще двугривенный и отправился домой.

XIII.

Дома я обратился за свѣдѣніями къ Наркизу. Онъ, какъ и слѣдовало ожидать, поломался немного, поважничалъ, выразилъ свое удивленіе, что меня такіе пустяки „антересовать" могутъ, и, наконецъ, разсказалъ, что̀ зналъ. Я услышалъ слѣдующее.

Василій Ѳомичъ Гуськовъ познакомился съ Аграфеной Ивановной Телѣгиной въ Москвѣ, вскорѣ послѣ польскаго погрома; мужъ ея служилъ при генералъ-губернаторѣ, а Василій Ѳомичъ находился въ отпуску. Онъ тогда же въ нее влюбился, но въ отставку не выходилъ: человѣкъ онъ былъ одинокій, лѣтъ сорока, съ состояніемъ. Мужъ ея вскорѣ умеръ. Она осталась послѣ него бездѣтной, въ бѣдности, въ долгахъ... Василій Ѳомичъ узналъ объ ея положеніи, бросилъ службу (ему дали при отставкѣ бригадирскій чинъ) и отыскалъ свою любезную вдовушку, которой всего двадцать-пятый годъ пошелъ, заплатилъ всѣ ея долги, выкупилъ имѣніе... Съ тѣхъ поръ онъ уже съ нею не разставался и кончилъ тѣмъ, что поселился у нея. Она тоже словно полюбила его, но выдти за него

*) Клѣть.

**) Одѣяло изъ грубаго сукна.

замужъ не хотѣла. — „Блажная была, покойница,—замѣтилъ при этомъ Наркизъ: — мнѣ, говоритъ, своя воля дороже всего“.—А пользоваться имъ—она пользовалась—„во всѣхъ частяхъ“ — и деньги, какія у него были, онъ всѣ къ ней тащилъ, какъ „муравей“. Но блажь Аграфены Ивановны принимала иногда размѣры необычайные: нраву она была неукротимаго и на руку дерзка... Однажды она съ лѣстницы своего казачка столкнула, а тотъ возьми да переломи себѣ два ребра да ногу... Аграфена Ивановна испугалась... тотчасъ велѣла запереть казачка въ чуланъ, и до тѣхъ поръ сама изъ дому не выходила и ключъ отъ чулана никому не отдала, пока не прекратились въ немъ стенанья... Казачка тайкомъ похоронили... — И будь это при императрицѣ Екатеринѣ,—прибавилъ шопотомъ, пригнувшись, Наркизъ: — можетъ, и такъ бы дѣло обошлось, много такихъ дѣловъ тогда осталось подъ спудомъ, а то... — тутъ Наркизъ выпрямился и возвысилъ голосъ:— воцарился тогда справедливый государь Александръ Благословенный... ну, и завязалось дѣло... Пріѣхалъ судъ, отрыли тѣло... оказались боевые знаки... пошелъ дымъ коромысломъ. И какъ же вы полагаете? Василій Ѳомичъ все на себя взялъ.—Я, молъ, причиной, я толкнулъ, да я же и заперъ. — Ну, разумѣется, сейчасъ всѣ судьи тамъ, приказные, полицейскіе... на него, да на него, и до тѣхъ поръ, доложу вамъ... его трепали, пока послѣдній грошъ изъ мошны не выскочилъ. Нѣтъ-нѣтъ... да опять за-воротъ. До самаго француза — вотъ какъ французъ къ намъ въ Расею приходилъ — все трепали; тогда только бросили. Ну, а Аграфену Ивановну онъ обезпечилъ—точно; онъ ее спасъ—такъ сказать надо. Ну и послѣ, до самой ея кончины онъ у ней жилъ, и, сказываютъ, помыкала же она имъ — бригадиромъ-то — зря; пѣшкомъ изъ Москвы въ деревню посылала, ей-Богу,— за оброкомъ, значитъ. Онъ изъ-за нея, изъ-за самоё тоё Аграфены Ивановны, съ англійскимъ милордомъ Гузѣ-Гузомъ на шпантонахъ дрался; и англійскій милордъ должонъ былъ произнести извинительный комплиментъ. Такъ вотъ онъ, бригадиръ-то съ тѣхъ мѣстъ и скопы-

тился... Ну, а теперь ужъ онъ, конечно, не въ числѣ человѣковъ.

— Кто же этотъ Алексѣй Иванычъ жидъ, — спросилъ я;—черезъ кого онъ разорился?

— А братецъ Аграфены Ивановны. Алчная была душа, ужъ точно жидовская. Сестрѣ въ ростъ деньги отдавалъ, а Василій Ѳомичъ поручителемъ. Поплатился тоже... лихо!

— А Ѳеодулія Ивановна грабительница? Это... кто была?

— Тоже сестрица... и ловкая тоже.—Копьё, что̀ называется... бѣдовая!

XIV.

„Вотъ гдѣ проявился Вертеръ!“ думалъ я на слѣдующій день, снова направляясь къ жилищу бригадира. Я былъ тогда очень молодъ — и, быть-можетъ, именно потому и считалъ своей обязанностью не вѣрить въ продолжительность любви. Все же я былъ пораженъ и нѣсколько озадаченъ слышаннымъ мною разсказомъ, и ужасно мнѣ захотѣлось расшевелить старика, заставить его разговориться. „Сперва упомяну опять о Суворовѣ“, такъ разсуждалъ я съ самимъ собою, „должна же въ немъ таиться хоть искра прежняго огня... а, потомъ, когда онъ разогрѣется, наведу рѣчь на эту... какъ бишь ее?.. Аграфену Ивановну. Странное имя для „Шарлотты“ — Аграфена!“

Я засталъ Вертера-Гуськова посреди крохотнаго огородца, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ флигелька, возлѣ стараго, крапивой поросшаго сруба никогда не выведенной избы. По заплѣснѣвшимъ верхнимъ бревнамъ этого сруба съ пискомъ пробирались, безпрестанно скользя и хлопая крыльями, тщедушные индюшата. На двухъ-трехъ грядахъ росла кое-какая убогая зелень. Бригадиръ только-что вытащилъ изъ земли молодую морковь и, продернувъ ее у себя подъ мышкою — „для очищенія“ — принялся жевать ея тонкій хвостикъ... Я поклонился ему и освѣдомился объ его здоровьѣ.

Онъ очевидно не узналъ меня, хотя и отдалъ мнѣ мой

поклонъ—то-есть, прикоснулся рукой къ картузу, не переставая однако жевать морковь.

— Сегодня вы не пришли ловить рыбу?—началъ я, въ надеждѣ напомнить ему мою фигуру этимъ вопросомъ.

— Сегодня?—повторилъ онъ и задумался... а морковь, воткнутая въ его ротъ, сокращалась да сокращалась.— Да вѣдь это Огурецъ ловитъ рыбу!.. А мнѣ тоже позволяютъ.

— Конечно, конечно, почтеннѣйшій Василій Ѳомичъ... Я не съ тѣмъ... Но вамъ не жарко... этакъ на солнцѣ?

На бригадирѣ былъ толстый ваточный халатъ.

— А? Жарко? — повторилъ онъ опять, какъ бы недоумѣвая и, окончательно проглотивъ морковь, разсѣянно посмотрѣлъ вверхъ.

— Не угодно ли пожаловать въ мой апартаментъ? — заговорилъ онъ внезапно. У бѣднаго старика, видно, одна только эта фраза и осталась въ распоряженіи.

Мы вышли изъ огорода... но тутъ я невольно остановился. Между нами и флигелемъ стоялъ огромный быкъ. Склонивъ голову до самой земли, злобно поводя глазами, онъ тяжко и сильно фыркалъ и, быстро сгибая одну переднюю ногу, высоко взбрасывалъ пыль своимъ широкимъ раздвоеннымъ копытомъ, билъ хвостомъ себѣ по бокамъ и вдругъ немного пятился, упорно трясъ мохнатой шеей и мычалъ — не громко, жалобно и грозно. Я, признаюсь, смутился; но Василій Ѳомичъ преспокойно выступилъ впередъ и, проговоривъ строгимъ голосомъ: „Ну ты, деревенщина“, махнулъ платкомъ. Быкъ еще попятился, склонилъ рога... и вдругъ бросился въ сторону и побѣжалъ, мотая головой направо и налѣво.

„А онъ, точно, бралъ Прагу“,—подумалъ я.

Мы вошли въ комнату. Бригадиръ стащилъ картузъ со вспотѣвшихъ волосъ, воскликнулъ: фа!.. прикорнулъ на край стула... и понурился...

— Я зашелъ къ вамъ, Василій Ѳомичъ, — началъ я свои дипломатическіе апроши: — собственно за тѣмъ, что такъ какъ вы служили подъ начальствомъ великаго Суворова — вообще участвовали въ такихъ важныхъ собы-

тіяхъ—то для меня было бы весьма интересно знать подробности.

Бригадиръ уставился на меня... Лицо его странно оживилось—я уже ожидалъ если не разсказа, то по крайней мѣрѣ одобрительнаго, сочувственнаго слова...

— А я, господинъ, должно, скоро умру,— проговорилъ онъ вполголоса.

Я пришелъ втупикъ.

— Какъ, Василій Ѳомичъ,—вымолвилъ я наконецъ:— почему же вы... это полагаете?

Бригадиръ внезапно задергалъ руками—вверхъ, внизъ— опять-таки по-ребячьи.

— А потому, господинъ... Я... вы, можетъ, знаете... Агриппину Ивановну покойницу—царство ей небесное!— часто во снѣ вижу—и никакъ я ее поймать не могу; все гоняюсь за нею — а не поймаю. А въ прошлую ночь — вижу я — стоитъ она этакъ будто передо мной въ полъ-оборота и смѣется... Я тотчасъ же къ ней побѣгъ — и поймалъ... И она будто обернулась вовсе и говоритъ мнѣ: ну, Васинька, теперь ты меня поймалъ.

— Что же вы изъ этого заключаете, Василій Ѳомичъ?

— А то, господинъ, заключаю: стало, вмѣстѣ намъ быть. Да и слава Богу, доложу вамъ; слава Господу Богу, Отцу и Сыну и Святому Духу — (бригадиръ запѣлъ): и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь!

Бригадиръ началъ креститься. Больше я ничего отъ него добиться не могъ — такъ и ушелъ.

XV.

На слѣдующій день мой пріятель пріѣхалъ... Я упомянулъ о бригадирѣ, о моихъ посѣщеніяхъ... — Ахъ, да! какъ же! я его исторію знаю,—отвѣчалъ мой пріятель:— я и со статской совѣтницей Ломовой хорошо знакомъ, по милости которой онъ тутъ пріютился. Да постой: у меня, кажется, здѣсь должно письмо его храниться, къ той самой статской совѣтницѣ; она ему въ силу этого письма и уголокъ отвела.—Пріятель мой порылся въ своихъ бумагахъ и дѣйствительно нашелъ письмо бригадира. Вотъ

оно отъ слова до слова, за исключеніемъ орѳографическихъ ошибокъ. Бригадиръ, какъ всѣ люди тогдашней эпохи, путался въ буквахъ „е“ и „ѣ“,—писалъ: „хкому, штопъ, слюдми“ и т. д.—Сохранить эти ошибки не предстояло надобности: письмо его и безъ того носитъ отпечатокъ своего времени.

„Милостивая государыня!

„Раиса Павловна!

„По кончинѣ друга моего, а вашей тетушки, имѣлъ я счастіе писать къ вамъ два письма, первое іюня отъ перваго, второе же іюля отъ шестого числа 1815 года — а она скончалась шестого мая того жъ года; въ нихъ былъ я вамъ открытъ въ чувствахъ души и сердца моего, которыя стѣснены были убійственнымъ оскорбленіемъ и изображали въ полномъ видѣ ожесточенное мое и жалости достойное отчаяніе; оба письма посланы по коронной почтѣ страховыми, а посему и не можно усомниться, чтобъ они не были вами прочтены. Чрезъ откровенность мою въ нихъ я надѣялся получить ваше благодѣтельное ко мнѣ вниманіе; но сострадательныя ваши чувства отдалены были отъ меня горькаго! Оставшись же послѣ единственнаго друга, Агриппины Ивановны, въ самомъ разстроенномъ и бѣдственномъ состояніи, я только и полагалъ, по словамъ ея, всю мою надежду на ваше благоутробіе; она, чувствуя уже кончину жизни своей, сказала мнѣ именно сими, яко бы надгробными и мнѣ вѣчно памятными словами: „другъ мой, я твоя змѣя и виновница всего твоего несчастія, я чувствую, сколько много ты мнѣ жертвовалъ и за то оставляю тебя въ злополучномъ и во-истину обнаженномъ положеніи; по смерти моей прибѣгни ты къ Раисѣ Павловнѣ“ — то-есть къ вамъ — „и проси у ней помощи, взывай! Она имѣетъ душу чувствительную, и въ ней я увѣрена, что она тебя сироту не оставитъ“. — Милостивая государыня, примите во свидѣтельство всевышняго Создателя міра, что это ея слова, и я говорю ея языкомъ; а посему, утвердясь въ добродѣтели вашей, къ первой къ вамъ отнесся съ чистосердечными и откровенными моими письмами; но по долговременномъ ожиданіи не получа на нихъ отвѣта, иначе не

мыслилъ, что добродѣтельное ваше сердце оставило меня безъ вниманія! Таковое неблагорасположеніе ваше ко мнѣ въ вящшее меня ввергло отчаяніе—куды жъ и къ кому было мнѣ безталанному прибѣгнуть — я не зналъ; разсудокъ былъ потерянъ, духъ блуждалъ—наконецъ, къ совершенной моей погибели, Провидѣнію угодно было еще жесточайшимъ образомъ меня наказать и обратить мои мысли къ покойницѣ же, вашей же тетушкѣ, Ѳеодуліи Ивановнѣ, Агриппины Ивановны сестрѣ единоутробной, но не единосердечной! Представя самому себѣ въ воображеніи то, что уже двадцать лѣтъ былъ я преданъ всему родственному Ломовскому вашему дому — особливо же Ѳеодуліи Ивановнѣ, которая иначе не называла Агриппину Ивановну, какъ „сердечный мой дружочекъ", а меня, „препочтенный радѣтель нашего семейства", — представя все сіе въ обильной воздыханіями и слезами тишинѣ скорбныхъ ночныхъ бдѣній, я подумалъ: „ну, бригадиръ! такъ, видно, тому и быть!"—и обратившись къ оной Ѳеодуліи Ивановнѣ съ моими письмами, получилъ точное удостовѣреніе, что послѣднюю кроху со мной раздѣлятъ! Бывъ симъ обѣщаньемъ обнадеженъ, собралъ убогіе свои остатки и поѣхалъ къ Ѳеодуліи Ивановнѣ! Привезенные мною гостинцы, болѣе какъ на пятьсотъ рублей, были приняты съ отмѣннымъ удовольствіемъ; а потомъ и деньги, которыя я привезъ для содержанія себя, Ѳеодуліи Ивановнѣ угодно было, подъ видомъ сохраненія, взять въ свое вѣдѣніе, чему, угождая ей, я не противился. Если же вы спросите меня: отколѣ и въ силу чего таковое довѣріе я возымѣлъ, — на сіе, сударыня, одинъ отвѣтъ: Агриппинѣ Ивановнѣ сестра и Ломовскаго семейства вѣтвь!! — Но увы и ахъ! денегъ сихъ я всѣхъ въ скорости лишился, и надежда моя, которую я полагалъ на Ѳеодулію Ивановну—что хотѣла послѣднюю кроху со мной раздѣлить, оказалась тщетной и суетной: напротивъ, оная Ѳеодулія Ивановна моимъ же добромъ себя угобзила. А именно, въ день ея ангела, пятаго февраля, я ей зеленой французской матеріи на пятьдесятъ рублей, по пяти рублей аршинъ, преподнесъ;

самъ же изъ обѣщаннаго получилъ: бѣлаго пикѐ на жилетъ на пять рублей, да кисейный на шею платокъ, которые подарки при мнѣ же были куплены и, какъ мнѣ извѣстно, изъ моихъ же денегъ—и вотъ все, чѣмъ я, по благодѣянію Ѳеодуліи Ивановны ко мнѣ, воспользовался! Вотъ оная послѣдняя кроха! И я бы могъ далѣе въ самой истинѣ обнаружить всѣ недоброжелательные Ѳеодуліи Ивановны со мной поступки—а также и мои, всяческую мѣру превосходящіе, депансы, какъ-то, между прочимъ, на конфекты и фрукты, которые Ѳеодулія Ивановна была великая охотница кушать; — но все сіе умалчиваю для того, дабы вы таковое объясненіе объ умершей не отнесли въ дурную сторону; и притомъ, такъ какъ Богъ призвалъ ее къ себѣ на судъ — и все, что̀ я отъ нея претерпѣлъ, изъ сердца моего истребилось,—то я ей, какъ христіанинъ, простилъ давно и умоляю Бога, чтобы Онъ ей простилъ!!

„Но, милостивая государыня Раиса Павловна! Неужели жъ вы обвиняете меня за то, что я былъ вѣрнымъ и неложнымъ другомъ вашего семейства, и за то, что такъ много и непреоборимо любилъ Агриппину Ивановну, жертвовалъ ей моей жизнью, моей честью и всѣмъ моимъ состояніемъ! былъ въ совершенной ея власти, и потому не могъ уже управлять ни самимъ собою, ни моей собственностью — а распоряжалась она по своей волѣ какъ мною, такъ и моимъ состояньемъ! Вамъ извѣстно и то, что по дѣлу ея съ людьми ея я терплю *невинно* убійственное оскорбленіе — дѣло сіе я перенесъ послѣ смерти ея въ сенатъ, въ шестый департаментъ — оно еще теперь не рѣшено — по которому сдѣлали меня соучастникомъ съ нею, отдали въ опеку и все еще судятъ уголовнымъ судомъ! Въ моемъ званіи, въ мои лѣта, таковое безчестіе несносно мнѣ; и остается мнѣ только симъ горестнымъ размышленіемъ ублажать свое сердце, что, слѣдовательно, и по смерти Агриппины Ивановны я страдаю за нее—и сіе означаетъ слѣды неизмѣнной любви и добродѣтельной благодарности моей къ ней!

„Въ упомянутыхъ моихъ къ вамъ письмахъ я доводилъ до свѣдѣнія вашего о похоронахъ Агриппины Ивановны со всею подробностью—и какое было по ней поминовеніе; дружба и любовь моя къ ней по состоянію ничего не щадили! На все сіе—и съ сорокоустами, и за шесть недѣль за чтеніе по ней псалтыри — (сверхъ того, пятьдесятъ рублей ассигнаціями мои пропали, кои даны въ задатокъ за камень, о которомъ я васъ увѣдомилъ), — на все сіе издержано собственныхъ моихъ денегъ семьсотъ пятьдесятъ рублей ассигнаціями — въ числѣ которыхъ и взнесенныя замѣсто вкладу въ церковь полтораста рублей ассигнаціями-жъ!

„Благотворная душа твоя, внемли гласу отчаяннаго и вверженнаго въ пропасть жесточайшихъ мученіевъ! Одно состраданіе твое къ человѣколюбію можетъ возвратить жизнь погибшаго!! Я, хотя и живъ—но въ страданіи души и сердца моего мертвъ; мертвъ, когда вспомню, чѣмъ былъ, и что̀ есмь: былъ воиномъ, и отечеству всею правдою служилъ и прямилъ, какъ истому россіянину и вѣрному подданному несомнѣнно надлежитъ,—и отмѣнными знаками награждаемъ былъ,—и состояніе сообразное съ рожденіемъ и званіемъ имѣлъ; а нынѣ изъ-за насущнаго хлѣбо-питанія горбомъ хребетъ сгибаю; мертвъ же особенно я есмь, когда вспомню, какого друга лишился... и на что мнѣ жизнь послѣ сего? Но предѣла своего не ускоришь, и земля не разступится, а скорѣе того въ камень обратится! А потому взываю къ тебѣ, душа добродѣтельная, утиши молву народную, не дай себя въ общее осужденіе, что за таковую мою безграничную преданность я пристанища себѣ не имѣю, удиви милостію твоею ко мнѣ, обрати языкъ злобствующихъ и завидующихъ къ прославленію твоихъ достоинствъ—и осмѣлюсь со всяческимъ смиреніемъ присовокупить, утѣшь въ гробѣ дражайшую тетку твою, незабвенную Агриппину Ивановну, которая за твою благопоспѣшную помощь, моими грѣшными молитвами, простретъ надъ главою твоею свои благословящія длани, успокой на закатѣ дней одинокаго старца, который не такую могъ ожидать себѣ участь!.. А впро-

чемъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю счастье назваться вашимъ, милостивая государыня—

преданнѣйшимъ слугою

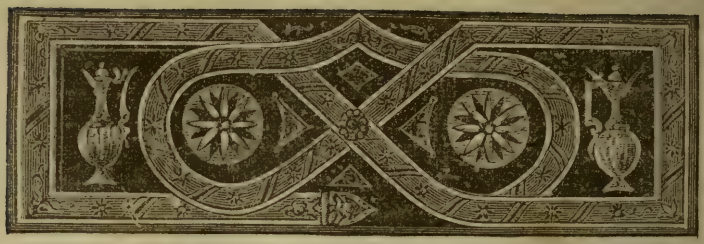
Василій Гуськовъ,

бригадиръ и кавалеръ".

XVI.

Нѣсколько лѣтъ спустя, я снова посѣтилъ деревушку моего пріятеля... Василія Ѳомича уже давно въ живыхъ не было: онъ скончался вскорѣ послѣ моего знакомства съ нимъ. Огурецъ все еще здравствовалъ. Онъ свелъ меня на могилку Аграфены Ивановны. — Желѣзная ограда окружала большую плиту съ подробной и пышной эпитафіей покойницы; а тутъ же, рядомъ, и какъ бы у ногъ ея, виднѣлся небольшой холмикъ съ покривившимся крестомъ: рабъ Божій, бригадиръ и кавалеръ Василій Гуськовъ покоится подъ этимъ холмикомъ... Прахъ его пріютился, наконецъ, возлѣ праха того существа, которое онъ любилъ такой безграничной, почти безсмертной любовью.

1867 г.



НЕСЧАСТНАЯ.

(РАЗСКАЗЪ.)

— Да, да, — началъ Петръ Гавриловичъ: — тяжелые то были дни... и не хотѣлось бы возобновлять ихъ въ памяти... Но я далъ вамъ обѣщаніе; придется все разсказать. Слушайте.

I.

Я жилъ тогда (зимою 1835 года) въ Москвѣ, у тетушки, родной сестры покойной матушки. Мнѣ было восемнадцать лѣтъ: я только-что перешелъ со второго на третій курсъ „словеснаго“ факультета (въ то время онъ такъ назывался) въ Московскомъ университетѣ. Тетушка моя была женщина тихая и кроткая, вдова. Она занимала большой деревянный домъ на Остоженкѣ, теплый-претеплый, какихъ, я полагаю, кромѣ Москвы нигдѣ не найдешь, и почти ни съ кѣмъ не видалась, сидѣла съ утра до вечера въ гостиной съ двумя компаньонками, кушала цвѣточный чай, раскладывала пасьянсъ и то и дѣло приказывала покурить. Компаньонки бѣжали въ переднюю; нѣсколько минутъ спустя, старый слуга въ лив-

рейномъ фракѣ приносилъ мѣдный тазъ съ пучкомъ мяты на раскаленномъ кирпичѣ и, торопливо выступая по узкимъ половикамъ, поливалъ ее уксусомъ. Бѣлый паръ обдавалъ его сморщенное лицо, онъ хмурился и отворачивался, а канарейки въ столовой такъ и трещали, раздраженныя шипѣніемъ курева.

Тетушка очень любила и баловала меня, круглаго сироту. Она отдала весь антресоль въ полное мое распоряженіе. Меблированы были мои комнаты весьма изящно, ужъ вовсе не по-студенчески: въ спальнѣ красовались розовыя занавѣски, и кисейный пологъ съ голубыми помпончиками возвышался надъ кроватью. Эти помпончики меня, признаюсь, нѣсколько смущали: по моему понятію, подобныя „нѣжности“ должны были уронить меня въ глазахъ моихъ товарищей. Они и безъ того прозвали меня институткой: я никакъ не могъ заставить себя курить табакъ. Занимался я, что грѣха таить, плохо, особенно въ началѣ курса: много выѣзжалъ. Тетушка подарила мнѣ широкія генеральскія сани съ медвѣжьею полостью и пару откормленныхъ вятокъ. „Благородные“ дома я посѣщалъ рѣдко, но въ театрѣ былъ какъ свой— и пропасть поѣдалъ пирожковъ по кондитерскимъ. Со всѣмъ тѣмъ, я никакихъ безчинствъ себѣ не позволялъ и велъ себя скромно, „en jeune homme de bonne maison“. Я бы ни за что не согласился огорчить мою добрую тетушку; къ тому же и кровь у меня довольно спокойно обращалась въ жилахъ.

II.

Я съ раннихъ лѣтъ пристрастился къ шахматамъ; о теоріи не имѣлъ понятія, а игралъ недурно. Однажды, въ кофейной, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ продолжительной шахматной баталіи между двумя игроками, изъ которыхъ одинъ, бѣлокурый молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти, мнѣ показался сильнымъ. Партія кончилась въ его пользу; я предложилъ ему сразиться со мной. Онъ согласился... и въ теченіе часа разбилъ меня, шутя, три раза сряду.

— У васъ есть способность къ игрѣ,—промолвилъ онъ учтивымъ голосомъ, вѣроятно замѣтивъ страданіе моего самолюбія:—но вы дебютовъ не знаете. Вамъ надо книжку почитать, Аллгайера или Петрова.

— Вы думаете? Но гдѣ могу я такую книжку достать?

— Приходите ко мнѣ; я вамъ дамъ.

Онъ назвалъ себя и сказалъ, гдѣ квартируетъ. На другой день я отправился къ нему, а недѣлю спустя мы уже почти не разставались.

III.

Новаго знакомца моего звали Александромъ Давыдовичемъ Фустовымъ. Онъ жилъ у своей матери, довольно богатой женщины, статской совѣтницы, въ отдѣльномъ флигелькѣ, на полной свободѣ, такъ же, какъ я у тетушки. Онъ числился на службѣ по министерству Двора. Я привязался къ нему искренно. Въ жизни моей я еще не встрѣчалъ молодого человѣка болѣе „симпатичнаго". Все въ немъ было миловидно и привлекательно: его стройная фигура, его походка, голосъ, и въ особенности его небольшое, тонкое лицо съ золотисто-голубыми глазами, съ изящнымъ, какъ бы кокетливо вылѣпленнымъ носикомъ, съ неизмѣнно-ласковою улыбкой на алыхъ губахъ, съ легкими кудрями мягкихъ волосъ надъ немного суженнымъ, но бѣлоснѣжнымъ лбомъ. Нравъ Фустова отличался чрезвычайною ровностью и какою-то пріятною, сдержанною привѣтливостью; онъ никогда не задумывался, всегда былъ всѣмъ доволенъ; зато ни отъ чего не приходилъ въ восторгъ. Всякое излишество, даже въ хорошемъ чувствѣ, его оскорбляло: „это дико, дико", говаривалъ онъ въ такомъ случаѣ, чуть-чуть пожимаясь и прищуривая свои золотистые глаза. И удивительные же были глаза у Фустова! Они постоянно выражали участіе, благоволеніе и даже преданность. Я только впослѣдствіи времени замѣтилъ, что выраженіе его глазъ зависѣло единственно отъ особеннаго ихъ склада, что оно не мѣнялось и тогда, когда онъ кушалъ супъ или закуривалъ сигарку. Аккуратность его вошла между нами въ пословицу. Правда,

бабка его была изъ нѣмокъ. Природа надѣлила его разнообразными способностями. Онъ отлично танцовалъ, щегольски ѣздилъ верхомъ и плавалъ превосходно, столярничалъ, точилъ, клеилъ, переплеталъ, вырѣзалъ силуэтки, рисовалъ акварелью букетъ цвѣтовъ или Наполеона въ профиль въ лазоревомъ мундирѣ, съ чувствомъ игралъ на цитрѣ, зналъ множество фокусовъ, карточныхъ и иныхъ, и свѣдѣнія имѣлъ порядочныя въ механикѣ, физикѣ и химіи, но все въ мѣру. Одни языки ему не дались: даже по-французски онъ изъяснялся довольно плохо. Онъ вообще говорилъ мало, и въ нашихъ студенческихъ бесѣдахъ участвовалъ больше оживленною мягкостью взгляда и улыбки. Женскому полу Фустовъ нравился безусловно, но объ этомъ, для молодыхъ людей весьма важномъ, вопросѣ не любилъ распространяться и вполнѣ заслуживалъ данное ему товарищами прозвище „скромнаго Донъ-Жуана". Я не удивлялся Фустову; удивляться въ немъ было нечему, но я дорожилъ его расположеніемъ, хотя въ сущности оно выражалось только тѣмъ, что онъ во всякое время допускалъ меня до своей особы. Въ моихъ глазахъ Фустовъ былъ самымъ счастливымъ человѣкомъ на свѣтѣ. Жизнь его текла именно по маслу. Мать, братья, сестры, тетки, дядья, всѣ его обожали, онъ жилъ съ ними со всѣми въ ладахъ необыкновенныхъ и пользовался репутаціей образцоваго родственника.

IV.

Однажды я забрался къ нему довольно рано и не засталъ его въ кабинетѣ. Онъ окликнулъ меня изъ сосѣдней комнаты: фыркапіе и плескотня доносились оттуда до моего слуха. Каждое утро Фустовъ обливался холодною водой и потомъ около четверти часа предавался гимнастическимъ упражненіямъ, въ которыхъ достигъ замѣчательнаго мастерства. Излишнихъ заботъ о здоровьѣ тѣла онъ не допускалъ, но не забывалъ необходимыхъ. („Не забывай себя, не волнуйся, умѣренно трудись!" было его девизомъ). Фустовъ еще не появлялся, какъ наружная дверь комнаты, въ которой я находился, растворилась настежь, и

вошелъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, въ мундирномъ фракѣ, коренастый, плотный, съ молочно-бѣлесоватыми глазами на избура-красномъ лицѣ и настоящею шапкой сѣдыхъ, курчавыхъ волосъ. Человѣкъ этотъ остановился, посмотрѣлъ на меня, широко разинулъ большой свой ротъ и, захохотавъ металлическимъ хохотомъ, хлестко ударилъ себя ладонью по ляжкѣ сзади, при чемъ высоко вынесъ ногу впередъ.

— Иванъ Демьянычъ? — спросилъ изъ-за двери мой пріятель.

— Онъ самый и есть, — отозвался вошедшій. — А вы что жъ это? туалетъ свой совершаете? Дѣло! Дѣло! (Голосъ человѣка, прозывавшагося Иваномъ Демьянычемъ, звучалъ, такъ же какъ и смѣхъ его, чѣмъ-то металлическимъ.) Я къ братишкѣ вашему приперъ-было урокъ давать; да онъ, знать, простудился, чихаетъ все. Дѣйствовать не можетъ. Вотъ я и завернулъ къ вамъ пока, отогрѣться.

Иванъ Демьянычъ опять засмѣялся тѣмъ же страннымъ смѣхомъ, опять звучно шлепнулъ себя по ляжкѣ и, доставъ клѣтчатый платокъ изъ кармана, высморкался громко, съ свирѣпымъ вращеньемъ глазъ и, плюя въ платокъ, воскликнулъ во все горло: тьфу-у-у!

Фустовъ вошелъ въ комнату и, подавъ намъ обоимъ руку, спросилъ насъ, знакомы ли мы другъ съ другомъ?

— Никакъ нѣтъ-съ,—тотчасъ загремѣлъ Иванъ Демьянычъ:—ветеранъ двѣнадцатаго года чести сей не имѣетъ!

Фустовъ назвалъ сперва меня, потомъ, указавъ на „ветерана двѣнадцатаго года“, промолвилъ: „Иванъ Демьянычъ Ратчъ, преподаватель... разныхъ предметовъ“.

— Именно, именно разныхъ предметовъ, — подхватилъ г-нъ Ратчъ.—Чему, подумаешь, я только не училъ, да и теперь не учу! И математикѣ, и географіи, и статистикѣ, и итальянской бухгалтеріи, ха-ха-ха-ха! и музыкѣ! Вы сомнѣваетесь, милостивый государь? — накинулся онъ вдругъ на меня. — Спросите Александра Давыдыча, каково я на фаготѣ отличаюсь? Какой же я былъ бы, въ противномъ случаѣ, богемецъ, чехъ, сирѣчь? Да, сударь,

я чехъ, и родина моя—древняя Прага! Кстати, Александръ Давыдычъ, что васъ давно не видать? Дуэтецъ бы разыграли... ха-ха! Право!

— Я у васъ третьяго дня былъ, Иванъ Демьянычъ,— отвѣчалъ Фустовъ.

— Да это я и называю давно, ха-ха!

Когда господинъ Ратчъ смѣялся, бѣлые глаза его какъ-то странно и безпокойно бѣгали изъ стороны въ сторону.

— Вы, я вижу, молодой человѣкъ, поведенцу моему удивляетесь,—обратился онъ опять ко мнѣ.—Но это происходитъ отъ того, что вы еще не знаете моей комплекціи. Вы освѣдомьтесь обо мнѣ у нашего добраго Александра Давыдыча. Что̀ онъ вамъ скажетъ? Онъ вамъ скажетъ, что старикъ Ратчъ простякъ, русакъ, хоть и не по происхожденію, а по духу, ха-ха! При крещеніи нареченъ Іоганнъ-Дитрихъ, а кличка моя—Иванъ Демьяновъ! Что̀ на умѣ, то и на языкѣ; сердце, какъ говорится, на ладошкѣ, церемоніевъ этихъ разныхъ не знаю и знать не хочу! Ну ихъ! Заходите когда-нибудь ко мнѣ вечеркомъ, сами увидите. Баба у меня — жена то-есть, — простая тоже; наваритъ намъ, напекетъ... бѣда! Александръ Давыдычъ, правду я говорю?

Фустовъ только улыбнулся, а я промолчалъ.

— Не брезгайте старичкомъ, заходите, — продолжалъ господинъ Ратчъ. — А теперь... (Онъ выхватилъ толстые серебряные часы изъ кармана и поднесъ ихъ къ выпученному правому глазу.) Мнѣ, я полагаю, лучше отправиться. Другой птенецъ меня ожидаетъ... Этого я, чортъ знаетъ, чему учу... миѳологіи, ей-Богу! И далеко же живетъ, ракалья! у Красныхъ воротъ! Все равно: пѣшкурой отмахаю, благо братецъ вашъ скиксовалъ, анъ пятиалтынный на извозчика цѣлъ, въ мошнѣ остался! Ха-ха! Прощенія просимъ, мосьпане, до зобаченія! А вы, молодой человѣкъ, заверните... Что жъ такое?.. Дуэтецъ безпремѣнно надо разыграть! — крикнулъ господинъ Ратчъ изъ передней, со стукомъ надѣвая калоши, и въ послѣдній разъ раздался его металлическій смѣхъ.

V.

— Что за странный человѣкъ?! — обратился я къ Фустову, который успѣлъ уже приняться за токарный станокъ.—Неужели онъ иностранецъ? Онъ такъ бойко говоритъ по-русски.

— Иностранецъ; только онъ ужъ лѣтъ тридцать какъ поселился въ Россіи. Его, чуть ли не въ тысяча восемьсотъ-второмъ году, какой-то князь изъ-за границы вывезъ... въ качествѣ секретаря... скорѣе, полагать надо, камердинера. А выражается онъ по-русски точно бойко.

— Такъ залихватски, съ такими вывертами и закрутасами,—вмѣшался я.

— Ну, да. Только очень ужъ ненатурально. Они всѣ такъ, эти обрусѣвшіе нѣмцы.

— Да вѣдь онъ чехъ.

— Не знаю; можетъ-быть. Съ женой онъ бесѣдуетъ по-нѣмецки.

— А почему онъ себя ветераномъ двѣнадцатаго года величаетъ? Служилъ онъ, что ли, въ ополченіи?

— Какое въ ополченіи! Во время пожара въ Москвѣ оставался и имущества всего лишился... Вотъ вся его служба.

— Да зачѣмъ же онъ оставался въ Москвѣ?

Фустовъ не переставалъ точить.

— Господь его знаетъ. Слышалъ я, будто онъ у насъ въ шпіонахъ состоялъ; да это, должно быть, пустое. А что за свои убытки онъ отъ казны вознагражденіе получилъ, это вѣрно.

— На немъ мундирный фракъ... Онъ, стало, служитъ?

— Служитъ. Въ кадетскомъ корпусѣ преподавателемъ. Онъ надворный совѣтникъ.

— Кто его жена?

— Здѣшняя нѣмка, дочь колбасника... мясника...

— И ты часто къ нему ходишь?

— Хожу.

— Что жъ, весело у нихъ?

— Довольно весело.

— У него есть дѣти?

— Есть. Отъ нѣмки трое и отъ первой жены сынъ и дочь.

— А сколько старшей дочери лѣтъ?

— Лѣтъ двадцать-пять.

Мнѣ показалось, что Фустовъ ниже пригнулся къ станку, и колесо шибче заходило и загудѣло подъ мѣрными толчками его ноги.

— Хороша она собой?

— Какъ на чей вкусъ. Лицо замѣчательное, да и вся она... замѣчательная особа.

„Ага!“ подумалъ я. Фустовъ продолжалъ свою работу съ особеннымъ рвеніемъ и на слѣдующій вопросъ мой отвѣчалъ однимъ мычаніемъ.

„Надо будетъ познакомиться!“ рѣшилъ я про себя.

VI.

Нѣсколько дней спустя, мы вмѣстѣ съ Фустовымъ отправились къ господину Ратчу на вечеръ. Жилъ онъ въ деревянномъ домѣ съ большимъ дворомъ и садомъ, въ Кривомъ переулкѣ, возлѣ Пречистенскаго бульвара. Онъ вышелъ къ намъ въ переднюю и, встрѣтивъ насъ свойственнымъ ему трескучимъ хохотомъ и гамомъ, тотчасъ повелъ въ гостиную, гдѣ представилъ меня дородной дамѣ въ камлотовомъ тѣсномъ платьѣ, Элеонорѣ Карповнѣ, своей супругѣ. Элеонора Карповна въ первой молодости отличалась, вѣроятно, тѣмъ, что французы, неизвѣстно почему, называютъ, „красотою діавола“, то-есть свѣжестью; но когда я съ ней познакомился, она невольно напоминала взору добрый кусокъ говядины, только-что выложенный мясникомъ на опрятный мраморный столъ. Не безъ намѣренія употребилъ я слово „опрятный“: не только сама хозяйка казалась образцомъ чистоты, но и все вокругъ нея, все въ домѣ такъ и лоснилось, такъ и блистало; все было выскребено, выглажено, вымыто мыломъ; самоваръ на кругломъ столѣ горѣлъ какъ жаръ; занавѣски передъ окнами, салфетки такъ и коробились отъ крахмала, такъ же какъ и платьица и

шемизетки тутъ же сидѣвшихъ четырехъ дѣтей господина Ратча, дюжихъ, откормленныхъ коротышекъ, чрезвычайно похожихъ на мать, съ топорными, крѣпкими лицами, вихрами на вискахъ и красными обрубками пальцевъ. У всѣхъ четырехъ были носы нѣсколько приплюснутые, большіе, словно припухшія губы и крошечные свѣтло-сѣрые глаза.

— Вотъ и моя гвардія!—воскликнулъ господинъ Ратчъ, кладя свою тяжелую руку поочередно на головы дѣтей.— Коля, Оля, Сашка да Машка! Этому восемь, этой семь, этому четыре, а этой цѣлыхъ два! Ха-ха-ха! Какъ изволите видѣть, мы съ женой не зѣваемъ. Еге? Элеонора Карповна?

— Ужъ вы всегда все такое скажете,—промолвила Элеонора Карповна и отвернулась.

— И писклятамъ своимъ все такія русскія имена понадавала!—продолжалъ господинъ Ратчъ.—Того и смотри, въ греческую вѣру ихъ окреститъ! Ей-Богу! Славянка она у меня, чортъ меня совсѣмъ возьми, хоть и германской крови! Элеонора Карповна, вы славянка?

Элеонора Карповна разсердилась.

— Я надворная совѣтница, вотъ кто я! И, стало-быть, я русская дама, и все, что вы теперь будете говорить...

— То-есть, какъ она Россію любитъ, просто бѣда! — перебилъ Иванъ Демьянычъ. — Въ родѣ землетрясенья, ха-ха!

— Ну, и что жъ такое? — продолжала Элеонора Карповна.—И, конечно, я Россію люблю, потому, гдѣ же бы я могла получить дворянскій титулъ? И мои дѣти тоже теперь вѣдь благородные? Kolia, sitze ruhig mit den Füssen!

Ратчъ махнулъ на нее рукой.

— Ну, ты, Сумбека царица, успокойся! А гдѣ „благородный“ Викторка? Чай, все шляется, куда попало! Ужъ наскочитъ онъ на инспектора! Задастъ онъ ему трепаніе! Das ist ein Bummler, der Fiktor!

— Dem Fiktor kann ich nicht kommandiren, Иванъ Демьяновычъ. Sie wissen wohl!—проворчала Элеонора Карповна.

Я посмотрѣлъ на Фустова, какъ бы желая окончательно добиться отъ него, что заставляло его посѣщать подобныхъ людей... но въ эту минуту вошла въ комнату дѣвушка высокаго роста въ черномъ платьѣ, та старшая дочь господина Ратча, о которой упоминалъ Фустовъ... Я понялъ причину частыхъ посѣщеній моего пріятеля.

VII.

Помнится, гдѣ-то у Шекспира говорится о „бѣломъ голубѣ въ стаѣ черныхъ вороновъ“; подобное впечатлѣніе произвела на меня вошедшая дѣвушка: между окружавшимъ ее міромъ и ею было слишкомъ мало общаго; казалось, она сама втайнѣ недоумѣвала и дивилась, какимъ образомъ она попала сюда. Всѣ члены семейства господина Ратча смотрѣли самодовольными и добродушными здоровяками; *ея* красивое, но уже отцвѣтающее лицо носило отпечатокъ унынія, гордости и болѣзненности. *Тѣ*, явные плебеи, держали себя непринужденно, пожалуй грубо, но просто; тоскливая тревога сказывалась во всемъ ея несомнѣнно аристократическомъ существѣ. Въ самой ея наружности не замѣчалось склада, свойственнаго германской породѣ: она скорѣе напоминала уроженцевъ юга. Чрезвычайно густые, черные волосы безъ всякаго блеска, впалые, тоже черные и тусклые, но прекрасные глаза, низкій выпуклый лобъ, орлиный носъ, зеленоватая блѣдность гладкой кожи, какая-то трагическая черта около тонкихъ губъ и въ слегка углубленныхъ щекахъ, что-то рѣзкое и въ то же время безпомощное въ движеніяхъ, изящество безъ граціи... въ Италіи все это не показалось бы мнѣ необычайнымъ, но въ Москвѣ, у Пречистенскаго бульвара, просто изумило меня! Я всталъ со стула при входѣ ея въ комнату; она бросила на меня быстрый, неровный взглядъ и, опустивъ свои черныя рѣсницы, сѣла близъ окна, „какъ Татьяна“ (Пушкинскій *Онѣгинъ* былъ тогда у каждаго изъ насъ въ свѣжей памяти). Я взглянулъ на Фустова, но мой пріятель стоялъ ко мнѣ спиной и принималъ чашку чаю изъ пухлыхъ рукъ Элеоноры Карповны. Еще замѣтилъ я, что вошедшая дѣвушка внесла

съ собою струю легкаго, физическаго холода... „Что̀ за статуя?“ подумалось мнѣ.

VIII.

— Петръ Гаврилычъ! — загремѣлъ господинъ Ратчъ, обращаясь ко мнѣ:—позвольте васъ познакомить съ моей... съ моимъ... съ моимъ нумеромъ первымъ, ха-ха-ха! съ Сусанной Ивановной!

Я молча поклонился и тотчасъ же подумалъ: „Вотъ, и имя ея тоже не подъ стать другимъ“, а Сусанна слегка приподнялась, не улыбаясь и не разжимая крѣпко стиснутыхъ рукъ.

— А что же дуэтецъ? — продолжалъ Иванъ Демьянычъ: — Александръ Давыдычъ? а? благодѣтель! Цитра ваша у насъ осталась, а фаготъ я уже изъ футляра вынулъ. Насладимъ ушеса честной компаніи! — (Г-нъ Ратчъ любилъ уснащать свою русскую рѣчь; у него то и дѣло вырывались выраженія, подобныя тѣмъ, которыми испещрены всѣ ультра-народныя стихотворенія князя Вяземскаго: „дока для всего“, вмѣсто „на все“, „здѣсь намъ не обиходъ“, „глядитъ въ угоду, не на показъ“, и т. п. Помнится, однажды Иванъ Демьянычъ, увлеченный своею любовью къ бойкимъ словамъ съ энергическимъ окончаніемъ, сталъ увѣрять меня, что у него въ саду вездѣ известнякъ, хворостнякъ и валежнякъ). — Такъ ка́къ! Идетъ? — воскликнулъ Иванъ Демьянычъ, видя, что Фустовъ не возражаетъ.—Колька, маршъ въ кабинетъ, тащи сюда пюпитры! Ольга, волоки цитру! Да свѣчекъ къ пюпитрамъ соблаговоли, благовѣрная! — (Г-нъ Ратчъ вертѣлся по комнатѣ какъ кубарь.)—Петръ Гаврилычъ, вы любите музыку, ась? А коли не любите, бесѣдой займитесь, только чуръ, подъ сурдинкой! Ха-ха-ха! И гдѣ этотъ шутъ Викторъ пропадаетъ? Послушалъ бы тоже! Вы его, Элеонора Карповна, совсѣмъ разбаловали!

Элеонора Карповна вся вспыхнула.

— Aber was kann ich denn, Иванъ Демьянычъ...

— Ну, хорошо, хорошо, не клянчи! Bleibe ruhig, hast verstanden? Александръ Давыдычъ! милости просимъ!

Дѣти немедленно исполнили приказаніе родителя, пюпитры воздвиглись, началась музыка. Я уже сказалъ, что Фустовъ отлично игралъ на цитрѣ, но на меня этотъ инструментъ постоянно производилъ впечатлѣніе самое тягостное. Мнѣ всегда чудилось и чудится доселѣ, что въ цитрѣ заключена душа дряхлаго жида-ростовщика, и что она гнусливо поетъ и плачется на безжалостнаго виртуоза, заставляющаго ее издавать звуки. Игра г. Ратча также не могла доставить мнѣ удовольствіе; къ тому жъ его внезапно побагровѣвшее лицо со злобно вращавшимися бѣлыми глазами приняло зловѣщее выраженіе: точно онъ собирался убить кого-то своимъ фаготомъ и заранѣе ругался и грозилъ, выпуская одну за другою удивленно-хриплыя, грубыя ноты. Я присосѣдился къ Сусаннѣ и, выждавъ первую минутную паузу, спросилъ ее, такъ же ли она любитъ музыку, какъ ея батюшка?

Она отклонилась, какъ будто я толкнулъ ее, и промолвила отрывисто:—Кто?

— Вашъ батюшка,—повторилъ я:—господинъ Ратчъ.

— Господинъ Ратчъ мнѣ не отецъ.

— Не отецъ! Извините меня... Я, должно-быть, не такъ понялъ... Но мнѣ помнится, Александръ Давыдычъ...

Сусанна посмотрѣла на меня пристально и пугливо.

— Вы не поняли господина Фустова. Господинъ Ратчъ мой вотчимъ.

Я помолчалъ.

— И вы музыки не любите?—началъ я снова.

Сусанна опять глянула на меня. Рѣшительно, въ ея глазахъ было что-то одичалое. Она, очевидно, не ожидала и не желала продолженія нашего разговора.

— Я вамъ этого не сказала,—медленно произнесла она.

— Тру-ту-ту-ту-ту-у-у... со внезапною яростью пробурчалъ фаготъ, выдѣлывая окончательную фіоритуру. Я обернулся, увидалъ раздутую, какъ у удава, подъ оттопыренными ушами, красную шею господина Ратча, и очень онъ мнѣ показался гадокъ.

— Но этого... инструмента вы навѣрно не любите,— сказалъ я вполголоса.

— Да... я не люблю, — отвѣчала она, какъ бы понявъ мой тайный намекъ.

„Вотъ какъ!“ подумалъ я, словно чему-то обрадовался.

— Сусанна Ивановна, — проговорила вдругъ Элеонора Карповна на своемъ нѣмецко-русскомъ языкѣ: — музыку очень любитъ, и очень сама прекрасно играетъ на фортепіано, только она не хочетъ играть на фортепіано, когда ее очень просятъ играть.

Сусанна ничего не отвѣтила Элеонорѣ Карповнѣ—она даже не поглядѣла на нее — и только слегка, подъ опущенными вѣками, повела глазами въ ея сторону. По одному этому движенію—по движенію ея зрачковъ—я могъ понять, какого рода чувства Сусанна питала ко второй супругѣ своего вотчима... И я опять чему-то порадовался.

Между тѣмъ дуэтъ кончился. Фустовъ всталъ и, нерѣшительными шагами приблизившись къ окну, возлѣ котораго мы сидѣли съ Сусанной, спросилъ ее, получила ли она отъ Ленгольда ноты, которыя тотъ обѣщался выписать изъ Петербурга.

— Попури изъ *Роберта-Дьявола*, — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — изъ той новой оперы, о которой теперь всѣ такъ кричатъ.

— Нѣтъ, не получила, — отвѣчала Сусанна, и повернувшись лицомъ къ окну, поспѣшно прошептала:—Пожалуйста, Александръ Давыдычъ, прошу васъ, не заставляйте меня играть сегодня! я совсѣмъ не расположена.

— Что такое? *Робертъ-Дьяволъ* Мейербера! — возопилъ подошедшій къ намъ Иванъ Демьянычъ: — пари держу, что вещь отличная! Онъ жидъ, а всѣ жиды, такъ же какъ и чехи, урожденные музыканты! Особенно жиды. Неправда ли, Сусанна Ивановна? Ась? Ха-ха-ха-ха!

Въ послѣднихъ словахъ г. Ратча, и на этотъ разъ въ самомъ его хохотѣ, слышалось нѣчто другое, чѣмъ обычное его глумленіе — слышалось желаніе оскорбить. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось, и такъ поняла его Сусанна. Она невольно дрогнула, покраснѣла, закусила нижнюю губу. Свѣтлая точка, подобная блеску слезы,

мелькнула у ней на рѣсницѣ, и, быстро поднявшись, она вышла вонъ изъ комнаты.

— Куда же вы, Сусанна Ивановна? — закричалъ ей вслѣдъ господинъ Ратчъ.

— А вы оставьте ее, Иванъ Демьянычъ, — вмѣшалась Элеонора Карповна. — Wenn sie einmal so etwas im Kopfe hat...

— Натура нервозная, — промолвилъ Ратчъ, повернувшись на каблукахъ, и шлепнулъ себя по ляжкѣ: — plexus solaris страдаетъ. О! да вы не смотрите такъ на меня, Петръ Гаврилычъ? Я и анатоміей занимался, ха-ха! Я и лѣчить могу! Спросите вотъ Элеонору Карповну... Всѣ ея недуги я излѣчиваю! Такой у меня есть способъ.

— А вы все должны шутки шутить, Иванъ Демьянычъ,—отвѣчала та съ удовольствіемъ, между тѣмъ какъ Фустовъ, посмѣиваясь и пріятно покачиваясь, глядѣлъ на обоихъ супруговъ.

— И почему же не шутить, mein Mütterchen?—подхватилъ Иванъ Демьянычъ.—Жизнь намъ дана для пользы, а больше для красы, какъ сказалъ одинъ извѣстный стихотворецъ. Колька, утри свой носъ, дикобразъ!

IX.

— Я сегодня по твоей милости былъ въ весьма неловкомъ положеніи, — говорилъ я въ тотъ же вечеръ Фустову, возвращаясь съ нимъ домой.—Ты мнѣ сказалъ, что эта... какъ бишь ее? Сусанна—дочь господина Ратча, а она его падчерица.

— Въ самомъ дѣлѣ! Я тебѣ сказалъ, что она его дочь? Впрочемъ... не все ли равно?

— Этотъ Ратчъ, — продолжалъ я... — Ахъ, Александръ! какъ онъ мнѣ не нравится! Замѣтилъ ты, съ какой онъ особенной насмѣшкой отозвался сегодня при ней о жидахъ? Развѣ она... еврейка?

Фустовъ шелъ впереди, размахивая руками; было холодно, снѣгъ хрустѣлъ, какъ соль, подъ ногами.

— Да, помнится, что-то такое я слышалъ,—промолвилъ

онъ наконецъ... — Ея мать была, кажется, еврейскаго происхожденія.

— Стало-быть, господинъ Ратчъ женился въ первый разъ на вдовѣ?

— Вѣроятно.

— Гм!.. А этотъ Викторъ, что́ не пришелъ вчера, тоже его пасынокъ?

— Нѣтъ... это настоящій его сынъ. Впрочемъ я, ты знаешь, въ чужія дѣла не вмѣшиваюсь и не люблю разспрашивать. Я не любопытенъ.

Я прикусилъ языкъ. Фустовъ все спѣшилъ впередъ. Подходя къ дому, я нагналъ его и заглянулъ ему въ лицо.

— А что̀?—спросилъ я:—Сусанна, точно, хорошая музыкантша?

Фустовъ нахмурился.

— Она хорошо играетъ на фортепіано, — проговорилъ онъ сквозь зубы. — Только она очень дика, предваряю!— прибавилъ онъ съ легкою ужимкой. Онъ словно раскаивался въ томъ, что познакомилъ меня съ нею.

Я умолкъ, и мы разстались.

X.

На слѣдующее утро я опять отправился къ Фустову. Сидѣть у него по утрамъ стало для меня потребностью. Онъ принялъ меня ласково, по обыкновенію, но о вчерашнемъ посѣщеніи—ни слова! Какъ воды въ ротъ набралъ. Я принялся перелистывать послѣдній № *Телескопа*.

Новое лицо вошло въ комнату. Оно оказалось тѣмъ самымъ сыномъ г. Ратча, Викторомъ, на отсутствіе котораго наканунѣ пенялъ его отецъ.

Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ восемнадцати, уже испитой и нездоровый, съ сладковато-наглою усмѣшкой на нечистомъ лицѣ, съ выраженіемъ усталости въ воспаленныхъ глазахъ. Онъ походилъ на отца, только черты его были меньше и не лишены пріятности. Но въ самой этой пріятности было что-то нехорошее. Одѣтъ онъ былъ очень неряшливо, на мундирномъ сюртукѣ его недоста-

вало пуговицы, одинъ сапогъ лопнулъ, табакомъ такъ и разило отъ него.

— Здравствуйте, — проговорилъ онъ сиплымъ голосомъ и съ тѣми особенными подергиваньями плечъ и головы, которыя я всегда замѣчалъ у избаловавшихся и самоувѣренныхъ молодыхъ людей.—Думалъ въ университетъ, а попалъ къ вамъ. Грудь что-то заложило. Дайте-ка сигарку. — Онъ прошелъ черезъ всю комнату, вяло волоча ноги и не вынимая рукъ изъ кармановъ панталонъ, и грузно бросился на диванъ.

— Вы простудились? — спросилъ Фустовъ, и познакомилъ насъ другъ съ другомъ. Мы были оба студентами, но находились на разныхъ факультетахъ.

— Нѣтъ!.. Какое! Вчера, признаться сказать... (Тутъ господинъ Ратчъ junior улыбнулся во весь ротъ, опять-таки не безъ пріятности, но зубы у него оказались дурные) выпито было, сильно выпито. Да. — Онъ закурилъ сигарку и откашлянулся.—Обиходова провожали.

— А онъ куда ѣдетъ?

— На Кавказъ, и возлюбленную свою туда же тащитъ. Вы знаете, ту, черноглазую, съ веснушками. Дуракъ!

— Вашъ батюшка вчера о васъ спрашивалъ, — замѣтилъ Фустовъ.

Викторъ сплюнулъ въ сторону.

— Да я слышалъ. Вы вчера забрели въ нашъ таборъ. Ну, и что̀ жъ? музицировали?

— По обыкновенію.

— А *она*... Небось, передъ новымъ-то гостемъ (тутъ онъ ткнулъ головой въ мою сторону) поломалась? Играть не стала?

— Вы это о комъ говорите?—спросилъ Фустовъ.

— Да, разумѣется, о почтеннѣйшей Сусаннѣ Ивановнѣ!

Викторъ развалился еще покойнѣе, округленно поднялъ руку надъ головой, посмотрѣлъ себѣ на ладонь и глухо фыркнулъ.

Я взглянулъ на Фустова. Онъ только плечомъ пожалъ, какъ бы желая дать мнѣ понять, что съ такого оболтуса и спрашивать нечего.

XI.

Викторъ принялся говорить, глядя въ потолокъ, не спѣша и въ носъ, о театрѣ, о двухъ ему знакомыхъ актерахъ, о какой-то Серафимѣ Серафимовнѣ, которая его „надула“, о новомъ профессорѣ Р., котораго обозвалъ скотиной, — потому, представьте, что̀ уродъ выдумалъ? Каждую лекцію съ переклички начинаетъ, а еще либераломъ считается! Въ кутузку я бы всѣхъ вашихъ либераловъ запряталъ! — и, обратившись, наконецъ, всѣмъ лицомъ и тѣломъ къ Фустову, промолвилъ полужалобнымъ, полунасмѣшливымъ голосомъ:

— Что я васъ хотѣлъ попросить, Александръ Давыдычъ... Нельзя ли какъ-нибудь старца моего вразумить... Вы вотъ дуэты съ нимъ разыгрываете... Даетъ мнѣ пять синенькихъ въ мѣсяцъ... Это что же такое?! На табакъ не хватаетъ. Еще толкуетъ: не дѣлай долговъ! Я бы его на мое мѣсто посадилъ и посмотрѣлъ бы! Я вѣдь никакихъ пенсій не получаю; не то̀ что *иные* (Викторъ произнесъ это послѣднее слово съ особеннымъ удареніемъ). А деньжищевъ у него много, я знаю. Со мной Лазаря пѣть нечего, меня не проведешь. Шалишь! Руки-то себѣ нагрѣлъ тоже... ловко!

Фустовъ искоса глянулъ на Виктора.

— Пожалуй,—началъ онъ:—я скажу вашему батюшкѣ. А то, если хотите, я могу... пока... небольшую сумму...

— Нѣтъ, что жъ? Ужъ лучше старика умаслить... Впрочемъ,—прибавилъ Викторъ, почесавъ себѣ носъ всею пятерней:—дайте, коли можете, рублей двадцать пять... Сколько, бишь, я вамъ долженъ?

— Вы у меня восемьдесять пять рублей заняли.

— Да... Ну это, стало, выйдетъ... всего сто десять рублей. Я вамъ отдамъ все разомъ.

Фустовъ вышелъ въ другую комнату, вынесъ двадцатипятирублевую бумажку и молча подалъ ее Виктору. Тотъ взялъ ее, зѣвнулъ во все горло, не закрывая рта, промычалъ: „спасибо!“ и, поеживаясь и потягиваясь, приподнялся съ дивана.

— Фу! однако... что-то скучно, — пробормоталъ онъ: — пойти развѣ въ *Италію*.

Онъ направился къ двери.

Фустовъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Казалось, онъ боролся самъ съ собой.

— О какой вы это пенсіи сейчасъ упомянули, Викторъ Иванычъ? — спросилъ онъ наконецъ.

Викторъ остановился на порогѣ и надѣлъ фуражку.

— А вы не знаете? Сусанны Ивановны пенсія... Она ее получаетъ. Прелюбопытный, доложу вамъ, анекдотъ! Я когда-нибудь вамъ разскажу. Дѣла, батюшка, дѣла! А вы старца-то, старца не забудьте, пожалуйста. Кожа у него, конечно, толстая, нѣмецкая, да еще съ русской выдѣлкой, а все пронять можно. Только чтобъ Элеонорки, мачихи моей, при этомъ не было! Папашка ея боится, она все своимъ прочитъ. Ну, да вы сами дипломатъ! Прощайте!

— Экая, однако, дрянь этотъ мальчишка! — воскликнулъ Фустовъ, какъ только захлопнулась дверь.

Лицо у него горѣло какъ въ огнѣ, и онъ отъ меня отворачивался. Я не сталъ его разспрашивать и вскорѣ удалился.

XII.

Весь тотъ день я провелъ въ размышленіяхъ о Фустовѣ, о Сусаннѣ, объ ея родственникахъ; мнѣ смутно чудилось нѣчто похожее на семейную драму. Сколько я могъ судить, мой пріятель былъ неравнодушенъ къ Сусаннѣ. Но она? Любила ли она его? Отчего она казалась такою несчастною? И вообще, что она была за существо? Эти вопросы безпрестанно приходили мнѣ на умъ. Темное, но сильное чувство говорило мнѣ, что за разрѣшеніемъ ихъ не слѣдовало обращаться къ Фустову. Кончилось тѣмъ, что я на слѣдующій день отправился одинъ въ домъ къ г. Ратчу.

Мнѣ стало вдругъ очень совѣстно и неловко, какъ только я очутился въ маленькой, темной передней. „Она и не покажется, пожалуй“, мелькнуло у меня въ головѣ,

„придется сидѣть съ гнуснымъ ветераномъ и съ его кухаркой-женой... Да и наконецъ, если даже она появится, что же изъ этого? Она и разговаривать не станетъ... Ужъ больно не ласково обошлась она со мной намедни. Зачѣмъ же я пришелъ?“ Пока я все это соображалъ, казачокъ побѣжалъ доложить обо мнѣ, и въ сосѣдней комнатѣ, послѣ двухъ или трехъ недоумѣвающихъ: „Кто такое? Кто, ты говоришь?“—послышалось тяжелое шарканье туфель, дверь слегка растворилась и въ щели между обѣими половинками выставилось лицо Ивана Демьяныча, лицо взъерошенное и угрюмое. Оно уставилось на меня и не тотчасъ измѣнило свое выраженіе... Видно, г. Ратчъ не сразу узналъ меня; но вдругъ щеки его округлились, глаза сузились и изъ раскрывавшагося рта, вмѣстѣ съ хохотомъ, вырвалось восклицаніе:

— А, батюшка, почтеннѣйшій! Это вы? Милости просимъ!

Я послѣдовалъ за нимъ тѣмъ неохотнѣе, что, мнѣ казалось, этотъ привѣтливый, веселый г. Ратчъ внутренно посылаетъ меня къ чорту. Однако дѣлать было нечего. Онъ привелъ меня въ гостиную, и что̀ же? въ гостиной сидѣла Сусанна передъ столомъ, за приходо-расходной книгой. Она глянула на меня своими сумрачными глазами и чуть-чуть прикусила ногти пальцевъ на лѣвой рукѣ... такая у ней была привычка, я замѣтилъ, привычка свойственная нервическимъ людямъ. Кромѣ ея, въ комнатѣ никого не было.

— Вотъ, сударь,—началъ г. Ратчъ и ударилъ себя по ляжкѣ:—въ какихъ занятіяхъ вы насъ съ Сусанной Ивановной застали: счетами занимаемся. Супруга моя въ „арихметикѣ“ не сильна, а я, признаться, глаза свои берегу. Безъ очковъ не могу читать, что прикажете дѣлать? Пускай же молодежь потрудится, ха-ха! Порядокъ требуетъ. Впрочемъ, дѣло не къ спѣху... Спѣшить, смѣшить, блохъ ловить, ха-ха!

Сусанна закрыла книгу и хотѣла удалиться.

— Постой, однако, постой,—заговорилъ г. Ратчъ.—Что за бѣда, что не въ туалетѣ... (На Сусаннѣ было очень старенькое почти дѣтское платьице съ короткими рукав-

чиками.) Дорогой гость не взыщетъ, а мнѣ бы только позапрошлую недѣлю очистить... Вы позволите?—обратился онъ ко мнѣ.—Мы вѣдь съ вами не на церемоніалахъ!

— Сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйтесь,—воскликнулъ я.

— То-то, мой батюшка почтеннѣйшій; вамъ самимъ извѣстно: покойный государь Алексѣй Михайловичъ Романовъ говаривалъ: „Дѣлу время, а потѣхѣ минуту!“ А мы самому дѣлу одну минуту посвятимъ... ха-ха! Какіе же это тринадцать рублей тридцать копеекъ?—прибавилъ онъ вполголоса, повернувшись ко мнѣ спиной.

— Викторъ взялъ у Элеоноры Карповны; онъ сказалъ, что вы ему разрѣшили, — отвѣчала также вполголоса Сусанна.

— Сказалъ... сказалъ... разрѣшилъ...—проворчалъ Иванъ Демьянычъ. — Кажется, я тутъ самъ налицо. Спросить бы могли. А тѣ семнадцать рублей кому пошли?

— Мебельщику.

— Да... мебельщику. Это за что̀ же?

— По счету.

— По счету. Покажь-ка! — Онъ вырвалъ у Сусанны книгу и, насадивъ на носъ круглые очки въ серебряной оправѣ, сталъ водить пальцемъ по строкамъ. — Мебельщику... мебельщику... Вамъ бы лишь бы деньги изъ дому вонъ! Вы рады!.. Wie die Croaten! По счету! А впрочемъ, — прибавилъ онъ громко, и снова поворотился ко мнѣ лицомъ и очки съ носу сдернулъ:—что же это я въ самомъ дѣлѣ! Этими дрязгами можно и послѣ заняться. Сусанна Ивановна, извольте-ка оттащить на мѣсто эту бухгалтерію, да пожалуйте къ намъ обратно и восхитите слухъ сего любезнаго посѣтителя вашимъ мусикійскимъ орудіемъ, сирѣчь фортепіанною игрой... А?

Сусанна отвернула голову.

— Я бы очень былъ счастливъ, — поспѣшно промолвилъ я:—очень было бы мнѣ пріятно послушать игру Сусанны Ивановны. Но я ни за что въ свѣтѣ не желалъ бы безпокоить...

— Какое безпокойство, что вы! Ну-съ, Сусанна Ивановна, eins, zwei, drei!

Сусанна ничего не отвѣчала и вышла вонъ.

XIII.

Я не ожидалъ, что она вернется; но она скоро появилась снова: даже платья не перемѣнила и, присѣвъ въ уголъ, раза два внимательно посмотрѣла на меня. Почувствовала ли она въ моемъ обращеніи съ нею то невольное, мнѣ самому неизъяснимое уваженіе, которое, больше чѣмъ любопытство, больше даже чѣмъ участіе, она во мнѣ возбуждала, находилась ли она въ тотъ день въ смягченномъ расположеніи духа, только она вдругъ подошла къ фортепіано и, нерѣшительно положивъ руку на клавиши и склонивъ немного голову черезъ плечо назадъ ко мнѣ, спросила меня, что я хочу, чтобъ она сыграла? Я не успѣлъ еще отвѣтить, какъ она уже сѣла, достала ноты, торопливо ихъ развернула и начала играть. Я съ дѣтства любилъ музыку, но въ то время я еще плохо понималъ ее, мало былъ знакомъ съ произведеніями великихъ мастеровъ, и если бы г. Ратчъ не проворчалъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ: „Aha! wieder dieser Beethoven!“ я бы не догадался, что именно выбрала Сусанна. Это была, какъ я потомъ узналъ, знаменитая Ф-мольная соната, opus 57. Игра Сусанны меня поразила несказанно: я не ожидалъ такой силы, такого огня, такого смѣлаго размаха. Съ самыхъ первыхъ тактовъ стремительно-страстнаго allegro, начала сонаты, я почувствовалъ то оцѣпенѣніе, тотъ холодъ и сладкій ужасъ восторга, которые мгновенно охватываютъ душу, когда въ нее неожиданнымъ налетомъ вторгается красота. Я не пошевельнулся ни однимъ членомъ до самаго конца; я все хотѣлъ, и не смѣлъ, вздохнуть. Мнѣ пришлось сидѣть сзади Сусанны, ея лица я не могъ видѣть; я видѣлъ только, какъ ея темные, длинные волосы изрѣдка прыгали и бились по плечамъ, какъ порывисто покачивался ея станъ и какъ ея тонкія руки и обнаженные локти двигались быстро и нѣсколько угловато. Послѣднія отзвучія замерли. Я вздохнулъ наконецъ. Сусанна продолжала сидѣть передъ фортепіано.

— Ja, ja,—замѣтилъ г. Ратчъ, который, впрочемъ, тоже слушалъ внимательно:—romantische Musik! Это нынче въ модѣ. Только зачѣмъ нечисто играть! Э? Пальчикомъ по двумъ нотамъ разомъ — зачѣмъ? Э? То-то; намъ все поскорѣй хочется, поскорѣй. Этакъ горячѣй выходитъ. Э? Блины горячіе!—задребезжалъ онъ какъ разносчикъ.

Сусанна слегка обратилась къ г. Ратчу; я увидѣлъ лицо ея въ профиль. Тонкая бровь высоко поднялась надъ опущенной вѣкой, неровный румянецъ разлился по щекѣ, маленькое ухо рдѣло подъ закинутымъ локономъ.

— Я всѣхъ лучшихъ виртуозовъ самолично слышалъ,— продолжалъ г. Ратчъ, внезапно нахмурившись:—и всѣ они передъ покойнымъ Фильдомъ—тьфу! нуль! зерò!! Das war ein Kerl! Und ein so reines Spiel! И композиціи его—самыя прекрасныя! А всѣ эти новые „тлу-ту-ту“ да „трата-та“, это, я полагаю, больше для школяровъ писано. Da braucht man keine Delicatesse! Хлопай по клавишамъ какъ попало... Не бѣда! Что-нибудь выйдетъ! Janitscharen-Musik! Пхе! (Иванъ Демьянычъ утеръ себѣ лобъ платкомъ.) Впрочемъ, я это говорю не на вашъ счетъ, Сусанна Ивановна; вы играли хорошо и моими замѣчаніями не должны обижаться.

— У всякаго свой вкусъ,—тихимъ голосомъ заговорила Сусанна, и губы ея задрожали: — а ваши замѣчанья, Иванъ Демьянычъ, вы знаете, меня обидѣть не могутъ.

— О, конечно! Только вы не полагайте, — обратился ко мнѣ Ратчъ: — не извольте полагать, милостивый государь, что сіе происходитъ отъ излишней нашей доброты и якобы кротости душевной; а просто мы съ Сусанной Ивановной воображаемъ себя столь высоко вознесенными, что у-у! Шапка назадъ валится, какъ говорится по-русски, и уже никакая критика до насъ досягать не можетъ. Самолюбіе, милостивый государь, самолюбіе! Оно насъ доѣхало, да, да!

Не безъ изумленія слушалъ я Ратча. Желчь, желчь ядовитая такъ и закипала въ каждомъ его словѣ... И давно же она накопилась! Она душила его. Онъ попытался закончить свою тираду обычнымъ смѣхомъ,—и су-

дорожно, хрипло закашлялъ. Сусанна словечка не проронила въ отвѣтъ ему, только головой встряхнула, и лицо приподняла, да, взявшись обѣими руками за локти, прямо уставилась на него. Въ глубинѣ ея неподвижныхъ, расширенныхъ глазъ, глухимъ, незагасимымъ огнемъ тлѣла стародавняя ненависть. Жутко мнѣ стало.

— Вы принадлежите къ двумъ различнымъ музыкальнымъ поколѣньямъ,—началъ я съ насильственною развязностью, самою этою развязностью желая дать понять, что я ничего не замѣчаю,—а потому не удивительно, что вы не сходитесь въ своихъ мнѣніяхъ... Но, Иванъ Демьянычъ, вы мнѣ позволите стать на сторону... болѣе молодого поколѣнія. Я профанъ, конечно; но признаюсь вамъ, ничего, въ музыкѣ, еще не произвело на меня такого впечатлѣнія, какъ та... какъ то, что̀ Сусанна Ивановна намъ сейчасъ сыграла.

Ратчъ вдругъ накинулся на меня.

— И почему вы полагаете,—закричалъ онъ, весь еще багровый отъ кашля:—что мы желаемъ завербовать васъ въ нашъ лагерь? (Онъ выговорилъ Lager по-нѣмецки.) Нисколько намъ это не нужно, барздо дзенкуемъ! Вольному воля, спасенному—спасеніе! А что касательно двухъ поколѣній, то это точно: намъ, старикамъ, съ вами, молодыми, жить трудно, очень трудно! Наши понятія ни въ чемъ не согласны: ни въ художествѣ, ни въ жизни, ни даже въ морали. Не правда ли, Сусанна Ивановна?

Сусанна усмѣхнулась презрительною усмѣшкой.

— Особенно насчетъ, какъ вы говорите, морали, наши понятія не сходятся и не могутъ сходиться, — отвѣтила она, и что-то грозное пробѣжало у ней надъ бровями, а губы попрежнему слабо трепетали.

— Конечно, конечно!—подхватилъ Ратчъ.—Я не филозо̀въ! Я не умѣю стать... этакъ, высоко! Я человѣкъ простой, рабъ предразсудковъ, да!

Сусанна опять усмѣхнулась.

— Мнѣ кажется, Иванъ Демьянычъ, и вы иногда умѣли ставить себя выше того, что̀ называютъ предразсудками.

— Wie so? То-есть, какъ же это? Я васъ не понимаю.

— Не понимаете? Вы такъ забывчивы!

Г-нъ Ратчъ словно потерялся.

— Я... я...—повторялъ онъ.—Я...

— Да, вы, господинъ Ратчъ.

Послѣдовало небольшое молчаніе.

— Однако, позвольте, позвольте, — началъ было г. Ратчъ:—какъ вы можете такъ дерзко...

Сусанна внезапно вытянулась во весь ростъ и, не выпуская изъ рукъ локтей своихъ, стискивая ихъ, перебирая по нимъ пальцами, остановилась передъ Ратчемъ. Казалось, она вызывала его на борьбу, она наступала на него. Лицо ея преобразилось: оно стало вдругъ, въ мгновеніе ока, и необычайно красиво, и страшно; какимъ-то веселымъ и холоднымъ блескомъ—блескомъ стали—заблестѣли ея тусклые глаза; недавно еще трепетавшія губы сжались въ одну прямую, неумолимо-строгую черту. Сусанна вызывала Ратча; но тотъ, какъ говорится, воззрился въ нее и вдругъ умолкъ и опустился какъ мѣшокъ, и голову втянулъ въ плечи, и даже ноги подобралъ. Ветеранъ двѣнадцатаго года струхнулъ; въ этомъ нельзя было сомнѣваться.

Сусанна медленно перевела глаза свои съ него на меня, какъ бы призывая меня въ свидѣтели своей побѣды и униженія врага и, въ послѣдній разъ усмѣхнувшись, вышла вонъ изъ комнаты.

Ветеранъ остался нѣсколько времени неподвиженъ на своемъ креслѣ; наконецъ, точно вспомнивъ забытую роль, онъ встрепенулся, всталъ и, ударивъ меня по плечу, захохоталъ своимъ зычнымъ хохотомъ:

— Вотъ, подите вы, ха-ха-ха! кажется, не первый десятокъ живемъ мы съ этой барышней, а никогда она не можетъ понять, когда я шутку шучу, и когда говорю въ суріозѣ! Да и вы, почтеннѣйшій, кажется, недоумѣваете... Ха-ха-ха! Значитъ, вы еще старика Ратча не знаете!

„Нѣтъ... Я теперь тебя знаю“, думалъ я не безъ нѣкотораго страха и омерзѣнія.

— Не знаете старика, не знаете!—твердилъ онъ, про-

вожая меня до передней и поглаживая себя по животу.— Я человѣкъ тяжелый, битый, ха-ха! Но я добрый, ей-Богу.

Я опрометью бросился съ крыльца на улицу. Мнѣ хотѣлось поскорѣе уйти отъ этого добраго человѣка.

XIV.

„Что они другъ друга ненавидятъ, это ясно, — думалъ я, возвращаясь къ себѣ домой;—несомнѣнно также и то, что онъ человѣкъ скверный, а она хорошая дѣвушка. Но что̀ такое произошло между ними? Какая причина этого постояннаго раздраженія? Какой смыслъ этихъ намековъ? И какъ это неожиданно вспыхнуло! Подъ какимъ пустымъ предлогомъ!“

На слѣдующій день мы съ Фустовымъ собрались идти въ театръ, смотрѣть Щепкина въ *„Горе отъ ума“*. Комедію Грибоѣдова только-что разрѣшили тогда, предварительно обезобразивъ ее цензурными урѣзками. Мы много хлопали Фамусову, Скалозубу. Не помню, какой актеръ исполнялъ роль Чацкаго, но очень хорошо помню, что онъ былъ невыразимо дуренъ; сперва появился въ венгеркѣ и въ сапогахъ съ кисточками, а потомъ во фракѣ моднаго въ то время цвѣта „flamme de punch“, и фракъ этотъ на немъ сидѣлъ, какъ на нашемъ старомъ дворецкомъ. Помню также, что балъ въ третьемъ актѣ привелъ насъ въ восхищеніе. Хотя, вѣроятно, никто и никогда въ дѣйствительности не выдѣлывалъ такихъ па̀, но это уже было такъ принято — да, кажется, исполняется такимъ образомъ и до сихъ поръ. Одинъ изъ гостей чрезвычайно высоко прыгалъ, причемъ парикъ его развѣвался во всѣ стороны, и публика заливалась смѣхомъ. Выходя изъ театра, мы въ коридорѣ столкнулись съ Викторомъ.

— Вы были въ театрѣ! — воскликнулъ онъ, взмахнувъ руками.—Какъ же это я васъ не видалъ? Я очень радъ, что встрѣтилъ васъ. Вы непремѣнно должны со мной поужинать. Пойдемте; я угощаю!

Молодой Ратчъ казался въ состояніи взволнованномъ, почти восторженномъ. Глазенки его бѣгали, онъ ухмылялся, красныя пятна выступали на лицѣ.

— На какой это радости?—спросилъ Фустовъ.

— На какой? А вотъ, не угодно ли полюбопытствовать?

Викторъ отвелъ насъ немного въ сторону и, вытащивъ изъ кармана панталонъ цѣлую пачку тогдашнихъ красныхъ и синихъ ассигнацій, потрясъ ими въ воздухѣ.

Фустовъ удивился.

— Вашъ батюшка расщедрился?

Викторъ захохоталъ.

— Нашли щедраго! Какъ же, держи карманъ!.. Сегодня утромъ, попадѣявшись на ваше ходатайство, я попросилъ у него денегъ. Что же, вы думаете, мнѣ отвѣчалъ жидоморъ? Я, говоритъ, твои долги, изволь, заплачу. До двадцати-пяти рублей включительно! Слышите: включительно! Нѣтъ, милостивый государь, это на мое сиротство Богъ послалъ. Случай такой вышелъ.

— Ограбили кого-нибудь? — небрежно промолвилъ Фустовъ.

Викторъ нахмурился.

— Ухъ, такъ вотъ и ограбилъ! Выигралъ-съ, выигралъ у офицера, у гвардейца! Вчера только изъ Петербурга прикатилъ. И какое стеченіе обстоятельствъ! Стòитъ разсказать... да тутъ неловко. Пойдемте къ Яру: два шага всего. Сказано, я угощаю!

Намъ, быть-можетъ, слѣдовало отказаться; но мы пошли безъ возраженій.

XV.

У Яра насъ провели въ особую комнату, подали ужинъ, принесли шампанскаго. Викторъ разсказалъ намъ со всѣми подробностями, какъ онъ въ одномъ пріятномъ домѣ встрѣтилъ этого офицера-гвардейца, очень милаго малаго и хорошей фамиліи, только безъ царя въ головѣ; какъ они познакомились, какъ онъ, офицеръ то-есть, вздумалъ для шутки предложить ему, Виктору, играть въ дурачки старыми картами, почти-что на орѣхи и съ тѣмъ условіемъ, чтобъ офицеру играть на счастіе Вильгельмины, а Виктору на свое собственное счастіе; какъ потомъ пошло дѣло на пари.

— А у меня-то, у меня-то, — воскликнулъ Викторъ, и вскочилъ, и въ ладоши захлопалъ: — всего шесть рублей въ карманѣ. Представьте! И сначала я совсѣмъ профершпилился... Каково положеніе?! Только тутъ, ужъ я не знаю чьими молитвами, фортуна улыбнулась. Тотъ горячиться сталъ, всѣ карты показываетъ... Глядь! семьсотъ пятьдесятъ рублей и пробухалъ! Сталъ еще просить поиграть, ну, да я малый не промахъ, думаю: нѣтъ, этакою благодатью злоупотреблять не надо; шапку сгребъ и маршъ! Вотъ теперь и старику не зачѣмъ кланяться, и товарищей угостить можно... Эй! человѣкъ! Еще бутылку! Господа, чокнемтесь!

Мы чокнулись съ Викторомъ и продолжали пить и смѣяться, хотя разсказъ его намъ вовсе не понравился, да и самое его общество намъ удовольствія доставляло мало. Онъ принялся любезничать, балагурить, расходился однимъ словомъ, и сдѣлался еще противнѣе. Викторъ замѣтилъ, наконецъ, какое онъ производилъ на насъ впечатлѣніе, и насупился; рѣчи его стали отрывистѣй, взгляды мрачнѣе. Онъ началъ зѣвать, объявилъ, что спать хочетъ, и, обругавъ со свойственною ему грубостью трактирнаго слугу за худо прочищенный чубукъ, внезапно, съ выраженьемъ вызова на искривленномъ лицѣ, обратился къ Фустову:

— Послушайте-ка, Александръ Давыдычъ, — промолвилъ онъ: — скажите, пожалуйста, за что̀ вы меня презираете?

— Какъ такъ?—не сразу нашелся отвѣтить мой пріятель.

— Да такъ же... Я очень хорошо чувствую и знаю, что вы меня презираете, и этотъ господинъ (онъ указалъ на меня пальцемъ) тоже, туда же! И хоть бы вы сами очен уже высокою нравственностью отличались, а то такой ке грѣшникъ, какъ мы всѣ. Еще хуже. Въ тихомъ омутѣ... пословицу знаете?

Фустовъ покраснѣлъ.

— Что̀ вы хотите этимъ сказать?—спросилъ онъ.

— А то, что я еще не ослѣпъ и отлично вижу все, что у меня передъ носомъ дѣлается: шуры-то-муры ваши съ

сестрицей моей я вижу... И ничего я противъ этого не имѣю, потому: во-первыхъ, не въ моихъ правилахъ, а во-вторыхъ, моя сестрица, Сусанна Ивановна, сама черезъ всѣ тяжкія прошла... Только меня-то за что̀ же презирать?

— Вы сами не понимаете, что̀ вы такое лепечете! Вы пьяны,—проговорилъ Фустовъ, доставая пальто со стѣны.— Обыгралъ, навѣрное, какого-то дурака и вретъ теперь чортъ знаетъ что̀!

Викторъ продолжалъ лежать на диванѣ и только заболталъ ногами, перевѣшенными черезъ ручку.

— Обыгралъ! Зачѣмъ же вы вино пили? Оно вѣдь на выигрышныя деньги куплено. А врать мнѣ нечего. Не я виноватъ, что Сусанна Ивановна въ своей прошедшей жизни...

— Молчите! — закричалъ на него Фустовъ. — Молчите... или...

— Или что̀?

— Вы узнаете что̀. Петръ, пойдемъ.

— Ага!—продолжалъ Викторъ:—великодушный рыцарь нашъ въ бѣгство обращается. Видно, не хочется правду-то узнать! Видно, колется она, правда-то!

— Да пойдемъ же, Петръ,—повторилъ Фустовъ, окончательно потерявшій обычное свое хладнокровіе и самообладаніе.—Оставимъ этого дрянного мальчишку!

— Этотъ мальчишка не боится васъ, слышите,—закричалъ намъ вслѣдъ Викторъ:—презираетъ васъ этотъ мальчишка, пре-зи-раетъ! Слышите!

Фустовъ такъ проворно шелъ по улицѣ, что я съ трудомъ поспѣвалъ за нимъ. Вдругъ онъ остановился и круто повернулъ назадъ.

— Куда ты?—спросилъ я.

— Да надо узнать, что этотъ глупецъ... Онъ, пожалуй, спьяна, Богъ знаетъ что... Только ты не иди за мной... мы завтра увидимся. Прощай!

И торопливо пожавъ мою руку, Фустовъ направился къ гостиницѣ Яръ.

На другой день мнѣ не удалось увидѣть Фустова, а на

слѣдующій за тѣмъ день я, зайдя къ нему на квартиру, узналъ, что онъ выѣхалъ къ своему дядѣ въ подмосковную. Я полюбопытствовалъ, не оставилъ ли онъ записки на мое имя, но никакой записки не оказалось. Тогда я спросилъ лакея, не знаетъ ли онъ, сколько времени Александръ Давыдычъ останется въ деревнѣ.—Недѣли съ двѣ, а то побольше, такъ полагать надо,—отвѣчалъ лакей. Я на всякій случай взялъ точный адресъ Фустова и въ раздумьѣ побрелъ домой. Эта неожиданная отлучка изъ Москвы, зимой, окончательно повергла меня въ недоумѣніе. Моя добрая тетушка замѣтила мнѣ за обѣдомъ, что я все ожидаю чего-то и гляжу на пирогъ съ капустой, какъ будто въ первый разъ отроду его вижу. — Pierre, vous n'êtes pas amoureux? — воскликнула она, наконецъ, предварительно удаливъ своихъ компаньонокъ. Но я успокоилъ ее:—нѣтъ, я не былъ влюбленъ.

XVI.

Прошло три дня. Меня подмывало пойти къ Ратчамъ; мнѣ сдавалось, что въ ихъ домѣ я долженъ былъ найти разгадку всего, что̀ меня занимало, что̀ я понять не могъ... Но мнѣ пришлось бы опять встрѣтиться съ ветераномъ... Эта мысль меня удерживала. Вотъ, въ одинъ непастный вечеръ—на дворѣ злилась и выла февральская вьюга, сухой снѣгъ по временамъ стучалъ въ окна, какъ брошенный сильною рукою крупный песокъ,—я сидѣлъ въ моей комнаткѣ и пытался читать книгу. Мой слуга вошелъ и не безъ нѣкоторой таинственности доложилъ, что какая-то дама желаетъ меня видѣть. Я удивился... дамы меня не посѣщали, особенно въ такую позднюю пору; однако, велѣлъ просить. Дверь отворилась, и быстрыми шагами вошла женщина, вся закутанная въ легкій лѣтній плащъ и желтую шаль. Порывистымъ движеніемъ сбросила она съ себя эту шаль и этотъ плащъ, занесенный снѣгомъ, и я увидѣлъ предъ собой Сусанну. Я до того изумился, что слова не промолвилъ, а она приблизилась къ окну и, прислонившись къ стѣнѣ плечомъ, осталась неподвижною; только грудь судорожно поднималась и глаза блуждали, и

съ легкимъ оханьемъ вырывалось дыханіе изъ помертвѣлыхъ губъ. Я понялъ, что не простая бѣда привела ее ко мнѣ; я понялъ, несмотря на свое легкомысліе и молодость, что въ этотъ мигъ предо мной завершалась судьба цѣлой жизни — горькая и тяжелая судьба.

— Сусанна Ивановна,—началъ я:—какимъ образомъ...

Она внезапно схватила мою руку своими застывшими пальцами, но голосъ измѣнилъ ей. Она вздохнула прерывисто и потупилась. Тяжелыя космы черныхъ волосъ упали ей на лицо... Снѣжная пыль еще не сошла съ нихъ.

— Пожалуйста, успокойтесь, сядьте, — заговорилъ я опять: — вотъ тутъ, на диванѣ. Что такое случилось? Сядьте, прошу васъ.

— Нѣтъ, — промолвила она чуть слышно и опустилась на подоконникъ.—Мнѣ здѣсь хорошо... Оставьте... Вы не могли ожидать... но если бъ вы знали... если бъ я могла... если бъ...

Она хотѣла переломить себя, но съ потрясающей силой хлынули изъ глазъ ея слезы — и рыданія, поспѣшныя, жадныя рыданія огласили комнату. Сердце во мнѣ перевернулось... Я потерялся. Я видѣлъ Сусанну всего два раза; я догадывался, что нелегко ей было жить на свѣтѣ, но я считалъ ее за дѣвушку гордую, съ твердымъ характеромъ, и вдругъ эти неудержимыя, отчаянныя слезы... Господи! Да такъ плачутъ только передъ смертью!

Я стоялъ самъ какъ къ смерти приговоренный.

— Извините меня, — промолвила она, наконецъ, нѣсколько разъ, почти со злобой, утирая одинъ глазъ за другимъ.—Это сейчасъ пройдетъ. Я къ вамъ пришла...—Она еще всхлипывала, но уже безъ слезъ. — Я пришла... Вы вѣдь знаете, Александръ Давыдычъ уѣхалъ?

Однимъ этимъ вопросомъ Сусанна во всемъ призналась, и при этомъ такъ на меня взглянула, точно желала сказать: „Вѣдь ты поймешь, ты пощадишь, не правда ли?“ Несчастная! Стало-быть, ей уже не оставалось другого исхода!

Я не зналъ, что̀ ей отвѣтить...

— Онъ уѣхалъ, онъ уѣхалъ... онъ повѣрилъ!—говори-

ла между тѣмъ Сусанна.—Онъ не захотѣлъ даже спросить меня; онъ подумалъ, что я не скажу ему всей правды; онъ могъ это подумать обо мнѣ? Какъ будто я когда-нибудь его обманывала!

Она закусила нижнюю губу и, слегка нагнувшись, начала царапать ногтемъ ледяные узоры, наросшіе на стеклѣ. Я поспѣшно вышелъ въ другую комнату и, уславъ моего слугу, немедленно вернулся и зажегъ другую свѣчку. Я хорошенько не зналъ, зачѣмъ я все это дѣлалъ... очень ужъ я былъ смущенъ.

Сусанна попрежнему сидѣла на подоконникѣ, и я тутъ только замѣтилъ, какъ легко она была одѣта: сѣрое платьице съ бѣлыми пуговицами и широкій кожаный поясъ, вотъ и все. Я приблизился къ ней, но она не обратила на меня вниманія.

— Онъ повѣрилъ... онъ повѣрилъ, — шептала она, тихонько покачиваясь изъ стороны въ сторону. — Онъ не поколебался, онъ нанесъ этотъ послѣдній... послѣдній ударъ!—Она вдругъ повернулась ко мнѣ.—Вы знаете его адресъ?

— Да, Сусанна Ивановна... я узналъ отъ его людей... у него въ домѣ. Онъ мнѣ самъ ничего не сказалъ о своемъ намѣреніи, я его два дня не видалъ, пошелъ освѣдомиться, а онъ уже уѣхалъ изъ Москвы.

— Вы знаете его адресъ, — повторила она.— Ну, такъ напишите ему, что онъ убилъ меня. Вы хорошій человѣкъ, я знаю. Съ вами онъ не говорилъ обо мнѣ, навѣрное, а со мной онъ говорилъ о васъ. Напишите... ахъ, напишите ему, чтобъ онъ поскорѣе вернулся, если онъ хочетъ еще застать меня въ живыхъ!.. Да нѣтъ! Онъ меня уже не застанетъ!..

Голосъ Сусанны утихалъ съ каждымъ словомъ, и вся она утихала. Но мнѣ это спокойствіе казалось еще страшнѣе, чѣмъ тѣ недавнія рыданія.

— Онъ повѣрилъ ему...—сказала она еще разъ и оперлась подбородкомъ на сложенныя руки.

Внезапный порывъ вѣтра съ рѣзкимъ свистомъ и стукомъ снѣга ударилъ въ окно, холодная струя пробѣжала

по комнатѣ... Пламя свѣчей пошатнулось... Сусанна вздрогнула.

Я снова попросилъ ее сѣсть на диванъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте, — отвѣчала она: — мнѣ здѣсь хорошо. Пожалуйста. — Она прижалась къ промерзлому стеклу, точно она нашла себѣ гнѣздышко въ углубленіи окна.—Пожалуйста.

— Но вы дрожите, вы озябли, — воскликнулъ я. — Посмотрите, ваши ботинки промокли.

— Оставьте... пожалуйста...—прошептала она и закрыла глаза.

Страхъ нашелъ на меня.

— Сусанна Ивановна! — чуть не вскрикнулъ я: — придите въ себя, прошу васъ! Что съ вами? Къ чему такое отчаяніе! Вы увидите, все разъяснится, какое-нибудь недоразумѣніе... неожиданный случай... Вы увидите, онъ скоро возвратится. Я ему дамъ знать, я сегодня же ему напишу... Но я не повторю ему вашихъ словъ... Какъ можно!

— Онъ меня не застанетъ, — промолвила Сусанна все тѣмъ же тихимъ голосомъ.—Неужели бы я пришла сюда, къ вамъ, къ незнакомому человѣку, если бы не знала, что не останусь жива? Ахъ, все мое послѣднее унесено безвозвратно! Вотъ, мнѣ и не хотѣлось умереть такъ, въ одиночку, въ молчанку, не сказавъ никому: „Я все потеряла... и я умираю... Посмотрите!“

Она снова ушла въ свое холодное гнѣздышко... Не забуду я вовѣкъ этой головы, этихъ неподвижныхъ глазъ съ ихъ глубокимъ и погасшимъ взоромъ, этихъ темныхъ разсыпанныхъ волосъ на блѣдномъ стеклѣ окна, самаго этого сѣренькаго, тѣснаго платья, подъ каждой складкой котораго еще билась такая молодая, горячая жизнь!

Я невольно всплеснулъ руками.

— Вамъ... вамъ умереть, Сусанна Ивановна! Вамъ только жить... Вамъ жить должно!

Она посмотрѣла на меня... Мои слова ее какъ будто удивили.

— Ахъ, вы не знаете, — начала она и тихонько уро-

нила обѣ руки.—Мнѣ нельзя жить. Слишкомъ, слишкомъ много пришлось терпѣть, слишкомъ! Я переносила... я надѣялась... но теперь... когда и это рушилось... когда...

Она подняла глаза къ потолку и словно задумалась. Трагическая черта, которую я нѣкогда замѣтилъ у ней около губъ, теперь обозначалась еще яснѣе; она распространилась по всему лицу. Казалось, чей-то неумолимый перстъ провелъ ее безвозвратно, навсегда отмѣтилъ это погибшее существо.

Она все молчала.

— Сусанна Ивановна, — сказалъ я, чтобы чѣмъ-нибудь нарушить эту страшную тишину: — онъ вернется, увѣряю васъ.

Сусанна посмотрѣла на меня.

— Что вы говорите? — промолвила она съ видимымъ усиліемъ.

— Онъ вернется, Сусанна Ивановна, Александръ вернется!

— Онъ вернется?—повторила она. — Но если бы даже онъ вернулся, не могу я простить ему это униженіе, это недовѣріе...

Она схватила себя за голову.

— Боже мой! Боже мой! Что̀ я говорю! И зачѣмъ я здѣсь? Что это такое? О чемъ... о чемъ я пришла просить... и кого? Ахъ, я съ ума схожу!..

Глаза ея остановились.

— Вы хотѣли просить меня, чтобъ я написалъ Александру,—поспѣшилъ я подсказать ей.

Она встрепенулась.

— Да, напишите... напишите, что̀ хотите... А вотъ это...—Она торопливо пошарила у себя въ карманѣ и достала небольшую тетрадку. — Это я-было для него написала... передъ его бѣгствомъ... Но вѣдь онъ повѣрилъ... повѣрилъ тому!

Я понималъ, что рѣчь шла о Викторѣ; Сусанна не хотѣла назвать его, не хотѣла произнести его ненавистное имя.

— Однако, позвольте, Сусанна Ивановна,—началъ я:—

почему же вы полагаете, что Александръ Давыдычъ имѣлъ разговоръ... съ тѣмъ человѣкомъ?

— Почему? Почему? Но тотъ самъ пришелъ ко мнѣ и все разсказалъ, и хвастался... и такъ же смѣялся, какъ его отецъ! Вотъ, вотъ, возьмите,—продолжала она, всовывая мнѣ тетрадку въ руку: — прочтите, пошлите ему, сожгите, бросьте, дѣлайте, что́ хотите, какъ хотите... Но нельзя же умереть такъ, чтобы никто не зналъ... А теперь мнѣ пора... Мнѣ идти надо.

Она поднялась съ подоконника... Я остановилъ ее.

— Куда же вы, Сусанна Ивановна, помилуйте! Послушайте, какая вьюга! Вы такъ легко одѣты.... И домъ вашъ отсюда не близко. Позвольте, я хоть за каретой пошлю, за извозчикомъ...

— Не надо, ничего не надо,—промолвила она, настойчиво отклоняя меня и взявшись за плащъ и за шаль.—Не удерживайте меня, ради Бога! а то... я ни за что не отвѣчаю! Я чувствую бездну, темную бездну подъ ногами... Не подходите! не трогайте меня!—Съ лихорадочной поспѣшностью надѣла она плащъ, накинула шаль.—Прощайте... Прощайте. О, бѣдное, бѣдное мое племя, племя вѣчныхъ странниковъ, проклятіе лежитъ на тебѣ! Но вѣдь меня никто не любилъ, съ какой же стати было ему... — Она вдругъ умолкла.—Нѣтъ, меня любилъ одинъ,—заговорила она опять, ломая руки: — но смерть всюду, всюду неизбѣжная смерть! Теперь моя очередь... Не идите за мной, — пронзительно вскрикнула она. — Не идите! Не идите!

Я остолбенѣлъ, а она бросилась вонъ и, мгновенье спустя, я слышалъ, какъ грохнула внизу тяжелая дверь на улицу, и оконныя рамы снова вздрогнули подъ напоромъ мятели.

Я не скоро опомнился. Я только-что начиналъ жить тогда: не испыталъ ни страсти, ни скорби, и рѣдко бывалъ свидѣтелемъ того, ка̀къ выражаются въ другихъ тѣ сильныя чувства... Но искренность этой скорби, этой страсти меня поразила. Если бы не тетрадка въ рукахъ моихъ, я, право, могъ бы подумать, что я все это во снѣ

видѣлъ — до того это все было необычайно и пронеслось какъ мгновенный грозовой ливень. До полуночи читалъ я эту тетрадку. Она состояла изъ нѣсколькихъ листовъ почтовой бумаги, кругомъ исписанныхъ крупнымъ, но неправильнымъ почеркомъ, почти безъ помарокъ. Ни одна строка не шла прямо и, казалось, въ каждой чувствовался тревожный трепетъ руки, водившей перомъ. Вотъ что̀ стояло въ этой тетрадкѣ (я ее сберегъ до сихъ поръ):

XVII.

Моя исторія.

„Мнѣ въ нынѣшнемъ году минетъ двадцать восемь лѣтъ. Вотъ мои первыя воспоминанія: я живу въ Тамбовской губерніи, у одного богатаго помѣщика, Ивана Матвѣича Колтовского, въ его деревенскомъ домѣ, въ небольшой комнатѣ второго этажа. Со мной вмѣстѣ живетъ мать моя, еврейка, дочь умершаго живописца, вывезеннаго изъ-за границы, болѣзненная женщина съ необыкновенно-красивымъ, какъ воскъ блѣднымъ лицомъ и такими грустными глазами, что, бывало, какъ только она долго посмотритъ на меня, я, и не глядя на нее, непремѣнно почувствую этотъ печальный, печальный взоръ, и заплачу, и брошусь ее обнимать. Ко мнѣ ѣздятъ наставники, меня учатъ музыкѣ и зовутъ меня барышней. Я обѣдаю за господскимъ столомъ вмѣстѣ съ матушкой. Г-нъ Колтовской—высокій, видный старикъ съ величавою осанкой; отъ него всегда пахнетъ амброй. Я боюсь его до смерти, хоть онъ зоветъ меня Suzon и даетъ мнѣ цѣловать, сквозь кружевную манжетку, свою сухую, жилистую руку. Съ матушкой онъ изысканно-вѣжливъ, но бесѣдуетъ и съ нею мало: скажетъ ей два-три благосклонныя слова, на которыя она тотчасъ торопливо отвѣтитъ, — скажетъ и умолкнетъ, и сидитъ, съ важностью озираясь кругомъ и медленно перебирая щепотку испанскаго табаку въ золотой, круглой табакеркѣ, съ вензелемъ императрицы Екатерины.

„Девятый годъ моего возраста остался мнѣ навсегда

памятнымъ... Я узнала тогда, черезъ горничныхъ въ дѣвичьей, что Иванъ Матвѣичъ Колтовской мнѣ отецъ, и почти въ тотъ же день мать моя, по его приказанію, вышла замужъ за г. Ратча, который состоялъ у него чѣмъ-то въ родѣ управляющаго. Я никакъ не могла понять, какъ это возможно, я недоумѣвала, я чуть не заболѣла, моя голова изнемогала, умъ становился втупикъ. „Правда ли, правда ли, мама",—спросила я ее:—„этотъ *бука пахучій* (такъ я звала Ивана Матвѣича) мой папа?" Матушка испугалась чрезвычайно, зажала мнѣ ротъ... — „Никогда, никому не говори объ этомъ, слышишь, Сусанна, слышишь—ни слова!"...—твердила она трепетнымъ голосомъ, крѣпко прижимая мою голову къ своей груди... И я точно никому объ этомъ не говорила... Это приказаніе моей матери я поняла... Я поняла, что я должна была молчать, что моя мать у меня прощенія просила!

„Несчастье мое началось тогда же. Г-нъ Ратчъ не любилъ моей матери, и она его не любила. Онъ женился на ней изъ-за денегъ, а она должна была повиноваться. Г-нъ Колтовской, вѣроятно, нашелъ, что такимъ образомъ все устроилось къ лучшему — „la position était régularisée". Помню, наканунѣ свадьбы—мать моя и я—мы обѣ, обнявшись, проплакали почти цѣлое утро — горько-горько и молча. Не диво, что она молчала... Что̀ могла она сказать мнѣ? Но что я ее не разспрашивала — это доказываетъ только то, что несчастныя дѣти умнѣютъ скорѣе счастливыхъ... на свою бѣду.

„Г-нъ Колтовской продолжалъ заниматься моимъ воспитаніемъ и даже понемногу приблизилъ меня къ своей особѣ. Онъ со мной не разговаривалъ... но утромъ и вечеромъ, стряхнувъ двумя пальцами съ своего жабо̀ табачныя пылинки, онъ тѣми же двумя пальцами, холодными какъ ледъ, трепалъ меня по щекѣ и давалъ мнѣ какія-то темныя конфетки, тоже съ запахомъ амбры, которыхъ я никогда не ѣла. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду я стала его лектрисой, „sa petite lectrice". Я читала ему французскія сочиненія прошлаго столѣтія, мемуары Сенъ-Симона, Мабли, Реналя, Гельвеція, переписку Вольтера, энцикло-

педистовъ, ничего, конечно, не понимая, даже тогда, когда онъ, осклабясь и зажмурясь, приказывалъ мнѣ: „relire ce dernier paragraphe, qui est bien remarquable!“ Иванъ Матвѣичъ былъ совершенный французъ. Онъ жилъ въ Парижѣ, до революціи, помнилъ Марію-Антуанету, получилъ приглашеніе къ ней въ Тріанонъ; видѣлъ и Мирабо, который, по его словамъ, носилъ очень большія пуговицы — „exagéré en tout“ — и былъ вообще человѣкъ дурного тона — „en dépit de sa naissance!“ Впрочемъ, Иванъ Матвѣичъ рѣдко разсказывалъ о томъ времени; но раза два или три въ годъ произносилъ, обращаясь къ кривому старичку-эмигранту, котораго держалъ на хлѣбахъ и называлъ, Богъ знаетъ почему, „M. le Commandeur“, произносилъ, своимъ неспѣшнымъ, носовымъ голосомъ экспромптъ, нѣкогда сказанный имъ на вечерѣ у герцогини Полиньякъ. Я помню только первые два стиха... (Дѣло шло о параллели между русскими и французами):

L'aigle se plait aux régions austères,
Où le ramier ne saurait habiter...

— Digne de M. de Saint Aulaire! — всякій разъ восклицалъ M. le Commandeur.

„Иванъ Матвѣичъ до самой смерти казался моложавымъ: щеки у него были розовыя, зубы бѣлые, брови густыя и неподвижныя, глаза пріятные и выразительные: свѣтлые черные глаза, настоящій агатъ; онъ вовсе не былъ капризенъ и обходился со всѣми, даже со слугами, очень учтиво... Но, Боже мой! какъ мнѣ было тяжело съ нимъ, съ какою радостью я всякій разъ отъ него уходила, какія нехорошія мысли возмущали меня въ его присутствіи! Ахъ, я не была въ нихъ виновата!.. Не виновата и въ томъ, что̀ изъ меня сдѣлали...

„Г-ну Ратчу, послѣ его свадьбы, былъ отведенъ флигель недалеко отъ господскаго дома. Я жила тамъ съ моею матерью. Невесело было мнѣ и тамъ. У нея скоро родился сынъ, тотъ самый Викторъ, котораго я въ правѣ считать и называть моимъ врагомъ. Съ самаго его рожденія, здоровье моей матушки, и прежде слабое, уже не

поправилось. Г-нъ Ратчъ въ то время не считалъ нужнымъ выказывать ту веселость, которой онъ теперь предается: онъ имѣлъ видъ постоянно суровый и старался прослыть за дѣльца. Со мной онъ былъ жестокъ и грубъ. Я чувствовала удовольствіе, когда уходила отъ Ивана Матвѣича; но и свой флигель я покидала охотно... Несчастная моя молодость! Вѣчно отъ одного берега къ другому, и ни къ которому не хочется пристать! Бывало, бѣжишь черезъ дворъ, зимой, по глубокому снѣгу, въ холодномъ платьицѣ, бѣжишь въ господскій домъ къ Ивану Матвѣичу на чтеніе и словно радуешься... А придешь, увидишь эти большія, унылыя комнаты, эти пестрыя штофныя мебели, этого привѣтливаго и бездушнаго старика въ шелковой „дульеткѣ“ нараспашку, въ бѣломъ жабо и бѣломъ галстукѣ, съ маншетками на пальцахъ, съ „супсономъ“ пудры (такъ выражался его камердинеръ) на зачесанныхъ назадъ волосахъ, захватитъ тебѣ дыханіе этотъ душный запахъ амбры, и сердце такъ и упадетъ. Иванъ Матвѣичъ сидѣлъ обыкновенно въ просторныхъ вольтеровскихъ креслахъ; на стѣнѣ, надъ его головой висѣла картина, изображавшая молодую женщину съ яснымъ и смѣлымъ выраженіемъ лица, одѣтую въ богатый еврейскій костюмъ и всю покрытую драгоцѣнными камнями, жемчугомъ... Я часто заглядывалась на эту картину, но только впослѣдствіи узнала, что это былъ портретъ моей матери, писанный ея отцомъ по заказу Ивана Матвѣича. Измѣнилась же она съ того времени! Умѣлъ онъ сломить и уничтожить ее! „И она его любила! Любила этого старика!“ — думалось мнѣ. — „Какъ это возможно? Его любить!“ А между тѣмъ, когда я вспоминала иные взгляды матушки, иныя недомолвки и невольныя движенія... „Да, да, она любила его!“ — твердила я съ ужасомъ. Ахъ, не дай Богъ никому испытывать такія ощущенія!

„Каждый день я читала Ивану Матвѣичу, иногда три, четыре часа сряду... Мнѣ было вредно такъ много и такъ громко читать. Докторъ нашъ боялся за мою грудь и даже однажды доложилъ объ этомъ Ивану Матвѣичу. Но

тотъ только улыбнулся (то-есть, нѣтъ: онъ никогда не улыбался, а какъ-то завастривалъ и выдвигалъ впередъ губы) и сказалъ ему: „Vous ne savez pas ce qu'il y a de ressources dans cette jeunesse". — „Однако, въ прежніе годы, M. le Commandeur"... — осмѣлился-было замѣтить докторъ. Иванъ Матвѣичъ опять усмѣхнулся. „Vous rêvez, mon cher, — перебилъ онъ его: — le Commandeur n'a plus de dents et il crache à chaque mot. J'aime les voix jeunes".

„И я продолжала читать, хоть и много кашляла по утрамъ и по ночамъ...

„Иногда Иванъ Матвѣичъ заставлялъ меня играть на фортепіано. Но музыка дѣйствовала усыпительно на его нервы. Глаза его тотчасъ закрывались, голова мѣрно опускалась, и только изрѣдка слышалось: „C'est du Steibelt, n'est-ce-pas? Jouez moi du Steibelt!" Иванъ Матвѣичъ считалъ Штейбельта великимъ геніемъ, умѣвшимъ побѣдить въ себѣ „la grossière lourdeur des Allemands", и упрекалъ его въ одномъ: „trop de fougue! trop d'imagination!"... Когда же Иванъ Матвѣичъ замѣчалъ, что я уставала за фортепіано, онъ предлагалъ мнѣ „du cachou de Bologne". Такъ шли дни за днями...

„И вотъ, въ одну ночь—незабвенную ночь!—страшное несчастіе меня поразило. Моя матушка скончалась почти внезапно. Мнѣ только-что минуло пятнадцать лѣтъ. О, какое это было горе, какимъ злымъ вихремъ оно налетѣло на меня! Какъ запугала меня эта первая встрѣча со смертію! Бѣдная моя матушка! Странныя были наши отношенія: мы обѣ страстно любили другъ друга... страстно и безнадежно; мы обѣ словно хранили и скрывали отъ самихъ себя общую намъ тайну, упорно молчали о ней, хотя знали, знали все, что̀ происходило въ глубинѣ сердецъ нашихъ! Даже о прошедшемъ, о раннемъ своемъ прошедшемъ, матушка со мной не говорила и никогда не жаловалась словами, хотя все существо ея было одна нѣмая жалоба! Мы избѣгали всякаго нѣсколько серьезнаго разговора. Ахъ! я все надѣялась, что придетъ часъ, и она выскажется наконецъ, и я выскажусь, и легче станетъ

намъ... Но заботы ежедневныя, нерѣшительный и робкій нравъ, болѣзни, присутствіе г-на Ратча, а главное: этотъ вѣчный вопросъ „къ чему?“ и это неуловимое, безпрерывное утеканіе времени, жизни... Кончилось все громовымъ ударомъ, и не только тѣхъ словъ, которыя бы разрѣшили нашу тайну, даже обычныхъ предсмертныхъ прощаній мнѣ не пришлось услышать отъ моей матушки! Только и осталось у меня въ памяти, что восклицаніе г. Ратча: „Сусанна Ивановна, извольте итти, мать васъ благословить желаетъ!“ а потомъ блѣдная рука изъ-подъ тяжелаго одѣяла, дыханіе мучительное, закатившійся глазъ... О, довольно! довольно!

„Съ какимъ ужасомъ, съ какимъ негодованіемъ, съ какимъ тоскливымъ любопытствомъ я на слѣдующій день и въ день похоронъ смотрѣла на лицо моего отца... да, моего отца! Въ шкатулкѣ покойницы нашлись его письма. Мнѣ показалось, что онъ поблѣднѣлъ немного и осунулся... а впрочемъ, нѣтъ! Ничего не шевельнулось въ этой каменной душѣ. Точно такъ же, какъ и прежде, позвалъ онъ меня, спустя недѣлю, въ кабинетъ; точно тѣмъ же голосомъ попросилъ читать: „Si vous le voulez bien, les observations sur l'histoire de France de Mably, à la page 74... là, ou nous avons été interrompus“. И даже портрета матушки онъ не велѣлъ вынести! Правда, отпуская меня, онъ подозвалъ меня къ себѣ и, давъ вторично поцѣловать свою руку, промолвилъ: „Suzanne, la mort de votre mère vous a privée de votre appui naturel; mais vous pourrez toujours compter sur ma protection“, но тотчасъ же слегка пихнулъ меня въ плечо другою рукой и, съ обычнымъ своимъ завастриваніемъ губъ, прибавилъ: „Allez, mon enfant“. Я хотѣла-было закричать ему: „да вѣдь вы мой отецъ!“ но я ничего не сказала и вышла.

„На другое утро, рано, я пошла на кладбище. Май мѣсяцъ стоялъ тогда во всей красѣ цвѣтовъ и листьевъ, и долго я сидѣла на свѣжей могилѣ. Я не плакала, не грустила; у меня одно вертѣлось въ головѣ: „Слышишь, мама? Онъ хочетъ и мнѣ оказывать покровительство!“ И мнѣ казалось, что мать моя не должна была оскор-

биться тою усмѣшкой, которая невольно просилась мнѣ на губы.

„Иногда я спрашиваю себя: что̀ заставляло меня такъ настойчиво желать, добиваться — не признанья... куда! а хоть теплаго родственнаго слова отъ Ивана Матвѣича? Развѣ я не знала, что̀ онъ былъ за человѣкъ и какъ мало онъ походилъ на то, чѣмъ въ моихъ мечтаніяхъ представлялся мнѣ *отецъ?*.. Но я была такъ одинока, такъ одинока на землѣ! И потомъ, все та же неотступная мысль не давала мнѣ покоя: „Вѣдь она его любила? За что-нибудь она полюбила же его?“

„Прошло еще три года. Ничего не измѣнялось въ нашей однообразной, заранѣе размѣренной, разсчитанной жизни. Викторъ подрасталъ. Я была старше его восемью годами и охотно занялась бы имъ, но г. Ратчъ этому воспротивился. Онъ приставилъ къ нему няню, которая должна была строго наблюдать, чтобы ребенокъ не „баловался“, то-есть не допускать меня до него. Да и самъ Викторъ меня чуждался. Однажды г. Ратчъ пришелъ въ мою комнату разстроенный, взволнованный, злобный. Уже наканунѣ дошли до меня дурные слухи о моемъ вотчимѣ: люди толковали, будто онъ былъ уличенъ въ утайкѣ значительной суммы, во взяткѣ съ купца.

— Вы можете помочь мнѣ,—началъ онъ, нетерпѣливо постукивая пальцами по столу. — Подите, попросите за меня Ивана Матвѣича.

— Попросить? съ какой стати? о чемъ?

— Походатайствуйте за меня... вѣдь я вамъ все-таки не чужой. Меня обвиняютъ... Ну, словомъ, я могу безъ хлѣба остаться, да и вы тоже.

— Но какъ же я къ нему пойду? Какъ я стану его безпокоить?

— Вотъ еще! Вы имѣете *право* его безпокоить!

— Какое же право, Иванъ Демьянычъ?

— Ну, не притворяйтесь... *Вамъ* онъ не можетъ отказать по многимъ причинамъ. Неужели же вы меня не понимаете?

„Онъ нагло посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, и я почувство-

вала, что щеки мои такъ и загорѣлись. Ненависть, презрѣніе поднялись во мнѣ разомъ, хлынули волной, затопили меня.

— Да, я понимаю васъ, Иванъ Демьянычъ,—отвѣтила я ему наконецъ. Мой голосъ мнѣ самой показался незнакомымъ.—И я не пойду къ Ивану Матвѣичу, и не стану его просить. Безъ хлѣба, такъ безъ хлѣба!

„Г-нъ Ратчъ дрогнулъ, стиснулъ зубы, сжалъ кулаки.

— Ну, погоди же, царевна Меликитриса!—хрипло прошепталъ онъ.—Я тебѣ этого не забуду!

„Въ тотъ же день Иванъ Матвѣичъ потребовалъ его къ себѣ и, говорятъ, грозилъ ему тростью, тою самою тростью, которою нѣкогда обмѣнялся съ дюкомъ де-Ларошфуко, кричалъ: „Вы суть подлецъ и мздолюбецъ! Я васъ поставлю наружу!“ (Иванъ Матвѣичъ почти совсѣмъ не умѣлъ говорить по-русски и презиралъ наше „грубое нарѣчіе“, ce jargon vulgaire et rude. Кто-то при немъ сказалъ однажды: „это само собою разумѣется“. Иванъ Матвѣичъ пришелъ въ негодованіе и часто потомъ приводилъ эту фразу какъ примѣръ безсмыслицы и нелѣпости русскаго языка. „Что такое есть: само собою разумѣется?“—спрашивалъ онъ *по-русски*, напирая на каждый слогъ.—„А почему же не съ простотою: разумѣется? и зачѣмъ: само собою?!“).

„Иванъ Матвѣичъ, однако, не прогналъ г. Ратча, даже не лишилъ его мѣста. Но мой вотчимъ сдержалъ слово: онъ мнѣ *этого* не забылъ.

„Я начинала замѣчать перемѣну въ Иванѣ Матвѣичѣ. Онъ сталъ грустить, скучалъ, здоровье его пошатнулось. Его розовое, свѣжее лицо пожелтѣло и сморщилось, одинъ зубъ спереди выпалъ. Онъ совсѣмъ пересталъ выѣзжать и прекратилъ введенные имъ пріемные дни съ угощеніемъ для крестьянъ, безъ участія духовенства—„sans le concours du clergé“. Въ такіе дни Иванъ Матвѣичъ, съ розаномъ въ петличкѣ, выходилъ къ крестьянамъ въ залу или на балконъ и, коснувшись губами серебрянаго стаканчика съ водкой, держалъ имъ рѣчь въ родѣ слѣдующей: „Вы довольны моими поступками, сколь и я дово-

ленъ вашимъ усердствованіемъ; сему радуюсь истинно. Мы всѣ *браты;* само рожденіе насъ производитъ равными: пью ваше здравіе!“ Онъ кланялся имъ, и крестьяне кланялись ему въ поясъ, а не въ землю, что̀ было строго запрещено. Угощенія продолжались попрежнему, но Иванъ Матвѣичъ уже не показывался своимъ подданнымъ. Иногда онъ прерывалъ мое чтеніе восклицаніями: „La machine se détraque! Cela se gâte!“ Самые глаза его, эти свѣтлые, каменные глаза, потускнѣли и словно уменьшились; онъ засыпалъ чаще прежняго и тяжело вздыхалъ во снѣ. Не измѣнилось лишь его обращеніе со мной; только прибавился оттѣнокъ рыцарской вѣжливости. Онъ, хоть и съ трудомъ, но всякій разъ вставалъ съ кресла, когда я входила, провожалъ меня до двери, поддерживая меня рукой подъ локоть, и вмѣсто Suzon сталъ звать меня то „ma chère demoiselle“, то „mon Antigone“. M. le Commandeur умеръ года два послѣ кончины матушки; повидимому, его смерть гораздо глубже поразила Ивана Матвѣича. Ровесникъ исчезъ: вотъ что̀ его смутило. И между тѣмъ, единственная заслуга г. Коммандора въ послѣднее время состояла только въ томъ, что онъ всякій разъ восклицалъ: „Bien joué mal réussi!“ когда Иванъ Матвѣичъ, играя съ г. Ратчемъ на бильярдѣ, давалъ промахъ или не попадалъ въ лузу; да еще, когда Иванъ Матвѣичъ обращался къ нему за столомъ съ вопросомъ въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: „N'est-ce pas, M. le Commandeur, c'est Montesquieu qui a dit cela dans ses Lettres Persanes?“ Тотъ, иногда уронивъ ложку супу на свою манишку, глубокомысленно отвѣчалъ: „Ah, monsieur de Montesquieu? Un grand écrivain, monsieur, un grand écrivain!“ Только однажды, когда Иванъ Матвѣичъ сказалъ ему, что les théophilantropes ont eu pourtant du bon! — старикъ взволнованнымъ голосомъ воскликнулъ: „Monsieur de Kolontouskoi! (онъ въ двадцать-пять лѣтъ не выучился выговаривать правильно имя своего патрона) Monsieur de Kolontouskoi! Leur fondateur, l'instigateur de cette secte, ce La Reveillère Lepeaux, était un bonnet rouge!“ — „Non, non, — говорилъ Иванъ Матвѣичъ, ухмы-

лиясь и переминая щепотку табаку:—des fleurs, des jeunes vierges, le culte de la Nature... ils ont eu du bon, ils ont du bon!..“ Я всегда удивлялась, какъ много зналъ Иванъ Матвѣичъ и какъ безполезно было это знаніе для него самого.

„Иванъ Матвѣичъ видимо опускался, но все еще крѣпился. Однажды, недѣли за три до смерти, съ нимъ тотчасъ послѣ обѣда сдѣлался сильный припадокъ головокруженія. Онъ задумался, сказалъ: „c'est la fin“, и, придя въ себя и отдохнувъ, написалъ письмо въ Петербургъ къ своему единственному наслѣднику, брату, съ которымъ лѣтъ двадцать не имѣлъ сношеній. Прослышавъ о нездоровьѣ Ивана Матвѣича, его посѣтилъ одинъ сосѣдъ, нѣмецъ, католикъ, нѣкогда знаменитый врачъ, жившій на покоѣ въ своей деревенькѣ. Онъ весьма рѣдко бывалъ у Ивана Матвѣича, но тотъ всегда принималъ его съ особеннымъ вниманіемъ и вообще очень уважалъ его. Чуть ли не его одного во всемъ свѣтѣ и уважалъ онъ. Старикъ посовѣтовалъ Ивану Матвѣичу послать за священникомъ, но Иванъ Матвѣичъ отвѣчалъ, что „ces messieurs et moi, nous n'avons rien à nous dire“, и просилъ перемѣнить разговоръ; а по отъѣздѣ сосѣда отдалъ приказъ камердинеру впредь уже никого не принимать. Потомъ онъ велѣлъ позвать меня. Я испугалась, когда увидала его: синія пятна выступили у него подъ глазами, лицо вытянулось и одеревянѣло, челюсть повисла.—„Vous voilà grande, Suzon“,—заговорилъ онъ, съ трудомъ выговаривая согласныя буквы, но все еще стараясь улыбнуться (мнѣ тогда уже пошелъ девятнадцатый годъ), — „vous allez peut-être bientôt rester seule. Soyez toujours sage et vertueuse. C'est la dernière recommandation d'un...—онъ кашлянулъ: — d'un vieillard qui vous veut du bien. Je vous ai recommandé à mon frère et je ne doute pas qu'il ne respecte mes volontés“... — Онъ опять кашлянулъ и заботливо пощупалъ себѣ грудь. — „Du reste, j'espère encore pouvoir faire quelque chose pour vous... dans mon testament“. — Эта послѣдняя фраза меня какъ ножомъ рѣзанула по сердцу. Ахъ, это уже было слишкомъ...

слишкомъ презрительно и обидно! Иванъ Матвѣичъ, вѣроятно, приписалъ другому чувству — чувству горести или благодарности — тò, чтò выразилось у меня на лицѣ, и какъ бы желая меня утѣшить, потрепалъ меня по плечу, въ то же время, по обыкновенію, ласково меня отодвигая, и промолвилъ: — „Voyons, mon enfant, du courage! Nous sommes tous mortels. Et puis, il n'y a pas encore de danger. Ce n'est qu'une précaution que j'ai cru devoir prendre... Allez!“ — Какъ въ тотъ разъ, когда онъ позвалъ меня къ себѣ послѣ кончины матушки, я опять хотѣла закричать ему: „Да вѣдь я ваша дочь! я дочь ваша!“ Но, подумала я, вѣдь онъ, пожалуй, въ этихъ словахъ, въ этомъ сердечномъ воплѣ услышитъ одно желаніе заявить мои права, права на его наслѣдство, на его деньги... О, ни за что! Не скажу я ничего этому человѣку, который ни разу не упомянулъ при мнѣ имени моей матери, въ глазахъ котораго я такъ мало значу, что онъ даже не далъ себѣ труда узнать, извѣстно ли мнѣ мое происхожденіе! А можетъ-быть, онъ это и подозрѣвалъ, и зналъ, да не хотѣлъ „поднимать струшню“ (его любимая поговорка, единственная русская фраза, которую онъ употреблялъ), не хотѣлъ лишить себя хорошей лектрисы съ молодымъ голосомъ! Нѣтъ! нѣтъ! Пускай же онъ останется столь же виноватымъ предъ своею дочерью, какъ былъ онъ виноватъ предъ ея матерью! Пускай унесетъ въ могилу обѣ эти вины! Клянусь, клянусь: не услышитъ онъ изъ устъ моихъ этого слова, которое должно же звучать чѣмъ-то священнымъ и сладостнымъ во всякихъ ушахъ! Не скажу я ему: отецъ! не прощу ему за мать и за себя! Онъ не нуждается въ этомъ прощеніи, ни въ томъ названіи... Не можетъ быть, не можетъ быть, чтобъ онъ не нуждался въ немъ! Но не будетъ ему прощенія, не будетъ, не будетъ!

„Богъ знаетъ, сдержала ли бы я свою клятву и не смягчилось ли бы мое сердце, не превозмогла ли бы я своей робости, своего стыда, своей гордости... но съ Иваномъ Матвѣичемъ случилось то же самое, что съ моей матушкой. Смерть такъ же внезапно унесла его и так-

же ночью. Тотъ же г. Ратчъ разбудилъ меня и вмѣстѣ со мной побѣжалъ въ господскій домъ, въ спальню Ивана Матвѣича... Но я не застала даже тѣхъ послѣднихъ предсмертныхъ движеній, которыя такими неизгладимыми чертами залегли мнѣ въ память у постели моей матушки. На обшитыхъ кружевомъ подушкахъ лежала какая-то сухая, темнаго цвѣта кукла съ острымъ носомъ и взъерошенными сѣдыми бровями... Я закричала отъ ужаса, отъ отвращенья, бросилась вонъ, наткнулась въ дверяхъ на бородатыхъ людей въ армякахъ съ праздничными красными кушаками, и уже не помню какъ очутилась на свѣжемъ воздухѣ...

„Разсказывали потомъ, что когда камердинеръ вбѣжалъ въ спальню на сильный звонъ колокольчика, онъ нашелъ Ивана Матвѣича не на кровати, а въ двухъ шагахъ отъ нея. И будто онъ сидѣлъ на полу, скрючившись, и два раза сряду повторилъ: „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“ И будто это были его послѣднія слова. Но я не могу этому вѣрить. Съ какой стати онъ заговорилъ бы по-русски, въ такую минуту и въ такихъ выраженіяхъ!

„Цѣлыя двѣ недѣли ждали мы потомъ пріѣзда новаго барина, Семена Матвѣича Колтовского. Онъ прислалъ приказаніе ничего не трогать, никого не смѣнять до личнаго своего осмотра. Всѣ двери, всѣ мебели, ящики, столы—все заперли, запечатали. Всѣ люди пріуныли и насторожились. Я стала вдругъ однимъ изъ главныхъ лицъ въ домѣ, чуть не самымъ главнымъ лицомъ. Меня и прежде звали барышней; но теперь это слово приняло какой-то новый смыслъ, произносилось съ особеннымъ удареніемъ. Поднялось шушуканіе. „Старый, молъ, баринъ скончался внезапно, и священника позвать къ нему не успѣли, онъ же у исповѣди давнымъ-давно не бывалъ; да вѣдь завѣщаніе написать недолго“. Г-нъ Ратчъ также почелъ за нужное измѣнить свой образъ дѣйствія. Онъ не прикинулся добродушнымъ и ласковымъ: онъ зналъ, что не обманетъ меня, но на лицѣ его изобразилось угрюмое смиреніе „Видишь, дескать, я покоряюсь“. Всѣ искали во

мнѣ, старались мнѣ угождать... а я не знала, что̀ дѣлать и какъ быть, и только дивилась, какъ это люди не понимаютъ, что оскорбляютъ меня. Наконецъ, пріѣхалъ Семенъ Матвѣичъ.

„Семенъ Матвѣичъ былъ годами десятью моложе Ивана Матвѣича и весь свой вѣкъ шелъ по совершенно другой дорогѣ. Онъ состоялъ на службѣ въ Петербургѣ, занималъ важное мѣсто... Онъ былъ женатъ, рано овдовѣлъ; одинъ сынъ былъ у него. Съ лица Семенъ Матвѣичъ походилъ на своего старшаго брата, только ростомъ онъ былъ ниже и толще, голову имѣлъ круглую, лысую, такіе же свѣтлые черные глаза, какъ у Ивана Матвѣича, только съ поволокой, и большія красныя губы. Въ противность брату, котораго онъ даже послѣ его смерти величалъ французскимъ философомъ, а иногда просто чудакомъ, Семенъ Матвѣичъ почти постоянно говорилъ по-русски, громко, рѣчисто и то и дѣло хохоталъ, причемъ совершенно закрывалъ глаза и непріятно трясся всѣмъ тѣломъ, точно злость его колотила. Онъ принялся за дѣла очень круто, во все входилъ самъ, отъ всѣхъ требовалъ отчета подробнѣйшаго. Въ первый же день своего пріѣзда онъ пригласилъ священника со всѣмъ причтомъ, велѣлъ отслужить молебенъ съ водосвятіемъ и всюду окропилъ водою, всѣ комнаты въ домѣ, даже чердаки, даже подвалы, для того, чтобы, какъ онъ выразился, „радикально выгнать вольтеріянскій и якобинскій духъ“. Въ первую же недѣлю нѣкоторые любимцы Ивана Матвѣича слетѣли съ мѣстъ, одинъ даже попалъ на поселеніе, другіе подверглись тѣлеснымъ наказаніямъ; самый даже старый камердинеръ, — онъ былъ родомъ турокъ, зналъ французскій языкъ, его подарилъ Ивану Матвѣичу покойный фельдмаршалъ Каменскій,—самый этотъ камердинеръ получилъ, правда, вольную, но вмѣстѣ съ нею и приказаніе выѣхать въ двадцать четыре часа, „чтобы другимъ соблазна не было“. Семенъ Матвѣичъ оказался бариномъ строгимъ; вѣроятно, многіе пожалѣли о покойникѣ. „Съ батюшкой, съ Иваномъ Матвѣичемъ“, сокрушался при мнѣ одинъ уже совсѣмъ дряхлый дворецкій: „только и было намъ

заботы, чтобы бѣлье подавалось чистое, да въ комнатахъ чтобы хорошо пахло, да чтобъ людского голоса въ передней не было слышно—это уже сохрани Богъ! А тамъ хоть трава не расти! Мухи въ жизнь свою покойничекъ не обидѣлъ! Ну, теперь бѣда! Помирать надо!“ Такъ же скоро измѣнилось и мое положеніе, то-есть то положеніе, въ которое я попала на нѣсколько дней и противъ воли... Въ бумагахъ Ивана Матвѣича не нашлось никакого завѣщанія, ни одной строки, написанной въ мою пользу. Всѣ вдругъ отхлынули отъ меня... О г. Ратчѣ я уже не говорю, но и другіе всѣ досадовали на меня и старались мнѣ выказать свою досаду: точно я ихъ обманула. Въ одно воскресенье, послѣ обѣдни, которую онъ постоянно прослушивалъ въ алтарѣ, Семенъ Матвѣичъ потребовалъ меня къ себѣ. Я его до того дня видѣла мелькомъ, и онъ, казалось, меня не замѣчалъ. Онъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ, стоя у окна. На немъ былъ вицъ-мундирный фракъ съ двумя звѣздами. Я остановилась возлѣ двери; сердце сильно стучало во мнѣ отъ страха и отъ другого чувства, еще неопредѣленнаго, но уже тяжелаго.—Я желалъ васъ видѣть, молодая дѣвица,—заговорилъ Семенъ Матвѣичъ, взглянувъ мнѣ сперва на ноги, а потомъ вдругъ въ лицо,—этотъ взглядъ точно толкнулъ меня:—я желалъ васъ видѣть для того, чтобъ объявить вамъ мое рѣшеніе и увѣрить васъ въ моемъ несомнительномъ расположеніи быть вамъ полезнымъ. — Онъ возвысилъ голосъ. — Правъ вы никакихъ, конечно, не имѣете, но какъ... лектриса моего брата, вы всегда можете разсчитывать на мое... на мое вниманіе. Я... конечно, увѣренъ въ вашемъ благоразуміи и въ вашихъ правилахъ. Г-нъ Ратчъ, вашъ вотчимъ, уже получилъ отъ меня нужныя инструкціи. Къ тому же, я долженъ сказать, что ваша счастливая наружность служитъ мнѣ залогомъ вашихъ благородныхъ чувствъ. — Семенъ Матвѣичъ вдругъ залился тонкимъ хохотомъ, а я... не обидѣлась я... но жалко мнѣ стало самой себя... и тутъ-то я вполнѣ почувствовала себя круглою сиротой. Семенъ Матвѣичъ подошелъ короткими, твердыми шагами къ столу, досталъ

изъ ящика пачку ассигнацій и, всунувъ мнѣ ее въ руку, прибавилъ:—Здѣсь небольшая сумма отъ меня вамъ на иголки. Я и впредь васъ не забуду, моя миленькая, а теперь прощайте и будьте умницей.—Я взяла эту пачку машинально, я взяла бы все, что̀ бы онъ мнѣ ни далъ и, вернувшись къ себѣ въ комнату, долго проплакала, сидя на своей постели. Я и не замѣтила, какъ я пачку уронила на полъ. Г-нъ Ратчъ нашелъ ее и поднялъ и, спросивъ меня, что̀ я съ нею намѣрена сдѣлать, оставилъ ее у себя.

„Въ судьбѣ его произошла тогда значительная перемѣна. Послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ съ Семеномъ Матвѣичемъ, онъ попалъ къ нему въ большую милость и скоро получилъ мѣсто главнаго управляющаго. Съ того времени проявилась въ немъ веселость, проявилось это вѣчное хохотаніе: онъ сперва хотѣлъ поддѣлаться къ своему патрону... впослѣдствіи все это вошло въ привычку. Съ того же времени онъ сталъ русскимъ патріотомъ. Семенъ Матвѣичъ придерживался всего національнаго, самъ называлъ себя русакомъ, смѣялся надъ нѣмецкой одеждой, которую, однако, носилъ; сослалъ въ дальнюю деревню повара, за воспитаніе котораго Иванъ Матвѣичъ заплатилъ большія деньги,—сослалъ его за то, что тотъ не сумѣлъ приготовить разсольникъ съ гусиными шейками. Изъ алтаря Семенъ Матвѣичъ подтягивалъ дьячкамъ, а когда дѣвушекъ сгоняли хороводъ водить и пѣсни играть, онъ и имъ подтягивалъ и подтопывалъ, и щеки имъ щипалъ... Впрочемъ, онъ скоро уѣхалъ въ Петербургъ и оставилъ моего вотчима чуть не полнымъ властелиномъ всего имѣнія.

„Горькіе дни начались для меня... Единственнымъ моимъ утѣшеніемъ была музыка, и я предалась ей всею душой. Къ счастію, г-нъ Ратчъ былъ очень занятъ, но при всякомъ удобномъ случаѣ онъ давалъ мнѣ чувствовать свою вражду; по обѣщанію, „не забывалъ“ мнѣ моего отказа. Онъ помыкалъ мною, заставлялъ меня переписывать свои длинныя и лживыя донесенія Семену Матвѣичу, поправлять въ нихъ орѳографическія ошибки; я прину-

ждена была безпрекословно ему повиноваться, и я повиновалась. Онъ объявилъ, что смиритъ меня, сдѣлаетъ меня шелковою. „Что это у васъ за бунтовщицкіе глаза?“ кричалъ онъ иногда за обѣдомъ, напившись пива и стуча по столу ладонью: „Вы, можетъ-быть, думаете: я, дескать, молчалива какъ овечка, стало-быть я права... Нѣтъ! Вы извольте глядѣть на меня тоже какъ овечка!“ Положеніе мое становилось возмутительно, невыносимо... сердце мое ожесточалось. Что-то опасное стало все чаще и чаще подниматься въ немъ; ночи я проводила безъ сна и безъ огня, все думала, думала, и въ наружномъ мракѣ, въ темнотѣ внутренней созрѣвало страшное рѣшеніе. Пріѣздъ Семена Матвѣича далъ другое направленіе моимъ мыслямъ.

„Его никто не ожидалъ: осень давно наступила. Оказалось, что онъ вышелъ въ отставку по непріятности: онъ надѣялся получить Александровскую ленту — а ему дали табакерку. Недовольный правительствомъ, которое не оцѣнило его талантовъ, петербургскимъ обществомъ, которое выказало ему мало сочувствія и не раздѣляло его негодованія, онъ рѣшился поселиться въ деревнѣ, посвятить себя хозяйству. Онъ пріѣхалъ одинъ. Сынъ его, Михаилъ Семенычъ, пріѣхалъ позже, на праздники, къ Новому году. Мой вотчимъ почти не выходилъ изъ кабинета Семена Матвѣича: фаворъ его еще усилился. Меня онъ оставилъ въ покоѣ; не до меня ему было тогда... Семену Матвѣичу вздумалось затѣять бумажную фабрику. Въ мануфактурномъ дѣлѣ г. Ратчъ не смыслилъ ничего, и Семенъ Матвѣичъ зналъ, что ничего не смыслитъ; но за то мой вотчимъ былъ „исполнителъ“ (любимое тогдашнее слово), „Аракчеевъ!“ Семенъ Матвѣичъ именно такъ и называлъ его „мой Аракчеевъ!“ „Сего мнѣ достаточно“, увѣрялъ Семенъ Матвѣичъ; „при усердіи, направленіе я самъ дамъ“. Среди многочисленныхъ хлопотъ по фабрикѣ, по имѣнію, по заведенію канцеляріи, канцелярскихъ порядковъ, новыхъ званій и должностей, Семенъ Матвѣичъ успѣлъ однако обратить и на меня вниманіе. Меня позвали однажды вечеромъ въ гостиную и заставили играть на фортепіано:

Семенъ Матвѣичъ музыку любилъ еще меньше, чѣмъ покойникъ, однако одобрилъ и поблагодарилъ меня, а на другой день я была приглашена къ обѣденному столу. Послѣ обѣда Семенъ Матвѣичъ довольно долго со мной разговаривалъ, разспрашивалъ меня, смѣялся инымъ моимъ отвѣтамъ, хотя, помнится, ничего въ нихъ не было забавнаго, и такъ странно на меня посматривалъ... Мнѣ неловко становилось. Не любила я его глазъ; не любила ихъ откровеннаго выраженья, ихъ свѣтлаго взора... Мнѣ всегда казалось, что самая эта откровенность скрывала что-то такое нехорошее, что подъ этимъ свѣтлымъ блескомъ темно тамъ у него на душѣ. „Вы у меня лектрисой не будете", объявилъ мнѣ, наконецъ, Семенъ Матвѣичъ, какъ-то гадливо охорашиваясь и одергиваясь: „я, слава Богу, еще не ослѣпъ и читать могу самъ; но кофей мнѣ изъ вашихъ ручекъ покажется вкуснѣе и вашу игру на фортепіано я буду слушать съ удовольствіемъ". Послѣ этого дня я уже постоянно ходила обѣдать въ господскій домъ и оставалась въ гостиной иногда до вечера. Попала и я, такъ же, какъ мой вотчимъ, въ милость; не на радость была мнѣ она. Семенъ Матвѣичъ, я должна въ этомъ признаться, оказывалъ мнѣ нѣкоторое уваженіе; но въ этомъ человѣкѣ, я это чувствовала, было что-то такое, что̀ отталкивало, что̀ пугало меня, И это „что-то" высказывалось не словами, а въ глазахъ его, въ этихъ нехорошихъ глазахъ, да еще въ его хохотѣ. Онъ никогда не говорилъ со мною о моемъ отцѣ, о своемъ братѣ, и мнѣ казалось, что онъ избѣгалъ этотъ разговоръ не потому, что не желалъ возбуждать во мнѣ честолюбивыхъ мыслей или притязаній, а по другой причинѣ, въ которую я тогда не умѣла вдуматься, но которая заставляла меня недоумѣвать и краснѣть... Къ святкамъ пріѣхалъ его сынъ Михаилъ Семенычъ.

„Ахъ, я чувствую, я не могу продолжать такъ же, какъ начала; слишкомъ горестны эти воспоминанія. Особенно теперь мнѣ невозможно спокойно разсказывать... И къ чему скрываться? Я полюбила Мишеля, и онъ меня полюбилъ.

„Какъ это случилось, я тоже разсказывать не стану. Знаю, что съ самаго того вечера, когда онъ вошелъ въ гостиную (я сидѣла за фортепіано и играла сонату Вебера), когда онъ вошелъ, красивый и стройный, въ бархатномъ тулупчикѣ и валенкахъ, какъ былъ, прямо съ мороза и, встряхнувъ заиндивѣвшею собольею шапкой, прежде чѣмъ поздоровался съ отцомъ, быстро глянулъ на меня и удивился,—знаю я, что съ того вечера я уже не могла забыть его, не могла забыть это молодое, доброе лицо. Онъ заговорилъ... и голосъ его такъ и прильнулъ къ моему сердцу... Мужественный и тихій голосъ, и въ каждомъ звукѣ такая честная, честная душа! Семенъ Матвѣичъ обрадовался пріѣзду сына, обнялъ его, но тотчасъ же спросилъ: — На двѣ недѣли? а? Въ отпускъ? а? — и услалъ меня. Я долго сидѣла у себя подъ окномъ и глядѣла на огни, забѣгавшіе въ комнатахъ господскаго дома. Я слѣдила за ними, я прислушивалась къ новымъ, незнакомымъ голосамъ, меня занимала эта оживленная тревога, и что-то новое, незнакомое, свѣтлое тоже перебѣгало по моей душѣ...

„На другой же день, предъ обѣдомъ, и имѣла первый разговоръ съ нимъ. Онъ зашелъ къ моему вотчиму по порученію Семена Матвѣича и засталъ меня въ нашей маленькой гостиной. Я хотѣла-было уйти, онъ удержалъ меня. Онъ былъ очень живъ и развязенъ во всѣхъ движеніяхъ и рѣчахъ; но высокомѣрія или дерзости, столичнаго презрительнаго тона въ немъ и слѣда не было, и ничего военнаго, гвардейскаго... Напротивъ, въ самой непринужденности его обращенія было что-то ласковое, почти стыдливое, точно онъ васъ просилъ извинить его. У иныхъ людей глаза никогда не смѣются, даже въ минуту смѣха; у *него* губы почти никогда не измѣняли своего красиваго склада, а глаза улыбались почти постоянно. Такъ мы пробесѣдовали съ часъ... о чемъ — не помню; помню только, что и я все время глядѣла ему въ глаза, и такъ мнѣ было съ нимъ легко! Вечеромъ я играла на фортепіано. Онъ очень любилъ музыку, сѣлъ на кресло, и положивъ курчавую голову на руку, внимательно слу-

шалъ. Онъ ни разу не похвалилъ меня, но я понимала, что игра моя ему нравится, и я играла съ увлеченіемъ. Семенъ Матвѣичъ, который сидѣлъ возлѣ сына и разсматривалъ планы, вдругъ нахмурился. — „Ну, сударыня“,— сказалъ онъ, по обыкновенію охорашиваясь и застегиваясь: — „довольно; что́ это растрещались, словно канарейка? Этакъ голова заболѣть можетъ. Для нашего брата, старика, небось, такъ стараться не станете...“ — прибавилъ онъ вполголоса и опять услалъ меня. Мишель проводилъ меня до двери глазами и всталъ съ креселъ. — „Куда? Куда?“ — закричалъ Семенъ Матвѣичъ, и вдругъ засмѣялся, и потомъ сказалъ еще что-то... Я не могла разслышать его словъ; но г. Ратчъ, который тутъ же присутствовалъ въ углу гостиной (онъ всегда „присутствовалъ“, а на этотъ разъ онъ принесъ планы), захохоталъ подобострастно, и его хохотъ достигъ до моихъ ушей... То же, или почти то же, повторилось и въ слѣдующій вечеръ... Семенъ Матвѣичъ внезапно охладѣлъ ко мнѣ, наложилъ на меня опалу.

„Дня четыре спустя, я встрѣтила Мишеля въ коридорѣ, раздѣлявшемъ надвое господскій домъ. Онъ взялъ меня за руку и ввелъ въ комнату, которая находилась возлѣ столовой и называлась портретной. Я послѣдовала за нимъ не безъ волненія, но съ полнымъ довѣріемъ. Я уже тогда, кажется, ушла бы съ нимъ на край свѣта, хотя и не подозрѣвала еще, чѣмъ онъ сталъ для меня. Ахъ, я привязалась къ нему со всею страстію, со всѣмъ отчаяніемъ молодого существа, которому не только некого любить, но которое чувствуетъ себя непрошеннымъ и ненужнымъ гостемъ среди чуждыхъ ему, среди враждебныхъ людей!..

„Мишель сказалъ мнѣ... И странное дѣло! Я смѣло, прямо глядѣла на него, — а онъ не глядѣлъ на меня и слегка покраснѣлъ,—онъ сказалъ мнѣ, что онъ понимаетъ мое положеніе и сочувствуетъ ему, и проситъ извинить отца... — „Что же касается до меня“,—прибавилъ онъ:— „то прошу васъ быть всегда во мнѣ увѣренною, и знайте, что для меня вы сестра, да, сестра“.—Тутъ онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку. Я смутилась и потупилась въ свою

очередь; я словно ожидала чего-то другого, другого слова. Однако я начала благодарить его.—„Нѣтъ, пожалуйста“,— перебилъ онъ меня: — „не говорите такъ... Но помните: обязанность братьевъ заступаться за своихъ сестеръ, — и если вамъ нужна будетъ защита, противъ кого бы то ни было, — положитесь на меня. Я недавно здѣсь, но я уже понялъ многое... и, между прочимъ, я понялъ вашего вотчима“. Онъ опять стиснулъ мою руку и удалился.

„Я узнала впослѣдствіи, что Мишель съ самой первой встрѣчи почувствовалъ отвращеніе къ г-ну Ратчу. Г-нъ Ратчъ попытался поддѣлаться и къ нему; но, убѣдившись въ безполезности своихъ усилій, тотчасъ самъ сталъ къ нему въ отношенія враждебныя, и не только не скрылъ ихъ отъ Семена Матвѣича, но, напротивъ, старался ихъ выказать, причемъ выражалъ сожалѣніе о томъ, что ему не посчастливилось съ молодымъ наслѣдникомъ. Г-нъ Ратчъ хорошо изучилъ характеръ Семена Матвѣича: расчетъ его удался. „Преданность этого человѣка ко мнѣ уже потому не подлежитъ сомнѣнію, что послѣ меня онъ погибъ; мой наслѣдникъ его терпѣть не можетъ“... эта мысль утвердилась въ головѣ старика. Говорятъ, всѣ люди со властью, когда старѣютъ, охотно идутъ на эту удочку, на удочку исключительной, личной преданности...

„Не даромъ же Семенъ Матвѣичъ называлъ г. Ратча своимъ Аракчеевымъ... Онъ могъ бы дать ему другое имя. „*Ты* у меня безотвѣтный“, говаривалъ онъ ему. Онъ съ самаго пріѣзда началъ его „тыкать“, и вотчимъ мой умильно глядѣлъ Семену Матвѣичу въ губы, сиротливо склонялъ голову на бокъ и добродушно смѣялся, какъ бы желая сказать: „весь тутъ, весь вашъ“... Ахъ, я чувствую, рука моя дрожитъ и сердце такъ и толкается въ край стола, на которомъ я пишу въ эту минуту... Страшно мнѣ вспоминать тѣ дни, и кровь моя загорается... Но я скажу все до конца... до конца.

„Обращеніе г. Ратча со мною приняло новый оттѣнокъ во время моего кратковременнаго фавора. Онъ началъ ко мнѣ прислуживаться, почтительно фамиліарничать со мною, точно я и поумнѣла-то, и ближе къ нему стала.—

„Бросили ломаться“,—сказалъ онъ мнѣ однажды, возвращаясь изъ главнаго дома во флигель. —„Хвалю! Всѣ эти добродѣтели тамъ, чувствительности—хрестоматія, однимъ словомъ—не наше дѣло, барышня, не дѣло голышей!“— Когда же мой фаворъ прекратился, и Мишель не счелъ нужнымъ болѣе таить ни презрѣнія къ нему, ни участія ко мнѣ, г. Ратчъ внезапно усугубилъ свою суровость; онъ постоянно слѣдилъ за мною, точно я была способна на всѣ преступленія и меня слѣдовало держать въ ежовыхъ рукавицахъ.—„Вы смотрите у меня“,—кричалъ онъ, вваливаясь безъ спросу, въ грязныхъ сапогахъ и съ картузомъ на головѣ, въ мою комнату.—„Я вѣдь ничего такого не потерплю! Носу у меня не вздергивать! Меня вамъ не провести, а спесь я вашу сшибу!“ — И тутъ же, въ одно утро, объявилъ мнѣ, что вышелъ отъ Семена Матвѣича приказъ, чтобы мнѣ впередъ безъ приглашенія къ обѣденному столу не являться... Не знаю, какой бы оборотъ все это приняло, если бы не случилось происшествіе, которое окончательно рѣшило мою судьбу...

„Мишель былъ большой охотникъ до лошадей. Онъ вздумалъ самъ объѣзжать молодого рысака. Тотъ понесъ, началъ бить и выбросилъ его изъ саней... Его принесли домой безъ чувствъ, съ вывихнутою рукой и разбитою грудью. Старикъ перепугался, выписалъ лучшихъ докторовъ изъ города. Они помогли Мишелю; но ему пришлось пролежать съ мѣсяцъ. Въ карты онъ не игралъ, говорить ему доктора запрещали, читать, держа книгу все одною рукой, было неловко. Кончилось тѣмъ, что самъ Семенъ Матвѣичъ послалъ меня къ сыну, по старой памяти, въ качествѣ лектрисы. Тутъ настали незабвенные часы! Я входила къ Мишелю тотчасъ послѣ обѣда и садилась за круглымъ столикомъ, у полузавѣшеннаго окна. Онъ лежалъ въ небольшой комнатѣ, возлѣ гостиной, у задней стѣны, на широкомъ кожаномъ диванѣ во вкусѣ „имперіи“, съ золотымъ барельефомъ на высокой, прямой спинкѣ; барельефъ этотъ представлялъ свадебную процессію у древнихъ. Блѣдная, слегка завалившаяся голова Мишеля тотчасъ поворачивалась на подушкѣ и обращалась ко мнѣ

лицомъ; онъ улыбался, свѣтлѣлъ всѣмъ лицомъ, откидывалъ назадъ свои мягкіе, влажные волосы и говорилъ мнѣ тихимъ голосомъ: „Здравствуйте, моя добрая, моя милая“. Я принималась за книгу — романы Вальтеръ-Скотта были тогда въ славѣ—особенно мнѣ осталось памятнымъ чтеніе *Айвенго*... Какъ голосъ мой невольно звенѣлъ и трепеталъ, когда я передавала рѣчи Ревекки! Вѣдь и во мнѣ текла еврейская кровь, и не походила ли моя судьба на ея судьбу, не ухаживала ли я, какъ она, за больнымъ милымъ человѣкомъ? Всякій разъ, когда я отрывала глаза отъ страницъ книги и поднимала ихъ на него, я встрѣчала его глаза съ тою же тихой и свѣтлой улыбкой всего лица. Говорили мы очень мало, дверь въ гостиную была постоянно отворена и кто-нибудь всегда сидѣлъ тамъ; но когда тамъ затихало, я, сама не знаю почему, переставала читать и опускала книгу на колѣни, и неподвижно глядѣла на Мишеля, и онъ глядѣлъ на меня, и хорошо намъ было обоимъ, и какъ-то радостно, и стыдно, и все, все высказывали мы другъ другу тогда, безъ движеній и безъ словъ. Ахъ! наши сердца сходились, шли навстрѣчу другъ другу, какъ сливаются подземные ключи, невидимо, неслышно... и неотразимо.

— Вы умѣете играть въ шахматы или въ шашки?— спросилъ меня онъ однажды.

— Въ шахматы немного умѣю,—отвѣчала я.

— Ну, и прекрасно. Велите принести доску и придвиньте столикъ.

„Я усѣлась возлѣ дивана, а сердце мое такъ и замирало, и не смѣла я взглянуть на Мишеля... А отъ окна, черезъ всю комнату, какъ свободно я глядѣла на него!

„Я стала разставлять шашки... Пальцы мои дрожали.

— Я это... не для того, чтобъ играть съ вами...—проговорилъ вполголоса Мишель, тоже разставляя шашки:— а чтобы вы были ближе ко мнѣ.

„Я ничего не отвѣтила и, не спрося кому начать, ступила пѣшкой... Мишель не отвѣчалъ на мой ходъ... Я посмотрѣла на него. Слегка вытянувъ голову, весь блѣдный, онъ умоляющимъ взоромъ указывалъ мнѣ на мою руку...

„Поняла ли я его — не помню, но что-то мгновенно, вихремъ закружилось у меня въ головѣ... Въ замѣшательствѣ, едва дыша, я взяла ферзь, двинула ею куда-то черезъ всю шашечницу. Мишель быстро наклонился и, поймавъ губами и прижавъ мои пальцы къ доскѣ, началъ цѣловать ихъ безмолвно и жадно... Я не могла, я не хотѣла принять ихъ, я другою рукою закрыла лицо, и слезы, какъ теперь помню, холодныя, но блаженныя... о, какія блаженныя слезы!.. закапали на столикъ одна за одною. Ахъ, я знала, я всѣмъ сердцемъ почувствовала тогда, въ чьей власти была моя рука! Я знала, что ее держалъ не мальчикъ, увлеченный мгновеннымъ порывомъ, не Донъ-Жуанъ, не военный Ловеласъ, а благороднѣйшій, лучшій изъ людей... и онъ любилъ меня!

— О, моя Сусанна! — послышался мнѣ шопотъ Мишеля:—я никогда не заставлю тебя плакать другими слезами...

„Онъ ошибся... Онъ заставилъ.

„Но къ чему останавливаться на такихъ воспоминаніяхъ... особенно, особенно теперь!

„Мы съ Мишелемъ поклялись принадлежать другъ другу. Онъ зналъ, что Семенъ Матвѣичъ никогда не позволитъ ему жениться на мнѣ, и не скрылъ этого отъ меня. Я сама въ этомъ не сомнѣвалась, и я радовалась не тому, что Мишель не лукавилъ: онъ *не могъ* лукавить,—а тому, что онъ не старался себя обманывать. Сама я ничего не требовала и пошла бы за нимъ, какъ и куда бы онъ захотѣлъ. — „Ты будешь моей женой“, — повторялъ онъ мнѣ: — „я не Айвенго; я знаю, что не съ леди Ровеной счастье“.—Мишель скоро выздоровѣлъ. Я не могла больше ходить къ нему; но все уже было рѣшено между нами. Я уже вся отдалась будущему; я ничего не видѣла вокругъ, точно я плыла по прекрасной, ровной, но стремительной рѣкѣ, окруженная туманомъ. А за нами наблюдали, насъ сторожили. Изрѣдка я замѣчала злые глаза моего вотчима, слышала его гадкій смѣхъ... Но смѣхъ этотъ и глаза тоже какъ будто выступали изъ тумана, на одинъ мигъ... Я содрогалась, но тотчасъ забывала, и опять отдавалась той прекрасной, быстрой рѣкѣ...

„Наканунѣ условленнаго между нами отъѣзда Мишеля (онъ долженъ былъ тайно вернуться съ дороги и увезти меня), я получила отъ него, чрезъ его довѣреннаго камердинера, записку, въ которой онъ назначилъ мнѣ свиданіе въ половинѣ десятаго часа ночи, въ лѣтней бильярдной, большой, низкой комнатѣ, пристроенной къ главному дому со стороны сада. Онъ писалъ мнѣ, что желаетъ окончательно переговорить и условиться со мной. Я уже два раза видѣлась съ Мишелемъ въ бильярдной... у меня былъ ключъ отъ наружной двери. Какъ только пробило половина десятаго, я накинула душегрѣйку на плечи, тихонько вышла изъ флигеля и по скрыпучему снѣгу благополучно добралась до бильярдной. Луна, задернутая паромъ, стояла тусклымъ пятномъ надъ самымъ гребнемъ крыши и вѣтеръ свисталъ пискливымъ свистомъ изъ-за угла стѣны. Дрожь пробѣжала по мнѣ, однако я вложила ключъ въ замокъ. Я вошла въ комнату, притворила за собой дверь, обернулась... Темная фигура отдѣлилась отъ одного изъ простѣнковъ, ступила раза два, остановилась...

— Мишель,—прошептала я.

— Мишель по моему приказанію запертъ подъ замокъ, а это я! — отвѣчалъ мнѣ голосъ, отъ котораго сердце у меня такъ и оборвалось...

„Предо мной стоялъ Семенъ Матвѣичъ!

„Я бросилась-было бѣжать, но онъ схватилъ меня за руку.

— Куда? дрянная дѣвчонка! — прошипѣлъ онъ.— Умѣешь къ молодымъ дуракамъ на свиданье ходить, такъ умѣй и отвѣтъ держать!

„Я помертвѣла отъ ужаса, но все порывалась къ двери... Напрасно! Какъ желѣзные крючья впились въ меня пальцы Семена Матвѣича.

— Пустите, пустите меня!—взмолилась я наконецъ.

— Говорятъ вамъ, ни съ мѣста!

„Семенъ Матвѣичъ заставилъ меня сѣсть. Въ полутьмѣ я не могла разглядѣть его лица, я же отворачивалась отъ него, но я слышала, что онъ тяжело дышалъ и скрипѣлъ зубами. Не страхъ чувствовала я и не отчаяніе,

а какое-то безсмысленное удивленіе... Пойманная птица, должно-быть, такъ замираетъ въ когтяхъ коршуна... да и рука Семена Матвѣича, который все такъ же крѣпко держалъ меня, стискивала меня, какъ лапа...

— Ага! — повторилъ онъ: — ага! Вотъ какъ... вотъ до чего... Ну, постойте же!

„Я попыталась подняться, но онъ съ такою силой встряхнулъ меня, что я чуть не вскрикнула отъ боли, и бранныя слова, оскорбленія, угрозы полились потокомъ...

— Мишель, Мишель гдѣ ты, спаси меня, — простонала я.

„Семенъ Матвѣичъ еще разъ встряхнулъ меня... Этотъ разъ я не выдержала... я вскрикнула.

„Это, повидимому, подѣйствовало на него. Онъ утихъ немного, выпустилъ мою руку, но остался гдѣ былъ, въ двухъ шагахъ отъ меня, между мною и дверью.

„Прошло нѣсколько минутъ... Я не шевелилась; онъ тяжело дышалъ попрежнему.

— Сидите смирно, — началъ онъ наконецъ: — и отвѣчайте мнѣ. Докажите мнѣ, что ваша нравственность еще не совсѣмъ испорчена, и что вы въ состояніи внять голосу разсудка. Увлеченіе я еще извинить могу; но упорство закоренѣлое—никогда! Мой сынъ...—Тутъ онъ перевелъ дыханіе. — Михайло Семенычъ обѣщалъ вамъ жениться на васъ? Не правда ли? Отвѣчайте же! Обѣщалъ? а?

„Я, разумѣется, ничего не отвѣчала.

„Семенъ Матвѣичъ чуть-было не вспылилъ опять.

— Я принимаю ваше молчаніе за знакъ согласія,— продолжалъ онъ, погодя немного. — Итакъ, вы задумали быть моею невѣсткой? Прекрасно! Но, не говоря уже о томъ, что вы не четырнадцатилѣтній ребенокъ и должны же знать, что всѣ молодые балбесы не скупятся на самыя нелѣпыя обѣщанья, лишь бы добиться своихъ цѣлей, не говоря объ этомъ... но неужели же вы могли надѣяться, что я, я, столбовой дворянинъ, Семенъ Матвѣичъ Колтовской, когда-нибудь дамъ мое согласіе на подобный бракъ? Или вы хотѣли обойтись безъ родительскаго благословенія?.. Хотѣли бѣжать, обвѣнчаться тайно, а по-

томъ вернуться, комедію разыграть, броситься въ ноги, въ надеждѣ, что старикъ, молъ, расчувствуется... Да отвѣчайте же, чортъ возьми!

„Я только голову наклонила. Убить меня онъ могъ, но заставить говорить... это было не въ его силахъ.

„Онъ немного прошелся взадъ и впередъ.

— Ну, послушайте, — началъ онъ болѣе спокойнымъ голосомъ. — Вы не думайте... не воображайте... я вижу, съ вами надо толковать иначе. Послушайте: я понимаю ваше положеніе. Вы запуганы, растеряны... Придите въ себя. Въ эту минуту я долженъ вамъ казаться извергомъ... тираномъ. Но войдите также и въ мое положеніе: какъ тутъ было мнѣ не вознегодовать, не сказать лишняго? И со всѣмъ тѣмъ я вамъ уже доказалъ, что я не извергъ, что и у меня есть сердце. Вспомните, какъ я обошелся съ вами послѣ пріѣзда въ деревню и потомъ, до... до послѣдняго времени... до болѣзни Михаила Семеныча. Я не хочу хвастаться своими благодѣяніями, но мнѣ кажется, одна благодарность должна была удержать васъ отъ того скользкаго пути, на который вы рѣшились ступить!..

„Семенъ Матвѣичъ опять прошелся взадъ и впередъ и, остановившись, потрепалъ меня слегка по рукѣ, по той самой рукѣ, которая еще ныла отъ его насилія и на которой я долго потомъ носила синіе знаки...

— То-то и есть... — заговорилъ онъ снова: — голова... голова у насъ горячая! Не хотимъ мы дать себѣ трудъ подумать, отчета себѣ дать не хотимъ, въ чемъ состоитъ наша польза, и гдѣ мы ее искать должны. Вы спросите у меня: гдѣ эта польза? Далеко вамъ ходить нечего... Она, быть-можетъ, у васъ подъ руками... Да вотъ, хоть бы я. Какъ родитель, какъ глава, я, конечно, долженъ былъ взыскать... Это моя обязанность. Но я человѣкъ въ то же время, и вы это знаете. Безспорно: я человѣкъ практическій и, конечно, никакой чепухи допустить не могу, ни съ чѣмъ несообразныя надежды надо, конечно, изъ головы выкинуть, потому, какой въ нихъ толкъ? Я ужъ не говорю о безнравственности са-

мого поступка... Вы это все должны понять сами, когда опомнитесь. А я, не хвастаясь, скажу: я бы не ограничился тѣмъ, что̀ уже сдѣлалъ для васъ; я всегда готовъ былъ — и готовъ еще теперь — устроить, упрочить ваше благосостояніе, обезпечить васъ вполнѣ, потому что я знаю вамъ цѣну, отдаю справедливость вашимъ талантамъ, вашему уму, да и наконецъ... (Тутъ Семенъ Матвѣичъ слегка пригнулся ко мнѣ)... У васъ такіе глазки, что, признаться... я вотъ старикъ, а совершенно равнодушно видѣть ихъ... я понимаю... это трудно, это дѣйствительно трудно.

„Холодомъ обдало меня отъ этихъ словъ. Я ушамъ своимъ едва повѣрила. Въ первую минуту мнѣ показалось, что Семенъ Матвѣичъ хотѣлъ купить мое отреченіе отъ Мишеля, дать мнѣ „отступного“... Но эти слова! Мои глаза начали привыкать къ темнотѣ, и я могла различить лицо Семена Матвѣича. Оно улыбалось, это старое лицо, а самъ онъ все расхаживалъ маленькими шагами, сѣменилъ предо мною...

— Ну, такъ какъ же?—спросилъ онъ наконецъ:—нравится вамъ мое предложеніе?

— Предложеніе?.. — повторила я невольно... я рѣшительно ничего не понимала.

„Семенъ Матвѣичъ засмѣялся... дѣйствительно засмѣялся своимъ противнымъ, тонкимъ смѣхомъ.

— Конечно! — воскликнулъ онъ: — вы всѣ, молодыя дѣвки... — онъ поправился: — дѣвицы... дѣвицы... вы всѣ объ одномъ только мечтаете: вамъ все молодыхъ подавай! Безъ любви вы жить не можете! Конечно. Что̀ говорить! Молодость — дѣло хорошее! Но развѣ одни молодые любить умѣютъ?.. У иного старика сердце еще горячѣе, и ужъ коли старикъ кого полюбитъ, такъ ужъ это — каменная скала! Это навѣкъ! Не то, что эти безбородые лоботрясы, у которыхъ только вѣтеръ въ головахъ ходитъ! Да, да; старичками брезгать не слѣдуетъ! Они могутъ сдѣлать многое! Только взяться за нихъ надо умѣючи! Да... да! И ласкать старички умѣютъ тоже, хи-хи-хи... — Семенъ Матвѣичъ опять засмѣялся. — Да вотъ,

позвольте... Вашу ручку... для пробы... только такъ... для пробы...

„Я вскочила со стула и изо всей силы толкнула его въ грудь. Онъ отшатнулся, онъ издалъ какой-то дряхлый, испуганный звукъ, онъ чуть не упалъ. На человѣческомъ языкѣ нѣтъ словъ, чтобы выразить, до какой степени онъ мнѣ показался гнусенъ и ничтожно низокъ. Всякое подобіе страха исчезло во мнѣ.

— Подите прочь, презрѣнный старикъ, — вырвалось у меня изъ груди:—подите прочь, г. Колтовской, столбовой дворянинъ! И во мнѣ течетъ ваша кровь, кровь Колтовскихъ, и я проклинаю тотъ день и часъ, когда она потекла по моимъ жиламъ!

— Что?.. Что ты говоришь?.. Что?—лепеталъ задыхаясь Семенъ Матвѣичъ.—Ты смѣешь... въ ту минуту, когда я тебя засталъ... когда ты шла къ Мищкѣ... а? а? а?

„Но я уже не могла остановиться... Что-то безпощадно отчаянное проснулось во мнѣ.

— И вы, вы, братъ... братъ вашего брата, вы дерзнули, вы рѣшились... За кого же вы приняли меня? И неужели же вы такъ слѣпы, что не могли давно замѣтить то отвращеніе, которое вы возбуждаете во мнѣ?.. Вы смѣли употребить слово: предложеніе!.. Выпустите меня сейчасъ, сію минуту!

„Я направилась къ двери.

— А, вотъ что! вотъ какъ! вотъ когда она заговорила!— запищалъ Семенъ Матвѣичъ въ изступленіи злобы, но видимо не рѣшаясь подойти ко мнѣ...—Погоди же! Господинъ Ратчъ, Иванъ Демьянычъ! пожалуйте сюда!

„Дверь бильярдной, противоположная той, къ которой я приближалась, раскрылась настежь и, съ зажженнымъ канделябромъ въ каждой рукѣ, появился мой вотчимъ. Освѣщенное съ двухъ сторонъ свѣчами, его круглое, красное лицо сіяло торжествомъ удовлетворенной мести, лакейской радостью удачной услуги... О, эти гадкіе, бѣлые глаза! когда я перестану ихъ видѣть!

— Извольте тотчасъ взять эту дѣвушку,—воскликнулъ Семенъ Матвѣичъ, обращаясь къ моему вотчиму и пове-

лительно указывая на меня дрожащей рукой. — Извольте отвести ее къ себѣ въ домъ и запереть на ключъ, на замокъ... чтобъ она... пальцемъ пошевельнуть не могла, чтобы муха къ ней не проскочила! Впредь до моего приказанія! Окна забить, если нужно! Ты отвѣчаешь мнѣ за нее головой!

„Г-нъ Ратчъ поставилъ канделябры на бильярдъ, поклонился въ поясъ Семену Матвѣичу и, слегка переваливаясь и злорадно улыбаясь, направился ко мнѣ. Котъ, должно-быть, такъ подходитъ къ мыши, которой некуда спастись. Вся моя отвага тотчасъ меня покинула. Я знала, этотъ человѣкъ былъ въ состояніи... прибить меня. Я задрожала; да; о, позоръ! о, стыдъ! я задрожала.

— Ну-съ, сударыня, — проговорилъ г. Ратчъ:—извольте-съ идти-съ.

„Онъ, не спѣша, взялъ меня за руку выше локтя... Онъ понималъ, что я сопротивляться не буду. Я сама подалась впередъ къ двери; въ эту минуту я думала только объ одномъ: какъ бы поскорѣе избавиться отъ присутствія Семена Матвѣича.

„Но гадкій старикъ подскочилъ къ намъ сзади, и Ратчъ остановилъ меня и повернулъ меня лицомъ къ своему патрону.

— А! — закричалъ тотъ и потрясъ кулакомъ: — а! я братъ... моего брата! Узы крови? а? А за брата, за двоюроднаго, выйти замужъ можно? Можно? а? Веди ее, ты!— обратился онъ къ моему вотчиму. — И помни: держать ухо востро! За малѣйшее сообщеніе съ нею — казни не будетъ достойной... Веди!

„Г-нъ Ратчъ привелъ меня въ мою комнату. Идя по двору, онъ ничего не сказалъ мнѣ, все только смѣялся про себя, безъ звука. Онъ заперъ ставни, двери и тутъ же, уходя окончательно и кланяясь мнѣ въ поясъ, какъ Семену Матвѣичу, прыснулъ, разразился тяжелымъ, восторженнымъ хохотомъ. „Покойной ночи царевнѣ Меликтрисѣ“,—удушливо простоналъ онъ:—„не поймала Митрофана-Царевича! Жаль! Мысль была въ своемъ родѣ не глупая! Впередъ наука: не заводить корреспонденцій! Хохо-хо! Какъ, однако, все славно обдѣлалось!“ Онъ вы-

шелъ, и вдругъ высунулъ голову изъ-за двери. „Что? Вѣдь не *забылъ* я вамъ? Ась? Слово сдержалъ? Хо-хо!“ Ключъ щелкнулъ въ замкѣ. Я вздохнула свободно. Я боялась, какъ бы онъ мнѣ рукъ не связалъ... но онѣ были мои,—онѣ были свободны! Я мгновенно сдернула шелковый шнурокъ со спальнаго капота, сдѣлала петлю, приблизила ее къ шеѣ, но тотчасъ же отбросила шнурокъ въ сторону. „Не потѣшу я васъ!“ сказала я громко. „И въ самомъ дѣлѣ, что̀ за безуміе? Могу ли я располагать моею жизнью безъ вѣдома Мишеля, моею жизнью, которую сама ему отдала? Нѣтъ, мои злодѣи! Нѣтъ! Дѣло еще не выиграно вами! Онъ меня спасетъ, онъ вырветъ меня изъ этого ада, онъ... мой Мишель!“

„Но тутъ я вспомнила, что онъ въ заключеніи, такъ же какъ и я, — и я бросилась лицомъ на постель, зарыдала... зарыдала... И только мысль, что мой мучитель, быть-можетъ, стоитъ за дверью и прислушивается, и торжествуетъ, только эта моя мысль заставила меня проглотить мои слезы...

„Я утомлена. Я пишу съ утра, а теперь вечеръ; оторвавшись разъ отъ этого листа бумаги, я уже не буду въ состояніи приняться снова за перо... Скорѣй, скорѣй къ концу! Да и притомъ, останавливаться на безобразіяхъ, которыя послѣдовали за тѣмъ страшнымъ днемъ, свыше силъ моихъ!

„Меня черезъ сутки перевезли въ закрытомъ возкѣ въ отдѣльную дворовую избу, окружили мужиками-караульщиками, меня держали взаперти цѣлыя шесть недѣль! Я ни минуты не была одна... Уже впослѣдствіи я узнала, что вотчимъ мой, съ самаго пріѣзда Мишеля, приставилъ и къ нему, и ко мнѣ шпіоновъ, что онъ подкупилъ слугу, который доставилъ мнѣ записку отъ Мишеля; узнала я также, что между имъ и отцомъ его произошла на слѣдующее утро ужасная, возмутительная сцена... Отецъ его проклялъ. Мишель съ своей стороны поклялся, что ноги его не будетъ въ родительскомъ домѣ, и уѣхалъ въ Петербургъ. Но ударъ, нанесенный мнѣ моимъ вотчимомъ, отразился на немъ самомъ. Семенъ Матвѣичъ объявилъ

ему, что оставаться ему въ деревнѣ, управлять имѣньемъ, болѣе невозможно: видно, неловкое усердіе не прощается, и надо же было взыскать на комъ-нибудь за происшедшій *скандалъ*. Впрочемъ, Семенъ Матвѣичъ щедро наградилъ г-на Ратча; онъ далъ ему средства перебраться въ Москву и поселиться тамъ. Предъ отъѣздомъ въ Москву меня перевели обратно во флигель, но попрежнему держали подъ строжайшимъ надзоромъ. Потеря „тепленькаго“ мѣстечка, котораго онъ лишился „по моей милости“, еще увеличила злобу моего вотчима противъ меня.

— И кого удивить вздумали? — говаривалъ онъ, чуть не фыркая отъ негодованія:—право! Старичокъ, конечно, погорячился, поспѣшилъ, ну, и попалъ впросакъ; теперь, конечно, самолюбіе его пострадало, бѣду теперь поправить нельзя. Подождать бы денька два, и все бы какъ по маслу пошло; вы бы теперь не сидѣли на сухоѣденіи, и я бы остался, чѣмъ былъ! То-то и есть; длиненъ у бабъ волосъ... а умъ коротокъ! Ну, да ладно; я свое возьму, и тотъ голубчикъ (онъ намекалъ на Мишеля) меня не забудетъ.

„Я, разумѣется, должна была сносить въ молчаніи всѣ эти оскорбленія. И Семена Матвѣича я уже больше ни разу не видала. Разлука съ сыномъ потрясла и его. Почувствовалъ ли онъ раскаяніе или,—что̀ гораздо вѣроятнѣе,—желалъ ли онъ навсегда приковать меня къ моему дому, къ моей семьѣ — къ моей семьѣ! — только онъ назначилъ мнѣ пенсію, которая должна была поступать въ руки моего вотчима и выдаваться мнѣ до тѣхъ поръ, пока я выйду замужъ... Это унизительное подаяніе, эту пенсію я до сихъ поръ получаю... то-есть, г-нъ Ратчъ получаетъ ее за меня...

„Поселились мы въ Москвѣ. Клянусь памятью моей бѣдной матери, двухъ дней, двухъ часовъ я бы не осталась съ моимъ вотчимомъ, *попавши въ городъ*... Я бы ушла, не зная куда... въ полицію, бросилась бы въ ноги къ генералъ-губернатору, сенаторамъ, я не знаю, что̀ бы я сдѣлала, если бы, въ самую минуту отъѣзда изъ деревни, бывшей моей горничной не удалось передать мнѣ письмо

отъ Мишеля. О, это письмо! Сколько разъ я перечитывала каждую строку, сколько разъ покрыла его поцѣлуями! Мишель умолялъ меня не падать духомъ, надѣяться, быть увѣренною въ его неизмѣнной любви; онъ клялся, что кромѣ меня никому принадлежать не будетъ, онъ называлъ меня своей женой, онъ обѣщалъ устранить всѣ препятствія, онъ рисовалъ картину нашего будущаго, онъ просилъ меня объ одномъ: потерпѣть, подождать немного... И я рѣшилась ждать и терпѣть. Ахъ, на что бы не согласилась я, чего бы я не вынесла, чтобы только исполнить его волю! Это письмо стало моею святынею, моею путеводною звѣздой, моимъ якоремъ. Бывало, мой вотчимъ начнетъ укорять, оскорблять меня, я тихонько положу руку на грудь (я носила письмо Мишеля зашитымъ въ ладонку) и только улыбнусь. И чѣмъ больше бѣсится и бранится г-нъ Ратчъ, тѣмъ мнѣ легче становится и слаще... Я, наконецъ, видѣла по его глазамъ, что онъ начиналъ думать, не схожу ли я съ ума... Вслѣдъ за тѣмъ первымъ письмомъ пришло второе, еще болѣе исполненное надеждъ... Оно говорило о близкомъ свиданіи.

„Ахъ, вмѣсто этого свиданія настало одно утро... И вижу я, входитъ ко мнѣ г-нъ Ратчъ,—и опять торжество, злорадное торжество на его лицѣ,—и въ рукахъ его листъ *Инвалида*, и тамъ извѣстіе о смерти гвардіи ротмистра Михаила Колтовского... Исключенъ изъ списковъ.

„Что могу я прибавить? Я осталась жива и продолжала жить у г-на Ратча. Онъ ненавидѣлъ меня попрежнему, больше прежняго,—онъ слишкомъ разоблачилъ предо мной свою черную душу, онъ не могъ мнѣ это простить. Но мнѣ было все равно. Я стала какою-то безчувственною; моя собственная судьба меня уже не занимала. Вспоминать о *немъ*, вспоминать о *немъ!* другого занятія, другихъ радостей у меня не было. Мой бѣдный Мишель скончался съ моимъ именемъ на устахъ... Мнѣ это сообщилъ одинъ преданный ему человѣкъ, который вмѣстѣ съ нимъ пріѣзжалъ въ деревню. Вотчимъ мой въ томъ же году женился на Элеонорѣ Карповнѣ. Вскорѣ умеръ и Семенъ Матвѣичъ, подтвердивъ и увеличивъ въ завѣща-

ніи своемъ пожалованную мнѣ пенсію... Въ случаѣ моей смерти она должна перейти къ г-ну Ратчу...

„Минуло два, три года... прошло шесть лѣтъ, семь лѣтъ... жизнь уходила, утекала... а я только глядѣла, какъ утекала она. Такъ, бывало, въ дѣтствѣ, устроишь на берегу ручья изъ песку сажалку, и плотину выведешь, и всячески стараешься, чтобы вода не просочилась, не прорвалась. Но вотъ, она прорвалась, наконецъ, и бросишь ты всѣ свои хлопоты, и весело тебѣ станетъ смотрѣть, какъ все накопленное тобою убѣгаетъ до капли...

„Такъ жила я, такъ существовала, пока, наконецъ, новый, уже неожиданный лучъ тепла и свѣта". . . .

. . . . . .

На этомъ словѣ останавливалась рукопись; послѣдующіе листы были оторваны, и нѣсколько строкъ, оканчивавшихъ фразу, зачеркнуты и перемараны чернилами.

XVIII.

Чтеніе этой тетради до того меня смутило, впечатлѣніе, произведенное посѣщеніемъ Сусанны, было такъ велико, что я не могъ уснуть всю ночь и рано поутру послалъ съ эстафетой къ Фустову письмо, въ которомъ заклиналъ его вернуться какъ можно скорѣе въ Москву, такъ какъ его отсутствіе могло имѣть самыя тяжелыя послѣдствія. Я намекнулъ ему тоже на свиданіе съ Сусанной, на тетрадку, которую она оставила въ моихъ рукахъ. Отправивъ письмо, я весь тотъ день уже не выходилъ изъ дому и все размышлялъ о томъ, что̀ должно было происходить тамъ, у Ратчей. Пойти самому туда я не рѣшался. Я не могъ, однако, не замѣтить, что тетушка моя находилась въ постоянной тревогѣ; она приказывала курить чуть не каждую минуту и раскладывала пасьянсъ: „Путешественникъ", извѣстный тѣмъ, что никогда не выходитъ. Визитъ незнакомой дамы, да еще въ такую позднюю пору, не остался для нея тайной: ея воображенью тотчасъ представилась зіяющая бездна, на краю которой я стоялъ, и она то и дѣло вздыхала, охала и произносила вполголоса французскія сентенціи, почерп-

нутыя ею изъ рукописной книжечки подъ заглавіемъ: *Extraits de lecture*, а вечеромъ на моемъ ночномъ столикѣ очутилось сочиненіе Де-Жерандо, развернутое на главѣ: *О вредѣ страстей.* Сочиненіе это было занесено въ мою комнату, разумѣется, по приказанію тетушки, старшею ея компаньонкой, которую въ домѣ прозывали Амишкой, вслѣдствіе ея сходства съ маленькимъ пуделемъ того же имени, дѣвицей очень сентиментальною и даже романтическою, но перезрѣлою. Весь слѣдующій день прошелъ въ томительномъ ожиданіи пріѣзда Фустова, письма отъ него, извѣстій изъ дома Ратчей... хотя съ какой стати было имъ посылать ко мнѣ? Скорѣй Сусанна могла предполагать, что я посѣщу ее... Но у меня рѣшительно духа не хватало увидать ее, не поговоривъ сперва съ Фустовымъ. Я припоминалъ всѣ выраженья моего письма къ нему... Кажется, они были довольно сильны; наконецъ, уже поздно вечеромъ, онъ явился.

XIX.

Онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату своею обычною, быстрою, но неторопливою походкой. Лицо его мнѣ показалось блѣднымъ и, являя слѣды дорожной усталости, выражало недоумѣніе, любопытство, недовольство — чувства, въ обычное время ему мало извѣстныя. Я бросился къ нему, обнялъ его, горячо поблагодарилъ его за то, что онъ меня послушался, и, передавъ въ двухъ словахъ мой разговоръ съ Сусанной, — вручилъ ему ея тетрадку. Онъ отошелъ къ окну, къ тому самому окну, на которомъ, два дня тому назадъ, сидѣла Сусанна, и, не сказавъ мнѣ ни слова, принялся читать. Я тотчасъ удалился въ противоположный уголъ комнаты и взялъ для контенанса книгу; но, признаюсь, все время глядѣлъ украдкой черезъ край переплета на Фустова. Сначала онъ читалъ довольно спокойно, и все щипалъ лѣвою рукой концы волосиковъ на губѣ; потомъ онъ опустилъ руку, нагнулся впередъ и уже не шевельнулся болѣе. Глаза его такъ и бѣгали по строкамъ, и ротъ слегка раскрылся. Вотъ, онъ

кончилъ тетрадку, перевернулъ ее, посмотрѣлъ кругомъ, задумался, и снова принялся ее читать, и перечелъ ее всю во второй разъ отъ начала до конца. Потомъ онъ всталъ, положилъ тетрадку въ карманъ и направился-было къ двери; однако, вернулся и остановился посреди комнаты.

— Ну, что̀ ты думаешь? — началъ я, не дождавшись, чтобъ онъ заговорилъ.

— Я виноватъ передъ нею,—произнесъ Фустовъ глухо.— Я поступилъ... необдуманно, непростительно, дико. Я повѣрилъ этому... Виктору.

— Какъ! — воскликнулъ я: — тому самому Виктору, котораго ты такъ презираешь? Да что̀ онъ могъ сказать тебѣ?

Фустовъ скрестилъ руки, и сталъ ко мнѣ бокомъ. Ему было совѣстно, я это видѣлъ.

— Ты помнишь,—промолвилъ онъ не безъ нѣкотораго усилія: — этотъ... Викторъ упомянулъ о... о пенсіи. Это несчастное слово засѣло во мнѣ. Оно всему причиной. Я сталъ его разспрашивать... Ну, и онъ...

— Что же онъ?

— Онъ сказалъ мнѣ, что тотъ старикъ... какъ, бишь, его?.. Колтовской, назначилъ эту пенсію Сусаннѣ, потому что... оттого... ну, словомъ, въ видѣ вознагражденія.

Я всплеснулъ руками.

— И ты повѣрилъ?

Фустовъ наклонилъ голову.

— Да! Я повѣрилъ... Онъ также сказалъ, что и съ молодымъ... Словомъ, мой поступокъ не имѣетъ оправданья.

— И ты удалился, чтобы все перервать?

— Да; это лучшее средство... въ такихъ случаяхъ. Я поступилъ дико, дико!—подхватилъ онъ.

Мы оба помолчали. Каждый изъ насъ чувствовалъ, что другому было стыдно; но мнѣ было легче: я стыдился не за себя.

XX.

— Я бы теперь этому Виктору всѣ кости переломалъ,— продолжалъ Фустовъ, стиснувъ зубы: — если бы самъ не сознавалъ себя виноватымъ. Я теперь понимаю, почему вся эта штука подведена была: съ замужествомъ Сусанны, они лишались ея пенсіи... Подлецы!

Я взялъ его за руку.

— Александръ,—спросилъ я:—ты былъ у ней?

— Нѣтъ; я прямо съ дороги къ тебѣ. Я пойду завтра... завтра рано. Этого нельзя такъ оставить. Ни за что!

— Да ты... любишь ее, Александръ?

Фустовъ какъ будто обидѣлся.

— Конечно, я ее люблю. Я очень къ ней привязанъ.

— Она прекрасная, честная дѣвушка!—воскликнулъ я.

Фустовъ нетерпѣливо топнулъ ногою.

— Да что̀ ты воображаешь? Я готовъ былъ жениться на ней, — она же крещеная, — я и теперь готовъ на ней жениться, я уже думалъ объ этомъ, хотя она старше меня.

Въ это мгновенье мнѣ вдругъ показалось, что на окнѣ сидитъ, склонившись на руки, блѣдная женская фигура. Свѣчи нагорѣли: въ комнатѣ было темно. Я вздрогнулъ, вглядѣлся пристальнѣе, и ничего, конечно, не увидалъ на подоконникѣ; но какое-то странное чувство, смѣшеніе ужаса, тоски, сожалѣнія, охватило меня.

— Александръ! — началъ я съ внезапнымъ увлеченіемъ: — прошу тебя, умоляю тебя, ступай сейчасъ къ Ратчамъ, не откладывай до завтра! Мнѣ внутренній голосъ говоритъ, что тебѣ непремѣнно должно сегодня же увидаться съ Сусанной!

Фустовъ пожалъ плечами.

— Что ты это, помилуй! Теперь одиннадцатый часъ, у нихъ, вѣроятно, всѣ уже спятъ въ домѣ.

— Все равно... Ступай, ради Бога! У меня есть предчувствіе... Пожалуйста, послушайся меня! Ступай сейчасъ, возьми извозчика...

— Ну, что за вздоръ! — хладнокровно возразилъ Фустовъ: — съ какой стати я пойду теперь? Завтра утромъ я тамъ буду, и все разъяснится.

— Но, Александръ, вспомни, она говорила о томъ, что она умретъ, что ты ея не застанешь... И если бъ ты видѣлъ ея лицо! Подумай, представь, чтобы рѣшиться итти ко мнѣ... чего ей стоило...

— У ней восторженная голова, — промолвилъ Фустовъ, который, повидимому, снова вполнѣ овладѣлъ собой.—Всѣ молодыя дѣвушки такъ... на первыхъ порахъ. Повторяю, завтра все придетъ въ порядокъ. Пока прощай. Я усталъ, да и тебѣ спать хочется.

Онъ взялъ фуражку и пошелъ вонъ изъ комнаты.

— Но ты обѣщаешь тотчасъ придти сюда и все сказать мнѣ?—крикнулъ я ему вслѣдъ.

— Обѣщаю... Прощай!

Я легъ въ постель, но на сердцѣ у меня было неспокойно, и я досадовалъ на моего друга. Я заснулъ поздно, и видѣлъ во снѣ, будто мы съ Сусанной бродимъ по какимъ-то подземнымъ, сырымъ переходамъ, лазимъ по узкимъ, крутымъ лѣстницамъ, и все глубже и глубже спускаемся внизъ, хотя намъ непремѣнно слѣдуетъ выбраться вверхъ, на воздухъ, и кто-то все время безпрестанно зоветъ насъ, однообразно и жалобно.

XXI.

Чья-то рука легла на мое плечо и нѣсколько разъ меня толкнула... Я открылъ глаза и, при слабомъ свѣтѣ одинокой свѣчи, увидѣлъ предъ собою Фустова. Онъ испугалъ меня. Онъ качался на ногахъ; лицо его было желто, почти одного цвѣта съ волосами; губы отвисли, мутные глаза глядѣли безсмысленно въ сторону. Куда дѣвался ихъ постоянно-ласковый и благосклонный взоръ? У меня былъ двоюродный братъ, который отъ падучей болѣзни впалъ въ идіотизмъ... Фустовъ походилъ на него въ эту минуту.

Я поспѣшно приподнялся.

— Что̀ такое? Что̀ съ тобою? Господи!

Онъ ничего не отвѣчалъ.

— Да что̀ случилось, Фустовъ? Говори же! Сусанна?..

Фустовъ слегка встрепенулся.

— Она...—началъ онъ сиплымъ голосомъ и умолкъ.

— Что̀ съ нею? Ты ее видѣлъ?

Онъ уставился на меня.

— Ея ужъ нѣтъ!

— Какъ нѣтъ?

— Совсѣмъ нѣтъ. Она умерла.

Я вскочилъ съ постели.

— Какъ умерла? Сусанна? Умерла?

Фустовъ опять отвелъ глаза въ сторону.

— Да, умерла; въ полночь.

„Онъ рехнулся!“—мелькнуло у меня въ головѣ.

— Въ полночь! Да теперь который часъ?

— Теперь восемь часовъ утра. Мнѣ прислали сказать. Ее завтра хоронятъ.

Я схватилъ его за руку.

— Александръ, ты не бредишь? Ты въ своемъ умѣ?

— Я въ своемъ умѣ,—отвѣчалъ онъ.—Я, какъ узналъ это, сейчасъ отправился къ тебѣ.

Сердце во мнѣ болѣзненно окаменѣло, какъ это всегда бываетъ при убѣжденіи въ невозвратно совершившейся бѣдѣ.

— Боже мой! Боже мой! Умерла!—твердилъ я.—Какъ это возможно? Такъ внезапно! Или, можетъ-быть, она сама лишила себя жизни?

— Не знаю,—проговорилъ Фустовъ.—Ничего не знаю. Мнѣ сказали: въ полночь скончалась, И завтра хоронить будутъ.

„Въ полночь!“ подумалъ я... „Стало-быть, она была еще жива вчера, когда она мнѣ почудилась на окнѣ, когда я умолялъ его бѣжать къ ней“...

— Она была еще жива вчера, когда ты посылалъ меня къ Ивану Демьянычу,—промолвилъ Фустовъ, словно угадавъ мою мысль.

„Какъ же мало онъ зналъ ее!“ подумалъ я опять. „Какъ мало мы оба ее знали! Восторженная голова, го-

ворилъ онъ, всѣ молодыя дѣвушки такъ... А въ ту самую минуту она, быть-можетъ, подносила къ губамъ... Возможно ли любить кого-нибудь и такъ грубо въ немъ ошибаться?"

Фустовъ неподвижно стоялъ предъ моею кроватью, съ повисшими руками, какъ виноватый.

XXII.

Я наскоро одѣлся.

— Что же ты намѣренъ теперь дѣлать, Александръ?— спросилъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣньемъ, какъ бы дивясь нелѣпости моего вопроса. И въ самомъ дѣлѣ, что̀ было дѣлать?

— Ты, однако, не можешь не пойти къ нимъ,—началъ я.—Ты долженъ узнать, какъ это случилось; тутъ, можетъ-быть, преступленіе скрывается. Отъ этихъ людей всего ожидать слѣдуетъ... Это все на чистую воду вывести слѣдуетъ. Вспомни, что̀ стоитъ въ *ея* тетрадкѣ: пенсія прекращается въ случаѣ замужества, а въ случаѣ смерти *переходитъ* къ Ратчу. Во всякомъ случаѣ, послѣдній долгъ отдать надо, поклониться праху!

Я говорилъ Фустову какъ наставникъ, какъ старшій братъ. Среди всего этого ужаса, горя, изумленія, какое-то невольное чувство превосходства надъ Фустовымъ внезапно проявилось во мнѣ... Отъ того ли, что я видѣлъ его подавленнымъ сознаньемъ своей вины, потерявшимся, уничтоженнымъ; отъ того ли, что несчастье, поразивъ человѣка, почти всегда его роняетъ, спускаетъ его ниже въ мнѣніи другихъ—„стало, молъ, ты плохъ, коли не умѣлъ увернуться!"—Господь вѣдаетъ! Только Фустовъ мнѣ казался почти ребенкомъ, и жалко было мнѣ его, и понималъ я необходимость строгости. Я протягивалъ ему руку сверху внизъ. Одно лишь женское сожалѣніе не идетъ сверху внизъ.

Но Фустовъ продолжалъ глядѣть на меня тупо и дико,— мой авторитетъ, очевидно, не дѣйствовалъ на него,—и

на мой вторичный вопросъ: „Вѣдь ты пойдешь къ нимъ?“ отвѣчалъ: „нѣтъ, не пойду“.

— Какъ же это, помилуй! Неужели ты не захочешь самъ узнать, разспросить: какъ, что? Можетъ-быть, она оставила письмо... документъ какой-нибудь... помилуй!

Фустовъ покачалъ головой.

— Я не могу пойти туда,—промолвилъ онъ.—Я затѣмъ и пришелъ къ тебѣ, чтобы попросить тебя... вмѣсто меня... А я не могу... не могу...

Фустовъ вдругъ присѣлъ къ столу, закрылъ лицо обѣими руками и зарыдалъ горько.

— Ахъ, ахъ,—твердилъ онъ сквозь слезы:—ахъ, бѣдная... бѣдняжка... я лю... я любилъ ее... ахъ, ахъ!

Я стоялъ возлѣ него и, долженъ сознаться, никакого участія не возбуждали во мнѣ эти безспорно искреннія рыданья; я только удивлялся тому, что Фустовъ могъ *такъ* плакать, и мнѣ показалось, что я *теперь* понялъ, какой онъ маленькій человѣкъ, и какъ я, на его мѣстѣ, поступилъ бы совсѣмъ иначе. Вотъ, и подите послѣ этого! Если бы Фустовъ остался совершенно спокоенъ, я, быть-можетъ, возненавидѣлъ бы его, возымѣлъ бы къ нему отвращеніе, но онъ не упалъ бы въ моемъ мнѣніи... *Престижъ* бы его сохранился, Донъ-Жуанъ остался бы Донъ-Жуаномъ! Очень поздно въ жизни—и только послѣ многихъ опытовъ—научается человѣкъ, при видѣ дѣйствительнаго паденія или слабости собрата, сочувствовать ему и помогать ему безъ тайнаго самоуслажденія собственною добродѣтелью и силой, а напротивъ, со всяческимъ смиреніемъ и пониманіемъ естественности, почти неизбѣжности вины!

XXIII.

Я очень храбро и рѣшительно посылалъ Фустова къ Ратчамъ; но когда самъ я къ нимъ отправился часовъ въ двѣнадцать (Фустовъ ни за что не согласился идти со мною и только просилъ меня отдать ему подробный отчетъ во всемъ), когда изъ-за поворота переулка издали глянулъ на меня ихъ домъ съ желтоватымъ пятномъ при-

гробной свѣчи въ одномъ изъ оконъ, несказанный страхъ стѣснилъ мое дыханіе, я бы охотно вернулся назадъ... Однако я преодолѣлъ себя и вошелъ въ переднюю. Въ ней пахло ладаномъ и воскомъ; розовая крыша гроба, обитая серебрянымъ позументомъ, стояла въ углу, прислоненная къ стѣнѣ. Въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ, въ столовой, гудѣло, какъ залетѣвшій шмель, однообразное бормотанье дьячка. Изъ гостиной выглянуло заспанное лицо служанки; промолвивъ вполголоса: „поклониться пришли?“ она указала на дверь столовой. Я вошелъ. Гробъ стоялъ къ дверямъ головой; черные волосы Сусанны подъ бѣлымъ вѣнчикомъ, надъ приподнятою бахромой подушки, первые бросились мнѣ въ глаза. Я зашелъ сбоку, перекрестился, поклонился въ землю, взглянулъ... Боже! какой горестный видъ! Несчастная! даже смерть ея не пожалѣла, не придала ей—не говорю уже красоты—но даже той тишины, умиленной и умилительной тишины, которая такъ часто встрѣчается на чертахъ усопшихъ. Маленькое, темное, почти коричневое, лицо Сусанны напоминало лики на старыхъ-старыхъ образахъ, и какое выраженіе было на этомъ лицѣ! Такое выраженіе, какъ будто она собралась крикнуть отчаяннымъ крикомъ, да такъ и замерла, не произнеся звука... даже морщинка между бровями не изгладилась, а пальцы на рукахъ были подвернуты и сжаты. Я невольно отвелъ взоръ; но, погодя немного, я заставилъ себя поглядѣть, внимательно и долго поглядѣть на нее. Жалость наполнила мою душу, и не одна только жалость. „Эта дѣвушка умерла насильственною смертью“, рѣшилъ я про себя: „это несомнѣнно“. Пока я стоялъ и глядѣлъ на покойницу, дьячокъ, который, при входѣ моемъ, возвысилъ-было голосъ и произнесъ нѣсколько членораздѣльныхъ звуковъ, снова загудѣлъ и зѣвнулъ раза два. Я вторично поклонился въ землю и вышелъ въ переднюю. На порогѣ гостиной уже ожидалъ меня г. Ратчъ, одѣтый въ пестрый бухарскій шлафрокъ и, поманивъ меня къ себѣ рукою, повелъ меня въ свой кабинетъ, я чуть-было не сказалъ: въ свою нору. Кабинетъ этотъ, мрачный, тѣсный, весь пропитанный кислымъ запахомъ вакштафа,

возбуждалъ въ умѣ сравненіе съ жилищемъ волка или лисицы.

XXIV.

— Разрывъ! разрывъ тамъ этихъ покрововъ... оболочки... Вы знаете... покрововъ! — заговорилъ г-нъ Ратчъ, какъ только заперъ дверь.—Такое несчастіе! Еще вчера вечеромъ нельзя было ничего замѣтить, и вдругъ: р-р-р-разъ! трахъ! пополамъ! и конецъ! Вотъ уже точно: „heute roth, morgen todt!“ Правда, это должно было ожидать: я это всегда ожидалъ, мнѣ въ Тамбовѣ полковой докторъ Галимбовскій, Викентій Казиміровичъ... Вы навѣрное слыхали о немъ... отличнѣйшій практикъ, спеціалистъ!

— Въ первый разъ слышу это имя,—замѣтилъ я.

— Ну, все равно; такъ вотъ онъ, — продолжалъ господинъ Ратчъ, сперва тихимъ голосомъ, а потомъ все громче и громче и, къ удивленію моему, съ замѣтнымъ нѣмецкимъ акцентомъ:—онъ меня всегда предупреждалъ: „Эй! Иванъ Демьянычъ! эй! другъ мой, берегитесь! У вашей падчерицы органическій недостатокъ въ сердцѣ—hipertrophia cordialis! Чуть что̀, бѣда! Сильныхъ ощущеній пуще всего избѣгать должно... На разсудокъ должно дѣйствовать“... А помилуйте, развѣ можно съ молодою дѣвицей!.. на разсудокъ дѣйствовать? Ха... ха... ха...

Господинъ Ратчъ чуть-было не засмѣялся, по старой привычкѣ, но во̀-время спохватился, и перевелъ начатый звукъ на кашель.

Это господинъ Ратчъ говорилъ! послѣ всего того, что я узналъ о немъ!.. Я почелъ, однако, своею обязанностью спросить его: былъ ли призванъ докторъ?

Господинъ Ратчъ даже подпрыгнулъ.

— Конечно, былъ... Двоихъ призывали, но уже все было совершенно—abgemacht! И вообразите: оба словно столковались (господинъ Ратчъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: стакнулись): разрывъ! разрывъ сердца! Такъ въ одно слово и закричали. Предлагали анатомію; но я уже... вы понимаете, не согласился.

— И завтра похороны?—спросилъ я.

— Да, да, завтра, завтра мы хоронимъ нашу голубицу! Выносъ изъ дома будетъ ровно въ одиннадцать часовъ пополуночи... Отсюда въ церковь Николы на Курьихъ Ножкахъ... Знаете? Странныя какія имена у вашихъ русскихъ церквей! Потомъ на послѣдній покой въ матушкѣ землѣ сырой! Вы пожалуете? Мы недавно знакомы, но, смѣю сказать, любезность вашего нрава и возвышенность чувствъ...

Я поспѣшилъ кивнуть головой.

— Да, да, да,—вздохнулъ господинъ Ратчъ.—Это... это ужъ точно, какъ говорится, молнія на свѣтломъ небеси! Ein Blitz aus heiterem Himmel!

— И ничего Сусанна Ивановна не сказала передъ смертью, ничего не оставила?

— Ничего рѣшительно! Ни синь-пороха! Ни единаго клочка бумаги! Помилуйте, когда меня къ ней позвали, когда разбудили меня — представьте! она уже окоченѣла! Очень чувствительно было для меня; очень она насъ всѣхъ огорчила! Александръ Давыдычъ, чай, тоже пожалѣетъ, какъ узнаетъ... Говорятъ, его въ Москвѣ нѣтъ?

— Онъ, точно, уѣзжалъ на нѣсколько дней...—началъ было я.

— Викторъ Ивановичъ жалуются, что саней имъ долго не закладываютъ, — перебила меня вошедшая служанка, та самая, которую я видѣлъ въ передней. Лицо ея, попрежнему заспанное, поразило меня въ этотъ разъ тѣмъ выраженіемъ дерзкой грубости, какое появляется у слугъ, когда они знаютъ, что господа отъ нихъ зависятъ и не рѣшатся ни бранить ихъ, ни взыскивать съ нихъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, — засѣменилъ Иванъ Демьянычъ.—Элеонора Карповна! Leonore! Lenchen! пожалуйте сюда!

Что-то грузно завозилось за дверью, и въ ту же минуту раздалось повелительное восклицаніе Виктора: „Что жъ это, лошадь не закладываютъ? не пѣшкомъ же мнѣ въ полицію тащиться?“

— Сейчасъ, сейчасъ,—снова залепеталъ Иванъ Демьянычъ.—Элеонора Карповна, пожалуйте же сюда?

— Aber, Иванъ Демьянычъ,—послышался ея голосъ:— ich habe keine Toilette gemacht!

— Macht nichts. Komm herein!

Элеонора Карповна вошла, придерживая двумя пальцами косынку на голой шеѣ. На ней былъ утренній капотъ-распашóнка, и волосъ она не успѣла причесать. Иванъ Демьянычъ тотчасъ подскочилъ къ ней.

— Вы слышите, Викторъ лошадь требуетъ, — промолвилъ онъ, торопливо указывая пальцемъ то на дверь, то на окно. — Пожалуйста, распорядитесь попроворнѣе! Der Kerl schreit so!

— Der Victor schreit immer, Иванъ Демьянычъ, Sie wissen wohl, — отвѣчала Элеонора Карповна: — и я сама сказала кучеру, только онъ вздумалъ овесъ задавать. Вотъ, какое несчастье случилось вдругъ,—прибавила она, обратясь ко мнѣ:—и кто это могъ ожидать отъ Сусанны Ивановны?

— Я всегда это ожидалъ, всегда!—закричалъ Ратчъ и высоко поднялъ руки, при чемъ его бухарскій халатъ разъѣхался спереди, и обнаружились препротивныя нижнія невыразимыя изъ замшевой кожи съ мѣдными пряжками на поясѣ.—Разрывъ сердца! разрывъ оболочекъ! Гипертрофія!

— Ну, да,—повторила за нимъ Элеонора Карповна:— гипо... Ну, вотъ это. Только мнѣ очень, очень жалко, опять-таки скажу...—И ея топорное лицо понемножку перекосилось, брови приподнялись треугольникомъ, и крохотная слезинка скатилась на круглую, точно налакированную, какъ у куклы, щеку... — Мнѣ очень жалко, что такой молодой человѣкъ, которому только бы слѣдовало жить и пользоваться всѣмъ... всѣмъ... И этакое вдругъ отчаяніе!

— Na! gut, gut... geh, alte!—перебилъ господинъ Ратчъ.

— Geh' schon, geh' schon,—проворчала Элеонора Карповна и вышла вонъ, все еще придерживая пальцами косынку и роняя слезинки.

И я отправился вслѣдъ за нею. Въ передней стоялъ Викторъ въ студенческой шинели съ бобровымъ воротни-

комъ и фуражкой набекрень. Онъ едва глянулъ на меня черезъ плечо, встряхнулъ воротникомъ и не поклонился, за что̀ я ему мысленно сказалъ большое спасибо.

Я вернулся къ Фустову.

XXV.

Я засталъ моего пріятеля сидящимъ въ углу своего кабинета, съ понуренною головой и скрещенными на груди руками. На него нашелъ столбнякъ, и глядѣлъ онъ вокругъ себя съ медленнымъ изумленіемъ человѣка, который очень крѣпко спалъ и котораго только-что разбудили. Я ему разсказалъ свое посѣщеніе у Ратча, передалъ ему рѣчи ветерана, рѣчи его жены, впечатлѣніе, которое они оба произвели на меня, сообщилъ ему мое убѣжденіе въ томъ, что несчастная дѣвушка сама себя лишила жизни... Фустовъ слушалъ меня, не мѣняя выраженія лица, и съ тѣмъ же изумленіемъ посматривалъ кругомъ.

— Ты ее видѣлъ?—спросилъ онъ меня наконецъ.

— Видѣлъ.

— Въ гробу?

Фустовъ словно сомнѣвался въ томъ, что Сусанна дѣйствительно умерла.

— Въ гробу.

Фустовъ перекосилъ и опустилъ глаза, и тихонько потеръ себѣ руки.

— Тебѣ холодно?—спросилъ я.

— Да, братъ, холодно,—отвѣчалъ онъ съ разстановкой и безсмысленно покачалъ головою.

Я началъ ему доказывать, что Сусанна непремѣнно отравилась, а, можетъ-быть, и отравлена была, и что этого нельзя такъ оставить.

Фустовъ уставился на меня.

— Что же тутъ дѣлать?—сказалъ онъ, медленно и широко моргая. — Хуже вѣдь... если узнаютъ. Хоронить не станутъ. Оставить надо... такъ.

Мнѣ эта, впрочемъ, очень простая мысль въ голову не приходила. Практическій смыслъ моего пріятеля не измѣнялъ ему.

— Когда... ее хоронятъ?—продолжалъ онъ.

— Завтра.

— Ты пойдешь?

— Да.

— Въ домъ, или прямо въ церковь?

— И въ домъ, и въ церковь; а оттуда на кладбище.

— А я не пойду... Я не могу, не могу, — прошепталъ Фустовъ и началъ всхлипывать. Онъ и поутру на тѣхъ же самыхъ словахъ зарыдалъ. Я замѣтилъ, это часто случается съ плачущимъ; точно будто однимъ извѣстнымъ словамъ, большею частью незначительнымъ, — но именно *этимъ* словамъ, а не другимъ,— дано раскрыть источникъ слезъ въ человѣкѣ, потрясти его, возбудить въ немъ чувство жалости къ другому и къ самому себѣ... Помнится, одна крестьянка, разсказывая при мнѣ про внезапную смерть своей дочери во время обѣда, такъ и заливалась и не могла продолжать начатаго разсказа, какъ только произносила слѣдующую фразу: „Я ей говорю: Ѳекла? А она мнѣ: мамка, соль-то ты куда... соль куда... со-оль“... Слово: „соль“ ее убивало. Но меня, такъ же, какъ и поутру, мало трогали слезы Фустова. Я не постигалъ, какимъ образомъ онъ могъ не спросить меня, не оставила ли Сусанна чего-нибудь для него? Вообще, ихъ взаимная любовь была для меня загадкой: она такъ и осталась загадкой для меня.

Поплакавъ минутъ съ десять, Фустовъ всталъ, легъ на диванъ, повернулся лицомъ къ стѣнѣ, и остался неподвиженъ. Я подождалъ немного, но, видя, что онъ не шевелится и не отвѣчаетъ на мои вопросы, рѣшился удалиться. Я, быть-можетъ, взвожу на него напраслину, но едва ли онъ не заснулъ. Впрочемъ, это еще бы не доказывало, чтобъ онъ не чувствовалъ огорченія... а только природа его была такъ устроена, что не могла долго выносить печальныя ощущенія... Ужъ больно нормальная была природа!

XXVI.

На слѣдующій день, ровно въ одиннадцать часовъ, я былъ на мѣстѣ. Тонкая крупа сѣялась съ низкаго неба,

морозъ стоялъ небольшой, готовилась оттепель, но въ воздухѣ ходили рѣзкія, непріятныя струи... Самая была великопостная, простудная погода. Я засталъ г. Ратча на крыльцѣ его дома. Въ черномъ фракѣ съ плерезами, безъ шляпы на головѣ, онъ суетился, размахивалъ руками, билъ себя по ляжкамъ, кричалъ то въ домъ, то на улицу, въ направленіи тутъ же стоявшихъ погребальныхъ дрогъ съ бѣлымъ катафалкомъ и двухъ ямскихъ каретъ, возлѣ которыхъ четыре гарнизонныхъ солдата въ траурныхъ мантіяхъ на старыхъ шинеляхъ и траурныхъ шляпахъ на сморщенныхъ глазахъ, задумчиво тыкали въ рыхлый снѣгъ ручками незажженныхъ факеловъ. Сѣдая шапка волосъ такъ и вздымалась надъ краснымъ лицомъ г-на Ратча, и голосъ его, этотъ мѣдный голосъ, обрывался отъ натуги.— Что же ельнику? ельнику! сюда! Вѣтвей еловыхъ! — вопилъ онъ:—сейчасъ гробъ выносить будутъ! Ельнику! Валите ельнику! Живо! — воскликнулъ онъ еще разъ, и вскочилъ въ домъ. Оказалось, что, несмотря на мою аккуратность, я опоздалъ: г. Ратчъ счелъ за нужное поспѣшить. Служба уже отошла: священники,—изъ коихъ одинъ имѣлъ камилавку, а другой, помоложе, очень тщательно расчесалъ и примаслилъ волосы, — появились вмѣстѣ съ причтомъ на крыльцѣ. Вскорѣ показался и гробъ, несомый кучеромъ, двумя дворниками и водовозомъ. Г-нъ Ратчъ шелъ сзади, придерживаясь концами пальцевъ за крышку и все твердилъ: „легче, легче!“ За нимъ въ перевалочку плелась Элеонора Карповна, въ черномъ платьѣ, тоже съ плерезами, окруженная всѣмъ своимъ семействомъ; послѣ всѣхъ выступалъ Викторъ; въ новенькомъ мундирѣ, при шпагѣ, съ флеромъ на рукояткѣ. Носильщики, кряхтя и перекоряясь, поставили гробъ на дроги; гарнизонные солдаты зажгли факелы, которые тотчасъ же затрещали и задымились, раздался плачъ забредшей салопницы, дьячки запѣли, снѣжная крупа внезапно усилилась и завертѣлась „бѣлыми мухами“, г-нъ Ратчъ крикнулъ: — „съ Богомъ! трогай!“ — и процессія тронулась. Кромѣ семейства г-на Ратча, провожавшихъ гробъ было всего пять человѣкъ: отставной, очень поношенный офицеръ путей сообщенія съ

полинялою лентой Станислава на шеѣ, едва ли не взятый напрокатъ; помощникъ квартальнаго надзирателя, крошечный человѣкъ, съ смиреннымъ лицомъ и жадными глазами; какой-то старичокъ въ камлотовомъ капотѣ; чрезвычайно толстый рыбный торговецъ въ купеческой синей чуйкѣ и съ запахомъ своего товара, — и я. Отсутствіе женскаго пола (ибо не было возможности причислить къ нему двухъ тетокъ Элеоноры Карповны, сестеръ колбасника, да еще какую-то кривобокую дѣвицу въ синихъ очкахъ на синемъ носѣ), отсутствіе пріятельницъ и подругъ меня сперва поразило; но, поразмысливъ, я сообразилъ, что Сусанна, съ ея нравомъ, воспитаніемъ, съ ея воспоминаніями, не могла имѣть подругъ въ той средѣ, гдѣ она жила. Въ церковь набралось довольно много народу, незнакомыхъ еще больше, чѣмъ знакомыхъ, что̀ можно было видѣть по выраженію ихъ лицъ. Отпѣваніе продолжалось не долго. Удивляло меня то, что г-нъ Ратчъ крестился весьма истово, совершенно какъ православный, и едва ли не подтягивалъ дьячкамъ, впрочемъ, однѣми нотами. Когда же, наконецъ, пришлось прощаться съ покойницей, я низко поклонился ей, но не далъ ей послѣдняго лобзанія. Г-нъ Ратчъ, напротивъ, очень развязно исполнилъ этотъ страшный обрядъ, съ почтительнымъ наклоненіемъ корпуса пригласилъ къ гробу офицера со Станиславомъ, точно угощая его, и высоко, съ размаха, поднимая подъ мышки своихъ дѣтей, поочередно подносилъ ихъ къ тѣлу. Элеонора Карповна, простившись съ Сусанной, вдругъ разрюмилась на всю церковь; однако скоро успокоилась и все спрашивала раздраженнымъ шопотомъ: „А и гдѣ же мой ридикюль?“ Викторъ держался въ сторонѣ, и всею своею осанкой, казалось, хотѣлъ дать понять, какъ далекъ онъ отъ всѣхъ подобныхъ обычаевъ, и какъ онъ только долгъ приличія исполняетъ. Больше всѣхъ изъявилъ сочувствія старичокъ въ капотѣ, бывшій лѣтъ пятнадцать тому назадъ землемѣромъ въ Тамбовской губерніи и съ тѣхъ поръ не видавшій Ратча; онъ Сусанны не зналъ вовсе, но успѣлъ уже выпить двѣ рюмки водки въ буфетѣ. Тетушка моя также пріѣхала въ церковь. Она

почему-то узнала, что покойница была именно та дама, которая посѣтила меня, и пришла въ волненіе неописанное! Подозрѣвать меня въ дурномъ поступкѣ она не рѣшалась, но изъяснить такое странное стеченіе обстоятельствъ также не могла... Чуть ли но вообразила она, что Сусанна изъ любви ко мнѣ рѣшилась на самоубійство, и, облекшись въ самыя темныя одежды, съ сокрушеннымъ сердцемъ и слезами, на колѣняхъ молилась объ успокоеніи души новопреставленной, поставила рублевую свѣчу образу Утоленія Печали... „Амишка“ также съ ней пріѣхала и также молилась, но больше все на меня посматривала и ужасалась... Эта старая дѣвица была, увы! ко мнѣ неравнодушна. Выходя изъ церкви, тетушка роздала бѣднымъ всѣ свои деньги, свыше десяти рублей.

Кончилось, наконецъ, прощаніе. Принялись закрывать гробъ. Въ теченіе всей службы у меня духа не хватило прямо посмотрѣть на искаженное лицо бѣдной дѣвушки; но каждый разъ, какъ глаза мои мелькомъ скользили по немъ: „онъ не пришелъ, онъ не пришелъ“, казалось мнѣ, хотѣло сказать оно. Стали взводить крышу надъ гробомъ. Я не удержался, бросилъ быстрый взглядъ на мертвую. „Зачѣмъ ты это сдѣлала?“—спросилъ я невольно...—Онъ не пришелъ!—почудилось мнѣ въ послѣдній разъ...

Молотокъ застучалъ по гвоздямъ, и все было кончено.

XXVII.

Вслѣдъ за гробомъ двинулись мы на кладбище. Насъ было всѣхъ человѣкъ сорокъ, разнокалиберная, въ сущности праздная толпа. Больше часу продолжалось томительное шествіе. Погода дѣлалась все хуже. Викторъ съ полдороги сѣлъ въ карету; но г. Ратчъ выступалъ бодро по талому снѣгу; точно такъ онъ, должно-быть, выступалъ, и тоже по снѣгу, когда, послѣ рокового свиданія съ Семеномъ Матвѣичемъ, онъ съ торжествомъ велъ къ себѣ въ домъ навсегда погубленную имъ дѣвушку. Волосы „ветерана“, его брови, опушились снѣжинками; онъ то пыхтѣлъ и покрикивалъ, то мужественно забирая въ себя духъ, округлялъ свои крѣпкія, бурыя щеки... Право,

можно было подумать, что онъ смѣется. „Послѣ моей смерти, пенсія должна перейти къ Ивану Демьянычу“, вспоминались мнѣ опять слова Сусанниной тетрадки. Пришли мы, наконецъ, на кладбище; добрались до свѣже-вырытой могилы. Послѣдній обрядъ совершился скоро: всѣ продрогли, всѣ торопились. Гробъ на веревкахъ скользнулъ въ зіяющую яму; принялись забрасывать ее землей. Господинъ Ратчъ и тутъ показалъ бодрость своего духа: онъ такъ проворно, съ такой силой, съ такимъ размахомъ бросалъ комки земли на крышу гроба, такъ выставлялъ при этомъ ногу впередъ и такъ молодецки закидывалъ свой торсъ... энергичнѣе онъ бы не могъ дѣйствовать, если бъ ему пришлось побивать каменьями лютѣйшаго своего врага. Викторъ, попрежнему, держался въ сторонѣ; онъ все кутался въ шинель и проводилъ подбородкомъ по бобру воротника; остальныя дѣти господина Ратча усердно подражали родителю. Швырять пескомъ и землей доставляло имъ великое удовольствіе, за что̀ ихъ, впрочемъ, и винить нельзя. Холмикъ появился на мѣстѣ ямы; мы уже собирались расходиться, какъ вдругъ господинъ Ратчъ, повернувшись по-военному налѣво кругомъ и хлопнувъ себя по ляжкѣ, объявилъ намъ всѣмъ, „господамъ мужчинамъ“, что онъ приглашаетъ насъ, а также и „почтенное священство“, на „поминательный“ столъ, устроенный въ недальнемъ разстояніи отъ кладбища, въ главной залѣ весьма приличнаго трактира, „стараньями любезнѣйшаго нашего Сигизмунда Сигизмундовича“... При этихъ словахъ онъ указалъ на помощника квартальнаго надзирателя и прибавилъ, что, при всей своей горести и лютеранской религіи, онъ, Иванъ Демьяновъ Ратчъ, какъ истый русскій человѣкъ, дорожитъ пуще всего русскими древними обычаями. „Супруга моя“,—воскликнулъ онъ,—„и какія съ нею пожаловали дамы, пускай домой поѣдутъ, а мы, господа мужчины, помянемъ скромной трапезой тѣнь усопшія рабы Твоея!“ Предложеніе господина Ратча было принято съ искреннимъ сочувствіемъ; „почтенное“ священство какъ-то внушительно переглянулось между собой, а офицеръ путей сообщенія потрепалъ

Ивана Демьяныча по плечу и назвалъ его патріотомъ и душою общества.

Мы отправились гуртомъ въ трактиръ. Въ трактирѣ, посреди длинной и широкой, впрочемъ, совершенно пустой комнаты второго этажа, стояли два стола, покрытые бутылками, яствами, приборами и окруженные стульями; запахъ штукатурки, соединенный съ запахомъ водки и постнаго масла, билъ въ носъ и стѣснялъ дыханіе. Помощникъ квартальнаго надзирателя, въ качествѣ распорядителя, усадилъ священство за почетный конецъ, на которомъ преимущественно столпились кушанья постныя; вслѣдъ за духовенствомъ усѣлись прочіе посѣтители; пиръ начался. Не хотѣлось бы мнѣ употреблять такое праздничное слово: пиръ; но всякое другое слово не соотвѣтствовало бы самой сущности дѣла. Сперва все шло довольно тихо, не безъ оттѣнка унылости: уста жевали, рюмки опорожнялись, но слышались и вздохи, быть-можетъ, пищеварительные, а быть-можетъ и сочувственные; упоминалась смерть, обращалось вниманіе на краткость человѣческой жизни, на бренность земныхъ надеждъ; офицеръ путей сообщенія разсказалъ какой-то, правда, военный, но наставительный анекдотъ; батюшка въ камилавкѣ одобрилъ его и самъ сообщилъ любопытную черту изъ житія преподобнаго Ивана Воина; другой батюшка, съ прекрасно-причесанными волосами, хоть обращалъ больше вниманія на кушанья, однако тоже произнесъ нѣчто наставительное насчетъ дѣвической непорочности; понемногу все измѣнилось. Лица раскраснѣлись, голоса загомонѣли, смѣхъ вступилъ въ свои права; стали раздаваться восклицанія порывистыя, послышались ласковыя наименованья въ родѣ: „братца ты моего миленькаго“, „душки ты моей“, „чурки“ и даже „свинтуса этакого“; словомъ, посыпалось все то, на что такъ щедра русская душа, когда станетъ, какъ говорится, нараспашку. Когда же, наконецъ, захлопали пробки цымлянскаго, тутъ уже совсѣмъ шумно стало: нѣкто даже пѣтухомъ прокричалъ, а другой посѣтитель предложилъ изгрызть зубами и проглотить рюмку, изъ которой только-что выпилъ вино. Господинъ

Ратчъ, уже не красный, а сизый, внезапно всталъ съ своего мѣста; онъ и до того времени много шумѣлъ и хохоталъ, но тутъ онъ попросилъ позволенія произнесть спичъ.—Говорите! Произносите!—заголосили всѣ; старикъ въ капотѣ закричалъ даже:—браво!—и въ ладоши захлопалъ... впрочемъ, онъ сидѣлъ уже на полу. Господинъ Ратчъ поднялъ бокалъ высоко надъ головой и объявилъ, что намѣренъ, въ краткихъ, но „впечатлительныхъ" выраженіяхъ, указать на достоинства той прекрасной души, которая, „оставивъ здѣсь свою, такъ-сказать, земную шелуху (die irdische Hülle), воспарила въ небеса и погрузила"... господинъ Ратчъ поправился: „и погрязла"... Онъ опять поправился: „и погрузила..."

— Отецъ дьяконъ! Почтеннѣйшій! Душа!—послышался сдержанный, но убѣдительный шопотъ: — Горло, говорятъ, у тебя адское; уважь, грянь: „Мы живемъ среди полей!"

— Шш! шш!.. Полно вамъ! Что это! — промчалось по устамъ гостей.

— ...Погрузила все свое преданное семейство, — продолжалъ господинъ Ратчъ, бросивъ строгій взоръ въ направленіи любителя музыки:—погрузила все свое семейство въ ничѣмъ незамѣнимую печаль! Да!—воскликнулъ Иванъ Демьянычъ:—справедливо гласитъ русская пословица: судьба гнетъ не тужитъ, переломитъ...

— Стойте! Господа!—закричалъ внезапно чей-то хриплый голосъ на концѣ стола: — у меня сейчасъ кошелекъ украли!..

— Ахъ, мошенникъ! — запищалъ другой голосъ, и — бацъ! раздалась пощечина.

Господи! Что тутъ произошло! Точно дикій звѣрь, который до тѣхъ поръ лишь изрѣдка ворчалъ и шевелился въ насъ, вдругъ сорвался съ цѣпи и всталъ на дыбы, во всей безобразной красѣ своего взъерошеннаго загривка. Казалось, всѣ втайнѣ ожидали „скандала", какъ естественной принадлежности и разрѣшенія пира, и такъ и ринулись всѣ, такъ и подхватили... Тарелки, стаканы зазвенѣли, покатились, стулья опрокинулись, поднялся пронзительный

зительный крикъ, руки замахали по воздуху, фалды взвились, и завязалась драка!

— Лупи его! лупи его!—заревѣлъ, какъ изступленный, мой сосѣдъ, рыбный торговецъ, казавшійся до того мгновенья самымъ смирнымъ человѣкомъ въ мірѣ; правда, онъ выпилъ въ молчанку стакановъ десять вина.—Лупи его!..

Кого лупить, за что лупить, онъ не имѣлъ понятія, но ревѣлъ неистово.

Помощникъ квартальнаго надзирателя, офицеръ путей сообщенія, самъ господинъ Ратчъ, который, вѣроятно, никакъ не ожидалъ, что его краснорѣчію будетъ положенъ такой скорый конецъ, попытались-было возстановить тишину... но усилія ихъ оказались тщетными. Мой сосѣдъ, рыбный торговецъ, даже на самого господина Ратча накинулся.

— Уморилъ дѣвку, нѣмчура треклятая,—закричалъ онъ на него, потрясая кулаками:—полицію подкупилъ, а теперь куражишься?!

Тутъ прибѣжали половые...

Что̀ произошло дальше, я не знаю; я поскорѣй схватилъ фуражку, да и давай Богъ ноги! Помню только, что-то страшно затрещало; помню также остовъ селедки въ волосахъ старца въ капотѣ, поповскую шляпу, летѣвшую черезъ всю комнату, блѣдное лицо Виктора, присѣвшаго въ углу, и чью-то рыжую бороду въ чьей-то мускулистой рукѣ... Это были послѣднія впечатлѣнія, вынесенныя мной изъ „поминальнаго пира“, устроеннаго любезнѣйшимъ Сигизмундомъ Сигизмундовичемъ въ честь бѣдной Сусанны.

Отдохнувъ нѣсколько, я отправился къ Фустову и разсказалъ ему все, чему я былъ свидѣтелемъ въ теченіе того дня. Онъ выслушалъ меня сидя, не поднимая головы, и подсунувъ обѣ руки подъ ноги, промолвилъ опять: „Ахъ, моя бѣдная, бѣдная!“ и опять легъ на диванъ и повернулся ко мнѣ спиной.

Недѣлю спустя, онъ уже совершенно оправился и зажилъ попрежнему. Я попросилъ у него тетрадку Сусанны на память; онъ отдалъ ее мнѣ безъ всякаго затрудненія.

XXVIII.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Тетушка моя скончалась; я изъ Москвы переселился въ Петербургъ. Въ Петербургъ переѣхалъ и Фустовъ. Онъ поступилъ въ министерство финансовъ, но я видѣлся съ нимъ рѣдко и не находилъ уже въ немъ ничего особеннаго. Чиновникъ, какъ и всѣ, да и баста! Если онъ еще живъ и не женатъ, то, вѣроятно, и доселѣ не измѣнился: точитъ и клеитъ, и гимнастикой занимается, и сердца пожираетъ попрежнему, и Наполеона въ лазоревомъ мундирѣ рисуетъ въ альбомы пріятельницъ. Мнѣ пришлось какъ-то съѣздить въ Москву, по дѣламъ. Въ Москвѣ узналъ я, признаюсь, къ немалому моему удивленію, что обстоятельства моего бывшаго знакомца, господина Ратча, приняли оборотъ неблагопріятный: супруга его, правда, подарила ему еще двойню, двухъ мальчиковъ, которыхъ онъ, „коренной русакъ", окрестилъ Брячеславомъ и Вячеславомъ, но домъ его сгорѣлъ, онъ принужденъ былъ подать въ отставку, и главное—его старшій сынокъ, Викторъ, такъ и не выходилъ изъ долгового отдѣленія. Во время моего пребыванія въ Москвѣ, въ одномъ обществѣ при мнѣ упомянули о Сусаннѣ, и самымъ невыгоднымъ, самымъ оскорбительнымъ образомъ! Я всячески постарался заступиться за память несчастной дѣвушки, которой судьба отказывала даже въ милостынѣ забвенія, но мои доводы не произвели большого впечатлѣнія на моихъ слушателей. Одного изъ нихъ, молодого студента-поэта, я, однако, поколебалъ. Онъ прислалъ мнѣ на другой день стихотвореніе, которое я позабылъ, но которое оканчивалось слѣдующими четырьмя стихами:

Но и надъ брошенной могилой
Не смолкнулъ голосъ клеветы...
Она тревожитъ призракъ милый
И жжетъ надгробные цвѣты!

Я прочелъ эти стихи и невольно погрузился въ думу. Образъ Сусанны возникъ передо мной; я опять увидалъ то замороженное окно въ моей комнатѣ; я вспомнилъ тотъ вечеръ, и порывы снѣжной вьюги, и тѣ слова, тѣ

рыданья... Я началъ размышлять о томъ, чѣмъ возможно было объяснить любовь Сусанны къ Фустову, и почему она такъ скоро, такъ неудержимо предалась отчаянію, какъ только увидала себя оставленною? Почему не захотѣла подождать, услышать горькую правду изъ собственныхъ устъ любимаго человѣка, написать ему письмо, наконецъ? Какъ возможно такъ сейчасъ броситься въ бездну внизъ головой? — Оттого, что она страстно любила Фустова, — скажутъ мнѣ; — оттого, что она не могла перенести малѣйшаго сомнѣнія въ его преданности, въ его уваженіи къ ней. — Можетъ-быть; а можетъ-быть и то, что она вовсе не такъ страстно любила Фустова; что она не ошиблась въ немъ, а только возложила на него свои послѣднія надежды и не въ состояніи была примириться съ мыслію, что даже *этотъ* человѣкъ тотчасъ, по первому слову сплетника, съ презрѣніемъ отвернулся отъ нея! Кто скажетъ, что̀ ее убило: оскорбленное ли самолюбіе, тоска ли безвыходнаго положенія или, наконецъ, самое воспоминаніе о томъ первомъ, прекрасномъ, правдивомъ существѣ, которому она, на утрѣ дней своихъ, такъ радостно отдалась, который такъ глубоко былъ въ ней увѣренъ и такъ уважалъ ее? Кто знаетъ: быть-можетъ, въ то самое мгновенье, когда мнѣ казалось, что надъ ея мертвыми устами носилось восклицаніе: „онъ не пришелъ!“ быть-можетъ, ея душа уже радовалась тому, что ушла сама къ нему, къ своему Мишелю? Тайны человѣческой жизни велики, а любовь самая недоступная изъ этихъ тайнъ... но, все-таки, до сихъ поръ, всякій разъ, когда образъ Сусанны возникаетъ предо мной, я не въ силахъ подавить въ себѣ ни сожалѣнія къ ней, ни упрека судьбѣ, и уста мои невольно шепчутъ: несчастная! несчастная!

1868 г.

СТРАННАЯ ИСТОРІЯ.

(РАЗСКАЗЪ.)

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ—началъ г-нъ Х...—обязанности службы заставили меня прожить нѣсколько дней въ губернскомъ городѣ Т... Я остановился въ порядочной гостиницѣ, устроенной за полгода до моего пріѣзда разбогатѣвшимъ портнымъ изъ евреевъ. Говорятъ—она процвѣтала недолго, что̀ у насъ весьма обыкновенно; но я засталъ ее еще въ полномъ блескѣ: новыя мебели стрѣляли по ночамъ какъ изъ пистолетовъ, постельное бѣлье, скатерти и салфетки пахли мыломъ, а отъ крашеныхъ половъ несло олифой, что̀, впрочемъ, по мнѣнію полового, человѣка весьма изящнаго, хоть и не совсѣмъ опрятнаго, препятствовало распространенію насѣкомыхъ. Половой этотъ, бывшій камердинеръ князя Г., отличался развязностію обращенія и самоувѣренностію; ходилъ постоянно во фракѣ съ чужого плеча и стоптанныхъ башмакахъ, носилъ подъ мышкой салфетку и множество угрей на щекахъ и, свободно размахивая потными руками, произносилъ короткія, но внушительныя рѣчи. Онъ оказывалъ мнѣ нѣкоторое покровительство, какъ человѣку, способному оцѣнить его образованность и знаніе свѣта; но на

собственную судьбу взиралъ нѣсколько разочарованнымъ окомъ. — Извѣстно, — сказалъ онъ мнѣ однажды: — какое наше теперь положеніе? За хвостъ да и на солнце! — Звали его Ардаліономъ.

Мнѣ предстояло сдѣлать нѣсколько визитовъ чиновнымъ лицамъ города. Тотъ же Ардаліонъ досталъ мнѣ коляску и лакея, одинаково развинченныхъ и потертыхъ; но на лакеѣ была ливрея — а коляску украшали гербы. Окончивъ всѣ офиціальныя посѣщенія, я заѣхалъ къ одному помѣщику, старинному знакомому моего отца, съ давнихъ поръ поселившемуся въ городѣ Т.... Я съ нимъ лѣтъ двадцать не видался; онъ успѣлъ жениться, развести порядочное семейство, овдовѣть и разбогатѣть. Онъ занимался откупами, то-есть, ссужалъ откупщиковъ залогами за крупные проценты... „Рискъ — благородное дѣло!“ впрочемъ, и риску было мало. Въ теченіе нашей бесѣды, въ комнату, нерѣшительными, но легкими шагами, словно на цыпочкахъ, вошла дѣвушка лѣтъ семнадцати, тоненькая и худенькая.—Вотъ,—сказалъ мнѣ мой знакомый:—старшая моя дочь Софи, рекомендую; замѣнила мнѣ покойницу: хозяйничаетъ въ домѣ, за братьями и сестрами наблюдаетъ.—Я вторично поклонился вошедшей дѣвушкѣ (она между тѣмъ молча опустилась на стулъ), и подумалъ про себя, что на хозяйку, на воспитательницу она мало похожа. Лицо у ней было совсѣмъ дѣтское, круглое съ маленькими, пріятными, но неподвижными чертами, голубые глазки, подъ высокими, тоже неподвижными, неровными бровями, глядѣли внимательно — почти изумленно, точно они начали замѣчать что-то для нихъ неожиданное; пухлый ротикъ, съ приподнятой верхней губой, не только не улыбался, но, казалось, не имѣлъ этой привычки вовсе; на щекахъ нѣжными продолговатыми пятнами, не прибавляясь и не уменьшаясь, стояла розовая кровь подъ тонкой кожей. Пушистые бѣлокурые волосы висѣли легкими гроздьями съ обѣихъ сторонъ небольшой головы. Грудь дышала тихо, и руки какъ-то неловко и строго прижимались къ узкому стану. Голубое платье падало безъ складокъ — по-дѣтски — на маленькія ножки.

Общее впечатлѣніе, производимое этой дѣвушкой, было не то, чтобы болѣзненное, но загадочное. Я видѣлъ передъ собою не просто робѣвшую провинціальную барышню, но существо съ особеннымъ, для меня неяснымъ отпечаткомъ. Оно меня не привлекало и не отталкивало; я его не вполнѣ понималъ, и только чувствовалъ, что мнѣ еще не удавалось встрѣтить болѣе искреннюю душу. Жалость... да! жалость возбуждала во мнѣ эта молодая, серьезная, настороженная жизнь — Богъ вѣдаетъ почему! „Не отъ земли сея", думалось мнѣ, хотя собственно въ выраженіи лица не было ничего „идеальнаго", и хотя въ гостиную mademoiselle Sophie очевидно появилась для того, чтобы исполнить роль хозяйки, на которую намекалъ ея отецъ.

Онъ началъ говорить о жизни въ городѣ Т.... объ общественныхъ удовольствіяхъ и удобствахъ, доставляемыхъ ею.—У насъ смирно,—замѣтилъ онъ: — губернаторъ—меланхоликъ, губернскій предводитель—холостякъ. А впрочемъ, послѣ-завтра въ дворянскомъ собраніи большой балъ. Совѣтую съѣздить: здѣсь не безъ красавицъ. Ну, и всю нашу *интеллигенцію* вы увидите.

Мой знакомый, какъ человѣкъ нѣкогда обучавшійся въ университетѣ, любилъ употреблять выраженія ученыя. Онъ произносилъ ихъ съ ироніей, но и съ уваженіемъ. Притомъ извѣстно, что занятіе откупами, вмѣстѣ съ солидностію, развивало въ людяхъ нѣкоторое глубокомысліе.

— Позвольте спросить, вы будете на этомъ балѣ? — обратился я къ дочери моего знакомаго. Мнѣ хотѣлось услыхать звукъ ея голоса.

— Папенька намѣренъ поѣхать, — отвѣчала она: — и я съ нимъ.

Голосъ у ней оказался тихій и медленный, и выговаривала она каждое слово, точно недоумѣвала.

— Въ такомъ случаѣ позвольте пригласить васъ на первую кадриль.—Она наклонила голову въ знакъ согласія, но и тутъ не улыбнулась.

Я вскорѣ удалился, и, помнится, взглядъ ея глазъ, пристально на меня устремленныхъ, показался мнѣ до того

страннымъ, что я невольно посмотрѣлъ себѣ черезъ плечо, ужъ не видитъ ли она кого-нибудь, или что-нибудь, у меня за спиною?

Вернувшись въ гостиницу и пообѣдавъ неизмѣннымъ „супъ-жульенъ“, котлетами съ горошкомъ и просушеннымъ до черноты рябчикомъ, я присѣлъ на диванъ и предался размышленіямъ. Предметомъ ихъ была эта Софія, эта загадочная дочь моего знакомаго; но убиравшій со стола Ардаліонъ растолковалъ по-своему мою задумчивость: онъ приписалъ ее скукѣ.

— Оченно у насъ въ городѣ мало развлеченія для господъ проѣзжающихъ, — заговорилъ онъ съ обычной развязной снисходительностію, въ то же время продолжая похлопывать грязной салфеткой по спинкамъ стульевъ: это похлопываніе, какъ извѣстно, свойственно однимъ лишь образованнымъ слугамъ. — Очень мало! — Онъ помолчалъ, а громадные стѣнные часы, съ лиловой розой на бѣломъ циферблатѣ, своимъ однообразнымъ и сиплымъ чиканіемъ тоже какъ бы подтверждали его слова. „О...чень! о-чень!“ щелкали они.—Ни концертовъ никакихъ, ни театровъ,— продолжалъ Ардаліонъ (онъ ѣздилъ съ своимъ бариномъ за границу и чуть ли не побывалъ въ Парижѣ; онъ хорошо зналъ, что одни мужики говорятъ: кіятръ), — ни танцевъ, напримѣръ, или вечернихъ пріемовъ между господами дворянами, ничего этого не существуетъ. — (Онъ остановился на мгновеніе, вѣроятно, для того, чтобы дать мнѣ замѣтить отборность своего слога.)—Даже другъ друга видятъ рѣдко. Сидитъ каждый у себя на тычкѣ, какъ „кѐтикъ“ какой. И выходитъ, что заѣзжимъ посѣтителямъ дѣваться бываетъ—просто некуда.

Ардаліонъ глянулъ на меня искоса.

— Развѣ вотъ что̀,—продолжалъ онъ съ разстановкой.— Въ случаѣ, если имѣется такое ваше расположеніе...

Онъ вторично глянулъ на меня и даже усмѣхнулся, но, должно-быть, надлежащаго расположенія во мнѣ не замѣтилъ.

Изящный слуга подошелъ къ двери, подумалъ, вер-

нулся, и, помявшись немного на мѣстѣ, нагнулся къ моему уху и съ игривой улыбкой промолвилъ:

— Не желаете ли вы мертвыхъ видѣть?

Я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Да,—продолжалъ онъ уже шопотомъ:—у насъ есть тутъ такой человѣкъ. Изъ простыхъ мѣщанъ, и даже безграмотный, а дѣла совершаетъ чудныя. Если, напримѣръ, вы къ нему отъявитесь и пожелаете увидать какого ни-на-есть покойника изъ вашихъ знакомыхъ, онъ вамъ его безпремѣнно покажетъ.

— Какимъ же это образомъ?

— Это ужъ его секретъ. Потому, хотя онъ и человѣкъ безграмотный, прямо сказать: безсловесный, но въ божественности очень силенъ! Большое отъ купечества къ нимъ уваженіе!

— И всѣмъ это въ городѣ извѣстно?

— Кому нужно — знаютъ-съ; ну, а конечно, отъ полиціи опасеніе соблюдается. Потому, что̀ ни толкуй, дѣла̀ все-таки запрещенныя, и для простого народа—соблазнъ; простой народъ — чернь, значитъ, извѣстно: сейчасъ въ кулаки!

— Вамъ онъ мертвецовъ показывалъ? — спросилъ я Ардаліона. Такого образованнаго смертнаго я не рѣшался „тыкать“.

Ардаліонъ качнулъ головою.—Показывалъ-съ; родителя какъ живого представилъ.

Я уставился на Ардаліона. Онъ посмѣивался и поигрывалъ салфеткой — и снисходительно, но съ твердостью, поглядывалъ на меня.

— Да это очень любопытно! — воскликнулъ я наконецъ. — Нельзя ли мнѣ съ этимъ мѣщаниномъ познакомиться?

— Съ ними прямо никакъ нельзя-съ; а черезъ ихнюю мамыньку нужно дѣйствовать. Старушка почтенная; на мосту мочеными яблоками торгуетъ. Если прикажете, я ее спрошу-съ.

— Сдѣлайте одолженіе.

Ардаліонъ кашлянулъ въ руку.—И благодарность, какую вы положите, небольшую, разумѣется, тоже ей вручить слѣдуетъ, той самой старушкѣ. А я съ своей стороны ей доложу-съ, что опасаться васъ нечего, такъ какъ вы господинъ заѣзжій, баринъ — ну и, конечно, можете понимать, что сіе есть тайна, и до непріятности ни въ какомъ случаѣ ее не доведете.

Ардаліонъ взялъ подносъ въ одну руку и, граціозно виляя и собственнымъ станомъ, и подносомъ, направился къ двери.

— Такъ я могу на васъ надѣяться?—крикнулъ я ему вслѣдъ.

— Будьте благонадежны! — раздался его самоувѣренный голосъ. — Побесѣдуемъ со старушкой и отвѣтъ вамъ передадимъ въ аккуратѣ.

Не стану распространяться о томъ, какія мысли возбудилъ во мнѣ необычайный фактъ, сообщенный Ардаліономъ; но готовъ сознаться, что съ нетерпѣніемъ ожидалъ обѣщаннаго отвѣта. Поздно вечеромъ вошелъ ко мнѣ Ардаліонъ и объявилъ свою досаду: онъ не могъ отыскать старушку. Я все-таки, въ видахъ поощренія, вручилъ ему трехрублевую бумажку. На слѣдующее утро онъ снова, и съ радостнымъ лицомъ, явился въ мою комнату: старушка соглашалась на свиданіе со мною.

— Эй! мальчуга!—крикнулъ Ардаліонъ въ коридоръ:— мастеровой! Поди-ка сюда! — Вошелъ младенецъ, лѣтъ шести, весь перепачканный въ сажѣ какъ котенокъ, съ остриженной, мѣстами даже голой головой, въ изорванномъ полосатомъ халатѣ и огромныхъ калошахъ на босу ногу.—Вотъ ты ихъ проведешь, куда знаешь,—промолвилъ Ардаліонъ, обращаясь къ „мастеровому“ и указывая на меня. — А вы, господинъ, какъ придете, спросите Мастридію Карповну.

Мальчикъ издалъ сиплый звукъ, и мы отправились.

Мы шли довольно долго по немощенымъ улицамъ города Т....; наконецъ, въ одной изъ нихъ, едва ли не са-

мой пустынной и унылой, мой вожатый остановился передъ ветхимъ двухъ-этажнымъ деревяннымъ домикомъ и, утеревъ носъ всѣмъ рукавомъ халата, проговорилъ:

— „Здѣся; направо ступайте". Я вошелъ черезъ крылечко въ сѣни, толкнулся направо: низенькая дверь завизжала на ржавыхъ петляхъ, и я увидѣлъ передъ собою толстую старушку въ коричневой, зайцемъ подбитой кацавейкѣ и пестромъ платочкѣ на головѣ.

— Мастридія Карповна?—спросилъ я.

— Она самая и есть,—отвѣчала мнѣ старушка пискливымъ голосомъ. — Милости просимъ. На стульчикъ не угодно ли?

Комната, въ которую ввела меня старушка, была до того завалена всякимъ хламомъ, тряпьемъ, подушками, перинами, мѣшками, что повернуться въ ней почти не было возможности. Солнечный свѣтъ едва пробивался сквозь два запыленныя окошка; въ одномъ углу, за грудой наставленныхъ другъ на дружку коробовъ, слабо охалъ и жаловался... неизвѣстно кто: быть-можетъ, больной ребенокъ, а быть-можетъ — щенокъ. Я усѣлся на стулъ, а старушка стала прямо предо мною. Лицо у ней было желтое, полупрозрачное, какъ восковое; губы до того ввалились, что среди множества морщинъ представляли одну поперечную; клокъ бѣлыхъ волосъ торчалъ изъ-подъ головного платка, но воспаленные, сѣрые глазки умно и бойко выглядывали изъ-подъ нависшей лобной кости; а заостренный носикъ такъ и выдавался шиломъ, такъ и нюхалъ воздухъ: плутъ-молъ я!—„Ну! ты баба не промахъ!" подумалось мнѣ; притомъ же, отъ нея попахивало водочкой.

Я объяснилъ ей причину моего посѣщенія, которая, впрочемъ, какъ я замѣтилъ, должна была ей быть извѣстной. Она выслушала меня, быстро помаргивая глазами, и только еще вострѣе выдвинула свой носъ, словно клюнуть имъ собиралась.

— Такъ-съ, такъ-съ, — заговорила она наконецъ:— Ардаліонъ Матвѣичъ намъ сказывали-съ, точно-съ; вамъ сыночка моего, Васиньки, искусство понадобилось... Только сумлѣваемся мы, государь мой...

— Отчего же?—перебилъ я.—На мой счетъ вы можете быть совершенно спокойны... Я не доносчикъ.

— Охъ, батюшка вы мой,—поспѣшно подхватила старушка: — что вы это? Смѣемъ мы про ваше благородіе такое думать! Да и доносить-то на насъ съ какой стати? Развѣ мы что̀ грѣшное затѣваемъ? Не таковскій мой сыночекъ, батюшка, чтобы ему на какое нечистое дѣло согласиться... или какимъ колдовствомъ баловаться... да сохрани Богъ, мать Пресвятая Богородица! (Старушка три раза перекрестилась.) По всей губерніи первый постникъ и молельщикъ; первый, батюшка вы мой, ваше благородіе! А это точно: милость его посѣтила великая. Что жъ! Это дѣло не его рукъ. Это, голубчикъ мой, свыше; да.

— Такъ вы согласны? — спросилъ я: — когда я могу съ вашимъ сыномъ повидаться?

Старушка опять заморгала глазами и раза два перепихнула скатанный носовой платокъ изъ рукава въ рукавъ.

— Охъ, государь мой, государь мой, сумлѣваемся мы...

— Позвольте, Мастридія Карповна, вручить вамъ слѣдующее, — перебилъ я ее, и подалъ ей десятирублевую бумажку.

Старушка тотчасъ схватила ее своими пухлыми, кривыми пальцами, напоминавшими мясистые когти совы, проворно засунула ее въ рукавъ, подумала немного и, какъ бы внезапно рѣшившись, хлопнула себя обѣими ладонями по ляжкамъ.

— Приходи сюда сегодня вечеромъ, въ восьмомъ часу, — заговорила она не своимъ обычнымъ, а другимъ, болѣе важнымъ и тихимъ голосомъ: — только не въ эту комнату, а прямо изволь подняться во второй этажъ; и будетъ тебѣ дверь налѣво, и ты ту дверь отвори; и войдешь ты, ваше благородіе, въ пустую комнату, и въ той комнатѣ увидишь стулъ. Сядь ты на этотъ стулъ и жди; и что бы ты ни видѣлъ, никакихъ словъ не произноси и не дѣлай ничего; и съ сыночкомъ моимъ тоже не изволь разговаривать; потому—онъ еще младъ, да онъ же у меня въ падучкѣ. Испугать его очень легко: затрепещется, затрепещется, словно цыпленокъ какой... бѣда!

Я посмотрѣлъ на Мастридію. — Вы говорите онъ молодъ, но коли онъ вашъ сынъ...

— По духу, батюшка, по духу! Много у меня сиротъ-то! — прибавила она, мотнувъ головою въ направленіи угла, откуда раздался жалобный пискъ.—О-охъ, Господи Боже ты мой, Пресвятая Мать Богородица! А вы, батюшка мой, ваше благородіе, прежде, чѣмъ сюда пожалуете, извольте-ка подумать хорошенько, кого вамъ изъ вашихъ покойныхъ сродственниковъ или знакомыхъ,—царство имъ небесное! — увидѣть желательно. Переберите своихъ покойничковъ, и котораго выберете, такъ ужъ его въ умѣ держите, все держите, пока сыночекъ придетъ!

— А развѣ я не долженъ сказать вашему сыну, кого именно...

— Ни, ни, батюшка, ни единаго слова. Онъ самъ въ вашихъ мысляхъ откроетъ, что̀ ему нужно. А вы только знакомца вашего хороше....енько въ умѣ держите; да за обѣденнымъ столомъ винца выпейте—стаканчика два, три; винцо никогда не мѣшаетъ. Старуха разсмѣялась, облизнулась, провела рукою по рту и вздохнула.

— Такъ въ половинѣ восьмого? — спросилъ я, поднимаясь со стула.

— Въ половинѣ восьмого, батюшка, ваше благородіе: въ половинѣ восьмого,—успокоительно отвѣчала Мастридія Карповна.

Я простился со старухой и вернулся въ гостиницу. Я не сомнѣвался въ томъ, что меня собирались одурачить, но какимъ образомъ? вотъ что возбуждало мое любопытство. Съ Ардаліономъ я помѣнялся всего двумя, тремя словами. — Допустила? — спросилъ онъ меня, нахмуривъ брови, и на мой утвердительный отвѣтъ воскликнулъ: — Баба министръ!—Я принялся, по совѣту „министра“, перебирать своихъ покойничковъ. Послѣ довольно долгихъ колебаній, я остановился, наконецъ, на одномъ давно умершемъ старичкѣ, французѣ, бывшемъ моемъ гувернерѣ. Я выбралъ именно его не потому, чтобы чувствовалъ особенное къ нему влеченіе; но вся фигура его была такъ

оригинальна, такъ не походила на современныя фигуры, что поддѣлаться подъ нее было совершенно невозможно. Онъ имѣлъ огромную голову, зачесанные назадъ пушистые бѣлые волосы, густыя черныя брови, крючковатый носъ и двѣ большія бородавки лиловаго цвѣта посрединѣ лба; носилъ зеленый фракъ съ мѣдными, гладкими пуговицами, полосатый жилетъ со стоячимъ воротникомъ, жабо и маншетки. „Коли онъ мнѣ моего старика Дессѐра покажетъ“, подумалъ я, „ну, надо будетъ согласиться, что онъ колдунъ!“

За обѣдомъ я, по совѣту старухи, выпилъ бутылку лафиту, первѣйшаго сорта, по увѣренію Ардаліона, но съ сильнѣйшимъ вкусомъ жженой пробки и съ густымъ осадкомъ сандала на днѣ каждой рюмки.

Ровно въ половинѣ восьмого я находился передъ домомъ, въ которомъ бесѣдовалъ съ почтенной Мастридіей Карповной. Всѣ ставни оконъ были заперты, но дверь была раскрыта. Я вошелъ въ домъ, взобрался по шаткой лѣстницѣ во второй этажъ, и, отворивъ дверь налѣво, очутился, какъ мнѣ предсказывала старушка, въ совершенно пустой, довольно просторной комнатѣ; сальная свѣчка, поставленная на подоконникъ, тускло ее освѣщала: у стѣны, напротивъ двери, стоялъ плетеный стулъ. Я снялъ со свѣчки, которая порядкомъ успѣла нагорѣть, усѣлся на стулъ и началъ ждать.

Первыя десять минутъ прошли довольно скоро; въ самой комнатѣ рѣшительно ничего не могло привлечь мое вниманіе; но я прислушивался къ каждому шороху, внимательно глядѣлъ на закрытую дверь... Сердце билось. За первыми десятью минутами прошли другія; потомъ полчаса, три четверти часа—и хоть бы что̀ пошевельнулось кругомъ! Я нѣсколько разъ кашлянулъ, чтобы дать знать о моемъ присутствіи; я начиналъ скучать, сердиться: *этакимъ* образомъ быть одураченнымъ не входило въ мои расчеты. Я уже собирался подняться со стула и, взявъ свѣчку съ окна, пойти внизъ... Я посмотрѣлъ на нее, свѣтильня опять нагорѣла грибомъ; но, отведши взоры

отъ окна къ двери, я невольно вздрогнулъ: прислонясь къ этой самой двери, стоялъ человѣкъ. Онъ такъ проворно и безъ шума вошелъ, что я ничего не слышалъ.

На немъ была простая синяя чуйка; росту онъ былъ средняго и довольно плотенъ. Закинувъ руки за спину и, потупивъ голову, онъ уставился на меня. При тускломъ свѣтѣ свѣчки, я не могъ хорошенько разглядѣть его черты: я видѣлъ только косматую гриву спутанныхъ волосъ, падавшихъ на лобъ, да крупныя, слегка искривленныя губы, да бѣлесоватые глаза. Я хотѣлъ-было заговорить съ нимъ, но вспомнилъ наставленіе Мастридіи и закусилъ губы. Вошедшій человѣкъ продолжалъ глядѣть на меня; я также глядѣлъ на него и, странное дѣло! въ одно и то же время я почувствовалъ нѣчто въ родѣ страха и, словно по приказанію, немедленно принялся думать о моемъ старомъ гувернерѣ. *Тотъ* все стоялъ у двери и дышалъ усиленно, точно на гору взбирался или ношу поднималъ, а глаза его какъ будто расширялись, какъ будто приближались ко мнѣ—и неловко мнѣ становилось подъ ихъ упорнымъ, тяжелымъ, грознымъ взоромъ; по временамъ эти глаза загорались зловѣщимъ внутреннимъ огонькомъ; подобный огонекъ замѣчалъ я у борзой собаки, когда она „воззрится“ въ зайца, и, подобно борзой собакѣ, *тотъ* весь устремлялся *своимъ* взоромъ вслѣдъ за моимъ, когда я „дѣлалъ угонку“, т. е. пробовалъ отвести глаза въ сторону.

Такъ прошло, не знаю, сколько времени: быть-можетъ, минута; быть-можетъ, четверть часа. Онъ все глядѣлъ на меня; я все ощущалъ нѣкоторую неловкость и страхъ, и все думалъ о французѣ. Раза два я попытался сказать самому себѣ: „что̀ за вздоръ! что̀ за комедія!“ попытался улыбнуться, пожать плечомъ... Напрасно! Всякое рѣшеніе во мнѣ тотчасъ „застывало“,—я другого слова подобрать не умѣю. Мною овладѣло какое-то оцѣпенѣніе. Вдругъ я замѣтилъ, что *тотъ* уже отдѣлился отъ двери и стоялъ на шагъ или на два ближе ко мнѣ; потомъ онъ чуть-

чуть подпрыгнулъ, обѣими ногами разомъ, и сталъ еще ближе... Потомъ еще... потомъ еще; а грозные глаза такъ и упирались во все мое лицо, и руки оставались за спиною, и широкая грудь дышала усиленно. Мнѣ эти прыжки показались смѣшными, но и жутко мнѣ становилось, и, что́ я уже никакъ понять не могъ, сонливость вдругъ начала находить на меня. Вѣки мои слипались... косматая фигура съ бѣлесоватыми глазами въ синей чуйкѣ задвоилась передо мной — и вдругъ совсѣмъ исчезла!.. Я встрепенулся: онъ опять стоялъ между дверью и мною, но уже гораздо ближе... Потомъ онъ опять исчезъ—словно туманъ набѣжалъ на него; опять появился... исчезъ опять... появился опять... и все ближе, ближе... его трудное, почти храпѣвшее дыханіе уже добѣгало до меня... Опять надвинулся туманъ, и вдругъ изъ этого тумана, начиная съ бѣлыхъ, кверху приподнятыхъ волосъ, явственно стала вырисовываться голова старика Дессѐра! Да: вотъ его бородавки, его черныя брови, его носъ крючкомъ! Вотъ и зеленый фракъ съ мѣдными пуговицами, и полосатый жилетъ, и жабо... Я вскрикнулъ, я приподнялся... Старикъ исчезъ, и на мѣстѣ его я снова увидѣлъ человѣка въ синей чуйкѣ. Онъ подошелъ, шатаясь, къ стѣнѣ, уперся въ нее головой и обѣими руками и, задыхаясь какъ запаленная лошадь, хриплымъ голосомъ проговорилъ: „Чаю!“ Откуда ни возьмись, Мастридія подскочила къ нему и, приговаривая:—Васинька, Васинька,—принялась заботливо утирать потъ, который такъ и струился съ его волосъ и лица. Я-было приблизился къ ней, но она такъ убѣдительно, такимъ раздирающимъ голосомъ воскликнула: — „Ваше благородіе! отецъ милостивый, не губите, уйдите, Христа ради!“ — что я повиновался; а она снова обратилась къ своему сыночку.—Кормилецъ, голубчикъ,—успокаивала она его:—сейчасъ тебѣ будетъ чай, сейчасъ. Да и вы, батюшка, чайку у себя дома выкушайте!—крикнула она мнѣ вслѣдъ.

Вернувшись домой, я послушался Мастридіи и велѣлъ подать себѣ чаю; я чувствовалъ усталость — даже сла-

бость.—Ну, что́-съ?—спросилъ меня Ардаліонъ:—были-съ? видѣли-съ?

— Онъ мнѣ, точно, показалъ что-то... чего я, признаюсь, не ожидалъ,—отвѣчалъ я.

— Великой премудрости человѣкъ! — замѣтилъ Ардаліонъ, вынося самоваръ: — отъ купечества къ нимъ — ба-альшое уваженіе!

Ложась спать и размышляя о случившейся со мной исторіи, я, наконецъ, вообразилъ, что добился ея объясненія. Человѣкъ этотъ, несомнѣнно, обладалъ значительной магнетической силой; дѣйствуя, конечно, непонятнымъ для меня способомъ, на мои нервы, онъ такъ ясно, такъ опредѣленно возбудилъ во мнѣ образъ старика, о которомъ я думалъ, что мнѣ, наконецъ, показалось, что я его вижу передъ глазами... Наукѣ извѣстны подобныя „метастазы“ — перестановленія ощущеній. Прекрасно; но сила, способная производить такія дѣйствія, все-таки оставалась чѣмъ-то удивительнымъ и таинственнымъ. „Что̀ ни говори“, думалъ я: „я видѣлъ, своими глазами видѣлъ покойнаго моего гувернера!“

На слѣдующій день происходилъ балъ въ дворянскомъ собраніи. Отецъ Софѝ заѣхалъ ко мнѣ и напомнилъ мнѣ приглашеніе, которое я сдѣлалъ его дочери. Въ десятомъ часу вечера я уже стоялъ рядомъ съ нею посреди залы, освѣщенной множествомъ мѣдныхъ лампъ, и готовился выдѣлывать немудреные па̀ французской кадрили подъ громогласныя завыванія военнаго оркестра. Народу съѣхалось пропасть; особенно много было дамъ, и прехорошенькихъ: но пальма первенства между ними непремѣнно осталась бы за моей дамой, если бы не нѣсколько странный, нѣсколько даже дикій ея взоръ. Я замѣтилъ, что она очень рѣдко мигала; несомнѣнное выраженіе искренности въ ея глазахъ не выкупало того, что̀ въ нихъ было необычнаго. Но сложена она была прелестно и двигалась граціозно, хоть и застѣнчиво. Когда она вальсировала и, немного перегнувъ назадъ свой станъ, наклоняла тонкую шею къ правому плечу, какъ бы желая отдалиться отъ

своего танцора, ничего болѣе трогательно-молодого и чистаго нельзя было себѣ представить. Она была вся въ бѣломъ съ бирюзовымъ крестикомъ на черной ленточкѣ.

Я пригласилъ ее на мазурку и постарался разговорить ее. Но она отвѣчала мало и неохотно, а слушала внимательно, съ тѣмъ же выраженіемъ задумчиваго изумленія, которое поразило меня въ первое мое свиданіе съ нею. Никакой тѣни кокетства въ ея лѣта, съ ея наружностію, и отсутствіе улыбки, и эти глаза, постоянно и прямо устремленные въ глаза собесѣдника — эти глаза, которые въ то же время какъ будто видятъ что-то другое, чѣмъ-то другимъ озабочены... Что за странное существо! Не зная, наконецъ, чѣмъ расшевелить ее, я вздумалъ разсказать ей мое вчерашнее приключеніе.

Она выслушала меня до конца съ видимымъ любопытствомъ, но, чего я никакъ не ожидалъ, не удивилась моему разсказу и только спросила меня, не Василіемъ ли зовутъ *его?* Я вспомнилъ, что старуха при мнѣ называла его „Васинькой“.— Да; его имя Василій,— отвѣчалъ я:— развѣ вы его знаете?

— Здѣсь живетъ одинъ богоугодный человѣкъ, котораго зовутъ Василіемъ, — промолвила она: — я подумала, не онъ ли?

— Богоугодность тутъ ни къ чему,—замѣтилъ я:—это простое дѣйствіе магнетизма—фактъ, интересный для докторовъ и естествоиспытателей.

Я принялся излагать свои воззрѣнія на ту особенную силу, которую зовутъ магнетизмомъ, на возможность подчиненія воли одного человѣка волѣ другого и т. п.; но мои, правда, нѣсколько сбивчивыя объясненія, казалось, не производили впечатлѣнія на мою собесѣдницу. Софи слушала, уронивъ на колѣни скрещенныя руки съ неподвижно лежавшимъ въ нихъ вѣеромъ; она не играла имъ, она вообще не шевелила пальцами, и я чувствовалъ, что всѣ мои слова отскакивали отъ нея, какъ отъ каменной статуи. Она понимала ихъ, но у ней видимо были свои незыблемыя и неискоренимыя убѣжденія.

— Не допускаете же вы чудесъ!—воскликнулъ я.

— Конечно, допускаю, — спокойно промолвила она.— Да и какъ возможно не допускать ихъ? Развѣ не сказано въ Евангеліи, что у кого на одно горчичное сѣмя вѣры, тотъ можетъ горы поднимать съ мѣста? Нужно только вѣру имѣть,—чудеса будутъ.

— Видно, мало вѣры въ наше время стало,—возразилъ я:—что̀-то не слыхать про чудеса!

— Однако, вотъ, бываютъ же; вы сами видѣли. Нѣтъ; вѣра не перевелась въ наше время; а начало вѣры...

— Начало премудрости страхъ Божій,—перебилъ я.

— Начало вѣры, — продолжала Софи̇, нисколько не смутившись:—самоотверженіе... уничиженіе!

— Даже уничиженіе?—спросилъ я.

— Да. Гордость человѣческая, гордыня, высокомѣріе, вотъ что̀ надо искоренить до тла. Вы вотъ упомянули о волѣ... ее-то и надо сломить.

Я окинулъ взоромъ всю фигуру молоденькой дѣвушки, произносившей такія рѣчи... „А вѣдь этотъ ребенокъ не шутитъ!“ подумалось мнѣ. Я взглянулъ на нашихъ сосѣдей по мазуркѣ: они также взглянули на меня, и мнѣ показалось, что мое удивленіе ихъ забавляло; одинъ изъ нихъ даже улыбнулся мнѣ сочувственно, какъ бы желая сказать: „А? что̀? какова у насъ барышня-чудачка? здѣсь всѣ ее за такую знаютъ“.

— Вы попытались сломить свою волю? — обратился я снова къ Софи̇.

— Всякій обязанъ дѣлать то, что̀ ему кажется правдой,—отвѣчала она какимъ-то догматическимъ тономъ.

— Позвольте васъ спросить,—началъ я послѣ небольшого молчанія:—вѣрите ли вы въ возможность вызывать мертвыхъ?

Софи̇ тихо покачала головою.

— Мертвыхъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Душъ мертвыхъ нѣтъ; онѣ безсмертны и могутъ всегда явиться, когда захотятъ... Онѣ постоянно окружаютъ насъ.

— Какъ? Вы полагаете, что, напримѣръ, подлѣ того гарнизоннаго маіора, съ краснымъ носомъ, можетъ въ эту минуту витать безсмертная душа?

— Почему же нѣтъ? Солнечный свѣтъ освѣщаетъ же его и его носъ—а развѣ солнечный свѣтъ, всякій свѣтъ, не отъ Бога? И что такое наружность? Для чистаго нѣтъ ничего нечистаго! Лишь бы учителя найти! наставника найти!

— Да позвольте, позвольте,—вмѣшался я, признаюсь, не безъ злорадства.—Вы желаете наставника... а духовникъ вашъ на что̀?

Софи̇ холодно посмотрѣла на меня.

— Вы, кажется, хотите смѣяться надо мною. Батюшка мой духовный говоритъ мнѣ, что̀ я должна дѣлать; но мнѣ нуженъ такой наставникъ, который самъ бы мнѣ на дѣлѣ показалъ, какъ жертвуютъ собою!

Она подняла глаза къ потолку. Своимъ дѣтскимъ лицомъ и этимъ выраженіемъ неподвижной задумчивости, тайнаго, постояннаго изумленія, она напоминала мнѣ до-Рафаэлевскихъ мадоннъ...

— Я читала гдѣ-то,—продолжала она, не оборачиваясь ко мнѣ и едва шевеля губами:—что одинъ вельможа велѣлъ себя похоронить подъ папертью церковною для того, чтобы всѣ приходившіе люди ногами попирали его, топтали... Вотъ это надо еще при жизни сдѣлать...

Бумъ! бумъ! тра-ра-рахъ!—гремѣли съ хоровъ литавры... Признаюсь, подобный разговоръ на балѣ показался мнѣ черезчуръ эксцентричнымъ; онъ невольно возбуждалъ во мнѣ мысли... свойства совершенно противоположнаго религіозному. Я воспользовался приглашеніемъ моей дамы на одну изъ фигуръ мазурки, чтобы уже не возобновлять нашихъ quasi-богословскихъ преній.

Четверть часа спустя, я отвелъ mademoiselle Sophie къ ея родителю, а дня черезъ два я покинулъ городъ Т..., и образъ дѣвушки съ дѣтскимъ лицомъ и непроницаемой, точно каменной душой, скоро изгладился изъ моей памяти.

Минуло два года, и этому образу опять пришлось возникнуть предо мною. А именно: я разговаривалъ съ однимъ сослуживцемъ, только-что вернувшимся изъ поѣздки по южной Россіи. Онъ прожилъ нѣсколько времени въ городѣ Т.... и сообщилъ мнѣ кое-какія свѣдѣнія о тамошнемъ обществѣ. — Кстати! — воскликнулъ онъ: — вѣдь ты, кажется, хорошо знакомъ съ В. Г. Б.?

— Какъ же, знакомъ.

— И дочь его, Софью, ты знаешь?

— Я видѣлъ ее раза два.

— Представь: сбѣжала!

— Какъ такъ?

— Да такъ же. Вотъ уже три мѣсяца, какъ безъ вѣсти пропала. И удивительно то, что никто не можетъ сказать, съ кѣмъ она сбѣжала. Представь, никакой догадки, ни малѣйшаго подозрѣнія! Она всѣмъ женихамъ отказывала. И поведенія была самаго скромнаго. Ужъ эти мнѣ тихони, да богомолки! Скандалъ по губерніи ужасный! Б. въ отчаяніи... И какая ей была нужда бѣжать? Отецъ во всемъ исполнялъ ея волю. Главное, непостижимо то, что всѣ губернскіе ловеласы налицо, всѣ до единаго.

— И ея до сихъ поръ не отыскали?

— Говорятъ тебѣ, какъ въ воду канула! Одной богатой невѣстой на свѣтѣ меньше, вотъ что скверно.

Извѣстіе это меня очень удивило. Оно никакъ не вязалось съ тѣмъ воспоминаніемъ, которое я сохранилъ о Софіи Б. Но мало ли чего не бываетъ!

Осенью того же года меня, опять-таки по служебнымъ дѣламъ, судьба закинула въ С....кую губернію, находящуюся, какъ извѣстно, рядомъ съ губерніей Т...ской. Погода стояла дождливая и холодная; изнуренныя почтовыя лошадёнки едва тащили мой легонькій тарантасъ по растворившемуся чернозему большой дороги. Помнится, одинъ день выдался особенно неудачный: раза три пришлось „сидѣть“ въ грязи по ступицу; ямщикъ мой то и дѣло бросалъ одну колею и съ гиканьемъ и завываніемъ переползалъ въ другую; но и въ той не было легче. Словомъ,

къ вечеру я такъ измучился, что, добравшись до станціи, рѣшился переночевать на постояломъ дворѣ. Мнѣ отвели комнатку съ деревяннымъ продавленнымъ диваномъ, покривившимся поломъ и оборванными бумажками по стѣнамъ; въ ней пахло квасомъ, рогожей, лукомъ и даже скипидаромъ, и мухи роями сидѣли повсюду; но, по крайней мѣрѣ, отъ непогоды можно было укрыться; а дождь, какъ говорится, зарядилъ на цѣлыя сутки. Я велѣлъ поставить самоваръ и, присѣвъ на диванъ, предался тѣмъ дорожнымъ нерадостнымъ думамъ, которыя такъ знакомы путешественникамъ на Руси.

Онѣ были прерваны тяжелымъ стукомъ, раздавшимся въ общей избѣ, отъ которой моя комната отдѣлялась дощатой перегородкой. Стукъ этотъ сопровождался отрывочнымъ, зычнымъ бряцаніемъ, подобнымъ лязгу цѣпей, и внезапно гаркнулъ грубый мужской голосъ:—Благослови Богъ всѣхъ сущихъ *у дому сему*. Благослови Богъ! Благослови Богъ! Аминь, аминь, разсыпься! — повторилъ голосъ, какъ-то нескладно и дико вытягивая послѣдній слогъ каждаго слова... Послышался шумный вздохъ, и грузное тѣло съ тѣмъ же бряцаньемъ опустилось на лавку.

— Акулина! Раба Божія, подь сюда!—заговорилъ опять голосъ: — зри, яко нагъ, яко благъ... Ха-ха-ха! Тьфу! Господи Боже мой, Господи Боже мой, Господи Боже мой, — загудѣлъ голосъ, какъ дьячокъ на клиросѣ:— Господи Боже мой, Владыка живота моего, воззри на окаянство мое... О-хо-хо! Ха-ха... Тьфу! А дому сему благодать въ часъ седьмый!

— Кто это?—спросилъ я тороватую мѣщанку-хозяйку, вошедшую ко мнѣ съ самоваромъ.

— А это, батюшка вы мой, — отвѣчала она мнѣ торопливымъ шопотомъ:—блаженный, божій человѣкъ. Въ нашихъ краяхъ недавно проявился: вотъ и насъ посѣтить изволилъ. Въ какую непогодь! Такъ съ него, голубчика, ручьями и льетъ! И вериги вы бы посмотрѣли на немъ какія—страсть!

— Благослови Богъ! Благослови Богъ!—раздался снова голосъ. — Акулина! А Акулина! Акулинушка — другъ! И

гдѣ нашъ рай? Рай нашъ прекрасный? Въ пустынѣ нашъ рай... рай... А дому сему, на починѣ вѣку сего... радости велiи... о... о... о...—Голосъ забормоталъ что-то невнятное, и вдругъ, вслѣдъ за протяжнымъ зѣвкомъ, опять послышался сиплый хохотъ. Хохотъ этотъ вырывался всякiй разъ какъ бы невольно, и всякiй разъ послѣ него слышалось негодующее плеванiе.

— Эхъ-ма! Степаныча нѣтъ! вотъ наше горе-то!—словно про себя промолвила хозяйка, со всѣми признаками глубочайшаго вниманiя остановившаяся у двери. — Словцо какое спасительное скажетъ, а мнѣ бабѣ и невдомёкъ!— Она проворно вышла.

Въ перегородкѣ была щель; я приложился къ ней глазомъ. Юродивый сидѣлъ на лавкѣ ко мнѣ задомъ: я видѣлъ только его громадную, какъ пивной котелъ, косматую голову, да широкую, сгорбленную спину подъ заплатаннымъ мокрымъ рубищемъ. Передъ нимъ, на земляномъ полу, стояла на колѣняхъ тщедушная женщина въ старомъ, тоже мокромъ, мѣщанскомъ шушунѣ съ темнымъ платкомъ, надвинутымъ на самые глаза. Она силилась стащить сапогъ съ ноги юродиваго, пальцы ея скользили по загрязненной осклизлой кожѣ. Хозяйка стояла возлѣ нея со сложенными на груди руками, и благоговѣйно взирала на „божьяго человѣка“. Онъ, попрежнему, бурчалъ какiя-то невнятныя рѣчи.

Наконецъ, женщинѣ въ шушунѣ удалось сдернуть сапогъ. Она чуть навзничь не упала, однако справилась и принялась разматывать онучи юродиваго. На подъемѣ ноги оказалась рана... Я отвернулся.

— Чайкомъ не прикажешь ли попотчивать, родимый?— послышался подобострастный голосъ хозяйки.

— Что̀ выдумала!—отозвался юродивый.—Грѣшное тѣло баловать... Охо-хо! Всѣ кости ему сокрушить... а она—чай! Охъ, охъ, старица почтенная, сатана въ насъ силенъ! На него гладъ, на него хладъ, на него хляби небесныя, дожди проливные, пронзительные, а онъ ничего, живучъ! Помни день Покрова Богородицы! Будетъ тебѣ, будетъ много!

Хозяйка легонько даже ахнула отъ удивленія.

— Только ты слушай меня! Все отдай, голову отдай, рубаху отдай! И просить не будутъ, а ты отдай! Потому, Богъ видитъ! Али крышу долго разметать? Далъ Онъ тебѣ, Милостивецъ, хлѣба, ну, и сажай его въ печь! А Онъ все видитъ! Ви...и...ди...итъ! Глазъ въ треугольникѣ чей? сказывай... чей?

Хозяйка украдкой перекрестилась подъ косынкой.

— Древлій врагъ, адамантъ! А...да...мантъ! А...да... мантъ, — повторилъ нѣсколько разъ юродивый со скрежетомъ зубовъ. — Древлій змій! Но, да воскреснетъ Богъ! Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его! Я всѣхъ мертвыхъ призову! На врага его пойду... Ха-ха-ха! Тьфу!

— Маслица нѣтъ ли у васъ, — произнесъ другой, едва слышный голосъ: — дайте на ранку приложить... тряпочка у меня чистая есть.

Я снова глянулъ сквозь щель: женщина въ шушунѣ все еще возилась съ больной ногой юродиваго... „Магдалина!“ подумалъ я.

— Сейчасъ, сейчасъ, голубушка, — промолвила хозяйка и, войдя ко мнѣ въ комнату, достала ложечкой масла изъ лампадки передъ образомъ.

— Кто это ему прислуживаетъ? — спросилъ я.

— А не знаемъ, батюшка, кто такая; тоже спасается, чай, грѣхи заслуживаетъ. Ну, да ужъ и святой же человѣкъ!

— Акулинушка, чадушко мое милое, дочка моя любезная, — твердилъ между тѣмъ юродивый, и вдругъ заплакалъ.

Стоявшая передъ нимъ на колѣняхъ женщина возвела на него свои глаза... Боже мой, гдѣ видѣлъ я эти глаза?

Хозяйка подошла къ ней съ ложечкой масла. Та кончила свою операцію и, поднявшись съ полу, спросила, нѣтъ ли чистаго чуланчика, да сѣнца немного... „Василій Никитичъ на сѣнѣ почивать любитъ“, прибавила она.

— Какъ не быть, пожалуйте, — отвѣчала хозяйка: — пожалуй, родименькій, — обратилась она къ юродивому: — обсушись, отдохни. — Тотъ закряхтѣлъ, медлительно поднялся

съ лавки—его вериги опять звякнули—и, обернувшись ко мнѣ лицомъ и поискавъ образовъ глазами, началъ креститься большимъ крестомъ наотмашь.

Я тотчасъ узналъ его: это былъ тотъ самый мѣщанинъ Василій, который нѣкогда показалъ мнѣ моего покойнаго гувернера!

Черты его мало измѣнились; только выраженіе ихъ стало еще необычнѣе, еще страшнѣе... Нижняя часть опухшаго лица обросла взъерошенною бородою. Оборванный, грязный, одичалый, онъ внушалъ мнѣ еще больше отвращенія, чѣмъ ужаса. Онъ пересталъ креститься, но продолжалъ блуждать безсмысленнымъ взоромъ по угламъ, по полу, словно ждалъ чего-то...

— Василій Никитичъ, пожалуйте,—промолвила съ поклономъ женщина въ шушунѣ. Онъ вдругъ взмахнулъ головой и повернулся, да запутался ногами, зашатался... Спутница его тотчасъ къ нему подскочила и поддержала его подъ мышку. Судя по голосу, да по стану, она казалась еще молодой женщиной: лица ея почти невозможно было видѣть.

— Акулинушка, другъ!—проговорилъ еще разъ юродивый какимъ-то потрясающимъ голосомъ и, широко раскрывъ ротъ и ударивъ себя кулакомъ въ грудь, простоналъ глухимъ, со дна души поднявшимся стономъ. Оба вышли изъ комнаты вслѣдъ за хозяйкой.

Я легъ на свой жесткій диванъ и долго размышлялъ о томъ, что̀ видѣлъ. Мой магнетизеръ сталъ окончательно юродивымъ. Вотъ куда повернула его та сила, которую нельзя было не признать въ немъ.

На слѣдующее утро я собрался въ путь. Дождь лилъ по-вчерашнему, но я не могъ долѣе мѣшкать. На лицѣ моего слуги, подававшаго мнѣ умываться, играла особенная, сдержанно-насмѣшливая улыбочка. Я хорошо понималъ эту улыбочку: она обозначала, что слуга мой узналъ что-нибудь невыгодное или даже неприличное насчетъ господъ. Онъ видимо сгоралъ нетерпѣніемъ сообщить мнѣ это.

— Ну, что такое?—спросилъ я наконецъ.

— Вчерашняго юродивца изволили видѣть?—немедленно заговорилъ мой слуга.

— Видѣлъ; что же далѣе?

— А товарку ихнюю тоже видѣли-съ?

— Видѣлъ и ее.

— Она-съ барышня; дворянскаго происхожденія.

— Какъ?

— Истину вамъ докладываю-съ; купцы сегодня изъ Т... проѣзжали; признали ее. Фамилію даже называли, только я запамятовалъ-съ.

Меня какъ молніей освѣтило. — Юродивый еще здѣсь, или уже ушелъ?—спросилъ я.

— Кажись, еще не уходилъ. Давеча сидѣлъ подъ воротами и мудреное такое творилъ, что и постигнуть невозможно. Благуетъ съ жиру: потому, выгоду въ томъ себѣ находитъ.

Слуга мой принадлежалъ къ тому же разряду образованныхъ дворовыхъ, какъ и Ардаліонъ.

— И барышня съ нимъ?

— Съ ними-съ; дежурятъ тоже.

Я вышелъ на крыльцо и увидѣлъ юродиваго. Онъ сидѣлъ на лавочкѣ подъ воротами и, упершись въ нее обѣими ладонями, раскачивалъ направо и налѣво понуренную голову, — ни дать, ни взять, дикій звѣрь въ клѣткѣ. Густыя космы курчавыхъ волосъ закрывали ему глаза и моталась изъ стороны въ сторону такъ же, какъ и отвисшія губы... Странное, почти нечеловѣческое бормотаніе вырывалось изъ нихъ. Спутница его только-что умылась изъ висѣвшаго на жердочкѣ кувшина и, не успѣвъ еще накинуть платокъ себѣ на голову, пробиралась назадъ къ воротамъ по узкой дощечкѣ, положенной черезъ темныя лужицы навознаго двора. Я взглянулъ на эту, теперь со всѣхъ сторонъ открытую голову, и невольно всплеснулъ руками отъ изумленія: предо мной была Софи Б.!

Она быстро обернулась и уставила на меня свои го-

лубые, попрежнему неподвижные глаза. Она очень похудѣла, кожа загрубѣла и приняла изжелта-красный оттѣнокъ загара, носъ заострился, и губы обозначились рѣзче. Но она не подурнѣла; только къ прежнему, задумчиво-изумленному выраженію присоединилось другое, рѣшительное, почти смѣлое, сосредоточенно-восторженное выраженіе. Дѣтскаго въ этомъ лицѣ уже не оставалось ни слѣда.

Я приблизился къ ней.—Софья Владиміровна,—воскликнулъ я: — неужели это вы? Въ этомъ платьѣ... въ этомъ обществѣ...

Она вздрогнула, еще пристальнѣе взглянула на меня, какъ бы желая узнать, кто съ ней заговариваетъ, и, не отвѣтивъ мнѣ ни слова, такъ и бросилась къ своему товарищу.

— Акулинушка,—замепеталъ онъ, тяжело вздохнувъ:— грѣхи наши, грѣхи...

— Василій Никитичъ, идемте сейчасъ! Слышите, сейчасъ, сейчасъ, — промолвила она, одной рукой надергивая платокъ себѣ на лобъ, а другой подхватывая юродиваго подъ локоть: — идемте, Василій Никитичъ. Здѣсь опасно.

— Иду, матушка, иду, — покорно отвѣтилъ юродивый и, перегнувшись всѣмъ тѣломъ впередъ, приподнялся съ лавочки.—Вотъ, только цѣпочечку-то подвязать...

Я еще разъ подошелъ къ Софьѣ и назвалъ себя, и началъ умолять ее выслушать меня, сказать мнѣ одно слово, я указывалъ ей на дождь, который полилъ какъ изъ ведра, я попросилъ ее пощадить собственное здоровье, здоровье ея товарища, я упоминалъ объ ея отцѣ... Но ею овладѣло какое-то злое, какое-то безпощадное одушевленіе. Не обращая на меня никакого вниманія, стиснувъ зубы и прерывисто дыша, она вполголоса, короткими, повелительными словами, понукала растерявшагося юродиваго, подпоясала его, подвязала его вериги, нахлобучила ему на волосы суконный дѣтскій картузъ съ изломаннымъ козырькомъ, всунула ему палку въ руку, накинула самой себѣ на плечи котомку и вышла съ нимъ

за ворота, на улицу... Остановить ее самоё я не имѣлъ права, да оно ни къ чему бы и не послужило; а на послѣдній мой отчаянный возгласъ она даже не обернулась. Поддерживая „божьяго человѣка“ подъ руку, она проворно шагала по черной уличной грязи, и чрезъ нѣсколько мгновеній, сквозь тусклую мглу туманнаго утра, сквозь частую сѣтку падавшаго дождя, въ послѣдній разъ мелькнули предо мною обѣ фигуры, юродиваго и Софьи... Онѣ завернули за уголъ выдавшейся избы и исчезли навсегда.

Я вернулся къ себѣ въ комнату. Раздумье нашло на меня. Я ничего не понималъ; я не понималъ, какъ могла такая хорошо воспитанная, молодая, богатая дѣвушка бросить все и всѣхъ, родной домъ, семью, знакомыхъ, махнуть рукой на всѣ привычки, на всѣ удобства жизни, и для чего? Для того, чтобы пойти вслѣдъ полусумасшедшему бродягѣ, чтобъ сдѣлаться его прислужницей? Ни на одно мгновеніе нельзя было остановиться на мысли, что поводомъ къ подобному рѣшенію была сердечная, хоть и извращенная наклонность, любовь или страсть... Стоило взглянуть на отталкивающую фигуру „божьяго человѣка“, чтобъ тотчасъ выкинуть подобную мысль изъ головы! Нѣтъ, Софй осталась чистой; и, какъ она однажды сказала мнѣ, для нея не было ничего нечистаго. Я не понималъ поступка Софй; но я не осуждалъ ея, какъ не осуждалъ впослѣдствіи другихъ дѣвушекъ, также пожертвовавшихъ всѣмъ тому, что *онѣ* считали правдой, въ чемъ *онѣ* видѣли свое призваніе. Я не могъ не сожалѣть, что Софй пошла именно *этимъ* путемъ; но отказать ей въ удивленіи, скажу болѣе, въ уваженіи, я также не могъ. Не даромъ она говорила мнѣ о самоотверженіи, объ уничиженіи... у *ней* слова не рознились съ дѣломъ. Она искала наставника и вождя, и нашла его... въ комъ, Боже мой!

Да, она заставила топтать, попирать себя ногами... Впослѣдствіи времени, до меня дошли слухи, что семьѣ удалось, наконецъ, отыскать заблудшую овцу и вернуть ее

домой. Но дома она пожила недолго, и умерла „молчальницей“, не говорившей ни съ кѣмъ.

Миръ сердцу твоему, бѣдное, загадочное существо! Василій Никитичъ, вѣроятно, до сихъ поръ юродствуетъ; желѣзное здоровье подобныхъ людей поистинѣ изумительно. Развѣ падучая его сломила.

Баденъ-Баденъ. 1869.

СТЕПНОЙ КОРОЛЬ ЛИРЪ.

(повѣсть.)

Насъ было человѣкъ шесть, собравшихся въ одинъ зимній вечеръ у стариннаго университетскаго товарища. Бесѣда зашла о Шекспирѣ, объ его типахъ, о томъ, какъ они глубоко и вѣрно выхвачены изъ самыхъ нѣдръ человѣческой „сути". Мы особенно удивлялись ихъ жизненной правдѣ, ихъ вседневности; каждый изъ насъ называлъ тѣхъ Гамлетовъ, тѣхъ Отелло, тѣхъ Фальстафовъ, даже тѣхъ Ричардовъ Третьихъ и Макбетовъ—(этихъ послѣднихъ, правда, только въ возможности)—съ которыми ему пришлось сталкиваться.

— А я, господа,—воскликнулъ нашъ хозяинъ, человѣкъ уже пожилой:—знавалъ одного короля Лира!

— Какъ такъ?—спросили мы его.

— Да такъ же. Хотите, я разскажу вамъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

И нашъ пріятель немедленно приступилъ къ повѣствованію.

I.

„Все мое дѣтство,—началъ онъ,—и первую молодость до пятнадцатилѣтняго возраста — я провелъ въ деревнѣ, въ имѣніи моей матушки, богатой помѣщицы ...й губерніи. Едва ли не самымъ рѣзкимъ впечатлѣніемъ того, уже далекаго, времени осталась въ моей памяти фигура нашего ближайшаго сосѣда, нѣкоего Мартына Петровича Харлова. Да и трудно было бы изгладиться тому впечатлѣнію: ничего подобнаго Харлову я уже въ жизни потомъ не встрѣчалъ. Представьте себѣ человѣка росту исполинскаго! На громадномъ туловищѣ сидѣла, нѣсколько искоса, безъ всякаго признака шеи, чудовищная голова; цѣлая копна спутанныхъ, желто-сѣдыхъ волосъ вздымалась надъ нею, зачинаясь чуть не отъ самыхъ взъерошенныхъ бровей. На обширной площади сизаго, какъ бы облупленнаго лица, торчалъ здоровенный, шишковатый носъ, надменно топорщились крошечные голубые глазки, и раскрывался ротъ, тоже крошечный, но кривой, растрескапный, одного цвѣта съ остальнымъ лицомъ. Голосъ изъ этого рта выходилъ хотя сиплый, но чрезвычайно крѣпкій и зычный... Звукъ его напоминалъ лязгъ желѣзныхъ полосъ, везомыхъ въ телѣгѣ по дурной мостовой—и говорилъ Харловъ, точно кричалъ кому-то въ сильный вѣтеръ черезъ широкій оврагъ. Трудно было сказать, что̀ именно выражало лицо Харлова, такъ оно было пространно... Однимъ взглядомъ его, бывало, и не окинешь! Но непріятно оно не было—нѣкоторая даже величавость замѣчалась въ немъ, только ужъ очень оно было дивно и необычайно. И что у него были за руки—тѣ же подушки! Что за пальцы, что за ноги! Помнится, я безъ нѣкотораго почтительнаго ужаса не могъ взирать на двухъ-аршинную спину Мартына Петровича, на его плечи, подобныя мельничнымъ жерновамъ; но особенно поражали меня его уши! Совершенные калачи—съ завертками и выгибами: щеки такъ и приподнимали ихъ съ обѣихъ сторонъ. Носилъ Мартынъ Петровичъ—и зиму, и лѣто—казакинъ изъ зеленаго сукна, подпоясанный черкесскимъ ремешкомъ, и смазные сапоги;

галстука я никогда на немъ не видалъ, да и вокругъ чего подвязалъ бы онъ галстукъ? Дышалъ онъ протяжно и тяжко, какъ быкъ, но ходилъ безъ шума. Можно было подумать, что, попавши въ комнату, онъ постоянно боялся все перебить и опрокинуть, и потому передвигался съ мѣста на мѣсто осторожно, все больше бокомъ, словно крадучись. Силой онъ обладалъ истинно-геркулесовской, и вслѣдствіе этого пользовался большимъ почетомъ въ околоткѣ: народъ нашъ до сихъ поръ благоговѣетъ передъ богатырями. Про него даже сложились легенды: разсказывали, что онъ, однажды, въ лѣсу встрѣтился съ медвѣдемъ и чуть не поборолъ его; что, заставъ у себя на пасѣкѣ чужого мужика-вора, онъ его вмѣстѣ съ телѣгой и лошадью перебросилъ черезъ плетень, и тому подобное. Самъ Харловъ никогда не хвастался своей силой.—„Коли десница у меня благословенная,—говаривалъ онъ,—такъ на то была воля Божія!“ — Онъ былъ гордъ: только не силою своею онъ гордился, а своимъ званіемъ, происхожденіемъ, своимъ умомъ-разумомъ.

— Нашъ родъ отъ вшеда (онъ такъ выговаривалъ слово шведъ), отъ вшеда Харлуса ведется,—увѣрялъ онъ;—въ княженіе Ивана Васильевича Темнаго (вонъ оно когда!) пріѣхалъ въ Россію; и не пожелалъ тотъ вшедъ Харлусъ быть чухонскимъ графомъ—а пожелалъ быть россійскимъ дворяниномъ, и въ золотую книгу записался. Вотъ мы, Харловы, откуда взялись!.. И по той самой причинѣ мы всѣ, Харловы, урождаемся бѣлокурые, очами свѣтлые и чистые лицомъ! потому снѣговики!

— Да, Мартынъ Петровичъ, — попытался я было возразить ему:—Ивана Васильевича Темнаго не было вовсе, а былъ Иванъ Васильевичъ Грозный. Темнымъ прозывался великій князь Василій Васильевичъ.

— Ври еще!—спокойно отвѣтилъ мнѣ Харловъ:—коли я говорю, стало оно такъ!

Однажды матушка вздумала похвалить его въ глаза, за его дѣйствительно замѣчательное безкорыстіе.

— Эхъ, Наталья Николаевна!—промолвилъ онъ почти съ досадой: — нашли за что хвалить! Намъ, господамъ,

нельзя инако; чтобъ никакой смердъ, земецъ, подвластный человѣкъ и думать о насъ худого не дерзнулъ! Я—Харловъ, фамилію свою вонъ откуда веду... (тутъ онъ показалъ пальцемъ куда-то очень высоко надъ собою въ потолокъ) и чести чтобъ во мнѣ не было! Да какъ это возможно?

Въ другой разъ вздумалось гостившему у моей матушки заѣзжему сановнику подтрунить надъ Мартыномъ Петровичемъ. Тотъ опять заговорилъ о вшедѣ Харлусѣ, который въѣхалъ въ Россію...

— При царѣ Горохѣ?—перебилъ сановникъ.

— Нѣтъ, не при царѣ Горохѣ,—а при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ Темномъ.

— А я такъ полагаю, — продолжалъ сановникъ: — что родъ вашъ гораздо древнѣе, и восходитъ даже до временъ допотопныхъ, когда водились еще мастодонты и мегалотеріи...

Эти ученые термины были совершенно неизвѣстны Мартыну Петровичу; но онъ понялъ, что сановникъ трунитъ надъ нимъ.

— Можетъ-быть,—брякнулъ онъ:—нашъ родъ, точно, оченно древній: въ то время, какъ мой пращуръ въ Москву прибылъ, сказываютъ, жилъ въ ней дуракъ не хуже вашего превосходительства, а такіе дураки нарождаются только разъ въ тысячу лѣтъ.

Сановникъ взбѣленился, а Харловъ качнулъ головой назадъ, выставилъ подбородокъ, фыркнулъ, да и былъ таковъ. Дня два спустя, онъ снова явился. Матушка начала упрекать его. — Урокъ ему, сударыня, — перебилъ Харловъ: — не наскакивай зря, спросись прежде, съ кѣмъ дѣло имѣешь. Младъ еще больно, учить его надо. — Сановникъ былъ почти однихъ лѣтъ съ Харловымъ; но этотъ исполинъ привыкъ всѣхъ людей считать недорослями. Очень ужъ онъ на себя надѣялся, и рѣшительно никого не боялся.—Развѣ мнѣ могутъ что сдѣлать? Гдѣ такой человѣкъ на свѣтѣ есть? — спрашивалъ онъ, и вдругъ принимался хохотать короткимъ, но оглушительнымъ хохотомъ.

II.

Матушка моя была очень разборчива на знакомства, но Харлова принимала съ особеннымъ радушіемъ и многое ему спущала: онъ, лѣтъ двадцать-пять тому назадъ, спасъ ей жизнь, удержавъ ея карету на краю глубокаго оврага, куда лошади уже свалились. Постромки и шлеи порвались, а Мартынъ Петровичъ такъ и не выпустилъ изъ рукъ схваченнаго имъ колеса — хотя кровь брызнула у него изъ-подъ ногтей. Матушка моя и женила его: она выдала за него семнадцатилѣтнюю сироту, воспитанную у ней въ домѣ; ему тогда минуло сорокъ лѣтъ. Жена Мартына Петровича была собой тщедушна,—онъ, говорятъ, на ладони внесъ ее къ себѣ въ домъ,—и пожила она съ нимъ недолго; однако, родила ему двухъ дочерей. Матушка моя и послѣ ея смерти продолжала оказывать покровительство Мартыну Петровичу; она помѣстила старшую дочь его въ губернскій пансіонъ, потомъ сыскала ей мужа— и уже имѣла другого на примѣтѣ, для второй. Харловъ былъ хозяинъ порядочный, землицы за нимъ водилось десятинъ съ триста, и обстроился онъ помаленьку, а ужъ какъ крестьяне ему повиновались,—объ этомъ и толковать нечего! По тучности своей, Харловъ почти никуда не ходилъ пѣшкомъ: земля его не носила. Онъ всюду разъѣзжалъ на низенькихъ бѣговыхъ дрожкахъ и самъ правилъ лошадью, чахлой, тридцатилѣтней кобылой, со шрамомъ отъ раны на плечѣ: эту рану она получила въ бородинскомъ сраженіи, подъ вахмистромъ кавалергардскаго полка. Лошадь эта постоянно хромала, какъ-то на всѣ четыре ноги разомъ; идти шагомъ она не могла, а только перетрусывала рысцей, вприпрыжку; ѣла она чернобыльникъ и полынь по межамъ, чего я ни за какой другой лошадью не замѣчалъ. Помнится, я всегда недоумѣвалъ, какъ могла эта полуживая кляча возить такую страшную тяжесть. Я не смѣю повторить, сколько въ нашемъ сосѣдѣ насчитывали пудовъ. За спиной Мартына Петровича помѣщался на бѣговыхъ дрожкахъ его черномазый казачокъ, Максимка. Прижавшись всѣмъ тѣломъ и ли-

помъ къ своему барину и упираясь босыми ногами въ заднюю ось дрожекъ, онъ казался листикомъ или червякомъ, случайно приставшимъ къ воздвигавшейся передъ нимъ исполинской тушѣ. Тотъ же казачокъ, разъ въ недѣлю, брилъ Мартына Петровича. Для исполненія этой операціи, онъ, говорятъ, становился на столъ; иные шутники увѣряли, что онъ принужденъ былъ бѣгать вокругъ подбородка своего барина. Харловъ не любилъ подолгу сидѣть дома, и потому его частенько можно было видѣть разъѣзжающимъ въ своемъ неизмѣнномъ экипажѣ, съ вожжами въ одной рукѣ (другою онъ хватски, съ вывертомъ локтя, опирался на колѣно), съ крошечнымъ старымъ картузомъ на самомъ верху головы. Онъ бодро посматривалъ кругомъ своими медвѣжьими глазенками, окликалъ громовымъ голосомъ всѣхъ встрѣчныхъ мужиковъ, мѣщанъ, купцовъ; попамъ, которыхъ онъ очень не любилъ, посылалъ крѣпкія посулы, и однажды, поровнявшись со мною (я вышелъ прогуляться съ ружьемъ), такъ заатукалъ на лежавшаго возлѣ дороги зайца, что стонъ и звонъ стояли у меня въ ушахъ до самаго вечера.

III.

Матушка моя, какъ я уже сказалъ, радушно принимала Мартына Петровича; она знала, какое глубокое уваженіе онъ питалъ къ ея особѣ. — „Барыня! госпожа! нашего поля ягодка!“—такъ отзывался онъ о ней. Онъ величалъ ее благодѣтельницей, а она видѣла въ немъ преданнаго великана, который не усомнился бы пойти за нее одинъ на цѣлую ватагу мужиковъ: — и хотя не предвидѣлось даже возможности подобнаго столкновенія, однако, по понятіямъ матушки, при отсутствіи мужа (она рано овдовѣла), такимъ защитникомъ, какъ Мартынъ Петровичъ, брезгать не слѣдовало. Притомъ же, человѣкъ онъ былъ прямой, ни въ комъ не заискивалъ, денегъ не занималъ, вина не пилъ—и глупъ тоже не былъ, хотя образованія не получилъ никакого. Матушка довѣряла Мартыну Петровичу. Когда ей вздумалось составить духовное завѣщаніе, она потребовала его въ свидѣтели, и онъ нарочно ѣздилъ

домой за желѣзными круглыми очками, безъ которыхъ писать не могъ: и съ очками-то на носу онъ едва-едва, въ теченіе четверти часа, пыхтя и отдуваясь, успѣлъ начертать свой чинъ, имя, отчество и фамилію, при чемъ буквы ставилъ огромныя, четырехугольныя, съ титлами и хвостами; а совершивъ свой трудъ, объявилъ, что усталъ, и что ему—что̀ писать, что̀ блохъ ловить—все едино. Да, матушка его уважала... однако, дальше столовой его у насъ не пускали. Ужъ очень сильный шелъ отъ него духъ: землей отдавало отъ него, лѣснымъ дромомъ, тиной болотной. „Какъ есть лѣшій!“ увѣряла моя старая няня. Къ обѣду Мартыну Петровичу ставили въ углу особый столъ — и онъ этимъ не обижался — онъ зналъ, что другимъ неловко было сидѣть съ нимъ рядомъ,—да ему было привольнѣе ѣсть: а ѣлъ онъ такъ, какъ, я полагаю, не ѣдалъ никто со временъ Полифэма. Для него всегда, въ самомъ началѣ обѣда, припасали, въ видахъ предосторожности, горшокъ каши, фунтовъ въ шесть: „а то вѣдь ты меня объѣшь!“ говаривала матушка.—„И то, сударыня, объѣмъ!“ отвѣчалъ, ухмыляясь, Мартынъ Петровичъ.

Матушка любила слушать его разсужденія о какомъ-нибудь хозяйственномъ предметѣ; но долго не могла выдерживать его голоса.

— Что это, мой батюшка! — восклицала она: — ты бы отъ этого хоть полѣчился, что ли! Совсѣмъ оглушилъ меня. Этакая труба!

— Наталья Николаевна! Благодѣтельница! — отвѣчалъ обыкновенно Мартынъ Петровичъ. — Я въ своей гортани не воленъ. Да и какое лѣкарство меня пронять можетъ— извольте посудить? Я вотъ лучше помолчу маленечко.

Дѣйствительно, я полагаю, никакое лѣкарство не могло бы пронять Мартына Петровича. Онъ же никогда и боленъ не бывалъ.

Разсказывать онъ не умѣлъ и не любилъ. „Отъ долгихъ рѣчей одышка бываетъ“, замѣчалъ онъ съ укоризной. Только когда его наводили на двѣнадцатый годъ (онъ служилъ въ ополченіи и получилъ бронзовую медаль, которую по праздникамъ носилъ на владимірской ленточкѣ),

когда его разспрашивали про французовъ, онъ сообщалъ кой-какіе анекдоты, хотя постоянно увѣрялъ притомъ, что никакихъ французовъ, настоящихъ, въ Россію не приходило: а такъ, мародеришки съ голодухи набѣжали, и что онъ много этой швали по лѣсамъ колачивалъ.

IV.

А между тѣмъ, и на этого несокрушимаго, самоувѣреннаго исполина находили минуты меланхоліи и раздумья. Безо всякой видимой причины онъ вдругъ начиналъ скучать; запирался одинъ къ себѣ въ комнату, и гудѣлъ — именно гудѣлъ, какъ цѣлый пчелиный рой; либо призывалъ казачка Максимку и приказывалъ ему или читать вслухъ изъ единственной, забредшей къ нему въ домъ, книги разрозненнаго тома Новиковскаго „Покоющагося Трудолюбца",—или пѣть. И Максимка, который, по странной игрѣ случая, умѣлъ читать по складамъ, принимался, съ обычнымъ перерубаніемъ словъ и перестановленіемъ удареній, выкрикивать фразы, въ родѣ слѣдующей:— „но че-ловѣкъ страстный выводитъ изъ сего пустого мѣста, кото-рое онъ находитъ въ тваряхъ, совсѣмъ противныя слѣдствія. Каждая тварь особо, сказываетъ онъ, не сильна сдѣлать меня счас-тливымъ!" и т. д. *), или затягивалъ тончайшимъ голоскомъ заунывную пѣсенку, въ которой только можно было разобрать, что: „И... и... э... и... э... и... Ааа... ска!.. О... у... у... би... и... и... и... ла!" А Мартынъ Петровичъ качалъ головою, упоминалъ о бренности, о томъ, что все пойдетъ прахомъ, увянетъ, яко быліе; прейдетъ—и не будетъ! Попалась ему какъ-то картинка, изображавшая горящую свѣчу, въ которую со всѣхъ сторонъ, напрягши щеки, дуютъ вѣтры; внизу стояла подпись: „Такова жизнь человѣческая!" Очень понравилась ему эта картинка; онъ повѣсилъ ее у себя въ кабинетѣ;— но въ обыкновенное, не меланхолическое время, перевертывалъ ее лицомъ къ стѣнѣ, чтобы не смущала: Харловъ, этотъ колоссъ, боялся смерти! Къ помощи религіи, къ

*) „Покоющійся Трудолюбецъ", періодическое изданіе и т. д. Москва, 1785 г. Часть 3-я. Стран. 23, строка 11 сверху.

молитвѣ, онъ, впрочемъ, и въ припадкѣ меланхоліи прибѣгалъ рѣдко; онъ и тутъ больше надѣялся на свой собственный умъ. Набожности въ немъ особенной не было; его въ церкви не часто видали; правда, онъ говорилъ, что не ходитъ туда по той будто причинѣ, что, по размѣру тѣла своего боится выдавить всѣхъ вонъ. Припадокъ обыкновенно кончался тѣмъ, что Мартынъ Петровичъ начнетъ посвистывать — и вдругъ громогласнымъ голосомъ прикажетъ заложить себѣ дрожки и покатитъ куда-нибудь по сосѣдству, не безъ удали потрясая свободной рукой надъ козырькомъ картуза, какъ бы желая сказать, что намъ-молъ теперь все — трынъ-трава! Русскій былъ человѣкъ.

V.

Силачи, подобные Мартыну Петровичу, бываютъ большею частью нрава флегматическаго; онъ, напротивъ того, довольно легко раздражался. Особенно выводилъ его изъ терпѣнія пріютившійся въ нашемъ домѣ, въ качествѣ не то шута, не то нахлѣбника,—братъ его покойной жены— нѣкто Бычковъ; съ младыхъ ногтей прозванный Сувениромъ, и такъ уже оставшійся Сувениромъ для всѣхъ, даже для слугъ, которые, правда, величали его Сувениромъ Тимоѳеичемъ. Настоящаго своего имени онъ, кажется, и самъ не зналъ. Это былъ человѣкъ мизерный, всѣми презираемый: приживальщикъ, однимъ словомъ. Съ одной стороны рта у него недоставало всѣхъ зубовъ, отчего его маленькое, морщинистое лицо казалось искривленнымъ. Онъ вѣчно суетился, егозилъ: въ дѣвичью заберется, или въ контору, на слободку къ попамъ, а не то къ старостѣ въ избу; отовсюду его гонятъ, а онъ только пожимается, да щуритъ свои косые глазки — да смѣется дрянно, жидко, точно бутылку полощетъ. Мнѣ всегда казалось, что будь у Сувенира деньги, самый бы скверный человѣкъ изъ него вышелъ, безнравственный, злой, даже жестокій. Бѣдность поневолѣ его „сократила“. Пить позволялось ему только въ праздники. Одѣвали его прилично, по приказанію матушки, такъ какъ онъ по ве-

черамъ составлялъ ея партію въ пикетъ или бостонъ. Сувениръ то и дѣло твердилъ:—„Я, вотъ, позвольте, я чичасъ, чичасъ“.—„Да что *чичасъ?*“ — съ досадой спроситъ его матушка. Онъ мгновенно откинетъ руки назадъ, струситъ и лепечетъ:—„Какъ прикажете-съ!“—Подъ дверями послушать, посплетничать, а главное: „шпынять“, дразнить—другой у него заботы не было—и „шпынялъ“ онъ такъ, какъ будто имѣлъ на то право, какъ будто мстилъ за что-то. Мартына Петровича онъ звалъ братцемъ и надоѣдалъ ему пуще горькой рѣдьки.—„Вы сестрицу Маргариту Тимоѳеевну за что̀ уморили?“ — приставалъ онъ къ нему, вертясь передъ нимъ и хихикая. Однажды Мартынъ Петровичъ сидѣлъ въ бильярдной, прохладной комнатѣ, въ которой никто никогда ни одной мухи не видалъ—и которую сосѣдъ нашъ, врагъ жары и солнца,—оттого очень жаловалъ. Сидѣлъ онъ между стѣной и бильярдомъ. Сувениръ шмыгалъ мимо его „чрева“, дразнилъ его, кривлялся... Мартынъ Петровичъ хотѣлъ оттолкнуть его—и двинулъ обѣими руками впередъ. Къ счастью Сувенира, онъ успѣлъ отвернуться—ладони его братца пришлись въ упоръ о край бильярда — и со всѣхъ шести винтовъ слетѣлъ тяжелый, деревенскій бильярдъ... Въ какую лепешку превратился бы Сувениръ, если бъ попалъ подъ эти мощныя руки!

VI.

Я давно любопытствовалъ посмотрѣть, какъ устроилъ свое жилище Мартынъ Петровичъ, что̀ у него за домъ? Однажды я вызвался проводить его верхомъ до Еськова (такъ называлось его имѣніе). — „Вишь ты! Хочешь посмотрѣть мою державу“, — промолвилъ Мартынъ Петровичъ.—„Изволь! И садъ покажу, и домъ, и гумно—и все. У меня всякаго добра много!“—Мы отправились. Отъ нашего села до Еськова считалось всего версты три.—„Вотъ она, моя держава!“ — загремѣлъ вдругъ Мартынъ Петровичъ, силясь обернуть свою неподвижную голову и разводя рукой направо и налѣво.—„Все мое!“—Усадьба Харлова находилась на вершинѣ пологаго холма; внизу, къ

небольшому пруду, лѣпилось нѣсколько плохихъ мужичьихъ избенокъ. У пруда, на плоту, старая баба въ клѣтчатой панёвѣ колотила валькомъ скрученное бѣлье.

— Аксинья!—гаркнулъ Мартынъ Петровичъ, да такъ, что грачи стаей взвились изъ сосѣдняго овсянаго поля.— Мужу портки моешь?

Баба разомъ обернулась и поклонилась въ поясъ.

— Портки, батюшка,—послышался ея слабый голосъ.

— То-то! Вотъ, посмотри, — продолжалъ Мартынъ Петровичъ, пробираясь рысцей вдоль полусгнившаго плетня:—это моя конопля; а та вонъ—крестьянская; разницу видишь? А вотъ это мой садъ; яблони я понасажалъ, и ракиты — тоже я. А то тутъ и древа никакого не было. Вотъ такъ-то—учись!

Мы завернули на дворъ, огороженный тыномъ; прямо противъ воротъ возвышался ветхій-ветхій флигелекъ съ соломенной крышей и крылечкомъ на столбикахъ; въ сторонѣ стоялъ другой, поновѣй, и съ крохотнымъ мезониномъ—но тоже на курьихъ ножкахъ. — „Вотъ, ты опять учись",—промолвилъ Харловъ:—„вишь, отцы-то наши въ какой хороминкѣ жили; а теперь я вона какія палаты себѣ соорудилъ". — Палаты эти походили на карточный домикъ. Собакъ пять-шесть, одна другой лохматѣй и безобразнѣй, привѣтствовали насъ лаемъ. — „Овчары!" — замѣтилъ Мартынъ Петровичъ. — „Настоящія крымскія! Цыцъ, оглашенныя! Вотъ возьму—да всѣхъ перевѣшаю!"— На крыльцѣ новаго флигелька показался молодой человѣкъ въ длинномъ нанковомъ балахонѣ, мужъ старшей дочери Мартына Петровича. Проворно подскочивъ къ дрожкамъ, онъ почтительно поддержалъ подъ локоть слѣзавшаго тестя — и даже одной рукой сдѣлалъ примѣръ, будто подхватываетъ исполинскую ногу, которую тотъ, наклонясь впередъ туловищемъ, заносилъ съ размаху черезъ сидѣніе;—потомъ онъ помогъ мнѣ сойти съ лошади.

— Анна!—воскликнулъ Харловъ: — Натальи Николавнинъ сынокъ къ намъ пожаловалъ; попоштовать его надо. Да гдѣ Евлампіюшка? (Анной звали старшую дочь, Евлампіей—меньшую.)

— Дома нѣтъ; въ поле за васильками пошла,—отозвалась Анна, показавшись на окошкѣ возлѣ двери.

— Творогъ есть?—спросилъ Харловъ.

— Есть.

— И сливки есть?

— Есть.

— Ну, тащи на столъ, а я имъ пока кабинетъ свой покажу.—Пожалуйте сюда, сюда,—прибавилъ онъ, обратясь ко мнѣ и зазывая меня указательнымъ пальцемъ. У себя въ домѣ онъ меня не „тыкалъ“: надо жъ хозяину быть вѣжливымъ. Онъ повелъ меня по коридору. — Вотъ гдѣ я пребываю,—промолвилъ онъ, шагнувъ бокомъ черезъ порогъ широкой двери: — а вотъ и мой кабинетъ. Милости просимъ.

Кабинетъ этотъ оказался большой комнатой, неоштукатуренной и почти пустой; по стѣнамъ, на неровно вбитыхъ гвоздяхъ, висѣли двѣ нагайки, трехугольная порыжѣлая шляпа, одноствольное ружье, сабля, какой-то странный хомутъ съ бляхами, и картинка, изображающая горящую свѣчу подъ вѣтрами; въ одномъ углу стоялъ деревянный диванъ, покрытый пестрымъ ковромъ. Сотни мухъ густо жужжали подъ потолкомъ; впрочемъ, въ комнатѣ было прохладно; только очень сильно разило тѣмъ особеннымъ лѣснымъ запахомъ, который всюду сопровождалъ Мартына Петровича.

— Что жъ, хорошъ кабинетъ? — спросилъ меня Харловъ.

— Очень хорошъ.

— Ты посмотри, вонъ у меня голландскій хомутъ виситъ,—продолжалъ Харловъ, снова впадая въ „тыканіе“.— Чудесный хомутъ! у жида вымѣнялъ. Ты погляди-ка!

— Хомутъ хорошій.

— Самый хозяйственный! Да ты понюхай... какова кожа!—Я понюхалъ хомутъ. Отъ него несло прѣлой вòрванью—и больше ничего.

— Ну, присядьте — вонъ тамъ, на стульчикѣ, будьте гости, — проговорилъ Харловъ, а самъ опустился на диванъ и словно задремалъ, закрылъ глаза, засопѣлъ даже.

Я молча глядѣлъ на него и не могъ довольно надивиться: гора—да и полно! Онъ вдругъ встрепенулся.

— Анна!—закричалъ онъ, и при этомъ его громадный животъ приподнялся и опалъ, какъ волна на морѣ: — что̀ жъ ты? Поворачивайся! Аль не слыхала?

— Все готово, батюшка, пожалуйте,— раздался голосъ его дочери.

Я внутренно подивился быстротѣ, съ которой исполнялись повелѣнія Мартына Петровича, и отправился за нимъ въ гостиную, гдѣ на столѣ, покрытомъ красной скатертью съ бѣлыми разводами, уже была приготовлена закуска: творогъ, сливки, пшеничный хлѣбъ, даже толченый сахаръ съ имбиремъ. Пока я управлялся съ творогомъ, Мартынъ Петровичъ, ласково пробурчавъ: — „Кушай, дружокъ, кушай, голубчикъ, не брезгай нашей деревенской снѣдью“,—опять присѣлъ въ углу, и опять словно задремалъ! Предо мной, неподвижно, съ опущенными глазами, стояла Анна Мартыновна, а въ окно я могъ видѣть, какъ ея мужъ проваживалъ по двору моего клеппера, собственными руками перетирая цѣпочку трензеля.

VII.

Матушка моя не жаловала старшей дочери Харлова; она называла ее гордячкой. Анна Мартыновна почти никогда не являлась къ намъ на поклонъ и, въ присутствіи матушки, держалась чинно и холодно, хотя, по ея милости, и въ пансіонѣ обучалась, и замужъ вышла, и въ день свадьбы получила отъ нея тысячу рублей ассигнаціями, да желтую турецкую шаль, правда, нѣсколько поношенную. Это была женщина росту средняго, сухощавая, очень живая и проворная въ своихъ движеніяхъ, съ русыми, густыми волосами, съ красивымъ, смуглымъ лицомъ, на которомъ нѣсколько странно, но пріятно выдавались блѣдно-голубые, узкіе глаза; носъ она имѣла прямой и тонкій, губы тоже тонкія и подбородокъ „шпилькой“. Всякій, взглянувъ на нее, навѣрное подумалъ бы: „Ну, какая же ты умница — и злюка!“ И со всѣмъ тѣмъ въ ней было что-то привлекательное; даже темныя родинки,

разсыпанныя „гречишкой“ по ея лицу, шли къ ней и усиливали чувство, которое она возбуждала. Подсунувъ подъ косынку руки, она украдкой — сверху внизъ (я сидѣлъ, она стояла)—посматривала на меня; недобрая улыбочка бродила по ея губамъ, по щекамъ, въ тѣни длинныхъ рѣсницъ. „Охъ, ты, балованный барченокъ!“ словно говорила эта улыбка. Всякій разъ, когда она дышала, у ней ноздри слегка расширялись—это тоже было нѣсколько странно; но, все-таки, мнѣ казалось, что полюби меня Анна Мартыновна, или только захоти поцѣловать меня своими тонкими, жесткими губами — я бы отъ восторга до потолка подпрыгнулъ. Я зналъ, что она была очень строга и взыскательна, что бабы и дѣвки боялись ея какъ огня—но что за дѣло! Анна Мартыновна тайно волновала мое воображеніе... Впрочемъ, мнѣ тогда только минуло пятнадцать лѣтъ,—а въ эти годы!..

Мартынъ Петровичъ опять встрепенулся. — Анна! — крикнулъ онъ: — ты бы на фортепьянахъ побренчала... Молодые господа это любятъ.

Я оглянулся: въ комнатѣ стояло какое-то жалкое подобіе фортепьянъ.

— Слушаю, батюшка — отвѣтила Анна Мартыновна.— Только, что же я имъ буду играть? Имъ это не будетъ интересно.

— Такъ чему жъ тебя обучали въ *пин*сіонѣ?

— Я все перезабыла... да и струны полопались.

Голосокъ у Анны Мартыновны былъ очень пріятный, звонкій и словно жалобный... въ родѣ того, какой бываетъ у хищныхъ птицъ.

— Ну,—проговорилъ Мартынъ Петровичъ, и задумался.—Ну,—началъ онъ опять: — такъ не хотите ли гумно посмотрѣть, полюбопытствовать? Васъ Володька проводитъ.—Ей, Володька! —крикнулъ онъ своему зятю, который все еще расхаживалъ по двору съ моею лошадью:— проводи вотъ ихъ на гумно... и вообще... покажь мое хозяйство. А мнѣ соснуть надо! Такъ-то! Счастливо оставаться!

Онъ вышелъ вонъ, и я за нимъ. Анна Мартыновна

тотчасъ стала проворно и какъ бы съ досадой убирать со стола. На порогѣ двери я обернулся и поклонился ей; но она словно не замѣтила моего поклона, только опять улыбнулась, да еще злѣе прежняго.

Я взялъ у Харловскаго зятя мою лошадь и повелъ ее въ поводу. Мы вмѣстѣ съ нимъ пошли на гумно,—но такъ какъ ничего въ немъ особенно любопытнаго не открыли, притомъ же онъ во мнѣ, какъ въ молодомъ мальчикѣ, не могъ предполагать отмѣнную любовь къ хозяйству, — то мы и вернулись черезъ садъ на дорогу.

VIII.

Я хорошо зналъ Харловскаго зятя: звали его Слеткинымъ, Владиміромъ Васильевичемъ; онъ былъ сирота, сынъ мелкаго чиновника, повѣреннаго по дѣламъ у матушки и ея воспитанникъ. Сперва помѣстили его въ уѣздное училище, потомъ онъ поступилъ въ „вотчинскую контору", потомъ записали его на службу по казеннымъ магазинамъ, и наконецъ, женили на дочери Мартына Петровича. Матушка называла его жиденкомъ, и онъ, дѣйствительно, своими курчавыми волосиками, своими черными и вѣчно мокрыми, какъ вареный черносливъ, глазами, своимъ ястребинымъ носомъ и широкимъ краснымъ ртомъ, напоминалъ еврейскій типъ; только цвѣтъ кожи онъ имѣлъ бѣлый и былъ вообще весьма недуренъ собою. Нрава онъ былъ услужливаго, лишь бы дѣло не касалось его личной выгоды. Тутъ онъ тотчасъ терялся отъ жадности, до слезъ даже доходилъ; изъ-за тряпки готовъ канючить цѣлый день, сто разъ напомнитъ о данномъ обѣщаніи, и обижается, и пищитъ, если оно не тотчасъ исполняется. Онъ любилъ таскаться по полямъ съ ружьемъ; и когда случалось ему залучить зайца или утку, съ особеннымъ чувствомъ клалъ свою добычу въ ягдташъ, приговаривая: — „Ну, теперь шалишь, не уйдешь! Теперь *мнѣ* послужишь!"

— Добрый конекъ у васъ,—заговорилъ онъ своимъ шепелявымъ голосомъ, помогая мнѣ взобраться на сѣдло;— вотъ бы мнѣ такую лошадку! Да гдѣ! Счастье мое не такое. Хоть бы вы матушку вашу попросили... напомнили.

— А она вамъ обѣщала?

— Кабы обѣщала! Нѣтъ; но я полагалъ, что по великому ея благодушеству...

— Вы бы къ Мартыну Петровичу обратились.

— Къ Мартыну Петровичу!—повторилъ протяжно Слеткинъ.—Для него—что̀ я, что̀ какой-нибудь ничтожный казачокъ Максимка—все едино. Какъ есть въ черномъ тѣлѣ насъ содержитъ, и никакой отъ него награды не видать за всѣ труды.

— Неужели?

— Да, ей-Богу же. Какъ скажетъ: „мое слово свято!“— ну, вотъ точно топоромъ отрубитъ. Проси, не проси — все едино. Да и Анна Мартыновна, супруга моя, такого авантажа передъ нимъ не имѣетъ, какъ Евлампія Мартыновна.

— Ахъ, Господи Боже мой, батюшки! — перебилъ онъ вдругъ самого себя, и съ отчаяніемъ всплеснулъ руками.— Посмотрите: что̀ это? Цѣлый полуосьминникъ овса, нашего овса, какой-то злодѣй выкосилъ. Каковъ? Вотъ тутъ и живи! Разбойники, разбойники! Вотъ ужъ, точно, правду говорятъ, что не вѣрь Еськову, Беськову, Ерину, Бѣлину, (такъ назывались четыре окрестныя деревни). Ахъ, ахъ! что это! Рубля, почитай, на полтора, а то и на два — убытку!

Въ голосѣ Слеткина слышались чуть не рыданія. Я толкнулъ лошадь подъ бока и поѣхалъ отъ него прочь.

Восклицанія Слеткина еще долетали до моего слуха, какъ вдругъ, на поворотѣ дороги, попалась мнѣ та самая вторая дочь Харлова, Евлампія, которая, по словамъ Анны Мартыновны, ушла въ поле за васильками. Густой вѣнокъ изъ этихъ цвѣтовъ обвивалъ ея голову. Мы обмѣнялись поклонами молча. Евлампія была тоже очень недурна собой, не хуже сестры, но только въ другомъ родѣ. Росту она была высокаго, сложенія дороднаго; все въ ней было велико: и голова, и ноги, и руки, и бѣлые, какъ снѣгъ, зубы, и особенно глаза, выпуклые, съ поволокой, темно-синіе, какъ стеклярусъ; все въ ней было даже монументально (не даромъ она доводилась Мартыну Петровичу

дочкой), но красиво. Бѣлокурую густую косу она, видимо, не знала куда дѣть и раза три обматывала ее вокругъ темени. Ротъ у ней былъ прелестный, свѣжій какъ розанъ, малиноваго цвѣта, и когда она говорила, середина верхней губы очень мило приподнималась. Но во взглядѣ ея огромныхъ глазъ было что-то дикое и почти суровое.— „Вольница, казачья кровь",—такъ отзывался о ней Мартынъ Петровичъ. Я побаивался ея... Мнѣ эта осанистая красавица напоминала своего батюшку.

Я отъѣхалъ еще немного дальше и услышалъ, что она запѣла ровнымъ, сильнымъ, нѣсколько рѣзкимъ, прямо крестьянскимъ голосомъ; потомъ она вдругъ умолкла. Я оглянулся и съ вершины холма увидалъ ее, стоявшую возлѣ Харловскаго зятя передъ скошеннымъ осьминникомъ овса. Тотъ размахивалъ и указывалъ руками, а она не шевелилась. Солнце освѣщало ея высокую фигуру и ярко голубѣлъ васильковый вѣнокъ на ея головѣ.

IX.

Я уже, кажется, сказывалъ вамъ, господа, что и для этой второй дочери Харлова матушка моя припасла жениха. То былъ одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ нашихъ сосѣдей, отставной армейскій майоръ, Житковъ, Гаврило Ѳедулычъ, человѣкъ уже немолодой, и, какъ онъ самъ выражался, не безъ самодовольства, впрочемъ, и словно рекомендуя себя: „битый, да ломаный". Онъ едва разумѣлъ грамотѣ и очень былъ глупъ, но втайнѣ надѣялся попасть къ моей матушкѣ въ управляющіе, ибо чувствовалъ себя „исполнителемъ". — „Что другое-съ, а зубьё считать у мужичья—это я до тонкости понимаю",— говаривалъ онъ, чуть не скрипя собственными зубами: — „потому—привыкъ",—пояснялъ онъ,—„въ прежней моей значитъ, должности".—Будь Житковъ меньше глупъ, онъ бы понялъ, что именно въ управляющіе къ матушкѣ попасть не предстояло ему никакихъ шансовъ, такъ какъ для этого нужно было смѣстить настоящаго управляющаго, нѣкоего Квицинскаго, весьма характернаго и дѣльнаго поляка, которому матушка вполнѣ довѣряла. Лицо

у Житкова было длинное, лошадиное; оно все обросло пыльно-бѣлокурыми волосами, даже щеки подъ глазами всѣ заросли; въ самые сильные морозы оно было покрыто обильнымъ пòтомъ, словно росинками. При видѣ матушки онъ немедленно вытягивался въ струнку, голова его начинала дрожать отъ усердія, огромныя руки слегка похлопывали по ляжкамъ, и вся фигура, казалось, такъ и взывала: „Повели!.. и я устремлюсь!“ Матушка не обманывалась насчетъ его способностей, что не мѣшало ей, однако, заботиться объ его свадьбѣ съ Евлампіей.

— Только сладишь ли ты съ ней, отецъ мой? — спросила она его однажды.

Житковъ самодовольно улыбнулся.

— Помилуйте, Наталья Николаевна! Цѣлую роту въ порядкѣ содержалъ, по стрункѣ ходили, а это что же-съ? Плевое дѣло.

— То рота, отецъ мой, а то дѣвушка благородная, жена,—замѣтила матушка съ неудовольствіемъ.

— Помилуйте-съ, Наталья Николаевна!—снова воскликнулъ Житковъ.—Это мы все очень понять можемъ. Одно слово: барышня, особа нѣжная!

— Ну! — рѣшила, наконецъ, матушка:—Евлампія себя въ обиду не дастъ.

X.

Однажды — дѣло было въ іюнѣ мѣсяцѣ и день склонялся къ вечеру—человѣкъ доложилъ о пріѣздѣ Мартына Петровича. Матушка удивилась: мы его болѣе недѣли не видали, но онъ никогда такъ поздно не посѣщалъ насъ.— Что-нибудь случилось! — воскликнула она вполголоса. Лицо Мартына Петровича, когда онъ ввалился въ комнату и тотчасъ же опустился на стулъ возлѣ двери, имѣло такое необычайное выраженіе, оно такъ было задумчиво и даже блѣдно, что матушка моя невольно и громко повторила свое восклицаніе. Мартынъ Петровичъ уставилъ на нее свои маленькіе глаза, помолчалъ, вздохнулъ тяжело, помолчалъ опять и объявилъ, наконецъ, что пріѣхалъ по одному дѣлу... которое... такого рода, что по причинѣ...

Пробормотавъ эти несвязныя слова, онъ вдругъ поднялся и вышелъ.

Матушка позвонила, велѣла вошедшему лакею тотчасъ догнать и непремѣнно воротить Мартына Петровича, но тотъ уже успѣлъ сѣсть на свои дрожки и убраться.

На слѣдующее утро матушка, которую странный поступокъ Мартына Петровича и необычайное выраженіе его лица одинаково изумили и даже смутили, собиралась-было послать къ нему нарочнаго, какъ онъ самъ опять появился передъ нею. На этотъ разъ онъ казался спокойнѣе.

— Сказывай, батюшка, сказывай, — воскликнула матушка, какъ только увидѣла его: — что̀ это съ тобою подѣлалось? Я, право, вчера подумала: Господи!—подумала я:—ужъ не рехнулся ли старикъ нашъ въ разсудкѣ своемъ?

— Не рехнулся я, сударыня, въ разсудкѣ своемъ, — отвѣчалъ Мартынъ Петровичъ:—не таковскій я человѣкъ. Но мнѣ нужно съ вами посовѣтоваться.

— О чемъ?

— Только сомнѣваюсь я, будетъ ли вамъ сіе пріятно...

— Говори, говори, отецъ, да попроще. Не волнуй ты меня! Къ чему тутъ *сіе?* Говори проще. Али опять меланхолія на тебя нашла?

Харловъ нахмурился. — Нѣтъ, не меланхолія—она у меня къ новолунію бываетъ; а позвольте васъ спросить, сударыня, вы о смерти какъ полагаете?

Матушка всполохнулась.—О чемъ?

— О смерти. Можетъ ли смерть кого ни-на-есть на семъ свѣтѣ пощадить?

— Это ты еще что̀ вздумалъ, отецъ мой? Кто изъ насъ безсмертный? Ужъ на что ты великанъ уродился—а и тебѣ конецъ будетъ.

— Будетъ! охъ, будетъ!—подхватилъ Харловъ и потупился.—Случилось со мною сонное мечтаніе...—протянулъ онъ наконецъ.

— Что̀ ты говоришь?—перебила его матушка.

— Сонное мечтаніе, — повторилъ онъ. — Я вѣдь сновидецъ!

— Ты?

— Я! А вы не знали?—Харловъ вздохнулъ.—Ну, вотъ... Прилегъ я какъ-то, сударыня, недѣлю тому назадъ слишкомъ, подъ самыя заговѣны къ Петрову посту; прилегъ я послѣ обѣда отдохнуть маленько, ну, и заснулъ! и вижу, будто въ комнату ко мнѣ вбѣгъ вороной жеребенокъ. И сталъ тотъ жеребенокъ играть и зубы скалить. Какъ жукъ вороной жеребенокъ.

Харловъ умолкъ.

— Ну?—промолвила матушка.

— И какъ обернется вдругъ этотъ самый жеребенокъ, да какъ лягнетъ меня въ лѣвый локоть, въ самый какъ есть поджилокъ!.. Я проснулся! анъ рука не дѣйствуетъ и нога лѣвая тоже. Ну, думаю, параличъ; однако, поразмялся и снова вошелъ въ дѣйствіе: только мурашки долго по суставцамъ бѣгали, и теперь еще бѣгаютъ. Какъ разожму ладонь, такъ и забѣгаютъ.

— Да ты, Мартынъ Петровичъ, какъ-нибудь руку перележалъ.

— Нѣтъ сударыня; не то вы изволите говорить! Это мнѣ предостереженіе... Къ смерти моей, значитъ.

— Ну, вотъ еще!—начала-было матушка.

— Предостереженіе! Готовься, молъ, человѣче! И потому я, сударыня, вотъ что̀ имѣю доложить вамъ, нимало не медля. Не желая,—закричалъ вдругъ Харловъ:—чтобъ та самая смерть, меня, раба Божія, врасплохъ застала, положилъ я такъ-то въ умѣ своемъ: раздѣлить мнѣ теперь же, при жизни, имѣніе мое между двумя моими дочерьми, Анной и Евлампіей, какъ мнѣ Господь Богъ на душу пошлетъ. — Мартынъ Петровичъ остановился, охнулъ и прибавилъ:—Нимало не медля.

— Что жъ? Это дѣло хорошее,—замѣтила матушка:—только, я думаю, ты напрасно спѣшишь.

— И такъ какъ я желаю въ семъ дѣлѣ,—продолжалъ, еще болѣе возвысивъ голосъ, Харловъ: — должный порядокъ и законность соблюсти, то покорнѣйше прошу вашего сыночка, Дмитрія Семеновича,—васъ я, сударыня, обезпокоивать не осмѣливаюсь,—прошу онаго сыночка, Дмитрія

Семеновича, родственнику же моему, Бычкову, въ прямой долгъ вмѣняю—при совершеніи формальнаго акта и ввода во владѣніе моихъ двухъ дочерей, Анны замужней и Евлампіи дѣвицы,—присутствовать; который актъ имѣетъ быть въ дѣйствіе введенъ послѣ-завтра, въ двѣнадцатомъ часу дня, въ собственномъ моемъ имѣніи Еськовѣ, Козюлькинѣ то жъ, при участіи предержащихъ властей и чиновъ, кои ужъ суть приглашены.

Мартынъ Петровичъ едва окончилъ эту явно имъ наизусть затверженную и частыми вздохами прерванную рѣчь... У него словно воздуха въ груди недоставало: его поблѣднѣвшее лицо снова побагровѣло, и онъ нѣсколько разъ утеръ съ него потъ.

— И ты уже составилъ раздѣльный актъ?—спросила матушка.—Когда ты это успѣлъ?

— Успѣлъ... охъ! Не пимши, не ѣмши...

— Самъ писалъ?

— Володька... охъ! помогалъ.

— И прошеніе подалъ?

— Подалъ, и палата утвердила, и уѣздному суду предписано, и временное отдѣленіе земскаго суда... охъ!... къ прибытію назначено.

Матушка усмѣхнулась.—Ты, я вижу, Мартынъ Петровичъ, уже совсѣмъ, какъ слѣдуетъ, распорядился,—и какъ скоро! Знать, денегъ не жалѣлъ?

— Не жалѣлъ, сударыня!

— То-то! А говоришь, что со мной посовѣтоваться желаешь. Что жъ, пускай Митенька ѣдетъ; я и Сувенира съ нимъ отпущу, и Квицинскому скажу... А Гаврилу Ѳедулыча ты не приглашалъ?

— Гаврила Ѳедулычъ... господинъ Житковъ... отъ меня такожде... извѣщенъ. Ему, какъ жениху, слѣдуетъ!

Мартынъ Петровичъ, видимо, истощилъ весь запасъ своего краснорѣчія. Притомъ, мнѣ всегда казалось, что онъ какъ будто не совсѣмъ благоволилъ къ жениху, пріисканному моей матушкой; быть-можетъ, онъ ожидалъ болѣе выгодной партіи для своей Евлампіюшки.

Онъ поднялся со стула и шаркнулъ ногою.—За согласіе благодаренъ!

— Куда же ты?—спросила матушка.—Посиди; я велю закуску подать.

— Много довольны,—отвѣчалъ Харловъ.—Но не могу... Охъ! нужно домой.

— Онъ попятился и полѣзъ-было, по своему обыкновенію, бокомъ въ дверь.

— Постой, постой, — продолжала матушка: — неужто ты все свое имѣнье безъ остатку дочерямъ предоставляешь?

— Вѣстимо, безъ остатку.

— Ну, а ты самъ... гдѣ будешь жить?

Харловъ даже руками замахалъ. — Какъ гдѣ? У себя въ домѣ, какъ жилъ *доселючи*... такъ и впредь. Какая же можетъ быть перемѣна?

— И ты въ дочеряхъ своихъ и въ зятѣ такъ увѣренъ?

— Это вы про Володьку-то говорить изволите? Про тряпку про эту? Да я его куда хочу пихну, и туда, и сюда... Какая его власть? А онѣ меня, дочери то-есть, по-гробъ кормить, поить, одѣвать, обувать... Помилуйте! первая ихъ обязанность! Я жъ имъ недолго глаза мозолить буду. Не за горами смерть-то—за плечами.

— Въ смерти Господь Богъ воленъ, — замѣтила матушка: — а обязанность это ихъ, точно. Только ты меня извини, Мартынъ Петровичъ; старшая у тебя, Анна, гордячка извѣстная, ну, да и вторая волкомъ смотритъ...

— Наталья Николаевна!—перебилъ Харловъ:—что вы это?.. Да чтобъ онѣ... Мои дочери... Да чтобъ я... Изъ повиновенья-то выйти? Да имъ и во снѣ... Противиться? Кому? Родителю?.. Смѣть? А проклясть-то ихъ развѣ долго? Въ трепетѣ, да въ покорности вѣкъ свой прожили— и вдругъ!.. Господи!

Харловъ раскашлялся, захрипѣлъ.

— Ну, хорошо, хорошо, — поспѣшила успокоить его матушка: — только я все-таки не понимаю, зачѣмъ ты *теперь* дѣлить ихъ вздумалъ? Все равно, послѣ тебя имъ

же достанется. Всему этому, я полагаю, твоя меланхолія причиной.

— Э, матушка!—не безъ досады возразилъ Харловъ:— зарядили вы свою меланхолію! Тутъ, быть-можетъ, свыше сила дѣйствуетъ, а вы: меланхолія! Потому, сударыня, вздумалъ я сіе, что я самолично, еще „жимши", при себѣ хочу рѣшить, кому чѣмъ владѣть, и кого я чѣмъ награжу, тотъ тѣмъ и владѣй, и благодарность чувствуй, и исполняй, и на чемъ отецъ и благодѣтель положилъ, то за великую милость...

Голосъ Харлова опять перервался.

— Ну, полно же, полно, отецъ мой,—перебила его матушка:—а то и впрямь вороной жеребенокъ появится.

— Охъ, Наталья Николаевна, не говорите мнѣ о немъ,— простоналъ Харловъ.—Это смерть моя за мной приходила. Прощенья просимъ. А васъ, сударикъ мой, къ послѣ-завтрашнему дню ожидать буду честь имѣть!

Мартынъ Петровичъ вышелъ; матушка посмотрѣла ему вслѣдъ и значительно покачала головою. — Не къ добру это, — прошептала она: — не къ добру. Ты замѣтилъ, — обратилась она ко мнѣ:—онъ говорилъ, а самъ будто отъ солнца все щурится; знай: это примѣта дурная. У такого человѣка тяжело на̀ сердцѣ бываетъ и несчастье ему грозитъ. Поѣзжай послѣ-завтра съ Викентіемъ Осиповичемъ и съ Сувениромъ.

XI.

Въ назначенный день большая наша фамильная четверомѣстная карета, запряженная шестерикомъ караковыхъ лошадей, съ главнымъ „лейбъ-кучеромъ", сѣдобородымъ и тучнымъ Алексѣичемъ, на козлахъ, плавно подкатилась къ крыльцу нашего дома. Важность акта, къ которому намѣревался приступить Харловъ, торжественность, съ которой онъ пригласилъ насъ, подѣйствовали на мою матушку. Она сама отдала приказъ заложить именно этотъ экстраординарный экипажъ и велѣла Сувениру и мнѣ одѣться попраздничному: она, видимо, желала почтить своего „протежѐ". Квицинскій—тотъ всегда ходилъ во фракѣ и въ

бѣломъ галстукѣ. Во всю дорогу Сувениръ трещалъ какъ сорока, хихикалъ, разсуждалъ о томъ, предоставитъ ли ему братецъ что-нибудь, и тутъ же обзывалъ его идоломъ и кикиморой. Квицинскій, человѣкъ угрюмый, желчный, не выдержалъ наконецъ. — „И охота вамъ“,—заговорилъ онъ со своимъ польскимъ, отчетливымъ акцентомъ:—„такое все несообразное болтать? И неужели невозможно сидѣть смирно безъ этихъ, „никому не нужныхъ“ (любимое его слово) пустяковъ?“—„Ну, чичасъ“,—пробормоталъ Сувениръ съ неудовольствіемъ и уставилъ свои косые глаза въ окошко. Четверти часа не прошло, ровно бѣжавшія лошадки едва начинали потѣть подъ тонкими ремнями новыхъ сбруй—какъ уже показалась Харловская усадьба. Сквозь настежь растворенныя ворота вкатилась наша карета на дворъ; крошечный форейторъ, едва достававшій ногами до половины лошадинаго корпуса, въ послѣдній разъ съ младенческимъ воплемъ подскочилъ на мягкомъ сѣдлѣ, локти старика Алексѣича одновременно оттопырились и приподнялись—послышалось легкое тпруканье, и мы остановились. Собаки не встрѣтили насъ лаемъ, дворовые мальчишки въ длинныхъ, слегка, на большихъ животахъ, раскрытыхъ рубахахъ—и тѣ куда-то исчезли. Зять Харлова ожидалъ насъ на порогѣ двери. Помню — меня особенно поразили березки, натыканныя по обѣимъ сторонамъ крыльца, словно въ Троицынъ день. „Торжество изъ торжествъ!“ пропѣлъ въ носъ Сувениръ, вылѣзая первый изъ кареты. И точно, торжественность замѣчалась во всемъ. На Харловскомъ зятѣ былъ плисовый галстукъ съ атласнымъ бантомъ и необыкновенно узкій черный фракъ; а у вынырнувшаго изъ-за его спины Максимки волосы до того были смочены квасомъ, что даже капало съ нихъ. Мы вошли въ гостиную и увидали Мартына Петровича, неподвижно возвышавшагося—именно возвышавшагося—посрединѣ комнаты. Не знаю, что почувствовали Сувениръ и Квицинскій при видѣ его колоссальной фигуры, но я ощутилъ нѣчто похожее на благоговѣніе. Мартынъ Петровичъ облекся въ сѣрый, должно-быть, ополченскій, 12-го года, казакинъ съ чернымъ

стоячимъ воротникомъ; бронзовая медаль виднѣлась на его груди, сабля висѣла у бока; лѣвую руку онъ положилъ на рукоятку, правой опирался на столъ, покрытый краснымъ сукномъ. Два исписанныхъ листа бумаги лежало на этомъ столѣ. Харловъ не шевелился, даже не пыхтѣлъ; и какая важность сказывалась въ его осанкѣ, какая увѣренность въ себѣ, въ своей неограниченной и несомнѣнной власти! Онъ едва привѣтствовалъ насъ кивкомъ и, хрипло промолвивъ: „прошу!“ — повелъ указательнымъ пальцемъ лѣвой руки въ направленіи поставленныхъ рядышкомъ стульевъ. У правой стѣны гостиной стояли обѣ дочери Харлова, разодѣтыя по-воскресному: Анна въ зелено-лиловомъ, двуличневомъ платьѣ съ желтымъ шелковымъ поясомъ; Евлампія — въ розовомъ, съ пунцовыми лентами. Возлѣ нихъ торчалъ Житковъ, въ новомъ мундирѣ, съ обычнымъ выраженіемъ тупого и жаднаго ожиданія въ глазахъ и съ бо́льшимъ противъ обычнаго количествомъ испарины на волосатомъ лицѣ. У лѣвой стѣны гостиной сидѣлъ священникъ, въ изношенной рясѣ табачнаго цвѣта, старый человѣкъ съ жесткими бурыми волосами. Эти волосы и унылые, тусклые глаза и большія заскорузлыя руки, которыя словно его самого бременили и лежали, какъ груды, на колѣняхъ, и выглядывавшіе изъ-подъ рясы смазные сапоги, — все свидѣтельствовало о трудовой, нерадостной жизни: приходъ его былъ очень бѣденъ. Рядомъ съ нимъ помѣщался исправникъ, жирненькій, блѣдненькій, неопрятный господинчикъ, съ пухлыми, короткими ручками и ножками, съ черными глазами, черными, подстриженными усами, съ постоянной, хоть и веселой, но дрянной улыбочкой на лицѣ: онъ слылъ за великаго взяточника и даже за тирана, какъ выражались въ то время; но не только помѣщики, даже крестьяне привыкли къ нему и любили его. Онъ весьма развязно и нѣсколько насмѣшливо поглядывалъ кругомъ: видно было, что вся эта „процедура“ его забавляла. Въ сущности, его интересовала одна предстоявшая закуска съ водочкой. Зато сидѣвшій возлѣ него стряпчій, сухопарый человѣкъ съ длиннымъ лицомъ,

узкими бакенбардами отъ уха къ носу, какъ ихъ нàшивали при Александрѣ Первомъ, всей душой принималъ участіе въ распоряженіяхъ Мартына Петровича и не спускалъ съ него своихъ большихъ, серьезныхъ глазъ: отъ очень усиленнаго вниманія и сочувствія онъ все двигалъ и поводилъ губами, не разжимая ихъ однако. Сувениръ къ нему присосѣдился и шопотомъ заговорилъ съ нимъ, объявивъ мнѣ сперва, что это первый по губерніи масонъ. Временное отдѣленіе земскаго суда состоитъ, какъ извѣстно, изъ исправника, стряпчаго и станового; но станового либо вовсе не было, либо онъ до того стушевался, что я его не замѣтилъ; впрочемъ, онъ у насъ въ уѣздѣ носилъ прозвище: „несуществующій", какъ бываютъ „непомнящіе". Я сѣлъ подлѣ Сувенира, Квицинскій подлѣ меня. На лицѣ практическаго поляка была написана явная досада на „никому не нужную" поѣздку, на напрасную трату времени... „Барыня! барскія русскія фантазіи!" казалось, шепталъ онъ про себя... „Ужъ эти мнѣ русскіе!"

XII.

Когда мы всѣ усѣлись, Мартынъ Петровичъ поднялъ плечи, крякнулъ, обвелъ насъ всѣхъ своими медвѣжьими глазками, и, шумно вздохнувъ, началъ такъ:

— Милостивые государи! Я пригласилъ васъ по слѣдующему случаю. Становлюсь я старъ, государи мои, немощи одолѣваютъ... Уже и предостереженіе мнѣ было, смертный же часъ, яко тать въ нощи, приближается... Не такъ ли, батюшка?—обратился онъ къ священнику.

Батюшка встрепенулся. — Тако, тако, — прошамшилъ онъ, потрясая бородкой.

— И потому, — продолжалъ Мартынъ Петровичъ, внезапно возвысивъ голосъ: — не желая, чтобы та самая смерть меня врасплохъ застала, положилъ я въ умѣ своемъ...—Мартынъ Петровичъ повторилъ слово въ слово фразу, которую онъ, два дня тому назадъ, произнесъ у матушки.—Въ силу сего моего рѣшенія,—закричалъ онъ еще громче: — сей актъ (онъ ударилъ рукою по лежав-

шимъ на столѣ бумагамъ) составленъ мною, и предержащія власти въ свидѣтели приглашены, и въ чемъ состоитъ оная моя воля, о томъ слѣдуютъ пункты. Поцарствовалъ, будетъ съ меня!

Мартынъ Петровичъ надѣлъ на носъ свои желѣзные круглые очки, взялъ со стола одинъ изъ исписанныхъ листовъ и началъ:

— Раздѣльный актъ имѣнію отставного штыкъ-юнкера и столбового дворянина Мартына Харлова, имъ самимъ, въ полномъ и здравомъ умѣ и по собственному благоусмотрѣнію составленный, и въ коемъ съ точностію опредѣляется, какія угодія его двумъ дочерямъ, Аннѣ и Евлампіи (кланяйтесь!—онѣ поклонились), предоставляются, и коимъ образомъ дворовые люди и прочее имущество и живность межъ оными дочерьми подѣляется! Рукою властной!

— Это ихняя бумажка,—шепнулъ, съ неизмѣнной своей улыбочкой, исправникъ Квицинскому:—они ее для красоты слога прочитать желаютъ, а законный актъ составленъ по формѣ, безо всѣхъ этихъ цвѣточковъ.

Сувениръ началъ-было хихикать...

— Согласно съ моею волею! — вмѣшался Харловъ, отъ котораго не ускользнуло замѣчаніе исправника.

— Во всѣхъ пунктахъ согласно, — поспѣшно и весело отвѣчалъ тотъ; — только форму, вы знаете, Мартынъ Петровичъ, никакъ обойти нельзя. И лишнія подробности устранены. Ибо въ пѣгихъ коровъ и турецкихъ селезней палата никакимъ образомъ входить не можетъ.

— Подь сюда ты! — гаркнулъ Харловъ зятю, который вслѣдъ за нами вошелъ въ комнату и съ подобострастнымъ видомъ остановился у двери. Онъ тотчасъ подскочилъ къ своему тестю.

— На, возьми, читай! А то мнѣ трудно. Только смотри, не лотоши! Чтобы всѣ господа присутствующіе вникнуть могли.

Слеткинъ взялъ листъ въ обѣ руки, и сталъ, трепетно, но внятно, со вкусомъ и чувствомъ, читать раздѣльный актъ. Въ немъ съ величайшею аккуратностью было обо-

значено, что̀ именно отходило къ Аннѣ, и что̀ къ Евлампіи, и какъ имъ слѣдовало дѣлиться. Харловъ, отъ времени до времени, прерывалъ чтеніе словами: — „Слышь, это тебѣ, Анна, за твое усердіе!“—или:—„это тебѣ, Евлампіюшка, жалую!“—и обѣ сестры кланялись, Анна въ поясъ, Евлампія одной головой. Харловъ съ угрюмой важностью посматривалъ на нихъ. „Усадебный домъ“ (новый флигелекъ былъ отданъ имъ Евлампіи), — „яко младшей дочери, по извѣчному обычаю“. Голосъ чтеца зазвенѣлъ и задрожалъ, произнося эти непріятныя для него слова; а Житковъ облизнулся. Евлампія искоса глянула на него: будь я на мѣстѣ Житкова, не понравился бы мнѣ этотъ взглядъ. Презрительное выраженіе лица, свойственное Евлампіи, какъ всякой истой русской красавицѣ, на этотъ разъ носило особый оттѣнокъ. Самому себѣ Мартынъ Петровичъ предоставлялъ право жить въ занимаемыхъ имъ комнатахъ и выговаривалъ себѣ, подъ именемъ „опричнаго“, полное содержаніе „натуральною провизіею“ — и десять рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ на обувь и одежу. Послѣднюю фразу раздѣльнаго акта Харловъ пожелалъ прочесть самъ. „И сію мою родительскую волю“, гласила она, „дочерямъ моимъ исполнять и наблюдать свято и нерушимо, яко заповѣдь; ибо я, послѣ Бога, имъ отецъ и глава, и никому отчета давать не обязанъ и не давалъ; и будутъ онѣ волю мою исполнять, то будетъ съ ними мое родительское благословеніе, а не будутъ волю мою исполнять, чего Боже оборони, то постигнетъ ихъ моя родительская неключимая клятва, нынѣ и во вѣки вѣковъ, аминь!“ Харловъ поднялъ листъ высоко надъ головою. Анна тотчасъ проворно опустилась на колѣни и стукнула о̀-полъ лбомъ; за ней кувыркнулся и мужъ ея. — „Ну, а ты что жъ?“ — обратился Харловъ къ Евлампіи. Та вся вспыхнула и также поклонилась въ землю; Житковъ нагнулся впередъ всѣмъ корпусомъ.

— Подпишитесь! — воскликнулъ Харловъ, указывая пальцемъ на конецъ листа. — Здѣсь: Благодарю и принимаю, Анна! Благодарю и принимаю, Евлампія!

Обѣ дочери встали и подписались одна за другой.

Слеткинъ всталъ тоже и полѣзъ-было за перомъ, но Харловъ отстранилъ его, ткнувъ его среднимъ перстомъ въ галстукъ, такъ что онъ іокнулъ. Съ минуту длилось молчаніе. Вдругъ Мартынъ Петровичъ словно всхлипнулъ и, пробормотавъ:—„Ну, теперь все ваше!"—отодвинулся въ сторону. Дочери и зять переглянулись, подошли къ нему и стали цѣловать его выше локтя. Въ плечо достать они не могли.

XIII.

Исправникъ прочелъ настоящій, формальный актъ, дарственную запись, составленную Мартыномъ Петровичемъ. Потомъ онъ вмѣстѣ съ стряпчимъ вышелъ на крыльцо и объявилъ собравшимся у воротъ сосѣдямъ, понятымъ, Харловскимъ крестьянамъ и нѣсколькимъ дворовымъ людямъ о совершившемся событіи. Начался вводъ во владѣніе новыхъ двухъ помѣщицъ, которыя также появились на крыльцѣ и на которыхъ исправникъ указывалъ рукою, когда, слегка наморщивъ одну бровь и мгновенно придавъ своему беззаботному лицу видъ грозный, онъ внушалъ крестьянамъ о „послушаніи". Онъ бы могъ обойтись и безъ этихъ внушеній: болѣе смирныхъ физіономій, чѣмъ у Харловскихъ крестьянъ, я полагаю, въ природѣ не существуетъ. Облеченные въ худые армяки и прорванные тулупы, но весьма туго подпоясанные, какъ это всегда водится въ торжественныхъ случаяхъ, они стояли неподвижно, какъ каменные, и, какъ только исправникъ испускалъ междометіе въ родѣ: „Слышите, черти! понимаете, дьяволы!" кланялись вдругъ всѣ разомъ, словно по командѣ; каждый изъ „чертей и дьяволовъ" крѣпко держалъ свою шапку обѣими руками и не спускалъ взора съ окна, въ которомъ виднѣлась фигура Мартына Петровича. Немного меньше робѣли и самые понятые.—Вамъ извѣстны какія-либо препятствія, — крикнулъ на нихъ исправникъ, — ко введенію во владѣніе сихъ единственныхъ и законныхъ наслѣдницъ и дочерей Мартына Петровича Харлова?"

Всѣ понятые тотчасъ словно съежились.

— Извѣстны, черти?—крикнулъ опять исправникъ.

— Ничего, ваше благородіе, намъ не извѣстно,—мужественно отвѣчалъ одинъ корявый старичокъ, съ остриженной бородой и усами, отставной солдатъ.

— Ну-да, и смѣльчакъ же Еремѣичъ!—говорили, расходясь, про него понятые.

Несмотря на просьбы исправника, Харловъ не пожелалъ выйти вмѣстѣ съ дочерьми на крыльцо.—„Мои подданные и безъ того моей волѣ покорятся!“ — отвѣчалъ онъ. На него, по совершеніи акта, нашло нѣчто въ родѣ грусти. Лицо его снова поблѣднѣло. Это новое, небывалое выраженіе грусти такъ мало шло къ пространнымъ и добрымъ чертамъ Мартына Петровича, что я рѣшительно не зналъ, что̀ подумать. Ужъ не меланхолія ли на него находитъ?—Крестьяне, очевидно, съ своей стороны также ощущали недоумѣніе. И въ самомъ дѣлѣ: „Баринъ живехонекъ — вонъ онъ стоитъ, да еще какой баринъ: Мартынъ Петровичъ! И вдругъ онъ ими владѣть не будетъ... Чудеса!“ Не знаю, догадался ли Харловъ о томъ, какія мысли бродили въ головахъ его „подданныхъ“, захотѣлъ ли онъ въ послѣдній разъ покуражиться, только онъ вдругъ открылъ форточку, приставилъ къ отверстію голову и закричалъ громовымъ голосомъ: „повиноваться!“ Потомъ онъ захлопнулъ форточку. Недоумѣніе крестьянъ, конечно, отъ этого не разсѣялось и не уменьшилось. Они еще пуще окаменѣли, и даже какъ бы перестали глядѣть. Группа дворовыхъ (въ числѣ ихъ находились двѣ здоровенныя дѣвки, въ короткихъ ситцахъ и съ такими икрами, подобныхъ которымъ видѣть можно развѣ на страшномъ Судилищѣ Микель Анджело, да еще одинъ, уже совсѣмъ ветхій, отъ древности даже заиндивѣвшій, полуслѣпой человѣкъ въ шершавой фризовой шинели — онъ, по слухамъ, былъ при Потемкинѣ „валторщикомъ“—казачка Максимку Харловъ себѣ предоставилъ), группа эта выказывала бо́льшее оживленіе, чѣмъ крестьяне: она, по крайней мѣрѣ, переминалась на мѣстѣ. Сами новыя помѣщицы держались очень важно, особенно Анна. Стиснувъ свои сухія губы, она упорно глядѣла внизъ... не много добраго обѣщала дворовымъ ея строгая фигура. Евлампія тоже не подни-

мала глазъ; только разъ она обернулась, и, словно съ удивленіемъ, медленно окинула взоромъ своего жениха, Житкова, который, вслѣдъ за Слеткинымъ, почелъ нужнымъ также явиться на крыльцо. „Ты здѣсь съ какого права?“ казалось, говорили эти красивые, выпуклые глаза. Слеткинъ — тотъ измѣнился больше всѣхъ. Во всемъ существѣ его проявилась торопливая бодрость, словно аппетитъ его пронималъ; движенія головы, ногъ, остались подобострастными попрежнему, но какъ весело расправлялъ онъ руки, какъ хлопотливо передвигалъ лопатками! „Наконецъ, молъ, дорвался!“ Окончивъ „процедуру“ ввода во владѣніе, исправникъ, у котораго отъ приближенія закуски даже вода подтекла подъ щеками, потеръ себѣ руки тѣмъ особеннымъ манеромъ, который обыкновенно предшествуетъ „вонзанію въ себя первой рюмочки“; но оказалось, что Мартынъ Петровичъ желалъ сперва отслужить молебенъ съ водосвятіемъ. Священникъ облачился въ старую, еле-живую ризу; еле-живой дьячокъ вышелъ изъ кухни, съ трудомъ раздувая ладанъ въ старомъ мѣдномъ паникадилѣ. Молебенъ начался. Харловъ то и дѣло вздыхалъ; класть земные поклоны онъ, по тучности, не могъ, но крестясь правой рукою и наклоняя голову, указывалъ перстомъ лѣвой руки на полъ. Слеткинъ такъ и сіялъ, и даже прослезился; Житковъ благородно, по-военному, чуть-чуть помахивалъ пальцами между третьей и четвертой пуговицей мундира; Квицинскій, какъ католикъ, остался въ сосѣдней комнатѣ; зато стряпчій такъ усердно молился, такъ сочувственно вздыхалъ вслѣдъ за Мартыномъ Петровичемъ, и такъ истово шепталъ и жевалъ губами, возводя взоры горѣ, что, глядя на него, я ощутилъ умиленіе и началъ тоже горячо молиться. По окончаніи молебна и водосвятія, причемъ всѣ присутствующіе, даже слѣпой Потемкинскій „валторщикъ“, даже Квицинскій, помочили себѣ глаза святой водой, Анна и Евлампія еще разъ, по приказанію Мартына Петровича, благодарили его земно; и тутъ, наконецъ, наступилъ моментъ завтрака. Кушаній было много, и всѣ превкусныя; мы всѣ наѣлись страшно. Появилась неизбѣжная бутылка донского. Исправникъ,

какъ человѣкъ, больше всѣхъ насъ знакомый со свѣтскими обычаями, ну, да и какъ представитель власти, первый провозгласилъ тостъ за здоровье „прекрасныхъ владѣлицъ!“ Потомъ онъ же предложилъ намъ выпить за здравіе наипочтеннѣйшаго и наивеликодушнѣйшаго Мартына Петровича. При словѣ: „великодушнѣйшій“, Слеткинъ взвизгнулъ и бросился цѣловать своего благодѣтеля... — „Ну, хорошо, хорошо, не надо“,—бормоталъ Харловъ какъ бы съ досадой, отстраняя его локтемъ... Но тутъ произошелъ не совсѣмъ пріятный, какъ говорится, пассажъ.

XIV.

А именно: Сувениръ, который съ самаго начала завтрака пилъ безостановочно, внезапно поднялся, весь красный, какъ буракъ, со стула и, указывая пальцемъ на Мартына Петровича, залился своимъ дряблымъ, дряннымъ смѣхомъ.

— Великодушный! Великодушный!—затрещалъ онъ:— а вотъ, мы посмотримъ, по вкусу ли ему самому придется это великодушіе, когда его, раба Божія, голой спиной... да на снѣгъ!

— Что ты врешь? дуракъ! — презрительно промолвилъ Харловъ.

— Дуракъ! дуракъ! — повторилъ Сувениръ. — Единому Всевышнему Богу извѣстно, кто изъ насъ обоихъ заправскій-то дуракъ. А вотъ вы, братецъ! сестрицу мою, супругу вашу, уморили—за то̀ теперь и самихъ себя похѣрили... ха-ха-ха!

— Какъ вы смѣете нашего почтеннаго благодѣтеля обижать? — запищалъ Слеткинъ и, оторвавшись отъ обхваченнаго имъ плеча Мартына Петровича, ринулся на Сувенира. — Да знаете ли, что если нашъ благодѣтель того пожелаетъ, то мы и самый актъ сію минуту уничтожить можемъ?..

— А вы все-таки его голой спиной—на снѣгъ...—ввернулъ Сувениръ, стушевавшись за Квицинскаго.

— Молчать! — загремѣлъ Харловъ. — Прихлопну тебя, такъ только мокро будетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ты нахо-

дился. Да и ты молчи, щенокъ!—обратился онъ къ Слеткину:—не суйся, куда не велятъ! Коли я, Мартынъ Петровъ Харловъ, порѣшилъ оный раздѣльный актъ составить, то кто же можетъ его уничтожить? противъ моей воли пойти? Да въ свѣтѣ власти такой нѣтъ...

— Мартынъ Петровичъ! — заговорилъ вдругъ сочнымъ басомъ стряпчій; онъ тоже выпилъ много, но отъ этого въ немъ только важности прибавилось. — Ну, а какъ господинъ помѣщикъ правду сказать изволилъ? Дѣло вы совершили великое; ну, а какъ, сохрани Богъ, дѣйствительно... вмѣсто должной благодарности, да выйдетъ какой аффронтъ?

Я глянулъ украдкой на обѣихъ дочерей Мартына Петровича. Анна такъ и впилась глазами въ говорившаго и ужъ, конечно, болѣе злого, змѣинаго и въ самой злобѣ болѣе красиваго лица я не видывалъ! Евлампія отворотилась и руки скрестила; презрительная усмѣшка болѣе чѣмъ когда-нибудь скрутила ея полныя, розовыя губы.

Харловъ поднялся со стула, разинулъ ротъ, но видно языкъ измѣнилъ ему... Онъ вдругъ ударилъ кулакомъ по столу, такъ что все въ комнатѣ подпрыгнуло и задребезжало.

— Батюшка,—поспѣшно промолвила Анна:—они насъ не знаютъ и потому такъ о насъ понимаютъ; а вы себѣ не извольте повредить. Напрасно вы гнѣваться изволите; вотъ, у васъ личико словно перекосилось.

Харловъ поглядѣлъ на Евлампію; она не шевелилась, хотя сидѣвшій подлѣ нея Житковъ и толкалъ ее подъ бокъ.

— Спасибо тебѣ, дочь моя Анна, — глухо заговорилъ Харловъ: — ты у меня разумница; я на тебя надѣюсь и на мужа твоего тоже.—Слеткинъ опять взвизгнулъ; Житковъ выставилъ-было грудь и ногой слегка топнулъ; но Харловъ не замѣтилъ его старанія. — Этотъ шалопай, — продолжалъ онъ, указавъ подбородкомъ на Сувенира: — радъ дразнить меня; но вамъ, милостивый государь мой,— обратился онъ къ стряпчему,—вамъ о Мартынѣ Харловѣ судить не приходится: понятіемъ еще не вышли. И чиновный вы человѣкъ, а слова ваши самыя вздорныя. А впро-

чемъ, дѣло сдѣлано, рѣшенію моему отмѣны не будетъ... Ну, и счастливо оставаться! Я уйду. Я здѣсь больше не хозяинъ, я гость. Анна, хлопочи ты, какъ знаешь; а я къ себѣ въ кабинетъ уйду. Довольно!

Мартынъ Петровичъ повернулся къ намъ спиною и, не прибавивъ больше ни слова, медленно вышелъ изъ комнаты.

Внезапное удаленіе хозяина не могло не разстроить нашей компаніи, тѣмъ болѣе, что и обѣ хозяйки тоже въ скорости исчезли. Слеткинъ напрасно старался удержать насъ. Исправникъ не преминулъ упрекнуть стряпчаго въ неумѣстной его откровенности.—Нельзя!—отвѣчалъ тотъ.—Совѣсть заговорила!

— Вотъ и видно, что масонъ,—шепнулъ мнѣ Сувениръ.

— Совѣсть!—возразилъ исправникъ.—Знаемъ мы вашу совѣсть! Такъ же, небось, и у васъ въ карманѣ сидитъ, какъ и у насъ грѣшныхъ!

Священникъ, между тѣмъ, уже стоя на ногахъ, но предчувствуя скорый конецъ трапезы, безпрестанно посылалъ въ ротъ кусокъ за кускомъ.

— А у васъ, я вижу, аппетитъ сильный,—рѣзко замѣтилъ ему Слеткинъ.

— Про запасъ, — отвѣчалъ священникъ со смиренной ужимкой; застарѣлый голодъ слышался въ этомъ отвѣтѣ.

Застучали экипажи... и мы разъѣхались.

На возвратномъ пути никто не мѣшалъ Сувениру кривляться и болтать, такъ какъ Квицинскій объявилъ, что ему надоѣли всѣ эти „никому не нужныя“ безобразія, и прежде насъ отправился домой пѣшкомъ. На его мѣсто къ намъ въ карету сѣлъ Житковъ; отставной маіоръ имѣлъ весьма недовольный видъ, и то и дѣло, какъ тараканъ, поводилъ усами.

— Что, ваше высокоблагородіе,—лепеталъ Сувениръ:—субординація, знать, подорвана? Погодите, то ли будетъ! Зададутъ феферу и вамъ. Ахъ вы, женишокъ, женишокъ, горе-женишокъ!

Сувенира такъ и разбирало, а бѣдный Житковъ только шевелилъ усами.

Вернувшись домой, я разсказалъ все видѣнное мною матушкѣ. Она выслушала меня до конца и нѣсколько разъ покачала головою.—Не къ добру,—промолвила она: — не нравятся мнѣ всѣ эти новизны!

XV.

На слѣдующій день Мартынъ Петровичъ пріѣхалъ къ обѣду. Матушка поздравила его съ благополучнымъ окончаніемъ затѣяннаго имъ дѣла. — Ты теперь свободный человѣкъ, — сказала она: — и долженъ себя легче чувствовать.

— Легче-то легче, сударыня,—отвѣчалъ Мартынъ Петровичъ, нисколько, однако, не показывая выраженьемъ своего лица, что ему дѣйствительно легче стало.—Можно теперь и о душѣ помыслить, и къ смертному часу, какъ слѣдуетъ, приготовиться.

— А что? — спросила матушка: — мурашки у тебя по рукѣ все бѣгаютъ?

Харловъ раза два сжалъ и разжалъ ладонь лѣвой руки.— Бѣгаютъ, сударыня; — и что я вамъ еще доложу: какъ начну я засыпать, кричитъ кто-то у меня въ головѣ: „берегись!“ „берегись!“

— Это... нервы, — замѣтила матушка, и заговорила о вчерашнемъ днѣ, намекнула на нѣкоторыя обстоятельства, сопровождавшія совершеніе раздѣльнаго акта.

— Ну, да, да, — перебилъ ее Харловъ: — было такъ, кое-что... неважное. Только вотъ что̀ доложу вамъ,—прибавилъ онъ съ разстановкой. — Не смутили меня вчерась пустыя Сувеніровы слова — даже самъ господинъ стряпчій, хоть и обстоятельный онъ человѣкъ—и тотъ не смутилъ меня; а смутила меня...—Тутъ Харловъ запнулся.

— Кто?—спросила матушка.

Харловъ вскинулъ на нее глазами.—Евлампія!

— Евлампія? Дочь твоя? Это какимъ образомъ?

— Помилуйте, сударыня — точно каменная! истуканъ истуканомъ! Неужто же она не чувствуетъ? Сестра ея, Анна—ну, та все какъ слѣдуетъ. Та—тонкая! А Евлампія—вѣдь я ей — что грѣха таить! — много предпочтенія

оказывалъ! Неужто же ей не жаль меня? Стало-быть, мнѣ плохо приходится, стало-быть, чую я, что не жилецъ я на сей землѣ, коли все имъ отказываю; и точно каменная! хоть бы гукнула! Кланяться—кланяется, а благодарности не видать.

— Вотъ, постой,—замѣтила матушка:—выдадимъ мы ее за Гаврилу Ѳедулыча... у него она помягчѣетъ.

Мартынъ Петровичъ опять исподлобья глянулъ на матушку.—Ну, развѣ вотъ Гаврила Ѳедулычъ! Вы, знать, сударыня, на него надѣетесь?

— Надѣюсь.

— Такъ-съ; ну, вамъ лучше знать. А у Евлампіи, доложу вамъ,—что у меня, что у ней: нравъ все едино. Казацкая кровь—а сердце, какъ уголь горячій!

— Да развѣ у тебя такое сердце, отецъ мой?

Харловъ не отвѣчалъ. Наступило небольшое молчаніе.

— Что же ты, Мартынъ Петровичъ, — начала матушка:—какимъ образомъ намѣренъ теперь душу свою спасать? къ Митрофанію съѣздишь или въ Кіевъ? или, можетъ-быть, въ Оптину пустынь отправишься, такъ какъ она по сосѣдству? Тамъ, говорятъ, такой святой проявился инокъ... отцомъ Макаріемъ его зовутъ, никто такого и не запомнитъ! Всѣ грѣхи насквозь видитъ.

— Если она точно неблагодарной дочерью окажется,—промолвилъ хриплымъ голосомъ Харловъ:—такъ мнѣ, кажется, легче будетъ ее изъ собственныхъ рукъ убить!

— Что́ ты! Что̀ ты! Господь съ тобою! Опомнись!—воскликнула матушка. — Какія ты это рѣчи говоришь! Вотъ, то-то вотъ и есть! послушался бы меня намедни, какъ совѣтоваться пріѣзжалъ! А теперь вотъ ты себя мучить будешь—вмѣсто того, чтобы о душѣ помышлять! Мучить ты себя будешь—а локтя все-таки не укусишь! Да! Теперь вотъ ты жалуешься, трусишь...

Этотъ упрекъ, казалось, въ самое сердце кольнулъ Харлова. Вся прежняя его гордыня такъ волной и прилила къ нему. Онъ встряхнулся и подбородкомъ двинулъ впередъ.

— Не таковскій я человѣкъ, сударыня, Наталья Нико-

лаевна, чтобы жаловаться или трусить, — угрюмо заговорилъ онъ.—Я вамъ только, какъ благодѣтельницѣ моей и уважаемой особѣ, чувства мои изложить пожелалъ. Но Господь Богъ вѣдаетъ (тутъ онъ поднялъ руку надъ головою), что скорѣе шаръ земной въ раздробленіе придетъ, чѣмъ мнѣ отъ своего слова отступиться, или... (тутъ онъ даже фыркнулъ) или трусить, или раскаиваться въ томъ, что̀ я сдѣлалъ! Значитъ, были причины! А дочери мои изъ повиновенія не выдутъ, во вѣки вѣковъ, аминь!

Матушка зажала уши. — Что это, отецъ, какъ труба трубишь! Коли ты въ самомъ дѣлѣ въ домочадцахъ своихъ такъ увѣренъ, ну и слава тебѣ, Господи! Голову ты мнѣ совсѣмъ размозжилъ.

Мартынъ Петровичъ извинился, вздохнулъ раза два и умолкъ. Матушка опять упомянула о Кіевѣ, объ Оптиной пустынѣ, объ отцѣ Макаріи... Харловъ поддакивалъ, говорилъ, что „нужно, нужно... надо будетъ... о душѣ...“ и только. До самаго отъѣзда онъ не развеселился; отъ времени до времени сжималъ и разжималъ руку, глядѣлъ себѣ на ладонь, говорилъ, что ему страшнѣе всего умереть безъ покаянія, отъ удара, и что онъ зарокъ себѣ далъ: не сердиться, такъ какъ отъ сердца кровь портится и къ головѣ приливаетъ... Притомъ же, онъ теперь отъ всего отстранился; съ какой стати онъ сердиться будетъ? Пусть другіе теперь трудятся и кровь себѣ портятъ!

Прощаясь съ матушкой, онъ страннымъ образомъ поглядывалъ на нее: задумчиво и вопросительно... и вдругъ быстрымъ движеніемъ, выхвативъ изъ кармана томъ „Покоющагося Трудолюбца“, сунулъ его матушкѣ въ руки.

— Что такое?—спросила она.

— Прочтите... вотъ тутъ,—торопливо промолвилъ онъ:— гдѣ уголокъ загнутъ, о смерти. Сдается мнѣ, что больно хорошо сказано, а понять никакъ не могу. Не растолкуете ли вы мнѣ, благодѣтельница? Я вотъ вернусь, а вы мнѣ растолкуете.

Съ этими словами Мартынъ Петровичъ вышелъ.

— Неладно! эхъ, неладно! — замѣтила матушка, какъ только онъ скрылся за дверью—и принялась за „Трудо-

любца". На страницѣ, отмѣченной Харловымъ, стояли слѣдующія слова:

„Смерть есть важная и великая работа натуры. Она не что иное, какъ то, что духъ, понеже есть легче, тоньше и гораздо проницательнѣе тѣхъ стихій, коимъ отданъ былъ подъ власть, но и самой электрической силы, то онъ химическимъ образомъ чистится и стремится до тѣхъ поръ, пока не ощутитъ равно духовнаго себѣ мѣста..." и т. д. *)

Матушка прочла этотъ пассажикъ раза два, воскликнула: тьфу!—и бросила книгу въ сторону.

Дня три спустя, она получила извѣстіе, что мужъ ея сестры скончался, и, взявъ меня съ собою, отправились къ ней въ деревню. Матушка располагала провесть у ней мѣсяцъ, но осталась до поздней осени — и мы только въ концѣ сентября вернулись въ нашу деревню.

XVI.

Первое извѣстіе, которымъ встрѣтилъ меня мой камердиперъ Прокофій (онъ же считался господскимъ егеремъ), было то, что вальдшнеповъ налетѣло видимо-невидимо, и что особенно въ березовой рощѣ возлѣ Еськова (Харловскаго имѣнія) они такъ и кишатъ. До обѣда оставалось еще часа три; я тотчасъ схватилъ ружье, ягдташъ, и вмѣстѣ съ Прокофіемъ и легавой собакой побѣжалъ въ Еськовскую рощу. Вальдшнеповъ въ ней мы нашли дѣйствительно много — и, выпустивши около тридцати зарядовъ, убили штукъ пять. Спѣша съ добычей домой, я увидѣлъ возлѣ дороги пахавшаго мужика. Лошадь его остановилась, и онъ, слезливо и злобно ругаясь, нещадно дергалъ веревочной вожжею ея на бокъ загнутую голову. Я вглядѣлся въ несчастную клячу, у которой ребра чуть не прорывались наружу и облитые потомъ бока судорожно и неровно вздымались, какъ кузнечные мѣха, — и тотчасъ призналъ въ ней старую чахлую кобылу со шрамомъ на плечѣ, столько лѣтъ служившую Мартыну Петровичу.

*) См. „Покоющійся Трудолюбецъ" 1785, II ч. Москва.

— Г-нъ Харловъ живъ?—спросилъ я Прокофія. Охота насъ обоихъ такъ „всецѣло“ поглотила, что мы до того мгновенья ни о чемъ другомъ не разговаривали.

— Живъ-съ. А что-съ?

— Да вѣдь это его лошадь? Развѣ онъ продалъ ее?

— Лошадь, точно, ихняя-съ; только продавать они ее не продавали; а взяли ее у нихъ — да тому мужичку и отдали.

— Какъ такъ взяли? И онъ согласился?

— Согласія ихняго не спрашивали-съ. Тутъ безъ васъ порядки пошли, — промолвилъ съ легкой усмѣшкой Прокофій въ отвѣтъ на мой удивленный взглядъ: — бѣда! Боже ты мой! Теперь у нихъ Слеткинъ господинъ всѣмъ орудуетъ.

— А Мартынъ Петровичъ?

— А Мартынъ Петровичъ самымъ, какъ есть, послѣднимъ человѣкомъ сталъ. На сухояденьѣ сидитъ — чего больше? Порѣшили его совсѣмъ. Того и смотри, со двора сгонятъ.

Мысль, что можно такого великана *согнать* — никакъ не укладывалась мнѣ въ голову. — А Житковъ-то чего смотритъ?—спросилъ я наконецъ.—Вѣдь онъ женился на второй дочери?

— Женился? — повторилъ Прокофій и на этотъ разъ усмѣхнулся во весь ротъ. — Его и въ домъ-то не пускаютъ. Не надо, молъ; поверни, молъ, оглобли назадъ. Сказанное дѣло: Слеткинъ всѣмъ заправляетъ.

— А невѣста-то что̀?

— Евлампія-то Мартыновна? Эхъ, баринъ, сказалъ бы я вамъ... да млады вы суть—вотъ что. Дѣла тутъ подошли такія, что и... и... и! Э! да Діанка-то, кажись, стоитъ!

Дѣйствительно, собака моя остановилась, какъ вкопанная, передъ широкимъ дубовымъ кустомъ, которымъ заканчивался узкій оврагъ, выползавшій на дорогу. Мы съ Прокофіемъ подбѣжали къ собакѣ: изъ куста поднялся вальдшнепъ. Мы оба выстрѣлили по немъ и промахнулись; вальдшнепъ перемѣстился; мы отправились за нимъ.

Супъ уже былъ на столѣ, когда я вернулся. Матушка

побранила меня.—„Что это?“—сказала она съ неудовольствіемъ:—„въ первый же день—да къ обѣду ждать себя заставилъ“. Я поднесъ ей убитыхъ вальдшнеповъ: она и не посмотрѣла на нихъ. Кромѣ ея, въ комнатѣ находились Сувениръ, Квицинскій и Житковъ. Отставной маіоръ забился въ уголъ, — ни дать, ни взять, провинившійся школьникъ; выраженіе его лица являло смѣсь смущенія и досады; глаза его покраснѣли... Можно было даже подумать, что онъ незадолго передъ тѣмъ всплакнулъ. Матушка продолжала быть не въ духѣ; мнѣ не стоило большого труда догадаться, что поздній мой приходъ былъ тутъ ни при чемъ. Во время обѣда она почти не разговаривала; маіоръ изрѣдка взводилъ на нее жалостные взгляды, кушалъ, однако, исправно; Сувениръ трепеталъ; Квицинскій сохранялъ обычную увѣренность осанки.

— Викентій Осипычъ,—обратилась къ нему матушка:—прошу васъ послать завтра за Мартыномъ Петровичемъ экипажъ, такъ какъ я извѣстилась, что у него своего не стало; и велите ему сказать, чтобы онъ непремѣнно пріѣхалъ, что я желаю его видѣть.

Квицинскій хотѣлъ-было что-то возразить, но удержался.

— И Слеткину дайте знать, — продолжала матушка:—что я ему приказываю ко мнѣ явиться... Слышите? При...ка...зываю!

— Вотъ, уже, именно... этого негодяя слѣдуетъ...—началъ вполголоса Житковъ; но матушка такъ презрительно на него посмотрѣла, что онъ тотчасъ отворотился и умолкъ.

— Слышите? Я приказываю!—повторила матушка.

— Слушаю-съ,—покорно, но съ достоинствомъ промолвилъ Квицинскій.

— Не пріѣдетъ Мартынъ Петровичъ! — шепнулъ мнѣ Сувениръ, выходя вмѣстѣ со мною послѣ обѣда изъ столовой.—Вы посмотрите, что̀ съ нимъ сталось! Уму непостижимо! Я полагаю—онъ что̀ и говорятъ-то ему—ничего не понимаетъ. Да! Прижали ужа вилами!

И Сувениръ залился своимъ дряблымъ смѣхомъ.

XVII.

Предсказаніе Сувенира оказалось справедливымъ. Мартынъ Петровичъ не захотѣлъ поѣхать къ матушкѣ. Она этимъ не удовольствовалась и отправила къ нему письмо; онъ прислалъ ей четвертушку бумаги, на которой крупными буквами были написаны слѣдующія слова: „Ей-же ей, не могу. Стыдъ убьетъ. Пущай такъ пропадаю. Спасибо. Не мучьте. Харловъ Мартынко". Слеткинъ пріѣхалъ, но не въ тотъ день, когда матушка „приказывала" ему явиться, а цѣлыми сутками позже. Матушка велѣла провести его къ себѣ въ кабинетъ... Богъ вѣдаетъ, о чемъ у нихъ велась бесѣда, но продолжалась она недолго: съ четверть часа не болѣе. Слеткинъ вышелъ отъ матушки, весь красный, и съ такимъ ядовито-злымъ и дерзостнымъ выраженіемъ лица, что, встрѣтившись съ нимъ въ гостиной, я просто остолбенѣлъ, а тутъ же вертѣвшійся Сувениръ не окончилъ начатаго смѣха. Матушка вышла изъ кабинета тоже вся красная въ лицѣ и объявила во всеуслышаніе, чтобъ г-на Слеткина ни подъ какимъ видомъ къ ней впередъ не допускать; а коли Мартына Петровича дочери вздумаютъ явиться — наглости, дескать, на это у нихъ станетъ — имъ также отказывать. За обѣдомъ она вдругъ воскликнула:—„Каковъ дрянной жиденокъ! Я-жъ его за уши изъ грязи вытащила, я-жъ его въ люди вывела, онъ всѣмъ, всѣмъ мнѣ обязанъ—и онъ смѣетъ мнѣ говорить, что я напрасно въ ихъ дѣла вмѣшиваюсь! Что Мартынъ Петровичъ блажитъ—и что ему потакать невозможно! Потакать! каково? Ахъ, онъ неблагодарный пащенокъ! Жиденокъ мерзкій!"—Маіоръ Житковъ, который также находился въ числѣ обѣдавшихъ, вообразилъ, что теперь-то ужъ самъ Богъ ему велѣлъ воспользоваться случаемъ и ввернуть свое слово... но матушка тотчасъ его осадила.—„Ну, ужъ и ты хорошъ, мой отецъ!"—промолвила она.—„Съ дѣвкой не умѣлъ сладить, а еще офицеръ! Ротой командовалъ! Воображаю, какъ она тебя слушалась! Въ управляющіе мѣтилъ! хорошъ бы вышелъ управляющій!"

Квицинскій, сидѣвшій на концѣ стола, улыбнулся про себя не безъ злорадства, а бѣдный Житковъ только усами повелъ, да брови поднялъ и всѣмъ своимъ волосатымъ лицомъ уткнулся въ салфетку.

Послѣ обѣда онъ вышелъ на крыльцо покурить, по обыкновенію, трубочку — такимъ онъ мнѣ показался жалкимъ и сиротливымъ, что я, хотя его и не долюбливалъ, однако, тутъ присосѣдился къ нему.

— Какъ это у васъ, Гаврила Ѳедулычъ, — началъ я безъ дальнихъ околичностей:—съ Евлампіей Мартыновной дѣло разстроилось? Я полагалъ—вы давно женились.

Отставной маіоръ уныло взглянулъ на меня.

— Змѣй подколодный,—началъ онъ, съ горестной старательностью выговаривая каждую букву каждаго слога:— жаломъ меня своимъ уязвилъ и всѣ мои надежды въ жизни — въ прахъ обратилъ! И разсказалъ бы я вамъ, Дмитрій Семеновичъ, всѣ его ехидные поступки, но матушку вашу боюсь прогнѣвить! („Млады вы еще суть",— мелькнуло у меня въ головѣ выраженіе Прокофія.) Ужъ и такъ...

Житковъ крякнулъ.

— Терпѣть... терпѣть... больше ничего не остается! (Онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь.) Терпи, старый служака, терпи! Царю служилъ вѣрой-правдой... безпорочно... да! Не щадилъ пота-крови, а теперь вотъ до чего довертѣлся! Будь то въ полку—и дѣло отъ меня зависящее,—продолжалъ онъ послѣ короткаго молчанія, судорожно насасывая свой черешневый чубукъ: — я-бъ его... я-бъ его фухтелями въ три перемѣны... то-есть, до отвалу...

Житковъ вынулъ трубку изо рта и устремилъ взоръ въ пространство, какъ бы внутренно любуясь вызванной имъ картиной.

Сувениръ подбѣжалъ и началъ шпынять маіора. Я отошелъ отъ нихъ въ сторону—и рѣшился, во что̀ бы то ни стало, собственными глазами, увидать Мартына Петровича... Дѣтское мое любопытство было сильно задѣто.

XVIII.

На другой день я опять съ ружьемъ и съ собакой, но безъ Прокофія, отправился въ Еськовскую рощу. День выдался чудесный: я думаю, кромѣ Россіи, въ сентябрѣ мѣсяцѣ нигдѣ подобныхъ дней не бываетъ. Тишь стояла такая, что можно было за сто шаговъ слышать, какъ бѣлка перепрыгивала по сухой листвѣ, какъ оторвавшійся сучокъ сперва слабо цѣплялся за другія вѣтки и падалъ, наконецъ, въ мягкую траву—падалъ навсегда: онъ ужъ не шелохнется, пока не истлѣетъ. Воздухъ ни теплый, ни свѣжій, а только пахучій и словно кисленькій, чуть-чуть, пріятно щипалъ глаза и щеки; тонкая, какъ шелковинка, съ бѣлымъ клубочкомъ по серединѣ, длинная паутина плавно налетала и, прильнувъ къ стволу ружья, прямо вытягивалась по воздуху — знакъ постоянной, теплой погоды. Солнце свѣтило, но такъ кротко, хоть бы лунѣ. Вальдшнепы попадались довольно часто; но я не обращалъ на нихъ особеннаго вниманія: я зналъ, что роща доходила почти до самой усадьбы Харлова, до самаго плетня его сада — и пробирался въ ту сторону— хоть и не могъ себѣ представить, какъ я въ самую усадьбу проникну, и даже сомнѣвался въ томъ, слѣдовало ли мнѣ стараться проникнуть туда, такъ какъ матушка моя гнѣвалась на новыхъ владѣльцевъ.

Живые человѣческіе звуки почудились мнѣ въ недальнемъ разстояніи. Я сталъ прислушиваться... Кто-то шелъ по лѣсу... прямо на меня.

— Такъ бы ты и сказалъ, — послышался женскій голосъ.

— Толкуй!—перебилъ другой голосъ, голосъ мужчины.— Нешто можно все разомъ?

Голоса были мнѣ знакомы. Женское голубое платье мелькнуло сквозь порѣдѣвшіе орѣховые кусты; рядомъ съ нимъ показался темный кафтанъ. Еще мгновенье — и на поляну, въ пяти шагахъ отъ меня, вышли Слеткинъ и Евлампія.

Они внезапно смутились. Евлампія тотчасъ отступила

назадъ, въ кусты. Слеткинъ подумалъ—и приблизился ко мнѣ. На лицѣ его уже не замѣчалось и слѣда того подобострастнаго смиренія, съ которымъ онъ, мѣсяца четыре тому назадъ, расхаживая по двору Харловскаго дома, перетиралъ трензель моей лошади; но и того дерзкаго вызова я на немъ прочесть не могъ, того вызова, которымъ это лицо такъ поразило меня наканунѣ, на порогѣ матушкина кабинета. Оно осталось попрежнему бѣлымъ и пригожимъ, но казалось солиднѣй и шире.

— Что̀ много вальдшнеповъ заполевали?—спросилъ онъ меня, приподнявъ шапку, ухмыляясь и проводя рукою по своимъ чернымъ кудрямъ. — Вы въ нашей рощѣ охотитесь... Милости просимъ! Мы не препятствуемъ... Напротивъ!

— Сегодня я ничего не убилъ,—промолвилъ я, отвѣчая на первый его вопросъ:—а изъ рощи вашей я сейчасъ выйду.

Слеткинъ торопливо надѣлъ шапку. — Помилуйте, зачѣмъ же! Мы васъ не гонимъ—и даже очень рады... Вотъ и Евлампія Мартыновна то же скажетъ. Евлампія Мартыновна, пожалуйте сюда! Куда вы забились?

Голова Евлампіи показалась изъ-за кустовъ; но она не подошла къ намъ. Она еще похорошѣла за послѣднее время—и словно еще выросла и раздобрѣла.

— Мнѣ, признаться сказать,—продолжалъ Слеткинъ:—даже очень пріятно, что „встрѣтился“ съ вами. Вы хоть еще молоды, но разумъ уже имѣете настоящій. Матушка ваша вчерась на меня прогнѣваться изволила—никакихъ отъ меня резоновъ принять не хотѣла, а я, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами доложу: ни въ чемъ я не повиненъ. Съ Мартыномъ Петровичемъ иначе поступать невозможно: совсѣмъ онъ въ младенчество впалъ. Нельзя же намъ исполнять всѣ его капризы, помилуйте. А уваженіе мы ему оказываемъ какъ слѣдуетъ! Спросите хоть Евлампію Мартыновну.

Евлампія не шевелилась; обычная презрительная улыбка бродила по ея губамъ—и неласково глядѣли красивые глаза.

— Но зачѣмъ же вы, Владиміръ Васильичъ, Мартынъ-Петровичеву лошадь-то продали? (Меня особенно смущала эта лошадь, находящаяся во владѣніи мужика.)

— Лошадь-то ихнюю зачѣмъ продали-съ? Да помилосердуйте — куда же она годилась? Только сѣно даромъ ѣла. А у мужика она все-таки пахать можетъ. А Мартыну Петровичу—коли вздумается куда выѣхать—стòитъ только у насъ попросить. Мы въ экипажѣ ему не отказываемъ. Въ перабочіе дни съ нашимъ удовольствіемъ!

— Владиміръ Васильевичъ,—глухо проговорила Евлампія, какъ бы отзывая его, и все не сходя съ своего мѣста. Она вертѣла около пальцевъ нѣсколько стеблей подорожника и отсѣкала имъ головки, ударяя ихъ другъ о дружку.

— Вотъ еще насчетъ казачка Максимки, — продолжалъ Слеткинъ:—Мартынъ Петровичъ жалуется, зачѣмъ, молъ, мы его у него отняли да въ ученье отдали. Но, извольте сами разсудить: ну, чтò бы онъ сталъ у Мартына Петровича дѣлать? Баклуши бить; больше ничего. И служить-то, какъ слѣдуетъ, онъ не можетъ: по причинѣ своей глупости и младыхъ лѣтъ. А теперь мы его къ шорнику въ ученіе отдали. Выйдетъ изъ него мастеръ хорошій—и себѣ пользу принесетъ, и намъ будетъ оброкъ платить. А въ нашемъ маленькомъ хозяйствѣ это вещь важная-съ! Въ нашемъ маленькомъ хозяйствѣ ничего упускать не слѣдуетъ!

„И этого-то человѣка Мартынъ Петровичъ называлъ тряпкой!“ подумалъ я.—Но кто же теперь Мартыну Петровичу читаетъ?—спросилъ я.

— Да чтò читать-то? Была одна книга—да, благо, запропастилась куда-то... И чтò за чтеніе въ его лѣта!

— А брѣетъ его кто?—опять спросилъ я.

Слеткинъ засмѣялся одобрительно, какъ бы въ отвѣтъ на забавную шутку.—Да никто. Сперва онъ себѣ бороду свѣчей подпаливалъ,—а теперь и вовсе запустилъ ее. И чудесно!

— Владиміръ Васильевичъ!—съ настойчивостью повторила Евлампія:—а Владиміръ Васильевичъ!

Слеткинъ сдѣлалъ ей знакъ рукою.

— Обутъ, одѣтъ Мартынъ Петровичъ, кушаетъ то же, что́ и мы; чего жъ ему еще? Самъ же онъ увѣрялъ, что больше ничего въ семъ мірѣ не желаетъ, какъ только о душѣ своей заботиться. Хоть бы онъ то̀ сообразилъ, что теперь все—какъ ни какъ—а наше. Говоритъ тоже, что жалованье мы ему не выдаемъ; да у насъ самихъ деньги не всегда бываютъ; и на что онѣ ему, когда на всемъ на готовомъ живетъ? А мы съ нимъ по-родственному обращаемся: истинно вамъ говорю. Комнаты, напримѣръ, въ которыхъ онъ жительство имѣетъ,—ужъ какъ намъ нужны! безъ нихъ, просто повернуться негдѣ; а мы — ничего! — терпимъ. Даже о томъ помышляемъ, какъ бы ему развлеченіе доставить. Вотъ, я къ Петрову дню а-атличные крючки въ городѣ ему купилъ — настоящіе англійскіе: дорогіе крючки! чтобы рыбу удить. У насъ въ пруду караси водятся. Сидѣлъ бы да удилъ! часикъ-другой посидѣлъ — анъ ушица и готова. Самое для старичковъ степенное занятіе!

— Владиміръ Васильевичъ! — въ третій разъ, рѣшительнымъ тономъ проговорила Евлампія и отбросила далеко отъ себя прочь травяные стебли, которые вертѣла въ пальцахъ.—Я уйду!—Ея глаза встрѣтились съ моими.—Я уйду, Владиміръ Васильевичъ!—повторила она и скрылась за кустъ.

— Я сейчасъ, Евлампія Мартыновна, сейчасъ! — крикнулъ Слеткинъ.—Самъ Мартынъ Петровичъ теперь насъ одобряетъ,—продолжалъ онъ, снова обращаясь ко мнѣ.—Сперва онъ обижался, точно; и даже ропталъ, пока, знаете, не вникъ: человѣкъ онъ былъ, вы изволите помнить, горячій, крутой — бѣда! ну, а нынѣ совсѣмъ тихъ сталъ. Потому—пользу свою увидѣлъ. Маменька ваша — и Боже ты мой! какъ опрокинулась на меня... Извѣстно: барыня властью своею дорожитъ тоже, не хуже, какъ, бывало, Мартынъ Петровичъ; ну, а вы зайдите сами, посмотрите—да при случаѣ и замолвите словечко. Я Натальи Николаевны благодѣянья очень чувствую; однако, надо же жить и намъ.

— А Житкову какъ же отказано было? — спросилъ я.

— Ѳедулычу-то? Талагаю-то этому?—Слеткинъ плечами пожалъ. — Да помилуйте, на что же онъ могъ быть нуженъ? Вѣкъ свой въ солдатахъ числился—а тутъ хозяйствомъ заняться вздумалъ. Я, говоритъ, могу съ крестьяниномъ расправу чинить. Потому, я привыкъ по рожѣ бить. Ничего-съ онъ не можетъ. И по рожѣ бить нужно умѣючи. А Евлампія Мартыновна сама ему отказала. Совсѣмъ неподходящій человѣкъ. Все наше хозяйство съ нимъ бы пропало!

— Ау!—раздался звучный голосъ Евлампіи.

— Сейчасъ! сейчасъ!—отозвался Слеткинъ. Онъ протянулъ мнѣ руку; я, хоть и неохотно, а пожалъ ее.

— Прощенія просимъ, Дмитрій Семенычъ, — проговорилъ Слеткинъ, выказывая всѣ свои бѣлые зубы.—Стрѣляйте себѣ вальдшнеповъ на здоровье; птица прилетная, никому не принадлежащая; ну, а коли зайчикъ вамъ попадется — вы ужъ его пощадите: это добыча—наша. Да, вотъ еще! не будетъ ли у васъ щеночка отъ вашей сучки? Очень бы одолжили!

— Ау!—раздался снова голосъ Евлампіи.

— Ау! ау!—отозвался Слеткинъ и бросился въ кусты.

XIX.

Помнится, когда я остался одинъ, меня занимала мысль: какъ это Харловъ не прихлопнулъ Слеткина такъ, „чтобы только мокро было на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился“— и какъ это Слеткинъ не страшился подобной участи? Видно, Мартынъ Петровичъ точно „тихъ“ сталъ, подумалось мнѣ — и еще сильнѣе захотѣлось пробраться въ Еськово и хоть однимъ глазкомъ посмотрѣть на того колосса, котораго я никакъ не могъ вообразить себѣ загнаннымъ и смирнымъ. Я достигнулъ уже опушки—какъ вдругъ изъ-подъ самыхъ ногъ моихъ, съ сильнымъ трескомъ крылъ, выскочилъ крупный вальдшнепъ и помчался въ глубь рощи. Я прицѣлился; ружье мое осѣклось. Очень мнѣ стало досадно: птица ужъ больно была хороша, и я рѣшился попытаться, не подниму ли я ея снова? Я по-

шелъ въ направленіи ея полета — и отойдя шаговъ двѣсти, увидѣлъ на небольшой лужайкѣ, подъ развѣсистой березой—не вальдшнепа—а того же господина Слеткина. Онъ лежалъ на спинѣ, заложивъ обѣ руки подъ голову, и съ довольной улыбкой поглядывалъ вверхъ, на небо, покачивая лѣвой ногой, закинутой на правое колѣно. Онъ не замѣтилъ моего приближенія. По лужайкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, медленно, съ опущенными глазами, похаживала Евлампія; казалось, она искала чего-то въ травѣ — грибовъ, что̀ ли — изрѣдка наклонялась, протягивала руку—и напѣвала вполголоса. Я остановился тотчасъ и сталъ прислушиваться. Сперва я не могъ понять, что̀ это она такое поетъ, но потомъ я хорошо призналъ слѣдующіе, извѣстные стихи старинной пѣсни:

„Ты найди-ка, ты найди, туча грозная,
Ты убей-ка, ты убей тестя-батюшку.
Ты громи-ка, громи ты тещу-матушку,
А молодую-то жену я и самъ убью!“

Евлампія пѣла все громче и громче; особенно сильно протянула она послѣднія слова. Слеткинъ все лежалъ на спинѣ да посмѣивался, а она все какъ будто кружила около него.

— Вишь ты!—промолвилъ онъ, наконецъ.—И чего имъ только въ голову не взбредетъ!

— А что̀?—спросила Евлампія.

Слеткинъ слегка приподнялъ голову. — Что? Какія ты это рѣчи произносишь?

— Изъ пѣсни, Володя, ты самъ знаешь, слова не выкинешь,—отвѣчала Евлампія, обернулась и увидѣла меня. Мы оба разомъ вскрикнули, и оба бросились въ разныя стороны.

Я поспѣшно выбрался изъ рощи и, перейдя узенькую полянку, очутился передъ Харловскимъ садомъ.

XX.

Мнѣ некогда — да и не къ чему было размышлять о томъ, что̀ я увидѣлъ. Только вспомнилось мнѣ слово: „присуха“, которое я недавно предъ тѣмъ узналъ, и значенію

котораго я много дивился. Я пошелъ вдоль садоваго плетня и, чрезъ нѣсколько мгновеній, изъ-за серебристыхъ тополей (они еще не потеряли ни одного листа и пышно ширились, и блестѣли) увидалъ дворъ и флигели Мартына Петровича. Вся усадьба показалась мнѣ подчищенной и подтянутой; всюду замѣчались слѣды постояннаго и строгаго надзора. Анна Мартыновна появилась на крыльцѣ и, прищуривъ свои блѣдно-голубые глаза, долго глядѣла въ направленіи рощи.

— Барина видѣлъ? — спросила она проходившаго по двору мужика.

— Владиміръ Васильича?—отвѣчалъ тотъ, схвативъ съ головы шапку.—Онъ никакъ въ рощу пошелъ.

— Знаю, что въ рощу. Не вернулся онъ? Не видалъ его.

— Не видалъ... нѣтути.

Мужикъ продолжалъ стоять безъ шапки передъ Анной Мартыновной.

— Ну, ступай,—проговорила она.—Или нѣтъ... постой... Мартынъ Петровичъ гдѣ? Знаешь?

— А Мартынъ эвто Петровичъ, — отвѣчалъ мужикъ пѣвучимъ голосомъ, поперемѣнно приподнимая то правую, то лѣвую руку, словно показывая куда-то: — сидитъ тамотка у пруда, съ удою. Въ камышѣ сидитъ и съ удою. Рыбу, что ль, ловитъ, Богъ его знаетъ.

— Хорошо... Ступай,—повторила Анна Мартыновна:— да подбери колесо, вишь, валяется.

Мужикъ побѣжалъ исполнять ея приказаніе, а она постояла еще нѣсколько минутъ на крыльцѣ и все смотрѣла въ направленіи рощи. Потомъ она тихонько погрозилась одной рукой и медленно вернулась въ домъ.—Аксютка!— раздался ея повелительный голосъ за дверью.

Анна Мартыновна имѣла видъ раздраженный и какъ-то особенно крѣпко сжимала свои и безъ того тонкія губы. Одѣта она была небрежно, и прядь развитой косы падала ей на плечо. Но, несмотря ни на небрежность ея одежды, ни на ея раздраженіе, она попрежнему казалась мнѣ привлекательной, и я съ великой охотой поцѣловалъ бы ея узкую, тоже какъ будто злую руку,

которою она раза два съ досадой откинула ту развитую прядь.

XXI.

— Неужели же Мартынъ Петровичъ и впрямь сталъ рыболовомъ? — спрашивалъ я самого себя, направляясь къ пруду, находившемуся по ту сторону сада. Я взошелъ на плотину, глянулъ туда, сюда... Нигдѣ Мартына Петровича не было видно. Я отправился вдоль одного изъ береговъ пруда — и, наконецъ, въ самой почти его головѣ, у небольшого залива, посреди плоскихъ и поломанныхъ стеблей порыжѣлаго камыша, увидѣлъ громадную сѣроватую глыбу... Я присмотрѣлся: это былъ Харловъ. Безъ шапки, взъерошенный, въ прорванномъ по швамъ холстинномъ кафтанѣ, поджавъ подъ себя ноги, онъ сидѣлъ неподвижно на голой землѣ; такъ неподвижно сидѣлъ онъ, что куличокъ-песочникъ, при моемъ приближеніи, сорвался съ высохшей тины въ двухъ шагахъ отъ него — и полетѣлъ, дрыгая крылышками и посвистывая, надъ водной гладью. Стало-быть, уже давно никто въ его близости не шевелился и не пугалъ его. Вся фигура Харлова до того была необычайна, что собака моя, какъ только увидала его, круто уперлась, поджала хвостъ и зарычала. Онъ чуть-чуть повернулъ голову и уставилъ на меня и на мою собаку свои одичалые глаза. Много его мѣняла борода, хотя короткая, но густая, курчавая, въ бѣлыхъ вихрахъ, на подобіе смушекъ. Въ правой его рукѣ лежалъ конецъ удилища, другой конецъ слабо колыхался на водѣ. Сердце у меня невольно ёкнуло; однако, я собрался съ духомъ, подошелъ къ нему и поздоровался съ нимъ. Онъ медленно заморгалъ, словно съ просонья.

— Что̀ это вы, Мартынъ Петровичъ, — началъ я: — рыбу здѣсь ловите?

— Да... рыбу, — отвѣчалъ онъ сиплымъ голосомъ и дернулъ кверху удилище, на концѣ котораго болтался обрывокъ нитки въ аршинъ и безъ крючка.

— У васъ леса̀ по̀рвана, — замѣтилъ я, и тутъ же увидалъ, что возлѣ Мартына Петровича ни лейки не

оказывалось, ни червей... И какая могла быть ловля въ сентябрѣ?!

— Порвана? — промолвилъ онъ и провелъ рукой по лицу.—Но это все едино!

Онъ снова закинулъ свою удочку.

— Натальи Николаевны сынокъ?—спросилъ онъ меня, спустя минуты двѣ, въ теченіе которыхъ я не безъ тайнаго изумленія его разсматривалъ. Онъ, хотя и похудѣлъ сильно, однако, все-таки казался исполиномъ; но въ какое онъ былъ одѣтъ рубище и какъ опустился весь!

— Точно-такъ,—отвѣчалъ я:—я сынъ Натальи Николаевны Б.

— Здравствуетъ?

— Матушка моя здорова. Она очень огорчилась вашимъ отказомъ,—прибавилъ я:—она никакъ не ожидала, что вы не захотите къ ней пріѣхать.

Мартынъ Петровичъ понурился.— А былъ ты тамъ?— спросилъ онъ, качнувъ въ сторону головою.

— Гдѣ?

— Тамъ, на усадьбѣ. Не былъ? Сходи. Что́ тебѣ здѣсь дѣлать? Сходи. Разговаривать со мной не́чего. Не люблю.

Онъ помолчалъ.

— Тебѣ бы все съ ружьемъ баловаться! Въ младыхъ лѣтахъ будучи, и я по этой дорожкѣ бѣгалъ. Только отецъ у меня... а я его уважалъ, во-какъ! не то, что нынѣшніе. Отхлесталъ отецъ меня арапникомъ—и шабашъ! Полно баловаться! Потому я его уважалъ... У!.. Да...

Харловъ опять помолчалъ.

— А ты здѣсь не оставайся, — началъ онъ снова. — Ты на усадьбу сходи. Тамъ теперь хозяйство идетъ на славу. Володька...—Тутъ онъ на мигъ запнулся.—Володька у меня на всѣ руки. Молодецъ! ну, да и бестія же!

Я не зналъ, что сказать; Мартынъ Петровичъ говорилъ очень спокойно.

— И дочерей посмотри. Ты, чай, помнишь, у меня были дочери. Онѣ тоже хозяйки... ловкія. А я старъ становлюсь, братъ; отстранился. На покой, знаешь...

„Хорошъ покой!“ подумалъ я, взглянувъ кругомъ. —

Мартынъ Петровичъ! — промолвилъ я вслухъ.— Вамъ непремѣнно надо къ намъ пріѣхать.

Харловъ глянулъ на меня. — Ступай, братъ, прочь; вотъ что.

— Не огорчайте маменьку, пріѣзжайте.

— Ступай, братъ, ступай, — твердилъ Харловъ. — Что тебѣ со мной разговаривать?

— Если у васъ экипажа нѣтъ, маменька вамъ свой пришлетъ.

— Ступай!

— Да право же, Мартынъ Петровичъ!

Харловъ опять понурился — и мнѣ показалось, что его потемнѣвшія, какъ бы землей перекрытыя щеки слегка покраснѣли.

— Право, пріѣзжайте,—продолжалъ я.—Что вамъ тутъ сидѣть-то? Себя мучить?

— Какъ такъ мучить, — промолвилъ онъ съ разстановкой.

— Да такъ же—мучить!—повторилъ я.

Харловъ замолчалъ и словно въ думу погрузился.

Ободренный этимъ молчаньемъ, я рѣшился быть откровеннымъ, дѣйствовать прямо, на чистоту. (Не забудьте— мнѣ было всего пятнадцать лѣтъ.)

— Мартынъ Петровичъ! — началъ я, усаживаясь возлѣ него. — Я вѣдь все знаю, рѣшительно все! Я знаю, какъ вашъ зять съ вами поступаетъ—конечно, съ согласія вашихъ дочерей. И теперь вы въ такомъ положеніи... Но зачѣмъ же унывать?

Харловъ все молчалъ, и только удочку уронилъ: а я-то — какимъ умницей, какимъ философомъ я себя чувствовалъ!

— Конечно, — заговорилъ я снова: — вы поступили неосторожно, что все отдали вашимъ дочерямъ. Это было очень великодушно съ вашей стороны — и я васъ упрекать не стану. Въ наше время это слишкомъ рѣдкая черта! Но если ваши дочери такъ неблагодарны—то вамъ слѣдуетъ оказать презрѣніе... именно презрѣніе... и не тосковать...

— Оставь! — прошепталъ вдругъ Харловъ со скрежетомъ зубовъ, и глаза его, уставленные на прудъ, засверкали злобно...—Уйди!

— Но, Мартынъ Петровичъ...

— Уйди, говорятъ... а то убью!

Я-было совсѣмъ пододвинулся къ нему; но при этомъ послѣднемъ словѣ невольно вскочилъ на ноги. — Что вы такое сказали, Мартынъ Петровичъ?

— Убью, говорятъ тебѣ: уйди! — Дикимъ стономъ, ревомъ вырвался голосъ изъ груди Харлова, но онъ не оборачивалъ головы и продолжалъ съ яростью смотрѣть прямо передъ собой. — Возьму да брошу тебя со всѣми твоими дурацкими совѣтами въ воду—вотъ ты будешь знать, какъ старыхъ людей безпокоить, молокососъ! „Онъ съ ума сошелъ!“ мелькнуло у меня въ головѣ.

Я взглянулъ на него попристальнѣе и остолбенѣлъ окончательно: Мартынъ Петровичъ плакалъ!! Слезинка за слезинкой катилась съ его рѣсницъ по щекамъ... а лицо приняло выраженіе совсѣмъ свирѣпое...

— Уйди!—закричалъ онъ еще разъ:—а то убью тебя, ей-Богу! чтобы другимъ повадно не было!

Онъ дрыгнулъ всѣмъ тѣломъ какъ-то въ бокъ и оскалился, точно кабанъ; я схватилъ ружье и бросился бѣжать. Собака съ лаемъ пустилась вслѣдъ за мною. И она тоже испугалась.

Вернувшись домой, я, разумѣется, матушкѣ ни единымъ словомъ не намекнулъ на то, что видѣлъ, но встрѣтившись съ Сувениромъ, я — чортъ знаетъ почему — разсказалъ ему все. Этотъ противный человѣкъ до того обрадовался моему разсказу, такъ визгливо хохоталъ и даже прыгалъ, что я чуть не побилъ его.

— Эхъ! посмотрѣлъ бы я, — твердилъ онъ, задыхаясь отъ смѣха:—какъ этотъ идолъ, „вшедъ“ Харлусъ, залѣзъ въ тину да и сидитъ въ ней...

— Сходите къ нему на прудъ, коли вамъ такъ любопытно.

— Да; а какъ убьетъ?

Очень мнѣ надоѣлъ Сувениръ, и раскаивался я въ своей

неумѣстной болтливости... Житковъ, которому онъ передалъ мой разсказъ, взглянулъ на дѣло нѣсколько иначе.

— Придется къ полиціи обратиться,—рѣшилъ онъ:—а, пожалуй, и за воинской командой нужно будетъ послать.

Предчувствіе его насчетъ воинской команды не сбылось, — но произошло, дѣйствительно, нѣчто необыкновенное.

XXII.

Въ половинѣ октября, недѣли три спустя послѣ моего свиданія съ Мартыномъ Петровичемъ, я стоялъ у окна моей комнаты, во второмъ этажѣ нашего дома — и, ни о чемъ не помышляя, уныло посматривалъ на дворъ и на пролегавшую за нимъ дорогу. Погода уже пятый день стояла отвратительная; объ охотѣ невозможно было и помышлять. Все живое поспряталось; даже воробьи притихли, а грачи давно пропали. Вѣтеръ то глухо завывалъ, то свисталъ порывисто; низкое, безъ всякаго просвѣту небо изъ непріятно-бѣлаго цвѣта переходило въ свинцовый, еще болѣе зловѣщій цвѣтъ, — и дождь, который лилъ, лилъ неумолчно и безпрестанно, внезапно становился еще крупнѣе, еще косѣе—и съ визгомъ расплывался по стекламъ. Деревья совсѣмъ истрепались и какія-то сѣрыя стали: ужъ, кажется, что̀ было съ нихъ взять — а вѣтеръ нѣтъ-нѣтъ — да опять примется тормошить ихъ. Вездѣ стояли засоренныя мертвыми листьями лужи; крупные волдыри, то и дѣло лопаясь и возрождаясь, вскакивали и скользили по нимъ. Грязь по дорогамъ стояла невылазная; холодъ проникалъ въ комнаты, подъ платье, въ самыя кости; невольная дрожь пробѣгала по тѣлу — и ужъ какъ становилось дурно на душѣ! Именно дурно—не грустно. Казалось, уже никогда не будетъ на свѣтѣ ни солнца, ни блеска, ни красокъ, а вѣчно будетъ стоять эта слякоть и слизь, и сѣрая мокрота, и сырость кислая — и вѣтеръ будетъ вѣчно пищать и ныть! Вотъ, стоялъ я такъ-то въ раздумьѣ у окна— и помню я: темнота набѣжала внезапная, синяя темнота—хотя часы показывали всего двѣнадцать. Вдругъ мнѣ почудилось, что

черезъ нашъ дворъ — отъ воротъ къ крыльцу, промчался медвѣдь! Правда, не на четвереньках, а такой, какимъ его рисуютъ, когда онъ поднимается на заднія лапы. Я глазамъ не вѣрилъ. Если и не медвѣдя я увидалъ, то во всякомъ случаѣ что-то громадное, черное, шершавое... Не успѣлъ я еще сообразить, что бъ это могло быть, какъ вдругъ раздался внизу неистовый стукъ. Казалось, что-то совсѣмъ неожиданное, что-то страшное ввалилось въ нашъ домъ. Поднялась суета, бѣготня...

Я проворно спустился съ лѣстницы, вскочилъ въ столовую...

Въ дверяхъ гостиной, лицомъ ко мнѣ, стояла, какъ вкопанная, моя матушка; за ней виднѣлось нѣсколько испуганныхъ женскихъ лицъ; дворецкій, два лакея, казачокъ съ раскрытыми отъ изумленія ртами — тискались у двери въ переднюю; а посреди столовой, покрытое грязью, растрепанное, растерзанное, мокрое—мокрое до того, что паръ поднимался кругомъ и вода струйками бѣжала по полу, стояло на колѣняхъ, грузно колыхаясь и какъ бы замирая, то самое чудовище, которое въ моихъ глазахъ промчалось черезъ дворъ! И кто же былъ это чудовище? Харловъ! Я зашелъ сбоку и увидалъ — не лицо его—а голову, которую онъ обхватилъ ладонями по слѣпленнымъ грязью волосамъ. Онъ дышалъ тяжело, судорожно; что-то даже клокотало въ его груди—и на всей этой забрызганной темной массѣ только и можно было различить явственно, что крошечные, дико блуждавшіе бѣлки глазъ. Онъ былъ ужасенъ! Вспомнился мнѣ сановникъ, котораго онъ нѣкогда оборвалъ за сравненіе съ мастодонтомъ. Дѣйствительно: такой видъ должно было имѣть допотопное животное, только-что спасшееся отъ другого, сильнѣйшаго звѣря, напавшаго на него среди вѣковѣчнаго ила первобытныхъ болотъ.

— Мартынъ Петровичъ! — воскликнула, наконецъ, матушка и руками всплеснула.—Ты ли это! Господи, Боже милостивый!

— Я... я...—послышался прерывистый голосъ, какъ бы съ усиліемъ и болью выпирая каждый звукъ:—охъ! Я!

— Но что это съ тобою, Господи?!

— Наталья Николав... на... я къ вамъ... прямо изъ дому бѣ... жалъ пѣшкомъ...

— По этакой грязи! Да ты на человѣка не похожъ. Встань, сядь по крайней мѣрѣ... А вы,—обратилась она къ горничнымъ:—поскорѣй сбѣгайте за полотенцами. Да нѣтъ ли какого сухого платья? — спросила она дворецкаго.

Дворецкій показалъ руками, что гдѣ же, молъ, на такой ростъ?..—А впрочемъ, одѣяло можно принести,—доложилъ онъ:—не то—попона есть новая.

— Да встань же, встань, Мартынъ Петровичъ, сядь,— повторяла матушка.

— Выгнали меня, сударыня,—простоналъ вдругъ Харловъ, и голову назадъ закинулъ, и руки протянулъ впередъ. — Выгнали, Наталья Николаевна! Родныя дочери, изъ моего же родного пепелища...

Матушка ахнула.

— Что ты говоришь? Выгнали! Экой грѣхъ! экой грѣхъ! (Она перекрестилась.) Только встань ты, Мартынъ Петровичъ, сдѣлай милость!

Двѣ горничныя вошли съ полотенцами и остановились передъ Харловымъ. Видно было, что онѣ и придумать не могли, какъ имъ приступиться къ этакой уймѣ грязи. — Выгнали, сударыня, выгнали, твердилъ между тѣмъ Харловъ. — Дворецкій вернулся съ большимъ шерстянымъ одѣяломъ и тоже остановился въ недоумѣніи. Головка Сувенира высунулась изъ-за двери и исчезла.

— Мартынъ Петровичъ! встань! сядь! и разскажи мнѣ все по порядку, — рѣшительнымъ тономъ скомандовала матушка.

Харловъ приподнялся... Дворецкій хотѣлъ-было ему помочь, но только руку замаралъ и, встряхивая пальцами, отступилъ къ двери. Переваливаясь и шатаясь, Харловъ добрался до стула и сѣлъ. Горничныя опять приблизились къ нему съ полотенцами, но онъ отстранилъ ихъ движеніемъ руки и отъ одѣяла отказался. Впрочемъ, матушка сама не стала настаивать: обсушить Харлова, очевидно,

не было возможности; только слѣды его на полу наскоро подтерли.

XXIII.

— Какъ же это тебя выгнали?—спросила матушка Харлова, какъ только онъ немного „отдышался“.

— Сударыня! Наталья Николаевна! — началъ онъ напряженнымъ голосомъ—и опять поразила меня безпокойная бѣготня его бѣлковъ:—буду правду говорить: больше всѣхъ виноватъ я самъ.

— То-то вотъ; не хотѣлъ ты меня тогда послушаться,—промолвила матушка, опускаясь на кресло и слегка помахивая передъ носомъ надушенымъ платкомъ: очень уже разило отъ Харлова... въ лѣсномъ болотѣ не такъ сильно пахнетъ.

— Охъ, не тѣмъ я провинился, сударыня, а гордостью. Гордость погубила меня, не хуже царя Навуходоносора. Думалъ я: не обидѣлъ меня Господь Богъ умомъ-разумомъ; коли я что рѣшилъ — стало, такъ и слѣдуетъ... а тутъ страхъ смерти подошелъ... Вовсе я сбился! Покажу, молъ, я, на послѣдкахъ, силу да власть свою! Награжу—а они должны по гробъ чувствовать... (Харловъ вдругъ весь всколыхался...) Какъ пса паршиваго выгнали изъ дому вонъ! Вотъ ихъ какова благодарность!

— Но какимъ же образомъ, — опять начала-было матушка...

— Казачка Максимку отъ меня взяли, — перебилъ ее Харловъ (глаза его продолжали бѣгать, обѣ руки онъ держалъ у подбородка — пальцы въ пальцы) — экипажъ отняли, мѣсячину урѣзали, жалованья выговореннаго не платили—кругомъ, какъ есть, окорнали—я все молчалъ, все терпѣлъ! И терпѣлъ я по причинѣ... охъ! опять-таки гордости моей. Чтобы не говорили враги мои лютые: вотъ, молъ, старый дуракъ, теперь кается; да и вы, сударыня, помните, меня предостерегали: локтя, молъ, своего не укусишь!—вотъ, я и терпѣлъ... Только, сегодня прихожу я къ себѣ въ комнату—а ужъ она занята—и постельку мою въ чуланъ выкинули! Можешь-де и тамъ спать; тебя

и такъ за милость терпятъ; намъ-де твоя компата нужна для хозяйства. И это мнѣ говоритъ — кто же! Володька Слеткинъ, смердъ, паскуд...

Голосъ Харлова оборвался.

— Но дочери-то твои? Онѣ-то что̀ же? — спросила матушка.

— А я все терпѣлъ,—продолжалъ Харловъ свое повѣствованіе:—горько, горько мнѣ было во̀-какъ, и стыдно... Не глядѣлъ бы на свѣтъ Божій! Оттого я къ вамъ, матушка, поѣхать не захотѣлъ — отъ этого отъ самаго отъ стыда, отъ страму! Вѣдь я, матушка моя, все перепробовалъ: и лаской, и угрозой, и усовѣщивалъ-то ихъ, и что̀ ужъ! кланялся... вотъ такъ-то (Харловъ показалъ, какъ онъ кланялся). И все понапрасну! И все-то я терпѣлъ! Съ началу-то, на первыхъ-то порахъ, не такія у меня мысли были: возьму, молъ, перебью, перешвыряю всѣхъ, чтобы и на сѣмена не осталось... Будутъ знать! Ну, а потомъ—покорился! Крестъ, думаю, мнѣ посланъ; къ смерти, значитъ, приготовиться надо. И вдругъ, сегодня, какъ пса! И кто же? Володька! А что̀ вы о дочеряхъ спрашивать изволили, то развѣ въ нихъ есть какая своя воля? Володькины холопки! Да!

Матушка удивилась.—Про Анну я еще это понять могу; она—жена... Но съ какой стати вторая-то твоя...

— Евлампія-то? Хуже Анны! Вся, какъ есть, совсѣмъ въ Володькины руки отдалась. По той причинѣ она и вашему солдату-то отказала. По его, по Володькину, приказу. Аннѣ—видимое дѣло—слѣдовало бы обидѣться, да она и терпѣть сестры не можетъ—а покоряется! Околдовалъ, проклятый! Да ей же, Аннѣ, вишь, думать пріятно, что вотъ, молъ, ты, Евлампія, какая всегда была гордая, а теперь вонъ что̀ изъ тебя стало!.. О... охъ, охъ! Боже мой, Боже!

Матушка съ безпокойствомъ посмотрѣла на меня. Я отошелъ немножко въ сторону, изъ предосторожности, какъ бы меня не выслали...

— Очень сожалѣю, Мартынъ Петровичъ,—начала она:—что мой бывшій воспитанникъ причинилъ тебѣ столько

горя и такимъ нехорошимъ человѣкомъ оказался; но вѣдь и я въ немъ ошиблась... Кто могъ это ожидать отъ него!

— Сударыня, — простоналъ Харловъ и ударилъ себя въ грудь.—Не могу я снести неблагодарность моихъ дочерей! Не могу, сударыня! Вѣдь я имъ все, все отдалъ! И къ тому же, совѣсть меня замучила. Много... охъ! много передумалъ я, у пруда сидючи, да рыбу удючи! „Хоть бы ты пользу кому въ жизни сдѣлалъ! размышлялъ я такъ-то:—бѣдныхъ награждалъ, крестьянъ на волю отпустилъ, что-ли, за то, что вѣкъ ихъ заѣдалъ! Вѣдь ты передъ Богомъ за нихъ отвѣтчикъ! Вотъ когда тебѣ отливаются ихъ слезки!“ И какая теперь ихъ судьба: была яма глубокая и при мнѣ—что грѣха таить—а теперь и дна не видать! Эти всѣ грѣхи я на душу взялъ, совѣстью для дѣтей пожертвовалъ, а мнѣ за это шишъ! Изъ дому меня пинькомъ, какъ пса!

— Полно объ этомъ думать, Мартынъ Петровичъ,— замѣтила матушка.

— И какъ онъ мнѣ сказалъ, вашъ-то Володька, — съ новой силой подхватилъ Харловъ:—какъ сказалъ онъ мнѣ, что мнѣ въ моей горенкѣ больше не жить, а я въ самой той горенкѣ каждое бревнышко собственными руками клалъ — какъ сказалъ онъ мнѣ это — и Богъ знаетъ, что̀ со мной приключилось! Въ головушкѣ помутилось, по сердцу какъ ножомъ... Ну! либо его зарѣзать, либо изъ дому вонъ!... Вотъ, я и побѣжалъ къ вамъ, благодѣтельница моя, Наталья Николаевна... и куды жъ мнѣ было голову приклонить? А тутъ дождь, слякоть... Я, можетъ, разъ двадцать упалъ! И теперь... въ этакомъ безобразіи...

Харловъ окинулъ себя взглядомъ и завозился на стулѣ, словно встать собирался.

— Полно тебѣ, полно, Мартынъ Петровичъ,—поспѣшно проговорила матушка: — какая въ томъ бѣда? Что ты полъ-то замаралъ? Эка важность! А я вотъ какое хочу тебѣ предложеніе сдѣлать. Слушай! Отведутъ тебя теперь въ особую комнату, постель дадутъ чистую—ты раздѣнься, умойся, да прилягъ и усни...

— Матушка, Наталья Николаевна! Не уснуть мнѣ! —

уныло промолвилъ Харловъ.—Въ мозгахъ-то словно молотами стучатъ! Вѣдь меня, какъ тварь непотребную...

— Лягъ, усни, — настойчиво повторила матушка. — А потомъ мы тебя чаемъ напоимъ — ну, и потолкуемъ съ тобою. Не унывай, пріятель старинный! Если тебя изъ *твоего* дома выгнали, въ *моемъ* домѣ ты всегда найдешь себѣ пріютъ... Я вѣдь не забыла, что ты мнѣ жизнь спасъ.

— Благодѣтельница! — простоналъ Харловъ и закрылъ лицо руками. — Спасите *вы* меня теперь!

Это воззваніе тронуло мою матушку почти до слезъ. — Охотно готова тебѣ помочь, Мартынъ Петровичъ, всѣмъ, чѣмъ только могу; но ты долженъ обѣщать мнѣ, что будешь впередъ меня слушаться и всякія недобрыя мысли прочь отъ себя отгонишь.

Харловъ принялъ руки отъ лица.—Коли нужно,—промолвилъ онъ:—я вѣдь и простить могу!

Матушка одобрительно кивнула головой. — Очень мнѣ пріятно видѣть тебя въ такомъ истинно-христіанскомъ расположеніи духа, Мартынъ Петровичъ; но рѣчь объ этомъ впереди. Пока, приведи ты себя въ порядокъ — а главное, усни. Отведи ты Мартына Петровича въ зеленый кабинетъ покойнаго барина, — обратилась матушка къ дворецкому, — и что онъ только потребуетъ, чтобы сію минуту было! Платье его прикажи высушить и вычистить — а бѣлье, какое понадобится, спроси у кастелянши—слышишь?

— Слушаю,—отвѣчалъ дворецкій.

— А какъ онъ проснется, мѣрку съ него прикажи снять портному; да бороду надо будетъ сбрить. Не сейчасъ, а послѣ.

— Слушаю, — повторилъ дворецкій. — Мартынъ Петровичъ, — пожалуйте. — Харловъ поднялся, посмотрѣлъ на матушку, хотѣлъ-было подойти къ ней, но остановился, отвѣсилъ поясной поклонъ, перекрестился трижды на образъ и пошелъ за дворецкимъ. Вслѣдъ за нимъ и я выскользнулъ изъ комнаты.

XXIV.

Дворецкій привелъ Харлова въ зеленый кабинетъ и тотчасъ побѣжалъ за кастеляншей, такъ какъ бѣлья на постели не оказалось. Сувениръ, встрѣтившій насъ въ передней и вмѣстѣ съ нами вскочившій въ кабинетъ, немедленно принялся, съ кривляньемъ и хохотомъ, вертѣться около Харлова, который, слегка разставивъ руки и ноги, въ раздумьѣ остановился посреди комнаты. Вода все еще продолжала течь съ него.

— Вшедъ! Вшедъ Харлусъ! — пищалъ Сувениръ, перегнувшись на-двое и держа себя за бока. — Великій основатель знаменитаго рода Харловыхъ, воззри на своего потомка. Каковъ онъ есть? Можешь его признать? Ха-ха-ха! Ваше сіятельство, пожалуйте ручку! Отчего это на васъ черныя перчатки?

Я хотѣлъ-было удержать, пристыдить Сувенира... но не тутъ-то было!

— Приживальщикомъ меня величалъ, дармоѣдомъ! „Нѣтъ, молъ, у тебя своего крова!“ А теперь, небось, такимъ же приживальщикомъ сталъ, какъ и азъ грѣшный! Что̀ Мартынъ Харловъ, что̀ Сувениръ проходимецъ — теперь все едино! Подачками тоже кормиться будетъ! Возьмутъ корку хлѣба завалящую, что̀ собака нюхала, да прочь пошла... На, молъ, кушай! Ха-ха-ха!

Харловъ все стоялъ неподвижно, уткнувъ голову, разставивъ ноги и руки.

— Мартынъ Харловъ! столбовой дворянинъ! — продолжалъ пищать Сувениръ. — Важность-то какую на себя напустилъ, фу ты, ну ты! Не подходи, молъ, зашибу! А какъ имѣнье свое отъ большого ума сталъ отдавать да дѣлить—куды раскудахтался! „Благодарность! — кричитъ, — благодарность!“ А меня-то за что обидѣлъ? Не наградилъ? Я, быть-можетъ, лучше бы восчувствовалъ! И значитъ, правду я говорилъ, что посадятъ его голой спиной...

— Сувениръ!—закричалъ я; но Сувениръ не унимался.

Харловъ все не трогался; казалось, онъ только теперь начиналъ чувствовать, до какой степени все на немъ было мокро, и ждалъ, когда это съ него все снимутъ. Но дворецкій не возвращался.

— А еще воинъ! — началъ опять Сувениръ. — Въ двѣнадцатомъ году отечество спасалъ! храбрость свою показывалъ! То-то вотъ и есть: съ мерзлыхъ мародеровъ портки стащить, это наше дѣло; а какъ дѣвка на насъ ногой притопнетъ, у насъ у самихъ душа въ портки...

— Сувениръ!—закричалъ я вторично.

Харловъ искоса посмотрѣлъ на Сувенира; онъ, до того мгновенья, словно и присутствія его не замѣчалъ, и только возгласъ мой возбудилъ его вниманіе.

— Смотри, братъ,—проворчалъ онъ глухо:—не допрыгайся до бѣды!

Сувениръ такъ и покатился со смѣху. — Охъ, какъ вы меня испугали, братецъ почтеннѣйшій! ужъ какъ вы страшны, право! Хоть бы волосики себѣ причесали, а то, сохрани Богъ, засохнутъ, не отмоешь ихъ потомъ; придется скосить косою. — Сувениръ вдругъ расходился. — Еще куражитесь! Голышъ, а куражится! Гдѣ вашъ кровъ теперь, вы лучше мнѣ скажите, вы все имъ хвастались? У меня, дескать, кровъ есть, а ты безкровный! Наслѣдственный, дескать, мой кровъ! (Далось же Сувениру это слово!)

— Господинъ Бычковъ, — промолвилъ я. — Что вы дѣлаете! опомнитесь!

Но онъ продолжалъ трещать, и все прыгалъ, да шмыгалъ около самаго Харлова... А дворецкій съ кастеляншей все не шли!

Мнѣ жутко становилось. Я начиналъ замѣчать, что Харловъ, который въ теченіе разговора съ моей матушкой постепенно стихалъ, и даже подъ конецъ, повидимому, помирился съ своей участью, снова сталъ раздражаться: онъ задышалъ скорѣе, подъ ушами у него вдругъ словно припухло, пальцы зашевелились, глаза снова забѣгали среди темной маски забрызганнаго лица...

— Сувениръ! Сувениръ!—воскликнулъ я.—Перестаньте, я маменькѣ скажу.

По Сувепиромъ словно бѣсъ овладѣлъ.

— Да, да, почтеннѣйшій!—затрещалъ онъ опять:—вотъ мы съ вами теперь въ какихъ субтильныхъ обстоятельствахъ обрѣтаемся! А дочки ваши, съ зятькомъ вашимъ, Владиміромъ Васильевичемъ, подъ вашимъ *кровомъ* надъ вами потѣшаются вдоволь! И хоть бы вы ихъ, по обѣщанію, прокляли! И на это васъ не хватило! Да и куда вамъ съ Владиміромъ Васильевичемъ тягаться? Еще Володькой его называли! какой онъ для васъ Володька? Онъ Владиміръ Васильевичъ, господинъ Слеткинъ, помѣщикъ, баринъ, а ты—кто такой?

Неистовый ревъ заглушилъ рѣчь Сувенира... Харлова взорвало. Кулаки его сжались и поднялись, лицо посинѣло, пѣна показалась на истресканныхъ губахъ, онъ задрожалъ отъ ярости. — Кровъ,—говоришь ты! — загремѣлъ онъ своимъ желѣзнымъ голосомъ: — проклятіе!— говоришь ты... — Нѣтъ! я ихъ не прокляну... Имъ это нипочемъ! А кровъ... кровъ я ихъ разорю, и не будетъ у нихъ крова, такъ же, какъ у меня! Узнаютъ они Мартына Харлова! Не пропала еще моя сила! Узнаютъ, какъ надо мной издѣваться!.. Не будетъ у нихъ крова!

Я обомлѣлъ; я отроду не бывалъ свидѣтелемъ такого безмѣрнаго гнѣва. Не человѣкъ, — дикій звѣрь метался предо мною! Я обомлѣлъ... а Сувениръ,—тотъ отъ страха подъ столъ забился.

— Не будетъ!—закричалъ Харловъ въ послѣдній разъ, и, чуть не сбивъ съ ногъ входившихъ кастеляншу и дворецкаго, бросился вонъ изъ дому... Кубаремъ прокатился онъ по двору и исчезъ за воротами.

XXV.

Матушка страшно разсердилась, когда дворецкій пришелъ съ смущеннымъ видомъ доложить о новой и неожиданной отлучкѣ Мартына Петровича. Онъ не осмѣлился утаить причину этой отлучки; я принужденъ былъ подтвердить его слова. — Такъ это все ты! — закричала матушка на Сувенира, который забѣжалъ-было зайцемъ

впередъ и даже къ ручкѣ подошелъ: — твой пакостный языкъ всему виною! — „Помилуйте, я чичасъ, чичасъ...“ залепеталъ, заикаясь и закидывая локти за спину, Сувениръ. — „Чичасъ... чичасъ... Знаю я твое: „чичасъ!“ — повторила матушка съ укоризной и выслала его вонъ. Потомъ она позвонила, велѣла позвать Квицинскаго и отдала ему приказъ: немедленно отправиться съ экипажемъ въ Еськово, во что бы то ни стало отыскать Мартына Петровича и привезти его. — Безъ него не являйтесь! — заключила она. Сумрачный полякъ молча наклонилъ голову и вышелъ.

Я вернулся къ себѣ въ комнату, снова подсѣлъ къ окну и, помнится, долго размышлялъ о томъ, что̀ у меня на глазахъ совершилось. Я недоумѣвалъ; я никакъ не могъ понять, почему Харловъ, почти безъ ропота переносившій оскорбленія, нанесенныя ему домашними, не могъ совладать съ собою и не перенесъ насмѣшекъ и шпилекъ такого ничтожнаго существа, каковъ былъ Сувениръ. Я не зналъ еще тогда, какая нестерпимая горечь можетъ иной разъ заключаться въ пустомъ упрекѣ, даже когда онъ исходитъ изъ презрѣнныхъ устъ... Ненавистное имя Слеткина, произнесенное Сувениромъ, упало искрою въ порохъ; наболѣвшее мѣсто не выдержало этого послѣдняго укола.

Прошло около часа. Коляска наша въѣхала на дворъ; но въ ней сидѣлъ нашъ управляющій одинъ. А матушка ему сказала: „безъ *него* не являйтесь!“ Квицинскій торопливо выскочилъ изъ экипажа—и взбѣжалъ на крыльцо. Лицо его являло видъ разстроенный—что съ нимъ почти никогда не бывало. Я тотчасъ спустился внизъ и по его пятамъ пошелъ въ гостиную.

— Ну? привезли его?—спросила матушка.

— Не привезъ, — отвѣчалъ Квицинскій: — и не могъ привезти.

— Это почему? Вы его видѣли?

— Видѣлъ.

— Съ нимъ что̀ случилось? Ударъ?

— Никакъ нѣтъ; ничего не случилось.

— Почему же вы не привезли его?

— А онъ домъ свой разоряетъ.

— Какъ?

— Стоитъ на крышѣ новаго флигеля—и разоряетъ ее. Тесинъ, полагать надо, съ сорокъ или больше уже слетѣло; рѣшетинъ тоже штукъ пять. („Кро̀ва у нихъ не будетъ!“ вспомнились мнѣ слова Харлова).

Матушка уставилась на Квицинскаго. — Одинъ... на крышѣ стоитъ и крышу разоряетъ?

— Точно такъ-съ. Ходитъ по настилкѣ чердака и направо, да налѣво ломаетъ. Сила у него, вы изволите знать, сверхчеловѣческая! Ну, и крыша, надо правду сказать, лядащая: выведена вразбѣжку,—шалёвками забрана, гвозди—однотесъ *).

Матушка посмотрѣла на меня, какъ бы желая удостовѣриться, не ослышалась ли она какъ-нибудь.—Шалёвками вразбѣжку,—повторила она, явно не понимая значенія ни одного изъ этихъ словъ...

— Ну, такъ что же вы?—проговорила она наконецъ.

— Пріѣхалъ за инструкціями. Безъ людей ничего не подѣлаешь. Тамошніе крестьяне всѣ со страха попрятались.

— А дочери-то его—что̀ же?

— И дочери—ничего. Бѣгаютъ, зря... голосятъ... Что толку?

— И Слеткинъ тамъ?

— Тамъ тоже. Пуще всѣхъ вопитъ—но подѣлать ничего не можетъ.

— И Мартынъ Петровичъ на крышѣ стоитъ?

— На крышѣ... то-есть на чердакѣ—и крышу разоряетъ.

— Да, да,—проговорила матушка:—шалёвками...

Казусъ, очевидно, предстоялъ необыкновенный.

Что̀ было предпринять? Послать въ городъ за исправникомъ, собрать крестьянъ? Матушка совсѣмъ потерялась.

---

*) Крыша выводится „вразбивку“ или „вразбѣжку“, когда между каждыми двумя тесинами оставляется пустое пространство, закрываемое сверху другой тесиной; такая крыша дешевле, но менѣе прочна. Шалевкой называется самая тонкая доска въ 1/2 вершка; обыкновенная тесина—въ 3/4 вершка.

Пріѣхавшій къ обѣду Житковъ тоже потерялся. Правда, онъ упомянулъ опять о воинской командѣ, а впрочемъ, никакого совѣта не преподалъ и только глядѣлъ подчиненно и преданно. Квицинскій, видя, что никакихъ инструкцій ему не добиться, доложилъ—со свойственной ему презрительной почтительностью—моей матушкѣ, что если она разрѣшитъ ему взять нѣсколько конюховъ, садовниковъ и другихъ дворовыхъ, то онъ попытается...

— Да, да,—перебила его матушка:—попытайтесь, любезный Викентій Осипычъ! Только поскорѣе, пожалуйста, а я все беру на свою отвѣтственность!

Квицинскій холодно улыбнулся. — Одно напередъ позвольте объяснить вамъ, сударыня: за результатъ невозможно ручаться, ибо сила у господина Харлова большая и отчаянность тоже; очень ужъ онъ оскорбленнымъ себя почитаетъ!

— Да, да,—подхватила матушка:—и всему виною этотъ гадкій Сувениръ! Никогда я этого ему не прощу. Ступайте, возьмите людей, поѣзжайте, Викентій Осипычъ!

— Вы, господинъ управляющій, веревокъ побольше захватите—да пожарныхъ крючьевъ, — промолвилъ басомъ Житковъ:—и коли сѣть имѣется—то и ее тоже взять недурно. У насъ вотъ такъ-то однажды въ полку...

— Не извольте учить меня, милостивый государь, — перебилъ съ досадой Квицинскій: — я и безъ васъ знаю, что нужно.

Житковъ обидѣлся и объявилъ, что такъ какъ онъ полагалъ, что и его позовутъ...

— Нѣтъ, нѣтъ!—вмѣшалась матушка.—Ты ужъ лучше оставайся... Пускай Викентій Осипычъ одинъ дѣйствуетъ... Ступайте, Викентій Осипычъ!

Житковъ еще пуще обидѣлся, а Квицинскій поклонился и вышелъ.

Я бросился въ конюшню, самъ наскоро осѣдлалъ свою верховую лошадку и пустился вскачь по дорогѣ къ Еськову.

XXVI.

Дождикъ пересталъ, но вѣтеръ дулъ съ удвоенной силой — прямо мнѣ навстрѣчу. На полдорогѣ сѣдло подо мною чуть не перевернулось: подпруга ослабла; я слѣзъ и принялся зубами натягивать ремни... Вдругъ слышу: кто-то зоветъ меня по имени... Сувениръ бѣжалъ ко мнѣ по зеленямъ. — Что, батенька, — кричалъ онъ мнѣ еще издали:—любопытство одолѣло? Да и нельзя... Вотъ, и я туда же, прямикомъ, по Харловскому слѣду... Вѣдь этакой штуки умрешь—не увидишь!

— На дѣло рукъ своихъ хотите полюбоваться, — промолвилъ я съ негодованіемъ, вскочилъ на лошадь и снова поднялъ ее въ галопъ; но неугомонный Сувениръ не отставалъ отъ меня, и даже на бѣгу хохоталъ и кривлялся. Вотъ, наконецъ, и Еськово — вотъ и плотина, а тамъ длинный плетень и ракитникъ усадьбы... Я подъѣхалъ къ воротамъ, слѣзъ, привязалъ лошадь и остановился въ изумленіи.

Отъ передней трети крыши на новомъ флигелькѣ, отъ мезопина, оставался одинъ остовъ; дрань и тесины лежали безпорядочными грудами съ обѣихъ сторонъ флигеля на землѣ. Положимъ, крыша была, по выраженію Квицинскаго, ледащая; но, все же, дѣло было невѣроятное! По настилкѣ чердака, вздымая пыль и соръ, неуклюже-проворно двигалась изчерна-сѣрая масса и то раскачивала оставшуюся, изъ кирпича сложенную, трубу (другая уже повалилась), то отдирала тесину и бросала ее къ низу, то хваталась за самыя стропила. То былъ Харловъ. Совершеннымъ медвѣдемъ показался онъ мнѣ и тутъ: и голова, и спина, и плечи — медвѣжьи, и ставилъ онъ ноги широко, не разгибая ступни — тоже по-медвѣжьему. Рѣзкій вѣтеръ обдувалъ его со всѣхъ сторонъ, вздымая его склоченные волосы; страшно было видѣть, какъ мѣстами краснѣло его голое тѣло сквозь прорѣхи разорваннаго платья; страшно было слышать его дикое, хриплое бормотаніе. На дворѣ было людно; бабы, мальчишки, дворовыя дѣвки жались вдоль забора; нѣ-

сколько крестьянъ сбилось поодаль въ отдѣльную кучу. Знакомый мнѣ старикъ-попъ стоялъ безъ шляпы на крыльцѣ другого флигеля и, схвативъ мѣдный крестъ обѣими руками, время отъ времени, молча и безнадежно поднималъ и какъ бы показывалъ его Харлову. Рядомъ съ попомъ стояла Евлампія и, прислонившись спиною къ стѣнѣ, неподвижно смотрѣла на отца; Анна — то высовывала голову изъ окошка, то исчезала, то выскакивала на дворъ, то возвращалась въ домъ; Слеткинъ — весь блѣдный, желтый, въ старомъ шлафрокѣ, въ ермолкѣ, съ одноствольнымъ ружьемъ въ рукахъ, перебѣгалъ короткими шагами съ мѣста на мѣсто. Онъ совсѣмъ, какъ говорится, ожидовѣлъ: задыхался, грозился, трясся, цѣлился въ Харлова, потомъ закидывалъ ружье за плечо,— цѣлился опять, кричалъ, плакалъ... Увидавъ меня съ Сувениромъ, онъ такъ и ринулся къ намъ.

— Посмотрите, посмотрите, что̀ тутъ происходитъ!— завизжалъ онъ: — посмотрите! Онъ съ ума сошелъ, взбѣленился... и вотъ что дѣлаетъ! Я ужъ за полиціей послалъ—да никто не ѣдетъ! Никто не ѣдетъ! Вотъ если я въ него выстрѣлю, съ меня законъ взыскать не можетъ, потому что всякій человѣкъ въ правѣ защищать свою собственность! А я выстрѣлю!.. Ей-Богу, выстрѣлю!

Онъ подскочилъ къ дому.

— Мартынъ Петровичъ, берегитесь! Если вы не сойдете—я выстрѣлю!

— Стрѣляй! — раздался съ крыши хриплый голосъ.— Стрѣляй! А вотъ тебѣ пока гостинецъ!

Длинная доска полетѣла сверху — и перевернувшись раза два на воздухѣ, брякнулась на̀-земь у самыхъ ногъ Слеткина. Тотъ такъ и взвился, а Харловъ захохоталъ.

— Господи Іисусе! — пролепеталъ кто-то за моей спиною. Я оглянулся: Сувениръ. „А!“ подумалъ я; „пересталъ теперь смѣяться!“

Слеткинъ схватилъ близъ стоявшаго мужика за шиворотъ.

— Да полѣзай, полѣзай же, полѣзайте, черти,—вопилъ онъ, тряся его изо всей силы—спасайте мое имущество!

Мужикъ ступилъ раза два, закинулъ голову, помахалъ руками, закричалъ: — Эй! вы! господинъ! — потолокся на мѣстѣ и верть назадъ.

— Лѣстницу! лѣстницу несите! — обратился Слеткинъ къ прочимъ крестьянамъ.

— А гдѣ ее взять? — послышалось ему въ отвѣтъ.

— И хоть бы лѣстница была, — промолвилъ, не спѣша, одинъ голосъ: — кому жъ охота лѣзть? Нашли дураковъ! Онъ те шею свернетъ — мигомъ!

— С'часъ убіеть, — проговорилъ одинъ молодой бѣлокурый парень съ придурковатымъ лицомъ.

— А то нешто нѣтъ? — подхватили остальные. Мнѣ показалось, что не будь даже явной опасности, мужики все-таки неохотно исполнили бы приказаніе своего новаго помѣщика. Чуть ли не одобряли они Харлова — хоть и удивлялъ онъ ихъ.

— Ахъ, вы, разбойники! — застоналъ Слеткинъ: — вотъ я васъ всѣхъ...

Но тутъ съ тяжкимъ грохотомъ бухнула послѣдняя труба и среди мгновенно взвившагося облака желтой пыли, Харловъ, испустивъ пронзительный крикъ и высоко поднявъ окровавленныя руки, повернулся къ намъ лицомъ. Слеткинъ опять въ него прицѣлился.

Евлампія отдернула его за локоть.

— Не мѣшай! — свирѣпо вскинулся онъ на нее.

— А ты — не смѣй! — промолвила она — и синіе ея глаза грозно сверкнули изъ-подъ надвинутыхъ бровей. Отецъ свой домъ разоряетъ. Его добро.

— Врешь: наше!

— Ты говоришь: наше; — а я говорю: его.

Слеткинъ зашипѣлъ отъ злобы; Евлампія такъ и уперлась ему въ лицо глазами.

— А, здорово! здорово, дочка любезная! — загремѣлъ сверху Харловъ. — Здорово, Евлампія Мартыновна! Какъ живешь-можешь со своимъ пріятелемъ? — Хорошо ли цѣлуетесь, милуетесь?

— Отецъ! — послышался звучный голосъ Евлампіи.

— Что, дочка? — отвѣчалъ Харловъ и пододвинулся

къ самому краю стѣны. На лицѣ его, сколько я могъ разобрать, появилась странная усмѣшка, — свѣтлая, веселая, — и именно потому особенно-страшная, недобрая усмѣшка... Много лѣтъ спустя я видѣлъ такую же точно усмѣшку на лицѣ одного къ смерти приговореннаго.

— Перестань, отецъ; сойди (Евлампія не говорила ему: „батюшка“). Мы виноваты; все тебѣ возвратимъ. Сойди.

— А ты что за насъ распоряжаешься? — вмѣшался Слеткинъ. Евлампія только пуще брови нахмурила

— Я свою часть тебѣ возвращу — все отдамъ. Перестань, сойди, отецъ! Прости насъ; прости меня.

Харловъ все продолжалъ усмѣхаться. — Поздно, голубушка, — заговорилъ онъ, и каждое его слово звенѣло, какъ мѣдь. — Поздно шевельнулась каменная твоя душа! Подъ гору покатилось—теперь не удержишь! И не смотри ты на меня теперь! Я—пропащій человѣкъ! Ты посмотри лучше на своего Володьку: вишь, какой красавчикъ выискался! Да на свою ехидную сестру посмотри: вонъ, ея лисій носъ изъ окошка выставляется, вонъ она муженька-то подуськиваетъ! Нѣтъ, сударики! Захотѣли вы меня крова лишить—такъ не оставлю же я и вамъ бревна на бревнѣ! Своими руками клалъ, своими же руками разорю — какъ есть однѣми руками! Видите, и топора не взялъ!

Онъ фукнулъ себѣ на обѣ ладони и опять ухватился за стропила.

— Полно, отецъ, — говорила межъ тѣмъ Евлампія, и голосъ ея сталъ какъ-то чудно ласковъ: — не поминай прошлаго. Ну, повѣрь же мнѣ; ты всегда мнѣ вѣрилъ. Ну, сойди; приди ко мнѣ въ свѣтелку, на мою постель мягкую. Я обсушу тебя, да согрѣю; раны твои перевяжу, вишь, ты руки себѣ ободралъ. Будешь ты жить у меня, какъ у Христа за пазухой, кушать сладко—а спать еще слаще того. Ну, были виноваты! ну, зазнались, согрѣшили; ну, прости!

Харловъ покачалъ головою. — Расписывай! Повѣрю я вамъ, какъ бы не такъ! Убили вы во мнѣ вѣру-то! Все убили! Было я орломъ—и червякомъ для васъ сдѣлался... а вы — и червяка давить? Полно! Я тебя любилъ, сама

знаешь,—а только теперь ты мнѣ не дочь—и я тебѣ не отецъ... Я—пропащій человѣкъ! Не мѣшай! А ты, стрѣляй же, трусъ, горе-богатырь!—гаркнулъ вдругъ Харловъ на Слеткина. — Что все только цѣлишься? Али законъ вспомнилъ: коли принявшій даръ учинитъ покушеніе на жизнь дателя,—заговорилъ Харловъ съ разстановкой:—то датель властенъ все назадъ потребовать? Ха-ха, не бойся, законникъ! Я не потребую—я самъ все покончу... Валяй!

— Отецъ!—въ послѣдній разъ взмолилась Евлампія.

— Молчи!

— Мартынъ Петровичъ! братецъ, простите великодушно!—пролепеталъ Сувениръ.

— Отецъ, голубчикъ!

— Молчи, сука!—крикнулъ Харловъ. На Сувенира онъ и не посмотрѣлъ—и только сплюнулъ въ его сторону.

XXVII.

Въ это мгновенье Квицинскій со всей своей свитой—на трехъ телѣгахъ—появился у воротъ. Усталыя лошади фыркали, люди одинъ за однимъ соскакивали въ грязь.

— Эге! — закричалъ во все горло Харловъ. — Армія... вотъ она, армія! Цѣлую армію противъ меня выставляютъ. Хорошо же! Только предваряю, кто ко мнѣ сюда на крышу пожалуетъ — и того я вверхъ тормашками внизъ спущу! Я хозяинъ строгій, не въ пору гостей не люблю! Такъ-то!

Онъ уцѣпился обѣими руками за переднюю пару стропилъ, за такъ-называемыя „ноги“ фронтона — и началъ усиленно ихъ раскачивать. Свѣсившись съ краю настилки, онъ какъ бы тащилъ ихъ за собою, мѣрно напѣвая по-бурлацкому: „Еще разикъ! еще разъ! ухъ!“

Слеткинъ подбѣжалъ къ Квицинскому и началъ-было жаловаться и хныкать... Тотъ попросилъ его „не мѣшать“ и приступилъ къ исполненію задуманнаго имъ плана. Самъ онъ сталъ впереди дома и началъ, въ видѣ диверсіи, объяснять Харлову, что не дворянское онъ затѣялъ дѣло...

— Еще разикъ! еще разъ!—напѣвалъ Харловъ.

...Что Наталья Николаевна весьма недовольна его поступками и не того отъ него ожидала...

— Еще разикъ! еще разъ! ухъ!—напѣвалъ Харловъ— ...а между тѣмъ Квицинскій отрядилъ четырехъ самыхъ здоровыхъ и смѣлыхъ конюховъ на противоположную сторону дома, съ тѣмъ, чтобы они сзади взобрались на крышу. Отъ Харлова, однако, не ускользнулъ планъ атаки; онъ вдругъ бросилъ стропила и проворно побѣжалъ къ задней части мезонина. Видъ его до того былъ страшенъ, что два конюха, которые успѣли уже взобраться на чердакъ, мигомъ спустились обратно на землю по водосточной трубѣ, къ немалому удовольствію и даже хохоту дворовыхъ мальчишекъ. Харловъ потрясъ имъ вслѣдъ кулакомъ и, вернувшись къ передней части дома, опять ухватился за стропила и сталъ ихъ опять раскачивать, опять напѣвая по-бурлацки.

Онъ вдругъ остановился, вòззрѣлся...

— Максимушка, другъ! пріятель!—воскликнулъ онъ:— тебя ли я вижу?

Я оглянулся... Отъ толпы крестьянъ дѣйствительно отдѣлился казачокъ Максимка, и, ухмыляясь и скаля зубы, вышелъ впередъ. Его хозяинъ, шорникъ, вѣроятно, отпустилъ его домой на побывку.

— Полѣзай ко мнѣ, Максимушка, слуга мой вѣрный,— продолжалъ Харловъ: — станемъ вмѣстѣ отбиваться отъ лихихъ татарскихъ людей, отъ воровъ литовскихъ!

Максимка, все продолжая ухмыляться, немедленно полѣзъ на крышу... Но его схватили и оттащили — Богъ знаетъ почему — развѣ для примѣра другимъ; помощи большой онъ Мартыну Петровичу не оказалъ бы.

— Ну, хорошо же! Добро же! — промолвилъ Харловъ угрожающимъ голосомъ и снова взялся за стропила.

— Викентій Осиповичъ! позвольте я выстрѣлю,—обратился Слеткинъ къ Квицинскому: — я, вѣдь, больше для страха, ружье у меня заряжено бекасинникомъ. — Но не успѣлъ еще отвѣтить ему Квицинскій, какъ передняя пара стропилъ, яростно раскачанная желѣзными руками Харлова, накренилась, затрещала и рухнула на дворъ—и

вмѣстѣ съ нею, не будучи въ силахъ удержаться, рухнулъ самъ Харловъ и грузно треснулся о̀-земь. Всѣ вздрогнули, ахнули... Харловъ лежалъ неподвижно на груди, а въ спину ему уперся продольный верхній брусъ крыши, конекъ, который послѣдовалъ за упавшимъ фронтономъ.

XXVIII.

Къ Харлову подскочили, свалили долой съ него брусъ, повернули его навзничь; лицо его было безжизненно, у рта показалась кровь; онъ не дышалъ. „Духъ отшибло“— пробормотали подошедшіе мужики. Побѣжали за водой къ колодцу, принесли цѣлое ведро, окатили Харлову голову; грязь и пыль сошли съ лица, но безжизненный видъ оставался тотъ же. Притащили скамейку, поставили ее у самаго флигеля и, съ трудомъ приподнявши громадное тѣло Мартына Петровича, посадили его, прислонивъ голову къ стѣнѣ. Казачокъ Максимка приблизился, сталъ на одно колѣно и, далеко отставивъ другую ногу, какъ-то театрально поддерживалъ руку бывшаго своего барина. Евлампія, блѣдная, какъ сама смерть, стала прямо передъ отцомъ, неподвижно устремивъ на него свои огромные глаза. Анна съ Слеткинымъ не подходили близко. Всѣ молчали, всѣ ждали чего-то. Наконецъ, послышались прерывистые, хлопающіе звуки въ горлѣ Харлова—точно онъ захлебывался... Потомъ онъ слабо повелъ одной—правой рукой (Максимка поддерживалъ лѣвую), раскрылъ одинъ— правый глазъ и, медленно проведя около себя взоромъ, словно какимъ-то страшнымъ пьянствомъ пьяный, охнулъ— произнесъ, картавя:—рас...шибся...—и, какъ бы подумавъ немного, прибавилъ:—вотъ онъ, воро...ной жере...бенокъ!— Кровь вдругъ густо хлынула у него изо рта — все тѣло затрепетало...

„Конецъ!“ подумалъ я... Но Харловъ открылъ еще— все тотъ же правый глазъ (лѣвое вѣко не шевелилось, какъ у мертвеца) — и, вперивъ его на Евлампію, произнесъ едва слышно: — Ну доч...ка... Тебя я не про... — Квицинскій рѣзкимъ движеніемъ руки подозвалъ попа, который все еще стоялъ на крыльцѣ флигеля... Старикъ

приблизился, путаясь слабыми колѣнями въ тѣсной рясѣ. Но вдругъ ноги Харлова какъ-то безобразно повело и животъ тоже; по лицу, снизу вверхъ, прошла неровная судорога — точно такъ же исказилось и задрожало лицо Евлампіи. Максимка началъ креститься... Мнѣ стало жутко, я побѣжалъ къ воротамъ и, не оглядываясь, приникъ къ нимъ грудью. Минуту спустя что-то тихо прогудѣло по всѣмъ устамъ сзади меня — и я понялъ, что Мартына Петровича не стало.

Ему брусомъ затылокъ проломило, и грудь онъ себѣ раздробилъ, какъ оказалось при вскрытіи.

XXIX.

Что̀ онъ хотѣлъ сказать ей, умирая? спрашивалъ я самого себя, возвращаясь домой на своемъ клепперѣ: „Я тебя не про...клинаю? или не про...щаю?“ Дождикъ опять полилъ, но я ѣхалъ шагомъ. Мнѣ хотѣлось подольше остаться одному, хотѣлось безвозбранно предаться моимъ размышленіямъ. Сувениръ отправился на одной изъ телѣгъ, прибывшихъ съ Квицинскимъ. Какъ я ни былъ молодъ и легкомысленъ въ то время, но внезапная, общая (не въ однѣхъ частностяхъ) перемѣна, постоянно вызываемая во всѣхъ сердцахъ неожиданнымъ или ожиданнымъ (все равно!) появленіемъ смерти, ея торжественность, важность и правдивость — не могли не поразить меня. Я и былъ пораженъ... но со всѣмъ тѣмъ мой смущенный, дѣтскій взоръ замѣтилъ тотчасъ многое: онъ замѣтилъ, какъ Слеткинъ, проворно и робко, словно краденую вещь, швырнулъ въ сторону ружье, какъ онъ и жена его оба мгновенно стали предметомъ хотя безмолвнаго, но общаго отчужденія, какъ сдѣлалось пусто вокругъ нихъ... На Евлампію, хотя вина ея была, вѣроятно, не меньше сестриной, это отчужденіе не распространялось. Она даже нѣкоторое сожалѣніе къ себѣ возбудила, когда повалилась въ ноги скончавшемуся отцу. Но что и она была виновата — это все-таки чувствовалось всѣми. — „Обидѣли старика“, — промолвилъ одинъ сѣдоватый, головастый крестьянинъ, опираясь, какъ нѣкій древній судья, обѣими руками и

бородою на длинную палку: — „на вашей душѣ грѣхъ! Обидѣли!“—Это слово: „обидѣли!“ тотчасъ было принято всѣми, какъ безповоротный приговоръ. Правосудіе народное сказалось, я понялъ это немедленно. Я замѣтилъ также, что на первыхъ порахъ Слеткинъ не *смѣлъ* распоряжаться. Безъ него подняли и понесли тѣло въ домъ; не спросясь его, священникъ отправился за нужными вещами въ церковь, а староста побѣжалъ въ деревню справлять подводу въ городъ. Сама Анна Мартыновна не рѣшилась обычнымъ начальническимъ тономъ приказать поставить самоваръ, „чтобъ теплая вода была—обмыть покойника“. Ея приказаніе походило на просьбу—и отвѣчали ей грубо...

Меня же все занималъ вопросъ: что̀ онъ собственно хотѣлъ сказать своей дочери? Простить ли онъ ее хотѣлъ, или проклясть? Я рѣшилъ, наконецъ, что—простить.

Дня черезъ три происходили похороны Мартына Петровича, на счетъ матушки, которая очень огорчилась его смертью и приказала не жалѣть издержекъ. Сама она не поѣхала въ церковь—потому что не хотѣла, какъ она выражалась, видѣть тѣхъ двухъ мерзавокъ и гадкаго того жиденка; но послала Квицинскаго, меня и Житкова, котораго, впрочемъ, съ того времени иначе уже не величала, какъ бабой. Сувенира она на глаза къ себѣ не пускала и долго потомъ еще гнѣвалась на него, называя его убійцей своего друга. Опала эта была ему весьма чувствительна: онъ постоянно расхаживалъ на цыпочкахъ по комнатѣ, сосѣдней съ той, гдѣ находилась матушка, предавался какой-то тревожной и подлой меланхоліи, вздрагивалъ и шепталъ: чичасъ!

Въ церкви и во время процессіи, Слеткинъ показался мнѣ снова попавшимъ „въ свою тарелку“. Онъ распоряжался и суетился попрежнему и жадно наблюдалъ за тѣмъ, чтобы не тратилось лишней копейки, хотя дѣло не касалось, собственно его кармана. Максимка, въ новомъ, тоже моей матушкой пожалованномъ казакинѣ, выводилъ на клиросѣ такія теноровыя ноты, что въ искренности его преданности покойнику, конечно, уже никто сомнѣ-

ваться не могъ! Обѣ сестры были, какъ слѣдуетъ, въ траурныхъ платьяхъ — но казались болѣе смущенными, чѣмъ огорченными, особенно Евлампія. Анна приняла на себя смиренный и постный видъ, впрочемъ, не силилась плакать, и все только проводила своей красивой, сухой рукой по волосамъ и щекѣ. Евлампія все задумывалась. То общее, безповоротное отчужденіе, осужденіе, какое я замѣтилъ въ день смерти Харлова, чудилось мнѣ и теперь на всѣхъ лицахъ бывшихъ въ церкви людей, во всѣхъ ихъ движеніяхъ, въ ихъ взглядахъ — но еще степеннѣе и какъ бы безучастнѣе. Казалось, всѣ эти люди знали, что грѣхъ, въ который впало Харловское семейство, тотъ великій грѣхъ — поступилъ теперь въ вѣдѣніе единаго праведнаго Судіи, и что, слѣдовательно, имъ уже не для чего было безпокоиться и негодовать. Они усердно молились за душу покойника, котораго при жизни особенно не любили, даже боялись. Очень уже круто наступила смерть.

— И хоть бы испивалъ, братецъ ты мой,—говорилъ на паперти одинъ мужикъ другому.

— И не пимши да захмелѣешь, — отвѣчалъ тотъ. — Каковъ случай выдетъ.

— Обидѣли, — повторилъ первый мужикъ рѣшающее слово.

— Обидѣли,—промолвили за нимъ другіе.

— А вѣдь покойный самъ васъ притѣснялъ?—спросилъ я одного мужика, въ которомъ я призналъ Харловскаго крестьянина.

— Баринъ былъ, извѣстно,—отвѣчалъ мужикъ;—а всетаки... обидѣли его!

— Обидѣли...—опять послышалось въ толпѣ.

У могилы Евлампія стояла тоже словно потерянная. Раздумье ее разбирало... тяжкое раздумье. Я замѣтилъ, что съ Слеткинымъ, который нѣсколько разъ съ ней заговаривалъ, она обращалась, какъ бывало съ Житковымъ— и еще хуже.

Нѣсколько дней спустя, въ нашемъ околоткѣ распространился слухъ, что Евлампія Мартыновна Харлова на-

всегда ушла изъ родительскаго дома, предоставивъ сестрѣ и свояку все доставшееся ей имѣніе — и взявши только нѣсколько сотъ рублей...—Откупилась, видно, Анна-то!— замѣтила моя матушка:—только у насъ съ тобою—прибавила она, обратившись къ Житкову, съ которымъ играла въ пикетъ — онъ замѣнилъ ей Сувенира: — руки неумѣлыя!—Житковъ уныло глянулъ на свои мощныя длани... „Онѣ-то, неумѣлыя!“ казалось, думалось ему...

Скоро потомъ мы съ матушкой переѣхали на жительство въ Москву—и много минуло лѣтъ прежде, чѣмъ мнѣ пришлось увидѣть обѣихъ дочерей Мартына Петровича.

XXX.

Но я увидалъ ихъ. Съ Анной Мартыновной я встрѣтился самымъ обыкновеннымъ образомъ. Посѣтивъ, послѣ кончины матушки, нашу деревню, въ которую я не заѣзжалъ больше пятнадцати лѣтъ, я получилъ отъ посредника приглашеніе — (тогда по всей Россіи, съ незабытой доселѣ медленностью, происходило размежеваніе черезполосицы) — приглашеніе прибыть, для совѣщанія съ прочими владѣльцами нашей дачи, въ имѣніе помѣщицы вдовы Анны Слеткиной. Извѣстіе о несуществованіи болѣе на семъ свѣтѣ матушкина „жиденка“ съ черносливообразными глазами, нисколько, признаюсь, меня не опечалило; но мнѣ было интересно взглянуть на его вдову. Она слыла у насъ за отличнѣйшую хозяйку. И точно: ея имѣніе и усадьба, и самый домъ—(я невольно взглянулъ на крышу; она была желѣзная) — все оказалось въ превосходномъ порядкѣ, все было аккуратно, чисто, прибрано, гдѣ нужно — выкрашено, хоть бы у нѣмки. Сама Анна Мартыновна, конечно, постарѣла; но та особенная, сухая и какъ бы злая прелесть, которая нѣкогда такъ меня возбуждала — не совсѣмъ ее покинула. Одѣта она была по-деревенскому, но изящно. Она приняла насъ не радушно — это слово къ ней не шло — но вѣжливо, и, увидавъ меня, свидѣтеля того страшнаго происшествія, даже бровью не повела. Ни о моей матушкѣ, ни о своемъ отцѣ,

ни о сестрѣ, ни о мужѣ она даже не заикнулась, точно воды въ ротъ набрала.

Были у ней двѣ дочери, обѣ прехорошенькія, стройненькія, въ милыми личиками, съ веселымъ и ласковымъ выраженіемъ въ черныхъ глазахъ; былъ и сынъ, немножко смахивавшій на отца, но тоже мальчикъ хоть куда! Во время преній между владѣльцами, Анна Мартыновна держалась спокойно, съ достоинствомъ, не выказывая ни особеннаго упорства, ни особеннаго корыстолюбія. Но никто вѣрнѣе ея не понималъ своихъ выгодъ и не умѣлъ убѣдительнѣе выставлять и защищать свои права; всѣ „подходящіе“ законы, даже министерскіе циркуляры были ей хорошо извѣстны; говорила она немного и тихимъ голосомъ, но каждое слово попадало въ цѣль. Кончилось тѣмъ, что мы на всѣ ея требованія изъявили согласіе и такихъ понадѣлали уступокъ, что оставалось только удивляться. На возвратномъ пути иные господа помѣщики даже самихъ себя выругали; всѣ кряхтѣли и покачивали головами.

— Экая баба умница!—говорилъ одинъ.

— Продувная шельма!—вмѣшался другой, менѣе деликатный владѣлецъ:—мягко стелетъ, да жестко спать!

— Да и скряга же!—прибавилъ третій:—рюмка водки и кусочекъ икры на брата—это что же такое?

— Чего отъ нея ждать?—брякнулъ вдругъ одинъ, до того безмолвный помѣщикъ: — кому же не извѣстно, что она мужа своего отравила?

Къ удивленію моему, никто не почелъ нужнымъ опровергнуть такое ужасное, навѣрное ни на чемъ не основанное обвиненіе! Это тѣмъ болѣе меня удивило, что, несмотря на приведенныя мною бранчивыя выраженія, уваженіе къ Аннѣ Мартыновнѣ чувствовали всѣ, не исключая неделикатнаго владѣльца. Посредникъ, — тотъ даже въ паѳосъ впалъ.

— Возведи ее на тронъ, — воскликнулъ онъ: — та же Семирамида или Екатерина Вторая! Повиновеніе крестьянъ—образцовое... Воспитаніе дѣтей—образцовое! Голова! Мозги!

Семирамиду и Екатерину въ сторону—но не было сомнѣнія въ томъ, что Анна Мартыновна вела жизнь весьма счастливую. Довольствомъ внутреннимъ и внѣшнимъ, пріятной тишиной душевнаго здоровья такъ и вѣяло отъ нея самой, отъ ея семьи, отъ всего ея быта. Насколько она заслуживала это счастье... это другой вопросъ. Впрочемъ, подобные вопросы ставятся только въ молодости. Все на свѣтѣ, и хорошее и дурное — дается человѣку не по его заслугамъ, а вслѣдствіе какихъ-то еще неизвѣстныхъ, но логическихъ законовъ, на которые я даже указать не берусь, хоть иногда мнѣ кажется, что я смутно чувствую ихъ.

XXXI.

Я освѣдомился у посредника объ Евлампіи Мартыновнѣ—и узналъ, что она, какъ ушла изъ дому, такъ и пропала безъ вѣсти—и, „вѣроятно, теперь уже давно воспарила въ горнія“.

Такъ выразился нашъ посредникъ... но я убѣжденъ, что я *видѣлъ* Евлампію, что я встрѣтился съ нею. Именно вотъ какъ.

Года четыре послѣ моего свиданія съ Анной Мартыновной, я поселился на лѣто въ Муринѣ, небольшой деревушкѣ около Петербурга, хорошо извѣстной дачникамъ средней руки. Охота около Мурина была въ то время недурна—и я ходилъ съ ружьемъ чуть не каждый день. Былъ у меня товарищъ, нѣкто Викуловъ, изъ мѣщанъ—очень неглупый и добрый малый—но, какъ онъ самъ про себя выражался, совершенно „потеряннаго“ поведенія. Гдѣ только не былъ этотъ человѣкъ, и чѣмъ онъ не былъ! Ничего-то его удивить не могло, все-то онъ зналъ—но любилъ онъ только охоту — да вино.—Вотъ, однажды возвращались мы съ нимъ въ Мурино, и пришлось намъ миновать одинокій домъ, стоящій у перекрестка двухъ дорогъ и обнесенный высокимъ и тѣснымъ частоколомъ. Не въ первый разъ видѣлъ я этотъ домъ, и всякій разъ онъ возбуждалъ мое любопытство: въ немъ было что-то таинственное, замкнутое, угрюмо-нѣмое, что-то напоми-

навшее острогъ или больницу. Съ дороги только и можно было видѣть, что его крутую, темной краской выкрашенную крышу. Во всемъ заборѣ находились одни ворота; и тѣ казались наглухо запертыми; никакого звука не слышалось никогда за ними. Со всѣмъ тѣмъ вы чувствовали, что въ этомъ домѣ непремѣнно кто-нибудь обитаетъ: онъ вовсе не являлъ видъ заброшеннаго жилья. Напротивъ, все въ немъ было такъ прочно и плотно и дюже, что хоть осаду выдерживай!

— Что за крѣпость такая? — спросилъ я у своего товарища.—Не знаете?

Викуловъ лукаво прищурился.— Чудное, небось, строеніе? Много съ него здѣшнему исправнику дохода!

— Какъ такъ?

— Да такъ же. О хлыстахъ-раскольникахъ—вотъ, что безъ поповъ живутъ—небось, слыхали?

— Слыхалъ.

— Ну, вотъ тутъ ихъ главная матка обрѣтается.

— Женщина?

— Да—матка; богородица по-ихнему.

— Что вы?!

— Я жъ вамъ говорю. Строгая, говорятъ, такая... Командирша! Тысячами ворочаетъ! Взялъ бы я, да всѣхъ этихъ богородицъ... Да что толковать!

Онъ позвалъ своего Пѣгашку, удивительную собаку, съ превосходнымъ чутьемъ, но безъ всякаго понятія о стойкѣ. Викуловъ принужденъ былъ подвязывать ей заднюю лапу, чтобъ она не такъ неистово бѣгала.

Слова его запали мнѣ въ память. Я, бывало, нарочно сворачивалъ въ сторону, чтобы пройти мимо таинственнаго дома. Вотъ, однажды, поравнялся я съ нимъ, какъ вдругъ — о чудо! засовъ загремѣлъ за воротами, ключъ завизжалъ въ замкѣ — потомъ самыя ворота тихонько растворились — показалась могучая лошадиная голова съ заплетенной чолкой подъ расписной дугой—и, не спѣша, выкатила на дорогу небольшая телѣжка въ родѣ тѣхъ, въ которыхъ ѣздятъ барышники и наѣздники изъ купцовъ. На кожаной подушкѣ телѣжки, ближе ко мнѣ, си-

дѣлъ мужчина лѣтъ тридцати, замѣчательно красивой и благообразной наружности, въ опрятномъ черномъ армякѣ и низко на лобъ надѣтомъ черномъ картузѣ; онъ степенно правилъ откормленнымъ, какъ печь широкимъ конемъ; а рядомъ съ мужчиной, по ту сторону телѣжки, сидѣла женщина высокаго роста, прямая какъ стрѣла. Голову ея покрывала дорогая черная шаль; одѣта она была въ короткій бархатный шушунъ оливковаго цвѣта и темно-синюю мериносовую юбку; бѣлыя руки, чинно сложенныя у груди, поддерживали другъ дружку. Телѣжка завернула по дорогѣ налѣво—и женщина очутилась въ двухъ шагахъ отъ меня; она слегка повела головою — и я узналъ Евлампію Харлову. Я узналъ ее немедленно, я ни единаго мгновенія не колебался, да и нельзя было колебаться: такихъ глазъ, какъ у ней — и особенно такого склада губъ — надменнаго и чувственнаго — я ни у кого не видывалъ. Лицо ея стало длиннѣе и суше, кожа потемнѣла, кой-гдѣ виднѣлись морщины; но особенно измѣнилось выраженіе этого лица! Трудно передать словами, до чего оно стало самоувѣренно, строго, горделиво! Не простымъ спокойствіемъ власти — пресыщеніемъ власти дышала каждая черта; въ небрежномъ взорѣ, который она на меня уронила—сказывалась давнишняя, застарѣлая привычка встрѣчать одну благоговѣйную, безотвѣтную покорность. Эта женщина — очевидно — жила, окруженная не поклонниками — а рабами; она, очевидно, даже забыла то время, когда какое-либо ея повелѣніе или желаніе—не было тотчасъ исполнено! Я громко назвалъ ее по имени и по отчеству; она чуть-чуть дрогнула, вторично посмотрѣла на меня — не съ испугомъ—а съ презрительнымъ гнѣвомъ: кто-молъ смѣетъ меня безпокоить?— и, едва раскрывъ губы, произнесла повелительное слово. Сидѣвшій рядомъ съ ней мужчина встрепенулся, съ размаха ударилъ вожжей по лошади—та двинулась впередъ шибкой и крупной рысью—и телѣга скрылась.

Съ тѣхъ поръ я не встрѣчалъ болѣе Евлампіи. Какимъ образомъ дочь Мартына Петровича попала въ хлыстовскія богородицы — я и представить себѣ не могу; но кто

знаетъ, быть-можетъ, она основала толкъ, который назовется—или уже теперь называется, по ея имени—Евлампіевщиной? Все бываетъ, все случается.

И вотъ, что̀ я имѣлъ сказать вамъ о моемъ степномъ королѣ Лирѣ, о семействѣ его и поступкахъ его".

Разсказчикъ умолкъ—а мы потолковали немного, да и разошлись во-свояси.

Веймаръ, 1870.

СОДЕРЖАНІЕ

СЕДЬМОГО ТОМА:

	стр.
Первая любовь. Разсказъ	3
Призраки. Фантазія	73
Довольно. Отрывокъ изъ записокъ умершаго художника	106
Собака. Разсказъ	119
Исторія лейтенанта Ергунова. Разсказъ	136
Бригадиръ. Повѣсть	173
Несчастная. Разсказъ	198
Странная исторія. Разсказъ	287
Степной король Лиръ. Повѣсть	312

ИЗД. А. Ф. МАРКСА

Спб.